

В.Ф. Пустарнаков

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ
В РОССИИ

Brigance

**Институт философии
Российской Академии наук**

В. Ф. Пустарнаков

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
В РОССИИ**

**Идеи. Персоналии.
Основные центры**

Издательство
Русского Христианского гуманитарного института
2003

ББК Ч 484(2)701.9
УДК 10(09)1
П 89

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 01-03-16001*

Научный редактор
И. Ф. Худушина

Пустарнаков В. Ф.

П 89 Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2003. — 919 с.

Книга В. Ф. Пустарнакова представляет первое обобщающее философско-культурологическое исследование по истории университетской философии в России с момента ее возникновения (первая четверть XVIII в.) до 1917 г. Университетская философия рассматривается как целостный и специфический феномен отечественной философской культуры, своей исследовательской проблематикой, методологией и характером влияния в обществе отличающийся от духовно-академической и «вольной» философии. Впервые в научный оборот вводятся данные, касающиеся преподавания философии во всех российских университетах.

Вторую часть книги составляет специализированный словарь-справочник, охватывающий все персоналии, включая иностранцев, российской философской профессуры.

ISBN 5-88812-184-3

© В. Ф. Пустарнаков, 2003
© В. А. Жучков, предисловие, 2003
© РХГИ, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наследии Владимира Федоровича Пустарнакова (1934–2001) публикуемая монография оказалась не просто последней, но именно итоговой, точнее завершающей серию обобщающих работ, которые он, по счастью, успел закончить совсем незадолго до своей безвременной кончины. Последние годы его жизни были необычайно насыщенными в творческом отношении: в течение каких-то пяти лет он выступил и как основной автор, и как ответственный редактор и научный руководитель больших авторских коллективов таких фундаментальных исследований по истории русской философии как «Либерализм в России» (1996), «Философия Шеллинга в России» (1998), «Философия Фихте в России» (2000), «Христиан Вольф и философия в России» (2001). За несколько дней до кончины он представил на Ученый совет ИФ РАН рукопись монографии «Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа» (опубликована уже посмертно в 2002 г.); о том же, что его заявка на издание рукописи данной книги получила поддержку в РГНФ, узнать он так и не успел...

Невероятная интенсивность и продуктивность, с какой Владимир Федорович работал над подготовкой этих трудов, невольно создает впечатление, что он очень торопился, как будто опасаясь оставить незаконченным свой масштабный замысел, осуществлению которого был посвящен последний период его творческой жизни. Так ли это было на самом деле — вряд ли стоит гадать, тем более, что Владимир Федорович всегда отличался феноменальным трудолюбием и работоспособностью: очевидцы его каждодневных и многочасовых «библиотечных сидений» в профессорском зале, в Музее книги и архивах Ленинки по сей день рассказывают об этом с восхищением и даже с некоторой завистью.

Здесь не место вдаваться в подробное изложение творческой биографии Владимира Федоровича: его многочисленные исследования, монографии и статьи по истории русской философии хорошо известны любому специалисту в этой области. Нужно, однако, отметить, что все перечисленные выше труды, как и публикуемая монография Владимира Федоровича, не только достаточно полно охватывают и точно отображают общий круг тем и проблем по истории русской философской

мысли, на разработку которых была направлена вся его научная деятельность, но и являются ее весьма полновесным и достойным итогом, значение которого для развития отечественной историко-философской науки нам еще предстоит осмыслить и оценить.

Свою исходную позицию по отношению к истории русской философии сам Владимир Федорович определял как «умеренно западническую» или как «широкий культурологический подход», считая, что именно такие установки являются наиболее оптимальными как с точки зрения фактологической полноты → историографической точности изложения действительного хода исторического развития философской мысли в России, так и с точки зрения адекватности ее понимания, теоретической обоснованности и всесторонности трактовки, не впадающих в крайности и преувеличения славянофильского или европоцентристского толка. Доминирующая идея этой позиции Владимира Федоровича заключалась в том, что рассматривая историю философской мысли в России как органическую часть общего, единого и закономерного процесса развития мировой философии, он решительно подчеркивал необходимость максимально корректного и внимательного отношения к ее своеобразию, объективного учета и непредвзятого уяснения специфических черт и неповторимых особенностей ее исторического существования, темпов и интенсивности становления и развития и т. п.

Надо сказать, что «умеренность» и «широта» позиции Владимира Федоровича была далека от рыхлости или мягкотелости, готовности идти на компромиссы или отступать от своих исходных установок и основных принципов, напротив, свои взгляды и убеждения он отстаивал весьма решительно и безбоязненно, причем даже в те годы, когда это было и не совсем безопасно. Так, в конце 60-х — начале 70-х гг. ему пришлось пережить немало острых ситуаций и горьких моментов в связи с его критикой и неприятием официозной концепции «классической отечественной философии» как «высшего достижения» домарксистской философии вообще. В 90-е же годы ему уже нередко и крепко доставалось за острые и нелицеприятные выступления против новомодных попыток реанимации религиозно-мистической традиции в истории русской философии, с ее славянофильствующим квазипатриотизмом, изоляционизмом, проповедью мнимого превосходства «православно-русской ментальности» над западноевропейским «духом рациональности» и т. п.

Тем не менее, все те, кто близко знал или был знаком с Владимиром Федоровичем, его коллеги и сослуживцы, причем отнюдь не только друзья и соратники, но зачастую и идейные оппоненты и противники, с редким единодушием отмечают его удивительную доброжелательность, принципиальную неспособность и нежелание переносить свои научные

или теоретические разногласия на личные отношения с людьми, включая и тех, с кем он вел открытую и достаточно жесткую полемику на страницах печати или в публичных выступлениях. Еще поразительнее было то, что эти душевные, чисто человеческие качества Владимира Федоровича не только избавляли его от неприязненных, а тем более враждебных отношений с коллегами и сотрудниками, но и исключительно счастливым образом обнаруживались в его таланте научного организатора и руководителя. Будучи предельно скромным человеком и совершенно академического склада ученым, привыкшего к тиши кабинетной работы, Владимир Федорович в конце своей жизни оказался не только идейным вдохновителем целой серии указанных выше коллективных исследований, но и стал, неожиданно, пожалуй, для самого себя, подлинным организатором и руководителем большой группы авторского коллектива.

Разумеется, группа эта была весьма неоднородна по своему составу, ее участники придерживались довольно различных взглядов, далеко не всегда близких Владимиру Федоровичу, и тем не менее, именно он оказался настоящим, отнюдь не номинальным, (поскольку на титулах не всех из названных трудов он указан в качестве ответственного редактора), но реальным и весьма эффективным научным руководителем для коллектива в целом и каждого автора в отдельности. Таковым он стал прежде всего в силу своей удивительной благожелательности, деликатности и терпимости, способности на деле признавать и уважать право каждого на самостоятельную позицию, а главное, своей какой-то внутренне искренней и убедительной честности ученого, побуждавшей тянуться к нему авторов порой даже весьма несхожих с ним убеждений. Все они не просто соглашались с ним сотрудничать, но и заражались его исследовательским азартом, стремлением к открытому и свободному обсуждению спорных вопросов, а главное, возможностью заявить свою точку зрения, отчетливо и безбоязненно ее сформулировать и представить в тексте и т. д. И когда авторам это удавалось, Владимир Федорович радовался как ребенок и любил приговаривать: «Как я вас подзавел!», довольно потирая при этом руками.

И если уж говорить о достоинствах этих изданных под руководством Владимира Федоровича трудов, то нельзя не отметить такое их качество как многоплановость или разносторонность, причем не только в смысле полноты освещения или широты охвата реальных фактов и событий в истории философской мысли в России, но и в смысле полноты и разносторонности их идейных трактовок и оценок, многообразия представленных по этому поводу авторских точек зрения. В том-то, наверное, и заключается, главная и безусловная заслуга Владимира Федоровича, что в названных трудах отсутствует какая-либо идейно-

теоретическая предвзятость, односторонность субъективных оценок или трактовок довольно сложных, неоднозначных, нередко по сей день весьма спорных процессов и тенденций в развитии русской философской мысли. Можно даже сказать, что в каком-то смысле сами эти противоречивые оценки или спорные трактовки, идеологически пристрастные позиции или субъективные точки зрения, он стремился сделать предметом беспристрастного и объективного анализа. Такая установка была *conditio sine qua non* всей научной деятельности Владимира Федоровича, именно она позволяла ему сплачивать вокруг себя работоспособный и даже дружный коллектив из весьма разномыслящих авторов, гармонично объединяя их несхожие подходы и позиции в совместном стремлении и усилении сделать общее дело, создать полноценное научное исследование, многоголосное и, вместе с тем, действительно монографическое.

Все эти качества Владимира Федоровича как человека и как ученого в полной мере проявились в его последней работе. Она поражает огромным, фантастическим по охвату фактическим материалом, буквально по крохам им добытым и собранным, зачастую впервые найденным в архивах и совершенно неизвестным даже специалистам по истории русской философии. В своем исследовании автор рассматривает как «внутреннюю», историю университетской философии в России, касающуюся ее собственно проблемно-теоретического содержания, состава и характера читавшихся курсов по философским дисциплинам и т. п., так и ее «внешнюю» историю, в которой прослеживается процесс формирования и развития системы университетского философского образования в России, начиная с XVIII века, т. е. с момента создания первых университетов в Петербурге и Москве, и вплоть до 1917 года. Автор дает четкую периодизацию истории развития университетской философии в России и общую характеристику каждого из них, причем в составе этого процесса он рассматривает не только университеты, но и те высшие учебные заведения, которые по ряду параметров, прежде всего по преподаванию философии, были к ним приравнены (лицеи, высшие женские курсы в разных городах и т. д.).

Поистине уникальной является вторая часть работы Владимира Федоровича, а именно, словарь-справочник представителей школьно-университетской философии и системы университетского образования в России XVIII — начала XX вв. В словарь включены справочные данные о 546 персоналиях, причем не только о штатных профессорах и приват-доцентах по философии, но и о преподавателях других дисциплин (истории, права, естествознания, математики и т. п.), которые в своих научных трудах и учебной деятельности так или иначе поднимали вопросы философских оснований читаемых ими курсов. В этих справках

приводятся краткие биографические и историографические данные о жизни, научной и преподавательской деятельности этих персоналий, дается анализ и общая оценка их философских воззрений, характеризуется их роль в развитии системы философского образования, их место и значение в истории русской философии вообще и т. д.

Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что уже по широте и полноте охвата материала, по богатству и многосторонности выбора персоналий для справочного словаря можно судить о методологической эффективности того подхода, теоретической конструктивности и продуктивности тех принципов, какими Владимир Федорович руководствовался при его составлении. Согласно своей исходной «умеренно западнической» или «широкой культурологической» исследовательской установке Владимир Федорович не признавал никаких иных принципов кроме принципа абсолютной точности и предельной объективности, максимальной беспристрастности и непредвзятости. Преимущество этой позиции и заключалось прежде всего в том, что она позволяла Владимиру Федоровичу избегать и избавляться от не всегда заметных, а потому и особенно опасных в своей односторонности ориентиров и стереотипов, субъективных или традиционно принятых ценностных предпочтений, устоявшихся внешних авторитетов, предзаданных идеологических критериев и норм и т. д., что так или иначе характерно (хотя и в разных степенях и смыслах) как для «неумеренных» западников, так и для их противников славянофильского толка. Мы уже не говорим о «теории классической отечественной философии», которая хотя и канула в лету, но оказалась весьма стойкой в созданных ею предрассудках и догмах относительно истории философской мысли в России и оценок ее основных персонажей.

Именно эти особенности используемого Владимиром Федоровичем подхода позволили ему в своем исследовании радикально расширить, а в ряде случаев и качественно обновить источниковедческую базу отечественной историографии университетской философии в России, дать наиболее полную и адекватную картину ее проблемно-теоретического состава, особенностей ее исторического развития и т. д. Опираясь на беспрецедентный по охвату фактический и историографический материал, Владимир Федорович приходит к весьма обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что начиная уже с XVIII века университетская философия в России имела плюралистический, синкретический, разноосновный характер. Более того, указанные черты университетской философии Владимир Федорович считает важнейшими и для понимания основных особенностей русской философской мысли в целом и общего хода ее развития, справедливо указывая на явную односторонность и предвзятость ее трактовки как преимущественно, если не исключитель-

но антропоцентристкой, ориентированной прежде всего на морально-религиозную проблематику и пренебрегающей вопросами онтологии, теории познания, логики и т. п.

При этом Владимир Федорович вовсе не считает, что подобного рода утверждения не имеют под собой каких-либо объективных, фактических оснований, он выступает против их односторонних, а потому неправомερных и ошибочных трактовок, к которым приходят как сторонники славянофильской традиции в понимании специфики русской философии, так и крайние западники. Различие же между ними состоит всего лишь в том, что первые усматривают в указанных особенностях русской философской мысли свидетельство ее исключительных достоинств и особых преимуществ перед западноевропейской традицией, а вторые, напротив, приходят к нигилистическим оценкам всего ее содержания и пессимистическим выводам относительно всей ее истории. Для Владимира Федоровича обе эти точки зрения были неприемлемы не только по причине их теоретической односторонности и идеологической предвзятости, ведущей к искажению реальной картины развития философии в России, но прежде всего в силу их методологической неэффективности, исследовательской непродуктивности и научной бесперспективности.

В этой связи хотелось бы процитировать несколько завершающих фраз из текста заявки, поданной Владимиром Федоровичем в РГНФ на издание своей рукописи об истории университетской философии в России. В них автор с присущей ему скромностью, но, пожалуй, излишне самокритично и как-то не очень «расчетливо» отмечал, что в исследовании университетской философии «остается еще непечатый край работы», что те 546 персоналий, которые он включил в своей словарь-справочник, «вряд ли исчерпывают список университетских ученых, труды которых следовало бы проанализировать...». «У нас, — пишет он в конце, — не до всех дошли руки».

Разумеется, только читатель может судить о справедливости этих заключительных слов автора, о достоинствах или недостатках его работы в целом. Мы же, при подготовке рукописи Владимира Федоровича к печати, хотели не только выполнить свой долг перед памятью об этом прекрасном человеке и выдающемся ученом, но и напомнить всем нам о том «непечатом крае работы», для завершения которой у него «не дошли руки»...

В. А. Жуков,
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Часть I

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН,
ОТРАСЛЬ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И НАПРАВЛЕНИЕ В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ
РОССИИ XVIII—НАЧАЛА XX в.**

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ как специфический феномен и отрасль философской отечественной культуры, как относительно самостоятельное философское направление со своим статусом в обществе, своей исследовательской проблематикой, методологией, способами трансляции — тема практически новая и малоизученная. Но «мало» — не значит «совсем». История преподавания и исследования философии в российских университетах началась с момента организации при Петербургской Академии наук Академического университета. С тех пор накопился немалый эмпирический материал по истории университетской философии в России, но обобщен этот эмпирический материал чрезвычайно слабо. Естественно, что первый шаг в исследовании темы «Университетская философия в России: основные центры, персоналии, идеи, место в культуре» — это оценка того, что уже сделано в этом направлении.

История западноевропейской университетской философии началась в XIII в., когда в тамошних первых крупнейших университетах — Парижском (1215), Кембриджском (1209) и Оксфордском (начало XIII в.) — факультеты искусств стали превращаться в специальные философские факультеты, на которых диалектика заняла первое место среди изучавшихся «свободных искусств». Парижский университет стал наивысшим выражением философской деятельности на Западе, поскольку эта деятельность опиралась на традицию преподавания философии еще в соборной школе в г. Шартр во Франции (конец X — начало XIII в.).

Хотя на протяжении всего Средневековья философия в университетах слыла служанкой богословия, именно в университетском ученом сообществе тогда стали формироваться новые для своего времени философские идеи. Так, в Парижском университете возникла группа «аверроистов», возродивших традиции античного аристотелизма в духе идей арабского мыслителя Ибн-Рушда (по-латински Аверроэса). Получивший широкое распространение в Западной Европе аверроизм был в 1270 г. предан анафеме парижским епископом, а в 1277 г. осужден советом теологов по приказу папы Иоанна XXI.

Постепенно, однако, университеты стали утрачивать свою ведущую роль в философской жизни стран Западной Европы. С XV—XVI вв. продолжавшая господствовать в университетах философская схоластика все более вступала в противоречия с философскими веяниями Нового времени. Засилье схоластической философии побудило Р. Декарта покинуть Францию и уехать в Голландию, но и тамошние университеты его тоже не удовлетворили. Лейпцигский университет преследовал С. Пуфендорфа, представлявшего весьма умеренное направление теории естественного права. В том же университете очень неуютно чувствовал себя философ и юрист Христиан Томазий. Не сложилась университетская карьера выпускника Лейпцигского университета Г.-В. Лейбница. Из Йенского университета был изгнан И.-Г. Фихте. Примеры можно было бы продолжить.

Когда приват-доцент, а затем профессор Кенигсбергского университета И. Кант создавал свою критическую философию, одним из главных объектов его критики стала если не господствовавшая в XVIII в., то очень широко распространенная в западноевропейских университетах философская метафизика профессора университетов в Галле и Марбурге Христиана Вольфа. Тем самым с полной очевидностью выявилась неоднозначная роль университетской философии: в каких-то отношениях университеты становились помехой на пути прогресса философской науки, а где-то они оставались очагами этого прогресса.

Но как бы то ни было, в XIX в. появились мощные критики университетской философии. Людвиг Фейербах иронически утверждал, что специфическая примета философа — это не быть профессором философии. В своей статье-памфлете «Об университетской философии» А. Шопенгауэр особенно яростно напал на университетскую философскую профессуру, в первую очередь на Гегеля. В работе «О воле в природе» Шопенгауэр усилил свою борьбу с «профессорами» философии, «господами философского ремесла», предъявив университетской философии обновленный обвинительный акт.

«Кто не видит, — восклицал бывший приват-доцент университета, — что университетская философия сделалась антагонистом философии истинной и добросовестной и что на обязанности первой лежит противодействие успехам последней? Ибо философия, заслуживающая своего имени, это — чистое служение истине, это — высшее стремление человечества, и как такое оно непригодно для ремесла. Менее всего может философия найти себе убежище в университетах, где первую роль играет теологический факультет и где, следовательно, еще до прихода ее все дела решены раз навсегда. Иначе обстояло дело со схоластикой, от которой университетская философия ведет свое происхождение. Схо-

ластика была заведомо *ancilla theologiae*, и слово здесь не расходилось с делом. Современная же университетская философия отпирается от этого служебного звания и приписывает себе независимость испытующей мысли; но в действительности она не что иное как замаскированная *ancilla* и, подобно схоластике, предназначена служить теологии. А вследствие этого серьезная и искренняя философия имеет в философии университетской на словах помощницу, а на деле — соперницу. Вот почему я давно уже и сказал, что ничего не могло бы быть полезнее для философии, как если бы она перестала быть университетской наукой; и если я там допускал, что наряду с логикой, которая безусловно подлежит ведению университета, мог бы преподаваться разве еще только краткий, совершенно сжатый курс истории философии, то и от этой поспешной уступки я отказался после открытия, которое в “Геттингенских Ученых Известиях” от 1 янв. 1853, стр. 8, сделал наш *Ordinarius loci* (некий толстотомный историограф философии): “Нельзя было не признать, что учение Канта представляет собою обыкновенный теизм и дает очень мало или совсем ничего не дает для изменения распространенных мнений о Боге и Его отношении к миру”. Если дела обстоят таким образом, то, по моему мнению, университеты и для истории философии уже место неподходящее. Предвзятая цель господствует в них неограниченно. Конечно, я давно уже догадывался, что история философии будет преподаваться в университетах в том же духе и с тем же *grano salis*, как и самая философия: нужен был лишь известный толчок, чтобы моя догадка стала для меня вполне достоверной. При этом, однако, я вовсе не намерен лишать профессоров философии их плодотворной деятельности в университетах. Напротив: я желал бы видеть их произведенными в высшие чины по табели о рангах и переведенными на высший факультет, в качестве профессоров теологии. Ведь по существу они давно уже таковые и достаточно времени прослужили там в качестве добровольцев» [558, т. 3, с. 14—15]*.

Гегель вновь оказался объектом издевательств Шопенгауэра: «...с помощью профессоров философии наглый и бессмысленный бумагомарака, Гегель, осмеливался нести на рынок самые чудовищные измышления...» [там же, с. 11]. А вот Канта Шопенгауэр по-прежнему превозносил. «Забыв» о том, что Кант был сначала приват-доцентом, а затем профессором университета Шопенгауэр обратился к нему: «К юношам же я обращаю свой честный и благожелательный совет не те-

* Цифры в квадратных скобках означают порядковый номер издания по списку литературы.

рять времени на философию кафедр, а вместо нее заняться изучением произведений Канта, а также моих» [там же, с. 15].

На критику Шопенгауэром университетской философии откликнулся Е. Дюринг. В работе «Ценность жизни» он подвел итог: «Вслед за оформленными собственно идеологическими нападками Шопенгауэра на университетскую философию последовала моя совершенно реальная характеристика университетского преподавания вообще и философистики в частности. Чтобы покончить с тем, что выдается за философию, оказались недостаточными идеологические нападки Шопенгауэра, как изложены они в его относящемся к "Parerga" сочинении об университетской философии. Кроме того, точка зрения Шопенгауэра как метафизика, не вполне еще освободившегося от влияния профессора философии Канта, не годна для того, чтобы покончить с университетскими изготовителями вульгарной философии и представить их в настоящем свете» [127, с. 41–42].

В основание подобного отношения Дюринга к университетской философии легли не только его полуматериалистические-полупозитивистские взгляды, но и своеобразный антисциентизм. Дюринг не скрывал, что он думает о философах и ученых своего времени так же и даже хуже, чем Руссо о своих современниках [см.: там же, с. 290]. Если Шопенгауэр делал исключение для Канта, то Дюринг и Канта подверстал под обычного представителя ненавистной ему университетской философии. О философии Канта Дюринг выражался словами: «Сухая, скудная и бессодержательная философия кенигсбергского профессора...» [там же, с. 128].

Взгляды Шопенгауэра и Дюринга на университетскую философию симптоматичны: определенные негативные ее черты они выявляют, но в целом это были взгляды необъективные, антиисторические.

На протяжении истории университетская философия не раз становилась помехой на пути распространения новаторских философских идей, будь то идеи Спинозы или Лейбница, но тем не менее университеты неизменно сохраняли свою роль философских центров: самые выдающиеся философы конца XVIII — начала XIX в. — Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель — были профессорами, и только «дикой ревностью» к гигантам можно объяснить утверждение Дюринга о том, что философия Канта была бессодержательна, и утверждение Шопенгауэра о том, что Гегель проповедовал только «чудовищные измышления». В то же время в XIX в. понятие «университетская философия» получило вполне рациональный смысл как историко-философское понятие особенно во Франции. В книге члена Института Франции Поля Жане «Совре-

менная французская философия» (1879) есть специальный раздел «Университетская философия».

В России история отечественных университетов гораздо короче западноевропейской. Соответственно моложе и их философская историография.

Предыстория историографии философской мысли и преподавания философии в российских университетах начинается с выхода в свет в 1819–1823 гг. четырех довольно объемистых томиков речей профессоров Московского университета за период с его открытия в 1755 г. и до начала 20-х гг. XIX в. Речам профессоров были предпосланы их краткие биографические очерки [400].

В издании 1819–1823 гг. есть немало сведений, относящихся к истории университетской философии в России. Так, в биографии «профессора красноречия и магистра философии» Н. Поповского мы встречаемся с интереснейшим сообщением о том, что в «Санкт-Петербургском вестнике» за 1779 г. Поповский именовался «пиит, философ Русский» [см.: там же, ч. 1, с. 8]. Перед нами один из первых признаков формирования понятий «русский философ», «русская философия», проходившего в рамках становящейся тогда университетской философии. Из «Речей...» читатель мог узнать, что профессор Аничков читал математику (именно математику!) по руководству Вольфа и Вейдлера и что первое издание его диссертации было «истреблено». Сообщалось, что профессор Синьковский перевел «Нравоучительную философию» Баумейстера.

Но наиболее солидный фактический материал для истории философской мысли в Московском университете первых десятилетий его существования давали опубликованные в этом издании речи Поповского, Барсова, Аничкова, Брянцева, других профессоров, читавших философские курсы либо затрагивавших философскую проблематику в рамках нефилософских дисциплин.

В 1830 г. появляется другая книга, которую правомерно отнести к первым работам по истории Московского университета. Тогдашний адъюнкт (впоследствии профессор Московского университета, а также профессор и ректор Киевского университета св. Владимира) М. А. Максимович произнес 12 января этого года речь «Об участии Московского университета в просвещении России» (М., 1830), в которой несколько фрагментов посвящено деятельности профессоров-философов первого полувека существования университета.

Было это уже в иное, николаевское царствование, во время которого император лично возглавлял (еще до эпохи С. С. Уварова!), как бы сейчас мы сказали, «воспитательную работу» в духе патриотизма и,

в частности, требовал, по словам Максимовича, чтобы «отечественное юношество получало воспитание *русское*, чтобы в Русских Университетах были профессора из природных Русских» (так тогда писали и говорили. — В. П.) [262, с. 18]. Естественно, что адъюнкт Максимович ратовал в своей речи за «самобытное русское просвещение», которое бы отличалось «от просвещения Германского, Французского, Английского» [там же]. «Патриотический дух» Максимовича сказался и на характере изложения им истории Московского университета. Так, с Максимовича началась литературная практика выдвижения на передний план Поповского («ученика Ломоносова, учителя Фон Визина»), который-де «был первым Профессором Красноречия и Философии в МУ» (хотя тот вообще не был профессором философии). Оратор подчеркивал, что Поповский «первый заговорил по-русски и здраво о Философии, которая у нас дотоле состояла в Латинских схоластических диспутах» [там же, с. 10].

Напомнил Максимович и о некоторых других фактах из истории университетской философии — о том, что «Аничков был профессором Логике и Метафизики», что «после него читали Философию Синьковский и Брянцев», причем о Брянцеве сказано, что он «первый излагал по-русски учение Кантово» [там же, с. 11–12].

Примечательно, однако, что при всех своих патриотических установках Максимович не забыл об иностранцах в Московском университете, высказавшись о них с почтением. «С воспоминанием о сих достойных соотечественниках наших, — заключил он рассказ о русских профессорах, — должно почтить память Дилтея, Фроманна, Рейхеля, Шадена, Баузе, Маттея, Буле, Мельмана, Гейма — знаменитых иностранцев, бывших профессорами в нашем университете.

Сии-то мужи наиболее отличились в сословии Московского Университета в течение полувека, который мы теперь обозреваем» [там же, с. 12].

В том же 1830 г. профессор Московского университета И. М. Снегирев произнес на латинском языке речь «*De Origine, Statu et incrementis Caes. Universitatus Mosquensis*», которую в сокращенном переводе опубликовали, но только в 1834 г. «Ученые записки Московского университета».

Речь Снегирева была выдержана также в духе николаевского патриотизма. Вот как профессор поведал об особом месте философии в системе тогдашнего преподавания в университете: «Сначала в Московском Университете прочим наукам предшествовало изучение *Философии* как матери всех свободных наук, которую в Университетском здании первый начал преподавать на Русском языке Профессор Философии,

Красноречия и Ректор Гимназии Поповский, читавший в 1755 г. первую вступительную лекцию *о содержании, важности и круге Философии*. Итак, преподавание Философии на Русском языке началось в тот же самый год, когда Ломоносов издал первую *Русскую Грамматику и Риторику* [453, с. 337].

«Забыв», что свою речь Поповский говорил не в рамках курса преподавания философии, а на торжественном акте открытия университета как профессор красноречия, Снегирев был вынужден после своих слов о «русском» якобы начале преподавания философии в университете констатировать: «Но с 1756 г. кафедра Философии была поручена Профессору Фроманну, который читал оную на Латинском языке...» [там же]. Профессор напомнил, что Фроманн преподавал логику, метафизику и историю философии, а Дильтей читал естественное и народное право.

Наступил 1855 год — исполнилось 100 лет со дня открытия Московского университета, и этот юбилей был отмечен выходом в свет выдающихся изданий: под редакцией С. П. Шевырева был опубликован «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета» [см.: 36], а сам Шевырев издал книгу по истории Московского университета. Биографии — почти все весьма подробные (более двухсот пятидесяти университетских профессоров и преподавателей) — и по сей день представляют ценный материал также и по истории философской мысли в Московском университете.

В отличие от издания 1819–1823 гг., «Биографический словарь» 1855 г., несмотря на наличие в мировоззрении его редактора мощного пласта антизападнических идей православнофильского толка, которые были «круче» (в смысле правее) идей официального патриотизма николаевской эпохи, включал в себя информацию не только о русских, но и об иностранцах, и с этой точки зрения является солидным источником сведений об университетской философии. Правда, в трактовке идейных связей русских профессоров с зарубежной философией акценты были расставлены у разных авторов по-разному.

Неизвестный автор или группа авторов поименовали Аничкова — «достойный последователь Вольфа» [там же, ч. 1, с. 7]. А преподававший в университете в период после ликвидации в 1850 г. кафедр философии и ограничения преподавания философии логикой и психологией богослов П. М. Терновский счел нужным написать о Брянцеве, что тот не удовлетворялся господствовавшей в школах вольфовской философией, но и не увлекался безотчетным пристрастием к новым системам [см.: там же, с. 111]. Очень бегло Терновский написал о Фроманне, а именно, что свои обязанности он исполнял добросовестно и по возвра-

щении на родину издал благосклонное в отношении к России сочинение.

Более подробно описан в «Словаре» анонимным автором «казус» с Мельманном — о том, что этот немецкий профессор первым принес в Москву сведения о философии Канта, и о том, что он «неосторожно» выражался по предмету религии, за что и был «отрешен от должности».

Н. С. Тихонравов весьма подробно рассказал о деятельности Буле, сообщив, в частности, что немецкий профессор в своих лекциях в Москве разбирал системы Канта, Фихте и Шеллинга.

Некоторые интересные сведения о деятельности московских профессоров философии содержатся в упомянутой монографии Шевырева. В частности, Шевырев конкретизировал историю с диссертацией Аничкова, сообщив, что против диссертанта выступали Дильтей, Керштенс, Рост, Барсов, Рейхель и Лангер. Наличие в этом списке Барсова свидетельствует о том, что диссертацию «рубили» не только немецкие профессора...

По мере того как наступали юбилейные даты в истории других российских университетов, стали выходить труды, аналогичные труду по истории Московского университета, и тем самым обогащалась историография университетской философии в России.

С середины XIX в. «университетский вопрос» в России оказался предметом острых публичных дискуссий, в том числе обсуждалась роль университетов в развитии мировоззрения общества и философских знаний.

Из народнических публицистов самый профессионально подготовленный в сфере философии В. В. Лесевич писал, что университеты уже в XIII столетии представляли собой новую силу, которой установленное мировоззрение пренебрегать не могло, что Парижский университет был великой школой всего европейского Запада; публицист напоминал и о времени, «когда во всех немецких университетах самые многочисленные слушатели толпились около кафедр Шеллинга, Гегеля, их учеников и противников» [237, с. 4].

О положительной роли университетов в развитии общественного мировоззрения писал и такой «правый» легальный народник, как И. Каблиц-Юзов.

На отношение ко всей университетской науке лидера левого крыла легальных народников Н. К. Михайловского, несомненно, повлияла западноевропейская критика университетской философии, особенно со стороны Шопенгауэра и Дюринга. «Кафедральные люди, — писал Михайловский, — имеют дело с небольшою сравнительно аудиторией,

ожидающей специальных изучений в строго определенных рамках. До них, в большинстве случаев, едва ли даже доходят интимные запросы людей, алчущих самостоятельного чтения, “самообразования”, как у нас говорят. Да и сами они, держась на высотах академического преподавания, не склонны прислушиваться ко всем разветвлениям сложных требований “читателей”. В силу того же пребывания на академических высотах кафедральные люди боятся очень оригинальных мыслей, смелых гипотез, не завершенных, а еще только развивающихся доктрин, нерешенных теоретических и практических вопросов, боятся иногда даже слишком бойкой или страстной формы изложения. Так не у нас только ведется. С каким-нибудь Дарвином или Марксом, которые, никогда не будучи профессорами, встряхнули всех профессоров, конечно, ничего не поделаешь, но и то французская академия отвергла Дарвина, когда дарвинизм завоевал уже весь мир. Конт, Шопенгауэр, Дюринг имели основания горько жаловаться на официальных представителей науки, для которых они были слишком оригинальны, слишком не укладывались в установившиеся рамки» [282, с. 323].

90-е гг. XIX в. стали десятилетием, в течение которого закончился начальный период становления историографии философии в России и она сложилась как научная дисциплина. Появились специальные работы по истории отечественной философии, в которых затрагивалась и университетская философия. Так, Я. Н. Колубовский к своему переводу сочинения Ибервега и Гейнце «История новой философии в сжатом очерке» (1890) приложил очерк о философии у славян. Параграф 52 книги был посвящен теме «Философия у русских». В этом разделе несколько фрагментов посвящено истории философской мысли в Московском университете.

С открытием Московского университета, писал Я. Колубовский, светская философия начинает прямо с вольфианства, которое постепенно прививается и в духовных училищах; в ходу были учебники Баумейстера, а позже Винклера [см.: 210, с. 531]. Вольфианское направление, по Колубовскому, утвердилось в русской школе прочнее всего. «Из числа вольфианцев» Колубовский назвал в первую очередь Д. С. Аничкова, отметив при этом, что его «Рассуждение из натуральной богословии»... «вызвало бурю среди профессоров и было уничтожено рукой палача». Отнеся Аничкова к вольфианцам, Колубовский, нисколько не смущаясь, писал, причем верно, что на Аничкове «сказывается влияние Локка», что он «становится на сторону “физического влечения”» (Я. Н. Колубовский не упоминает, правда, что «физическое влечение» — это концепция Аристотеля). В вольфианцы записан Колубовским также А. М. Брянцев. К распространителям немецкой философии

в период после реформирования Московского университета в начале XIX в. Колубовский отнес профессора Людвигу Якоба, философская позиция которого квалифицировалась как кантианство.

По паре абзацев описательного характера Колубовский посвятил И. И. Давыдову, М. Г. Павлову и Н. И. Надеждину. По отношению к этим профессорам Колубовский осторожен: Давыдов, по его описанию, «пытался с кафедры познакомить молодежь с Шеллингом», в Павлове «идеи Шеллинга нашли себе проводника», «в литературной критике взгляды Шеллинга проводил Н. И. Надеждин» [210, с. 536]. Но шеллингианцами Колубовский этих философов прямо не называет.

Первая работа русского автора, в которой университетская философия проанализирована специально, принадлежит Н. Н. Страхову. Страхов знает о критике университетской философии в западноевропейской литературе, в частности Шопенгауэром, но занимает иную позицию.

Прежде всего Страхов признает существование университетской философии. В работе «О задачах истории философии» (1893) он пишет: «*Университетская философия* есть термин, довольно употребительный в Германии и Франции. Укажем на Шопенгауэра, который в процветании этой философии недаром видел помеху для своего прославления и потому писал против нее с таким раздражением. Во Франции школа Кузена долго господствовала в университетах, так что там название *университетская философия* имеет даже более определенный смысл, чем где-нибудь. Как бы то ни было, ясно, что существует и множится с каждым годом большая область философской литературы, подходящая под это название» [477, с. 454].

Основную особенность университетской философии Страхов усмотрел в «некоторой неизбежной искусственности ее книг и искусственности самого их успеха»: преподаватели стараются восполнить недостаточность своих сил ученостью, прилежным подбором авторитетных мыслей; они читают обыкновенно полные курсы наук, и потому им нужно бывает охватить свой предмет во всем его объеме; профессор имеет пред собой множество слушателей, так что имя его становится очень известным; профессора выпускают свой учебный курс или руководство, и книга идет между слушателями. Страхов высказал даже предположение: «Может быть, и “Критику чистого разума” не скоро стали бы читать и изучать, если бы Кант был простым бургером в Кенигсберге, а не профессором университета» [там же, с. 455].

Университетская философия, продолжает Страхов, может стать большой помехой истинному движению философской мысли: например, философия уединенных философов Лейбница и Спинозы оказывалась в пренебрежении из-за засилия университетской философии.

Правда, при этом следует оговорка: неуниверситетской философии может мешать не только университетская философия, но также религия, науки, искусство, политика, общественное мнение [см.: там же, с. 456–457].

Но есть у университетской философии и большое достоинство: она всегда — хранительница учености и преданий и не дает предмету упасть ниже известного уровня. Профессора не уронили своего дела. «За книгу профессора мы все-таки беремся с меньшим недоверием, чем за какую другую» [там же, с. 455].

В 1894 г. в журнале «Русское богатство» начал публиковать серию статей по истории русской философии М. М. Филиппов. (Через 10 лет эти статьи с добавлением новых вышли отдельной книгой под названием «Судьбы русской философии».)

Одна из главных идей, пронизывающих работу этого автора, — идея об особом и очень значительном влиянии профессоров-философов Московского университета на интеллектуальную историю России начала XIX в. Характерны названия ряда глав труда Филиппова: «Московские университетские влияния. — И. И. Давыдов», «Московские университетские влияния. — Михаил Григорьевич Павлов»; «Московские университетские влияния. — Н. И. Надеждин и его отношение к Белинскому». Филиппов проводит оригинальную мысль о том, что профессора-философы Московского университета подготовили движение западников и славянофилов. При этом он явно противопоставляет «университетские влияния» малозначимым, по его мнению, влияниям кружков начала XIX в., особую роль которых подчеркивали многие мемуаристы и публицисты. «Роль, которую играл Московский университет в истории умственного развития русского общества, — писал Филиппов, — так значительна, история этого университета так тесно связана с историей всего мыслящего общества первой половины нашего века, что по сравнению с историей московских кружков изложение и даже подробный критический анализ нескольких десятков философских книжек, напечатанных с дозволения московской цензуры, теряет всякое значение» [526, с. 110].

Тема особой роли университетских влияний на философскую жизнь страны непосредственно связана у Филиппова еще с одной важной идеей — мыслью о том, что в конце XVIII — начале XIX в. в Московском университете шла борьба немецкого идеализма и английского эмпиризма и сенсуализма.

В эту схему Филиппов включил Аничкова, подчеркнув, что у него «влияние Вольфа соединялось с несомненным влиянием английской эмпирической школы, особенно Локка» [526, с. 108]. Тем самым Фи-

липпов поставил под вопрос «вольфианство» Аничкова в трактовке Колубовского. Оспорил Филиппов у Колубовского и принадлежность к вольфианству Брянцева. Он согласился с мнением первого биографа Брянцева (П. М. Терновского) о том, что тот не удовлетворялся господствовавшей системой Вольфа, но и не увлекался пристрастием к новым системам, что собственной системой Брянцева «была христианская мудрость в смеси с средневековой схоластикой, а любимым изречением — слова Бэкона, что поверхностное знание философии ведет к атеизму, а основательное утверждает в вере» [526, с. 108]. Общий вывод Филиппова: «Философские труды Брянцева ничтожны» [там же].

В духе своей идеи о борьбе в Московском университете между немецким идеализмом и английским эмпиризмом и сенсуализмом Филиппов истолковал рецепцию шеллингианства в России начала XIX в.

В принципе историк высоко оценивает историческую значимость влияния философии Шеллинга в Московском университете и в московском обществе: «Появление шеллингистов в московских аудиториях составляет важное событие в истории московского “мыслящего общества”. Оно произвело совершенный переворот в преподавании не только философии, но и логики, эстетики, истории, физики, даже агрономии, которую преподавал Павлов» [там же]. Но с термином «шеллингианец» Филиппов обращается тем не менее весьма аккуратно, не спеша причислить московских профессоров к чистым шеллингианцам. И. Давыдов, в его глазах, — это «чрезвычайно любопытный пример борьбы локковского эмпиризма с идеализмом Шеллинга» [там же]; Давыдов «не мог сделаться отъявленным приверженцем германских идеалистических систем во вкусе Шеллинга» [там же, с. 113]. «Он далеко не вполне подчинился идеям Шеллинга...» [там же, с. 116].

С небольшими оговорками Филиппов утверждает, что, «читая “Логику” Давыдова, никогда нельзя было бы предположить, что мы имеем дело с шеллингианцем, а не ревностным последователем эмпирической философии. В конце своего исследования... Давыдов рассуждает совершенно в духе Бэкона и Локка» [там же, с. 129]. И на этом основании «Логику» Давыдова историк называет «мнимо-шеллингианской» [там же, с. 131].

Суммарно философскую позицию Давыдова Филиппов характеризует следующим образом: московский профессор «испытал первоначально влияние философии Бэкона, затем перешел к Локку и остановился на полдороге между Локком и Кондильяком. В этом положении и застала его философия Шеллинга, к которой он был отчасти подготовлен лекциями Буле и чтением Бутервека, Кизеветтера и Канта» [там же, с. 117—118].

В тех или иных аспектах трактовки Филипповым философской ситуации в Московском университете второй половины XVIII — первой четверти XIX в. можно оспорить. Но несомненно одно: этот историк подметил очень важную закономерность в истории рецепции немецкой идеалистической философии московскими профессорами философии и учеными нефилософских специальностей: в «чистом» и полном виде ни философия Вольфа, ни философия Шеллинга в Московском университете не была воспринята никем. Преподавание по учебникам вольфианцев Баумейстера и Винклера отнюдь не значило, что сами преподаватели разделяли принципы философии Вольфа и приобщали к ним слушателей. Последняя выступала как дидактическая учебная дисциплина. Тем более это относится к философии Шеллинга, прошедшего в своем философском развитии несколько разных этапов и не систематизировавшего свою философскую концепцию не только применительно к концу XVIII — первой четверти XIX в., но и до конца жизни.

Направление исследования Филипповым истории рецепции немецкой философии учеными Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX в. было, несомненно, перспективным. Но не все историки русской философии в конце XIX в. учли этот опыт.

Русский публицист и критик В. В. Чуйко (1839—1899), слушавший курсы на физико-математическом факультете Петербургского университета, а также во Франции, Германии и Италии, счел нужным написать довольно объемную (2,8 а. л.) статью «Русская философия» в качестве приложения к русскому переводу книги Фридриха Кирхнера «История философии с древнейшего до настоящего времени» (1895). Но то ли этот автор не знал о статьях Филиппова в «Русском богатстве», то ли не захотел ему следовать, во всяком случае, в своей работе он пошел по пути, проторенному Колубовским, а не Филипповым. Модифицируя высказывания Колубовского, Чуйко признавал, что в преподавание Московского университета было введено вольфианство как господствовавшая тогда философская система. И на этом основании «первым вольфианцем в России» был назван Аничков [см.: 552, с. 332]. Давыдов, Павлов и Надеждин, наряду с В. Ф. Одоевским, также были отнесены к шеллингианцам.

Лидер русского неокантианства конца XIX — начала XX в. А. И. Венденский, речь которого была опубликована в 1898 г. в виде брошюры под названием «Судьбы философии в России», также посвятил несколько страниц философской науке в Московском университете, причем петербургский профессор высказал очень категорическое суждение о значении этого учебного заведения в истории философии России. Рационалист-неокантианец естественно противопоставил светскую уни-

верситетскую философию религиозной духовно-академической: «Временем появления философии в России можно считать 1755 г., т. е. год открытия Московского университета» [66, с. 5]. Почему? «Не говоря уже о том, что в существовавших до той поры духовных академиях Москвы и Киева под именем философии преподавалась лишь безжизненная схоластика, не надо забывать, что эти учреждения *не были устроены по типу высших учебных заведений* и оказывали самое ничтожное влияние на развитие нашей образованности, так что они не могли дать России даже и формально-логическую подготовку к философскому мышлению, какую давала схоластика на Западе... Странно было бы говорить о распространении философии в русском обществе до открытия Московского университета» [там же, с. 6].

Сейчас, когда у нас в стране после долгого перерыва возобновились исследования по направлениям «университетская» и «духовно-академическая» философия, это обобщение, несмотря на его излишнюю категоричность, следует учесть, по крайней мере для того, чтобы адекватно представить суммарную картину философской мысли в России, и для того, чтобы оценить историческую значимость Московского университета в развитии отечественной философии.

Впрочем, начальный период истории философской мысли в Московском университете профессор-неокантианец оценил весьма скептически. «В Московском университете, — доказывал Введенский, — вплоть до 1821 г. философия преподавалась по учебникам и в духе вольфианской школы. Но даже в силу преподавания философии на латинском языке»... «по одному этому вольфианская философия не могла успешно распространяться в нашем обществе, хотя и нельзя сказать, чтобы она оставалась в нем совершенно неизвестной: под ее влиянием появлялись кое-какие книги, составленные даже лицами, не принадлежавшими к университету» [66, с. 6]. В качестве примера такого влияния Московского университета профессор привел Я. П. Козельского, посчитав нужным заметить, что книгу «Философические предложения» тот напечатал через 13 лет после основания университета [см.: там же].

Уже выражение «в духе вольфианской школы» говорит о том, что Введенский размышлял примерно в том же направлении, что и Филиппов, а не как Колубовский и Чуйко. По-видимому, аргументы Филиппова повлияли на Введенского и при анализе философской концепции Давыдова. Последнего он охарактеризовал как распространителя немецкой философии, который сначала находился под влиянием английской философии [там же, с. 9], повторив фактически мысль Филиппова о том, что в логике Давыдова «очень мало Шеллинговского (одно лишь предисловие), а господствуют идеи Локка» [там же, с. 26].

Довольно много писал о российской университетской философии Е. А. Бобров, преподававший до 1917 г. философию в Юрьевском (Дерптском), Казанском и Варшавском университетах. Но оценивал он эту философию (особенно на ранних ее этапах) невысоко, соединяя ее с философией, преподававшейся в гимназиях и духовных академиях под общей шапкой «школьная философия»: «Существовала *школьная философия*, которая преподавалась в университетах, гимназиях, духовных академиях и семинариях. Философские направления, находившие себе место в этом русле, были схоластика, вольфианство и различные оттенки универсализма. Эта философия школьная почти не выходила за пределы лекций и экзаменов, не переступала училищного порога; она была, так сказать, искусственным насаждением и служила лишь практическим целям обучения и воспитания. Представители этого течения философии в России зачастую не были даже специалистами представляемой ими науки; они были *гиновниками*, которые нередко преподавали совсем другие предметы и наряду с ними — философию, когда им начальство поручало философскую кафедру. Эта школьная философия была безжизненна и оставалась почти без всякого отклика и влияния на общество» [43, вып. 2, с. 2].

После появления в конце XIX — начале XX в. первых солидных работ по истории философии в России, где нашлось место для рассказа о философской мысли в российских университетах, наступил некоторый перерыв. Лишь в 20-х гг. только что ушедшего века свои обобщающие труды по истории русской философии опубликовали Э. Радлов, Г. Шпет и Б. Яковенко, причем книга последнего вышла уже в период его эмиграции, в Берлине.

Наиболее объективной представляется концепция Э. Л. Радлова, которую он начал выработать со своей первой статьи об исследованиях в сфере философии в России, опубликованной в 1890 г. в немецком философском журнале [631]. В работах Радлова 20-х гг. [397], в отличие от работ Шпета и Яковенко, превалирует описательность; теоретических обобщений, относящихся к историко-философскому процессу в целом, у Радлова немного.

В противоположность другим историкам Радлов не рассматривал университетскую философию в России как отдельное направление; он преимущественно применял проблемный метод изложения материала. О философии в Московском университете у Радлова сказано очень мало; без каких-либо комментариев говорится, например, о влиянии философии Вольфа на Аничкова и Брянцева. Но на одном обобщении Радлова следует остановиться: в отличие от А. Введенского, явно предпочитавшего университетскую философию духовно-академической,

вопрос о том, «кто главнее» в русской философии: университеты или духовные академии, Радлов решил в духе Соломона, не противопоставляя одни другим: университеты и четыре духовных академии, писал он уже не только о XVIII, но и о XIX в., стали центрами просвещения в России, и им, а также Академии наук Россия обязана развитием научного и философского знания.

В воинствующе нигилистическом ключе написал свои «Очерки» по русской философии Б. В. Яковенко [582].

В разделе под категорическим названием «Неоригинальность русской философской мысли» Б. Яковенко утверждал, что русский дух «не дал еще ничего действительно философски оригинального»; «все, что Россия имела и дала философского, все это родилось либо из прямого подражания, либо из бессознательного подчинения себя чужим влияниям, либо из эклектического стремления слепить воедино несколько господствующих чужих течений» [там же, с. 5].

Если писать историю философской мысли в духе гегелеобразной панлогической концепции истории философии, только в логике всемирно-исторического процесса и трактовать философию лишь как строгую науку в духе, например, рационализма Канта, Гегеля, неокантианцев и Гуссерля, которых сам Яковенко, между прочим, «лепил» друг с другом, то с ним нельзя не согласиться: до XX в. Россия действительно не дала ничего философски оригинального. И в таком случае неинтересно изучать, скажем, что писали по философии университетские профессора, особенно в XVIII в. Но тогда нет смысла писать также о философской истории 99,9% народов мира, в том числе и о России.

Существует, однако, другая, культурологическая, модель изучения истории философии, в которой философия рассматривается не только в ее чисто научном статусе, но и как мировоззрение, играющее огромную роль во многих национальных культурах. Под этим углом зрения антиисторическая книга Яковенко не выдерживает никакой критики, равно как вышедшая одновременно книга Г. Г. Шпета.

Шпет успел опубликовать только часть своей работы по истории русской философии, доведя ее хронологически до второй четверти XIX в. В свой анализ автор включил немало представителей университетской философии: И. И. Давыдов (Москва), И. Шад (Харьков), А. С. Лубкин и арх. Гавриил Воскресенский (Казань), А. И. Галич, П. Д. Лодий, А. А. Фишер (Петербург), О. М. Новицкий (Киев) и др. На примере анализа Шпета философской жизни в Московском университете особенно хорошо видно, как этот историк относился к университетской философии.

В отличие от своих предшественников Шпет весьма нигилистически оценил роль Московского университета в развитии философии в России. «Только учреждение Московского университета, — писал он, — ввело философию в постоянный состав высшего образования. Однако и здесь ее влияние на общественное сознание оказывалось ничтожным, потому что проходившие через университет единицы в подавляющем большинстве смотрели на прохождение ими курса как на тяжкую повинность, затем лишь открывающую доступ к приятным и прибыльным государственным и военным должностям. Университет был открыт не для науки. Не без гордости панегирический историк Московского университета (речь идет о С. П. Шевыреве. — В. П.) подводил итог столетнему его существованию: “Он обречен был с самого начала на обучение молодых людей и на приготовление их к службе государственной по всем ее отраслям. Вся история его есть история постоянного, полезного и верного служения этой государственной цели”» [559, с. 22].

Шпет считал Вольфа одним из величайших немецких философов, поэтому в его устах определение «вольфианец» не должно было носить негативного оттенка. К вольфианцам Шпет относил и Фроманна, и Шадена, и Аничкова, и Сырейщикова, и Синьковского, и Брянцева. Но Шпет упрекал московских профессоров за то, что они руководствовались не самим Вольфом, а его последователями — Баумейстером, Винклером и др., и тогда выражения Шпета «вольфианство с Баумейстером в качестве глашатая» или «томить философию, совокупляя Вольфа с бесцветным кантианством...» выставляли этих профессоров в негативном свете.

Обзор преподавания философии в Московском университете завершается у Шпета весьма нигилистическим выводом: «В целом, таким образом, и университетские профессора в XVIII веке лишь “забавлялись около философии”. Философия не нашла для себя даровитого представителя. Опека начальства не могла поощрить к свободному творчеству» [559, с. 57]. «Восемнадцатый век не оставил новому ни философского наследства, ни даже философского завета» [там же, с. 83].

С высказываниями Шпета о Московском университете в XVIII в. как об учреждении государственном, а не автономном, научно-образовательном, нельзя не согласиться, но в других отношениях ему можно и возразить. Для такой элитарной науки как философия вообще никогда не было важно, чтобы она влияла на общественное сознание масс. Для истории университетской философии как науки, о которой сожалел Шпет, не существенно и то, сколько студентов и как они слушали философский курс. Фактом, однако, является, что уже в Академическом университете в Петербурге в 20-х — начале 60-х гг. XVIII в. были

преподаватели философии, которые оставили после себя, пусть немногочисленные, философские сочинения, которые типологически отличались, с одной стороны, от сочинений профессоров философии духовных училищ, а с другой — от трудов «вольных» философов. Иными словами, они оставили сочинения, которые дают основание говорить о начальном этапе, о становлении университетской философии в России как об относительно самостоятельном направлении философии еще со второй четверти XVIII в. Так что известное философское наследство русская университетская философия XVIII в. все же оставила XIX в. Отнюдь не забывая о вторичности, малой оригинальности философского творчества московских профессоров этого века, нельзя тем не менее согласиться со Шпетом, что эти профессора только забавлялись вокруг философии. Острая схватка вокруг диссертации Аничкова, «отрешение от должности» Мельманна (объявление его фактически сумасшедшим) отнюдь не единственные факты, свидетельствующие о том, что некоторые «забавы» вокруг философии в XVIII в. оставили глубокие следы в интеллектуальной истории России.

Что касается собственно логики развития университетской философии, особенно во второй половине XVIII в., то Шпет, при всем своем нигилизме, а может быть именно в силу этого нигилизма, подметил одно важное обстоятельство — выступления некоторых университетских преподавателей против профессоров философии как таковой, их «софофобию», как выразился Шпет: «Опека начальства не могла поощрить к свободному творчеству. Но и ближайшая среда, сотоварищи профессоров философии не поощряли к тому, пребывая в состоянии софофобии (т. е. ненависти к мудрости, к философии. — В. П.), как то видно из громов медицинских профессоров Зыбелина и Скиадана... У одного из этих грома направлены против "злоупотреблений ума нынешних мнимых философов", а у другого, убежденного, что на любви к Богу основываются все человеческие и гражданские обязанности, против философии Канта, которую он оценивал с своей фармацевтической точки зрения, как подогретые щи...» [там же, с. 58].

Борьба за сохранение и повышение социального статуса философии, с одной стороны, и антифилософские кампании, «софофобия», с другой — действительно являются закономерностями в становлении и развитии университетской философии в России XVIII в., как, впрочем, закономерностями всего отечественного философского процесса.

Нигилистичен и очень неточен Шпет также в своем рассказе о профессорах Московского университета начала XIX в. Буле, по утверждению Шпета, «был кантианцем — того первого примитивного склада, который больше полагался на букву, чем на дух Кантова учения» [там

же, с. 89]. Правда, кое-что позитивное Шпет у Буле видит: «...Буле был в курсе современных ему течений философии и знакомил своих слушателей с учениями Канта, Фихте и Шеллинга, по-видимому (?!), не только в порядке историческом, но и систематически-критическом» [559, с. 89]. Но общий вывод Шпета нарисован в пессимистическом духе, да к тому же в гипотетической форме: «Вероятно (?!), не от самого Буле зависело, что преподавание его не оставило заметного следа, если не считать таковым проходившего философию под его руководством И. И. Давыдова. Причиной тому был, по всей вероятности (?!), невысокий уровень слушателей, а может быть (!?), и то, что чтения Буле велись на латинском языке, к которому студенты того времени были в общем недостаточно подготовлены» [там же, с. 89–90].

О другом московском профессоре, Рейнгарде, о котором достаточно внятно сказано еще в «Биографическом словаре» 1855 г. С. П. Шевырева, Шпет почему-то говорит как о «неком Рейнгарде», причем опять гипотетически, утверждая, что тот, «видимо», был плохим партнером Буле.

Лишь за И. Давыдовым Шпет признает «известное влияние на философские вкусы и образование московской публики двадцатых и тридцатых годов, хотя и это влияние исходило не из его университетского преподавания философии, а от его курсов словесности...» [там же, с. 90]. Что обращает на себя внимание в достаточно подробном анализе Шпетом философской деятельности Давыдова? Иное сравнительно с предшественниками видение роли немецкой философии в мировоззрении московского профессора.

Шпет категорически против вывода М. М. Филиппова, поддержанного фактически П. Н. Милюковым и П. Н. Сакулиным, об эмпирической составляющей философских воззрений Давыдова, о борьбе в них локковского эмпиризма с идеализмом Шеллинга. «Некомпетентность историко-философских суждений Филиппова такова, что они едва ли заслуживают упоминания» [там же, с. 91], — категорически заявляет Шпет, но тут же приводит высказывание Давыдова о том, что тот «опытные начала» Локка и Дежерандо старался соединить с «благоразумным идеализмом Буле» и Кизеветтера, и сам делает вывод, что Давыдов соединял «в одно» Локка, Канта и «лейбницеанца» Шеллинга.

Шпет точнее Филиппова определяет разноосновный, эклектический характер философских взглядов Давыдова, но отнюдь не опровергает тезиса о том, что московский профессор действительно стремился соединить эмпиризм с идеализмом, на чем, собственно, настаивал Филиппов. Сам Шпет признал, что Давыдов несмотря на то, что заявлял о предпочтении им Шеллинга, «стойким, как скала, шеллингистом» не

был: «В целом, — включает свой анализ Шпет, — позиция Давыдова — позиция психологирующего кантианца с супранатуралистическим уклоном (эшенмайеровского склонения) и с шеллингианством на закраску» [559, с. 102]. Этот вывод противоречит и высказываниям Давыдова, и предыдущим обобщающим высказываниям самого Шпета о том, что Давыдов все-таки стремился соединить эмпиризм с идеализмом.

Не сомневаясь в свидетельстве М. П. Погодина (у которого, между прочим, есть очень пренебрежительные высказывания о Давыдове) о том, что Давыдов имел сильное влияние на поколение 20-х гг. XIX в., Шпет фактически спорит с Погодиным, утверждая, что «Давыдов умел приготовить философски образованного читателя, способного применить свое образование и вне собственно научной сферы, когда читатель, как то было с Одоевским, становился писателем», но что учеников в смысле школы Давыдов не образовал [там же, с. 103].

Общий вывод Шпета о роли Московского университета в развитии философии нигилистичен: «В научном отношении Московский университет оказался бесплодным. И, может быть, к лучшему, потому что профессора университета того времени, будучи официальными представителями правительственной интеллигенции, могли культивировать философию только безвольную. Ярче всего ее бессилие сказалось в том, что когда интеллектуальное воспитание нового поколения перешло в руки вольной философии, профессорские голоса перестали быть слышны» [там же, с. 103].

Довольно строго подошел в своих оценках к университетской философии в России М. Н. Ершов.

Рассказы о «казусах» с Шадом, Галичем, Давыдовым, о проделках Магницкого и Рунича дали этому историку основание говорить «об отсутствии у нас в течение всей первой половины XIX в. университетской философии» [134, с. 8]. «Этот период отсутствия у нас университетской философии характеризуется тем, что развитие философии шло по преимуществу в литературных кружках, которые образовывались главным образом в Москве и не без влияния, разумеется, со стороны университетских профессоров» [там же, с. 8—9]. Поэтому же «усвоение результатов развития западноевропейской философии получило на русской почве характер нередко случайного, неглубокого заимствования чужих идей, граничащего с дилетантизмом» [там же, с. 8].

Лишь учреждение кафедры философии на историко-филологических факультетах по университетскому уставу 1863 г. явилось, по мнению Ершова, новым фактором, оказавшим положительное влияние на развитие философии в России. Результаты университетского преподавания философии обнаружили, отметил историк, в поднятии и куль-

тивировании собственно философского интереса, в постепенном созидании почвы для сугубо философской работы и философского творчества.

Хотя бывший преподаватель Казанской духовной академии и Казанского университета недооценил отечественную университетскую философию XVIII — первой половины XIX в., он тем не менее стал фактически первым отечественным автором, кто выделил в философской мысли в России университетскую, духовно-академическую и «вольную» внеуниверситетскую философии. В его брошюре дается обзор развития философской науки в Московском университете (деятельность П. Д. Юркевича, М. М. Троицкого, Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина, С. Н. Трубецкого, Г. И. Челпанова), а также в Петербургском (М. И. Владиславлев, А. И. Введенский, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский) и Киевском (С. С. Гогоцкий, А. А. Козлов, А. Н. Гиляров) университетах.

Из числа деятелей «в области философии, не связанных с преподаванием в школе», «являющихся представителями внеуниверситетской философии» [там же, с. 54], Ершов выделил К. Кавелина, Н. Страхова, К. Леонтьева, Н. Дебольского, Вл. Соловьева и Н. Бердяева.

В весьма ярких тонах описаны драматические страницы в истории философии в России, в том числе университетской, у В. Н. Ивановского.

«В России философия, начавшая прививаться слабыми ростками только с конца XVIII в. (Сковорода), дальше жила, в сущности говоря, “от погрома до погрома”. И едва она успевала оправиться от одного гонения, как уже в ее двери стучалось новое» [160, с. XXXII].

Первые слабые ростки философской науки были разгромлены в 20-х гг. XIX в. «псевдомистической», «полицейско-охранительной» реакцией кн. А. Н. Голицына, Д. П. Рунича, М. Л. Магницкого и их сподвижников. «Едва-едва отдышавшись, потеряв самодовлеющее значение и научные позиции, из которых могло вырасти самостоятельное исследование проблем, обреченная на усвоение немецких философских теорий, применявшихся преимущественно к общественным вопросам, философия как таковая в 40-х гг. XIX в., когда у нас так быстро расцвела историческая наука и готовился подъем естествознания, играла довольно жалкую роль» [там же, с. XV].

Но и эти зародыши были вновь убиты запрещением в 1850 г. преподавания ее в университетах «ввиду предосудительного направления, приданного этой науке некоторыми современными мыслителями». С 1860 г. началось было восстановление университетской философии, но уже в 1866 г. она опять подпала под особое внимание властей.

В 1884 г., напоминает Ивановский, «...реакция вновь обрушилась на университеты в виде университетского устава этого года, согласно которому весь обязательный курс философии должен был ограничиваться произведениями Платона и Аристотеля». «Первое время после введения устава 1884 г. даже логика и психология читались в университетах на правах “необязательных” курсов» [160, с. XLI].

Погромы университетской философии привели к разного рода, но чаще всего отрицательным, последствиям. «Гегемония» в сфере философии, считает Ивановский, перешла от университетской во внеуниверситетскую философию, к таким ее представителям, как Герцен, Чернышевский, Лавров, Михайловский и др. Но в этом процессе были свои и плюсы и минусы. Общественное влияние внеуниверситетской философии «было очень велико и благотворно; недостатком ее было то, что она разрабатывала только те из философских проблем, которые могли иметь применение в общественно-политической области». «Она не ставила всех вопросов философии в ее целом, — она использовала лишь некоторые *выводы* некоторых направлений философии в их применении к общественным проблемам...»; «она не была школой самостоятельного, независимого теоретического изучения *философских проблем как таковых*, во всей их сложности и в их полном объеме». «Она не создавала и не хотела создавать ни истории философии, ни логики, ни гносеологии, психологии и других философских дисциплин как систематических наук, помимо общественного применения части их положений» [там же, с. XL—XLI]. «Поэтому, — делает вывод Ивановский, — *философии как систематической науки и это влиятельное движение мысли не создало*» [там же, с. XLI].

Последствия погромов университетской философии сказывались и тогда, когда в 1860 г. решили восстановить в университетах преподавание философии: в стране уже не оказалось достаточного числа подготовленных людей для занятий кафедр. Только постепенно, с помощью заграничных командировок и мобилизации немногих внутренних сил, ко второй половине 60-х гг. в большинстве университетов кафедры философии были наконец замещены. Этим немногим пионерам пришлось начинать все с начала.

История новой философии и специальные философские дисциплины (методология наук, гносеология, этика, эстетика и др.), продолжает свой рассказ Ивановский, стали регулярно читаться лишь через несколько лет (после введения устава 1884 г.), в частности, после того, как кадры университетских преподавателей начали с 1890 г. расширяться за счет новых сил — «приват-доцентов», институт которых был введен уставом 1884 г.

Как философ-сциентист и позитивист Ивановский не очень высоко оценил научный уровень «новых сил», пришедших в российские университеты с 90-х гг. XIX в. Причину их «слабости» он видел в отрыве философии от большинства отделов собственно научного знания. В отличие от Германии, где философы выходят из математиков, физиков, врачей и т. д., что благотворно сказывается на философии, делая ее научной, «у нас же “философы” владеют по большей части лишь литературно-словесной, в лучшем случае исторической, подготовкой» [160, с. XL]. Поскольку свою книгу Ивановский писал уже после революции 1917 г., он «смело» рассчитался со своими антагонистами по философии, отметив, что «у нас все еще недостаточно ценят строгую и деловую философию как таковую, как совокупность дисциплин, имеющих собственные, совершенно научные задачи, — слишком ищут в философии удовлетворения эмоциональных запросов, настроений, что превращает философию из науки в смесь поэзии с пророческими вещаниями» [там же, с. XLI—XLII].

В советской историографии русской философии университетская философия представлена очень фрагментарно. В годы, когда на дрожжах сталинско-ждановских идеологических кампаний по борьбе с «космополитизмом» пышным цветом расцвела вульгарная иовчуковско-щипановская версия так называемой классической русской философии, или философии русских революционных демократов, университетской философии места в этой концепции не было.

В основном идеологический контекст тогдашних работ по истории русской философии предопределялся мотивами ура-патриотизма, антизападничества и даже ксенофобии, пронизывавшими эти работы в конце 40-х — начале 50-х гг. и долго еще остававшимися непреодоленными. В этом отношении особенно характерны связанные с университетской проблематикой работы профессора МГУ И. Я. Щипанова — его докторская диссертация (1953), статьи в «Очерках по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» (1955) [565], в шеститомной «Истории философии» (1957) [187] и в труде, посвященном юбилею Московского университета (1957) [566].

Хотя эти работы Щипанова появились в годы, когда в стране началась уже частичная десталинизация и были сняты прежние наиболее одиозные идеологические лозунги, в них остались почти нетронутыми ура-патриотические мотивы, тенденции ксенофобии, сектантско-нигилистическое отношение к философскому идеализму, «притягивание за уши» русских мыслителей к материализму и диалектике.

Щипанов стал главным пропагандистом концепции так называемого русского Просвещения XVIII в. В основу этой концепции легла совер-

шенно вздорная мысль о том, что «во второй половине XVIII в. в Европе сложились два крупных просветительских центра: один — во Франции, другой — в России. Эти центры живо обменивались мнениями, выступали единым фронтом против общего врага — реакционной феодально-крепостнической идеологии в Европе» [565, с. 207]. Никаких рациональных оснований под такой «концепцией» не было и не могло быть. Это была чисто идеологическая конструкция.

«Концепция» «русского Просвещения XVIII в.» не позволила Щипанову адекватно передать идейно-философскую обстановку в Московском университете XVIII в. «Реакционная дворянско-крепостническая профессура, — утверждал он, — насаждала в университете идеалистические и религиозно-мистические идеи, выступала против материализма, атеизма, вольнодумства, пыталась воздействовать на молодежь и начинать ее феодально-крепостническими и религиозно-мистическими идеями». Этой «профессуре» противостояли якобы «просветители», «подвизавшиеся в Московском университете», которые вели-де «острую борьбу против идеализма и мракобесия, были носителями передовых идей века» [там же].

В другом месте Щипанов говорит об этих «двух тенденциях» более конкретно. Одна из двух тенденций — «прогрессивная для того времени, просветительская, в основе своей враждебная крепостному строю с его религиозно-идеалистической и мистической идеологией, и другая — феодально-крепостническая, борющаяся за сохранение самодержавно-крепостнических устоев, насаждавшая реакционные идеи, мракобесие, стремившаяся подчинить науку и философию религии.

Представителями первого, прогрессивного направления, в его только что намеченной форме были Н. Н. Поповский, Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, А. М. Брянцев и др.

Представителями второго, феодально-крепостнического лагеря были В. Дильтей, И.-М. Шаден, И.-Г. Рейхель, К.-Г. Лангер, И.-Г. Шварц, протоиерей П. Алексеев, архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский), Рост, И.-Х. Керштенс и им подобные» [566, с. 36—37].

Прежняя явная ксенофобия и особенно германофобия, которая была характерна для работ Щипанова 40-х гг., здесь несколько замаскирована. Новые идеологические влияния первых постсталинских лет Щипанов вынужден был учитывать. Теперь он мог даже заявить, что «русские просветители внимательно следили за развитием философской и естественнонаучной мысли во Франции, Германии, Англии и других странах» [187, т. 1, с. 632]. Но камуфляж ксенофобии путем разбавления списка «реакционеров»-иностранцев парой русских имен,

тоже «реакционеров», не мог скрыть того факта, что «настоящую» философскую мысль в Московском университете XVIII в. Щипанов связывал только с группой русских «просветителей». Подчеркивалось отличие представлений «русских просветителей» от лейбнице-вольфовской философии и делался как минимум односторонний общий вывод: «Неправильны поэтому утверждения архимандрита Гавриила, автора «Истории философии» (1839—1840), Радлова, Шпета и других реакционных историков русской философии, будто Козельский, Аничков и другие передовые русские мыслители XVIII в. были сторонниками и проповедниками вольфианской религиозно-идеалистической философии» [187, т. 1, с. 635].

Особенно Щипанов налегал на тот бесспорный факт, что Аничков отвергал Лейбницеву теорию предустановленной гармонии, не делая различий между трактовкой этой идеи Лейбницем и Вольфом; для него в этом вопросе един «идеализм Лейбница, Вольфа и их учеников», едины «лейбницеанцы-вольфианцы» [см.: 566, с. 53]. Конечно, строго говоря, вольфианцами в полном смысле слова Козельский и Аничков не были, но категоричность, с которой Щипанов выразил свое утверждение, вообще снимала вопрос о сколь-нибудь значительном влиянии лейбнице-вольфовской философии на русских мыслителей XVIII в.

Какое уж там влияние немецкой идеалистической философии, если Щипанов был обуреваем только стремлением подверстать «русских просветителей XVIII в.» под материалистов: Поповский, Аничков, Десницкий, Козельский, Батулин, Словоцков и другие «представители просветительского лагеря» являются-де «непосредственными преемниками и продолжателями славной ломоносовской материалистической традиции в философии» [565, с. 229]. Одна ложь нанизывалась на другую, поскольку в природе не существовало ломоносовской материалистической традиции.

С той же настойчивостью Щипанов пытался доказать «атеизм» «просветителей»: «Большое значение в условиях господства феодально-религиозной идеологии и засилья церкви имели атеистические выступления Аничкова, Десницкого, Батурина и других русских просветителей» [566, с. 635]. На самом деле даже громкое дело вокруг диссертации Аничкова не выходило за рамки некоторого религиозного свободомыслия, распространенного в России в те годы, что, по-видимому, понимал директор Московского университета М. М. Херасков, давший «добро» на защиту этой диссертации. Обилие ссылок на «пролетария среди философов» Лукреция не давало даже доносчикам на Аничкова оснований приписывать ему атеизм.

Если присмотреться к оговоркам, которые делал Щипанов к «материализму» «просветителей», то нетрудно заметить всю надуманность его «материалистически-атеистической конструкции». В чем заключалась, по Щипанову, «непоследовательность» «материализма» «просветителей»? Они, признает Щипанов, не отвергали Бога как Вседержителя Вселенной и учение о бессмертии души... Ну разве этого недостаточно, чтобы признать «просветителей» нормальными теистами?! Даже деистические мотивы в мировоззрении Аничкова и других московских профессоров появлялись бессознательно, помимо их субъективных и искренних стремлений остаться верными православию. Щипанов же изображал «просветителей» фактически лицемерами, славившими на словах Бога, а в кармане державшими атеистическую фигуру...

Щипанов выступал против «буржуазных фальсификаций» русской философии. Свою главу в книге о роли Московского университета в развитии русской философии он закончил следующими оценками немарксистской историографии: «Из сказанного видно, насколько предвзятым и вздорным является утверждение буржуазного историка Г. Шпета, будто “университетские профессора XVIII века лишь забавлялись около философии”, проповедовали вольфианство и ничего самостоятельного в науке не дали. Г. Шпет скрывает от читателей ту критику лейбницеанства-вольфианства, которую развернули Аничков, Брянцев по коренным вопросам лейбницеанско-вольфианской философии — по вопросам предустановленной гармонии, теории познания, соотношения души и тела» [566, с. 79]. «Клеветнические измышления Г. Шпета, протаскивавшего в историю философии вредные космополитические идейки, — продолжил свои филиппики Щипанов, — необычайно понравились современным реакционным буржуазным историкам, пишущим о русской философии. Достаточно назвать профессора Койре (речь идет об А. Койре. — В. П.), выступавшего с работой “Философия и национальные проблемы России в начале XIX века”, в которой он полностью солидаризируется со Шпетом в оценке передовых профессоров Московского университета. Белоземigrant Н. О. Лосский в своей книге “История русской философии” не счел нужным даже упомянуть замечательных деятелей Московского университета XVIII века, развивавших прогрессивные философские идеи и просветительские взгляды» [там же].

Но самое удивительное состоит в том, что, критикуя взгляды Шпета на университетскую философию XVIII в., В. Зеньковского Щипанов вписал в общий список историков, которым «необычайно понравились» «клеветнические измышления Г. Шпета»: «Другой белоземigrant-

ский историк русской философии, В. В. Зеньковский, в написанной им двухтомной "Истории русской философии", ограничиваясь простым перечислением Поповского, Аничкова, Десницкого, Брянцева и других профессоров Московского университета XVIII века и барско-пренебрежительным заявлением о том, что "они не отличались философским дарованием", что их "философский дух" страдал "упрощенным эклектизмом", — не делает ни малейшей попытки разобраться в особенностях и характере тех теорий, которые ими выдвигались» [566].

Из сказанного выше видно, что мы отнюдь не идеализируем немарксистскую историографию русской философии вообще, историографию философской мысли в Московском университете в частности. Но на основе текстов, написанных И. Я. Щипановым, и на своем личном опыте общения с ним я смею утверждать, что наш борец против «буржуазных фальсификаций» был на самом деле самым крупным за всю советскую историю фальсификатором истории русской философии. Во всяком случае, в трудах Радлова, Шпета, Лосского, Зеньковского больше позитивного и рационального, чем в «трудах» Щипанова. Эти «труды» ни в коей мере нельзя признать марксистскими. На самом деле — это «труды» в духе квазимарксистского сталинского «национал-большевизма» и сталинских фальсификаций истории России. Это относится и к щипановским трактовкам истории философской мысли в Московском университете XVIII в.

В несколько смягченной форме ксенофобия 40-х гг. перекочевала в работы одного из ближайших единомышленников М. Т. Иовчука и И. Я. Щипанова — Г. С. Васецкого. После 1953 г. пришлось признать, что некоторые иностранцы содействовали развитию русской культуры. Но фактически ксенофобия, причем под прежним (уже официально снятым!) лозунгом борьбы с «низкопоклонством перед границей», у Васецкого осталась.

«Передовые западноевропейские ученые, работавшие в России (Эйлер, Бернулли, Рихман и ряд других), — признавал Васецкий, — содействовали культурному развитию страны. Плодотворно работали некоторые западноевропейские ученые и в Московском университете. Но в то же время, — продолжал он, — при поддержке правящих кругов в Россию проникло немало иностранных проходимцев, особенно из Германии; они подвизались в государственном аппарате, в военных и научных учреждениях, насаждая чуждые русскому народу нравы и традиции.

Низкопоклонство перед Западом приняло в русском дворянстве, особенно в кругах придворной знати, широкие размеры и уродливые формы. Засилье иностранцев имело место и в Академии наук, и в крупнейших учебных заведениях. Так, в Московском университете подвиза-

лась группа иностранных ученых (Дильтей, Рост, Рейхель, Шаден и другие), проводивших реакционную политику» [62, с. 12]. В своих опусах, посвященных Ломоносову, Васецкий сделал все, чтобы воплотить эти идеи, отсекая русского ученого от всего немецкого.

Проходимцы всегда были в науке, и сейчас их немало. Встречались они и среди иностранцев-переселенцев в Россию. Но только ксенофоб мог зачислить в эту категорию целую группу солидных профессоров, например, Дильтея, читавшего, в числе прочего, естественное право, профессора физики и математики Роста, а тем более профессора Шадена, читавшего курсы не только логики и метафизики, но также древних языков, эстетики, этики, естественного права и имевшего, как признавали современники, огромное нравственное и умственное влияние на тогдашнюю русскую молодежь.

С сожалением приходится констатировать, что тлетворное влияние иовчуков—щипановых сказалось на многих работах 1950-х гг.; этот своего рода эпифеномен послевоенных сталинско-ждановских идеологических кампаний понижал тогдашние диссертационные исследования и статьи, касавшиеся истории философской мысли в Московском университете.

На примере двух кандидатских диссертаций, защищенных в 50-х гг. в МГУ и посвященных истории философской мысли в Московском университете XVIII в., можно показать, как в тогдашней идеологической обстановке, несмотря на то, что в отдельных сферах после смерти Сталина началась уже некоторая десталинизация, деформировалась подлинная картина тогдашней университетской философии в России.

По утверждению диссертантки Р. Г. Гуровой-Головачевой (защита ее работы состоялась в 1951 г.), «научная и учебная жизнь университета с самого же начала характеризуется напряженной борьбой с рутинной и косностью, вносимыми немецкими профессорами» [115, с. 56]. В «духе времени» диссертантка провозглашала, что «чувство национального достоинства русских профессоров проявилось также в их борьбе с духом космополитизма и преклонения перед иностранщиной, господствовавшим в официальной науке того времени» [там же]. Как если бы тогдашние московские русские профессора стояли вне официальной науки.

В одних случаях лишь «некоторые» немецкие профессора изображены в диссертации апологетами религии, а «некоторые» русские если не чистыми атеистами, то, по крайней мере, «свободомыслящими» и «богоборцами»: «В то время как некоторые профессора из немцев (например, Шаден) требовали в своих лекциях подчинить разум “могуществу веры”, которая якобы “совлекает завесу с непостижимых тайн ми-

рождения», лучшие русские ученые доказывали, что вещи и явления мира произошли не от Бога, а от “природы”, естественным путем, и познаем мы эти вещи и явления с помощью наших органов чувств и опыта» [115, с. 65]. В других случаях «немцы» взяты за одну скобку: «Если вольфианство, порожденное немецкой реакционной идеологией и упорно пропагандировавшееся у нас профессорами из немцев, прекрасно уживалось с богословием, то русские деятели университета дали несколько работ, пронизанных духом отрицания религии».

Объявив диссертацию Аничкова атеистической (что никак не соответствует действительности), диссертантка сочла нужным подчеркнуть, что эта диссертация повергла в ужас иностранцев, хотя против Аничкова выступил также русский Барсов...

Профессоров-немцев диссертантка отнесла к категории убежденных идеалистов и агностиков, увязав их с университетским пристанищем «самого оголтелого идеализма». Среди же русских профессоров диссертантка «выявляет» материалистов, доказывая «по сути дела» «материалистический характер» психологических взглядов Аничкова, «неоспоримые» «материалистические тенденции в мировоззрении Брянцева» [см.: там же, с. 128, 129]. «Психологические воззрения передовых университетских ученых XVIII в. выковывались в острой борьбе с идеалистическими идеями масонства и вольфианства. В своей борьбе с идеализмом профессора Московского университета опирались на достижения материалистической философии, и прежде всего на русский философский материализм XVIII в.» [там же, с. 189].

Подчиняясь давлению иовчуковско-щипановской мифологемы о русской материалистической традиции от Ломоносова и Радищева, диссертантка включает в эту искусственно сконструированную материалистическую традицию «передовых» московских профессоров: «В постоянной и упорной борьбе с метафизикой и идеализмом вольфианства в Московском университете выковывалась передовая русская мысль того времени, явившаяся в некоторых отношениях как бы связующим звеном между материалистическими системами Ломоносова и Радищева» [там же, с. 63].

Как и Щипанов, диссертантка делает такие оговорки к «материализму» московских профессоров XVIII в., которые напроць обесценивают утверждения об их «материализме». «На психологических воззрениях профессоров Московского университета того времени, — пишет диссертантка, — лежит печать исторической ограниченности. Университетские ученые так же, как и все мыслители XVIII в., “не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха” (цитата из Энгельса. — В. П.). Им не удалось преодолеть дуалистической точки зрения в

подходе к человеку. Если они в ряде случаев фактически подходят к материалистическому монизму (Аничков, Скиадан), то делают это очень осторожно, завуалированно, оставаясь на позиции признания души как самостоятельной субстанции. Не умея с позиций метафизического материализма объяснить генезис психики и особенно возникновение таких сложнейших психических процессов, как мышление и др., ученые XVIII в. оставляли лазейку идеализму. Материалистический сенсуализм в работах университетских профессоров, как, впрочем, в работах и других ученых XVIII в., носил созерцательный, метафизический характер».

Не боясь вступить в противоречие с тезисами самого Ф. Энгельса о метафизическом характере науки и мировоззрения XVIII в., диссертантка из патриотических соображений, перевесивших «верность марксизму», утверждала, что «в противоположность метафизическому пониманию мира как конгломерата оторванных друг от друга, независимых вещей передовые университетские ученые представляют себе мир как единое целое» [115, с. 65], что Брянцев «был одним из первых русских философов, существенной чертой мировоззрения которых является диалектический подход к действительности» [там же, с. 128—129].

На русскую университетскую философию XVIII в. диссертантка неправоммерно экстраполировала марксистскую идею о связи теории с практикой, подменив при этом проблему связи философии с практикой проблемой связи науки с практикой (эта проблема действительно существовала в России с петровских времен). «Забывая» о Вольфе как ученом и абсолютизируя его отдельные философские высказывания, диссертантка писала: «В противоположность вольфовским утверждениям о том, что целью изучения наук является чистое интеллектуальное наслаждение, “увеселение, какого нам другого в свете быть не может” (как писал Вольф в работе «Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды», Пб., 1753, с. 2), профессора Московского университета считали несомненным, что просвещение не должно являться самоцелью. “Конечная причина всякой теории есть, без сомнения, практика и вещественная от оной происходящая польза...”, — говорит, например, Панкевич...» [там же, с. 64]. «Работы, выходявшие тогда из стен университета, ясно показывают, что идея о тесной связи науки и практики, заложенная еще Петром I, стала в то время существенной чертой передовой русской философии» [там же].

Еще одним примером искажения характера русской университетской философии XVIII в. является защищенная в 1955 г. кандидатская диссертация Б. С. Осипова [336], научным руководителем которого

был Щипанов. Как и Щипанов, и даже утрируя его, диссертант утверждает, что в XVIII в. ученые Московского университета разделились на два лагеря — «просветительский-материалистический» и «реакционный-идеалистический». К лагерю просветителей относились: Поповский, Барсов, Аничков, Десницкий, Третьяков, Зыбелин, Вениаминов, Афонин, Панкевич, Новиков, Фонвизин и др. К лагерю «реакционеров» — Дильтей, Керштенс, Лангер, Шаден, Шварц, а для камуфляжа ксенофобии к ним добавлен один русский — Адодуров. Как только появляются в этой диссертации слова «враги науки», «мистически настроенные профессора», «мистики-идеалисты» — так следует тот или иной перечень иноземцев. Зато первыми преподавателями университета названы Поповский, Барсов, Яремский, Константинов, без учета того обстоятельства, что последние два занимали в университете очень скромные места.

Опять мы встречаемся в этой диссертации с выдуманным материалистическим направлением Ломоносова: «материалистическое направление» Ломоносова «продолжили его ученики и последователи — ученые Московского университета — Поповский, Барсов, Аничков, Десницкий, Вениаминов, Антонский, Панкевич, Аршеневский и др., которые в жестокой борьбе с “профессорами науки” Дильтеем, Рейхелем, Ростом, Керштенсом, Шаденом, Шварцем и др. изложили свой взгляд на природу» [336, с. 129]. «Открыто реакционные взгляды Дильтея, Рейхеля, Шадена, Шварца и других находили самую тесную поддержку и со стороны Академии наук, где фактически во главе стояли Шумахер, Миллер и другие уже явные или скрытые враги русского народа, русской культуры» [там же, с. 130]. И у Осипова встречаем ложные утверждения о том, что Аничков «придерживается материалистической точки зрения», «хотя и в очень осторожной форме» [там же, с. 124], что «материалистический взгляд на природу» изложил Брянцев, что «все просветители XVIII в. материалистически смотрят на природу» [там же, с. 138]. Без всякого стеснения критикуется Г. В. Плеханов, который-де «не видит сильного материалистического течения в стенах Московского университета» [там же, с. 270].

Из статей 50-х гг., посвященных деятелям русской университетской философии XVIII в., отметим еще работы А. В. Петровского [367] и А. П. Гагарина [85]. Дух сталинско-ждановской идеологии 40-х — начала 50-х гг. сказался и на них.

Отвергая как антинаучные практически все «теоретические» обобщения и идеологические установки в рассмотренных выше работах 40—50-х гг., спешим вместе с тем отметить, что мы не отрицаем известной пользы для науки эмпирического содержания этих работ, введения

в историографию советской философии забытых и полузабытых имен, в том числе университетских деятелей. Независимо, скажем, от идеологии диссертации Осипова, одно лишь приложение к этой диссертации, где в биографических данных представлены Поповский, Барсов, Аничков, Десницкий, Третьяков, Зыбелин, Вениаминов, Аршеневский, Антонский, Брянцев, Новиков, Фонвизин, Дильтей, Рейхель, Лангер, Шаден, Шварц, свидетельствует о том, что диссертант работал не совсем зря.

К этому следует добавить, что в советской историографии русской философии 40–50-х гг. были и исключения. Среди советских историков философии встречались и хорошо понимавшие значимость такого феномена отечественной философской культуры, как университетская философия. Среди них — выдающийся автор В. Ф. Асмус [см.: 17].

Прервемся теперь в своем рассказе о советской историографии философской мысли в Московском университете и обратимся к труду, который «борцы с буржуазными фальсификациями» всячески поносили, а именно к вышедшему в 1948 г. в Париже труду В. В. Зеньковского. Посмотрим, как те же проблемы решал этот либеральный (в рамках православия) религиозный историк философии.

Будучи религиозным мыслителем, Зеньковский не удержался от того, чтобы поставить Московский университет XVIII в. в зависимость от духовных академий, хотя таковых в полном смысле этого слова, т. е. училищ типа высших учебных заведений, в XVIII в. вообще не было, на что справедливо обратил внимание еще Александр Введенский. «...Московский университет, в лице его русских профессоров, — заявил Зеньковский, — зависел сначала от Духовных академий, из которых выходили первые университетские профессора. Таким образом, основное значение в развитии философской культуры через высшую школу принадлежало в XVIII веке, собственно, двум Духовным академиям — в Киеве и Москве. Но, кроме них, с начала XVIII века действовали в разных городах духовные семинарии (в XVIII веке их было 44 во всей России), где тоже преподавали философию и откуда нередко брали выдающихся семинаристов для посылки их за границу (в Германию), в целях подготовки их к профессорскому званию» [154, с. 113].

Что касается фактической стороны преподавания философии в Московском университете, то ее Зеньковский затронул лишь мельком (немного сказав об Аничкове и Десницком, более подробно — о Павлове, истолкованном в качестве шеллингианца, и о Давыдове как об эклектике). Зато декларативно Зеньковский выступил оппонентом Шпета, высказав общую, но в принципе верную мысль о том, что «школьная» философия в Московском университете внесла «свой вклад в развитие

философской культуры» [там же, с. 85]. «Неверно думать, как это мы находим, например, у Шпета, будто университетская философия, “сделав свой первый шаг, впала в состояние паралитического”. Такое суждение изобличает у Шпета лишь его неисторический и тенденциозный подход к изучению развития русской философии» [154, с. 115].

Философский уровень московских профессоров Зеньковский оценивает не очень высоко, но гораздо выше, чем Шпет. «Философский дух» у университетских профессоров, продолжал Зеньковский, «страдал часто упрощенным эклектизмом», но «тут не было, во всяком случае, примитивизма» [там же, с. 116]. «Профессора философии... не отличались философским дарованием, но они не заслуживают того пренебрежительного отношения, которое часто встречается у историков по их адресу; неверно говорить, как это находим мы, например, у Шпета, что “университетские профессора XVIII века лишь забавлялись (!) около философии”. Не следует забывать о том, что в русском обществе — в самых широких кругах его — во второй половине XVIII века были очень развиты философские интересы... и университетские профессора вовсе не стояли ниже этого уровня» [там же, с. 115].

Связанный основной тенденцией своей книги, названной «История русской философии», Зеньковский почти начисто смазывает действительный характер «школьной» философии в рамках Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX в. Как и некоторые его предшественники, он акцентирует только то, что делали русские профессора, не скрывая, правда, что они ориентировались на «зарубежье»: «Первые *русские* профессора философии в Московском университете... — Поповский, Сырейщиков, Синьковский, Аничков, Брянцев — читали свои курсы по западным руководствам, — но уже у них обнаруживаются два различных течения — одни склонялись к популярному в то время вольтерьянству, другие же — к английской философии, т. е. к чистому эмпиризму» [там же].

Что имел в виду Зеньковский, говоря о «вольтерьянстве» московских профессоров, осталось навсегда тайной, а их склонность к чистому эмпиризму — декларативным повтором высказываний историков конца XIX — начала XX в. О «немецкой составляющей» в «школьной» философии Зеньковский фактически ничего не сказал, если не считать высказывания о том, что Шварц был представителем натурфилософского течения в русском масонстве XVIII в. [см.: там же, с. 109].

Если сопоставить трактовку Зеньковским проблематики университетской философии в России второй половины XVIII — первой четверти XIX в. с трактовками современных ему советских авторов, то напрашиваются неоднозначные выводы. С одной стороны, видно, что советские

авторы нарисовали более полную эмпирическую картину этой философии, чем Зеньковский, ограничившийся по большей части декларациями. Но зато в этих декларациях нет того явного вранья насчет материализма, атеизма, диалектики и просветительства, которое нагородили советские авторы эпохи сталинокрации.

Конец 50-х — начало 60-х гг. открывает качественно новый период в советской историографии философии в России, и в том числе в историографии университетской философии: в этой историографии обозначилось противостояние двух тенденций — старой, иовчуковско-щипановской, и новой, которую представляло тогдашнее молодое поколение историков русской философии (А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров и др. в Ленинграде, Е. Г. Плимак, А. И. Володин, И. К. Пантин и др. в Москве).

Что касается историографии философской мысли в Московском университете XVIII в., то ее обновление началось в первую очередь с попыток хотя бы частично реабилитировать вольфианство, подвергавшееся тотальной дискредитации в советской историографии философии в России предыдущих десятилетий, когда безраздельно господствовала иовчуковско-щипановская «методология».

В заметке об Аничкове, помещенной в «Философской энциклопедии», Е. Плимак попытался более диалектично, чем прежние авторы, представить влияние вольфианства на Аничкова, не отрицая его связи с вольфианством и в то же время стремясь поставить это влияние в ограниченные рамки: «В работах 1761 и 1767 гг. Аничков выступает как последователь философии Х. Вольфа. В конце 60-х гг. он пытается отойти от вольфианства... В "Слове о свойствах познания человеческого..." (1770) Аничков стремится преодолеть дуалистическую вольфианскую трактовку процесса познания, отрицает врожденные идеи. Однако полностью преодолеть дуализм Аничкову не удается...» [530, т. 1, с. 68].

По аналогичному пути шли ленинградские историки русской философии. Работавший под руководством П. Ф. Никандрова диссертант В. А. Демичев усмотрел в философии Вольфа гораздо более положительного содержания, чем его предшественники, хотя еще не очень стеснялся в выражениях, когда ее критиковал. Разделяя концепцию «русского Просвещения XVIII в.», диссертант не смог адекватно представить логику развития русской университетской философии XVIII в., но, включив вольфианство в число теоретических источников, под влиянием которых формировалась «философия русских просветителей» XVIII в., Демичев встал на существенно иные позиции, нежели приверженцы «школы Иовчука — Щипанова».

В вышедшей в 1961 г. книге А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова «История русской философии» проводилась мысль о двойственном характере философии Вольфа и вольфианцев, о том, что Вольф был крупным европейским ученым, отличавшимся энциклопедичностью знаний, систематичностью и логикой изложения, но что, как считали эти авторы, Вольф — ученый и естествоиспытатель и Вольф-философ весьма неравноценны, что в вольфианстве были черты, придававшие ему реакционный характер, и позитивные черты, привлекавшие внимание мыслителей даже материалистического склада. Применив эту схему к Козельскому и утверждая, что тот перерабатывал вольфианство в материалистическом духе, что между русским философом и вольфианцами были весьма значительные различия, ленинградские историки не решились рассмотреть в аналогичном ключе концепцию Аничкова, оставив читателя в неведении о том, как же мировоззрение этого профессора соотносилось с вольфианством.

Новации ленинградцев не остались незамеченными в Москве. Конечно, главным раздражителем стала книга Галактионова и Никандрова, которая во многом шла вразрез с прежней «генеральной линией» иовчуковско-щипановской «школы». Последовали ответные шаги, в том числе и по проблемам русского XVIII века.

В 1962 г. в МГУ под руководством И. Я. Щипанова была защищена диссертация Н. А. Зырянова об Аничкове [156], в которой содержалась прямая критика ленинградских историков. В частности, диссертация пронизывалась «традиционной» мыслью о том, что мировоззрение Аничкова было антиклерикальным и атеистическим. Диссертант не захотел поставить вопрос о пропорциях: что шло у Аничкова от лейбнице-вольфовской школы и в чем он с нею расходился. На первом плане у него выступил как минимум односторонний тезис о том, что философские вопросы Аничков разрабатывал в основном «против вольфианской философии».

Годы шли, а противостояние разных тенденций в советской историографии русской философии, явно обозначившееся на рубеже 50—60-х гг., продолжалось. Фактически это противостояние продолжалось и в работах, так или иначе связанных с проблематикой университетской философии в России. Из числа солидных работ на эту тему назовем диссертацию У. Д. Розенфельда, защищенную в Ленинградском университете [см.: 406]. Но самое понятие «университетская философия» оставалось редкостью. Лишь бегло сказано об «университетском кантианстве» в России начала XX в. в IV томе «Истории философии в СССР» (1971). Обойдена университетская философия в обобщающих работах по истории русской философии А. А. Галактионова и П. Ф. Ни-

кандрова. Понятие «университетская философия» не представлено в советской «Философской энциклопедии».

В 1982 г. вышел новый коллективный труд по истории философской мысли в Московском университете [см.: 188]. В этой работе собран уже солидный эмпирический материал, проанализирована философская позиция многих университетских деятелей. Вместе с тем и в этом труде Щипанов акцентировал «русскость» тогдашней философии в Московском университете, подчеркивал мнимую ломоносовскую материалистическую традицию, всячески преуменьшал зарубежные философские влияния, особенно «немцев», искусственно конструировал материалистические, атеистические и диалектические концепции русских «просветителей».

Вот «образцы» щипановских «обобщений»: «Первыми профессорами Московского университета, читавшими лекции по философии на русском языке, были ученики Ломоносова Н. Н. Поповский и А. А. Барсов». «Поповский и Барсов стояли у истоков просветительской философии в России, нередко облачая ее в деистическую форму. Продолжая традицию своего учителя Ломоносова, они стремились отделить философию от теологии, освободить ее от недостойной роли служанки богословия, считая философию высшей формой познания. Объяснив философию наукой наук, они утверждали, что философия включает все научные достижения и вместе с тем “предписывает общие пути и средства всему человеческому благополучию”, “приучает разум к твердому познанию истины”» [там же, с. 6]. После Поповского и Барсова Щипанов поставил Аничкова, Десницкого, Третьякова, Брянцева.

Молчать об иностранцах в 80-х гг. XX в. было уже неприлично, и Щипанов о них «поведал». Наряду с формальными справками он выдал несколько примечательных оценок: «Среди приглашенных на философский факультет были И.-Г. Фроманн, И.-М. Шаден, М. И. Скиадан, Х. Рейнгард, отличавшиеся друг от друга как по уровню подготовки, так и по философским ориентациям. Надо сказать, что их влияние на молодежь было незначительным, так как русского языка они не знали, говорили на немецком, а преподавали на латинском языке» [там же, с. 17].

Фроманн, по Щипанову, «читал в духе вольфианской философии, мало чем отличавшейся от схоластики» [там же]. О Шадене Щипанов рассуждал менее однобоко: «Хотя Шаден давал иногда положительные оценки научной деятельности Бэкона, Декарта, Ньютона, Лейбница, которые восстали, как он выражался, на “праздное умозрение”, сам он, подобно вольфианцам, продолжал упорно заниматься тем же самым “праздным умозрением”, апеллируя не к достижениям науки, а к Библии и к Богу как “премудрому создателю природы”» [там же, с. 17—

18]. «Влияние Шадена на молодые умы было отрицательным. Своими религиозными нравственно-этическими идеями он отвлекал молодежь от науки и настойчиво прививал ей масонские религиозно-мистические идеи» [188, с. 18].

Одним из любимых коньков Щипанова была критика русского масонства. Когда приходилось слушать Щипанова, как он говорил о масонах, создавалось впечатление, что это были чуть ли не его личные враги. Он напрочь игнорировал противоречивую роль масонов в русской истории. Естественно, что московский профессор Шварц оказывался у Щипанова в «черном» списке. В его глазах Шварц — «один из лидеров масонства в России, организатор и руководитель “Дружеского ученого общества”, нещадно эксплуатировавший Н. И. Новикова, проталкивая в его московские журналы масонские, религиозно-мистические опусы, сумевший на время даже захватить журнал “Вечерняя заря” и наполнить ряд его номеров проповедью реакционных, масонских идей...» [там же, с. 28].

И вот наступила в нашей истории новая, постсоветская, эпоха. Радикально перестроилась и отечественная историография философии в России. Посмотрим, как эта перестройка отразилась на рассматриваемой нами проблеме истории университетской философии в России.

В большинстве трудов, посвященных этому периоду, университетская философия не выделяется в особое направление. Вместе с тем именно последние годы стали годами возобновления фактического интереса к университетской философии.

В книге П. С. Шкуринова «Философия России XVIII века» (М., 1992) есть глава «Философские концепции преподавателей и выпускников Московского университета», в которой фактически рассматривается именно университетская философия.

Какие же тенденции можно отметить в указанной главе?

Совершенно отчетливо просматривается существенное ослабление прежних стремлений задвинуть на второй план иностранных профессоров-«немцев». Вместе с тем П. С. Шкуринов не преодолел до конца ура-патриотический подход 1940–1950-х гг. в оценке профессуры Московского университета. Фактически он, как и его предшественники, разделил профессоров на «русских» и «немцев» (при одном камуфлирующем этот ход исключении: «проницательностью и широтой взглядов отличались Д. С. Аничков, А. А. Барсов, С. Е. Десницкий, В. Ф. Малиновский, А. М. Брянцев, И. А. Третьяков, Н. Н. Поповский и др. Тесно примыкали к ним профессора-естествоиспытатели М. И. Афонин, П. Д. Вениаминов, С. Г. Зыбелин, Ф. Г. Политковский, П. И. Страхов и др., своими творческими интересами побуждавшие заниматься фило-

софией. Несколько иную коалицию составляли профессора В. М. Золотницкий, И.-Х. Керштенс, К.-Г. Лангер, И.-Г. Рейхель, И.-М. Шаден, И.-Г. Шварц и др.» [557, с. 202]).

Но наиболее важной новой тенденцией по сравнению с прошлым является попытка П. С. Шкуринова выявить специфические особенности философской мысли в Московском университете. В словах автора о том, что «преобладание среди университетских курсов естествознания и точных наук» «почти никогда не стесняло, а, наоборот, содействовало развитию гуманитарных, в том числе философских, знаний...» [там же, с. 203], нетрудно усмотреть неуместное в данном случае использование ленинской мысли о «токе» от естествознания к общественному. Но сама по себе постановка вопроса о том, что специфика развития философской мысли в Московском университете связана с тем, как складывались взаимоотношения философов и нефилософов, вполне рациональна.

Позитивное влияние естественных и точных наук на философию Шкуринов усматривает в том, что «это обстоятельство требовало расширительного, "синтетического" понимания предмета и задач философии» и поэтому-де в стенах Московского университета предмет философии понимали широко: «Это понимание включало не только всеобщееуниверсальные (метафизические) понятия о природе (бытие, движение, пространство, время и т. п.), но и методологические вопросы» [там же, с. 203, 204]. При этом, правда, упускается тот факт, что в ряде случаев профессора нефилософских специальностей, софиофобии эмпирики, выступали против всякой философии.

Большой рациональный смысл содержится в стремлении П. С. Шкуринова выделить два направления в тогдашних концепциях самой сути философии. В список сторонников «антропологической ориентации в философии» Шкуринов включал не только русских, но и «немцев»: Золотницкого, Лангера, Шадена, Рейхеля, Шварца, а также Афонина, Вениаминова, Зыбелина, что само по себе симптоматично.

Можно, правда, поставить под сомнение категоричность утверждения П. С. Шкуринова о том, что «философская антропология» — одна из наиболее влиятельных форм философской рефлексии в истории России XVIII в. Философская антропология в России XVIII в. еще не сложилась, наметилась только тенденция к ее формированию. Но размышления Шкуринова по этому поводу идут в верном направлении.

Другое направление, по Шкуринову, представляли те профессора Московского университета (Аничков, Брянцев, Десницкий, Третьяков и др.), «которые подчеркивали значение теоретико-познавательных функций философии (опытов, логических и методологических средств,

интуиции и диалектики). Философской звездой первой величины в России конца XVIII в., если судить по гносеологической проблематике, был, конечно же, Аничков» [557, с. 206]. Остается, правда, неясным, почему в одном ряду с «метафизиками» Аничковым и Брянцевым оказались Третьяков и Десницкий, которые, по собственному утверждению Шкуринова, представляли «фактически отдельную школу».

Существенно новый шаг в правильном направлении в анализе и оценке университетской философии в России я связываю с работами последних лет А. Т. Павлова [см.: 354 и 415, с. 541—545], Б. В. Емельянова и А. И. Новикова [415, с. 545—548], Е. Г. Бакулиной [24], В. А. Бажанова [23], А. И. Абрамова [1].

Но некоторые положения, высказанные в этих работах, вызывают возражения. Так, соглашаясь с точкой зрения А. Т. Павлова, согласно которой термин «университетская философия» не означает какого-либо типа философского построения, а объединяет те философские учения, которые преподавались в университете, следует поставить под сомнение его утверждение о том, что термин «университетская философия» в известной мере условен. Он не менее «условен», чем термины «западная», «русская» или «восточная» философия. Мы собираемся показать, что по отношению к таким феноменам, как духовно-академическая и внеуниверситетская, «вольная» философия, университетская философия выступает как отдельное философское направление, с иным статусом, проблематикой, с иной степенью научности и т. д.

А. Т. Павлов считает, что «характерной чертой университетской философии является то, что это философия профессиональная, т. е. философия, которую разрабатывают и преподают специалисты в области философских наук, философы по профессии». Это верно. Но вряд ли правильно исключать из университетской философии профессоров и преподавателей других учебных нефилософских дисциплин, которые затрагивали в своих лекциях и трудах философские проблемы. Опыт показывает, что «философия родительного падежа», как выражаются авторы новейшей французской философской энциклопедии (философия науки, культуры, права, истории и т. д. и т. п.), имеет очень широкое распространение до сих пор.

Из краткого, но весьма информативного обзора истории философии в Петербургском университете, принадлежащего перу Б. В. Емельянова и А. И. Новикова, мы бы особо выделили новации в трактовке начала университетской философии в России [см.: 415, с. 545—548].

Б. В. Емельянов и А. И. Новиков не склонны относить начало университетской философии в России к 1755 г., когда был создан Московский университет. Начало философского образования в Петербурге они

справедливо датируют 1725 г., т. е. временем фактического возникновения при Петербургской Академии наук Академического университета (авторы, правда, неточны, считая, что в 1725 г. был создан именно университет). Жаль только, что Емельянов и Новиков связывают начало философского образования с тем фактом, что «в середине XVIII в. чтение лекций по философии было поручено И.-А. Брауну, взявшему за основу книгу “Основания Вольфенской философии” Л.-Ф. Тюммига». Есть более ранние, не менее показательные свидетельства, но авторы делают верный общий вывод о том, что «Академический университет, по существу, заложил основы философского образования в России».

Принципиальную проблему поставила в своей диссертации Е. Г. Бакулина, а именно вопрос о генезисе университетской философии в России [см.: 24].

Диссертантка исходила из утверждения о том, что у начала профессионально-философской традиции в России стоял профессор Петербургского университета М. И. Владиславлев. Нисколько не ставя под сомнение особую, даже исключительную роль Владиславлева как одного из первых профессоров философии в русских университетах после возобновления ранее почти совсем свернутого на целых десять лет преподавания философии, нельзя согласиться с явной недооценкой диссертанткой предшествующих этапов университетской философии, «зародыши» которой относятся к 1725 г., ко времени создания в России Академии наук.

Но, ошибаясь в трактовке генезиса университетской философии в России, диссертантка права в другом: история университетской философии в России складывалась так драматично, развиваясь, если воспользоваться выражением В. Н. Ивановского, «от погрома до погрома», что после 1863 г., когда начал действовать М. И. Владиславлев, университетская философия в России вынуждена была очень много делать заново: заново складывалась «профессорская корпорация», внутри шел процесс дифференциации университетской философии на новые направления и т. д.

Важные проблемы истории университетской философии в России поднял В. А. Бажанов. Направление так называемой университетской философии, пишет он, «было сосредоточено на вопросах логики, гносеологии, философии природы и отчасти психологии» и представляло собой мощное интеллектуальное движение, достаточно близкое по своим концептуальным основаниям к западноевропейской (а позже и американской) философии и находившееся в постоянном своеобразном диалоге с последней» [23, с. 7]. Автор справедливо полагает, что невни-

мание к этому «логико-гносеологическому направлению» «искажает реальную картину развития философии в России» [там же].

С весьма оригинальным тезисом о том, что университетская философия в России — это по преимуществу логико-гносеологическое направление, согласиться невозможно, но мысль Бажанова об особом месте и роли логики в истории университетской философии весьма важна. Бажанов совершенно прав, когда пишет, что до конца XIX в. в логику входили многие вопросы, отошедшие впоследствии к теории познания. В этой связи в соответствующем ракурсе оказывается самый тяжелый период в истории университетской философии (с 1850 по 1860), когда преподавание философии было ограничено логикой и психологией. Запрет на преподавание основных философских дисциплин не коснулся целиком теории познания, некоторые проблемы которой развивались в рамках незапрещенной логики.

Из анализа литературы вопроса вытекают цели и задачи предлагаемого нового исследования.

В пятитомной «Философской энциклопедии» отражено не более одной трети персоналий, имеющих прямое отношение к отечественной университетской философии. В недавно вышедших энциклопедических словарях по русской философии представлено менее половины университетских философов. И к тому же почти нигде не зафиксирована их специфика именно как университетских философов.

Почти полная неисследованность университетской философии в России XVIII—начала XIX в. как в мировой, так и отечественной историографии, фактическая ее недооценка побуждают особенно акцентировать проблему роли и места университетской философии в культуре.

Главная цель — анализ университетской философии в России как целого и специфического феномена и отрасли отечественной философской культуры, а также особого направления философской мысли со своим специфическим статусом в обществе, своей исследовательской проблематикой, методологией, способами трансляции. Предстоит заново осмыслить правомерность понятия «университетская философия», выявить его содержание, определить хронологические рамки и этапы предистории и истории университетской философии в России.

Исследование впервые охватывает все основные центры университетской философии, все российские университеты.

В литературе уже выдвигалась мысль о существовании так называемой петербургской линии в философии, ориентированной в основном на западный материал, и московской линии, связанной с национальными духовными ценностями. Предстоит выявить специфику

развития философской мысли в других университетах, о философской деятельности которых известно крайне мало.

Собственно исследовательская часть труда дополняется справочно-информационным разделом, охватывающим основные персоналии, более или менее непосредственно связанные с университетской философией. Это не только профессиональные преподаватели философии, но также преподаватели нефилософских дисциплин, поднимавшие важные в общем контексте истории философии в России философско-методологические проблемы своих наук. В раздел «Персоналии университетской философии...» включены имена ряда организаторов университетского дела в России, которые специфическим образом оказывали влияние на формирование системы университетского преподавания и университетской философской науки. Есть в этом разделе и имена некоторых «гонителей» университетской философии.

2

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (ПЕТЕРБУРГСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ XVIII в.)

С ТЕХ ПОР КАК БОРИС ГОДУНОВ (1551–1605), ставший с 1584 г. при царе Федоре фактическим правителем государства, а с 1589 г. — царем, вознамерился открыть в России университет (возможно, не без влияния того факта, что незадолго до этого, в 1579 г., в соседней стране-сопернице была открыта Виленская академия с университетскими правами, с богословским и философским факультетом), а затем аналогичный план возникал у Лжедмитрия I (царствовал в 1605–1606 гг.), утекло много воды, пока Петр I (царь с 1684, император в 1721–1725 гг.) вновь вернулся к этой идее. Есть сведения, что в конце XVII в. молодой царь, беседуя с патриархом Адрианом, излагал план учреждения высшей «царской школы».

Умножившиеся в начале XVIII в. контакты с Западом придали идее создания университета в России более четкие контуры. В 1710 г. в связи с капитуляцией Лифляндии Петр обещал сохранить Дерптский университет (тогда находившийся в Пернау) и даже направить туда на учебу русских студентов, что уже свидетельствует об интересах Петра к проблеме университетского образования в России. Поборником сближения Германии с Россией выступил великий немецкий философ Г.-В. Лейбниц, который рассматривал Петра как орудие Провидения, служащего мирному объединению европейских народов и созданию универсальной культуры. Лейбниц первым из выдающихся европейцев стал связывать будущее человечества с развитием просвещения в России. В 1711 г., когда Петр приехал в Торгау, Лейбниц был приглашен на встречу с царем и получил даже звание российского тайного советника. Немецкий философ поддержал намерение Петра «заставить цвести науки и искусства» в России. Однако вопрос о том, что именно предлагал Лейбниц для реализации этой идеи, остается не очень ясным. Есть сведения, что Лейбниц советовал Петру открыть университеты: сначала в Москве, потом в Астрахани, Киеве и Петербурге, в точках, которые немецкий философ считал рассадниками просвещения в России. Не исключено, что посещение Петром в 1712 г. университета в Грейфсвальде во время пребывания в этом городе было связано с проблемой откры-

тия университета в России. По другим же сведениям, Лейбниц предлагал учредить *Gelehrt-collegium*, «коллегию наук», — высшее учебное заведение, но с такими обязанностями, которые присущи академиям наук. В те годы по Европе распространились слухи о том, что Петр собрался открыть в России именно Академию наук. В одном немецком журнале за 1714 г. сообщалось, что Петр «намерен учредить в Петербурге академию».

Предложения Петру поступали не только от Лейбница. В 1718 г. голштинiec Генрих Фик, находившийся с 1715 г. на русской службе, представил царю записку об обучении и воспитании российских молодых людей, на которую царь наложил резолюцию: «Сделать академию, а ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет, также начать переводить книги юриспруденции и прочия» [151, с. XXIV].

Около 1720 г. мысль о необходимости вызывать в Россию ученых из Западной Европы и составить Академию еще раз подал Петру I его лейб-медик Лаврентий Блюментрост. По поводу организации Академии Блюментрост начал переписку с зарубежными учеными, в частности с Христианом Вольфом. Где-то в конце 1720 г. сам Петр написал Вольфу о своем намерении открыть Академию наук и учебное заведение при нем. Об этом мы узнали из письма Вольфа Блюментросту от 11 января 1721 г. «Его императорское величество имеет намерение учредить академию наук и при ней другое заведение, где бы могли знатные люди изучать необходимые науки, и вместе с тем водворить художества и ремесла, о чем писал ко мне за несколько недель перед тем...» [48, с. 121].

А что же Вольф? В письме Блюментросту в июне 1723 г. он советовал основать в России не Академию, а университет [см.: 151, с. LIX].

Российские власти сначала склонялись все-таки к созданию Академии и университета при ней. В проекте Блюментроста от 24 января 1724 г., представленном Петру, говорилось: «К расположению наук и художеств употребляется обычайно два образа знания: первый образ называется университет, второй — академия, и соиетет художеств и наук. Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко теологии и юриспруденции, медицины и философии, сиречь до такого состояния оные ныне дошли, младших людей обучают. Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором оные ныне обретаются, знают, но и чрез новые инвенты оные совершить и умножить тщатся, а об учении протчих никакого попечения не имеют» [48, с. 121].

Но в полном виде этот проект не был принят. Блюментрост писал в августе 1724 г., что «за недостатком студентов нет намерения универси-

тет восстановить, но токмо собрание ученых, которые бы в науках про себя обращались и помалу юных обучали» [225, с. 6].

Суммировав все предложения, петровские власти приняли оригинальное решение: было создано учреждение, представлявшее собой гибрид Академии и Университета.

Через много лет М. В. Ломоносов напишет записку под названием «Нижайшее доказательство о том, что здесь, при Академии наук, нет университета», в которой скажет: «...При здешней Академии Наук не токмо настоящего университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетского не было» [423, 1865, кн. 1, с. 59]. Пройдет еще немало лет, и Д. А. Толстой (1823—1889), тогдашний министр внутренних дел и шеф жандармов, напишет: «В 1743 году при Академии в действительности не было никакого университета» [496, с. 9].

По подсчетам Толстого, во время существования Академического университета число студентов не превышало 20 в год, а обыкновенно их было меньше. Через 40 лет после учреждения университета в нем было всего 9 студентов, т. е. почти столько же, сколько при открытии.

В 1782 г. в университете насчитывалось только два студента. Когда в 1783 г. княгиня Е. Р. Дашкова (1744—1810) стала президентом Петербургской Академии наук, про двух студентов университета она узнала, что они «еще ничего не могли переводить даже с немецкого» [там же, с. 12].

Толстой очень скептически оценивает историческую роль Академического университета, полагая, что он «был в сущности фикция». По его мнению, мысль соединения в Академии наук высшего и среднего учебного заведения была ошибочна» [там же]. Негативно оценивает Толстой и общее направление, которое было придано тогдашней Академией: «...имея Академию, университет, гимназию, общество приучилось смотреть на себя как на европейски образованное, не замечая, что из Европы взята одна внешность, одно подобие образования, а не его сущность, и такое направление продолжалось и впоследствии»; «оно, к сожалению, видно и доселе; этим объясняется сопротивление известной части общества всякому серьезному учению, и, если угодно, исторически даже оправдывается, — таково течение нашей образованности...» [там же, с. 12—13].

С тех пор как Д. Толстой подверг Академический университет нигилистической критике, не раз повторялось в литературе, что из первого университета «почти ничего не вышло». Сравнительно недавно исследовательница истории Академического университета заявила, что «в первые годы предполагавшийся Академический университет не был основан...» [225, с. 6].

В принципе так оно и есть. Настоящего университета действительно не было не только в 1743 г., но и много позже. Еще Ломоносов объяснил почему: официального открытия университета не было, ректора не выбирали; научные степени не присваивались; «лекции почти никогда порядочно не читались» и т. д.

Но когда говорится: не было «настоящего университета», из первого университета «почти» ничего не вышло, лекции «почти никогда порядочно не читались» и т. д. и т. п., то остается известная недоговоренность насчет того, а что ж представлял собой «ненастоящий», неполный университет, в котором были все-таки студенты и профессора и какие-то лекции читались, пусть нерегулярно. Во всяком случае, невозможно говорить о том, что «никакого университета», скажем, в 1743 г. вообще не было.

В первые годы по отношению к созданному учреждению применялись термины «Академия наук Российская», «Государственная академия» [268, т. 1, с. 69, 489], но члены Академии назывались «профессорами сея академии», т. е. «по-университетски», а не «по-академически». А для нашей темы истории университетской философии в России вопрос, как и перед нашими предшественниками, стоит серьезно: с какого времени начинать эту историю: с 1724 г., т. е. с открытия Академии наук, или с какой-то более поздней даты.

Начнем со студентов Академии. По современным меркам их действительно было очень мало. С 1726 по 1833 г. в Академии обучалось 38 человек, из них только 7 русских. Среди самых первых восьми студентов русских вообще не было. Русский студент Василий Адодуров появился только в 1727 г. Временами число обучающихся возрастало. Так, в 1748 г. их насчитывалось 28.

Как всегда и везде, студенты были разные: отбирали их сначала из семинарий, причем не только по знаниям, но и с «характеристиками» семинарского начальства о том, что они «в состоянии жития своего подозрительными не явились» [там же, т. 9, с. 127], а потом из Академической гимназии. И бывало, что некоторых из них приходилось исключать «за нехождение их на профессорские лекции» [там же, т. 2, с. 689]. А иногда студенты вели себя так, что их публично наказывали, дело доходило даже до шпицрутенов, которые Петр ввел для наказания... в войсках. О моральном уровне и «успехах» в науках студентов в отдельные периоды можно судить по рапорту 1765 г. академика С. К. Котельникова в канцелярию Академии о состоянии университета и гимназии: «Как между студентами и гимназистами находится почти половина отчасти пьяниц, забияк, ленивых, непонятных и в учении никакого успеха не оказавших» [см.: 33, с. 745]. В ноябре 1765 г. 32 ака-

демических студента дали подписку-обещание «исправить свою жизнь» и прилежно учиться с оговоркой Архипа Голощекова, который заявил: «Я и прежде не был привержен никаким порокам, и ныне намерен жить добропорядочно, и к наукам обещаюсь прилагать всевозможное старание» [33, с. 746].

И тем не менее из Академического университета вышло немало настолько достойных людей, что о них можно было написать книгу под правомерным названием «Замечательные питомцы Академического университета», хотя этот университет был вроде бы «ненастоящим».

Теперь посмотрим на Академический университет под углом зрения его преподавательского состава.

Тезис Толстого о том, что не было «никакого университета», еще более становится сомнительным, если принять во внимание тот бесспорный факт, что при очень больших колебаниях в числе студентов кадровый состав «профессоров академии» почти всегда был полным. Бывало, как в 1737 г., на 4 студентов приходилось 13 профессоров и 3 адъюнкта (т. е. заместителя профессора), или, как в 1742 г., на 13 профессоров и 7 адъюнктов — 13 студентов [см.: 268, т. 3, с. 119—120; т. 5, с. 4, 5].

В некоторых отношениях условия работы для профессоров Академии были хорошими. В 1725 г. И.-П. Коль писал на родину, что ему в Петербурге так же хорошо, как в Германии, отмечая, в частности, что «библиотека здесь превосходная» [см.: 151, т. 1, с. 310]. Но не всем и во всем было хорошо. Зарплата профессоров была разной. Так, скажем, Ж.-Н. Делиль получал самую большую зарплату 1800 руб. в год, М. Герман — 1500, Г.-Б. Бильфингер и Д. Бернулли — по 800, Х. Мартини — 600, Х.-Ф. Гросс — 300 руб. (для сравнения: студенты получали по 200 руб.) [см.: 268, т. 1, с. 273]. В 1730 г. Х. Вольф получал 250 руб. как почетный профессор и член Академии [см.: там же, с. 656].

Увы, бывали времена, когда и российские академики XVIII в. зарплату получали не вовремя. Так, в 1742 г. 11 профессоров обратились к императрице Елизавете со словами: «Мы нижайшие, за весь прошлый 1742-й год В. И. В. жалованья еще не получали... От чего мы претерпеваем нужду, впали в неоплатные долги, принуждены занимать деньги и поныне занимаем с процентами» [там же, т. 5, с. 853].

Внутренние отношения между профессорами, а также между профессорами и начальством далеко не всегда были нормальными. Хотелось бы, однако, отметить, что речь отнюдь не идет только об отношении «русские—немцы» и о так называемом засилии немцев в Академии, как это пытались изобразить у нас в 40—50-е гг. XX в. Хотя и эта проблема была.

Горячим, часто излишне горячим патриотом в Академии был М. В. Ломоносов. Он усматривал, например, у первого президента Академии Л. Блюментроста «нелюбие к российским ученым», но при этом не находил рационального объяснения поведению президента — родившегося, между прочим, в России, женатого на русской и много сделавшего для Академии.

Дело было отнюдь не в «нелюбии», а в оценке Блюментростом реальной ситуации, когда в самой России начала XVIII в. негде было взять не только профессоров, но даже студентов.

Сторонника петровских реформ В. Н. Татищева (1686—1750) никак не обвинить в отсутствии патриотизма, но и он в связи с планами царя насчет академии и университета заявил, что земля, на которую нужно сеять, еще не приготовлена.

Разного рода конфликты, а порой явные скандалы, наблюдавшиеся в Академии наук, происходили далеко не всегда по формуле «немцы против русских» или наоборот. «Немцы» Герман, Бернулли, Бильфингер и некоторые другие уехали на родину из-за конфликтов с немцами же Блюментростом или И. Шумахером.

К тому же следует иметь в виду, что в первые десятилетия XVIII в. в России совсем иначе представляли себе «немцев», чем мы сейчас представляем. Когда в документах Академии перечислялись «нации», то наряду с голландской, французской, датской, шведской, английской и т. п. назывались «нации»: прусская, немецкая, лифляндская, саксонская, эстляндская, курляндская, брауншвейгская [см.: 268, т. 4, с. 137—141]. Так что были «немцы» и немцы...

Итак, как ни сложно было с преподавательскими кадрами в Академии наук, с 1724 г. они там были в значительном количестве, причем в званиях университетских.

Фактически гибридный, «дуалистический» характер учреждения «Академия наук — Университет» до конца 40-х гг. XVIII в. отчетливо проявлялся в том, что в нем неизменно подчеркивалось двойное назначение — научное и учебное. В письме от 4 сентября 1725 г. М. Бюргеру, выходцу из Курляндии, об открытии в Петербурге Академии, Л. Блюментрост сообщил о таком двойном ее назначении: члены ее «обязаны содействовать успехам избранной им науки, посещать ученые заседания и четыре часа еженедельно посвящать чтению лекций» [151, т. 1, с. 172].

14 января 1726 г. появилось извещение с примечательным началом: «Академия наук российская. Читателю здравие!» В извещении опять излагалась двойственная роль Академии: «Как в тщании и умножении новыми обретенными наук, а наипаче медицины, физики, математики и

прочих свободных наук, так и в учении российских юнош» [268, т. 1, с. 169]. На этом основании объявлялось, что «профессоры сея академии» «чтениями учение свое публичное начнут».

Членов Академии побуждали и «умножать науки», и заниматься чтением лекций. В 1728 г. Блюментрост приказал, чтобы каждый из профессоров составлял вкратце какой-нибудь трактат [см.: 151, т. 1, с. 101]. С «трактатами» дела вроде бы пошли неплохо, а вот с «лекциями», т. е. с университетской функцией Академии, ситуация складывалась гораздо хуже. В июле 1729 г. представитель административной власти «библиотекарь» Шумахер жаловался Блюментросту, что, хотя все профессора обязаны читать лекции, их читают только трое, «тогда как другие не помышляют об этом» [там же, т. 1, с. 199]. Между тем в 1732 г. Правительствующий Сенат потребовал отчет о «профессорской» деятельности Академии: «Сколько учеников российской нации и иностранцев с начала академии у профессоров в обучении были, и что выучили, и куда вышли, и сколько еще на лицо обретается» [268, т. 2, с. 205].

В 1733 г. в студенты было зачислено 12 учеников Московской Спасской школы. В 1736 г. из той же школы взято еще 12 человек. Но эти ученики были мало подготовлены для высшего образования, им приходилось доучиваться в гимназии, да к тому же академики, как жаловались Сенату студенты, ничего им не преподавали. После решения Сената, вменившего в обязанность академикам читать лекции, лекции какое-то время читались, затем прошли экзамены, распределение по местам, «и лекции почти совсем прекратились», как впоследствии писал М. В. Ломоносов.

В 1742 г. появилось новое объявление, в котором двойное назначение Академии формулировалось следующим образом: «Первая „должность“: чтоб в частных наших собраниях в совершенство приводить и вновь изобретать науки и всякие честные искусства». «Другая наша должность та, чтоб свободные от частных наших собраний дни употреблять в пользу тех учеников, которые в сей империи к наукам определяются или производятся из академической гимназии в академию...» [там же, т. 5, с. 307, 308].

В других документах подчеркивалось, что такие две «должности» Академии возникли «по узаконению премудрого ее основателя Петра Великого».

Так продолжалось до 1747 г.

В 1747 г. в истории Академического университета наступил новый период. Согласно написанному Г. Тепловым при участии И. Шумахера «Регламенту имп. Академии наук и художеств», подписанному Елиза-

ветой 24 июля, Академия была разделена на собственно Академию и университет. Появился устойчивый термин «университет академии» [см.: 268, т. 9, с. 148], отдельные титулы «профессор» и «член академии» [см.: там же, с. 274]. Объявления начинались, например, так: «Понеже при академии в университете имеют начаться лекции сего июля 11 числа, а кто из академических профессоров какие будут давать лекции...» и т. д. [см.: там же, с. 287]. «Чистые» академики должны были теперь заниматься научными исследованиями и обучать только приданных им адъюнктов и студентов. Но были и те, кто совмещал должности академика и университетского профессора. В 1751 г. соратник М. В. Ломоносова Г.-В. Рихман (1711–1753) писал: «Отправляю я двойную должность: при Академии – академика и при Университете – профессора...» [151, т. 1, с. 702].

Члены созданного при Академии «исторического класса» не принадлежали к числу академиков, но числились при университете и назывались только профессорами. В их ряду был и М. В. Ломоносов.

В октябре – декабре 1748 г. стал обсуждаться университетский регламент, составленный канцелярией Академии. В ответ на требование высказать мнение об университетском регламенте М. В. Ломоносов писал 12 октября В. К. Тредиаковскому, тогдашнему секретарю исторического собрания: «...оное кратко объявляю и думаю, что в университете не именно должно быть трем факультетам, юридическому, медицинскому и философскому (богословский оставляю синодальным училищам), в которых бы производились магистры, лиценциаты и докторы...» «Не худо, чтобы университет и академия имели по примеру иностранных какие-нибудь вольности, а особливо, чтоб они освобождены были от полицейских должностей» [см.: 33, с. 115]. Иными словами, Ломоносов предложил создать настоящий университет.

Но вместо «совершенного университетского регламента» К. Г. Разумовский, который был с 1746 по 1765 г. президентом Академии, подписал 10 августа 1750 г. «Учреждение о университете и гимназии», согласно которому университет остался неполным, «ненастоящим», т. е. не соответствующим «примеру иностранцев». Ломоносову предстояло продолжить борьбу за «настоящий университет».

В 1757 г. он становится членом канцелярии Академии. Приказом президента университет был отдан ему под «особливое смотрение», и его стараниями наладилась учеба в гимназии и лекции в университете. Ломоносов гордился тем, что за 30 лет правления Шумахера из гимназистов в студенты не было произведено ни одного человека, а за четыре первых года его правления произведено в студенты 20 человек.

Когда Ломоносов готовил предложения по регламенту Академии, университета и гимназии при Академии наук, он использовал, в частности, термины: «Академия и соединенный с нею Университет», «Академия, соединенная с Университетом» [см.: 33, с. 403, 405]. Занимался он и собственно университетом: одна из записок называлась: «Краткая идея о установлении порядка в Санктпетербургском университете» [там же, с. 417].

14 февраля 1760 г. К. Разумовский и М. Ломоносов подписали изменения к академическому регламенту, касающиеся Санкт-Петербургского университета. «По прилежном и обстоятельном рассмотрении всех узаконений и обрядов, употребляемых по Европейским университетам, надлежит принять к наблюдению и в С.-Петербургском университете нижеследующие пункты; того ради по указу Ея И. В-ва Канцелярия АН приказали:

1) Быть в оном университете трем факультетам: юридическому, медицинскому и философскому (не упоминая о богословском, который, как духовное дело, надлежит до Святейшего Синода); в оных трех факультетах быть определенному числу профессоров...» [там же, с. 427].

В сентябре 1764 г. Ломоносов представил президенту Академии «Новое примерное расположение и учреждение Санктпетербургской императорской академии наук» [см.: 151, т. 2, с. 846]. Одной из основных идей стала идея совершенствования подготовки, как бы мы сейчас сказали, «национальных кадров». «Когда будет довольство ученых людей, — писал Ломоносов, — тогда ординарные и экстраординарные академики и адъюнкты быть должны природные россияне по доброму примеру Парижской Академии, где все академики природные французы. Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний» [там же, т. 2, с. 847].

Активная деятельность Ломоносова в делах Академии и университета очень не нравилась ряду академических деятелей, особенно И.-К. Тауберту, который из студентов дорос сначала до унтер-библиотекаря, т. е. заместителя фактического главного администратора в Академии И. Шумахера, а после своего участия в перевороте на стороне будущей Екатерины II ставшего библиотекарем при императрице. Этот самый Тауберт изрек: «Разве нам десять Ломоносовых надобно, и один нам в тягость» [там же, т. 1, с. XLVIII]. Ломоносов, впавший при восхождении Екатерины II на престол в немилость, уже ничего не мог сделать для Академии и университета. После смерти Ломоносова в 1765 г. Петербургский Академический университет продолжал оставаться «не-

настоящим» и пришел в полный упадок. Главную роль в оформляющейся системе высшего образования в России стал играть Московский университет. Правда, влияние Академического университета ощущалось и в начале 80-х гг. XVIII в.

* * *

Если Академия наук первоначально представляла собой гибрид академии и университета, а Академический университет после своего отделения от Академии не стал настоящим, полным университетом, то значит ли это, что это учреждение было первым центром зарождавшейся в России университетской философии? Нет, не значит. Уже в первые годы в рамках гибридного учреждения академия—университет философия заняла определенное место именно как *становящаяся* российская университетская философия. Первоначально в нем существовала философская кафедра и приступили к работе профессора философии, как если бы все это было действительно в университете.

Формально первым профессором философии в Академии наук, возглавившим по контракту от марта 1725 г. кафедру логики, метафизики и морали, стал Г. Бильфингер, которого Вольф считал «великим философом». Но вскоре после прибытия в Петербург Бильфингер занял кафедру экспериментальной и теоретической физики, а философская кафедра была отдана Х. Мартини. Но ненадолго. В конце 1727 г. Шумахер заявил Мартини, что Академия не нуждается в особенном профессоре метафизики и логики, и тому пришлось уволиться и уехать на родину. В 1730 г. профессором логики и метафизики стал Х.-Ф. Гросс, до этого — профессор нравоучительной философии (с января 1726 г.).

Вот как звучало 14 января 1726 г. объявление о первых лекциях в Академии наук по философским предметам:

«Христиан Мартин, профессор философии, логическое, метафизическое подаст учение, следуя философии Тумика, на употребление академическое изданную» [268, т. 1, с. 170]. Речь шла о рекомендованном Вольфом его стороннике Л.-Ф. Тюммиге, авторе сочинения «*Institutio-nes philosophiae Wolfianae*» (Frankfurt, 1725—1726), излагающего философию Вольфа.

О Бильфингере говорилось: «Георг Бернгард Билфингер, физики экспериментальной и теоретической профессор, искусства физикальные воспримет, с изъяснениями их и конклюдиями, следуя в том Гравесанду в институциях философии Невтонианской, для пользы академической в 1723 году изданных». (В.-И. Гравезанд — профессор из Лейдена, пропагандист идей Ньютона.)

О Гроссе: «Христиан Фр. Гросс, философии нравоучительной профессор чрезвычайный, научать будет этике, по книге Пуфендорфской, яже о должности человека и гражданина» [268, т. 1, с. 170]. (Самуил Пуфендорф — юрист, систематик естественного права. В России сначала стала известной его работа «О должностях человека и гражданина по закону естественному».)

В извещении от 14 января 1726 г. фигурировало и имя Вольфа, только не в связи с философией, а в связи с тем, что профессор Ф.-Х. Майер собирался «толковать» «всея математики начала, по правилу знатнейшего Волфиуса» [там же].

Вырисовываются, таким образом, контуры философии как предмета преподавания в Петербургской Академии наук в самые первые годы ее существования.

Но, увы, многообещающее начало не получило скорого продолжения. Первые профессора философии поочередно уехали из России, в преподавании философии в Академии наступил длительный перерыв. Но полного разрыва с преподаванием философии у Академии не произошло.

Во второй половине 30-х гг. в России появилось еще одно светское учебное заведение, в котором преподавалась философия. Это — *Сухонутный шляхетский кадетский корпус*.

В 1734 г. в этот корпус был принят «адъюнктус гуманорум», т. е. адъюнкт по гуманитарным дисциплинам, К. Г. Бер, который должен был обучать кадетов «в латинском штиле и риторике, так и в логике и морали» [256, с. 183]. В том же 1734 г. принят в Шляхетский кадетский корпус как «адъюнктус Юрис» преподаватель по фамилии Зольберх, чтобы «в Юриспруденции и когда требуется в прочих политических науках, которым он искусен, обучать» [там же, с. 182]. С 1738 г. в Петербургском кадетском корпусе преподает выходец из Пруссии, магистр Лейпцигского университета «профессор гуманорум» И. Э. Греч (1709—1760) — дед известного русского журналиста начала XIX в., пользовавшегося, правда, дурной славой в либеральных и демократических кругах, Н. Н. Греча (1787—1867).

Петербургский кадетский корпус стал известен как один из русских литературных центров XVIII в., в котором учились А. П. Сумароков (1717—1777), М. М. Херасков (1733—1807), Я. Б. Княжнин (1742 или 1740—1791) и другие литераторы. Есть сведения, дающие некоторое представление о том, какая философия преподавалась в корпусе. В классах корпуса использовались, в частности, труды: «Элементы рациональной философии» И.-Г. Гейнекция, немецкого юриста и философа, сторонника французской и голландской школы юриспруденции; «Есте-

ственное право» Гундлинга, «Практическая философия» И.-Ф. Буддеуса, профессора богословия в Йене, «Критика схоластизированного Аристотеля и протестантской схоластики».

Для нашей темы важно то обстоятельство, что в 1737 г. именно на Академию наук был возложен прием экзаменов в кадетском корпусе, в том числе по философии [см.: 268, т. 3, с. 456], опять в соответствии с той «университетской функцией», которую играла в первые десятилетия своего существования Академия наук.

Известно, что в конце 30-х гг. философские дисциплины преподавались также в Академической гимназии. Логику там читал профессор юриспруденции и политики Ф.-Г. Штрубе де Пирмон, а метафизику — адъюнкт Академии Х.-Э. Геллерт [см.: там же, т. 4, с. 57].

В 1742 г. лекции по философии вновь возобновились в самой Академии. Было сообщено, что с 1 сентября «Григорей Теплов, адъюнкт академии, философию практическую Волфову порядком Тиммиговым толковать публично будет слушателям» [см.: там же, т. 5, с. 308], а «Христлиб Эрготт Геллерт, адъюнкт академии, читать будет логику и метафизику, порядком Тиммиговым, публично...» [там же]. Иными словами, преподносилась философия Вольфа в изложении уже упоминавшегося Тюммига.

В «лекционный процесс» по философии собирался было включиться М. В. Ломоносов. В 1746 г. он выступил с предложением о публичных лекциях по сокращенной «Вольфианской экспериментальной Физике», приглашал «желающих учиться натуральной философии», но этот проект остался неосуществленным [см.: 151, т. 2, с. 360].

В начале 1748 г. по вызову К. Г. Разумовского из Саксонии приехал И.-А. Браун, ставший в Академии профессором логики, метафизики и нравоучительных наук. Поскольку Браун читал лекции по философии довольно продолжительное время — до начала 60-х гг., причем, в отличие от других профессоров, читал регулярно, что впоследствии особо отмечал друживший с ним М. В. Ломоносов, приведем два документальных свидетельства о том, в каком духе читал философские лекции Браун.

31 марта 1748 г. «в чрезвычайном историческом собрании» было принято расписание академических лекций. О Брауне объявлено, что он «читать будет публично введение во всю философию, таким образом, чтоб первые основания всех философских наук в презрядном порядке слушатели познали, и во основание употребить Наставления философские в пользу академическую Тиммигом сочиненные, а приватно толковать будет математический курс и философию натуральную или физику с правами натуральными и народными» [268, т. 9, с. 144—145].

В том же 1748 г. в расписании академических лекций первым значился «теоретической и практической философии профессор И.-А. Браун», который «предлагать будет Руководство по всю философию, употребляя за основание сокращенную Тиммигом Вольфианскую философию, которая для сего намерения лутче других служить может; однако же чтоб притом сию систему пополнять и исправлять, где за благо рассудится» [268, т. 9, с. 630].

Иными словами, принятие в качестве учебного курса сочинения вольфианца Тюммига отнюдь не означало, что вольфианская система признавалась неприкосновенной, ее можно было «пополнять» и «исправлять». По-видимому, такая установка не изменилась до конца лекций в Академическом университете, который к концу его существования назывался также Санкт-Петербургским. В расписании Санкт-Петербургского университета на первый семестр 1766 г. говорилось, в частности, что «Иосиф Адам Браун, теоретической и практической философии Профессор, окончив прошедшего году введение во всю Философию, такожде Логику и первую часть Метафизики, в первые шесть месяцев нынешнего году, по понедельникам, вторникам и четверткам, с 9 по 11 час. по утру преподавать будет прочие ее части; а по пятницам в те же часы Философскую Историю, Метафизику толковать будет по употребленным здесь к сему сокращенным Тиммиговым философским наставлениям, а Историю Философскую по расположению первоначальных ее оснований Гейнекциеву, кои находятся в первых основаниях его Логики и нравоучительной Философии» [226].

Как отмечено выше, успешно начавшееся в Академии наук преподавание философии было прервано под прямым давлением Шумахера. Именно он фактически изгнал из Академии Х. Мартини, утверждая, что нет нужды в специальном профессоре метафизики и логики. Активизация же лекционной работы по философии в Петербургском Академическом университете в значительной степени связана с именем М. В. Ломоносова, особенно с момента, когда он стал фактически единоначальником и в Академическом университете, и в гимназии. Ломоносов всячески поддерживал Брауна, преподававшего «в философском факультете» Академического университета, и поощрял преподавание философии в «верхнем классе» Академической гимназии, рекомендуя для нее «вольфианскую философию» Тюммига [см.: 151, т. 2, с. 1026, 746].

В соответствии со своей установкой на подготовку кадров русской национальности Ломоносов рекомендовал произвести адъюнкта Григория Козицкого в профессора философии, но влиятельный в администрации Тауберт склонил Разумовского не делать этого, ссылаясь на недостаток средств [см.: 33, с. 80–81].

* * *

В рамках гибрида академия — университет, а затем автономного Академического университета начался процесс становления университетской философии не только как предмета преподавания, но и как сферы теоретического творчества профессуры, как предмета теории.

Происходило это во время, когда понятие философии приобрело в России очень широкое распространение, если, правда, иметь в виду тот факт, что вся тогдашняя отечественная культура резко разделилась на две неравные части — на в значительной степени европеизированную верхушечную культуру, охватывающую узкий слой сравнительно образованного общества, и преобладавшую традиционную культуру православной церкви, близкую к культуре широких масс населения, продолжавших жить где-то в позднем Средневековье. В молодом же немногочисленном научном сообществе возобладало уважительное отношение к философии и предельно широкое понимание ее предмета. В статье «О пользе философии в юриспруденции», помещенной в издании Академии наук «Примечания к первой русской газете “Ведомости”», говорилось: «Философия со всеми своими частями великую обширность имеет... за собственные ее границы переходит и на все науки изобильно распространяется» [389, ч. 92, с. 351]. Причем это «распространение» понималось предельно «изобильно»: в одном из «Примечаний» можно было прочесть, что даже «простые рудокопцы... философствуют» [там же, ч. 91, с. 390].

Широко было распространено представление о философии как о «любомудрии». В этом отношении весьма показательна классификация наук, изложенная переводчиком Академии, затем профессором элоквенции В. К. Тредиаковским.

Весь состав «любомудрия» древние, по Тредиаковскому, разделяли на «Философию Умственную, Нравственную и Естественную». Не отвергая такого деления, Тредиаковский выделяет два основных раздела «философического состава». Первый раздел этого «состава» включает в себя, во-первых, «философию Приготовляющую, или Служащую Орудием», — *логику* «как способ правильного мышления, различения истинного и ложного» (заметим, сколь широко трактуется логика, включая в себя гносеологические проблемы. — В. П.); во-вторых, «философию Главнейшую, или Свершающую», — *онтологию* как учение о «Повсеместном», об идеях самых общих вещей; затем идут третье учение — арифметика, четвертое — алгебра, пятое — геометрия и шестое — «История философическая», которая «предлагает и повествует приращение и умаление мудрости».

«Второй раздел философического состава», по Тредиаковскому, — это состав «Теоретический, или умозрительный». В него входят: *теология*, или *естественное богословие* как учение о Боге, достигаемое врожденным разумом, *пневматология* как учение о духах сотворенных и их свойствах (об уме, о душе во взаимодействии с телом). Онтология, естественное богословие и пневматология составляют *метафизику*.

Третье из умозрительных учений — это физика.

Выделяет Тредиаковский также «практические», или «деятельные», учения: *философия нравственная* (право естественное, этика, патология — учение о пристрастиях человеческих), *философия гражданская*, или *политика*, — учение о человеческом сожитии (общество супружеское, города, царства и формы правления), должности гражданские [см.: 500, т. 1, с. 498 и сл.].

Все «любомудрие» как «внешняя мудрость» подчинено у Тредиаковского «внутренней мудрости», почерпаемой из Откровения. Разум, утверждает Тредиаковский в духе традиционализма, должен находиться в послушании веры. В то же время в нем говорит и мыслитель Нового времени, когда одним из способов мышления он выдвигает «математический метод».

Полемизуя с традиционным для России мнением о том, что «любомудрие» есть «нечто малое», «густое», «игралошное», «недостойное всякого благоразумного сердца», Тредиаковский доказывал, что «любомудрие» есть дело «превеликое и преизящное», «первое и последнее человечества», «необходимое каждому».

На вопрос же о том, что есть «любомудрие», Тредиаковский отвечает, опираясь одновременно и на Вольфа, и на Декарта, и на Аристотеля, и на Платона: любомудрие «есть Знание, по Волфию, возможных, поелику суть возможные; а разум сего: поелику Вещи доказываются Причинами Естественности их, и бытности, по несказанием повествуется по делам бывшим или настоящим: так что Любомудрие есть Знание Вещей сущих или будущих и также Причин или Начал, чего ради они суть или бывають, или могут быть. И оно же есть Знание, по Картезию, произведенное твердо из достоверных Начал. Оно есть Знание, по Аристотелю, истинное и достоверное по Причинам. Оно есть, наконец, Знание, по Платону, Вещей Божественных и человеческих, и купно Причин, коими сии Вещи содержатся» [там же, с. 552–553].

Сейчас многие скажут, что это — эклектическое понимание философии. Дело, однако, в том, что Тредиаковский сознательно избирает именно «любомудрие эклектическое», противопоставляя ему любомудрие «догматическое» и «скептическое». По Тредиаковскому, «любо-

мудрие эклектическое» — это любомудрие, «то избирающее, что во всех писателях твердейше доказанное и с первыми Началами соединенное» [500, т. 1, с. 497].

Выше было уже сказано, что профессор Браун получил санкцию «дополнять» и «исправлять» «где за благо рассудится» философию Вольфа. ТрEDIAKОВский демонстрирует еще более широкий подход в преодолении границ Вольфовой философии, которая через Тюммига стала исходной для становящейся российской университетской философии. На деле эклектическая модель ТрEDIAKОВского, который в понятие «эклектика» вкладывал первоначальный, ничуть не уничижительный смысл, толкуя ее как способ обобщать все наилучшее, наиболее доказательное из разных систем, отражала преобладавший в становящейся российской университетской философии способ рецепции зарубежных философских идей и концепций.

Ни лейбницеанство, ни вольфианство, ни картезианство не воспринимались в России XVIII в. как нечто целое, в совокупности их базовых принципов.

Лейбниц пользовался авторитетом, из него многое заимствовалось, но фундаментальную для Лейбница теорию предустановленной гармонии не признавал никто и соответственно не признавали всю его монадологию и антропологию.

Несомненно большим было влияние на формирование научного и философского мировоззрения Ломоносова философии Вольфа в годы учебы в Германии. Ломоносов лично перевел «Экспериментальную физику» Вольфа и рекомендовал ее для преподавания. Но свою «корпускулярную философию» русский мыслитель в конечном счете радикально противопоставил монадологии своего учителя. Л. Эйлер же вообще не признавал монадологию Вольфа, а также его учение о движении и покое.

На работы Тюммига, истолкователя Вольфа, опирались Мартини, Теплов, Геллерт, Браун, Ломоносов, но никто из них не стал вольфианцем в полном смысле.

Хотя существовавшая точка зрения, согласно которой воззрения Ломоносова на природу являются чисто картезианскими, — это неверная точка зрения, но отрицать влияние Декарта на Ломоносова не приходится. В свою очередь Эйлер, признавая некоторые заслуги Декарта, тем не менее с насмешкой отвергал картезианский механицизм. Логику немецкого математика, физика и философа Э.-В. Чирнгаузена, примыкавшего по философским взглядам к Декарту, но испытывавшего влияние также Лейбница, использовал Теплов. В то же время более всего этот русский мыслитель заимствовал у Вольфа.

Все это свидетельствует о плюралистическом, разноосновном, эклектическом в первоначальном смысле этого слова характере мыслительного материала для становящейся университетской философии в России, хотя главным источником была философия Вольфа.

О том же свидетельствуют и осуществлявшиеся в Академии наук в первые десятилетия ее существования переводы зарубежных сочинений. Поскольку до XIX в. переводы составляли около двух третей всей выходящей в России литературы и выполнялись в утилитарных целях, сделанные в Академии, они дают представление о разнообразии тогдашних философских интересов, хотя по каким-то внешним признакам может показаться, что в XVIII в. ориентировались в основном на Вольфа. Труды Пуфендорфа переводили Б. А. Волков и А. Я. Поленов. Антивольфианские сочинения Л. Эйлера перевел С. Я. Румовский. В. Ф. Зуев, С. К. Котельников, Н. Соколов, П. Иноходцев, Н. Я. Озерцовский, С. Я. Румовский участвовали в переводе сочинения французского естествоиспытателя, одного из основоположников учения о развитии природы Ж.-Л.-Л. Бюффона «Всеобщая и частная естественная история». Работы Локка переводил Н. Н. Поповский. В. И. Крамаренков перевел сочинение Монтестьё «О разуме законов». Монтестьё же переводил А. Я. Поленов. Среди переводов В. К. Третьяковского есть работа Вольфа и т. д.

На примере классификации наук, в том числе философских, предложенной Третьяковским, вполне отчетливо можно видеть еще одну из специфических особенностей становления университетской философии в России: философия стала развиваться как система связанных друг с другом, subordinированных дисциплин, что изначально отличало ее от бессистемной неакадемической философии и от духовно-академической философии, в которой была иная система дисциплин.

Уже в рамках гибрида академия — университет и в автономном Академическом университете исходной, базовой стала философия Вольфа в трактовке Тюммига. В первую очередь речь идет о Вольфовом понимании философии как знания вещей сущих и возможных, будущих и соответственно как знания возможных причин. От Вольфа идет понимание **онтологии** как главнейшей из философских дисциплин.

Через Вольфа пришла в Россию отличающаяся от аристотелевской концепция **логики** Лейбница, согласно которой логика учит, что такое разум, в чем его заблуждение, как он может быть усовершенствован, как человек должен искать истину и сообщать ее другим. Такое толкование задач логики превратило ее фактически в теорию познания, которая, тем не менее, в XVIII в. еще не выделилась в самостоятельную

философскую дисциплину. Лейбнице-вольфовская логика совмещалась, однако, с аристотелевской.

Сохранились учебные предписания, дающие представление о том, какую логику изучали в Академии наук в первые десятилетия ее существования. В «Предложениях» от 25 марта 1735 г. о семинарии при Академии говорилось: «В логике, которую проректор учить будет, покуда для сего употребления в академии новая сочинена будет, надлежит Християнина Вольфия как предводителя давать, чтоб младые дети купно термины школьные хотя мало познавши, до высочайших наук приступить могли, и ниже единым только термином обучать должен, но силу оных и употребление ясно показывать надлежит, да какой конец логика имеет — всякий ученик, елико может, постигать должен. Напоследок искушать такожде должен больших учеников, колико они по правилам Аристотелевым в диспутах сильны» [268, т. 2, с. 682].

Другие философские дисциплины, формировавшиеся в рамках академии — университета, не были так прочно связаны с философией Вольфа, как онтология или логика.

На протяжении почти всего XVIII столетия главной натурфилософской дисциплиной считалась **физика**, которая, в отличие от современных представлений о ней как науке о простейших явлениях природы, свойствах и строении материи и законах ее движения, понималась как наука, познающая все существующее, его свойства, качества и природу сущего. Физика, говорилось в одной из академических программ, «разделяет смещение, различает сложение частей, составляющих натуральные вещи, усматривает в них взаимные действия и союзы, показывает оных причины, описывает непоколебимо утвержденные от Создателя естественные уставы, и в уме воображает, что от чувств наших долгою времени, дальностию разстояния, или дебелистию великих тел закрыто, или для безмерной тонкости оным не подвержено» [там же, т. 8, с. 127].

Поскольку физика уже тогда была тесно связана с экспериментом, в ней быстро накапливался эмпирический материал, вступающий в противоречие с натурфилософскими представлениями Вольфа. С натурфилософией Вольфа радикально разошелся «эмпирик» Л. Эйлер, а также М. В. Ломоносов. Другие физики, работавшие в Петербургской Академии наук, ориентировались на свои авторитеты. Бильфингер ориентировался на Ньютона и его истолкователя Гравезанда. Д. Бернулли тоже отдавал предпочтение взглядам Ньютона и противостоял Декарту. Физик Г.-В. Крафт в своей науке ценил Мушенбрука, Гравезанда, Ноллета, использовал идеи Ньютона, Эйлера, Бюффона, но не принимал теории

Коперника. Короче говоря, физика, или натуральная философия, в России XVIII в. не была целиком вольфианской.

Комплексной, как бы мы сейчас сказали, была в XVIII в. *«естественная история»*, под которой понимали науку о строении Вселенной и законах мироздания. В нее входили многие впоследствии отдельные науки: астрономия, физика, химия, геология, география, ботаника, зоология, анатомия, физиология растений и животных, антропология, медицина, агрономия, технология и др. В силу такой комплексности и ориентации на все мироздание «естественная история» во многом также представляла собой натурфилософскую дисциплину. В этой сфере с середины XVIII в. наиболее видным авторитетом становится француз Бюффон.

Самым высокооплачиваемым из иностранных членов Петербургской Академии был *астроном*-француз Ж.-Н. Делиль. В его деятельности проявились явные элементы философского свободомыслия, когда он поднял вопрос о том, «какова настоящая система мира» в духе теории Коперника. Помощник Делиля, сменивший его после того, как Делиль уехал на родину, Х.-Н. Винцгейм продолжил дело своего наставника. Появились и русские по национальности астрономы (А. Д. Красильников и др.). В связи с развитием в России астрономии естественно возникла сопутствующая ей философская космологическая проблематика.

Принципиально новые философские проблемы появились в развивающейся российской университетской науке в связи со становлением в России *биологии*. С конца 60-х гг. в Академии наук начал работать выдающийся эмбриолог, пионер в разработке теории эволюции и критики теории постоянства видов К.-Ф. Вольф.

К концу 40-х гг. XVIII в. обозначилось формирование в России *антропологии*, относившейся тогда к философии. В 1747 г. будущий академик С. К. Котельников в категорических тонах говорил о том, что «почти всякому студенту несколько о чудной оной махине тела человеческого знать надлежит, понеже оное знание есть часть философии» [268, т. 8, с. 382].

Из дисциплин, входивших, по представлениям XVIII в., в состав *нравственной*, или *нравоучительной*, философии, особо следует сказать о *«естественном праве»* именно как о тогдашней философской дисциплине, понимавшейся как основа «метафизики» всех других «прав». Естественное право в духе Пуфендорфа с 1726 г. начал преподавать профессор Х. Гросс. Профессор кафедры юриспруденции и политики Академии наук Ф.-Г. Штрубе де Пирмон был приверженцем концепции другого теоретика естественного права – немецкого юриста и

философа Христиана Томазия, автора труда «Основы естественного права» (1705). Естественное право стало исходной базой для развития в России целого направления — **философии права**.

В. Третьяковский стал первым из русских, кто включил в отечественную мысль политику как философскую науку — «философию гражданскую».

И наконец, скажем еще об одной философской дисциплине, которая формировалась по ходу становления в России со второй половины 20-х гг. XVIII в. университетской философии. Речь идет о **«философии русской истории»**. В этой сфере обозначилось противостояние двух разных подходов, двух методов — аксиологического и научно-объективного; патристическому принципу Ломоносова, Теплова, Крашенинникова и других русских деятелей Академии, которых поддерживали, между прочим, некоторые академики из немцев, противостоял принцип объективности, весьма категорически сформулированный Г.-Ф. Миллером: «Быть верным истине, беспристрастным и скромным»; историк должен казаться без отечества, без веры, без государя.

Одним из конкретных выражений столкновения двух принципов стал спор о так называемой норманской теории. Сторонники норманской теории (Г.-З. Байер и др.) ошибались в деталях освещения роли «варягов» в истории Древней Руси, но они исходили все-таки из объективно установленных фактов. Их же оппоненты, отрицая роль «варягов» в становлении русской государственности, апеллировали лишь к чувству патриотизма.

* * *

Научная жизнь в университетах немислима без **дискуссий** не только в профессорской, но и в студенческой среде. Такие дискуссии появились и в Академическом университете. Один из параграфов утвержденного 10 августа 1750 г. К. Разумовским «Учреждения о университете и гимназии» предусматривал «обучение студентов диспутам» [см.: 268, т. 10, с. 520]. В сентябре 1753 г. в Академическом университете прошел диспут, на котором выступили профессора Браун и Барсов, а также студенты: Н. Поповский — на тему «О несправедливом презрении нравоучительной философии, особливо у древних философов, прежде Сократа бывших», и Ф. Яремский «О философии Цицероновой» [см.: 33, с. 246—247].

Экзамены — еще один важный признак любого учебного процесса, в том числе университетского.

Первые сравнительно подробные данные об экзаменах относятся к 1837 г., когда на Академию было возложено проведение публичных экзаменов в Шляхетском кадетском корпусе. В числе экзаменаторов предусматривались «некоторые из профессоров и учителей Академии наук» [см.: 256, с. 83].

Пятый экзамен в Шляхетском корпусе был экзаменом по философии. Устанавливался порядок: «Пятый экзамен может напоследок учинен быть с теми кадетами, которые несколько обучались философским наукам, а именно логике, нравоучительной философии и физике, а также юриспруденции...» [там же, с. 85]. Примечательно, что «законодатель» экзаменов учитывал наличие в философии разных концепций и поэтому ориентировал на знание только того, что излагал кадетам их учитель: «Во всех сиих науках экзамен инако учинен быть не может, как только по вопросам, которые должны от их учителей учреждены быть, последуя тому порядку и авторам, которые от них при учении употреблены были: ибо все оные науки от авторов, как известно, предлагаются весьма различным образом, того ради и экзамены должны учинены быть по употребленному в том от оных авторов порядку, что наиспособные от самих учителей учинено быть может» [там же, с. 91].

3 февраля 1748 г. по императорскому указу экзаменовались 10 учащихся кадетского корпуса. Экзаменовали их 15 профессоров Академии наук. Логiku и нравоучение принимал И. Браун, естественное право — Штрубе де Пирмон. По результатам экзаменов был сделан, в частности, вывод, что кадеты «в логике, морали и натуральном праве все очень довольное основание положили» [268, т. 9, с. 107].

В марте 1748 г. профессора Браун, Фишер и Ломоносов экзаменуют кандидатов в студенты университета, набранных в духовных училищах Петербурга, Новгорода и Москвы. Согласно протоколу от 5 марта, экзаменаторы сообщили, что 17 из 19 выбранных в студенты «в гумано-рах и школьной философии довольный успех имеют, так что оные на академические лекции о чистоте штиля, здравейшей философии и математике допущены быть могут...» [там же, с. 145].

Сохранился протокол экзаменов в Академическом университете, которые с 29 февраля по 8 марта 1750 г. сдавали 27 человек. В экзаменационную комиссию входили: ассессор Теплов, профессора Миллер, Рихман, Фишер и Браун. Протокол, составленный Миллером, зафиксировал, в частности, что некоторые студенты по философии отвечали «прилично», например, Ф. Яремский и С. Румовский. А в числе отвечавших неважно был Н. Поповский (!).

Есть сведения о том, что в Академическом университете были экзамены в октябре—декабре 1757 г. и в 1762 г.

Сколь бы ни были разрозненными сведения об экзаменах, которые проводились в Академическом университете и вне его университетскими профессорами, — они являются все-таки дополнительными данными к размышлениям о том, работал или не работал Академический университет в Петербурге, насколько был он «никаким» или «ненастоящим». И следует вывод: хотя первоначально существовал гибрид академия — университет, хотя Академический университет не был настоящим и полным (студентов было мало, лекции читались нерегулярно, такими же были экзамены, автономией университет не пользовался, степеней и званий он не давал и т. п.), тем не менее для этих учреждений были характерны черты обычного университета.

Для нашей темы основным является вывод о том, что в рамках академии — университета и Академического университета начала складываться отличная от духовно-академической и неакадемической, «вольной», университетская философия как специфический феномен отечественной философской культуры, как относительно самостоятельное направление мысли. Складывалась университетская философия и как предмет преподавания, и как сфера философской теории, выраженной в трудах академических профессоров и преподавателей.

Как все другие сферы философии в России, становящаяся университетская философия находилась в рамках, очерчиваемых самодержавным политическим строем и догматами православной церкви. Уставные документы предписывали, «чтоб профессора лекции свои порядочно имели, оные по произвольному образцу и в канцелярии апробированному располагали и не учинили бы ничего, что противно быть может православной греко-российской вере, форме правительства и добронравию» [268, т. 10, с. 513]. Когда университетские профессора хотели что-нибудь опубликовать, они должны были доказывать, что в этом произведении нет «противности ни закону, ни освященной особе, ни государству, ни добрым нравам», что в нем «не будет никакого политического противящего извета», как писал, например Третьяковский, когда хлопотал о печатании перевода работы Вольтера «Исторический и критический опыт о разногласиях церквей в Польше» [см.: 151, т. 2, с. 228 и 167]. И тем не менее университетская философия становилась в менее стесненных цензурных условиях, чем духовно-академическая и «вольная», внеуниверситетская, философия. И у нее было больше возможностей использовать научный и философский опыт передовых наций.

3

ФИЛОСОФИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — НАЧАЛА XIX в. (1755—1803)

ХОТЯ ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА нас интересует только в одном аспекте — с точки зрения его роли в развитии университетской философии, мы не можем не начать этот разговор с вопроса о том, кто является создателем Московского университета. В советское время этот вопрос не подлежал обсуждению: организатором считали М. В. Ломоносова. И МГУ носит его имя. В последнее время стали называть три имени, связывая с ними создание университета: императрицу Елизавету, графа И. И. Шувалова и М. В. Ломоносова. Но роли каждого из трех остаются не совсем ясными. Что же известно на этот счет?

Идея создания нескольких университетов в разных городах России появилась еще при Петре I, но тогда решили создать в Петербурге гибридную академию — университет. Когда же вопрос о Московском университете был уже решен, Елизавета Петровна в указе от 24 января 1855 г. назвала «изобретателем сего полезного дела» И. И. Шувалова.

Кто такой Шувалов и почему он так назван?

Будучи двоюродным братом П. И. Шувалова (1710—1762), который после дворцового переворота 25 ноября 1741 г., приведшего к вступлению на престол Елизаветы Петровны, оказался одним из наиболее влиятельных государственных и военных деятелей нового царствования, Иван Шувалов уже в юные годы (с 1742 г.) находился на службе при дворе, а с 1749 г. стал камер-юнкером и фаворитом императрицы. Как сторонник «русской» «патриотической партии», он был поборником развития русской науки и искусства. В этом качестве Шувалов с 1750 г. покровительствовал М. В. Ломоносову, к тому времени уже известному не только своими литературными и научными трудами, но и ярко выраженной патриотической позицией, совпадавшей во многом с политикой императрицы Елизаветы. Между Шуваловым и Ломоносовым установились тесные, дружеские взаимоотношения. Ломоносов представлял на суд покровителю свои сочинения, был его частым гостем, переписывался с ним во время пребывания Шувалова на даче. Сам царедворец бывал в доме Ломоносова и даже выпросил у царицы для Ломоносова деревеньку в 40 душ.

Судя по письму Ломоносова Шувалову, идея создания университета в Москве все-таки принадлежала последнему, о чем Шувалов говорил Ломоносову сначала устно. Когда Шувалов сочинил вчерне записку в Правительствующий Сенат о необходимости организовать в Москве университет и две гимназии, он послал черновик Ломоносову в Петербург. Ломоносов отвечал: «Полученным от вашего превосходительства черновым донесением Правительствующему Сенату к великой моей радости я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может, а многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет в праву бесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видели, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждение, узаконение, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине представляются. Того ради, ежели Московский Университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план вами сочиненный» [26, с. 28].

И вот теперь Ломоносов подключился вплотную к проекту. Он, в частности, предложил учредить в Московском университете три факультета: юридический, медицинский и философский, т. е. такие же, какие уже были в Академическом университете в Петербурге [см.: 33, с. 270; 2, с. 567].

Еще до того, как Московский университет был открыт, Ломоносов обращался к Елизавете:

...когда твой Университет

О имени Твоем под солнцем процветет;

Тобою данными красуясь вечно нравы,

Для истинной красоты Российския державы.

12(23) января 1755 г. Елизавета утвердила проект Московского университета как проект Шувалова. Правда, университет стали называть *alma Universitas Elisabethana*.

А как же оценивал свою роль сам Ломоносов? Он то называл себя «участником при учреждении Московского университета», то заявлял, что он «первую причину подал к основанию помянутого корпуса» [248, т. 4, с. 312]. В 1760 г. в письме Шувалову Ломоносов просил напомнить, что он «советы давал о Московском университете» [33, с. 433]. Думается, что Ломоносов в данном случае был вполне искренен и точен. Ведь с 1753 г. он энергично взялся за улучшение деятельности академических учреждений в Петербурге и, накопив опыт «научно-орга-

низационной», как мы сейчас говорим, работы, мог давать и действительно давал толковые советы Шувалову. Но целиком переключить свое внимание на дела Московского университета у него не было резона. Шувалову он своими советами помог, и, видимо, не без его участия Петербургский Академический университет откомандировал в Москву некоторых из своих ученых. Факты свидетельствуют о правоте биографа Шувалова, который писал: «Надо думать, что самый проект или план университета, помещенный в Полном Собрании Законов Российской империи, есть произведение столько же Шувалова, сколько и Ломоносова, что они сообща трудились над ним; но нет никаких оснований приписывать его одному Ломоносову, как вообще у нас думают» [26, с. 29].

В Екатерининскую эпоху появились планы новых университетов. Инициатором выступил тогда Григорий Потемкин [см.: там же, с. 70].

4 сентября 1784 г. Екатерина предписала Потемкину основать в губернском городе Екатериносельского наместничества университет. 29 января 1786 г. императрица издала указ о создании комиссии для выработки плана учреждения новых университетов — в Пскове, Чернигове и Пензе.

Но революция 1789 г. во Франции отодвинула планы создания новых университетов в России. Московский остался фактически единственным, поскольку Петербургский Академический университет после смерти Ломоносова почти совсем зачах.

В Московском университете дела обстояли лучше, чем в Петербургском Академическом, но отнюдь не во всех отношениях они были успешны.

Студентов в Москве стало побольше, однако не так много, как в настоящих западноевропейских. В 1758 г. в Московском университете училось 100 человек, в 1777 г. — 82 студента, т. е. меньше, чем в первые годы после его учреждения [см.: 496, с. 39, 42].

Как бы мы сейчас сказали, в университете наблюдалась большая текучесть в среде учащихся. Порой ситуация казалась критической: в 1765 г. на юридическом факультете был только один студент; в 1768 г. на медицинском факультете остался также один студент. На философском факультете обучающихся насчитывалось больше: однажды было решено перевести пять студентов философского факультета на юридический. Мало кто заканчивал курс университета полностью. К 1770 г. из университета ушло 300 студентов, не окончив обучения.

Хотя и Московский университет XVIII в., как и Петербургский академический, не был еще настоящим, полным университетом, университетская философия в рамках первого сделала существенный шаг впе-

ред. На философском факультете был введен штат из четырех профессоров философии, которые читали курсы по основным философским дисциплинам: метафизике, логике и нравственной философии. При университете возникает нечто подобное научным философским обществам: в 1781 г. профессор Шварц учреждает «Собрание университетских питомцев», которое ставило как научные цели — «упражняться» в сочинениях разного рода и переводах, так и нравственные — «жить по правилам благочестия». Есть сведения, что, как и в Петербургском академическом университете, в Московском практиковались студенческие философские диспуты. Уже в декабре 1755 г. под руководством первого штатного профессора философии И.-Г. Фроманна в университете состоялась такая философская дискуссия. Тезисы выдвигали студенты Петр Дмитриев (уроженец Москвы) и Егор Булатницкий (из Киева), а опровергали их студенты Антон Любинский (из Киева), Аввакум Рудаков (из Переяславля), Илларион Садовский (из Нижнего Новгорода) и Иван Федоров (из Суздаля).

Какова же была роль Московского университета XVIII в. в развитии отечественной философии вообще и в истории университетской философии в частности? В этом вопросе в историографии проявились две крайности. В. Зеньковский фактически поставил философскую мысль в Московском университете в зависимость от духовно-академической. А. Введенский, наоборот, приуменьшал значение духовно-академической философии и развитие философской мысли в России до открытия университета, связывая начало настоящей философии в России только с открытием Московского университета.

Другое направление деформации картины философской мысли в Московском университете XVIII в. было связано с квазипатриотической линией в советские 40-е гг., в частности, с так называемой ломоносовской материалистической традицией в истории философской мысли в университете.

Между тем университетская философия в России стартовала задолго до открытия Московского университета и фактически независимо от духовно-академической философии, если не считать того, что духовные училища дали многих студентов и ряд будущих профессоров. Как мы могли убедиться из вышесказанного, университетская философия в России стала складываться с момента создания при Петербургской Академии наук Академического университета, точнее, даже с момента, когда Академия возникла первоначально как гибрид академии с университетом. Решающую роль в становлении университетской философии в России еще до открытия Московского университета сыграли русско-немецкие философские связи. С открытием Московского университета

эти связи продолжились и развились. К сожалению, эти исторические факты не раз игнорировались в отечественной историографии.

Уже во второй период царствования Александра I взлет национализма привел к деформации начальной истории философской мысли в Московском университете: была явно принижена действительная роль немецких философов-профессоров. Особенно печальным в отечественной историографии стал период 40–50-х гг. XX в., когда возобладала сталинско-ждановская идеология с ее квазипатриотическими кампаниями борьбы против космополитизма, против «преклонения перед иностранщиной», приведшей к вопиющим фактам ксенофобии вообще, германофобии особенно. Бесспорно же то, что университетская философия в России формировалась при решающей роли русско-немецких связей, особенно с лейбнице-вольфовской философией — самым влиятельным тогдашним направлением западноевропейской философии.

Университетская философия в России окончательно оформилась как разновидность светской философии европейского типа. Тогдашние русско-немецкие философские связи стали главным фактором, способствовавшим европеизации и модернизации всей философской жизни в России, повышению социального статуса философии в противостоянии с традиционными для России предшествующих XVIII в. столетий антифилософскими умонастроениями значительной части российского общества, в первую очередь из среды консервативного духовенства.

В Московском университете XVIII в. русско-немецкие философские связи продолжали оказывать мощное влияние на всю систему преподавания философии и разработку философской теории университетской профессурой. Именно через немецкую философию в русскую университетскую философию проникли характерные для русского XVIII в. мысли о том, что из всех наук философия является «важнейшей и полезнейшей», ибо она «просвещает разум и укрепляет душевные силы человека».

Эта идея пробивалась в русскую мысль не без трудностей. Борьба вокруг статуса философии, ее права на существование и на ее преподавание — одна из закономерностей в жизни Московского университета в XVIII в. Сопротивление процессу утверждения новых форм философии оказывалось со стороны не только консервативных кругов церкви, но и университетской среды. Это было одной из форм борьбы адептов конкретных эмпирических научных дисциплин с философией как предельно абстрактной наукой, которая выглядела в глазах эмпириков безжизненной схоластикой. В этом отношении Г. Шпет был прав, когда писал о некоторых «софобобах» в Московском университете XVIII в.

В силу этого обстоятельства русская университетская философия уже с XVIII в. выступает как позитивная культуротворческая сила, хотя во многих случаях «софофобы», особенно из среды ученых-эмпириков, уже в XVIII в. нередко выявляли действительные слабости и недостатки философии в сравнении с конкретными науками.

В истории философии, несомненно, очень важную роль играет проблема оригинальности философских систем и идей. На этой, ставшей «вечной», теме в России сломано множество копий. Г. Шпет и Б. Яковенко стали наиболее «показательными» историками, акцентировавшими несамостоятельность, неоригинальность русской философии вообще, а Шпет специально «прошелся» своим язвительным языком по неоригинальности русской университетской философии.

Между тем на проблему оригинальности отнюдь не обязательно «нажимать» во всяком историко-философском исследовании. Вопрос об оригинальности стоит на первом месте только в логике всемирно-исторического философского процесса. Если же мы находимся в рамках культурологической модели исследования философского процесса отдельных стран и народов, то на первом плане не может не стоять функционирование в культуре любых, как оригинальных, так и неоригинальных, заимствованных извне или порожденных в национальной среде идей. В логике культурного и интеллектуального развития России на протяжении всей ее истории, особенно учитывая то обстоятельство, что до конца XVII в. (до Лихудов) философия на Руси существовала либо в виде разрозненных идей, либо вообще лишь в форме философем и никогда ни в каком виде не преподавалась и что на Руси не было даже сколько-нибудь значимых переводов античных классических философских произведений, принимая во внимание все это, общекультурное значение сформировавшейся в XVIII в. отечественной университетской философии (сначала в рамках гибрида академия — университет, потом в автономном Академическом университете в Петербурге и в Московском университете) трудно переоценить. Пусть на узком участке, оставив большую часть страны пребывать чуть ли не в Средневековье, философско-университетская сфера русской культуры выдвинулась на общеевропейские рубежи.

В числе спорных и нерешенных проблем историографии философии в России XVIII в. остается проблема типологии и классификации философских направлений, в том числе тех, которые преобладали в Московском университете. Прежде всего речь идет о том, в каком соотношении было тогда влияние немецкой и французской философии.

Фактом является, что в России XVIII в. было переведено множество трудов французских мыслителей и литераторов. Хорошо известны теп-

лые отношения Екатерины II с французскими просветителями. Я. Колубовский был недалек от истины, когда писал, что в то время не только Вольф, Руссо, Гельвеций и Дидро были предметами культа. Совершенно не случайно в отечественной историографии очень широко применяется тезис о «вольтерьянстве» как особом философском направлении тогдашней мысли в России. А. Введенский обосновывал мысль, что в России гораздо успешнее шло подчинение влиянию французской философии, чем немецкой, поскольку вольфианская философия преподавалась в Московском университете не только иностранцами, но даже и Д. С. Аничковым на латинском языке и уже по одному этому-де не могла успешно распространяться в русском обществе. К тому же, добавлял Введенский, Германия в то время сама испытывала сильное французское влияние. Эту проблему нельзя, по-видимому, решить адекватно, если не дифференцировать сферы французского и немецкого влияния.

Если говорить о «первой», собственно теоретической, философии — о метафизике (онтологии), гносеологии и логике, то несомненно, что в этих дисциплинах, которые в XVIII в. представляли в первую очередь Лейбниц и Вольф, немецкой философии не было равных. Недаром даже во французской «Энциклопедии» вольфианство выступает образцом философии. Хотя Вольф, не вышедший за рамки классической метафизики, не был, как убедительно показал еще Шпет, философом-просветителем в том же смысле, каком таковыми были антиметафизики-антропоцентристы Вольтер, Дидро, Гельвеций и Гольбах, опора просветителей — французская «Энциклопедия» — сочла целесообразным привести определение философии именно Вольфа.

И в России уже второй четверти XVIII в. с первых лекций по философии немецких профессоров в Петербургской Академии наук вольфианство — сначала главным образом через труды его личного секретаря и комментатора Тюммига — стало наиболее влиятельным, но, как мы видели, — не единственным направлением в становящейся университетской философии.

Что же касается сфер «практической философии», то в ней сильнее было французское влияние, причем не только в «вольной», внеуниверситетской, философии.

В целом университетская философия в России в рамках как Петербургского Академического университета, так и Московского университета XVIII в. была по преимуществу вольфообразной. А «русское вольтерьянство» XVIII в. — это было скорее неясное в своем содержании критическое умонастроение, нежели некая определенная система идей, распространенная в неакадемической среде.

Из ряда историков философии, связывавших так или иначе философскую мысль в Московском университете XVIII в. прежде всего с вольфианством и оппозицией ему, «выбился» В. Зеньковский, неизвестно на каком основании увидевший у московских профессоров-философов в первую очередь вольтерьянство, а затем английский эмпиризм.

Говоря о вольфообразности университетской философии в рамках Московского университета и его предшественника Петербургского академического университета, мы не хотим, однако, отрицать влияния других зарубежных философов и ученых, особенно Декарта, Ньютона, Локка, французских просветителей XVIII в. Из ранних немецких философов в XVIII в. переводились сочинения Фомы Кемпийского, И. Арндта, Эразма Роттердамского. Были опубликованы переводы сочинений философствующего прусского короля Фридриха II, известного своей политикой просвещенного абсолютизма и близостью к Вольтеру. С появлением в Московском университете трансильванца И. Шварца масонство немецкого толка стало важным, порой скандальным фактом идейно-философской жизни университета.

В конце XVIII в. московские университетские профессора неоднозначно восприняли начало распространения в России философии Канта. Профессор Л. Мельманн попытался познакомить студентов университета с критической философией Канта, но попытка оказалась неудачной: профессора выслали из России за неосторожные высказывания о религии. Собирался прочитать лекции о философии Канта профессор И.-М. Шаден, но умер, не успев исполнить своего намерения. На Канта обратил внимание также профессор А. М. Брянцев, причем основным мотивом его обращения к критицизму Канта была надежда с его помощью примирить «философские секты», т. е. противоположные философские направления. Уже тот факт, что в 1794 г. Кант был избран в почетные члены Петербургской Академии наук, говорит о степени уважения, каким пользовался тогда в России Кант.

Правда, одновременно с рецепцией отдельных идей Канта началась и критика его философии. Первым критиком Канта стал профессор М. И. Скиадан.

Все сказанное выше означает, что нельзя сводить университетскую философию в России XVIII в. только к вольфианству, как это нередко делалось. Влияние шло с разных сторон, перекрестным образом, и приводило оно чаще всего к «плюралистическим», синтетическим, разноосновным, амальгамным, синкретическим концепциям. В этой связи скажем еще несколько слов по вопросу об эклектическом характере университетской философии в России XVIII в.

В отечественной философской историографии, особенно советского периода, понятие «эклექтика» потеряло свой первоначальный смысл и стало бранным словом. Помните, как Ф. Энгельс говорил о Лаврове: «Друг наш Петр — эклектик...» И русскую университетскую философию не раз упрекали в эклектицизме. Между тем изначально понятие «эклექтика» означало стремление философии взять у всех своих предшественников все лучшее, а не следовать какому-либо одному авторитету, что называли бы в таком случае догматизмом. И вопрос о том, что лучше: эклектика или догматизм — не имеет однозначного решения раз и навсегда.

Для развития философской мысли стран Восточной Европы, которые запаздывали в своем историческом развитии по сравнению с ушедшими вперед западноевропейскими странами, но стремившимися догнать их (а к таким странам объективно и во многом и субъективно в сознании значительной части общества относилась и Россия), эклектика в исходном смысле этого слова является не исключением, а правилом. Было бы странно для деятелей Петербургской Академии наук, затем Петербургского академического и Московского университетов следовать только за несистематизированной философией Лейбница, если ее уже систематизировал и «откорректировал» Вольф; невозможно было догматически, целиком воспринимать философию Вольфа в условиях, когда вольфианство критиковалось в самой Германии и об этом в России было известно. Применительно же к университетской философии как системе преподавания следование непосредственно Вольфу с его многотомными трудами было изначально нецелесообразно, коль скоро имелся адаптированный именно к университетскому образованию труд его секретаря и последователя Тюммига. И к тому же профессора философии Академии наук, а затем Академического университета получили право дополнять и исправлять вольфианскую философию, если они «сочтут это за благо».

Естественным было при этом возникновение осознанно эклектических систем идей, наиболее демонстративным для второй половины XVIII в. примером которых может служить концепция Я. Козельского, откровенно признававшего, что он брал от Готшеда, от Баумейстера и «других некоторых», а что от Руссо, Монтескье и Гельвеция. И Козельский в данном случае не одинок. По сути дела, все русские московские университетские философы второй половины XVIII в., как и их предшественники по Петербургскому университету (Тредиаковский открыто пропагандировал «любомудрие эклектическое»), руководствовались таким антидогматическим, как считалось, методом следования лучшему из ряда предшественников. Другое дело — как это у них получалось.

Над осознанно эклектическим методом можно потешаться, как это делал Яковенко, который безоговорочно осуждал «эклектические стремления слепить воедино несколько господствующих чужих мнений». Но лучше понять эту методу как исторически нормальную закономерность формирования плюралистических, синтетических, разноосновных, амальгамных, синкретических, эклектических в изначальном смысле этого слова систем идей, которые в рамках национальных философских культур играли большую роль, чем «догматические» монистические системы.

Ни одна немецкая философская система, даже вольфианская, не воспринималась целиком в русском обществе XVIII в., в том числе и в Московском университете, еще по одной причине. Преподавание философии по вольфианским учебникам, будь то Тюммига или Баумейстера и др., отнюдь не означало стремления мировоззренчески приобщить студентов именно к вольфианской философской системе. Учебники — на то они и учебники, что являются дидактическими, педагогическими средствами тренировки ума, обогащения его определенным запасом знаний. Но каких? Спокон веку в России утвердилась практика взвешивать любые иноземные идеи на весах догматики православной церкви. Автоматически отвергалось все, что более или менее очевидно вступало в противоречие с православием, и поэтому в принципе было невозможно восприятие в России вольфианства в целостном его виде. Другое дело, что отдельные вольфианские идеи, о которых можно было бы говорить, что они не противоречат православию, могли приниматься «как свои» и принимались.

С созданием Академии наук, Петербургского академического, а затем Московского университетов выявляется еще одна закономерность в развитии университетской философии в России XVIII в. — ее прямая и непосредственная связь с лейбнице-вольфовской и другими разновидностями спекулятивно-метафизической философии и противостояние этой философии в этих же учреждениях со стороны отечественных ученых-эмпириков.

Много написано бумаги, на которой доказывалось, что главной закономерностью развития философской мысли в России уже с XVIII в., в том числе в Московском университете, была борьба материализма с идеализмом, диалектики с метафизикой (в смысле антидиалектики). Факты вопиют против таких прямолинейных утверждений. Думается, что правы те дореволюционные историки, которые подметили противостояние в университетской философии в первую очередь спекулятивного, как правило немецкого, идеализма, с эмпиризмом, не обязательно, правда, локковским по происхождению, как утверждал Филиппов,

но с эмпиризмом также немецкого происхождения, например эйлеровским, противостоявшим вольфианству, а также с эмпиризмом уже российской разновидности, первым наиболее ярким представителем которого был М. В. Ломоносов, не впадавший, однако, в крайности, характерные для других русских ученых-эмпириков.

Софиофобия в Московском университете заметно усилилась в конце XVIII в. после Французской революции 1789 г. В 1799 г. профессор Иван Гейм произнес речь на тему «О состоянии наук в России под покровительством Павла Первого». Профессор заявил, что «учебные заведения России одушевляются вообще некоторым, так сказать, практическим духом», осудил «те бесполезные спекуляции, которые ни к чему другому не служат, как только к замешательству и отягощению головы»; в этом отношении он противопоставил «главные Российские училища» иностранным, для которых характерны «тонкость схоластической философии и ненужные исследования бесполезной словесной критики»; «главные предметы наставлений» — это по Гейму — «математические науки, натуральная и всеобщая история, Риторика, наука о народах и землях, врачебная наука и отчасти Юриспруденция с учением древних и новых языков» [89, с. 5–6].

Революция 1789 г. во Франции особенно резко усилила нападки на французскую просветительскую философию. В 1801 г. профессор П. А. Сохацкий обрушился на «тлетворный и ядовитый источник тысячных вреднейших лжемудрований в Науках Философических, Нравственных и Политических», «источник оных фанатизмом наполненных, умоиступленных лжемудрований, которые в последние десятилетия истекшего века рассеяны на умы коварными мечтателями, самовластно присвоившими титло философов, а по самой истине позорных извратителей неосторожного человечества» [400, ч. 3, с. 79].

Впрочем, критике подвергалась и немецкая романтическая философия, являвшаяся в определенной мере реакцией на философию Просвещения и на Французскую революцию. Тот же профессор Сохацкий заметил, что в Германии «начали некоторые Философию превращать в Поэзию и избирают все мрачное, таинственное и темное» [там же, с. 59–60].

В числе активных «софофобов», обличавших «суемудрие древних философов», которые-де «запятнали евангельскую мудрость», а также метафизиков, углубляющихся в отвлеченные истины», был профессор А. А. Антонский (Прокопович). Антонский стремился преодолеть «брань» между верой и разумом, религией и философией.

Широкое распространение в нашей литературе имела и до сих пор до конца не преодолена концепция, согласно которой ряд профессоров-

философов Московского университета — Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков и др. — выступают в роли главных представителей «русского Просвещения XVIII в.» Будучи сторонником совершенно другой концепции, согласно которой век русского Просвещения приходится на 40—60-е гг. XIX в., я, естественно, не признаю московских профессоров просветителями в том же смысле, в каком философами-просветителями являются Вольтер, Дидро, Гельвеций, Гольбах и т. д. Но русская университетская философия второй половины XVIII в. с философией Просвещения связана.

Признаком близости или неблизости русской университетской философии XVIII в. к философии классически просветительского типа является прежде всего степень и характер развития в ее рамках антропологии и этики, что отличало ее от классической метафизики, в которой главной выступала онтология. А антропология и этика — уже существенные части университетской философии второй половины XVIII в. Некоторые московские профессора философии доказывали, что человек создан, в частности, ради собственного благополучия, и для того ему дано множество душевных и телесных сил, дарований, свойств и склонностей (Барсов), что первым началом всякой истины является знание человеком самого себя (Аничков). «Наука о познании самого себя» — вообще довольно распространенная в эти десятилетия тема.

Хотя Я. Козельский не является типичным представителем университетской философии (он учился в Петербургском академическом университете и лишь некоторое время был преподавателем, а по большей части работал как «вольный», внеуниверситетский, мыслитель), многими чертами своего философствования он близок к университетскому стилю и его деятельность может служить примером процессов, протекавших и в университетской философии второй половины XVIII в. Как раз Козельский (как, впрочем, и Радищев) — яркий пример русского философа XVIII в., который, не выходя за рамки классической допросветительской философской метафизики, движется и приближается к классически просветительскому типу философствования.

В глазах Козельского философия является уже наукой не только о вещах, но и о делах человеческих. В теоретической философии (логике и метафизике) авторитетом для него выступают немецкие метафизиковольфианцы Готшед и Баумейстер, а в практической философии (юриспруденции, этике и политике) французские просветители-антропоцентристы — Руссо, Монтескьё, Гельвеций. Когда же Козельский говорит о назначении философии в целом, то допросветительский, метафизический, теоцентрический в конечном счете характер его философии про-

смачивается все-таки с полной очевидностью. Пользу философии Козельский видит в том, что она приводит человека от познания мудро устроенных тварей к познанию Творца, учит его признавать бытие, величество, премудрость и всемогущество Божие и наставляет его к прямой добродетели.

Учение о Боге и Вселенной, о космосе, о природе и путях ее познания — таков в конце концов круг основных проблем всех русских университетских философов XVIII в. Антропология и прежде всего учение о душе составляют часть их метафизики, и поэтому они не выходили за рамки философской парадигмы допросветительского типа.

В эпоху Просвещения в Западной Европе возникла и упрочилась мысль о том, что значимость философии определяется степенью ее связи с жизнью, степенью ее влияния на политику, литературу, искусство и т. д. С тех пор бесчисленное множество раз настоящую профессиональную философию упрекали в безжизненности, схоластичности и т. д. и т. п. В нашей стране, особенно в эпоху сталинокрации, обвинение в оторванности философии от жизни, от политики, от практики было, пожалуй, самым тяжким. Между тем идея прямой связи такой предельно абстрактной по природе науки, как философия, веками бывшей наукой о вечном, о беспредельном, невидимом, с жизнью, с политикой, с практикой изначально была идеей утопической. В крайних своих выражениях эта идея была вульгарной, и попытки ее реализовать приносили вред и философии и практике. Поскольку в адрес «вольфианской» университетской философии в России XVIII в. не раз раздавались упреки в «безжизненности», этот упрек следует решительно отвести. Значимость влияния философии Вольфа, других западноевропейских философов на русскую мысль XVIII в. в целом, на университетскую философию в частности определяется в первую очередь не познавательно-теоретическим содержанием, а ее новыми идеями, которыми она обогатила философское знание в России, тем, как она повлияла на модернизацию философии в России, на повышение ее социального статуса, на умственное развитие общества, на дифференциацию структуры философского знания, выразившуюся в формировании новых философских дисциплин и т. д.

Воздействие русской университетской философии второй половины XVIII в. на русское общество шло прежде всего через формирование мировоззрения слушателей Московского университета и через приобретаемых к университетской философии тогдашних интеллигентов.

Уже с момента создания Академии наук и Петербургского академического университета в России под влиянием лейбнице-вольфовской философии началось радикальное переосмысление сущности филосо-

фии, ее предмета, структуры философского знания, классификации философских дисциплин. Университетская философия в гораздо большей степени, чем духовно-академическая и «вольная», внеуниверситетская, и гораздо раньше их формировалась как наука, которая учит познавать предметы и явления посредством понятий, логическим путем, в отличие от времени, когда философия на Руси в лучшем случае выступала как мудрость и в ней преобладало образное, допонятийное, дологическое мышление.

Если не вполне научный, то наукообразный характер русской университетской философии стал особенно заметным в последние десятилетия XVIII в. Одним из пособий в Московском университете стала тогда работа И.-Я. Бруккера «Сокращенная история философии от начала мира до нынешних веков» (русский перевод — 1785 г.). Считалось, что этот философ положил начало беспристрастной, «научной» разработке истории философии. В течение почти всего XVIII в. его книгой пользовались учебные заведения Германии и Франции. Даже знаменитая французская «Энциклопедия» рекомендовала этот труд.

В очерке Бруккера философия противопоставлялась мудрости и на этом основании утверждалось, что древним евреям нельзя приписывать философию в подлинном и точном ее смысле, но только мудрость, что философию древних индийцев нельзя смешивать с новейшей философией, что у древних арабов тоже не было философии, что философиями не могут называться ни Христос, ни апостолы, что начало философии в адекватном смысле «положено» только в Древней Греции.

Под влиянием немецкой философии, особенно лейбнице-вольфовской, в русской культуре XVIII в. утвердилось представление о философии как о главной науке, как о науке наук. В речи, произнесенной при открытии Московского университета, Н. Н. Поповский обосновывал «пользу, важность и величество философии», провозглашал философию матерью всех наук и художеств, что все, что ни есть под солнцем, ее суду и рассмотрению подвержено.

Как бы противоречиво ни складывалось в университетской философии XVIII в. отношение к системе Вольфа, именно от Вольфа берут начало также представления о структуре философских знаний, о классификации философских дисциплин. Как и в первой половине XVIII в., взгляды русских философов второй половины XVIII в. на сущность философии формировались под влиянием определения Вольфом философии как науки о возможных истинах и причинах истин.

В книге «Письмовник» (1777) Н. Г. Курганова, представлявшей своеобразную энциклопедию, определение философии сочетает идеи Платона и Вольфа: философия есть наука о божеских и человеческих

вещах, которая учит испытывать причины истинам, познавать причины вещей и все то, что можно подтвердить или отрицать известными и несомненными доводами.

Подобно Третьяковскому, Курганов следует за Вольфом и при классификации всего знания и философских дисциплин: знание делится на историческое и философское; философия разделяется на умственную (теоретическую) и деятельную, или нравоучительную (практическую). Умственная философия содержит в себе умословие (логику), метафизику, содержащую онтологию, космологию, психологию, естественное богословие, натурфилософию; к нравоучительной философии относятся юриспруденция, этика и политика.

В 1790 г. в Петербурге вышла книга преподавателя Горного училища И. С. Рижского, будущего профессора и первого ректора Харьковского университета, «Умословие, или Умственная философия, написанная в Санкт-Петербургском Горном училище в пользу обучающегося в нем юношества» (СПб., 1790). Естественно, что к Московскому университету этот труд прямого отношения не имеет, но, став в некотором отношении знаковым для всей «школьной философии» в России конца XVIII в., он может служить и своеобразным масштабом для квалификации философского процесса, протекавшего и в Московском университете.

Как у В. К. Третьяковского и Н. Г. Курганова, классификация философских дисциплин у Рижского вольфообразна.

Философия делится на умозрительную и деятельную. В умозрительную входят физика и метафизика (онтология, космология, психология, естественное богословие). Физика трактуется как особенная часть умозрительной философии, знание о естественных телах. Метафизика — как познание о Боге, о человеческой душе, об общих всем без изъятия вещах и о главных свойствах мира. Онтология — это знание об общих всем вещах свойствах и, следственно, о главных человеческого познания началах; космология — это знание о главных свойствах мира вообще; психология — знание о человеческой душе; естественное богословие — знание о Боге.

Первая часть деятельной философии — это «общая деятельная философия», содержащая в себе «те общие начала, на которых основаны естественные нравственные законы; вторая называется Правом Природы и есть знание о их законах; третья есть Этика, предлагающая о тех средствах, при помощи которых человек может поступать по законам, предписанным Природою для всякого; четвертая есть Политика, которая наставляет человека поступать по законам, предписанным общественною властью; и, наконец, пятая есть Экономия, показывающая

человеку, находящемуся членом меньшего общества или семейства, его должности» [402, с. 3].

Легко заметить, что в этой классификации Рижского нет пока дисциплины «гносеология», но это не значит, что познавательная проблематика в ней вообще отсутствует. Во-первых, главным началом человеческого познания выдвигается онтология. А, во-вторых, в качестве гносеологии выступает логика, которая называется «умственной философией», или «умословием», и составляет отдельную часть философии. Умословие, или логика, «рассматривает природные нашего разума силы и способности, какими он действует в познании, и, изъяснив главные свойства справедливости, наконец предписывает уму человеческому такие законы, по которым он поступая может быть в состоянии не только в приобретаемом им самим, но и в снисканном другими познании, видит, что справедливо и что ложно» [там же, с. 4].

Более того, Рижский придает столь большое значение познавательным способностям человека, что философия фактически определяется у него как «система познания разума»: «Любопытство, польза и необходимость заставляют человека углубляться в познание окружающих его вещей. Он начинает с таких, которые подвержены его чувствам; но чувства представляют ему одно только их бытие и внешние свойства. Разум дополняет сей недостаток: он входит в причины, внутренние качества и как взаимное между собою, так и к состоянию человеческому, отношение известных ему телесных и бестелесных вещей. Сии приведенные, наконец, в порядок Системы познания разума называются Философиею» [там же, с. 1]. Предмет философии выступает как «усовершенствование двух главных человеческих способностей» — разума и воли.

Вольфообразность классификации философских дисциплин отнюдь не значит, что в своей работе Рижский следует только за Вольфом. Как и Тредиаковский, он фактически признает сознательно эклектический характер своей «системы»: «Главное расположение Системы и большая часть правил и размышлений почерпнуты из Философских сочинений Г. Гольмана; не мало из других известнейших писателей сего рода» [там же].

Гольман — действительно вольфианец. Вольфианцами являются также Баумейстер и Гейнекий, на труды которых также опирается Рижский. Но Г. Шпет, излишне жестко критиковавший Рижского, явно недооценил тот факт, что этот философ опирается также на Эйлера, «решительного противника Лейбница и Вольфа», как признает сам Шпет. Попытка Рижского соединить в одной теме даже диаметрально противоположных мыслителей свидетельствует как раз о том, что он

шел тем же «синкретическим», «плюралистическим», «эkleктическим» в изначальном смысле этого слова путем, который явно обозначился в России уже в начале XVIII в. В деятельности московской философской профессуры этот метод также отчетливо проявлялся.

Под влиянием Вольфа изучение причинных связей в мире, «винословие», т. е. познание «вины» (причины), стали узловым проблемой школьно-университетской философии. Несомненно, под влиянием лейбнице-вольфовской философии Козельский писал, что философия есть наука испытания причин вещей и дел; Аничков же считал, что «должность философа состоит в том, чтобы изыскивать причины множайших вещей». Как и в метафизике Лейбница—Вольфа, в университетской — логически «первой философией», *Philosophia prima*, стала **онтология**. Но всю метафизику Вольфа московские профессора не восприняли. Если у Вольфа «натуральная теология» и «пневматология» — необходимые составные части философии, у московских профессоров они не входили в предмет их основных занятий.

Некоторые же из кардинальных онтологических проблем лейбнице-вольфовской метафизики стали исходными для московских профессоров, но в качестве мыслительного материала служили труды и других философов.

Вслед за Лейбницем Аничков относил к числу всеобщих и главнейших законов природы «закон непрерывности» и «закон бережливости», а также «закон всеобщего сохранения» (последний в толковании Декарта, Бильфингера и Мендельсона).

Брянцев опирался на самые разные авторитеты — от Плутарха и Цицерона до Лейбница, Декарта, Вальха, Вольфа, Бильфингера, Бонне, Бруккера и Мендельсона. Признавая причинную связь в природе, источником которой является, по его мысли, божественное намерение, Брянцев оспаривал фундаментальную идею Лейбница и Вольфа о такой всеобщей связи во Вселенной, согласно которой гибель одной вещи влечет за собой разрушение всего света. Но основная онтологическая проблематика связана у Брянцева с изложением и рецепцией лейбнице-вольфовских идей и поправками к ним: обсуждались проблемы строения и всеобщих законов мироздания, Вселенной; законов непрерывности, бережливости, сохранения причинных связей и др.

Во второй половине XVIII в. **гносеология** не стала еще самостоятельной философской дисциплиной в университетской философии; фактически наметились разные направления в гносеологии. Появились первые специально гносеологические работы; прежде всего это работы Аничкова «Слово о свойствах познания человеческого» и «О средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений».

Гносеологическая концепция Аничкова сформировалась в полемике не только с концепцией врожденных идей Декарта, но и с учением Вольфа о познавательной роли души; в объяснении причин заблуждения разума русский философ использовал идеи Бэкона. Критикуя чистый сенсуализм и односторонний рационализм, Аничков ратовал за сочетание рационального и чувственного в познании. В отличие от Аничкова, физиолог Ф. Керестури, венгр по происхождению, исходил из тезиса о том, что не разум, а ощущения являются главными учителями человека. В ходу были и традиционно-христианские агностические представления о границах познания. Так, Н. Поповский настаивал на мысли о непостижимости Бога.

На протяжении всего XVIII в. функции гносеологии в определенной мере несли на себе логика и психология. В логику и психологию отчасти включалась проблематика истины, методов и ступеней ее познания, т. е. то, что со временем составило основу теории познания. Так что логика выступала не только как формальная логика, наука о формах познания, но до некоторой степени и как наука о содержании познания.

Логике как науку приходилось защищать. Примечательно, что уже на студенческой философской дискуссии в Московском университете 17 декабря 1755 г. обсуждались тезисы, которые в совокупности отстаивали важность, полезность и действенность логики: «1. Логика не есть навык и орудие к познанию прочих наук, но действительно между науками должна почитаться. 2. Логика приносит великую пользу, хотя и не избежала совсем от подозрения, будто бы она не была полезна. 3. Логика не есть только умозрительная наука, но к действию клонится. 4. Однако не смотря на то прочим наукам по справедливости предпочитается» [554, с. 73].

В такой специальной философской дисциплине, как логика, долгое время образцом служили учебники вольфианской школы. На рубеже XVIII—XIX вв. вольфианские учебники стали вытесняться учебниками, ассимилировавшими дух Кантовой критической философии, например, учебником И.-Г. Кизеветтера.

Для суммарной оценки ситуации в сфере *натурфилософии* XVIII в. очень показательными являются представления о месте физики, считавшейся философской дисциплиной. На философской студенческой дискуссии 17 декабря 1755 г. обсуждался тезис «Наипаче счастлив тот, кто почитает Физику, которая больше всех наук служит к умножению пользы общества, и к утверждению благочестия» [там же, с. 74]. Но со временем эта точка зрения не осталась неизменной, появилась литература, в которой открыто оспаривалась мысль о физике как части философии. Козельский уже исключил физику из предмета философии.

В натурфилософской проблематике, которая была более непосредственно связана с конкретными науками, чем онтология или логика, смена авторитетов была более быстрой. В большом почете оказался многотомный труд выдающегося французского естествоиспытателя Ж.-Л.-Л. Бюффона «Всеобщая и частная естественная история», в переводе которой приняли участие многие русские ученые.

Ф. Г. Политковский преподавал «натуральную историю» в духе выдающегося шведского естествоиспытателя К. Линнея.

На учение Дидро и Д'Аламбера о всеобщей связи вещей в природе ссылался И.-М. Шаден.

Обособленно от натурфилософской проблематики, разрабатывавшейся учеными, стояла натурфилософия профессора-масона Шварца, в которой причудливо сочетались мистическая идея творения мироздания в духе Я. Бёме и научная гелиоцентрическая система.

Зарождение в университетской философии такого направления, как **философия естествознания**, проявилось в распространении в России дисциплин в духе современных «философий родительного падежа» («философия физики, химии, биологии и т. д.»). Уже во второй половине XVIII в. в Россию проникли названия таких дисциплин, как «Ботаническая философия» (по названию переводного труда Линнея), «Химическая философия» (по переводу труда Фуркруа).

Некоторые отечественные авторы считают, что **проблема человека** стояла в центре философской борьбы в России XVIII в., что эта проблема отразила все особенности тогдашнего теоретического мышления. Известные основания для этого есть. Еще А. И. Галич назвал несколько имен отечественных авторов рубежа XVIII—XIX вв., которые, по его мнению, первыми в России стали разрабатывать антропологию: Я. Козельский, И. Михайлов, Вл. Золотницкий, П. Любовский, Н. М. Максимович-Амбодик, П. А. Загорский, Е. О. Мухин. Думается, однако, что в XVIII столетии антропологическое направление в русской философии еще не сложилось как отдельное направление.

Следует различать христианско-масонские версии антропоцентризма в духе Н. И. Новикова, утверждавшего, что человек является «истинным средоточием всей земли и всех вещей», и тем самым абсолютно противопоставлявшего человека остальной живой и неживой природе (при этом Новиков оставался в общих рамках теоцентризма), и антропологию, опирающуюся на естественнонаучные посылки, на данные медицины, физиологии, психологии: такая антропология уже разрабатывалась московскими университетскими учеными, за исключением масона Шварца.

Но в XVIII в. еще никто не ставил вопрос так, как его будут ставить, скажем, русские антропоцентристы второй половины XIX в. Н. Г. Чернышевский или П. Л. Лавров — сторонники антропологического принципа как главного, исходного, системообразующего. В XVIII в. русские мыслители, как правило, не противопоставляли еще познание человека познанию природы. Антропология была у них одной из двух равноценных составляющих системы, но частью, зависимой от познания природы. «Генеральность наук, или общественность всего познания человеческого, — писал Козельский, — нельзя яснее, а притом и круглее разделить как на две части, то есть на познание вообще природы, представляющихся на познание вещей, и на познание особенно природы человека» [165, т. I, с. 568]. Более того, Козельский настаивал на том, чтобы познание человека шло через познание природы. «Познание одной человеческой природы без основательного познания общей природы вещей несколько темновато и к погрешностям поползновенно, а притом человек, родясь на свет, по одним своим природным способностям познает несколько прежде природу» [там же, с. 569].

Иными словами, применительно к университетской философии XVIII в. нет оснований излишне противопоставлять мыслителей, в центре философии которых были проблемы бытия и познания, и мыслителей, у которых акцент делается на антропологическую проблематику. Аничкову, выделяющемуся из всех университетских профессоров XVIII в. именно гносеологической проблематикой, принадлежит работа по антропологии «Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих» (1783), причем это была работа, опирающаяся еще на античные авторитеты. Отвергая систему предустановленной гармонии Лейбница и другие учения Нового времени, Аничков склоняется к перипатетической теории втечения в вопросе о взаимосвязи души и тела.

Традицией античной концепции «микрокосмоса» («малого мира») обосновывал необходимость изучения человека профессор химии и медицины С. Г. Зыбелин. Оставался в рамках традиционного христианского дуализма доктор медицины М. И. Скиадан, когда писал о природе человека. Вместе с тем как медик он не мог не настаивать на том, что тело и душа тесно соединены между собой.

Обозначившуюся во второй половине XVIII в. тенденцию к формированию философской антропологии, покоящуюся на естественнонаучных предпосылках, на рубеже XVIII—XIX вв. наиболее отчетливо выразил профессор анатомии, физиологии и судебной медицины И. Ф. Венсович в «Слове о пользе физической антропологии» (1805).

Со всеми этими антропологическими концепциями резко контрастировала масонская антропология профессора Шварца, доказывавшая, что человек после «падения» — это гнилой и вонючий сосуд, заполненный всякой мерзостью: он, однако, может достигнуть своего догреховного совершенства через самопознание и богопознание.

Прогресс русской университетской философии второй половины XVIII в. выражался также в появлении специализированных работ по «*нравственной философии*» (этике), причем, как и в других дисциплинах, в этих трудах авторитетами выступали разные мыслители. Для профессора нравственной философии Д. Н. Синьковского таковыми были древнегреческие и римские моралисты. В афоризме «Познай самого себя» он усматривал краткое выражение всей человеческой мудрости.

Своеобразного панморализма придерживался профессор М. М. Снегирев, утверждавший, что нравоучение является средоточием не только всей философии, но и всей учености. Панморалистская установка была характерна также для философских взглядов профессора-масона И. Шварца, считавшего христианскую нравственность первым предметом философии.

В конце XVIII в. в университетской философии стала выделяться в отдельную дисциплину *эстетика*. Введение в эстетику читал профессор И.-М. Шаден. На рубеже XVIII—XIX вв. эстетической и этической проблематикой занимался профессор М. Г. Гаврилов, в числе сочинений которого есть «Эстетико-моральное рассуждение о добродетели в виде красоты душевной, нравственной» (1804) и «О началах и успехах искусств, особливо наук изящных» (1810). Профессор П. А. Сохацкий выделял три науки: «философия ума», «философия сердца, или нравственность», и «философия вкуса, или эстетика». В 1803 г. этому профессору было поручено читать новый курс — эстетику. За основу он взял идеи Бильфингера и Баумейстера. Вместе с тем профессор рекомендовал своим слушателям познакомиться с сочинениями об изящном Канта. Перу Сохацкого принадлежит первая в России работа под характерным названием «Чертеж системы эстетики» (1803).

Во второй половине XVIII в. значительно ускорился процесс формирования в России *философии права*. Как и в первой половине века, философия права выростала прежде всего из теории естественного права, выступавшей в качестве философской основы всякого права, «метафизики» всех других отраслей права. В процессе формирования философии права участвовали не только профессора, преподававшие естественное право (В. Дильтей, Ф.-Г. Баузе, К.-Г. Лангер), но и профессора других сфер права, в том числе те, кто теорию естественного права не

разделял (С. Е. Десницкий). В той или иной мере философию связывали с правом С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, Я. И. Шнейдер.

Учитывая особые обстоятельства в истории преподавания естественного права, закончившегося его запрещением в 20-х гг. XIX в. как политически опасной для самодержавия дисциплины, следует обратить особое внимание на ту роль, которую естественное право играло в России XVIII в.

Первый биограф Дильтея (Капустин) утверждал, что естественное право не прививалось слушателям, поскольку-де это была отвлеченная и мертвая наука. Тот же биограф считает положительным только тот факт, что во второй период своей университетской деятельности Дильтей, подчиняясь предписанию университета, увидев «неприложимость естественного права», не стал ограничиваться только этим правом, но стал читать курсы и по другим юридическим дисциплинам. К порокам преподавания Дильтея Капустин отнес тот факт, что в нем отразилось «общее ученое направление» века, в котором жил Дильтей: «Философия поглощала в себе все науки; не дожидаясь их последних выводов, она предписывала их, не собирая, а разветвляясь в отвлеченных умствованиях, запутываясь в дробном анализе, отрешаясь от жизни общества»; «Дильтей, — продолжает биограф, — перенес то же направление и к нам в Россию; мы смотрим на него как на памятник бесплодно почивших усилий в науке, преждевременных попыток создать философию права» [36, ч. 1, с. 306].

Признавая «неприложимость» буржуазного по своей основной тенденции естественного права к условиям крепостнической самодержавной России XVIII в., нельзя, однако, не признать, что некоторый положительный отклик теория естественного права в России получила и в XVIII в.

Уже с петровских времен отдельные элементы теории естественного права были приспособлены к идеологии самодержавия, что способствовало ее модернизации в духе просвещенного абсолютизма. В дальнейшем теория естественного права играла ту же роль. О важном месте естественного права в системе преподавания в Московском университете в самом начале его существования свидетельствует тот, например, факт, что 17 декабря 1756 г. в университете под руководством Дильтея состоялся диспут на тему «Опыт успехов естественного права». В нем участвовали два студента (Иван Алексеев и Матвей Елисеев), которые по правилам диспута защищали тезисы, предложенные профессором, а четыре студента (Семен Герасимов, Сергей Малиновский, Антоний Котцаурек и Петр Ямпольский) их оспаривали. Должно признать заслугу тех московских профессоров, которые преподавали естественное

право и создавали предпосылки для формирования в России философии права как самостоятельной сферы права и частной философской дисциплины.

В истории становления философии права во второй половине XVIII в. есть еще один аспект, особенно важный в контексте всего историко-философского процесса в России: тогда отчетливо проявилась одна из характернейших черт понимания у нас права — его теснейшая связь с моралью. На философском диспуте, прошедшем 17 декабря 1755 г. под руководством профессора Брауна, обсуждался тезис: «Этика есть основание Юриспруденции натуральной. А Этика и Юриспруденция натуральная вместе суть основание Политики. Следовательно, никто не может быть добрым Политиком, если прежде не будет добрым человеком» [554, с. 74].

Выше говорилось о первых скромных попытках профессоров Петербургской Академии наук подойти с философской точки зрения к проблемам гражданской истории, размышлять в духе **философии истории**. Нельзя сказать, что в Московском университете становление этой дисциплины намного продвинулось вперед. Объективно на формирование философии истории в России работали труды, скажем, Деницкого и Третьякова. Но, как это ни парадоксально, наиболее явно, осознанно философское видение истории проявил профессор-масон И. Шварц, который прочитал в 1782—1783 гг. 21 лекцию по курсу «Философия истории». Сохранился труд Шварца, который называется «Курс философской истории».

Философская мысль в Московском университете в первые десятилетия своего существования составляет новый этап в истории университетской философии в России. И исторически и логически философская мысль в Московском университете явилась продолжением и развитием традиции, зарождавшейся в Петербургской Академии наук и ее Академическом университете во второй половине 20—60-х гг. Перекликаются эти два периода становления университетской философии и содержательно. Движущей силой, ускорявшей развитие философской мысли в России сравнительно с ее возможностями, обусловливавшимися остальными внутренними социокультурными условиями, была по преимуществу немецкая философия, а внутри нее главным образом лейбнице-вольфовская философия. Но университетская философия в России XVIII в. не стала тем не менее простой разновидностью, модификацией этой философии. По форме она развивалась как вольфообразная, особенно как предмет преподавания, но по содержанию — как плюралистическая, разноосновная, синтетически-синкретическая, эклектическая в первоначальном смысле этого слова.

В рамках Московского университета университетская философия в России, в трудах его профессоров, стала гораздо более теоретически содержательной, нежели в предшествующий период Академического университета. Продвинулась вперед дифференциация философского знания, умножилось число разрабатываемых философских проблем. Рядом с профессорами-иностранцами выросло целое поколение русских профессоров философии, и соответственно умножился их вклад в развитие философии в России, и поэтому стоит еще раз сказать, что Г. Шпет был очень и очень не прав, когда заявлял, что университетские профессора в XVIII в. лишь забавлялись около философии, что русский XVIII в. не оставил XIX в. ни философского наследства, ни даже философского завета.

4

ОТ «МАССОВОГО» ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В ШКОЛАХ И УНИВЕРСИТЕТАХ К ЕЕ ПОЧТИ ПОЛНОМУ ЗАПРЕТУ

ПРЕДПРИНИМАВШИЕСЯ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II и Павле I попытки создать в России новые университеты, в добавление к оставшемуся единственным Московскому, не удалось. Правительство же Александра I оказалось более удачливым.

Сначала были восстановлены два старых университета — Дерптский и Виленский.

Дерптский университет был основан в 1632 г. как латино-шведский университет под названием «Академия Густавиана» в честь шведского короля Густава II Адольфа (1594—1632), отвовавшего у Речи Посполитой Лифляндию, в том числе в 1625 г. г. Дерпт (с 1896 г. — Юрьев, с 1919 г. — Тарту). В конце XVII—начале XVIII в. университет находился в Пернау (Пернов, Пярну). Акт капитуляции Лифляндии 4 июля 1710 г. при взятии Риги войсками Петра I включал пункт о сохранении университета в Пярну. 12 октября 1710 г. Петр I, утверждая акт капитуляции, подтвердил обещание сохранить университет и даже предложил меры по повышению его благосостояния и направления в него на учебу русских студентов, что вполне отвечало его тогдашним намерениям организовать в России высшее светское образование.

Но университет в Пернау так и не возобновил работу. В течение XVIII в. несколько раз поднимался вопрос о восстановлении университета то в Дерпте, то в Пернау. В 1725 г. о возрождении университета ходатайствовал магистрат Дерпта, но российское правительство решило вопрос отрицательно. В 1734 г. Анна Иоанновна назначила было куратора «вновь открываемого» Дерптского университета (Ф. Остермана), но дальше дело не пошло. В 1754 г. магистрат Пернау вновь поставил вопрос о восстановлении университета, но опять безрезультатно. В мае 1799 г. Павел I утвердил «план Дерптского протестантского университета», но в декабре 1800 г. изменил свое решение и отдал распоряжение открыть университет в Митаве (ныне Елгава).

Взойдя на престол, Александр I избрал местом пребывания университета Дерпт. В Акте постановления от 12 декабря 1802 г. для универ-

ситета в Дерпте говорилось, что университет учреждается «на вечные времена для империи нашей, а в особенности для губерний Лифляндской, Эстляндской и Курляндской» [363, 1803, № 1, с. 22] и что «учреждение сие имеет преимущественно целию распространение человеческих познаний в *нашем* государстве, и купно образование юношества на службу отечества» [там же, с. 23]. Открытие университета состоялось 23 апреля 1802 г. Первым его ректором был утвержден француз Г.-Ф. Паррот.

Почти до конца XIX в. Дерптский университет был по преимуществу немецким по составу и профессуры и студентов. Тем не менее он готовил кадры и для внутренних российских губерний. За период с 1820 по 1865 г. около 80 выпускников Дерптского университета стали профессорами высших учебных заведений империи. В 1827 г. Г.-Ф. Паррот, ставший российским академиком, предложил программу подготовки русской профессуры в Дерптском университете. Николай I утвердил это предложение, и в феврале 1828 г. в Дерпте был открыт так называемый Профессорский институт для подготовки к званию магистра или доктора. Существовал этот институт до 1839 г.

Если в начале XIX в. в Дерпте учились лишь немногие выходцы из внутренних российских губерний (8 из 117 студентов в 1804 г., 10 из 145 в 1806), то в 1822 г. они составляли 11,7%, а с 1847 по 1856 г. — 32% общего числа студентов [см.: 185, с. 89; 363, 1804, № 7, с. 84; 1806, № 16, с. 420]. Но в профессуре русские с 1802 по 1881 г. не превышали 4%.

После Дерптского был восстановлен *Виленский университет*, основанный в 1579 г. как академия с университетскими правами, но под управлением иезуитского ордена. После запрещения ордена в 1773 г. академия была преобразована в Главную школу Великого княжества Литовского. В 1795 г., после раздела Польши и присоединения Литвы к России, генерал-губернатор Н. В. Репнин (1734—1801) поручил составить план школьного образования в крае, в соответствии с которым была создана Виленская главная школа. А 4 апреля 1803 г. Александр I подписал «Акт утверждения для имп. университета в Вильне» с целью «обеспечить навсегда существование древнего Университета Виленского...» [363, 1803, № 1, с. 36]. Просуществовал возобновленный «навсегда» Виленский университет недолго: несколько сот студентов из 1500 участвовали в восстании 1830 г., и по представлению ректора университета Вацлава Пеликана он был закрыт.

В 1803 г. в соответствии с «Предварительными правилами народного просвещения», утвержденными Александром I, был объявлен план учреждения, в добавление к университетам в Москве, Вильно и Дерпте,

новых университетов в Петербурге, Казани и Харькове. Кроме того, для университетов предназначались города Киев, Тобольск, Великий Устюг «и другие, по мере способов, какие найдены будут к тому удобными» [363, 1803, № 7, с. 7].

С созданием **Петербургского университета** вышла, однако, длительная заминка. 20 мая 1803 г. была утверждена «учительская гимназия», получившая несколько позднее название «Педагогический институт». Уже учительская гимназия считалась отделением, «имеющим учредиться Петербургского университета». До декабря 1816 г. Петербургский педагогический институт составлял «временное отделение предположенного университета» [там же, 1817, № 43, с. 141]. В декабре 1816 г. создается самостоятельный Главный педагогический институт, который по основным параметрам приравнялся к университетам, отличаясь от них только тем, что не участвовал в управлении учебным округом (полные университеты в то время возглавляли учебные округа). В 1819 г. все студенты Главного педагогического института были переведены в открытый Петербургский университет. После десятилетнего перерыва Главный педагогический институт был вновь открыт в 1828 г. и просуществовал до 15 ноября 1858 г.

Непростой оказалась история возникновения **Казанского университета**. Еще в 1758 г. Елизавета Петровна основала в Казани гимназию и даровала ей некоторые права, аналогичные правам Московского университета [см.: там же, 1805, № 11, с. 330].

Формально Казань дождалась университета в 1804 г. Возник он в специфических условиях. Как выразился один из первых его профессоров, немец К.-Ф. Фукс, в Казанском крае он вначале «здесь нашел почти дикарей». Если в других регионах создание университетов было встречено с сочувствием, то в Казани наблюдалось полное «тупое восточное равнодушие» казанского общества, в том числе дворянства, к рождающемуся университету. Десять лет университет в Казани был «неполным». Полное его открытие состоялось только в 1814 г., когда был получен университетский устав.

Разными называются даты основания **Харьковского университета**: то 1803, то 1805 г., но зато, в отличие от Казани, открытие университета стало событием. Историк Харьковского университета пишет: «Это не было обыкновенное официальное открытие нового учебного заведения. Это был настоящий праздник просвещения для города, для всей Украины и даже для “полуденного” края России» [21, т. 1, с. 190].

С 1808 г., когда был утвержден проект юридической школы, а затем создана в Варшаве врачебная школа, началась история **Варшавского университета**. В 1816 г. эти школы начали работать совместно под

названием «Главная школа». В 1817 г. на базе этой школы был открыт университет, именованный Александровским. В октябре 1831 г., после восстания в Царстве Польском, были закрыты все высшие учебные заведения, в том числе Александровский университет, и с тех пор долгое время шла борьба за открытие университета. В 1862 г. в Варшаве вновь открывается Главная школа, преобразованная в 1869 г. в Варшавский императорский университет. Если первоначально высшее учебное заведение в Варшаве было практически польским по составу студентов и профессуры, то с конца 60-х гг. университет стал преимущественно русским.

Сложной и длительной оказалась история возникновения **Киевского университета**. Еще при Екатерине II украинские депутаты законодательной комиссии ходатайствовали об открытии университета в Киеве. В 1803 г. Киев значился в числе городов, в которых должен был открыться университет. Меценат П. Г. Демидов (1738–1821) пожертвовал на Киевский университет крупную сумму денег, тогдашний министр народного просвещения П. В. Завадовский (1739–1812) приступил было уже к реализации плана утверждения университета, но план остался на бумаге. Только в 1830 г. после восстания в Царстве Польском, а затем закрытия в 1832 г. Виленского университета встал вновь вопрос о Киевском университете. 8 ноября 1833 г. появился указ Правительствующему Сенату о переводе закрытого в 1831 г. Волынского лицея из Кременца (на западе Украины) в Киев и преобразовании его в высшее учебное заведение. Открытие университета состоялось 15 июля 1834 г. С 1844 г. университет стал именоваться Университетом св. Владимира.

На территории Российской империи в XIX в. оказался еще один университет – в **Великом княжестве Финляндском**. С 1640 г. университет работал в г. Або, который до 1819 г. был главным городом Финляндии. В 1808 г. русские войска заняли Або. 17 января 1809 г. Александр I назначил канцлера в Абовский университет «в новоприобретенной Финляндии» [см.: 363, 1810, № 24, с. 31]. Университет, однако, пришел в запустение. В 1827 г. он сгорел. Профессура и студенты были переведены в Гельсингфорс (Хельсинки). Университет стал называться в 1828 г. Александровским.

Как и во времена Екатерины II, при Александре I возникли планы создания университета в Сибири. С 1803 по 1810 г. в планах Министерства народного просвещения, утвержденных царем, значился Тобольский университет, на который П. Демидов пожертвовал пятьдесят тысяч рублей. Но в августе 1810 г. Александр согласился с предложением нового министра просвещения А. К. Разумовского (1748–1822) пере-

дать эти деньги на Тобольскую гимназию, «как учреждение сего Университета по многим причинам вскоре последовать не может» [там же, № 28, с. 465].

Наряду с университетами в первые десятилетия XIX в. было создано еще несколько учебных заведений, приближавшихся по своим правам и уровню образования к университетам.

Первым стало *Демидовское училище* высших наук в Ярославле (с 1833 г. — Демидовский лицей, а с 1870 г. — Демидовский юридический лицей). Училище учреждено на средства опять П. Г. Демидова, который высказал сначала пожелание пожертвовать в пользу запланированной в Ярославле гимназии одну из своих вотчин, а в 1803 г. предложил основать в Ярославле вместо гимназии университет, добавив еще большие средства. На университет власти, однако, не согласились. 6 июля 1803 г. вышел указ о создании в Ярославле «Высших Наук Училища». В 1804 г. в училище были присланы первые пять профессоров, чтобы учить первых пять учеников... Открытие лицея состоялось 29 апреля 1805 г. По уставу 1805 г. училище получило «первую степень» учебных заведений непосредственно после центральных университетов. До 1824 г. оно находилось в ведении Московского университета. В 30—60-е гг. лицей был на уровне между университетом и средним учебным заведением, затем поднялся почти до университетского уровня.

10 января 1810 г. Александр I издал рескрипт об учреждении в «Сарском Селе» лицея в ведении Министерства народного просвещения и с правами, присвоенными университету. *Царскосельский лицей* — привилегированное учебное заведение, воспитывавшее кандидатов на важные должности государственной службы. Фактически он стал учебным заведением смешанного типа с классами гимназического курса и высших учебных заведений. В 1843 г. лицей был переименован в Александровский и переведен в начале 1844 г. в Петербург.

Аналогичное Ярославскому учебное заведение — *Гимназия высших наук* — было создано по указу от 29 июля 1805 г. в г. Нежине (в 83 км на юго-восток от Чернигова) на средства князя Александра Андреевича Безбородко (1746—1799) — государственного деятеля царствования Екатерины II, возведенного в княжеское достоинство и ставшего канцлером при Павле I. В 1805 г. его младший брат и граф Илья Андреевич (1756—1815) пожертвовал на основание в Нежине гимназии дом и сад и распорядился в пользу Нежинской гимназии средствами, которые его старший брат завещал на благотворительные цели. Гимназия была открыта в 1810 г. С апреля 1820 г. она стала называться «Гимназия высших наук князя Безбородко» и пользоваться одинаковыми правами с Ярославским Демидовским училищем. В 1834 г. гимназия переимено-

вана в лицей Безбородко (в 1840–1875 гг. — Юридический лицей, с 1875 г. — Историко-филологический институт).

Непростой оказалась и история возникновения в Одессе *Ришельевского лицея*, ставшего предшественником и базой Новороссийского университета. В 1805 г. по представлению генерал-губернатора г. Одессы и Новороссийского края герцога А.-Э. Ришелье (1766–1822) создается Благородный воспитательный институт — закрытое учебное заведение для дворян. В 1814 г. аббат Д.-Ш. Николь составил план преподавания этого института. В 1816 г. институт был официально открыт. Вскоре он был переименован в лицей и стал именоваться Ришельевским. По уставу 1837 г. Ришельевский лицей приблизился к статусу университета.

Перед нами предстали, таким образом, основные «очаги», организационные центры институционализированной школьно-университетской философии, оформившиеся в России в первую половину XIX в. Два из них — Виленский и Варшавский университеты — оказались временными.

Если сравнивать российские университеты с основными западноевропейскими, то оказывается, что наши самые крупные университеты по численности студентов походили на средние германские. В Московском университете в 1812 г. насчитывалось всего 215 слушателей; в 1825/26 г. их стало (вместе с вольнослушателями) 876. Петербургский университет со дня открытия и по 1837 г. закончили 365 человек. В Харьковском университете в первые десять лет его существования училось от 54 до 122 студентов в год, в Казанском — от 40 до 115. В самом большом — Московском — университете в 1858 г. было 677 студентов, в 1839 — 798; в Петербургском — соответственно 389 и 400; в Дерптском — 530 и 525; в Харьковском — 383 и 391; в Казанском — 208 и 225; в Университете св. Владимира в Киеве — 259 и 126; в Петербургском главном педагогическом институте — 136 и 163; в Ришельевском лицее (Одесса) — 39 и 57; в Демидовском (Ярославль) — 61 и 54; князя Безбородко (Нежин) — 71 и 45 [см.: 139, 1840, ч. 26, с. 73]. В Гельсингфорском университете в 1828 г. было 339 студентов. В дальнейшем цифра иногда доходила до 500.

Для сравнения отметим, что в германских университетах в 1840 г. училось: в Берлинском — 1678, в Мюнхенском — 1371, в Лейпцигском — 935, в Тюбингенском — 739, в Геттингенском — 704, в Галльском — 682, в Боннском — 594, в Кенигсбергском — 390, Фрейбургском — 301, Марбургском — 285 человек [см.: там же, 1841, ч. 29, с. 32].

* * *

В начале XIX века появилось важное новшество в отношении к философии правительственных верхов: с созданием Министерства народного просвещения стала выработываться официальная государственная политика в области философии.

Трудно сказать, насколько широко был распространен в Европе такой подход, но, по некоторым данным, можно судить, что в этом отношении российское правительство было не одиноко. В феврале 1808 г. от имени класса истории и древней литературы французского института (Институт Франции — общее название пяти академий в Париже: 1) с 1637 г. — Французская академия (сфера французского языка и литературы); 2) с 1701 г. — Академия надписей и изящной словесности (история, археология, языкознание); 3) с 1666 г. — Академия наук (математика, естествознание, медицина); 4) с 1664 г. — Академия искусств; 5) с 1832 г. — Академия моральных и политических наук) известный в то время историк философии Ж. Дежерандо представил императору Наполеону на Государственном совете доклад «О прогрессе философии с 1789 и о ее современном состоянии».

Как бы то ни было, но с началом реформаторского политического курса Александра I «либерализация сверху» затронула и сферу философии. Тем более что во главе реформ стоял М. М. Сперанский (1772—1839), лично проявивший интерес к философии.

В 1795—1797 гг. М. М. Сперанский был префектом Александровской главной семинарии (предшественницы Петербургской духовной академии), в которой преподавалась философия. Несмотря на свою принадлежность к мистическому масонству, он интересовался также философией. Он готов был «размышлять с Аристотелем, Гроцием и Пуфендорфом», чтобы «познать всю неосновательность Монтеスキев, Блэкстонов и прочих поверхностных умов» [464, с. 20]. Интересовался Сперанский и немецкими системами Канта, Фихте и Шеллинга. Однажды Сперанский пошутил, сказав: «Действительно... свободных людей в России нет, кроме нищих и философов» [там же, с. 43]. И сказано это было не без оснований: на самом деле в начале XIX в. философы получили в России некоторую свободу.

И философия повысила свой социальный статус. О том месте, которое заняла философия в русском обществе начальных лет Александровской эпохи, свидетельствует и тот факт, что логика некоторое время читалась даже чиновникам, «службою обязанным».

В начале царствования Александра I ослабли требования цензуры. По уставу 1804 г. цензура устанавливалась, по крайней мере на словах,

«не для стеснения свободы мыслить и писать, а единственно для принятия пристойных мер против злоупотребления свободой», как говорилось в докладе министра народного просвещения [см.: 166, т. 2, с. 103]. В соответствии с таким «либеральным» уставом цензурные комитеты при университетах были обязаны как можно более удалить от университета все противное нравственности, религии и правительству.

Несмотря на общий «либеральный» курс правительства Александра I, уже в начале царствования нашлись чиновники, начавшие гонения на университеты. В 1805 г. М. Л. Магницкий, служащий Министерства внутренних дел, как он выразился в отчете, был «отправлен в Вильно для открытия заговора», и он нашел «ясные доказательства существования в тамошнем университете под начальством ректора Стройновского и покровительством попечителя князя Чарторыйского — гнезда будущих возмущений» [522, с. 283].

Вполне отчетливо политика центральных властей в сфере философии нашла выражение в «Начертании об отправлении Студентов Санкт-петербургского педагогического Института в чужие края» (1808), подписанном тогдашним попечителем Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцевым (1761—1836). В этой инструкции вторым разделом, вслед за разделом «Исторические науки», шел раздел «Философия». В «Начертании» говорилось: «В нынешнем состоянии Философических наук после различных перемен правилами ее претерпенных в последнем веке (намек на французские революции конца XVIII в. — В. П.) учение оной подвержено особливым затруднениям, и молодой человек имеет теперь более чем когда-либо нужду в удобном введении к благоразумному плану учения и в хорошем наставлении, чтоб сделаться прямым философом, полезным гражданином и не быть подвержену опасности быть рассказчиком пустых умствований или бессмысленным распространителем мистических заблуждений» [363, 1809, № 22, с. 136].

Уже здесь просматривается ограничение на изучение абстрактных философских систем и предупреждение против масонства. Более того, инструкция прямо ориентировала студентов на «сциентистский», как бы мы сейчас сказали, путь изучения философии. Студент, подчеркивалось в «Начертании», «должен всеми силами стараться иметь понятие о вещах, он должен обозревать и научиться природе, не приступая еще к суждению о ее законах; он должен изыскивать человека как разумное существо, как жителя земного прежде, нежели начнет писать о свойствах людей, должен привыкать мыслить чрез Математические науки, уметь взирать на все правление наук и наконец знать язык, который есть величайшее пособие для мыслей, прежде нежели начнет делать

проекты, которые без того будут токмо скопище бессмысленных слов. Следовательно, должно ему знать Естественную Историю, Физику, Медицинскую Антропологию, всемирную Историю, Энциклопедию Наук и всеобщую Грамматику, до вступления в самую так называемую Философию» [363, 1809, № 22, с. 136].

Предписывалась и последовательность изучения «так называемой философии»: «Всего удобнее начать оную Эмпирическую Психологией, Эстетикой и Логикой, а потом перейти к Метафизике» [там же]. В инструкции содержалось специальное предупреждение касательно метафизики. Так как метафизика «издавна служит игралищем различных сект и имеет великое влияние на направление мыслей, то молодой человек еще более имеет нужду в хорошем наставлении оной, чтоб избежать угрожающих ему в нашем веке опасностей» [там же].

Идеалом наставника в сфере философии объявлялся тот, кто соединяет «познание важнейших метафизических мнений во всех временах с опытностью для испытания и суждения иных» [там же]. Таким идеальным наставником российское начальство из ведомства Министерства народного просвещения объявило немецкого профессора Г.-Э. Шульце (Энезидема), известного тогда критика философии Канта: «Среди новых Метафизиков, — говорилось о Шульце в инструкции, — отличается он, как необыкновенный мыслитель и основательный знаток в своей науке»; в его сочинениях виделась «необыкновенная ученость и великое познание в источниках вещей»; сочетание «с примерным рассудком и ясностью» «суждения истого и здравого ума о важнейших системах Метафизики» [там же, с. 137].

В «Начертании» названы два основных сочинения Шульце (Энезидема): «Grundriss der philosophischen Wissenschaften» (2 Bd. Wittenberg, 1788) (название переводилось как «Образ философических наук») и работа «Aenesidemus» (1792), о которой сказано, что она направлена против книги Рейнгольда «Théorie des Vorstellungs Vermögens».

После философии предназначалось изучать «Нравоучение народное и общественное право», а также «обыкновенную политику». История философии намечалась на завершение курса [см.: там же, с. 138]. Будущему профессору философии предписывалось изучать также «природное право», но уже не у Шульце, а в Геттингене у А. Гуго (1764—1844), «одного из известнейших учителей права» (добавим, что Гуго известен как основатель «исторической школы» в правоведении) [там же].

Поскольку речь шла о будущем преподавателе, инструкция заканчивалась наставлением по изучению педагогики: «...молодой Философ, имеющий хорошие энциклопедические сведения и знающий образ учения и пользу человечества, делается еще полезнее своему отечеству,

есть ли обратит свое внимание на правила воспитания, учения и образования юношества; и так под конец своего учения должен он еще заняться Педагогикою» [363, 1809, № 22, с. 138].

Инструкция предусматривала изучение философии также специализировавшимися в нефилософских областях, в частности, по «государственным наукам»: «В новейшие токмо времена испытали, что Государственные науки не принадлежат ни к Философии, ни к науке права, но составляют особенную часть сведений. Исторические познания служат им введением, которое должно быть основано на тех философических правилах, которые служат пищею для истории» [там же, с. 138–139].

Студенту политической экономии, отнесенной к государственным наукам, предписывалось, в частности, изучать «Право Философическое, Естественное и Народное» [там же, с. 139].

Инструкция 1808 г. показательна тем, что она однозначно ориентировала на желательный для университетов (в понимании высших властей) тип философствования.

Однако с конца 10-х гг. социальный статус философии в русском обществе стал понижаться. Радикально изменилась и официальная политика в области философии.

В 1811 г. министр народного просвещения А. К. Разумовский утвердил новый учебный план гимназий, согласно которому философские науки из него исключались [см.: 404, с. 69].

Когда харьковский профессор И. Шад представил в адъюнкты своего ученика А. Дудровича, сообщив, что тот разбирается в системах Канта, Фихте и Шеллинга, другой профессор, француз А. Дегуров, зная о неодобрительном отношении министра Разумовского к Шеллинговой философии, поставил вопрос, одобряет ли университет систему философских наук, которой придерживается профессор Шад [см.: 52, с. 24]. В 1816 г. И. Шад был выслан из России, хотя сторонником Шеллинга он не был...

В 1817 г. в России было учреждено Министерство духовных дел и народного просвещения, что означало победу консервативных политических и клерикальных сил. Ускорилось оформление официальной государственной идеологии, вылившейся впоследствии в уваровскую формулу «православия, самодержавия и народности». Одним из следствий стал упадок университетского образования, философского особенно.

На содержании философского образования стали сказываться усилившаяся клерикализация всей системы народного образования и русификация этой системы на национальных окраинах во имя внедрения официального патриотизма. Когда в 1817 г. создавался Ришельевский лицей в Одессе, то в докладе тогдашнего исправляющего (т. е. исполня-

ющего) должность министра народного просвещения князя А. Н. Голицына (1773—1844) царю подчеркивалось: «В образовании Ришельевского Лицея закон Божий и познание правил веры Христианской будут главным основанием учения и воспитания. Молитвы в определенное время, чтение Священного писания, поучения и наставления Священника, который будет и законоучитель, постановляются неперменным правилом во все продолжения воспитания. Российский язык, яко отечественный, будет преподаваться в высшей степени усовершенствования в оном. Исторические и Географические сведения о России приобретутся воспитанниками первоначально, и потом преимущественное пред прочими занятие их составлять будут» [363, 1819, № 44, с. 37—38]. 4 апреля 1818 г. Голицын обязал попечителей учебных округов запрещать места в книгах «содержание мысли и дух, противные религии христианской обнаруживающие или вольнодумство безбожничества, неверия и неблагочестия, или своевольничество революционной необузданности, мечтательного философствования, или же опорочивания догматов православной нашей церкви...» [166, т. 4, с. 301].

Новый всплеск преследований всего прогрессивного в российских университетах последовал после того, как в 1819 г. немецкий студент Занд убил в Мангейме немецкого драматурга и романиста А. Коцебу (1761—1819), являвшегося агентом русского правительства в Германии. Последовавшие в Германии меры против университетских свобод воодушевили некоторых российских чиновников — М. Л. Магницкого, в 1819—1826 гг. попечителя Казанского учебного округа, и его соратника Д. П. Руничу, сменившего в 1821 г. С. С. Уварова на должности попечителя Петербургского учебного округа.

Магницкий, намекая на покушение, утверждал, что европейское учебное просвещение, «сбросив скромное покрывало философии, стоит уже посреди Европы с поднятым кинжалом» [522, с. 49].

В одном из документов Министерства народного просвещения говорилось, что «пагубный дух вольнодумства и своеволия, возникший в недавнее время в Германии, государи Германского союза приписывают настоящему образованию университетов» [там же, с. 77].

В качестве противоядия «вольнодумству» и философскому рационализму в российских университетах создаются кафедры богословия. Усилились цензурные репрессии против книг по философии. В 1819 г. ученый комитет Главного правления училищ прекратил печатание «Начертаний метафизики» А. С. Лубкина, а также работы П. Д. Лодия «Логическое наставление».

Некоторые меры оказались явно судорожными и вызвали споры. Желая прослыть борцом против рационализма, попечитель Харьков-

ского учебного округа З. Я. Корнеев рекомендовал совету университета две работы французского мистика реформатской церкви Дютуа: «Philosophie divine, appliquée aux lumières naturelles, magiques, astrales, surnaturelles par Keleph ben Nathan» (t. 1—3, 1790, 1793) и «Philosophie chrétienne» (t. 1—4, 1800). Последнее было частично переведено под названием «Божественная философия» в 1818 г. на средства самого царя!

А. Н. Голицын поддержал книгу Дютуа, но А. С. Шишков (1754—1841) резко осудил ее. С сарказмом об ее успехе писал консервативно ориентированный Н. М. Карамзин (1766—1826).

Особенно мощный удар обскурантская партия нанесла по дисциплине «естественное право». Поводом для грандиозной кампании против теории «естественного права» стал труд профессора Петербургского университета и Царскосельского лицея А. П. Куницына «Право естественное» (ч. 1, СПб., 1818).

В Главном правлении училищ было «найдено нужным по принятой в сей книге за основание ложным началам и выводимому из них весьма вредному учению, противоречащему истинам Христианства и клонящемуся к испровержению всех связей семейственных и государственных, книгу сию, как вредную, запретить повсюду к преподаванию по ней и притом принять меры к прекращению во всех учебных заведениях преподавание естественного права по началам толь разрушительным, каковы оказались в книге г. Куницына» [441, с. 125—126].

Не согласившись с решением Главного правления училищ, которое, запретив книгу Куницына, оставило все-таки естественное право в системе преподавания, потребовав составить к ней руководство, основанное на уважении к религии и существующему порядку, М. Л. Магницкий высказал относительно естественного права «особое мнение»: «Наука естественного права, сия метафизика прав, есть изобретение неверия новейших времен северной Германии». «Она всегда была опасна, но когда Кант посадил в преторы так называемый чистый разум, когда спросил истину Божию: что есть истина? — тогда наука права естественного сделалась умозрительною и полною системою всего того, что мы видели в революции французской, опаснейшим подменом евангельского откровения, исторгает из руки Божией начальное звено золотой цепи законодательства и бросает его в хаос своих лжеумудрствований, и, наконец, опровергнув алтарь Христов, наносит святотатственные удары престолом царей, Властям и таинству супружеского союза, подпиливает в основании сии три столба, на коих лежит свод общественного здания... [522, с. 483].

Магницкий считал науку естественного права опаснейшей из всех философских наук, ибо она давала основания для вольнодумства и распространения учений о природной свободе и равенстве людей. В естественном праве, по Магницкому, воплощен «нечестивый» догмат Марата, согласно которому «власть державная получает свое начало от народа» [522, с. 475].

В 1819 г. Магницкий предложил директору Казанского университета поручить кому-либо из профессоров «представить мнение о заимствовании естественного права не из разума, а из Библии». Добровольцем выдался профессор Г. Н. Городчанинов, который весной 1820 г. представил в совет университета «Мнение Христианина о естественном праве». На рукопись дали отзывы профессор Г. И. Солнцев и совместно профессора В. М. Перевошиков и М. А. Пальмин. Одобряя мнение Городчанинова, Перевошиков и Пальмин заявили: «Многие из ученых мужей Англии и Германии принимали в основание своих сочинений о праве естественном и десять заповедей, данных Моисею, и Новый Завет. Мы сами твердо уверены, что Священное Писание и главные онога заповеди, на них же и весь закон и пророки висят: "Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим, и всею крепостью твоею, сия есть первая заповедь", а вторая, подобная ей: "Возлюбиши ближнего своего, яко сам себе" — должны быть краеугольным камнем права естественного» [там же, с. 478]. Магницкий высказался еще более категорично: «Наука естественного права, непрестанно переставляемая на разные основания мудрования человеческого, не только не приносила доселе пользы, но была нечистым источником, из коего неверие и разврат мысли почерпали и права революционного во Франции человека, и все те разрушительные для общества мечты, кои зажигали мятежи и убийства». «Нет никакого сомнения, что учение библейское может и должно быть единым прочным основанием сей науки, ибо закон естественный дан в начале человеку от Бога, и сим законом установлено и право естественное. Какой может быть закон и какое право — не от Бога и вне Его?» [там же, с. 480].

Кампания против теории естественного права как опаснейшей из философских наук, естественно, усилила нападки на философию в целом. И здесь в конце 10-х — первой половине 20-х гг. экстремистскую позицию занимали попечители учебных округов и соответственно университетов Магницкий и Рунич.

17 января 1820 г. царь утвердил подготовленную Магницким инструкцию директору Казанского университета, в которой изложены принципы новой официальной политики в сфере университетской философии.

Первой философской наукой названа логика: «...Первая наука в порядке естественном есть та, которая возделывает рассудок, приучая его к правильным действиям...» Логика — это та наука, «которую Сократ называл *повиванием разума*, ибо она, по словам сего Философа, содействует только человеку к произведению того, что в нем есть, и не научает его ничему, но развивает только то, что в нем самом находится». Логика «есть более упражнение наших способностей, нежели наука» [522, с. 42].

После логики инструкция требовала изучать историю философских систем. «К историческому раскрытию систем славнейших философов» профессор переходит, «указывая на жизнь их в том намерении, чтобы слушатели при самом изложении учений разума, привыкали видеть разницу между мудростью земною и небесною» [там же, с. 43]. При этом вменялось в обязанность изображать философию как условную истину по сравнению с безусловной, христианской: «Для избежания же того смешения идей, которое столь часто замечается в воспитании от несоображения в совокупности разных философских систем, Профессор обязан привести их к одному началу и показать, что условная истина, служащая предметом умозрительной философии, могла заменить истину Христианства до пришествия Спасителя мира» [там же].

Применительно же к современности философия изображалась опять-таки как средство «повивания разума», а не как орудие постижения каких-либо истин: «Ныне же в воспитании допускается (философия) как полезное токмо упражнение разума для изошрения сил его к принятию прочих наук человеческих, на философских началах основанных» [там же].

В инструкцию для светских университетов была перенесена норма, утвердившаяся ранее в уставе духовных академий, согласно которой предпочтение перед всеми философами должно было отдаваться Платону и его последователям: «Профессор искать будет основательнейшего философского учения в Платоне и славнейших его последователях. Указав, по руководству известной речи Боссюета, как сей славный Философ древности, правильным действием простого разума, в сумраке света естественного видел уже действительность человеческого падения и необходимость искупленья» [там же, с. 44].

«Крайний предел» «высочайшей философии» Платона должен был показать превосходство веры над самым совершенным разумом, показать, «что там, где чистейший разум человеческий, удивление многих веков, изнемогает и падает, начинается заря веры, и таким образом, по невозможности соединить мудрование человеческое с премудростью Божиею, по крайней мере не будет отвергаема первым последняя, и

исчезнет то соблазнительное и доброму смыслу противное заключение, которое в школьном учении иногда допускаемо бывало, что одно и то же предложение может быть справедливо в понятиях философских, и ложно в понятиях Христианских» [522, с. 44].

Авторы инструкции выражали надежду, что студенты убедятся в превосходстве религиозной истины над философией и в необходимости согласовывать ее с Евангелием: «Слушатели удостоверятся, что все то, что не согласуется с разумом Священного Писания, есть заблуждение и ложь, и без всякой пощады должно быть отвергаемо; что те только теории философские основательны и справедливы, которые могут быть соглашены с учением Евангельским; ибо истина едина, а бесчисленны заблуждения» [там же].

Согласно инструкции, в памяти и на устах профессора должны быть слова о философии апостола Павла (он по имени, правда, не называется), «того Святого учителя языков, который сам, будучи изучен мудрости человеческой, попрал ее в буйстве креста». Вот как звучали в тогдашнем переводе послания Павла:

«Блюдитесь, да никто же вас будет прельщая философию и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе» (Кол. 2, 8); «Аще ли кто инако учит и не приступает к здоровым словесам Господа нашего Иисуса Христа, и учению, еже по благоверию, разгордися, ничтоже ведый, но недугуяй о стязаниях и словоприний их лжеименного разума» (1 Тим. 6, 3—4 и 20). «От ни же бывает зависть, рвение, хулы, непсуевания лукава, беседы злыя растленных человек умом и лишенных истины, непщующих приобретение быти благочестие: отступай от таковых. О Тимофее, предание сохрани, уклоняся скверных суесловий и прекословий лжеименного разума: о нем же нецыи хвалящися о вере погресиша» (1 Тим. 6, 20).

«Дух же явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским» (1 Тим. 4, 1).

«Будет бо время, егда здравого учения не послушают, но по своих похотех изберут себе учителя, чешеми слухом: и от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся» (2 Тим. 3—4)» [522, с. 45—46].

После этих посланий Павла шла заключительная рекомендация профессорам философии: «Златыми буквами слова сии да начертуются над Катедрою философии» [там же, с. 46].

Пожелание в Казани было реализовано практически: над кафедрой философии действительно была водружена скрижаль с соответствующими стихами из Евангелия [см.: там же, с. 349]. Но этой инструкцией Магницкий не ограничился. А в 1823 г. он представил министру запис-

ку с предложением вообще запретить преподавание философии. При этом Магницкий сослался на то, что в Парижском университете философия в это время была якобы запрещена, хотя на самом деле там высказывались лишь некоторые опасения по поводу ее преподавания. В адрес философии еще несколько лет сыпались все новые жесткие филиппики.

«Современная философия, — писал Магницкий, — ничто иное, как настоящий иллюминат, обязанный новому своему имени только тем, что христианские правительства у себя публичное преподавание его дозволяют и даже платят жалованье распространителям оного» [522, с. 475]. Философия, по Магницкому, — это «страшное чудовище, спокойно подрывающее у нас алтари и трон открытым проповедованием своих начал во всех университетах наших и во всех тех высших училищах, где установлены философия и политические кафедры». В пример Магницкий поставил Казанский университет, где «данные ему инструкции во всей строгости исполняются и философия преподается в виде обличительном» [там же].

15 сентября 1825 г. Магницкий на торжественном акте Казанского университета назвал философию «лжеимянной», которая, «отравляя все науки и даже словесность и самые искусства тлетворным своим ядом, беснует умы на Бога и царей» [там же, с. 477]. «Буйным мечтаниям» некоторых германцев, «кои возникли с своевољством Лютеровой реформы и так ложно называются философиєю», ставилась в пример «здравая, истинная, беззатейная философия, которая прямит и изощряет умы, с которою жили счастливо отцы наши, верные Богу и царям, в которой воспитаны и образовались отличнейшие мужи нашего отечества, светилы нашей церкви» [там же, с. 478].

Если бы Магницкий был исключением, судьбы университетской философии в России в 20—40-х гг. XIX в. оказались бы другими. Дело, однако, в том, что антифилософский курс периодически подпитывался в эти годы и Министерством народного просвещения. В 1823 г. в официальном журнале Департамента народного просвещения была помещена статья под названием «О философах и философии», в которой ставился под вопрос статус философии в обществе. Автор иронизировал: «Никогда с таким уважением не говорили и не писали о Философии, как ныне! Желают ли, например, похвалить сочинение? Уверяют, что оно Философическое. Хотят ли унизить оное? Говорят: Автор пишет *не по-Философски*. Одним словом, Философия вскружила головы. Молодой человек, едва вышедший из училища, знает уже, что ему надлежит мыслить и говорить *по-Философски*, и почитает себя совершенно счастливым, родясь в веке *Философическом*. Родители радуются и, ни-

чему не учась, сами готовы записаться в философы, потому что много слышали о Философии» [138, 1823, ч. 3, с. 265].

Оказывается, вред приносила уже древняя философия. «Из ужасного множества систем, порожденных древнею Философиею, нет ни одной не только совершенно полезной, даже благоразумной — поэтому смело можем заключить, что и древняя Философия не только не доставила ни малейшего блага человеческому роду, но напротив того споспешествовала к увеличению бедствий оного: разнообразие сект и мнений было неодолимым препятствием к распространению нравственности. Сверх того некоторые из Сектаторов, как-то Епикурейцы и пр<очия> имели сами по себе весьма вредное влияние на нравы; другие провозглашали какую-то независимость, которая принуждала опасаться их и причиняла им самим жесточайшие несчастия» [138, 1823, ч. 3, с. 270].

Без философов, оказывается, жилось лучше: «Мы видим, из Истории, что Карфагены, без Философов, наслаждались совершенным спокойствием и благоденствовали; что Спарта и Рим славились добродетелью, пока не познали еще Философию» [там же].

Автор одобрял прежние преследования философов. «Мы видим из Истории, что Философы были изгоняемы из Рима не только Домицианом и Нероном, но даже кротким и благодетельным Веспасианом; что горделивое учение Стоицизма, внушая любовь к свободе, всегда почти неразлучную с желанием возмущений, только тогда прекратило пагубную заразу свою, когда из последователей сей секты иные заключены были на островах, иные телесно наказаны, иные преданы смерти.

Упомянутые Императоры, изгоняя Философов, сообразовались, говорит Светоний, с древними законами — и сие действительно справедливо, ибо за 160 лет до нашего летосчисления они изгнаны были из Рима по определению Сената; и претору М. Помпонию поручено было употребить всю свою деятельность на то, чтоб ни одного из них не осталось в городе — поелику, присовокупляют Историки, они почитаемы были за таких людей, кои рассуждая о добродетели, разрушали ее основание — за таких людей, которые пустыми софизмами растлевали чистоту нравов и посеяли в сердца молодых людей правила, могущие произвести вред их отечеству» [там же, с. 271—272].

Виноваты были древние философы прежде всего в том, что «их религия, снисходительная пороку и своевольству, не могла быть основанием чистой и строгой нравственности» [там же, с. 272].

Из сказанного автор сделал вывод, что «ни древняя, ни новая Философия не доставили человеческому роду никакой пользы; что, напротив, во все времена порождали они только заблуждения и сумасбродство» [там же, с. 273].

Для философии оставалась самая незначительная щелка: «Ежели чрез Философию должно разуметь *любовь мудрости*, желание просвещать себе подобных, желание делать их лучшими — то сие определение прилично той только Философии, которая почерпает начала свои в Евангелии. Человек благоразумный всегда поучения свои утверждать будет на сем священном и непоколебимом основании. — Кратко сказать, истинная Философия должна быть неразлучна с Евангелием» [там же]. «Увещевания самой высокой Философии останутся всегда тщетны, бесплодны; одна только Религия — Религия святая, божественная — имеет право повелевать и требовать повиновения» [138, 1823, ч. 3, с. 274].

Параллельно идеологической кампании обскурантов против философии в университетах делались «оргвыводы». В 1820 г. сняли с работы преподавателя логики и метафизики Петербургского университета П. Д. Лодия, а его книга «Логические наставления» была запрещена. Профессора Московского университета И. И. Давыдова Магницкий изобразил в качестве «опаснейшего довершителя Шеллинговой философии», адскую тайну которой он якобы открыл и обнаружил. По мнению доносчика, «адская тайна» состоит в том, что «нынешняя философия есть иллюминатизм, странное чудовище, спокойно подрывающее у нас алтари и трон». Безосновательно Магницкий утверждал, что «Начальные основания логики» Давыдова пропитаны «богопротивным учением Шеллинга»; что основу Шеллинговой философии составляют вольнодумство и разврат, что Шеллинг под видом идеализма проповедует самый грубый материализм. Однако нападки Магницкого привели к тому, что в течение пяти лет, с 1821 г. по май 1826 г., философия в Московском университете вообще не читалась.

В 1826 г. Главное правление училищ приняло решение, согласно которому курс философских наук для высших учебных заведений необходим, но курс, «очищенный от нелепостей новейших философов, основанный на истинах христианского учения и сообразный с правилами монархического правления» [404, с. 127].

Нельзя сказать, что обскурантистскому курсу магницких и руничей никто не сопротивлялся. Упоминавшийся Г.-Ф. Паррот из Дерпта в записке Александру I назвал Магницкого «террором публичного образования» и «презренным существом, у которого невежество облекается мантией эрудиции и знания». При этом Паррот предостерегал от сведения всех занятий к разговорам только о религии.

Против полного запрещения преподавания философии, за его ограничения выступил член Главного правления училищ, эмигрант из Франции граф И. С. Лаваль (ум. в 1846).

Не разделяла экстремистские взгляды Магницкого большая часть членов правления училищ, особенно попечитель Дерптского учебного округа князь К. А. Ливен, попечитель Харьковского округа А. А. Перовский и капитан-командор И. Ф. Крузенштерн.

Примечательно, что попечитель Петербургского учебного округа С. С. Уваров ушел в отставку, оскорбленный обвинениями в адрес ряда петербургских профессоров по «Делу о вредном преподавании философии» (1823–1827).

После обскурантистских нападков на университет в конце 10-х — первой половине 20-х гг. XIX в. правительство спохватилось, и в 1827 г. были приняты меры для подготовки новых кадров, в том числе обучение их в Дерпте, Берлине или Париже. Но тучи над философией продолжали гущаться.

Николай I позволял себе лично вмешиваться в дела, связанные с преподаванием философии. Так, 23 апреля 1833 г. он повелел преподавание естественного права, «столь важного как в политическом, так и в философском отношении», вести так, чтобы «не могло вкрадываться что-либо, несоответствующее существующему в Государстве порядку вещей» [139, 1834, янв., с. VI].

К концу 30-х — началу 40-х гг. прежняя истерия, связанная с «деятельностью» магницких и руничей, несколько улеглась. Вновь раздались голоса в защиту философии. Общественный резонанс получила в 1837 г. речь ординарного профессора философии О. М. Новицкого в недавно открытом в Киеве Университете св. Владимира под характерным названием «Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношениях, их силе и важности» (опубликована в 1838 г.). Примечательно, что на эту речь откликнулся и официальный орган Министерства народного просвещения. «Одна из причин скудости нашей Философской Литературы, — говорилось в журнале, — заключается, без сомнения, в невыгодном для Философии предубеждении, которое вкоренилось в умах многих, не понимающих истинной цели и подлинного значения этой “Науки наук”. Сия причина развита довольно удачно в речи Ординарного Профессора в Университете св. Владимира Ореста Новицкого...». Укорененному в России тезису: «Философ — это плохой христианин» журнал противопоставил совершенно иной: «Мы с своей стороны не станем распространяться в подкреплении его мнения о пользе истинных философских познаний: приведем только слова Иустина Философа: “Кто надлежащим образом изучил философию и просветил ею ум свой, тот легко может сделаться Христианином” (Apolog., II)» [там же, 1839, ч. 23, с. 19–20].

В следующем 1840 г., в том же министерском органе, в обзор философских работ, появившихся в русских газетах и журналах, попали статьи арх. Гавриила Воскресенского «Понятие об истории философии...», жившего в России пастора К. Зедергольма «Современное состояние истории философии» и статья М. А. Бакунина «О философии», опубликованная в «Отечественных записках». И на этот раз рецензент с сожалением констатировал скудость отечественной философской литературы: «Эта область познаний так еще ограничена в нашем Отечестве, количество сочинений и переводов по этому предмету так скудно, что появление в обозреваемое трехмесячие трех оригинальных статей необходимо должно обратить на себя внимание не только принимающих участие в развитии Наук в России, но и вообще всякого приверженца и любителя Философии» [139, 1840, ч. 27, с. 164].

Но, увы, наметившееся на рубеже 30–40-х гг. повышение социального статуса философии в России вскоре вновь застопорилось. И виноватой оказалась... революционная Западная Европа. Восстание 1830 г. в Польше привело к тому, что исчез целый университет в числе прочего с сильным составом философских кадров. За революцией 1848 г. последовало ограничение преподавания философии в университетах логикой и психологией... Напуганный революцией Николай I, обозвавший философию нечестивой и безбожной наукой, своим повелением от 22 июня 1850 г. на десятилетия задержал развитие университетской философии в России. Но подробнее об этом чуть позже.

* * *

Очертив контуры «внешней истории» университетской философии в России в первой половине XIX в., напомнив о ее покровителях и гонителях, благоприятных и неблагоприятных обстоятельствах ее функционирования, посмотрим теперь на ее внутреннее содержание — на философию как предмет преподавания (каким бы нерегулярным он ни был) и на философию как творчество университетской профессуры.

Главной обязанностью университетов в рассматриваемые десятилетия было преподавание. О научной деятельности университетской профессуры ничего не говорилось, например, в университетском уставе 1835 г. Но тем не менее университетская философия функционировала именно в этих двух направлениях: как предмет преподавания, как правило, по спущенным сверху программам или рекомендациям и инструкциям, и как предмет относительно самостоятельного творчества профессуры в публикуемых ими трудах.

В XIX в. университетская философия в России меняла свой характер и как институционализируемая дисциплина: в ней стала действовать система научных степеней и званий, принятая в общей системе высшего образования.

Указом от 24 января 1803 г. были введены степени кандидата, магистра и доктора (закрепленные в университетском уставе 1804 г.). Степень кандидата присуждалась выпускникам, окончившим курс с отличием и защитившим кандидатские диссертации (степень отменена в 1884 г., но сохранилась в Варшавском и Юрьевском (Дерптском) университетах и Демидовском лицее). Степень магистра была выше кандидатской, но ниже докторской (первоначально кандидат состоял в 12-м классе, магистр — в 9-м, доктор — в 8-м по табели о рангах). Претенденты на степени магистра и доктора сдавали устные и письменные экзамены. Соискатели докторской степени должны были представить диссертацию, одобренную факультетом или отделением, и публично защитить ее.

Университетский устав 1804 г. ввел два звания для преподавателей университета: ординарный профессор для преподавания главных дисциплин, который должен был иметь ученую степень доктора наук, и экстраординарный профессор для тех же и отраслевых дисциплин с ученой степенью магистра. Помощники (заместители) профессоров назывались адъюнкт-профессорами. В первой половине XIX в. было введено еще одно звание — доцента — по образцу немецких университетов, где считалось, что это будут молодые ученые, вполне отдающиеся науке, способные внести в университетскую жизнь прогресс и не дать профессорам почивать на лаврах. Доценты сначала появились в Дерптском университете, затем, с 1842 г., — в Университете св. Владимира в Киеве. В 1843 г. Комитет министров разрешил доцентуру в других университетах для молодых магистров и докторов, которые бы читали лекции по тому или другому вопросу, защитив по нему предварительно особую диссертацию, но не получая постоянного жалованья, а вознаграждались бы единовременными выплатами по ходатайству совета университета.

Но тогда доцентура не получила широкого распространения, поскольку требования к соискателям звания адъюнкта или профессора были примерно такими же, как к соискателям звания доцента. Интерес к доцентуре был невысок, так как было немало вакантных должностей профессоров и адъюнктов.

Введение степеней и званий повысило институциональный и профессиональный статус университетской философии в России, но отнюдь не сняло полностью давным-давно проявившиеся и в Западной

Европе, и в России неясности с различиями философов в точном смысле этого слова от ученых, представлявших конкретные научные дисциплины. Применительно к нашей теме университетской философии неопределенность с понятием «философия» связана в первую очередь с тем, что название «философский факультет» в любом университете далеко не соответствовало реальному содержанию предметов его преподавания. На «философских факультетах» готовили не только собственно философов, но и также физиков, химиков, биологов и т. д. И термины «доктор философии», «магистр философии» далеко не всегда соответствовали действительной специальности носителя этой научной степени. То же самое было с диссертациями.

Приведем примеры тем диссертаций, защищенных в Петербургском университете на философскую степень, которые, однако, имеют лишь косвенное отношение к предмету философии даже в том его виде, как он уже определился в 30–40-х гг. XIX в.

Ф. Чижов. Об общей теории равновесия с применением к равновесию жидкостей и определению фигуры Земли (1836); М. Куторга. О коленах и сословиях Аттических (1838); В. Порошин. Критические исследования об основаниях статистики (1838); А. Воскресенский. О хинной кислоте и об открытом в ней новом теле хиноиле (1839); И. Усов. О наибольших и наименьших величинах простых определений интегралов (1839); М. Касторский. Начертание славянской мифологии (1841); К. Кесслер. О скелете дятлов в отношении к месту, занимаемому этим родом в классе птиц (1842); Н. Железнов. О происхождении зародыша и теориях происхождения растений (1842); М. Пчельников. О сопротивлении тела человеческого в отношении к электрическим токам (1842).

А вот некоторые из тем магистерских и докторских диссертаций 10–40-х гг. XIX в., которые в принципе соответствуют понятию «философия»:

Г. Г. Коритари. О связи изучения медицины с изучением философии (Харьков, 1807); Гесс де Кальве. *Dissertatio inauguralis de genuino philosophiae caractere ejusque necessitate* (Харьков, 1812); Г. Хлапонин. *Dissertatio inauguralis de principiis et objectis suti et de causa differentiae systematum theoreticae... Über Kauts Kritik des theoretischen Erkenntnisvermögens* (Харьков, 1813); П. Бразоль. *Dissertatio inauguralis de immortalitate animorum* (Харьков, 1814); А. И. Дудрович. *Dissertatio inauguralis de philosophicae genuino conceptu, nec non necessitate ejus absolute* (Харьков, 1814); И. И. Давыдов. О преобразованиях в науках, совершенных Бэконом (М., 1815); П. Ковалевский. *De libertate mentis humanae* (Харьков, 1815); И. Ф. Гриневич. *Dissertatio de studio philosophicae ejus-*

que genuino natura (Харьков, 1815); И. Любачинский. Вступительное рассуждение об антиномиях чистого разума (Харьков, 1816); С. Есикорский. Опыт исторической очевидности промысла Божия у всех народов и во всех веках (Харьков, 1822); К. Неволин. О философии законодательства у древних (М., 1834); С. Богородский. О философии уголовных законов у древних (М., 1834); Н. Устрялов. О системе прагматической русской истории (М., 1836); А. Никитенко. О творящей силе в поэзии, или О поэтическом гении (М., 1837).

Приведем примеры некоторых философских тем, которые предлагались студентам для соискания наград. Задача по философии, предназначавшаяся слушателям Петербургского университета в 1837/38 учеб. г., звучала так: «Какие пределы назначены человеческому знанию самим устройством нашего духа?» Прекрасная, сложная, действительно философская задача, но, увы, никто не получил награду.

В 1843/44 учеб. г. серебряной медали удостоился студент Кийков за сочинение на тему «В общем ходе просвещения человеческого предшествует ли философия прочим наукам и служит как бы первоначальным родником их или является уже по образованию их как окончательный результат опыта?»

В 1845/46 учеб. г. студентам предлагалось «объяснить идею о философии Истории, возникшую в новейшее время; показать различие между ею и историческим прагматизмом и рассмотреть в главных чертах те сочинения, которые содержат в себе первые опыты такой философии».

В 1849/50 учеб. г. золотую медаль получил студент Самойлович за сочинение на тему «О заслугах Декарта в философии».

* * *

Разговор о содержательной стороне системы преподавания и разработки философии в российских университетах и приравненных к ним в каких-то отношениях учебных заведениях мы начнем с вопроса о самой возможности анализировать эту проблему одновременно в столь разных университетах, как, скажем, Дерптский, Виленский и Гельсингфорский, с одной стороны, Московский, Петербургский, Харьковский — с другой.

Такой анализ возможен уже потому, что с 1803 г. университеты в России вошли в общую систему учебных округов, являясь центрами этих округов. Министерство народного просвещения осуществляло контроль за всей системой университетов, в первую очередь за кадрами и за учебными планами. Исключение составлял Гельсингфорский университет, поскольку в Великом княжестве Финляндском после вхожде-

ния в 1819 г. его в состав Российской империи сохранялись многие старые местные законы. Тем не менее российские власти осуществляли контроль и за этим университетом, что символически выразилось в том, что с 1828 г. университет в Гельсингфорсе стал называться Александровским.

Но вхождение университетов в единую систему отнюдь не значит, что философская жизнь в них складывалась одинаково.

«Немецкий» в основном характер Дерптского университета в первой половине XIX в., наличие там профессуры, непосредственно связанной с университетской философией Германии, естественно выдвигал Дерпт на ведущее место в российской университетской философии. Это не помешало, впрочем, Г.-Ф. Парроту однажды назвать тамошний философский факультет «философским сбродом».

Весьма оригинально выглядела в начале 20-х гг. программа преподавания философии в Варшавском Александровском университете: Философия основная, или фундаментальная, делилась на философию теоретическую, или фундаментальную (с частями: 1. Логика. 2. Метафизика. 3. Эстетика), и на философию практическую (с частями: 1. Дишеология, или наука о естественных законах. 2. Аретология, или этика в собственном смысле. 3. Эзуеобиология, или философская наука религии).

Выделялись также знания, находящиеся в ближайшем родстве с философией: а) общая грамматика, б) история философии с ее литературой; в) философская энциклопедия; г) прагматическая антропология; д) теория педагогики и дидактики [см.: 597, с. 33].

В 20-е гг., в пору погромов, устроенных Магницким и Руничем, очень понизился уровень философского образования в Казанском и Петербургском университетах. Историк Петербургского университета В. В. Григорьев так оценивает уровень преподавания философии в период с 1822 по 1832 г.: «Важнейший рычаг умственного развития, влияние которого должно было чувствоваться во всех сферах университетского образования, философия, имела здесь представителем человека, прошедшего через руки Магницкого, и вполне соответствовавшего цели сделать преподавание этой науки ни к чему не нужной: трудно представить себе что-либо более скучнее и снотворнее того, чем были схоластические лекции Пальмина, который даже Вольфианскую философию кастрировал *ad usum* Российского юношества» [111, с. 69].

С большими перерывами уже в первой половине XIX в. шло преподавание философских дисциплин и в Московском университете, тоже из-за преследований философской профессуры.

Важно, правда, иметь в виду то обстоятельство, что в Москве и Петербурге главным философским центром ряд лет были не собственно университеты, а так называемые благородные пансионы при университете, где воспитанники и профессора пользовались большей свободой, чем студенты университета и профессора на университетских лекциях.

Российские университеты первой половины XIX в. оказались по-разному связанными с духовно-академической философией, что также сказалось на содержании и уровне философии. В изданной в Белграде в 1935 г. «Комитетом киевских профессоров в Любляне» книге «Столетие Киевского университета Св. Владимира» утверждается, что уже в первой половине XIX в. киевская университетская философия имела свои особенности: «Близость между философскими кафедрами в университете и духовной академии сообщила особый отпечаток университетской кафедре. Ее представители не довольствовались только кантовским критицизмом или же только английским эмпиризмом. Им был чужд гносеологизм без онтологии и онтологизм без метафизики. В метафизике же они отвергали соблазн материализма и твердо держались идеализма, причем такого, который безбоязненно проводит свободную философскую мысль к порогу сверхметафизического религиозного клана». «Из мировых мыслителей киевским философам наиболее был конгениален Лейбниц с его верою в единую и вечную философию (*ra-gennis philosophia*)» [476, с. 18].

В этих утверждениях, явно навеянных спорами уже начала XX в., есть большое преувеличение: никогда, тем более в первой половине XIX в., в Киевском университете лейбницианство не имело столь подавляющего значения, но рациональна мысль о том, что в Университете св. Владимира действительно наблюдалась большая степень связи с духовно-академической философией, чем в других университетах.

Несколько слов следует сказать об очагах школьно-университетской философии в учебных заведениях, приближавшихся по уровню преподавания к университетам.

С самого начала XIX в. одним из центров философской жизни Петербурга стала *Медико-хирургическая академия*, где в весьма жестком противостоянии оказались почитатель Шеллинга Д. Велланский и большинство профессуры.

С приходом на должность директора И. И. Давыдова *Петербургский Главный педагогический институт* стал приближаться по уровню образования к университетам. На некоторое время философия стала общим предметом историко-филологического и физико-математического факультетов.

На протяжении ряда лет философия занимала важное место в учебных курсах Царскосельского лицея, Демидовского училища, других аналогичных учебных заведений. Для примера возьмем *Царскосельский лицей*.

Согласно «Постановлению о благородном пансионе в городе Царском Селе» от июля 1812 г. в числе изучаемых наук после «Закона Божьего и священной истории» значились логика, психология и нравоучение («ифика»). Встречались и другие названия некоторых из этих дисциплин: «Первоначальные основания Философии нравственной (Нравоучение, Ифика)», «Первоначальные основания Логики». К философским дисциплинам относилось тогда и естественное право.

В первые годы существования у Царскосельского лицея было, по словам его историка Д. Кобеко, «гуманное и отчасти космополитическое направление», которое придал ему В. Ф. Малиновский [см.: 206, с. VII]. Воспитанник пансиона Царскосельского лицея, впоследствии сенатор А. А. Харитонов утверждал, что он «предпочитал книги по части политической экономии, финансов, статистики, и философии» и что «любимыми авторами» были Адам Смит, Ж.-Б. Сей, Шторх и Симонди, а из философов он читал Теннемана, Энгеля и Гарве [см.: там же, с. 339]. Я. К. Грот сообщает, что лицеисты «не только читали Вольтера, но и делали из него выписки» [там же, с. 298]. Знаменитый воспитанник лицея А. С. Пушкин, по отзывам преподавателей, в логике имел хорошие успехи, но не был прилежен [см.: там же, с. 54].

Поистине историческая роль в судьбах школьно-университетской философии выпала на долю первого адъюнкта и затем профессора нравственных наук в лицее и пансионе А. П. Куницына. Слушавший его лекции А. С. Пушкин посвятил ему благодарственные строки:

Куницыну – дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень:
Поставлен им краугольный камень –
Им чистая лампада возжена...

* * *

В период создания в России начала XIX в. системы университетов преподавание философии началось по широкому кругу «философии умозрительной» (или умственной) и «философии практической» (метафизика, логика, психология, этика, или нравственная философия, эстетика, политическая философия, история философии). Постепенно, однако, круг их суживался, пока в 1850 г. философские кафедры не

были ликвидированы (во всех университетах, кроме Дерптского), а преподавание не было сведено к преподаванию логики и психологии профессиональными богословами. Колебания в общем статусе университетской философии, естественно, сказывались на отдельных философских дисциплинах.

Как и в западноевропейской философии времен Кантова похода на вольфианскую метафизику, в российской университетской философии в первые десятилетия XIX в. происходил пересмотр взглядов на эту дисциплину. Полного разрыва с *метафизикой* ни на Западе, ни в России не произошло. По-прежнему в отечественной литературе встречались определения метафизики как науки о сверхъестественных существах, о Боге, ангелах, о душе и других духовных «предметах», как «науки» о «безусловном», выявляющем в вещах то, что первоначально, существенно, неизменно; в число «метафизических предметов» включалось «истинное», «доброе», «прекрасное» и т. д.

Но уже в первые десятилетия XIX в. статус метафизики как философской дисциплины заметно понизился. Несмотря на то что метафизика как дисциплина фигурировала в учебных планах университетов, отношение к ней стало более чем сдержанное. Не метафизика была «первой философией». По инструкции 1804 г. Петербургскому педагогическому институту профессор логики и метафизики должен был сначала изложить курс психологии и логики. По инструкции 1808 г. российского студента тоже сначала наставляли в психологии, эстетике и логике, а затем переходили к метафизике. До «вступления» в так называемую философию предлагалось освоить конкретные науки.

Были у чиновников ведомства просвещения и утилитарные, «социологические» аргументы. Так, попечитель Харьковского университета Перовский в своей записке «наверх» писал: «Цель учебных заведений в России, относительно просвещения народного, главнейше должна состоять в распространении познаний, на положительных и точных науках основанных. Мы имеем нужду в медиках, химиках, технологах; но весьма сомнительно, чтобы появление в отечестве нашем Кантов и Фихте принесло какую-либо оному пользу. Отвлеченные науки, как, напр<имер>, метафизика и другие, принадлежат, так сказать, к роскоши ума человеческого; а роскошь сия, не ограниченная пределами умеренности и не приспособленная к нуждам народа еще юного, не может не быть вредна для оного» [412, т. 2, 1900, с. 364].

В первые десятилетия XIX в. университетской философской метафизике пришлось вести еще более жесткую борьбу с противником также из университетской среды — с представителями конкретных наук, склонных к эмпиризму.

В Харьковском университете *противников метафизической философии* возглавлял Т. Ф. Осиповский, обличавший априорные немецкие системы («одна страннее другой»), противопоставляя им усилия «Баконов и Декартов и других». Под огонь критики Осиповского попали не только «сумасшедшие» мистики типа Эккартсгаузена, но также априоризм Канта и философия Шеллинга («фантазия по преимуществу»).

Профессор химии и фармакологии А. А. Иовский в статье «Система натуральной философии, или Немецкая система» (1828) подверг беспощадной и явно односторонней критике Канта, Шеллинга, Окена, всю немецкую идеалистическую философию как абстрактно-метафизическую, противопоставив им философию в Англии, Франции.

Жестким критиком «умозрений немецких метафизиков» был также профессор истории М. Т. Каченовский, полагавший, что в немецких системах нет желанного для него соединения опыта и размышления.

Профессор восточных языков Петербургского университета и редактор журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковский яростно нападал на немецкую идеалистическую философию за то, что она подчиняла опыт чистому умозрению.

Еще одна особенность развития дисциплины «метафизика» связана с еще бóльшим распространением в университетской философии тенденции к построению плюралистических по теоретическим источникам, разноосновных, синкретическо-синтетических, эклектических в изначальном смысле этого слова концепций. Петербуржец П. Д. Лодий сознательно выбирал «все то, что есть истинного, но по всем сектам философическим рассеянное». Начав с вольфианства, Лодий затем отдавал предпочтение антикантианцу Шульце (Энезидему), усматривая у него соединения «метафизических мнений» с «опытностью». Без предубеждения Лодий относился к Канту и к близкому к нему Якобу.

Москвич И. И. Давыдов исходил из мысли о том, что нет ни одного философа, даже между самыми мрачными схоластами, «у которого нельзя было бы найти драгоценных перлов среди тьмы заблуждений». Он ценил мыслителей, которые отвергали и рассудочность типа Декарта, Лейбница, Канта и Беркли, чувственность типа Гоббса, Юма, но принимали в основание опытность, не отвергая истин отвлеченных (Гассенди, Локк, Рид, Чирнгаузен, Кондильяк и др.).

В одном из отчетов начала 30-х гг. о профессоре Главного педагогического института в Петербурге А. А. Фишере сказано, что он читал философию «по собственным своим записям», следуя системе Платона и Канта, что уже свидетельствует о плюралистическом, разноосновном, синтетическо-синкретическом, эклектическом характере философской

концепции этого профессора. Использовал Фишер также работы Клейна, Шлейермахера, Шмита, Шефтсбери, Дюгальд Стюарта, Эрлиха, Якоби и др.

У киевлянина С. С. Гогоцкого предметом философии является мир, проникнутый общим божественным разумом и выражающий один верховный план мироздания, и соответственно задачей философии — объяснить мир как созданный и управляемый божественной силой. Эти представления Гогоцкий подкреплял заимствованиями из самых разных философских источников: в системе тождества Шеллинга он усматривал достоинства универсализма и объективности, но более глубоко считал диалектическую систему Гегеля, в основе которой лежит живущий дух как знак присутствия верховного разума. У Гегеля же Гогоцкий видит несообразность идеи «чистого мышления» и «чистого бытия», оторванного от определенного бытия предметов. Скептика Канта Гогоцкий ставил ниже Шеллинга, хотя у Канта усматривал нечто рациональное. Одним из самых основательных направлений философии Гогоцкий считал идеал-реализм (Ульрици и др.), что особенно демонстративно проявляет сознательное стремление Гогоцкого к синтетизму, к синкретизму и эклектике в метафизике.

Плюрализм, эклектизм и синкретизм-синтетизм в концепциях метафизики у университетских профессоров проявились и в причудливом *согетании идей старых философских авторитетов и авторитетов новых*. В «исторической записке», читанной 8 февраля 1844 г., ректор Петербургского университета П. А. Плетнев (1792—1865), рассказывая о преподавании философии в начале XIX в., отметил одну важную закономерность: первоначально «Шеллинг и Баумейстер равный прием находили в университете» [374, с. 21].

Так обстояло дело не только в Петербургском университете. Ставший известным своей критикой Канта А. С. Лубкин первоначально был сторонником системы вольфианского типа, хотя он утверждал, что не следовал чьей-либо системе. Классификация философских дисциплин у Лубкина — вольфообразна: он следовал за вольфианцем Г.-Х. Федером. Выделяются познание историческое, математическое и философское; философия делится на теоретическую, или умозрительную, и практическую, или деятельную. «Главнейшие истины о естестве мыслящих существ, о мире, вообще взятом, и о боге» — составляют метафизику, «которая делится на четыре части — онтологию, пневматологию, космологию и естественное богословие»; часть антропологии, предметом которой является душа, — это психология; та часть, которая «показывает употребление разумных способностей и способ управления ими, называется логикой»; часть, которая «преподает правила управления

волей и исправления ее, называется Ификой (т. е. этикой)»; часть, трактующая о чувствованиях высоких и изящных, называется эстетикой; выделяются также антропологии — в том числе «врачебная наука» (анатомия, физиология, диетика и собственно врачебная наука) — медицина. Практическая философия — это первоначальная нравственная философия; естественное правоведение; политика, «правоискусство» семейственное; «правоискусство» гражданское; «правоискусство» церковное.

Но на этих провольфианских позициях Лубкин не остановился. Через несколько лет он вместе с П. Кондыревым перевел «Начальный курс философии» кантианца Снеля, в котором Кант объявлен «щастливейшим из всех спекулятивных философов», критицизм которого вместо догматизма или скептицизма «разлил» новую жизнь в немецкой философии. Лубкин — критик Канта — поддался частичному влиянию философского критицизма великого немецкого философа.

Неопубликованным остался труд профессора из Казани И. Е. Срезневского «Метафизика, составленная по методу последователей Лейбнице-Вольфовской школы», название которого говорит само за себя. Но Срезневский читал и курс, руководствуясь трудами Снеля и Якоба, т. е. философов, уже усвоивших частично Кантов критицизм.

С 1802 г. в течение 37 лет философию преподавал в Дерптском университете бывший приват-доцент Кенигсбергского университета профессор Г.-В. Еше, которому покровительствовал сам Кант. Будучи первоначально кантианцем, Г. Еше в дальнейшем поддался влиянию антикантианцев Ф.-Г. Якоби и Я.-Ф. Фриза.

Различные тенденции в концепциях метафизики и антиметафизики в российской университетской философии первой половины XIX в. особенно явно проявились в столкновениях вокруг *классиков немецкой философии* конца XVIII — начала XIX в. Канта, Шеллинга и Гегеля и в двойственном к ним отношении даже тех профессоров, которые им симпатизировали.

И. Буле еще на родине, в Германии, оказался под столь существенным влиянием философии Канта, что многие историки относили его к кантианцам. На самом деле Буле им не был, хотя, работая в Московском университете, он позитивно относился к естественнонаучным взглядам Канта, но отмежевывался от всей новейшей немецкой метафизики, особенно Шеллинговой.

Одновременно с Буле в Московском университете работал Х. Рейнгард, который также выражал двойственное отношение к философии Канта. О ряде проблем он прямо писал: «Мы соглашаемся с Кантом» и излагал одобряемые им Кантовы идеи: агностицизм, моральные дока-

зательства бытия Божия и др. Вместе с тем основные принципы критической философии Рейнгардом отвергались.

Петербуржскому философу А. И. Галичу не нравилась форма философии Канта, в которой он усматривал обратное влечение к схоластике, скептицизм, колебания в трактовке понятия «вещь в себе» («свое-сущную вещь»). В то же время Галич защищал Канта от упреков в подрыве веры, благонравия и гражданского спокойствия.

Философии Канта симпатизировал профессор физики Дерптского университета, с 1826 г. ординарный академик Петербургской АН Г.-Ф. Паррот и некоторые другие дерптские профессора (И. В. Краузе, Ф. Д. Ленц, К. Моргенштерн).

Последователем философии Канта слыл один из первых профессоров Казанского университета К.-Т. Фойгт.

Физик из Харькова А. И. Стойкович — противник как чистого эмпиризма, так и чисто спекулятивной философии. В его глазах опыты без умозрения — это детская игра, а умозрение без опытов — пустословие. С этой точки зрения он высоко оценивал переворот, произведенный в умственном мире «бессмертным Кенигсбергским мудрецом», зато всячески насмеялся над «философами Натуры», т. е. шеллингианцами, считая их плохими учениками Канта.

Первым профессором философии в возобновленном в 1803 г. Виленском университете стал бывший профессор философии в Эрлангере, сторонник философии Канта и Рейнгольда И.-Г. Абихт. Его оппонентом в течение многих лет был Ян Снядецкий — сторонник эмпиризма и сенсуализма в духе Бэкона, Локка и Кондильяка и противник немецкой идеалистической философии, особенно Канта, Рейнгольда, Бардили, Фихте и Шеллинга.

Аналогично обстояло дело в университетской философии с рецепцией философии Шеллинга. У нее были как сторонники, правда не все разделявшие в его философии, а также более или менее жесткие противники.

В Петербурге наиболее последовательный адепт философии Шеллинга Д. Велланский доказывал, что философия Шеллинга — это не мечтательная метафизика, а натурфилософия как учение, достигающее абсолютного объективного понятия природы при помощи трансцендентального метода. Но поскольку Велланский, признавая Шеллингово тождество субъекта и объекта, не видел разницы между познанием и предметом познания, он тем самым становился адептом базовых принципов спекулятивных метафизических принципов философии Шеллинга.

В 1823—1824 гг. в Виленском университете профессором был последователь философии позднего Шеллинга поляк Юзеф Голуховский. Приверженцами философии Шеллинга в Дерптском университете считались К.-Ф. Бурдах и И.-Х. Мойер. В Харькове Шеллинговой философии отдавал предпочтение перед Кантовой венгр А. И. Дудрович, не принимая, однако, основных шеллингианских принципов.

Пропагандистом немецкой философии в Одесском Ришельевском лицее был И. Г. Михневич, отводивший Германии «в последнее время» «первое место в истории философии» и называвший ее «Грецией в новом мире». Это право первенства утвердили, по его мнению, «два знаменитых философа», «начальники школ» — Шеллинг и Гегель, причем главой новейших немецких философов Михневич считал Шеллинга. Похвалы в адрес Шеллинга сочетались со сравнительно мягкой критикой.

Философия Гегеля не заняла в российской университетской философии столь большого места, как в неакадемической, где в кружках Н. В. Станкевича и А. И. Герцена сформировались такие яркие поклонники диалектики Гегеля, как М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, сам А. И. Герцен. Но и в университетской среде идеи Гегеля воспринимались в определенной мере.

В 40-х гг. в Казанском университете возник кружок «гегельянцев» (математик П. И. Котельников, медик И. Г. Линдгрэн и др.). В Дерптском университете уже в 20-х гг. горячим поклонником философии Гегеля был профессор Ю. Вальтер. В 40-е гг. учитель Дерптской высшей школы Г. А. Ганзен преподавал в университете философию по Гегелю. Лекции по эстетике в духе Гегеля читал преподаватель классической филологии Л. Преллер. С приверженности к левому гегельянству началась идейная эволюция будущего выдающегося общественного и политического деятеля Финляндии — в 30-х гг. доцента Гельсингфорского университета — Ю.-В. Снельмана.

В нашей историографии сложилась довольно устойчивая тенденция связывать философию в России конца XVIII—XIX в. в первую очередь с именами Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Отсюда и попытки выявить русских кантианцев, фихтеанцев, шеллингианцев, гегельянцев. Но за великими именами классиков исчезает много, хотя и менее значительных, имен философов, влиявших на русскую философию, не учитывая которых, мы создаем одностороннее представление об истории философского процесса в России. Применительно к университетской философии это особенно важно.

Выше говорилось о том, что согласно инструкции 1808 г. основным авторитетом для университетской философии был назван Г.-Э. Шульце

(Энезидем). В 20-х гг. в числе одобренных Магницким для использования в университетах были работы венского профессора, критика средневековой философии и противника Канта Ф.-С. Карпе. По Карпе читали свои курсы А. И. Галич, М. А. Пальмин, Я. В. Толмачев. Вскоре после того, как был открыт Университет св. Владимира в Киеве, на заседании совета Университета была «принята к руководству» (по указанию С. С. Уварова) статья из «Журнала Министерства народного просвещения» (в переводе А. А. Краевского) «Современное состояние философии во Франции и новая система сея науки, основанная Ботеном».

Луи Ботен — французский философ, преподаватель философии в колледже в Страсбурге, с 1853 г. — профессор нравственной философии на богословском факультете в Париже; в первый период — свободомыслящий, он даже отрешался от должности, но в дальнейшем стал ревностным католиком и принял священство. Философская концепция Ботена сложилась под влиянием Августина, Ансельма, Фихте, Канта и др. Основной его труд — «Философия христианства» (1835), что вполне объясняет, почему Уваров и совет Университета св. Владимира обратили внимание на этого философа в условиях, когда в стране шла жесткая критика немецкой идеалистической (но, как правило, рационалистической) метафизики.

На примере харьковского профессора Шада и диссертантов, защищавшихся под его руководством, просматривается еще одна особенность концепций метафизики в российской университетской философии первой половины XIX в.: принципы *философской метафизики* напрямую приспособлялись к *догматам* православного богословия.

Согласно Шаду, метафизика — это умозрительное начертание «всемирия», извлеченное из созерцательного понятия о «всесвятейшем и всеобъемлющем существе»; никакую философию Шад не представлял без веры в Бога, сотворившего всю Вселенную и управляющего ею подобно нравственным целям. Поэтому свою философию Шад называл христианской, наиболее близкой к философии Лейбница, всячески отмежевываясь от Шеллингова пантеизма.

В духе такой метафизики были написаны защищенные под руководством Шада диссертации. Все харьковские диссертанты открыто заявляли о своей верности основным догматам христианства и в рамках теизма оперировали теми или иными философскими категориями. Так, диссертант П. Бразоль, исходя из мысли о том, что метафизика есть идеальное построение Вселенной из идеи абсолютного существа, критиковал философию Канта.

Еще одна закономерность в концепциях метафизики в российской университетской философии первой половины XIX в. связана с влия-

нием на последнюю духовно-академической философии, в которой в эти десятилетия по «директивам сверху» широкое распространение получило стремление строить философские концепции в духе Платона и философов, близких к *платонизму*. Так, харьковский профессор М. Н. Протопопов намеревался составить курс философии, соответствующий, по его словам, «коренным началам русской жизни, началам православия, самодержавия и народности» и пропагандировал взгляд на мироздание в духе «царя древних философов» Платона: образы всех существ суть божии мысли, протипы всего сущего, которые Платон называл идеями.

Мы уже говорили о том, что одной из закономерностей развития университетской философии в России с момента ее формирования стало *противостояние* в ней *идеалистическо-метафизического* и *антиметафизического, эмпирического* направления. В рассматриваемый период в противостоянии «метафизика—антиметафизика» появились новые моменты.

Примечательна судьба работавшего в Университете св. Владимира выпускника Петербургского главного педагогического института Г. А. Цветкова. Цветков служил исправляющим должность адъюнкта; сдал экзамены на степень магистра, написал несколько диссертаций, но ни одной не представил; ему было отказано в звании экстраординарного профессора. Некоторые современники объясняли ситуацию недостаточными способностями этого преподавателя. Но вот что интересно: среди увлечений Цветкова оказались, в частности, «Позитивная философия» Канта и «Письма об изучении природы» А. И. Герцена. Последний адъюнкт считал лучшим философским трактатом своего времени. По-видимому, именно такое умонастроение не нравилось университетскому начальству, что в итоге привело Цветкова к трагическому концу: он сошел с ума.

Казус с киевским преподавателем — это не только единичный факт отдельной судьбы. Это — знак, свидетельствующий о том, что антиметафизическая тенденция в российской университетской философии первой половины XIX в. начала проявляться не только в форме традиционного естественнонаучного эмпиризма, но и в классическом позитивистском виде.

Обозначенные закономерности и тенденции развития университетской философии в России первой половины XIX в. в сфере общих проблем метафизики в той или иной степени отразились и в более частных проблемах.

Довольно обширен список зарубежных авторов, на труды которых ориентировались университетские профессора, читавшие *логику*. Инст-

рукция Министерства просвещения 1804 г. рекомендовала руководствоваться логикой И.-Г. Кизеветтера, написанной «по методу Канта» [см.: 363, 1804, № 6, с. 18–19]. Но некоторые профессора читали в начале XIX в. еще по Вольфу и Баумейстеру (М. А. Пальмин, Н. Ф. Рождественский) или по отечественному вольфианствующему автору И. Рижскому (Л. С. Левицкий). Позднее авторитетами в логике выступали Шульце (Энезидем) (А. И. Галич), Бахман (М. Н. Протопопов, А. П. Аристов), Фриз (Г.-В. Еше), Герлах (А. Ф. Оболенский), Вате (Г. В. Покровский). О. Новицкий читал логику, опираясь на Круга, Бахмана, Трокслера и Фишера.

Примечательно, однако, что уже в первые десятилетия XIX в. появился ряд работ по логике, написанных отечественными авторами: П. И. Богданов (1806), П. Д. Лодий (1815), И. И. Давыдов (1821), Н. Ф. Рождественский (1826), М. И. Талызин (1827), С. М. Ивашковский (1829). Учебник логики Рождественского для гимназий выдержал пять изданий.

По традиции, идущей еще от XVIII столетия, логика в понимании первых десятилетий XIX в. — это не только формальная логика. Сочинение П. Д. Лодия «Логические наставления, руководствующие к познанию о различении истинного от ложного» (1815) самим названием говорит о том, что в нем профессор соединял формальную логическую проблематику с гносеологической. А. С. Лубкин представлял себе логику не только как науку о формах мышления и о механизме рассуждения, но и как науку о способах управления разумными способностями, позволяющую здраво и основательно судить о вещах, т. е. фактически как теорию познания. Традиция соединения собственно логической проблематики с проблематикой психологии и гносеологии проявилась и в работах выпускника Харьковского университета П. М. Любовского, сочетавшего учение о категориях в духе Канта с сенсуалистическими представлениями о познании и мышлении. Даже в некоторые гимназические учебники помимо формально-логических включались гносеологические проблемы: о науке вообще, об эмпирическом познании, об опыте, о гипотезах, о высшем знании, о методе, о пределах знания и заблуждениях и др.

При этом, правда, не следует забывать и тех тенденций в толковании логики в первые десятилетия XIX в., которые снижали ее гносеологические функции. В эти годы появлялись инструкции, которые навязывали представление о том, что логика — не наука, а скорее упражнение способностей человека.

Хотя **гносеология** как относительно самостоятельная философская дисциплина оформилась поздно (термин «теория познания» появился

только в 1854 г. у шотландца Д. Феррье́ра), фактически гносеологическая проблематика и в России уже с XVIII в. стала играть важную роль в философских исследованиях. В университетской философии парадигмальный характер для гносеологии сыграла инструкция 1808 г., предписывавшая *соединять «метафизическое познание» с «опытным»*. Впрочем, это «предписание» отражало уже имевший место реальный факт: еще в конце XVIII в., как мы видели, такая тенденция обозначилась в российской университетской философии. В этом плане не случайно появление статьи М. Г. Павлова под названием «О взаимном отношении сведений умозрительных и опытных». И. А. Двигубский исходил из мысли о том, что умозрительная физика без связи с опытом — это физический роман, а опытная физика без умозрения — это забава. По И. Е. Дядьковскому, ни рационализм, ни эмпиризм по отдельности не ведут к истине, опыт должен быть подтвержден разумом. На этом основании Дядьковский очень жестко критиковал философский идеализм, особенно Шеллинг. Н. И. Надеждин хвалил Канта за то, что тот ограничил познавательные возможности разума, но критиковал его за невнимание к внешней действительности; следствием критики чистого разума, по Надеждину, стало «трансцендентальное исступление» Фихте. Опять же в духе общей тенденции на дополнение «метафизического познания» опытным В. М. Перевощиков стремился соединить эмпиризм Бэкона с отдельными идеями Канта. А. С. Лубкин противопоставил Кантову априоризму эмпиризм в духе Бэкона и Кондильяка, но и познавательную роль разума также не отрицал.

Впрочем, и односторонний крен то ли в сторону абстрактного рационализма, то ли сенсуализма все-таки имел место в российской университетской философии. В духе *сенсуализма* Кондильяка логику читал в Виленском университете Ян Зноско. Прямо-таки яростно противопоставлял сенсуализм немецкой спекулятивной философии Ян Снядецкий. Сторонником сенсуализма был первый профессор Казанского университета И. И. Запольский, считавший, что люди всеми понятиями о телах обязаны чувствам.

Шеллингианец Голуховский ставил под вопрос познавательную роль разума, а отстаивал примат чувства и интуиции и с этих иррационалистических позиций критиковал материализм XVIII в.

Качественно новые аспекты в гносеологической проблематике в университетской философии связаны с влиянием на нее *философии Гегеля*. Гегелевскую концепцию диалектической логики, совпадавшей в его системе с теорией познания, частично изложил в своей незаконченной статье «Обозрения Гегелевой логики» П. Г. Редкин.

Различные тенденции были характерны также для университетских трудов и лекционных курсов *по психологии*.

Первый русский учебник психологии «Краткое руководство к опытному душесловию» (1815) написал в духе сенсуализма выпускник Харьковского университета, учитель Слободско-украинской гимназии П. М. Любовский. Г.-В. Еще читал свои лекции в духе кантианствующего Л.-Г. Якоба. А. П. Аристов читал по К.-Г. Карусу, Х. Вейсу и антикантианцу Г.-Э. Шульце (Энезидему). А. Ф. Оболенский — по кантианцу Я.-Ф. Фризу; О. Новицкий — опытную психологию по руководствам К.-А. Эшенмайера (1786—1852), Каруса, И.-Х. Гейнрота и особенно А. А. Фишера.

Мистическую концепцию психологии, основывающуюся на признании существования ясновидящей души, способной сообщаться с миром непосредственно и знающей якобы многое бессознательно, развивал в конце 30-х — первой половине 40-х гг. принявший в 1844 г. монашество киевлянин П. С. Авсенеv.

Преподавание психологии в университетах способствовало формированию новой дисциплины — **философской антропологии**.

В 1804 г. в сфере **этики** в качестве исходной рекомендовалась переведенная на русский язык «Нравственная философия» Баумейстера. Но подчеркивалось, что «поелику сей автор, по нынешнему состоянию Философии недостаточен, то профессор делает к оному собственные дополнения» [363, 1804, № 6, с. 19]. В числе «добавленных» у некоторых профессоров оказался Кант. Частично Кантову этику воспринял профессор Московского университета Х. Рейнгард, книга которого «Система нравственной философии» вышла в 1807 г. Для Шпета Х. Рейнгард оказался «неким», а вот для некоторых его современников он был авторитетом в сфере этики. Так, по его книге нравственную философию читали П. С. Сергеев и С. И. Любимов.

Позицию Канта в вопросе о связи морали и религии разделял И. Е. Срезневский («Рассуждение о разных системах нравочения, сравненных по их началам». Казань, 1817). Частично воспринял Срезневский также учение Канта о категорическом императиве.

Среди обвинений, предъявленных Г. И. Солнцеву Магницким, было обвинение в распространении идей «Критики практического разума». В числе авторитетов в сфере нравственной философии в университетской философии были также Якоб и Герлах.

Во время гонений на философию Магницким и К° в преподавании нравственной философии наблюдались «попятные движения». М. А. Пальмин, например, вернулся к нравственной философии в духе Вольфа и Баумейстера. Правда, он использовал и французский учебник

Мангра. В «эпоху Магницкого» появились даже специальные работы с критикой систем нравственной философии, не соответствующих православию. Так, казанский профессор Г. Н. Городчанинов представил ученому совету университета «Краткое обозрение некоторых систем относительно нравственной философии, с кратким же опровержением оных».

В первой половине XIX в. произошли радикальные изменения в преподавании и в разработке *теории естественного права* — дисциплины, ставшей предшественницей философии права. На рубеже XVIII—XIX вв. происходила смена влияний прежних систем от Пуфендорфа до Вольфа на новые. Так, П. Д. Лодий первоначально преподавал естественное право в духе Пуфендорфа, но затем стал использовать идеи Канта. Часть профессуры держалась старых канонов. Первый профессор права в Демидовском лицее в Ярославле И. Д. Вильде читал естественное право, руководствуясь трудами последователей Вольфа Неттельбладта и Гейнекция. А другой профессор того же лицея, Д. М. Семеновский, будучи противником теории естественного права и сторонником так называемой теократической школы, читал право по руководствам Цейлера, Лодия, Клюбера и Мартенса.

Кроме Канта в число авторитетов в сфере естественного права входили Якоб, Гросс, Бауэр, Шталь.

Об аргументах Магницкого против теории естественного права, и в частности против книги А. П. Куницына, мы уже говорили, но дело было не только в книге Куницына. Еще раньше труда Куницына, в 1816 г., в Казани вышел в русском переводе труд незадолго до этого скончавшегося профессора И.-Х. Финке «Естественное частное, публичное и народное право» (1816), написанный в духе Канта. Только смерть автора «спасла» профессора от преследований, которые Магницкий и К^о обрушили на Куницына и других преподавателей естественного права. Теория естественного права подверглась разному и в Казанском университете. Профессор Г. Н. Городчанинов усматривал в естественном праве искру всеразрушительного вольнодумства и за это всячески обличал Руссо. Вместе с Городчаниновым поносил естественное право как «проявление строптивного духа гордости и противления» профессор П. С. Сергеев. Убеждение же казанского профессора Г. И. Солнцева в том, что естественное право и полезно и необходимо, довело его до преследований со стороны Магницкого, до «университетского суда» и увольнения. В числе причин, приведших к увольнению Магницким И. Е. Срезневского, несомненно, сыграл роль тот факт, что он читал естественное право.

Жесткая критика теории естественного права в 20-х гг. XIX в. была закономерной для самодержавно-крепостнической страны. Удивитель-

но только то, сколь долго протолиберальная теория естественного права в том или ином виде преподавалась в России еще со второй четверти XVIII в.

В работах по естественному праву действительно содержались идеи, совершенно несовместимые с общественно-политическим строем России. Так, одним из тезисов, защищавшихся в Харькове диссертантом И. Любачинским, был тезис: естественное право есть теория всякого права. Одновременно выдвигался тезис: человеческая свобода сама себе есть закон. В труде А. П. Куницына можно было прочесть: «Сохранение свободы есть общая цель всех людей, которую они могут достигнуть только соблюдением взаимных прав и точным исполнением обязанностей»; «Никто не может приобрести права собственности на другого человека ни противу воли, ни с его на то согласия; ибо право личности состоит в свободе располагать самим собою». Нетрудно представить, как звучали эти тезисы в государстве, где были еще миллионы крепостных, а формально свободные были фактически полурабами.

Теория естественного права, на преподавание которой бросал иногда свой взор лично Николай I, постепенно исчезла из системы преподавания, и ее заменила философия права.

Выдающимся представителем университетской юридической науки был профессор Университета св. Владимира в Киеве, затем профессор Петербургского университета К. А. Неволин. В своем труде «Энциклопедия законоведения» (1839—1840) он изложил систему **философии права**, в основном опираясь на философию Гегеля, но привлекая также идеи исторической школы Савиньи.

Еще одним ярким ученым в области отечественной философии права был профессор Московского, затем Петербургского университета П. Г. Редкин. В начальный период своей деятельности Редкин, слушавший лекции самого Гегеля, в лекциях по праву руководствовался в первую очередь идеями своего учителя. Он читал, в частности, курс под характерным названием «Энциклопедия законоведения в связи с историей философии права и философии вообще».

Первая половина XIX в. — период, когда и на Западе Европы, и в России происходили радикальные изменения в сфере **философии естествознания**. О характере этих изменений в советской историографии не было единодушия. Одни авторы, например Н. Ф. Уткина, акцентировали нарастание кризиса метафизического направления в естествознании и соответственно по преимуществу негативно оценивали роль идеалистической натурфилософии, рассматривая, например, шеллингианскую натурфилософию как особенно опасную для науки, хотя при этом признавали «известную» заслугу шеллингианской натурфилосо-

софии, потому что она разрабатывала проблемы единства и развития мира и восполняла теоретическую недостаточность, ощущаемую в естествознании [см.: 186, т. 2, с. 211, 213–214].

Другие историки, в частности З. А. Каменский, в споре с Н. Ф. Уткиной подчеркивали в основном положительную роль философского направления в русском естествознании, а именно шеллингианства.

Нам представляются односторонними и та и другая точки зрения. Н. Ф. Уткина явно переоценивала положительную роль тех естествоиспытателей, которые критиковали метафизическое естествознание. Они как раз не были философски мыслящими естествоиспытателями-материалистами, каковыми их нарекла Н. Ф. Уткина. Многие из них были не только стихийно мыслящими, а даже сознательными софиофобами, антифилософами. Но не прав также и З. А. Каменский, считавший, что в начале XIX в. в России сложилась опирающаяся на философию Шеллинга некая школа диалектического идеализма.

Характер процессов, протекавших в российском университетском естествознании, невозможно адекватно понять, не учитывая огромную степень несвободы, в которой приходилось тогда работать профессорам-естественникам. Власть проповедовала утилитаризм и практицизм, утверждая, что стране необходимы медики, химики, технологи, а не Канты и Фихте и что поэтому нужны только точные положительные знания. Не забывала власть и императивы официальной государственной религии. Прямые директивы, которые издавали магницкие — рунич с благословения царя, — это случаи экстремальные, но в определенной степени эти директивы отражали общую атмосферу, в которой развивалась университетская наука в первой половине XIX в. Ведь университетским профессорам физики в инструкции, подписанной царем в 1820 г., прямо вменялось в обязанность указывать на «премудрость божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания окружающих нас чудес». В духе таких предписаний в Казанском, например, университете разрабатывались конспекты, где и анатомов обязывали находить в строении человеческого тела премудрость Творца, создавшего человека по образу и подобию своему. И далее, поскольку тело наше, по словам апостола Павла, — храм души, мы должны его знать, чтобы содержать чистым и неоскверненным. А так как «душа и тело соединены между собою союзом, будучи, впрочем, одно другой совершенно противны, то преподаватель должен остерегаться, чтоб не впасть в ужасный материализм, в который некоторые врачи впали» [142, т. 3. с. 433].

И кто же при таких явных предостережениях мог осмелиться проповедовать материалистические взгляды? Наоборот, есть бесчисленные

свидетельства того, как естествоиспытатели приспособлялись к официальной религии. Скажем, Н. И. Надеждин, стремясь, по его словам, к живому систематическому единству знания законов о природе, пытался увязать не только умозрения с опытом, но также знание с религией. В духе христианского агностицизма он считал невозможным проникновение в «тайны Творца».

И совсем не случаен в сочинениях М. Г. Павлова тезис: «Законы природы, как начертание Высочайшей премудрости, должны быть все-совершенны, а потому и непреложны от вечности»; или тезис М. А. Максимова: «Природа представляет собой храм, полный неизчислимыми выражениями мыслей Художника Всевышнего; книгу, где каждое слово есть изреченная мысль Творца, отголоска всемогущего “да будет”; символ, в котором пламенеет вечная Премудрость».

Политико-идеологические и религиозно-мировоззренческие ограничения, налажавшиеся на естествознание, отражались на теоретических концепциях профессоров-естественников. Они явно подталкивали многих естествоиспытателей к практицизму, утилитаризму, эмпиризму, которые были идеологически более безопасны, чем любые философские построения. Естествоиспытатели же, склонные к философским обобщениям, как Д. Велланский, вынуждены были постоянно доказывать, что, скажем, идеи Шеллинга не противоречат религии, а доказать это было невозможно.

Пока в начале XIX в. философия была в почете у верховной власти, в России появилось и философское направление в естествознании. В Медико-хирургической академии наиболее последовательно шеллингианские идеи в сфере **натурфилософии** воспринял Д. Велланский, во многом опираясь на исследователя Шеллинга Окена. Натурфилософских взглядов в духе Окена придерживался русский ботаник П. Ф. Горянинов. Частично с точкой зрения «последователей новейшей школы Шеллинга» соглашался в диссертации по медицине, защищавшейся в Медико-хирургической академии (1812–1813), Я. К. Кайданов. Медик Г. Г. Коритари в своей диссертации проводил мысль о недостаточности эмпирического метода в медицине и необходимости философского изучения естественных наук. Главным философским источником для Коритари была натурфилософия Шеллинга. Ряд принципиальных идей Шеллинга, в первую очередь идею полярности, включил в свое мировоззрение М. Г. Павлов, не став, однако, вполне шеллингианцем. В московский период М. А. Максимович тесно увязывал свои занятия проблемами естествознания с философией. Склонный к эмпиризму И. А. Двигубский критиковал его диссертацию за излишество философского элемента. Отмежевываясь от чисто умозрительных принципов

философии Шеллинга, Максимович тем не менее использовал многие выводы из шеллингианской натурфилософии.

Философствующим естествоиспытателям противостояли естествоиспытатели с антиметафизической ориентацией. В походе против метафизической, трансцендентальной, умозрительной, априористической философии участвовало много естествоиспытателей (И. Е. Дядьковский, Э.-Х. Ленц, М. А. Максимович, К. М. Бэр, А. А. Иовский, А. М. Филомафитский, Е. Н. Смельский, Н. Н. Зинин, К. Ф. Рулье, Н. И. Лобачевский). Чистой натурфилософии противостояло стремление к синтезу рационализма и сенсуализма, умозрения и опыта, дедукции и индукции. Хотя в это время преобладала оппозиция как против чистого эмпиризма, так и против чистого рационализма, в тогдашних антинатурфилософских концепциях соотношения эмпирии и теории, опыта и умозрения стали появляться и позитивистские тенденции построить естественнонаучную теорию, исходя лишь из опыта, эксперимента. Тогда же в русском естествознании постепенно завоевывали все более прочные позиции эволюционистские идеи. Идея развития в органической природе стала признаваться одной из наиболее важных в науке. Создавались условия для распространения дарвинизма как наиболее совершенной эволюционной теории XIX в.

Вместе с тем следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в первой половине XIX в. случались явные перекосы неумеренной, не вполне диалектической критики натурфилософских построений Шеллинга и Гегеля, незаслуженно приравнивавшихся иногда к построениям астрологов, алхимиков, кабалистов (Н. Н. Зинин).

В общей логике мировой и отечественной науки и философии нельзя отдать явного предпочтения ни одной из борющихся в отечественном естествознании «партий». У тех и других были свои достоинства и недостатки. Философское направление имело преимущества в широких теоретических обобщениях. Склонные к опытному естествознанию имели преимущество в «научной конкретике» и в критике множества чисто умозрительных, оказавшихся несостоятельными, построений и гипотез естествоиспытателей-метафизиков. Поскольку, однако, мы изучаем университетскую натурфилософию, а не университетскую науку, в данном контексте целесообразно акцентировать роль тех профессоров, которые в наибольшей степени содействовали развитию именно натурфилософии. И с этой точки зрения важно подчеркнуть, что в процессе развития университетской натурфилософии участвовали не только профессора, открыто занимавшие ту или иную философскую позицию, но и критики метафизической натурфилософии. Философ-

ское значение имело даже творчество некоторых ученых, которые были противниками философии вообще.

Парадоксальную роль в университетской философии сыграл, например, профессор Казанского университета, выдающийся математик Н. И. Лобачевский.

К философии как абстрактной науке Лобачевский относился отрицательно, полагая, в частности, философию бесполезной наукой для математики. Но математические работы Лобачевского оказали огромное влияние и на становление в России философии математики, и на философию в целом. А. И. Введенский явно преувеличивал, когда заявлял, что работы Лобачевского — это главнейшая, если не единственная услуга, которую русская философская мысль оказала мировой философии, имея, вероятно, в виду бесспорную оригинальность и важность работ Лобачевского по самым высоким мировым стандартам. Но доля истины в утверждении Введенского есть.

Еще одной закономерностью в развитии университетских конкретных наук в России первой половины XIX в. стало зарождение **«философии науки»** как дисциплины.

В странах Западной Европы еще в XVIII в. стали появляться понятия философии какой-то одной сферы или науки, например, понятие «философия истории» у Вольтера. Постепенно такого рода понятия появились и в естественных науках. Знаменитый французский естествоиспытатель Ж.-Б. Ламарк в 1809 г. выпустил труд «Philosophie zoologique» («Зоологическая философия» или, лучше, «Философия зоологии»). У французского же естествоиспытателя Э. Жоффруа Сент-Илера тоже есть труд «Принципы философии зоологии» («Philosophie zoologique»). Пользовался этот ученый и термином «анатомическая философия», исходя из того, что такое понятие является приложением философии как общей науки к науке конкретной. Французский математик и физик А.-М. Ампер издал в 1834 г. книгу под названием «Essais sur la philosophie des sciences, ou exposition analytique d'une classification naturelle de toutes les connaissances humaines» (Paris, 1834) («Очерки философии наук, или Аналитическое изложение естественной классификации всех человеческих знаний»).

Такая трактовка философии отдельных наук и философии наук в целом получила распространение и в России. Так, в 1824 г. ординарный профессор Бонгард читал в Петербургском университете «Философию ботаники» по руководству знаменитого французского ботаника О.-П. Декандоля «Элементарная теория ботаники».

Получили распространение аналогичные понятия: «философия естественной истории» (аналог современной философии естествознания),

«философское языкоучение», «философская грамматика», «философская география» и т. д.

Из такой практики последовали и более широкие обобщения. М. А. Максимович в 1833 г. доказывал, что философия должна составлять не отдельное введение или заключение к какой-нибудь науке, но вся наука должна быть философической, и заявлял, что ботаника, зоология и физика — это так же философия, как логика, эстетика и психология. Чуть позднее О. И. Сенковский, отвергая философию как одну общую науку, стал ратовать за систему частных «философий наук» — «философию химии», «философию геологии», «здравую философию врачебного искусства» и т. д.

В 1836 г. «Очерк о философии наук» А.-М. Ампера был очень высоко оценен в «Журнале Министерства народного просвещения» [см.: 139, 1836, ч. 12, с. 159].

Примечательнейшей тенденцией в русской школьно-университетской философии первой половины XIX столетия стали попытки поставить в центр философии *антропологию*. Выше мы уже говорили о том, как в университетской науке конца XVIII в. появилась антропологическая проблематика. В XIX в. интерес к ней возрос. В 1802, 1808, 1814, 1822 и 1830 гг. издавался труд по антропологии профессора Медико-хирургической академии, будущего академика П. А. Загорского «Сокращенная анатомия, или Руководство к познанию строения человеческого тела», что способствовало росту интереса и к философской антропологии. Профессор И. Венсович, работавший на рубеже XVIII—XIX вв., уже четко разделял «метафизическую антропологию», которую он отождествлял с психологией — предметом философов и богословов, и «физическую антропологию» — предмет медиков.

Лодий выделял антропологию, или человековедение, как часть философии, наряду с физикой, метафизикой и практической философией, причем главнейшим предметом философии объявлялся человек. Галич также вводит человековедение в философию, полагая, что из всех предметов, подлежащих познанию человека, сам он был и остается первым и последним. Галич считал даже, что попытки русских авторов в сфере антропологии «решительно не хуже переводного репертуара Человекоучения», в который входили, в частности, труды Мендельсона, Баумейстера, Снеля, Якоба.

Антропология получила в первые десятилетия столь большое распространение, что появились попытки свести к ней всю философию. И уже в конце 30-х гг. последовала реакция против «односторонних понятий, сокращающих всю философию в пределы Антропологии»,

тенденции «почитать» «единственным предметом Философских Наук» «мир духовный» [139, 1838, ч. 20, с. 609].

О степени распространенности и устойчивости понятия «философская антропология» в отличие от «антропологии физической» свидетельствует и тот факт, что оно стало использоваться в справочно-энциклопедической литературе [см., напр.: 470, т. 1, с. 361].

Все это — тенденции в высшей степени примечательные: они знаменуют собой становление «русского века Просвещения» 40—60-х гг. с его антропоцентрической философией и участие в этом процессе университетской философии. В первой половине XIX в. — это только тенденции внутри философских концепций, еще не вышедших полностью за рамки «онтологоцентрического» стиля философствования, характерного для допросветительской эпохи философской метафизики.

Хотя фактически *философия истории* как более или менее теоретически осмысленная дисциплина стала складываться со времен сочинения француза Жана Бодена (1530—1596) «Метод легкого изучения истории» (1566), а термин «философия истории» впервые употребил еще Вольтер, в середине 30-х гг. XIX в. на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» можно было прочесть, что философия истории — это недавно появившаяся наука [см.: 139, 1836, ч. 11, с. 591]. В 1847 г. будущий преподаватель русского языка и словесности, затем инспектор классов Петербургского Смольного института К. А. Тимофеев (ум. 1881) окончил историко-филологический факультет Петербургского университета со степенью кандидата и золотой медалью за сочинение на тему под названием «Объяснить идею о философии истории, возникшую в новейшее время» [424: Суворова-Ткачев, СПб., 1912, с. 539].

Первая половина XIX в. стала тем временем, когда и в России философия истории фактически утвердилась как отдельная философская дисциплина, в том числе в университетской философии, хотя нигде она как таковая не преподавалась и разрабатывалась в рамках общих курсов гражданской истории и в трудах профессоров-историков. Как и другие сферы, философско-историческая проблематика в трудах отечественной профессуры стимулировалась западноевропейской философией.

Серия статей в «Вестнике Европы» (1827) И. Среднего-Камашева «Взгляд на историю как науку» представляла собой по большей части изложение философско-исторических идей Гердера и Шеллинга.

В Варшавский период деятельности Юзеф Голуховский издал в 1822 г. весьма содержательное философско-историческое сочинение, которое вышло в 1834 г. в переводе Д. Велланского и с его предислови-

ем под названием «Философия, относящаяся к жизни целых народов и каждого человека». В этом труде в духе шеллингианства Голуховский развивал идею «государства-народа» как божественного творения со своеобразным народным духом и реализующим идеал иерархизированного общества, в котором каждый индивид является фрагментом целого.

Активным поборником согласования истории с философией, их «взаимной дружбы», поверки одной со стороны другой выступал профессор С. П. Шевырев, причем он имел в виду православно-христианскую философию, но близкую по духу христианской философии Баадера.

Профессор М. П. Погодин, будучи, как и Шевырев, социально-политически ориентированным в духе правого крыла славянофильства, в своей философско-исторической концепции опирался во многом на идеи Шеллинга.

Рано ушедший из жизни историк М. М. Лунин оказался под влиянием гегелевской философии истории: он пытался по-гегелевски отыскивать идею каждой исторической эпохи и «высшие законы диалектики истории».

В многочисленных трудах историка А. П. Рославского-Петровского выделяется ряд работ со значительной философско-исторической проблематикой: опираясь на идеи Герена, Лоренца, Гегеля, Ренана и др., Рославский-Петровский отстаивал мысль о необходимости сочетания философского элемента с «живописным» и, в частности, выделял мысли Гегеля о том, что всемирная история есть успех в сознании свободы.

В конце 30-х гг. XIX в. в Харьковском университете А. Л. Метлинским была защищена диссертация «О сущности цивилизации и значении ее элементов», основанной главным образом на философско-исторической концепции Гизо.

С рецепции некоторых принципов философии истории Гегеля начал Т. Н. Грановский. В дальнейшем же, преодолевая первоначальное влияние Гегеля, Грановский сделал значительные шаги на сближение с методологией географической школы.

Влияние гегелевской философии истории испытал также профессор Московского университета Д. Л. Крюков, хотя сторонником спекулятивно-идеалистической методологии в истории он не стал. Критикуя Фихте и Шеллинга за то, что они пренебрегали историческими фактами и строили одну «философическую историю», Крюков доказывал, что истинный метод есть «метод историко-философский, соединяющий достоинства исторического и философского метода: философия истории не может быть построена без фактов». Вместе с тем Крюков кри-

тиковал и Грановского за сближение методов исторической науки с методами естествознания, за преувеличение роли географического фактора.

Первоначально сильное влияние «Философия истории» Гегеля оказала также на С. М. Соловьева. Но и Соловьев гегельянцем не стал, построив свою философско-историческую концепцию в значительной степени в духе географической школы.

Вполне оригинальными русские историки стали в сфере **философии русской истории**, хотя и здесь они опирались на опыт западноевропейских философов истории.

Осознание необходимости применить философско-исторические принципы к истолкованию русской истории вполне обозначилось уже к концу 20-х гг. Если у Н. М. Карамзина философское видение русской истории отсутствовало, то Полевой, Погодин, Киреевский и Чаадаев уже предприняли первые попытки осмыслить эту историю с философских позиций. Понятие «философия русской истории» использовал в 1838 г. Н. В. Станкевич [см.: 471, с. 245]. У молодого С. М. Соловьева есть работа «Феософический взгляд на историю России», в которой он, под влиянием мысли Гегеля о необходимости для каждого народа иметь свою философию, ставил вопрос: «Какова же должна быть философия русской истории?»

Разгоревшаяся с 40-х гг. XIX в. полемика западников и славянофилов проходила в первую очередь и преимущественно в сфере философии истории, особенно философии русской истории. Университетские профессора истории приняли активнейшее участие в этой полемике, входя и в тот и в другой лагерь. Самым выдающимся критиком славянофильской философии русской истории стал в первой половине XIX в. профессор Т. Н. Грановский.

В идеологическом отношении, пожалуй, самой «нейтральной» из философских дисциплин всегда и везде была **эстетика**, так что и в России эта дисциплина не встречалась с особыми проблемами в процессе университетского преподавания: здесь повсеместно читались то прямо курсы эстетики, то «теории изящных искусств», то «философии изящного» и т. д. Но вот в теоретическом отношении эстетика, как и другие философские предметы, была также ареной идейной борьбы.

В начале XIX в. в российской университетской науке некоторые профессора еще апеллировали к отдельным принципам античной эстетики, особенно Аристотеля и Платона, к эстетике XVII—XVIII вв. Так, М. Г. Гаврилов читал курс, опираясь на немецкого теоретика искусств XVIII в. И.-Г. Зюльцера, автора «Всеобщей теории изящных искусств» (2-е изд., 1792—1794). Труд последнего «Разговоры о красоте естества»

был переведен еще в 1777 г. Профессор А. Ф. Мерзляков опирался как на немецкого ученого И.-И. Эшенбурга, так и на теоретика классицизма французского философа и эстетика Ш. Баттё.

На рубеже XVIII—XIX вв. на эстетические представления российской профессуры стал оказывать влияние Кант. Комбинация идей Баттё и Канта встречается у профессора Московского университета И. И. Давыдова. Выпускник Харьковского университета А. П. Гевлич в диссертации «Об изящном» (1818) соединил идеи классицизма с идеями, идущими от Канта.

Влияние Канта постепенно вытеснялось влиянием Шеллинга и его последователей, таких как Г.-А.-Ф. Аст. В 1829 г. в «Московском вестнике» опубликован перевод работы последнего «Основное начертание эстетики».

Шеллингианской часто называют эстетику А. И. Галича. Но даже такой придирчивый, но глубокий критик, как Г. Шпет, затрудняется определить, что в эстетике Галича идет от Шеллинга, что от Золгера и Аста и даже от Баумгартена.

Из философов, у которых И. Я. Кронеберг находил «разумное», он также выделил Шеллинга, полагая, что лучшие из эстетиков все были более или менее шеллингианцами.

Скептик, а порой даже нигилист Г. Шпет буквально обругал работавшего в Дерпте М. П. Розберга за то, что его работа «О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности» (Дерпт, 1838) представляла собой во многом сокращенный перевод речи Шеллинга «Об отношении изобразительных искусств к природе».

Н. И. Надеждин уже открыто не желал следовать только за эстетическим трансцендентализмом в духе Шеллинга, «уединяться в надоблачных пустынях метафизики». У К.-Ф. Бахмана, автора вышедшего в 1852 г. в русском переводе сочинения «Всеобщее начертание теории изящных искусств», Надеждин обнаружил более устраивавшее его стремление примирить трансцендентализм с опытом.

С. П. Шевырев эволюционировал от приверженности к эстетике классицизма (Лессинг, Винкельман и др.) к эстетике романтизма в духе Шеллинга, братьев Шлегелей и обличителя классицизма — романтика Ж.-П.-Ф. Рихтера. Отрицательно оценивая основные принципы философии Шеллинга, Шевырев тем не менее именно Шеллинга считал создателем новой теории искусства.

Еще более эклектической была эстетическая позиция А. А. Фишера, который опирался на Бахмана, Рихтера и работы профессора университета в Геттингене Ф. Бутервека, который был первоначально сторонником Канта, а затем эволюционировал в направлении «философии

чувства и веры» Ф.-Г. Якоби, непримиримого критика Канта, Фихте и Шеллинга.

Постепенно на некоторых университетских профессоров стала оказывать влияние философия эстетики Гегеля. Так, профессор Харьковского университета А. Л. Метлинский, будучи западником, отстаивал эстетическую концепцию, во многом сходную с концепцией В. Г. Белинского. В ней просматривалось также влияние идей Гегеля.

Говоря об университетской эстетике первой половины XIX в. в целом, необходимо отметить, что она не была столь ангажированной, политизированной, как эстетика неакадемических, «вольных», мыслителей, будь то просветители-демократы круга В. Г. Белинского или Любомудры или славянофилы. При этом университетская эстетика была более систематизированна; более широкими и многообразными были и ее связи с западноевропейскими теориями.

В отличие от эстетики университетская *историко-философская наука* оказалась в первой половине XIX в. чуть ли не в эпицентре политико-идеологических кампаний, которые время от времени устраивались властями вокруг философии. Историко-философская дисциплина оказалась в начале XIX в. под специальным контролем. Инструкцией 1808 г. прямо предписывалось, что история философии должна учить различению между «условной мудростью» земной и «безусловной небесной». А в период погромов, устроенных Магницким, «рекомендовалось»: «Из наук философских истории Философских систем положено читать в смысле обличительном» [см.: 142, т. 4, с. 627]. С политико-идеологической и религиозной точки зрения оценивались и все работы по истории философии. Когда Рунич обличал «Историю философических систем» А. И. Галича, то в первую очередь он «указал» на «безбожие», «революционные замыслы» и «нежелание опровергать» излагаемые системы.

Не каждый, конечно, год в адрес университетских историков философии звучали такие острые инвективы, но в той или иной форме «директивы» в этом духе так или иначе определяли атмосферу, в которой развивалась в первой половине XIX в. университетская историко-философская наука.

Если мы посмотрим на труды, которыми руководствовались профессора, читавшие в университете курсы истории философских систем, то получится весьма солидный список. В списке еще фигурируют первые крупные профессиональные историки эпохи господства философии Лейбница—Вольфа: И.-Я. Бруккер, автор сочинения «Критическая история философии от сотворения мира до нашего времени» (т. 1—5, 1742—1744) и И.-А. Эберхардт со своей «Всеобщей историей филосо-

фии» (1788). Затем идут историки эпохи Канта—Шеллинга, симпатизировавшие больше Канту: В. Теннеман (История философии, т. I—XI, 1798—1819), К.-Л. Рейнгольд с его «Письмами о кантовской философии», И. Сохер с «Очерком истории философских систем» (1802), В. Круг с «Энциклопедическо-философским лексиконом» (т. I—V, 1827—1829), сторонник Шеллинга Г.-А.-Ф. Аст с «Очерком истории философии» (1807). Все это немцы. Из французов особенно выделяются имена: Ж. Дежерандо (Жерандо), В. Кузен (в 1829 г. были опубликованы в русском переводе его работы: Курс истории современной философии. Лекция первая // Московский телеграф. 1829. № 10. Май; О главных родах систем философских // Атеней. 1829. Февраль; О начале истории философии // Там же. № 23) и Баршу де Пенхоен (его работу «История немецкой философии от Лейбница до Канта» перевели под руководством О. М. Новицкого студенты Киевского университета св. Владимира).

На кого-то одного русские профессора не ориентировались. Так, А. И. Галич в своем труде «История философических систем» опирался на Сохера, Аста, Теннемана, Эрнести, Буле, Эберхардта, Гурлитта, Таннери и др. О. М. Новицкий пользовался сочинениями Кузена, Риттера, Болена, Виндишмана, Крейцера, Рейнгольда.

Всякий раз ученичество когда-нибудь заканчивается и начинается самостоятельное творчество. Так было и в университетской историко-философской науке. Уже в конце 20-х гг. появился очень солидный по тем временам труд А. И. Галича под примечательным названием «История философических систем по иностранным руководствам» (кн. 1—2, СПб., 1818—1819). Хотя Галич честно признавал источники своей работы, она оказалась во многом оригинальной.

Несомненно крупным событием в философской жизни Казанского университета и всей университетской философии стал выход в свет шеститомной «Истории философии» арх. Гавриила Воскресенского (1837—1844). Поскольку, однако, Гавриил исходил из убеждения, что философия — это религия, вера, «переведенная на разум», вся история философии под этим углом зрения оказалась изложенной очень тенденциозно.

Основательный материал по истории философско-правовой мысли содержится в труде К. А. Неволлина «Энциклопедия законовещения».

Даже на университетской философской периферии появились первые попытки самостоятельных историко-философских работ. Так, профессор философии Демидовского лицея в Ярославле А. П. Аристов выпустил брошюру «О философско-религиозных учениях Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля» (М., 1846).

Курс официальных светских и церковных властей на внедрение философии Платона в качестве наиболее предпочтительной системы стимулировал историко-философские исследования, посвященные Платону и вообще античности. В Казанском университете историей платонизма в 40–50-х гг. XIX в. занимался К. С. Тхоржевский. Специалист по классической филологии из Дерпта Л. Преллер опубликовал труд по истории философии Древней Греции и Рима.

«Журнал Министерства народного просвещения» практиковал специальные публикации по античности (см., напр.: «Взгляд Платона на науку философию (по Риттеру)» [139, 1837, ч. 13, с. 265–301]; рецензия на книгу Карла Фишера «О началах и ходе греческой философии от Фалеса до Платона» (Тюбинген, 1836) [там же, ч. 15, с. 628–636].

Казанский университет изначально мыслился как центр востоковедения. Не случайно здесь впервые в России начались исследования по философии народов Востока (см., напр., работы О. М. Ковалевского по буддийской космологии).

В рассматриваемый период в российской университетской философии стала оформляться дисциплина *«современная философия»*, которая у нас в советское время называлась «Критика современной буржуазной философии». В Московском университете первым начал читать курсы, включающие современные системы, И. Буле. В Дерпте профессор Еше читал курс истории новейших философских систем в Германии.

Как и в других случаях, «Журнал Министерства народного просвещения» ориентировал университетскую профессию по отношению к современным событиям в философии. Приведем несколько примеров.

В 1834 г. в журнале помещена рецензия на книгу Л. Фейербаха «История новой философии». Удивительно, но факт: оценки Фейербаху выставлены отличные: «Намерение автора книги — продолжить Историю философии до новейших времен — заслуживает особенную благодарность ученой публики, ибо мы до сих пор не имеем еще Истории этой Науки, начертанной по столь обширному и полному плану. Успешное начало, представленное Автором в изданной им ныне книге, ручается за удовлетворительное исполнение важного его труда»; «Вообще можно сказать, что верность взгляда, ясность и точность изложения, строгий порядок, уклонение от всего излишнего и не относящегося к делу, равно как точная оценка трудов упомянутых философов составляют главные достоинства сочинения г. Фейербаха» [там же, 1834, ч. 2, с. 505].

Сочинение же аббата Анри Лакордера «Рассуждения о философской системе г. Ламенне» дало журналу повод для критики «ошибочных», по мнению рецензента книги, представлений о соотношении филосо-

фии и религии. Лакордер, сообщил журнал, стремится доказать, что «г. Ламенне решительно ошибался, стараясь утвердить Философскую достоверность на двойственном основании авторитета Церкви и авторитета рода человеческого»; что «отцы Церкви всегда проповедовали необходимость непреложного авторитета, на котором можно было бы основать защиту христианской веры, но этот авторитет они полагали в Церкви, а не в роде человеческого»; «Философия, не могущая служить основанием истины, почиталась полезною для Церкви только как *приготовление к Вере*, как *подтверждение к изъяснению Веры*» [139, 1834, ч. 3, с. 528].

Несколько странным образом представлена в журнале философская концепция теоретика романтизма Ф. Шлегеля. С одной стороны, он изображен как предтеча Шеллингова антирационализма, с другой, — почему-то у него усматриваются сходства с системой рационалиста Гегеля: «Любопытно видеть, — пишет рецензент о Шлегеле, — как этот мыслитель уклонился от господствовавшего тогда в Философии направления и приуготовляет ей новый путь. Он не пристал ни к одной из существовавших тогда школ, но развил свою собственную теорию, которая несколько имеет сродства с явившеюся после Гегелевою системою...» [там же, 1836, ч. 11, с. 670].

В обзоре «Немецкая философия», представляющем собой краткий очерк истории немецкой философии, дается оценка ряду современных 30-м гг. XIX в. немецких философов, в том числе умершему в 1831 г. Гегелю [см.: там же, 1837, ч. 16, с. 552].

В первой половине XIX в. в философской жизни страны наметилась еще одна характерная закономерность: появились попытки создать *самобытную, национально-русскую, или православно-русскую, философию*. Университетские философы приняли участие в этом философском движении.

Насколько нам известно, впервые словосочетание «русский философ» использовал в начале XVII в. украинский православный полемист Иван Вышенский (род. между 1545—1550 — ум. ок. 1620), причем это словосочетание применено в ироническом смысле — речь шла о «плохих» русских христианах, не знавших, как считал Вышенский, вероучения, но апеллировавших к Аристотелю. Термин «русский философ» применялся к профессору красноречия Московского университета Н. Н. Поповскому, который при открытии университета призывал преподавать философию на русском языке.

В октябре 1822 г. магистрант Московского университета М. П. Погонин записывает в дневнике: «Были у меня Кубарев и Гусев, толковали о русской философии».

Мы не знаем, использовался ли до 1822 г. термин «русская философия» в зарубежной литературе, но мы обнаружили, что в третьем томе «Философского энциклопедического словаря» В. Круга [591, т. 3, 1828, с. 506—507] есть рубрика «Russische Philosophie» (более полно она расшифрована в т. 5, с. 323—329). По содержанию этот раздел производит сейчас странное впечатление. Как-то еще можно понять суммарную и весьма нелестную характеристику русской философии: «Русская философия, — говорилось в «Лексиконе» Круга, — начала первый раз показываться с тех пор, как Русский народ, еще так недавно, со времени Петра Великого, начал переходить из состояния варварства в состояние гражданственности, и в этом состоянии не успел еще сделать ни одного значительного шага. Поэтому образование ограничивается только высшим кругом общества и даже здесь оно является только чужеземным растением, пересаженным сюда частью из Франции, частью из Германии. Поэтому-то в России философствуют большей частью на Французском или Немецком языках, и те люди высшего круга общества, которые с любовью занимаются философиею, кажется, как будто стыдятся этой любви». Правда, в «Лексиконе» высказана оптимистическая мысль о будущем русской философии: «...можно надеяться, что Россия, имея уже народных поэтов и историков, скоро подаст содержание и для истории философии и заставит ее более рассуждать о себе».

Ни один западный европеец не стал бы оспаривать такую общую оценку. Странно, однако, то, что фактическая сторона раздела «Русская философия» оказалась исключительно бедной, очень мало соответствовавшей действительности. В качестве «русских философов» в «Лексиконе» фигурируют секретарь императрицы Марии Федоровны Михаил Полетика (ум. 1824) со своим «Essais philosophiques sur l'Homme, ses principaux rapports et sa destinée» («Философский очерк о человеке, его главных отношениях и его судьбе», который был опубликован в Петербурге в 1822 г.) и князь Н. А. Путятин (ум. 1829), много лет проживший за границей и умерший в своем поместье около Дрездена. Он — автор «Слова из книги книг, или О жизни Вселенной и человека» (Дрезден, 1824). В сочинении Н. А. Путьятина содержатся некоторые оригинальные, отчасти пантеистические взгляды. Превосходным философом назван в «Лексиконе» Круга А. С. Шишков за его сочинение «Исследование о языке», изданное в 1826—1827 гг. в Петербурге в немецком переводе.

Сколь бы бедным не было фактическое содержание рубрики «Русская философия» в «Лексиконе» Круга, само ее появление в нем — это событие в отечественной и зарубежной историографии русской философии: если мы принимаем за дату возникновения термина «русская

философия» 1822 год, то наличие его в 1828 г. в немецкой специальной справочной философской литературе нельзя не признать примечательным.

Весьма нигилистической характеристике русской философии в иностранном словаре удивляться не приходится. В первой половине XIX в. вклад русских в философию оценивался очень сдержанно. Можно и нужно с осторожностью относиться к мнению издателя обскурантского журнала «Маяк» С. Бурачека, но и совсем игнорировать его нельзя. Бурачек же так писал в 1840 г. об отношении к философии в русском обществе: «Из ста Русских грамотных людей, наверное, половина, если не больше, при одном слове “философия” остановят вас презрительной улыбкой, засыпят сарказмами, и разве другая половина из милости скажет, что философия — вещь не совсем пошлая; и разве из ста один опытно уверен в необходимости, высоте, глубине и пользе этой науки, а все досуги свои посвящает ее изучению. За весьма и весьма немногими исключениями, между русскими учеными и литераторами, философия если не в абсолютном презрении, то решительно во всеовершеннейшем пренебрежении» [57, с. 81].

А вот что писал в 1834 г. официальный орган Министерства народного просвещения: «Мы жалуемся, что до сих пор еще не имели и не имеем *своей* литературы, *своей* поэзии, *своей* философии и проч. Но основательны ли эти жалобы? Разве можно было требовать от ребенка, чтоб он не подражал другим? Разве можно требовать от богатого дарованиями юноши, оканчивающего курс учения, чтоб он говорил, как Платон, и поучал народы? Дайте ему окончить свое учение, не мешайте свободному развитию его способностей, и этот юноша — будет муж с зрелым, просвещенным, оригинальным умом; и он в свою очередь проложит новую тропу на поприще человеческой деятельности; и он займет страницу в Истории... Россия — именно юноша, крепкий силами физическими, в коем уже замешан оригинальный гений, виден этот быстрый, сметливый ум, видно это простое, теплое, богатое чувствами сердце, которые указывают ему на светлую стезю в будущем» [139, 1834, янв., с. 97]. Хотя, как мы уже сказали, по документально установленным данным, термин «русская философия» был в употреблении у нас уже в 1822 г., у немцев — в 1828 г., приживался он с большим трудом, и не случайно.

В год выхода «Лексикона» Круга, в 1828 г., И. В. Киреевский использует понятие «философия в России». В 1830 г. он пишет: «Наша философия». Почему не «русская», как у Погодина? В глазах Киреевского, «наша философия» — это не собственно русская, именно этнона-

циональная, философия, а философия восточно-православная, самостоятельное, христианско-православное любомудрие. Киреевский не выступает в сфере философии как этнонационалист. Национализм в философии у него проявился косвенно, поскольку, как и все славянофилы, он впал в «церковный национализм» (термин Бердяева). Этот «церковный национализм» проявился в том, что русская церковь (или, по крайней мере, значительная часть ее) подменила в XIX в. идею вселенского греко-православия идеей «русского православия».

Впрочем, и термин Бердяева «церковный национализм» вряд ли адекватен. Для мировоззрения Киреевского и других славянофилов характерен не этнонационализм, а своеобразный церковный изоляционизм.

Русским мыслителям, тесно связанным с православно-религиозным мировоззрением, приходилось решать непростую задачу. Если настаивать на идее русской национальной философии, на ее «русскости», то придется настаивать также и на национальном характере православия; если акцентировать момент религиозно-православный, то возникает вопрос, а почему, собственно, православная христианская философия является национально-русской, коль скоро православными являются и такие нерусские, как греки, румыны и т. д. Возникла дилемма — либо ты за русскую национальную философию, либо ты за вселенское православное христианство.

В первых концепциях «русской философии» выявилась еще одна огромная трудность: если признать коренное отличие русской философии от вроде бы односторонней рационалистической западной, особенно немецкой, философии, то возникает вопрос, как и на каких основаниях преодолевать эту западную односторонность?

В своем религиозном порыве создать совершенно самостоятельную, оригинальную, «нашу философию» Киреевский все ж не терял совершенно чувства философской реальности и, не надеясь обойтись собственными силами, хотел использовать немецкую философию как своего рода трамплин для решения задач «нашей философии». В своей последней программной статье он писал: «Я думаю, что философия немецкая, в совокупности с тем развитием, которое она получила в последней системе Шеллинга, может служить у нас самую удобную ступень мышления от заимствованных систем к любомудрию самостоятельному» [204, т. 2, с. 325].

После того как идеологи славянофильства, в первую очередь Киреевский и Хомяков, наметили свои представления о путях создания в России «самобытного, оригинального любомудрия», некоторым деяте-

лям русской церкви показалось, что русская философия могла бы стать философией православия. Профессор Московской духовной академии Ф. Ф. Сидонский (он в 1833 г. пользовался термином «философия в нашем отечестве») рассуждал так: «Успех философско-богословских взглядов Киреевского и Хомякова говорит о возможностях православной философии» [444, с. 16]. Немецкая философия по своему происхождению — это философия протестантизма. «Почему ж русской Философии не быть Философией православия, которое составляет самую глубокую стихию нашей народной жизни» [там же, с. 171].

В университетской среде первую концепцию «философии русской», «философии народа Русского» сформулировал профессор философии Университета св. Владимира О. Новицкий в речи 15 июля 1837 г. (издана в Киеве в 1838 г.) [см.: 302]. Профессор считал, что «философия нашего отечества» «будет философией национальной, произведением нашим собственным, а не заимствованным». Но будущую русскую философию он представлял себе как объединение направлений западных народов в их высшем синтезе. Русская философия призвана, по мнению Новицкого, преодолеть «чистый идеализм» германской и «чистый сенсуализм» французской философии, примирить идеальное и реальное, умозрение и опыт, веру и разум, завершить здание философии идеей Бога, пронизав его духом преданности царю и отечеству. При этом Новицкий мыслил создание русской философии в рамках философии как дела всего человечества, сознательного развития всеобщей идеи знания.

Чуть позднее свое видение русской философии озвучил Гавриил Воскресенский. В его концепции просматривается и статус архимандрита, и статус профессора Казанского университета. Русскую философию Гавриил представил как синтез «плодоносных начал» немецкой, английской и французской философий, снимающий односторонность и заблуждения каждой из них. Не принимая ни чистого идеализма, ни, естественно, материализма и эмпиризма, Гавриил ратовал за соединение теории рационализма с опытом и примирения их в Верховном начале всякого идеального и реального бытия, в понятии о Боге как «материи всех идей».

Московский профессор И. И. Давыдов лишь намекнул о «нашей философии», пометав о том, что «наш будущий Шеллинг или Гегель воссоздаст свою философию, более прочную и надежную, нежели философия Германская», и при этом исходил из возможности «усвоить себе всемирные и вечные истины и остаться Русскими» [116, с. 401].

Нетрудно заметить существенные различия между ходом мысли Киреевского и Сидонского и ходом мысли университетских профессоров.

Первые хотели видеть «нашу философию» религиозно-православной, т. е. радикально отличной от западной. Профессора же стремились удержаться в светских рамках «всемирной истины», преодолев «односторонности» западных философий, но синтезировав их «плодоносные начала», оставаясь русскими. В этом видится специфика университетской философии как автономной сферы в философской жизни страны, как отдельного направления философии в России первой половины XIX в.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ последствия революции 1848 г. в Западной Европе стали для судеб философии в России фатальными. Николай I лично инспирировал нового министра народного просвещения (с 1850 по 1852) П. А. Ширинского-Шихматова на строгую «ревизию» в сфере философии. В начале 1850 г. Николай I повелел министру «представить соображения о том, полезно ли преподавание философии при тогдашнем развитии этой науки германскими учеными и не следует ли принять меры к ограждению студентов от мудрований новейших философских систем». В повелении фактически заключался и совет. Министр составил докладную записку царю на тему «Об ограничении преподавания философии логикой и психологией и возложении чтения сих предметов на профессоров богословия». В записке проведена поразительная мысль о том, что образцовой для России является не философия Канта, Фихте, Шеллинга или Гегеля, а философия сначала профессора Петербургского университета (с 1832 г.), а затем Петербургской духовной академии австрийца А. А. Фишера как одного из самых благонадежных, «самого благонамеренного из преподавателей философии, который не щадит усилий к сближению философии с учением христианским», старается примирить философию с религией и стремится к «истинам божественным доходить путем философским». Не как этот профессор, писал министр, «действовали Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель; не так действуют и ныне их последователи. Они в философских исследованиях своих не замечают даже, существует ли вера христианская, и сами, с помощью одного только ума, дерзновенно мечтают познать начало безусловное. Конечно, ожидание их не исполняется, потому что ограниченному и конечному уму человеческому не дано познание бесконечного и беспредельного, и новое философское учение так же, как и древнее, в разноречивом своем направлении не представит нам ничего определенного и твердого; не менее того, самые вредные системы немецких философов приобретают с каждым днем более и более приверженцев и почитателей. Снимая с человека обязанность, налагаемую на него Верою, нравственностью, и представляя все ослепленному страстями разуму, они подрывают ос-

нование всякого благоустроенного общества. Нельзя также не сознаться, что в настоящее время к нам насильственно вторгается философия германская и что дальнейшее распространение обольстительных ее мудрований должно неизбежно усилить в возрастающем поколении уже и теперь заметное охлаждение к Вере, с которою неразлучно соединена у нас основанная на религиозном убеждении преданность к престолу» [см.: 43, вып. 5, с. 21—22].

Министр предложил ограничить преподавание философии логикой и психологией впредь до особого повеления. Николай I лично распорядился возложить преподавание психологии на профессоров богословия. Несмотря на возражения Святейшего Синода, император не только остался при своем решении, но и логику велел преподавать богословам [см.: там же, с. 11—12].

22 июня 1850 г. было опубликовано «Высочайшее повеление», в котором, в частности, говорилось: «1) с упразднением преподавания философии светскими профессорами в университетах С.-Петербург., Москов., Св. Владимира, Харьковском и Казанском, а также в главном Педагогическом институте и Ришельевском лицее, возложить чтение логики и опытной психологии на профессоров богословия или законоучителей, назначаемых к этой должности по сношении Министерства Народного Просвещения с духовным ведомством Православного исповедания»; программы преподавания логики и опытной психологии предписывалось утверждать по соглашению духовного православного ведомства с Министерством народного просвещения [см.: там же, с. 1].

Видимо, чиновникам Министерства народного просвещения не очень импонировали слова «с упразднением преподавания философии», так что в делах Департамента народного просвещения речь иногда шла «об ограничении преподавания философии в университетах и Ришельевском Лицее логикой и психологиею с возложением чтения оных на профессора богословия».

Решение по университетской философии включало также пункт об ограничении преподавания философии в Дерптском университете: «Преподавание философии для студентов православного исповедания в Дерптском университете ограничить логикой и опытною психологиею, возложив чтение сих предметов на православного профессора богословия, назначаемого в сию должность по сношению Министерства Народного Просвещения с духовным ведомством православного исповедания. Прочием за тем студенты будут слушать курсы философии на прежнем основании у светского профессора» [там же, с. 2].

Именно в связи с постановлением 1850 г. Ширинский-Шихматов, по сообщению А. В. Никитенко, изрек ставший печально знаменитым

афоризм: «Полезьа философии не доказана, а вред от нее возможен» [297, т. 1, с. 517].

Кто же стал жертвой постановления 1850 г.? «Образцово-показательный», в глазах Ширинского-Шихматова, А. А. Фишер из Петербургского университета, М. Н. Катков из Московского, М. Н. Протопопов — из Харьковского, Н. Н. Булич, арх. Гавриил Воскресенский и Н. А. Иванов из Казанского, О. М. Новицкий и С. С. Гогоцкий из Киевского университетов, И. Г. Михневич из Ришельевского Одесского лицея. На своем месте остался только популяризатор философии Гербарта Л. Штрюмпель из Дерптского университета.

Кто же из богословов пришел вместо светских профессоров?

В Петербургском университете в 50-е гг. преподавали логику и психологию А. И. Райковский, И. Л. Янышев и В. П. Полисадов. Райковский очень прямолинейно понял свою задачу и описывал логику на основании здравого и притом христианством руководимого смысла. Сменивший его Янышев внес оживление в лекции, опираясь на логические идеи Тренделенбурга и Халибеуса, а в психологии на работу профессора из Йены Фортлаге «Психология в связи с философией».

В Московском университете психологию и логику читал П. М. Терновский, автор трижды издававшегося сочинения «Богословие догматическое» (1838, 1839, 1844).

В Университете св. Владимира преподавал представитель киевской школы философского теизма И. М. Скворцов; в Одессе — М. К. Павловский, составлявший свои лекции прямо по программе Святейшего Синода; в Харькове — П. И. Лебедев и В. И. Добротворский; в Казани — А. П. Владимирский; в Дерпте студентам православного исповедания лекции читал П. П. Алексеев; в Петербургском главном педагогическом институте — П. Ф. Солярский; в Александровском (б. Царскосельском) лицее — А. Н. Сорокин и И. С. Кочетов.

Десятилетний запрет преподавания основных философских дисциплин в университетах (1850—1860) стал тяжелым ударом по университетской философии в России. Е. А. Бобров так оценил последствия решения 1850 г.: «Благодаря Бога, никого еще из русских преподавателей и профессоров философии не убивали, не казнили и нигде не били. Но нельзя не признать, что эта мера — сокращение преподавания философии — привела к крайне нежелательным последствиям (со всех точек зрения и во всех отношениях, почему и была прекращена через 10 лет); нельзя не признать и того, что она очень тяжело отозвалась на лицах, занимавших в то время кафедры философии, на тех профессоров, в которых грянул этот удар» [43, вып. 5, с. 3].

Из преподававших в 50-х гг. богословов далеко не все опубликовали свои труды (И. М. Скворцов, А. И. Райковский, В. П. Полисадов, М. К. Павловский, В. И. Добротворский).

Уже с давних пор в литературе царит справедливое единодушие в сугубо критической оценке бесславного для философии в России десятилетия. Немало ехидного было сказано по поводу преподавания «божественной логики» и «божественной психологии». Однако одну существенную оговорку при этом стоит сделать: как и прежде, логика толковалась в России расширительно, не сводилась лишь к формальной логике. Курсы логики включали в себя изучение разных форм познания, т. е. гносеологическую проблематику, так что в страшно усеченном виде в эти годы кое-что сохранилось и в преподавании и в трудах профессоров логики и психологии от «первой философии».

Если же говорить об университетской философии 50-х гг. XIX в. в целом, то нельзя не сказать о тех ее направлениях, которые и в эти годы в той или иной степени развивались, несмотря на отсутствие кафедр философии (натурфилософия, эстетика, этика, философия права и др.). В. В. Григорьев еще в 1870 г. обратил внимание на «компенсирующую» роль лекций по эстетике, которые «сверх развития эстетического вкуса в слушателях философского стороныю своею восполняли, насколько было это возможно, тот в высшей степени важный пробел, какой оказывался в университетском преподавании с 1850 г. вследствие исключения из него философии» [111, с. 238].

В этой связи вспомним и о том, что 10 мая 1855 г. состоялась «знаменитая» защита Н. Г. Чернышевским диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», на которой оппонентами выступали А. В. Никитенко, ставший как раз в 1855 г. академиком, и профессор М. И. Сухомлинов, тоже будущий академик. Защита приняла столь скандальный характер, что директор Главного педагогического института И. И. Давыдов написал министру народного просвещения А. С. Норову представление об «опасном вольнодумстве» диссертанта. Так или иначе диссертация Чернышевского стала событием и в истории университетской философии в России, причем в самый тяжелый для нее период.

В бесславные 50-е гг. роль философской науки играла такая дисциплина, как «энциклопедия права». Историк Киевского университета М. Ф. Владимирский-Буданов писал: «Со времен Неволлина за энциклопедиею права в нашем университете (а затем и в прочих российских университетах) утвердилось исключительно значение философской науки. В ней нашел приют философский элемент университетского об-

разования, изгнанный сначала из юридического факультета, а потом и вообще из университетов» [72, с. 390].

Конец николаевской эпохи стал началом частичного возрождения университетской философии в России. Уже в 1856 г. на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» можно было прочитать: «После закона Божия... первое место между предметами учения по справедливости принадлежит науке наук — философии. Она имеет столько же прозелитов, как и антагонистов» [139, 1856, № 10, с. 12]. В начале 1858 г. появились ходатайства от университетов о восстановлении кафедр философии и преподавания хотя бы истории философии. В справке Главного управления училищ, обсуждавшейся в 1859 г., прямо сказано, что постановление 1850 г. было обусловлено «особыми политическими обстоятельствами Западной Европы», т. е. фактически признавалось, что университетская философия в России пала в 1850 г. из-за страха николаевского правительства после революции 1848—1849 гг.

2 декабря 1859 г. министр народного просвещения А. С. Норов представил Александру II ходатайство попечителей учебных округов о восстановлении самостоятельной кафедры философии, логики и психологии. По поручению царя проблему изучали высшие органы просвещения.

Департамент народного просвещения так обосновал необходимость частичного возобновления преподавания философии: «С истечением после того 10-и лет и при совершенном изменении теперь направления современных идей, вполне отражающих в себе чисто утилитарные стремления века, не представляется, по мнению Министерства Народного Просвещения, никаких препятствий к возобновлению преподавания философии, если не в полном ее объеме, то по крайней мере в одной ее части, — истории философии, как науки, по преимуществу проясняющей истины и разрушающей предрассудки и стремления к материализму. В таком воззрении на преподавание этой части философии департамент не может не выразить со своей стороны, согласно с мнением начальств учебных округов, полного убеждения, что восстановление преподавания истории философии восполнит с успехом и особенною пользою важный пробел в курсе университетского учения и тем самым доставит студентам возможность путем правильным ознакомиться с наукою в настоящем ее свете, а не по источникам отрывочным, часто неверным и даже превратным. К тому же нет вовсе причины опасаться неблагонамеренного со стороны профессоров преподавания истории философии и потому, что наблюдение за духом и направлением преподавания в наших университетах наук вообще обеспечивается

вполне особыми Высочайше утвержденными для ректоров и деканов университетов инструкциями и наставлениями и утвержденными Министером Народного Просвещения программами» [см.: 43, вып. 5, с. 12—13].

22 февраля 1860 в. была восстановлена в университетах и в Ришельевском лицее кафедра истории философии, логики и психологии. В истории университетской философии в России наступил новый этап.

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ 18.02(2.03).1855 г. стала символом конца старой крепостнической России и начала новой, реформирующейся России, но преобразование страны шло очень туго. После отмены крепостного права в 1861 г. и проведения ряда других реформ началось, еще при «царе-освободителе» Александре II, попятное движение, а царствование Александра III вообще превратилось в эпоху контрреформ. Колебания в курсе политического и социально-экономического развития отразились и в духовной жизни. «Оттепель» конца 50-х — начала 60-х гг. сменилась «заморозками» 80-х. Послабления цензуры сменились ее ужесточением и т. д. И при всем при этом пореформенные годы стали эпохой хотя и сравнительно медленного, но тем не менее заметного культурного подъема во всех сферах, в том числе и в сфере философии.

Устав 18 июня 1863 г. положил начало довольно широкой университетской автономии. Он подтвердил право восстановить философские кафедры и преподавать историю философии, логику и психологию. Но участие студентов в оппозиционном и революционном движении привело к тому, что уже к концу 60-х гг. начались репрессии против университетов. Полоса придирок к университетам закончилась утверждением реакционного устава 1884 г., по которому они лишились даже прежней ограниченной автономии. Одной из жертв репрессий против университетов стала и философия: после 1884 г. некоторое время преподавание последней было сведено к изучению лишь философии Платона и Аристотеля.

Наблюдались, однако, в университетской жизни пореформенной России и позитивные перемены. С 1865 по 1890 г. количество студентов в России выросло более чем в три раза: их стало почти 12 с половиной тысяч. Особенно заметным был рост в 60-е гг.: в 1864 г. в Петербургском университете обучалось 446 студентов, в январе 1869 г. их стало 944 [см.: 111, с. 422].

Появились новые университеты.

Ришельевский лицей был преобразован в Новороссийский университет. Его открытие состоялось 1(13) мая 1865 г. Университет был небольшим: в 60—80-х гг. число студентов колебалось между 230 и 620.

В 1856 г. министр народного просвещения А. С. Норов поставил вопрос о создании университета в Сибири, но только с 1878 г. царь разрешил учредить императорский Сибирский университет в Томске, и 22 июня 1888 г. университет был открыт. (Некоторые историки считают датой основания 7 сентября 1880 г. — день закладки главного университетского корпуса.) Однако новым центром университетской философии Томский университет в первые десятилетия своего существования не стал, поскольку тогда он состоял из одного медицинского факультета.

К числу учебных заведений, которые в пореформенные десятилетия представляли собой новые очаги «школьно-университетской философии», можно отнести Петербургский историко-филологический институт (открыт в ноябре 1867 г.) и Высшие женские курсы в Петербурге, Москве, Казани, Киеве. В 1874 г. Нежинский лицей князя Безбородко был преобразован в Историко-филологический институт.

В пореформенные десятилетия радикальные изменения произошли в университетской жизни в «русской» Польше и в Дерптском университете.

По указу от 8 июня 1869 г. вместо Главной школы в Варшаве, которая была чисто польским учреждением, создается императорский Варшавский университет, ставший общероссийским. Преподавание велось на русском языке. Если первоначально студентов-поляков насчитывалось около 80% от общего числа студентов, то к концу столетия их стало менее 60%. В середине 90-х гг. студенты православного исповедания составляли от 17 до 21,3%, евреи — около 20%. С открытием университета количество студентов превышало 1 тысячу, таким же было их число в 90-х гг., но временами студентов становилось меньше.

До 80-х гг. XIX в. Дерптский университет был преимущественно немецким: на 4 десятка немецких профессоров приходилось 2–3 русских. Подавляющее большинство студентов представляли немцы, но на протяжении всего XIX в. правительство предпринимало попытки как-то «русифицировать» Дерптский университет, и к концу 80-х гг. это ему удалось: удельный вес студентов-немцев сократился с 87 до 10%, русских увеличился с 8,7 до 75%; студенты латыши и эстонцы оставались единицами [см.: 185, с. 132]. В 1893 г. в связи с переименованием Дерпта в Юрьев университет стал называться Юрьевским, что символизировало превращение его в общероссийский в полном смысле.

* * *

Университетская философия как сфера институционализированной науки естественно предполагает формальную систему степеней и зва-

ний. Устав 1884 г. внес некоторые изменения в ранее существовавшую практику. Была отменена степень кандидата и упразднена штатная должность доцента. Вместо должности доцента была введена должность приват-доцента, который не состоял в штате, не имел прав профессора, но имел право читать в университете лекции. Для облегчения приобретения звания приват-доцента отменялось ранее практиковавшееся предоставление диссертаций *pro venia legendi* (право на чтение лекций). Должность экстраординарного профессора могли теперь занимать только имеющие магистерскую степень; на должность ординарного профессора могли претендовать лишь доктора наук.

Изменения произошли и в системе преподавания философии. Можно сказать, что только в 80—90-е гг. XIX в. в университетах сложилась именно система преподавания философии.

Так, в Московском университете основные лекции читали ординарный профессор Н. Я. Грот, ординарный профессор М. М. Троицкий, приват-доцент, затем исправляющий должность профессора, с 1892 г. ординарный профессор Л. М. Лопатин; в качестве приват-доцентов периодически выступали С. Н. Трубецкой, А. Н. Гиляров, А. П. Казанский, П. Е. Астафьев, Г. И. Челпанов, А. С. Белкин. Что они читали?

Вот как представлены основные темы занятий Н. Я. Грота:

1866/67 учеб. г. Лекция: изложение философии Платона; изложение философии Аристотеля по пособиям Целлера, Тейхмюллера, Грота; чтение «Метафизики» Аристотеля; лекция: Критический очерк философии Канта по пособиям Куно Фишера и Виндельбанда; чтение и критический разбор «Prolegomena» Канта; чтение «Тезтета» Платона с анализом теории познания Платона (пособия: Н. Schmidt (1877—1880), F. Michelis (1881); Скворцов. «Платон о знании» (М., 1871); лекция «Психология познания (психологическая теория познания)».

1888 г.: чтение с философскими комментариями сочинения Аристотеля «О душе»; чтение с философскими комментариями сочинения Аристотеля «Никомахова этика»; лекция: «Тезтет» Платона; лекции: «Психология познания»; «Философия Платона» с пособиями: сочинения Платона; Grote's Plato; Н. Bonitz. «Platonische Studien» (1888); A. Fouillée. «La philosophie de Platon» (1869); Beierle. «Disposition des Platon. Dialogs Phädrus» (1872); Hinze. «Plan und Gedankengang in Plat. Phädrus» (1874); Wenzig. «Die Conception der Ideenlehre in Phädrus» (1883).

1889 г.: изложение философии Платона по пособиям Целлера, Фулье, Грота; лекция: «Психология человека» по пособиям Вундта, Горвица, Льюиса, Бэна, Спенсера, Сёлли, Рибо, Рише, Сержи, Гёффдинга и др.; семинар по новой философии «Опыт о человеческом понимании» Локка.

1890 г.: Лекции: «Логика» с пособиями: Trendelenbourg. «Elemente logices Aristoteleae»; Тренделенбург. «Логические исследования»; Владиславлев и Струве. Учебники логики. Семинар: «Аристотель о душе»; семинар по новой философии: критический анализ нравственного учения Шопенгауэра с пособиями: Koeler. «Die Philosophie A. Schopenhauers»; Шопенгауэр А. Сб. «Психологического общества» (М., 1888).

1891 г.: Лекции: «Психология» с пособиями: Рибо о современной английской и немецкой психологии, Зибек о древней психологии, Владиславлев, Грот; «История новой философии» с пособиями: К. Фишер, Виндельбанд; Мориц Браш «Классики философии»; чтение диалога Платона «Федон» с философскими объяснениями и 1-й книги «Никомаховой этики» Аристотеля; «Опыт о человеческом понимании» Локка.

1892/93 учеб. г.: Лекции: «Психология»; «Задачи этики» с пособиями: Шопенгауэр А. «Две основные проблемы морали» (СПб., 1887); Кавелин К. Д. «Задачи этики» (СПб., 1885); чтение текстов Платона и Аристотеля; чтение «Критики практического разума» Канта.

М. М. Троицкий читал в 80-х — начале 90-х гг. XIX в. психологию и логику. В 1887 г. темы его лекций выглядели так: «Учение о характере (этология)» с пособием: Бэн. «Об изучении характера»; Логика наук с пособиями: Д.-С. Милль, Бэн, Вундт. В другие годы к пособиям по психологии добавлялись труды Броуна, Сёлли, Тэна, самого преподавателя. В 1889 г. Троицкий читал курс «Логика наук и специальная методология» с пособиями Д.-С. Милля, Тэна, С. Джевонса и самого преподавателя.

Л. М. Лопатин, как и Грот, читал лекции о Платоне, Аристотеле, общие курсы по истории древней и новой философии и некоторые «спекурсы». Излагая философию Платона, Лопатин опирался на сочинения: Zeller. «Grundriss der Geschichte der griech. Philosophie»; Он же. «Die Philosophie der Griechen»; Schwegler. «Geschichte der griech. Philosophie»; Fouillée A. «La philosophie de Platon»; Ribbing. «Genetische Darstellung der Platonischen Ideenlehre».

Изложение философии Аристотеля шло с пособиями Целлера, Ибервега, Шwegлера и Прантля (по истории логики). К лекциям по истории новой и новейшей философии Лопатин привлекал сочинения Ибервега, Фулье, К. Фишера, Браша («Классики философии»).

Из отдельных тем, которые вел Лопатин, отметим лекции: «Европейская философия в текущем столетии»; «Философия Канта» (опираясь на К. Фишера); «Этика» по сочинениям Платона, Аристотеля, Канта и работе P. Janet «Histoire de la philosophie morale et politique»; для желающих был курс: «Основные проблемы познания» (в котором Лопатин опирался на сочинения Аристотеля, Юма, Канта, логику Милля

и работу самого лектора «Положительные задачи философии» (ч. 1–2, 1886–1891)).

С. Н. Трубецкой начал свою преподавательскую деятельность с лекций: «Введение в историю философии» (пособия: Ибервег, Шwegлер); вел семинар: «Метафизика» Аристотеля; читал также лекции на тему: «Германская философия (средневековый и реформационный период)» по пособиям Штёкля, Ибервега и Прегера («История немецкой мистики»). Читал и общие курсы по истории древней и средневековой философии.

В расписании философских занятий в Московском университете фигурировали темы других приват-доцентов.

А. Н. Гиляров: «Софист» Платона в подлиннике с философскими и филологическими объяснениями; «Федон» Платона с философскими и филологическими объяснениями; «Никомахова этика» Аристотеля в подлиннике с философскими и филологическими примечаниями и предварительным очерком истории нравственных учений; «О природе вещей» Лукреция.

А. П. Казанский: «История древней греческой философии до Платона» (по пособиям: Целлера, Ибервега и Фулье).

За П. Е. Астафьевым значилась «Психология» с пособиями: Horwiz. «Psychologische Analysen auf Physiologischer Grundlage» (Halle, 1872, 1875 и Magdeburg, 1878); Владиславлев. «Психология» (СПб., 1881); Остроумов. «О физиологическом методе в психологии» (Харьков, 1888); Лотце. «Микрокосм» (М., 1886); Вундт. «Основания физиологической психологии» (М., 1880); Bouillier. «La vraie conscience» (P., 1882); Mill J.-St. «Examination of the philosophy of sir W. Hamilton».

Г. И. Челпанов в лекциях по психологии рекомендовал пособия: Bain. «The Emotions and the Intellect» (L., 1868); James. «The principles of Psychology» (2 t. N. Y., 1890); Wundt. «Physiologische Psychologie» (3 ed. Leipzig, 1887); Volkman. «Lehrbuch der Psychologie» (Köthen, 1885); Lipps. «Grundtatsachen» (1852); Владиславлев. «Психология» (СПб., 1881); Троицкий. «Наука о духе» (М., 1882); Грот. «Психология чувствований» (СПб., 1880).

По программам историко-филологических факультетов, принятым в соответствии с Уставом 1884 г., преподавание философии ограничивалось изучением Платона и Аристотеля. После того как в 1887 г. ректором Петербургского университета стал М. И. Владиславлев, он выступил одним из инициаторов переработки этих программ, и в итоге преподавание философии было восстановлено в объеме, предусматривавшемся Уставом 1863 г.

Что можно сказать о системе преподавания философии в университетах пореформенной России?

В сфере истории философии труды немецких философов (Целлер, Шwegлер, Ибервег-Гейнце, К. Фишер, Виндельбанд, Фалькенберг и др.) оставались главными пособиями, но, как и раньше, в рекомендуемой студентам литературе фигурировали отдельные французские авторы (Фулье, Жане). Деталь немаловажная. В отличие от немцев-идеалистов эти французские авторы были склонны к компромиссу с позитивизмом: А. Фулье примирял метафизику с позитивизмом; Поль Жане, ученик Кузена, был тоже эклектиком.

В логике наблюдалась та же картина: труды немецких философов-идеалистов сосуществовали с трудами английских философов-позитивистов Д.-С. Милля и У.-С. Джевонса.

Примечательно, что в числе официально рекомендуемых пособий по логике числились также работы отечественных авторов: Владислава лева, Троицкого, Каринского и Ланге.

«Синкретический» характер пособий, предлагаемых студентам, особенно был заметен в сфере психологии. Здесь и труды немецких авторов (Вундт, Лотце, Липпс, Эббингауз, Гёффдинг и др.) и англичан с шотландцами (Д.-С. Милль, Г. Спенсер — философ, социолог-позитивист и социальный мыслитель-либерал, А. Бэн — шотландский философ и естествоиспытатель, сторонник эмпиризма, Т. Броун — шотландский психолог-ассоцианист), здесь и французы (А. Бинэ — философ-позитивист, с 1894 г. — руководитель Психологического института Сорбонны, Т. Рибо — профессор в Париже, психолог Экспериментальной школы, издатель «Revue philosophique»), и американец У. Джемс — один из основоположников прагматизма и эмпирической философии XX в.

Есть некоторые сведения и о том, что преподавалось из философских дисциплин на Высших женских курсах.

В первый год существования Высших женских курсов в Петербурге (1878/79) психологию (2 часа в неделю) читал М. И. Владиславлев. В следующем учебном году он стал читать логику, а психологию — Э. Л. Радлов. В марте 1880 г. для преподавания философии был приглашен В. С. Соловьев. В 1880/81 учеб. г. он читал курс философии религии и истории философии (Радлов — «Введение в философию»). В программе курса у Соловьева в 1882 г. значились проблемы: 1) Жизненный смысл христианства; 2) Общие замечания о религиозно-философском развитии Древнего мира. Несколько слов о мистериях; 3) Христианство и иудейство; 4) Умозрения Востока и их влияние на иудейство. Каббала; 5) Платоническая философия. Аристотель и стоики как дополнение платонизма; 6) Древнеегипетская теософия; 7) Фа-

лон Иудейский, 8) Неоплатонизм; 9) Гнозис и манихейство; 10) Платоническое христианство; 11) Рационализм и натурализм как реакция христианского начала против платонизма; 12) Условия истинного христианства.

Впоследствии о лекциях Владимира Соловьева, отстраненного по политическим мотивам от преподавания, писали: «Лекции Вл. С. Соловьева по философии религии возбудили величайший интерес, чему причиною были, конечно, глубина и оригинальность мысли лектора, в связи с убежденностью речи, запечатленной искренностью и вдохновением. К глубокому огорчению слушательниц Соловьева, его пребывание на Курсах было весьма непродолжительным. Философское преподавание с кафедры сделалось для Соловьева по независящим от него обстоятельствам недоступным навсегда, и русская молодежь была лишена возможности испытывать на себе непосредственно то благотворное влияние, которое оказывал на нее Соловьев на лекциях и на беседах» [365, с. 4–5].

В 1882/83 учеб. г. философию преподавали Э. Л. Радлов и М. И. Каринский, который был избран на место, оставленное Соловьевым. В 1884/85 учеб. г. один Каринский читал курсы логики, психологии и истории философии.

С 1889/90 учеб. г. философию на курсах ведет А. И. Введенский (логику, психологию, историю древней и новой философии, введение в философию). В духе традиции, сложившейся в России еще с XVIII в., курсы логики и психологии у Введенского были тесно связаны с вопросами познания. По истории философии курсы Введенского обыкновенно охватывали и древний период, и новую философию до Канта; иногда философия Канта выделялась в особый курс.

К числу «измерений» системы философского образования в университетах пореформенной России относится тематика тогдашних диссертаций и студенческих работ. Вот как выглядят некоторые темы диссертаций:

М. И. Владиславлев. О современных направлениях в науке о душе (1866); М. М. Троицкий. Немецкая философия в текущем столетии (1867); Г. Е. Струве. Самостоятельное начало душевных явлений (1870); В. С. Соловьев. Критика западной философии. Против позитивистов (1874); Н. Я. Грот. Психология чувствований в ее истории и главных основах (1880); Н. Я. Грот. К вопросу о реформе логики (1882); Н. Лашенков. Тит Лукреций Кар и эпикурейская философия (1882); Фед. Аврамов. Лейбниц как политик и как метафизик (1882); А. А. Козлов. Генезис теории пространства и времени Канта (1884); Алексей Соловьев. Декарт как отец философии и науки (1887); Александр Шевцов. Славя-

нофильская философия (1887); Николай Дронов. Очерк мистической (масонской) деятельности Н. И. Новикова (1889); Евгений Никкельс. История учений об уме и воле и их отношениях (1889); Павел Богословский. О нравственном учении Шопенгауэра (1889); Л. В. Рутковский. Основные типы умозаключений (1889); С. Н. Трубецкой. Метафизика в Древней Греции (1890); П. Лейкфельд. Логическое учение об индукции и главнейшие исторические моменты его разработки (1897) и др.

В списке тем «медальных» студенческих работ в 1876/77 учебном году фигурировала тема: «Марк Туллий Цицерон как философ»; в 1877/78 г. — «Научный и философский метод французских мыслителей XVIII в.»; в 1882 г. — «Логическое учение Герберта Спенсера»; в 1884/85 г. — «Жуковский и романтизм»; в 1896/97 г. — «Высшее благо и нравственность по учению греческих философов до Аристотеля включительно».

«Обозначив» университетскую философию пореформенной России со стороны формальной, попытаемся теперь проникнуть в ее содержание.

На каком фоне и в каком контексте развивалась университетская философия?

Развертывание сравнительно массовых общественных движений в период перехода страны от полусредневекового, феодально-крепостнического строя к новым буржуазным порядкам повлекло за собой появление новых, самых разнообразных оттенков неакадемической, «вольной», философской мысли, связанной с консервативными, либеральными, демократическими и социалистическими движениями.

Новая пореформенная ситуация способствовала смягчению прогрессировавшего в предшествующие десятилетия процесса окостенения духовно-академической философии, ориентированной на философские образцы в духе «божественного Платона» и соответственно на борьбу с «германским рационализмом». На некоторых профессоров духовных академий пореформенного периода (В. Д. Кудрявцев, М. И. Каринский, Н. Г. Дебольский, П. А. Милославский, В. Н. Несмелов и др.) освежающий дух времени оказывал определенное воздействие. Среди них находились не только поклонники немецкой мистики типа Якоби и Баадера. Немецкие философы-рационалисты также пользовались определенным кредитом доверия у отдельных профессоров духовных академий. Так, Н. Г. Дебольский очень много заимствовал из диалектики Гегеля, М. И. Каринский — из Канта и т. д.

На философском климате в духовно-академической философии пореформенных десятилетий отразилось также такое новое явление, как начало распространения идей, типологически сходных с реформационными: идеи примирения жизни светской и церковной, «божественно-

го» и «человеческого», «небесного» и «земного», идея рационализации, философизации догматов православия. Как реакция на этот феномен, в духовно-академической философии проявилась и противоположная, антирационалистическая, мистическая тенденция.

Общий статус философии в пореформенную эпоху оставался постоянным. В 60-е гг. распространение материализма, позитивизма и сциентизма, наложившееся на последствия предшествующего десятилетнего ограничения преподавания философии в университетах, привело к тому, что философия потеряла в обществе свой былой престиж. В 70-е гг. философия стала подниматься с колен, но антифилософские настроения в обществе были очень сильны. А. А. Козлов с возмущением писал о «ржущих при произнесении слова философия» [209, с. XVII]. Б. Н. Чичерин жаловался в своей «Истории политических учений» (ч. 4, М., 1877), что «философия теперь не в моде».

Впрочем, антифилософские умонастроения были явлением не только российским. На Западе философия во второй половине XIX в. тоже не у всех была в почете. Некий немецкий автор составил список наук, разместив их в соответствии с приносимой ими пользой: философия оказалась на последнем месте.

В центре столкновений вокруг философии вновь оказались проблемы философской метафизики, т. е. наиболее общей части философии, включавшей онтологию и учение о Боге и душе.

В 60-е гг. XIX в. в Берлинском философском обществе обсуждалась тема: «Имеет ли философия, в частности метафизика, право оставаться самостоятельной наукою» [139, 1869, № 7—8, с. 205]. Метафизика стала вытесняться из университетского преподавания. В 19 немецких университетах в 1888/89 учебном году лекции по метафизике составляли лишь около 5% общих философских курсов.

В России дело обстояло несколько иначе. Имела место более жесткая борьба двух противоположных тенденций. С одной стороны, наблюдалась тенденция антиметафизическая и даже целиком антифилософская. В 1892 г. Г. Челпанов определял свое время как «время повального отрицания метафизики» [546, с. 15]. С другой стороны, наблюдалась тенденция к сохранению традиций философской метафизики и построению новых концепций на ее основе. Предпринимались настойчивые попытки пересмотреть сложившиеся взаимоотношения науки и философии, чтобы «вернуть» философии утраченное ею положение «царицы наук».

Степень ожесточенности борьбы за и против философии очень хорошо отражается в высказывании на этот счет профессора Л. М. Лопатина: «Враги философии, проповедующие удаление от нее и равноду-

шие к ней во имя благочестия, едва ли не изменят своего взгляда, если серьезно подумают над тем, что ни одна ересь в мире не отделила от церкви столько членов и не потрясла ее так внутренне, как односторонняя антирелигиозная философия. В этом лучшее мерило того могущества, которое принадлежит философской мысли. Что бы сказали мы о христианине, который ради чистоты веры стал бы требовать полного уклонения от решения вопросов, возбужденных еретиками? Против силы надо противопоставлять силу; вредные последствия философии ложной могут быть уничтожены только в истинной философии» [249, с. 285].

Среди сторонников философской метафизики в университетской философии пореформенной России обозначилось несколько тенденций.

Традиционную теологизированную метафизику в духе учения Платона о разуме и идеях отстаивал П. Д. Юркевич, считавший платоновскую метафизику образцовой для всех времен. Здравой Юркевич считал только философию до Канта, а последними из великих философов — Бёме, Лейбница и Сведенборга, тогда как после Канта философия, по его мнению, начинает сходить с ума, и это сумасшествие принимает неизлечимую форму у Гегеля; некоторое возвращение к здравому смыслу Юркевич увидел у Шопенгауэра, но только в его метафизике и в некоторых положениях этики.

А. Н. Гиляров в свою очередь провозгласил: «Не знаю человека и философа лучше Сократа, не знаю метафизики выше платоновой, не знаю нравственного учения лучше и выше Евангельского» [94, с. 90]. Такая позиция вполне объясняет, почему Гиляров отвергал не только позитивизм, но и немецкую метафизику, отвергал как «неосновательный» «предрассудок», согласно которому немецкая метафизика более соответствует духу христианской религии, чем воззрения позитивистов.

До середины 80-х гг. в рамках университетской философии развивал свои оригинальные философские взгляды В. С. Соловьев. Оригинальным оказалось и его отношение к метафизике.

Владимир Соловьев — поборник философии, он ратует вроде бы за самостоятельную философию со своими собственными формами познания. На самом деле в творчестве Соловьева философия действительно самостоятельного статуса не имеет. В диссертации «Кризис западной философии. Против позитивистов» он высказал убеждение, «что философия в смысле отвлеченного, *исключительно* теоретического познания окончила свое существование и перешла безвозвратно в мир прошедшего». Соответственно Соловьев не считал себя чистым

философом и не был таковым. Фактически он был творцом новой синтетической мировоззренческой системы, в рамках которой теоретическая философия составляла лишь часть. Эта мировоззренческая система реализуется в трех сферах: во-первых, в сфере *свободной теургии* или *цельного творчества*, целью которых является мистическое общение с высшим миром путем внутренней творческой деятельности (непосредственно через мистику, а также через «истинное искусство» и «истинную технику»). Это, по логике мысли В. Соловьева, сфера, где философии нет места.

Во-вторых, система раскрывается в сфере теологии, соединенной с философией и наукой, — *свободной теософии* или *цельного знания*, которые представляют собой синтез философии, науки и религии; в рамках такой теологии «великое значение» должна иметь «самостоятельная философия, выработавшая собственные формы познания»; «только такая теология, которая имеет под собою самостоятельную философию, может превратиться вместе с ними в свободную теософию» [458, т. 1, с. 287].

И наконец, мировоззренческая система В. Соловьева осуществляется в третьей сфере, в сфере церкви и общественной жизни, или в духовном обществе, «образующей свободную теократию или цельное общество» [там же].

Таким образом оказывается, что метафизика в мировоззренческой системе В. Соловьева, в его синтезе науки, философии и религии занимает подчиненное место, она существенна только в рамках теоретической философии. Главным в его метафизике является отрицание абстрактных сущностей и ипостасей в духе, как он считал, западноевропейского идеализма и признание в качестве абсолютного всеначала Бога, понимаемого как конкретное всеединство духа.

С. Н. Трубецкой свою метафизику «конкретного идеализма» построил прежде всего на ее противопоставлении Шеллингу и Гегелю, которых он упрекал за то, что они не видели существенного различия между «Абсолютным» и «его другим», а это обусловило-де их отвлеченный пантеизм. Трубецкой же такое различие проводил, считая, что истинную действительность имеет только «бытие универсальное», а все индивидуальное и частное — это только явления всемирного духа. В то же время на Трубецкого влиял не только «всемирный дух», но и дух времени, и он вынужден был увязывать метафизику с положительным научным знанием, убеждать, что попытки отделить точное знание от умозрения, научную философию от метафизики, доказать несостоятельность метафизики не удалось [см.: 505, с. 218]. С такой метафизической установкой С. Трубецкой ратовал за философию, которая стре-

мится понять мир как целое, пытается объяснить универсальную связь вещей в ее соотношении к разуму, к сознанию.

Б. Н. Чичерин в пореформенный период не очень долго работал в университетской системе (1853 г. — магистерская диссертация, с 1861 по 1868 — профессор Московского университета, в 1866 г. — докторская диссертация). Основные философские труды написаны им уже после ухода в отставку из университета в 1868 г. Но изначальная университетская закваска очень заметно сказалась на философских работах Чичерина его постуниверситетской деятельности, и поэтому его взгляды на метафизику в какой-то мере могут характеризовать одну из тенденций в университетской философии пореформенной России.

Б. Н. Чичерина часто относили к правым гегельянцам. Между тем он в значительной мере опирался не только на Гегеля, но и на Канта, который, с его точки зрения, открыл новую эпоху в истории мысли в стремлении выработать цельное, объективное мирозерцание, основанное на сочетании противоположностей. Что касается Гегеля, то Чичерин не считал его представителем всей немецкой философии и свою метафизику — а, по его мнению, метафизика несравненно лучше объясняет явления, нежели отвергавшая метафизику «мнимо положительная философия», — расценивал как продолжение развития всего немецкого идеализма, начатого Кантом и завершеного Гегелем.

Как и у В. Соловьева, у Л. М. Лопатина философская метафизика занимает скромное место по сравнению с религией как «всеобъемлющим и конкретным мирозерцанием». «Философии, — доказывает Лопатин, — доступна только рациональная сторона действительности, хотя она должна сохранять сознание единства этой стороны с иррациональной стороной существующего и должна ставить неизменной целью возможно отчетливое усвоение последней. Но философия все же не в состоянии осуществить задачу до конца и всегда останется при общем и отвлеченном знании сущего. Конкретная последовательность явлений мира находится вне ее безусловных утверждений, она может лишь обсуждать большую или меньшую вероятность отдельных фактов и тем доставляет критическое мерло для целостного построения реальности» [249, с. 287].

На словах дух отрицания «старой метафизики» и стремление построить новую, «научную метафизику» очень демонстративно выразил профессор Новороссийского университета Н. Н. Ланге, заявивший в 1888 г.: «Многое показывает, что мы живем во время весьма благоприятное возрождению метафизики, хотя и в ином виде» [230, с. 208]. Вся немецкую метафизику XIX в. Ланге категорически отвергает: «...ни одна из этих метафизических систем не выдерживает самой слабой

критики, и все они без исключения, будет ли то панлогизм Гегеля, или наукоучение Фихте, или Критика чистого разума Канта, или теистическая философия Шеллинга, или учение о воле Шопенгауэра, или новейшая попытка Гартмана, — все они недостаточны, противоречивы и совершенно ненаучны» [230, с. 5]. Как сторонник «новой», «научной метафизики», Ланге предостерегал, что ее ждет та же судьба, что и старую, «если она захочет “венчать здание” раньше, чем специальные науки заложили фундамент» [там же, с. 208]. Не законченность, не рационализм, не ясность принципов и разнообразие приложений, как в системе Гегеля, а глубина поставленных в системе этических задач — вот критерий, которому должна отвечать «новая метафизика».

Другие университетские профессора и преподаватели философии шли к «научной метафизике» иными путями.

Отвергая философскую метафизику Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шлейермахера, которые-де впадали или в теософию, или в фантастическую мистику, доцент Университета св. Владимира в Киеве А. А. Козлов стал адептом эклектической системы, в которой просматриваются влияния Лейбница и Шопенгауэра, Гартмана и Лотце, а также ряда других философов. Ратуя за философию, не порывающую с частными науками, Козлов, однако, оказался в числе метафизиков, ничуть не менее фантастически-мистических, чем обличаемые им классики немецкого идеализма. Согласно его философии панпсихизма, мир состоит из образов, которые строит бессознательная деятельность человеческого мышления: в центре философии Козлова стоит «я» как неизменная духовная субстанция, не зависящая от пространства, времени, причинности и т. д.; Бог является высшим существом, но также принадлежит к числу субстанций, отличающихся от других только степенью.

В духе идеал-реализма Лотце строились метафизические представления М. И. Владиславлева, который стремился не противопоставлять «две области бытия» — мир явлений и мир мыслей, но и не смешивать их.

Работавший в течение 17 лет (с 1870 г.) в Дерпте Г. Тейхмюллер придерживался персоналистической концепции в духе Лейбница, модернизированной у Лотце.

Профессор Харьковского университета Ф. Зеленогорский также опирался на Лейбница, но делал из философии Лейбница другие, весьма своеобразные выводы: в ней он видел теоретическую основу идеи самостоятельности и саморазвития не только индивида, но и наций.

Сторонникам тех или иных версий философской метафизики в пореформенной университетской философии противостояли ее более или менее последовательные критики.

Наиболее бескомпромиссно в 60-х гг. XIX в. обличал метафизику, особенно немецкую, М. М. Троицкий, в глазах которого немецкая философия и психология — это нечто уродливое, чуть ли не бред испуганных голов. Антиметафизические выпады Троицкого, выпады часто нигилистические, находили известный отклик. Н. Н. Страхов признал, что именно Троицкий открыл «важность, объем и дух английской философии», показал, что, кроме немецкого, существует другое, английское направление и что эти направления «в высшей степени враждебны одно другому».

Очень силен был в выражениях против традиционной метафизики Н. Грот, отвергавший все формы «метафизической» философии: материализм, спиритуализм, сенсуализм, идеализм и «их сородичей», в частности, метафизику, возрожденную Гартманом и Шопенгауэром. Но в своем собственном творчестве Грот фактически делал метафизике значительные уступки.

В 90-х гг. на антиметафизические позиции встал логик Л. В. Рутковский. Как и Троицкий, Рутковский отдавал предпочтение английской философии перед немецкой, утверждая, что в Германии философское развитие шло «от плохого к худшему», пока «все германское умозрение» не вступило в ложную колею Шеллинга и Гегеля.

Наиболее эффективная критика метафизики в университетской среде в пореформенной России шла не от профессиональных философов, а от естествоиспытателей — сторонников экспериментальных, эмпирических методов. Примером здесь могут служить труды К. А. Тимирязева, который, будучи приверженцем позитивизма, в частности, О. Конта, всячески обличал «волны метафизического умозрения», чуть не затопившие, по словам Тимирязева, немецкую науку в первой половине XIX в., «немецкую спекулятивную философию» и восхвалял успехи в «отчаянной борьбе» с ней в русской науке.

Уже в 70-х — начале 80-х гг. XIX в. антиметафизическую сущность философской концепции Маркса и Энгельса изложил Н. И. Зибер, сообщивший российскому читателю их точку зрения, согласно которой материализм новейший не нуждается ни в какой философии, стоящей выше других наук, что всеобъемлющая система познания природы и истории находится в противоречии с основными законами диалектического мышления. Зибер согласился с точкой зрения Ф. Энгельса, высказанной в полемике с Е. Дюрингом, что становится излишней всякая система философии, даже естественная система философии. Правда, при этом Зибер весьма диалектично подошел к оценке исторической роли немецкого идеализма, заявив, что новейшая положительная наука из-за своей вражды к метафизике чересчур строго и пристрастно

отнеслась к немецкой философии начала XIX в., не сумела отделить в ней пшеницу от плевел и поспешно отвела ей место в архиве ученых заблуждений.

Какой вывод следует из сказанного? Хотя в системе университетского преподавания философии в пореформенной России метафизика как дисциплина отсутствовала, в трудах университетских профессоров и преподавателей проблематика метафизики наличествовала. Можно даже сказать, что в тогдашней университетской философии так или иначе обсуждались те же проблемы метафизики и критики метафизики, которые в это время рассматривались и в западноевропейской литературе.

Никакой особой «русскости» университетские профессора и преподаватели в обсуждении «первой» философии – метафизики – не проявили. В этом отношении тогдашняя университетская философия представляла собой региональную разновидность европейской философии.

Но некоторые «национальные» особенности в сфере университетской философии все-таки были: в отличие от Германии, где метафизика в университетской философии к 90-м гг. XIX в. была задвинута на задний план, в трудах российской университетской профессуры метафизическая проблематика занимала большее место. Профессора типа Юркевича проповедовали довольно отсталые концепции метафизики, не желая идти навстречу тенденции «новой метафизики», более тесно связанной с положительными науками.

Соответственно тому как отличался удельный вес проблематики метафизики в немецкой университетской философии от удельного веса этой же проблематики в русской университетской философии пореформенного периода, различались в них и объемы *гносеологической* проблематики. С 60-х гг., когда Э. Целлер ввел понятие «Erkenntnistheorie» (теория познания), различив его с ранее вошедшим в научный оборот понятием «гносеология», входившей традиционно в метафизику, «теория познания» явилась главным курсом в университетском философском преподавании в Германии. Самыми распространенными там стали неокантианская и психологическая теории познания. В русской университетской философии пореформенных десятилетий акценты в сфере теории познания были расставлены иначе.

П. Д. Юркевич не выходил еще за рамки библейской парадигмы, утверждая, что сердце – это источник духовной жизни, что мысли и слова – это не образы внешних вещей, а порождение сердечного настроения, сердце предваряет разум в познании истины.

В. С. Соловьев, хотя называл стремление к безусловному началу знания одной из коренных потребностей человеческого духа, подверг

резкой критике «притязание» теоретического начала рационализма немецкой философии вывести логически, априори из чистого разума все содержание знания и противопоставил такому рационализму не только начало эмпиризма [см.: 458, т. 1, с. 62], но и теорию познания в духе идей Якоби о непосредственном чувстве, которое будто бы лежит в основе познания как внешних предметов, так и «абсолютного существа».

Однако от полного нигилизма в отношении гносеологии классиков немецкой философии Соловьев был далек. В трактовке познавательной роли субъекта он поставил Гегеля выше Канта, поскольку у первого сняты-де перегородки между истиной и мышлением. Но Гегель как философ абсолютного рационализма впал, по Соловьеву, в самомнение, ибо у него процесс постижения истины и есть сама истина. Хотя именно с Гегелем В. Соловьев связывал окончательное падение рационалистической философии на Западе, писал об «акробатических фокусах» гегелевской диалектики, он все-таки считал, что гегелизм есть только одностороннее и отрицательное выражение истины. «Общие формулы гегелизма останутся как вечные формулы философии» [там же, с. 308].

Дух компромисса старого с новым в теории познания особенно характерен для С. Н. Трубецкого, балансировавшего «между Сциллой рационализма и Харибдой антинаучного обскурантизма», что побуждало его сочетать понятийный аппарат рационалистической философии и науки с постулатами мистического мировоззрения.

Рационалистическую, по преимуществу гносеологическую, концепцию представлял в пореформенной университетской философии склонный к неокантианству А. И. Введенский, если не считать теоретико-познавательный рационализм Б. Н. Чичерина, вынужденно перешедшего из университетской профессуры в ряды «вольных», неакадемических, философов.

Эмпирическо-сенсуалистическую линию наиболее адекватно представлял в пореформенной университетской философии М. М. Троицкий, согласно которому критическое направление в философии обязано не Канту, а Локку. Кантова же теория познания, по его мнению, — это силлогистика. «В немецкой философии с Канта, — писал Троицкий, — не существовало никаких логических методов исследования духа. Немецкая философия с Канта не сделала ни одного приметного шага вперед сравнительно с школой Бэкона и Локка, и школой Декарта и Лейбница. Немецкая философия с Канта была самым наглядным и прогрессивным извращением идей, выходивших из школ Декарта и Локка» [501, с. 632].

К этому необходимо добавить: хотя Троицкий сильно преувеличивал, когда утверждал, что «немецкая философия духа стоит, по отношению к методу, несравненно ниже не только школы Ларомигьера, Руайе-Коллара и Жуффруа во Франции, но даже и школы Кондильяка» [501, с. 127], тем не менее отсылка к специфической роли французской философии в мировой истории не могла не войти в мыслительный материал университетской профессуры.

Следует подчеркнуть одну особенность гносеологических концепций университетской философии пореформенной России: как и прежде, в ней был очень широко распространен агностицизм, обусловленный, правда, разными «источниками»: и общехристианской догмой о непознаваемости сущности божества у мыслителей, тесно связанных с религиозным мировоззрением, и идущим от Канта постулатом о непознаваемости мира «вещей в себе», и аксиомой позитивизма о доступности для познания только мира явлений. Так, у В. Соловьева философия с собственными формами познания не способна постигать «высший мир»; общение с этим миром идет мистическим путем. Л. Лопатин откровенно признавал, что философии доступна только рациональная сторона действительности. Под влиянием Канта и позитивизма Кавелин доказывал, что «безусловная истина не есть удел разума» и что неразрешима задача открыть и понять метафизическую сущность, единое начало всего сущего: познаваем только реальный мир.

Пореформенный период в истории российской университетской философии стал временем, когда еще в большей степени, чем раньше, в ней шел процесс дифференциации философских дисциплин.

Логические исследования достигли уровня, позволявшего рекомендовать их для преподавания наряду с важнейшими трудами западноевропейских логиков. При этом русские логики придерживались разных философских установок. Так, профессор Петербургского университета М. И. Владиславлев стремился соединить формальную логику с индуктивной, опираясь на идеи Бэна и Милля. Профессор Новороссийского университета в Одессе Н. Н. Ланге в логике следовал Х. Зигварту, близкому к баденской школе неокантианцев. В Казани П. С. Порецкий разрабатывал оригинальную концепцию математической логики.

В сфере **психологии** в пореформенной России выдающуюся роль в университетской науке сыграл И. М. Сеченов. «Мы не философы», заявлял Сеченов, но, не будучи профессиональным философом, он фактически внес очень большой вклад в университетскую философию, отстаивая объективный метод в физиологии и психологии, критикуя идеалистическую философию, а также позитивизм.

В своем противостоянии идеализму в психологии Сеченов был не одинок в университетской среде. Так, реалистическое или биологическое понимание психологии как объективной науки с идеей признания реального существования действительно физического мира разрабатывал профессор Новороссийского университета в Одессе Н. Н. Ланге.

Хотя университетская наука не была политически ангажированной в той степени, в какой были ангажированы концепции внеуниверситетских мыслителей, она не могла стоять совершенно в стороне от борьбы идей, проходившей в пореформенной России. Особенно это отразилось в сфере антропологии и этики.

С позиций либерального консерватизма Кавелин ратовал за *этику*, способную, по его мысли, «исправить больное место» России, «пассивность, стертость нравственной личности», ее раболепие и уничтожение, хотя при этом Кавелин «не забывал» напоминать также об этике смирения и покорности, о крепкой вере и любви к другим людям как высшему идеалу.

Другой бывший профессор, Б. Н. Чичерин, тоже с позиций либерального консерватизма и в противовес типично либеральным индивидуалистическим концепциям доказывал, что источником нравственности является общий закон, а не личные побуждения.

Либеральный консерватизм В. Соловьева и в сфере этики покоился на иной, нежели у Кавелина и Чичерина, а именно на религиозной основе. Соловьев критиковал немецкую философию за то, что она в лице Фейербаха придала «верховное значение человеку как таковому», в его субъективном, личном бытии; это также отражало оппозицию Соловьева типично либеральному индивидуализму.

В советской историографии русской философии с давних пор распространены были работы по истории *философских идей в русском естествознании*. Сверхзадачей этих работ было стремление выдвинуть на первый план материалистическое направление в русской философии и науке. Эта сверхзадача накладывала весьма мрачный отпечаток на соответствующие работы. Тем не менее многие страницы истории философских идей в русском естествознании (а оно было по преимуществу университетским), в том числе в пореформенной России, уже изучены [см.: 186, т. 3, гл. XII—XV]. Сейчас речь идет о том, чтобы в большей или меньшей степени скорректировать и дополнить проведенные исследования. Предстоит, в частности, проследить философские аспекты противостояния ряда русских естествоиспытателей дарвинизму. Так, например, профессор Петербургского университета К. Ф. Кесслер в полемике с дарвиновской идеей борьбы за существование пер-

вым из отечественных натуралистов обосновал на естественнонаучном материале «закон взаимопомощи» в природе.

В пореформенную эпоху произошли существенные сдвиги в сфере **философии права**: в первую очередь развернулось противостояние методологии, базирующейся на принципах философского идеализма, в частности, гегелевского, и «положительной методы»; спорили также о соотношении права и нравственности (является ли право частью нравственности, или право является самостоятельной сферой).

Как и в первой половине XIX в., в пореформенной России очень солидно выглядела в университетской философии **философско-историческая** проблематика.

Что касается общих философско-методологических принципов исторической науки, то здесь, как и в других сферах, главное направление связано с противостоянием методологии, покоящейся на идеалистической философской основе, и методологии более реалистической, особенно позитивистской. Против построения философии истории на «одних логических и метафизических основаниях» гегелевского типа выступал преемник Грановского и Кудрявцева С. В. Ешевский. Б. Н. Чичерин, наоборот, оставался сторонником философского идеализма и истинные начала философии истории усматривал у Канта. Л. И. Мечников радикально противопоставил всем видам идеалистической философии истории свою геосоциологическую концепцию, в которой социальное развитие и прогресс общества, развитие цивилизации зависят прежде всего от географической среды. В методологии исторического исследования профессора Московского университета П. Г. Виноградова основной стала идея анализа социально-экономических отношений как базиса объективного истолкования исторических фактов в их органической причинной связи.

Наиболее подробно, теоретически аргументированно концепцию философии истории в 80-х гг. XIX в. разработал Н. И. Кареев.

Кареев разграничил понятия «философия истории» и теория исторического процесса. Теория исторического процесса должна заниматься тем, что бывает всегда и везде, где только совершается историческая жизнь; она стремится понять, как происходят те или другие явления, и должна не сходить с почвы строго научного объективизма. Задача философии истории — задача синтетическая; она «немыслима без внесения некоторых субъективных элементов, заключающихся в оценке истории с точки зрения нашего идеала, или в наших нравственных и общественных взглядах» [195, т. 1, с. 5]. С этой точки зрения, из всех философов Кареев ставит на первое место Канта. Если античный мир был знаком с понятием прогресса умственного, эпоха христианства — с

понятием прогресса морального (Лессинг и Гердер также выдвигали на первый план прогресс), то Кант в своей «Идее всеобщей истории» (1784) советует смотреть на историю человечества как на выполнение сокровенного плана природы — достигнуть совершенного общественного устройства [см.: 195, т. 1, с. 178].

В 80—90-х гг. XIX в. сложилась историческая и социологическая концепция П. Н. Милюкова, представлявшая собой позитивистскую антитезу метафизической философии истории. При этом Милюков, продолжая и развивая позитивистскую концепцию В. О. Ключевского, дистанцировался и от националистических, по его мнению, версий философии русской истории (славянофилов, Данилевского и Леонтьева), и от этико-социологической народнической школы, и от марксизма, хотя признавал, что ближе ему «экономический материализм», нежели антропоцентрическое народническое мировоззрение.

Другое направление в философско-исторической проблематике, разрабатывавшееся в университетской философии пореформенной России, связано с великим противостоянием в истории России XIX в. (отклики которого доносятся до сих пор) западничества и славянофильства.

Славянофильской философии русской истории, правда частично и непоследовательно, противостояла концепция К. Д. Кавелина, согласно которой Россия до XVIII в. и Западная Европа развивались разными путями, противоположными по форме, но тождественными по цели, задачам, стремлениям; закон исторического развития русского общества состоит в постепенном образовании и упрочении «начала личности» и соответственно в постепенном упадке патриархального, родового строя, в исчерпании исключительно национальных элементов и сближении России с Западной Европой.

Славянофильству в философии истории противостояли и другие более или менее последовательные западники (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков и др.).

Сторонником же и популяризатором консервативно-романтической философско-исторической концепции культурно-исторических типов, типологически сходной с теорией Н. Я. Данилевского, в университетской философии стал профессор истории К. Н. Бестужев-Рюмин. Профессор В. И. Ламанский в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) обосновывал в духе теории культурно-исторических типов мысль о разных «трех мирах»: западном — германо-романском, восточно-азиатском и греко-славянском. Панславистскую концепцию философии истории пропагандировал также А. С. Будилович.

С 1863 г. в Александровском университете в Гельсингфорсе кафедре всеобщей истории занимал профессор И. Коскинен, ставший впоследствии крупным финским государственным деятелем. После знаменитого Снельмана Коскинен — главный борец за независимость Финляндии. Как и у Снельмана, у Коскинена теоретическое обоснование национальной программы во многом покоилось на философии Гегеля, что нашло отражение в его труде «Основные идеи в истории человечества» (1879).

В российской науке, начиная с М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского и др., в Петербургской АН, в частности, в Академическом университете литературоведение, филология и языкознание постепенно стали одним из главных направлений. С 1783 г. по 1841 г. в Петербурге функционировал специальный научный центр по изучению русского языка и словесности — Российская академия, преобразованная в дальнейшем во 2-е отделение, затем в отделение русского языка и словесности общей Академии наук. Соответствующие отделения действовали и в университетах.

В теориях литературы, филологии и языкознания, как и во всех научных дисциплинах, наличествовал свой философский элемент, и тем самым представители этого направления участвовали в формировании и развитии философской мысли в России.

Выше мы говорили о том, что уже в первой зарубежной энциклопедической статье о русской философии («Лексикон» Круга) в число «оригинальных философов» был включен А. С. Шишков за его работы о русском языке. Хотя Шишков как реакционный государственный деятель (министр просвещения, президент Российской Академии, член суда над декабристами и т. д.) приобрел печальную славу, даже в советской литературе признавалось, что его лингвистические идеи оказали некоторое влияние на творчество таких видных русских писателей, как А. С. Грибоедов и И. А. Крылов.

Что касается лично Шишкова, то включение его в число философов за лингвистические труды вряд ли правомерно. Однако несомненно, что такие выдающиеся российские филологи, как Ф. И. Буслаев (1818–1897), А. Х. Востоков (1781–1864), И. И. Срезневский (1812–1880), Н. С. Тихонравов (1832–1893), А. А. Шахматов (1864–1920), Ф. Ф. Фортунатов (1848–1914), А. А. Потебня (1835–1891), И. А. Бодуэн де Куртене (1845–1929) и др., внесли свой вклад в развитие философии в России, в частности в разработку философских проблем языкознания.

Так, к примеру, профессор Харьковского университета А. А. Потебня вошел в историю университетской философии как крупный специалист по философии языка, отстаивавший, опираясь на В. Гумбольдта,

тезис о том, что язык является не средством выражения мысли, не отражением мировоззрения, а средством создания мысли, средством складывания мировоззрения.

Большое значение для развития философской культуры в пореформенной России имели философско-методологические идеи российских университетских литературоведов, особенно профессора Петербургского университета академика А. Н. Веселовского, выступавшего противником философского идеализма и сторонником позитивизма в духе Бокля и Спенсера и испытывавшего известное влияние идей «экономического материализма». Эстетическую позицию, близкую к позиции своего родственника Н. Г. Чернышевского, занимал еще один незаурядный университетский ученый, либерал по мировоззрению, А. Н. Пыпин. Министр просвещения Д. А. Толстой усматривал в работах Пыпина либеральные политические взгляды и мысли, не соответствующие государственному устройству России.

Поскольку дисциплина «история философии» была, наряду с логикой и психологией, основной в системе философского образования в России, естественно, что и в самостоятельном творчестве университетской профессуры историко-философская проблематика занимала значительное место. Правда, соревноваться им с западноевропейскими авторами было трудно. Во второй половине XIX в. в Западной Европе появилось немало новых обобщающих трудов по истории философии и множество монографий по отдельным историко-философским проблемам и персоналиям.

В 1862—1865 гг. в русском переводе вышли первые тома многотомного труда профессора из Гейдельберга гегельянца Куно Фишера «История новой философии» (на языке оригинала труд выходил в 1852—1877; наиболее полный перевод на русский язык опубликован в 1901—1909 гг.). В 1864 г. под редакцией П. Д. Юркевича опубликован русский перевод часто издававшегося в Германии труда «История философии» профессора из Тюбингена, тоже гегельянца Альберта Шwegлера. В 1845—1846 гг. вышли 4 тома труда английского позитивиста Джорджа Льюиса «История философии в биографиях» (в 1867 г. изданы под заглавием «История философии от Фалеса до Конта»; издания в русском переводе: 1865, 1889, 1892 и 1897). В 1866 г. изданы два тома сочинения неокантианца Фридриха Ланге «История материализма и критика его значения в настоящее время» (русский перевод — 1881—1883 и 1899—1900 гг.). В 1862—1866 гг. появились три тома «Очерка истории философии» Фридриха Ибервега, перерабатывавшего и дополнявшего после его смерти М. Гейнце и другими авторами (русский перевод — 1890, 2-е изд. — 1899 г.). На 1894 г. пришлось изда-

ние в русском переводе «Истории философии» французского либерального философа-полупозитивиста Альфреда Фулье. В 1878–1880 гг. выходила «История новой философии» неокантианца Вильгельма Виндельбанда (русский перевод – 1902–1905), и в 1888 г. – его «История древней философии» (русский перевод – 1893, 2-е изд. – 1898 г.). И это еще не все солидные труды западноевропейских авторов, появившиеся во второй половине XIX в.

Восстанавливавшаяся после погрома 1850 г. российская университетская философия не могла противопоставить такому основательному набору западноевропейских трудов нечто равноценное и в общем и целом вынуждена была выступать в сфере истории философии, за некоторыми исключениями, в средних и малых формах.

К числу исключений относится фундаментальный труд С. С. Гогоцкого «Философский лексикон» (т. 1–4, Киев, 1857–1873) и сознательно насыщенный философским содержанием, тоже фундаментальный труд Б. Н. Чичерина «История политических учений» (ч. 1–5, М., 1869–1902).

Гогоцкий опубликовал еще ряд солидных историко-философских работ: «Обозрение системы Гегеля» (Киев, 1860); «Введение в историю философии» (Киев, 1871); «Философия XVII и XVIII веков в сравнении с философией XIX века и отношение той и другой к образованию» (вып. 1–3, Киев, 1878–1884).

Из трудов университетских профессоров более молодого поколения выделялись историко-философские труды: М. М. Троицкий. «Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка» (М., 1867; 2-е изд., перераб., т. 1–2. М., 1883); Н. Ланге. «История нравственных идей XIX века. Критические очерки философских, социальных и религиозных теорий нравственности. Ч. 1. Немецкие учения» (СПб., 1888); Н. Я. Грот. «Основные моменты в развитии новой философии» (М., 1894).

По более частным проблемам истории западноевропейской философии опубликовали работы: М. И. Владиславлев. «Зависимость немецкой философии от английской» (ЖМНП, 1867, ч. 135. № 7–9); К. Д. Кавелин. «Немецкая философия в текущем столетии» (Вестник Европы, 1868, т. 1, № 1); А. Д. Градовский. «Политическая философия Гегеля» (ЖМНП, 1870, июль).

Долгое время в пореформенной России, особенно после Устава 1884 г., имела влияние официальная «платонофильская» установка первых десятилетий XIX в. Даже профессор философии нового поколения М. И. Владиславлев счел нужным написать работу «Философия

Плотина, основателя новоплатоновской философии» (СПб., 1868). Специализировавшийся на античности профессор В. И. Модестов издал работы, посвященные истории скептицизма и эпикуреизма. С истории античной философии начал свою научную деятельность С. Н. Трубецкой («Метафизика в Древней Греции» (М., 1890)).

Одним из первых русских специалистов по истории религии и философии стран Востока стал профессор Петербургского университета, академик В. П. Васильев. Фундаментальный труд по истории буддизма, в котором затронуты также философские проблемы, опубликовал рано умерший востоковед, профессор Петербургского университета И. П. Минаев.

Вторая половина XIX в. стала временем оформления *историографии философии в России* в качестве автономной историко-философской дисциплины. Солидный материал по истории философских идей в России содержался в работах по проблемам общественно-политической мысли, гражданской истории, литературы, в таких как: А. Никитенко. «Александр Иванович Галич, бывший профессор в Санкт-Петербургском университете» (ЖМНП, 1869, № 1); Ив. Иванов. «История русской критики» (ч. 1–2. СПб., 1898); Д. И. Багалей. «Удаление профессора И. Е. Шада из Харьковского университета» (Харьков, 1899). Много материала по истории философии в России содержится в трудах по истории русской общественной мысли А. Н. Пыпина и в работах по истории культуры в России П. Н. Милюкова.

В 90-х гг. XIX в. появилась целая серия работ по истории философии в России, принадлежащих перу университетских деятелей и близких к ним по характеру творчества авторов: Э. Л. Радлов. «Сообщение о работе в области философии в России» (в немецком историко-философском журнале «Архив истории философии», 1890, т. III); Я. Колубовский. «Философия у русских» (Ф. Ибервег, М. Гейнце. «История новой философии в сжатом виде». СПб., 1890); Ф. Зеленогорский. «Влияние натурфилософии Шеллинга. Материалы для истории Харьковского университета» (Записки Харьковского университета, 1893, кн. 4); М. Филиппов. «Судьбы русской философии» (Русское богатство, 1894, № 1, 3, 4, 8, 9).

Несколько общих тенденций характерны для университетской историко-философской науки пореформенного периода. Хотя в историко-философских работах этого периода солидных обобщений было немного, тем не менее по сравнению с предшествующими периодами пореформенная эпоха отличается повышением методологического уровня и степени теоретических обобщений.

Особенно значительными в этом отношении выглядят труды С. Н. Трубецкого. История философии представлялась ему как органическое целое, а философская истина — как выражение множества разнообразных, даже противоположных систем — идеализма и реализма, материализма и спиритуализма, дуализма и монизма, эмпиризма и рационализма и т. д., и поэтому Трубецкой настаивал на научном изучении объективных оснований и внутренней необходимости этих отдельных форм.

В историко-философских экскурсах университетской профессуры пореформенной России роль возмутителя сыграл позитивист М. Троицкий, буквально потрясший господствовавшие представления о Германии как единственной стране философов. Усилия Троицкого по «пропаганде» английской философии Н. Н. Страхов оценил так: «До сих пор мы были на стороне немцев; г. Троицкий убеждает нас стать на сторону англичан» [477, с. 263]. «Перебежчиков» оказалось немного, но в отечественной философии пореформенного периода все-таки утвердилось более взвешенное представление о мировом философском процессе.

Русские профессора приняли участие в общеевропейском споре историков философии различных познавательных и ценностных ориентаций относительно исторической роли и значения того периода немецкой философии, который в нашей историографии, вслед за Энгельсом, стали называть классической немецкой философией, представленной именами Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. И в зависимости от того, какой философской позиции придерживался тот или иной русский университетский деятель, рисовался и философский портрет каждого из немецких философов-классиков.

Как и в Западной Европе, в России немецкую классическую философию критиковали не только позитивисты вроде М. Троицкого, но и идеалисты — сторонники той или иной версии «научной» метафизики. Иногда критика со стороны последних была весьма суровой: так, А. А. Козлов включал Фихте, Шеллинга, Гегеля и их последователей в «необузданные» «чисто спекулятивные» направления.

Из четверки немецких «классиков» роль главного университетского профессора отводили Канту. Н. Грот называл Канта создателем новейшей философии, нового метода и задач философии; от Канта, считал он, должно отправляться всякое современное философское учение. В. С. Соловьев ценил Канта за его «диалектический разбор старой догматической метафизики» и соглашался с получившим широкое распространение делением истории на докантовский и послекантовский периоды. Наиболее последовательным пропагандистом заслуг Канта перед

философией стал А. И. Введенский, первые работы которого о Канте появились в конце 80-х гг. XIX в. А наиболее непримиримым обличителем Канта и всего немецкого идеализма стал позитивист М. Троицкий, поставивший Канта во главе немецких «фантазеров». С Троицким полемизировал К. Д. Кавелин, защищая Кантов критицизм и в то же время дистанцируясь от идеализма Фихте, Шеллинга и Гегеля.

В отношении к Фихте в университетской философии пореформенного периода проявились те же две тенденции, которые обозначились в предшествующие десятилетия: как правило, Фихте относили к крайним субъективным идеалистам, лишь немногие понимали его философию глубже.

В глазах П. Д. Юркевича, философия Фихте — это учение о мышлении, не знающее никакого предмета, кроме чистой безусловной деятельности. Л. Лопатин изображал Фихте чистым субъективистом, который довел до крайностей философию Канта. С. Трубецкой считал, что Фихте первым превратил субъективный идеализм в безусловный и дедуцировал из «я» знание, нравственность, право, религию, природу и общество.

С. Гогоцкого отличает от большинства интерпретаторов Фихте стремление онтологизировать его философию: он усматривал у Фихте исходный «пантеистический монизм». М. И. Владиславлев доказывал, что свои исследования Фихте сознательно ограничивал только исследованием деятельности духа и не касался ничего объективного. Н. Ланге удалось адекватно сформулировать основной принцип Фихте: выводить из мышления не реальное бытие, но сознание о бытии внешних предметов.

Рассматривалась философия Фихте не только в онтологическо-гносеологическом ключе. Н. Н. Ланге первым в России проанализировал нравственное учение Фихте и отметил его особое место в фихтевской системе. Б. Н. Чичерин отстаивал тезис о панэтическом характере философии позднего Фихте. А. Д. Градовский весьма невысоко оценивал историческое значение философии Фихте, сведя ее к субъективному идеализму, который русский профессор считал переходной ступенью к объективному идеализму Шеллинга и к абсолютному идеализму Гегеля. Основное достоинство системы Фихте усматривалось Градовским в приложении субъективного идеализма к системе нравственной философии. Особенно же Градовский акцентировал Фихтеву «национальную идею», причем не относя ее к ординарному национализму, но пытаясь использовать ее в своей либерально-консервативной философии русской истории. (Об отношении к философии Фихте пореформенной университетской философии см. в кн.: «Философия Фихте в России». СПб., 2000, гл. 4, с. 91–104.)

Об отношении к Шеллингу в российской университетской философии второй половины XIX в. подробнее см. в соответствующем разделе коллективного труда «Философия Шеллинга в России XIX века» (СПб., 1998, с. 145–164), так что здесь на этом вопросе мы останавливаться не будем.

Огромное по масштабам влияние философии Гегеля в Западной Европе и в России ко второй половине XIX в. сменилось резким падением ее авторитета. На Западе против философии Гегеля, особенно против диалектической логики, протестовали Шопенгауэр, Ф. Ланге, Тренделенбург, Ульрици, Э. фон Гартман, Дюринг и другие философы. В России также возобладало негативное отношение к гегелевской философии, хотя некоторые русские мыслители стремились спасти «рациональное зерно» гегелизма.

Во второй половине XIX в. наиболее «бережно» отнесся к гегелевскому философскому наследию Б. Н. Чичерин. Он считал, что даже самый серьезный критик коренных начал диалектики Гегеля – Тренделенбург – все-таки остановился на поверхности. Чичерин предложил свое понимание гегелевской философии. По Чичерину, как сильные, так и слабые стороны учения Гегеля выражаются в его диалектике. «Диалектика есть развитие системы определений чистой мысли. Закон ее состоит в выводе противоположений из первоначального единства и затем в обратном сведении противоположностей к высшему единству» [550, т. 2, с. 385]. Бессмертную заслугу Гегеля Чичерин усматривал в том, что немецкий философ придал диалектике «первенствующее место в истории человеческого ума». Реагируя на очень широко распространенную во второй половине XIX в. неприязнь к диалектике, Чичерин убеждал: «Можно сказать, что без диалектики нет философии. Кто отвергает диалектику, тот не принимает первых оснований философского мышления. Ничто так не свидетельствует о современном упадке философии, как то пренебрежение, в которое диалектика впала в настоящее время» [там же].

Но диалектика Гегеля, по Чичерину, «во многом требует исправления» [там же]. К слабым сторонам диалектики Гегеля отнесены: исключительность гегелевского идеализма; неверное понимание закона развития и неправильное во многих отношениях построение системы.

Чичерин доказывал, что нужно выделять не три ступени диалектического развития, а четыре: первую составляет первоначальное единство, вторую – две противоположности, третью – конечное единство, и четвертую ступень диалектического развития Чичерин мыслил как совпадение конца развития с его началом.

Таким «исправлением» гегелевской триады, которое, правда, по сути дела мало что меняло в понимании диалектики развития, Чичерин не ограничился: он полагал неверным гегелевское разделение духа на дух субъективный, объективный и абсолютный, вносил поправки также в гегелевское толкование соотношения логики, философии природы и философии духа.

При всем своем уважении к Гегелю Чичерин не считал, что на нем «свет клином сошелся»: нельзя, писал он, крышу выдавать за все здание, имея в виду, что Гегель — это лишь завершитель большого периода немецкой философии.

Немало хороших слов высказал в адрес Гегеля и немало заимствовал у него В. С. Соловьев, но тем не менее его отношение к гегелевской философии по преимуществу негативное. По Соловьеву, основная ошибка диалектики Гегеля состоит в том, что он за исходную точку всего диалектического развития, за его логический субъект или основу берет не понятие Сущего, а понятие бытия, что означает — де отрицание трансцендентной действительности Сущего [см.: 458, т. 1, с. 316, 314]. Учение Гегеля В. Соловьев считал системой одних понятий без субъекта, в то же время обвиняя Гегеля в том, что из его учения вытекают эмпиризм и материализм...

С такой трактовкой гегелевской системы не соглашался М. И. Владиславлев. Расценивая гегелевскую философию как одно из великих зол, пережитых и переживаемых мыслью, Владиславлев тем не менее как бы защищал Гегеля, когда утверждал, что абсолютное Гегеля — это саморазвивающийся субъект, а общее между материализмом и гегелевским учением состоит только в том, что и то и другое суть монистические системы.

В число критиков гегелевской «отвлеченной» диалектики входил и профессор Варшавского университета Г. Струве, доказывавший, что диалектика Гегеля абстрагируется от опыта и индуктивного метода и покоится на анализе свертотвлеченных и неизвестных понятий.

На «Логические исследования» Тренделенбурга опирался профессор Новороссийского университета Н. Н. Ланге, когда утверждал, что диалектический метод вообще не в состоянии дать никакого нового понятия.

Свидетельством радикальных перемен в отношении к Гегелю в российской университетской философии во второй половине XIX в. является также и такой факт: в 1873 г. газета «Голос» (№ 47) сообщила, что на некоторых русских университетских кафедрах Гартман был объявлен великим и энциклопедическим, а студентам обещано, что их будут «душить на Гартмане» еще пространнее, чем «душили на Гегеле».

Изменение отношения к Гегелю во второй половине XIX в. выглядело порой довольно демонстративно. Так, если в первый период своей деятельности П. Г. Редкин своими уважительными статьями о Гегеле прослыл гегельянцем, то в начале 60-х гг. он заявил о несостоятельности философии Гегеля по сравнению с позитивной системой Конта.

И это выводит нас на позитивизм — другую важную историко-философскую проблему, которая в пореформенный период горячо обсуждалась всеми философами России, в том числе университетскими. Знаковой явилась магистерская диссертация В. С. Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивистов» (1874).

В. С. Соловьев называл позитивизм философски неосновательным и ничтожным потому, что тот не удовлетворяет-де высшему требованию человеческого ума — разумному объяснению общих законов явлений; позитивизм-де претендует только на фактическое познание явлений и их констатацию. Позитивизму Соловьев противопоставлял философию Шопенгауэра и Гартмана, усмотрев в них поворот западноевропейской философии на «правильный путь».

В защиту позитивизма выступил К. Д. Кавелин, сам, впрочем, не являвшийся последовательным позитивистом. Тем не менее Кавелин в статье под примечательным названием, отражающим суть дилеммы всей, в том числе университетской, философии в России, по крайней мере 70-х гг. XIX в., «Априорная философия или положительная наука? По поводу диссертации г. В. Соловьева» заявил, что В. Соловьев «слишком переоценивает значение и заслуги Шопенгауэра и Гартмана и несправедливо, пристрастно относится к позитивизму». «Г-н Соловьев, — продолжает Кавелин, — видит в Шопенгауэре и Гартмане зарю новой науки, нового всеобъемлющего синтеза. Мне такой взгляд кажется ошибочным. Заслуга Шопенгауэра состоит в том, что он из новых философов первый поставил творческий элемент, волю, началом философии; Гартман займет почетное место в науке за то, что он первый ввел в философию бессознательное мышление. Но и тот и другой так произвольно и бездоказательно отнеслись к этим фактам, так их исказили обстановкой, которую им придали, что эти факты, сами по себе чрезвычайно важные и многозначительные, под их пером почти утратили свой характер и самый смысл» [190, т. 3, с. 313].

В отличие от Соловьева Кавелин увидел в учениях Шопенгауэра и Гартмана «не более, как последние вспышки угасающего, отвлеченного идеализма...» [там же, с. 317].

В поле зрения отдельных представителей российской университетской философии пореформенной поры попали и материалистические течения западноевропейской философии. Европейскую известность по-

лучили историко-философские труды не только о Спинозе, Бейле, Лейбнице, но и о Фейербахе финского философа (писавшего по-шведски и по-немецки) В. Болина из Александровского университета в Гельсингфорсе. Во время пребывания в Германии Болин подружился с Л. Фейербахом и испытал большое влияние его идей. Вместе с немецким философом Ф. Йодлем Болин издавал сочинения Фейербаха.

Первым популяризатором диалектико-материалистического метода Маркса—Энгельса стал бывший доцент Университета св. Владимира в Киеве, уволившийся из Университета в силу своих либерально-демократических убеждений, Н. И. Зибер, оспоривший утверждения Ю. Жуковского о том, что в «Капитале» К. Маркса диалектический метод — это метод метафизический, априористический, гипотетический. Зибер подробно и весьма адекватно изложил взгляды Ф. Энгельса на роль Гегеля, считавшего его заключительным звеном немецкой философии, величайшей заслугой которого стало восстановление диалектики как высшей формы мышления.

* * *

В свое время В. Ф. Асмус, давая общую оценку университетской философии второй половины XIX в., вполне справедливо исходил из того факта, что разгром философского просвещения в университетах имел самые пагубные и длительные последствия не только для судьбы философии в России, но и для всего культурного развития русского общества. Даже восстановление кафедр философии не могло возместить ущерб, нанесенный русскому философскому и общему образованию их упразднением. Асмус сделал вывод: во второй половине XIX в. наблюдалось «отставание университетской философии от уровня специальных философских исследований на Западе и от философского движения в России, развивавшегося вне университетов в русской литературе и в русской публицистике» [18, с. 62].

Если с тезисом об отставании русской университетской философии от Запада трудно не согласиться, то с утверждением об отставании от внеуниверситетской философии целиком согласиться нельзя.

Вопрос заключается в том, что и с чем можно и нужно сравнивать. Я как материалист могу, скажем, вполне согласиться с тем, что материалистические взгляды Н. Г. Чернышевского, например, были более научными, более близкими к истине, чем «философия сердца» П. Д. Юркевича или философия других университетских профессоров. Но если мы абстрагируемся от вопроса о том, «что первично и что вторично», а будем рассматривать всю совокупность философских идей и филосо-

фем в творчестве внеуниверситетских и университетских профессоров и учтем, что последние работали и в сферах, в которых внеуниверситетские философы не работали или почти не работали (логика, психология, история философии и др.), то говорить об их отставании не придется.

Еще одна проблема заключается в том, что отнесение тех или иных персоналий к университетской или внеуниверситетской философии проблематично. Б. Н. Чичерин, на наш взгляд, — самый выдающийся русский философ идеалистического направления в XIX в. Лишь в первый период своей жизни он — непосредственный участник университетской жизни. В дальнейшем он — общественный деятель по преимуществу. Думается, однако, что именно изначальная университетская, профессорская выучка Чичерина сделала его философию такой, какой она была: весьма систематичной, наукообразной, непублицистичной, фактически философией университетского типа.

Аналогично обстоит дело с В. С. Соловьевым. Две диссертации, преподавание, хотя и короткое, в университете и на Высших женских курсах — это также изначальная университетская выучка, которая повлияла на общий стиль философского творчества В. Соловьева, который и в годы его внеуниверситетской деятельности сближал его с определенными течениями в университетской философии.

После Владимира Соловьева крупнейшим русским философским писателем историк русской философии М. Н. Ершов назвал Л. М. Лопатина. Б. Яковенко не столь категоричен, но вместе с С. Н. Трубецким он отводит Лопатину центральное место в русской философии. Мы бы тоже включили Лопатина в первую тройку русских философов-идеалистов. Можно в принципе согласиться со следующей общей оценкой В. Ф. Асмуса: «Русская университетская философия во второй половине XIX века дала немного оригинальных работ по вопросам “онтологии”, теоретической философии. Гораздо более обильной была продукция по вопросам логики и психологии. К тому же господство идеализма в университетской философии способствовало тому, что целый ряд важных проблем теоретической философии ставился и решался в работах, непосредственно относившихся к области психологии и отчасти логики.

С другой стороны, довольно интенсивное развитие получили историко-философские исследования...

Поскольку университетские кафедры философии заполнялись лицами, тяготевшими к разработке подлинно философских проблем, история философии и здесь — в университетах — становилась одной из наиболее культивируемых отраслей научного анализа» [18, с. 75–76].

Эта оценка, однако, нуждается в корректировке и дополнениях. Во-первых, следует расшифровать, что имеется в виду, когда говорится о важных теоретических проблемах, ставившихся в работах по психологии и логике. А ставились и решались в этих работах многие гносеологические проблемы. Во-вторых, нельзя ограничивать университетскую философию только деятельностью профессиональных философов: многие проблемы философии истории и права, этики, эстетики, антропологии и т. д. плодотворно разрабатывались в нефилософских областях университетской науки.

И последнее. Вековая исключительно трудная и переменчивая судьба философии в российском обществе, перепады в ее социальном статусе, история развития «от погрома до погрома» побуждают особенно высоко ценить общекультурное, цивилизационное значение российской университетской философии второй половины XIX в. независимо от того, в каких направлениях она развивалась и каким был ее теоретический уровень по масштабам мировой философии. В российских условиях пореформенных десятилетий университетская философия сыграла огромную культурно-творческую роль.

7

ПИК РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЭПОХУ ТРЕХ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ строй России развивался в направлении к буржуазной монархии, но реальная политическая власть до февраля 1917 г. оставалась в руках самодержавного царя и феодалов. Самодержавие являлось самым сильным, «азиатски девственным» пережитком средневекового крепостничества, внешне окрашенным в европеизированный цвет. Превращаясь крайне медленно в буржуазную монархию, оно прикрывало абсолютистский характер своей власти мнимыми конституционными формами вроде Думы, которая стала ручной после разгонов прежних неудобных. Внешне еще очень могучее, самодержавие переживало, однако, глубокий внутренний кризис.

Официальную идеологию по-прежнему фактически выражала триединая, еще уваровская формула «православие, самодержавие и народность», которая сковывала, ограничивала интеллектуальное развитие страны. Но время неумолимо подтачивало это идеологическое прикрытие абсолютизма. Мистицизм самого Николая II, влияние шарлатана и мнимого святого «старца» Распутина стали символом глубокого кризиса официальной власти и ее идеологии.

Тем не менее, по сравнению с суровым царствованием Александра III, политическая и идеологическая ситуация в стране стала более благоприятной для развития науки, культуры, общественной и философской мысли. Те крайне ограниченные свободы, которые были провозглашены во время революции 1905 г., сделали возможными появление таких направлений мысли, которые были невозможны при прежних режимах.

В конце XIX — начале XX в. философская культура в России поднялась на существенно более высокий уровень. Возрос интерес к философским проблемам. В начале XX в. в России действовал ряд философских обществ: Петербургское философское, Московское психологическое, Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева, Петербургское религиозно-философское общество, Петербургское философское собрание, Московское научно-философское общество, Мос-

ковское общество по изучению научно-философских вопросов, Московское студенческое философское общество, Московский «Философский кружок» М. К. Морозовой.

С конца XIX в. в печати отмечалось новое оживление интереса к философии. В народническом «Русском богатстве» Х. И. Житловский констатировал: «В последнее время в нашем обществе пробудился интерес к отвлеченным философским вопросам. Особенно посчастливилось при этом Гегелю и тем его ученикам (Марксу и Энгельсу), которые старались сочетать его диалектику, охватывающую области логики, теории развития и методологии, с основами материалистической философии» [137, с. 59].

Оживлению философской жизни в стране в начале XX в. способствовало тогдашнее богоискательское движение за «новое религиозное сознание», которое, как свидетельствует один из его активных участников Н. Минский, ввело в моду популярные философские дискуссии [см.: 279, с. 68–70].

Об этом же свидетельствуют тогдашние «коллективные» труды: сборник «Проблемы идеализма» (1902), куда вошли статьи С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. А. Аскольдова, С. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, Д. Е. Жуковского, а также социал-демократический сборник «Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни» (1904) (А. А. Богданов, В. Базаров, С. Суворов и др.).

Но грянули окончившаяся позорным поражением русско-японская война и первая русская революция 1905–1907 гг., и проблемы философии вновь оказались на заднем плане.

Первые годы после революции снова ознаменовались интересом к философии. Семерка бывших легальных марксистов и либералов кадетского направления свела счеты не только со своей социально-политической, но и философской совестью в знаменитом сборнике «Вехи» (1909) (Бердяев, Булгаков, Гершензон, Франк, Струве, Изгоев, Кистяковский). В ответ вышли сборники статей сторонников П. Н. Милюкова.

Социал-демократы, сторонники А. А. Богданова, выпустили два сборника «Очерки по философии марксизма. Философский сборник» (1908) и «Очерки философии коллективизма» (1909). В 1911 г. появилась еще одна примечательная книга «Философский сборник Льву Михайловичу Лопатину», в которой Е. Н. Трубецкой опубликовал статью под названием «Возвращение философии», констатировав оживление интереса к философии после «некоторого охлаждения».

Проходит еще несколько лет, и вновь появляются публикации, в которых констатируется возрождение в России интереса к философии.

«За последние годы, — пишет в 1915 г. Б. Яковенко, — благодаря главным образом предыдущей работе Л. Лопатина и кн. С. Трубецкого», а также благодаря другим подлинно философским мыслителям (Юркевичу, Чичерину, Дебольскому, Соловьеву, Каринскому, Введенскому и Лосскому), «в России замечается сильное повышение интереса к философии и значительный рост философского сознания. Минутами начинают прямо-таки чувствоваться отрадные и заманчивые перспективы» [581, с. 222].

Несмотря на то, что в конце XIX и в первые полтора десятилетия XX в. в России наблюдался рост интереса к философии и активизация философского сознания, увеличение количества философской продукции, нет тем не менее никаких оснований говорить о том, что это были годы некоего «философского ренессанса». Если и был философский подъем, то он был связан прежде всего с рационалистическими, позитивистскими и материалистическими течениями философской мысли. Что же касается русской религиозной философии этого периода, то она отнюдь не определяла общего характера философии в России рубежа XIX—XX вв.

В содержательном плане для всей европейской философии конец XIX — начало XX в. — это своеобразное смутное время, время кризиса, скептицизма, разочарования, философского эпигонства, отчаяния и распада. В целом это была эпоха декаданса, расцвета иррационализма, мистики, аморализма, прикрывавшегося именем Ницше, вульгарным толкованием его философского наследия. Этот декаданс в весьма острых формах распространился и в России.

В речи к 25-летию основания первого философского общества в России, читанной на торжественном заседании Психологического общества 21 марта 1910 г., под названием «Настоящее и будущее философии» московский профессор Л. М. Лопатин говорил: «Философия переживает очень смутную эпоху. Вл. С. Соловьев около сорока лет назад в своей первой большой работе указал, что для европейской философии наступил момент великого кризиса, что основные ее направления договорились до своих окончательных выводов и тем самым натолкнулись на неразрешенные внутренние противоречия, и что вполне уже наметились общие черты того нового философского мирозерцания, которое выведет философскую мысль из ее большого состояния внутреннего распада. Оптимистическое пророчество Соловьева до сих пор не оправдалось. Кризис затянулся; он принял даже особенно серьезный вид» [249, с. 3—4].

Примерно в таком же духе оценили положение философии С. И. Гесен, Э. К. Метнер и Ф. А. Степун в заявлении «От редакции» в первой книге русского издания международного журнала «Логос»: «Мы переживаем теперь, по-видимому, эпоху не только общекультурного, но, в частности, и философского распада. И притом не только в России, но и на Западе. Жалобы на эпигонский характер современной философии, александрийское настроение безысходности и тоски по новому, сильному, жажда порыва и системы сменяются скептицизмом, разочарованием в философии как в абсолютном, рациональном знании, сомнением в возможности синтеза и системы. Все более и более распространяющийся прагматизм является философским выражением этого состояния неудовлетворенности и сомнения в силе рационального мышления...» [93, с. 7].

Кризис в философии начала XX в. признавал также С. Л. Франк — одна из наиболее заметных философских величин среди тогдашних либералов. В 1915 г. он писал: «Философская мысль находится в настоящее время, как все это ощущают, в состоянии кризиса. Проторенные пути и методы господствующего германского направления — “критицизма” во всех его подвидах, “идеализма” и т. п. — начинают явственно ощущаться как некоторый тупик, из которого нужно выбраться и из которого осторожно, полуошупью начинает выбираться даже и сама немецкая философия» [540, с. 32]. Франк сугубо критически отнесся к тогдашним наиболее типичным вариантам «выхода» из кризиса: на путях чистого иррационализма или интуитивизма типа бергсоновского в западной философии, а в России — в возрождении «славянофильской философии, в тенденции огулом отрицать всю новую западную философию и слить философию с “восточной мистикой”» [там же, с. 33].

Сам Франк ратовал за то, чтобы «показать единство философской традиции», вскрыть «связь, которая соединяет животрепещущие разногласия и чаяния современной мысли как с проблемами классического немецкого идеализма, так и с древними, полузабытыми умозрениями Платона, Аристотеля, Плотина и платонизма эпохи Возрождения (самым гениальным представителем и вождем которого является Николай Кузанский)...» [там же].

Впрочем, стоит сказать, что к середине 10-х гг. стали появляться и оптимистические взгляды. Полемизируя с Бергсоном и Булгаковым, рационалист Г. Шпет в речи 26 января 1914 г. заявил: «Безнадежное время, когда было провозглашено “банкротство науки”, изжито, материалистическая эра, когда в философии воцарились “нищие духом”, завершена. Во всех областях научного знания и в самой философии мы

присутствуем или при радикальной ломке старого и сооружении нового, или накануне его. Период сомнения, декаданса, болезненного бессилия, апатии и квиетизма за нами! Неслыханные потрясения во всех областях естественнонаучного знания — только следствие могучего роста и обнаружения новых сил и новой жизни; увлекательнейшие порывы и все более проясняющийся свет нашего прошлого во всех областях гуманитарных наук свидетельствует о том же; проникновенное устремление философского духа, уводящее в самые затаенные глубины его, в философии, в его собственном самосознании открывает ту же черту нашего времени! И не накануне великой эпохи мы стоим, а уже в ней, в ее неуправляемом стремлении» [560, с. 8].

Одной из важнейших особенностей социально-психологической и идеологической ситуации в России конца XIX — начала XX в., которая во многом предопределила кризисное состояние также философии, стала «национализация» всей страны, в смысле превращения ее в страну с националистическими и шовинистическими настроениями в огромнейших, несопоставимых ни с каким другим периодом масштабах.

Некоторым общественным деятелям XIX в., в частности К. Д. Кавелину и Н. К. Михайловскому, показалось, что борьба западников и славянофилов потеряла смысл, однако к концу XIX в. стало ясно, что великое противостояние этих идеологических платформ не только не закончилось, но еще больше обострилось. «Московские ведомости», ставшие со временем органом черносотенства, опять заговорили о преобразовании «Петербургской Руси» в «Русь Московскую», о необходимости возврата к «историческим корням». Началось организационное оформление русского национализма. В 1900 г. возникло антизападническое, самобытническое, националистическое общество, назвавшееся «Русское собрание», поставившее своей целью провести «русскую идею» во все сферы жизни общества.

Либералы разных оттенков забили тревогу: раздались призывы оказать сопротивление «антипетровской реакции», лозунгам «назад в Москву, к Византии и монголам». Критика национализма стала одной из важных тем не только социал-демократов и других радикалов, но и многих либералов. В 1910 г. князь Е. Н. Трубецкой писал о «националистической оргии» в законодательных учреждениях и «националистической политике» в международных делах и использовал термин «нынешняя националистическая Россия» [см.: 502]. И князь был прав. Не только московский черносотенный «Союз русских людей» ратовал за «русскую национальную государственность» и «народную самобытность», за «мировое призвание России». В прокламациях «Александровской русской боевой дружины» под лозунгами «за царя, родину и

веру православную» звучали требования отразить «нашего врага, социал-демократов и жидов».

Многие крупные религиозные деятели, забыв евангельскую заповедь, которой пользовался несколькими десятилетиями раньше митрополит Филарет (В. М. Дроздов, 1782—1867), «Обходяй страны умножить хитрость» (Сир. 34, 10), толковавшуюся тогда как разрешение заимствовать «кое-что» от Запада, поскольку-де на полях Западной Европы сеются не только много плевел, но «частью прозябает и пшеница и некоторые врачебные травы», открыто заняли воинственно-антизападнические позиции.

Один из активистов «Русской монархической партии» и вождей черносотенного движения Иоанн Восторгов ратовал за «православно-русское» и «государственное» мировоззрение. Правда, «русскость» Иоанн распространял не на все сферы. Ссылаясь на «вящие пророчества славянофилов», он призывал создать «чисто-христианскую философию и культуру», сочетать начала «божественные» и «человеческие», веру и знание, плоть и дух, любовь и эгоизм, национальное и общечеловеческое, примирить Восток и Запад.

Еще один идеолог черносотенства, будущий лидер Зарубежной православной церкви Антоний Храповицкий в речах «О национализме и патриотизме», ожесточенно воюя против «космополитической подражательности», тем не менее подчеркивал, что русское народное самосознание — это самосознание не расовое, не племенное, а религиозное, православно-христианское.

Национализм деятелей типа Иоанна Восторгова и Антония Храповицкого покоился не на этническом основании, не на идее «русскости» как таковой, а на религиозно-мессианской, теократической основе. Точнее даже говорить о церковном антизападничестве изоляционизме этих деятелей.

Активно вели себя представители и еще более крайних течений в русской церкви вроде иеромонаха Илиодора (С. М. Труфанова) — лидера так называемого «Союза православного русского народа», который открыто призывал к «чистке» России от всех «внутренних врагов», в том числе от «безбожников», «злых инородцев — поляков», «жидовского быдла», «жидовского хабара» и т. д. и т. п.

Для осознания степени распространения в России конца XIX — начала XX в. национализма неплохо познакомиться также с сочинениями главного идеолога черносотенного «Союза русских людей» С. Ф. Шарпова, с его идеей о мировом призвании России; протестанта, немца по происхождению, ставшего идеологом черносотенства, В. А. Грингмута, пытавшегося соединить мессианские идеи славянофилов с национа-

лизмом Каткова и стремившегося доказать превосходство России над всеми европейскими и азиатскими государствами, а также черносотенного публициста П. Ф. Булацеля, не хотевшего «отдавать себя в услужение немцам, армянам, чухнам и евреям», клеймившего «русско-жидовскую освободительную печать», «революционных подонков», масонов, а также «немецкую дворянскую партию». Некий Г. Щечков в брошюре «О русской России» провозглашал: «Россия должна быть русской, а не чухонской или еврейской»; «Петербург — это Северная Блудница, которая кланялась чужим богам, прелюбодействовала с чужеземцами»; «не быть более Петрову творению ни *Санктом*, ни *Петерсом*, ни *бургом*».

Можно вспомнить о менее оголтелом, более тонком, более «романтически-художественном», но все-таки национализме В. В. Розанова в период его сотрудничества в газете «Новое время», М. О. Меньшикова, еще одного «нововременца»-националиста, и т. д.

Широко распространившийся в России воинствующий национализм, особенно черносотенного разлива, — это не просто факт общественного сознания какой-то части русского общества начала XX в. Это был один из определяющих факторов общественного сознания в стране. С. Ю. Витте (1849—1915), в некотором смысле примиренчески относившийся к черносотенству, усматривая в «черносотенной партии» патриотические «положительные» и «симпатичные стороны» («при нашем космополитизме»), тем не менее считал, что большинство ее вожаков — это политические проходимцы, «люди грязные по мыслям и чувствам», которые «не имеют ни одной жизнеспособной и честной политической идеи и все свои усилия направляют на разжигание самых низких страстей дикой, темной толпы». Беда России была, однако, не в этом, а в том, что черносотенная партия, по словам Витте, в душе пользуется полной симпатией царя и в особенности «несчастной для России императрицы». Николай мечтал, опираясь на эту «партию», восстановить «величие России», а уж кто-кто, а Витте знал об умонастроениях при Дворе.

В 1990-е гг. много говорилось о «реформаторстве» П. А. Столыпина (1862—1911). Стоит, однако, напомнить, что, по Столыпину, «наши реформы должны черпать свою силу... в русских национальных корнях». В своем патриотизме Столыпин соревновался с одним из лидеров «Союза русского народа» черносотенцем В. М. Пуришкевичем (1870—1920).

Выше упоминался критик русского национализма из либеральной среды Е. Н. Трубецкой. Еще более последовательным в критике национализма, особенно крайнего национализма с лозунгом «Россия для

русских», был лидер левого крыла в русском либерализме П. Н. Милюков, исходивший из тезиса: «И национализм, и социализм были принципиально враждебны либерализму как направлению космополитическому и недемократическому» [см.: 275].

Но далеко не все либералы начала XX в. придерживались такой позиции. В 1910 г. П. Б. Струве (1870—1944) опубликовал статью «Два национализма», в которой прямо противопоставил «свободный, открытый, завоевательный национализм «великой России» официальному национализму бюрократии, национализму «закрытому», «оборонительному», старого «еврейского типа» [479, с. 299]. Правда, «истинный национализм» Струве продолжал связывать с идеей уважения к человеку, отвергая наиболее дикие, агрессивные формы национализма.

Лозунг «Россия для русских» отвергал также Н. А. Бердяев (1874—1948). Выступая против «реставрации дурного славянофильства», он тем не менее исповедовал более утонченный умеренный национализм. Не желая видеть Россию буржуазной и атеистической, Бердяев ратовал за «русскую», мессианскую идею исключительного исторического призвания христианской России в мире. В начале XX в. еще более стал колебаться между западничеством и славянофильством С. Н. Булгаков, сделавший национализму гораздо больше уступок, чем Бердяев.

Если мы хотим адекватно представить философскую атмосферу в России конца XIX — начала XX в., необходимо принять во внимание также тогдашнюю ситуацию в господствующем официальном религиозном сознании. Современные апологеты «духовного», «религиозного» и «философского» ренессанса не учитывают то бесспорное обстоятельство, что этот «ренессанс» был продуктом кризиса господствующего религиозного сознания, он объединял течения и направления «диссидентско-ревизионистские». И как бы ни было распространено в интеллигентской по преимуществу среде «новое религиозное сознание», не оно определяло общий духовный климат в стране. Официальная православная церковь с ее огромным «пропагандистским» аппаратом продолжала духовно господствовать в обществе и, между прочим, во многом определять статус философии.

Исходя из основ своей доктрины, российская церковь на протяжении веков враждебно относилась к любым проявлениям сознательного, умственного, философского отношения к религиозным догматам. В сознательном отношении к вере она усматривала религиозную слепоту. Она требовала, наоборот, развивать чувство веры, поощрять «бескорыстное», «самоотверженное», попросту бессознательное отношение к ней. Церковь раздражало положение, когда у каждого «вольного пророка» возникала «новая вера», когда каждый «смел» представить себе

Бога как вздумается. Естественно, что официальная церковь ополчилась против всяких попыток создать философскую догматику православия, представить христианские «истины» истинами философского ума, дать догматике философское и систематическое изложение, создать «единую религиозно-философскую систему христианского знания», связать положения веры внутренней логической связью и т. д.

Наиболее рьяные из охранителей православия не хотели признать даже средневековой теории «двойственной истины», видя в этой «жалкой теории» лицемерие, за которым скрывается отрицание сверхъестественного. Никакого разграничения области веры и науки в деле исследования даже мира явлений они не признавали. Проповедники обскурантизма клеймили «идолопоклонников знания», фанатиков веры во «всеисцеляющую силу науки». Они призывали религиозных деятелей перейти в контрнаступление и указать наукам их «истинное и чрезвычайно скромное место» в сокровищнице человеческого духа. Они требовали от науки отказаться от выхода в трансцендентальную область. Идеальная задача науки понималась ими в истолковании свидетельств наших органов чувств и объяснении «повествований Библии». Отнюдь не рядовой, темный священник, а солидный деятель церковной иерархии, член Государственного Совета, епископ Вологодский и Тотемский Никон призывал во имя борьбы с «освободительными бреднями» вновь обратиться к старым, «столь любимым нашим народом» книгам, Часослову и Псалтыри.

С особым усердием богословы-охранители искореняли «заразу рационализма» в своей собственной «науке». Давление рационализма на официальную доктрину православия стало столь заметным, что охранители подняли буквально вопль о «преобладании» в русском богословии «католической» тенденции. Воспрянули духом и проповедники старообрядчества. Они обрушились на богословие господствующей церкви как систему, проникнутую якобы началами латинства, протестантизма и даже атеизма. С особой яростью консервативно настроенные богословы нападали на тенденцию «философизации» православия, на «спекулятивное богословие», в котором «живой Бог» религиозного сознания исчезает в тумане метафизических абстракций и превращается в «абсолют», в такие отвлеченные понятия, как «всеединство», «разум» и т. д. Они заявляли, что на прокрустовом ложе философских систем догматы веры лишаются свойственного им смысла и остаются христианскими лишь по названию; богословие же принимает вид трусливого компромисса между верою и разумом, порождающего в нем на каждом шагу неясности, колебания и противоречия. Перевести христи-

анство в рационалистические формы — это один из вернейших шагов к атеизму, считали наиболее ревностные богословы.

Охранители не очень жаловали и явно мистические «упражнения» внутри церкви и в светском богоискательстве. С их точки зрения, мистика — явление ненормальное, ибо чувство неустойчиво; в одном и том же субъекте оно может видоизменяться до бесконечности. Если чувство мало проверяется рассудком, оно весьма легко может сделаться болезненным, и тогда субъект теряет под собой реальную почву и начинает жить картинками своего собственного воображения, а не согласно учению церкви. Охранители православия подчеркивали, что церковь нуждается не в мистических построениях философствующего разума или возбужденного чувства, а в твердых и ясных программах изменения, приспособления и улучшения, предлагаемых самой церковью.

Какими бы симпатичными в глазах церкви ни казались в некоторых отношениях построения «богоискателей», апологетов «нового религиозного сознания», обновленцев, и как бы много комплиментов ни расточали отдельные деятели церкви в адрес, например, сочинителей знаменитых «Вех», церковь вполне отдавала себе отчет в том, что прочный союз с «обновленцами»-«богоискателями» невозможен, что возможен лишь временный флирт в общих интересах борьбы с революционным движением, с материалистическими, атеистическими и рационалистическими идеями. Лишь некоторые представители монархического и церковно-клерикального лагеря призывали церковь пойти навстречу светскому религиозному «богоискательскому» движению с целью овладеть им. Они не усматривали в этом движении настоящей ереси.

Преобладала точка зрения, считавшая, что «богоискательство» — это не церковное, а вне- или антицерковное движение, род опаснейшей ереси и даже «духовного блуда». «Всякая попытка вступить на “Новый путь”, — острил монархист Айвазов по поводу основного печатного органа «богоискателей» и их религиозной доктрины, — будет не “Религиею конца”, а “Концом религии”» [3, с. 31].

В движении, которое именовалось «новое религиозное сознание», или «богоискательство», действительно наблюдались явления, типологически сходные с ренессансными и реформационными феноменами в Западной Европе. Понятие «ренессанс» применительно к русской философии появилось в начале XX в., его ввел впервые С. Н. Булгаков. Очень низко оценивая состояние современной ему русской философии, Булгаков выражал надежду, что религиозно-философский ренессанс в России наступит в будущем.

По отношению к действительно ренессансно-реформационным явлениям в религиозном движении в России конца XIX — начала XX в. особые комплименты неуместны. Ведь это было по сути дела движение реформационно-ренессансного типа в пределах российского православия, оказавшегося тогда в глубочайшем кризисе. В те годы официальная церковь не только без восторга наблюдала за тогдашним «ренессансом» в своих пределах, но, наоборот, яростно ему сопротивлялась как ереси. В то же время все деятели «религиозного ренессанса» — это религиозные диссиденты, своего рода «ревизионисты», те, кто от одного берега отчалил (т. е. фактически вышел за рамки православной ортодоксии), а к другому берегу, к настоящей философии общеевропейского мирового типа и уровня, не пристал.

Не стоит преувеличивать также «самобытность» и «оригинальность» формировавшейся в период «духовного» и «религиозного» ренессанса русской религиозной философии. Во-первых, это был «XV век в начале XX-го». Давно уже замечено, что «духовный ренессанс» в России был подобен западноевропейскому ренессансу XV в. (в Италии он начался даже раньше), когда пересматривались взаимоотношения веры и знания, религии и философии. Так что в содержательном отношении формировавшаяся тогда «национально-русская», или религиозная, философия была в основных своих чертах запоздалым «повторением пройденного». Во-вторых, это ренессансное направление отечественной философии в значительной степени опиралось опять-таки на философский опыт Западной Европы, только не на классиков рационализма, а преимущественно на классиков средневековой мистики типа Бёме и новейших иррационалистов типа позднего Шеллинга. Сколько бы ни толковали о «школе Соловьева» в начале XX в. (впрочем, Булгаков прямо отвергал возможность «соловьевства» как школы), никто не докажет, что Соловьев, публично и горячо отвергавший самую возможность русской национальной философии и опиравшийся на общехристианскую идеологию и мистико-иррационалистические течения западной философии, был вдохновителем именно «национально-русского» религиозного или философского ренессанса начала XX в.

Стоит также заметить, что философы, которые в последние годы выдвигались некоторыми нашими публицистующими историками в число «классиков» «религиозно-философского ренессанса», отнюдь не очень почитались не только официальной церковью, но и философами даже идеалистического направления.

Обратим внимание на упомянутый выше список наиболее влиятельных русских философов, составленный Борисом Яковенко: в нем отсутствуют по крайней мере Бердяев, Булгаков, Эрн, Флоренский. И это не

случайно. В глазах Б. Яковенко, поименованные философы составляли малочисленное, но внутренне спаянное и согласованное движение, для которого характерно «чрезвычайное мысле- и слово-отделение» [581, с. 222]. Эти имена не только не служили для Яковенко олицетворением философского ренессанса, они, наоборот, иллюстрировали, по его мнению, «состояние философского отчаяния» [там же].

Сейчас, кажется, заканчивается наблюдавшаяся несколько лет назад эйфория в связи с искусственно раздутой «концепцией» так называемого «серебряного века», «религиозно-философского ренессанса» в России начала XX в., и наступает пора трезвого и объективного анализа всего спектра философских течений этого периода.

Мы же исходим из того, что ни «серебряного века», ни «религиозного или философского ренессанса» в том возвышенном смысле, который вкладывается в эти термины, вообще не было в конце XIX — начале XX в., хотя в эти годы по сравнению с предшествующими периодами, когда философия жила «от погрома до погрома», философская ситуация в России действительно изменилась к лучшему, особенно в количественных параметрах. Философская жизнь стала богаче, разнообразнее, и в содержательном плане философская Россия стала страной еще более европейской. В отечественной философии установился настоящий, невиданный дотоле плюрализм мысли, выразившийся в конкуренции самых разных направлений.

Изменения в общей духовной атмосфере в стране, кризис официального православного сознания, упрочение позиции обновленческих, реформационных и диссидентско-ревизионистских, «богоискательских» течений и сопротивление всему этому официальной церкви и «охранителей» противоречиво отражались на духовно-академической философии. Ситуация в духовно-академической философии конца XIX — начала XX в. определялась столкновением двух тенденций — теологически-рационалистической, направленной на «философизацию» православия, и мистической, адепты которой усматривали в философизации, в переводе христианства в рационалистические формы вернейший шаг к атеизму.

В духовных академиях не так ощущалось влияние «антифилософской партии» в православии, как вне ее стен. Но оно все-таки ощущалось. В академиях защищались диссертации, в которых ставилась под вопрос самая «правоспособность философии как науки», возможность ее согласия с другими науками и с религиозным откровением.

В 1896/97 учеб. г. в Санкт-Петербургской духовной академии студент Евгений Рождественский представил на защиту на степень кан-

дидата богословия сочинение «Православно-христианский взгляд на истинные задачи философского ведения».

Диссертант обозначил две крайности: отрицательный и положительный взгляд на возможность и значение философии. Отрицательный высказывался, по его мнению, представителями точного научного знания и позитивистами, с одной стороны, и, по словам диссертанта, «ригористическими поборниками религиозного догматизма» — с другой.

И действительно, «ригористические поборники религиозного догматизма» продолжали нападать на философию как таковую. Так, в конце XIX в. по поводу опасных для богословия успехов философии пробил тревогу публицист «Христианского чтения» П. М. Ласкеев. «С тех пор как философия из служанок богословия вновь стала царицей знания, — писал он, — ее отношение к религии приняло такой характер, с которым трудно мириться всякому искренне верующему человеку...» «Философия даже тогда, когда она не игнорирует и не третирует религию, а преклоняет перед нею колена и исповедует ее могущество, делает это с таким невозможным по отношению к религии царственным величием, что ее бывшей госпоже — богословию давно бы следовало протестовать против такого порядка вещей» [232, с. 732]. П. М. Ласкеев убежден, что прочный мир между религией и философией вообще невозможен. Почему? «Религия проповедует, что ее истины могут быть усвояемы только верою, — философия учит, что знание, основывающееся на вере, неразумно, — что разумно только то знание, которое добыто при посредстве выработанных ею, философией, методов. Очевидно, что мир при данных условиях между религиею и философией невозможен. Каждая из них претендует на место единой истинной учительницы человечества, и борьба за это царское место в той или другой форме, но, во всяком случае, неизбежно должна вестись ими до тех пор, пока одна из них не уступит место другой и не откажется от своих претензий. Пока же этого не случилось, человечеству приходится выбирать между той или другой: учиться ли истине у разумной философии или искать ее у единой спасительной религии» [там же].

П. Ласкеев рисует тяжкую дилемму человека, «который искренно дорожит религией и в то же время глубоко проникнут началами новой философии»: «Вера и рационализм — два такие несродные начала, которые, если, как показывает опыт, и могут поселиться в одном сердце, то ужиться в нем, во всяком случае, не могут» [там же].

Спасение Ласкеев видел в одном: «Философской мысли должно вновь вернуться в объятия религии, оставив заманчивые, но пагубные начала рационализма» [там же, с. 739—740].

9 апреля 1904 г. в Московской духовной академии состоялся диспут между преподавателем академии Алексеем Введенским и ректором Подольской духовной семинарии протоиереем Н. Малиновским, автором «Православного Догматического Богословия». Если Алексей Введенский ратовал за привлечение философии к делам веры, то Малиновский, ссылаясь на апостола Павла, предостерегал «от прельщения философию и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира».

В 1907 г. профессор Петербургской духовной академии и редактор «Богословской энциклопедии» Николай Глубоковский стремился доказать, что философия находится в состоянии «натуральной конкурентности с богословием» — «при внутренней разности главнейших средств, одушевляющих упований и исходных начал» [100, с. 36], что привхождение философских и теософских элементов омрачало библейскую чистоту и затемняло прозрачность библейского содержания в ущерб его натуральной целостности [см.: там же, с. 36—37]. Философскому учению, доказывал профессор богословия, история русской церкви «более всего обязана мертвенною схоластикой, которая доселе тяготее над духовною нашею наукой, литературой и школой в виде безжизненной отвлеченности» [там же, с. 37]. Не отрицая «важных услуг философии богословскому знанию», Н. Глубоковский пошел по пути минимизации роли философии в истории христианства. Древнехристианские мысли о пользе философии (Иустина Мученика, Климента Александрийского) Н. Глубоковский отнес к «философскому фаворитизму», полагая, что и в древнем христианстве преобладали обратные мнения. Вспомнил Н. Глубоковский о французском философе и поэте Ж.-М. Гюйо, который писал о некоторой взаимной противности христианства и философии. Доказывая несовместимость философии и богословия, Н. Глубоковский сослался на практику русской жизни: «У нас до сих пор не имеется религиозно-христианской философской системы, которая вполне выдерживала бы беспристрастный искус библейско-богословской критики. А на православно-русской почве не было и законченных попыток в этом направлении, и все покушения такого рода сопровождалось неудачею по причине неустранимой антиномии библейско-православных начал с рационально-философскою автономией» [там же, с. 38].

Несмотря на сопротивление «антифилософской партии», в духовно-академической среде продолжали появляться сторонники использования в богословии философии, особенно немецкой, даже идей Канта. С оглядкой на «антифилософскую партию» преподаватели философии в духовных академиях так или иначе обращались к немецкой философии, и можно сказать, что в начале XX в. некоторые направления не-

мецкой философской мысли оказали большее влияние на духовно-академическую философию, нежели в предшествующие периоды.

Профессор Московской духовной академии С. С. Глаголев писал в 1904 г.: «Автор считает себя глубоко и много обязанным Канту, и он полагает, что вся русская богословская и философская наука, русская богословская школа многим обязаны великому немецкому мыслителю. Каждому должно воздавать то, что должно. Трудно уплатить наш долг Канту» [98, с. 1–2].

Чем конкретно Кант должен был помочь богословию и религиозной философии? В философии Канта «немало доброго»: «Из четырех основных истин религии, которые обыкновенно принимаются человеческим сознанием, две Кант утверждает без колебания. Четыре истины суть бытие Божие, провидение, свобода и бессмертие человека. Относительно первой и последней Кант безусловно не выражает никаких сомнений. Он принимает и третью (свободу), но в суждениях о ней он обнаруживает неясность и какую-то неустойчивость... Вторую истину религии (провидение) Кант, по-видимому, отрицает...» [там же, с. 23]. Такой «селективный подход» к немецкой философии и философии вообще применяли другие профессора.

С Московской духовной академией связал свою жизнь богослов и философ нового поколения П. А. Флоренский. На стиле философствования Флоренского дух новейшего времени тоже сказался исключительно своеобразно: публично порицая западную философию и ратуя за философию «русско-православную», он все-таки немало заимствовал из западной науки и особенно немецкой философии. В свой мыслительный материал Флоренский включал идеи Бёме, Лейбница, Вольфа, Мендельсона, Канта. Поскольку Флоренский особенно высоко ценил идею противоречия, антиномизма, полагая, что «мир познаваемый надтреснут», на «золотую доску истории антиномизма» он нанес вслед за великими именами Гераклита, элейцев и Платона также «глубоких и творчески мощных представителей антиномизма» – Николая Кузанского, Гегеля, Фихте, Шеллинга [см.: 534, т. I, ч. 1, с. 156]. Не чурался Флоренский и некоторых новейших немецких идей, заимствуя их, например, у немецкого математика Г. Кантора, родоначальника теории множеств, у которого он усматривал «религиозный материализм», из «философии техники» и даже у главы марбургской школы неокантианства Г. Когена.

Наряду с диссертациями, написанными в духе «антифилософской партии», в духовных академиях защищались диссертации, в которых немецкая философия анализировалась. Так, в диссертации на, казалось бы, сугубо религиозную тему «О значении самопознания и самоиспы-

тания по святоотеческому учению», представленной в самом конце XIX в., «идея самопознания» рассматривалась в философии Сократа и Платона, в критической философии Канта и в «философско-метафизических построениях Фихте, Шеллинга и Гегеля» [543, с. 324].

Поскольку конец XIX — начало XX в. ознаменовались в России массовыми общественными и политическими движениями консервативно-го, либерального, демократического и социалистического толка, что проявилось особенно демонстративно в трех русских революциях, постольку в это время получили широкое распространение самые разные направления «вольной», неакадемической, внеуниверситетской философии.

Версию *консервативно-романтического философствования* представлял в конце XIX — начале XX в. В. В. Розанов со своими экстравагантными сочинениями, пронизанными разрозненными философемами по антропологии и «метафизике» пола.

С проповедью «нового религиозного сознания» выступал Д. С. Мережковский, организовавший вместе с Розановым в 1911 г. Религиозно-философские собрания в Петербурге и ставший одним из ведущих деятелей «богоискательства».

Насколько был неоднороден социально-политический *русский либерализм* с его левыми и правыми крыльями и соответственно «центром», настолько неоднородными были философские концепции, служившие теоретическим основанием той или иной версии либерализма и его паралиберальных и квазилиберальных модификаций. Типичным представителем так называемого нового либерализма в России конца XIX — начала XX в. был П. Н. Милюков, оставивший профессорскую карьеру и ставший вождем левых кадетов. Типичной форме милюковского социально-политического либерализма соответствовала его философская позиция: Милюков был последовательным позитивистом, непримиримым противником всякой философской метафизики, критиком как спекулятивного идеализма, так и материализма.

Рационалистическо-позитивистские тенденции в русском либерализме рубежа XIX—XX вв. преобладали в мировоззрении ряда входивших в либеральный лагерь университетских профессоров, сочетавших свою научную деятельность с активной общественной и политической работой. Так, кадет С. А. Муромцев совмещал в социологии биологизм с психологизмом. Одним из крупнейших идеологов либерализма начала XX в. был историк и социолог-позитивист М. М. Ковалевский. Еще один профессор истории, Н. И. Кареев, мыслил в духе этико-социологической школы, близкой в сфере чистой теории к народнической субъективной социологии, но политически ориентированной иначе.

Нетипичную форму либерализма представляли существенно отличавшиеся от миллюковского типа деятели, начинавшие в 90-х гг. XIX в. с либерализма в форме «легального марксизма», а затем эволюционировавшие, правда, в разном темпе, в разных формах и в разной степени *от либерализма к консервативному либерализму*, а некоторые — *к либеральному консерватизму* в сфере социально-политической, а в сфере философской — к той или иной разновидности философского идеализма, вплоть до религиозной философии у некоторых. Речь идет о П. Б. Струве, Н. А. Бердяеве, С. Н. Булгакове, С. Л. Франке, П. И. Новгородцеве и других деятелях, мировоззрение которых особенно ярко проявилось в сборниках «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909).

Свой своеобразно толкуемый либерализм и отход от него эти деятели связывали с разными философскими концепциями. Если Франк (а также Струве) на протяжении всех предоктябрьских лет негативно относился к возрождению «славянофильской философии» и к огульному отрицанию всей западной философии (а Франк даже написал специальную статью против национализма в философии), то Бердяев и Булгаков с 10-х гг. XX в. радикально отошли даже от своего либерализма и рационалистических философских принципов конца XIX в. и резко пошли навстречу философии славянофильского типа, правда, Бердяев в меньшей степени, чем Булгаков.

В течениях демократического направления были свои философы. Крупнейший философ эсеров В. М. Чернов разрабатывал, по примеру Михайловского и Лаврова, антропоцентрическую систему, которая была бы одновременно философией действительности и философией действия, в которой сливались бы воедино реальное и идеальное, объективное и субъективное, теоретическое и практическое. Симпатизируя позитивизму, Чернов толковал его расширительно, включая в него эмпириокритиков и неокантианцев, склонных к «реализму». Отсюда его симпатии к «реалистам» Лаасу, Герингу, Рилю, хотя он не обходил своим вниманием также «имманента» Шuppe.

Главный теоретик анархизма начала XX в. П. А. Кропоткин стремился к созданию так называемой синтетической философии, которая охватывала бы все явления природы и общества и также служила бы философией действия.

Очень противоречиво складывалась философская атмосфера в среде российских социал-демократов. С оформившейся в начале XX в. школой диалектического материализма Г. В. Плеханова (Л. И. Аксельрод (Ортодокс), А. М. Деборин) единым блоком против сторонников неокантианства в западноевропейском и российском социал-демократическом движении выступил В. И. Ленин. Затем сторонники диалекти-

ческого материализма, включая Плеханова и Ленина, провели общую кампанию по критике увлечений идеями австрийца Э. Маха и швейцарца Р. Авенариуса, а также их немецких последователей (Й. Петцольдт) в среде российских социал-демократов (А. А. Богданов, А. В. Луначарский, В. Базаров, Н. Валентинов, П. Юшкевич). Постепенно, однако, в понимании и истолковании философского наследия К. Маркса и Ф. Энгельса стали накапливаться принципиальные различия между В. И. Лениным и школой Г. В. Плеханова. Эти различия вполне раскрылись уже в советское время и во многом определили атмосферу, в которой развивалась в 20-е гг. молодая советская философия.

Для того, чтобы оттенить специфическое место университетской философии в общем философском процессе в России конца XIX — начала XX в., обратим внимание еще на одно обстоятельство. Профессор Е. Бобров, признавая, что в начале XX в. в России наблюдался рост интереса к философии, считал, что «этим успехом своим философия была бы обязана не цеховым мастерам философии, а вольной братии — журналистам, из числа которых многие в течение долгих лет упорно пропагандировали в популярной форме то или другое философское направление и постепенно расширяли круг своих читателей и почитателей» [42, с. 193]. Во внеуниверситетской среде, писал далее Бобров, «как и прежде, так и теперь интересуются, собственно говоря, не главным ядром философии, не гносеологиею, логикой или метафизикою, а преимущественно ее прикладными, вторичными или выводными из нее науками, как-то: этикою, политикою, экономикою, социологиею и т. д.» [там же].

В сущности, так было всегда и везде: внеуниверситетская философия была главным образом «прикладной», обосновывавшей отдельными философскими аргументами те или иные общественные и политические движения, а университетская философия всегда была институционализированной, профессиональной, выступавшей и в преподавании, и в самостоятельном творчестве профессуры в виде той или иной системы.

Изложенное выше составляет фон и контекст развития университетской философии в России конца XIX — начала XX в.

* * *

В конце XIX — начале XX в. университетская жизнь России складывалась исключительно сложно. С 90-х гг. все более и более усиливалось движение за академические свободы и самоуправление, отмененные Уставом 1884 г. На этой почве происходили студенческие волнения.

В движении участвовали либерально и демократически настроенные профессора. Некоторые в знак протеста против политики властей покидали университеты. В 1905—1906 гг. университеты добились некоторого расширения своих прав по самоуправлению (в частности, выборными стали ректоры и деканы), но в основном продолжал действовать реакционный Устав 1884 г.

В этих условиях правительство не спешило с открытием новых университетов, проводило утилитарную политику в сфере высшего образования, ориентируясь на специальные учебные заведения.

В 1912 г. Николай II в резолюции, наложенной на заключение Совета Министров о развитии высшей школы в России, заявил: «Я считаю, что Россия нуждается в открытии высших специальных заведений, а еще больше в средних технических и сельскохозяйственных школах, но что с нее достаточно существующих университетов». Правда, в 1916 г. идея открытия новых университетов появилась вновь. На докладе нового министра народного просвещения П. Н. Игнатьева появилась царская резолюция: «Весьма полезно было бы учредить университеты и другие высшие специальные учебные заведения по примеру Англии в более крупных городах».

В 1907 г. в стране было 10 университетов (Петербургский, Московский, Харьковский, Киевский, Одесский, Казанский, Варшавский, Юрьевский (б. Дерптский), Томский и Гельсингфорский). В университетах (помимо Гельсингфорского) насчитывалось чуть менее 600 обычных и экстраординарных профессоров и чуть более 600 штатных и приват-доцентов; студентов было менее 32 тыс.: в Петербургском и Московском университетах — примерно по 8 тыс., в Киевском — 4 тыс., в Харьковском — менее 3,5 тыс., в Казанском и Одесском — менее 3 тыс., в Юрьевском — менее 2 тыс., в Томском — 740, а в Варшавском в 1907 г. училось всего 14 студентов. Хотя и медленно, высшее образование в России развивалось. В 1914—1915 гг. в России числилось уже 105 вузов (127,4 тыс. студентов).

После значительного перерыва в начале XX в. возобновилась работа Высших женских курсов, появилось немало новых: начали действовать около 30 курсов с преобладанием программ университетского типа. Некоторые вузы и курсы стали новыми центрами философского образования в стране.

В первые два десятилетия XX в. судьба некоторых российских университетов очень изменилась. Во время революции 1905—1907 гг. особенно пострадал *Варшавский* университет: в течение нескольких лет он вообще был закрыт. Правда, российское правительство продолжало считать Варшавский университет «своим»: в начале 1907 г. Совет Ми-

нистров признал, что Варшавский университет, помимо своего ученого и просветительного значения для края, является прежде всего учреждением государственным, удовлетворяющим потребности просвещения всей империи [см.: 58, с. 37].

Первая мировая война внесла в историю Варшавского университета радикальные перемены. В июле 1915 г. университет эвакуировался в Москву, но там не устроился. Из разных вариантов нового пребывания выбрали Ростов-на-Дону, куда приехало 724 студента, а к февралю 1916 г. было принято еще 1245 человек. Два года университет работал в Ростове под прежним названием «Варшавский», хотя в ноябре 1915 г. немецкие оккупационные власти открыли в Варшаве университет с преподаванием на польском языке.

5 мая 1917 г. Временное правительство приняло решение об учреждении на базе прежнего Варшавского *Донского* университета, который стал впоследствии *Ростовским*.

Война изменила и судьбу *Юрьевского* университета. В ноябре 1915 г. совет Юрьевского университета принял решение об эвакуации. Оказавшись в Перми, университет первое время работал как филиал Петроградского университета, а с 1917 г. стал самостоятельным *Пермским* университетом. На 1 января 1917 г. в университете обучалось 562 человека, а на 1 февраля — 1430, за счет других закрывшихся вузов страны.

Что же изменилось и что осталось неизменным в философской жизни российских университетов в эпоху, драматизм которой вылился в три революции за десять с небольшим лет? Начнем с *Петербургского университета*.

Здесь ведущим философом, со званием исправляющего должность экстраординарного, затем ординарного профессора, потом заслуженного профессора оставался А. И. Введенский, читавший курсы истории древней и новой философии, психологии, логики. С появлением в программах университетов курса «Введение в философию» читал также курс «Логика в связи с введением в философию». Вел семинары по гносеологии Юма и Канта, философии Шопенгауэра, этике Канта и Шопенгауэра. Пособиями в курсах Введенского служили: по истории философии — соответствующие сочинения Виндельбанда, Целлера, К. Фишера, по психологии — Рибо, Гёффдинга, Джемса; по логике — Милля, Минто, Джевонса; рекомендовал Введенский также свой труд «Логика как часть теории познания»; по психологии — свой же труд «Психология без всякой метафизики».

За приват-доцентом, а с 1914/15 учеб. г. экстраординарным профессором И. И. Лапшиным числились «спецкурсы»: «Судьбы критической философии», «История педагогических теорий», «Философия XIX века

(история проблем)», «История древней философии», «Введение в эстетику (об отношении эстетики к психологии, теории познания, этике и метафизике)», «Философия Канта», «Гегель и новейшая немецкая философия», «Психология», «Общий курс логики». Семинары у Лапшина: «Критика чистого разума» и «Критика практического разума» Канта, по истории скептицизма и по теории познания и психологии мышления (Риккерт, Кассирер, Гуссерль), по новокантианству (Марбургская школа). В курсе критической философии Лапшин опирался на труды Узвеля, Гамильтона, Уатсона, Кэрда, Магаффи, Монка, Ф. Ланге, Когена, Либмана, Штадлера, Ренувье и др. В курсе истории педагогических идей рекомендовались сочинения: Compaugé G. «Histoire critique des doctrines de l'éducation en France depuis le seizième siècle»; «The Great educators» edited by N. Murray Butler. N. Y. В курсе «Философия XIX века (история проблем)» пособиями служили: Гёффдинг. «История новейшей философии»; Falckenberg. «Geschichte der neueren Philosophie» (в программе было указание: «Ни в коем случае не русский перевод Иноземцева»); А. Ланге. «История материализма»; Windelband. «Geschichte der neueren Philosophie»; Йодль. «История этики»; Bosanquet. «History of aesthetics». В курсе новейшей философии – сочинения Виндельбанда, Гёффдинга, Форлендера, А. Ланге, К. Фишера, Эрдмана и др. Пособия по курсу эстетики: «History of Aesthetics»; Knight. «Philosophy of Beautiful»; Fechner. «Vorschule der Ästhetik»; сочинения Лотце и Гартмана. В лекциях по психологии Лапшиным использовались сочинения Джемса и А. И. Введенского.

Приват-доцент, а с 1916 г. экстраординарный профессор (сверх штата) Н. О. Лосский читал лекции на темы: «Философия психологии», «Логика», «История новой философии», «Современные теории познания», «Марбургская школа трансцендентального идеализма (Коген, Наторп, Кассирер)», «Введение в философию (главным образом в онтологию и этику)», «Фихте, Шеллинг, Гегель», вел семинары: «Основные спорные вопросы логики», «Система философии Лотце», «Система логики Милля», «Философская система Лейбница», «Эмпириокритицизм Авенариуса» и др.

Приват-доцент В. М. Каринский читал лекции на темы: «Вопрос о познании в новой философии до Канта» и «Вопрос о познании в новейшей философии (после Канта)». Вел семинары и просеминары по «Критике чистого разума» Канта, «Государству» Платона, «Метафизическим размышлениям» Декарта, «Этике» Спинозы, по «Рассуждению о метафизике» Лейбница.

Приват-доцент А. И. Гребенкин читал лекции: «История философии XIX века: Гегель и его школа», «Герbart и Шопенгауэр», «История кри-

тицизма», «История философии XIX века (история проблем)», «История новой философии второй половины XIX века», «Основные проблемы современной логики». Пособия Гребенкина по истории философии: К. Фишер, Виндельбанд, Ланге, Йодль, Гёффдинг, A. Riehl. «Der philosophische Kritizismus. Geschichte und System»; O. Liebmann. «Kant und die Epigonen»; Goering. «System der Kritischen Philosophie», II Teil; Каринский. «Критический обзор последнего периода германской философии». Семинары и просеминары Гребенкина: Лейбниц. «Рассуждения о метафизике»; Беркли. «Трактат о началах человеческого знания»; Юм. «Исследования о человеческом разумении». Вел этот преподаватель также практические занятия по сочинению Канта «Прологомены ко всякой будущей метафизике»; по 1-й части «Энциклопедии философских наук (логика)» Гегеля и «Метафизике» Аристотеля.

Приват-доцент Л. Е. Габрилович читал лекции: «Имманентная философия», «Введение в философию естествознания», «Введение в философию точных наук», «Введение в философию математики», «Филон Александрийский и предшественники неоплатонизма» и др. Пособия Габриловича: Sigwart. «Logik», 2 Bd.; Wundt. «Logik», 2 Bd.; А. И. Введенский. «Опыт построения теории материи...», P. Natorp. «Die logischen Grundlagen der exacten Wissenschaften»; J. Tannery. «Introduction à la théorie des fonctions d'une variable». В числе пособий и труд самого преподавателя: L. Gabrilovitsch. «Über mathematisches Denken» (Berlin, 1913). В соответствии с «профориентацией» Габриловича были и проводившиеся им практические занятия по разбору сочинения Ньютона «*Philosophiae naturalis principia mathematica*».

До своего отъезда в Варшаву пару лет поработал в Петербургском университете приват-доцент В. А. Фляксберг, читавший лекции на тему «Обоснование математики в критической философии», а также лекции по психологии и теории познания.

Приват-доцент, затем исправляющий должность профессора С. И. Поварнин сочетал чтение лекций по философии религии и темам «Эллино-римская философия. Этический период» и «Эллино-греческая философия. Религиозный период» с практическими занятиями по «прикладной логике». В лекциях опирался он на пособия: Н. Pitter. «*Historia philosophiae Graecae*»; Diels. «*Die Fragmente der Vorsokratiker*»; Zeller. «*Die Philosophie der Griechen*»; М. И. Владиславлев. «Философия Плотина».

Приват-доцент П. И. Вознесенский вел курсы: «История схоластики», «Век Возрождения в философии», «Философия отцов церкви», «Картезианская философия», «Идеализм в философии нового времени (исторический очерк и критическая оценка идеализма)». Его пособия по ис-

тории схоластики: Stöckl. «Geschichte der philosophie des Mittelalters». Bd. I—III, 1864—1866; Hauréau. «Histoire de la philosophie scolastique», t. I—II, 1872—1880; Виноградов. «Книга для чтения по истории средних веков», вып. I—IV, 1899. По веку Возрождения: Carrière. «Die Weltanschauung der Reformationszeit», 1887; Фойхт. «Возрождение классической древности», 1884; Корелин. «Ранний итальянский гуманизм». М., 1892. По философии отцов церкви: Ritter. «Die christliche Philosophie», 1853; Stöckl. «Geschichte der christlichen Philosophie zur Zeit der Kirchenväter», 1891; Скворцов. «Философия отцов и учителей церкви», 1868. По картезианской философии: Bouillier. «Histoire de la philosophie cartésienne»; Ollé-Laprune. «La philosophie de Malebranche»; Любимов. «Философия Декарта»; Фулье. «Декарт» и др.

Из списков рекомендуемой к различным философским курсам литературы видно, как постепенно в эти списки включались сочинения русских авторов. Но только в 10-х гг. XX в., несмотря на предшествующие и современные оживленные дискуссии по предметам русской философии, в университетской программе по философии появилась тематика, которую с оговорками можно назвать первым курсом по *истории русской философии*. За П. И. Вознесенским числился курс «Философия религии в России». В качестве пособий назывались: богословские сочинения А. Хомякова, В. Соловьева, сочинения Л. Толстого, а также Голубинского, Кудрявцева, Алексея Введенского и др. Кроме того, рекомендовались работы Милюкова по истории русской культуры, Незеленова о Новикове, работы Пыпина по истории общественных движений и литературе в России, а чуть позднее вместо работ Незеленова и Пыпина был включен двухтомник Мережковского «Толстой и Достоевский».

Несомненно важным событием в философской жизни Петербургского университета стали курсы по методологии истории приват-доцента, ставшего впоследствии академиком, А. С. Лаппо-Данилевского. Курс, первоначально называвшийся «Основные принципы обществоведения», опирался на пособия: W. Wundt. «Logik»; J. Mackenzie. «An introduction to social philosophy». Glasgow, 1890; G. Zimmel. «Die Probleme des Geschichtsphilosophie». Leipzig, 1892; R. Stammler. «Wirtschaft und Recht», 1896.

К середине 10-х гг. XX в. в Петербургском университете в качестве приват-доцентов появилось несколько новых преподавателей философии.

С. Л. Франк читал лекции «Введение в философию (гносеология и онтология)» и «Социальная философия» и вел семинар по «Этике» Спинозы.

В. Э. Сеземан читал лекцию «Этические учения древности (от Сократа до Плотина)» и вел семинары: «Этические сочинения Платона, Аристотеля и Плотина», «Критика способности суждения в связи с новейшими эстетическими теориями» и др.

С. И. Гессен читал лекции: «Кант» и «История педагогических систем в связи с общей историей философии». Вел семинары: «Философия А. Бергсона», «Проблема иррационального в современной философии» и практические занятия «Этика Канта (в связи с философией религии)».

При кафедре всеобщей истории Л. П. Карсавин читал лекцию «История мистики в Средние века». С. А. Алексеев читал «Введение в философию».

По различным отраслям психологии (педагогическая, физиологическая, патологическая) лекции читали приват-доценты А. П. Нечаев, А. А. Крогиус, В. М. Нарбут, Г. Я. Трошин, С. А. Суханов. Психологи также опирались главным образом на иностранные труды: Н. Schiller. «Handbuch der praktischen Pädagogik». Leipzig, 1884; W. Wundt. «Grundzüge der physiologischen Psychologie». Leipzig, 1893; Messer. «Psychologie», 1914. Но рекомендовались и отдельные пособия русских авторов, например, работа С. А. Суханова «Патологические характеры» (1912).

Философско-правовая дисциплина в Петербургском университете в начале XX в. представлена именами Л. И. Петражицкого, М. А. Рейснера, В. В. Святловского, В. В. Степанова, которые вели курсы по энциклопедии и истории философии права.

В сфере **истории восточной философии** основную роль играл Ф. И. Щербатской, читавший, в частности, курс «Введение в индийскую философию».

Удалось собрать некоторые сведения о том, как петербургские преподаватели философии участвовали в преподавании философии вне университета.

На Петербургских высших женских курсах слушателей было немало. С 1882 по 1908 г. их окончили 2682 женщины [83, с. 73]. В конце XIX — самом начале XX в. философия на курсах преподавалась в скромных объемах. Молодой тогда приват-доцент И. И. Лапшин читал курс теории познания и необязательный курс истории философии.

В 1907/08 учеб. г. обучение философии велось уже по расширенной программе: читались циклы лекций: энциклопедическое введение, логика, психология, история философии и спецкурсы по теории познания, этике, эстетике, истории педагогических учений и др.

С 1896/97 учеб. г. преподавание философии совмещалось с преподаванием истории педагогических теорий с целью связать философские

познания с проблемами воспитания. Так, например, И. И. Лапшин включил в свой курс историю педагогических идей (главным образом Платона и Аристотеля), педагогические учения XVII в., Руссо, энциклопедистов, Канта, теории XIX в.

Влияние университетских преподавателей философии на своих слушательниц проявилось в участии последних в популяризации философии, а именно курсистками были переведены сочинения: «Психология» Титченера и «Привычка и инстинкт» Моргана (обе работы перевела М. В. Чепинская); «Риторика» Аристотеля и раздел «Философия Канта» из «Истории новой философии» Виндельбанда (Н. Н. Платонова), «Критика новейших систем морали» Фулье и «Умственное и нравственное воспитание ребенка» Компейре (Е. И. Максимова и О. П. Конради); «Аффективная память» Рибо, «Воображение и память» Кейра, «Введение в экспериментальную психологию» Бине, Анри, Филиппа и Куртье (все работы в переводе Е. И. Максимовой); «История древней философии» Виндельбанда (перевод под редакцией А. И. Введенского выполнили М. М. Замяткина, М. И. Яроцкая, Е. В. Лаврова, Е. И. Максимова, А. К. Леман, Е. П. Иолшина, Л. А. Данилова, Е. И. Липкина); «История новой философии» Виндельбанда (переводчики Е. И. Максимова, В. М. Невежина, Н. Н. Платонова); «Первые шаги греческой науки» Таннери (работу перевели Н. И. Польшина и С. И. Церетели в сотрудничестве с Э. Л. Радловым и Г. Ф. Церетели и под редакцией А. И. Введенского); «Méditations» Декарта (В. М. Невежина); «Исследование о человеческом разумении» Юма (С. И. Церетели) [83, с. 6].

Некоторые бывшие слушательницы курсов остались верны философским увлечениям студенческих лет и опубликовали статьи в журналах, в том числе в журнале «Вопросы философии и психологии».

В отличие от Петербургского университета, где на рубеже XIX—XX вв. не произошло особых кадровых изменений, среди ведущих преподавателей философии в **Московском университете** такие изменения произошли. В 1899 г. один за другим ушли из жизни профессора М. М. Троицкий и Н. Я. Грот, которые до этого вели основные курсы логики и психологии. На первые роли вышли Л. М. Лопатин и С. Н. Трубецкой.

Л. М. Лопатин читал курсы древней и новой философии, в 1894/95 учеб. г. запланировал «для желающих» новый курс «Введение в философию», а с 1899/1900 учеб. г. стал читать психологию. В курсе истории древней философии пособиями служили работы Целлера, Виндельбанда и Шwegлера; в курсе истории новой философии — Ибервега—Гейнце, Фалькенберга, Виндельбанда, в курсе психологии — не-

мецких философов Вундта, Гёффдинга, основоположника прагматизма американца У. Джемса, англичанина Джемса Сёлли, французского психолога-спиритуалиста Жоржа ФONSEГРИВА с его книгой «Элементы психологии» (1900). В курсе «Введение в философию» Лопатин опирался на свою работу «Положительные задачи философии» и книгу Г. Струве «Введение в философию» (1890).

С. Н. Трубецкой вел курсы древней философии, опираясь на Целлера, Гомперца, Дильса и свои разработки. В 1895/96 учеб. г. факультет рекомендовал ему вести курс «Философия отцов Церкви» (по соглашению со слушателями) с пособиями: Joh. Huber. «Die Philosophie der Kirchenväter» (München, 1859); Alzog. «Grundriss der Patrologie» (Freiburg; Berlin, 1876); Bardenhewer. «Lehrbuch der Patrologie» (München, 1895). В расписании лекций С. Н. Трубецкого значились еще темы: «Платон и Аристотель», «История христианской мысли в первые века» и «Религия древних греков». Читал он и лекции по истории новейшей философии с опорой на Виндельбанда, Фалькенберга и Куно Фишера. Среди пособий для семинара по философии истории у Трубецкого фигурируют труды француза Carreau «La philosophie de l'histoire en France» и «La philosophie de l'histoire en Allemagne», шотландца Flint'a «Vico» (Edinburgh, 1885) и немца Bernheim'a «Lehrbuch der Historischen Methode» (1889).

Во второй половине 90-х гг. XIX — начале XX в. в Московском университете продолжал работать приват-доцент А. С. Белкин, читавший лекции по «Философии Платона и Аристотеля», «Истории средневековой философии» (опираясь на сочинения Ибервера и Виндельбанда, а также на труд Haureau «Histoire de la philosophie scolastique» (1872). В лекциях по логике Белкин использовал сочинения М. Троицкого, Д.-С. Милля, В. Минто, Зигварта, Вундта.

В расписании занятий на 1903/1904 учеб. г. значился курс (для желающих) приват-доцента В. Н. Ивановского «Введение в философию» с пособиями: Кюльпе. «Введение в философию» (СПб., 1902); Вундт. «Введение в философию» (М., 1902); Паульсен. «Введение в философию» (М., 1898); Hans Cornelius. «Einleitung in die philosophie» (Leipzig, 1903). Неизвестно, прочитал ли Ивановский этот курс, но важен сам факт внесения время от времени в расписание Московского университета темы «Введение в философию», которая по самой природе расширяла рамки преподавания философии за пределы истории философии, логики и психологии.

С 1905 г. к преподаванию философии в Московском университете стал привлекаться приват-доцент Д. В. Викторов, который предложил принципиально новую тему «Очерк современных учений о познании»

(сначала для желающих). И пособия у него были «оригинальные»: E. Mach «Analyse der Empfindungen» (Jena, 1900); R. Avenarius. «Kritik der reinen Erfahrung» (Leipzig, 1888–1890); «Der menschliche Weltbegriff» (Leipzig, 1891); Schuppe. «Grundriss der Erkenntnistheorie und Logik» (Berlin, 1894); Schubert-Soldern. «Grundlagen einer Erkenntnistheorie» (1884).

С 1907 г. основные курсы по философии в Московском университете стал вести Г. И. Челпанов, переехавший в Москву из Киева. При нем в качестве приват-доцента работал Г. Г. Шпет. В 1913 г. университет закончил Ф. Ф. Бережков, он был оставлен на кафедре философии и тоже начал читать лекции по философии.

К концу 1917 — началу 1918 г. с историко-филологическим факультетом была связана уже весьма большая группа философов и психологов: Л. М. Лопатин, Г. И. Челпанов, П. П. Блонский, А. П. Болтунов, Б. Н. Бобынин, Д. В. Викторов, Н. Г. Городенский, А. П. Казанский, П. Ф. Каптерев, А. А. Козлас, К. Н. Корнилов, А. И. Огнев, М. П. Половцев, И. В. Попов, М. М. Рубинштейн, Н. В. Самсонов, В. Е. Смирнов, Г. Г. Шпет, А. М. Щербина, В. М. Экземплярский.

Солідные с точки зрения философской подготовки и отдачи для философии силы накопились также на юридическом факультете: П. И. Новгородцев, Б. П. Вышеславцев, Е. Н. Трубецкой, Н. Н. Алексеев, И. А. Ильин, С. Аствацатуров, С. Ф. Кечекьян, С. М. Роговин, А. А. Рождественский, Н. В. Устрялов. С 1906 по 1911 г. на факультете работал видный юрист-позитивист Г. Ф. Шершеневич. С оригинальной темой фигурировал в расписании занятий В. А. Савальский: «История философии права. Проблема социализма и анархизма в критической философии Марбургской школы».

И. А. Ильин упоминается в литературе, как правило, под рубрикой «гегельянец». Вот как выглядели его курсы 1912/13 учеб. г.: «Введение в философию» с пособиями: Челпанов. «Введение в философию» (3-е изд. Киев, 1907); Ф. Паульсен. «Введение в философию» (перевод с 5-го изд. М., 1904); Роджерс. «Краткое введение в историю новой философии» (М., 1903); Гёффдинг. «Современная философия» (М., 1907); А. Риль. «Введение в современную философию» (М., 1903). На 1915/16 учеб. г. Ильин запланировал «Введение в философию права» (необязательный курс) с пособиями: Н. Лосский. «Введение в философию»; Вл. Соловьев. «Критика отвлеченных начал»; Э. Гуссерль. «Логические исследования», т. 1; Фалькенберг. «История новой философии»; Йодль. «История этики».

Разнообразие и даже многообразие пособий, на которые опирались философы права в Московском университете рассматриваемого периода,

можно очень хорошо продемонстрировать также на примере Б. П. Вышеславцева, который в своем курсе 1912/1913 учеб. г. по истории философии права указал пособия: Б. Чичерин. «История политических учений» (ч. 1–5, М., 1869–1902); Janet. «Histoire de la science politique», vol. I–II; П. Новгородцев. «Политические идеалы древнего и нового мира» (М., 1910); Он же. «Кризис современного правосознания» (М., 1909); Б. Чичерин. «Философия права»; П. Редкин. «История философии права»; Jodl. «Geschichte der Ethik»; Виндельбанд. «Платон»; Кант. «Критика практического разума»; Он же. «Обоснование для метафизики нравов»; Виндельбанд. «История новой философии». Кроме истории философии права, Вышеславцев читал историю этики (после Канта) с пособиями: Кант. «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Основоположение к метафизике нравов», «Вечный мир»; Фихте. «Назначение человека»; Шеллинг. «Сущность человеческой свободы»; Hegel. «Rechtsphilosophie»; Fichte. «System der Sittenlehre».

О характере системы преподавания философии в Московском университете конца XIX – начала XX в. можно судить и по тому, что и как преподавалось университетскими профессорами и приват-доцентами, другими преподавателями философии на Московских женских курсах.

Так, в 1913–1916 гг. Д. В. Викторов читал на историко-филологическом факультете этих курсов психологию и историю новой философии (до Канта). Опирался лектор на пособия по психологии: Иерузалем. «Учебник психологии»; Вундт. «Очерки психологии» (М., 1912); Джемс. «Психология»; Эббингауз. «Основы психологии»; Титченер. «Учебник психологии»; Эджель. «Психология»; Эрдман. «Научные гипотезы о душе и теле»; Паульсен. «Введение в философию». По истории философии рекомендовались: Фалькенберг, Виндельбанд, Куно Фишер.

Н. Д. Виноградов читал на тех же курсах «Введение в философию», руководствуясь «Введениями» Челпанова, Паульсена, Корнелиуса. В курсе «История новой философии» он опирался на Фалькенберга и Виндельбанда.

В качестве пособий, которые использовал Б. Фохт в своей преподавательской деятельности в 1913–1916 гг. на Московских курсах, в частности на семинаре «Философия Платона (логика и теория познания Платона по важнейшим его диалогам)», были, помимо сочинений Платона в русских переводах Карпова, Вл. Соловьева, Лебедева и др. или в немецком переводе Шлейермахера, также труды: Brandis. «Geschichte der griechisch-romischen Philosophie»; Zeller. «Philosophie der Griechen»; Bonitz. «Platonische Studien»; Kühnemann. «Grundlagen der Philosophie».

Studien über Vorsokratiker, Sokrates und Plato»; Hartmann. «Platos Logik des Seins»; Altenburg. «Die Methode des Hypothesis bei Plato»; Natorp. «Platoslehre». Для другого семинара — «Критика чистого разума и Прологомены Канта» — Фохт использовал пособия: Куно Фишер. «История новой философии» (2 тома о Канте); Cassirer. «Geschichte des Erkenntnisproblem»; Cohen. «Kants Theorie der Erfahrung»; Boringer. «Kants erkenntnistheoretischer Monismus»; Cohen. «Kommentar zur I. Kants Kritik der reinen Vernunft»; Шульц. «Разъясняющее изложение Критики чистого разума».

В семинаре по истории этических учений Фохт использовал сочинения: «История новой философии» Фалькенберга, «Введения» в философию Вундта и Челпанова, «История этики» Йодля, «Очерк истории этических учений» Хвостова, труд С. Трубецкого «Метафизика в Древней Греции» и 14-й сборник «Новые идеи в философии» под редакцией Лосского и Радлова. В семинаре «История основных метафизических проблем в древней и новой философии — до Канта» Фохтом рекомендовались пособия: Таннери. «Первые шаги древнегреческой науки»; С. Н. Трубецкой. «Метафизика в Древней Греции»; Он же. «История древней философии»; Виндельбанд. «История древней философии»; Он же. «История новой философии»; Он же. «История философии в ее проблемах»; Лопатин. «Положительные задачи философии», а также русские переводы философских сочинений Платона, Аристотеля, Декарта, Мальбранша, Спинозы, Лейбница, Локка, Беркли и Юма.

А. В. Кубицкий читал в 1913—1916 гг. курсы истории древней и новой философии и вел семинары: «Теоретическая философия Канта»; «Европейский рационализм (Декарт, Мальбранш, Спиноза)», «Философия Канта и Фихте»; «Немецкий идеализм начала 19 в. (Шеллинг и Гегель)». Пользовался он пособиями Фалькенберга, Виндельбанда, С. Н. Трубецкого.

В. М. Хвостов читал теоретический курс «Философия и методология истории» и «История этических учений», вел семинар («для историков и философичек», как говорилось в отчете за 1913 г.) по теме «Философия истории в связи с этикой». В числе пособий по этим курсам упоминались: Хвостов. «Теория исторического процесса» (1910); Бернгейм. «Введение в историческую науку» (1908); Лаппо-Данилевский. «Методология истории» (вып. 1—2, 1910—1913); Кареев. «Теория исторического знания» (1913); Хвостов. «Очерк истории этических учений» (2-е изд., 1913); Йодль. «История этики в новой философии» (1896—1898); Паульсен. «Основы этики» (кн. 1, 1906); Jodl. «Geschichte der Ethik als philosophischer Wissenschaft» (1906—1912).

Г. Г. Шпет вел курсы логики, теории познания, методологии наук и семинары по логике и методологии. Его пособия: Челпанов. «Учебник логики»; Бозанкет. «Основания логики»; Гуссерль. «Логические исследования»; Récaux. «*Eléments de philosophie scientifique*».

П. И. Новгородцев читал курс «Философии права», опираясь на свою книгу «Кризис современного правосознания», а также на работы Б. Чичерина «Философия права» и Вл. Соловьева «Оправдание добра». Н. В. Самсонов читал в 1915/16 учеб. г. «Историю новейшей философии (со второй половины 19 в.)» и вел курс «Эстетика», а также семинар «Психология: проблема чужого “я”». Его пособия по истории философии: Гёффдинг. «История новейшей философии» (СПб., 1900); Он же. «Современная философия» (М., 1907); Виндельбанд. «История новой философии», т. 2; Кюльпе. «Современная философия в Германии». Пособия по курсу эстетики: Макс Диц. «Эстетика» (Рига, 1915); Лало. «Эстетика» (М., 1915); Мейман. «Введение в эстетику» (М., 1909); Христиансен. «Философия искусства» (СПб., 1911). Для семинара по психологии рекомендовалась работа И. И. Лапшина «Проблема чужого “я”» (СПб., 1910).

В 1914–1917 гг. в Московском университете в качестве приват-доцента работал В. Н. Ивановский. В 1915/16 учеб. г. он читал курс «История средневековой философии» и вел семинар «Методология наук». Пособия по курсу: Виндельбанд. «История древней философии»; Штёкль. «История средневековой философии». Пособия по методологии наук: Кассирер. «Познание и действительность»; Милль. «Система логики»; Риккерт. «Границы естественнонаучного образования понятий».

Если в первые годы после восстановления в 60-х гг. XIX в. университетских кафедр философии к преподаванию философии привлекались еще профессора из духовных академий, то в начале XX столетия участие выходцев из духовных академий в преподавании философии в светских школах стало редкостью. Такой «редкостью» на Московских женских курсах был профессор Московской духовной академии С. С. Глаголев, известный, правда, своей защитой философии в рамках православия. Глаголев читал курс «Истории религиозной философии» и «Истории религии в связи с древней философией». Опирался Глаголев не только на свои книги («Из чтений о религии», «Очерки по истории религий»), но и на труды западноевропейских авторов: Pfleiderer. «*Religionsphilosophie*»; Pünjer. «*Geschichte der Religionsphilosophie*»; Джемс. «Прагматизм»; Он же. «Многообразиие религиозного опыта»; Шантепи де ла Соссей. «История религий». Использовались также «Мысли о религии» Б. Паскаля и «Религия и наука» Бутру.

Приведем теперь несколько примеров, характеризующих систему университетского преподавания философии на периферии.

На **Киевских** высших женских курсах «Введение в философию», историю древней, средневековой и новой философии и психологию читал профессор А. Н. Гиляров, печально прославившийся тем, что весьма уничижительно охарактеризовал любые философские системы как сказки, которые рассказывает тот или иной философ. Но и у Гилярова в качестве рекомендуемых пособий фигурируют примерно те же авторы, что и у других профессоров философии. В качестве «Введения в философию» Гиляров рекомендовал не только свое «Руководство к изучению философии», но и труды Паульсена, Иерузалема, Эйлера; по истории философии – Виндельбанда и Фалькенберга; по психологии – Джемса, Гёффдинга, Иерузалема.

Приват-доцент С. А. Ананьин читал на Киевских курсах логику, используя труды Зигварта, Милля, Владиславлева, Гёфлера, Введенского, Троицкого, Дробиша, Ибервега, Вундта.

Приват-доцент Г. И. Якубанис преподавал на Киевских курсах логику, историю эстетики и историю этики. Его пособия по эстетике: Мейман. «Введение в современную эстетику»; R. Zimmerman. «Geschichte der Aesthetik»; M. Schasler. «Kritische Geschichte der Aesthetic»; М. Каррьер. «Искусство в связи с общим развитием культуры», т. I–V; И. Тэн. «Чтения об искусстве». Пособия по этике: Т. Липпс. «Основные вопросы этики»; Дж. Маккензи. «Этика»; Ф. Кирхнер. «Этика»; Фр. Паульсен. «Основы этики»; Г. Гёффдинг. «Этика, или Наука о нравственности»; Л. Фризо. «История нравственной философии»; Фр. Йодль. «История этики в новой философии»; А. Фулье. «Критика новейших систем морали»; Ж.-М. Гюйо. «Мораль Эпикура и ее связь с современными учениями»; Он же. «История и критика современных английских учений о нравственности»; Вл. Соловьев. «Оправдание добра»; P. Janet. «Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale», t. I–II (в русском переводе том I вышел под названием «История государственной науки в связи с нравственной философией»).

Взглянем теперь на программы с философии еще одних периферийных курсов с преподаванием университетского типа – **Казанских** высших женских курсов.

Так, в 1913/14 учеб. г. Н. А. Васильев читал курс психологии, используя пособия: Джемс. «Психология» (СПб., 1910); Гёффдинг. «Очерки психологии, основанной на опыте» (СПб., 1908); Иерузалем. «Учебник психологии» (М., 1911); рекомендовался и труд самого преподавателя «Лекции по психологии». Васильев читал также «Историю новой философии» по пособиям Виндельбанда, Фалькенберга и Гёффдинга.

А. Д. Гуляев вел три курса: «Логика», «Введение в философию», «История древней философии». В программе была пометка: «Для более обстоятельного изучения» и указывались сочинения: «Система логики» Д.-С. Милля, Зигварта, Вундта; курс А. И. Введенского; «Логические исследования» Гуссерля.

Указания на пособия по курсу истории древней философии также характерны сочетанием западноевропейских и русских авторов: С. Н. Трубецкой. «История древней философии» (вып. I—II, 1914); Виндельбанд. «История древней философии»; Арним. «История древней философии» (1910); Э. Целлер. «Очерк истории греческой философии» (М., 1912); Т. Гомперц. «Греческие мыслители»; Р. Рихтер. «Скептицизм в философии» (1910); К. Сотонин. «Таблицы по истории философии» (Казань, 1914); Дильс. «Досократики» (Киев, 1914).

В 1915/16 учеб. г. в Казанском университете к Васильеву и Гуляеву присоединился А. О. Маковельский, читавший курс «Введение в философию» и «Историю новой философии». В качестве пособия для «Введения» указаны сочинения Вундта, Иерузалема, Кюльпе, Паульсена, Рихтера, Эйлера, Виндельбанда, А. Н. Гилярова, В. Н. Ивановского, Н. О. Лосского, А. О. Маковельского, Г. И. Челпанова и «Философский словарь» Э. Радлова. К курсу истории философии указаны пособия: Фалькенберга, Виндельбанда, Гёффдинга, Куно Фишера, Ибервег—Гейнце, Фулье, Вебера и «Таблицы по истории философии» К. Сотонина.

Мы намеренно привели столь обширный эмпирический материал, сознательно идя на повторение имен, чтобы сделать предварительный, но доказательный вывод: уже перечень общих курсов и спецкурсов по философии и списки рекомендуемой литературы свидетельствуют о том, что в начале XX столетия университетская философия в России приняла современный европейский вид. Научная литература стала полинациональной, хотя и с преобладанием немецких авторов. Существенно выросло число имен русских философов, труды которых вошли в предлагаемые списки. Характерно, однако, что в них отсутствуют имена тех русских философов, которых некоторые современные авторы пытаются изобразить в качестве «философских звезд» «эпохи религиозного ренессанса»: ни Бердяева, ни Булгакова, ни Флоренского, ни других подобных им университетская философия начала XX столетия не рекомендовала для изучения.

* * *

Мы помним, что на ранних этапах истории российских университетов университетские профессора были фактически государственными

служащими, а один из профессоров называл себя чиновником по кафедре философии. К началу XX в. тип университетских профессоров существенно изменился. Появилась целая группа настоящих, «чистых» университетских профессоров философии, деятельность которых была поглощена преподаванием и сравнительно свободной научной работой. Парадигмальным примером может служить И. И. Лапшин, который не участвовал не только в политических движениях, но даже сознательно отделял свое философское творчество от религии.

Другой тип профессора философии представлял, скажем, С. Н. Трубецкой, который увязывал преподавание и активную научную работу с административной (он был первым выборным ректором Московского университета и одним из редакторов журнала «Вопросы философии и психологии») и общественно-политической деятельностью. (В 1905 г. он произнес ставшую знаменитой речь на встрече земских и городских деятелей с Николаем II, в которой выдвинул ряд требований оппозиционных и либеральных кругов.) А его брат Е. Н. Трубецкой, наряду со своей профессорской работой, активно участвовал в деятельности партии мирного обновления, а после 1917 г. воевал в Добровольческой армии белых против Советской власти...

В отдельную разновидность субъектов университетской философии следует выделить приват-доцентов, которые вели спецкурсы. Строго говоря, творчество философов, выступавших в качестве приват-доцентов, не входит целиком в университетскую философию. Например, некоторое время приват-доцентами выступали Франк и Булгаков, философская деятельность которых развивалась в основном вне университетской философии. Но в той мере, в какой такие философы, как Франк и Булгаков, приняли участие в преподавании философии в университетах или в защите диссертаций, они выступали субъектами университетской философии.

По изначальной идее институт приват-доцентов был задуман для возрождения университетского преподавания, «вливания свежей крови» в деятельность склонной к застою штатной профессуры. Цель в принципе была достигнута: достаточно посмотреть на темы лекций, которые читали приват-доценты, чтобы убедиться в этом. В начале XX столетия российские приват-доценты также не могли не оживить университетскую жизнь.

Примечательно, что в качестве приват-доцентов после революции 1905 г. в университеты попадали даже такие преподаватели, как социал-демократ Н. А. Рожков и анархист Алексей Боровой. А это значит, что, хотя в политическом отношении ситуация в российских университетах начала XX в. оставалась под жестким контролем правительства и

в знак протеста из университетов уходили прогрессивно ориентированные профессора, все-таки университетская жизнь стала значительно либеральнее, чем в XIX в., и это не могло не влиять позитивно на развитие университетской философии.

Если еще в первые десятилетия XIX в. университетские профессора философии выступали «чиновниками по кафедре философии», то в начале XX в. появились попытки создать уже образ идеального профессора философии, преподавателя и творческого ученого. Приведем несколько высказываний на этот счет Е. Боброва, профессора, отличавшегося в начале XX столетия своими особыми стараниями защитить философию от «некоторых невежественных пошляков и остряков», которым философские проблемы казались «скучными» и «смешными».

Считая изучение философии делом «серьезным» и «высоким», привлекавшим «к себе интерес и силы всех величайших гениев всех народов и всех веков, таких гениев, как Платон, Аристотель, Декарт, Лейбниц и т. д.», Бобров предъявлял серьезные требования и к преподаванию философии: «...не всякий ученый годится быть профессором. Настоящим профессором может быть лишь тот, кто любит это дело, т. е. тот, кому приносит удовлетворение и радость самый процесс передачи своих знаний другому, лишь тот, кто учит с радостью и для кого лишение этой его преподавательской обязанности и деятельности является сердечной утратой и печалью. Настоящим профессором философии явится тот, кому доставляет радость — самая возможность учить философии, кому приятна самая эта философская учеба, в ком рождается чувство довольства и удовлетворения при передаче философии своим слушателям. Там, где этого нет, где философия передается без радости, индифферентно, или даже с чувством томления и досады, туда никогда не слетит веселый Эрос философии» [42, с. 197–198]. «Преподавать философию и достоин и может лишь тот, кто, считая философию истинною и высшею наукой, желает посвящать ей свои силы и сам лично, и желает приобретать для этого служения философии другие, юные силы, — тот, кому служение философии и ее преподавание доставляет живую и чистую радость, кто с удовольствием делится своими философскими познаниями и заботится о том, чтобы его преподавание философии не пропадало втуне, но давало обильный плод» [там же, с. 199]. Идеалом профессора философии, в глазах Боброва, является тот, кто сочетает в себе «дарование великого педагога» и «талант философски систематического творчества» [там же].

Одним из недостатков в системе преподавания философии в России в начале XX в. Бобров считал слабые экзамены по философии («за весьма немногими исключениями», спешил заметить он). Особенно

Бобров был недоволен феноменом «груберистики» на экзаменах (профессор Военно-медицинской академии Грубер требовал от студентов не знания анатомии вообще, а некоторых своих излюбленных вопросов — «коньков». Совокупность этих вопросов получила название «груберистика»). В этой связи Бобров высказал недовольство тем, что на экзаменах по философии «иной профессор» не удовлетворяется познаниями по философии вообще, но требует того именно, что он читал в данный семестр, или изложения того именно направления, какого он сам держится...» [там же, с. 194].

В конце XIX — начале XX в. важной составной частью университетской философской жизни оставались защиты диссертаций по философии. Выше мы приводили, правда неполные, списки защищавшихся на философскую степень. Как оказалось, многие из этих диссертаций имели к философии лишь косвенное отношение в силу тогдашнего безбрежного понимания предмета философии. Кроме того, большинство диссертантов после защиты вынуждены были сменить сферу своей деятельности — работать по проблемам философии пришлось немногим. Диссертационные работы тогда почти не публиковались, значительная часть из них осталась фактом внутренней философской жизни того или иного университета. На рубеже XIX—XX вв. положение существенно изменилось: из защитившихся по философии диссертантов многие стали профессиональными философами. Вот несколько имен диссертантов, ставших профессионалами, и тем их диссертаций, защищенных в России и за границей:

П. И. Новгородцев. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве (М., 1902); И. И. Лапшин. Законы мышления и формы познания (СПб., 1906); В. Н. Ивановский. Ассоциационизм психологический и гносеологический. Историко-критическое исследование (ч. 1. Казань, 1909); Д. Н. Узнадзе. Метафизическое мировоззрение В. Соловьева... (Галле, 1909, на нем. яз.); Ф. А. Степун. Соловьев (Лейпциг, 1910, на нем. яз.); С. И. Гессен. Индивидуальная причинность (Фрейбург, 1910, на нем. яз.); С. А. Алексеев (Аскольдов). Мысль и действительность (М., 1914); Б. П. Вышеславцев. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентального идеализма (М., 1914); И. А. Ильин. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека (М., 1917).

В этот же период за рубежом защитила диссертацию Л. И. Аксельрод (Ортодокс) «Мировоззрение Толстого и его развитие» (Берн, 1902). В дальнейшем Л. Аксельрод стала одним из ведущих философов в среде российской социал-демократии, а затем крупным советским философом.

От рассказа о некоторых сторонах «внешней истории» университетской философии в России конца XIX — начала XX в. перейдем теперь к анализу ее «внутреннего», теоретического содержания.

* * *

Если говорить о некоторых общих тенденциях в университетской философии конца XIX — начала XX в., то прежде всего следует сказать о новых акцентах в подходе университетской профессуры к проблеме соотношения между *знанием и верой, наукой и религией*.

Раньше эта тема постоянно присутствовала во всех работах университетских профессоров философии. Всем им постоянно приходилось доказывать, что между «их» философией и религией нет противоречия, хотя фактически это противоречие всегда присутствовало в силу принципиальной несовместимости любой серьезной философской теории с догматизированной тысячи лет назад религиозной верой. И мы видели, что погромы университетской философии почти всегда были связаны с какими-то претензиями к философии по части религии.

В XX в. ситуация радикально изменилась. Тотальный кризис официальной религии, широкий размах легального движения за «новое религиозное сознание» создал определенные предпосылки для новых подходов университетских профессоров философии к теме «философия и религия». Некоторые из них пошли весьма далеко, участвуя в богословском движении и в «строительстве» «новой», противоречащей официальному православию «религиозной философии». Другие заняли позиции радикального свободомыслия.

Идею принципиального различия между философией и религией, между философским и богословским творчеством отстаивал И. И. Лапшин, отвергая, в частности, мысли Конта о прохождении философии через теологический фазис и полагая, что уже древняя философия и религия греков представляли собой две «независимые переменные». Он открыто заявлял, что дело положительных религий безвозвратно проиграно и с прогрессом философии это будет выступать все яснее и яснее. В работе «Философия изобретения и изобретения в философии», вышедшей в 1922 г., Лапшин обобщил и развил все свои прежние мысли о соотношении философии и религии, философии и богословия. Основатели религии, считал он, — это не ученые, не критики, не систематизаторы, а выразители морально-религиозных потребностей масс, творцы новых ценностей. Поэтому в истории философии нет места для Моисея, Магомета или Иисуса. Богословие упорядочивает и систематизирует догматику религиозного учения. В богословской мыс-

ли есть своя внутренняя логика, но самая природа религиозного учения кладет известные грани разработке этого учения. Такими гранями в религии являются чудо, тайна и авторитет. Всякий раз, когда богословское мышление близко подходит к этим граням, оно неизбежно подменяет логику разума логикой чувств.

Рационалистическую в основном позицию по вопросу о соотношении философии и религии заняло русское издание журнала «Логос», выходявшее под редакцией С. И. Гессена, Э. К. Метнера, Ф. А. Степуна и Б. В. Яковенко и при участии ряда университетских профессоров (А. Введенский, В. Вернадский, Б. Кистяковский, А. Лаппо-Данилевский, Н. Лосский и др.). (В немецком издании «Логоса» наиболее влиятельными были М. Вебер, В. Виндельбанд, Э. Гуссерль, Г. Зиммель, Г. Риккерт и др.) «Логос» довольно энергично осудил то, что в последние годы у нас часто называли и еще пока называют «религиозным ренессансом».

«От крайнего увлечения немецким идеализмом, — писал Яковенко в 1911 г., — русское философское сознание балансировало к столь же крайнему религиозному философизму; от этого самопоглощения в религиозном переживании оно резко перебрислось к позитивистическому оригинальничанию и пренебрежению всем старым; и вот, возмущенное философской поверхностностью позитивизма, оно в последние десятилетия с новым увлечением взывает к религиозным настроениям, облекая все остальное, как ересь, на умственное сожжение» [584, с. 57–58].

Под обстрел «логосовцев» попал в первую очередь иррационализм славянофилов, Вл. Соловьева и Н. Бердяева. «Для Соловьева так же, как и для славянофильства, — читаем в заявлении от редакции «Логоса», — сфера рационального мышления совершенно не является в конце концов сферой подлинного творчества. Творчество Соловьева всецело уходит в темные корни его иррациональных переживаний. Его же рациональные построения носят отнюдь не творческий, а лишь пассивно повествовательный характер» [93, с. 3].

В рецензии на книгу Н. Бердяева «Философия свободы» Ф. Степун выступил в защиту рационализма в новейшей немецкой философии. Бердяев, писал Степун, испещряет страницы своей книги именами Когена, Наторпа, Виндельбанда, Риккерта, Ласка, Липпса, Шуппе, Авенариуса, Маха и др. Но в книге «слишком уж чувствуется некоторое отсутствие действительно серьезного знания современной гносеологии и необходимой для этих вопросов остроты логической совести... Во всей книге Н. А. Бердяева нет ни одного серьезного анализа какого-либо из положений вышеназванных философов». Не без иронии в связи с названием книги Бердяева Степун вопрошает: «Свободен ли Н. А. Бердя-

ев, раз его свобода обертывается насилием над Когеном и Наторпом, Виндельбандом, Риккертом и др. Думаю, что нет. Думаю, что подлинно свободны лишь те, что даруют свободу другим» [474, с. 232].

В рецензии на книгу Н. А. Бердяева о Хомякове Ф. Степун подметил необоснованность утверждений Бердяева о том, что русский мыслитель преодолел рационализм Канта и Гегеля, ибо не ответил на вопрос, как «“конкретный идеализм” Хомякова решил философские проблемы, поставленные Кантом и Гегелем» [см.: 473, с. 283].

За произвол в использовании религии во имя своих «философских» целей досталось Н. Бердяеву также от Александра Введенского. Бердяев, писал он, «во имя *своего* идеала знанием *просто*, или *разумным* знанием называет то, что соответствует его *собственному* идеалу, который устанавливается без большого труда по следующему рецепту: возьми Новый Завет, выдерни оттуда из общей связи и из связи с историей то, что соответствует новому литературному течению, представленному, например, гг. Мережковским, Булгаковым и др.; разве все это с своими собственными добавлениями, подходящими под твой идеал, и будет разумное знание...» [65, с. 321–322].

Не отрицая необходимости включения в философию тех или иных мотивов религии, «логосовцы» отстаивали все-таки независимость философии от религии. Философия и религия, писал Яковенко, совершенно различны по психологической атмосфере, в гносеологическом отношении, методологически, по целям, по предмету. «Там, где начинается философия, религиозное творчество уже кончилось...» [584, с. 51]. «Философия есть знание и должна оставаться им. Вера есть вера и не должна вмешиваться в дела философии. Если философия знания становится философией веры, — все спутывается, и философия теряется в субъективных суевериях и мнениях» [580, с. 285].

Ратуя за «философию знания», «логосовцы» противостояли позитивистскому растворению философии в науке, но тем не менее ориентировались на союз философии со специальным знанием, чтобы «философская мысль вобрала в себя не только полноту специально философских мотивов, но также *мотивы остальных областей культуры — общественности, искусства и религии*» [93, с. 11].

* * *

Университетская философия в России конца XIX — начала XX в. оказалась как бы между двух огней: с одной стороны, на нее давило ставшее уже традиционным философствование славянофильского толка, модернизированное сначала Вл. Соловьевым в ранний период его твор-

чества и еще раз подновленное религиозными философами круга Бердяева—Булгакова. С другой стороны, она оставалась под преобладающим влиянием классической философской традиции, идущей от Платона и Аристотеля и прежде всего от немецкой классической философии, модернизированной немецким идеализмом постгегелевской эпохи, особенно неокантианством и имманентной философией. Но не только: недаром Ф. Степун включил в список защищаемых им от Бердяева немецких философов, кроме неокантианцев и имманентов Когена, Натторпа, Виндельбанда, Риккерта, Ласка, Липпса, Шуппе, еще и позитивистов новой волны — Авенариуса и Маха.

Находясь между «двух огней», университетская философия в целом тяготела все-таки больше к европейским разновидностям философии. Как все это смотрится на конкретных философских проблемах?

В 1911 г. С. Грузенберг в работе, посвященной тогдашней русской философии, предположил: «Все разногласия нашего времени возвращают нас, как мне кажется, к первому философскому вопросу, что такое философия, быть ли ей метафизикой, т. е. теорией трансцендентной реальности, или отрицание этой реальности неокантианцами правильно» [113, с. 27].

Предположение это имело основания: действительно этот вопрос стал центральным на рубеже XIX—XX вв. и в Западной Европе, и в России.

Как мы уже отмечали выше, в 60—80-х гг. XIX в. метафизика в Германии была отодвинута на второй план, «первой» философией стала теория познания, но в немецкой философии оставались и сторонники метафизики. Более того, на рубеже XIX—XX вв. поворот к метафизике обозначился очень отчетливо.

На основе синтеза идей Лейбница, Канта и позитивизма профессор физиологии в Гейдельберге (с 1864), философии в Цюрихе (с 1874) и Лейпциге (с 1875) В. Вундт разрабатывал концепцию метафизики, претендующую на объединение идеализма и материализма.

Профессор философии и психологии О. Кюльпе, которого считают одним из основоположников «критического реализма», развивал мысль, что метафизика — это завершение специальных наук; она взвешивает вероятности, уравнивает аргументы и примиряет разногласия. По Кюльпе, философия природы начинает исследования там, где их прекращают специальные дисциплины естествоведения, и согласно закону метафизики она стремится расширить познание природы и придать этому познанию законченную форму вероятного целостного построения.

Если Кюльпе представлял тенденцию так называемой «научной метафизики», то профессор Берлинского университета Ф. Паульсен ратовал за спекулятивную метафизику, которая открывает формы и связи, смысл и значение во всех вещах.

Профессор Гейдельбергского университета Э. Ласк тоже стремился создать научное мировоззрение, но в основу своей метафизической по сути концепции он положил понятие независимого от мышления «идеального бытия», понимаемого в духе платонизма.

Фактически тенденцию к «новой метафизике» в немецкой философии, несмотря на словесную критику метафизики, подтвердил своей эволюцией основатель феноменологии Э. Гуссерль. Если в первых своих трудах, прежде всего в «Логических исследованиях» (1900—1901), Гуссерль занимался главным образом теорией познания, особенно критикой психологизма, и акцентировал субъективные моменты процесса познания, утверждая, что нет истины, не зависящей от познающего субъекта, то в дальнейшем он повернул к трансцендентальному идеализму, выдвинув учение о чистых сущностях, «эйдосах».

В России в конце XIX—начале XX в. по отношению к метафизике также сложилось несколько тенденций. Во-первых, были сторонники христианской метафизики в официальной Церкви. В этой связи можно вспомнить, что в рецензии на диссертацию В. Несмелова (1887), ставшего вскоре профессором метафизики Казанской духовной академии, Антоний Храповицкий хвалил автора за создание «стройной системы христианской метафизики», — «христианской не в смысле искусно подогнанной к системе наших догматов философской апологии, но в смысле совершенно свободного, из самого существа дела обнаружившегося совпадения философских построений автора с истиною открытия» [543, т. 3, с. 377—378].

Превратившийся из либерала в духе «легального марксизма» и неокантианца в христианского социалиста и религиозного философа С. Н. Булгаков стал ярким приверженцем метафизики. «Верю, наш молодой век обнаружит небывалый расцвет метафизики», — писал он в 1902 г. [54, с. 153]. И еще: «Все философы суть метафизики по самой природе человеческой мысли», «в метафизике мы познаем высший смысл и высшее начало мира» [там же, с. 116—117]. Булгаков вспоминал о «великих немецких метафизиках»: «В начале века философия пережила почти небывалый расцвет, когда на протяжении менее чем полувека Германия выставила четырех философских гениев: Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля (не считая еще Шопенгауэра). В Гегеле достигнута была вершина философской спекуляции, и его философия царяла, хотя и кратковременно, во всех важнейших отраслях мысли»

[там же, с. 152]. Пророческими представлялись Булгакову слова Гегеля из предисловия к «Науке логики»: «Если наука соединится со здравым смыслом для того, чтобы воззвать погибель метафизики, по-видимому, получится странное зрелище: станет возможно видеть образованный народ без метафизики, подобный разукрашенному некогда храму» [там же]. Требованиям метафизики, по Булгакову, удовлетворяют системы Эд. фон Гартмана и В. С. Соловьева. Но именно философия Соловьева — это, по мнению Булгакова, «пока последнее слово мировой философской мысли, ее высший синтез» [54, с. 153].

Не менее настойчивым апологетом метафизики стал Н. А. Бердяев, причем, как он уверял, метафизики христианской, отличной от немецкой: «Германский идеализм довел до пределов, до абсурда идеалистическое течение, в котором в призрак и отвлеченность превратились реальность, свобода, личность...» «Только христианская метафизика утверждает реальность бытия и реальность путей к бытию, постигает тайну свободы, ни на что не разложимой и ни к чему не сводимой, и признает субстанцию конкретной личности, заложенной в вечности» [29, с. 22].

Сторонники метафизики имелись и среди университетских философов конца XIX—начала XX в. Некоторые из них были близки по духу Булгакову и Бердяеву. Начавший свою деятельность еще в 80—90-х гг. XIX в. С. Н. Трубецкой называл метафизику «святое святых философии, ее душой» [504, с. 33], он завещал русским философам дело создания «новой», или «критической метафизики» [506, т. 2, с. 202]. Ополчаясь против «оргии априорной фантастики», в которую впадали-де Шеллинг и Гегель, «корифеи немецкого умозрения», Трубецкой предлагал взамен еще более примитивную фантазию — слегка модернизированный православный теизм в виде учения о Боге как «живом Логосе», «всеедином Сущем», «абсолютном Духе», «всемирном божественном Разуме».

Старший коллега С. Трубецкого по философской кафедре Московского университета Л. М. Лопатин тоже был сторонником метафизики, но не столь явно придерживался теистической концепции, пытаясь согласовать на основе персонализма идеи Лейбница и Лотце с идеями своего друга Владимира Соловьева и стремясь создать систему конкретного, монистического, динамического спиритуализма, которая сочетала бы трансцендентизм с имманентизмом. Лопатин не хотел, чтобы философия превратилась в прикладное богословие.

Н. О. Лосский был уже философом нового поколения, поколения XX в. Он вошел в историю русской философии в первую очередь как сторонник интуитивизма, т. е. гносеологической концепции, но Лос-

ский гносеологистом не был, он тоже ратовал за метафизику, полагая, что, поскольку «истинное бытие» дано в опыте, есть место и метафизике. При этом в метафизике (онтологии) Лосский стремился не к идеализму (в смысле построения мира из психического), а к «реализму» [255, с. 358], и в этом смысле он считал свою философию идеал-реалистической, преодолевающей материализм и идеализм, а в другом отношении считал свою философию органическим мировоззрением, имея в виду, что первоначально существует целое и что элементы возникают и существуют только в системе целого.

Примат онтологии в философии, т. е. примат метафизики, отстаивал также С. Л. Франк. «Всякая философия — хочет ли она того или нет — по существу, — писал он, — не может быть ничем иным, как онтологией» [537, с. 11].

С первых своих шагов в философии Г. И. Челпанов не видел «...решительно никаких логических оснований отрицать возможность метафизики как науки рационального миропонимания» [546, с. 15]. Канта и неокантианцев он не одобрял из-за их отрицательного отношения к метафизике (так что Челпанова никак нельзя считать неокантианцем, как это делают иногда). Но и против спекулятивной метафизики Челпанов также выступал, отвергая идеализм Фихте, Шеллинга и Гегеля, считавших, что философский способ познания совершенно отличается от научного. В то же время Челпанов не одобрял концепцию Вундта, полагавшего, что задачей философии является соединение данных, добытых отдельными науками, в одно целое. Самым лучшим введением в философию он считал введение Паульсена, что демонстрирует, сколь малый путь прошел Челпанов даже к «научной метафизике». Отличие же метафизики Челпанова от христианской метафизики и квазихристианской метафизики Булгакова и Бердяева состоит в том, что систему метафизики он начинал с теории познания, интерпретировал Канта как мыслителя, указавшего на значение теории познания для построения метафизики [см.: там же, с. 15]. В этом проявилось влияние на Челпанова духа кантовского критицизма, кантовской «философии познания».

В противостоянии с гносеологизмом разрабатывал свою онтологическую концепцию Г. Шпет. Примечательно, что в своем онтологизме он отталкивался от феноменологической философии Э. Гуссерля, которая поддается интерпретации не только как объективно-идеалистическая теория, но и как субъективный идеализм.

По Шпету, положительной философии от Платона до Лотце, через Декарта и Лейбница, ставившей своей целью познание сущего во всех его формах, противостоит негативная философия — от Протагора до

Локка, Юма и Канта, хотя последняя — не сплошная ошибка. Считая, что, согласно Гуссерлю, философия по своей сущности есть наука об истинных началах, об источниках, и отвергая теории познания, изучавшие не бытие, а познающего субъекта, Шпет выдвигает одним из вопросов «первой» философии вопрос о бытии познающего субъекта и через этот вид бытия думает идти к другим видам и формам бытия: «Именно этим путем, сколько я понимаю, и идет Гуссерль, его феноменология и должна быть той “первой” философией, без которой немислима ни философия, ни наука вообще, она должна быть “основной наукой философии”» [560, с. 19].

К неокантианцам нередко относили Б. Яковенко, что очень неточно. При всей своей оппозиции старой метафизике и любой религиозной философии, при всем своем рационализме, Яковенко был убежденным сторонником метафизики: «Критико-гносеологическая устремленность», по его мнению, — это только средство «к постижению и установлению всего сущего. Центр тяжести для всякой подлинной философии и лежал всегда и сейчас лежит в *метафизике*, в знании сущего» [582, с. 240]; «Проблема трансцендентности всегда была в той или другой форме основной, центральной проблемой философского мышления» [583, с. 99]; «Философия есть знание абсолютного» [579, с. 58].

На основании приведенных примеров можно видеть, что в российской университетской философии конца XIX—начала XX в. сторонники философии как метафизики были представлены вполне отчетливо. Но видно и другое: даже те университетские профессора философии, которые ратовали за метафизику, разрабатывали ее в существенно ином духе, нежели приверженцы «христианской метафизики», которые прямо увязывали ее с «истиной Откровения», иначе, чем «светские богословы», скажем, Булгаков и Бердяев.

Другую тенденцию в университетской философии представляли *противники и критики метафизики*. Кантианствующий Александр Введенский был убежден, что «всякий хорошо образованный нынешний метафизик в глубине души непременно исповедует полную разнородность метафизики и науки, сознает, что они лежат в разных плоскостях...» [65, с. 322].

Метафизику как науку о «вещах в себе», о «сверхчувственном», о «потустороннем» решительно отвергал соратник Введенского И. И. Лапшин, оставляя за метафизическими системами роль рабочих гипотез, имеющих некоторую эвристическую ценность и определенный коэффициент полезного действия. Антиметафизическая установка Лапшина выразилась, в частности, в его антисубстанционализме: «гениального Юма» он ценил за то, что тот подорвал кредит, которым пользовалось

в метафизике понятие субстанции как в смысле трансцендентной физической реальности, так и в смысле души. Впоследствии В. Зеньковский в «Истории русской философии» будет упрекать Лапшина за то, что у него нет ни малейшего вкуса к метафизике, нет потребности в ней, что у него — «настоящее отречение от метафизики».

Но самая радикальная критика философской метафизики в университетской среде шла от профессоров-естествоиспытателей позитивистского и материалистического толка.

К. А. Тимирязеву импонировало высказывание австрийского физика Л. Больцмана (1844—1906), который в своей речи в 1905 г. выражал надежду, что «человечество избавится от той умственной мигрени, имя которой — метафизика» [см.: 493, с. 964].

Завершая свою книгу «Заветные мысли», Д. И. Менделеев хотел сначала в заключении книги поместить главу «Мировоззрение», но глава показалась ему не очень впечатляющей, и Менделеев не стал ее публиковать. Тем не менее он, хотя и не очень определенно, выразил свое отношение к современной ему философии и науке. Шопенгауэр, Ницше — в философии, Оствальд и швейцарец Циглер — в науке явились Менделееву-реалисту в качестве доказательства «печальных» событий в философии и естествознании, где «физика неправоммерно сблизилась с метафизикой, узаконился скептицизм, возобладали афоризмы и отрицание возможности цельной общей системы» [273, т. 24, с. 455—456].

Следует сказать еще об одной проблеме метафизики в русской университетской философии конца XIX—начала XX в., вне которой картина этой философии была бы очень неполной. В те годы большое распространение получил *витализм* и возникли попытки создания «виталистической онтологии», выступавшей в качестве опровержения *механической* картины мира. Названная тема представляет интерес не только как фрагмент истории университетской философии в России начала XX в., но и как некое введение в один из последующих споров в советской философии между «механистами» и деборинцами.

Виталистические мотивы известны со времен Парацельса (XVI в.). Сторонники витализма были и в XVIII в., но особенно влиятельными виталистические идеи стали в конце XIX в. В 1915 г. в русском переводе вышла книга Г. Дриша «Витализм. Его история и система» с дополнениями к ней А. Г. Гурвича. Получила широкое распространение критика представлений о внешнем мире как «состоящем из мертвого вещественного начала», как выражался, например, С. А. Алексеев-Аскольдов. Такому видению противопоставлялась идея мира как живого единства.

В этом отношении очень характерной оказалась онтология Н. О. Лосского, который назвал свое мировоззрение «органическим». Согласно такому антимеханистическому, «динамическому» мировоззрению, в мире «нет чисто механических процессов, все они суть или психоидно-механические, или психомеханические». Динамическое учение о материи, по Лосскому, — это наиболее удобная почва для обоснования витализма в биологии.

Пафос российских виталистов и надежды, связанные с витализмом, очень хорошо выражают мысли С. Л. Франка. Критикуя «механические» формы мировоззрения и склоняясь к виталистической онтологии, которую представлял французский философ Бергсон, Франк выделил также книгу немецкого философа из Бреслау Вильяма Штерна «Личность и вещь», которую он расценил даже как более широкую и систематическую, чем концепция Бергсона. В работе Штерна Франк заметил следы «подлинно интуитивного творчества», признаки «настоящего и плодотворного философского дарования», «новую картину мира», идеи, подводящие к античному духовному миру, который всегда вливал новые силы в европейское духовное развитие. «Виталистическое миропонимание против механического и, как необходимое условие этого, ограничение притязаний математически-логического анализа в пользу живого эстетического синтеза в методологической конструкции научной работы — таков провозглашаемый Штерном лозунг философской реформы, долженствующей сблизить современную науку с античной» [541, с. 216]. С витализмом Франк увязывал идеал «построения цельного философского синтеза, в котором бытие и ценность, природа и культура, космическое и человеческое должны найти новое примирение». Вместо лозунга «назад к Канту» Франк предлагал через Вильяма Штерна и Бергсона устремиться «к духовной универсальности Гете», течению, которому, «быть может, суждено вывести философию на новый плодотворный путь» [там же, с. 212].

Витализм далеко не всем представлялся столь перспективным. И в университетской среде против витализма выступили многие, особенно ученые, в том числе такие выдающиеся, как К. А. Тимирязев, И. П. Павлов. По Тимирязеву, витализм — это «внеучная реакция против научного духа времени, возврат к теолого-метафизическому складу мышления» [494, т. 5, с. 452].

Попытаемся теперь проследить наиболее характерные черты в гносеологических построениях университетских философов, в сопоставлении с общей ситуацией в мировой философии и с внеуниверситетскими философскими течениями.

Выше уже говорилось о том, что в Германии во второй половине XIX в. теория познания как философская дисциплина отодвинула на второй план метафизику и что только в конце XIX в. последняя стала вновь «возрождаться». В глазах некоторых русских философов (Яковенко, например) вся немецкая философия продолжала фигурировать под именем «немецкого гносеологизма», который-де сменил «греческий космизм». Строго говоря, это неверно. «Космизма» и в Германии было немало. Но если иметь в виду господствующие философские течения, то действительно, применительно ко второй половине XIX в. можно сказать о примате гносеологизма в немецкой философии. «Немецкий гносеологизм» — это в первую очередь гносеология кантианцев и неокантианцев.

«Кантианский гносеологизм», утверждавший возможность обоснования теории познания без метафизических предпосылок, оставался и в начале XX столетия господствующим направлением. Гносеологию неокантианства в начале XX в. олицетворял глава Марбургской школы, с 1876 г. профессор в Марбурге, с 1912 г. — в Берлине Герман Коген, который, отталкиваясь от кантовского критицизма, стремился создать «чистую гносеологию» как учение, которое не признает никаких предпосылок, независимых от познания, т. е. предпосылок метафизических. Согласно теории познания Когена, содержание знания дается не извне, а создается самой мыслью.

На ранних этапах своей деятельности гносеологию под названием трансцендентального или гносеологического идеализма разрабатывал по преимуществу один из основателей баденской школы неокантианства, профессор во Фрейбурге, затем в Гейдельберге Г. Риккерт, сводивший, как и другие неокантианцы, бытие к сознанию и считавший, что объекты являются представлениями, восприятиями, чувствами, обнаружениями воли; что все познаваемое имманентно сознанию.

Представитель «реализма» в неокантианстве профессор университета в австрийском Граце и в ряде немецких университетов А. Риль также сводил всю философию к теории познания и соответственно отвергал метафизику.

С критицизмом Канта сохраняла в некоторых отношениях связь философия профессора из Грейфсвальда В. Шуппе, но вместе с тем она уже далеко отходила от кантовского трансцендентизма, став основой нового учения — «имманентной философии». Согласно Шуппе, онтология, теория познания и логика тождественны. Объекты не существуют вне сознания, бытие имманентно сознанию, т. е. содержание сознания тождественно предмету познания.

Наряду с неокантианской, широкое распространение получила концепция познания профессора математики в австрийском Граце (с 1864), профессора физики и ректора Пражского университета (с 1867), заведующего кафедрой философии Венского университета Э. Маха и швейцарского философа, профессора Цюрихского университета Р. Авенариуса, которые доказывали, что целью научного познания природы является не объяснение, а описание, и считали необходимым восстановить права наивного реализма с его убеждением, что вещи являются такими или почти такими, какими они кажутся человеку.

Воинствующе антирационалистическую, антиинтеллектуалистическую гносеологическую концепцию представлял в начале XX в. интуитивизм профессора Коллеж де Франс Анри Бергсона. Согласно Бергсону, органом постижения действительности является интуиция, в которой акт познания совпадает с актом, порождающим действительность, и исчезает различие между тем, кто познает, и тем, что познается. Интуиция, по Бергсону, — это мистический акт непосредственного постижения.

Как же на фоне и в контексте этих основных западноевропейских гносеологических учений смотрелись гносеологические концепции русских философов, университетских в том числе?

Если говорить о консервативном фланге философского спектра течений русской мысли, то здесь процветал явный антигносеологизм, хотя на словах теория познания признавалась. Так, Н. А. Бердяев заявлял: «Под гносеологией я все время имею в виду гносеологию критицизма, гносеологию Канта и неокантианцев. В этом смысле гносеологию я с самого начала радикально отрицаю...» «Но вообще гносеологию я, конечно, признаю. Без гносеологии не может быть философии и никогда не было» [30, с. 29].

Какую же «гносеологию» отстаивал Бердяев? Гносеологию «онтологическую». «Гносеология эта такова, что она, по существу, не есть верховная инстанция, не может строиться без предпосылок, она подчинена, она вторична. Гносеология, как и все на свете, требует своего оправдания в религиозной жизни. Гносеология хороша лишь тогда, когда она посвящена в религиозную истину. Тогда лишь гносеология понимает смысл тех категорий, над которыми бессильно рефлектирует гносеология критическая» [там же, с. 29–30]. И после этого Бердяев позволял себе утверждать, что все это не порабощение познающего разума, а его освобождение, что философия не должна играть внешне служебные роли!

Убежденным критиком «паутины кантовского гносеологизма» был также С. Н. Булгаков. Мы, писал он, не отрицаем «проблем теории знания, но их теперешнюю отвлеченную постановку. В научном познании

существует, как это поставлено вне сомнения гносеологическим анализом, известный априоризм и схематизм, который набрасывается как сеть на непосредственный жизненный опыт. Гносеологический, кантовский субъект есть ум ученого, препарирующего опыт. Эти априорные формы познания в их своеобразии составляют предмет теории научного познания, или, как теперь чаще выражаются, чистой логики». «Но она не есть высшее и окончательное судилище, пред трибуналом которого разрешаются все вопросы. Напротив, сама наука нуждается в оправдании или философском объяснении...» [531, с. 34]. Борьба против «гносеологирования философии» — одна из основных задач метафизика Булгакова.

Можно взвешивать те или иные философские концепции на весах классового, религиозного, национального принципов в теоретическом сопоставлении с другими теоретическими концепциями, но «гносеологию» Булгакова можно взвесить и на весах его «чуждачества». Что, как не чуждачество, представляют его слова о том, что «мир — это Божье хозяйство и что познавать этот мир — значит “есть мир” (в смысле кушать)» [55, с. 83, 42–51].

После таких «гносеологических перлов» приходится только удивляться, как могла появиться такая, к примеру, обобщающая оценка состояния гносеологической мысли в России начала XX столетия. «Ведущая западная гносеологическая мысль развивалась в начале XX века в направлении онтологизма (например, зарождавшаяся тогда феноменология Гуссерля). Следует заметить, что в этом отношении русская гносеологическая мысль на голову впереди западной, — и главным образом именно благодаря Лосскому и Франку. В свое время Масарик и некоторые другие зарубежные руссологи упрекали русскую мысль в отсутствии критического гносеологического духа. Творчество Лосского и Франка является опровержением этого ложного утверждения. Русская гносеологическая мысль XX века осуществила то, что попытался осуществить в свое время Вл. Соловьев — дать “теоретические основы цельного знания”, вывести философскую мысль из тупика имманентности, в который она зашла, следуя по пути Канта и Юма» [там же, с. 387].

Оставив в стороне выражения типа «тупика имманентности», приписанного трансценденталисту Канту, посмотрим, насколько прав этот автор в превознесении Франка и Лосского.

По обычным критериям классификации течений философской мысли С. Л. Франк был антигносеологистом: еще Радлов отмечал, что «Франк стремится к уничтожению особой теории познания, отличной от теории бытия и предшествующей ей» [397, с. 46].

И действительно, Франк отвергал стремление создать теорию познания как единственную общую философскую науку, заменяющую собой и общую метафизику (или онтологию), и натурфилософию, и философское учение о душе. Как и Бердяев, Франк признавал только «онтологическую» гносеологию с тем отличием, что в первые десятилетия XX столетия он не подчинял гносеологию религиозной догматике в той мере, в какой это делали Бердяев и Булгаков.

«*Познание* есть отношение человеческого сознания к истине и бытию, и если мы не хотим догматически исходить из частного факта человеческого сознания, то мы должны признать основной философской наукой не исследование человеческого познания, а исследование *знания* в смысле наиболее общего и логически первого содержания знания. Содержанье же знания, взятое, как таковое, то есть вне отношения к факту его познания человеком или процессу его познавания, есть не что иное, как само бытие или сама истина». «Так теория *познания* превращается в теорию *знания*, а теория знания, додуманная до конца, — в теорию истины, или бытия, и гносеология снова становится сознательно тем, что бессознательно есть всякая философия, — общей онтологией» [541, с. 23].

Что касается Н. О. Лосского, то его отношение к гносеологии было существенно иным, чем у Франка, не говоря уже о Бердяеве и Булгакове. Хотя Лосский связывал гносеологию с онтологией, но на первое место он ставил все-таки не онтологию, а гносеологию. Важнейшая в наше время философская наука — гносеология, считал он. Основные черты онтогносеологической концепции Лосского — антиантропоцентризм, (антииндивидуализм и антисубъективизм), антиинтеллектуализм (интуитивизм). Философ стремился в первую очередь вырваться, как он выражался, «из тисков субъективного идеализма», симпатизировал учениям о надындивидуальном знании, в том числе устаревшим, по его мнению, учениям Шеллинга и Гегеля. «Знание есть процесс надындивидуальный, содержащий в себе объекты трансцендентные в отношении к познающему индивидууму» [254, с. 358].

Для характеристики своей гносеологической позиции Н. О. Лосский сам использовал понятия «интуитивизм» и «мистический эмпиризм», причем полагал, что интуитивизм может сочетаться с разными метафизическими учениями. Понятие «мистицизм» он употреблял в ином смысле, чем его понимали религиозные мистики. «Мистические восприятия», по Лосскому, это то же, что «непосредственное восприятие» и интуиция. Исходя из такого понимания мистицизма и интуитивизма, Лосский считал немецкий рационализм XIX в. (Фихте, Шеллинг, Гегель и частично Шопенгауэр) мистическим. Этот рационализм-де «всего

глубже выразил и использовал принцип интуитивности знания» [там же, с. 144].

По Лосскому, «содержание мира, рассматриваемое как независимое от акта знания познающего субъекта, есть онтологическое, а поскольку оно становится содержанием суждения, оно составляет *логическую сторону его*» [252, с. 4]. Это очень похоже на гегельянство, и С. А. Алексеев (Аскольдов) имел основание говорить о близости Лосского к Гегелю и о том, что интуитивизм Лосского мог быть включен в философскую систему Гегеля «без существенного ей противоречия».

Одна из основных проблем европейской гносеологической мысли рубежа XIX—XX вв. — противостояние сторонников психологизма (Вундт, Дильтей, Липпс и др.) и антипсихологистов (Коген, Шуппе, Риккерт, Гуссерль, Ласк и др.). Вундт, например, утверждал, что если состоится развод между философией и психологией, то философия больше потеряет, чем выиграет, а психологии будет нанесен сильный удар. Лосскому же, наоборот, показались чрезвычайно ясными и убедительными положения Гуссерля в «Логических исследованиях» о том, что теория знания и логика не суть науки, основанные на психологии. Поскольку психологизм, равно как субъективизм и антропоцентризм, Лосский относил к главным недостаткам критицизма Канта, в основе процесса знания у которого лежало причинное взаимодействие между познающим субъектом и миром. Освобождение от психологизма и антропоцентризма Канта Лосский воспринимал как одну из тенденций философии XIX и начала XX в. К этой тенденции он подключал и Фихте, и Шеллинга, и Гегеля, которые-де старались, «исследуя условия возможности знания», проникнуть «из области человеческого „я“ глубже в сферу Абсолютного „я“, Мирового духа, Абсолютной идеи и т. п. и дать, таким образом, полный систематический обзор не только условий человеческого знания, но и строение всего мира» [там же, с. 237]. Второй ряд попыток освободиться от психологизма и антропоцентризма Лосский усматривал в стремлении преобразовать понятие сознания в современной ему философии, и в этой связи он называл прежде всего имя Г. Когена.

Характерной чертой гносеологической концепции Лосского была также его антигностическая направленность, убеждение в познаваемости сущности мира.

Свое основное теоретическое убеждение в необходимости связи «антигностической» гносеологии и метафизики (онтологии) Лосский отчетливо изложил в работе «Обоснование интуитивизма». «Если нам скажут, — писал он, — что знания, постигающего действительную жизнь, нет, что знание имеет только *символический* характер, что мы знаем не

самую вещь, а лишь действие ее на нас, или если нам скажут, что познаваемый нами мир есть только *мир наших представлений*, мир явлений, разыгрывающихся по законам нашего ума, то этого рода знание нас не удовлетворяет: нам душно в узкой сфере «я», мы хотим выйти в безбрежное море действительности, как она существует независимо от свойств нашего «я» [254, с. 3].

Такая онтогносеологическая концепция Лосского находилась на уровне тогдашней европейской мысли. Но нет никаких оснований говорить, что в лице Лосского (и Франка) русская гносеологическая мысль оказалась «на голову впереди западной». Кроме того, следует сказать и о том, что онтогносеологическая концепция Лосского — это отнюдь не продолжение усилий развить теоретические основы «цельного знания» славянофилов и Вл. Соловьева. Существенно отличается гносеологическая концепция Лосского и от утопленных в квазиправославном религиозном сознании гносеологических построений Бердяева и Булгакова.

Интуитивистская гносеология Лосского, как и его идеал-реалистическая онтология, очерчивают одну из моделей русской университетской философии начала XX в. Из других университетских «онтогносеологов» можно назвать еще некоторых.

Г. И. Челпанов считал свою гносеологию идеально-реалистической, имея в виду, что «познаваемое является результатом взаимодействия реального бытия и познающего сознания» [546, с. 120].

С. А. Алексеев (Аскольдов) — автор книги «Основные проблемы теории познания и онтологии» (1900), самое название которой оттеняет мысль о том, что гносеология — исходная философская дисциплина, но она должна покоиться на онтологических предпосылках.

Е. Бобров, несмотря на свою приверженность к монадологии лейбницеанского происхождения, считал, что «философия, как познание познания, наука наук» самое мышление делает в логике и теории познания предметом науки и мышления, что «философия есть наука мышления *par excellence*» [42, т. 12, с. 191].

Молодой ученый А. Маковельский в свою очередь утверждал, что метафизика «должна следовать за теорией познания, а не предварять ее» [263, ч. 2, с. 1], что учение о познании (теория познания и логика) «должно быть *первой* частью философии, ибо, в противном случае, мы рискуем, начав с каких-либо предвзятых взглядов, проделать бесполезную работу мысли, так как ошибка будет находиться в исходном пункте и в приемах мысли» [там же, ч. 1, с. 79].

Теперь, после «чистых» онтологистов-метафизиков и «онтогносеологов» перейдем к университетским гносеологам.

Лидер русского неокантианства А. И. Введенский рассматривал гносеологию как учение о знании, которое выясняет условия становления бесспорного знания и определяет его границы, за которыми может простираться знание наиболее вероятное, и область мнений, одинаково непроверяемых и одинаково недоказуемых, одинаково позволительных и одинаково необязательных. Это определение означало отрицание метафизики как знания, но, как и у Канта, возможность метафизики как веры в составе мировоззрения. Гносеология, таким образом, оставалась единственной философской дисциплиной — знанием.

Более последовательным гносеологом выступал И. И. Лапшин, сосредоточиваясь на исследовании законов мышления и форм познания в их взаимозависимости, имманентизма и солипсизма. В 1917 г., как бы подводя итог своей борьбе за теорию познания как главную философскую науку, он буквально воскликнул: «Отмахиваться от “гносеологизма” во имя какой-нибудь составленной на живую нитку “онтологии” — жалкая, беспомощная уловка».

Неокантианская гносеология оказала существенное влияние также на В. Сеземана, В. Савальского, С. Гессена, П. Новгородцева, Б. Кистяковского. Особенно горячим приверженцем критицизма Канта в переработке Г. Когена стал В. Савальский, который использовал даже термины «критицизм Канта—Когена», «учение Канта—Когена» [см.: 429, с. 277, 278]. «В результате сравнения, — писал Савальский, — получается, что спор современной философии между критицизмом, позитивизмом и мистицизмом нужно решить... в пользу критицизма, а спор среди критицистов между неохегелянцами и Марбургской школой — в пользу последней» [429, с. 349]. А в конечном счете весь спор решается в пользу Германа Когена: «Эта философия есть философия европейской культуры, той светской культуры, которая связывает себя с традициями великой европейской эпохи Возрождения и светлого Античного мира» [там же]. Последний абзац монографии Савальского звучит не менее патетично: «Апофеоза Науки и Государства составляет интимнейшую сторону этой философии. И здесь именно, в самом сердце ее, слышится биение пульса эпохи Возрождения, Духа Европейского Просвещения и Культуры. Система Когена стремится стать выражением самосознания европейского просвещения и идеалов его культуры» [там же, с. 360].

Наивным духом поклонения назвал Б. Яковенко книгу Савальского. В числе противников Савальского оказался также Е. Трубецкой, что лишний раз говорит о неоднозначности восприятия неокантианской гносеологии в России начала XX в.

Аналогичная ситуация складывалась вокруг гносеологических идей Гуссерля. «Забойщиком» в данном случае выступил Г. Шпет, посвятивший изложению и критике идей Гуссерля ряд своих работ. Опираясь на Гуссерля, Шпет отстаивал рационалистическую и антиагностическую, антискептическую теорию познания. «Нельзя, — писал он, — превращать теорию познания в теорию незнания»; «истинный путь философии — в развитии бесконечных творческих сил разума» [559, с. 18].

С. А. Алексеев (Аскольдов), наоборот, отвергал новейшую гносеологию в духе Гуссерля, доказывая, что «гуссерлевская интенция, устремленная на какие-то мыслимые предметы, которых в конце концов не знаешь где искать, — это образец гносеологического тумана» [7, с. 351]. Полемизируя с Б. Яковенко, Алексеев с явным сожалением писал: «Еще более грустно становится за философию и за ее будущее, когда во всех отношениях тусклое произведение Гуссерля ставится очень многими во главу угла современной гносеологии, рекомендуется к усиленному штудированию учащейся молодежи и когда сам Гуссерль характеризуется как несомненный идейный вождь надвигающейся новой эпохи философского мышления» [там же, с. 353]. Алексеев выражал твердое убеждение, что «если эта новая эпоха пойдет за Гуссерлем как за своим вождем, то это будет эпоха второй схоластики, на этот раз не теологической, а гносеологической» [там же]. Почему же? Потому что весь второй том столь прославленных «Логических исследований» Гуссерля представляет, «за исключением отдела, посвященного теории абстракции, чистейшую схоластику бесконечных подразделений и дистинкций, не только что никому и ни для чего не нужных, но совершенно бесполезных и для самого Гуссерля, который в конце концов утонет в нагроможденных им самим тончайших употреблении» [там же]. По Алексею (Аскольдову), главное значение в философии Гуссерля имеет критика психологизма, в то же время уже Наторп показал, что после Когена здесь у Гуссерля мало чему можно научиться [см.: там же, с. 554].

Трудно сказать, кого конкретно имел в виду Алексеев, когда писал, что «очень многие» ставили Гуссерля «во главу угла современной гносеологии», что его усиленно рекомендовали учащейся молодежи. По-видимому, здесь есть момент полемического преувеличения. В России, кроме Шпета, некого вроде бы записывать в «гуссерлианцы», да и при этом нужны оговорки. Тем не менее преувеличение Алексея симптоматично: оно указывает на значительное влияние в русской университетской философии гуссерлианства как новейшего гносеологического учения начала XX в.

* * *

Пройдемся теперь хотя бы бегло по другим философским дисциплинам, в разработке которых участвовали университетские философы. Сначала о логике.

Как заметил Е. Бобров, в его время под именем «*логика*» в разных университетах преподавались разные науки: логика формальная, метафизическая, гносеологическая, психологическая, математическая и др. Логик Н. А. Васильев выделял два основных направления: «математическое, которое стремится привести логику в связь с математикой», и «гносеологическое, стремящееся привести ее в связь с теорией познания» [64, с. 387].

Одной из основных проблем логики оставалась проблема ее соотношения с теорией познания. На двух примерах можно видеть, что в некоторые тогдашние курсы логики по-прежнему включалась, наряду с собственно логической, гносеологическая проблематика. Вот как выглядела программа курса логики у Е. Боброва: «Определение науки логики. Ее отношение к другим наукам и ее практическое значение. Общий обзор истории логики. Различные направления в логике: формальная, метафизическая, гносеологическая, психологическая, математическая и т. п.

Учение о мышлении. Психологические условия мышления. Значение для мышления воображения и чувствований вообще. Логические оценочные чувствования. Основные законы мышления, особенно закон достаточного основания. Общие категории положительного и отрицательного.

Учение о формах мышления. Общее между понятием, суждением и умозаключением. Понятие. Содержание и объем понятия. Роды и виды. Суждения. Разделение суждений и их взаимоотношения. Умозаключение. Виды силлогизмов. Индукция, ее условия, средства и значение. Отношение индуктивных методов к дедуктивным. Различные виды дедуктивных методов. Аналогия.

Определение, или дефиниция. Виды и составные части его. Правила определения.

Классификация и ее виды.

Учение о познании. Различные гносеологические направления: сенсуализм, эмпиризм, рационализм, идеализм, критицизм, позитивизм, скептицизм, мистицизм и т. п. Душа и тело. Внешнее раздражение и ощущение. Значение памяти и привычки в процессе познания. Закон причинности. Психогенезис образов и представлений. Формирование общих понятий. Субъект и объект. Душа и внешний мир. Миропонимание наивное, или донауговое, науговое и философское. Материализм и имматериализм

(панпсихизм, индивидуализм и универсализм). Вопрос о границах и достоверности познания. Философия и отдельные науки. Классификация наук и их взаимные отношения. Методологические приемы отдельных наук. Вопрос об единстве всего человеческого знания.

Учение об истине. Истина, заблуждение, ложь. Доказательства и ошибки. Истина научная, философская, нравственная, религиозная. Идея истины в ее отношении к идеям блага и красоты» [42, т. 12, с. 221–222]. (Курсивом мы выделили темы собственно гносеологические. — В. П.)

По вопросу о соотношении формальной логики и теории познания в университетской философии начала XX в. было высказано несколько точек зрения.

А. И. Введенский считал логику частью теории познания в том смысле, что она является наукой о правильном и ошибочном мышлении.

Появились, однако, и философы, разграничивавшие логику и теорию познания. Так, П. Э. Лейкфельд считал, что формальная логика рассматривает не всякого рода мысли, а только формы правильного мышления, нормальные формы мысли или нормы форм мысли [234].

И. И. Ягодинский также разграничил гносеологические и собственно логические вопросы.

В. А. Снегирев, наоборот, отождествлял логику с теорией познания, считая первую наукой «об общих и постоянных признаках, условиях согласия мышления с действительностью, или об условиях и законах истинности и ложности, достоверности и недостоверности».

Примечательна полемика «гносеологиста» И. И. Лапшина с «формальным логиком» С. И. Поварниным.

Лапшин отстаивал тезис о том, что теория познания является основой формальной логики. Хотя формальная логика, писал он, опирается на законы мысли и считается системой законов, не зависящих от критической теории познания, законы мышления опираются на формы мышления и, помимо признания необходимости последних, не имеют права на существование. Те, кто отвергает значение критической теории познания, лишают себя права ссылаться на законы формальной логики. Основания современной логики, доказывал Лапшин, лежат в гносеологии; не существует и не может существовать теоретической логики, рассматривающей общее учение о доказательствах вне гносеологического и метафизического образования.

Лапшин воспротивился также попыткам заменить гносеологию и гносеологическую логику логикой символической. При определенных оговорках он принимал символическую логику, не соглашаясь, в частности, с Мерсье, который заявлял, что математическая логика — это математика, сошедшая с ума. Но Лапшин был против «магии симво-

лов», превращения суждений в математические равенства, уравнения и неравенства, против манипулирования над символами, отрешенными от общедоступных форм высказывания, против замены всего созданного Аристотелем, Платоном, Кантом или Гегелем.

При всем при этом развитие ставившейся под сомнение *математической логики* в России стало признаком модернизации университетской философской науки.

В 1888 г. приват-доцент П. С. Порецкий впервые в России прочел курс математической логики, обобщив и развив идеи таких логиков, как Дж. Буль, У.-С. Девонс, Э. Шрёдер. Математическую логику разрабатывали также Е. Л. Буницкий, И. В. Слешинский, В. В. Бобынин и др. Пограничными областями логики и философии математики занимались Н. А. Васильев и Н. Н. Парфентьев. Алгебру логики как раздел математической логики в начале XX в. начал разрабатывать приват-доцент Московского университета И. И. Жегалкин. Родоначальником неклассической, неаристотелевской логики стал Н. А. Васильев. Появились и очень специальные сферы логических исследований. Так, историк Д. М. Петрушевский поднял проблему логического стиля в исторической науке.

В сфере университетской *психологии* ситуация во многом напоминала положение в логике. Тот же Е. Бобров отметил парадоксальную вещь, а именно: психологи «до сих пор не могут столковаться насчет того, как единообразно определить, что такое наука психология» [42, т. 12, с. 222].

Направления в психологии складывались по разным основаниям: теоретическая («рациональная») психология продолжала развиваться в рамках соответствующих философских направлений и выступала в разновидностях религиозно-идеалистических, позитивистских, идеалистических, объективных и субъективных и т. д. Широкое развитие в университетских рамках получила эмпирическо-экспериментальная психология (В. М. Бехтерев, С. С. Корсаков, А. А. Токарский, И. А. Сикорский, П. И. Ковалевский, Э. Крепелин, В. Ф. Чиж, Н. Н. Ланге, А. П. Нечаев, Г. И. Челпанов, А. Ф. Лазурский и др.).

Как и в логике, в сфере психологии одной из основных методологических проблем оставалась проблема соотношения психологии и гносеологии. Опять обратимся к Е. Боброву, читавшему также и курс психологии. Его программа курса:

«1. Определение психологии и необходимость определения души.

2. Наивно-мифологическое понимание души в дофилософский период и в не получившей философского образования части современного общества.

3. Общий взгляд на историю психологии. Ее начатки. Психология первых греческих философов, Анаксимена, Гераклита, Демокрита.

4. Психология в ряду других частей великих философских систем греческих философов Платона и Аристотеля. Душа как источник движения. Смешение функций психических и биологических.

5. Пифагор и восточное учение о метемпсихозе (переселении душ).

6. Психология средневековья. Влияние христианства на понятие души. Споры томистов и аверроистов о судьбе и бессмертии индивидуальной души. Индивидуалисты и универсалисты.

7. Значение Декарта в истории психологии. Основание имматериализма души и несвязанность этого принципа с картезианским общим материализмом. Гносеологический принцип и значение критицизма для понятия индивидуальной души. Сознание. Отношение Декартовой психологии к воззрениям Аристотеля и средневековья.

8. Локк как основатель “аналитическо-исторического” метода разработки психологии. Переход от гносеологии к психологии. История познания и разложение психических сложных групп на их первоначальные простые элементы. Отношение Локка к Декарту, Демокриту и средневековью.

9. Значение Беркли для психологии. Юм, его великая психологическая теория, особенно теория “я”.

10. Психология Лейбница в связи с его гносеологией и метафизикой.

11. Вольфианская психология и критика ее Кантом.

12. Общая схема философских направлений в их отношении к психологии.

13. Психология универсализма (или идеализма) в противоположении ее психологии индивидуализма.

14. “Психология” материализма (древнего, Возрождения, XVIII века — энциклопедисты, Ламетри, Кондильяк, Кабанис; XIX века — Фейербах, Бюхнер, Молешотт, Фохт и др.).

15. Позитивистская психология (Конт и др., сродство с материализмом, разочарование в философии); “психология без души”; нападки на метафизическую, или умозрительную, психологию и психология как наука о душевных явлениях.

16. Отношение психологии к физиологии и физике. Пример зрения и различие в этом случае оптики, физиологии и психологии зрения. Физиологическая психология, психофизика, экспериментальная психология, психометрия. Введение инструментов и статистики в область психологии, Фехнер, Вундт и пр. Закон Вебера и Фехнера.

17. Источники науки психологии.

18. Методы психологии; общее их обозрение.
19. Различные деления и классификация психических явлений.
20. Ощущения, их классификация. История понятия ощущения в психологии.
21. Теория представлений или образов.
22. Теория памяти. Ассоциация идей и история этого учения.
23. Мышление, фантазия. Репродукция и творчество.
24. Теория чувствований и их классификация.
25. Теория воли; спор о свободе воли и ее обусловленности.
26. Теория сознания и бессознательные явления (Лейбниц, Герbart, Гартман и др.).
27. Качественное и количественное понимание сознания — сознание и сознательность. Внимание.
28. Поток сознания.
29. Элемент сознания; момент сознания. Смена сознания. Единство душевной жизни и единство одного момента сознания. Категория времени. Происхождение последней.
30. Закон неслиянности и нераздельности психических элементов; закон ограниченности сферы сознания. Два слоя сознания — простое, непосредственное сознание и сознание опосредованное.
31. Теория самосознания и “я”.
32. Вопрос о бессмертии души.
33. Теория происхождения души (из материи, креативизм, трансдукционизм, преэксистенция, перевоплощение и т. д.).
34. Личность человека, характер, личное психическое развитие.
35. Отношение сознания, тела и внешнего мира, “я” и “не-я”. Категория пространства. Сущность и значение тела. Тело и душа и их взаимоотношение по теориям материалистов, Декарта, Спинозы, окказионалистов и Лейбница.
36. Общее учение о душе; душа как единое и многое сразу.
37. Душа здоровая и больная. Вопрос о наследственности. Природные наклонности и предрасположения. Чудовищные, уродливые, чудачковатые, преступные натуры. Вопрос о вменяемости. Психология масс.
38. Психология расы, пола, возраста, национальности; значение культуры; психология дикарей.
39. Психология животных. Одушевленность в мире.
40. Значение психологии и ее отношения к другим наукам, педагогике, психиатрии, эстетике, гносеологии, метафизике, логике, этике, социологии, истории, антропологии, этнографии и т. д.» [42, т. 12, с. 205].

Даже на одном примере легко убедиться, что университетские психологи в России в начале XX в. были в профессиональном отношении на высоком уровне.

В конце XIX — начале XX в. значительное оживление произошло в сфере **философии естествознания**, но на вопрос, что это такое, однозначного ответа, как и в других сферах философии, не было. Э. Мах писал, что всякий философ «имеет свое домашнее естествознание и всякий естествоиспытатель — свою домашнюю философию» [см.: 269, с. 12], и что обычной домашней философией большинства естествоиспытателей являются позитивизм, агностицизм и родственные им течения [см.: там же, с. 9]. На самом деле разброс философских концепций, которые брались на вооружение естествоиспытателями, был гораздо шире.

К. А. Тимирязев в начале XX в. продолжал придерживаться в философии естествознания позитивистской методологии, контовской по исходным принципам. Тем не менее, он ценил многих выдающихся ученых и мыслителей, из которых далеко не все были позитивистами, например, Л. Больцмана, И. Мюллера, Г. Гельмгольца, Дюбуа-Реймона, Брюкке, Шванна, Вирхова, Л. Пастера и др. Они, по мнению Тимирязева, положили конец виталистическому и натурфилософскому направлению. Вместе с тем Тимирязев порицал «идущих по стопам Беркли», Маха и его «фанатичных поклонников» — «группу философов-необерклианцев».

В то же время титул «физика-идеалиста» закрепился за физиком Н. И. Шишкиным за его антидетерминистскую позицию.

В духе традиции агностицизма от Канта до Дюбуа-Реймона о пределах разума и границах познания профессор О. Д. Хвольсон выводил за пределы разума основные, наиболее сложные проблемы не только бытия, познания, но даже физики.

В рамках концепции «научного мировоззрения» выдающийся естествоиспытатель В. И. Вернадский ставил под сомнение познавательные возможности философии и уповал главным образом на конкретную науку, на логику естествознания, причем соотносил научное мировоззрение с гуманистическими идеалами. В этом аспекте он признавал связь философии с отдельными религиозными учениями.

На фундаменте точных наук стремился построить «цельное философское мировоззрение» А. И. Бачинский, причем науки понимались им в духе учения Э. Маха.

Материалистических в основном позиций в биологии придерживался М. А. Мензбир, особенно ценивший дарвинизм.

Биолог А. С. Фаминцын в стремлении преодолеть наивный реализм и спекулятивный идеализм сочетал экспериментальные методы и теорию познания в духе Вундта и француза Шарко, противопоставляя их Канту и Миллю и выдвигая концепцию так называемого «опытно-философского мировоззрения».

И. П. Павлов — противник всякой спекулятивной науки — и к философии относился более чем сдержанно; но объективно его естественно-научная деятельность сыграла значительную роль в упрочении эмпирико-сенсуалистического и материалистического направления в отечественной науке и философии.

Философские идеи «эволюционной монадологии» (модернизированного учения Лейбница) математика Н. В. Бугаева легли в основу целой Московской философско-математической школы (П. А. Некрасов, В. Г. Алексеев и др.). Некрасов, например, стремился синтезировать логику Декарта, Лейбница, Канта и Владимира Соловьева (особенно монадологию Лейбница в переработке Н. В. Бугаева) с аритмологией и гносеологическими взглядами Канта и В. Соловьева в истолковании профессора физики из Киева Н. Н. Шиллера. Противостоя чистой мистике Бердяева, Некрасов тем не менее считал возможным вобрать в научную философию «очищенные» элементы и науки и веры.

М. С. Аксенов развивал концепцию так называемой «метагеометрической» философии; он, в частности, оспаривал у Эйнштейна приоритет выдвижения идеи «время есть четвертое измерение», т. е. фактически всей теории относительности.

Как и в других сферах, русская *этическая* мысль конца XIX — начала XX в. находилась под влиянием западноевропейских учений, особенно кантианства и неокантианства, фихтеанства и ницшеанства. Имели продолжение традиции русской мысли славянофилов и Вл. Соловьева, просветительской и народнической этики. Этическая мысль дифференцировалась в направлениях и по другим основаниям.

Сторонники объективности понимали и толковали мораль как объективный закон, подлежащий усвоению и выполнению, и строили теории морали как системы норм и принципов. Моралисты, ориентированные на субъективно-личностные подходы, толковали мораль, исходя из субъекта, личности. Это была мораль антропоцентричная, нравоучительная. Основными проблемами философии морали стали проблемы: добро и зло, смысл жизни, смерть и бессмертие, страдание и сострадание, свобода, любовь, семья, эрос, насилие и ненасилие и др.

Из университетских деятелей специально проблемами этики занимались С. Н. и Е. Н. Трубецкие, Н. О. Лосский, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин. Появились обобщающие научные труды по этике. В сфере

теории и истории этики специализировался В. М. Хвостов, придерживаясь неокантианства. Книгу по методологии этики опубликовал А. М. Щербина.

Этика была сферой, где особенно проявлялось влияние религии. Даже математик М. С. Аксенов интересовался «философией мистики», проблемами смерти и загробной жизни.

Существует точка зрения, согласно которой «русская этика» принципиально отличается от западноевропейской. Этические концепции университетских деятелей не подтверждают это мнение. Один из наиболее активно работавших в сфере этики ученых, Б. П. Вышеславцев, доказывал, что из всех классиков немецкого идеализма Фихте дал больше всего для построения этической системы, которая может властвовать над настоящим и будущим.

Лакмусовой бумажкой в сфере этики конца XIX — начала XX в. стало также этическое учение Ницше. Неоднозначность его истолкования, его отрицание одними, принятие по крайней мере частично другими хорошо выразил в самом начале XX столетия С. А. Алексеев (Аскольдов). В статье «Философия и жизнь» (сборник «Проблемы идеализма») он писал: философия Ницше — это не индивидуалистическая мораль или мораль эгоизма. Основой его морали является идея красоты. «Все положительные принципы морали Ницше являются вместе с тем важнейшими принципами эстетики и художественного творчества. Свобода и яркая индивидуальность, сила и смелость, благородство и изящество, гармоничность и художественное единство — вот требования, одинаково служащие критериями прекрасного и моральных ценностей в философии Ницше» [390, с. 197].

«Рациональное зерно» в этике Ницше (по-разному, правда, понимаемое) заимствовалось приверженцами разных философских течений в России, но в наибольшей мере представителями университетской мысли, склонной к перетолкованию Ницше в духе гуманизма. (Подробнее об истолковании рецепции идей Ницше в России конца XIX — начала XX в. см. нашу статью: «Был ли когда-нибудь Фридрих Ницше “самым русским” из западных философов?» // Фридрих Ницше и философия в России. Сб. ст. СПб., 1999, с. 86–108.)

На фоне и в контексте основных течений неакадемической философии искусства, эстетики и философии русской литературы труды университетских деятелей в этой сфере, как и в других, отличаются своей спецификой — большей степенью систематичности, а нередко и глубиной теоретического анализа проблем.

В неакадемической мысли в эти годы были широко распространены религиозно-философские концепции эстетики (Бердяев с его идеями

«космической красоты» как цели мирового процесса, художественного творчества с «теургическим», «боготворческим значением», Флоренский с эстетическим доказательством Бога и т. д.), эстетики символизма (А. Белый, Вяч. Иванов, А. Блок, Д. Мережковский), акмеизма (Н. Гумилев, О. Мандельштам), футуризма (Д. Бурлюк, В. Хлебников, В. Маяковский), формализма (В. Шкловский, Ю. Тынянов, Р. Якобсон, Б. Эйхенбаум, В. Жирмунский) и др. В трудах университетской профессуры такой «эстетической экзотики» почти не было.

В университетах продолжали действовать в общих рамках методологии позитивизма сторонники культурно-исторической школы, стремившиеся к накоплению литературных фактов, а не к выработке целостных концепций (А. Н. Пыпин, С. А. Венгеров).

А. Н. Веселовский опирался в своих многочисленных трудах по славянской и мировой литературе на эволюционно-социологический метод.

Специальный курс «Введение в эстетику» в эти годы читал приват-доцент Н. В. Самсонов. Ему же принадлежит одна из первых в России «История эстетических учений».

Л. Саккетти написал обобщающую работу «Эстетика в общедоступном изложении» (т. 1–2, 1905–1917).

Специально философскими проблемами русской художественной литературы занимался Евгений Соловьев, опубликовавший под псевдонимом Андреевич книгу «Опыт философии русской литературы».

Одной из важнейших проблем теории «университетской» эстетики начала XX в. оставалась проблема соотношения философии и искусства. Весьма содержательное решение по этой проблеме предложил И. И. Лапшин. Между искусством и философией, рассуждал он, возникли отношения взаимопроникновения. Величайшие поэты, художники и музыканты вносят философский элемент в свое творчество. С другой стороны, многие философы обнаруживают поэтическое дарование. Но, допуская эстетический элемент в философском творчестве, Лапшин тем не менее считал, что «философия-искусство» не должна упразднить «философию-науку». Для философов, чрезмерно тяготеющих к несвойственному им поэтическому роду творчества, есть опасность превратить философию в «госпиталь для неудавшихся поэтов», заметил Лапшин, используя меткое выражение Новалиса. В произведениях философов, являющихся одновременно художественно одаренными натурами, Лапшин призывал отделять эстетическую оболочку от научного ядра. Вместе с тем он подчеркивал существенные различия между мировоззрением деятелей искусства и теориями философов, настаивая, в частности, на мысли о том, что, например, о метафизике Толстого или Достоев-

ского можно и должно писать в ином смысле, нежели о метафизике Аристотеля или Спинозы, акцентируя у художников познание особого рода, мирочувствование в противоположность теоретическому мировоззрению философа.

По традиции, уходящей еще в XVIII в., когда в России началось преподавание «метафизики всех прав» — естественного права, — университетская правовая наука и в рассматриваемый период не стояла в стороне от философии. На эту тему продолжали выходить специальные работы. Выпускник Университета св. Владимира в Киеве, переехавший по рекомендации Е. Н. Трубецкого в Томский университет, В. Г. Камбуров, одну из своих работ назвал «К вопросу об отношении философии к юриспруденции». Последователем Б. Н. Чичерина в сфере философии права стал преподаватель Томского университета И. В. Михайловский, у которого есть работа на тему «Значение философии для науки права» (1896).

В университетской философии права сосуществовали и конкурировали друг с другом разные концепции. Н. М. Коркунов придерживался концепции «субъективного реализма», противостоящего, по его мнению, наивному, объективному реализму, с одной стороны, с другой — метафизическому, объективному идеализму; в частности, Коркунов отвергал априоризм гегелевской философии права.

П. И. Новгородцев в своей философско-правовой концепции стремился соединить идеи Канта и Гегеля, Штаммлера и Вл. Соловьева.

Б. А. Кистяковский, положивший в основу своей философии права и социологии неокантианскую разновидность «научно-философского идеализма», дополнял ее некоторыми идеями Лейбница и других философов.

Разноосновой была также философско-правовая концепция Г. Ф. Шершеневича: он стремился сочетать посылки позитивизма, психологической школы и экономического материализма.

Основателем психологической школы права в России стал Л. И. Петражицкий. Одним из его последователей был Н. Н. Алексеев.

По традиции, оформившейся в XIX в., в начале XX в. в университетской философии сильные позиции занимали *философско-исторические исследования*, представленные именами В. О. Ключевского, Н. И. Кареева, П. Н. Милюкова, В. И. Герье, А. С. Лаппо-Данилевского, Р. Ю. Виппера, В. М. Хвостова и других историков. Но эти ученые занимали разные философские позиции.

В. О. Ключевский остался на позициях «первого позитивизма».

П. Н. Милюков также не вышел за рамки первого позитивизма, но модернизировал частично свою методологию русской истории, опира-

ьясь на труды ряда французских и американских социологов и методологов истории.

У В. И. Герье в числе главных авторитетов в сфере философии истории были Гегель и Гердер, которых он ценил за идеи единства и закономерности исторического процесса, поступательности истории, за идею государства как главного выразителя жизни народа.

В Петербурге главой школы методологии был профессор А. С. Лаппо-Данилевский, стремившийся под влиянием, с одной стороны, позитивизма Конта, с другой — неокантианского критицизма, сочетать в своей концепции философские принципы и эмпирические начала.

Р. Ю. Виппер, отталкиваясь от философии Маха, толкуемой как «новый реализм», разрабатывал в духе «исторического реализма» теорию исторического познания и вообще акцентировал особую значимость для исторических исследований теории познания.

Своеобразие философско-исторической концепции В. М. Хвостова заключалось в том, что он увязывал ее с этикой, опираясь, в частности, на труды Бернгейма, Йодля, Паульсена и русских авторов — Кареева и Лаппо-Данилевского.

Проблемам философии истории посвящена одна из ранних работ будущего знаменитого советского историка Е. В. Тарле.

Упомянем еще несколько *общественных наук*, в рамках которых поднимались философские проблемы. Соотношение философии и социологии интересовало М. М. Ковалевского, К. М. Тахтарева, Н. И. Кареева.

Философскими проблемами *политической экономики* занимались А. Н. Миклашевский, А. А. Исаев, М. И. Туган-Барановский, Л. И. Петражицкий, С. И. Солнцев.

Философскими проблемами *педагогики* специально занимался С. И. Гессен.

Одним из продолжателей психологической концепции А. А. Потебни в *философии языка* стал Д. Н. Овсяннико-Куликовский, соединявший психологический метод с дарвиновской теорией эволюции, учением И. Тэна о влиянии среды и «исторической поэтикой» А. Веселовского.

В начале XX столетия университетская философия пришла к идее необходимости изучения *философских проблем общественных наук* в целом. Первую работу, посвященную этой теме, опубликовал Е. В. Спекторский. С неокантианских позиций разрабатывал общие проблемы социально-научного познания Б. А. Кистяковский.

История философии — философская дисциплина, в разработке которой университетская философия имела полное преимущество перед духовно-академической, а тем более «вольной» философией. Впе-

чатляющим является один только перечень работ, написанных университетскими профессорами, и преподавателями, и философами, непосредственно связанными с университетами.

В сфере истории новой и новейшей западноевропейской философии выделяются труды таких авторов, как: П. П. Блонский (о Декарте, Спинозе, Руссо, Беркли и Гартмане), Н. Д. Виноградов (о Д. Юме), Б. П. Вышеславцев (о Фихте), В. Н. Ивановский (о Канте, Юме, А. Бэне, Милле, Э. Гартмане, Гербарте, неокантианстве, Фихте, Спинозе, Спенсере), И. А. Ильин (о Гегеле, Штирнере, Фихте, Шлейермахере), С. Ф. Кечекьян (о Спинозе), Г. Э. Ланц (о Фихте), А. И. Огнев (о Шеллинге), А. А. Гизетти (о Банзене), С. О. Грузенберг (о Шопенгауэре, К. Фишере), В. М. Каринский (о Лейбнице), Э. Л. Радлов (о Гельвеции, Вольтере, Руссо), Т. И. Райнов (о Лотце и Канте), Д. В. Ройтман (о Дюринге), Е. А. Соловьев (Андреевич) (о Гегеле, Бокле, Ницше), А. М. Щербина (о Канте), Н. Н. Сретенский (о Лейбнице), И. И. Ягодинский (о Лейбнице), В. Г. Алексеев (о Гербарте), Г. Г. Шпет (о Юме и Канте), Е. В. Спекторский (о Монтескье), И. И. Иванов (о Сен-Симоне, Ницше) и др.

Труды по истории античной и средневековой философии опубликовали Е. Н. Трубецкой, П. П. Блонский, В. Н. Ивановский, Э. Л. Радлов, А. О. Маковельский, И. И. Семенов.

Современной философией в конце XIX — начале XX в. занимались: Е. Н. Трубецкой (о Вл. Соловьеве), Д. В. Викторов (об эмпириокритицизме), В. Н. Ивановский (о Н. О. Лосском), М. М. Ковалевский (о Де-Роберти), Г. Э. Ланц (о Шуппе, Авенариусе), Л. М. Лопатин (о Н. В. Бугаеве, С. Н. Трубецком), М. М. Рубинштейн (о Лопатине), П. П. Блонский (о С. Н. Трубецком), Э. Л. Радлов (о М. И. Каринском), В. Э. Сеземан (о Марбургской школе неокантианства), В. Г. Алексеев (о Бугаеве и Московской философско-математической школе), А. Э. Вайнштейн (о Шуберт-Зольдерне), Г. И. Челпанов (о школе Авенариуса), С. О. Грузенберг (о философии в России начала XX в.).

По истории философии в России опубликовали труды: В. Н. Ивановский (о Троицком, Гроте, Герцене), М. М. Ковалевский (о шеллингианстве и гегельянстве в России начала XIX в.), Д. В. Викторов (о Н. Я. Гроте), П. Н. Сакулин (о В. Ф. Одоевском, Н. В. Станкевиче), И. И. Замотин (о русском романтизме 20-х гг. XIX в.), Э. Л. Радлов (о Вл. Соловьеве, Сеченове). В конце XIX — начале XX в. Радлов пошел по пути создания обобщающих работ по истории русской философии. В 1912 г. вышел его «Очерк истории русской философии».

Ряд проблем истории философской мысли в древней и средневековой Руси поднял в своих работах литературовед А. И. Соболевский.

Большой эмпирический материал по истории философии в России собрал Е. А. Бобров.

По философии народов Востока ряд трудов опубликовал Ф. И. Щербатской.

Невозможно подробно охарактеризовать весь этот огромный массив литературы. Попытаемся обозначить лишь некоторые тенденции в историко-философских исследованиях. Обратимся сначала к мнению Е. Боброва не только потому, что он специально занимался проблемой преподавания философии в университетах, но и потому, что высказал ряд неординарных мыслей.

Бобров акцентировал значение истории философии как дисциплины, способной привести к какому-то общему знаменателю различные философские идеи: «Если многие вопросы являются в наше время спорными и зависимыми от того или другого направления, то единственно лишь изучение истории философии может дать нам бесспорные и объективные точки зрения на предметы философии» [42, т. 12, с. 227].

Пропедевтическое значение имеет история философии для начинающих ученых: «Единственно история философии может застраховать молодого, начинающего мыслителя от односторонних научных увлечений при выработке им себе мирозерцания»; «Приобретши твердые исторические основы, можно впоследствии обратиться и к вопросам систематической философии, вопросам гносеологии, метафизики, психологии, общенаучной методологии, логики, этики, эстетики и т. д.» [там же].

Обращают на себя внимание мысли Боброва относительно отдельных проблем истории философии. После всех наших разговоров в последние десятилетия о «европоцентризме» как-то неожиданно звучат рекомендации Боброва молодым философам. По вопросу зависимости греческой философии от восточной: даже «историческая справедливость» требует-де от молодого философа «хотя бы заглянуть» в книги Глядиша, Рёта, Шрёдера, Группе, Рода, Вольфганга Шульца [см.: там же, с. 229]. Не менее неожиданной представляется мысль Боброва о том, что «философия Возрождения не имеет особой важности». Зато понятно, почему этот рационалист-«лейбницеанец» считал, что «по истории философии средневековой патристики и схоластики изучение первоисточников возможно значительно сократить» [там же].

Как расставлены приоритеты у Боброва в истории философии Нового времени? К менее замечательным философам отнесены Гоббс, Мальбранш, Гейлинкс, Фрэнсис Бэкон. Из сочинений Спинозы выделяется «Этика». Высоко ценятся «Метафизические размышления» и «Рас-

суждение о методе» Декарта, «Опыт» Локка, «Трактат о принципах человеческого знания» Беркли, «Трактаты» Юма. Из трудов Лейбница выделены «Новые опыты», часть переписки, малые трактаты («Монадология», «О вселенском духе» и т. п.). Очень поучительной признается полемика Декарта с критиками его «Размышлений о первой философии». Рекомендовалось также чтение Рида и ознакомление с шотландскою школою.

К немецкой идеалистической философии конца XVIII — начала XIX в. Бобров относится более чем сдержанно: «Изучение Канта можно ограничить только его тремя “Критиками” и “Пролегоменами”. Это все — материал громоздкий и трудно усвояемый, но плоды не вознаграждают усилий на изучение Канта» [42, т. 12, с. 230]. «Изучение премников Канта тоже надо сократить значительно. Достаточно будет, если молодой философ не поскушает ознакомиться с “Назначением человека” Фихте, “Идеями о философии природы” Шеллинга, “Энциклопедией” Гегеля, с “Миром как воля и представление” Шопенгауэра. Результаты и здесь вряд ли вознаградят за труды по путешествию в этой бесплодной (кроме разве Гегеля) области» [там же, с. 231].

Мы уже не раз обращали внимание на тот факт, что в эпоху распространения в огромных масштабах неокантианства оппозиция философии Канта также была весьма солидной. Не только Бердяев и Булгаков ненавидели Канта. В университетских кругах также встречались весьма нигилистические оценки кантовской философии. Получивший степень магистра философии в Венском университете приват-доцент Харьковского университета И. С. Продан позволил себе написать о великом труде Канта: «Столь путанного и противоречивого произведения, как “Критика чистого разума”, не написано еще ни одним, даже второстепенным философом» [393, с. 55].

Поскольку уже вышла большая работа на тему «Философия Фихте в России», в которой весьма подробно освещены исторические судьбы наследия Фихте в России в XIX и в начале XX в., мы не будем останавливаться на этой теме, заметив только, что в отношении к Фихте в России этого времени наблюдались не только нигилистические оценки его философии как субъективного идеализма, но и попытки реабилитировать эту философию, представить, например, второй, «идеал-реалистический», период творчества Фихте как исходный пункт для «реставрации спекулятивной философии» (Г. Э. Ланц).

Конец XIX — начало XX в. — время «вторичного пришествия» в Россию философии Гегеля (после огромного размаха его влияния в 30—40-х гг. XIX в. и последующего упадка). О Гегеле писали «вольные»,

внеуниверситетские, философы (Н. Федоров, Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. К. Михайловский, Л. Е. Оболенский и др.).

Н. Ф. Федоров включил Гегеля в список отвергаемых им философов: «Гегелианизм следует назвать не панлогизмом, а иллогизмом, ибо “Логика” Гегеля изображает ход неразумной силы...» [359, т. 1, с. 545]. «“Логика” Гегеля есть метафизическое изображение рождения и умирания, а не воссоздания и оживления; это картина распада, а не объединения» [там же, с. 546]. В глазах Бердяева, «в гегельянстве философия дошла до самообожествления», «гегельянство — невиданная гордыня отвлеченного “философствующего” разума» [30, с. 17]. «Крушение гегельянства, этой титанической гордыни философии, было вместе с тем кризисом отвлеченной философии, поражением рационализма» [там же, с. 67].

Русские марксисты, особенно Г. В. Плеханов и В. И. Ленин, очень постарались, чтобы о гегелевском учении, о диалектическом методе в русской литературе вновь разгорелись споры. Встречались попытки полностью отбросить гегелевскую диалектику, попытки перетолковать ее в духе научной теории эволюции и т. д. Но возобладало стремление выявить в гегелевской философии «рациональное зерно», его диалектический метод, причем в такой преувеличенной степени, что в советские 20-е гг. советская философия была во многом гегельянизирована школой Деборина.

Из университетских философов конца XIX — начала XX в. о Гегеле писали: Е. Бобров, А. Гиляров, И. А. Ильин, Н. И. Кареев, Н. М. Коркунов, И. И. Лапшин, Л. М. Лопатин, Н. О. Лосский, П. Новгородцев, Е. Трубецкой, О. Хвольсон, Г. Челпанов, В. Шилкарский и др.

Особенно обратила на себя внимание вступившая в противоречие с «общепринятым пониманием философии Гегеля», как выразился С. Франк, концепция Ильина.

Ильин доказывал, что гегелевский панлогизм — это пантеологизм и выражение теодицеи. Такая крайность показательна. Она свидетельствует о том, что хотя в университетской философии не наблюдалось по отношению к Гегелю такого нигилизма, какой проявили, к примеру, Федоров или Бердяев (профессор Новгородцев сознательно стремился соединить идеи Канта и Гегеля), но все-таки университетские философы оказались неспособными по достоинству оценить великую историческую роль гегелевской философии, особенно его диалектики. Не случайно Е. Бобров, высказавшись довольно пренебрежительно о классической немецкой философии конца XVIII — начала XIX в., продолжил свои рекомендации молодым философам словами: «Гораздо плодотворнее было бы, наряду с тем, обратить внимание на психологические

и метафизические идеи Гербарта. Дальнейшая любознательность по истории философии этого периода может быть обращена на философию Мена де Бирана и Огюста Конта» [42, т. 12, с. 231]. «Замечательнейшими» из новейших систем «первой философии» Бобров называл системы Лотце и Тейхмюллера, с одной стороны, Спенсера, Дюринга и Вундта — с другой [см.: там же, с. 232]. Стремление университетского профессора привлечь внимание к новейшим философским течениям нельзя не оценить позитивно, но оно сопровождалось нигилизмом по отношению к таким классикам философии, как Кант и Гегель.

* * *

С. Грузенберг в вышедшей в 1911 г. работе, посвященной тогдашней современной философии в России, не без иронии заметил, что в центре философских споров в России начала XX в. стояла «модная в наше время борьба против философии Запада во славу и процветание родной, “национальной”, русской философии». Автор зафиксировал одну из основных проблем русской философской мысли начала XX в., зародившуюся, как мы уже говорили, гораздо раньше, в 30-х гг. XIX в., когда в отечественной литературе понятие «русская философия» стало достаточно распространенным, но с этого же времени оно периодически то имплицитно, то явно ставилось под сомнение мыслителями разных ориентаций.

Для того чтобы оценить специфику отношения к проблеме русской национальной философии университетской профессуры, посмотрим, как эту проблему воспринимали представители внеуниверситетских течений.

На рубеже XIX—XX вв. в русской церкви относительно философии обозначились три основные тенденции: 1) наиболее ортодоксально-догматическая линия, сторонники которой по многовековой традиции вообще отрицали необходимость философии для православия, в том числе религиозной философии; 2) линия, последователи которой представляли идеи христианской православной философии, носящей «вселенский» характер; 3) линия, которую отстаивали поборники идеи русской национальной православной философии. Возникло также несколько комбинаций вселенской христианской философии с национально-русской.

В современной православной церкви до сих пор почитается имя настоятеля Андреевского монастыря в Кронштадте проповедника Иоанна Кронштадтского (в миру И. И. Сергиев; 1829—1908).

В начале XX в. Иоанн Кронштадтский был известен не только как «чудотворец», но и как почетный член черносотенного «Союза русского народа», влиятельный в придворных кругах. Так вот: ни о какой русской национальной философии у Иоанна нет ни слова. В 1900—1901 гг. «С.-Петербургский духовный вестник» опубликовал дневниковые записи Иоанна Кронштадтского под названием «Христианская философия в разных статьях». В 1902 г. издана расширенная «Христианская философия» Иоанна при его личном участии, причем издатели заявили, что публикуемый материал «представляет собой действительно стройную и достаточно полную систему христианской философии» [177, предисловие].

Что представляет собой христианская философия по Иоанну? Это повествования о падшем человеке, о спасении, о церкви, о церковных обрядах и праздниках и о других проблемах христианского православного вероучения безотносительно к русской национальности.

В начале XX в. появились приверженцы такой концепции христианской философии. На «Христианскую философию» Иоанна ссылался «прославленный проповедник», тоже крупный деятель черносотенного движения, Иоанн Восторгов [см.: 176, т. 4, с. 445]. Примечательно, что Иоанну Восторгову отнюдь не чужд ни патриотизм, ни национализм. У него есть специальная статья на модную со времен Владимира Соловьева тему «Русская идея» [см.: там же, т. 3, с. 336]. Он — сторонник «православно-русского государственного мировоззрения», но тема русской национальной философии у Иоанна отсутствует. Он постоянно говорит о «христианской философии», призвание России он видит, в частности, в «создании чисто христианской философии и культуры» [там же, т. 2, с. 173].

Адептом концепции христианской философии был в конце XIX—начале XX в. еще один, впоследствии широко известный, церковный деятель — Антоний Храповицкий — в те годы епископ Волынский, отличитель «соловьевской декаденщины», критик братьев Трубецких, Розанова. Антоний ратовал за философию жизни в том виде, как она изложена в Библии, за систему христианской метафизики.

Назову еще одно имя, но не потому, что оно вошло в историю, а потому, что о нем восторженно отзывался ныне популярный Павел Флоренский. В 1900 г. на звание магистра подал сочинение «Опыт системы христианской философии» архимандрит Знаменского монастыря Серапион (Машкин). По сообщению П. Флоренского, вместо этого первого названия в дальнейшем появилось новое: «Опыт системы учения и Дела Иисуса Христа (Христианская философия)». Последняя редакция труда Машкина так понравилась П. Флоренскому, что он сравнил ее со

своеобразным изяществом строгости «Этики» Спинозы и трех «Критик» Канта. О вкусах не спорят. Так Флоренскому показалось. Но мы хотели бы обратить внимание на другое: под христианской философией Серапион (Машкин) понимал учение и дела Иисуса Христа, и Флоренский не возражал против такой трактовки места философии в православии [см.: 534, т. I, ч. 2, с. 619].

А как же обстояли дела у сторонников «русской философии» из кругов православной церкви?

В начале 90-х гг. XIX в., когда обсуждение вопроса о русской философии пошло по новому кругу, молодой религиозный философ, тогда еще доцент Московской духовной академии, Алексей Введенский подвел обсуждению неутешительный итог: «Самостоятельность и самобытность русской философской мысли» — какое возвышенное желание и в то же время какая, по-видимому, неосуществленная мечта! Окидывая общим взглядом недолгую историю нашей философии, мы не находим там, строго говоря, ни одной вполне самобытной философской величины. Мы можем указать — и, пожалуй, достаточное число — бесспорно-недюжинных, многообещающих философских дарований, но ни одного выдержанного мыслителя с строго определенным обликом, с ясно выраженными чертами законченной системы, на которую мы могли бы указать как на свою самобытную философию, — не скажу: с такою гордостью, с какою немцы указывают, например, на Канта, Гегеля и т. д.; но просто хотя бы без стыда за свое русское имя, как они говорят о всех своих философских величинах второго порядка. В самом деле, что мы видим в истории нашей философской мысли? Два-три талантливых популяризатора Гегеля, два-три хорошо его понимавших и метко критиковавших противника; энергичные, одушевленные, но почти бесплодные попытки славянофилов создать самобытно-русскую философию путем сочетания идей Шеллинга с идеями восточно-аскетической литературы; далее, ряд последователей позитивизма, между которыми были и умы недюжинные, но вовсе не оригинальные; еще позднее — пропагандисты различных форм нового немецкого пансихизма; наконец, много обещающих, но пока еще ничем значительным себя не заявивших философских дарований: вот пока, в главных моментах, и все наше! Ни одного самобытного течения» [76, 1893, кн. 20, с. 118—119].

Непримирение Алексеем Введенским славянофильства проявилось также в том, что он иначе, чем славянофилы, определяет оригинальность русской философии. Эту оригинальность А. Введенский видит не в привлечении веры к философской работе, наряду с умом, волей и чув-

ствами, т. е. не в синтезе ума, чувства и воли в одном акте веры, как думали славянофилы, а в начале «соборности сознания».

Наряду с соборностью, двумя другими основными идеями, или тенденциями, заложенными лишь в весьма смутной и неотчетливой форме в глубине русской души, Алексей Введенский назвал мелиоризм и трансцендентальный монизм [см.: там же, с. 156–157].

Если А. Введенский считал возможной «самобытно-русскую» философию хотя бы в будущем, то другой церковный публицист, А. Никольский, высказал в 1901 г. на страницах харьковского богословско-философского журнала «Вера и разум» сомнение и в такой возможности.

Если философию понимать в смысле общего мировоззрения, рассуждает А. Никольский, то «философия всегда существовала у каждого народа и даже у каждого человека» [299, 1901, с. 384]. Такая философия всегда была в России. Речь может идти на самом деле о философии в смысле науки. В этом качестве философия тоже была в России. Возникает вопрос: а возможна ли национальная философия? Такую возможность А. Никольский отвергает и осуждает тех, кто ставит вопрос о самобытности русской философии, понимая под самобытностью соответствие историческим основам русского народа, его вековым устоям. Главный аргумент: «народные устои» — это не первичные, природные элементы народного духа, а образования вторичные. Общий вывод А. Никольского о невозможности «национальных» философий: «Именно в философии как науке общечеловеческих и вечных проблем и не может быть ни русских, ни английских, ни французских, ни немецких философий» [там же, с. 387].

С оригинальной трактовкой комбинации «русской национальной философии» и «христианской философии» выступил в начале XX в. М. М. Тареев, профессор Московской духовной академии.

Одна из наиболее выдающихся черт Тареева как богослова и философа состоит в том, что он решился на фактически открытую национализацию, русификацию православия, заявив, что русский народ имеет право на свою русскую национально-самобытную христианскую философию. Если все предшественники Тареева противопоставляли «нашу русскую философию» западному рационализму, то Тареев противопоставил ее также старому греческому духу, характерными чертами которого он считал интеллектуализм и гностицизм [см.: 492, с. 52–53]. Тареев обвинил греков в «притязаниях эллинизма», в том, что они отождествили свою национальную христианско-философскую мысль с учением отцов церкви, с принципом «отечества», т. е. предания, созданного отцами церкви.

Что же за философию предложил Тареев? Философию, совпадающую с богословием. По представлениям Тареева, христианская философия — это философия Христа [см.: 492, с. 83]. Догматическое богословие, являясь историческим учением о догматах, может принимать вид философии. «“Философия” (в кавычках) *христианская*, не как христианская (по содержанию) философия, а как “философия” в христианстве — это и есть догматическое богословие» [там же, с. 13]. Что же касается содержания такой философии, равной богословию, то представление о ней дают такие слова Тареева: «Тот путь богословствований, на который я вас зову, для которого едва можно указать кое-какие аналогии в новейшей западной философии, — путь духовной мистики — есть путь, о котором давно страстно вздыхает русская душа. Духовная мистика, субъективная духовная философия, философия сердца должна выясниться как национальная *русская философия...*» [там же, с. 53].

Павел Флоренский, выпускник физико-математического отделения Московского университета, поступил в Московскую духовную академию в то время, когда М. М. Тареев был уже ее профессором. Со временем и Флоренский стал профессором той же академии (1912–1917). Богословские и философские взгляды двух профессоров одной и той же академии радикально разошлись, в том числе и по вопросу о русской и *христианской философии*. «Столп и утверждение истины» Флоренского Тареев назвал «эффектным образчиком лукавого применения патристики». «Книга его в своем содержании не имеет ни одной черты христианской философии: это не что иное, как спиритическая философия. Под флагом церковно-отеческим он излагает лишь *свою философию*» [там же, с. 100].

Какую же концепцию русской и христианской философии отстаивал Флоренский, что это так не понравилось его старшему коллеге Тарееву?

Флоренский разграничивал два типа философствования. Первый «определяет историю новой философии в Западной Европе» [534, т. 1, ч. 1, с. 80]. Это «рационализм, т. е. философия *понятия* и *рассудка*, философия вещи и безжизненной неподвижности...» Это — философия плотская, философия омоусианская. Второй тип — это христианская философия, которая отождествляется с «вообще православной философией». Таким образом, получается, что у Флоренского русская философия является частной разновидностью христианской православной философии. Это — философия идеи и разума, философия личности и творческого подвига. Это — философия духовная, омоусианская [см.: там же]. В отличие от западной философии, коренной чертой русской

философии Флоренский считал ее онтологизм, причем преобладал онтологизм теистический. Это, конечно, радикально разводило Флоренского с субъективистской «философией сердца» Тареева.

Наиболее яростным поборником русской национальной философии в начале XX в. был В. Ф. Эрн, друг и одноклассник Павла Флоренского, тоже выпускник Московского университета, ставший богословом, правда, светским.

Эрн так настойчиво акцентировал «национально-русское» в философии, что его сочинения дали основание С. Л. Франку начать с ним в 1910 г. полемику на тему «О национализме в философии». И действительно, на примере В. Ф. Эрна можно хорошо проиллюстрировать тезис о том, что в том виде, в каком в конце XIX — начале XX в. пропагандировались концепции русской национальной философии, — концепции эти носили националистический, антизападнический характер.

В самом деле. Лишь недавно просохли чернила в текстах Владимира Соловьева, который с полным основанием говорил о том, что не выявилось пока никаких задатков самобытной русской философии, а Владимир Эрн уже пропагандировал идею о том, что «в истории новой философии и в современности русская философская мысль прочно заняла совершенно особое, исключительное место» [574, № 30, стб. 40]. Эрн нисколько не смущало, что в России не было ни своих Гегелей, ни Кантов, что вообще выходило мало философской литературы. На все это Эрн реагировал софистически: «Русскую мысль я противопоставляю западной по *качеству*, а не по *количеству* и считаю, что русская мысль в современном духовном состоянии мира занимает совершенно особое место не потому, что тот или иной русский мыслитель столь же гениален, как Гегель, а потому, что принцип философствования русских философов (между которыми есть и гении) существенно отличен от принципа философствования западноевропейских мыслителей нового времени» [575, с. 112]. Но и этого мало. Эрн призвал оценивать русскую философию не только по тому, «что сказано и написано», но принимать во внимание «богатейшие обертоны тайн и намеков, ее проникающих» [там же, с. 89–90].

От обвинений в национализме В. Эрн отрекся. И некоторые основания он на это имел, поскольку считал, что русская философская мысль имела не первичную, а производную ценность, что абсолютную данность для его мировоззрения представлял восточно-христианский логизм, что русская мысль была дорога ему не потому, что она русская, а потому, что только она одна якобы хранила живое антично-христианское умозрение, только она оставалась верной философскому началу

всемирного значения, а именно логизму [см.: там же, с. 118]. В логизме, в ориентации на античный Логос как разум, связанный с живой и конкретной действительностью, на Логос, отличающийся от *ratio* западной философии, формального рассудка, оторванного от многообразной жизни, Эрн усматривал лейтмотив русской мысли.

Основными моментами в развитии рационализма, по Эрну, являются Декарт, Кант и Гегель. Русская же философия — в корне противоположна рационализму новой западной философии, особенно немецкой. Рационализм — это серединность, принципиальная посредственность. *Ratio* — это среднее арифметическое между разумами всех людей. Рационализм есть двойное отречение от высот Небес и глубин Земли. Русская же философия — наследница античной и средневековой мысли, существенно «логична», пронизана Логосом [см.: 576].

Из основного принципа русской философии, из ее логизма, В. Эрн выводил три основные черты русской философии: во-первых, ее онтологизм: русская философия в противоположность мейнстримной и рационалистической европейской философии — существенно конкретна, проникнута онтологизмом.

Во-вторых, русская философская мысль глубоко религиозна. Относительно религиозности западных философов Эрн делал только одно исключение — для Шеллинга, у которого, по его мнению, религиозность коренилась не просто в личности, а в самом принципе философствования.

Третьей основной чертой русской философии Эрн считал ее персонализм, т. е. подчеркнутую значимость в ней личности ее творцов и создателей.

Националистический характер концепции русской философии у Эрна проявляется в том, что он, как и славянофилы и многие другие деятели русской церкви, «русскость» противопоставляет общечеловечности и при этом безосновательно изображает «русскую философию» как якобы превосходящую западную философию.

Сторонники самобытно-русской философии в русской церкви столкнулись фактически с противоречием между верностью идее национальной философии и верностью православию как наднациональной христианской религии, претендующей на вселенскую значимость. Сам термин «русская философия» несет в себе непримиримые разногласия. Прилагательное «русская», если иметь в виду этнонациональный признак, расходится с догматически санкционированным пониманием всеобщего, вселенского, наднационального характера православного христианства. Постоянно возникала дилемма: если ты последовательно проводишь национально-русскую точку зрения в философии, то ты

вступаешь в противоречие со своими православно-христианскими догматами. Эта несогласованность проходит через всю историю русской религиозной мысли XIX—начала XX в.

Даже такой яростный сторонник идеи национальной русской философии, как Тареев, вынужден был фактически отождествлять русскую философию с христианской философией, с философией Христа. У Павла Флоренского русская философия — частная разновидность христианской православной философии. Даже у В. Ф. Эрн «русскость» философии — не первичная, а производная ценность. Русская мысль дорога ему не потому, что она русская, а потому, что она самая верная хранительница восточно-христианского логизма. Многие православные деятели, видимо, понимали это несоответствие и вообще не ставили проблему именно русской философии, ратуя за христианскую философию, за философию «вечных истин»: Иоанн Кронштадтский, Антоний Храповицкий, Иоанн Восторгов, А. Никольский и др.

В начале XX в. в дискуссии о русской философии приняли участие ставшие к этому времени «светскими богословами» С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев.

Хотя Булгаков считал бесспорным, что русская интеллигенция «является едва ли не наиболее философски настроенной», он вместе с тем признавал, что она является «совершенно недостаточно философски образованной», что «уровень философского образования стоит у нас чрезвычайно низко не только у читающей публики, но и у пишущей» [53, с. 2]. Соответственно весьма скромно выглядит в глазах Булгакова профессиональная русская философия: «До сих пор мы, русские, ничем почти не обогатили мировой философской литературы, и единственным нашим оригинальным философом остается пока Влад. Соловьев, философские заслуги которого иными оспариваются» [там же]. Булгаков писал о «полном почти теоретическом бесплодии русской философской мысли», о ее бессилии [см.: там же, с. 37].

Булгаков нашел утешение в том, что «если мы не имеем оригинальной научной литературы по философии, то мы имеем наиболее философскую изящную литературу» [там же]. По его мнению, в течение XIX в. или, по крайней мере, с середины XIX в. русские, в лице Достоевского и Толстого, даже Тургенева и в меньшей степени Чехова, «идут впереди европейской литературы, являясь для нее образцом» [там же]. Согласно Булгакову, одна из самых главных, самых центральных проблем философии всех времен и народов, поставленная еще Сократом, — это этическая проблема, вопрос о критериях добра и зла, об этической санкции: «Думается, что в наши дни из всех философских проблем этическая проблема выдвигается на первое место»: она «со-

ставляет самый главный, действительно первый по важности вопрос философии» [53, с. 11].

Сравнение русской и немецкой философии Булгаков проводит путем противопоставления Ивану Карамазову Фауста, перенесшего «драму ограниченности человеческого познания», драму гносеологическую [там же, с. 30], пытавшегося дать ответ «на кантовский вопрос: возможно ли познание (опыт) и какую цену имеет это познание» [там же]. Если, по Булгакову, «Иван Карамазов является настоящим русским именно в том, что он всецело занят этической проблемой», если этот сильный философский ум поразительно равнодушен «ко всем остальным проблемам философии, например, теории познания», то, наоборот, Фауст, выступающий с гносеологической проблемой, является настоящим немцем, с их удивительной силой философской мысли и с их философскими *Grübeleien* (даже не найдешь русского слова для этого понятия) [см.: там же].

При таком противопоставлении Булгаков все-таки стремится сохранить связи русской философии с философией немецкой, как бы прибавить к достоинствам первой достоинства второй. Он не видит ничего зазорного в том, чтобы похвалить систему Вл. Соловьева через ее сравнение с гегелевской. «Система Соловьева является универсальной именно с точки зрения истории философии в гегелевском смысле» [54, с. 197]. Булгаков дает понять, что Соловьев сопоставим с самым крупным философом современности. Его не смущает и то, что у Вл. Соловьева он находит синтез идей, заимствованных из немецкой философии.

В отличие от Булгакова, Н. А. Бердяев более категоричен в вопросе о том, насколько русская философия является совершившимся фактом. Он упрекал русскую интеллигенцию за то, что она просмотрела-де оригинальную русскую философию, равно как философское содержание русской литературы. У Бердяева русские философы расставлены по рангу в таком порядке: Чаадаев, мыслитель большого калибра, который был-де совсем не замечен и не понят; Вл. Соловьев, которого следовало «признать нашим национальным философом, чтобы около него создавать национальную философскую традицию»; величайший русский метафизик Достоевский. Далее идут Хомяков, Чичерин, Козлов, С. Трубецкой, Лопатин, Н. Лосский, В. Несмелов. Но как и Булгаков, Бердяев, противопоставляя русскую философию западной, до тотального разрыва между ними не доводит.

В одних случаях Бердяев противопоставлял онтологизм русской философии трансцендентализму философии немецкой, считая, что идея сущего как конкретного, «живого» бытия есть основная идея русской

философии. (Как будто в Германии все философы сущее понимали только как чистую абстракцию.)

В других случаях Бердяев акцентировал гносеологические различия. Так, коренное различие между русской и немецкой философией он усматривал в том, что «германский идеализм остановился на стадии крайней отвлеченности и крайнего рационализма, завершенного Гегелем», а «русские философы, начиная с Хомякова, дали острую критику отвлеченного идеализма и рационализма Гегеля и переходили не к эмпиризму, не к неокритицизму, а к *конкретному идеализму*, к онтологическому реализму, к мистическому восполнению разума европейской философии, потерявшего живое бытие» [29, с. 188].

В бердяевской трактовке национальной русской философии вполне очевидны несколько противоречий. С одной стороны, он хочет представить русскую философию как антитезу западной философии вообще, немецкой в особенности. Свое предложение признать Вл. Соловьева русским национальным философом и вокруг него создавать национальную философскую традицию (хотя сам В. Соловьев против русской философии возражал) он сопровождает явно антинемецким ироническим замечанием: «Ведь не может же создаваться эта традиция вокруг Когена, Риккерта или другого какого-нибудь немца, чуждого русской душе» [29, с. 187]. Русскую философию, в ее зачатках, усматриваемых у Хомякова, Бердяев истолковывал как новую философию, преодолевающую европейский рационализм на почве высшего сознания. В русской философии всех оттенков есть что-то общее, что-то своеобразное», что якобы ведет к «какой-то новой философской традиции, отличной от господствующих традиций современной европейской философии» [там же, с. 187–188].

С другой стороны, Бердяев чувствовал, что нельзя слишком дистанцироваться от мировой философии. Философская традиция в русской философии, совершенно справедливо говорил он, «должна быть и универсальной, и национальной» — тогда лишь она плодотворна для культуры. При этом построение национальной философской традиции мыслилось им на базе традиции универсальной: «В философии Вл. Соловьева и родственных ему по духу русских философов живет философия универсальная, общеевропейская и общечеловеческая, но некоторые тенденции этой философии могли бы создать и традицию национальную» [29, с. 189].

Создание национальной философской традиции, по мысли Бердяева, «привело бы не к игнорированию и не к искажению всех значительных явлений европейской мысли, игнорируемых и искажаемых нашей космополитически настроенной интеллигенцией, а к более глу-

бокому и критическому проникновению в сущность этих явлений» [там же]. Бердяев убежден, что «русская философия в основной своей тенденции продолжает великие философские традиции прошлого, греческие и германские, в ней жив еще дух Платона и дух классического германского идеализма» [там же, с. 188]. В свои рассуждения о философских традициях Бердяев включает и своего рода афоризм: «Нам нужна не кружковая отсебятина, а серьезная философская культура, универсальная и вместе с тем национальная» [там же, с. 189].

Но, увы, в действительности, стремясь подчинить русскую философию «свету религиозной веры», Бердяев порывал с великими философскими традициями прошлого, в первую очередь, с великой традицией секуляризации философии, вековым процессом освобождения философии от власти религии.

Тем не менее нельзя не отметить, что концепции русской философии «светских богословов» Булгакова и Бердяева значительно отличаются от концепций религиозных философов и богословов, тесно и непосредственно связанных с официальной православной церковью и ее учением. Бердяев, правда, оказался не столь последовательным, как Владимир Соловьев, который, исходя из идеи всемирности и наднациональности христианства, отрицал самую возможность русской национальной философии. Бердяев, не замечая противоречия, в которое впадал, ратовал за русскую философию, но вместе с тем резко критиковал «церковный национализм» как характерное русское явление, полнейшую национализацию в России христианской церкви, которая определяет себя как вселенскую; одновременно Бердяев осуждал национализм славянофильской идеологии, подменявшей вселенское православие русским [см.: 29, с. 10]. Соловьева же Бердяев хвалил за его беспощадную критику «церковного национализма», за его призывы к вселенскому духу христианства, за освобождение православной церкви из плена национальной стихии [см.: там же, с. 11].

В сфере философии Бердяев умудрился усесться на двух стульях: на идее великих философских традиций прошлого, идее русской философии как продолжательнице греческой и германской традиций, духа Платона и духа классического германского идеализма и одновременно на идее русской философии, как якобы преодолевшей европейский рационализм и создавшей какую-то новую национальную философскую традицию, принципиально отличную от традиций современной европейской философии. Таким националистом в философии, как, скажем, В. Эрн, которого специально критиковал за национализм Франк, Бердяев не стал, но все-таки в его концепции русской философии образо-

вался довольно значительный пласт антиевропеизма, антизападничества, национализма.

В вопросе о возможности создания «самобытно-русской философии» своеобразную «центристскую» позицию наиболее явно выразили редакторы журнала «Логос». «Логосовцы» скромно оценивали текущее состояние русской философии: «Если за последние десятилетия и появились в России глубоко серьезные философские исследования, то все же бесспорной, прочно установившейся традиции у нас нет» [93, с. 13]. Свою позицию они заняли также в вопросе о будущем русской философии: «В вопросе о фактическом состоянии русской философии мы в общем сходимся с крайними западниками, но расходимся с ними по вопросу о возможности у нас самостоятельной философской традиции» [93, с. 13]. «Логосовцы» верили «в будущее русской философии, а также в то, что основанное на безусловном усвоении западного наследия философское творчество наше неизбежно вберет в себя имеющиеся у нас своеобразные и сильные культурные мотивы, обнаружившиеся пока лишь в области художественного и мистического творчества, и тем самым бесконечно обогатит мировую философскую традицию» [там же].

Правда, со славянофильствующими философами «логосовцев» связывало лишь то, что они стремились выявить в русской культуре «оригинальные мотивы», исходя при этом из того, что этих мотивов не так уж много, ибо, «как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая» [там же]. И вообще, «все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток влияния немецкого идеализма» [там же]. Оставаясь западниками по преимуществу, «логосовцы» открыто заявляли: «Имея в виду создание и упрочение русской философской традиции, мы ни в коем случае не должны ставить себе целью русскую философию во что бы то ни стало» [там же, с. 14]. Почему? Потому, что такая цель исходит из посторонних философии соображений народного достоинства и оригинальной философии как необходимого атрибута культурной народности. Она нарушает, таким образом, принцип автономии философии, подчиняя ее инородной ей ценности нации. Практически она ведет к слишком поспешному удовлетворению малым, бесплодному выдумыванию своих систем во что бы то ни стало, к замене русской философии ее фальсификацией» [там же].

Теперь на фоне духовно-академической и «вольной» философии нам легче представить специфику взглядов на проблему русской нацио-

нальной философии университетской профессуры, особенно молодого поколения.

Университетские деятели, как правило, подобно «логосовцам», весьма скромно оценивали философские успехи России вообще, надеясь на создание самостоятельной русской философии лишь в будущем. Н. О. Лосский пользовался понятием «русская философия», но считал, что «до сих пор в России не было самостоятельной истории философии, не было преемственного ряда философских мирозерцаний, развившихся друг из друга так, как это было в Древней Греции или Германии» [254, с. 186, 193–194]. Свою надежду на создание самобытной русской философии Лосский связал с процессом сближения и органического слияния в русской философии точек зрения и методов мышления Лейбница, с одной стороны, Шеллинга и Гегеля – с другой.

Специализировавшийся в изучении философского процесса в России Э. Л. Радлов был немногим более оптимистичен: «Русский народ пока не внес в общую сокровищницу философского творчества нового принципа. У русских нет вполне оригинальной самостоятельной философской системы; тем не менее было бы несправедливо утверждать, что существует лишь философия в России и нет русской философии» [397, 2-е изд., с. 3].

Б. П. Вышеславцев считал, что нет никакой специальной русской философии, но существует лишь «русский подход» к мировым философским проблемам, «русский способ» их переживания и обсуждения. Правда, фактически Вышеславцев отдавал дань тезису о противоположности русской и западной философии: в отличие от Запада с его рационализмом, интеллектуализмом, сциентизмом, позитивизмом русская философия покоится, по Вышеславцеву, на чувстве, интуиции, является продолжательницей «эллино-христианской» традиции, а именно византийской теологии и античной греческой философии, в первую очередь Платона.

По мнению Н. Алексева, «в русской культурной жизни философия есть явление сравнительно молодое, и уже по одному тому *средний* философский уровень русской мысли не может быть слишком высоким» [5, с. 193].

Современный философ, выходец из России, но живущий сейчас в Германии, Борис Гройс на основании крайних концепций самобытно-русской философии делает далеко идущие выводы относительно всей русской философии. «Философия, – рассуждает Гройс, – занимается поисками всеобщих истин и универсальных законов мышления. Претензия определенного типа рационального, логического и научного мышления на всеобщность базируется в вере в то, что субъектом этого

мышления является картезианское рациональное “я”, или кантовская трансцендентальная субъективность, или еще какая-либо форма “чистого разума”. Русская философия отвергает претензию западной философии на всеобщность мышления, полагая, что «философски понятый универсальный субъект мышления является лишь маской вполне конкретного человека западной культуры, стремящегося представить свою специфическую культуру в качестве всеобщей. В известном смысле русская философия есть философски сформулированная антифилософия» [112, с. 30, 31].

Я готов согласиться с тезисом о том, что славянофильская философия и примыкающие к ней течения являются, по сути дела, антифилософией. К счастью, в досоветской России была не только «философия» славянофильского разлива. Была и есть в России философия, вполне родственная лучшим образцам западноевропейской философии. Анализ университетской философии конца XIX — начала XX в., как и предшествующих эпох, свидетельствует об этом.

* * *

Поскольку основной целевой установкой данного труда была культурологическая установка, выявление роли и места университетской философии в культуре России, а не логический анализ философских концепций под углом зрения их оригинальности и степени их вклада в мировую философию, мы сознательно шли на максимально широкий охват конкретного эмпирического материала, относящегося к университетской философской культуре в России в ее целом.

Из исследования вытекает правомерность вычленения феномена «университетская философия в России» как отрасли философской культуры и отдельного направления философии в России XVIII — начала XX в., качественно отличного, хотя и внутренне дифференцированного, даже гетерогенного, но по ряду параметров целого, от духовно-академической и «вольной», внеуниверситетской, неакадемической философии. В широком смысле университетская философия в России — это не только система преподавания предусмотренных программами собственно философских дисциплин, осуществлявшаяся специализированными кафедрами философии и штатными профессиональными философами с соответствующими степенями и званиями, и не только теоретическое и философское творчество этих профессионалов в рамках официальных программ и вне программ, но также философское творчество тех университетских профессоров и преподавателей, которые в рамках нефилософских дисциплин занимались философскими пробле-

мами своих наук и внесли тот или иной вклад в философию истории, философию права, философию морали (этику), философию искусства (эстетику), философию других наук. Мы могли убедиться, что вклад университетских ученых-нефилософов в философию был весьма значительным на всем протяжении истории университетской философии. Более того, в десятилетие с 1850 по 1860 г., в течение которого преподавание философии в университетах было сведено к логике и психологии, ученые-нефилософы собственным творчеством в сфере философских проблем в известной мере компенсировали ущербность тогдашней системы преподавания философии в России.

Университетская философия в России выступает в широком смысле еще потому, что ее субъектами были также штатные сотрудники — приват-доценты, которые читали в университетах лекции по тем или иным «узким» темам, т. е. вели «спекурсы». Состав приват-доцентуры в российских университетах и тематика их лекций убедительно доказывают, что приват-доценты существенно, если не сказать радикально, обновляли систему преподавания философии.

Широкий смысл понятия «университетская философия» связан еще с тем, что в число ее субъектов мы включаем не только деятелей собственно университетов, но и ряд преподавателей философии в других высших, а иногда и средних учебных заведениях, и в этом смысле можно сказать, что в данном труде представлена вся светская школьно-университетская философия.

Внешняя история университетской философии в России складывалась непросто, порой даже драматично: здесь были и гонения профессоров по политическим и религиозным мотивам, и закрытие на десятилетие философских кафедр, что сводило преподавание философии к минимуму. И не так уж далеко от истины утверждение философа-профессора В. Н. Ивановского, что философия в России развивалась «от погрома до погрома». Но эта история уже свершилась, и теперь мы можем, абстрагируясь от внешней истории, посмотреть, а что же сохранилось от университетской философии в «сухом остатке». И оказывается, что осталось не так уж мало.

Думается, что нам удалось доказать, что история университетской философии начинается не в 60-е гг. XIX в., а с момента создания в Петербурге Академии наук, которая первоначально представляла собой гибрид академии и университета. Парадокс истории университетской философии в России состоял в том, что она начала формироваться в момент, когда полного, настоящего университета еще не было, но появились уже первые профессиональные профессора философии, была даже первоначально философская кафедра с «заведующим», и худо-

бедно, пусть нерегулярно, с большими перерывами шло преподавание обычных для начала XVIII в. философских дисциплин, обычных даже по западноевропейским критериям. А с созданием Московского университета преподавание философии стало более систематическим.

В историко-культурном отношении это значит очень много. Можно вслед за Шпетом и Яковенко стенать по поводу неоригинальности философского творчества тогдашней российской философской профессуры, но при этом нужно учесть широкий исторический контекст. Необходимо принять во внимание тот факт, что до XVIII в. философия в России была представлена мелкими островками в море антифилософски ориентированного господствующего религиозного сознания, что она существовала на Руси либо в виде разрозненных идей, либо вообще лишь в форме отдельных философов в нефилософских формах письменности и общественного сознания. Нельзя не учитывать и того, что на Руси не было сколько-нибудь значимых переводов античных классических философских произведений, что почти до конца XVII в. (до Лихудов) философия ни в каком виде не преподавалась.

Появление и утверждение в России XVIII в. университетской философии, типологически тождественной тогдашним наиболее влиятельным и значимым философским течениям, трудно переоценить. На узком участке, оставив большую часть страны пребывать чуть ли не в Средневековье, философско-университетская сфера русской культуры выдвинулась на общеевропейские рубежи.

Поскольку университетская философия в России стала формироваться с момента создания Петербургской Академии наук и при решающей роли русско-немецких философских связей, особенно связей с лейбнице-вольфовской философией — самым влиятельным тогдашним направлением западноевропейской философии, — университетская философия сложилась как разновидность светской философии европейского типа. Тогдашние русско-немецкие философские связи явились главным фактором европеизации и модернизации всей философской жизни в стране. Это была элитарная культура, культура узкого, не очень глубоко европеизированного круга общества, но это был пласт в молодой российской философской культуре, который вводил Россию в число развитых в философском отношении стран Европы.

Мы могли убедиться, что уже в XVIII в. российская университетская философия, представленная несколькими десятками имен, заняла господствующую позицию среди других течений тогдашней философии в России.

Духовно-академической философии, до середины XVIII в. не вышедшей за рамки выхолащенного средневекового аристотелизма, при-

шлось догонять стартовавшую с более сильной позиции университетскую философию.

Среди университетских профессоров не было таких оригинальных личностей, как А. Н. Радищев, наиболее адекватно представлявшего «вольное», внеуниверситетское, «философствование» в России XVIII в. Но, во-первых, Радищев — питомец Лейпцигского университета, а во-вторых, он занимался далеко не всеми философскими проблемами, которые стали актуальными в его время и которыми занималась университетская профессура. Так что в XVIII в. «вольная» философия также уступала университетской.

В XIX в. взаимоотношения между университетской и внеуниверситетскими философскими течениями существенно изменились. В 50-х гг. университетская философия попала в зависимость от духовно-академической, представители которой преподавали в университетах логику и психологию. В то же время в таких областях, как философия права, философия истории, философия искусства, философия других наук, университетская философия сохранила сильные позиции даже в 50-е гг. По ряду параметров (связь с потребностями общественного развития, уровень разработки социально-философской проблематики, способность ассимилировать самые передовые научные и философские идеи) университетская философия уступала в XIX в. философскому творчеству «вольных» философов, представлявших философию русского Просвещения 40–60-х гг. XIX в., либерализм и народничество второй половины XIX в. Однако по мере того, как либеральная и демократическая идеология расширяла свое влияние в университетской среде и часть профессуры стала участвовать в освободительном движении, университетская философия стала сокращать свое отставание от «вольной» философии и по этим параметрам.

Русскую университетскую философию, как и всю русскую философию, не раз обвиняли в эклектике, причем в отечественной философской историографии понятие «эклектика» потеряло свой изначальный рациональный смысл и стало бранным словом. Между тем на первых порах понятие «эклектика» применительно к философии означало стремление философа взять у своих предшественников все лучшее, а не следовать какому-либо одному авторитету, что истолковывалось как догматизм. Вопрос о том, что лучше: «эклектика» или «догматизм» в их первоначальном значении, не имеет однозначного решения раз и навсегда. Для формирования философской мысли стран Европы, которые запаздывали в своем историческом развитии по сравнению с ушедшими вперед западноевропейскими странами, но стремившимися догнать их, сравняться с ними (а к таким странам объективно, а во многом

и субъективно в сознании подавляющей части общества относилась и Россия), «эkleктика» в исходном смысле слова являлась не исключением, а правилом. Философские концепции российских университетских профессоров были не «монистическими», не «догматическими», а именно «эkleктическими», т. е. разноосновными, синтетическими, синкретическими, амальгамными. Это был, может быть, недостаток с точки зрения логики построения концепции. С культурно-исторической же точки зрения, это было достоинством университетской философии, как, впрочем, и всей русской философии. Университетские философы далеко не всегда следовали лучшим образцам мировой философии, но, вступая в противоборство с теми или иными идеями или положениями западноевропейской философии, которые казались по тем или иным причинам полностью или частично неприемлемыми, в целом университетская философия в России никогда не противостояла западноевропейской философии как таковой. Как правило, университетские профессора стремились синтезировать идеи разных западных философов и формулировать собственные концепции, которые вписывались бы в отечественный социокультурный и философский контекст.

Хотя до 60-х гг. XIX в. работа в университетах носила фактически характер государственной службы и университеты «работали» в конечном счете на официальную идеологию, поставляя иногда исключительно репильных в политическом отношении профессоров, тем не менее политические и идеологические взгляды профессуры влияли на характер их философских работ в меньшей степени, чем в «вольной», внеуниверситетской, философии. В общем и целом университетская философия сохраняла достаточно высокий профессиональный научный уровень, относительную систематичность и специализированность диссертаций, книг и статей; не отличаясь особой оригинальностью, она зато постоянно поддерживала прочные идейные связи с наиболее крупными и влиятельными течениями западноевропейской философии и поэтому в каждый данный момент была нередко ближе к истине, чем большинство «оригинальных» концепций «вольной», неакадемической, философии. Хотя судьба университетской философии складывалась не просто, порой драматично, хотя ей постоянно приходилось бороться за существование, временами она все-таки преуспевала и оказывала серьезное позитивное влияние на интеллектуальный климат в стране, на состояние ее философской культуры и культуры в целом.

Анализ темы «Университетская философия как специфический феномен, отрасль философской культуры и направление в философской мысли в России XVIII — начала XX в.» приводит к выводу об огромной исторической значимости этого направления в истории отечественной

культуры. Отечественная университетская философия XVIII – начала XX в. уступала по уровню немецкой, французской и английской университетской философии, но вряд ли была какая-либо другая европейская страна, в которой университетская философия была бы столь же значимой, как в России. Хотя в литературе встречались завышенные оценки роли университетской философии (только с ней связывалось, например, появление философии в России), одним из основных недостатков всей отечественной историографии было и пока остается нигилистическое отношение к университетской философии. На преодоление этого нигилизма направлено и настоящее исследование, и две другие части данного труда.

Часть II

**ПЕРСОНАЛИИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ
ФИЛОСОФИИ В РОССИИ
XVIII — НАЧАЛА XX в.**

АБИХТ (АВІСНТ) ИОГАНН ГЕРМАН (4.5.1762—16.4.1816). Родился в Фольксштедте близ Рудольфштадта в семье учителя. Закончил Рудольфштадтскую гимназию, затем Эрлангенский ун-т (1784); в 1786 г. получил степень магистра, в 1790 г. — степень доктора; обе диссертации на соискание ученых степеней были посвящены проблемам философии Канта; стал адъюнктом, затем экстраординарным и ординарным профессором ун-та в Эрлангене; по рекомендации члена Петербургской АН Фусса приглашен в Виленский ун-т, где стал ординарным профессором логики и метафизики и проработал там с августа 1804 г. до кончины; в 1805 г. перешел в русское подданство; звали его Иван Крестьянович.

По философским взглядам А. — сторонник Канта и Рейнгольда; полемизировал с виленским же профессором Я. Снядецким, который с позиций эмпиризма нигилистически оценивал немецкую философию конца XVIII — начала XIX в., особенно Канта и Шеллинга.

Соз.: Philosophie der Erkenntnise. Erben, 1791; Neues Systemlines aus der Menschheit entwickelten Naturrechts. Züleck, 1792; System der Elementarphilosophie, oder Vollständige Naturlehre der Erkenntnisgefühl und Willenkraft. Erlangen, 1795; Revidirende Kritik der speculativen Vernunft., Bde 1—2. 1799; Encyclopädie der Philosophie. Frankfurt, 1804; Initia philosophiae propriae, sic dictae. 1814.

Лит.: Neubig А. J.-H. Abicht, einer der tiefsten Denker Deutschlands. Bayern, 1843; **424***, Т. 1. С. 7—8; Ueberweg F. **639**, Bd 3, S. 614, 684, 719; Bd 5, S. 320.

АВСЕЕНКО ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (5.1.1842—1913). Родился в Московской губ. в дворянской семье; окончил 1-ю Киевскую гимназию (1859) и историко-филологический фак-т Ун-та св. Владимира в Киеве (1863); в 1864—1866 гг. — приват-доцент по кафедре всеобщей истории; в дальнейшем — мировой посредник и чиновник в ведомстве Министерства народного просвещения; занимался также публицистикой, написал несколько романов.

* Цифры, выделенные полужирным шрифтом, означают порядковый номер источника по списку литературы.

Интерес представляют труды А., посвященные западноевропейским социалистам и либералам, а также философии истории. Занял позицию: «ни заблуждений материалистов, ни крайностей увлечений ультраидеалистов»; философию истории в строгом научном смысле усматривал у Бокля.

Соз.: Томас Мор // Русское слово. 1860. № 11; Публицисты нового времени: Руайе-Коллар, Токвиль и Мишле // Отечественные записки. 1863. № 1, 6, 10; Луи-Блан // Русский вестник. 1863. № 9; Идеализм и материализм в истории // Отечественные записки. 1863. № 5 и 7; Письма о женщинах. СПб., 1888.

Лит.: 37, с. 11–12.

АВСЕНЕВ ПЕТР СЕМЕНОВИЧ (1810–31.3.1852). Родился в Воронежской губ., учился в Воронежской духовной семинарии, затем в Киевской духовной академии (1829–1833), которую окончил со степенью магистра богословия; с 1836 г. — бакалавр философских наук; с 1839 г. — экстраординарный, с 1845 г. — ординарный профессор; с 1838 г. — адъюнкт Ун-та св. Владимира по кафедре философии, оставаясь при духовной академии; в 1844 г. уволился со службы, принял монашество с именем Феофан; в 1845 г. стал архимандритом; вновь был приглашен в ун-т читать лекции, но вскоре был уволен.

В ун-те А. читал логику, историю новейшей философии, нравственную философию вместе с естественным правом и философией истории. По мировоззрению — мистик, придерживавшийся концепции «ясновидящей души», способной сообщаться с миром непосредственно и «знающей многое бессознательно».

Соз.: Наблюдения над умирающими (отрывок из «Психологии») // Москвитянин. 1852. № 20; Лекции по опытной психологии // Сборник из лекций бывших профессоров Киевской духовной академии. Киев, 1869.

Лит.: 37, с. 6–11; Шпет Г. Г. 559, с. 187–189.

АВТОКРАТОВ СЕРАФИМ ПЕТРОВИЧ (1833–2.1.1881). Родился в Пензенской губ. в семье священника; в 1859 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию кандидатом с правом на степень магистра; назначен учителем философии в Новгородскую семинарию; после ухода из духовного ведомства послан в 1862 г. за границу для приготовления к профессорскому званию; в Гейдельберге слушал, в частности, курсы логики и истории философии у Целлера, психологии — у Вундта; в Лейпциге — лекции по филологии Фехнера; в Геттингене — курс психологии Лотце.

В историю школьно-университетской философии А. вошел как автор учебника по психологии. Согласно концепции А., духовная жизнь вообще есть всеобщая функция всего истинно-сущего; каждое отдельное реальное — есть душа; все реальные существа субстанционально соединены в едином реальном существе, которое служит основанием всякого бытия; души происходят не из ничего, а суть видоизменения бесконечной субстанции.

Соз.: Философические этюды. СПб., 1865; Учебник психологии. СПб., 1866.

Лит.: Венгеров С. А. **69**, т. 1, с. 101–102; **424**, т. 1, с. 48.

АДОДУРОВ ВАСИЛИЙ ЕВДОКИМОВИЧ (15.3.1709–1778 или 5 ноября 1780). Родился в д. Бугреево, Кромского у. Новгородской губ.; учился в духовном училище в Новгороде; в 1727 г. стал первым из русских студентом при Академии наук, изучал наряду с математикой и физикой логику и метафизику; с 1731 г. — в звании академического переводчика, в 1733 г. стал первым из русских, занявшим в Академии должность адъюнкта по кафедре высшей математики, которую возглавлял тогда Л. Эйлер; в Академии А. занимался в основном переводами. В 1729 г. в его переводе вышла работа Г.-Б. Бильфингера «Расположение учений...», представлявшая программу обучения будущего императора Петра II.

Будучи замешанным в придворных интригах, А. оказался в 1758 г. под домашним арестом, а затем в Оренбургской ссылке, откуда, однако, он переписывался с неперменным секретарем Академии, своим бывшим наставником Миллером; с воцарением Екатерины II А. стал куратором Московского университета и вел переписку с Миллером, в частности, относительно устава Московского университета. Был почетным членом Академии наук.

Лит.: Венгеров С. А. **69**, т. I, с. 122–126; **424**, т. I, с. 79–81; **449**, с. 21.

АЙХЕНВАЛЬД ЮЛИЙ ИСАЕВИЧ (12.1.1872–17.12.1928). Родился в г. Балте Подольской губ. в семье раввина; окончил Ришельевскую гимназию в Одессе (1890) и историко-филологический фак-т Новороссийского ун-та (Одесса), в котором получил диплом 1-й степени и золотую медаль за работу «Эмпиризм Локка и рационализм Лейбница»; с 1895 г. преподавал в Москве в гимназии и Ун-те им. А. Шанявского, на Высших историко-филологических женских курсах В. Полторацкого; был ученым секретарем Московского психологического общества и

секретарем редакции журнала «Вопросы философии и психологии»; член редколлегии журнала «Русская мысль».

А. — литературный критик-публицист; ему принадлежит также ряд работ по философии. В статьях о Шопенгауэре, Фихте, Ушинском, Вл. Соловьеве, Гроте, Кьеркегоре, Ницше, Радищеве и других философах выявил антипатию к рационалистическим теориям и симпатию к пессимизму и иррационализму, особенно к философии Вл. Соловьева, утверждая, что человеком руководит иррациональная и капризная воля.

В 1922 г. А. выслан из Советской России; в Берлине он читал курс «Философские мотивы русской литературы» в Русской религиозно-философской академии.

Соз.: Отдельные страницы. Сборник педагогических, философских и литературных статей. Т. 1–2. М., 1910.

Лит.: Степун Ф. Памяти Ю. И. Айхенвальда // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 1. Берлин, 1929; Дранов А., *Рейт-блат* А. 240, с. 15–17.

АКСЕНОВ МИТРОФАН СЕМЕНОВИЧ, математик и философ.

В полемике с традиционной университетской наукой разрабатывал так наз. «трансцендентально-кинетическую», или «метагеометрическую», философию, согласно которой ничто не движется, не течет во времени; движение во времени есть иллюзия, порождаемая бессознательным психическим движением людей. Придя в 1896 г. к идеям об относительности времени в четырехмерном пространстве, оспаривал у Эйнштейна, изложившего свой взгляд на время в 1904 г., приоритет в открытии теории относительности.

Соз.: Трансцендентально-кинетическая теория времени. Харьков, 1896 (на обл.: Не-«университетская философия». Этюд 1. О времени); Философия мистики или двойственность человеческого существа. СПб., 1896; Жизнь и смерть по Дюпрелю. М., 1909; Опыт метагеометрической философии. М., 1912; Нет времени. Популярное изложение основных начал метагеометрической философии. М., 1913.

Лит.: Зорина Е. В. 6, с. 37–38.

АЛАНДСКИЙ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ (1844–28.10.1883). Родился в семье сельского священника, с 1857 по 1865 г. учился в Петербурге в Александро-Невском духовном училище, затем в духовной семинарии, а с 1866 по 1870 г. на историко-филологическом фак-те Петербургско-

го ун-та; был учителем латинского языка; в 1873 г. получил степень магистра и стал приват-доцентом Петербургского ун-та; с 1874 г. — доцент кафедры греческой словесности Ун-та св. Владимира в Киеве; в 1877 г. представил на защиту в качестве докторской диссертации работу «Изображение душевных движений в трагедиях Софокла» (Киев, 1877), но к защите не был допущен.

Кроме филологических работ, А. написал ряд работ по эстетике и истории. Будучи официальным оппонентом на защите диссертации А. А. Козлова pro venia legendi, ратовал за мировоззрение, основанное на специальных науках, а не на философии как науке о мире в целом.

Соз.: Поэзия как предмет науки. Ч. 1. Киев, 1875; Философия и наука // Университетские известия. Киев, 1877. № 1—2.

Лит.: 37, с. 12—13; Помяловский И. 38, т. I, с. 5—10; Мищенко Ф. Г. 69, т. 1, с. 347—349; Н. Ш. 424, т. 1, с. 110—112.

АЛЕКСЕЕВ ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ (1866—1944). Родился в Новочеркасске в семье войскового старшины (подполковника) Донской артиллерии; с 1875 по 1884 г. учился в Новочеркасской классической гимназии; с 1884 по 1888 г. — на физико-математическом фак-те Московского ун-та; оставлен по предложению В. Я. Цингера для подготовки к профессорскому званию; с 1891 г. — приват-доцент Московского ун-та; в 1893 г. защитил магистерскую диссертацию; после научной командировки во Францию, Швейцарию и Германию назначен в 1895 г. экстраординарным профессором математики в Юрьевский ун-т; в 1899 г. получил степень доктора; в 1901 — ординарный профессор Юрьевского ун-та.

Придерживался философских взглядов в духе Московской философско-математической школы; акцентировал значение аритмологии, позволяющей, по его мнению, представить человека не механизмом, фатально управляемым роковой судьбой, а по образу и подобию Божию свободным и стремящимся к пределу всех совершенств. Интересовался также философскими и этическими проблемами педагогики.

Соз.: Математика как основание критики научно-философского мировоззрения. (По исследованиям Г. Тейхмюллера, Александра фон Эттингена, Н. В. Бугаева и П. А. Некрасова в связи с исследованиями автора по формальной химии). Юрьев, 1903; Die Matematik als Grundlage der Kritik wissenschaftlich-philosophischer Weltanschauung. Jurgens, 1903; Über die Entwicklung des Begriffes der höheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur- und Geisteswissenschaften // Vierteljahrsschrift für wis-

senschaftliche Philosophie und Sociologie. Leipzig, 1904. N 3; Н. В. Бугаев и проблемы идеализма Московской математической школы. Юрьев, 1906; Гербарт, Штрюмпель и их педагогические системы. Юрьев, 1907.

Лит.: Половинкин С. **414**, с. 15–16; Шапошников В. А. Математические понятия и образы в философском мышлении (на примере П. А. Флоренского и философских идей Московской математической школы). М., 1996 (дис.).

АЛЕКСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1(13).5.1879–2.3.1964). Родился в Москве в семье юриста; учился на юридическом фак-те Московского ун-та, откуда был исключен в 1907 г. за революционную деятельность, продолжил образование в Дрездене; в 1906 г. окончил Московский ун-т и стал специализироваться по кафедре энциклопедии и истории философии права; получив степень магистра, начал преподавание на кафедре философии в качестве приват-доцента (1912); одновременно читал лекции в Коммерческом ин-те; с 1916 — профессор юридического фак-та Московского ун-та, летом 1918 г. выехал в командировку за границу; в том же 1918 г. был избран профессором государственного права Таврического ун-та в Симферополе, находившемся тогда под контролем белых; А. — активный участник и один из идеологов Белого движения; в дальнейшем в годы эмиграции А. продолжал заниматься философией права и вместе с тем стал одним из идеологов евразийства.

Для университетской философии в России интерес представляют идеи А. по философии права, которую он рассматривал как один из моментов мировоззрения, и философии как целого; отрицая тождество феноменологии и философии права, акцентировал тем не менее роль феноменологии как части философско-правовой системы; анализировал также проблемы рационализма и интуитивизма в праве.

Соз.: Науки общественные и естественные в историческом взаимодействии их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Ч. 1: Механическая теория общества. Исторический материализм. М., 1912; Основные философские предпосылки психологической теории права Л. И. Петражицкого // Юридический вестник. 1913. Кн. 4; Основы философии права. Прага, 1924.

Лит.: Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 365; Алексеев П. В. **6**, с. 42–43; Вашестов А. **414**, с. 16–17; Кошарный В. П. **415**, с. 10–11; Исаев И. **427**, с. 23–25.

АЛЕКСЕЕВ (псевд. АСКОЛЬДОВ) СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1871—23.05.1945). Сын философа А. А. Козлова, окончил физико-математический фак-т и философское отделение Петербургского ун-та; работал сначала экспертом по химии, затем сосредоточился на занятиях философией; в 1914 г. получил степень магистра философии Московского ун-та, где и стал приват-доцентом. После Октябрьской революции некоторое время был профессором Политехнического ин-та; за организацию тайного религиозно-философского общества был арестован и сослан в Коми; с 1935 г. жил в Новгороде, оказался в оккупации и эмигрировал в Берлин; умер в Потсдаме.

В дооктябрьские годы А. наиболее близкой своему мировоззрению считал философию Г. Лотце, через которого сближался с монадологией Тейхмюллера и лейбницеанством в целом; высоко ценил также персонализм своего отца А. А. Козлова; считая гносеологию первой философской дисциплиной, А. тем не менее обличал гносеологизм кантовской философии, гносеологию западных (Риккерт, Ласк, Коген, Кассирер) неокантианцев и сторонников имманентной школы, и особенно идею Фолькельта о беспредпосылочной гносеологии, а также русских почитателей Канта (Введенский, Лапшин); ратовал за философию как науку о мире в целом, акцентирующую в спиритуалистической онтологии идею «живого единства» в противовес представлениям о внешнем мире, состоящем из «мертвого вещественного начала».

Соз.: Основные проблемы теории познания и онтологии. СПб., 1900; Алексей Александрович Козлов. М., 1912; Мысль и действительность. М., 1914; Внутренний кризис трансцендентального идеализма // ВФиП. 1914. Кн. 125; Сознание как целое. Психологическое понятие личности. М., 1918; Гносеология. Пг., 1919.

Лит.: *Ueberweg F.* 639, Bd 5, S. 343; *Зеньковский В. В.* 154, т. 2, с. 183—187; *Лосский Н. О.* 253, с. 485—487; *Алексеев П. В.* 6, с. 44—45; *Половинкин С.* 414, с. 17—18; *Чубаров И. М.* 11, с. 351—352; *Фирсова Л. В.* 415, с. 11—12.

АЛЕКСЕЕВ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ (1822—22.10.1884). Родился в семье протоиерея Псковской епархии; с 1837 по 1843 г. учился в Псковской духовной семинарии, затем до 1847 г. в Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил со степенью магистра богословия; работал сначала в Литовской семинарии и Рижском духовном училище; с 1850 по 1860 г. — «профессор богословия и философии для студентов православного вероисповедания»; читал логику и психологию; работ по философии не оставил.

Лит.: Царевский А. С. 39, т. 1, с. 36–37.

АМЕНИЦКАЯ ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА. Выпускница Петербургских высших курсов; зимой 1910–1911 гг. вместе с четырьмя другими выпускницами (Н. П. Аникиева, З. А. Ефимовская, К. Н. Милорадович, Н. П. Муретова (ур. Кулаковская)) перевели под руководством Э. Л. Радлова «Феноменологию духа» Гегеля, которая вышла со вступительной статьей А. В дальнейшем – преподаватель гимназии В. Я. Стоюнина в Петербурге.

А. оспаривала тезис о том, что система Гегеля отжила свой век, доказывала, что успех гуманитарных наук в XIX–начале XX в. – это результат приложения к изучению действительности открытых Гегелем принципов, в частности, понятия развития. Гегель – это по преимуществу философ жизни, а потому его система не может отойти в прошлое; в противовес С. Н. Трубецкому считала, что ядро истины в философии Гегеля можно отделить от шелухи, от отвлеченных формул. А. приветствовала возрастание интереса к Гегелю, «гегельянское движение» в Германии, Англии и Америке. «Феноменологию духа» А. истолковывала как «философию духовной природы», как «истинную психологию», «теорию действительного сознания».

Соз.: Г. Гегель (1770–1831) и его произведение «Феноменология духа» // Г.-В. Гегель. Феноменология духа. СПб., 1913.

АНАНЬИН СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ. Приват-доцент Высших женских курсов в Киеве; с 1913 по 1917 г. – профессор Киевского ун-та. Преподавал логику и педагогику. А. исходил из необходимости разграничения логики и теории познания (гносеологии): гносеология занимается происхождением познания, источниками и границами познания и предпосылками, ведущими к объективной истине, а логика исследует нормы, которым надо следовать, чтобы дойти до этой истины; выделял логику формальную (Аристотель, Кант), метафизическую (Гегель, Фихте), индуктивную (Бэкон, Ньютон, Гершель, Уэвель), формально-индуктивную (Милль, Бэн) и математическую.

Соз.: Лекции по логике. Киев, 1910; История педагогики. Киев, 1910; Логика. Киев, 1914.

АНИЧКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ (1733–1(12).5.1788). Родился в обедневшей дворянской семье; закончил семинарию при Троицкой лавре, в 1761 г. – Московский ун-т; сначала преподавал математику в гимназии при ун-те и в самом ун-те; в 1765 г. начал читать логику и метафизику.

В 1769 г. представил на обсуждение «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания...», которое было поддержано частью «конференции» (ученого совета) унта (директор Херасков, Вениаминов, Зыбелин, Третьяков, Десницкий), а частью подверглось осуждению (Дильтей, Керштенс, Рост, Барсов, Рейхель, Лангер) главным образом за ссылки на Лукреция и Эпикура. Архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский) направил в Синод донос на А., требуя отстранения его от работы в ун-те, но до этого дело не дошло, и в 1771 г. А. получил звание экстраординарного, а в 1777 г. — ординарного профессора логики, метафизики и чистой математики.

Хотя известно, что А. преподавал логику и метафизику по учебным пособиям последователей Вольфа — Винклера и Баумейстера, его собственные работы нельзя квалифицировать как вольфианские: они лишь «вольфообразны» по тематике, но фактически являются разно-основными, синкретическими, включающими как вольфианские, так и антивольфианские идеи, а также переосмысленные идеи очень широкого круга философов и богословов от Аристотеля и Платона, Августина и Григория Нисского до Бэкона, Лейбница и Бильфингера, Декарта и Мендельсона, причем в разных философских дисциплинах (метафизика, логика с гносеологией, антропология) авторитетами выступали разные мыслители.

По А., «должность философа состоит в том, чтобы изыскивать причины множайших вещей». К числу всеобщих и главнейших законов природы он, вслед за Лейбницем, относил «закон непрерывности», «закон бережливости», а также «закон всеобщего сохранения», который, как он считал, Декарт, Бильфингер и Мендельсон выводили «из свойства божией неизменности».

В логике, с которой тогда сочеталась гносеологическая проблематика, А. — антиэмпирик, противник тезиса: «Нет ничего такого в разуме, чего бы прежде не находилось в чувствах», поскольку-де есть бестелесные вещи, которые мы непосредственно понимать не можем; ратуя против концепции врожденных идей Декарта, А. доказывал, что ум, по врожденной способности, познает невидимые вещи через видимые, «отвлекая» от особенных вещей всеобщие понятия. Критикуя тезис Декарта о том, что сущностью души является постоянное мышление, а также тезис Вольфа о том, что душа даже во сне производит понятие о целом свете (только темное и сбивчивое), А. доказывал, что мышление не сущность, а только способность души; ум разумной души не бывает чистым по причине повреждения чувственных органов, от которых душа зависит, или по причине отсутствия воображения; причины заблуждения разума А. объяснял, опираясь на Бэкона, Ньютона и Декарта.

та. Всякий, по А., должен стремиться к тому, чтобы надлежащим образом познать себя, знание самого себя есть первое начало всякой истины: чем чище становится наша мысль, тем ближе мы подходим к познанию Бога.

В антропологии А. признавал непостижимость неразрывного «союза» души с телом (со ссылками на Цицерона, Августина и Григория Нисского), но все-таки в толковании их соотношения склонялся к перипатетической теории «втечения», отвергая окказионализм Декарта и предустановленную гармонию Лейбница.

Соз.: *Dissertatio philosophica de Ortu et progressu religionis apud diversas maximeque ruder gentes.* М., 1769; Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания. М., 1769; Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений. М., 1770; Слово о разных причинах, не малое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого. М., 1774; Слово о невещественности души человеческой и из оной происходящем ее бессмертии. М., 1777; Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства... М., 1779.

Лит.: *Зернов. 36*, ч. 1, с. 5–9; *Венгеров С. А. 69*, т. I, с. 577–579; *Колубовский Я. 210*, с. 531; *424*, т. 2, с. 148–149; *Шпет Г. Г. 559*, с. 57; *Петровский А. В.* Атеистическая диссертация в XVIII веке. Д. С. Аничков «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания...» // *Вопросы философии.* 1950. № 1; *Гагарин А. П.* Первая философская диссертация, защищенная в Московском ун-те. (Д. С. Аничков) // *Вестник МГУ. Сер. общественных наук.* 1952. Вып. 3. С. 52–79; *Попова И. Я.* Забытый труд Аничкова по философии и логике // Там же. Сер. экономики, философии и права. 1957. № 4. С. 99–110; *Зырянов Н. А.* Мировоззрение Д. С. Аничкова. М., 1962 (дис.); *Стяжкин Н. И., Силаков В. Д. 480*, с. 13–14; 449, с. 31; *Щипанов И. Я. 186*, т. 2, с. 40–44; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф. 87*, с. 116–121; *Плимак Е. Г. 530*, т. I, с. 68–69; *Абрамов А. И. 414*, с. 15–16; *415*, с. 24; *Артемьева Т. В. 14*, с. 113–116; *Ильин В. В. 172*, ч. 1, с. 34–35.

АНИЧКОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (2(14).1.1866–22.10.1937). Родился в Боровичах Новгородской губ. в семье помещика; учился на историко-филологическом фак-те Петербургского ун-та, откуда был ис-

ключен в 1887 г. за участие в студенческих беспорядках; восстановился в 1889 г. и окончил ун-т в 1889 г.; с 1902 г. — приват-доцент Петербургского ун-та, в 1904 г. защитил диссертацию; с 1903 г. — профессор всеобщей литературы Психоневрологического ин-та; в сфере политики колебался между народничеством и марксизмом; подвергался арестам; после 1917 г. — в эмиграции, стал профессором ин-та в Скопле.

Среди дооктябрьских литературоведческих работ А. философским содержанием особенно отличаются его труды по истории эстетики. Отстаивал тезис о непрерывной истории эстетики как отрасли философии, начиная с древности, включая историю эстетики в России от Чернышевского до Л. Толстого; доказывал, что современный эстет — «обязательно эклектик», выдвигал на первый план эстетику субъективную, полагая, что через нее лежит путь к эстетике объективной; защищал так называемый реалистический символизм.

Соз.: Научные задачи истории литературы. Киев, 1896; Литературные образы и мнения. СПб., 1904; Искусство и социалистический строй. СПб., 1906; Историческая поэтика Александра Николаевича Веселовского // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1907. Т. 1; Очерк развития эстетических учений // Там же. Харьков, 1915. Т. 6.

Лит.: Венгеров С. А. 69, т. 6; Огуцов А. 414, с. 25–26; Алексеев П. В. 6, с. 54.

АНОСОВ ИОСИФ ИСАЕВИЧ (24.5.1880—не ранее 1934). Родился в с. Вязовка Аткарского у. Саратовской губ.; окончил юридический факт Московского ун-та; после защиты магистерской диссертации в Московском ун-те (1915) — приват-доцент и младший ассистент по кафедре полицейского права Московского ун-та; с октября 1916 г. — исправляющий должность экстраординарного профессора Томского ун-та; читал курс уголовного права и гражданского процесса; в первое после 1917 г. время — противник Октябрьской революции, в дальнейшем работал в Ташкенте.

Принял участие в обсуждении проблем философии права. Считая крайними точку зрения, отрицавшую связь этики и уголовного права (Бундинг, Сергеевский, Ферри, Лист, Калькер), и точку зрения, согласно которой уголовное право выступало прикладной этикой, А. отстаивал «центристскую» идею связи уголовного права и этики как единой науки о том, чем должен быть человек, о содержании понятия человеческой личности; в уголовном праве этика должна играть только оценивающую, регулирующую роль.

Соз.: Этика и уголовное право // Юридический вестник. 1917. Кн. 17(1).

АНТОНСКИЙ АНТОН АНТОНОВИЧ (ПРОКОПОВИЧ) (17.01.1762–6.7.1848). Родился в Прилуках Полтавской губ. в семье дворянина, ставшего священником; в 1773 г. поступил в Киевскую академию, где слушал курс философии Георгия Щербацкого; в 1782 г. перешел в Московский ун-т; масон, ученик И. Ф. Шварца; в 1784 г. стал бакалавром Учительского ин-та; в 1787 г. – секретарем по делам ун-та; с того же 1787 г. в течение 15 лет преподавал «натуральную историю» в Университетском благородном пансионе; с 1788 по 1792 г. издал 10 томов «Магазина натуральной истории, физики и химии»; с 1789 г. – секретарь Общества любителей учености при ун-те; с 1790 г. – стал экстраординарным профессором; с 1791 г. А. – инспектор Благородного пансиона при Московском ун-те и правил им в течение 33 лет. С 1794 г. – ординарный профессор натуральной истории; после упразднения в 1803 г. кафедры энциклопедии и натуральной истории и прекращения преподавания самого предмета А. занял кафедру минералогии и сельского домоводства и руководил ею до 1818 г., став предшественником М. Г. Павлова; с 1807 г. шесть раз избирался деканом физико-математического фак-та; в 1817 г. избран проректором, затем трижды ректором Московского ун-та (1818–1826); с 1818 г. – в звании заслуженный профессор; состоял членом различных научных обществ; в последние годы жизни работал в Московском обществе сельского хозяйства.

Одной из больших заслуг А. стало возобновление деятельности Пансиона при ун-те после разгрома Москвы в 1812 г. Усилиями А. в Пансионе преподавали лучшие ун-тские профессора, в том числе Давыдов (философия), Павлов (физика, натуральная история и сельское хозяйство); в сфере политики А. – консерватор, всячески пресекавший проникновение в среду своих питомцев «вредных идей». После того как Александр I, посетив Пансион, произнес лозунг: «Истинное просвещение основано на Религии и Евангелии», эти слова были начертаны золотыми буквами на доске, выставлены в торжественном зале и стали основой воспитательской работы, проводившейся А., хотя он временами ссылался также на Бэкона, Локка и Руссо. А. – противник «брани» между верою и разумом, между благочестием и рассудком, между религией и философией, критик метафизики, углубляющейся в отвлеченные истины без познания «существ природы», их строения и стройности, взаимного между ними отношения; «познание натуры» ведет, по А., к познанию самого Верховного Существа, первоначальной причины всех существ.

Соз.: Слово о начале и успехах наук, и в особенности Естественной истории. М., 1791.

Лит.: 36, ч. 1, с. 12—27; Венгеров С. А. 69, т. I, с. 27.

АНУЧИН ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (27.8(8.9).1843—4.6.1923). Родился в Петербурге в семье офицера; в 1860 г. окончил Петербургскую Ларинскую гимназию; год проучился на историко-филологическом фак-те Петербургского ун-та, но по болезни оставил ун-т, лечился за границей и затем поступил на естественное отделение Московского ун-та, который закончил в 1867 г.; в 1875 г. избран секретарем антропологического отдела Общества любителей естествознания; в 1876 г. командирован Московским ун-том за границу для подготовки по кафедре антропологии; по возвращении на родину назначен в 1880 г. преподавателем антропологии на естественном отделении Московского ун-та; в том же году защитил магистерскую диссертацию; поскольку по уставу 1884 г. кафедра антропологии не предусматривалась, А. занял должность экстраординарного профессора по кафедре географии и этнографии с правом преподавания антропологии; в 1890 г. удостоен степени доктора географии, а вскоре получил звание ординарного профессора; с 1890 г. — президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; с 1896 г. — ординарный академик; с 1898 г. — почетный член Академии наук; состоял почетным членом многих отечественных и зарубежных научных учреждений, в частности, членом Королевского антропологического общества в Лондоне, антропологических обществ в Вене, Мюнхене, Вашингтоне и Париже.

Среди многочисленных трудов особо значимыми для истории философии представляются работы, в которых ставился вопрос о соотношении философии и антропологии. А. соглашался с немецким этнографом Г. Герландом (в 1875—1909 гг. — профессор этнографии и географии в Страсбурге), что реальную основу философии составляет антропология; только антропология как наука не только о физических, но и психических свойствах человека может привести к философскому познанию человеческой природы.

Соз.: Антропология, ее задачи и методы. М., 1879; Антропологические очерки. Задачи современной антропологии и ее отношение к другим наукам // Русская мысль. 1880. Март; Философия истории и прогресс // Русские ведомости. 1887. № 295, 316; Прогресс и эволюция человека // Там же. 1896. № 145.

Лит.: Венгеров С. А., Лесгафт П. Ф. 69, т. I, с. 692—698; Сборник в честь 70-летия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913; 267, ч. 1, с. 1—14; Есаков В. А. Д. Н. Анучин и создание русской универси-

тетской географической школы. М., 1955; *Карпов Г. В.* Путь ученого. Очерки жизни, научной и общественной деятельности Д. Н. Анучина. М., 1958.

АНФИМОВ ЯКОВ АФНАСЬЕВИЧ (17.10.1852—11.2.1930). Родился в Севане Орловской губ. в семье священника; учился в духовной семинарии и на естественном отделении физико-математического фак-та Петербургского ун-та, который окончил в 1877 г.; поработав немного преподавателем в Оренбурге, вернулся в Петербург и поступил на 3-й курс Медико-хирургической академии, по окончании которой работал врачом и одновременно занимался научной работой; защитил докторскую диссертацию, стал приват-доцентом по кафедре психических и нервных болезней Военно-медицинской академии; в 1892 г. переезжает в Томск, где стал сначала экстраординарным, затем ординарным профессором ун-та; в 1894 г. переводится в Харьковский ун-т, где в течение 25 лет возглавлял кафедру невропатологии и психиатрии; в 1920—1925 гг. — зав. кафедрой нервных болезней медицинского фак-та Грузинского (Тбилисского) ун-та.

А. рассматривал душевные заболевания в широком контексте философских и психологических концепций человека. Исходил из утверждения Целлера о том, что задачей всей истории философии является стремление выразить цельный и связный научный взгляд на мир и место в нем человека, а также из мысли Авенариуса о том, что решение этой задачи сводится к психологии, и привлекал мысли многих других философов (Канта, Конта, Гартмана, Вундта, Гёффдинга, Фехнера, Гербарта, Гёте, Маудсли, Грота, Юма, Бэна, Милля, Дарвина, Уоллеса, Катрфажа, Лейбница, Кавелина, Бюффона, Бэкона, Ньютона, Кеплера, Вольтера, Гоббса, Гамильтона и др.).

Соз.: Сознание и личность при душевных заболеваниях. Томск, 1893.

Лит.: *Кавтарадзе П. П.* Я. А. Анфимов. (Жизнь и деятельность). Тбилиси, 1960; **395**, с. 30—31.

АРДАШЕВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ (22.11(4.12).1865—ум. после 1923). Родился в с. Биляр Елабужского у. Вятской губ. в семье священника; в 1876 г. учился в духовном училище в Елабуге, с 1880 г. — в духовной семинарии в Уфе, с 1884 г. — в уфимской классической гимназии, с 1885 по 1889 г. — на историко-филологическом фак-те Московского ун-та, где был оставлен для приготовления к профессорскому званию; с 1898 г. — приват-доцент Петербургского ун-та; в 1900 г. получил в Московском ун-те степень магистра всеобщей истории; работал также в

Новороссийском, Юрьевском (б. Дерптском) ун-тах и в Ун-те св. Владимира в Киеве.

Среди работ А. некоторые посвящены проблемам методологии истории и политической философии. Отвергая концепцию существования исторических законов как особой категории научных законов, А. доказывал, что историческая закономерность целиком сводится к закономерности психологических, органических и неорганических процессов, а законы, лежащие в основе этих процессов, объясняют исторический процесс. Отвергал точку зрения В. Соловьева, согласно которой войны исчезнут, но совершится это путем войны; оспаривал он и взгляды В. Соловьева по национальному вопросу с позиций национализма, правда, умеренного.

Соз.: Философия войны (по поводу одной статьи Вл. С. Соловьева) // Русское богатство. 1895. Октябрь; История как наука // Там же. 1896. Апрель; О прогрессе в исторической науке. Киев, 1904; Национализм на Западе. Его историческое происхождение и главнейшие моменты его развития. Киев, 1911.

Лит.: 39, т. 2, с. 401–405 (автобиография).

АРИСТОВ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ (1812 — начало 60-х гг. XIX в.). Родился в с. Новое Мологского у. Ярославской губ. в семье священника; окончил Ярославскую духовную семинарию и Московскую духовную академию со степенью магистра; в 1836 г. назначен преподавателем в Тверскую семинарию; с мая 1838 по 1846 г. — профессор философии в Демидовском лицее в Ярославле. Читал логику (по Бахману), психологию (по Карусу, Вейсе и Шульцу), историю философии (по Риттеру и Теннеману), нравственную философию (по Шлейермахеру и Цейлеру).

Сожалел о том, что философией в России занимаются немногие, что ее изучение поставлено слабо и русские отстали от европейцев по философии, А. утверждал, что философия чужеземная, «будет ли она шотландская, или французская, или германская, или другая какая, для нас, русских, не годится»; нужна философия, «зависимая от народности»; но при изучении философии необходимо знакомство и со всеми чужеземными системами.

Соз.: О влиянии духа народного на философию. М., 1839; Философия составляет существенную потребность человеческого духа. М., 1840; О философско-религиозных учениях Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. М., 1846.

Лит.: 109, с. 102.

АРСЕНЬЕВ (псевд. Н. КРЕМЕНЕЦКИЙ) **НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ** (16(28).5.1888—18.12.1977). Родился в Стокгольме в семье дипломата;

учился в Московском лицее, с 1906 по 1910 г. — на историко-филологическом фак-те Московского ун-та; в марте 1914 г. избран приват-доцентом этого ун-та, но с началом Первой мировой войны был мобилизован в армию; в сентябре 1916 г. возобновил преподавательскую деятельность на историко-филологическом фак-те Московского ун-та; читал также лекции на Московских высших женских курсах и в Московском народном ун-те им. А. Шанявского; в 1918 г. избран профессором Саратовского ун-та; в 1920 г. эмигрировал, жил до 1944 г. в Кенигсберге, преподавал русский язык и историю русской культуры на философском фак-те; одновременно с 1926 по 1938 г. был профессором на православном фак-те Варшавского ун-та; с 1945 г. жил в Париже, с 1948 г. — в Нью-Йорке, где был профессором в Православной духовной академии св. Владимира.

Для истории университетской философии в России дооктябрьского периода особый интерес представляет философско-историческая концепция А., сформировавшаяся в полемике с «панвавилонизмом», и особенно с концепцией Виппера, в противовес которому он оспаривал ассиро-вавилонские корни христианства и доказывал его самобытность, поставив в центр Ветхого и Нового Завета пессимистическое мировоззрение.

Сог.: Библия и мирозерцание Вавилона. (По поводу тенденции «панвавилонизма» в русской исторической науке). М., 1909; Платонизм любви и красоты в литературе эпохи Возрождения. СПб., 1913; Жажда подлинного бытия. Пессимизм и мистика. Берлин, 1922.

Лит.: Абрамов А. 427, с. 45—47; Филонова Л. Г. 422, вып. I, с. 5—17; Хализев В. 414, с. 33—34; Он же. 415, с. 24—25.

АСТАФЬЕВ ПЕТР ЕВГЕНЬЕВИЧ (7(19).12.1846—7(19).4.1893). Родился в д. Евгеньевка Острогожского у. Воронежской губ. в дворянской семье; в 1864—1868 гг. учился в Московском ун-те; стал стипендиатом для подготовки к профессорскому званию; в 1872 г., когда было разрешено преподавать философию права в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, приглашен туда и работал там до 1876 г.; с 1881 г. — заведующий университетским отделением и кафедрой философии Лицея цесаревича Николая; с 1885 г. — цензор Московского цензурного комитета; в конце жизни — приват-доцент Московского ун-та.

А. отвергал «отвлеченный» рационалистический «германский идеализм» и рационалистические тенденции в русском пореформенном православии; подвергал критике «бессубъективное мировоззрение», а также представления о философии, изучающей «внешний мир объек-

тов»; развивал спиритуалистическую персоналистическую концепцию, сходную с монадологией Лейбница и панпсихизмом Козлова.

Соз.: Монизм или дуализм? Ярославль, 1873; Психический мир женщины. Его особенности, превосходства и недостатки. М., 1881; Страдания и наслаждения в жизни. СПб., 1885; Вера и знание в единстве мировоззрения: опыт начал критической монадологии. М., 1893.

Лит.: Венгеров С. А. и Э. Р. **69**, т. I, с. 842–843; 982–986; Введенский А. И. Петр Евгеньевич Астафьев. Характеристика его философских и публицистических взглядов // Богословский вестник. 1893. № 6; Колубовский Я. **210**, с. 577–580; Ueberweg F. **639**, Bd 5, S. 341; Алексеев П. В. **533**, с. 38; Пустарнаков В. Ф. **414**, с. 35–36; **415**, с. 28.

АФОНИН МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ (1738–1810). Образование получил в Дворянской гимназии Московского ун-та; в 1758 г. командирован в Кенигсбергский ун-т, затем в Упсальский ун-т в Швеции, где сосредоточился на изучении «естественной истории», а именно зоологии и ботаники, которую слушал у Линнея; в 1766 г. написал диссертацию прикладного содержания, но пронизанную философским принципом: «Познание природы ведет человека к познанию самого себя». По возвращении в Москву, после экзаменов и получения звания экстраординарного профессора, начал читать в январе 1770 г. лекции по зоологии и ботанике, а затем и минералогии, что положило начало кафедре естественной истории в Московском ун-те. В своих лекциях по естественной истории А. опирался на Линнея, но превалировала ориентация на практику земледелия.

В 1774 г. А. был произведен в ординарного профессора, но вскоре, в 1777 г., оставил по болезни ун-т и провел последние годы жизни в недавно завоеванном Крыму, где получил землю по ходатайству своего друга по ун-ту Г. А. Потемкина и занимался агрономией, в частности, в содружестве с П. С. Палласом.

А. делил «натуральную историю» на минералогию, ботанику и зоологию (или три «владычества»: «вещей выкапываемых, или минеральное, владычество растений и владычество животных»); эта наука учит различать все многочисленные предметы и изучать качества, силы, состояние и свойства каждой вещи. По этой причине натуральную историю он разграничивал с физикой, полагая, что первая судит «о всех вещах вообще по правилам философическим».

Соз.: De usu Historiae Naturalis in vita communi // Amoenitates Academicae. Erlang, 1789. Vol. VII.

Лит.: **424**, т. 2, с. 358–359; **44**, т. 4, стб. 94.

Б

БАБСТ ИВАН КОНДРАТЬЕВИЧ (20.10(1.11).1823—6(18).7.1881). Родился в г. Коротояк Воронежской губ. в дворянской семье; окончил Рижскую гимназию и философский фак-т Московского ун-та (1846) со степенью кандидата; работал учителем; после получения степени магистра назначен в 1851 г. исправляющим должность адъюнкта; в 1853 г. защитил диссертацию на степень доктора исторических наук, политической экономии и статистики; с 1853 г. — экстраординарный, с 1856 г. — ординарный профессор; в 1852—1857 гг. работал в Казанском, с 1857 по 1874 г. — в Московском ун-тах.

По социально-политическим взглядам — либерал постклассической, антиманчестерской разновидности. Для философско-исторических взглядов Б. характерны эволюционизм, плюралистическое понимание факторов исторического развития, элементы социологического реализма (признание уменьшающегося с развитием цивилизации влияния природы, в частности географической среды, на историю), а также элементы «экономического материализма», признание зависимости юридических и политических форм от экономики.

Соз.: Лейбниц. Биографический очерк // Современник. 1848. Т. 7. № 2. Отд. 4; Исторический метод в политической экономии // Русский вестник. 1856. Т. 3. Кн. 1; О характере политико-экономических учений, возникших после Адама Смита // ЖМНП. 1856. № 4.

Лит.: Чупров А. И. Иван Кондратьевич Бабст (некролог). М., 1881; Слонимский Л., Чупров А. 69, т. 2, с. 5—15; 35, ч. 2, с. 6—7; Казарин В. 530, т. I, с. 120; Пустарнаков В. Ф. 414, с. 37; 415, с. 30.

БАЗИНЕР ОСКАР ФЕОДОРОВИЧ (27.2.1857—1909). Родился в Киеве, в семье итальянца, директора плодородческого сада, с 1863 по 1872 г. жил в Дрездене у своего дяди П. Баккера, бывшего директора Ришельевского лицея; в 1872 г. поступил в Дерптскую гимназию, откуда перешел в 1875 г. на историко-филологический фак-т Дерптского ун-та, который окончил в 1877 г.; после заграничной научной командировки

жил в Москве, где с 1882 по 1885 г. был помощником библиотекаря Румянцевского музея; в 1883 г. защитил в Дерпте магистерскую диссертацию; с 1886 г. — приват-доцент Новороссийского (Одесса) ун-та, преподаватель римской литературы и латинского языка; в дальнейшем — профессор римской литературы Варшавского ун-та.

Ориентировался на «практическое направление в философии», на «моральную и социальную философию», в центре которых были «вопросы человеческого существования», «вопросы жизни», и в этой связи стремился пробудить интерес к таким философам, которые, подобно Сократу и Эпикуру, сводили философию с неба на землю; с эпикурейством Б. связывал моральную и социальную философию Гоббса, французских философов-просветителей XVIII в., утилитаризм Бентама, Оуэна, Д.-С. Милля, Бэна и Спенсера.

Соз.: Эпикуреизм и его отношение к новейшим теориям естественных и философских наук. Одесса, 1889; Идея о прошедшем и будущем золотом веке человечества. М., 1902; Радостные, печальные и торжествующие песни жизни и смерти, смерти и жизни. 2-е изд. Варшава, 1906.

Лит.: Маркевич А. И. 266, с. 301—302; С. В. 69, т. 2, с. 55; 424, т. 2, с. 418—421.

БАЙЕР (BAYER) ГОТЛИБ (ТЕОФИЛ) ЗИГФРИД (6.1.1694—10(21). 2.1738). Родился в Кенигсберге; учился в коллегии Фридриха, затем в 1710—1713 г. в Кенигсбергском ун-те; некоторое время не имел постоянного места работы; увлекся проблемами востоковедения и в 1717 г. получил в Лейпциге степень магистра; в конце 1721 г. стал проректором Кенигсбергской кафедральной школы. Когда ему было предложено место в Петербургской Академии наук, он избрал кафедру древностей и восточных языков и прибыл в Петербург в феврале 1726 г. В 1727 г. на него была возложена обязанность надзирать над гимназией при Академии.

Б. покровительствовали Феофан Прокопович и вице-канцлер Остерман. Будучи недовольным академическим уставом и своеволием Шумахера, Б. решил возвратиться на родину, но не успел, скончавшись в Петербурге.

Б. писал по проблемам востоковедения, филологии, исторической географии. Философско-историческими мотивами проникнуты его труды по Древней Руси. Б. изображался как основоположник так называемой норманской теории. Этот тезис нуждается в корректировке. Не любивший Б. Шумахер, отнюдь не отличавшийся патриотизмом, признавал, что Б. старался отыскать для русского народа «благородное и

блистательное происхождение», и в этом отношении противопоставлял Б. Мюллеру, которого обвиняли в антипатриотизме.

Лит.: Милюков П. Н. 274, с. 63–65; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941; Тихомиров М. Н. Русская историография XVIII в. // Вопросы истории. 1948. № 2; 348, т. 1, с. 91; Артемьева Т. В. 15, с. 20.

БАЛК (BALK) ДАНИИЛ ГЕОРГ (1764–1826). Родился в Кенигсберге; с 1780 по 1787 г. учился в Кенигсбергском и Берлинском ун-тах, получил степень доктора медицины, в 1787 г. переехал в Курляндию, где работал сначала практикующим врачом; в феврале 1802 г. стал ординарным профессором Дерптского ун-та, а в мае 1803 г. — его ректором; несколько раз был деканом медицинского фак-та; читал курс «Философско-медицинская юриспруденция», в котором проявлялся тогдашний интерес медиков к философии, особенно оживившийся с появлением натурфилософских трудов раннего Шеллинга; в 1817 г. Б. вышел в отставку, переселился внутрь России; умер в Туле.

Соз.: Versuch einiger Umrisse der Philosophisch-medizinischen Jurisprudenz. Dorpat, 1803.

Лит.: Савельев Н. А. 39, т. 2, с. 113–115.

БАРСОВ АНТОН АЛЕКСЕЕВИЧ (1730–21.1(1.2).1791). Родился в Москве в семье учителя; учился в Московской Славяно-греко-латинской академии, затем в 1748 г. перешел в ун-т при Петербургской Академии наук, где, в частности, изучал философию под руководством профессора Брауна. Получив степень магистра философии и свободных наук, Б. начал преподавательскую деятельность.

С основанием Московского ун-та приглашен И. И. Шуваловым на кафедру математики, где работал до 1761 г., затем был переведен на должность профессора красноречия; некоторое время занимал должность инспектора двух гимназий при ун-те и редактора «Московских ведомостей». В 1771 г. стал постоянным секретарем Вольного русского собрания при ун-те.

Б. придерживался расширительного понимания философии, полагая, что к философии некоторым образом принадлежат все науки, поскольку философия может рассуждать о причинах всех вещей без исключения, рассматривать «союз и соединение причин с действиями»; философия «узнает» причины благополучия человека, приучает разум к познанию истины, «испытует неиспытанное естество божие», силы и свойства душ и определяет обязанности человека по отношению к Творцу.

Соз.: Собрание речей. М., 1788.

Лит.: Шевырев С. **36**, ч. 1, с. 50—62; Венгеров С. **69**, т. 2, с. 157—163; Шпет Г. Г. **559**, с. 56; Тоболова М. П. Антон Алексеевич Барсов. М., 1993; **449**, с. 64; Пустарнаков В. Ф. **414**, с. 40—41; Абрамов А. И. **415**, с. 33; Артемьева Т. В. **14**, с. 121.

БАУЗЕ ФЕДОР ГРИГОРЬЕВИЧ (1752—25.5.1812). Родился в г. Триптитис (Саксония) в семье пастора; образование получил в лейпцигской школе, затем в Лейпцигском ун-те; в сентябре 1773 г. выехал в Россию, где некоторое время перебивался случайными заработками, затем был учителем, инспектором Петровского училища; в 1782 г. Б. получил приглашение занять кафедру законоведения в Московском ун-те, где в течение 25 лет читал курс юриспруденции; в 1804—1809 гг. Б. был директором Педагогического ин-та; в 1805 г. стал деканом отделения нравственных и политических наук, а в 1807 г. утвержден ректором ун-та; в 1811 г. вышел в отставку.

В историко-философском отношении взгляды Б. интересны тем, что он рассматривал юриспруденцию в связи с философией; изучение философии и математики Б. включал в число обязательных для образования юристов предметов, полагая, что математические и философские науки поощряют рассудок к постижению природы и сходств между вещами, постижению главного и существенного, причины и следствий. Немец по национальности, Б. занимал весьма патриотическую в отношении к России позицию: он собрал многие российские древности, стремился побороть ненависть к России иноземцев, ознакомить русских с «началами русского просвещения».

Соз.: *Oratio de jurisprudentia ejusque decendae et discendae ratione*. М., 1782; *О горячке вольности*. М., 1793; *Oratio de Russia ante hoc saeculam non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita* (1796) (пер. на рус. яз.: Вестник Европы. 1807. № 1 и 2).

Лит.: Тихонравов Н. С. **36**, ч. 1, с. 68—89; **424**, т. 2, с. 260—262.

БАЧИНСКИЙ АЛЕКСЕЙ ИОСИФОВИЧ (21.3.1877—31.7.1944). Родился в г. Холм Люблинской губ. в семье учителя гимназии; в 1899 г. окончил Московский ун-т, стал приват-доцентом, с 1918 г. — профессор; в 1901 г. опубликовал первые работы по физике; в 1930 г. потерял зрение, но продолжал научную деятельность.

В досоветское время занимался философскими проблемами естествознания. Противостоял пренебрежительному, а тем более презрительному, как он полагал, отношению к философской метафизике, ак-

центрировал особое значение философии для науки, ратовал за цельное философское мировоззрение на фундаменте точных наук; свою концепцию Б. называл натуралистическим, или естественнонаучным, идеализмом.

Соз.: Что такое натуралистический идеализм? // Сборник по философии естествознания. М., 1906; Дух Бесконечно Малых, или О возможности влияния математических методов на черты научного миропонимания // Там же; Избр. труды. М., 1960.

Лит.: Казютинский В. В. **186**, т. 4, с. 146.

БЕЗАК (BESACK) ГОТЛИБ ХРИСТИАН (ХРИСТИАН ХРИСТИАНО-ВИЧ) (21.8.1727–15.7.1800). Родился в Лужицах (область Пруссии между Одером и Эльбой, где с древних времен жили славяне-лужицане) в семье, имевшей славянские корни; учился в Лейпцигском ун-те, где сдал экзамен на степень магистра философии и работал доцентом ун-та; в 1760 г. приглашен в Россию и в течение 40 лет был инспектором Петербургского сухопутного кадетского корпуса и профессором философских, политических и исторических наук.

Соз.: Наставление об изящных действиях просвещенного разума. СПб., 1787.

Лит.: **424**, т. 2, с. 633.

БЕЗОБРАЗОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА (29.5(10.6)1857–2(15).9.1914). Родилась в Петербурге, дочь академика В. П. Безобразова и писательницы Е. Д. Безобразовой; в 1876 г. окончила Петербургские педагогические курсы; в 1880–1885 гг. — учительница Вяземской женской гимназии и начальница Жиздринской мариинской прогимназии; в 1891 г. получила в Берне степень доктора философии; в 1897 г. — инициатор создания Философского общества при Петербургском ун-те; работала в ряде женских и педагогических журналов.

В сфере философии придерживалась концепции «этического идеализма», выводя теоретическую философию из философии практической; но большая часть трудов Б. посвящена истории русской философии, при изложении которой Б. придерживалась «центристской» аксиологической установки: отказа от двух «идолов» — от пренебрежения ко всему чужому и пренебрежения ко всему своему.

Соз.: Über Plotin's Glückseligkeitslehre. Leipzig, 1887; Handschriftliche Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland. Bern, 1891; Философские этюды. М., 1892; Заметка о Диопт-

ре // ЖМНП. 1893. Ноябрь; Краткий обзор существенных моментов истории философии. М., 1894; «О великой науке» Раймунда Луллия в русских рукописях XVII в. // ЖМНП. 1896. Февраль; Что такое введение в философию? // ВФиП. 1897. Кн. 37; Gregor Skovoroda, ein ukrainischer Philosoph // Archiv für die Geschichte der Philosophie. 1911. October; Исследования, лекции, мелочи. М., 1914.

Лит.: В. С. 69, т. 2, с. 304—305; 304, т. 5, стб. 600; Алексеев П. В. 533, с. 56; Кравченко В. 414, с. 49—50; Вангузов В. В. 415, с. 37—38.

БЕКЕТОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (26.11(8.12).1825—1(14).7.1902). Родился в с. Алферьевка (Новая Бекетовка) Пензенской губ.; с 1834 г. учился в 1-й Петербургской гимназии; поступил в Петербургский ун-т, но по желанию отца перешел на военную службу; выйдя в 1845 г. в отставку, поступил вольнослушателем в Казанский ун-т, который окончил в 1849 г.; в 1853 г. защитил в Петербурге диссертацию на степень магистра ботаники; в 1858 г. стал доктором естественных наук; преподавал в Харьковском ун-те, затем в Петербургском сначала в качестве приват-доцента, с 1863 г. — профессора; с 1870 г. — декан физико-математического факультета; в 1876—1883 г. — ректор; в дальнейшем работал в Вольном экономическом обществе.

Философским основанием научного творчества Б. стали мысли о том, что Вселенная составляет «одно целое особое»; Солнечная система тоже есть самобытное целое, ибо пользуется высокой степенью самостоятельности. Идея «целости природы» увязывалась Б. с идеей гармонии в природе и гармонической связи человека с природой; задача науки состоит в том, чтобы уразуметь законы мировой гармонии. С аксиологической точки зрения Б. видел мир в радужном свете, мир в «прекрасных и величавых чертах», в гармоническом сочетании в нем форм и цветов, призывал не поражаться несовершенствам окружающего мира, чтобы в конечном счете иметь возможность ценить по достоинству самое человечество; началом и сущностью всякой гармонии он считал общефизические свойства, которыми материя одарена силой божества.

Соз.: Гармония в природе // Русский вестник. 1860. № 35, 36; Из жизни природы и людей. Собрание общедоступных статей. СПб., 1870; Нравственность и естествознание. СПб., 1892.

Лит.: 38, т. 1, с. 42—47; Венгеров С. 69, т. 2, с. 353—363; Щербакова А. А. Андрей Николаевич Бекетов — выдающийся русский ботаник и общественный деятель. М., 1958.

БЕКЕТОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1(13).1.1827—30.11(13.12).1911). Родился в Новой Бекетовке Пензенской губ. в дворянской семье; учился в 1-й Петербургской гимназии, с 1844 г. — в Петербургском, затем в Казанском ун-тах; с 1849 г. — кандидат естественных наук, с 1854 г. — магистр химии, с 1855 г. — адъюнкт, в 1859—1887 гг. — профессор Харьковского ун-та; с 1886 г. — ординарный академик.

Считая себя последователем Лавуазье, Б. во главу угла своей философии химии положил динамическую сторону химических явлений в сочетании с их материально-весовой стороной при признании идеи о неизменяемости веса материи: химические явления понимал как передвижение мельчайших частиц, или атомов, и изменение их динамического состояния; следствием первого является образование нового рода частиц, следствием второго — изменение свойств первоначальной материи. Б. высоко оценил значение системы Д. И. Менделеева, которая, по его мнению, связала химические элементы в одно стройное целое. Б. особо подчеркивал этическое значение эволюционной теории и принципа сохранения энергии, считал, что наука не противоречит идее религии и не умаляет значение веры.

Соз.: Динамическая сторона химических процессов. Харьков, 1879; Речи химика. Общедоступные лекции, статьи, речи и доклады из области химии и физики. 1862—1903. СПб., 1908.

Лит.: Венгеров С. **69**, т. 2, с. 366—374; Памяти Николая Николаевича Бекетова. СПб., 1913; Гаркавенко Р. В. **186**, т. 4, с. 159—160.

БЕЛКИН АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (13.9.1856—17.7.1909). Родился в Москве, учился в Московской практической академии, в Вяземской гимназии; в 1880 г. поступил на историко-филологический фак-т Московского ун-та. Приват-доцент Московского ун-та в конце XIX—начале XX в.; читал лекции по истории античной и средневековой философии, а также по логике; поддерживал дружеские отношения с М. М. Троицким. В работе, посвященной Троицкому, стремился доказать, что тот не был сторонником английской эмпирической философии, но старался сформулировать новую концепцию метафизики. Исходя из убеждения в необходимости поддержания гармонии между наукой и верой, преодоления существующей между ними отчужденности, переходящей иногда во враждебность, Б. ратовал за метафизику, которая бы примирила науку и веру; метафизика должна быть критикой науки, а также подвергать логической оценке учение веры, не касаясь догматов; метафизика должна также изыскивать «методы мыслимости сверхопытных вещей и удовлетворять стремление к трансцендентному мышлению».

Соз.: Матвей Михайлович Троицкий. М., 1900.

Лит.: Некролог // ВФиП. 1909. Кн. 99.

БЕЛОУСОВ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (24.4.1799—14.8.1854). Родился в Киеве в семье зажиточного горожанина; окончил Киевскую духовную академию, затем учился в Харьковском ун-те, который окончил в 1818 г.; направлен учителем русского языка в Киевскую губернскую гимназию; в 1825 г. стал младшим профессором римского права в гимназии Высших наук кн. Безбородко; читал курсы естественного права и истории философии.

Во время разбирательства по «делу Белоусова» в числе «ущербных» книг фигурировали, в частности, «Философский словарь» Вольтера, «Общественный договор» Руссо, «О вечном мире» Канта, «Дух законов» Монтескье.

Лит.: Кукольник Н., Лавровский Н. **96**, с. 240—245.

БЕРВИ ВАСИЛИЙ (ВИЛЬГЕЛЬМ) ФЕДОРОВИЧ (1793 или 1795—20.5.1859). Родился в семье английского консула в Данциге; окончил Петербургскую медико-хирургическую академию; работал врачом; в 1827 г. получил в Московском отделении медико-хирургической академии степень доктора медицины; в 1832 г. назначен в Казанский ун-т ординарным профессором анатомии, физиологии и судебной медицины; в 1840 г. принял русское подданство; был деканом медицинского фак-та; в 1858 г. уволен со службы после коллективного протеста 71 слушателя против его лекций.

В историю университетской философии в России Берви вошел как своим политическим консерватизмом, так и антиматериалистическими трудами по антропологии, которые оказались в противоречии с духом времени в России накануне реформ 1861 г. Б. исходил из тезиса о свободе мыслить как об «опасном даре природы»; согласно идеалистической антропологии Б., в чувственном мире человека первенствующим является внутреннее, а не внешнее; оно есть самооткровение души. Эти и подобные тезисы стали основанием для критики его Добролюбовым.

Соз.: Основные начала антропологии // Ученые записки Казанского университета. 1835. IV; 1836. II; 1837. II; Рассуждение о жизни человека в отношениях духовном и физическом. Казань, 1839; Физиологическо-психологический взгляд на начало и конец жизни. Казань, 1858.

Лит.: **35**, ч. 2, с. 128—129; Ковалевский Н. **69**, т. 3, с. 17—22; Кульбин Н. **424**, т. 2, с. 713—715.

БЕРЕЖКОВ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ. Приват-доцент Московского ун-та в последние предоктябрьские годы.

Реагируя на обсуждение вопроса об объективности, реальности окружающей действительности с феноменологической (Гуссерль и близкие к нему в ряде отношений Мейнонг и Штумф), трансцендентальной (неокантианцы) и психофизиологической точек зрения, Б. встал на позицию теории объективности чувственных качеств, заимствуя аргументы у самых разных мыслителей (философы шотландской школы, Фехнер, Лотце, Brentano, неореалисты в Англии и Америке, Бергсон). Главным объектом критики Б. стал Гартман. Внешний физический мир, по Б., принципиально отличен от математического и логического; абсолютного знания о нем получить нельзя; чувственные свойства вещей в восприятии имеют относительный характер; но нет оснований делать вывод о субъективности вообще всех данных в опыте свойств окружающей действительности.

Соз.: Субъективны ли чувственные качества? Критика так называемого «Физиологического опровержения». М., 1916.

БЕРНУЛЛИ (BERNOULLI) ДАНИИЛ (29.1.1700—17.3.1782). Родился в Гронингене (Нидерланды) в семье ученого-математика; учился в Базельском ун-те, где в 1716 г. получил степень магистра философии; некоторое время изучал математику и медицину в Базеле, Гейдельберге, Страсбурге, в Венеции, Падуе; в октябре 1724 г. Даниил приехал вместе с братом Николаем в Петербург. Николай, ставший академиком по кафедре механики, через восемь месяцев заболел и умер, а Даниил занял сначала кафедру физиологии с применением к ней математических законов, а потом кафедру высшей математики. Научную работу Б. чередовал с чтением лекций в качестве профессора. В 1733 г. уехал из России. По императорскому указу стал в 1737 г. почетным членом Академии. По возвращении в Базель Б. занял кафедру анатомии и физиологии, а в свободное время продолжал изучать математику.

По своим методологическим взглядам Б. — эмпирик-экспериментатор и индуктивист по преимуществу и соответственно критик априоризма и дедуктивных методов, особенно «отвлеченного интегрирования» в математике. В трудах по физиологии Б. применил к исследованию живой природы математический метод, свел биологические закономерности к механическим, отождествив, в частности, «животные духи» с «веществом тонким», тем самым фактически способствовал формированию стихийного естественнонаучного материализма в России, хотя в целом за пределы теизма Б. не выходил; в учении о неживой природе несомненными считал идеи Ньютона, противопоставив их принципам

Декарта; законы Вселенной он объяснял существованием нематериальной сущности.

Соз.: Гидродинамика, или Записки о силах и движениях жидкостей. М., 1959; О движении мышц // Краткое описание комментариев Академии наук на 1726 г. Ч. 1.

Лит.: Бобынин В. **69**, т. 3, с. 92–115; Кульбин Н. **424**, т. 2, с. 750–752; Райнов Т. И. Даниил Бернулли и его работа в Петербургской Академии наук // Вестник АН СССР. 1938. № 7–8; Смирнов В. И. Даниил Бернулли (1700–1782) // Бернулли Д. Гидродинамика... М., 1959; Григорьян А. Т., Ковалев Б. Д. Даниил Бернулли. 1700–1782. М., 1981.

БЕРШАДСКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (18.3.1850–21.2.1896). Родился в Бердянске Таврической губ.; в 1857–1862 гг. учился в Керченском уездном училище, с 1863 по 1868 г. – в Керченской Александровской гимназии; в 1868–1872 гг. – на юридическом факультете Новороссийского ун-та, где получил степень кандидата прав; в 1876 г. сдал экзамен на степень магистра государственного права и стал читать лекции в Военно-юридической академии; с 1876 г. – преподаватель философии права в Петербургском ун-те; в 1883 г. защитил диссертацию и утвержден штатным доцентом по кафедре энциклопедии и философии права; с 1884 г. – экстраординарный профессор.

Право Б. рассматривал в широком контексте истории философии, акцентируя значение философских взглядов на правовые явления. Лучшим из учебников по истории философии в целом считал учебник Ибервега; рекомендовал также книги И. Эрдмана, А. Бауэра, Е. Дюринга, А. Вебера, А. Фулье, Д. Льюиса; из учебников по философии права выделял работу Ф.-Ю. Штала, а также труды Ф. Раумера, П. Жане. Рекомендуя работу Б. Чичерина по истории политической мысли, оговаривался, что его отправная точка зрения на развитие государства и права не выдержана.

Соз.: Очерки истории философии права. 1892. Вып. 1.

Лит.: **38**, т. 1, с. 48–50; Венгеров С. А. **69**. Т 3, с. 135–141.

БЕСТУЖЕВ-РЮМИН КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ (14(26).5.1829–2(14).1.1897). Родился в с. Кудряшки Горбатовского у. Нижегородской губ. в дворянской семье; в 1840 г. поступил в пансион при Нижегородской гимназии, ставшей в 1844 г. Дворянским ин-том; в 1845 г. перешел в гимназию, которую закончил в 1847 г. и поступил на историко-филологический фак-т Московского ун-та, затем перешел на юридический;

по окончании ун-та в 1851 г. был домашним учителем в семье Чичериных, работал в Московском кадетском корпусе, в ряде изданий, в том числе в «Отечественных записках»; в 1863 г. сдал экзамен на степень магистра русской истории и с 1862 по 1882 г. преподавал русскую историю членам царской семьи; с 1865 г. — доцент Петербургского ун-та, с 1868 г. — почетный доктор и экстраординарный профессор, с 1869 г. — ординарный профессор; в 1878—1882 гг. заведовал Высшими женскими курсами в Петербурге, будучи одним из их основателей; в 1896 г. избран ординарным академиком.

Противник методологии исторической школы, в частности, философско-исторической концепции С. М. Соловьева, Б.-Р. акцентировал необходимость изучения законов развития не столько государства, сколько общества и рассматривал историю в первую очередь как историю народного самосознания; разделял основные установки славянофильства, выступил сторонником антиуниверсалистской и соответственно антизападнической теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского.

Соз.: Философия истории и Московское государство (по поводу статьи г. Дмитриева: «Ответ г. Бестужеву-Рюмину») // Московские ведомости. № 209; Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе // Отечественные записки. 1862. Т. СХL. № 2. Отд. I; СХLl. № 3. Отд. 3; Т. СХLII. № 5. Отд. 3; Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. 3-е изд. // ЖМНП. 1888. № 4; Теория культурно-исторических типов (Н. Я. Данилевский. Россия и Европа) // Русские ведомости. 1888. № 5; «Европеизирование России», сочинение проф. Брикнера // ЖМНП. 1888. Ч. ССLVIll. № 8.

Лит.: Шмурло Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829—1897. Юрьев, 1899; Корсаков Д. 69, т. 3, с. 187—207; Klinger H. K. N. Bestuzev-Rjumins. Berlin, 1980; Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.

БЕХТЕРЕВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ (20.1(1.2).1857—24.12.1927). Родился в с. Сорали Елабужского у. Вятской губ. в семье чиновника; окончил Вятскую гимназию и Петербургскую медико-хирургическую академию (1873—1878); в 1881 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины; в 1885 г. назначен экстраординарным профессором Казанского ун-та; с 1886 г. — ординарный профессор; в 1893 г. назначен ординарным профессором Военно-медицинской академии; с 1897 г. — профессор Женского медицинского ин-та; академик, прези-

дент Психоневрологического ин-та; в советское время возглавлял Ин-т по изучению мозга и психической деятельности.

Труды Б. по антропологии, физиологии и психиатрии пронизаны осознанными философскими мотивами. Уже в 80-х гг. XIX в. Б. использовал в своих трудах солидную литературу по философии и психологии (Лейбниц, Фихте, Фортлаге, Ульрици, Герbart, Спенсер, Вундт, Вайтц, Штейнталь, Гамильтон, Диц). К выдающимся авторитетам он относил Спенсера и Вундта. В первые годы XX столетия сосредоточился на проблемах объективной психологии, опубликовав на эту тему множество работ, в том числе за рубежом; в 1907 г. выступил на эту тему на Международном психиатрическом конгрессе в Амстердаме. Главные противники Б. — психологи-субъективисты с их базовой идеей самонаблюдения; согласно точке зрения Б., объективная психология имеет дело с процессами в высших мозговых центрах, которым, по «гипотезе параллелизма» (этим термином Б. скрывал свой фактический материализм), неизменно сопутствуют психические явления.

Соз.: Сознание и его границы. Казань, 1888; Психика и жизнь. СПб., 1902; Объективная психология. Вып. 1—3. СПб., 1907—1910; Задачи и метод объективной психологии. СПб., 1909; Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки. СПб., 1911; Общие основы рефлексологии человека. М.; Л., 1928; Избранные произведения. М., 1954.

Лит.: 35, ч. 2, с. 130—137; Розенбах П. 69, т. 3, с. 220—228; Франкфурт Ю. М. Рефлексология и марксизм. М.; Л., 1926; Сборник, посвященный В. М. Бехтереву. Л., 1926; Ueberweg F. 639, Bd 5, S. 343; Гращенков Н. И. Вклад В. М. Бехтерева в учение о мозге и психике. М., 1958; Умрихин В. 414, с. 59—60; Алексеев П. В. 6, с. 102—103; Гримак Л. П., Пухир В. М. 415, с. 47—48.

БИЛЬФИНГЕР (BILFINGER, также BÜLLFINGER) ГЕОРГ БЕРНГАРД (23.1.1693—18.2.1750). Родился в Канштадте (на Немане); учился сначала в Тюбингене, где увлекся сочинениями Вольфа, затем отправился в Галле, чтобы в течение трех лет слушать его лекции. Возвратившись в Тюбинген, получил звание экстраординарного профессора.

В 1724 г. Х. Вольф рекомендовал Б. будущему первому президенту Петербургской АН Блюментросту как «очень сведущего в философии», способного быть профессором морали и политики и преподавать математику и даже назвал его «великим философом».

Б. — первый, кто должен был возглавить в Петербургской АН кафедру логики, метафизики и морали, но вскоре после прибытия в Петербург он занял кафедру физики, став профессором эксперименталь-

ной и теоретической физики, а философскую кафедру отдали Х. Мартины. Из-за раздоров с Шумахером и других дрызг Б. в январе 1731 г. уехал на родину, но остался почетным членом Академии и поддерживал с нею контакты до конца жизни, посылал в Петербург свои работы. В Тюбингене Б. стал профессором богословия и фаворитом вюртембергского герцога Карла Александра.

Находясь в России, Б. не писал собственно философских работ, тем не менее он стал одним из символов лейбнице-вольфовской концепции философии в ее применении к положительной науке и соответственно распространителем философского рационализма. Философский рационализм Б. сочетал с эмпирическим методом в естествознании. Он ценил заслуги Бэкона, который, как он выражался, очистил от нелепостей естественную философию, и даже утверждал, что в физике следует «Веруламию». Б. проявлял интерес не только к натурфилософии, но также к «нравственной» и «теоретико-политической философии». В академическом издании «*Commentarii academiae scientiarum petropolitanae*» опубликовано 13 статей Б., в основном по естествознанию.

Coz.: *Disputatio de triplici rerum cognitione, histor. philos. et mathem.* Tübingen, 1722; *Commentatio hypothetica de harmonia animi et corporis humani maxime praestabilita ex mente Leibnitii.* Frankfurt; Leipzig, 1723; *Commentationes philos. de origine et permissione mali praecipue moralis.* Ibid., 1724; *Dilucidationes philosophicae de Deo; anima humana, mundo et generalioribus rerum affectionibus.* Tübingen, 1725; Расположение учения е. и. в. Петра Второго... СПб., 1728; *Stefani Javorski metropolitae resanensis et muromiensis discursus de poena haereticorum.* Tübingen, 1735; Опыт древней китайской философии о их нравоучении и правлении. СПб., 1794.

Лит.: Пекарский П. 359, т. 1, с. 83–84; Яновский А. 69, т. 3, с. 285–289; Schwab G. G. B. Bilfinger und seine Korrespondenten // Schwab G. Kleine prosaische Schriften. Freiburg; Bremen, 1882; Wahl R. Professor Bilfinger's Monadologie und prästabilirte Harmonie in ihrem Verhältniss zu Leibniz und Wolf // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1834. Bd 85; Schmidt E. Geheimerat Georg Bernhard Bilfinger (1693–1750) // Zeitschrift für württembergische Landesgeschichte. Stuttgart, 1939. Heft 2; Хейзе В. 530, т. 1, с. 165–166.

БИЦИЛЛИ ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ (1(13).10.1879–25.8.1953). Родился в Одессе в мелкопоместной дворянской семье, итальянской по происхождению; учился в 2-й Одесской гимназии; в 1905 г. окончил истори-

ко-филологический фак-т Новороссийского (Одесса) ун-та; с 1910 г. — приват-доцент по кафедре всеобщей истории и преподаватель на одесских Высших женских курсах; в 1917 г. защитил в Петроградском ун-те диссертацию и был избран сначала штатным доцентом, затем экстраординарным профессором в Новороссийском ун-те. В 1920 г. Б. эмигрировал; в эмиграции он работал некоторое время учителем и библиотекарем; с 1924 г. — преподавал историю в Софийском ун-те; в 1948 г. был уволен из ун-та.

В дореволюционных трудах Б. под влиянием Л. П. Карсавина стремился к целостному восприятию средневековой культуры; руководящую тенденцию Средневековья как культурного периода Б. определил как тяготение во всех сферах к универсальности, как стремление охватить мир в целом, понять мир как некоторое законченное всеединство; от фактов культуры Б. шел к толкованию форм познания, заложенных в духовную природу средневекового человека.

В эмиграции Б. написал свой основной труд по теории истории «Очерк теории исторической науки», в котором выступал против разрыва исторической науки с философией истории; некоторое время увлекался евразийством, но затем отошел от него.

Соз.: Западное влияние на Руси и начальная летопись. Одесса, 1914; Салимбене: Очерки итальянской жизни XIII в. Одесса, 1916; Основы социализма. Одесса: 1917; Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919 (см. также изд.: СПб., 1995); Избранное: историко-культурологические работы. София, 1993.

Лит.: Алексеев П. В. 6, с. 105—106; Каганович Б. 414, с. 62—63; Васильева М. 427, с. 90—92.

БЛОНСКИЙ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ (14(26).5.1884—15.2.1941). Родился в Киеве; в 1907 г. окончил историко-филологический фак-т Ун-та св. Владимира в Киеве; с 1903 по 1904 г. работал в Психологической семинарии при ун-те под руководством Г. И. Челпанова; по приглашению последнего переехал в Москву; в 1913 г. — приват-доцент Московского ун-та; в 1903—1917 гг. состоял в партии эсеров; после Октябрьской революции радикально порвал со своими прежними политическими, педагогическими и философскими взглядами, стал известным педагогом и психологом, сознательно стремившимся освоить методологию марксизма.

В дооктябрьский период Б. начинал с утверждения о том, что из всех мирозерцаний великих мыслителей, кроме Канта, наиболее современно мирозерцание Лейбница, но возобладало стремление про-

тивопоставить свою философскую концепцию «абсолютному» германскому идеализму, поскольку тот оказался-де неспособным объяснить «конкретные явления живого созерцания», отношение индивидуально-го, действительного сознания к «абсолютному субъекту».

Вслед за С. Трубецким Б. усматривал в истории философии не многие философии, а единую «положительную философию» с объективными законами развития. В 1916 г. Б. закончил книгу, которую охарактеризовал как путеводитель-каталог для ориентировки желающего узнать современные философские течения. В этом отношении книга оказалась очень информативной, но полностью беспристрастным Б. стать не удалось: подавляющее большинство философских систем он квалифицировал как узко школьные. По его мнению, схоластицизм и эпигонство в очень сильной мере присущи современной философии: лишь несколько философий — марксизм, религиозная идеалистическая философия и философия действия и интуиции (прагматизм, Бергсон и американский реализм) входят-де в широкую область жизни. В такой установке уже была заложена возможность дальнейшей эволюции мировоззрения Б. — его переходу на позиции марксизма в советский период.

Соз.: Проблема реальности у Беркли. Киев, 1907; Телеология Лейбница // ВФиП. 1911. Кн. 107; Этюды по истории ранней греческой философии. М., 1914; Кн. С. Н. Трубецкой и философия. М., 1917; Философия Плотина. М., 1918; Современная философия. Ч. 1—2. М., 1918—1922 (написана в 1916 г.).

Лит.: Умрихин В. **414**, с. 64; Алексеев П. В., Зорина Е. В. **6**, с. 109; Задорожнюк И. Е. **415**, с. 52—53.

БЛЮМЕНТРОСТ (или Блументрост) **ЛАВРЕНТИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ** (1692—27.3.1755). Родился в Москве в семье Л. А. Блюментроста, прибывшего в Россию из Германии в 1668 г. по приглашению царя Алексея Михайловича. Получил первоначальное образование в школе пастора Глюка в Москве, затем медицинское образование в Галльском и Оксфордском ун-тах. Женат был на русской.

В 1714 г. являлся лейб-медиком при сестре Петра I Наталье и обратил на себя внимание царя, став и его личным врачом. Ближайшим его помощником был Иоганн Даниил Шумахер. По совету Шумахера Б. подал около 1720 г. Петру мысль о необходимости вызвать в Россию ученых из Западной Европы и составить из них Академию. Петр, не раз до этого сталкивавшийся с проблемой ун-та и академии для России, одобрил это предложение, и Б. взялся за организацию Петербург-

ской Академии наук. В докладе, который рассматривался Петром I 22 января 1724 г., предлагалось не создавать в России отдельно академии как ученого общества и отдельно ун-та как высшего учебного заведения, но предлагалось организовать академию и ун-т при ней с тремя фак-тами: юридическим, медицинским и философским с тем, чтобы академики одновременно были профессорами ун-та. Имелось в виду, что академики будут посещать ученые заседания и читать лекции. Б. вел переписку с зарубежными учеными, например с Х. Вольфом, по поводу организации в России Академии, приглашения в нее зарубежных ученых, обеспечении литературой, в частности философской, в том числе из сочинений самого Вольфа. Став первым президентом Петербургской АН, Б. лично представлял приехавших в Россию академик-профессоров Екатерине I. В 1728 г. Б. охладел к Академии, вверив ее Шумахеру. После увольнения из Академии в 1733 г. Б. работал в Москве начальником госпиталя, но его роль как организатора Академии не была совсем забыта. В 1754 г. он являлся вторым куратором создававшегося тогда Московского ун-та, в феврале 1755 г. он был вызван И. И. Шуваловым в этой связи в Петербург.

Говоря современным языком, проведенная Б. «организационная работа» не только обеспечила решение первых кадровых и научных проблем в Петербургской Академии наук, но и дала старт университетской философии в России; именно он обосновал правила, согласно которым первые российские академики были одновременно профессорами и читали лекции, а в самой Академии по его проекту первоначально существовала философская кафедра.

Лит.: Пекарский П. 359, т. 1, с. 1—15; Уманский А. М. 69, т. 3, с. 425—436.

БОБРОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (24.1(5.2).1867—12.03.1933). Родился в Риге в семье землемера; учился сначала в немецких школах, в 11 лет поступил во 2-й класс Александровской гимназии, с 5-го класса учился в Екатеринбургской гимназии, с 1886 по 1893 г. — студент Дерптского ун-та; в 1889—1892 гг. для сдачи экзаменов на степень кандидата русской словесности написал диссертацию о Д. В. Веневитинове, на степень кандидата философии — «О приложении метафизических основ к обществоведению»; для получения звания приват-доцента — «Искусство и нравственность» (1893); в 1895 г. защитил работу на степень магистра философии «Отношение искусства к науке и нравственности»; с 1893 г. — исполняющий должность доцента философии; в октябре 1896 г. переведен исполняющим должность экстраординарного профессора в Казанский ун-т; с 1906 г. — профессор Варшавского ун-та;

после его эвакуации в Ростов-на-Дону и преобразования — профессор Донского ун-та.

В противовес кантовской критической философии, сосредоточившейся на гносеологии, Б. вслед за своим «незабвенным учителем» Густавом Тейхмюллером в центр внимания поставил «верховную важность проблемы бытия» и утверждал, что вопрос о бытии — это центральный вопрос всей метафизики и основная проблема критической гносеологии. В этом смысле Б. считал философию наукой наук, познанием познания, наукой мышления по преимуществу. По Б., заключительным словом метафизики стала монадология Лейбница, усовершенствованная Тейхмюллером; она привлекла его потому, что в пределах этой метафизической теории бытия он усматривал возможность обосновать принцип индивидуализма; монадология — это философия критического индивидуализма, которая дает обоснование христианскому мировоззрению и примиряет механическое объяснение мира с телеологией. Поэтому, отвергая лозунг «назад к Канту», Б. звал «назад к Лейбницу».

Соз.: О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование. Юрьев, 1894; Отношения искусства и нравственности. Юрьев, 1895; Новая реконструкция монадологии Лейбница. Юрьев, 1896; О самосознании. Казань, 1898; Из истории критического индивидуализма. Казань, 1898; О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова. Казань, 1898; Бытие индивидуальное и бытие координальное. Юрьев, 1900; Философия в России. Вып. 1—6. Казань, 1899—1900; Философские этюды. I—IV. Варшава, 1911.

Лит.: Charites. Профессору Евгению Александровичу Боброву признательные ученики в честь четвертьвековой — 1888—1913 — его работы на поприще науки и литературы. Варшава, 1913; *Беляев М.* Работы проф. Е. А. Боброва по истории русской литературы и просвещения. Ростов-на-Дону, 1928; *Курабцев В.* 414, с. 64—65; *Алексеев П. В.* 6, с. 111; *Фирсова Л. В.* 415, с. 53—54.

БОБЫНИН ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ (8.11.1849—1919). Родился в Смоленской губ., окончил физико-математический фак-т Московского ун-та; с 1882 г. — приват-доцент Московского ун-та. В основном Б. — историк физико-математических знаний; ряд работ он посвятил философии математики и математической логики.

Занимаясь историей математики, Б. рассматривал ее в качестве главной вспомогательной дисциплины для исследований в области философии математики, которую, как он выражался, подвергали со-

мнению в его «антиидеалистическое время»; философию математики Б. включал в состав «философии науки», которую определял, опираясь на «Логические исследования» Тренделенбурга. Б. принадлежит также работа, в которой проанализированы труды основателя математической логики англичанина Дж. Буля и немецкого логика Роберта Грасмана, а также их продолжателя Эрнста Шрёдера; независимые друг от друга, по мысли Б., опыты математического изложения логики Буля и Грасмана Б. рассматривал как реализацию идеи Лейбница о «философском исчислении».

Соз.: Философское научное и педагогическое значение истории математики. М., 1886; Очерки истории развития физико-математических знаний в России. Т. 1. Вып. 1—2. М., 1886—1893; Опыты математического изложения логики. Вып. 1—2. М., 1886—1894.

Лит.: 304, т. 7, стб. 17.

БОГДАНОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ (1776—1816). Учился в Московской духовной академии и Медико-хирургической академии; с 1803 г. — преподаватель словесности Московского благородного университетского пансиона. Автор учебника логики.

По традиции Б. включал в логику гносеологическую проблематику и представлял себе мысль вроде портрета, который бывает верным, когда похож на предмет, с которого снят; мысль только тогда справедлива, когда верно изображает предметы; эмпирическое Б. сочетал с умозрением.

Соз.: Краткая логика, изданная в пользу юношества, обучающегося в Благородном пансионе, учрежденном при имп. Московском университете. М., 1806.

Лит.: Каменский З. А. Философские идеи русского Просвещения. М., 1971. С. 156, 168, 178, 357.

БОЛИН (VOLIN) ВИЛЬГЕЛЬМ (2.8.1835—1924). Родился в Петербурге, учился в Петропавловской школе, затем в Гельсингфорском ун-те; с 1865 г. — доцент, с 1870 г. — экстраординарный профессор; с 1873 г. — библиотекарь Гельсингфорского ун-та.

Во время пребывания в Германии подружился с Л. Фейербахом и испытал большое влияние его идей. Вместе с Ф. Йодлем переиздал Собрание сочинений Л. Фейербаха в 10 томах (1903—1911).

Соз.: Ludwig Feuerbach, sein Wirken und seine Zeitgenossen. Stuttgart, 1891; Spinoza. Ein Kultur- und lebensbild. Berlin, 1894; Pierre

Bayle. Sein Leben und seine Schriften. Stuttgart, 1905; Ewiges leben. Hauptinhalt der gedenken über tod und unsterblichkeit von Ludwig Feuerbach. In freier wiedergabe mit Einleitung von W. Bolin. Leipzig, 1912.

Лит.: **304**, т. 7, стб. 386.

БОРОВОЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (30.11(12.12).1875—21.11.1935). Окончил юридический фак-т Московского ун-та; приват-доцент в нем (1901—1902 и 1905—1911); в 1906—1910 гг. — руководитель изд-ва «Логос»; в 1911—1913 гг. — за границей; в Париже работал в Свободном колледже социальных наук; по возвращении в Россию занимался журналистикой и научно-педагогической деятельностью (в Соцакадемии и Московском ун-те); с июля 1929 г. до конца жизни — в ссылке.

Основной тезис Б.: «Философия либерализма есть философия привилегированных классов, социализм есть философия исстрадавшегося пролетариата, анархизм — философия пробудившегося человека». В анархизме выделял две фракции: анархизм индивидуалистический (М. Штирнер) и анархизм коммунистический (Кропоткин, Реклю и др.). Противостоя анархистам-коммунистам, Б. считал, что социализм — это решение лишь проблем тела, тогда как анархизм — это решение проблем духа на основе социализма как стадии технико-экономической и психологической подготовки, с конечной целью создания личности — Бога, того «я», о котором смутно мечтал Штирнер.

Соз.: Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. М., 1906; Революционное мирозерцание. М., 1907; (Анархизм) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX—начала XX века. Избр. произв. М., 1994.

Лит.: *Ударцев С.* **414**, с. 70; *Алексеев П. В.* **6**, с. 118—119.

БРАУН ИОСИФ АДАМ (1712—1768). Родился в Богемии; в начале 1748 г. приехал в Россию по вызову К. Г. Разумовского и определен профессором в ун-т при Петербургской АН для обучения логике, метафизике и нравоучительным наукам.

В становящейся университетской философии России Б. занял особое место: в конце 40—60-х гг. XVIII в. он был единственным из профессоров, который читал лекции регулярно, причем читал именно философские лекции, несмотря на неодобрение со стороны неформального главного администратора Академии Шумахера. Дружески расположенный к Б. М. В. Ломоносов особо отмечал его «всегдашнее старание о научении Российских студентов» и подчеркивал, что его «честная со-

весть особой похвалы и воздаяния достойны». Как профессор теоретической и практической философии, Б. предлагал «руководство по всю философию, употребляя за основание сокращенную Тиммигом (т. е. учеником Вольфа Тюммигом) Волфианскую философию, которая для сего намерения лутче других служить может»; при этом Б. представлялось право волфианскую систему «пополнять и исправлять, где за благо рассудится». Будучи противником чистого эмпиризма доказывал, что «одни опыты и примечания никакой науки составить не могут, ибо наука требует порядочного связания и соединения правд первоначальных и производных и собрания правд умствованием изыскуемых»; критиковал тех, которые «помощью одних чувств все определить хотят и которые обыкли рассуждать из чувств о свойстве вещей». Есть сведения, что у Б. были какие-то идеи, считавшиеся противоречащими догматам «греческой веры».

Соз.: Ответ на речь господина профессора Гришева о величинах и расстояниях небесных тел // Торжество Академии наук на день тезоименитства... Елизаветы Петровны. СПб., 1755; Слово о главных переменах атмосферы и о предсказании их... СПб., 1759; О удивительной стуже, искусством произведенной, от которой ртуть замерзла. СПб., 1761.

Лит.: Любимов Н. Ломоносов как физик // В воспоминание 12 января 1855 г. Учено-литературные статьи профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. С. 27—30; Билярский П. 33, с. 383—385.

БРИКНЕР (BRÜCKNER) АЛЕКСАНДР ГУСТАВОВИЧ (24.7(5.8).1834—3(15).11.1896). Родился в Петербурге в семье негоцианта, по национальности финн; учился в Петропавловском училище; некоторое время занимался торговлей, но затем поехал в Германию, где учился в Гейдельберге, Йене и Берлине (1857—1860) и защитил докторскую диссертацию; по возвращении в Россию преподавал историю в Училище правоведения (1861—1867); защитив в Петербургском ун-те магистерскую диссертацию, стал приват-доцентом ун-та; в 1867 г. Дерптский ун-т присудил Б. степень доктора всеобщей истории; он был приглашен в Одессу, в Новороссийский ун-т, где стал ординарным профессором; в 1872 г. его утвердили заведующим кафедрой русской истории Дерптского ун-та; в ун-те Б. побывал также на должности декана и проректора; по выслуге положенных 25 лет (1886) Б. был оставлен еще на пять лет и назначен ординарным профессором в Казанский ун-т, но, не приступая там к работе, уехал из Дерпта в Германию на постоянное жительство.

Согласно методологии Б., историк не может ограничиться изложением фактов и толкованием общей связи между ними; он должен быть философом истории; выступал против концепции Гегеля, поместившего, по словам Б., историю в область метафизики, и вместе с тем против превращения истории в естественную науку; категория развития выше категории бытия — вот что, по Б., должно стать девизом исторической науки, условием существования истории как науки. Сквозной, излюбленной темой Б. была тема «европеизация России», западного влияния на русскую культуру и общественную жизнь.

Сог.: О главных задачах исторической науки. Одесса, 1868; Ein Beitrag zur Geschichte der Europäisierung Russlands. Strassburg, 1880; Der Fortschritt in der Geschichte. (Рец. на кн.: Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории) // Nord und Süd, 1885. Bd 33. S. 374—390; Die Europäisierung Russlands. Land und Volk. Gotha, 1883.

Лит.: Тридцатилетие (1861—1891) ученой деятельности проф. А. Г. Брикнера. СПб., 1891; *Иконников В. С.* Александр Густавович Брикнер (ум. 3 ноября 1896 г.). Киев, 1898.

БРЯНЦЕВ (БРЯНЦОВ) АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1749—26.1(7.2). 1821). Родился в семье церковнослужителя, недалеко от Вологды; рано остался сиротой; в 7 лет отдан в Вологодскую семинарию; затем окончил Московскую Славяно-греко-латинскую академию и поступил в Московский ун-т. С 1779 г. — учитель латинского и греческого языков в университетской гимназии. В 1787 г. защитил диссертацию на тему «О критерии истины» на степень магистра философии и свободных наук; в 1788 г. получил звание экстраординарного, а в 1795 г. — ординарного профессора логики и метафизики; некоторое время был цензором книг, печатавшихся при ун-те, директором Педагогического ин-та, пять раз был деканом этико-политического отделения.

Философскую позицию Б. квалифицировали по-разному, вплоть до противоположного: то относили к вольфианцам (Колубовский), то к материалистам (Щипанов). На самом деле его философские взгляды разноосновны, эклектичны, включающие элементы из философии Лейбница, Вольфа, Бильфингера, Декарта, Баумейстера, Мендельсона, Вальха и др.; все заимствованные идеи (закон о всеобщей связи во Вселенной, закон непрерывности и др.) Б. объяснял в конечном счете, «внимая чудесным Божиим действиям», «премудрым Божиим намерением». В самом начале XIX столетия Б. перевел учебник кантианца Снеля, что свидетельствовало о его охлаждении к лейбнице-вольфовской парадигме, а его желание к «примирению сект философских» означало усиление

ние эклектично-синтетического начала в его философской концепции.

Соз.: Слово о связи вещей во вселенной. М., 1790; Слово о всеобщих и главных законах природы. М., 1799.

Лит.: Терновский. 36, ч. 1, с. 109—112; Колубовский Я. 210, с. 531; Плимак Е. Г. 530, т. 1, с. 195; 449, с. 126; Панибратцев А. В. 415, с. 65—66; Артемьева Т. В. 14, с. 116—117.

БУГАЕВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (2(14).9.1837—29.5(11.6).1903). Родился в с. Душети (Грузия) в семье военного врача; учился в 1-й Московской гимназии, с 1855 по 1859 г. — на физико-математическом фак-те Московского ун-та; посещал лекции на юридическом и историко-филологическом фак-тах; окончил экстерном Николаевское инженерное училище, учился в Инженерной академии, но был уволен и решил заняться наукой; в 1863 г. получил степень магистра после защиты диссертации по математике; два года совершенствовал математические знания во Франции и Германии; по возвращении на родину избран доцентом по кафедре чистой математики; в феврале 1866 г. защитил докторскую диссертацию, в 1867 г. избран экстраординарным, в 1869 г. — ординарным профессором; в 1886 г. стал деканом физико-математического фак-та; член-корреспондент АН и действительный член Чешского Королевского общества и многих русских ученых обществ. Б. — отец писателя-символиста А. Белого.

Суть философской концепции Б.: в природе наблюдается не только непрерывность явлений природы, но и прерывность: в некотором смысле непрерывность есть прерывность; теория прерывности называется аритмологией; математика — это, как говорил Гаусс, царица наук, а аритмология — царица математики; непрерывность объясняет только часть мировых событий; с непрерывностью связаны аналитические функции; но аналитическое мирозерцание недостаточно; истинно научное мировоззрение должно быть одновременно аналитическим и аритмологическим, и тогда философ увидит в мировых явлениях не только необходимость, но также целесообразность и гармонию, увидит, что природа есть не только механизм, но и организм, в котором действуют самостоятельные и самодеятельные индивидуумы; творцом начала непрерывности был Лейбниц, но он сознавал недостаточность этого принципа; его монадология дополняла аналитическое мировоззрение и дала толчок к осознанию значения индивидуальности в мировом порядке; отсюда концепция «эволюционной монадологии», в которой заключена возможность преодоления духа и материи, свободы и необходимости, универсализма и индивидуализма.

Соз.: О свободе воли. М., 1889; Математика и научно-философское миросозерцание. Киев, 1898; Основные начала эволюционной монадологии // ВФиП. 1893. Кн. 17.

Лит.: Лопатин Л. М. Философское мировоззрение Н. В. Бугаева // ВФиП. 1904. Кн. 72; Некрасов П. А. Московская философско-математическая школа и ее основатели. М., 1904; Математика как основание критики научно-философского мировоззрения. Посвящается памяти знаменитого русского аритмолога-философа Н. В. Бугаева // Сборник Учено-литературного общества при имп. Юрьевском ун-те. 1904. Т. VII; Некрасов П. А., Лахтин Л. К., Лопатин Л. М., Минин А. П. Николай Васильевич Бугаев. Ч. 1—2. М., 1904—1905; Алексеев В. Г. Н. В. Бугаев и проблемы идеализма Московской математической школы. Юрьев, 1905; Самко А. К. Великая философская гипотеза (Н. В. Бугаев. Ум. 29 мая 1903 г.). Одесса, 1910; Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 216—217; Лосский Н. О. **253**, с. 186; Половинкин С. **414**, с. 73—74; Вангугов В. В. **415**, с. 66—67; Шапошников В. А. Математические понятия и образы в философском мышлении: (На примере П. А. Флоренского и философских идей Моск. мат. школы). М., 1996 (канд. дис.).

БУДИЛОВИЧ АНТОН СЕМЕНОВИЧ (24.5(5.6).1846—19.12.1908 (1.1.1909)). Родился в с. Комотово Гродненской губ.; учился в Литовской духовной семинарии, с 1803 по 1807 г. — на историко-филологическом фак-те Петербургского ун-та; окончив его со степенью кандидата и золотой медалью за сочинение «О литературной деятельности М. В. Ломоносова», оставлен для приготовления к профессорскому званию; с 1869 г. — приват-доцент, затем доцент Петербургской духовной академии, кроме того, с 1871 г. — преподаватель Петербургского историко-филологического ин-та; с 1871 г. — магистр славянской филологии; с 1875 г. — исправляющий должность ординарного профессора Историко-филологического ин-та кн. Безбородко; с 1879 по 1892 г. работал в Варшавском ун-те; в 1879 г. защитил в Петербургском ун-те докторскую диссертацию на тему «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях»; с сентября 1892 г. по май 1901 г. — ректор Юрьевского ун-та; с декабря 1882 г. — член-корреспондент Российской Академии наук.

Философско-историческим основанием трудов Б. является панславизм. Б. исходил из мысли о том, что славянские народы еще не лишились возможности в более или менее отдаленном будущем слиться в одно целое в политическом, социально-экономическом, религиозном,

научном и литературном отношениях; возможно единство славян в целом при разнообразии в частях, возможна федерация славянских земель, славянская церковь, славянская наука и литература; свою концепцию Б. сближал с концепциями западнославянских деятелей (Добровский, Шафарин, Коллар, Палацкий, Челяковский, Штур, Гурбан и др.), с идеями славянофилов и, с оговорками, с концепцией Данилевского.

Соз.: Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869; Пангерманизм и панславизм // Биржевые ведомости. 1870. № 360; Мечта ли панславизм? М., 1872; Несколько замечаний на публичную лекцию проф. Н. И. Кареева о духе русской науки // Варшавский дневник. 1884. № 252; Рец. на кн.: Завитневич В. З. Значение первых славянофилов в деле уяснения идей народности и самобытности. Киев, 1891 и Соловьев В. С. Национальный вопрос в России (вып. 1—2. СПб., 1891) // Славянское обозрение. 1892. Январь; Ян Коллар и западное славянофильство: Сборник // Там же. 1894; Культурная отдельность народов греко-славянского мира. М., 1896; Современный мадьяризм о перспективе угро-славянской истории и жизни. СПб., 1902; Наука и политика. СПб., 1905.

Лит.: Антон Семенович Будилович. Биобиблиографический указатель. Нежин, 1993.

БУЛГАКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (16 (28).6.1871—13.7.1944). Родился в г. Ливны Орловской губ.; учился в Ливенском духовном училище, в Орловской духовной семинарии, Елецкой гимназии, на юридическом фак-те Московского ун-та (1890—1894); в 1895 г. оставлен в ун-те для приготовления к профессорскому званию; написанная Б. магистерская диссертация «О рынках при капиталистическом производстве» не была принята к защите по цензурным соображениям; с 1897 г. Б. начал преподавать политэкономии и статистику в Московском техническом училище. В 1901—1906 гг. Б. — ординарный профессор Киевского политехнического ин-та, с 1903 г. — приват-доцент Ун-та св. Владимира в Киеве; с 1906 г. Б. преподает в Московском ун-те, Коммерческом ин-те, других учебных заведениях; после Февральской революции избирается профессором Московского ун-та, откуда был уволен после Октябрьской революции; оказавшись в «белом» Крыму, Б. стал профессором политэкономии и богословия в Таврическом ун-те (Симферополь); был исключен из ун-та после ухода белых; в 1922 г. Б. выслан в Константинополь; в эмиграции был профессором церковного права русского юридического фак-та при Парижском ун-те (1923—

1925), профессором догматики и деканом Русского богословского православного ун-та (впоследствии академии).

В Б. причудливо сочетались преподавательская и активная общественно-политическая деятельность. Исходный «университетский» базис и довольно длительная преподавательская работа Б. значительно повлияли на его «вольное философствование»: проявилось оно в значительной степени в систематичности и наукообразности теоретических построений Б. несмотря на то, что он очень рано стал отращиваться от научных методов. С другой стороны, рано возникшие у Б. ценностные установки человека неравнодушного к социально-политической и практической сфере изначально стали деформироваться, со временем во все больших масштабах, его теоретические построения сказывались на их объективности, научной выдержанности.

В лекциях Б. по истории социальных идей и экономической мысли содержался значительный историко-философский материал, отражавший его общую философскую концепцию (о «классическом германском идеализме», «философии истории» Фихте, Шеллинга, Гегеля, Лассаля, Маркса, о «философии религии» Фейербаха и т. д.). Б. последовательно проводил свою социально-философскую идею о «двух исторических руслах», «двух исторических путях» — пути религиозно-идеалистического мировоззрения и религиозного индивидуализма и пути гуманистически-натуралистического индивидуализма. В числе прочего в лекциях Б. обсуждалась проблема социализма, который он толковал как частное проявление индивидуализма; критикуя марксизм, Б. отмечал его объективно-историческое значение.

С университетской философией Б. связывает также его докторская диссертация на тему «Философия хозяйства». В этой работе предпринята попытка рассмотреть экономику не только в ее эмпирических аспектах, но и с точки зрения философской метафизики. Главным авторитетом для Б. выступает Шеллинг. Философия хозяйства как философия объективного действия — это, по Б., продолжение натурфилософского дела Шеллинга.

Значительная часть лекций Б. опубликована литографическим способом.

Соз.: История политической экономии. М., 1907; История социальных учений в XIX в. М., 1908; История экономических учений. М., 1908; Курс политической экономии. М., 1914; Философия хозяйства. М., 1990.

Лит.: Сперанский В. Н. Новая философия государственного хозяйства. Религиозно-экономическое учение проф. С. Н. Булгако-

ва. Критический этюд. Пг., 1915; *Карякин Ю.* 530, т. 1, с. 199; *Зиновьев И. В.* «Философия хозяйства» С. Н. Булгакова: на пути к идеалистической системе. Екатеринбург, 1995; *Хоружий С.* 414, с. 74—78; *Алексеев И. Ю., Иванов А. В.* 6, с. 132—133; *Сапов В. В.* 415, с. 67—69.

БУЛЕ (BUNLE) ИОГАНН ФЕОФИЛ (ИВАН ФЕОФИЛОВИЧ) (29.9.1763—21.8.1821). Родился в Брауншвейге в семье хирурга; учился в Брауншвейгской гимназии, затем Каролингском коллегииуме; начал учиться в Гельмштадтском ун-те, затем в 1783 г. поступил в Геттингенский ун-т; в 1785 г. стал наставником немецкого принца Карла фон Фирстенберга, а с 1786 г. в течение пяти лет преподавал греческий и латинский языки трем английским принцам; в апреле 1786 г. защитил магистерскую диссертацию, посвященную Аристотелю; в следующем году получил место приват-доцента, затем в 1793 г. — экстраординарного профессора философии в Геттингенском ун-те; преподавал логику, метафизику, историю древней философии; по поручению Цвейбриккерского общества взял на себя труд по изданию сочинений Аристотеля (на латинском языке) и издал в 1791—1798 гг. пять томов; в 90-х гг. XVIII—начале XIX в. опубликовал несколько крупных трудов по философии. В марте 1803 г. попечитель Московского ун-та М. Н. Муравьев пригласил Б., в числе других немецких ученых, в ун-т; в ноябре 1804 г. Б. выехал в Россию; при своих переговорах с Муравьевым Б. высказал пожелание быть профессором изящной литературы, а не преподавателем спекулятивной философии; но его пожелание исполнилось лишь частично: в ун-те Б. читал не только лекции по метафизике, психологии, логике, истории философии, естественному праву, но и по греческой и римской литературе, по теории и истории изящных искусств и даже архитектуры и мифологии; занимался Б. также журналистикой, побывал и на посту директора Педагогического ин-та. После смерти своего покровителя Муравьева Б. оставил ун-т и стал библиотекарем вел. кн. Екатерины Павловны; он был даже представлен императору; в августе 1814 г. Б. вышел в отставку и возвратился на родину, где занял кафедру в Каролингском коллегииуме в Брауншвейге; последней у него стала должность правительственного цензора.

Г. Г. Шпет отнес Б. к кантианцам примитивного склада, что несправедливо: Гегель в целом положительно относился к трудам Б. как историка философии. В политическом отношении Б. вообще был знаменитостью: Наполеон включил его в число своих личных врагов. Будучи в России, Б. в сфере теоретической философии ограничился преподавательской работой, и его роль в ознакомлении студентов с новейшими

философскими системами нельзя переоценить. В диссертации, специально посвященной Б., молодой ученый А. М. Хлопников доказывал, что в России позиция Б. носила просветительский характер в духе берлинского Просвещения конца XVIII в. Если этот автор прав в атрибуции статей и рецензий Б., то просветительский характер взглядов Б. «московского» периода оказывается несомненным: в его журнале пропагандировалась идея необходимости третьего сословия, критиковались спекулятивные философские системы, «трансцендентальный идеализм», «мечтательная метафизика», идеалистическая натурфилософия, популяризировалась идея основанного на опыте и наблюдении естествознания и т. д.

Соз.: Einleitung in die allgemeine Logik und die Kritik der reinen Vernunft. Göttingen, 1795; Sextus Empiricus oder der Sceptitismus der Griechten. Lemgo, 1799; Geschichte des philosophierenden menschlichen Verstandes. Lemgo, 1791; Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer Kritischen Litteratur derselben. Tl. 1—8. Göttingen, 1796—1804; Entwurf der Transscendentalphilosophie. Göttingen, 1798; Geschichte der neuern Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften. Tl. 1—6. Göttingen, 1800—1804.

Лит.: Тихонравов. 36, ч. 1, с. 112—128; Шпет Г. Г. 559, с. 89—90; Пфо В. 530, т. 1, с. 199; Пустарнаков В. Ф. 528, с. 15—18, 34—35, 195; Каменский З. А. 528, с. 347.

БУЛИЧ НИКОЛАЙ НИКИТИЧ (3.2.1824—25.5.1895). Родился в г. Курган в семье чиновника; окончил вторую Казанскую гимназию и Казанский ун-т (1845); в 1849 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «О значении формального и метафизического взгляда на науку логики» и был избран адъюнктом по кафедре философии; в 1854 г. утверждён в звании доктора после защиты диссертации в Петербургском ун-те (есть сведения, что Б. защищал диссертацию о философии Шеллинга, но на степень кандидата) и избран экстраординарным профессором Казанского ун-та по кафедре русской словесности; с ноября 1857 г. — ординарный профессор; за либеральные идеи в лекциях в феврале 1860 г. был уволен с работы; в том же 1860 г. выбран советом Петербургского ун-та по кафедре философии, но отказался от избрания и в начале 1861 г. вернулся в Казанский ун-т. Вскоре после того, как П. Л. Лавров начал читать в Петербурге публичные лекции по философии, Б. в январе 1861 г. прочел три лекции по истории западной философии XV—XVI вв. в пользу частных воскресных школ. После восста-

новления в 1862 г. в ун-те кафедры философии, но долго не замечавшейся, читал лекции по истории философии; избирался деканом историко-филологического фак-та, проректором и ректором ун-та; с 1875 г. — заслуженный профессор, с 1885 г. — почетный член Казанского ун-та; в 1885 г. вышел в отставку.

Полагая, что положение философии в российских ун-тах, и в Казани в том числе, не блестящее, литература по философии в стране представлена или переводами, или компиляциями, охотников преподавать философию в ун-тах мало, ратовал за привлечение в свой ун-т кадров, усовершенствовавших знания за границей.

Для собственной философской позиции Б. был характерен феноменализм и соответственно агностицизм в духе Канта.

Соз.: Университетский суд над профессором Солнцевым во время попечительства Магницкого // Ученые записки Казанского ун-та. 1864; К столетней памяти Ломоносова // Там же. 1865; Ф. М. Достоевский и его сочинения. Казань, 1882; Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. Т. 1—2. СПб., 1902—1905.

Лит.: Лаврентьев А. Статья по поводу публичных лекций философии профессора Булича. СПб., 1861; Корсаков Д. А. Николай Никитич Булич (ум. 25-го мая 1895 г.). Казань, 1895; Архангельский А. С. 35, ч. 1, с. 45—47.

БУСЛАЕВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ (13 (25).4.1818—31.7(12.8).1897). Родился в бедной семье в Керенске (ныне с. Вадинск Пензенской обл.); рано остался без отца; хотя и с большим трудом, получил образование: окончил Пензенскую гимназию, в 1838 г. — Московский ун-т; работал учителем во 2-й Московской гимназии и домашним учителем в семье попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова; в 1847 г. получил право преподавать в ун-те; защитил в 1848 г. магистерскую, в 1861 г. — докторскую диссертации; в 1881 г. вышел в отставку.

Б. — историк русской литературы и искусства по преимуществу, но многие его работы носят теоретический характер и пронизаны явными философско-историческими установками. Для Б. характерно стремление подняться и над западничеством, и над славянофильством, но славянофильские мотивы, как правило, брали у него верх.

Признавая за истину тот факт, что петровские реформы довели образованность в высших ее представителях до удовлетворительных результатов, что в эстетическом и литературном отношении «наша западная образованность» далеко ушла от «древнерусского застоя», Б. тем

не менее осуждал эти реформы за то, что они якобы оскорбляли предания и религиозные убеждения народа и поэтому считал западную образованность в России антинациональной. Такая же установка характерна для трудов Б. по истории искусства и эстетике. Отдавая справедливость достоинствам и западного и русского искусства, Б. полагал, что «обе эти половины в художественном развитии христианских народов восполняют одна другую, составляя гармоническое целое только в общей картине истории искусства». Сравнительный взгляд на историю искусства в России и на Западе — одна из сквозных тем творчества Б.; он утверждал, что древнерусское искусство (в частности, иконопись) имеет неоспоримые преимущества над западным искусством эпохи Просвещения, поскольку-де оно убереглось от «тупого материализма» и «бессмысленной идеализации», которая господствует-де в западном искусстве с середины XVI до начала XIX в.

Соз.: О народности в древнерусской литературе и искусстве. По поводу новых сочинений и изданий епископов Филарета и Макария, гг. Пыпина, Равинского, Сухомлинова и Ундольского // Русский вестник. 1867. № 10; Задачи современной эстетической критики // Там же. 1868. № 9; Сочинения. Т. 1—3. СПб., 1908—1910; О литературе. Исследования. М., 1990.

Лит.: Айналов Д. В. Значение Ф. И. Буслаева в науке истории искусств. Казань, 1898; Смирнов С. В. Федор Иванович Буслаев (1818—1897). М., 1978.

БУТЛЕРОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (3 (15).9.1828—5 (17).8.1886). Родился в Чистополе Казанской губ. в семье помещика; учился в частном пансионе в Казани, в Казанской гимназии, с 1844 по 1849 г. на естественном отделении физико-математического фак-та Казанского ун-та, который окончил со степенью кандидата; с 1850 г. начал преподавание в том же ун-те, в 1851 г. защитил магистерскую диссертацию, стал адъюнктом; в 1854 г. Московский ун-т присудил ему степень доктора химии и физики; он был утвержден в звании экстраординарного профессора; с 1858 г. — ординарный профессор Казанского ун-та; с 1865 по 1885 г. — профессор химии Петербургского ун-та; в 1870 г. избран адъюнктом, в 1871 г. — экстраординарным, в 1874 г. — ординарным академиком.

Б. не считал себя философом, хотя объективно его творчество имело глубокий философский смысл и он опирался на многие философские труды. Но в советской историографии философский портрет Б. оказался очень мало похожим на оригинал: он был представлен мате-

риалистом с какими-то «уступочками» идеализму. Между тем трудно сказать, чем был больше знаменит Б.: своими выдающимися трудами по химии или вызывавшими крупные споры статьями по медиумизму.

Первоначально в развернувшейся после первых статей о медиумизме дискуссии Б. настаивал на том, что изучение медиумических явлений — это одна из научных задач. Понятие «медиумизм» Б. считал обозначением известного рода фактов, которые имеют место, хотя и далеко не всегда, в присутствии людей, представляющих нечто особенное, вероятно, по организации нервной системы, т. е. медиумов, посредников; он писал, что мистическое и сверхъестественное кончается там, где воцаряется знание; в медиумических явлениях признавал проявление новой, неизвестной еще силы и настаивал на ее исследовании, полагая, что это имеет отношение к основам естествознания, к понятиям о веществе, о силе и их взаимоотношениях; при этом Б. апеллировал к строгому наблюдению, к проверке опытом, к положительному научному методу; звал не к слепому верованию, а к знанию, не к отречению от науки, а к расширению ее области; и воздерживался от определенных суждений по вопросу о гипотезе, которая объясняла бы медиумические явления. Но со временем Б. стал категоричнее, прямо говорил, что воюет с «грубым материализмом», проповедуя некий «антиматериализм опытный», ведущий к спиритуализму, основанному не на одной только вере, но и на знании.

Соз.: Статьи по медиумизму. СПб., 1889; Соч.: В 3 т. М., 1953—1958.

Лит.: Зайцев А. М. **34**, с. 278—286; А. М. Бутлеров (1828—1928). Сб. ст. Л., 1929; Жданов Ю. А. **186**, т. 3, с. 426—434; Быков Г. В. Александр Михайлович Бутлеров. — Очерк жизни и деятельности. М., 1961; Кедров Б. М. **187**, т. 4, с. 128—130.

БЭР **КАРЛ МАКСИМОВИЧ** (17 (28).2.1792—16 (28).11.1876). Родился в Эстляндии; в 1814 г. окончил Дерптский ун-т; с 1817 г. работал в Книгсбергском ун-те, где стал профессором; с 1826 г. — член-корреспондент, с 1828 г. — ординарный академик Петербургской АН; в 1834 г. вернулся в Россию и работал в Петербургской Медико-хирургической академии и Петербургской АН; в 1867 г. переехал в Дерпт, где и скончался.

В историю русской мысли Б. вошел как выдающийся ученый, внесший огромный вклад в философское обоснование естествознания. Гексли назвал его «Историю развития животных» сочинением, которое содержит самую глубокую философию зоологии и даже биологии вообще. Б. — предшественник Дарвина по эволюционному мировоззрению.

нию, хотя он не распространял идею превращения одних форм в другие на все животное царство в целом. Будучи противником шеллингианской натурфилософии, к которой примкнул Стеффенс, Б. тем не менее считал, что его труд «Исследования по внутренней истории природы» (1801) должен изучаться каждым естествоиспытателем, чтобы на знакомстве с ним отдать себе отчет о взаимной связи всех явлений (а это очень важное для философии естествознания положение входило в число философских принципов Шеллинга).

Соз.: Избр. работы. Л., 1924; История развития животных: В 2 т. М.; Л., 1950—1953.

Лит.: Лавров П. Л. Карл Эрнст Бэр // Дело. 1878. № 5; Холодковский Н. А. Карл Бэр, его жизнь и научная деятельность. СПб., 1893; Радлов Э. Л. К. М. фон Бэр как философ. Л., 1927; Вернадский В. И. Памяти академика К. М. фон Бэра. Л., 1927; Райков Б. Е. Карл Бэр, его жизнь и труды. М.; Л., 1961; Моисеев В. **414**, с. 80—81; Варламов В. Ф. Карл Бэр — испытатель природы. М., 1988; Каганов В. М. **187**, т. 4, с. 321.

ВАГНЕР НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ (1829—22.3 (4.4).1907). Родился в пос. Богословский завод на Урале; окончив Казанскую гимназию и Казанский ун-т, стал преподавателем Нижегородского дворянского ин-та; в 1851 г. защитил в Казани магистерскую, а в 1854 г. в Москве докторскую диссертацию; работал адъюнктом в Казанском ун-те, с 1860 г. — экстраординарный, через два года — ординарный профессор того же университета; в 1871 г. перешел в Петербургский ун-т, где стал заслуженным профессором.

Основные труды Вагнера посвящены проблемам зоологии и ботаники, но к истории философии он примыкает главным образом своими работами по медиумизму, которым он занимался в дружеских контактах с А. М. Бутлеровым.

Сог.: Гипнотизм и его крайние цели. СПб., 1879; Нравственные идеалы общества. СПб., 1888; Медиумические материализации. СПб., 1891 (сб. переводов); Наблюдения над медиумизмом. Вып. 1. СПб., 1902.

Лит.: 38, т. 1, с. 113—118; Гусев А. Ф. Папизм в науке (ответ проф. Вагнеру). М., 1879.

ВАСИЛЬЕВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (24.7.1853—1929). Родился в Казани в семье востоковеда В. П. Васильева; окончил 5-ю Петербургскую гимназию и физико-математический фак-т Петербургского ун-та (1874); в том же году защитил в Казанском ун-те диссертацию *pro venia legendi* и стал читать в качестве приват-доцента лекции по математике; в дальнейшем защитил магистерскую и докторскую диссертации, стал экстраординарным (1884) и ординарным профессором (1887).

Математик Васильев интересовался также философией, принимал участие в международных конгрессах по философии и математике; под его редакцией вышли в 1914—1915 гг. сборник «Математика и философия»; В. считал, что философия важна для математики и вместе с тем подчеркивал значение математики для выработки философского мирозерцания; изучение философии математики и самой математики — лучшая необходимая предпосылка для изучения философии. В под-

тверждение этой мысли В. ссылался на «Основные правила метода» Декарта, «Этику» Спинозы, исчисление Лейбница, «Критику чистого разума» Канта, «Положительную философию» Конта, предрекал, что «царственный путь», по которому пойдет человеческая мысль, будет далек и от «антинаучных построений и безответственных мистических исканий современных неоплатоников и гностиков», и от «узкого фанатизма, считающих материализм Геккеля и Энгельса последним словом человеческого мышления»; был сторонником учения Эйнштейна, полагая, что общая теория относительности построена на гносеологических предпосылках, совпадающих с идеями Маха.

Соз.: Из истории и философии понятия о целом положительном числе // Известия физико-математического общества. 1891. Т. 1; Николай Иванович Лобачевский (1793–1856). СПб., 1914 (новое изд. М., 1992); Пространство, время, движение. Историческое введение в общую теорию относительности. Берлин, 1922.

Лит.: 35, ч. 1, с. 291–294; Казютинский В. В. 186, т. 4, с. 150.

ВАСИЛЬЕВ ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ (20.2.1818–27.4 (10.5).1900). Родился в Нижнем Новгороде в семье чиновника, окончил уездное училище и гимназию; в 1834–1837 гг. учился в Казанском ун-те, окончил его со степенью кандидата; затем получил степень магистра татарской словесности; в 1839 г. защитил диссертацию на тему «Об основаниях философии буддизма», став магистром монгольской словесности; ряд лет работал в Пекине в составе духовной миссии; с 1851 г. стал исправляющим должность экстраординарного профессора на кафедре китайской и маньчжурской словесности; с 1855 г. — исправляющий должность ординарного профессора на вновь созданном фак-те восточных языков Петербургского ун-та; в дальнейшем работал в Министерстве внутренних и иностранных дел, ряд лет был деканом фак-та восточных языков; стал ординарным, затем заслуженным ординарным профессором, ординарным академиком.

Сочинения В. по буддизму принесли ему европейскую известность; он стал родоначальником российской буддологии и исследователем философии буддизма.

Соз.: Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. СПб., 1857–1869; Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873.

Лит.: Ивановский А. 38, т. 1, с. 125–129; 267, ч. 1, с. 139–143; 35, ч. 1, с. 222–225; Столетие со дня рождения академика Васи-

лия Петровича Васильева. Пг., 1918; *Ольденбург С. Ф.* Памяти В. П. Васильева и о его трудах по буддизму. 1818—1918 // Известия Российской АН. 1918; *Завадская Е. В.* В. П. Васильев — родоначальник буддологии в России // История и культура Китая. М., 1974; *Трубникова Н.* 414, с. 83.

ВАСИЛЬЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (29.6.1880—31.12.1940). Родился в Казани; его отец — математик А. В. Васильев; по окончании школы поступил в 1898 г. на медицинский фак-т Казанского ун-та, который окончил в 1904 г. и стал работать врачом; в 1906 г. сдал экзамены за курс историко-филологического фак-та; с 1910 г. — приват-доцент, с декабря 1917 г. — доцент, с октября 1918 г. — профессор Казанского ун-та.

В. — создатель «воображаемой» (неаристотелевской) логики, согласно которой аристотелевская логика — только одна из возможных логических систем; если «наша логика» является орудием для познания реальности, то новая логика является чисто идеальным построением, не связанным с реальностью; только в воображаемом мире воображаемая логика могла бы стать орудием познания; в подтверждение В. привел тезис о том, что божество не должно мыслить по Аристотелевой логике, что логика божества иная, чем логика человека.

Но не только в сфере логики, но в сфере истории философии В. был оригинальным мыслителем. Он высказал весьма разумную мысль о том, что в его время начиналась эпоха философского синтеза, даже философского эклектизма, причем идеалом В. находил философию Шопенгауэра, у которого, по его словам, бьет струя творческой синтетической мысли.

Соз.: Третий международный философский конгресс в Гейдельберге (31 авг. — 5 сент. 1908 г. нового стиля). СПб., 1909; Логический и исторический метод в этике. (Об этических системах Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева). Казань, б. г.; Воображаемая (неаристотелева) логика // ЖМНП. 1912. Август; Логика и металогика // Логос. 1912—1913. Кн. 1 и 2; Лекции по психологии, читанные на Казанских высших женских курсах. 2-е изд. Казань, 1914; Воображаемая логика // Избр. труды. М., 1989 (в приложениях рецензии на работы В. и статьи о его жизни, творчестве С. И. Гессена, В. Н. Ивановского, В. А. Бажанова, В. А. Смирнова и др.).

Лит.: *Стяжкин Н. И., Силаков В. Д.* 480, с. 40—41; *Смирнов В. А.* 350, с. 242—257; *Бажанов В. А.* Профессор Казанского уни-

верситета Н. А. Васильев как ученый-мыслитель, создатель воображаемой логики. Казань, 1990; *Мoiseev В.* 414, с. 83–84.

ВВЕДЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (19 (31).03.1856–7.03.1925). Родился в Тамбове, окончил Тамбовскую гимназию и Петербургский ун-т (1881); оставался там до 1884 г. для подготовки к экзамену на степень магистра философии, будучи одновременно преподавателем в одной из петербургских гимназий; в 1884–1886 гг. находился в научной командировке в Германии, где совершенствовался в сфере философии, с 1887/88 учеб. г. начал читать лекции по философии в качестве приват-доцента Петербургского ун-та; с 1888 г. – магистр; после восстановления в 1888 г. Петербургских высших женских курсов (впоследствии Женский ун-т) В. заведует там кафедрой философии и одновременно кафедрой педагогики на Педагогических женских курсах; после смерти Владиславева возглавил кафедру философии Петербургского ун-та и одноименную кафедру в Петербургском историко-филологическом ин-те; в дооктябрьские годы остался в звании магистра и исправляющим должность ординарного профессора.

В конце 80-х гг. XIX–начале XX в. Введенский – лидер русского кантианства; он исходил из тезиса о том, что все содержание доступного субъекту знания ограничено чисто гносеологическими, а не метафизическими положениями; об истинном бытии мы ничего не знаем; метафизика может быть только предметом веры; гносеология – это учение о знании, которое выясняет условия, благодаря чему становится возможным бесспорное знание, и определяет границы знания.

Соз.: Опыт построения теории материи на принципах критической философии. СПб., 1888; К вопросу о строении материи. СПб., 1890; О пределах и признаках одушевления. Новый психофизический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892; Атомизм и энергетизм (по поводу речи В. Оствальда «Несостоятельность научного материализма»). СПб., 1896; Судьбы философии в России. М., 1898; Спор о свободе воли перед лицом критической философии // ЖМНП. 1901. Октябрь; Лекции по истории новейшей философии. Ч. 2. СПб., 1901 (с прибавлением: «Несовместимость метафизики в виде знания с достоверностью математики и естествознания»); Логика как часть теории познания. СПб., 1909; Новое и легкое доказательство философского критицизма. СПб., 1909; Психология без всякой метафизики. Пг., 1914; Философские очерки. 2-е изд. Прага, 1924; Статьи по философии. СПб., 1996.

Лит.: Колубовский Я. **210**, с. 579–580; Херсонский Н. По поводу книги А. И. Введенского «Логика как часть теории познания» // ЖМНП. 1909. Новая серия. Т. 21. Июнь; Лосский Н. О. Логика проф. А. И. Введенского. М., 1912; Менделеев Ив. От критицизма к этической гносеологии. Опровержение критицизма проф. А. И. Введенского. Клин, 1914; Яковенко Б. **582**, с. 83–85; Ueberweg F. **639**, Bd 5, S. 341–342; Зеньковский В. **154**, т. 2, с. 219–228; Лосский Н. О. **253**, с. 212–216; Петровский А. **530**, т. 1, с. 230; Водзинский Е. И. Русское неокантианство и его реакционная сущность. Л., 1961 (дис.); Стяжкин Н. И., Силаков В. Д. **480**, с. 24; Walicki A. **641**, S. 518–519; Малинин В. А. **186**, т. 4, с. 107–110; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. **87**, с. 556–558; Алексеева И. Ю., Кулакова Т. В. **6**, с. 153–154; Сербиненко В. В. **414**, с. 85; Ермигев А. А. Александр Иванович Введенский – русский философ-кантианец // Введенский А. И. Статьи по философии. СПб., 1996; Шуранов Б. М., Бирюков Б. В. Российская логическая наука на переломе начала XX века: идеи А. И. Введенского и Н. О. Лосского // Вестник Международного славянского ун-та. 1996. № 1. С. 30–32; Ильин В. В., Солнцев Н. В., Чалов Н. М. **173**, с. 126–127; Нижников С. А. К специфике русского неокантианства: Заметки о философии веры А. И. Введенского // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Философия. 1998. № 1. С. 58–65.

ВЕЛЛАНСКИЙ (наст. фамилия Кавунник) ДАНИЛО МИХАЙЛОВИЧ (11 (22).12.1774–15 (27).3.1847). Родился в Борзне Черниговской губ. в семье ремесленника; образование получил в Киевской духовной академии и Петербургской медико-хирургической академии; совершенствовал медицинские знания в Вюрцбургском ун-те, где слушал, в частности, лекции Шеллинга и Стеффенса; с 1805 г. – адъюнкт Медико-хирургической академии; в 1805 г. представил к защите диссертацию, но она вызвала возражения конференции (Ученого Совета) академии, и только в 1808 г. В. был утвержден в должности доктора медицины и хирургии; с 1814 по 1837 г. В. – профессор академии; с 1819 – академик; в 1837 г. вышел по болезни в отставку.

По своим философским взглядам В. – в основном последователь философии раннего Шеллинга, которую он трактовал не как «мечтательную метафизику», а как натурфилософское учение, достигающее Абсолютного объективного понятия природы при помощи трансцендентального метода. Признавая принципы Шеллинговой философии

(идею тождества субъекта и объекта и др.), В. тем не менее не во всем толковал ее адекватно (не разграничивал разные для Шеллинга понятия «Абсолют» и «Бог», игнорировал пантеистические мотивы его философии и «еретическую» идею «становящегося бога» и т. д. В первые десятилетия XIX в. стремление В., опираясь на философию Шеллинга, подвести под естественные науки базу «умозрительного знания» играло в основном положительную роль, хотя при этом В. впадал во многих случаях в характерные для натурфилософии шеллингианства заблуждения, что вызывало критику (не всегда, впрочем, справедливую со стороны ученых-эмпириков). В. не был ни «фанатичным последователем» Шеллинга, ни «ярым сторонником» Окена, ни «чуждаковатым натурфилософом», как его изображали некоторые авторы.

Соз.: Пролузия к медицине как основательной науке. СПб., 1805; Биологическое исследование Природы в творящем и творимом ее качестве, содержащее основные начертания всеобщей физиологии. СПб., 1812; Обзорение главных содержаний философического естествознания, начертанное из сочинений Окена. СПб., 1815; Предисловие к кн.: Окен Л. О свете и теплоте как истинных состояниях всемирного элемента. СПб., 1816; Опытная, наблюдательная и умозрительная физика, излагающая природу в вещественных видах, деятельных силах и зиждущих началах неорганического мира, составляющая первую половину энциклопедии физических познаний. СПб., 1831; Предисловие к кн.: Голуховский Ю. Философия, относящаяся к жизни целых народов и каждого человека. СПб., 1834; Основное начертание общей и частной физиологии или физики органического мира. СПб., 1836.

Лит.: Колубовский Я. **210**, с. 534–535; Веселовский К. Русский философ Д. М. Велланский // Русская старина. 1901. № 1. С. 5–19; Шпет Г. **559**, с. 122–132; Ueberweg F. **639**, Bd 5, S. 336; Коурé А. **621**, р. 90–99; Зеньковский В. В. **154**, т. I, с. 126–130; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. **87**, с. 179–183; Лыцов Г. **414**, с. 87–88; Приленский В. И. **415**, с. 83; **6**, с. 156–157; Каменский З. А. **528**, с. 224–241; Он же. **530**, т. 1, с. 237.

ВЕНГЕРОВ СЕМЕН АФАНАСЬЕВИЧ (5(17).4.1855–14.9.1920). Родился в г. Лубны; окончил юридический фак-т Петербургского ун-та (1879) и экстерном историко-филологический фак-т Юрьевского ун-та; профессор Петербургского ун-та.

Будучи библиографом и историком литературы по преимуществу, В. причислял себя к школе историков-идеалистов, открыто противостоя

сторонникам «экономического материализма»; живой силой исторического процесса он считал смену идей, отказываясь одновременно от связи идеализма с «беспочвенной мечтательностью» и претендуя на реализм; при этом признавал, что многое в истории есть функция «экономизма». Ратовал за «литературный монизм», за возможность сочетания в самом высокохудожественном произведении художественной картины и страниц теоретического, в том числе философского, характера (например, образ Базарова немислим, по его мнению, без проповеди философского материализма).

Соз.: Основные черты истории новейшей русской литературы. 2-е изд. СПб., 1909; Героический характер русской литературы. СПб., 1911; В чем очарование русской литературы XIX века? СПб., 1912.

Лит.: Поляков А. С. Труды профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Библиографический перечень. М., 1916; Ильинский Л. К. С. А. Венгеров // Известия 2 отделения Российской АН. 1923. Т. 28. С. 85—130; Сидорина Т. 414, с. 89.

ВЕНСОВИЧ ИВАН ФЕДОРОВИЧ (7.1.1769—11.2.1811). Родился в г. Колч Воронежской губ. в семье священника; начальное образование получил в Харьковском коллегииуме; с 1783 г. учился в гимназии Московского ун-та; с 1787 г. — студент, сначала философского, затем юридического фак-та, на котором в 1791 г. защитил диссертацию; в дальнейшем специализировался в медицине: в 1803 г. он получил степень доктора медицины; с 1804 г. — адъюнкт, с 1805 г. — экстраординарный, с 1808 г. — ординарный профессор; преподавал в Московском ун-те анатомию, физиологию и судебную медицину.

В истории университетской философии в России начала XIX в. определенное место занимает работа В. «Слово о пользе физической антропологии», отражавшая одну из примечательных тенденций того времени, а именно становление антропологизма как отдельного направления в рамках натурфилософии.

Соз.: Слово о пользе физической антропологии. М., 1805.

Лит.: Данилевский А. И. Речь в память Ивана Федоровича Венсовича. М., 1811 (2-е изд. 1814); Анке Н. Б. 36, т. 1, с. 153—155.

ВЕРНАДСКИЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ (28.2(12.3).1863—6.1.1945). Родился в Петербурге в семье профессора-экономиста и общественного деятеля; учился в 1-й классической гимназии в Харькове, затем в 1-й классической гимназии в Петербурге; закончил ее в 1881 г. и поступил

на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета; в 1885 г. получил степень кандидата естественных наук; после сдачи магистерского экзамена в 1887 г. был командирован за границу для приготовления к профессорскому званию; осенью 1890 г. стал приват-доцентом Московского университета; в 1891 г. защитил диссертацию на степень магистра минералогии и геогнозии, а в 1897 г. — докторскую диссертацию по той же специальности; в 1898 г. назначен экстраординарным профессором Московского университета, в 1906 г. избран адъюнктом Академии наук, в 1909 г. — экстраординарным, а в 1912 г. — ординарным академиком.

Основная методологическая проблема В. — ученого и философа в дооктябрьский период его творчества — проблема соотношения науки, философии и религии. Он выступал против идеи, что научное мировоззрение может заменить мировоззрение религиозное или философское, что роль философии для человечества кончена; не было науки без философии, философские концепции и философские идеи входят необходимым всепроникающим науку элементом, считал В. Рост науки расширяет границы философского и религиозного сознания; научное мировоззрение не является синонимом истины, так же как ею не являются религиозные или философские системы; все они — лишь подходы к истине; научное мировоззрение — это представление о явлениях, доступных научному изучению; отдельные явления соединяются вместе как части одного целого и получается картина Вселенной, Космоса. В философском творчестве всегда выступает вперед углубление человека в самого себя; философские системы как бы соответствуют идеализированным типам человеческих индивидуальностей, выраженных в формах мысли. Нет философии без рационалистического самоуглубления в человеческую природу или в мышление, без логически обоснованного языка и без положительного или отрицательного введения в мировоззрение мистического элемента.

Соз.: О полиморфизме как общем свойстве материи // Ученые записки Московского университета. Отделение естественной истории. 1892; О научном мировоззрении // ВФиП. 1902. Кн. 65 (то же, с дополнениями в изд.: Сборник по философии естествознания. М., 1906); Кант и естествознание XVIII столетия // Там же. 1905. Кн. 76; Черты мировоззрения князя С. Н. Трубецкого // Сборник памяти С. Н. Трубецкого. М., 1909; Из истории идей. М., 1912; Начало и вечность жизни. М., 1989; Научная мысль как планетарное явление. М., 1991; О науке. Т. 1: Научное знание; Научное творчество; Научная мысль. М., 1997; Т. 2: Научная деятельность. Научное образование. СПб., 2002.

Лит.: Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 259–261; Козиков И. А. Философское воззрение В. И. Вернадского. М., 1963; Гальцева Р. **530**, т. 5, с. 624–625; Гаркавенко Р. В. **186**, т. 4, с. 158; Могапов И. И. **532**, с. 85–86; Цицилина Н. И. Проблема разума в концепции ноосферы В. И. Вернадского. М., 1993; Емельянов Б. В. **131**, с. 76–88; Алексеев П. В., Киреев А. Ю., Гирусов Э. В. **6**, с. 157–159; Моисеев В. **414**, с. 90–95; Федоров В. М. **415**, с. 84–85; Горбачев Н. А., Чугупая Ю. Я. В. И. Вернадский о диалектическом отрицании в развитии науки // Российский исторический журнал. 1996. № 1. С. 3–5; Блинников Л. В. **41**, с. 76–77.

ВЕРНАДСКИЙ ГЕОРГИЙ (ДЖОРДЖ) ВЛАДИМИРОВИЧ (20.8.1887–12.6.1973). Родился в Петербурге в потомственной дворянской семье: его отец – В. И. Вернадский. Учился в 5-й Московской гимназии, затем, с 1905 по 1910 г. – на отделении истории историко-филологического фак-та Московского ун-та; в 1913 г. переехал в Петербург, где стал приват-доцентом ун-та; с весны 1917 г. – заведующий кафедрой русской истории Пермского ун-та, затем переселился в Симферополь, где преподавал в Таврическом ун-те и был начальником отдела печати в администрации генерала Врангеля; после поражения белых – в эмиграции, сначала в Чехословакии (был профессором, затем директором Русского юридического ин-та), с 1927 г. – в США.

Уже в дооктябрьский период В. наметил контуры своей концепции «философии всей русской истории», в которой просматриваются элементы будущих построений евразийцев: в частности, заявлена мысль о законе соотношения времени и пространства как факторов исторического процесса. Чтобы подчеркнуть «местоположение» русских в Евразии, В. использовал образное выражение знаменитого русского путешественника А. Ф. Миддендорфа (1815–1894) о напоре славян «против солнца».

Соз.: Против солнца. Распространение русского государства к востоку. М., 1914; Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.

Лит.: К 80-летию Г. В. Вернадского // Новый журнал. 1967. № 88; Ковалевский П. Профессор Г. Вернадский и его история России // Возрождение. 1970. № 217; Сонигева Н. Философия евразийства в концепции Г. Вернадского // Феномен евразийства. М., 1991; Кошарный В. П. **415**, с. 85–86.

ВЕСЕЛОВСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (4(16).2.1838–10(23).10.1906). Родился в Москве в дворянской семье; окончил 2-ю Москов-

скую гимназию, затем учился на словесном фак-те Московского ун-та, который закончил в 1858 г.; в 1862—1868 гг. ознакомился с литературой западноевропейских и славянских народов, побывав в Испании, Италии, Франции, Англии, Германии, Чехии; в 1870 г. защитил магистерскую диссертацию и получил звание доцента Петербургского ун-та; в 1872 г. защитил докторскую диссертацию, в 1876 г. стал членом-корреспондентом, а в 1877 г. — адъюнктом Академии наук; в 1879 г. избран ординарным профессором Петербургского ун-та, в 1880 г. утвержден в звании экстраординарного академика, в 1881 г. стал ординарным академиком.

В сфере философии В. — противник философского идеализма и сторонник позитивизма в духе Бокля и Спенсера с некоторыми элементами «экономического материализма»; в своих трудах по славянской и мировой литературе опирался на эволюционный метод. Эстетику В. растворял в истории культуры; поэзию рассматривал в качестве общественной мысли в образно-поэтическом переживании и в выражающих ее формах.

Соз.: Данте и символическая поэзия католичества // Вестник Европы. 1867. Т. IV; Новая книга Тэна: «Philosophie de l'art dans les Pays-Bas» // Санкт-Петербургские ведомости. 1869. № 342; О методе и задачах истории литературы как науки // ЖМНП. 1871. Ноябрь; Сравнительная мифология и ее метод // Вестник Европы. 1874. Октябрь; Из истории развития личности: Женщина и старинные теории любви // Из поэтики розы. СПб., 1912.

Лит.: Симоны П. К. К XL-летию учено-литературной деятельности А. Н. Веселовского. СПб., 1906; Трубицын Н. А. Н. Веселовский // Известия II Отделения истории АН. Т. XII. Кн. 3; 267, ч. 1, с. 156—169; Энгельгардт Б. М. Александр Николаевич Веселовский. Пг., 1924; Фридлиндер Г. 530, т. 1, с. 247; Наследие Александра Веселовского. СПб., 1992.

ВИКТОРОВ ДАВИД ВИКТОРОВИЧ (1874—1918). Приват-доцент Московского ун-та. Преподавал также на Высших женских курсах и в Городском народном ун-те им. А. Л. Шанявского; читал курсы по современным теориям познания, психологии, истории новой философии, введение в философию. В. провел монографические исследования философии чистого опыта, чтобы сделать интерес к ней в России «более долговечным». Не разделяя вполне мнение Гомперца, что после Гегеля Авенариус — величайший философ, В. тем не менее высоко оценил философию чистого опыта не как философскую систему, а как базовую

точку зрения, в согласии с которой должно строиться философское понятие о мире.

Соз.: Памяти Н. Я. Грота как профессора. М., 1899; Эмпириокритицизм, или Философия чистого опыта. М., 1909; Психологические и философские воззрения Рихарда Авенариуса // Новые идеи в философии. СПб., 1913. № 3.

ВИНОГРАДОВ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ (1868—?). Преподаватель философии на Высших женских курсах в Москве, Высших женских юридических и историко-филологических курсах В. А. Полторацкого, Педагогического ин-та им. П. Г. Шелапутина, Городского народного ун-та им. А. Л. Шанявского; читал введение в историю философии, историю философии и логику.

Соз.: Философия Давида Юма. Ч. 1—2. М., 1905—1911 (ч. 1: Теоретическая философия; ч. 2: Этика Д. Юма в связи с важнейшими направлениями британской морали XVII—XVIII вв.); Педагогическая психология. М., 1912; Педагогическая психология в связи с общей педагогикой. Ч. 1—3. М., 1913—1914.

ВИНОГРАДОВ ПАВЕЛ ГАВРИЛОВИЧ (18(30).11.1854—19.12.1925). Родился в Костроме в семье чиновника по ведомству народного просвещения; до 12 лет воспитывался дома, затем, в 1867 г., поступил сразу в 4-й класс 4-й Московской гимназии; по окончании гимназии в 1871 г. поступил на историко-филологический фак-т Московского ун-та, занимался, в частности, у С. М. Соловьева, Ф. И. Буслаева, но, главным образом, в семинарах В. И. Герье, где В. начал выработку своих методологических принципов исторического исследования. Эти методологические принципы он совершенствовал во время научных командировок в Германию и Англию; педагогическую деятельность В. начал в 1876 г. с чтения лекций на Московских высших женских курсах, а с 1877 г. — в Московском ун-те в качестве стороннего преподавателя; в 1881 г. В. защитил магистерскую диссертацию и был утвержден штатным доцентом ун-та; в 1884 г. стал экстраординарным, в 1889 г. — ординарным профессором; в 1887 г. В. защитил докторскую диссертацию; по приглашению Оксфордского ун-та В. выезжал в 1891 г. в Англию для чтения лекций на тему «Славянофильство и его влияние на русскую культуру»; в 1892 г. В. избран членом-корреспондентом Академии наук; в 1914 г. — сверхштатный академик.

Либеральная позиция В., которую он проявил во время студенческих беспорядков 1899 и 1901 гг., привела его к конфликту с властями, и он вынужден был на ряд лет уехать в Англию; с 1908 г. совмещал

профессуру в Москве и Оксфорде, в 1911 г. подал в отставку; после 1917 г. принял британское подданство.

Деятельность В. получила высокую оценку не только в России, но и за рубежом: он был почетным доктором Оксфордского, Кембриджского, Ливерпульского, Берлинского, Калькуттского ун-тов, иностранным членом Датской академии, членом Британской академии наук, членом-корреспондентом Королевской академии в Берлине.

В философском отношении особенно значимой является методология исторического исследования В., отличительными особенностями которой являются критическое отношение к чисто теоретической социологии, акцент на социально-экономические отношения как базис для объективного истолкования исторических фактов в их органической причинной связи.

Соз.: Ранке и его школа // Русская мысль. 1888. Кн. 4; И. В. Киреевский и начало московского славянофильства // ВФиП. 1892. Кн. 11; Задачи всеобщей истории // Сборник в пользу недостаточных студентов Университета св. Владимира. Киев, 1895; О прогрессе // ВФиП. 1898. Кн. 42; Очерки по теории права. М., 1915.

Лит.: 267, ч. 2, с. 292–304; Петрушевский Д. М. П. Г. Виноградов как социальный историк. Л., 1930.

ВИППЕР РОБЕРТ ЮРЬЕВИЧ (2(14).7.1859–30.12.1954). Родился в Москве; в 1880 г. окончил историко-филологический фак-т Московского ун-та; профессор Новороссийского ун-та в Одессе (1894–1897), Московского ун-та (1897–1922); Латвийского ун-та в Риге (1924–1941), Московского ин-та философии, литературы и истории (1941), МГУ (1941–1950). Во время Отечественной войны – в Среднеазиатском государственном ун-те в Ташкенте (1941–1943).

В дооктябрьский период В. активно работал в сфере методологии и философии истории. Исходная методологическая установка В. – определить приемы и задачи теории познания для истории, выработать теорию исторического познания; с позитивистских позиций в духе эмпириокритицизма исследовать проблемы: элементы абстракции и конкретности в исторической науке, неприменимость приемов чистой индукции и чистой дедукции, философско-исторический и социологический уровень обобщений, место оценки и сравнительного метода, периодизация и скорость движения истории, идея органического роста; «круговорот в истории», исторический прогресс, факторы, причины и цели исторического движения, диалектический метод и материализм в истории, роль личности и др.

В. — автор философско-исторической концепции «с Востока свет», согласно которой христианство выводится из ассиро-вавилонских верований.

Соз.: Общественные учения и исторические теории в связи с общественным движением на Западе. М., 1900 (3-е изд. — 1913); «С востока свет». М., 1907; Очерк теории исторического познания. М., 1911; Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей и публичных лекций. 1900—1912. М., 1912; Гибель европейской культуры. Сб. статей и публичных лекций 1914—1918 гг. М., 1918.

Лит.: Волгин В. **44**, т. 11, стб. 186—189; Сафронов Б. Г. Исторические мировоззрения Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976; Володихин Д. М. «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р. Ю. Виппера. М., 1997; Алексеев П. В. **6**, с. 164.

ВЛАДИМИРСКИЙ АЛЕКСАНДР ПОЛИКАРПОВИЧ (1821—после 1901). Родился в семье священника Нижегородской епархии; окончил Нижегородскую семинарию и Казанскую духовную академию (1846) со степенью магистра; преподавал богословские дисциплины, немецкий и греческий языки; в сентябре 1850 г. после ликвидации кафедр философии в ун-тах назначен в Казанский ун-т профессором богословия, логики и психологии; но чтения логики и психологии были вскоре прекращены и возобновлены только в 1862 г.; избирался деканом историко-филологического фак-та; после увольнения из ун-та был ректором Казанской духовной академии.

В курсе логики и психологии руководствовался убеждением, согласно которому философия должна заниматься законами человеческой души, а целью философии является нравственное совершенствование человека.

Лит.: **35**, ч. 1, с. 1—2; Бобров Е. А. **43**, вып. 5, с. 57—66.

ВЛАДИСЛАВЛЕВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (9(21).11.1840—24.4(6.5).1890). Окончил Новгородскую семинарию и Петербургскую духовную академию (1861); в 1862 г. командирован на три года за границу для изучения философии и приготовления к профессорскому званию; возвратившись на родину, защитил в 1866 г. в Петербургском ун-те диссертацию на степень магистра и стал штатным доцентом философии ун-та; в 1868 г. защитил докторскую диссертацию и был избран профессором; в 1873 г. — преемник Ф. Ф. Сидонского на должности заведующего кафедрой философии; кроме общеобязательных курсов по

психологии, логике и истории философии В. читал на дому дополнительные лекции для желающих специализироваться по философии; в 1885 г. назначен деканом историко-филологического факультета, а в 1887 г. — ректором университета; с 1867 г. и до конца жизни В. возглавлял также кафедру философии в Петербургском историко-филологическом институте; в 70-х гг. преподавал на Высших женских курсах и в Историко-филологическом институте.

В метафизике и теории познания В. занимал позицию идеализма в духе Лотце, стремясь не противопоставлять «две области бытия» — мир явлений и мир мыслей, но и не смешивать их; в логике вслед за Бэном и Миллем соединял формальную логику с индуктивной; в сфере психологии акцентировал главенствующую роль воли.

Соз.: Реформаторские попытки в психологии // Эпоха. 1864. № 9; Современный материализм // Там же. 1865. № 1; Материалистическая психология // Отечественные записки. 1865. Декабрь; Влияние естественных наук на психологию // Там же. 1866. Февраль; Современные направления в науке о душе. СПб., 1866 (магист. дис.); Современное положение философии и ее задачи // Отечественные записки. 1866. № 9—10; О зависимости немецкой философии от английской // ЖМНП. 1867. № 7—9; О положении философии в нашей системе образования // Там же. 1867. № 1—3; Философия Плотина, основателя новоплатоновской философии (докт. дис.). СПб., 1868; Рец. на кн. В. Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивистов» // ЖМНП. 1875. № 1; Логика. Обзор индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки. 2-е изд. СПб., 1881; Психология. Т. 1—2. СПб., 1881; Элементарный учебник логики. СПб., 1882; Лекции по истории философии. СПб., 1885.

Лит.: Введенский А. И. Научная деятельность М. И. Владиславлева // ЖМНП. 1890. Июнь; Колубовский Я. **210**, с. 587—588; Стяжкин И. И., Силаков В. Д. **480**, с. 22—23; Кулакова Т. В., Иванов А. В. **533**, с. 115—116; Приленский В. И. **414**, с. 98; **415**, с. 90; Бакулина Е. Г. Михаил Иванович Владиславлев: (к генезису университетской философии в России). М., 1995 (дис.).

ВОЗНЕСЕНСКИЙ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ. С июля 1894 — приват-доцент Петербургского университета; работал также на педагогических курсах; читал лекции по патристической философии, истории схоластики, философии Возрождения, истории идеализма Нового времени.

В. пытался разграничить теистическое мировоззрение как чисто религиозное и пантеистическое мировоззрение, «идеалистический пантеизм», который является философским; жизненным для современного христианства признан идеалистический пантеизм Мальбранша, который, по мнению В., выразил христианское миропонимание в научно-философских понятиях; занимаясь историей идеализма, В. ставил сверхзадачей истолковать идеализм как систему цельного знания в духе идей Вл. Соловьева, при этом, стремясь к «цельности», шел по явно эклектическому пути: опирался на учения о непосредственной достоверности сознания декартовского происхождения, но в истолковании Вл. Соловьева, на формулу П. Астафьева о соотношении веры и знания в мировоззрении, на идеи самосознания в версии Липпса, на понятие «я» в толковании Алексева-Аскольдова, на толкование опыта, по Гёффдингу, бессознательного, по Гартману, самоочевидных истин, по Каринскому, интуитивного мышления, по А-дру Введенскому, соотношения идеального познания с нравственной и эстетической оценкой, по Алексею Введенскому, на учение о непосредственной данности Бога, по Лосскому и Вл. Соловьеву; есть у В. заимствования из С. Трубецкого, Паульсена, Гарнака, Кюльпе, У. Джемса; долю истины В. усмотрел также в тезисе позднего Шеллинга о том, что рациональное познание, будучи дискурсивным, а не интуитивным, мертво и бесплодно.

Соз.: Лекции по психологии. СПб., 1893; К истории идеализма. Ч. 1. СПб., 1904; К истории идеализма. Субъективное происхождение идеализма. Харьков, 1911.

ВОЛКОВ МАТВЕЙ СТЕПАНОВИЧ (1802–1878). По образованию — инженер путей сообщения; профессор механики и экономики Петербургского ун-та путей сообщений; много путешествовал по Западной Европе, встречался с рядом европейски знаменитых ученых; переписывался, в частности, с Миллем и Спенсером, печатался во французском «*Journal des Economistes*».

Социально-политические взгляды В. носили протолиберальный характер с симпатией к английскому общественному строю. В. также — один из первых критиков социализма и коммунизма. Основные труды В. посвящены экономическим проблемам. В истории университетской, «кафедральной» философии В. является деятелем примечательным: он один из первых русских убежденных позитивистов, сформулировавших свою позицию уже в середине 40-х гг.; его тезис: «Науки положительные — других знаний я не признаю науками». Психология, метафизика и основанная на них философия принадлежат, по В., к категории наук

прошедших, оказавших в свое время более или менее пользы и бывших даже необходимыми ступенями, по которым шли знания человека. Канта, Фихте, Гегеля и пр. относил к великим умам, глубоко рассуждавшим, но на основании недостаточных и часто неверных данных; ум их был спекулятивный, а не наблюдательный, поэтому влияние их на умы в Германии было вредным. В Европе В. стремился убедить своих собеседников развивать положительные начала философии, морали и правосудия, ратовал за сравнительную психологию, понимаемую как физиология разума, видя в этом путь к дальнейшему усовершенствованию истории, эстетики, антропологии и т. д. О. Конта относил хотя и к многосторонним мыслителям, но к тем, которые не стали на уровень специальных наук.

Позитивистское толкование В. наук включалось, однако, в общее теистическое мировоззрение, с убеждением, что воля Творца беспрепятственно выражается законами природы.

Соз.: Отрывки из заграничных писем (1844–1848). СПб., 1857; Начала общественности, основанные на естественных свойствах человека // Отечественные записки. 1849. № 2; Письма о физиологии человеческого мозга. СПб., 1848; Френология. СПб., 1857; Lectures d'économie politique rationnelle. Paris, 1861; Précis de l'économie politique. Paris, 1868; Разъяснение рациональных оснований политической экономии. СПб., 1872.

Лит.: 573, п/т. 13, с. 37.

ВОЛЬФ (WOLFF) КАСПАР ФРИДРИХ (18.1.1734–22.2.1794). Родился в Берлине. Образование получил в Берлинской медико-хирургической академии (1753–1755) и в Галле (1755–1759); в 1759 г. опубликовал диссертацию «Теория зарождения», которая положила начало преодолению теории постоянства видов и возникновению теории эволюции; в 1768 г. прибыл в Россию и возглавил кафедру анатомии в Петербургской Академии наук. Скончался в Петербурге.

На философские взгляды В. оказали влияние идеи Ньютона, Лейбница, Христиана Вольфа. Разграничивая опытное, историческое и философское познание, В. понимал под последним познание вещей не прямо из опыта, а из их оснований и причин; по его мнению, «учение о зарождении», «философское познание органического тела» и «наука органического тела» — это синонимы.

Соз.: Theoria generationis. 1765. (Теория зарождения. М., 1950).

Лит.: Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 106–193; *Uschmann G.* Caspar Friedrich

Wolff. Ein Pionier der modernen Embryologie. Leipzig; Jena, 1955; *Гайсинович А. Е.* К. Ф. Вольф и учение о развитии организмов. (В связи с общей эволюцией научного мировоззрения). М., 1961.

ВРАНГЕЛЬ ЕГОР ВАСИЛЬЕВИЧ (1785—15.7.1841). Родился в г. Мейдель Эстляндской губ.; окончил Дерптский ун-т, продолжал учебу в Виттенберге и Гейдельберге (другие биографы называют Йенский и Вюрцбургский ун-ты), служил в Законодательной комиссии при М. М. Сперанском; с 1809 г. — адъюнкт Казанского ун-та, с 1811 г. — экстраординарный профессор правоведения, с 1815 г. — ординарный профессор; в 1819 г. — декан нравственно-политического отделения; уволен в ходе погрома Казанского ун-та Магницким; стал профессором Царскосельского лицея, Главного педагогического ин-та и Петербургского ун-та; в дальнейшем — инспектор Петербургского училища правоведения; учительствовал также в царской семье; с 1837 г. — в отставке.

В Царскосельском лицее В. преподавал юридические науки по программе Куницына, за исключением естественного права, которое было запрещено с 1820 г. по 1827 г. и затем восстановлено, но не в полном объеме. В. — сторонник исторического метода в науке о праве, который, в отличие от прогрессивной теории естественного права, носил консервативно-охранительный характер. Деятельность В. — один из примеров перемен в школьно-университетском преподавании философии права, связанных с отказом от преподавания естественного права.

Лит.: *Кобеко Д.* **206**, с. 200, 357; *Голицын Н. С.* **106**, с. 194—195; **35**, ч. 2, с. 15—16; *Загоскин Н. П.* **142**, т. 1, с. 254—256; *К. В.* **573**, п/т. 13, с. 336.

ВЫРУБОВ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (31.10(12.11).1843—30.11.1913). Родился в Москве; окончил Александровский (б. Царскосельский) лицей, в дальнейшем слушал лекции на медицинском и естественном фак-тах Московского ун-та; с 1864 г. — кандидат естественных наук, с 1865 г. — магистр; с середины 60-х гг. жил главным образом за границей; в 1886 г. защитил в Сорбонне докторскую диссертацию; в 1891 г. стал президентом Парижского минералогического общества; с 1903 г. занимал кафедру истории науки в Коллеж де Франс.

В., по сути дела, стал французским ученым, с университетской философией в России он связан лишь косвенно, в той мере, в какой способствовал распространению в ней позитивистской философии. Позитивизм контовского толка, по В., — единственно полностью завершенная система философии, необходимо только приложить ее общие принципы к частным сферам; «позитивная» концепция мира существует лишь

для того, чтобы координировать наличное знание и способствовать получению нового знания, теория познания — это учение о субъекте и процедурах интеллекта, отыскивающего законы мира; это — не философия, а особая логика, являющаяся частью психологии, которая в свою очередь есть часть биологии.

Соз.: Предисловие к кн.: Литтре Э. Несколько слов по поводу положительной философии. Берлин, 1865; *Le certain et le probable, l'absolu et le relatif // Philosophie positive.* 1867. Т. 1, N 2; *Les civilisations de l'Extrême-Orient, sont-elles soumises à la loi de trois états? // Ibid.* 1873. Т. 10—11; *La philosophie matérialiste et la philosophie positive // Ibid.* 1879. Т. 22; *Remarque sur la philosophie critique en Allemagne // Ibid.;* *La sociologie et sa méthode // Ibid.* 1881. Т. 24; *Les modernes théories du néant: Schopenhauer, Leopardi, Hartmann // Ibid.* 1881. Т. 26.

Лит.: Тимирязев К. А. Григорий Николаевич Вырубов // Соч. М., 1939, т. 9; Шахматов Б. М. 420, т. 1, с. 499—500; Пустарнаков В. Ф. 414, с. 112—113 и 415, с. 104—105.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ БОРИС ПЕТРОВИЧ (3(15).10.1877—5.10.1954). Родился в Москве в семье присяжного поверенного; окончил 3-ю Московскую гимназию, затем Московский ун-т; некоторое время работал адвокатом; в 1908 г. получил звание приват-доцента Московского ун-та; после двухгодичной научной командировки за границу стал читать философию права и этику в Московском ун-те; читал также лекции по истории философии в Московском коммерческом ин-те и Народном ун-те им. Шанявского; в декабре 1914 г. защитил магистерскую диссертацию «Этика Фихте»; в январе 1917 г. избран экстраординарным профессором юридического фак-та Московского ун-та, но из-за революционных событий этого года утверждение избрания не состоялось; после Октябрьской революции преподавал в Московском ун-те. В 1922 г. В. выслан из Советской России, проживал в Берлине, Париже, где был профессором по кафедре новой философии и нравственного богословия в Православном богословском ин-те в Париже.

В дооктябрьский период В. наметил только контуры своей будущей философской концепции; исходной стала его трактовка не столько философии Фихте (он присоединился к тем, кто считал, что в первый период Фихте не был целиком на позициях субъективного идеализма), сколько фихтеанской этики, которую он считал глубже, фундаментальнее и современнее кантовской и не превзойденной ни Шеллингом, ни Гегелем. Из классиков немецкого идеализма, по В., Фихте дал больше всего для построения этической системы, которая может властвовать

над настоящим и будущим, но в гносеологии В. далек от Фихте: в отличие от рационалиста Фихте, В. склонялся к иррационализму и интуитивизму.

Соз.: Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентального идеализма. М., 1914; Гарантия прав гражданина. М., 1917.

Лит.: Яковенко Б. **582**, с. 121–122; Алексеев Н. Н. Б. П. Вышеславцев // Вестник Российского союза христианских демократов. 1954. № 35; Зеньковский В. В. Б. П. Вышеславцев как философ // Новый журнал. 1955. № 40; Левицкий С. А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Франкфурт-на-Майне, 1981. Т. 2; Мальцев С. **414**, с. 113–115; Сапов В. В. **415**, с. 105–106; Алексеев П. В., Соколова Л. Н. **533**, с. 123–124; Поляков А., Тимошина Е. **427**, с. 156–159; Филонова Л. Г. **422**, вып. 1, с. 212–219; Куратченко В. П. **227**, с. 116–123; Чубаров И. М. **11**, с. 437–438.

Г

ГАБРИЛОВИЧ ЛЕОНИД ЕВГЕНЬЕВИЧ (14.9.1878—?). Приват-доцент Московского ун-та; читал лекции по философии естествознания, философии математики, истории античной и новейшей философии.

Соз.: О крайнем солипсизме // ВФиП. 1912. Кн. 112; Über mathematisches Denken. Berlin, 1913.

ГАВРИИЛ, арх. (в миру — ВОСКРЕСЕНСКИЙ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ) (1795—10(22).5.1868). Родился в семье дьячка Московской епархии; с 1804 г. учился в бывшей Московской Славяно-греко-латинской академии, затем в Вифанской семинарии, с 1816 г. по 1826 г. — в Московской духовной академии, которую окончил со степенью магистра; оставлен в академии в звании бакалавра философских наук; в 1821 г. пострижен в монахи, с 1825 г. — архимандрит. Карьера администратора, преподавателя-богослова и философа складывалась сложно: несколько раз Г. попадал в опалу. С августа 1837 г. был два года преподавателем богословия, а также логики, психологии, метафизики, этики и истории философии в Казанском ун-те, затем после перерыва, с 1841 по 1850 г. вновь преподавал там же, кроме богословских дисциплин, логику, опытную психологию, энциклопедию и историю философии. Будучи на плохом счету у Святейшего Синода, арх. Г. ушел со службы без пенсии; в дальнейшем его жизнь складывалась неудачно: за некие моральные прегрешения он был сослан в Иркутскую епархию; возвратившись в 1862 г. в Казань, Г. пытался вернуться в ун-т преподавать философию, но ему было отказано.

В конце 30-х — начале 40-х гг. несомненно крупным событием в философской жизни России стал выход в свет шеститомного труда арх. Г. по истории философии; 6-й том труда представлял собой первый опыт обобщения истории русской философии; поскольку, однако, арх. Г. исходил из убеждения, что философия — это религия, вера, «переведенная на разум», вся история философии оказалась изложенной очень тенденциозно.

Соз.: История философии. Ч. 1—6. Казань, 1837—1844; Философия правды. Казань, 1843.

Лит.: Смирнов А. В. 35, ч. 1, с. 2—8; 424, т. 3, с. 33; Шпет Г. Г. 559, с. 120—121; Малинин В. А. 186, т. 2, с. 204—205; Журавлева Л. А. Первый учебник по истории русской философии // Методология и история преподавания истории философии. Свердловск, 1982. С. 130—139; Вангугов В. В. 415, с. 107.

ГАЛАХОВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ (1807—1892). Окончил физико-математический фак-т Московского ун-та (1822—1826). С 1856 г. — профессор русской словесности при Академии Генерального штаба в Петербурге; с 1865 по 1878 г. возглавлял кафедру русской словесности в Историко-филологическом ин-те.

В студенческие годы под влиянием М. Г. Павлова Г. увлекся философией и опубликовал в журнале М. П. Погодина статью, посвященную «естественной истории». Хотя в целом статья шеллингообразна, понимание Г. гносеологии выходит за рамки шеллингианства: признавая вслед за Павловым первенство эмпирического (аналитического) метода, наблюдения, автор признает его недостаточным, не вскрывающим внутреннюю, идеальную сторону явлений, не восходящим к началам, и высказывался за метод умозрительный, синтетический, который, однако, только в соединении с первым дает истинное познание предметов.

Соз.: Четыре возраста естественной истории // Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 17. Отделение науки. Естественная история; Карамзин как оптимист (К. Д. Кавелину). Б. м., б. г.; © М. П. Погодине. СПб., 1891.

Лит.: Майков Л. Н. А. Д. Галахов (некролог). СПб., 1892; 424, т. 4, с. 131; Бобров Е. А. 43, вып. 4, с. 60—71; Шпет Г. Г. 559, с. 297—298.

ГАЛИЧ (наст. фамилия Говоров) АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (4(15).7.1783—9(21).9.1848). Родился в Трубчевске Орловской губ. в семье дьячка; учился в Севской духовной семинарии и Петербургской учительской семинарии, преобразованной в 1804 г. в Педагогический ин-т, на базе которого в 1816 г. образовался Главный педагогический ин-т, а в 1819 г. — Петербургский ун-т; в 1808 г. был командирован в Германию, где учился в Гельмштадте у противника Канта Г.-Э. Шульце (Энезидема), затем в Геттингене у правоведа Гуго и философа Бутервека; по возвращении в Россию стал адъюнкт-профессором, затем профессором; преподавал в Педагогическом ин-те, в Благородном пансионе при ин-те, в Царскосельском лицее и в Петербургском ун-те; Г. читал курсы логики, метафизики, психологии, нравоучительной философии, истории философских систем; в 1821 г. Г. был уволен в ходе погрома ун-та,

устроенного Д. П. Руничем, обвиненный в «безбожии», «революционных замыслах» и нежелании опровергать излагаемые системы.

Г. воспринимали, а нередко и сейчас воспринимают как шеллингианца. Между тем его философские взгляды разноосновны. В своей «Истории философических систем» он опирался на Сохера, Аста, Теннемана, Эрнести, Буле, Эберхардта, Гурлитта, Таннери и др., т. е. отнюдь не только на шеллингианцев.

Умозрительная философия Г. также построена на сочетании идей разных философов, в том числе шеллингианца Г.-М. Клейна (1776—1820), проф. философии в Вюрцбурге. В центре концепции Г. — понятие «безусловного» (Абсолюта), познаваемого непосредственным созерцанием разума, или идей, которая одинакова со своим познаваемым предметом, что является не вполне адекватным воспроизведением концепции раннего Шеллинга.

У Шеллинга в центре теории познания находится идея интеллектуальной интуиции; у Г. же высочайшей степенью познания является разум, который объемлет истинное в философии: последняя делится на логику, составляющую ее внутреннюю, идеальную, духовную сторону, и метафизику, составляющую ее внешнюю вещественную форму. Логика — не только наука о формах мышления, т. е. формальная логика, но также наука о необходимых законах мышления; она является самопознанием смысла в формах его деятельности, соответствующих формам внешнего бытия; делится на аналитику, которая излагает формы смысла (понятия, суждения, умозаключения), и диалектику, которая учит исследовать истинное по этим законам; в диалектику входят, в частности, проблемы оснований опытного и разумного познания, о познании в целом, источниках заблуждений в человеческом знании; разноосновна и эстетика Г. Можно соглашаться со Шпетом, считавшим, что очень трудно определить, что у Г. идет от Шеллинга, а что — от Зольгера и Аста и даже от Баумгартена. Но «разноосновность», т. е. эклектика в первоначальном смысле этого слова, как синтез всего лучшего у всех предшественников — не недостаток, а достоинство философской концепции Г.; она давала возможность теоретически участвовать в решении основных проблем тогдашней западноевропейской философии.

Соз.: История философических систем по иностранным руководствам. Кн. 1—2. СПб., 1818—1819; Опыт науки изящного. СПб., 1825; Черты умозрительной философии... СПб., 1829; Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий. СПб., 1834; Лексикон философских предметов. Т. 1. СПб., 1845.

Лит.: Никитенко А. Ал. Ив. Галич, бывший профессор в С.-Петербургском университете // ЖМНП. 1869. № 1; Колубовский Я. 210, с. 535; 424, т. 4, с. 169; Ueberweg F. 639, Bd 5, S. 336; Шпет Г. Г. 559, с. 133—137; Зеньковский В. В. 154, т. 1, с. 130—131; Стяжкин Н. И., Силаков В. Д. 480, с. 19—20; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. 87, с. 183—188; Замалеев А. Ф. 145, с. 139—143; Ильин В. В. 172, ч. 1, с. 40—41; Каменский З. А. А. И. Галич. М., 1995; Никитенко Л. 414, с. 116—117; Приленский В. И. 415, с. 107—108; Пустарнаков В. Ф., Каменский З. А. 528 (стр. по именному указателю).

ГАМБАРОВ ЮРИЙ СТЕПАНОВИЧ (1850—1926). Образование получил в 1-й Тифлисской гимназии и Московском ун-те, который окончил в 1870 г.; работал в тифлисском суде; в 1879 г. защитил магистерскую диссертацию; с конца 1880 г. — доцент Новороссийского ун-та в Одессе; с 1884 г. по 1899 г. работал в Московском ун-те, который вынужден был оставить; уехал в Париж, где участвовал в основании Высшей школы общественных наук; в том же 1900 г. стал профессором Вольного ун-та в Брюсселе; в 1906 г. возвратился в Россию, занял кафедру гражданского права в Петербургском политехническом ин-те.

Г. — один из наиболее последовательных сторонников позитивистского сравнительно-исторического метода в правовой науке конца XIX—начала XX в., противник метафизической философии права и в первую очередь критик возрождавшегося тогда естественного права; полагал, что в отношении к правоведению социология могла бы служить «его истинной и единственно возможной научной философией».

Соз.: Право в его основных моментах // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899; Задачи современного правоведения. СПб., 1907; Свобода и ее гарантии. Популярные социально-юридические очерки. СПб., 1910.

ГЕВЛИЧ АВКСЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ (12.7.1790—6.3.1861). Окончил Харьковский ун-т (1811), магистр (1813), доктор наук (1815), государственный деятель.

В диссертации, построенной на сопоставлении эстетических взглядов Пульи, Гучесона и Гагедорна, поддержал классические установки последнего. Истинный поэт, живописец и т. д., как считает Г., изображает истину, одетую в форму, изображает ту самую истину, которую философ излагает отвлеченными словами в сухих, строгих умозаключениях; проводится идея нераздельности красоты, истины и добра, которые являются «дочерьми предвечной гармонии»; есть заимствования из Дидро и из «Антропологии» Канта.

Соз.: Об изящном. СПб., 1818.

Лит.: Каменский З. 530, т. 1, с. 327.

ГЕЙМ ИВАН АНДРЕЕВИЧ (1758—1821). Родился в Брауншвейге (Нижняя Саксония) в семье лекаря; учился в Брауншвейгской гимназии, затем в Гельмштедтском и Геттингенском ун-тах; в 1779 г. известный русский масон А. А. Лопухин пригласил его обучать своего сына, и Г. переехал в Россию; через несколько лет стал в Московском ун-те лектором немецкого языка и классических древностей, а потом — «суббиблиотекарем»; в дальнейшем Г. — экстраординарный, а затем ординарный профессор всемирной истории, статистики и географии; избирался деканом отделения словесных наук; четырежды — ректором ун-та.

Основные работы Г. — работы по филологии и статистике; но есть у него одна работа, которая связывает его с судьбами университетской философии в России. В речи, произнесенной в 1799 г., Г. осудил системы иностранных «училищ», в которых господствует «тонкость схоластической философии», тогда как в России «главные предметы наставлений» суть «математические науки, натуральная и всеобщая история, риторика, наука о народах и землях, врачебная наука и отчасти юриспруденция с учением древних и новых языков»; речь Г. является одним из демонстративных выражений борьбы в российской университетской науке «эмпириков»-софиофобов с «философской партией».

Соз.: О состоянии наук в России под покровительством Павла Первого... М., 1799.

Лит.: 424, т. 4, с. 350.

ГЕЙНЗИУС (HEINSIUS) ГОТФРИД (апрель 1709—21.5.1769). Родился в Наумбурге в Заале; изучал в Лейпцигском ун-те сначала богословие, затем математику; в 1734 г. получил звание магистра философии и место приват-доцента в том же ун-те; написал несколько работ против Лейбница в защиту Декарта; с сентября 1736 г. работал в Петербургской Академии наук; был помощником астронома Делиля и читал лекции студентам; стал членом академии и профессором астрономии; в 1744 г. уволился из Академии по собственному желанию, вернулся в Лейпциг, оставшись почетным членом Академии и помогая обучающимся в Германии русским студентам.

В связи с появившейся в 1744 г. кометой написал пространное сочинение по астрономии, которое перевел с латинского на русский тогдашний адъюнкт академии М. В. Ломоносов. Эмпирическое описание явле-

ния кометы сопровождается изложением взглядов на кометы не только древних писателей и философов (Плиний, Сенека, Аристотель), но и ученых и философов Нового времени (Гевелий, Декарт, Ньютон, Вейгелий, Кассини, де ла Гир, Галлей).

Соз.: Описание в начале 1744 года явившиеся кометы купно с некоторыми учиненными об ней рассуждениями, причем наперед предложено сокращенное рассуждение о состоянии и свойствах всех комет, переведенное из Шамберовой циклопедии. СПб., 1744.

Лит.: Пекарский П. **359**, т. 1, с. 577—583; **424**, т. 4, с. 352.

ГЕЛЛЕРТ (GELLERT) ХРИСТЛИБ ЭРГОТТ (11.8.1713—18.5.1795). Родился в Саксонии. В конце 30-х—начале 40-х гг. XVIII в. — конректор, затем проректор гимназии при Петербургской Академии наук, адъюнкт Академии; читал логику и метафизику «Порядком Тиммиговым», т. е. по сочинению сторонника философии Х. Вольфа Л.-Ф. Тюммига; уволился из Академии под давлением Шумахера.

Лит.: **424**, т. 3, с. 375.

ГЕОРГИЕВСКИЙ ПЕТР ЕГОРОВИЧ (1791—16.10.1852). Окончил Калужскую семинарию и Петербургский педагогический ин-т; с 1816 г. — адъюнкт, с 1826 г. — профессор Царскосельского лицея; преподавал также в Училище правоведения.

В 1815—1816 гг. читал в Лицее «Введение в эстетику»; отстаивал идею независимости эстетики от философии эстетики: эстетика, или всеобщая наука вкуса, не нуждается, по Г., ни в какой высшей философии, она основывается на непосредственном сознании чувствования; задача эстетики состоит в том, чтобы независимо от всех метафизических понятий объяснить чувство изящного и правила суждений о прекрасном в природе и искусстве.

Соз.: Руководство к изучению русской словесности, содержащее: Общие понятия об изящных искусствах, теорию Красноречия, Пиитику и Краткую историю литературы. Ч. 1—4. СПб., 1836 (2-е изд. — СПб., 1842); Введение в эстетику // Красный архив. 1937. № 1(80).

Лит.: Каменский З. А. **530**, т. 1, с. 350—351.

ГЕРМАН MARTIN ГОТФРИД (МАРТИН ИВАНОВИЧ) (1755—16.12.1822). Родился в г. Киндельбрюк (Тюрингия), учился сначала в г. Нордгаузен, затем в Геттингенском ун-те, где получил степень докто-

ра; работал в учебных заведениях в Гамбурге и Берлине (1800); после переезда в Россию был в 1805 г. назначен ординарным профессором латинского языка и древностей в Казанском ун-те, но преподавал также введение в философию, логику, психологию, антропологию; в 1812 г. принял русское подданство; с 1813 по 1819 г. — декан словесного отделения, в 1817—1819 гг. — директор Педагогического ин-та; в августе 1819 г. уволен из ун-та по распоряжению М. Л. Магницкого как представитель «немецкой партии» и прожил остаток жизни в большой нужде.

Соз.: Die Feste von Hellas, historisch-philosophisch bearbeitet. Bd 2. Berlin, 1803.

Лит.: Назуевский Д. И. 35, ч. 1, с. 61—64; Загоскин Н. П. 142, т. 1, с. 107—110, 127.

ГЕРЬЕ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ (17(29).5.1837—4.8.1919). Родился в Москве; учился в Московском ун-те; в 1862 г. защитил магистерскую диссертацию на степень магистра всеобщей истории; в 1868 г. защитил докторскую диссертацию и стал ординарным профессором, преподавал до 1904 г.; Г. — организатор Высших женских курсов (1872); в 1907 г. был назначен членом Государственного совета.

Г. поддерживал мнение В. Бузескула, выступившего против равнодушия к идейному и философскому содержанию истории. Философия истории — это тот синтез, которым мыслящий человек охватывает всю совокупность истории человечества, ее ход и ее цель. Г. не выступал за какую-то одну доктрину и рассматривал философию истории как совокупность идей, взаимно друг друга освещающих и исправляющих. По Г., Гердер и Кант — это два разных мировоззрения, два метода в философии истории. Гегель — творец первой, а может быть, и последней философии истории на почве метафизики. Философия истории Гегеля — первая действительная философия истории, объяснение всеобщей истории посредством принципа и метода, взятого из философии. Недостатком гегелевской системы, по Г., является ее антропоцентричность; вне философии истории Гегеля осталось-де также влияние природы на историю.

Соз.: Очерк развития исторической науки. М., 1865; Лейбниц и его время. Т. 1—2. СПб., 1868—1871; Сергей Михайлович Соловьев. СПб., 1880; Блаженный Августин. М., 1910; Тимофей Николаевич Грановский. В память столетнего юбилея его рождения. М., 1914; Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915.

Лит.: *Соболевский А. И.* В. И. Герье. М., 1919; *Кареев Н. И.* Памяти двух историков // *Анналы.* 1922. № 1; *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России. Л., 1929. Ч. 1; *Кирсанов Е. С.* Историко-теоретические взгляды В. И. Герье. Томск, 1982 (дис.); *Борисов В.* 414, с. 125–126.

ГЕСС ДЕ КАЛЬВЕ (HESS DE CALVE) ГУСТАВ (АДОЛЬФ) ГУСТАВОВИЧ (1784—после 1828). Родился в Пеште (Австро-Венгрия); в 1788 г. родители переехали в Прагу, где отец получил место главноуправляющего имениями эрцгерцога Фердинанда, великого герцога Вюрцбургского; по окончании низшей школы и гимназии Г. поступил в 1798 г. в Пражский ун-т; во время войны с Францией в 1799 г. командовал отрядом студентов Пражского ун-та; в 1805 г. участвовал как офицер гусарского полка в Аустерлицком сражении; после войны сначала был учителем, потом стал выступать как музыкант; во время новой войны с Францией служил сначала в австрийской армии, а затем перешел в русскую и находился в Молдавии до 1810 г.; женившись на русской (С. И. Мечниковой), Г. обосновался в России.

В 1812 г. Г. сдал экзамен на степень доктора философии на этико-политическом фак-те Харьковского ун-та, прочел пробные лекции и защитил диссертацию; получил диплом доктора философии, но поступить в Харьковский ун-т профессором латинского языка Г. не удалось, и ему пришлось заниматься минералогией и музыкой.

Диссертация Г. представляет интерес как одна из первых страниц российской кантианы. Основным в диссертации были положения о ложности кантовской дедукции категорий, о неверности разделения разума на теоретический и практический, мысль о возможности доказательства бытия божия теоретическим разумом — в противовес Канту.

Соз.: *Dissertatio inauguralis de genuino philosophiae caractere ejusque necessitate. Charcoviae,* 1812; *Теория музыки, или Рассуждение о сем искусстве...* Ч. 1–2. Харьков, 1818; (О Г. С. Сковороде) // *Украинский вестник.* 1817. № 4; *О суеверии* // Там же. 1818. № 8, 12; *Опыт исторического исследования об образовании человеческих способностей, в особенности по части минералогии* // *Отечественные записки.* 1825. Ч. 22.

Лит.: 424, т. 4, с. 158–159; *Каменский З. А.* Еще о школе Шада. Послесловие к публикации перевода докторских диссертаций Густава Адольфа Гесса де Кальве и А. Дудровича // *Кантовский сборник.* Калининград, 1984. Вып. 9. С. 130–134.

ГЕССЕН ВЛАДИМИР МАТВЕЕВИЧ (1868–1920). Окончил Новороссийский ун-т в Одессе; с 1894 г. — приват-доцент; в 1896 г. переселился

в Петербург, где преподавал право в ун-те, в Александровском лицее, на Высших женских курсах; профессор Политехнического ин-та.

Г. — противник философии положительного права (Иеринг, Меркель, Бергбом, Ленинг), исходившей из тезиса о том, что право создается в борьбе за материальные интересы. Продолжил линию на возрождение теории естественного права, которую в России проводили правове-ды Ф. Ф. Мартенс, М. Н. Капустин, а затем в начале XX в. Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев и др. Отвергая концепцию «откровенного», «рационалистического» и «органического естественного права», Г. ратовал за «естественное право исторической теории», право с переменным содержанием: в отличие от эпохи Французской революции XVIII в., в XX в. содержание естественного права дается, по Г., социальной и прежде всего экономической жизнью. В отличие от положительного права, опирающегося на внешний авторитет, естественное право — это высшее, или идеальное, право, обязательное в силу внутренней его истинности; оно является орудием идеологической оценки положительного права.

Соз.: О вечном мире. СПб., 1899; Возрождение естественного пра-ва. СПб., 1902; На рубеже. СПб., 1906; О неприкосновеннос-ти личности. СПб., 1908; Общее учение о государстве. СПб., 1912.

Лит.: Диспут В. М. Гессена // Право. 1909. № 51, стб. 2879—2882.

ГЕССЕН СЕРГЕЙ ИОСИФОВИЧ (16.8.1887—2.5.1950). Родился в Усть-Сысольске Вологодской обл.; его отец, И. В. Гессен, был тогда ссыль-ным студентом Петербургского ун-та, впоследствии ставший одним из лидеров партии кадетов; мать — Анна Ивановна, дочь хозяина кварти-ры, где жил во время ссылки И. В. Гессен.

В 1905 г. Г. окончил 1-ю Петербургскую гимназию, затем учился на философском отделении Гейдельбергского ун-та, затем во Фрейбурге; в 1910 г. получил степень доктора за диссертацию «Индивидуальная причинность»; после возвращения в Россию участвовал в работе Фи-лософского общества, редактировал журнал «Логос», в 1913 г. сдал ма-гистерский экзамен и начал преподавательскую деятельность как при-ват-доцент Петербургского ун-та; находясь в 1914 г. в Германии, был интернирован, но затем получил разрешение на выезд в Швецию; воз-вратившись в Петербург, преподавал в Петроградском ун-те, в женской гимназии, в классах при лютеранском приходе; читал логику и психо-логию. Летом 1917 г. Г. пригласили в Томский ун-т в качестве профес-сора кафедры философии и логики; с октября 1919 г. Г. — исполняю-щий обязанности декана историко-философского фак-та; вел курсы:

логика, основы теоретической философии (логика и теория знания), история греческой философии, введение в философию нравственности и права, философия Канта; основы педагогики; летом 1921 г. Г. командирован в Москву и Петроград; в Петрограде его избирают на кафедру педагогики историко-филологического фак-та Петроградского ун-та; он ведет также курс «Введение в философию» в Педагогическом ин-те им. А. И. Герцена; вскоре Г. эмигрировал; жил в Финляндии, Германии, Чехословакии, с 1934 г. — в Польше.

В 10-х гг. XX в. Г. — сторонник концепции философии Г. Риккерта как науки о ценностях; согласно этой концепции, метафизика хочет познать бытие в его целом, постигнуть сущность, первооснову бытия, бытие истинное. Логика развивает формальные предпосылки закономерности вообще, делающей возможным не только материально истинные, но и материально ложные положения (напр., закон Коперника о вращении планет по кругам); этика не есть мораль, она — наука о формальных предпосылках, которые делают мораль моралью; эстетика — тоже наука о предпосылках, но уже искусства независимо от наших представлений о красоте. В рамках такой философской парадигмы Г. попытался доказать возможность сочетания рационального и мистического. Все великие метафизические системы, даже самые рационалистические, полны-де мистических моментов в смысле утверждения превосходства интуитивного знания над дискурсивным.

Еще одной важной сферой интересов Г. стала «философская педагогика», согласно которой даже самые частные и конкретные вопросы педагогики возводятся в последнем счете к философским проблемам. В 1917—1923 гг. Г. разработал концепцию философской педагогики как прикладной философии.

Соз.: От редакции // Логос. 1910. № 1 (совместно с Ф. А. Степуном и Э. К. Метнером); Мистика и метафизика // Там же; Рец. на кн. Э. Кассирера «Substanzbegriff und Funktionsbegriff» (Berlin, 1910) // Там же. 1911—1912. № 2—3; Философия наказания // Там же. 1912—1913. № 1—2; Политическая свобода и социализм. Пг., 1917; Свобода и дисциплина. Пг., 1917; Очерки философской педагогики. Очерк 1-й. Педагогика как наука: Предварительное определение образования // ЖМНП (Омск). 1919. № 1; Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин, 1923 (есть изд. М., 1995).

Лит.: Ueberweg F. 639, Bd 5, S. 343; Зеньковский В. В. 154, т. 2, с. 238—242; Лосский Н. О. 255, с. 406—410; Ермигев А. А. 413, с. 571—572; Валицкий А. Предисловие и послесловие к работе

С. Гессена «Мое жизнеописание» // Вопросы философии. 1994. № 7–8; *Walicki A.* 640, S. 419–485; *Алексеев П. В.* 6, с. 197–198; *Филатов В.* 414, с. 126–127; *Сапов В. В.* 415, с. 114; 395, с. 80–82; *Поляков А., Тимошина Е.* 427, с. 171–172; *Дмитриев Т. А.* 11, с. 183–186.

ГИЗЕТТИ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ (16(28).2.1888–7.10.1938). Родился в Петербурге в дворянской семье; в 1907–1913 гг. учился в Петербургском ун-те (с перерывом из-за ссылки); по окончании ун-та преподавал в коммерческом училище, занимался научной работой, публицистикой и политической деятельностью в партии эсеров; был членом Социологического общества им. М. М. Ковалевского; после Октябрьской революции 1917 г. работал в Социологическом ин-те, Библиотеке Академии наук; репрессирован, погиб в заключении.

Часть трудов Г. посвящена истории философии в России.

Соз.: *Забытый мыслитель (Жизнь и сочинения Юлия Базена)* // ВФиП. 1912. Кн. 113; *Индивидуализм и общественность в мировоззрении Н. К. Михайловского* // Заветы. 1914. № 1; *О миросозерцании Вл. Соловьева* // Там же. № 2; *Лавров как «историк мысли»*. Пг., 1922; *П. Л. Лавров и Вл. Соловьев. Опыт сравнительной характеристики*. Пг., 1922.

Лит.: *Алексеев П. В.* 6, с. 198–199.

ГИЛЯРОВ АЛЕКСЕЙ НИКИТИЧ (1856–1938). Родился в семье профессора Московской духовной академии Н. П. Гилярова-Платонова; с 1876 г. учился на историко-филологическом фак-те Московского ун-та; с 1880 г. по 1883 г. – стипендиат Ун-та св. Владимира в Киеве; с 1885 г. – приват-доцент Московского ун-та; в 1888 г. защитил магистерскую, в 1892 г. – докторскую диссертации; с 1891 г. – магистр и приват-доцент по кафедре философии Ун-та св. Владимира; в 1893 г. – экстраординарный, с 1895 г. – ординарный профессор; после Октябрьской революции 1917 г. работал в Украинской АН.

Семейная традиция, «классическое» образование способствовали тому, что Г. стартовал с приверженности античности и платонизму; «не знаю метафизики выше платоновой» – основной мотив его философского творчества, что не помешало ему «прославиться» нелепым афоризмом, согласно которому любые философские системы – это сказки, которые рассказывает тот или иной философ.

Соз.: *Платонизм как основание современного мировоззрения в связи с вопросом о задачах и судьбе философии*. М., 1887;

Значение философии // Киевские университетские известия. 1887. № 11; Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции. М., 1888; Что такое философия и что она может и чего не может дать? Киев, 1899; Новейшие попытки философского синтеза на научной почве // Киевские университетские известия. 1901. № 11; Введение в философию. Киев, 1907; Пособие по истории новой философии. Киев, 1914; Руководство к изучению философии. Киев, 1916; Философия в ее существе, значении и истине. 2-е изд. Ч. 1–2, Киев, 1918–1919.

Лит.: Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 460; Сафронов Б. **530**, т. 1, с. 370; Кушаков Ю. В., Ткачук М. Л., Лук Н. И., Грожин А. С. **529**, с. 230; Алексеев А. П. **533**, с. 137–138.

ГОГОЦКИЙ СИЛЬВЕСТР СИЛЬВЕСТРОВИЧ (5(17).1.1813–29.6 (11.7).1889). Родился в Каменец-Подольске в семье протоиерея; с 1827 г. по 1833 г. учился в Подольской духовной семинарии, с 1833 по 1837 г. — в Киевской духовной академии; в 1837 г. получил степень магистра богословия; отказался от духовного звания и стал в 1842 г. бакалавром философских наук в той же академии; в том же 1842 г. встал вопрос о доцентуре Г. в Ун-те св. Владимира; его поддерживал О. М. Новицкий, но часть профессоров, считая, что степень магистра духовных академий ниже по уровню университетской, воспротивилась, и только в 1848 г. Г. стал доцентом ун-та, продолжив и духовно-академическую карьеру; стал экстраординарным профессором духовной академии; с 1850 г. — ординарный профессор духовной академии по классу философских наук, доктор философии и древней филологии; после ликвидации кафедр философии в ун-тах — ординарный профессор педагогики в Ун-те св. Владимира; был деканом историко-филологического фак-та; несмотря на выслугу лет, с 1862 г. оставался на службе в качестве профессора философии, затем сверхштатного профессора; в 1868 г. фак-т избрал Г. временным преподавателем на один год, но совет ун-та 18 голосами против 12 не утвердил это решение.

В истории с доцентурой Г. и его баллотировкой в 1868 г. проявились конкурентные отношения между светской университетской и духовно-академической профессурой, существовавшие на протяжении почти всего XIX в. Будучи «на пограничье» между двумя философскими «лагерями», Г. и в концепции философии оказался на двух стульях. Предметом философии у него является мир, проникнутый общим божественным разумом и выражающий верховный план мироздания; за-

дача философии — объяснить этот мир как созданный и управляемый божественной силой; но эти представления Г. базируется также на заимствованиях из самых разных философских источников: так, в системе тождества Шеллинга он усматривал достоинства универсализма и объективности, но более глубокой считал диалектическую систему Гегеля, в основе которой лежит-де живущий дух как знак присутствия верховного разума (правда, у Гегеля Г. видит и «несообразность» «чистого мышления» и «чистого бытия», оторванного от определенного бытия предметов); одним из самых основательных направлений философии Г. считал идеал-реализм (Ульрици и др.). Среди трудов Г. один является фундаментальным: его «Философский лексикон».

Соз.: Критический взгляд на философию Канта. Киев, 1847; О характере философии средних веков // Современник. 1849. Т. 6(15); Обзор системы философии Гегеля. Киев, 1860; Философский лексикон. Т. 1—4. Киев, 1857—1873; Введение в историю философии. Киев, 1871; Краткий философский словарь. Киев, 1876; Критическое обозрение соч. М. Троицкого «Немецкая психология». 2-е изд. Киев, 1877; Философия XVII и XVIII вв. в сравнении с философией XIX в. и отношение той и другой к образованию // Киевские университетские известия. 1878—1884. № 1—3.

Лит.: Колубовский Я. **210**, с. 543—544; Шпет Г. Г. **559**, с. 208—213; *Ueberweg F.* **639**, Bd 5, S. 5; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. **87**, с. 408—411; Коган Л. А. **530**, т. 1, с. 377—378; Алексеев А. П. **533**, с. 144; Абрамов А. И. **414**, с. 133—136 и **415**, с. 117—118.

ГОЛУХОВСКИЙ (GOLUCHOWSKI) ЮЗЕФ (1797—1858). Родился в Галиции в семье майора польских войск; с 11 лет воспитывался в Вене; в Гейдельбергском ун-те получил степень доктора, а в 1820 г. — звание магистра в Варшавском ун-те; в 1823—1824 гг. — профессор Виленского ун-та.

Назначение Г. в Виленский ун-т проходило очень трудно: министр народного образования кн. Голицын делал относительно него запросы к делегату при правительственном совете Царства Польского Н. Н. Новосильцеву, а тот запрашивал польских министров; когда Г. приступил к работе, на содержание его лекций шли доносы, и в 1824 г. Г. был удален из Виленского ун-та.

Г. — личный друг Шеллинга и сторонник его философии позднего периода, что предопределило общую иррационалистическую направленность его философских взглядов. Поддержавший первоначально Г. Новосильцев нашел у него склонность «к какой-то» мистической фи-

лософии и сомнительные политические убеждения. С иррационалистических позиций Г. до конца жизни критиковал тогдашнюю новейшую немецкую философию, опираясь, в частности, на работы Халибеуса. Г. — один из творцов польской консервативно-романтической «национальной философии» и идеи государства-нации, являющегося божественным творением и обладающего национальным духом.

Соз.: Die Philosophie in ihrem Verhältnisse zum Leben ganzer Völker und einzelner Menschen. Erlangen, 1822 (рус. пер. Д. Велланского: Философия, относящаяся к жизни целых народов и каждого человека. СПб., 1834); Idea życia // Noworocznik literacki. 1843. N 69; Reflexya i wiara // Ibid., 75; Czem nie jest i czem jest filozofia // Ibid. 160; Dumania nad najwazniejszemi zagadnieniami człowieka, porprzedzone historycznem rozwinięciem głównych systematów filozoficznych od Kanta aż do najnowszych czasów. T. 1—2. Wilno, 1861.

Лит.: Harassek S. J. Gołuchowski. Zarys życia i filozofii. Kraków, 1924.

ГОЛЬДГАММЕР ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (18(30).10.1860—16.12.1922). Родился в Москве; учился в 1-й Варшавской гимназии до 1877 г.; когда семья вновь переехала в Москву, окончил 3-ю Московскую гимназию; в 1882 г. окончил ун-т; после научной загранкомандировки стал в 1887 г. приват-доцентом Казанского ун-та, затем ординарным профессором; в 1888 г. защитил магистерскую, в 1893 г. — докторскую диссертацию; с 1898 г. занимал кафедру физики.

Физик по профессии, Г. проявлял интерес к философским проблемам своей науки, к тому новому, что появилось в физике начала XX в. в понимании материи и эфира, пространства и времени, покоя и движения; к теории относительности Г. первоначально отнесся двойственно. Идеи Эйнштейна и Минковского, считал он, удивляют не одной смелостью: они чрезвычайно изящны с математической стороны, действуют столь подкупающим образом, что невольно хочется, чтобы все эти выводы были верны; по всей вероятности, они окажутся верны с математической точки зрения; но не всегда то, что математически верно, является физической реальностью. Критиковал Г. также Маха, Авенариуса, Пуанкаре.

Соз.: Процессы жизни в мертвой природе. М., 1903; Наука и истина. М., 1904; Новые идеи в современной физике. Казань, 1910.

Лит.: Дорфман Я. Г. 186, т. 3, с. 420—421; Казютинский В. В. 186, т. 4, с. 149.

ГОЛЬДШТЕЙН МИХАИЛ ЮЛЬЕВИЧ (1853–1905). В конце 90-х гг. XIX в. — доцент теоретической химии Петербургского ун-та, затем профессор.

Признавая существование и реальность всех «я», невозможность познания «вещей в себе», Г. допускал, что каждый объект в том виде, как мы его познаем, представляет объект внешнего мира, помноженный на разные у разных людей личные психические коэффициенты; только в этом смысле признается реальность внешнего мира и возможность его познания; с этих антиматериалистических позиций Г. рассматривал проблемы философии химии: материю, вещество, тело, атомы, элементы и т. д.

Соз.: Основы философии химии. СПб., 1898 (2-е изд. — СПб., 1902); Живое и мертвое. Одесса, 1899.

Лит.: Гаркавенко Р. В. **186**, т. 4, с. 161.

ГОЛЬМСТЕН АДОЛЬФ ХРИСТИАНОВИЧ (25.7.1848—?). Родился в г. Ораниенбаум С.-Петербургской губ.; окончил 2-ю Петербургскую гимназию и юридический фак-т Петербургского ун-та (1873); два года совершенствовал правовые знания в Берлинском, Мюнхенском и Гейдельбергском ун-тах; работал в Министерстве юстиции и Военном министерстве; преподавал право в Училище правоведения, в Военно-юридической академии, Горном ин-те, Александровском лицее, в Петербургском ун-те, сотрудничал в «Журнале гражданского и уголовного права» и «Словаре практических сведений». В 1886 г. защитил в Ун-те св. Владимира в Киеве магистерскую диссертацию, позднее стал профессором; в 1899–1903 гг. — ректор Петербургского ун-та.

Выступал за «чистую юриспруденцию» и поэтому в глазах юристов-позитивистов (Муромцев и др.) прослыл метафизиком, появляющимся «под флагом позитивизма».

Соз.: Этюды о современном состоянии науки права: 1) Несколько мыслей о позитивизме в науке права. 2) Позитивизм, метафизика и римское право // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 3, 5.

Лит.: **38**, т. 1, с. 200–202.

ГОРОДЧАНИНОВ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (1772–22.12.1852). Родился в г. Балахна Нижегородской губ. в семье торговца; окончил Нижегородскую духовную семинарию и Московский ун-т (1797); начал службу переводчиком и стал известен переводом с французского сочинения Г. Рейналя «Философическая и политическая история о заведе-

ниях и коммерции европейцев в обеих Индиях» (ч. 1—6. СПб., 1805—1812; 2-е изд. — 1834—1835), которое было издано по поручению Александра I и посвящено ему; в 1806 г. Г. назначен адъюнктом по кафедре красноречия, стихотворства и русского языка Казанского ун-та; после долгой борьбы за звание профессора получил сначала в 1814 г. звание экстраординарного, затем ординарного профессора; неоднократно был деканом словесного и нравственно-политического отделения; в 1829 г. вышел в отставку и прожил остаток жизни в неизвестности.

При попечителе Магницком Г. сыграл очень неприглядную роль, понося с ретроградных позиций «тлетворный яд» «лжеименного разума», «употребление при кафедре философии» авторов, учение которых «противно религии христианской», и т. д.

Соз.: Рассуждение о действии просвещения на разум и сердце. СПб., 1808; Опыт краткого руководства к эстетическому разбору по части российской словесности... Казань, 1813; Сочинения в стихах и прозе. Казань, 1816; Мнение христианина о праве естественном // Казанский вестник. 1821. Ч. II; О заблуждениях разума в изыскании истины // Там же. 1826. Ч. XVII; Сочинения и переводы в прозе и стихах. Казань, 1831.

Лит.: 35, ч. 1, с. 64—68; Булит Н. Н. 56, ч. 1, с. 608—614; Загоскин Н. П. 142, т. 1, с. 132—134.

ГОРЯНИНОВ ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ (1796—21.10.1865). Родился в Могилеве в семье купца; в 1817—1820 гг. учился в Петербургской медико-хирургической академии; преподавал там с 1825 по 1861 г.; с 1827 г. — доктор медицины, адъюнкт-профессор, затем ординарный профессор.

Натурфилософские взгляды Г. развивались в духе идей последователя Шеллинга Окена; в историографии существовала точка зрения, согласно которой Г. является одним из предшественников Дарвина, но это мнение другими историками естествознания оспаривается.

Соз.: *Primaе lineae systematis naturae...* СПб., 1834; Основания ботаники. СПб., 1841; *Tetraktys naturae, seu systema quadrimembre omnium naturalium...* СПб., 1843.

Лит.: Козо-Полянский Б. Натурфилософ П. Ф. Горянинов // Труды Воронежского ун-та. 1947. Т. 14. Вып. 2; Райков Б. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.; Л., 1951. Т. 2; Пав-

ловский Е. Н. Русский натурфилософ-биолог П. Ф. Горянинов и его критик К. М. Бэр // Труды Ин-та истории естествознания и техники АН СССР. М., 1953. Т. 5; Каганов В. М. **187**, т. 2, с. 320; Микулинский С. Р. **530**, т. 1, с. 393.

ГРАДОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ (13(25).12.1841—6(18).11.1889). Родился в Валуйском у. Воронежской губ. в семье помещика; в 1858 г. окончил 2-ю Харьковскую гимназию и поступил на юридический фак-т Харьковского ун-та, который закончил в 1862 г. со степенью кандидата; в 1865 г. переехал в Петербург, где защитил в 1866 г. магистерскую, затем — докторскую диссертации по праву; с 1866 г. начал читать лекции в ун-те; с 1867 г. — доцент; в 1869 г. стал экстраординарным, а затем ординарным профессором в Петербургском ун-те; был также профессором в Александровском лицее. В августе 1889 г. Г. был уволен в отставку по болезни и вскоре умер.

В числе трудов Г. по праву есть работы, относящиеся к философии права. Кроме того, он написал ряд работ собственно философского характера; в частности, его интересовали философские основания учений западников и славянофилов, а также философия Фихте и Гегеля. В политической философии Г., придерживавшийся либерального консерватизма, в основном опирался на философию Гегеля, в которой профессор акцентировал идею свободы, антииндивидуализм, хотя вместе с тем частично принимал теорию прогресса идеолога либерализма Спенсера. Особенно характерен для Г. этатизм: «У человека нет высших целей, независимых от государства; государство обнимает все стороны человеческой жизни в их высшем синтезе».

Соз.: Политическая философия Гегеля // ЖМНП. 1870. № 7—8; Государство и прогресс // Политика, история и администрация. СПб., 1871. Т. 1; Современные воззрения на государство и национальность. М., 1872; Государство и народность. Опыт постановки национального вопроса. М., 1873; Национальный вопрос в истории и в литературе. СПб., 1873; О современном направлении государственных наук. СПб., 1873; Национальный вопрос. СПб., 1877; Собр. соч.: [В 9 т.]. СПб., 1899—1904.

Лит.: Памяти Александра Дмитриевича Градовского. СПб., 1889; Коркунов Н. **38**, т. 1, с. 206—216; Ивановский И. А. А. Д. Градовский как ученый. СПб., 1900; Краткий очерк жизни и деятельности А. Д. Градовского. СПб., 1904; Моцелков Е. Н. **415**, с. 120—121.

ГРАНОВСКИЙ ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (9(21).3.1813—4(16).10.1855). Родился в г. Орел; в 1832 г. стал студентом юридического фак-та Петербургского ун-та; проучившись три года, получил степень кандидата юридических наук; начал государственную службу в качестве секретаря первого отделения гидрографического депо при Морском министерстве; был командирован вскоре по представлению тогдашнего попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова в Германию; во время пребывания за границей (1836—1839) Г. посещал университетские лекции, занимался также частным образом латинским языком и философией (у профессора-гегельянца Вердера); по возвращении на родину стал преподавателем всеобщей истории в Московском ун-те; в 1845 г. сдал экзамены на степень магистра исторических наук и после защиты диссертации в 1848 г. стал исправляющим должность ординарного профессора, а после защиты докторской диссертации утвержден в штатной должности ординарного профессора.

В сфере методологии Г. начал с рецепции некоторых принципов философии истории Гегеля, но быстро стал к ней остывать, в частности, потому, что заметил у Гегеля низкий статус личности, что не соответствовало его протолиберальному мировоззрению. Эволюционировал Г. к позитивизму, сближая методы исторической науки с методами естествознания и акцентируя роль в истории климата, расы, природы в целом; будучи противником фатализма, Г., однако, считал, что исторический прогресс осуществляется бессознательно; будучи западником, Г. активно полемизировал со славянофильством.

Соз.: Бартольд Георг Нибур. Статья I—II // Современник. 1850. Т. 19. Отд. II; О современном состоянии и значении всеобщей истории. М., 1852; Полн. собр. соч.: [В 2 т.]. СПб., 1905.

Лит.: 36, ч. 1, с. 263—265; Левшин Д. М. Т. Н. Грановский (опыт исторического синтеза). СПб., 1901; Чичерин Б. Н. Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского // Чичерин Б. Вопросы философии. М., 1904; Кареев Н. И. Историческое миросозерцание Грановского. 3-е изд. СПб., 1905; Герье В. И. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1914; Григорян М. М. Философские и социологические взгляды Т. Н. Грановского // Русская прогрессивная философская мысль XIX века. М., 1959; Derek Offord. Portraits of Early Russian Liberals. A study of the Thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Druzhinin and K. D. Kavelin. Cambridge, Mass., 1985; Каменский З. А. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1988; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. 87, с. 270—278;

Приленский В. И. 532, с. 136; 414, с. 142–144; 415, с. 121–122; Ильин В. В. 172, ч. 1, с. 46.

ГРЕДЕСКУЛ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ (20.4.1865–8.9.1941). Privat-доцент, затем профессор Харьковского ун-та и Петербургского политехникума; член партии кадетов, из которой вышел в 1916 г.; в советское время преподавал в ленинградских вузах.

По профессии – юрист; открыто признавал, что его личные симпатии лежат на стороне мировоззрения, которое именуется «идеалистическим», что никогда не был приверженцем марксизма и «всегда считал, что истинным движущим началом истории является «психизм», а не «экономизм». Отстаивал идею «законности» и необходимости метафизики: в философии права выступал противником исторической школы (Савиньи, Пухта) и сторонником «социологического изучения права» в духе Р. Иеринга.

Соз.: Социологическое изучение права. СПб., 1900; К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Социально-юридическое исследование. Харьков, 1900; Марксизм и идеализм. Харьков, 1905; Современные вопросы права. Харьков, 1906; Право и экономика. СПб., 1906; Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Интеллигенция в России. Сб. статей. СПб., 1910.

Лит.: Алексеев П. В., Топилина В. М. 6, с. 218–219.

ГРИНЕВИЧ ИЛЬЯ ФЕДОРОВИЧ. Родился в Черниговской губ. в дворянской семье, окончил Харьковский ун-т, где был магистром, но неизвестно точно, защитил ли диссертацию: есть сведения о том, что относительно его диссертации «Dissertatio de Studio philosophiae ejusque genuino natura» (1815) комиссия из членов совета Харьковского ун-та установила, что она дословно списана с неизданных записок Шада, и Г. был исключен за плагиат. С 1821 г. Г. стал профессором латинской и греческой словесности в Ришельевском лицее в Одессе; с 1825 г. – исправляющий должность профессора законоведения и политической экономии, затем директор Бессарабских училищ; в 1839 г. Г. стал соискателем звания ординарного профессора по кафедре римской словесности, но добился только разрешения на временное преподавание; в 1840 г. ему было окончательно отказано в преподавании.

Печатных трудов у Г. немного: он опубликовал несколько работ об античных авторах (Цицерон и др.); в брошюре, посвященной философским проблемам, придерживался тезиса о необходимости философии,

противостоя тем самым откровенным софиофобам, но обличал философию Канта, с которой-де началось зло в философии, французских «опытных» философов и ратовал за христианскую философию, которая стала бы опорой религии.

Соз.: Письма о философских предметах. Одесса, 1835.

Лит.: Михневич И. Г. **283**, с. 74; Бобров Е. **43**, вып. 2, с. 55–60; **476**, с. 17.

ГРОСС ХРИСТИАН ФРИДРИХ (ум. 2.1.1742). Уроженец Вюртембергского герцогства; в Тюбингене слушал лекции Бильфингера; вместе с ним приехал в 1725 г. в Россию и на несколько месяцев стал студентом при только что открывшейся Императорской Академии; в январе 1726 г. Блюментрост распорядился определить его экстраординарным профессором нравоучительной философии; вместе с Мартини и Бильфингером Г. начал читать в 1726 г. лекции по философии; он читал лекции об обязанностях человека и гражданина, опираясь на Пуфендорфа; около 1730 г. стал профессором логики и метафизики; частным образом у Г. слушал лекции по философии Антиох Кантемир; в приятельских отношениях с ним был Феофан Прокопович; Г. служил наставником детей графа Андрея Остермана, участвовал в шедших в конце 20-х гг. религиозно-философских спорах, в частности, вокруг книги Стефана Яворского «Камень веры». В 1731 г. Г. получил должность секретаря посольства Брауншвейг-Вольфенбюттель-Бланкенбургского двора в Петербурге и выбыл из Академии. В связи с делом Остермана Г. оказался под следствием и застрелился.

П. Пекарскому была известна рукопись труда Г. под названием «*Institutiones Philosophiae rationalis seu Logicae, conscriptae in gratiam celsissimi Principis Antiochi Cantemirii*» (1726).

Лит.: Пекарский П. **359**, т. 1, с. 213–224.

ГРОТ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ (18(30).4.1852–23.5(4.6).1899). Родился в Гельсингфорсе в семье будущего вице-президента АН Я. К. Грота, учился в гимназии Видемана в Петербурге (1862–1868) и Ларинской гимназии; с 1871 по 1875 г. — на историко-филологическом фак-те Петербургского ун-та; получил в 1875 г. золотую медаль за сочинение «Критическое изложение Платона и пифагорейцев по метафизике Аристотеля» и (по рекомендации М. И. Владиславева) был взят Н. А. Лавровским, директором открывавшегося тогда Историко-филологического ин-та кн. Безбородко в Нежине преподавателем философии в этот ин-т; в июне 1876 г. Г. назначен исправляющим должность экстраорди-

нарного профессора; в 1880 г. Г. защитил в Ун-те св. Владимира в Киеве магистерскую диссертацию на тему «Психология чувствований» и утвержден ординарным профессором; в 1883 г. защитил в Киеве докторскую диссертацию на тему «К вопросу о реформе логики»; в том же году для Г. по указу царя учреждена должность ординарного профессора в Новороссийском ун-те; в 1886 г. Г. перешел на кафедру философии Московского ун-та; с 1889 г. был председателем Московского психологического общества и редактором журнала «Вопросы философии и психологии».

Философские взгляды Г. начали развиваться под влиянием позитивизма; на некоторое время он попал под влияние А. Шопенгауэра и стал толковать философию как часть искусства; в дальнейшем пошел по пути синкретизма в стремлении примирить христианство и культуру, мысль и чувство, науку и религию, веру и знание, идеализм и реализм, что нашло выражение в понятии «монодуализм», которым он стал называть свою философию; в очень сильных выражениях выступал против традиционной метафизики всех форм: материализма, спиритуализма, сенсуализма, идеализма и «их сородичей», но сам за рамки метафизики не вышел. С 90-х гг. увлекся идеей создания национальной русской философии, которую фактически сводил к этике, полагая, что русская философия должна быть философией спасения мира от зла.

Соз.: Козлов. Философские этюды. Критический очерк // Известия ин-та кн. Безбородко. 1877. № 1; Психология чувствований в ее истории и главных основаниях // Там же. 1879—1880. № 4—5; Философия как ветвь искусства // Мысль. 1880. № 12; К вопросу о реформе логики // Известия ин-та кн. Безбородко. 1882. № 7—8; К вопросу о критериях истины: возможность научного обоснования наивного реализма. Этюд из области науки о познании // Русское богатство. 1883. № 4—5; О научном значении пессимизма и оптимизма как мировоззрений // Записки имп. Новороссийского ун-та. 1884. Т. 40; Основные типы философских построений в разные эпохи // Русское богатство. 1884. № 8—9; К вопросу об истинных задачах философии // Русская мысль. 1886. № 11; О направлении и задачах моей философии. По поводу статьи архиеп. Никанора // Православное обозрение. 1886. № 11; Что такое метафизика? // ВФиП. 1890. Кн. 2; Введение в историю новой философии // Там же. 1891. Кн. 7; Основные моменты в развитии новой философии. М., 1894; Философия и ее общие задачи. СПб., 1904.

Лит.: Колубовский Я. **210**, с. 565—568; Лопатин Л. М. Н. Я. Грот (некролог) // ВФиП. 1899. Кн. 48; Соловьев Вл. С. Характеристики // Вестник Европы. 1900. Кн. 1; Ивановский В. Н. Очерк жизни и деятельности Н. Я. Грота // ВФиП. 1900. Кн. 51; Викторов Д. В. Памяти Н. Я. Грота как профессора // Там же; Айхенвальд Ю. И. Очерк этических воззрений Н. Я. Грота // Там же; Соколов П. П. Н. Я. Грот как мыслитель // Там же; Н. Я. Грот. Сборник статей. СПб., 1910; Ueberweg А. **639**, Bd 5, S. 339; Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 253—259; Лосский Н. О. **253**, с. 194—195; Кондаков Н. И. **187**, т. 4, с. 94—96; Шкуринов П. С. **530**, т. 1, с. 406; Стяжкин Н. И., Силаков В. Д. **480**, с. 25—26; Дембогурский М. **533**, с. 158—159; Огурцов А. **414**, с. 145—146; Самсонова Н. Г. **415**, с. 123—124.

ГРУЗЕНБЕРГ СЕМЕН ОСИПОВИЧ (псевд. С. ЛЮДИН) (1875—?). Родился в Екатеринославе. Преподаватель Психоневрологического ин-та, доктор философии Петроградского ун-та.

Г. — историк философии по преимуществу, занимался Спинозой, Шопенгауэром, философией в России начала XX в.; в сфере философской теории симпатизировал кантовской гносеологии; провел обстоятельный анализ, критику и классификацию основных положений и выводов пессимистических направлений в религии и философии, главным образом Шопенгауэра и Гартмана; отстаивал тезис о том, что пессимизм как философская доктрина отрицает всякий прогресс в смысле бесконечного развития мирового процесса и делает тщетной постановку социальных и культурных идеалов; русскую философскую мысль рассматривал как один из потоков в русле западной, преимущественно немецкой, философии; главнейшими течениями русской философской мысли начала XX в. считал гегельянство, неокантианство, неопозитивизм и интуитивизм.

Соз.: Вступление к кн.: *Спиноза*. Об усовершенствовании рассудка. Одесса, 1893; Предисловие к 4-й части кн.: *Спиноза*. Этика. 3-е изд. СПб., 1894; Нравственная философия Шопенгауэра. Критика основных начал философии Шопенгауэра. СПб., 1901; Пессимизм как вера и миропонимание. Опыт критического анализа и классификации основоположений и выводов пессимизма. М., 1908; Артур Шопенгауэр. Личность, мышление и миропонимание. Критика нравственной философии Шопенгауэра. 2-е, перераб. изд. СПб, 1912.

Лит.: Алексеев П. В. **6**, с. 226.

ГРУШЕВСКИЙ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ (17(29).9.1866—25.11.1934). Родился в г. Холм (совр. Хелм в Польше) в семье учителя греко-униатской гимназии; детство провел в Ставрополе, Владикавказе, Тифлисе; по окончании Тифлисской гимназии (1896) поступил на историко-филологический фак-т Ун-та св. Владимира в Киеве; в 1894 г. защитил магистерскую диссертацию и стал преподавателем в Львовском ун-те; в 1917 г. — председатель украинской Центральной рады; затем на ряд лет оказался за границей, где представлял украинских эсеров; в 1924 г. получил разрешение приехать в Советскую Украину; был избран членом АН УССР (1924) и АН СССР (1929); с 1930 г. работал в Москве.

Положение Г. по отношению к российской университетской науке двойственно: он работал в Львовском ун-те, находившемся под управлением Австро-Венгрии, но многие свои труды, в том числе важного философско-исторического характера, публиковал в России, был тесно связан с учеными Киева, преподавал в Высшей русской школе общественных наук в Париже, был доктором *honoris causa* Харьковского ун-та.

Г. — не профессиональный философ и редко прибегал к философскому языку в своих трудах, но фактически одной из основных «сверхзадач» его сочинений была своеобразная философия русской и украинской истории; после революции 1905 г. эта философия приняла такую форму: Московское государство выросло на территории Волжско-Окского бассейна, на великорусской почве, и неправомерно смотрело на бывшие провинции Киевского государства как на свою «отчину»; включение земель литовских и польских явилось результатом простого соперничества за спорные земли; расширение государства на восток и северо-восток возникло из чисто наезднических авантюр; в итоге содалась огромная, громоздкая, пестрая, нескладная махина; Украина, добровольно присоединившаяся к России, оказалась пойманной птицей, и ей пришлось вести борьбу на два фронта — против московской централизации, бюрократизма, ограничения украинской автономии и т. д. и против притязаний Польши; политическая жизнь Украины замерла; Россия стала тюрьмой народов. Полная самостоятельность и независимость является последовательным, логическим завершением запросов национального развития и самоопределения всякой народности, занимающей определенную территорию и обладающей достаточными задатками и энергией развития, но этот взгляд есть проявление крайности; крайностью является также тезис о том, что народности, лишённые самостоятельной государственности, могут так же хорошо развиваться, как и государственные; истина лежит посередине: народность для своего развития не нуждается непременно в политической

самостоятельности; стремление к созданию собственного государства может сдерживать сознание того, что принадлежность к данному государству дает слишком осязательные выгоды и удобства. Принадлежность к большому и хорошо организованному государственному союзу может дать экономическому и культурному развитию народностей очень много выгод; тот механический конгломерат, какой представляла собою старая Россия, лишенный внутреннего сцепления и сдерживаемый лишь внешнею силою, можно удержать в единстве только системою принудительного подавления; сохранить или, вернее, создать настоящее единство России можно лишь путем развития в ней внутреннего тяготения и сцепления, а оно может вырасти лишь из сознания, что принадлежность к государственному союзу дает слишком осязательные удобства, чтобы стоило рисковать ими и ставить на карту мирное течение жизни. К созданию такого тяготения может привести усиленная работа над улучшением государственного строя и хозяйства, его культурных и экономических средств и сил, устранение всякой эксплуатации и подавления областной и национальной жизни; и тогда «камеры предварительного заключения» превратились бы в «свободные квартиры», в которых члены государственного союза чувствовали бы себя полноправными и свободными жителями, а не подневольными узниками; путь к этому один — широкое проведение принципа национально-территориальной и областной автономии и обеспечение национальных прав всех народностей; в проведении этих принципов — залог сохранения единства России.

В такой концепции потенциально содержались возможности как вывода о том, что Украина может оставаться в составе Российской империи, так и о том, что она должна стать самостоятельной, к чему Г. и пришел в 1917 г.

Соз.: Движение политической и общественной украинской мысли в XIX столетии. СПб., 1907; Единство или распадение России? СПб., 1907; Национальный вопрос и автономия. СПб., 1907; Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907.

Лит.: М. С. Грушевский (1866—1916). Сборник статей. М., 1917; Евдокименко В. Е., Романец В. А., 186, т. 4, с. 638.

ГУЛЯЕВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ (11.6.1870—19.11.1930). Родился в Нижегородской губ. в семье священника; учился в духовном училище и духовной семинарии в Нижнем Новгороде, окончил Казанскую духовную семинарию (1891—1895), затем историко-филологический

фак-т Казанского ун-та (1895—1899); готовился к профессорскому званию при кафедре философии Казанского ун-та под руководством А. И. Смирнова, затем в Московском ун-те под руководством Л. М. Лопатина и С. Н. Трубецкого; с конца декабря 1902 г. — приват-доцент, с 1909 г. — профессор Казанского ун-та; с 1920 г. работал в Азербайджанском ун-те.

Г. — историк философии по преимуществу, главное внимание сосредоточил на этических взглядах мыслителей.

Соз.: Этическое учение в «Мыслях» Паскаля. Казань, 1906; Несколько замечаний о приемах историко-философских исследований. (По поводу рецензии проф. Л. М. Лопатина на исследование А. Д. Гуляева «Этическое учение в “Мыслях” Паскаля». Казань, 1906). Казань, 1909; Лекции по истории древней философии. 2-е изд. Казань, 1915.

Лит.: *Маковельский А.* 530, т. 1, с. 412; *Бажанов В. А.* 6, с. 230.

ГУРВИЧ АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВИЧ (27.9(9.10).1874—27.7.1954). Окончил медицинский фак-т в Мюнхене (1897) и до 1906 г. преподавал в Страсбурге и Берне; в 1906—1918 гг. — профессор Высших женских курсов в Петербурге; в 1918—1924 гг. — профессор Таврического (Крымского) ун-та (в Симферополе), в 1924—1929 гг. — проф. 1-го Московского ун-та; с 1930 г. — заведующий отделением Ленинградского ин-та экспериментальной медицины.

Г. — один из наиболее видных представителей витализма и в до-революционной России, и в первые советские годы; он перевел и дополнил работу Г. Дриша «Витализм». Базовое понятие философии биологии Г. — понятие «энтелехия». Это — натурфилософское понятие, которое, по Г., расширяет общую систему познания природы; понятие энтелехии не противоречит-де основному принципу натурфилософии — принципу достаточного основания; энтелехия — не вид энергии, она лишена количественного характера; это и не определенная субстанция. К энтелехии не применимо понятие делимости; это не пространственное понятие: энтелехия может быть только мыслимой, энтелехия принадлежит к априорной системе природных факторов; всеобъемлющая энтелехия — это Вселенная, рассматриваемая как одно органическое целое.

Соз.: Morphologie und Biologie der Zelle. Jena, 1904; Понятие нормировки и детерминации в биологии // ВФиП. 1911. Кн. 107; Die Vererbung als Verwirklichungsvorgang // Biol. Zbl. 1912. Bd 32. N 8; On practical vitalism // Amer. Naturalist. 1915.

Vol. 49; Учение об энтелехии в связи с общей научной системой // Дриш А. Витализм. Его история и система. М., 1915; Избр. труды. М., 1977.

Лит.: Лосский Н. О. **253**, с. 425; Александр Гаврилович Гурвич (1874—1954). М., 1970; Уткина Н. Ф. **186**, т. 4, с. 173; Аleshин А. **414**, с. 148.

Д

ДАВЫДОВ ИВАН ИВАНОВИЧ (15(26).6.1794—15(27).11.1863). Родился в небогатой дворянской семье в Тверском у.; рано лишившись отца, Д. воспитывался сначала матерью, украинкой по национальности; десяти лет от роду мальчик поступил в Тверское дворянское училище, готовившее воспитанников для кадетских корпусов; особое попечение Ивану оказывал магистр Геттингенского ун-та И. И. Геннинг, в семье которого он изучил немецкий, английский и французский языки; посетивший училище попечитель Московского ун-та М. Н. Муравьев обратил внимание на хорошие отзывы инспектора училища о юном Д. и поручил отправить его в Московский ун-т; в 1808 г. Д. стал студентом; у профессора Буле он писал на латинском языке диссертацию на тему «О различии греческого и римского образования» (1810), удостоился за нее золотой медали; в 1812 г. получил степень кандидата по словесному отделению; в 1814 г. — степень магистра за сочинение «О критике в древней филологии»; в 1815 г. стал доктором словесных наук за диссертацию на тему «О преобразовании в науках, произведенном Баконном».

В 1814 г. Д. стал преподавателем ун-та, а в 1815 г. — инспектором Университетского благородного пансиона — привилегированного учебного заведения для детей родовитого дворянства. В пансионе Д. преподавал русскую словесность (вместе с проф. Мерзляковым) и математику (вместе с проф. Перевощиковым); в ун-те же Д. стал адъюнктом философии (в 1817 г.), экстраординарным (1820), а затем ординарным (1822) профессором латинской словесности и философии. В 1826 г. при возобновлении прерванного в Московском ун-те курса философии Д. прочел вступительную лекцию «О возможности философии как науки». Попечитель учебного округа Строганов нашел лекцию вредной, пропагандирующей философию Шеллинга, Д. был отстранен от чтения философских лекций и переведен на физико-математический фак-т. В 1831 г. Д. возглавил кафедру русской словесности; до 1847 г. он читал лекции по тематике этой кафедры, одновременно исполняя в ун-те функции то декана, то проректора; с 1841 г. Д. — ординарный академик по вновь организованному отделению русского языка и словесности

Академии наук, в 1845 г. получил звание заслуженного профессора. В 1847 г. Д. вызывают в Петербург и назначают директором Главного педагогического ин-та, в котором он читает курс русской словесности; с 1847 г. Д. — почетный член Московского, с 1849 г. — Казанского, с 1852 г. — Дерптского ун-тов.

Д. — убежденный сторонник эклектики, считавший, что нет ни одного даже среди «мрачных» философов, у которого нельзя было бы найти «драгоценные перлы» среди тьмы заблуждений. И поэтому он откровенно писал, напр., в работе о логике, что стремился в ней соединить «опытные начала» Локка и Дежерандо с идеализмом Буле и Кизеветтера; не стеснялся Д. признавать также «руководство» Шеллинга, за что и пострадал, хотя сам шеллингианцем не был. Философию, по мнению Д., составляют идеальная (теоретическая, или умозрительная), практическая и эстетическая; умозрительная делится на психологию, логику и метафизику; практическая — на нравоучение, правоведение и вероучение; эстетическая делится на теорию изящных искусств, поэзию и красноречие. Высшей философией является познание начала божественного — основания, начала духовного и вещественного. По традиции еще XVIII в., в проблематику логики у Д. включались проблемы теории мышления и познания; чистую логику он делил на идеологию, аналитику и диалектику. В «Идеологии» идет исследование способностей ума; «Аналитика» — это выявление законов способности мышления и составления понятий; «Диалектика» — собственно логика. Д. — сторонник «опытности», построенной на метафизических основаниях, в отличие от материалистов, которые-де обезобразили «опытную систему». Постепенно Д. эволюционировал к пониманию философии как психологии, ведущей к открытию единства в бытии и знании.

Соз.: О духе философии греческой и римской. М., 1820; Опыт руководства к истории философии. М., 1820; Начальные основания логики. М., 1821; Вступительная лекция о возможности философии как науки при открытии Философских чтений в Московском ун-те. М., 1826; О содействии Московского ун-та успехам отечественной словесности. М., 1836; Возможна ли у нас германская философия // Москвитянин. 1841. Ч. II. № 4; Взгляд на «Историю Государства Российского» Карамзина со стороны художественной. СПб., 1855.

Лит.: 36, ч. 1, с. 276—286; Колубовский Я. 210, с. 535; Шнет Г. Г. 559, с. 90—104; Ueberweg F. 639, Bd 5, S. 336; Koyré A. 621, p. 113—126; Зеньковский В. В. 154, т. 1, с. 132—133; Каменский З. А. 530, т. 1, с. 426; Алексеев П. В. 6, с. 239; Ершова Л. 414, с. 150; Панибратцев А. В. 415, с. 129.

ДАНИЛЕВСКИЙ ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ (13(25).1.1852–25.2.1939). Родился в Харькове; окончил Харьковский ун-т; профессор этого ун-та (1883–1909 и 1917–1921), Харьковского медицинского ин-та (1921–1926); в дальнейшем работал в Украинском ин-те эндокринологии и органотерапии; с 1926 г. — академик АН УССР.

Физиолог по профессии, Д. с естественнонаучных, позитивистских позиций решал традиционно-философские проблемы: умственное развитие он представлял как естественное явление, обязательное органическое звено в жизни общественного организма; ближайшим побуждением к деятельности являются чувственные мотивы; идеальные побуждения, стремление к высшей духовной деятельности — это «прямой физиологический гомолог низших чувственных побуждений»; и в высших сферах человеческие деяния подчинены физиологическому закону; «душа» — это не самостоятельная субстанция, она является полным аналогом тела.

Соз.: Исследования по физиологии головного мозга. М., 1876; Опытное физиологическое доказательство закона сохранения энергии. СПб., 1880; Душа и природа. Харьков, 1889 (2-е изд. — Харьков, 1896); Чувство и жизнь. М., 1894; Очерк из физиологии социальных недугов. Харьков, 1914.

Лит.: Академик В. Я. Данилевский. Шестьдесят лет. Харьков, 1934; *Финкельштейн Е. А.* Василий Яковлевич Данилевский — выдающийся русский биолог, физиолог и протистолог (1852–1939). М.; Л., 1955.

ДВИГУБСКИЙ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (24.2(7.3).1771 или 1772–30.12.1839 (11.1.1840)). Родился в г. Короча Курской губ. в семье священнослужителя; учился в Харьковском коллегииуме; с 1793 по 1796 г. — на медицинском фак-те Московского ун-та, который закончил с золотой медалью, и был назначен смотрителем университетского кабинета естественной истории; в сентябре 1798 г. стал адъюнктом и начал читать лекции по естественной истории в ун-те и в Университетском благородном пансионе; в 1802 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины; усовершенствовал свои знания по естественной истории за границей (Париж, Геттинген, Вена); получив звание экстраординарного профессора, читал лекции по технологии; с 1807 г. — ординарный профессор; с 1826–1833 гг. — ректор ун-та; в 1833 г. — уволен со службы. Двигубский был почетным членом многих российских и зарубежных ученых обществ, в том числе почетным членом Московского, Петербургского и Виленского ун-тов, членом Геттингенских физического,

повивального и фитографического обществ, членом-корреспондентом Парижского гальванического общества.

Придерживаясь традиционного креационизма и агностицизма в отношении «последних причин», которые считал превышающими пределы знаний человека, Д. тем не менее нашел нишу для своих естествонаучных занятий, признав принцип изменяемости сотворенного мира: все вещества изменились-де, получили новые свойства, постепенно происходили из других; в противостоянии спекулятивных философов и эмпириков Д. занял промежуточную позицию, полагая, в частности, что умозрительная физика без связи с опытом — это физический роман, а опытная физика без умозрения — это забава.

Соз.: Физика. 2-е изд. М., 1814; Начальные основания естественной истории. 2-е изд., испр. и доп. М., 1820.

Лит.: Рулье и Спасский. 36, ч. 1, с. 290–294; Каменский З. А. 530, т. 1, с. 433.

ДЕЛИЛЬ (DE L'ISLE) ЖОЗЕФ НИКОЛЯ (4.4.1688—11.9.1768). Родился в Париже в семье преподавателя; его старший брат Вильгельм был королевским картографом и членом Парижской академии, с ним познакомился Петр I во время своего пребывания в Париже; с 1706 г. Д. занимается астрономией; в марте 1714 г. становится адъюнктом Парижской академии наук; во время поездки в Англию в 1724 г. знакомится с Ньютоном и Галлеем; с 1721 г. Д. стал выражать желание поехать работать в Россию; в феврале 1726 г. он прибывает в Петербург и остается там на двадцать один год. Был самым высокооплачиваемым академиком. Д. — один из тех иностранных академиков, которые особенно заботились о приобщении к науке русских. В 1842 г. в своем донесении в Сенат он обвинил Шумахера в том, что в Академии не старались обучать наукам русских, а «производили только немцев».

Проявлял Д. и мировоззренческое свободомыслие. 2 марта 1728 г. он произнес на собрании Академии речь, в которой попытался ответить на вопрос: «Можно ли доказать одними астрономическими фактами, какова настоящая система мира»; в речи доказывалось, что Земля вращается вокруг Солнца. Решая вопрос о публикации речи, Шумахер в обращении к президенту Блюментросту ставил публикацию в зависимость от решения Синода: в таком случае будут-де «спокойны на счет других философских предметов, о которых полнятся рассуждения со временем». Но Блюментрост самостоятельно не разрешил публикацию.

В августе 1745 г. Д. взял на прочтение присланное государственным канцлером и представленную собранию Академии академиком Штели-

ным сочинение Вольтера «О философии Ньютона». На следующем собрании Академии в феврале 1746 г. Д. рекомендовал избрать Вольтера в почетные члены Академии, и французский просветитель был избран. В 1747 г. за отправку во Францию без ведома Академии карт России президент Академии профессор Разумовский приказал «отрешить Делиля от Академии», но затем решил оставить его почетным членом. Делиль вернулся на родину, где в 1754 г. получил должность географо-астронома французского флота.

Соз.: Mémoires pour servir à l'histoire de l'astronomie, de la géographie et de la physique. St.-Petersbourg, 1738.

Лит.: Пекарский П. 359, т. 1, с. 124—148; Гнугева В. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946.

ДЕ-РОБЕРТИ ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ (13(25).12.1843—1915). Родился в с. Казацкое Подольской губ. Его предки — испанец Де Кастро де ла Серда и француз Де Роберти — поселились в России в XVIII в.; учился в Александровском лицее, в ун-тах Гейдельберга, Йены, Парижа; участник земского движения в России, либерал-конституционалист; с 1887 г. подолгу жил за границей; в 1894—1907 гг. — профессор Нового Брюссельского ун-та; в 1908—1915 гг. — профессор социологии в Психоневрологическом ин-те в Петербурге.

Отталкиваясь от О. Конта, который представлялся ему недостаточно последовательным позитивистом, Д.-Р. развил концепцию, получившую название «гиперпозитивизм», или «робертизм». Философские проблемы Д.-Р. рассматривал в контексте своей социологической концепции; гносеология представлялась ему частью социологии как основной науки о разуме; научную (позитивную) философию Д.-Р. считал отличной от науки по объему и методу; отвергал контовский феноменализм и агностицизм, сводя «непознаваемое» к еще непознанному.

Соз.: Наука и метафизика: опыт новой постановки некоторых вопросов в области философии // Знание. 1875. № 5; Прошедшее философии: опыт психологического исследования общих законов развития философской мысли. М., 1886; L'inconnaisable, sa métaphysique, sa psychologie. Paris, 1889; La philosophie du siècle. Paris, 1891; Agnosticisme. Paris, 1892; Понятие разума и законы вселенной. СПб., 1914.

Лит.: Ковалевский М. Страница из истории нашего общения с западной философией // Вестник Европы. 1915. Кн. 6; Коган Л. А. 530, т. 1, с. 462; 187, т. 4, с. 72—75 и 186, т. 3, с. 395—402; Walicki А. 641, S. 528—534; Пустарнаков В. Ф. 186, т. 4, с. 121;

Ахмедова М. Г. Социальная философия Е. В. Де-Роберти. М., 1995 (дис.).

ДЕСНИЦКИЙ СЕМЕН ЕФИМОВИЧ (ок. 1740—15(26).6.1789). Родился в Нежине на Украине; образование получил в Московском ун-те, затем в ун-те Глазго (Шотландия); магистр искусства с 1765 г.; в Глазго получил в 1767 г. степень доктора права; действительный член Российской АН.

Д. свою концепцию права разрабатывал, увязывая ее с философией; он высоко ценил «метафизику» Д. Юма, особенно его сочинение «Трактат о человеческой природе», но, главным образом, «нравоучительную философию» А. Смита, выделял его труд «Теория нравственных чувств». Согласно Д., этика, или «нравоучительная философия», есть «первый способ к совершению наших чувствований справедливости и несправедливости», поэтому она в соединении с «натуральной юриспруденцией» является «первым руководством» для всех рассуждений в сфере права, это — знание, которое составляет «первоначальное учение законоискусства». Все эти установки первому русскому профессору права позволили стать одним из основоположников философии права в России и внести свой вклад в развитие университетской философии в России; философско-исторический смысл имеет концепция Д. о поступательной смене «четырёх состояний рода человеческого»: звероловческо-собираательного, скотоводческо-пастушеского, хлебопашенного и коммерческого.

Соз.: Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. Т. 1.

Лит.: Баршев. **36**, ч. 1, с. 297—301; Коркунов Н. М. С. Е. Десницкий, первый русский профессор права. СПб., 1894; Щипанов И. Я. **530**, т. 1, с. 463; Грацианский П. С. Десницкий. М., 1978; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. **87**, с. 132—138; Замалеев А. Ф. **145**, с. 122—123; Пустарнаков В. Ф. **414**, с. 161—162; **415**, с. 138—139; Ильин В. В. **172**, ч. 1, с. 34.

ДИЛЬТЕЙ (DILTHEY) ФИЛИПП ГЕНРИХ (1723—1781). Родился в Шерштейн-Рингаве в Тироле, учился в Инсбрукском, Страсбургском и Венском ун-тах; в Вене получил степень доктора права; в Москву прибыл в конце сентября 1756 г. как профессор истории и права. Поскольку профессор проявлял «нерадение», редко читал лекции и по его вине произошел «упадок» юридических лекций, Д. на некоторое время увольнялся со службы, пока Екатерина II лично не издала указ о восстановлении его на работе.

В историю университетской философии в России второй половины XVIII в. Д. вошел в первую очередь как преподаватель естественного права, выступавшего в качестве «метафизики» всех остальных отраслей прав; он читал на латинском языке по руководствам Винклера, Пуфендорфа и Неттельбладта, практиковал Д. также публичные диспуты по естественному праву. Отказавшись следовать определению юриспруденции адептами древней стоической школы, согласно которым юриспруденция — это познание божеских и человеческих дел, осведомленности в справедливом и несправедливом, Д. вслед за Гейнекцием определял юриспруденцию как практический навык правильно толковать и применять законы; при этом он требовал от юристов, чтобы они знали не только законы, но были бы осведомлены в гуманитарных науках, в философии и истории и приобрели бы навыки в отвлеченном мышлении. Увязывая право с философией, Д. способствовал становлению в России философии права.

Соз.: О воинственном истинном и полном основании естественного права. М., 1763; О различии истинной и точной юриспруденции от ложной. М., 1764; Первые основания универсальной истории... Ч. 1—3. М., 1762—1768.

Лит.: Капустин М. Н. 36, ч. 1, с. 301—311; Чредин Б. В. Учение Филиппа Дильтея о толковании и применении законов. Харьков, 1916.

ДОБРОТВОРСКИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (30.12.1822—12.9.1894). Родился в с. Будиново Бельского у. Смоленской губ. в семье священника; окончил Смоленскую семинарию и Киевскую духовную академию (1847) и был назначен преподавателем логики и психологии в родную семинарию; в 1848 г. переведен учителем греческого и французского языков в Киевскую академию; с 1849 г. — магистр богословия; в период запрета преподавания в ун-тах философии светскими профессорами был с июля 1858 г. законоучителем и преподавателем логики и психологии Харьковского ун-та; в том же году стал ординарным профессором по кафедре богословия, логики и психологии.

Д. — критик новейших философских, естественнонаучных и теологических учений, противоречащих догматам православия, и в этом качестве стал одним из символов упадка университетской философии в России в 50-х гг. XIX в.

Соз.: Несторианство и монофизитизм в связи с верованиями и судьбами Востока // Духовный вестник. 1863. Январь; Поучение для материалистов в пример святого апостола Фомы //

Там же. Апрель; Несколько слов о связи между верою и наукою // Там же. Май; Библейская хронология в связи с хронологией древних восточных народов по новейшим исследованиям // Православное обозрение за 1877 г. Кн. V; Критический метод в исследовании о книгах Священного Писания // Там же. 1883. Кн. 10—12.

Лит.: Буткевич Т. И. **181**, с. 7—9; Бобров Е. А. **43**, вып. 4, с. 165—168.

ДОВГИРД АНЁЛ СТАНИСЛАВОВИЧ (2.12.1776—26.4.1835). Родился в Мстиславском у. Могилевской губ. в семье обедневшего помещика; с 1786 г. учился в иезуитских учебных заведениях в Могилеве и Мстиславе, затем в католических школах пияров; с 1801 г. стал капелланом, занимал другие церковные должности и сочетал религиозную деятельность с занятиями науками. После смерти проф. философии Виленского ун-та Абихта ему было поручено в качестве адъюнкт-профессора читать логику, а затем философию (1818—1822). Проиграв Голуховскому конкурс на замещение должности профессора, Д. остался в ун-те в качестве капеллана, а после удаления Голуховского из ун-та вновь преподавал здесь философию (1826—1831) до полного закрытия ун-та; некоторое время преподавал философию в Духовной академии, в 1833 г. стал каноником.

Наиболее существенными являются труды Д. по логике. Поскольку он придерживался концепции, согласно которой логика должна заниматься не только формой, но и содержанием мысли, его логика включала также проблемы теории мышления и познания, которые решались в духе Кондильяка (частью через посредство польского философа П. Пшечитаньского); с сенсуалистических позиций Д. критиковал трансцендентальную философию Канта.

Соз.: Rozbiór dzieła p. t. «O filozofii» przez Felixsa Jarońskiego i t. d. // *Dzien. wileński*. 1817. Т. VI. N 67; O logice, metafizyce i filozofii moralnej. Wilno, 1821; Wykład przyrodzonych myślenia prawideł, czyli logika teoretyczna i praktyczna. Polock, 1828. Cz. 1.

Лит.: Луцицкий И. **530**, т. 2, с. 36; Дорошевич Э. К. Аниол Довгирд — мыслитель эпохи Просвещения. Минск, 1967; Он же. Философия эпохи Просвещения в Белоруссии. Минск, 1972 (по указ. имен).

ДОДАШВИЛИ СОЛОМОН ИВАНОВИЧ (ДОДАЕВ-МАГАРСКИЙ) (17.5.1805—20.8(1.9).1836). Родился в с. Магаро (Грузия) в семье свя-

щенника; окончил философско-юридический фак-т Петербургского ун-та (1827); по возвращении в Грузию занимался журналистикой; в 1832 г. был арестован и сослан в Вятку. В год окончания ун-та в Петербурге вышла книга Д., представлявшая первую часть оставшегося ненаписанным труда по философии. Есть у Д. и другие работы по философии.

По представлениям Д., философия — это наука о последних основаниях деятельности людей; в ней должно искать причины их познания и действия; философия представляет законы мышления (логика) и законы душевных сил вообще (психология), законы познания и познаваемого (метафизика со всеми ее частями), законы ощущения (эстетика), законы воли и желания (нравственная философия для внутренних действий) и право (для внешних отношений). Логика толковалась Д. расширительно как наука образа мышления вообще, наука разума, или наука о всеобщих и непременных законах мышления; под влиянием Канта Д. настаивал на тезисе о том, что логика — это феноменология, а не метафизика. Будучи наукой о мышлении, логика не является наукой о познании. Поскольку в число последователей Канта Д. включал Якоба, Рейнгольда, Шульце, Гофбайера, Круга, Буле, Бутервека и др., т. е. мыслителей, которые не все были кантианцами, кантианцем нельзя назвать также и Д.: как и у других отечественных философов 20-х гг. XIX в., его концепция была построена на заимствованиях из разных источников, это не умаляет, однако, того выдающегося факта, что выпускник Петербургского ун-та, представлявший национальную окраину, ставшую фактически колонией империи, поднялся в философии на очень значительный уровень.

Соз.: Курс философии, часть первая. Логика. СПб., 1827.

Лит.: Кукава Т. Г. Выдающийся грузинский мыслитель // Вопросы философии. 1956. № 2; Нуцубидзе Ш. История грузинской философии. Тбилиси, 1960. Гл. 35; Кукава Т. **530**, т. 2, с. 41; Гагоидзе В. А. **186**, т. 2, с. 536—538.

ДРАГОМАНОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (6(18).9.1841—20.6 (2.7).1895). Родился в г. Гадяч Полтавской губ. в дворянской семье; учился в Полтавской гимназии, затем на историко-филологическом фак-те Ун-та св. Владимира в Киеве, который окончил в 1863 г. со степенью кандидата и был назначен младшим учителем географии во 2-ю Киевскую гимназию; в мае 1864 г. стал приват-доцентом всеобщей истории в Ун-те св. Владимира; в 1865 г. уволен с должности учителя гимназии; получив в 1870 г. степень магистра всеобщей истории, Д. стал доцентом ун-та, но в 1875 г. был уволен за политическую неблагонадежность; в

1876 г. эмигрировал, став одним из активных деятелей украинского социалистического и национально-освободительного (с элементами национализма) движения; с 1883 г. — профессор Софийского ун-та.

По философским проблемам Д. писал мало, однако свою методологическую установку в духе географического детерминизма выразил достаточно определенно: история каждого народа, считал Д., обуславливается географией страны, какую он занимает, почвой, на которой он живет; счастливы те народы, которым довелось занять земли удобные; беда тому народу, которому доведется жить в стране, географические свойства которой вовлекают его в сложные отношения, справиться с которыми можно только при высоком нравственном уровне; почти всем славянам достались весьма «трудные» регионы, и это предопределило их исторические судьбы.

Будучи сторонником культурно-национальной автономии, Д. усматривал залог развития России как федеративного государства в закладке прочного общинного и местного самоуправления, которое было бы также гарантией национальных прав.

Соз.: Собрание политических сочинений. Т. 1—2. Париж, 1905—1906.

Лит.: Памяти Михаила Драгоманова, 1895—1920. Харьков, 1920; Заславский Д. И. М. П. Драгоманов (к истории украинского национализма). М., 1934; Заславский Д., Романченко И. М. П. Драгоманов. Киев, 1964; Лук Н. И., Грожин А. С. 529, с. 235—238.

ДУДРОВИЧ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (1782—1830). Родился в Венгрии в семье священнослужителя; серб по национальности; окончил низшие классы гимназии в Кашаве, высшие в Офене, затем окончил Пештский ун-т (1799—1803) и изучал венгерское право в академии в Кашаве; в 1804—1806 гг. — нотариус в Пеште; в 1806 г. Харьковский ун-т назначил его учителем в Черниговскую, затем перевел в Харьковскую слободско-украинскую гимназию; в 1814 г. Д. защитил в Харьковском ун-те диссертацию на тему «Dissertatio inauguralis de philosophiae genuino conceptu, nec non necessitate ejus absolute» и после дополнительного конкурсного испытания профессор Шад рекомендовал избрать его адъюнктом при кафедре философии ун-та как хорошо осведомленного в системах Канта, Фихте и Шеллинга; но избрание не состоялось, и Д. был назначен учителем Одесской коммерческой гимназии, откуда перешел в адъюнкты Ришельевского лицея; с 1818 г. — исправляющий должность профессора российской и латинской словесности, с 1819 г. — профессор философии по представлению сочинения «Историко-крити-

ческий трактат о современном состоянии философии». Скончался Д. в должности ректора Харьковского ун-та.

Основную свою задачу Д. видел в согласовании философии с религией. Философия, заявлял он, есть трансцендентальная наука; но «здравая философия» не может быть ничем иным, как только познанием Бога. Между доказательствами бытия Божия онтологическое доказательство, отвергнутое Кантом, является наиболее философским. Открещиваясь от исходных установок Шеллинга, Д. тем не менее защищал Шеллингову идею «динамической философии» и «животного магнетизма», доказывая, что натуральная философия немецкого мыслителя является всепримиряющей, во всем ищущей единства и усматривающей «невидимое Божие» и его силу.

Соз.: О животном магнетизме // Украинский вестник. 1818. Кн. 2.

Лит.: Михневич И. Г. **283**, с. 72–73; Зеленогорский Ф. А. **181**, с. 31–34; Зеньковский В. В. **154**, т. 1, с. 134; Каменский З. А. Еще о школе Шада. Послесловие к публикации докторских диссертаций Густава Адольфа Гесса де Кальве и А. Дудровича // Кантовский сборник. Калининград, 1984. Вып. 9. С. 130–134.

ДЯДЬКОВСКИЙ ИУСТИН ЕВДОКИМОВИЧ (1(12).6.1784–22.7(3.8).1841). Родился в с. Дядьково Рязанской губ. в семье священнослужителя; начальное образование получил в духовной семинарии; в 1809 г. поступил на московское отделение Медико-хирургической академии; получив звание лекаря, Д. много лет занимался практической медициной; в 1831 г. был назначен ординарным профессором терапии Московского ун-та; но Д. был не только врачом, в силу его интересов к философским системам первый его биограф (Глебов) справедливо назвал Д. врачом-философом.

Естественнонаучный материализм Д. проявился прежде всего в критике им витализма в версии Блуменбаха, Решлауба и Гуфеланда. Он считал, что нет никакой нужды воодушевлять материю каким-нибудь жизненным духом, следуя за трансцендентальными философами, оживотворяя ее идею всеобщей жизни; сама материя содержит в себе начало или основание всех своих действий. В противовес «динамикам», которые полагали, что материя — вещество мертвое и ее можно привести в движение особой жизненной силой, Д. следовал теории, согласно которой «материя есть жива» в том смысле, что она есть скопление притягательных и отталкивающих сил, находящихся в борьбе, которые, «соединяясь вместе, представляются в чувственном виде». Д. считал истинным знанием только то, которое основано на опыте и под-

тверждается разумом. Ни рационализм, ни эмпиризм, отдельно взятые, не ведут к истине. С этих позиций Д. критиковал учение Шеллинга и его последователей, считая его не только бессмысленным, но и вредным.

Сог.: Избр. соч. М., 1958.

Лит.: Глебов. **36**, ч. 1, с. 315—325; Шилинис Ю. А. Врач-философ И. Е. Дядьковский. Л., 1951; Микулинский С. Р. И. Е. Дядьковский. М., 1951; Он же. **530**, т. 2, с. 100.

Е

ЕЛПАТЬЕВСКИЙ В. К. С 1824 г. — кандидат, с 1831 г. — адъюнкт Петербургского ун-та; после смерти П. Д. Лодия в июне 1829 г. читал «Естественное право» по руководству Бауэра «с надлежащими переменами»; с 1830 г. читал «Психическую антропологию» по Шульце, а также начала всеобщей логики и философское нравоучение; лекции Е. по философии права прослыли образцом «отсталости» и «безжизненности».

Лит.: Григорьев В. В. 111, с. 55—69.

ЕШЕ (JÄSCHE) ГОТТЛОБ ВЕНИАМИН (15.6.1762—25.8.1842). Родился в Вартенберге (Силезия) в семье пастора и ректора городского училища; до 15 лет воспитывался дома; с 1777 г. по 1783 г. учился в гимназии св. Елизаветы в Бреслау, в 1783—1785 гг. — на богословском фак-те Галльского ун-та, где под руководством И.-А. Эберхарда изучал лейбнице-вольфовскую философию; в 1780 г. издал свой первый труд по философии; осенью 1791 г. отправился в Кенигсберг, где слушал Канта, оказавшего на него очень сильное влияние; в 1795 г. защитил в Галле докторскую диссертацию; в 1799 г. стал приват-доцентом Кенигсбергского ун-та, причем в числе ходатаев за него был Кант, который ценил Е. как знатока критической философии; в 1800 г. вышел труд Канта по логике, материалы для которого Кант передал Е. для обработки и издания. В 1802 г. Е. стал первым профессором философии в Дерптском ун-те, где проработал 37 лет; неоднократно избирался деканом; в 1833 г., уже после увольнения Е. в отставку, философский факт ходатайствовал об его избрании на вакантную должность ординарного профессора теоретической и практической философии; одновременно на эту должность был рекомендован (в частности, проф. Парротом) последователь Гегеля И.-Э. Эрдман; Е. был избран большинством в один голос (12 — за, 11 — против) и оставался на должности профессора до февраля 1839 г.

Отправляясь первоначально от Канта, Е. в дальнейшем испытывал влияние антикантианцев Ф.-Г. Якоби и Я.-Ф. Фриза; Е. был также противником Шеллинга и Гегеля.

Соз.: Kants Logik... Königsberg, 1800; Grundlinien der Moralphilosophie, oder der philosophischen Rechts- und Tugendenlehre, nach

Kants Metaphysik der Sitten. Dorpat, 1804; Grundriss einer Architectonik und systematischen Encyclopädie der Wissenschaft. Dorpat, 1818. Bd I; Grundlinien der Ethik, oder philosophischen Sittenlehre. Dorpat, 1824; Der Pantheismus nach seinen verschiedenen Hauptformen, seines Ursprung und Fortgange, seinen speculativen und praktischen Werth und Gehalt. Ein Beitrag zur Geschichte und Kritik dieser Lehre in alten und neuer Philosophie. 3 Bd. Berlin, 1826—1832.

Лит.: *Morgenstern K.* Gottlob Benjamin Jäsche. Dorpat; Leipzig, 1843; *Озе Я. Ф.* 39, т. 2, с. 405—408.

ЕШЕВСКИЙ СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ (2(14).2.1829—29.5.1865). Родился в Кологривенском у. Костромской губ. в дворянской семье; учился в Костромской (1839—1842) и Нижегородской (1842—1846) гимназиях; в 1846 г. поступил на словесное отделение философского факультета Казанского университета, затем перешел в Московский университет; по окончании университета в 1850 г. со степенью кандидата преподавал историю в Московском Николаевском институте, в Ришельевском лицее в Одессе (1853—1855), в Казанском университете (1855—1857) в звании исправляющего должность экстраординарного профессора, в Александровском сиротском корпусе в Москве; с 1858 г. — профессор кафедры всеобщей истории Московского университета.

За свою короткую жизнь Е. написал не очень много, но успел проявить себя как последователь Грановского и Кудрявцева, в том числе в методологии истории. Исходил из мысли о том, что «философское построение истории на одних логических и метафизических основаниях едва ли возможно в наше время». На передний план Е. выдвинул «естественноисторический», «антропологический» вопрос о человеческих породах, расах, полагая, что это — «вопрос ни более ни менее как вопрос возможности или невозможности истории человечества», всеобщей, всемирной истории, а это, в свою очередь, подвинуло его к проблемам влияния на человечество географической среды — внешней природы, физических, климатических, топографических условий страны.

Сог.: Собр. всех соч. Ч. 1—3. М., 1870.

Лит.: *Трагевский А. С.* Степан Васильевич Ешевский. М., 1865; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Степан Васильевич Ешевский. Биографический очерк. М., 1870; *Корсаков Д. А.* 35, ч. 1, с. 80—84; *Архангельский С. И.* Исторические взгляды С. В. Ешевского // Средние века. М., 1955. Вып. 6.

Ж

ЖАКОВ КАЛЛИСТРАТ ФАЛАЛЕЕВИЧ (18(30).9.1866—20.1.1926). Родился в д. Давлон (Давпон) Усть-Сысольского у. Вологодской губ.; по национальности — коми (зырянин); окончил Вологодское реальное училище, в 1889 г. поступил в Петербургский лесной ин-т, но бросил его и попытался постричься в монахи в Заонежской пустыни, но за вольнодумство был изгнан оттуда и оказался под надзором полиции; затем учился в Ун-те св. Владимира в Киеве, перевелся в Петербургский ун-т, который закончил в 1901 г., после защиты магистерской диссертации преподавал на историко-филологическом фак-те ун-та и в Психоневрологическом ин-те (1908—1917), в гимназиях; в годы Гражданской войны оказался в Латвии, скончался в Риге.

Ж. сформулировал своеобразную «эволюционную теорию познания», основанную на синтезе науки, искусства, религии и философии и названную «лимитизмом». Ж. доказывал, что человеческое познание имеет предел во всех областях, в том числе в философии, и по своей природе не может проникнуть в высшие законы мироздания; философия представлялась Ж. как вероятное знание о вещах в себе. Считая религию необходимым компонентом синтеза, Ж. настаивал тем не менее на научном обосновании религии, а тем более метафизики; занимался Ж. также проблемами логики, считая, что логика изучает те виды деятельности, которые ведут к истине, и поэтому включал в логику методологические принципы наук.

Соз.: Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания. СПб., 1904; Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. СПб., 1906; Логика (с эволюционной точки зрения). СПб., 1912; Основы эволюционной теории познания (Лимитизм). СПб., 1912; Лимитизм. Единство наук, философии и религии. Рига, 1929.

Лит.: *Стяжкин Н. И., Силаков В. Д.* 480, с. 74; *Канев С. Н.* Каллистрат Жаков: жизнь и судьба. Сыктывкар, 1990; *К. Ф. Жаков.* Проблемы творчества. Сыктывкар, 1993; *Емельянов Б. В.* 415, с. 152.

ЖИВАГО СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ (16.11.1870—не ранее 1917). В 1896 г. окончил юридический фак-т Московского ун-та; сдал магистерский экзамен, получил звание приват-доцента ун-та; с сентября 1898 г. по декабрь 1901 г. — исправляющий должность экстраординарного профессора по кафедре энциклопедии и истории философии права юридического фак-та Томского ун-та.

В методологии права Ж. придерживался тезиса о том, что право должно излагаться не догматически, а путем логически стройного изложения с философским освещением принципов. Исходя из мысли об известном параллелизме в основных фазисах исторического развития политической жизни всех «культурных народов», как выражался Ж., научную задачу он видел в том, чтобы подвести итог «общему государственному сознанию» этих народов, а не только отдельных государств. Наибольшим авторитетом у него был идеолог юридического позитивизма, гейдельбергский профессор Г. Еллинек.

Соз.: Запросы жизни и формализм в науке государственного права. (К характеристике современной немецкой юридической школы) // Научное слово. 1903. Кн. 9—10.

Лит.: 395, с. 94—95.

ЖИЛИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ (1880—?). С января 1903 г. — стипендиат Ун-та св. Владимира в Киеве; с 1905 г. — в ведомстве Министерства народного просвещения; с 1910 г. — исправляющий должность экстраординарного профессора по кафедре энциклопедии и истории философии права Ун-та св. Владимира. В дальнейшем — профессор Петроградского ун-та.

Выделяя философский, исторический, сравнительный, догматический и критический методы, Ж. отдал предпочтение последнему, понимая его как оценку тех или иных явлений с точки зрения определенного идеала, построенного не из отвлеченных, а из положительных начал. Считал, что философский метод в виде априорных отвлеченных конструкций синтетического характера исчерпал себя, в том числе исчерпала себя школа естественного права, изучавшая государство чисто априорно-философским путем.

Соз.: Исторические начала английского государственного права как фундамент нового конституционного государства. Киев, 1906; Право и государство в их взаимных отношениях. Киев, 1909; Новое направление во французской юриспруденции. Учение о государстве и праве проф. Л. Дюги. Киев, 1910; Из лекций по энциклопедии права. Киев, 1910; Учебник государственного права. Пг., 1916. Ч. 1.

З

ЗАГОРСКИЙ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ (9(20).8.1764—20.3(1.4).1846). Родился в с. Поморница Черниговской губ. на Украине. Окончил Медико-хирургическое училище при Петербургском генеральном госпитале; стал ординарным профессором Медико-хирургической академии; в 1803—1806 гг. — председатель «конференции» (т. е. Ученого Совета) Медико-хирургической академии, до 1808 г. — ректор этой академии; в 1807 г. — академик.

З. — один из первых в России критиков витализма; его естественно-научные труды входят в число тех работ отечественных авторов, которые способствовали формированию в России антропологии как философского направления.

Соз.: Сокращенная анатомия, или Руководство к познанию строения человеческого тела. Кн. 1—2. СПб., 1802; Записки из физиологии. Ч. 1—2. СПб., 1851.

Лит.: Пятидесятилетие заслуженного профессора, академика Петра Андреевича Загорского. СПб., 1838; *Тикотин М. А.* П. А. Загорский и первая русская анатомическая школа. М., 1950.

ЗАЛЕССКИЙ ВЛАДИСЛАВ ФРАНЦЕВИЧ (30.1(11.2).1861—15.2.1922). Родился в Казани в семье врача; учился во 2-й и 3-й Казанских классических гимназиях; в 1885 г. окончил физико-математический факультет Казанского ун-та; в 1889 г. в Новороссийском ун-те получил степень доктора политической экономии; в 1892 г. Московский ун-т присудил ему звание приват-доцента; в 1892 г. в Петербургском ун-те получил степень магистра политической экономии; с 1893 г. — приват-доцент Казанского ун-та; с 1895 г. по поручению министра народного просвещения начал преподавать энциклопедию и историю философии права; по указанию царя в 1900 г. назначен экстраординарным, в 1901 г. — ординарным профессором по кафедре энциклопедии и истории философии права.

Историю философии права излагал в связи с историей философии вообще, считая, что ознакомление с общефилософскими и этическими системами безусловно необходимо для сознательного усвоения фило-

софского понимания права; относил себя к сторонникам юридического позитивизма Р. Иеринга, расценивая его концепцию как утилитарно-эволюционную и индуктивную и противопоставляя ее исторической школе, оставшейся верной, по его словам, старым метафизическим воззрениям; отвергал также теорию естественного права, договорную теорию права и гегелевскую концепцию права. Печально «прославился» своим антисемитизмом.

Соз.: Власть и право. Философия объективного права. Казань, 1897; Лекции по истории философии права. Казань, 1902; Двадцать пять веков философии права // Самообразование. 1902; История преподавания философии права в имп. Казанском ун-те. Казань, 1903.

Лит.: 35, ч. 2, с. 29—32; Мейер Ф. Ф. Профессор В. Ф. Залесский как сторонник кровавого навета. Вильно, 1903; Владислав Франциевич Залесский. Опыт характеристики. Харьков, 1914; Корбут М. К. 211, т. 2, с. 260, 283.

ЗАМОТИН ИВАН ИВАНОВИЧ (20.10(1.11).1873—25.5.1942). Родился в д. Крыулина Тверской губ. В 1897 г. окончил Петербургский историко-филологический ин-т. Читал лекции по истории русской литературы на историко-филологическом фак-те Варшавского ун-та и Варшавских высших женских курсах. В советское время — профессор Белорусского ун-та (с 1922 г.), академик АН БССР (1928).

В университетской философии в России заметное место заняли труды З. по истории романтизма 20—30-х гг. XIX в., в которых прослежены связи русского романтизма с философскими учениями Канта, Фихте и Шеллинга.

Соз.: Ранние романтические веяния в русской литературе. Очерк из истории переходной литературной эпохи конца XVIII и начала XIX столетия. Варшава, 1900; Значение романтизма двадцатых годов XIX столетия в истории русской литературы и общественности. Казань, 1904; Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20—30-х годов XIX столетия. СПб., 1907; Чувство природы и жизни и его понимание в русской художественной литературе XIX столетия. Варшава, 1910; Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. Т. 1—2. 2-е изд., доп. СПб.; М., 1911—1913; Из истории русской журналистики сороковых годов. «Маяк» и его общественная и литературная программа. Варшава, 1912; Единство русской культуры. Харьков, 1919.

Лит.: Резанов В. И. Замечания на книгу И. И. Замотина «Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. Варшава, 1903». СПб., 1904; Кадлубовский А. П. И. И. Замотин. «Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20–30-х годов XIX столетия. СПб., 1908 г.». Харьков, 1909.

ЗАПОЛЬСКИЙ ИВАН ИПАТОВИЧ (1773–20.12.1810). Родился в семье священнослужителя; учился в Севской и Белгородской гимназиях, Киевской духовной академии, из которой в 1796 г. поступил в Московский ун-т; с 1799 г. — учитель физики и математики в Казанской гимназии; с января 1805 г. — адъюнкт Казанского ун-та; с 1810 г. — экстраординарный профессор прикладной математики и опытной физики.

В преподавательской деятельности характерными для З. были лекции по математике, в которых он руководствовался еще сочинениями Вольфа, читал курс по «философической астрономии», частным образом читал два года курс философии, который слушали Н. И. Лобачевский и С. Т. Аксаков.

В оставшейся неопубликованной работе «Слово о природе вообще и в отношении к человеку» (1809) З. обозначил свою сенсуалистическую гносеологическую позицию, выделив три способности человека — чувствовать, мыслить и действовать; подчеркнул, что все эти способности получают свое начало в природе и совершенствоваться могут «только обстоятельнейшим познанием ее творений»; «чувства наши никогда нас не обманывают. Мы всеми нашими понятиями о телах одолжены чувствам...»

Лит.: 35, ч. 1, с. 336; Загоскин Н. П. 142, т. 1, с. 46–47.

ЗВЕРЕВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ (1850–?). Профессор Московского ун-та; в 1898–1901 гг. — заместитель («товарищ») министра народного просвещения; в 1903–1904 гг. — начальник Главного управления по делам печати; в дальнейшем — сенатор.

В период своей профессорской деятельности специализировался в сфере права, в том числе философии права; в методологии придерживался концепции юридического позитивизма; поддержал не без оговорок попытку С. А. Муромцева подвести под русскую юриспруденцию базу позитивной философии.

Соз.: Положительное направление в разработке общего учения о праве. (По поводу книги г. Муромцева «Определение и основное разделение права». М., 1879). М., 1881; Энциклопедия права. М., 1883; История философии права. М., 1888; Свобо-

да воли и право. М., 1898; Граф Л. Н. Толстой как художник. Опыт эстетической критики. Пг., 1916.

ЗЕЛЕНЕЦКИЙ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ (1812—1858). В 1833 г. окончил Ришельевский лицей, с 1837 г. — магистр философии Московского ун-та; с 1837 г. — преподаватель российской словесности Ришельевского лицея (Одесса), затем исправляющий должность адъюнкта, адъюнкт, исправляющий должность профессора, профессор, заведующий кафедрой российской словесности этого лицея.

3. — один из первых российских ученых, занявшихся философскими проблемами языкознания, теорией слова и риторикой, опираясь на логику, толкуемую как «коренная» наука о законах и формах мышления; занимался также проблемами эстетики: признавая сотворенность природы и человека, тем не менее выводил искусство фактически не из духовного начала, а из природы и человеческой жизни, которые, по его словам, служат как бы почвой, на которой возрастает искусство. Искусство хотя зарождается в глубинах духа, но первым, вещественным основанием имеет действительную жизнь; жизнь, как бы переселяясь в дух, процессом творческой силы искусства возводится к идеалу.

Соз.: Вступительная лекция, читанная при занятии кафедры Российской словесности в Одесском Ришельевском лицее // ЖМНП. 1838. Ч. 18; Система и содержание Философского языкоучения, с приложением к языку Русскому. СПб., 1841; Исследование о риторике в ее наукообразном состоянии и в отношениях, какие она имеет к общей теории слова и к логике. Одесса, 1846; Теория поэзии. Одесса, 1848; Об идеальной основе, свойствах и видах изящества. Одесса, 1851.

Лит.: Михневич И. Г. 283, с. 82—83; 424, т. 7, с. 336; Шпет Г. Г. 559, с. 104—110; Зеньковский В. В. 154, т. 1, с. 133; Барановская В. М. Вступ. ст. к изд.: Зеленецкий К. П. Исследования о риторике. М., 1991.

ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1839—2(14).7.1909). Родился в Горбатовском у. Нижегородской губ. в семье священника; в 1862 г. окончил Нижегородскую духовную семинарию, поступил в Казанскую духовную академию, но в 1864 г. перешел на историко-филологический фак-т Казанского ун-та, который закончил в 1868 г.; у профессора Троицкого, работавшего тогда в ун-те, слушал лекции и в 1870 г. защитил диссертацию pro venia legendi на тему «О методических приемах философского мышления Платона»; в 1871—1872 гг. слушал за

границей лекции Целлера, Ланге, Дробиша, изучал философию Шопенгауэра и Гартмана. В 1873 г. в Варшавском ун-те защитил магистерскую диссертацию; с 1874 г. — доцент кафедры философии Харьковского ун-та; в 1878 г. получил степень доктора философии и должность экстраординарного профессора; с 1882 г. — ординарный профессор, в 1899 г. выведен за штат со званием заслуженного ординарного профессора; преподавал в ун-те историю и теорию педагогики.

Отвергал дуализм Декарта, пантеизм Спинозы, философию Бэкона, материализм французских философов XVIII в., усматривая в Канте лишь возвращение к Декарту, в метафизике избрал своим главным авторитетом Лейбница, полагая, что его философия является теоретической основой самостоятельности и саморазвития индивида, а также самостоятельности и саморазвития наций в противоположность пантеизму и космополитизму. Особое внимание З. уделял проблеме философских и научных методов и, в отличие от своего учителя Троицкого, считавшего единственно научным индуктивный метод, признал строго научным дедуктивный метод Декарта.

Соз.: Учение Аристотеля о душе в связи с учением о ней Сократа и Платона. СПб., 1871; Отчет о занятиях философией за границей // Известия и ученые записки Казанского ун-та. 1872—1873; Philosophie des Unbewussten Гартмана // Там же. 1873; О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства. Из истории и теории методов исследования и доказательства. Т. 1. Харьков, 1877; Очерк развития психологии с Декарта до настоящего времени. Харьков, 1885; Влияние натурфилософии Шеллинга. Материалы для истории Харьковского ун-та // Записки Харьковского ун-та. 1893. Кн. 4; Общая характеристика движения философии в последние три века в ее главных направлениях. Харьков, 1893; Философия Григория Саввича Сковороды, украинского философа XVIII столетия // ВФиП. 1894. Кн. 23—24; И. Шад. «Institutiones juris naturae» (Естественное право). Харьков, 1900; Очерки по истории древней философии. Харьков, 1908; О методах исследования и доказательства. М., 1998.

Лит.: Колубовский Я. 210, с. 589; 181, с. 40—46; Крымский С. 530, т. 2, с. 167.

ЗЕНЬКОВСКИЙ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (4(16).7.1881—5.8.1962). Родился в Проскурове (ныне Хмельницкий) Подольской губ. в семье

педагога — церковного старосты; окончил Киевскую гимназию; в 1902 г. поступил на естественное отделение физико-математического фак-та Ун-та св. Владимира в Киеве, затем перешел на историко-филологический фак-т; с 1903/04 г. работал в «психологической семинарии» под руководством Г. И. Челпанова; по окончании ун-та в 1909 г. начал читать лекции по философии и психологии на Киевских высших женских курсах и в Ин-те дошкольного воспитания; с 1912 г. — штатный доцент при кафедре философии Ун-та св. Владимира; в мае 1915 г. защитил в Московском ун-те магистерскую диссертацию и стал экстраординарным профессором психологии Ун-та св. Владимира; в 1918 г. — министр исповеданий в правительстве гетмана П. Скоропадского; с января 1920 г. — в эмиграции, где был профессором философии в Белградском ун-те, в Русском педагогическом ин-те в Праге; в 1942 г. в Париже принял священство.

Считая, в частности, под влиянием Риккерта, что современная наука односторонне тяготеет к изучению общего, устраняя из поля исследования индивидуальность, З. сосредоточился на проблеме индивидуальности с точки зрения научной, опирающейся на опыт психологии, а также метафизики, которая должна-де дополнять данные опыта; «переступив границы опыта», осознал, что «вселенная», «природа» есть идея, а не факт опыта; к одной из наиболее центральных тем философии начала XX в. З. относил психофизическую проблему, проблему связи души и тела; считал вслед за Паульсенем, что научным решением вопроса о связи души и тела на почве гносеологического идеализма является признание параллелизма психического и физического.

Основным трудом дооктябрьского периода стала весьма солидная монография на основе магистерской диссертации «Проблема психической причинности», в которой З. выступил против понятия причинности как понятия, перенесенного в психологию из естествознания, и сделал выводы: субъект является реальным носителем психической энергии; чисто психическая и психофизическая причинность осуществляется в системе актов, исходящих из реального «я» как творческой основы индивидуальности.

Стартовав в рамках светской университетской философии, З. к концу 1910-х гг. эволюционировал в направлении религиозной философии и консервативного романтизма в философии истории. Отмежевавшись от крайних националистов в религиозных вопросах, З. тем не менее встал на позицию «избранности» России, ее «особого назначения» в судьбах православия, хотя признавал, что не одна Россия является носителем православия; вместе с тем начал ратовать за культурное «освобождение» России от плена у Запада, и особенно у Германии.

Соз.: Современное состояние психофизической проблемы. Киев, 1905; Проблема психической причинности. Киев, 1914; Россия и православие. Киев, 1916.

Лит.: Лосский Н. О. **253**, с. 495—498; Верховский С. О. В. Зеньковский // Новый журнал. 1962. № 70; Поляков А. **530**, т. 2, с. 174; Евдокименко В. Е., Роменец В. А. **186**, т. 4, с. 649; Алексеев П. В. **6**, с. 293—294; Сапов В. **414**, с. 202—205; Он же. **415**, с. 161—163; Куликова М. **427**, с. 251—253; Чубаров И. М. **11**, с. 180.

ЗИБЕР НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (10(22).3.1844—28.4(10.5).1888). Родился в Судаче Таврической губ. в семье швейцарского подданного, перешедшего в православие; в 1864 г. окончил Симферопольскую гимназию, в 1866 г. — юридический фак-т Ун-та св. Владимира в Киеве; служил мировым посредником; с 1868 по 1871 г. был стипендиатом для подготовки к профессорскому званию; в 1871 г. получил степень магистра политической экономии; в 1873 г. избран доцентом Ун-та св. Владимира, но в 1875 г., будучи по убеждению либералом весьма радикального толка, уволился из ун-та в знак протеста против обстановки, создавшейся в ун-те, и уехал в Швейцарию; в Россию З. вернулся только в 1884 г.

В историю академической науки в России З. вошел не только как экономист, один из первых популяризаторов классической политической экономии и экономической теории Маркса, но и один из первых пропагандистов, комментаторов и защитников диалектической философии Маркса и Энгельса. З. стремился опровергнуть утверждение критиков Маркса о том, что в «Капитале» его диалектический метод является метафизическим, априористическим, гипотетическим; З. изложил точку зрения Маркса и Энгельса, согласно которой новейший материализм не нуждается ни в какой философии, стоящей выше других наук, что любая всеобъемлющая система познания природы и истории, любая система философии, даже естественная система философии, находится в противоречии о основными законами диалектического мышления; правда, при этом З. излишне сближал диалектический метод Маркса и Энгельса с теорией эволюции; экономическая концепция З. испытала также влияние Марксова исторического материализма, но в форме упрощенного «экономического материализма».

Соз.: Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина // Собр. соч. СПб., 1900. Т. 2; Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале» // Избр. произв. М., 1959. Т. 1; Б. Чичерин contra К. Маркса

(Критика критики) // Там же. Т. 2; Диалектика в ее применении к науке // Слово. 1879. Ноябрь; Рец. на кн.: Hegn Eugen Düring's Umwälzung der Wissenschaft von Friedrich Engels. Leipzig, 1877 // Критическое обозрение. 1879. № 15.

Лит.: 424, т. 7, с. 369; *Клейборт Л. М.* Николай Иванович Зибер. Пг., 1923; *Наумов Д. Б.* Николай Иванович Зибер. Харьков, 1930; *Лук Н. И., Грожин А. С.* 529, с. 231—235; *Аксенова О. В.* 415, с. 163—164.

ЗИНИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (13(25).8.1812—6(18).2.1880). Родился в Шуше (Нагорный Карабах); лишившись родителей, воспитывался у дяди в Саратове; окончил Саратовскую гимназию и математическое отделение философского фак-та Казанского ун-та (1833), где начал свою преподавательскую деятельность; с 1836 г. — магистр химии; с 1837 г. — адъюнкт; после защиты в Петербургском ун-те диссертации утвержден в 1841 г. в степени доктора и экстраординарного профессора в Казанском ун-те; с 1845 г. — ординарный профессор; в 1848 г. переведен в Петербургскую медико-хирургическую академию; в 1856 г. 3. — экстраординарный, с 1865 г. — ординарный академик.

В истории университетской философии этот выдающийся химик-органик выступает в качестве доходящего до нигилизма критика идеалистической философии; Шеллинга и Гегеля и их, по его убеждению, последователей, Стеффенса, Реймера и др. осуждал за то, что, предав забвению логику, запрещающую судить о том, чего не знаем, они строили системы для естественных наук, определяли возможность или невозможность явлений, развивали из диалектических силлогизмов законы природы; их книги ему представлялись написанными предками астрологов, алхимиков, кабалистов, в которых игра слов, а иногда отсутствие здравого смысла выдавалась-де за высшую премудрость, недоступную непосвященным в таинства философии.

Соз.: Взгляд на современное направление в химии (1847) // Труды по органической химии. М., 1982.

Лит.: 35, ч. 1, с. 338—341; *Бородин А. П., Бутлеров А. М.* Николай Николаевич Зинин. СПб., 1880; *Меншуткин Б. Н.* Николай Николаевич Зинин, его жизнь и научная деятельность. Берлин; Пг., 1921; *Фигуровский Н. А., Соловьев Ю. И.* Николай Николаевич Зинин. Биографический очерк. М., 1957.

ЗНАНЕЦКИЙ (ZNANIECKI) ФЛОРИАН ВИТОЛЬД (15.1.1882—23.3.1958). Родился в Польше, учился в Варшаве, Цюрихе, Париже; до 1-й мировой войны преподавал в Варшаве; в 1917—1919 гг. — преподава-

тель Чикагского ун-та; в 1920–1939 гг. — профессор социологии Познаньского ун-та; в 1941 г. принял гражданство США, стал профессором Иллинойсского ун-та; в 1954 г. — президент Американского социологического общества.

3. начинал свою деятельность с аксиологической и культурологической тематики неокантианства Баденской школы, чему посвящены его работы «Проблема ценности в философии» (1910), «Гуманизм и познание» (1912).

Соч.: *Zagadnienie wartości w filozofii*. Warszawa, 1910; *Humanizm i poznanie*. Warszawa, 1912.

Лит.: *Новиков Н.* 530, т. 2, с. 181; *Гумеров Ш. А.* 532, с. 199.

ЗНОСКО ЯН (1772–1833). Учился в Виленском ун-те, который окончил со степенью доктора философии; с 1794 г. — учитель в Гродно; в 1802 г. — адъюнкт в Виленском ун-те; преподавал логику до того, как в ун-те появился Абихт; с 1815 г. — ординарный профессор; был секретарем ун-та и деканом морально-политического отделения; как преподаватель 3. считался неумелым; интерес представляет сделанный им перевод учебника логики Кондильяка, который официальные органы просвещения рекомендовали в период, когда в Европе господствовал английский и французский сенсуализм. Еще два перевода 3. были посвящены политической экономии.

Соч.: *Logika, czyli pierwsze zasady sztuki myślenia. Dzieło elementarne dla szkół publicznych przez Stefana Bonnot de Condillac w języku francuskim...* Wilno, 1802 (переиздавалась в 1808 и 1819 гг.).

Лит.: *Bielinski J.* 597, т. II, s. 435; 424, т. 6, с. 429.

ЗУБЕЛЕВИЧ (ZUBELEWICZ и ZABELLEWICZ) АДАМ ИГНАЦИ (1774–1831). Родился в Белостокском повете; закончил гимназию в Белостоке; был профессором Варшавского лицея, преподавал философию в медицинском отделе княжества Варшавского; по конкурсу стал первым заведующим кафедрой философии Главной Школы в Варшаве (1818), на базе которой был создан в 1869 г. Варшавский королевский ун-т; в дальнейшем был ректором ун-та, генеральным инспектором по школьным делам, занимал другие должности. В ун-те 3. стремился поднять уровень философского образования; в своих лекциях опирался на сочинения кантианца Круга: «Die Fundamentalphilosophie», «System der praktischen Philosophie», «System der theoretischen Philosophie».

Лит.: *Gołuchowski J.* Filozofia i życie. Warszawa, 1903; 424, т. 6, с. 501.

ЗЫБЕЛИН СЕМЕН ГЕРАСИМОВИЧ (25.8(5.9).1735—26.4(8.5).1802). Образование получил в Московской духовной академии, в Московском ун-те (1755—1758), в Академическом ун-те при Петербургской АН; в 1764 г. командирован сначала в Кёнигсбергский, затем в Лейденский ун-ты; в 1764 г. в Лейдене З. защитил диссертацию, получив степень доктора медицины; продолжил образование в Берлине; по возвращении на родину З. было поручено возглавить кафедру теоретической медицины; в 1768 г. он получил звание ординарного профессора. В 1784 г. стал действительным членом Российской академии.

«Слова» З. посвящены главным образом медицинским темам, но для них характерна явно выраженная антропоцентрическая философская установка: «Испытатели естества законов, рассматривая сего великого мира строение, находят в нем великие натуры таинства: но и в человеке, названном древними Философами *малым миром*, исследователи его не меньше порядка, союза, красоты и средств к его сохранению изобретают. В малом оном, но премудром здании в одном почти сыскать можно подобное всему, что в обширности и пространстве сего великого мира заключается» (Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского ун-та русскими профессорами оногo. М., 1823. Ч. IV. С. 109).

Сог.: Избр. соч. М., 1950.

Лит.: Анке Н. Б. 36, ч. 1, с. 340—344; 424, т. 6, с. 571.

И

ИВАНОВ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ (16(28).2.1866—16.6.1949). Родился в Москве в семье землемера; учился в гимназии, на филологическом фак-те Московского ун-та (1884—1886), затем в Берлине (1886—1891); с 1899 г. — доктор истории; читал лекции в Парижской высшей школе общественных наук; в 1905 г. вернулся в Россию; в 1910—1912 гг. преподавал на Раевских женских курсах; в 1921—1924 гг. — профессор, затем ректор Бакинского ун-та; в 1924 г. эмигрировал; в 1926 г. принял католичество; в 1936—1949 гг. — профессор русского языка и литературы в Папском восточном ин-те.

По своим философским взглядам И. — символист. Символизм, по И., это не только искусство, он «во имя религиозного приятия нетленного под покровом тления Земли» провозглашает «религиозное неприятие сего мира»; символист как бы творит вторую природу, более духовную и прозрачную, чем «многоцветный пеплос естества»; в символизме речь идет не об эмпирических предметах, а о предметах, открывающихся во «внутреннем опыте»; о них речь может быть только мифологической, а не аналитической; в символизме истина раскрывается как ценность.

Соз.: *Идея неприятия мира и мистический анархизм* // Чулков Г. О мистическом анархизме. СПб., 1906; *По звездам. Опыт философии, эстетические и критические*. СПб., 1909; *Бразды и межи. Опыт эстетические и критические*. М., 1916; *Родное и вселенское. Статьи* (1914—1916). М., 1917.

Лит.: *Поляков А.* 530, т. 2, с. 194; *Толмазов В. М.* 414, с. 208—210 и 415, с. 165—167; *Иванов А. В.* 533, с. 217—218; Vyacheslav Ivanov: poet, critic and philosopher. New Haven, 1986; Vjačeslav Ivanov: russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph. Heidelberg, 1993; *Маслов Г.* Стратегия мышления и действия в русской философии начала XX века. М., 1997; *Пургин С. П.* Вячеслав Иванов как философ: аспект метода. Екатеринбург, 1998 (дис.).

ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ (22.9.1862—1929). Родился в г. Белый Смоленской губ.; окончил там уездное училище и четырехклассную прогимназию, гимназию в Вязьме (1882), историко-филологический фак-т Московского ун-та (1886); преподавал в частных гимназиях, читал лекции в различных обществах и на курсах; в 1890 г. прочитал в Москве публичные лекции на тему «Французская философия XVIII века», а затем впервые стал практиковать лекции в провинции; в 1893 г. утвержден приват-доцентом; в 1895 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII в.»; а в 1901 г. — докторскую диссертацию: «Сен-Симон и сен-симонизм»; в 1905 г. избран экстраординарным профессором Новороссийского (Одесса) ун-та и профессором Одесских высших женских курсов; с 1907 г. — ординарный профессор Новороссийского ун-та; в сентябре 1907 г. назначен директором Историко-филологического ин-та кн. Безбородко в Нежине.

В сфере философии И. симпатизировал Конту первого периода — «незабвенному основателю новой философии, учителю самого отдаленного будущего в области истинно-научной и гениально-обобщающей мысли», и бичевал Конта — творца «позитивной политики» как мечтателя с «расстроеным мозгом» и «бессознательного изменника» своему «великому делу».

Соз.: Забытые предшественники XVIII в. // Русская мысль. 1890. Кн. II; Философия без фактов // Там же. 1893. Кн. III, IV; Современная нравственность на научных основаниях // Артист. 1894; Два мирозерцания (Тургенев и Толстой) // Там же; О политическом и философском значении театра и драмы в XVIII в. // Русская мысль. 1895. Кн. IV; Сен-Симон и начатки французского позитивизма // Там же. 1900. Кн. VI, VIII, X, XI, XII; История русской критики. Ч. 1—2. СПб., 1898; Из западной культуры. Статьи по вопросам литературы, философии, политики, искусства и общественной жизни Западной Европы Нового времени. Сборник 1—2. СПб., 1899—1900; Поиски за мирозерцанием // ВФиП. 1900. Кн. 52, 53, 55; Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1901.

ИВАНОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1813—30.3.1869). Родился в Нижнем Новгороде в семье канцелярского служащего; учился в Нижегородской гимназии и на словесном отделении философского (впоследствии историко-филологический) фак-та (1830—1833) Московского ун-та; с 1833 по 1839 г. совершенствовал знания в Профессорском ун-те в Дерпте, где в 1839 г. получил степень доктора философии и был на-

значен в Казанский ун-т экстраординарным профессором русской истории; с 1843 по 1855 г. — ординарный профессор; был деканом на юридическом и историко-филологическом фак-тах; с 1856 по 1859 г. — профессор русской истории в Дерптском ун-те; после отставки — учитель русской истории и русского языка в Митавской гимназии; в начале 1869 г. вновь был приглашен в Дерптский ун-т, но вскоре скончался.

По своим политическим взглядам И. был консерватором; в 30-х гг. сотрудничал с реакционным писателем и публицистом Ф. В. Булгариным; но в сфере философии его деятельность была во многом позитивной. В Казанском ун-те он читал кроме курса русской истории историю философии; на годичном акте в ун-те в июне 1843 г. он произнес речь в защиту философии, на которую в эти годы в стране шли гонения. По И., философия изучает «весь мир в целостности», «начало, сущность и органическое щепление всех вещей»; философия, кроме того, раскрывает лучшие стороны человеческой природы; условием успешных занятий философией является приверженность идее бодрой, кипучей жизни.

Соз.: О необходимости содействия философии успехам отечественного просвещения. Казань, 1843.

Лит.: Корсаков Д. А. 35, ч. 1, с. 87—90; 424, т. 7, с. 25.

ИВАНОВСКИЙ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ (13(25).7.1867—4.1.1939). Родился в г. Вышний Волочек в семье учителя; в 1890 г. окончил историческое отделение историко-филологического фак-та Московского ун-та; работал секретарем журнала «Вопросы философии и психологии» (1893—1896), секретарем Московского психологического общества; с 1899 г. — приват-доцент; в 1900—1903 гг. — за границей, где слушал, в частности, лекции Паульсена, Зиммеля и др.; по возвращении в Россию преподавал на Московских высших женских курсах; в 1904—1912 гг. — приват-доцент Казанского ун-та и преподаватель Казанских высших курсов; в 1910 г. получил степень магистра за диссертацию «Ассоциационизм психологический и гносеологический»; в 1912—1914 гг. — за границей; в 1914—1917 гг. — приват-доцент Московского ун-та, преподаватель Высших женских курсов; в мае 1917 г. избран исправляющим должность ординарного профессора Казанского ун-та; в 1918—1921 гг. — профессор и более года ректор Самарского ун-та; в 1921—1927 гг. — профессор Белорусского ун-та; был действительным членом Ин-та научной философии при фак-те общественных наук 1-го МГУ; с октября 1927 г. — в отставке; на 1-м Международном конгрессе в Париже (1900) избран в бюро конгресса и представлял в нем Россию до начала 20-х гг.

И. — сторонник «научной философии», позитивист в широком смысле этого слова, включавший в позитивизм не только собственно позитивистов, но и материалистов, и даже неокантианцев и имманентов; стремился соединить английскую и немецкую формы критицизма, считал творцом критической теории познания не Канта, а Локка.

И. выделял три вида познания: научное, гносеологическое и метафизическое, из которых гносеологическое менее достоверно, чем научное, а метафизическое отличается еще меньшей достоверностью. Содержанием метафизического мышления являются понятия, аналогичные понятиям, почерпнутым из опыта. И. акцентировал особое значение личности как познающего субъекта, зависимость прогресса познания от совершенствования личности; по И., познание носит подвижный, эволюционный и ограниченный характер. Центральная философская дисциплина — теория познания, которая приводит все отделы познания в гармонию. Трактую предмет философии расширительно, И. выделял помимо основных философских дисциплин философии отдельных наук или групп наук: философию математики, философию естествознания (или философию природы, «натурфилософию», распадающуюся еще на ряд «философий» — физики, химии, биологии), а также философию общественности (социальную философию, философию истории, философию права и т. д.). В первые послеоктябрьские годы И. сосредоточился на исследовании философии как методологии.

Соз.: Ложные вторичные ощущения // ВФиП. 1893. Кн. 20; Мистика и схоластика XI—XII вв. // Книга для чтения по истории Средних веков. М., 1897. Вып. 2; К вопросу об апперцепции // ВФиП. 1897. Кн. 36; М. М. Троицкий (Некролог) // Там же. 1899. Кн. 47; Психология. М., 1899; Очерк жизни и деятельности Н. Я. Грота // ВФиП. 1900. Кн. 51; К характеристике М. М. Троицкого // Там же. Кн. 52; Что такое «позитивизм» и «идеализм»? // Правда. 1904. № 1 и 3; Памяти И. Канта (По поводу столетней годовщины со дня кончины) // Известия физико-математического общества при имп. Казанском ун-те. 1904. Сер. 2. Т. XIV. № 2; Введение в философию, ч. 1. Философия теоретического знания. Казань, 1909; Ассоциационизм психологический и гносеологический. Т. 1. Казань, 1909; Об изучении прошлого философии // Сборник Л. М. Лопатину. М., 1912; О некоторых недоумениях, возбуждаемых «интуитивизмом» Н. О. Лосского // Сборник в честь 40-летия ученой деятельности проф. Д. А. Корсакова. Казань, 1913; Ассоциационизм психологический и гносеологический. Ч. 2 // Ученые записки Казанского ун-та.

1915; Методологическое введение в науку и философию. Ч. 1. Минск, 1923.

Лит.: Радлов Э. Л. О кн. «Введение в философию. Ч. 1» // ЖМНП. 1909. № 10; Гуляев А. Д. О кн.: «Ассоциационизм психологический и гносеологический. Ч. 1» // Там же. 1910. № 3; Красновский А. А. Памяти проф. В. Н. Ивановского // Советская педагогика. 1939. № 3; Петровский А. 530, т. 2, с. 195; Щеглов А. В. 186, т. 4, с. 114; 34, с. 12–14; Бажанов В. А. 23, с. 76–77; Филатов В. 414, с. 211; Алексеева И. Ю. 6, с. 308–309.

ИВАНЦОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1863–1927). Приват-доцент Московского ун-та, доктор зоологии, в дальнейшем директор Одесского коммерческого училища; автор учебников по природоведению.

В истории мировоззрений и философии акцентировал их социокультурную детерминацию. Всякий философ есть прежде всего следствие общего культурного прогресса, а индивидуальная окраска его философии часто приносит только ущерб. Философы светят отраженным светом мировоззрения и потребностей своей эпохи; они только концентрируют этот свет; они суть своего народа и своей эпохи. Как ни разнообразны философские течения, в них есть общий смысл, общее направление – возрастание принципа самостоятельного исследования в мировоззрении, соответствующего принципу свободы в области общественного устройства. Основной закон развития общего мировоззрения состоит в том, что воззрения человека становятся все более и более научными. Реальный способ изложения истории философии И. усматривал не в выявлении логической последовательности в разработке известных проблем, а в исследовании духовной жизни различных эпох, национальностей и всего человечества и раскрытии исторических причин возникновения тех или других философских течений. На представлениях И. в научном мировоззрении лежит печать позитивизма, в частности, ее органической школы.

Соз.: Понятие организма // Сборник в пользу недостаточных студентов Московского университета. М., 1897; Гексли как представитель современного научного мировоззрения // ВФиП. 1892. Кн. 12–14; Несколько слов об идеалах в искусстве // Там же. 1899. Кн. 47; Развитие научного мировоззрения. М., 1901; Дарвинизм и менделизм. Вологда, 1926; Что такое индукция? (Ответ Л. М. Лопатину). М., 1993.

ИВАШКОВСКИЙ СЕМЕН МАРТЫНОВИЧ (ум. 23.4.1850). Родился в Смоленской губ, в семье священнослужителя; образование получил сначала в Смоленской духовной семинарии; затем в Московском ун-те; по окончании ун-та был преподавателем в гимназиях (1801—1827), но одновременно занимался наукой и в 1806 г. получил степень доктора философии; в 1819 г. утвержден адъюнктом по кафедре словесности Московского ун-та, в 1825 г. стал экстраординарным профессором.

Занимаясь главным образом филологией, И. интересовался также философскими проблемами: истинным философом считал Сократа. Будучи около двадцати лет наставником при Московском ун-те и губернской гимназии, ощутил недостаток в пособиях по логике и перевел компилятивное сочинение, составленное из текстов двух авторов — Гравезанда и Дю-Марсе.

Соз.: Начала логики. М., 1824.

Лит.: Меншиков, 36, ч. 1, с. 344—350.

ИКОННИКОВ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ (9(21).12.1841—26.11.1923). Родился в Киеве в семье военного; с 1852 по 1861 г. воспитывался в Киевском кадетском корпусе; с 1861 г. — вольнослушатель, затем студент историко-филологического фак-та Ун-та св. Владимира в Киеве (до 1865 г.); преподавал в Киевской военной гимназии, Киевском ин-те благородных девиц, в Харьковском ун-те, Одесской гимназии; после защиты в 1867 г. магистерской диссертации в Новороссийском (Одесса) ун-те на тему «Максим Грек» избран доцентом Ун-та св. Владимира; а после защиты докторской диссертации тоже в Одессе (1869) — экстраординарным профессором Ун-та св. Владимира; с 1871 г. — ординарный профессор; с 1892 г. — заслуженный профессор, с 1914 г. — академик Петербургской АН.

И. — историк России, в частности историк российских ун-тов. Под его редакцией вышел Биографический словарь профессоров и преподавателей Ун-та св. Владимира в Киеве. В то же время И. — историк со своеобразной методологической позицией в сфере русской истории: русскую историю, по его мнению, следует изучать в связи с всеобщей; законы исторического развития одинаковы; одинаковые причины производят одинаковые следствия, но применение законов исторического развития зависит от условий страны; ошибки своих предшественников И. видел в том, что они следовали теориям, выработанным всеобщей историей, а не ее методу.

Соз.: Общий взгляд на развитие науки русской истории // Университетские известия. Киев, 1868. № 10; Исследование о глав-

ных направлениях в науке русской истории в связи с ходом образованности // Там же. 1869. № 1–12; Моим критикам. Т. I–II. Киев, 1870; Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871; Русская историческая наука в двадцатипятилетие 1855–1880 // Русская старина. 1880. № 2 и 3; Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (ум. 2 янв. 1897 г.). Киев, 1898; Александр Густавович Брикнер (ум. 3 ноября 1896 г.). Киев, 1898; Опыт русской историографии. Т. 1–2, Киев, 1891–1908.

Лит.: 267, ч. 2, с. 304–311.

ИЛОВАЙСКИЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ (1832–1920). Родился в Раненбурге (г. Чаплыгин Липецкой обл.), в 1854 г. окончил Московский ун-т; автор широко распространенных учебников по всеобщей и русской истории для средней школы, написанных в духе официальной идеологии «православия, самодержавия, народности». Труды И. пронизаны одной философемой – этатистской установкой: в истории, по И., бесспорно первое и господствующее место принадлежит государству. Государство – это необходимое условие для развития цивилизации, так как оно обеспечивает общественный порядок, оно является также необходимым условием для развития национальности. Ни одна нация не вырабатывается вне государственных форм. Всемирная история – это собственно история государств. Народы, не достигшие уровня государственности, находятся в диком состоянии и не имеют истории. Не разделяя крайнего антизападничества славянофильского толка, И. проповедовал утилитарный официальный патриотизм, сожалел, что русские, поставленные на рубеже западного и восточного миров, все еще являются учениками Запада, но уже сознающими потребность в самобытном направлении своей цивилизации. С «патриотизмом» И. связаны его грубые филиппики против «инородцев» и «иноверцев», а также антисемитские высказывания.

Соз.: Соч. Т. 1–3. СПб., 1884–1914; Мелкие сочинения, статьи и письма. Вып. 1–2. СПб., 1888–1896.

Лит.: Цветаев Д. В. К 50-летию учено-литературной деятельности Д. И. Иловайского. М., 1908; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2.

ИЛЬИН ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ (28.3(9.4).1883–21.12.1964). Родился в Москве в дворянской семье; учился в 5-й и 1-й Московских гимназиях, затем до 1906 г. – на юридическом фак-те Московского ун-та; в 1910–1912 гг. – в научной командировке за границей, где го-

товил магистерскую диссертацию; по возвращении в Россию преподавал введение в философию, историю философии, историю философии права на Высших женских юридических и историко-филологических курсах В. А. Полторацкого в Москве; в 1918 г. защитил диссертацию на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», получил степень доктора государственного права и звание профессора Московского ун-та; осенью 1922 г. выслан за границу; жил в Германии и Швейцарии.

Значительное число работ И., посвященных Гегелю, стали для некоторых историков основанием, чтобы квалифицировать его дооктябрьское творчество как гегельянство, эта квалификация неверна: известное влияние Гегеля И. испытал. В дооктябрьский период И. — сторонник философии как объективного знания, критик философствования по личному произволу, философ — это-де единственный из ученых, который берет на себя решение вопроса, что есть истина. Подобно священнослужителю, он стоит перед лицом самого добра, подобно художнику, имеет дело с самой красотой; теория познания раскрывает природу истины, этика исследует сущность добра, эстетика познает природу красоты. Но наряду с принципом объективности, и явно в противоречии с ним, И. акцентировал субъективный аспект философствования, выдвинул идею философии как научного творчества, духовного делания, требующего напряженной душевно-духовной культуры, теоретической совести, особой чистоты воли; философствование — это сознательная творческая жизнь души, предмет философии не дается в пространственно устойчивом и сравнительно неизменном виде; философствующий человек имеет перед собой предмет незримый, неслышимый, нечувственный, не материальный, не существующий в пространстве и не длящийся во времени; философская мысль ищет в явлении не явления, но видит и раскрывает духовный смысл его; задача философа — систематическое интуитивное взглядывание в предмет; философское познание требует нравственной активности в познании, к которой взывал, подчеркивал И., Фихте; знание и вера не стоят в противоречии, истинно религиозный человек приемлет лишь то и верует лишь в то, что открылось ему с достоверностью в духовном опыте, и поэтому правы были Фихте и Гегель, говоря, что философия по содержанию есть истинная религия.

Соз.: Бердяев Николай. Новое религиозное сознание // Юридическая библиография. 1907. № 1; Булгаков Сергей. Карл Маркс как религиозный тип // Там же. 1908. № 1—6; Понятие права и силы. Опыт методологического анализа. М., 1910; Идея личности в учении Штирнера // ВФиП. 1911. Кн. 106; Кри-

зис идеи субъекта в наукоучении Фихте старшего // Там же. 1912. Кн. 111 и 112; О возрождении гегельянства // Русская мысль. 1912. Кн. 6; Шлейермахер и его «Речи о религии» // Там же. Кн. II; Философия Фихте как религия совести // ВФиП. 1914. Кн. 122; Учение Гегеля о сущности спекулятивной мысли // Логос. 1914. Т. 1. Вып. 2; Философия как духовное делание. М., 1915; Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека. Т. 1–2. М., 1918.

- Лит.:* Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 365; Лосский Н. О. **253**, с. 493–495; Поляков А. **530**, т. 2, с. 252; Полторацкий Н. П. И. А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой. Лондон, 1975; Offermanns W. «Mensch, werde wesentlich!». Das Lebenswerk des russischen religiösen Denkers Iwan Iljin für die Erneuerung der geistigen Grundlagen der Menschheit. («Человек, обрети значительность!». Дело жизни русского религиозного философа Ивана Ильина – обновление духовных основ человечества.) Erlangen, 1979; Полторацкий Н. П. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение. Нью-Йорк, 1989; Лисица Ю. Т. И. А. Ильин, как правовед и государствовед // Вопросы философии. 1991. № 5; Он же. **414**, с. 214–218; Емельянов Б. В. **131**, с. 51–62; Ермигев А. А. **413**, с. 578–580; Замалеев А. Ф. **145**, с. 266–270; Алексеева И. Ю., Зорина Е. В. **533**, с. 232–234; Кураев В. И. **415**, с. 183–184; Куратченко В. П. **227**, с. 83–89; Золина М. Б. Философия власти И. А. Ильина // Социально-политический журнал. 1996. № 3; Загребин М. В. Проблема насилия в философском наследии И. А. Ильина. М., 1996 (дис.); Бабинцев С. М. Историческое идеи И. А. Ильина в контексте его религиозной метафизики. М., 1996 (дис.); Самохина А. А. Проблема человека в произведении И. А. Ильина доэмигрантского периода. М., 1996 (дис.); Постников К. Р. Концепция тоталитаризма в политической философии И. А. Ильина. М., 1996 (дис.); Лавров А. Г. Философия культуры И. А. Ильина. М., 1997 (дис.); Реньш М. А. Идея государственности в социальной философии И. Ильина. Владивосток, 1997; Ерисов Д. П. «Чтобы вновь открылось замкнутое око человеческое...». И. А. Ильин о предмете, методе и основной задаче современной философии // Вестник МЭИ. 1997. № 1. С. 109–111; Ильин В. В., Солнцев Н. В., Чапов Н. М. **173**, с. 145–146; Блинников Л. В. **41**, с. 151–156; Чубаров И. М. **11**, с. 191–193.

ИОВСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ (29.8(9.9).1796—22.1(3.2).1857). Родился в г. Острогжск Воронежской губ. в семье священнослужителя; окончив Воронежскую семинарию, был учителем рисования; отказавшись от духовного звания, поступил в 1816 г. в Московский ун-т; получив степень доктора медицины (1823), стал служить в том же ун-те; в 1823 г. командирован за границу (Германия, Франция, Англия), где пробыл три года, изучая химию, фармакологию и даже металлургию; по возвращении на родину И. стал адъютантом, а впоследствии экстраординарным «профессором фармации».

Научные труды И. посвящены в основном фармакологии и химии, но примечательна также его философская, а также антифилософская позиция: он — бескомпромиссный критик «немецкой системы», не видевший в ней ничего кроме «бессмысленных туманов трансцендентального бреда»; «общих фантазмагорических рассуждений»; И. напал на философскую систему и особенно на натурфилософию Шеллинга, усматривая в последней учение браминов, искаженное «воображением германцев». Своим идеалом И. почитал метод наблюдения и опыт. И. — защитник атомизма и борец против витализма и «физиологического идеализма» И. Мюллера.

Соз.: О важности химических исследований в кругу наук и искусств. М., 1827; Начальные основания химии. Ч. 1—2. М., 1822 (2-е изд, перераб. Ч. 1—2. М., 1827—1828); О животном магнетизме // Вестник естественных наук и медицины. 1828. № 5(7); 1829. № 2, 3; Система натуральной философии или немецкая система // Избр. произв. русских естествоиспытателей первой половины XIX в. М., 1959.

Лит.: 36, ч. 1, с. 359—364; Ушакова Н. Н., Соловьев Ю. И. Передовой профессор Московского ун-та А. А. Иовский // Труды Ин-та истории естествознания и техники. 1954. Т. 2. С. 4—18; Коган Л. А. Философские взгляды А. А. Иовского // Вопросы философии. 1958. № 1; Он же. 530, т. 2, с. 311; Зарипова И. Н. 533, с. 234.

ИСАЕВ АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (19.10.1851—1924). Профессор Демидовского лицея в Ярославле и в Петербургском ун-те; экономист и статистик; в его мировоззрении сочетаются влияния народничества, катедер-социализма и легального марксизма. В методологии стремился соединить индуктивный метод с дедуктивным, отдавая первенство дедукции, поскольку, по его мнению, в «чистом виде» она ведет к установлению законов явлений, имеющих всеобщее значение независимо от пространства и времени.

Соз.: Задача и метод политической экономии. Ярославль, 1879; Составные части и методы политической экономии. Ярославль, 1887; Начала политической экономии. СПб., 1894 (5-е изд. – 1900); Вопросы социологии. СПб., 1906; Граф Л. Н. Толстой как мыслитель. СПб., 1911.

Лит.: 46, т. 10, с. 452.

КАВЕЛИН КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ (4(16).11.1818—3(15).5.1885). Родился в Петербурге; его отец Д. А. Кавелин в 1817—1823 гг. — директор Петербургского Главного педагогического ин-та, затем — Петербургского ун-та — был выходцем из старинного дворянского рода и весьма консервативным деятелем, масоном, приверженцем Магницкого и Рунича; мать К. родом англичанка, воспитанная в русской семье; в 1835 г. юный К. поступил на филологический фак-т Московского ун-та, но вскоре перешел на юридический, который закончил в 1839 г.; с 1840 г. служил в Министерстве юстиции; в 1843 г. защитил магистерскую диссертацию; преподавал в Петербургском, Московском ун-тах и в Военно-юридической академии.

К. — не только профессиональный историк и общественно-политический деятель в духе либерального консерватизма, но также философ и психолог. Философская позиция К. — противоречива и компромиссна. По его мнению, науку можно согласовать с религией; психологию как «положительную науку о душе» он считал ключом ко всем областям знания, в том числе и философии. По К., познание ограничивается миром явлений (в этом он как феноменалист и агностик солидарен с Кантом и позитивистами): «мир физический» и «мир психический» самостоятельны и равноправны, хотя и взаимосвязаны; с этих позиций К. отвергал «метафизику»; «германские философские системы, как системы мира суть не более как запоздалые отпрыски схоластики». Особенно ему не импонировала метафизика Гегеля, Шопенгауэра, Э. Гартмана, равно как В. Соловьева; вместе с тем К. — критик материализма и материалистически толкуемого позитивизма.

К. — один из основателей так называемой государственной школы в русской историографии, приверженец умеренно западнической по преимуществу, но с элементами славянофильства философии русской истории; согласно К., Россия и Западная Европа развивались путями, противоположными по форме, но тождественными по цели, задачам, стремлениям; закон исторического развития русского общества он видел в упрочении «начала личности» и соответственно в упадке патриархального родового строя, в исчерпании исключительно нацио-

нальных элементов и в сближении России с Западной Европой; вместе с тем К. не хотел отождествлять «европейское» с «общечеловеческим»; желая русским перестать быть народом восточным, он не хотел, чтобы они стали народом европейским, что фактически означало попытку примирить западнические и славянофильские начала в философии русской истории.

Соз.: Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1897–1900.

Лит.: **36**, ч. 1, с. 364–366; Г-н Кавелин как психолог (без подписи) // Отечественные записки. 1872. № 8, 10, 11; *Троицкий М. М.* К. Д. Кавелин (страница из истории философии в России) // Русская мысль. 1885. Кн. 11; *Гольцев В.* Нравственные идеи К. Д. Кавелина // Там же. 1892. Кн. 6; *Корсаков Д. К. Д.* Кавелин. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896; *Колубовский Я.* **210**, с. 564–565; **424**, т. 8, с. 358; *Ueberweg F.* **639**, Bd 5, S. 339; *Зеньковский В. В.* **154**, т. 1, с. 351–354; *Лосский Н. О.* **253**, с. 95–96; *Walicki A.* **641**, S. 520–524; *Derek Offord.* Portraits of Early Russian Liberals. A study of the Thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, D. V. Druzinin and K. D. Kavelin. Cambridge, Mass., 1985; *Балакина И.* **530**, т. 2, с. 407; *Коган Л. А.* **186**, т. 3, с. 393–402; *Пустарнаков В. Ф.* **532**, с. 242; *Приленский В. И.* **414**, с. 232–233 и **415**, с. 209–210; **533**, с. 236–237.

КАЗАНСКИЙ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ (1859–?). Родился в Москве, в 1877 г. окончил гимназические классы Лазаревского ин-та восточных языков, в 1881 г. — историко-филологический фак-т Московского ун-та; готовился к профессорской деятельности по кафедре философии; в 1886 г. назначен преподавателем философии в Московском ун-те в звании приват-доцента и в том же году переведен в Новороссийский ун-т; стал профессором; преподавал историю философии, главным образом древнегреческую.

Исходя из представления о том, что философствующая мысль конца XIX в. занята «критическими задачами» и все более стремится к выработке теории познания, К. провел исследование философского учения Аристотеля по преимуществу с теоретико-познавательной точки зрения и оспорил имевший хождение вывод, согласно которому Аристотель является эмпириком и предтечею современного эмпиризма.

Соз.: Учение Аристотеля о значении опыта при познании. Одесса, 1891.

Лит.: *Маркевич А. И.* **266**, с. 315.

КАЙДАНОВ ЯКОВ КУЗЬМИЧ (1779—1855). С 1809 г. — профессор Медико-хирургической академии.

В натурфилософском трактате на степень доктора медицины (1812) при изложении учения о магнетизме К. фактически согласился с точкой зрения «последователей новейшей школы Шеллинга», но отказался отвечать на вопрос: выполнила ли натурфилософия Шеллинга пожелание Бэкона, чтобы была создана истинная и действительно натуральная философия, на которой строилась бы наука медицины.

Соз.: Четвертичность жизни // Избр. произв. русских естествоиспытателей первой половины XIX века. М., 1959; *Tetractys vitae seu De differentia mutuaque continuitate IV cardinalium formarum vitae, generatum consideratae hominis praecipue.* Petropoli, 1813.

Лит.: Калугин В. И. Яков Кузьмич Кайданов // Ветеринария. 1955. № 12. С. 81—83.

КАЛМЫКОВ ПЕТР ДАВЫДОВИЧ (1808—1860). Окончил Петербургскую губернскую гимназию; в 1827 г. поступил в Петербургский ун-т; в 1828—1829 гг. занимался в Дерпте в Профессорском ин-те, а потом до 1834 г. — за границей, где слушал лекции как представителей исторической школы в юриспруденции (Савиньи и др.), так и философской школы (в том числе самого Гегеля); в 1834 г. защитил тезисы на степень доктора прав, в следующем году стал экстраординарным, а в 1837 г. ординарным профессором и главой кафедры энциклопедии законоведения и русского государственного права.

В своих лекциях и трудах К. находился под двойным влиянием идей исторической и философской школ права. К. исходил из мысли о том, что наука права есть наука опытная не только в своей положительной части, но и в философской; полагая, что история философии права, которую он включал в философию как часть, отработана более, чем история положительного законодательства, излагал философию права в связи с историей философии вообще. Источниковедческая база К. эклектична. Среди сочинений для истории философии вообще, «следовательно для истории философии права», он называл и устаревшие сочинения Теннемана и Буле и четыре лекции Гегеля.

Соз.: О символизме вообще и русском в особенности. СПб., 1839; Историческая часть энциклопедии законоведения. СПб., 1845.

Лит.: Григорьев В. В. 111, с. 86, 111, 130, 149—152, 330; 424, т. 8, с. 387.

КАМАРОВСКИЙ ЛЕОНИД АЛЕКСЕЕВИЧ (15.3.1846—8.12.1912). Родился в Казани в аристократической семье; получил домашнее воспитание; в 1864 г. сдал экзамены на аттестат зрелости при 1-й Казанской гимназии и поступил на юридический фак-т Московского ун-та, который окончил в 1868 г.; еще на третьем курсе К. было предложено остаться в ун-те для подготовки к профессорскому званию; в 1874 г. он стал приват-доцентом и магистром, в 1881 г. — защитил докторскую диссертацию и был назначен ординарным профессором Московского ун-та; в 1909 г. избран деканом юридического фак-та, в 1910 г. временно исполнял обязанности ректора; с 1890 по 1903 г. состоял профессором лица цесаревича Николая, преподавал в ун-те Шанявского и на Высших женских юридических курсах; в 1910 г. избран член-корреспондентом АН.

По своему мировоззрению К. был глубоко верующим, поддерживал тесные отношения со многими иерархами церкви; и в общих взглядах на систему международного права, в которой К. специализировался, руководствовался религиозно-философскими принципами, считая, что нравственность покоится на религии и такая нравственность есть последнее основание права. Тем не менее К. старался не смешивать право с моралью. Международное право, по К., базируется не на непосредственной Божьей воле и не на договорном согласии государств, а на «общежительной природе человека»; философское или естественное право, по К., должно помочь науке международного права в отыскании высших и основных ее начал.

Соз.: Макиавелли как политический мыслитель. М., 1879; Основные вопросы науки международного права. М., 1895; Успехи идеи мира. М., 1898; К вопросу о философии войны. М., 1909.

Лит.: Яценко А. С. Граф Л. А. Камаровский. Жизнь и научная работа. СПб., 1913.

КАМБУРОВ ВЯЧЕСЛАВ ГЕОРГИЕВИЧ (25.12.1874—7.1.1906). Родился в Мариуполе в семье купца; окончил юридический фак-т Ун-та св. Владимира в Киеве; в числе его учителей были Е. Н. Трубецкой и Г. И. Челпанов; в 1900 г. сдал магистерский экзамен и после пробной лекции получил звание приват-доцента, разработал спецкурс по философии права; в 1901 г. командирован за границу, где слушал, в частности, лекции неокантианца Паульсена; по возвращении в Россию переехал по рекомендации Е. Н. Трубецкого в Томск, где его в августе 1903 г. избирают исправляющим должность экстраординарного профессора по кафедре энциклопедии права и истории философии права юридическо-

го фак-та Томского ун-та; по инициативе К. на юридическом фак-те был создан философский кружок (1904), в котором изучались проблемы философии и философии права.

Философия, по К., не дает юриспруденции никакого содержания, а занимается только изучением ее формально-логических предположений как науки вообще и юридической науки в частности. Философия исследует условия человеческого познания, ищет пути, которые ведут исследователя к научной истине; философия, устанавливая единство человеческого знания, придает юриспруденции характер достоверной науки. Применительно к юриспруденции философия указывает, где в этой области заканчивается познание рациональное и начинается метафизическое. Философия, а вернее, теория познания дает надлежащую оценку тому или иному методу — индуктивному и дедуктивному, позитивному, историческому методу исторической школы, философскому методу и методу естественно-правовой школы юристов, которая стремится вытеснить исторический метод и изучать право с точки зрения моральной ценности. К. был против огульного отрицания какого-либо из методов.

Соз.: Общий характер философских учений о праве и государстве XVIII века. Киев, 1900; Томас Гоббс и его политическое учение. Принцип разделения властей и его значение в науке. Киев, 1900; Юридический метод в государствоведении // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 7; К вопросу об отношении философии к юриспруденции. Томск, 1904; Идея государства у Гоббса. Киев, 1906; Кант, его жизнь и учение // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 9; К столетию со дня смерти Канта... Томск, 1906.

Лит.: Михайловский И. В. В. Г. Камбуров. (Некролог) // Санкт-Петербургская жизнь. 1906. 14 янв.; 395, с. 105—107.

КАПУСТИН МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ (11.1.1828—11.11.1899). Родился в Екатеринославской губ.; в 1850 г. — профессор международного права Московского ун-та; с 1870 г. — директор Демидовского лицея в Ярославле, с 1883 г. — попечитель Дерптского, с 1891 г. — Петербургского учебных округов.

Теория права, по К., заключает в себе философский элемент, который одни называют философией права, другие — естественным, рациональным, логическим правом. Теория не отвергает рационального права, или «общего разума юридических отношений», но она выводит право не из отвлеченных представлений о человеческих силах, а из жизненного сочетания этих сил; право обусловлено нравственностью:

все, что совершается в жизни силой нравственности, служит основанием для определения права; нравственность и требования жизни, их охранение и примирение составляют сущность права и его идеал; право охраняет нравственность и через нее возвышается до правды.

Соз.: Теория права (Юридическая догматика). Т. 1. М., 1868; История права. Ч. 1. Ярославль, 1872.

Лит.: *Ренненкампф Н. К.* Замечания об обработке у нас общего учения о праве (по поводу юридической догматики проф. Капустина и критич. статей проф. Незабитовского). Статья 1. Киев, 1869; *Кирпизников А., Красносельцев Н. М. Н. Капустин* — некролог // ЖМНП. 1900. № 1. Отд. 4. С. 81—85; **46**, т. 11, с. 368.

КАРЕЕВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (24.11(6.12).1850—18.2.1931). Родился в Москве, учился в 5-й Московской гимназии и на историко-филологическом фак-те Московского ун-та, который окончил в 1873 г.; в 1873—1879 гг. — учитель истории в 3-й Московской гимназии; в 1879 г. защитил магистерскую, в 1884 г. — докторскую диссертации, в 1878—1879 гг. преподавал в Московском, в 1879—1884 гг. в Варшавском ун-тах; в 1885 г. переехал в Петербург, где преподавал сначала в Александровском лицее, затем в ун-те (с перерывом между 1899—1900 гг. в связи с увольнением по подозрению в политической неблагонадежности); с 1910 г. — член-корреспондент АН, с 1929 г. — почетный член АН СССР.

К. — историк по преимуществу, но вместе с тем философ истории и социолог; наиболее общей методологической основой всего его научного творчества является «положительная», «критическая философия». К позитивизму в широком смысле этого слова К. примыкал своим феноменализмом, поскольку полагал, что философия — это наука только о явлениях и управляющих ими законах, а не о сущности этих явлений. Но чистым позитивистом-сциентистом К. не был. Свою философию он считал идейной, пронизанной жизненными мотивами, отвергал философию как простую совокупность отвлеченных логических понятий, простую наукообразную диалектику. Философия, по К., — это мировоззрение с ясными моральными и социальными идеалами, в которой теоретическое согласуется с этическим, объективное с субъективным. К. никогда не называл свой метод субъективным, признавая законным только один объективный метод, но в то же время он защищал «законный субъективизм», субъективизм этический, в отличие от «субъективизма незаконного» (национального, конфессионального, партийного и классового). С одной стороны, он критиковал объекти-

визм органической теории, социал-дарвинизма, спенсеризма, а с другой — субъективный метод П. Л. Лаврова периода его «Исторических писем».

Перу К. принадлежит наиболее теоретически аргументированная в 80–90-х гг. XIX в. философско-историческая концепция; он разграничил философию истории и теорию исторического процесса: последняя занимается тем, что бывает всегда и везде, где только совершается историческая жизнь; она стремится понять, как происходят те или другие явления и не должна сходить с почвы строго научного объективизма; задача философии истории — задача синтетическая: она немыслима без внесения некоторых субъективных элементов оценки истории, с точки зрения идеалов, нравственных и общественных взглядов.

Соз.: Философия истории и теория прогресса // Знание. 1876. № 2; Основные вопросы философии истории. Критика историко-философских идей и опыт научной теории исторического процесса. Т. 1–3. М., 1883–1890; Философия культурной и социальной истории нового времени. СПб., 1893; Историко-философские и социологические этюды. М., 1895; Собр. соч. Т. 1: История с философской точки зрения. СПб., 1912; Т. 2: Философия истории в русской литературе. СПб., 1912; Т. 3: Критика экономического материализма. СПб., 1913.

Лит.: 38, т. 2, с. 296–302; Колубовский Я. 210, с. 561–563; *Ueberweg F.* 639, Bd 5, S. 339; *Зеньковский В. В.* 154, т. 1, с. 379–380; *Арефьева Г.* 530, т. 2, с. 457–458; *Коган Л. А.* 186, т. 3, с. 402–405; *Пустарнаков В. Ф.* 186, т. 4, с. 121–122; *Walicki A.* 641, S. 538; *Лиоренцевиз И. Г.* 462, с. 203–213; *Исаев А.* 414, с. 244; *Алексеев П. В.* 533, с. 247–248; *Сафронов Б. Г.* 415, с. 218–219.

КАРИНСКИЙ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ (1874–?). Окончил Петербургский ун-т; с 1902 г. — приват-доцент, затем профессор этого ун-та; читал курсы по введению в философию, историю новой и новейшей философии, психологию.

В научно-исследовательской работе специализировался на изучении философии Лейбница, был с этой целью за границей, сосредоточился на проблемах учения Лейбница об анализе как методе умозрительного знания, о знании случайном и законе причинности, о соотношении гносеологического учения и метафизики, о соотношении учения об аналитичности всех суждений с учением о суждениях случайных, об учении о врожденности знания.

Соз.: Умозрительное знание в системе Лейбница. СПб., 1912.

КАРЛБЛОМ (KARLBLOM) АВГУСТ (20.1.1799—19.01.1877). Родился в Эстляндии в семье пастора; в 1814—1816 гг. учился в Дерптской гимназии; с 1816 по 1821 г. изучал в Дерпте богословие; преподавал в Дерптской гимназии; в декабре 1835 г. приглашен в Дерптский ун-т, где наряду с лекциями по богословию и этике несколько раз читал лекции о «новейших философских системах со времени Канта в сравнении их с церковным учением и о их влиянии на последнее».

Лит.: *Грасс К. К.* 39, т. 1, с. 71—72.

КАРПОВ ВЛАДИМИР ПОРФИРЬЕВИЧ (28.3(8.4).1870—1943). Родился в Москве. В начале XX в. — приват-доцент Московского ун-та, биолог по профессии, но проявлял интерес к философии; в натурфилософии был приверженцем органической школы.

Анализ философии Аристотеля в контексте современных вопросов естествознания привел К. к «твердому убеждению», что роль великого древнегреческого философа далеко еще не сыграна, что философия Аристотеля и философия Канта не враждебны друг другу, что Кант и Аристотель — граждане великой философской республики, и если уяснить инвариант обеих систем, то можно будет трансформировать одну систему в другую.

Соз.: *Натурфилософия Аристотеля и ее значение в настоящее время // ВФиП. 1911. Кн. 109, 110; Шталь и Лейбниц // Там же. 1912. Кн. 114; Основные черты органического понимания природы. М., 1913; Ламарк. Исторический очерк // Философия зоологии. М., 1911.*

КАРСАВИН ЛЕВ ПЛАТОНОВИЧ (1(13).12.1882—20.7.1952). Родился в Петербурге; в 1906 г. окончил историческое отделение Петербургского ун-та; преподавал историю в ун-те, на Высших женских курсах, в других учебных заведениях; после Октябрьской революции стал профессором Петроградского богословского ин-та; в 1922 г. был выслан из Советской России; жил в Берлине, Париже, с 1927 г. — в Литве, работал в Каунасском ун-те (1927—1946) и в Вильнюсском художественном музее; в 1949 г. был арестован, осужден и умер в лагере.

Первые труды К., появившиеся до Октябрьской революции 1917 г., были посвящены истории западноевропейской религии и культуры; философские взгляды в них только еще обозначились. В центре интересов К. этого времени — проблемы философии истории.

Основой своей концепции философии истории К. считал «метафизику всеединства», в традицию которой он включал Платона и неоплатоников, отцов восточной церкви, Эриугену, Кузанского, Лейбница,

Шеллинга и Гегеля, а также Лосского, Франка и Вышеславцева. По К., философия истории — это не только теория истории, она исследует не только первоначала исторического бытия, которые есть и основные начала исторического знания, истории как науки, но является и собственно философией, которая рассматривает начала истории в единстве бытия и знания, указывает значение и место исторического в целом мира и в отношении к «абсолютному Бытию». Философия истории познает и изображает конкретный исторический процесс в его целом, раскрывает смысл этого процесса и поэтому является метафизикой истории. Наиболее яркой и плодотворной из попыток создать метафизику истории К. считал попытку Гегеля.

Соз.: Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках, преимущественно в Италии. Пг., 1915; Культура средних веков (общий очерк). Пг., 1918; Введение в историю (теория истории). Пг., 1920; Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922; Философия истории. Берлин, 1923 (см. также: СПб., 1993); Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1; Соч. М., 1993.

Лит.: Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 382—391; Поляков А. **530**, т. 2, с. 465; Хоружий С. С. **532**, с. 252; **427**, с. 282—285 и **414**, с. 249—252; Филонова Л. Г. **422**, вып. 1. с. 243—256; Алексеев А. П. **6**, с. 349—350; Кошарный В. П. **415**, с. 221—222; Куратченко В. П. **227**, с. 104—109; Блинников Л. В. **41**, с. 172—176.

КАТКОВ МИХАИЛ НИКИФОРОВИЧ (1(13).2.1818—20.7(1.8).1887). Родился в Москве; рано лишился отца и воспитывался матерью; учился сначала в Преображенском сиротском училище, один год в 1-й Московской гимназии, затем в пансионе М. Г. Павлова; в 1834 г. поступил на словесное (в дальнейшем историко-филологическое) отделение Московского ун-та, который закончил с отличием в 1838 г.; в 1841 г. командирован за границу (Германия, Франция, Бельгия); полтора года слушал лекции в Берлинском ун-те, где в то время читал лекции Шеллинг; возвратившись на родину, К. по совету тогдашнего попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова решил пойти работать в Московский ун-т; в 1845 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Об элементах и формах славяно-русского языка» и был зачислен адъюнктом по кафедре философии, где преподавал до 1850 г., когда кафедры философии были ликвидированы, а преподавание ограничено логикой и психологией и отдано в руки профессоров богословия; К. сохранил звание адъюнкта, и ему было поручено редактировать газету

«Московские ведомости» (1850—1855, 1863—1867), которая издавалась при ун-те; в середине 50-х гг. К. служил чиновником по особым поручениям при министре народного просвещения.

Первоначально К. симпатизировал философии Гегеля и осудил Шеллинга, начавшего в 1841 г. публичную критику гегелевской философии, но очень быстро К. переориентировался, стал отрекаться от Гегеля, признал самой глубокой философией философию Шеллинга, а потом даже утверждал, что был одушевлен «общим воззрением», вынесенным из «положительной философии» Шеллинга. Однако работы К. 40—50-х гг. XIX в. не подтверждают целиком этих утверждений: влияние Гегеля заметно на его тогдашней историко-философской концепции. К. исходил из мысли о том, что в его время история философии стала «решительной потребностью», но ни задачи, ни способы ее не приведены — де в достаточную ясность. Стремясь привести «в ясность» историю философии, К. следовал именно за Гегелем, когда утверждал, что история философии — это «история мыслящего разума», а не просто рассказ о том, что были такие-то философы и они так-то думали. Мышление в своей истории, по К., должно рассматриваться лишь относительно самого себя. Предметом истории философии является то, что с необходимостью вытекало из самой природы человеческого разума вообще, в известных фазисах его развития, в тех или иных системах. К тому же К. сам признавал историю философии Гегеля наиболее обработанной частью его философии.

В 60-е гг. К. — яростный критик материализма и один из столпов идеологии самодержавия. Можно утверждать, что К.-философ стал жертвой погрома университетской философии 1850 г.: если бы не этот погром, возможно, не вырос бы из него глава русской националистической партии 60—80-х гг. XIX в.

Соз.: Берлинские новости // Отечественные записки. 1841. Кн. 16, Смесь; Германская литература // Там же. Кн. 15. Отд. 6; Первая лекция Шеллинга в Берлине 15 ноября 1841 г. // Там же. Кн. 20. Отд. 2; Об элементах и формах славяно-русского языка. Рассуждение, написанное на степень магистра. М., 1845; Очерки древнейшего периода греческой философии. М., 1851; Антикритика. Замечания на рец. «Очерков древнейшего периода греческой философии», помещенную в № 10 «Москвитянина». М., 1854.

Лит.: 36, ч. 1, с. 381—383; *Неведенский С.* Катков и его время. СПб., 1888; *Любимов Н. А.* Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям. СПб., 1889; *Сементковский Р. И.* М. Н. Катков: его жизнь

и лит. деятельность. Биографический очерк. СПб., 1892; *Бобров Е. А.* **43**, вып. 4, с. 169—227, 247—254; **424**, т. 8, с. 548; **530**, т. 2, с. 477; *Рахманкулова Н. Ф., Алексеев П. В.* **6**, с. 352—353; *Приленский В.* **414**, с. 252—253 и **415**, с. 222—223.

КАЧЕНОВСКИЙ МИХАИЛ ТРОФИМОВИЧ (1(12).11.1775—19.4 (1.5).1842). Родился в Харькове в бедной семье грека по фамилии Качони; учился в Харьковском коллегииуме; с 1788 г. — на военной и чиновничьей службе; в 1801 г. ушел в отставку и стал библиотекарем и правителем канцелярии у тогдашнего попечителя Московского ун-та А. К. Разумовского; в 1805 г. получил звание магистра философии, в 1806 г. — степень доктора философии и изящных наук, в 1808 г. стал адъюнктом; в 1810 г. получил звание экстраординарного, а в 1811 г. — ординарного профессора; в 1830 г. стал директором Педагогического ин-та, избирался деканом словесного отделения; в 1838 г. утвержден в звании заслуженного профессора; с 1837 г. до конца жизни был ректором ун-та; с 1819 г. — действительный член Петербургской Академии наук, с 1833 г. — член-корреспондент, с 1841 г. — ординарный академик по отделению русского языка и словесности этой академии; известен К. как издатель (в отдельные периоды совместно с Жуковским) «Вестника Европы».

К. вошел в историю отечественной науки как основатель «скептической школы», выразившейся главным образом в протесте против «баснословия» в русской истории, т. е. националистических возвеличений древнего периода русской истории. Наиболее общую методологическую установку К. сформулировал в духе деизма: первое звено истории мира как цепи великих происшествий находится «в деснице Всемогущего», но все другие — у пределов бытия мира. Каждое происшествие имеет свою причину и свои следствия; каждое находится в связи с предыдущим и последующим. Сочетание опыта и размышления, анализа и синтеза, неприятие теорий, взятых на веру, неприятие натурализма в истории — в числе методологических принципов К. Он акцентировал также идею стихийной, бессознательной стороны исторического процесса и призывал к сопоставлению русского исторического процесса с западным.

Соз.: Два рассуждения о кожанных деньгах и о Русской Правде. М., 1849.

Лит.: *Соловьев С. М.* **36**, ч. I, с. 383—403; *Иконников В. С.* Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871; *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М.,

1941; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1; 533, с. 258—259.

КАЭЛАС АЛЕКСАНДР А. В начале XX в. — участник психологических семинаров Г. И. Челпанова в Ун-те св. Владимира в Киеве; работал в Калуге, в дальнейшем — приват-доцент Московского ун-та.

В сфере философии главным авторитетом считал Вл. Соловьева, в котором, по его мнению, человеческая мысль выступила в полном своем блеске и «божественном величии». Идеям Соловьева принадлежит будущее в России. Влияние Соловьева на К. проявилось прежде всего в мысли о «философии как практической науке». Философия вводит знания в органическую связь между собой, беря из наук только наиболее основные, критически проверенные знания. Конечная цель философии — выработка целого мировоззрения, образ мирового бытия как одного целого; поскольку философия влияет на мировосприятие, формирует идеал жизни для человека, она в конечном счете наука практическая. Логику К. также определял как чисто практическую науку.

Соз.: Записки по логике. Курс логики как учения о познании. Посobie для учащихся. Калуга, 1907; Владимир Соловьев как философ и моралист. Калуга, 1908; К вопросу о генезисе эмоций // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1891—1916. Статьи по философии и психологии. М., 1916.

КВАЧАЛА ИВАН ИВАНОВИЧ (5.2.1862—?). Родился в Петроваце (Южная Венгрия); с 1872 по 1882 г. учился в гимназии в Сарваше, с 1880 по 1883 г. — в богословской и философско-юридической академиях в Прессбурге; имея степень кандидата богословия, отправился в Лейпциг, где учился в ун-те и получил степень доктора философии (1885); преподавал в Прессбурге, Будапеште; в 1893 г. получил в Вене степень доктора богословия и был приглашен в Юрьевский (б. Дерптский) ун-т.

К. — историк философии по преимуществу, анализировавший главным образом философские взгляды Яна Коменского.

Соз.: Über J. A. Comenius Philosophie, insbesondere dessen Physik. Leipzig, 1886; J. A. Comenius. Sein Leben und seine Schriften. Wien; Leipzig; Berlin, 1892; Komensky a Des Cartes, 1893; Comenius und Rousseau, zwei Eiferer in der Geschichte der Erziehung. 1898; Фома Кампанелла // ЖМНП. 1906. № 10; 1907. № 1, 5, 8, 12; Первые философские занятия Яна Гуса и новое издание сочинений Виклифа. Пг., 1915.

Лит.: 39, т. 1, с. 122—123.

КЕРЕСТУРИ ФРАНЦ ФРАНЦЕВИЧ (FERENTZ KERESZTURI) (28.5.1735—16.2.1811). Родился в Венгрии, образование получил в Пештском ун-те; в 1762 г. приехал в Москву, где поступил в военный госпиталь и в медико-хирургическую школу; с 1764 г. К. — на различных медицинских должностях в Московском ун-те, став в 1777 г. экстраординарным профессором анатомии и хирургии; преподавал он до 1805 г.

Будучи врачом-практиком по преимуществу, К. оставил всего лишь три речи, произнесенные на университетских собраниях. Однако один философский мотив, пронизывающий их, является в определенном смысле знаковым для умонастроений части московских университетских профессоров-естествоиспытателей: в духе сенсуализма К. проводил мысль, что не разум, а ощущения являются «главными учителями».

Лит.: Анке Н. Б. 36, ч. 1, с. 404—406.

КЕССЛЕР КАРЛ ФЕДОРОВИЧ (19.11(1.12).1815—3(15).3.1881). Родился в местечке Дамрау в Кенигсбергском округе; в 1822 г. отец К. был назначен главным лесничим в военных поселениях в Новгородской губ.; учился К. с 1828 г. в 3-й Петербургской гимназии, с 1834 по 1838 г. — на втором отделении философского фак-та Петербургского ун-та, где увлекся зоологией, по окончании ун-та К. стал учителем математики и физики в 1-й Петербургской гимназии; но продолжал интересоваться зоологией, защитив по орнитологии магистерскую (1840) и докторскую (1842) диссертации; 1842 г. — адъюнкт Ун-та св. Владимира в Киеве; с 1844 г. — экстраординарный, с 1845 г. — ординарный профессор; был деканом физико-математического фак-та; в 1863 г. переведен в Петербург, где трудился в ученых обществах и в ун-те, был деканом фак-та и дважды ректором.

Немец по происхождению К., женатый на русской, считал себя русским естествоиспытателем. К истории же университетской философии К. имеет прямое отношение важным выступлением: он одним из первых в России в полемике с дарвиновской идеей борьбы за существование стал пропагандировать «закон взаимопомощи», оказавший большое влияние не только на философию естествознания, но и на философию истории в России, в частности на философско-исторические взгляды П. Кропоткина.

Соз.: О законе взаимной помощи // Обзор деятельности С.-Петербургского общества естествоиспытателей в первое десятилетие его существования (1868—1878). Т. II.

Лит.: Богданов М. Н. Карл Федорович Кесслер // Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей. 1882. Т. 12. Вып. 2.

КЕЧЕКЪЯН СТЕПАН ФЕДОРОВИЧ (1890—1967). Родился в Ростове-на-Дону в семье врача; в 1912 г. окончил юридический фак-т Московского ун-та и оставлен в ун-те для подготовки к профессорскому званию; с 1915 г. — приват-доцент Московского ун-та; в 1913—1918 гг. работал также в Московском коммерческом ин-те, на Высших женских курсах; в советское время работал в ун-тах и вузах Саратова, Ростова-на-Дону, Баку. С 1948 г. — в Москве; работал в Юридическом ин-те, ун-те, Ин-те международных отношений (1948—1956), в Академии общественных наук.

Соз.: Этическое миросозерцание Спинозы. М., 1914; О понятии естественного права у Канта и Гегеля // ВФиП. 1915. Кн. 128; К вопросу о методах познания права // Вопросы права. 1916. № 42.

Лит.: Степан Федорович Кечекьян. К 70-летию со дня рождения. М., 1960.

КИЗЕВЕТТЕР АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (10(22).5.1866—9.1.1933). Родился в Петербурге в семье чиновника, предки которого были выходцами из Тюрингии; в 1884 по 1888 г. учился на историко-филологическом фак-те Московского ун-та; с 1897 г. начал читать спецкурсы по истории; в 1898—1909 гг. — приват-доцент; в 1909—1911 гг. — профессор Московского ун-та; преподавал также на Высших женских курсах, в Лазаревском ин-те восточных языков и других учебных заведениях; в 1909 г. защитил магистерскую диссертацию; в 1911 г. покинул ун-т в знак протеста против нарушений университетской автономии; вернулся в ун-т в марте 1917 г.; в 1922 г. выслан из Советской России; жил и работал в Праге (Русский юридический ин-т, Русский народный ун-т, Карлов ун-т).

Не испытывая особого влечения к политической деятельности, К. тем не менее участвовал в ней: стал членом партии кадетов и членом ее ЦК.

По проблемам методологии истории К. писал немного, но свою позицию обозначил достаточно четко еще в доэмигрантский период: «философское направление русской историографии», представленное славянофильской и западнической школами, по его мнению, отцвело и отошло в область истории; оно сменилось научно-реалистическим направлением; восстановление реальной картины исторического развития России, развеивание абстрактных призраков, которыми были наполнены прежние представления, — в этом К. видел естественную задачу,

разрешение которой должно было утвердить науку русской истории на новых основаниях, соответствующих общему прогрессу научной мысли. «Требование исторической правды» для К. было выше «требований эстетической гармонии», которой требовали в исследованиях некоторые другие историки. В целом это была разновидность позитивистской методологии, близкой по духу методологии В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова и других историков-позитивистов и либералов. С этих позиций К. стал после 1917 г. одним из наиболее последовательных критиков евразийства.

Соз.: Ломоносов. М., 1905 (есть изд. 1911 и 1914 гг.); Исторические очерки. М., 1912; Исторические отклики. М., 1915; П. Н. Милюков. М., 1917; Партия народной свободы и ее идеология. М., 1917.

Лит.: Милюков П. Н. Два русских историка (С. Ф. Платонов и А. А. Кизеветтер) // Современные записки. 1933. № 1; Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; Кулакова Т. В. 6, с. 361–362.

КИСТЯКОВСКИЙ БОГДАН (ФЕДОР) АЛЕКСАНДРОВИЧ (4(16).11.1868—16(29).4.1920). Родился в Киеве; учился в Ун-те св. Владимира в Киеве, в Харьковском, Дерптском, Берлинском, Страсбургском ун-тах; в 1898 г. защитил диссертацию; с 1906 г. читал право в Московском коммерческом ин-те, с 1909 г. — на юридическом фак-те Московского ун-та, в 1912—1914 гг. — в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, в 1917 г. стал профессором Киевского ун-та; в 1919 г. избран академиком Украинской АН; примыкал к партии кадетов.

Философские взгляды — разновидность неокантианства в духе Баденской школы. Противостоя «упадническому отношению к научному знанию», в частности прагматизму, а также мистицизму Бердяева, К. вместе с тем пытался соединить научные и вненаучные метафизические методы; выступал за утверждение социальной науки в качестве объективного научного знания посредством сознания их истинной логической и методологической природы. К. выделил три основные проблемы логики и методологии общественных наук: вопрос об образовании социально научных понятий, вопрос о применимости к социальным явлениям причинного объяснения, роль и значение норм в социальной жизни. При этом К. исходил из примата категории должного. В сфере философии права своим «дорогим учителем» (с ним он общался лично) К. называл Георга Еллинека, которого Виндельбанд считал самым выдающимся современным философом права Германии.

- Соз.:* Идея равенства с социологической точки зрения // Мир бо-
жий. 1900. № 4; Категория необходимости и справедливости
при исследовании социальных явлений // Жизнь. 1900. Т. 5—
6; Русская социологическая школа и категория возможности
при решении социально-этических проблем // Проблемы
идеализма. М., 1902; В защиту научно-философского идеа-
лизма // ВФиП. 1907. Кн. 86; В защиту права // Вехи. М.,
1909; Георг Еллинек как мыслитель и человек. М., 1911; Про-
блема и задача социально-научного познания // ВФиП.
1912. Кн. 112; Социальные науки и право. Очерки по методо-
логии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
- Лит.:* *Фатеев А. Н.* Русский методолог права. Харьков. 1917; *Зень-
ковский В. В.* **154**, т. 2, с. 364—365; *Поляков А.* **530**, т. 2,
с. 513—514; *Vucinič A.* **645**, S. 124—152; *Голосенко И. А.* Со-
циология на неокантианской платформе: Б. А. Кистяковский
и В. М. Хвостов // Российская социология. СПб., 1993; *Wali-
cki A.* **640**, S. 356—418; *Сапов В. В.* **415**, с. 226—227 и **414**,
с. 258—260; *Алексеев П. В.* **533**, с. 270—271.

КЛЮЧЕВСКИЙ ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ (16(28).1.1841—12(25).5.1911).
Родился в с. Вознесенское Пензенской губ. в семье священника; учился
в Пензенской духовной семинарии; в 1865 г. окончил историко-фило-
логический фак-т Московского ун-та; преподавал в Московском Алек-
сандровском военном училище (1867—1873), в Московской духовной
академии (1871—1906), Московском ун-те (1871—1906), на Высших
женских курсах В. И. Герье (1872—1888); магистр с 1872 г., доктор рус-
ской истории с 1882, член-корреспондент Академии наук с 1899, орди-
нарный академик с 1900 г.

Полемизируя с метафизическими концепциями истории типа фило-
софии истории Гегеля, К. подчеркивал, что историк не может решать
задачи, не подлежащие его разрешению, не может исследовать ни нача-
ла исторического процесса, ни его конца. Он должен изучать само ис-
торическое движение; философия истории и история — это две различ-
ные сферы ведения, которые никогда не сойдутся: в них господствуют
различные начала и методы. История должна быть сама собой, не пе-
реходя в философию. Целью исторического исследования является по-
знание происхождения, природы и свойств человеческого общежития,
форм этого общежития — естественных союзов (семья, род, союз родов,
племя) и искусственных союзов (государство, церковь). Первичными
историческими силами являются природа (природа страны, физиче-
ская природа человека) и человеческий дух (деятельность личностей и

общества). Свой исторический метод К. считал объективным, опирающимся на наблюдение явлений, их сопоставление и их обобщения. В целом методология К. была разновидностью позитивизма.

Соз.: Лекции по историографии. Методология. Б. м., б. г.; Методология истории: общие основания исторической методологии. Б. м., б. г.; Опыты и исследования. М., 1912; Очерки и речи. М., 1913; Отзывы и ответы. М., 1914.

Лит.: 267, ч. 1, с. 319—322; *Хвостов В. М.* Историческое мировоззрение В. О. Ключевского. М., 1910; *Лаппо-Данилевский А. С.* Исторические взгляды В. О. Ключевского. СПб., 1911; В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912; *Тхоржевский С. И.* В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель // Дела и дни. Кн. 2; *Голубцов С. А.* Теоретические взгляды В. О. Ключевского // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8; *Черепнин Л. В.* 348, т. 2; *Зимин А. А.* Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. // Исторические записки. Т. 69. М., 1961; *Незгина М. В.* В. О. Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974; *Карагодин А. И.* Философия истории В. О. Ключевского. Саратов, 1976; *Борисов В.* 414, с. 261—262; *Моцелков Е. Н.* 415, с. 228—229.

КОВАЛЕВСКИЙ МАКСИМ МАКСИМОВИЧ (27.8(8.9).1851—23.3(5.4).1916). Родился в Харькове; до 14 лет воспитывался дома, затем поступил сразу в 5-й класс 3-й Харьковской гимназии; окончил юридический фак-т Харьковского ун-та; оставленный в ун-те для приготовления к профессорскому званию, выезжал за границу (Берлин, Париж, Лондон, Цюрих); с 1877 г. начал преподавание на юридическом фак-те Московского ун-та; в 1878 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1880 г. — докторскую; в дальнейшем много лет прожил за границей, где читал разные курсы в Стокгольме, Оксфорде, Париже, Брюсселе, Чикаго; в 1899 г. избирается членом-корреспондентом, а в 1914 г. действительным членом Академии наук; он был также членом-корреспондентом Французского ин-та (Академии нравственных и политических наук), других зарубежных научных обществ.

По своим философским взглядам К. — позитивист. Еще в студенческие годы он изучил «Курс положительной философии» О. Конта и сохранял приверженность позитивизму до конца жизни, сделав его своим главным методологическим принципом в работах по истории, социологии и праву. Социология К. — антитеза идеалистическим разновидностям философии истории и всем монистическим социологическим кон-

цепциям. В вопросе о факторах общественных изменений К. противостоял попыткам найти одну первопричину, свести разнообразные факторы эволюции к одному основному (разновидности географической школы, экономический детерминизм и т. д.). К. отвергал также принципы органической и этико-социологической школы, стоял на позициях плюрализма, признавая одновременное и параллельное воздействие и противодействие многих причин. Основной закон социологии, по К., — закон прогресса: всякий процесс развития К. сводил к двум факторам — изобретению и заимствованию. Мировой процесс подражания рассматривал как антитезу попыткам выработать самостоятельные «истинно-русские» порядки. Историко-сравнительный метод является, по К., средством к построению новой науки, «ветви описательной социологии», «истории естественного роста человеческих обществ», или «естественной истории человеческих обществ», и необходимым приемом изучения истории права.

Соз.: О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений. (Вступительная лекция к курсу сравнительной истории права). М., 1878; Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880; Мое научное и литературное скитальчество // Русская мысль. 1895. Кн. 1; Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии // Сборник по общественно-юридическим наукам. СПб., 1899. Вып. 1; Социология и сравнительная история права // Вестник воспитания. 1902. № 2; Теория заимствования Тарда. М., 1903; Современные социологи. СПб., 1905; Социология. Т. I: Социология и конкретные науки об обществе; Т. II: Генетическая социология. СПб., 1910; Прогресс // Вестник Европы. 1912. Кн. 2; Н. К. Михайловский как социолог // Там же. 1913. Кн. 4; Предисловие к кн. Е. В. Де-Роберти «Понятия разума и законы Вселенной». Пг., 1914; Е. В. де Роберти // Вестник Европы. 1915. Кн. 5; Шеллингианство и гегельянство в России // Там же. Кн. 11; Философское понимание судеб русского прошлого мыслителями и писателями 30-х и 40-х годов // Там же. Кн. 12; Ранние ревнители философии Шеллинга в России: Чаадаев и Иван Киреевский // Русская мысль. 1916. Кн. 12.

Лит.: М. М. Ковалевский — ученый, государственный и общественный деятель. Пг., 1915; 267, ч. 2, с. 311—322; 348, т. 1—2; Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960; Карпагов В. 530, т. 2, с. 546—547; Казаков А. П. Теория про-

гресса в русской социологии конца XIX века (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский). Л., 1969; *Vision* А. 645, S. 153—172; *Лиоренцевиг И. Г.* 462, с. 214—226; *Коган Л. А.* 186, т. 3, с. 402—408 и т. 4, с. 122—126; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* 87, с. 694—705; *Хмелевский В. И.* 532, с. 263; *Сафронов Б. Г.* 415, с. 229—230; *Плютто П.* 414, с. 262—263.

КОВАЛЕВСКИЙ (KOWALEWSKI) ОСИП МИХАЙЛОВИЧ (28.12.1800 (9.1.1801)—20.10.1878). Родился в д. Б. Бржестовицы, ныне Волковысский р-н Гродненской обл., в польской семье; до 1817 г. учился в Гродненской гимназии, в 1820 г. окончил Виленский ун-т со степенью кандидата этико-философских наук; затем, пройдя курс учительской семинарии при Виленском ун-те, работал учителем в гимназии; за участие в тайном обществе отдан в 1824 г. под особый надзор и направлен в Казанский ун-т; в дальнейшем изучал монгольский язык и служил в Пекине; в 1833 г. освобожден от надзора и назначен адъюнкт-профессором Казанского ун-та по кафедре монгольского языка; с 1834 г. — экстраординарный профессор, с 1837 г. — член-корреспондент Академии наук и ординарный профессор; несколько раз избирался деканом первого отделения философского фак-та; в 1855—1860 гг. — ректор Казанского ун-та; уволился в 1860 г.; в дальнейшем — профессор всеобщей истории в Варшавской главной школе (с 1869 г. — Варшавский ун-т).

Как востоковед К. относится к числу первых в России исследователей, начавших изучать также философию народов Востока.

Соз.: Буддийская космология // Ученые записки Казанского ун-та. 1835. № 2 и 4; 1837. № 1.

Лит.: 35, ч. 1, с. 232—233; *Kotwicz W. Józef Kowalewski — orientalista (1801—1878).* Wrocław, 1948.

КОВАЛЕВСКИЙ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ (1849—1923). Профессор Харьковского, затем Петербургского ун-тов; по специальности психиатр.

По своему социально-политическому мировоззрению К. — «октябрист», т. е. либеральный консерватор: строй России до царского Манифеста 17 октября 1904 г. он осуждал, но «постоктябрьскую» Россию представлял только в том виде, в каком она должна была стать согласно Манифесту. К. осуждал капитализм и русский пролетариат; проповедовал как «естественный», «народный», так и «державный национализм», в соответствии с которым националист К. объявлял русскую нацию державной и господствующей, но «всякому инородцу» и даже иноверцу, отдающему «всю свою душу» на пользу державной нации, он хотел все-таки предоставить все права русского гражданина.

В сочетании с ценностными установками, обусловленными такой политической позицией К., находятся «философемы» его «историософии».

Происхождение и жизнь «славяно-русской нации» К. объясняет натуралистически, факторами наследственности и среды. В разных средах эти факторы действовали, по мнению К., по-разному. Так, «прилив финской крови» не пошел-де «великороссам» на пользу. К. нарисовал весьма возвышенный психологический портрет русской нации, допуская при этом грубые выпады против других наций («восприятие немца отличается тупостью...» и т. д.), хотя и в отношении русских порой у него есть критические замечания (к отрицательным качествам русских он отнес часто встречающееся всепрощение, излишнюю снисходительность, становящуюся причиной распущенности, беспечности, слабости воли, нерешительности, легкомыслия, отсутствие уважения к собственности и др.).

В небольшой популярной брошюре, выдержавшей 14 изданий, К. сделал выводы антисемитского характера: библейский Иегова и евангельский Бог — это, мол, не один и тот же Бог, а два отличных друг от друга Бога: библейская нравственность — низкая нравственность и не может служить нравственным светочем для христианских детей. Современное христианство выше этой нравственности. В Библии, с точки зрения христианства, нет ничего священного. В итоге следовал антисемитский вывод: «Народ, религия которого освящает и поощряет воровство, мошенничество и шантаж, не имеет права рассчитывать на равное правие с народами, религия коих считает эти деяния преступлением».

Соз.: Основы механизма душевной деятельности. Харьков, 1885; Психология русской наций. Пг., 1915; Библия и нравственность. 14-е изд. Пг., 1916.

КОЗЕЛЬСКИЙ ЯКОВ ПАВЛОВИЧ (ок. 1728—ок. 1794). Родился в м. Келеберди на Украине в семье помещика; учился в Невской духовной семинарии, в гимназии при Петербургской Академии наук, в Академическом ун-те; с 1757 г. — на военной службе; в 1760-х гг. преподавал математику и механику в Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусе, затем служил секретарем департамента Правительствующего Сената; избирался в созданную Екатериной II Комиссию по разработке нового уложения (1767); повторно работал в аналогичной Комиссии в 1788—1793 гг.

Основной труд К. «Философические предложения» (1768) — настолько значительное явление в истории философии в России XVIII в., что уже в конце XIX в. его содержание не без основания было охарак-

теризовано как «первая система философии, вышедшая из-под пера русского автора»; К., подобно Радищеву, — яркий пример русского философа XVIII в., который, не выходя за рамки классической допросветительской философской метафизики, двигался к классически просветительскому типу философствования. В его глазах, философия является уже наукой не только о вещах, но и о делах человеческих. В теоретической философии (логике и метафизике) авторитетами для него выступают немецкие метафизики-вольфианцы Готшед и Баумейстер, а в практической философии (юриспруденция, этика, политика) — французские просветители-антропоцентристы — Руссо, Монтескье, Гельвеций.

Хотя К. не является типичным представителем школьно-университетской философии (он лишь некоторое время был преподавателем, а по большей части работал как «вольный» мыслитель), многими чертами своего философствования он близок к университетскому стилю и может служить примером процессов, протекавших в российской университетской философии второй половины XVIII в.

Соз.: В кн.: Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. Т. 1.

Лит.: 424, т. 9, с. 38; Коган Ю. Я. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. М., 1958; Щипанов И. Я. 186, т. 2, с. 49—54; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. 87, с. 121—132; Замалеев А. Ф. 145, с. 123—125; Ильин В. В. 172, ч. 1, с. 31—34; Ильин В. В., Солнцев Н. В., Чалов Н. М. 173, с. 37—39.

КОЗЛОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (8(20).2.1831—27.2(12.3).1901). Родился в Москве, окончил 1-ю Московскую гимназию, затем Московский ун-т; с 1857 г. по 1861 г. преподавал русскую словесность в школе межевых топографов; в 1876 г. утвержден в звании приват-доцента по кафедре философии в Ун-те св. Владимира в Киеве; с 1880 г. — магистр философии и доцент этого ун-та; в ун-те и на Киевских высших женских курсах К. читал логику и историю философии.

Отвергая философскую метафизику Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шлейермахера, которые-де впадали или в теософию, или в фантастическую мистику, К. стал адептом эклектической системы, в которой просматриваются самые разные влияния: Платона и Лейбница, Шопенгауэра и Гартмана, Лотце и Тейхмюллера. Ратуя за философию, не порывающую с частными науками, К. тем не менее стал адептом метафизической концепции так называемого панпсихизма. Согласно этой концепции, мир состоит из образов, которые строит бессознательная деятельность человеческого мышления; в центре стоит «я» как некая неизменная духовная субстанция, не зависящая от пространства, вре-

мени, причинности и т. д.; Бог является высшим существом, но также принадлежит к числу субстанций, отличающихся от других только степенью.

Соз.: Рец. на кн.: П. Л. Лавров «Исторические письма» // Знание. 1871. № 3; Г. Влад. Соловьев как философ // Там же. 1875. № 1—2; Философские этюды. СПб., 1876. Ч. 1; Два основных положения философии Шопенгауэра // Киевские университетские известия. 1877. № 1; Философия как наука // Там же; Философия действительности. Изложение философской системы Дюринга... Киев, 1878; Философские этюды. Ч. II. Метод и направление философии Платона // Киевские университетские известия. 1879. № 1; Современные направления в философии // Заграничный вестник. 1881. Т. 1. № 10, 11, 12; 1882. № 3 и 6; Генезис теории пространства и времени Канта. Киев, 1884; Позитивизм Конта // ВФиП. 1892. Кн. 15; Французский позитивизм // Там же. 1893. Кн. 19; 1894. Кн. 21, 22; Густав Тейхмюллер // Там же. 1894. Кн. 24, 25; Теория искусства с точки зрения Тейхмюллера // Там же. 1895. Кн. 27.

Лит.: Колубовский Я. **210**, с. 576—577; Бобров Е. **43**, вып. 1, с. 124; вып. 2, с. 88—105; Никольский А. А. А. Козлов и его философские воззрения // Вера и разум. 1901. № 8. Кн. 2; Лосский Н. О. А. А. Козлов и его панпсихизм // ВФиП. 1901. Кн. 58; Аскольдов С. А. А. А. Козлов. М., 1912; Ueberweg F. **639**, Bd 5, S. 341; Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 173—183; Лосский Н. О. **253**, с. 206—208; Суворов Л. **530**, т. 2, с. 551; Walicki A. **641**, S. 572—575; Ермигев А. А. **413**, с. 519—522; Алексеев П. В. **6**, с. 381—382; Лыццов Г. **414**, с. 267—270; Авдеева Л. Р. **415**, с. 232—233.

КОЛУБОВСКИЙ ЯКОВ НИКОЛАЕВИЧ (7.10.1863—?). Родился в г. Глухов Черниговской губ.; учился в Коллегии Павла Калагана в Киеве; окончил Петербургский ун-т; работал в лаборатории Вундта в Германии, затем в редакции журнала «Вопросы философии и психологии» (1890—1891); преподавал историю педагогики и логику на Петербургских педагогических курсах (с 1892); в середине 20-х гг. — профессор Нежинского ин-та народного образования на Украине.

К. — библиограф по преимуществу. Аналитического и оценочного историко-философского материала в его работах немного, но одна тенденция просматривается явно: К. — сторонник классификации русских философов по «приверженности» к тому или иному «классику» западной философии. Так, К. писал о «русском шеллингианстве».

Соз.: Психологическая лаборатория В. Вундта // Русское богатство. 1890. № 2, 3; Философия у русских // Ибервег—Гейнце Ф. История новой философии в сжатом очерке / Пер. с нем. Я. Колубовского. СПб., 1890; Материалы для истории философии в России // ВФиП. 1890—1891. Кн. 4—8; 1898. Кн. 44; Die Philosophie in Russland // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1894. Bd 104. S. 72.

Лит.: 530, т. 2, с. 571; 533, с. 287—288; Половинкин С. 414, с. 270.

КОРИТАРИ ГЕОРГИЙ ГЕОРГИЕВИЧ (ум. 1810). Выходец из Венгрии, еврей по национальности; в Пеште получил степень доктора медицины; с 1806 г. читал лекции в Харьковском ун-те, профессор по кафедрам фармации, веществословия и словесности медицинских наук; в 1807 г. произнес речь на тему «О связи изучения медицины с изучением философии», в которой проводил мысль о недостаточности эмпирического метода в медицине и необходимости философского изучения естественных наук; в речи К. кратко излагались положения популярной также у немецких медиков натурфилософии Шеллинга.

Лит.: 424, т. 9, с. 454.

КОРКУНОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ (14(26).4.1853—27.11(10.12).1904). Родился в Петербурге; окончил юридический фак-т Петербургского ун-та; с 1876 г. преподавал право в Александровском лицее и Петербургском ун-те; с 1893 г. — магистр, с 1894 г. — доктор права; профессор Юрьевского (б. Дерптского) ун-та, затем в 1895—1897 гг. — Петербургского ун-та.

Будучи учеником и преемником либерал-консерватора А. Д. Градовского, К. как правовед идеализировал российскую действительность, неправомерно сближал русское самодержавие с западноевропейским конституционализмом. В сфере философии права он был сторонником реалистического направления, называл свою концепцию «субъективным реализмом». Критикуя априоризм гегелевской философии права, К. тем не менее сам придавал особое значение философским основаниям права. Он исходил из мысли о том, что знакомство с историческим развитием философских учений и историей философских учений о праве имеет для юриста особое значение. В истории философии права отдельные теории получают совсем другое освещение. Разработанное им пособие к лекциям по истории философии права, выдержавшее ряд изданий, является одним из лучших пособий, появившихся на эту тему в России, оно — единственное, где есть специальный раздел о разработке права в России: «Русскому юристу стыдно не знать своих предше-

ственников», — замечал К. Будучи сторонником позитивизма в широком смысле этого слова, К. критиковал юридический позитивизм в том виде, в каком его представляли Мюллер и Пост на Западе, Муромцев в России, считая, что «новаторы-позитивисты» неправомерно порвали полностью с наследием прошлого, тогда как «истинный позитивист» должен ограничиваться только продолжением, но на новый лад. Г. Иеринга К. не считал позитивистом в полном смысле, потому что тот не усвоил-де принципов положительной философии, но лишь строго объективным индуктивным путем пришел к позитивной теории права.

Соз.: Русское государственное право. 8-е изд. СПб., 1913; Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб., 1914; История философии права. 6-е изд. СПб., 1915.

Лит.: Дьяконов. Новая политическая доктрина // ЖМНП. 1894. Сент.; Алексеев. К учению о юридической природе государства и государственной власти // Русская мысль. 1894. № 11; Сергеевич В. Новые учения в области государственного права // Журнал Министерства юстиции. 1894; Лосский Н. О. 253, с. 96; Поляков А. 530, т. 3, с. 65; Лиоренцевич И. Г. 462, с. 210–213; Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978; Пустарнаков В. Ф. 186, т. 4, с. 119; Сингенко Г. Ч. 533, с. 710–711; Жуков В. Н. 415, с. 238–239.

КОРНИЛОВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ (24.2(8.3).1879–10.7.1957). Родился в Тюмени; в 1898–1905 гг. был народным учителем в Сибири; в 1910 г. окончил Московский ун-т; после 1917 г. — один из выдающихся психологов: редактор журнала «Психология», директор Ин-та психологии, действ. член АПН РСФСР.

Начинал К. свою научную деятельность в «семинариях» Г. И. Челпанова, где усвоил неприятие метода чистой интроспекции в психологии, который рассматривал душевную жизнь с макроскопической точки зрения, когда факты душевной жизни пытались выявить путем интуиции, и стал усваивать экспериментальный метод. Считал, что из двух экспериментальных школ — лейпцигской (Вундт и его сотрудники) и вюрцбургской (Кюльпе, Н. Ах, Марбе и др.) — более «крепкую позицию» занимает школа Вундта, в которой, по мнению К., не проводилось различия по существу между психологией и естествознанием, а заключения относительно психических процессов делались на основании физического воздействия на состояние сознания.

Соз.: Конфликт двух экспериментально-психологических школ // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинаров

в Киеве и Москве, 1891—1916. Статьи по философии и психологии. М., 1916.

Лит.: К. Н. Корнилов (некролог) // Вопросы психологии. 1957. № 4; *Теллов Б. М.* Борьба К. Н. Корнилова в 1923—1925 гг. за перестройку психологии на основе марксизма // Вопросы психологии личности. М., 1960; *Петровский А.* **530**, т. 3, с. 66; *Кулакова Т. В.* **533**, с. 296.

КОРСАКОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (22.1(3.2).1854—1(14).5.1900). Родился в Гусь-Хрустальном; окончил в 1875 г. Московский ун-т; с 1892 г. — профессор Московского ун-та; организатор научного Общества невропатологов и психиатров (1891), один из основателей «Журнала невропатологии и психиатрии» (1901).

Психологическая концепция К. эклектична, в ней находят влияние и Вундта, и Джемса, и Ланге, и Рибо. Идеи эмпирического направления он пытался совместить с точкой зрения метафизиков, признавая, например, что некая метафизическая воля, или духовное «я», влияет на строение нервных клеток, но в то же время отрицал необходимость вмешательства метафизики в изучение и объяснение психических явлений, заявляя, что разум человека не есть что-либо метафизическое. Часть психологов-натуралистов считала его эмпириком в психологии и материалистом в философии, а некоторые философы-метафизики и психологи-спиритуалисты не во всех вопросах смотрели на него как на непримиримого противника.

Сог.: К вопросу о свободе воли. М., 1889; К психологии микроцефалов // ВФиП. 1894. Кн. 21 и 22; Курс психиатрии. 3-е изд. Т. 1—2. М., 1913; Избр. произв. М., 1954.

Лит.: *Рот В. К. С. С. Корсаков.* Биографический очерк // Журнал невропатологии и психиатрии. 1901. № 1; *Бернштейн А. Н.* Психологические и философские воззрения С. С. Корсакова. М., 1902; *Банщиков В. М. С. С. Корсаков, 1854—1900 (Жизнь и творчество).* М., 1967; *Роговин М.* **530**, т. 3, с. 66.

КОРФ ИОГАНН АЛЬБРЕХТ (30.11.1697—7.4.1766). Родился в Курляндии; закончил Йенский ун-т; служил сначала камер-юнкером при дворе герцогини курляндской Анны Иоанновны, ставшей затем императрицей; слыл противником введения ограниченной формы правления в России, но вольнодумцем в делах веры. В ноябре 1734 г. К. сменил Г. Кейзерлинга на посту президента с титулом («главного командира») Академии наук; в январе 1735 г. в своем представлении Сенату напомнил, что, по мысли Петра I, Академия наук учреждена не только для

усовершенствования наук, но для распространения просвещения и просил открыть при Академии «семинарию»; предложение о «семинарии» не было принято, но в январе 1736 г. в Академию было прислано из Московской Славяно-греко-латинской школы 12 молодых людей, в том числе М. В. Ломоносов. В апреле 1740 г. К. оставил пост главы Академии и уехал за границу русским посланником в Копенгагене и Стокгольме; скончался в Копенгагене.

Лит.: Пекарский П. 359, т. 1, с. 516—535.

КОСКИНЕН (или ИРЬЕ-КОСКИНЕН ГЕОРГ ЗАХАРИЙ, прежде ФОРС-МАН) (YRIO KOSKINEN) (1830—1903) — финляндский ученый и государственный деятель; окончил Гельсингфорский ун-т; с 1863 г. — профессор всеобщей истории этого ун-та; с 1882 г. — член Сената.

После Снельмана К. считается главным идейным борцом за финскую национальность, виднейшим «финноманом». Перу К. принадлежит философско-исторический труд «Основные идеи в истории человечества» (1879), в котором изложены его теоретические взгляды на природу всемирно-исторического процесса. Согласно К., лишь приобщив национальный опыт к общечеловеческой культуре, нация может занять свое место в истории. В определении философских источников концепции К. нет полного единства: одни считают, что эта концепция опирается на гегелевские философско-исторические идеи, другие связывают ее с влиянием французских историков братьев Амадея и Огюстена Тьерри и немецкого философа Гердера.

Соз.: Сведения о давнопрошедшем финских племен (1862); Руководящие идеи в истории человечества (1879); История финского народа (1869—1873).

Лит.: 573, п/т. 31, с. 373.

КОСТОМАРОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (4(16).5.1817—7(19).4.1885). Родился в слободе Юрасовка Острогожского у. Воронежской губ. в семье русского помещика; мать — крепостная украинская крестьянка; воспитывался сначала в частных пансионах в Москве и Воронеже, в 1831—1833 гг. учился в последних классах четырехклассной Воронежской гимназии, с 1833 по 1836 г. — на словесном фак-те Харьковского ун-та; пробыв всего месяц юнкером в драгунском полку, К. оставил военную службу и стал готовиться к магистерским экзаменам; в 1842 г. он представил к защите диссертацию на тему «О значении унии в Западной России», но в связи с протестом церковного иерарха Иннокентия (Борисова) и вмешательством министра народного просвещения графа Уварова было предписано диссертацию уничтожить и сжечь все

напечатанные экземпляры; К. пришлось защищать в 1844 г. другую диссертацию; поработав немного учителем, К. стал в 1846 г. адъюнкт-профессором Ун-та св. Владимира; будучи одним из организаторов и составителей программы Кирилло-Мефодиевского общества, ставившего целью создание славянской федерации со столицей в Киеве, К. был в 1847 г. арестован (вместе с Т. Г. Шевченко и другими деятелями), год отсидел в Петропавловской крепости, а затем жил в ссылке в Саратове; в 1859—1862 гг. К. — профессор истории Петербургского ун-та, но затем был вынужден уйти из ун-та; в дальнейшем К. получал приглашения работать в Киеве и Харькове, но не принял их.

К. — не просто историк-эмпирик, но историк с достаточно четкими идеологическими и философско-историческими установками. В начале 40-х гг. испытал влияние немецкой философии. В центре философско-исторической концепции К. — теория взаимодействия двух начал в истории восточных славян — «вечевого» и «единодержавного» — и идея самобытного исторического развития Украины в рамках концепции «двух русских народностей» — великорусской и малорусской; по его мнению, южнорусское племя (украинцы) шло к федерации, но не сумело его вполне образовать, а великорусское пришло к единодержавию и крепкому государству. К. считал, что украинцы и русские дополняют друг друга своими особенностями и ратовал за тесное слияние и взаимодействие этих двух главных народностей. Впрочем, К. признавал наличие «федеративных начал», из которых должна сложиться федерация не только у русских и украинцев, но у всех народов. К. — критик славянофилов за «насильственное осветление» ими старины, а также критик «государственной школы».

Соз.: Мысли о федеративном начале Древней Руси // Основа. 1861. № 10; Две русские народности // Там же; Черты народной южнорусской истории // Там же; Публичный диспут 19 марта 1860 г. о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым // Современник. 1866. Т. 130. № 3. Отд. 1; О значении критических трудов К. Аксакова по русской истории // Русское слово. 1861. № 2; Правда полякам о Руси // Основа. 1861. № 10; Правда москвичам о Руси // Там же. 1861. № 10; 1862. № 1; Украинофильство // Русская старина. 1881. Т. 30; По поводу статьи де Пуле в «Русском вестнике» об украинофильстве // Вестник Европы. 1882. Т. III.

Лит.: 37, с. 283—297; 424, т. 9, с. 305; Пинзук Ю. Исторические взгляды Н. И. Костомарова (Критический очерк). Киев, 1984.

КОСТЫРЬ НИКОЛАЙ ТРОФИМОВИЧ (1818–14.8.1853). Родился в с. Чернятино Мохновского у. Киевской губ. в зажиточной дворянской семье; учился в Харьковской губернской, затем в 1-й Киевской гимназии; с 1835 по 1839 г. — на историко-филологическом фак-те Ун-та св. Владимира в Киеве; в 1845 г. защитил магистерскую диссертацию «О значении Жуковского и Батюшкова в русской литературе», а в 1850 г. — докторскую диссертацию на тему «Предмет, метод и цель филологического изучения русского языка». Столкновения К. по разным поводам в Ун-те св. Владимира привели к тому, что К. перешел в 1850 г. в Харьковский ун-т; в 1852 г. он был утвержден ординарным профессором.

Особенностью курсов эстетики и истории русской литературы К. была их связь с философией. За «неудачное приложение гегелевских идей к русской словесности» его критиковал ректор Ун-та св. Владимира М. А. Максимович.

Соз.: Предмет, метод и цель филологического изучения русского языка. Т. 1–2, Киев, 1850.

Лит.: Сумцов Н. Ф. 181, с. 76–82.

КОСТЫЧЕВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ (26.4(8.5).1877–21.8.1931). Родился в Петербурге; в 1900 г. окончил Петербургский ун-т; с 1907 г. — приват-доцент; с 1914 г. — профессор Петербургского ун-та; с 1922 г. — член-корреспондент, с 1923 г. — действительный член АН СССР; в 1923–1930 гг. — организатор и директор Ин-та сельскохозяйственной микробиологии; по специальности биохимик и ботаник-физиолог.

О философско-методологических взглядах К. дает хорошее представление его работа «Натурфилософия и точные науки», опубликованная в 1922 г. Это — одна из попыток согласовать метафизику, олицетворяющую-де проблематичность знания, с науками, дающими точное, но неполное знание. Тем не менее К. стремился провести между метафизикой и наукой грань и противопоставить абстрактным метафизическим построениям «научную натурфилософию», подчиненную науке, «не насилующую науку», приписывая ей то или иное направление. Такой «научной натурфилософии» К. предлагал присвоить специальное название «теоретической науки».

Соз.: О появлении жизни на Земле. СПб., М., 1913; Натурфилософия и точные науки. Пг., 1922.

Лит.: Надсон Г. А., Иванов Н. Н., Корсакова М. П., Львов С. Д. Сергей Павлович Костычев (1877–1931). Некролог // Известия Академии наук СССР. 1932. № 3. С. 287–312.

КОТЕЛЬНИКОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ (1809–28.5.1879). Родился в г. Суджа Курской губ. в дворянской семье; учился в уездном училище, в Курской гимназии, в Харьковском ун-те, по окончании которого принят в 1828 г. в Дерптский Профессорский ин-т; в 1833 г. здесь удостоен степени доктора философии и магистра свободных наук; два года совершенствовал математические знания в Берлине; в 1835 г. причислен к Казанскому ун-ту, где стал экстраординарным, затем ординарным профессором и помощником Н. И. Лобачевского; с 1839 по 1862 г. был деканом физико-математического фак-та.

Пребывание сначала в Дерпте, затем в Берлине убедило К. в необходимости философского подхода к любой специальности. Один из его учеников, проф. Ф. М. Суворов, писал, что К. был воспитан на Канте и Гегеле. Есть данные о том, что в 40-х гг. в Казани вокруг К. и проф. И. Г. Линдгрена группировался кружок «гегельянцев».

Задача «здравой естественной философии», по К., состоит в том, чтобы «провести разумную нить в лабиринте вечно деятельных сил физического мира». Вместе с тем в его мировоззрении есть следы влияния Гегеля. К. доказывал, что наука создается мышлением, ее отличительной чертой является системность и что основа математики в ее логической последовательности.

Соз.: О предубеждении против математики. Казань, 1842.

Лит.: 35, ч. 1, с. 375–378.

КОТЛЯРЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1837–29.9.1881). Родился в пос. Крюково (предместье г. Кременчуг); образование получил в Полтавской гимназии и Московском ун-те; с 1867 по 1873 г. — профессор русского языка и славянского языкознания Дерптского ун-та; с 1874 г. — профессор Ун-та св. Владимира в Киеве.

Ценностные ориентации К. в науке предопределялись его стремлением подняться и над славянофильством и над западничеством, над «крестоносцами Востока» и «рыцарями Запада». Но при этом К. оказался как бы посередине между ними: со славянофилами его связывало убеждение в том, что народный язык и народная поэзия — это «два хранителя народной жизни», они являются нравственными воспитателями и составляют основу развития цивилизации, литературы и искусства. Вместе с тем К. подчеркивал, что с европейской мыслью Россию сближает глубокая внутренняя связь и преемственность, что она — прямой наследник «нравственного европейского капитала». Таким ценностным установкам соответствовали методологические принципы К.: он был убежден, что отвлеченные понятия немецкой эстетики и философии Гегеля отжили свой век и ратовал за строгое изучение фактов

под влиянием нового метода, которым давно пользуется естествознание. Картина народной жизни, по К., не подходит под заранее придуманные логические формы. Неправоммерно также идеализировать эту жизнь, отыскивать в исторических событиях и фактах то, чего в них нет и не могло быть. Необходимо спокойное, художественное историческое созерцание.

Соз.: Критические статьи и очерки // Соч. СПб., 1889. Т. 1.

Лит.: *Пытин А. Н.* [Биографический очерк] // Котляревский А. А. Соч. СПб., 1889. Т. 4. Приложение; **424**, т. 9, с. 327; *Петухов Е. В.* **39**, т. 2, с. 357–358.

КОТЛЯРЕВСКИЙ НЕСТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ (21.1(2.2).1863–12.5.1925). Родился в Москве; сын слависта, профессора Ун-та св. Владимира в Киеве А. А. Котляревского; учился в Коллегии Павла Галагана в Киеве, затем на историко-филологическом фак-те Московского ун-та, который окончил в 1885 г., и был командирован за границу для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории иностранной словесности; в 1892 г. начал читать лекции на Высших женских курсах в Петербурге, затем в Александровском лицее; в 1899 г. защитил магистерскую диссертацию; в 1906 г. избран почетным, а в 1909 г. — ординарным академиком.

В своей методологии К. сочетал культурно-исторический и ценностный методы. Этический подход особенно проявился в самой большой его работе — магистерской диссертации «Мировая скорбь в конце прошлого и в начале нашего века» (1898). Ее нравственный и философско-исторический смысл заключается в том, что история человеческой жизни есть в сущности история человеческой печали; скорбь о мире прошла несколько стадий, восходя от «нежной грусти и сожаления» к «чувству индифферентизма к жизни и к чувству жестокой вражды и ненависти к людям»; типичным выразителем печали и скорби без отчаяния и ненависти к людям был Руссо; мировую скорбь в антисоциальной форме, в форме утраты веры в людей, любви и сострадания к ним выразил Байрон; но это была кратковременная болезнь века; в XIX в. шел процесс возрождения гуманного, религиозного, философского и эстетического миросозерцания, оптимистического в конечном счете; миросозерцание в конце XIX в. не перестает быть печальным; социальная неурядица оправдывает скорбный взгляд на действительность, но этот взгляд гуманен, в нем нет антисоциальных чувств, которые были в мировой скорби начала века; эти чувства исчезли с понижением индивидуализма и ростом демократизации общества, которая есть также аристократизация массы.

Соз.: Очерки новейшей русской литературы. 1: Поэзия гнева и скорби. М., 1890; *Мировая скорбь в конце прошлого и в начале нашего века. Ее основные этические и социальные мотивы и их отражение в художественном творчестве.* СПб., 1898 (2-е изд. СПб., 1910; 3-е изд. СПб., 1914); Н. Г. Чернышевский и новая вера в философском одеянии // *Вестник Европы.* 1912. Кн. 12.

Лит.: 267, ч. 1, с. 361—364; *Веселовский А. Н.* Н. Котляревский. *Мировая скорбь в конце прошлого и начале нашего века.* СПб., 1899; *Владиславлев И. В.* Русские писатели. М.; Л., 1924; *Памяти Н. А. Котляревского.* Сборник. Л., 1926.

КОТЛЯРЕВСКИЙ СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ (1873—1939). Окончил историко-филологический факультет Московского университета, стал его приват-доцентом по кафедре всеобщей истории; защитил магистерскую (1901) и докторскую (1904) диссертации; перейдя на юридический факультет, написал две новые диссертации по правовым вопросам; получил звание профессора; читал лекции в университете и на Высших женских курсах (1908—1917); по политическим взглядам — кадет, член ЦК, примыкал к ее правому крылу; после Октябрьской революции 1917 г. сначала занимал антисоветскую позицию, но затем заявил о положительном отношении к власти; служил юрист-консультантом комиссариата юстиции, в дальнейшем работал в Институте советского права, в журнале «Советское право».

Как и у многих русских деятелей, философские взгляды К. прошли сложную эволюцию. В его ранних работах отчетливо просматривается влияние позитивизма: найдя у мыслителей далекого и недавнего прошлого (Бэкон, Локк, Монтескье, Гердер, Риттер, Пешель и др.) идеи, касающиеся роли географического фактора в истории, и подчеркнув особое значение новой науки антропогеографии (Ратцель, Мечников), К. посчитал труд Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» одной из самых блестящих попыток применения антропогеографических принципов к истории, однако сделал оговорки к отдельным сторонам «формулы историко-географического развития» Мечникова. Антропогеография, по К., примиряет односторонности этнологической и физико-географической точек зрения и может отвечать на реальные потребности исторической науки. В дальнейшем К. эволюционировал в направлении идеализма, что особенно проявилось в его статье «Оздоровление», написанной для сборника «Из глубины», где К. выступил в защиту философской метафизики, утверждал, что новейшее философское творчество в России явственно тяготеет к онтологии, ратовал за русскую национальную философию, духовная атмосфера которой как

бы насыщена бытием, идеалом выставлял философию всеединства и осуждал растворение философии в теории познания.

В сфере государства и права К. критиковал «вульгарный рационализм» и считал недостаточным также «рационализм более высокого философского типа», стремившийся понять развитие идей диалектически, как понимал его Гегель.

Соз.: Что может дать антропогеография для истории? М., 1900; Ламенне и новейший католицизм (дис.). М., 1904; Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915; Мирозерцание князя С. Н. Трубецкого // ВФиП, 1916, кн. 131; Оздоровление (1918) // Вехи. Из глубины. М., 1991.

Лит.: Колеров М. А., Плотников Н. С., Келли А. С. А. Котляревский. Оздоровление // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 570–573.

КРАФТ ГЕОРГ (ИОГАНН) ВОЛЬФГАНГ (15.6.1701–1754). Родился в Дюттлингене (Вюртембергское герцогство) в семье пастора; в Тюбингенском ун-те получил степень магистра; по предложению Бильфингера, у которого он учился, приехал в Петербург; первоначально преподавал в Академической гимназии, а с 1727 г. стал помощником астронома Делиля; в 1731 г. назначен академиком по кафедре «генеральной математики», а в 1733 г. занял кафедру теоретической и опытной физики, оставленной уехавшим на родину Эйлером; в 1738 г. стал инспектором Академической гимназии.

В отличие от большинства профессоров-академиков К. поддерживал нелюбимого в академии Шумахера, в то же время испытывал неприязнь к академическим деятелям из русских, особенно к Третьяковскому и Теплому, считая их недостойными Академии; в 1744 г. К. уволился из Академии, возвратился в Тюбинген, где стал профессором математики в ун-те.

Кроме занятий математикой, физикой и астрономией в Академии К. приходилось потакать астрологическим увлечениям императрицы Анны. Занимался академик и проблемами философии, понимая и толкуя ее предельно расширительно как некую совокупность знания и мудрости. По академическим отчетам, К. принадлежат якобы шесть статей о «философии», опубликованных в «Примечаниях к “С.-Петербургским ведомостям”»; на самом деле — это популярные статьи по проблемам физики, геометрии, математики и т. д. Физику К. считал «просветительнейшей наукой». В статьях К. есть ссылки на «древних и новых философов», апелляции к «истинной философии». Достаточно явно просматривается собственная гносеологическая позиция К.: средства познания — это наблюдение посредством чувств, опыты, рассуждения

по правилам логики, чтобы открывать законы естества; ум имеет пределы, он не может проникнуть во всю связь творений бесконечного существа. Познание естества приносит жизненную пользу, а также пользу нравственную, предоставляя доказательства бесконечной премудрости, всемогущества и благодати «Творца всея природы».

Лит.: Пекарский П. 359, т. 1, с. 457–468; 424, т. 9, с. 418.

КРАШЕНИННИКОВ СТЕПАН ПЕТРОВИЧ (31.10(11.11).1711–25.2(8.3).1755). Родился в Москве; в 1724–1732 гг. учился в Славяно-греко-латинской академии, в 1732–1733 гг. — в Академическом ун-те; стал профессором ботаники и натуральной истории; академик Петербургской АН (1750).

Ученый-ботаник по профессии, К. был вместе с тем горячим поклонником философии: в 1750 г. произнес речь, которую почти целиком посвятил доказательствам ее теоретической важности и пользы государству. Не упоминая Вольфа, К. определил философию как познание всего возможного и разделил на две главные части — теоретическую и практическую: к первой отнес физику, основывающуюся на математике; вторая — нравоучительная философия, преддверием к которой, как и ко всему, является логика. Другие науки — это части одной философии, которые «подобно членам человеческого тела союз имеют». Философия, по К., «во всем к благосостоянию государств и к блаженству в жизни главное участие имеет. Философия — это предводитель как ко всякому искусству, так и к просвещению разума средство благополучного человеческого состояния».

Сог.: Речь о пользе наук и художеств // Торжество Академии наук на день тезоименитства... Елизаветы Петровны. СПб., 1750.

Лит.: 46, т. 13, с. 358.

КРОНЕБЕРГ ИОГАНН ХРИСТИАН (ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ) (19.2.1788–19.10. 1838). Родился в Москве; с 1800 по 1805 г. учился в педагогическом заведении в Галле, затем до 1807 г. в Йенском ун-те, где получил степень доктора; по возвращении в Россию в 1814 г. начал было работать чиновником, но вскоре был назначен директором Московского коммерческого училища; с 1819 г. — адъюнкт по кафедре латинской словесности и древностей Харьковского ун-та, с июня 1820 г. — экстраординарный, с июня 1821 г. — ординарный профессор; ряд лет был деканом словесного фак-та; избирался также ректором ун-та.

Будучи по преимуществу филологом, но философски образованным, К. специально интересовался проблемами эстетики и, наряду с А. И. Галlichem, был видным теоретиком искусства своего времени. По этой те-

матике написал две специальные статьи: «Исторический взгляд на эстетику» и «Материалы для истории эстетики», в которых рассматривал эстетические концепции Баумгартена, Баттё, Винкельмана, Мендельсона, Зульцера, Канта, Шиллера, Шеллинга. Но ни одну из концепций этих мыслителей К. не принимал; из русских работ по эстетике заслуживающим уважения посчитал только труд Галича «Опыт науки изящного». Свои работы К. сознательно называл не историей эстетики, а материалами для истории эстетики и при этом хотел подражать в первую очередь Лессингу, следовать критическому духу его сочинений. Настоящая эстетика в России, по К., — дело будущего. Собственная эстетическая позиция К. выражена в немногих высказываниях в духе, близком к шеллингианству: «Поэзия есть живая сила, созерцающая высший мир», «прорицающая материей духом и облекающая дух в материю» и т. д.

Соз.: Амалтея, или Собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической словесности... Ч. 1–2. Харьков, 1825–1826; Минерва. Ч. 1–4. Харьков, 1835.

Лит.: Маслов М. А. **181**, с. 166–171; **424**, т. 9, с. 447; Шнет Г. Г. **310**, с. 324–332; Каменский З. А. **530**, т. 3, с. 98.

КРЮКОВ ДМИТРИЙ ЛЬВОВИЧ (8.4.1809–5.3.1845). По окончании Казанского ун-та поступил в 1829 г. в Профессорский ин-т в Дерпте, где в 1832 г. получил степень доктора философии за диссертацию о Таците; был в научной командировке в Германии; по возвращении на родину начал читать лекции в Московском ун-те.

Печатные труды К. немногочисленны, но свою философско-методологическую установку К. обозначил достаточно четко. С. М. Соловьев был очень неточен, когда утверждал, что К. находился преимущественно под влиянием Гегеля. Испытав влияние Гегеля, К. не стал целиком сторонником спекулятивно-идеалистической методологии. Он критиковал Фихте и Шеллинга за то, что они пренебрегали историческими фактами и строили одну «философическую историю». К. доказывал, что истинный метод — это метод «историко-философский», соединяющий достоинства исторического и философского методов. Вместе с тем К. критиковал Грановского за сближение методов исторической науки с методами естествознания, за преувеличение роли географического фактора в истории.

Соз.: De Quinti Curtii Rufi aetate // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского ун-та. М., 1836.

Лит.: 424, т. 9, с. 507; Бузескул В. 51, с. 64—65; Бороздин И. Н. 348, т. 1, с. 417—420; Коган Л. А. 186, т. 2, с. 252—256.

КУБИЦКИЙ АЛЕКСАНДР ВЛАДИСЛАВОВИЧ (1880—?). В 10-х гг. XX в. — приват-доцент Московского ун-та; преподавал также на Высших женских курсах и в Городском народном ун-те им. А. Л. Шанявского; читал курсы истории древней и новой философии и вел семинары «Теоретическая философия Канта», «Европейский рационализм (Декарт, Мальбранш, Спиноза)», «Философия Канта и Фихте», «Немецкий идеализм начала 19 в. (Шеллинг и Гегель)». В советское время — переводчик, истолкователь и комментатор «Метафизики» Аристотеля (1934), переводчик других сочинений.

О философской позиции К. до 1917 г. можно судить по его пробной лекции, прочитанной в Московском ун-те, в которой он заявил о себе как о философе-идеалисте, стремящемся решать современные проблемы философии, опираясь на античное наследие. Основным вопросом для философской мысли К. считал вопрос о реальном существовании. Исходя из мысли о несоответствии между чувственным миром и требованиями, предъявляемыми мыслью к миру, реально существующему, К. внес в понятие «реального существования» дополнение: реальное существование сохраняет основной характер данности, но в то же время определяется как «истинное существование» в отличие от «существования ложного», лишь чувственно, субъективно кажущегося, и это настоящее бытие оказывается единственным объектом разумной мысли. Фактически К. соглашается с тезисом Парменида, что мысль и бытие одно и то же. «Истинное бытие» ставится тем самым в зависимость от разумного познания.

Сог.: Учение Плотина о мысли и бытии // ВФиП. 1909. Кн. 98.

Лит.: Алексеев П. В. 6, с. 420.

КУДРЯВЦЕВ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ (4(16).8.1816—18(30).1.1858). Родился в Москве в семье священника, закончил Московский ун-т; в 1845—1847 гг. слушал лекции за границей, в частности, Шеллинга; с 1847 г. — профессор Московского ун-та.

В отличие от своего учителя Грановского К. не ограничивался поиском естественно-географических факторов исторического развития, но стремился выявить собственно исторические факторы. Целью историка, по К., является не только историческая истина, но и художественное отображение истории. В истории имеет силу нравственное влияние. Человек не только подчиняется природе, но и сам воздействует на нее и налагает на нее свои законы.

Соз.: Соч. Т. 1–3. М., 1887–1889.

Лит.: Тур Е. Профессор П. Н. Кудрявцев. М., 1891; **424**, т. 9, с. 520; Бузескул В. **51**, с. 65–77; Алпатов М. А. **348**, т. 1. с. 450–460; Романова И. И. Исторические взгляды П. Н. Кудрявцева // Труды Воронежского государственного ун-та. 1960. Т. 53. Вып. 2; Каменский З. А. **186**, т. 2, с. 256–258.

КУНИЦЫН АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ (1783–1(13).7.1840). Родился в с. Кой Кашинского у. Тверского наместничества в семье священнослужителя; окончил Петербургский педагогический ин-т; в 1808–1811 гг. готовился к профессуре по политическим наукам в Геттингене и Гейдельберге; по возвращении в Россию назначен преподавателем нравственных и политических наук Царскосельского лицея, а с 1817 г. стал ординарным профессором по кафедре общих прав Главного педагогического ин-та, преобразованного в 1819 г. в ун-т; в 1821 г. «удален от службы по Министерству народного просвещения» по представлению попечителя Петербургского учебного округа Рунича; с 1840 г. — директор Департамента иностранных вероисповеданий.

«Казус К.» — изъятие из системы образования его труда «Право естественное» — поворотный пункт в истории преподавания и изучения в России естественного права, выступавшего в том или ином объеме основой для других правовых наук, базисом «философии права», «метафизикой права», как выразился один из главных гонителей естественного права М. Л. Магницкий. Первоначально предназначенная «к поднесению» царю работа была осуждена «по принятым в ней за основание ложным началам и выводимому из них весьма вредному учению, противоречащему истинам христианства и клонящимся к ниспровержению всех связей семейственных и гражданственных»; как «вредная» книга запрещена «повсюду к преподаванию по ней», приняты меры «к прекращению во всех учебных заведениях преподавания естественного права по началам столь разрушительным, каковы оказались в книге К.».

Соз.: О вкусе // Сочинения студентов Санкт-Петербургского педагогического ин-та по части эстетики. СПб., 1806; Право естественное. Ч. 1–2. СПб., 1818–1820.

Лит.: Кобеко Д. **206**, с. 24; Зайцев А. Ф. Мировоззрение А. П. Куницына (1783–1840). М., 1951; **424**, т. 9. с. 603; Смирнов Ф. Н. Мировоззрение А. П. Куницына // Вестник МГУ. Серия 8, экономика, философия. 1963. № 5. С. 74–85; Каменский З. А. **530**, т. 3, с. 124; Коваленко В. И. **415**, с. 250–251.

КУРГАНОВ НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ (1725 или 1726—13.01.1796). Родился в Москве, в семье унтер-офицера; воспитывался в Московском училище математических и навигационных наук; в 1741 г. переведен в Петербургскую морскую академию; в 1743 г. начал преподавательскую работу в Морском кадетском корпусе; в 1746 г. получил звание «ученого подмастерья математических и навигационных наук»; в 1756 г. получил первый чин подпоручика и затем дослужился до чина подполковника; был инспектором Морского корпуса; в 1760—1762 гг. К. сотрудничал с Академией наук; в 1774 г. он сдал в Академии экзамены и получил патент на звание профессора высшей математики и навигации.

Главные работы К. — это учебники по арифметике, геометрии, тригонометрии и геодезии, а также книги о мореплавании и фортификации. Но одно из сочинений К., пользовавшееся особым успехом (его переиздавали 11 раз с 1769 по 1837 г.), имеет прямое отношение к истории философии в России — это работа под названием «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вещей» (в дальнейшем называлась «Письмовник»), в которой в числе прочего есть раздел, посвященный философии, изложенный в основном в духе Вольфа. Учение о «союзе души с телом» изложено также со ссылками на Ньютона, Локка, Вольтера.

Соз.: Письмовник. 11-е изд. Ч. 1—2. М., 1837.

Лит.: Берх В. Н. Жизнеописание Николая Гавриловича Курганова, подполковника и инспектора Морского шляхетского кадетского корпуса. СПб., 1829; Колбасин Н. Я. Курганов и его «Письмовник» // Колбасин Н. Я. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859. С. 171—239; 424, т. 9, с. 603; Денисов А. П. Н. Г. Курганов — выдающийся русский ученый и просветитель XVIII века. Л., 1961; Голодко А. 530, т. 3, с. 125—126.

КУРИЛОВ ВЕНЕДИКТ ВИКТОРОВИЧ (1867—1921). Учился в Казанском ун-те; профессор Екатеринбургского высшего горного училища; затем Варшавского ун-та.

К. считал химию необходимейшей базой естественных наук, базой натурфилософии; от «великого французского химика» Лавуазье вел основные пути развития химии. «Главнейшие моменты мировой химической мысли» связывал с атомистической теорией, периодической системой Д. И. Менделеева, теорией развития, а также учением о «химической силе». Химическая мысль, по К., достигла стадии таких широ-

ких обобщений, что можно-де согласиться с голландским химиком Б. Розебомом, согласно которому человек находится на пути, приоткрывающем тайны божественного творения. К. уделял много внимания популяризации достижений русской химической науки, сопоставляя ее с «несколько туманной и отвлеченной философией немца» и «практической живостью француза».

Любопытно высказался К. о русской нации и судьбе империи. Характерными чертами русских он считал «свободный дух», презрение к шаблонам, «способность мыслить скачками» у русских гениев. Призывая к уничтожению национальной розни, К. доказывал, что русские уже стоят на почве чисто альтруистических чувств, что если погибнет Россия в борьбе за высшие человеческие идеалы, то это не будет смерть Римской империи, империи завоевательницы, а смерть Спасителя, распятого за идеалы добра, красоты и правды.

Соз.: Три корифея русской химии (Ф. Ф. Бейльштейн, Д. И. Менделеев и Н. А. Меншуткин). Б. м., 1907; Эволюционный принцип в химии // Журнал Русского химического общества. 1908. Т. 40; Задачи современной химии. Екатеринбург, 1909; Два направления физической химии. Варшава, 1910; Ломоносов как физико-химик и национальный гений. Варшава, 1912; Исторические моменты эволюции химической мысли. Варшава, 1914.

Лит.: Гаркавенко Р. В. **186**, т. 4, с. 155, 158–159.

КУРЛЯНДЦЕВ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ (1802–3.10.1835). Родился в Москве, учился в Московской губернской гимназии, на физико-математическом отделении Московского ун-та; преподавал в Императорском Воспитательном доме; с 1826 по 1835 г. служил в Ришельевском лицее (Одесса) сначала профессором военных, затем физико-математических наук.

В историю университетской философии К. вошел прежде всего как переводчик трудов: Шуберт «Главные черты Космологии» (Одесса, 1834); Шеллинг. «Введение в умозрительную физику» (Одесса, 1834); Стеффенс «О постепенном развитии природы» (Одесса, 1835). В этом проявился его интерес к натурфилософии шеллингианского типа. К сочинениям теоретического характера относится речь К. «О начале, постепенном развитии и настоящем состоянии опытной физики» (Одесса, 1832).

Лит.: Снегирев. Смесь: Некрология // Ученые записки имп. Московского ун-та. 1835. Ч. 10. Ноябрь. № 5. С. 350–359; Михновиг И. Г. **283**, с. 76–77; Бобров Е. А. **43**, вып. 4, с. 93–98.

ЛАЗУРСКИЙ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ (31.3(12.4).1874—27.2(12.3).1917). Родился в Переяславле на Украине; приват-доцент, затем — профессор Психоневрологического ин-та в Петербурге; соратник В. М. Бехтерева.

Л. исходил из мысли о том, что современная психология стремится сделаться самостоятельной, точной, естественной наукой, отделиться от философии. Основным методом считал индуктивный путь непосредственного изучения фактов действительности, перехода от фактов к их объяснению и восхождения затем к построению гипотез. Но это не значит, что психология не хочет иметь с философией ничего общего; психология как наука о душевных явлениях должна быть особенно тесно связанной с философией. Если раньше психология была служанкой философии, то теперь она, изучая явления душевной жизни, сопоставляя законы психической жизни с законами других наук, выводит общие положения, делает заключения, приобретающие уже философский характер.

Соз.: Современное состояние индивидуальной психологии. СПб., 1897; Общая и экспериментальная психология. СПб., 1912; (2-е изд., 1915).

Лит.: Бехтерев В. М. А. Ф. Лазурский // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1919. № 1; Крогус А. А. Ступени познания, проложенные в характерологии А. Ф. Лазурским // Там же; Лазурский В. Ф. Профессор А. Ф. Лазурский. Одесса, б. г.; Петровский А. 530, т. 3, с. 138.

ЛАМАНСКИЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ (26.6(8.7).1833—19.11(2.12).1914). Родился в Петербурге в семье крупного чиновника, впоследствии сенатора; образование получил в пансионе сестер Шлейснер, в 1-й Петербургской гимназии, на историко-филологическом фак-те Петербургского ун-та, который закончил в 1854 г.; по окончании ун-та работал в Петербургском губернском правлении, Публичной библиотеке, Архиве Министерства иностранных дел; архивные изыскания позволили Л. подготовить труд «О славянах в Малой Азии, Африке и Испа-

нии», который обратил на себя внимание: автор был удостоен Демидовской премии Академии наук, а труд принят как магистерская диссертация, которую Л. успешно защитил (1860); за последовавшей затем заграничной командировкой Л. был принят в 1865 г. в число штатных доцентов Петербургского ун-та; в 1871 г. защитил докторскую диссертацию и избран экстраординарным, а в 1873 г. — ординарным профессором; преподавал Л. также в Петербургской духовной академии и в Академии Генерального Штаба; в 1880 г. он был избран председателем Историко-филологического общества при Петербургском ун-те; в 1900 г. стал ординарным академиком.

В огромном литературном наследии Л. как выдающегося слависта особое место занимают его работы на философско-исторические темы. Считая Европу полуостровом Азии, а последнюю с Европой одним целым, одной частью света, Азийско-Европейским материком, где создано все наиболее замечательное и великое в религии и философии, в искусствах, науках, промышленности, в общежитии и т. д., Л. делил этот материк по географическим, этнологическим и историко-культурным особенностям на три мира: 1) западную, романо-германскую, или католическо-протестантскую Европу; 2) собственно Азию и 3) Средний мир, который является не настоящей Европой и не настоящей Азией. Л. не отождествлял и не сливал с Россией прилежащие к ней славянские и «праславянские» земли, тем не менее в духе панславизма причислял их к одному с ней миру, отделял его от собственно азиатского и от собственно европейского. Средний мир Л. называл также греко-славянским, или славяно-греческим. Этот мир, по Л., должен выйти «из его во многих отношениях неприглядного настоящего, в лучшее, светлое будущее».

Соз.: Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. Исследование. СПб., 1871; Россия уже тем полезна славянам, что она существует // Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876; Что такое славянофилы? // Первые 15 лет существования С.-Петербургского Славянского Благотворительного общества. СПб., 1883; Развитие у нас западнических воззрений в XIX столетии // Там же; Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892.

Лит.: Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. Т. 1—2, 1907—1908; Шахматов А. А. В. И. Ламанский. Некролог // Известия АН. Серия 6.

1914; *Грот К. Я.* Владимир Иванович Ламанский. Пг., 1915; *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф. Пг., 1915; *Никитин С. А.* **348**, т. 2, с. 487—489.

ЛАНГЕ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (12(24).3.1858—15.2.1921). Родился в Петербурге, окончил 2-ю Петербургскую гимназию и Петербургский ун-т; по окончании ун-та (1882) два года находился в научной командировке за границей, работал, в частности, у Вундта; возвратившись на родину, защитил в 1888 г. диссертацию на степень магистра философии «История нравственных идей XIX в.» и в ноябре этого года назначен приват-доцентом Новороссийского ун-та в Одессе по кафедре истории философии; в 1892 г. защитил докторскую диссертацию; до конца жизни оставался профессором ун-та; Л. — организатор и первый директор Одесских высших женских курсов (1904) и основатель Философского общества в Одессе (1914).

Л. — не только психолог, но также философ и историк философии; он — весьма жесткий критик традиционных систем метафизики в духе Гегеля, Фихте, Канта, Шопенгауэра, Гартмана и поборник «новой», «научной метафизики», в центре которой были бы этические задачи; но целиком со «старой» метафизикой Л. не порывал: в логике он был близок к баденской школе неокантианства, использовал идеи Тренделенбурга; в сфере же психологии Л. оказался на позитивистской позиции, будучи сторонником реалистического, или биологического, понимания психологии как объективной науки с идеей признания реального существования действительного физического мира, а не только идеи об этом мире в сознании; одновременно Л. поборник экспериментального метода в психологии.

Соз.: История нравственных идей XIX века. Критические очерки философских, социальных и религиозных теорий нравственности. Ч. 1: Немецкие учения. СПб., 1888; Психологические исследования. Одесса, 1893; Великие мыслители XIX века. Лекция первая: Кант и критика чистого разума. Одесса, 1901; Психология. М., 1914; Учебник логики для гимназий и самообразования. 2-е изд. Одесса, 1918.

Лит.: *Маркевич А. И.* **266**, с. 315—316; *Элькин Д., Шапиро Л.* Психологическое наследие Н. Н. Ланге // Труды Одесского ун-та. 1941. Т. 2; Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н. Н. Ланге (1858—1958). Одесса, 1958; *Теплов Б. М.* Основные идеи в психологических трудах Н. Н. Ланге // Вопросы психологии, 1958. № 6; *Он же.*

Об исторической оценке психологической концепции Н. Н. Ланге // Там же. 1960. № 6; *Роговин М.* 530, т. 3, с. 145; 6, с. 443—444; *Лыцов Г.* 414, с. 296—297.

ЛАНГЕР КАРЛ ГЕНРИХ. Учился в Геттингенском и Йенском ун-тах; с августа 1764 г. по май 1774 г. работал в Московском ун-те; читал естественное и народное право, опираясь на работы Неттельбладта, а также на сочинения Вольфа и частично Бэкона.

Выступая против полного растворения юриспруденции в философии (Л. приводил пример с Цицероном, который считал, что юриспруденцию «производить должно» не из определений «преторов» — высших должностных лиц в Древнем Риме, — а из философии) и признавая, что гражданские законы устанавливают государи, Л. тем не менее доказывал, что философское учение никоим образом не может быть отлучено от знания законов. Орудием, методом юриста является логика, ее истинные права, естественное и народное право являются источниками всех прочих прав. Гражданские законы возникли из естественных. У Л. есть уже термин «истинная философия права».

Соз.: Слово о начале и распространении законов и о неразрывном союзе философии с их учением. М., 1766.

Лит.: *Лешков В. Н.* 36, ч. 1, с. 447—450.

ЛАНЦ ГЕНРИХ ЭРНЕСТОВИЧ (2(14).2.1886—1.11.1945). В 1904—1905 гг. учился на историко-филологическом фак-те Московского ун-та, затем в Германии, где защитил в Гейдельберге докторскую диссертацию; с 1912 г. преподавал логику в Реформатской гимназии, с 1914 г. — эстетику в Бетховенской музыкальной школе в Москве, с 1918 по 1941 г. — преподаватель славянских языков и философии в Стенфордском ун-те (США), с 1941 — профессор философского отделения.

В дооктябрьский период Л. — историк философии по преимуществу и, как бы мы сейчас сказали, критик современной философии. В сфере теоретической философии он — в основном представитель неокантианства, но той его разновидности, которая связана с ассимиляцией идеи Фихте, в зависимость от которого Л. ставил и имманентную школу, и трансцендентализм Риккерта, Гуссерля, Ласка и др. Второй период Фихте Л. считал «исходным пунктом для реставрации спекулятивной философии».

Соз.: Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik. Kants Lehre der Objektivität: Dokt. Dis. Heidelberg, 1911; Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik. Berlin,

1912; Эдмунд Гуссерль и психологи́сты наших дней // ЖМНП. 1909. № 48; Вильгельм Шуппе и идея универсальной имманентности // ВФиП. 1909. Кн. 100; Философия Рихарда Авенариуса // Логос. 1911—1912. Кн. 2—3; Вопросы и проблемы бессмертия // Там же. 1913. Кн. 3 и 4; Бытие и знание в философии Фихте // ВФиП. 1914. Кн. 122; Свобода и сознание (К столетию со дня смерти И.-Г. Фихте: 29 янв. 1814—29 янв. 1914) // Логос. 1914. Т. 1. Вып. 1; Иоганн Готлиб Фихте // ВФиП. 1914. Кн. 122; Fichte und der transcendente Wahrheitsbegriff // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1912. Bd 26. H. 1; Эстетика чистого чувства Г. Когена // Русская мысль. 1914. Кн. 4.

Лит.: Ficher H. H. H. Lanz (Obituary) // Slav. Rev. 1946. N 5; Reid J. R. Lanz // Philos. Rev. 1946. N 7; Лосский Н. О. 253, с. 328; Ваשתов А. 414, с. 297—298; Чубаров И. М. 11, с. 151—156.

ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ (15(27).1.1863—7.2.1919). Родился в с. Удачное, Верхнеднепровского у. Екатеринославской губ. в дворянской семье; учился в Симферопольской гимназии, которую окончил в 1882 г., затем на историко-филологическом фак-те Петербургского ун-та; по окончании курса в 1886 г. оставлен для подготовки к профессорскому званию; в 1890 г. защитил магистерскую диссертацию и стал читать в звании приват-доцента лекции по русской истории в Петербургском ун-те и Историко-филологическом ин-те; с середины 90-х гг. у Л.-Д. появились новые курсы — по теории социальных и исторических наук, в частности «Основные принципы общественнознания», «Систематика социальных явлений разных порядков», «Введение в историю»; с 1906 г. Л.-Д. читал также общий курс по методологии истории; в 1899 г. Л.-Д. избран в Академию наук: сначала в звании адъюнкта, экстраординарного (1902), а затем ординарного академика.

Л.-Д. — историк, всегда заботившийся о союзе свежей науки с философией и создавший оригинальную методологическую концепцию исторической науки. Ее исходной установкой стала идея освобождения понимания природы из-под гнета теологии, а истории от преобладания теологизма, идея утверждения понятия законосообразности исторических явлений; в качестве основы анализа исторического знания Л.-Д. взял неокантианскую теорию познания Баденской школы. Проанализировав основные принципы исторического знания в «номотетическом» и «идеографическом» направлениях (т. е. теорий, стремящихся к выявлению законов истории и теории, акцентирующих своеобразие

исторических фактов) и признав недостаточность и того и другого направления (первое направление не учитывает специфику исторических фактов, а второе не может воспроизвести исторический процесс в целом, в его эволюции), Л.-Д. высказался за соединение в исторических исследованиях этих двух методов.

Соз.: Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902; Методология истории. Вып. 1—2. СПб., 1910—1913; Исторические взгляды В. О. Ключевского // В. О. Ключевский: характеристики и воспоминания. М., 1912; Методология истории. I: Принципы и методы исторического знания; II: Главнейшие направления в теории исторического знания // Известия Российской Академии наук. VI серия. 1918. № 5; Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идеографическом // Там же. № 6, 7, 9, 11, 13.

Лит.: 267, ч. 1, с. 405—413; Райнов Т. И. О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского // ЖМНП. 1915. Октябрь; Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916; Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922; Болдырев Н. В. А. С. Лаппо-Данилевский (некролог) // Мысль. 1922. № 1; Поляков А. 530, т. 3, с. 147—148; Голосенко И. А. 462, с. 257—260; Медушевская О. 414, с. 298—299; Павлов А. Т. 415, с. 253—254.

ЛАПШИН ИВАН ИВАНОВИЧ (11(23).10.1870—17.11.1952). Родился в Москве; окончил историко-филологический фак-т Петербургского ун-та (1893); с 1897 по 1913 г. — приват-доцент, с 1913 г. — экстраординарный профессор этого ун-та; преподавал также в Александровском лицее, на Высших женских курсах, в других учебных заведениях; в 1922 г. выслан из Советской России; проживал в Праге, был профессором Русского юридического фак-та.

Философская концепция Л. исходит из идеи о принципиальном различии между философией и религией, философским и богословским творчеством. Ее пронизывает также мысль о невозможности метафизики как доказательной области познания. Антиметафизическая установка Л. выражалась в его антионтологизме, антисубстанционализме и соответственно в гносеологизме. Философия Л. — «кантообразна», но при этом она связана с положительными науками. Философия, по Л., не совпадает по содержанию ни с одной из наук, но ее прогресс зависит от прогресса специальных областей научного знания. «Критическая

философия» Л. связана многими путями с субъективизмом теоретико-познавательных принципов Канта и прежде всего с его учением о «вещах в себе», но вместе с тем она уживалась с объективными естественными взглядами на природу, что дало Зеньковскому основание признать, что «критический феноменализм» сочетается у Л. с «эмпирическим реализмом». В теории познания Л. решал в первую очередь проблему соотношения формальной логики и гносеологии, доказывая, что критическая теория познания является основой формальной логики, и проблему соотношения законов мысли и форм познания. Оригинально Л. решал проблему «чужого я», или «множественности сознаний», в которой фактически ставился вопрос об активности гносеологического субъекта по отношению к объекту. Свою гносеологическую концепцию Л. называл имманентной точкой зрения на мир, но это не был, как полагал Зеньковский, «абсолютный имманентизм».

Соз.: О возможности вечного мира в философии. Введение в курс истории философии. СПб., 1898; О трусости в мышлении (Этюд по психологии метафизического мышления) // ВФиП. 1900. Кн. 55; Мистическое познание и «вселенское чувство». СПб., 1905; Законы мышления и формы познания. СПб., 1906; Проблема «чужого я» в новейшей философии. СПб., 1910; История педагогических теорий. СПб., 1912; Иоганн Фихте и его философия // Фихте И.-Г. Назначение человека. СПб., 1913; Гносеологические исследования. Вып. I. Логика отношений и силлогизм (По поводу книг приват-доцента С. И. Поварнина «Логика. Общее учение о доказательстве» и «Логика отношений»). Пг., 1917; Философия изобретения и изобретение в философии. Т. 1—2. Пг., 1922. (2-е изд. — Прага, 1924).

Лит.: Лосский Н. О. Рец. на кн.: Лапшин И. Законы мышления и формы познания. СПб., 1906 // ВФиП. 1907. Кн. 88; *Jakovenko V. Dejiny guské filosofie.* Praha, 1938; *Зеньковский В. В.* **154**, т. 2, с. 228—235; *Суворов Л.* **530**, т. 3, с. 148; *Малинин В. А.* **186**, т. 4, с. 111—112; *Алексеев А. П.* **533**, с. 331—332; *Вашестов А.* **414**, с. 299—300; *Вангугов В. В.* **415**, с. 254—255; *Барсова Л. Г.* Иван Иванович Лапшин: жизнь и труды // Звезда. 1997. № 10. С. 183—197; *Дмитриев Т. А.* **11**, с. 507—508; *Пустарнаков В. Ф.* И. И. Лапшин как философ, исследователь процесса научного и художественного творчества // Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. М., 1999.

ЛЕБЕДЕВ ПАВЕЛ ИСАЕВИЧ (1807—1858). Родился в слободе Козловка Бобровского у. Воронежской губ. в семье священника; в 1823 г. окончил Воронежскую духовную семинарию, в 1827 г. — Киевскую духовную академию со степенью магистра богословия и назначен в Харьковский коллегиум (семинарию) профессором философских наук; с 1837 г. — протоиерей; с августа 1850 г. по рекомендации Харьковского епископа Филарета (Гумилевского) утвержден министром просвещения в звании ординарного профессора богословия и философии Харьковского ун-та после ликвидации в ун-тах кафедр философии и передачи преподавания логики и психологии в руки богословия. Помимо богословских дисциплин, логики, психологии Л. читал курс «Краткий обзор нравственных систем Адама Смита и Гоббеса».

Лит.: Буткевич Т. И. **181**, с. 5—6; *Бобров Е. А.* **43**, вып. 4, с. 162—164.

ЛЕВИЦКИЙ ЛЕВ СЕМЕНОВИЧ (1772—24.1.1807). Родился в семье священнослужителя; учился в Рязанской духовной семинарии, с 1790 г. — в Московской университетской гимназии для разночинцев; с 1791 г. — студент Московского ун-та; с января 1790 г. — учитель логики и нравоучения в Казанской гимназии; с января 1805 г. — адъюнкт умозрительной и практической философии. Л. — первый преподаватель философии в Казанском ун-те. Логику читал, опираясь на книгу И. Рижского, нравственную философию излагал по Баумейстеру и Сори, историю философии по Бертрану.

Лит.: 35, ч. 1, с. 120—121; *Загоскин Н. П.* **142**, т. 1, с. 45—46, 94.

ЛЕЙКФЕЛЬД ПАВЕЛ ЭМИЛЬЕВИЧ (13.11.1859—?). Родился в д. Павловка Бахмутского у. Екатеринославской губ. в семье офицера; с 1871 по 1878 г. учился во 2-й Харьковской гимназии, затем до 1884 г. — на историко-филологическом фак-те Харьковского ун-та, был стипендиатом для приготовления к профессорскому званию; с ноября 1886 г. — приват-доцент ун-та; в 1891 г. защитил в Варшавском ун-те магистерскую диссертацию на тему «Различные направления в логике и основные задачи этой науки»; в 1897 г. в Харьковском ун-те получил степень доктора за диссертацию на тему «Логическое учение об индукции в главнейшие моменты его разработки»; с этого же года — экстраординарный профессор, с 1899 г. — ординарный профессор, в 1904 г. принял участие во 2-м Международном философском конгрессе в Женеве. Л. читал курсы по философии Платона и Аристотеля, по психологии и логике, истории древней и новой философии.

Главный пафос научной деятельности Л. — защита формальной логики, как ее разрабатывали со времен Аристотеля, уточнение формули-

ровок ее основных задач, разграничение формальной логики от «логики метафизической», спекулятивной, онтологической, реальной, которая, по Л., исходит из утверждения о сходстве и даже тождестве между формами мышления и бытия. По Л., логика изучает формы мысли, а не ее содержание в том смысле, что логика принимает в расчет содержание лишь постольку, поскольку им характеризуются общие типы процессов мышления. По основным задачам, считал Л., индуктивная логика не отличается от формальной; разработка математической логики — это в лучшем случае выполнение одной из второстепенных задач логики вообще.

Соз.: Различные направления в логике и основные задачи этой науки. Харьков: 1890; К учению Аристотеля о бессмертии души. Харьков, 1890; Логическое учение об индукции в главные исторические моменты его развития. СПб., 1896; Логика. Харьков, 1899 (есть изд. 1901, 1907, 1908, 1915 гг.); Древняя философия. Харьков, 1901; Средневековая и новая философия. Харьков, 1907 (есть изд. 1908, 1914 гг.); Психология. Харьков, 1906 (есть изд. 1908, 1913, 1915 гг.).

Лит.: 181, с. 46—47.

ЛЕОНTOVИЧ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (20.10(1.11).1869—15.12.1943). Родился в Киеве, образование получил в Ун-те св. Владимира в Киеве; с 1895 г. работал в этом же ун-те при кафедре физиологии; с 1900 г. — доктор медицины; с 1913 г. — профессор Московского сельскохозяйственного ин-та (в дальнейшем — Тимирязевской академии); с 1936 г. — заведующий отделом Ин-та клинической физиологии АН СССР; академик АН УССР с 1929 г.

С 1905 г. Л. призывал естественников признать, что, как он выразился, время отрицательного и презрительного отношения к философии прошло и необходимо занять определенную философскую позицию. Констатировав во вступительной лекции, прочитанной в октябре 1905 г., что «теперь на Руси время философского идеализма» (сославшись на имена В. Соловьева, Булгакова, Трубецких, Бердяева и др.), Л. признал, что при чтении «идеалистических этюдов» естествоиспытателя охватывает чувство неудовлетворенности. И доктор медицины попытался «примирить» философию и науку. Значение материализма, по его мнению, состоит в том, что он дает приблизительную, но наилучшую и даже единственную модель организма животного. Из двух направлений в психологии, которые выделял Л. (гуманитарно-философское, представляемое тогда в Киеве Г. И. Челпановым, и «соматическое», представляемое врачами-психиатрами, и в первую очередь профессо-

ром Ун-та св. Владимира И. А. Сикорским), он отдал предпочтение второму, являвшемуся, по оценке Л., в сущности материалистическим. Л. предложил «неизбежную поправку»: естественнонаучные знания соединить с философией в духе высказывания Б. Кистяковского о том, что самый закоренелый естествоиспытатель — более кантианец, чем он воображает.

Соз.: Место материализма в естествознании. Киев, 1907.

Лит.: Збірник, присвячений пам'яті Олександра Васильовича Леонтовича. 1869—1943. Київ, 1948.

ЛИНДЕ (LINDE) САМУИЛ БОГУМИЛ (1771—1847). Родом немец; филолог по специальности, в начале 90-х гг. XVIII в. работал на польской кафедре в Лейпцигском ун-те; затем в Варшавском лицее, в Главной школе в Варшаве, на базе которой был создан Варшавский королевский ун-т; Л. первому предложили кафедру философии в Главной школе, но он не принял ее и подменял временами ставшего заведующим кафедрой А. Зубелевича; в 1817—1818 гг. преподавал антропологию, опираясь, в частности, на сочинения Платнера, Кизеветтера, Якоба и Канта.

Соз.: Słownik języka polskiego. Т. 1—6. Warszawa, 1807—1814 (новое изд. 1854—1860).

Лит.: 264, т. II, вып. 3, стб. 351.

ЛИНДЕ Ф. Ф. Автор работ по логике, опубликованных в 10-х гг. XX в. Исходя из представления о том, что все современные логические учения, за исключением математической логики, вводят в логику гносеологические элементы, Л. пошел по противоположному пути, утверждая, что предметы логики и гносеологии различны по существу: предметом логики является логическое начало мира, а предметом гносеологии — знание. Но высказав такое категорическое мнение, Л. признал, что в своем «чисто логическом исследовании» он «в нескольких случаях» вводил в них «гносеологические замечания», определяемые интуитивизмом, следуя тезису Н. О. Лосского о том, что между интуицией и рассудком нет пропасти, так как сам рассудок интуитивен.

Соз.: Предисловие к русскому изданию «Принципов математики» Л. Кутюра. СПб., 1913; Строение понятия. Логическое исследование. Пг., 1915.

ЛИНДГРЕН (ЛИНДЕГРЕН) ИВАН ГУСТАВОВИЧ (1798 или 1799—18(30).9.1870). Родился в семье землемера; окончил Дерптский ун-т; в 1824 г. получил степень доктора философии; работал врачом; в 1833 г.

назначен на кафедру частной патологии и медицины Казанского ун-та; был деканом медицинского фак-та; уволился из ун-та в 1862 г.; умер в Дрездене.

В 40-х гг. Л. и П. И. Котельников образовали в Казани кружок «гельянцев».

Лит.: Корбут М. К. 211, т. I, с. 76.

ЛОБАЧЕВСКИЙ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (20.11(1.12).1792–12(24).2.1856). Родился в Нижнем Новгороде в семье землемера; рано лишившись отца, воспитывался матерью; в 1802 г. поступил в Казанскую гимназию, а в 1807 г. допущен к слушанию лекций в ун-те; в 1811 г. получает степень магистра за чрезвычайные успехи в математических и физических науках; с 1814 г. — адъюнкт; с 1816 г. — экстраординарный, с 1822 г. — ординарный профессор; с 1827 г. шесть раз избирался ректором ун-та; в 1855 г. вышел в отставку по болезни.

Л. сыграл в истории университетской и всей философии в России парадоксальную роль. Сам он к философии относился негативно: в 1842 г. публично заявил, что «математик почитает для себя философию наукой бесполезной», считая, что когда-то все науки соединились под общим названием философии и могли быть предметом занятий одного человека, но с возрастанием каждой науки в своем объеме необходимость заставила разделиться. Между тем гениальное математическое открытие Л. о логической независимости аксиом Евклида о параллельных линиях от других аксиом геометрии сыграло огромную роль в философии. То влияние, которое имели математические работы Л. на философию математики, а через философию математики на философию вообще, А. И. Введенский рассматривал как главнейшую и, «может быть, единственную услугу, которую русская философская мысль оказала общечеловеческой». Как сторонник опытной науки эмпиризма Л. выступал критиком априоризма и идеализма, кантовского в первую очередь. Но его учение о движении и пространстве поддавалось и нематериалистической интерпретации. В дооктябрьской историографии появилась вполне обоснованная точка зрения, согласно которой мысль Л. о том, что в природе мы познаем только движение, что пространство само по себе отдельно для нас не существует, перекликается с философскими взглядами Маха и Пуанкаре. В многочисленных трудах советских авторов господствовала упрощенная концепция о материалистическом характере философских взглядов Л.

Соз.: О началах геометрии // Полн. собр. соч. Казань, 1883. Т. I; Речь о важнейших предметах воспитания, произнесенная 5 июля 1828 года // Казанский вестник. 1832. Ч. 38. Август.

- Лит.:* Загоскин Н. П. **142**, т. I, с. 302—306; Васильев А. В. **35**, ч. 1, с. 407—418; Он же. Н. И. Лобачевский. СПб., 1914; **424**, т. 10, с. 528; Каган В. Ф. Лобачевский. 2-е изд. М.; Л., 1948; Парфентьев Н. Н. Натурфилософия Н. И. Лобачевского // Ученые записки Казанского ун-та. 1930. Т. 90. Кн. 3 и 4. С. 303—311; Фрайман Х. П. Мироззрение Н. И. Лобачевского. Днепрпетровск, 1948 (дис.); Яновская С. А. Передовые идеи Н. И. Лобачевского — орудие борьбы против идеализма в математике. М., 1950; Рыбкин Г. Ф. О мироззрении Н. И. Лобачевского // Успехи математических наук. 1951. Т. 6. Вып. 3 (43). Май—июнь; Марков Н. В. Философское значение идей Н. И. Лобачевского об органической связи пространства и материи. М., 1951 (канд. дис.); Кольман Э. Великий русский мыслитель Н. И. Лобачевский. 2-е изд. М., 1956; Овчинников Н. Ф. **187**, т. 2, с. 323—325; Курсанов Г. А. О значении идей Н. И. Лобачевского для развития математических представлений в современной науке // Философские вопросы физики и химии. Свердловск, 1959; Новак И. П. К некоторым вопросам философского обоснования дифференциального исчисления в трудах Н. И. Лобачевского. Алма-Ата, 1962 (дис.); Лацис Н. А. Естественнонаучные и философские взгляды Н. И. Лобачевского. Вильнюс; Рига, 1965 (дис.); Юшкевич А. П. **186**, т. 2, с. 235—242; Алексеев П. В. **6**, с. 464; Моисеев В. **414**, с. 311.

ЛОВЕЦКИЙ АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ (1787—22.2.1840). Родился в с. Ловцы Рязанской губ.; учился в Рязанской духовной семинарии, с 1809 г. — в Московском отделении медико-хирургической академии; в 1815 г. стал доктором медицины; с 1824 г. преподавал естественную историю в Московском ун-те, в качестве экстраординарного профессора, оставаясь на службе в Медико-хирургической академии, где с 1828 г. стал ординарным профессором.

Труды Л. являются иллюстрацией продолжения и в первые десятилетия XIX в. широко распространенных в XVIII в. стремлений ученых, представлявших эмпирическое естествознание, согласовывать свои научные исследования с догматами религии, не прибегая к какой-либо философско-методологической теории. З. А. Каменский считал, что Л. старался «отделаться от религии» посредством деизма. Однако взгляды Л. вряд ли можно квалифицировать как вполне деистические. Эпиграфом к своему труду Л. избрал афоризм Державина: «Я Царь; я червь; я раб; я Бог», а главной целью естественной истории объявил познание Бога, природы и самого себя. В природе явственно видны-де признаки

«всемогущества Божия», его «непостижимой мудрости и благости». Природа есть вещественная лестница, по которой ум восходит к первому невещественному началу всех вещей — Богу. Рассматривая природу, человек доходит до самопознания себя как малого мира, состоящего из двух сфер — вещественной и духовной. Мысль Державина означает, что человек велик и ничтожен, он — раб своих страстей и властелин над всеми земными творениями.

Соз.: Краткое начертание Естественной Истории. Ч. I—II. 2-е изд. М., 1832; Краткое руководство к познанию племен человеческого рода, с присовокуплением признаков, отличающих его от других животных. Составлено из сочинений об этом предмете доктора Сосеротта и проф. Брока. М., 1838.

Лит.: Рулье и Калиновский. 36, ч. 1, с. 463—469; Каменский З. А. 194, с. 207.

ЛОДИЙ ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ (4(15).5.1764—10(22).6.1829). Родился в Карпатской Руси (тогда Австро-Венгрия), окончил Унгарский лицей; в 1787 г. стал профессором логики, метафизики и нравственной философии во Львовском ун-те; в 1801 г. со степенью доктора изящных искусств, прав и богословия перешел в Краковский ун-т, где занимал кафедру философии и математики; в 1803 г. был приглашен в Петербургский педагогический ин-т в качестве профессора логики, метафизики и нравственной философии; в 1819—1820 гг. — профессор Петербургского ун-та; был деканом философско-юридического фак-та; преподавал также правовые дисциплины, в том числе естественное право — тогдашнюю «метафизику» всякого права; Л. — среди немногих, кто отстаивал право философии на существование, критиковал тех, «которые опорочивают Философию».

Констатировав «пороки» в Вольфовой системе, которой Л. первоначально следовал, отказавшись от «систематического ига Вольфовой философии», Л. сознательно стал следовать «эклектическому методу философствования», синтезируя «все то, что есть истинного по всем сектам философским рассеянного». Поэтому в концепции Л. оказались заимствования и от Вольфа, и от «отличного мыслителя» Шульце (Энезидема), у которого он усматривал желанное соединение «метафизических мнений» с «опытностью». Канта — этого «нового Коперника в философии», с его «Критикой чистого разума» — сочинением, «достойным удивления», Л. тем не менее критиковал за априоризм, абстрагирование в «чистой логике от эмпирических условий». Отвергнув определения философии Крузия, Вольфа и Лейбница, Л. принял определения философии Якоба: философия старается объяснить явления по

их причинам, определить законы всеобщих сил, а скрытые причины и их действия обнаружить посредством умозаключений.

Соз.: Логические наставления. СПб., 1815; Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном и всеобщем государственном праве. СПб., 1828.

Лит.: Григорьев В. В. **111**, с. 11–12; **424**, т. 10, с. 583; Шпет Г. Г. **559**, с. 137–138; Стяжкин Н. И., Силаков В. Д. **480**, с. 18–19; Зверев В. М. Петр Лодий в истории русской логико-философской мысли. Л., 1964 (дис.); Он же. Гносеологические взгляды П. Д. Лодия (1764–1829) // Вестник ЛГУ. 1964. № 17. Серия экономики, философии и права. Вып. 3. С. 97–101; Каменский З. А. **530**, т. 3, с. 248; Евдокименко В. Е., Денисенко М. С., Коваль П. Д. **186**, т. 2, с. 463–466.

ЛОМОНОСОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (8(19).11.1711–4(15).4.1765). Родился в д. Денисовка Архангельской губ. в семье помора; с 1731 г. учился в Славяно-греко-латинской академии, немного в Петербурге в Академическом ун-те (1736), откуда был командирован в Марбургский ун-т учиться математике и философии с тем, чтобы стать профессором этих дисциплин; философии и физике учился у Х. Вольфа; по возвращении на родину был назначен в 1742 г. адъюнктом физического класса Петербургской АН, с 1745 г. — профессор химии; с 1747 г. основную работу Л. вел в Академическом ун-те при АН, который тогда организационно обособился от собственно Академии; с 1757 г. Л. — фактический единоначальник в этом ун-те; вместе со своим покровителем, фаворитом имп. Елизаветы И. И. Шуваловым, Л. выработал проект создания Московского ун-та.

Хотя формально Л. не стал профессором философии, как предполагалось во время командировки в Германию, он сыграл очень большую роль в организации философского образования в рамках Академии наук, и особенно в Академическом ун-те, и внес огромный личный вклад в становление профессиональной университетской философии. Убежденный сторонник «вольного» философствования, непримиримый критик перипатетизма, Л. не презирал «славного Аристотеля», но, не считая его философию безошибочной, одобрительно относился к тому, что «славный и первый из новых философов Картезий осмелился Аристотелеву философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу». Лейбниц, Локк и другие современные философы, по Л., «премудрые рода человеческого учителя, предложением правил, рассуждение и нравы управляющих Платона и Сократа превысили». У Х. Вольфа Л. усвоил метод сочетания эмпирических и «умозритель-

ного» методов: из наблюдений устанавливать теорию, через теорию исправлять наблюдения. Формой согласования религии и философии, фактически же формой освобождения из-под влияния теологии, стала для Л. теория двойственной истины: он призывал следовать указаниям византийского отца церкви Василия Великого, «как сдружить спорные по-видимому со Священным писанием натуральные правды». В главах Л., истина («правда») и вера «суть две сестры родные, дочери одного всемогущего родителя, никогда между собою в распрю притти не могут». В согласовании теологии с наукой Л. помогал принцип не буквального, а аллегорического толкования Писания.

В советской историографии широкое распространение получило утверждение, что заявления Л. о «творце вселенной» носили по существу формальный характер. Его не хотели считать даже деистом, относя к материалистам. Это — ложная, не соответствующая действительности трактовка. В противном случае Л. должно было бы считать лицемером, много писавшим и о «божьем промысле», и о «божием величестве» в своих теоретических трудах и духовных одах. Фактически в духе деизма, утверждая, что не абсолютно все на свете изначально создано Творцом, Л. выделил сферу, где природа развивалась по собственным причинам. Для объяснения явлений естественного мира он выработал оригинальный «метод философствования, опирающийся на атомы», «систему корпускулярной философии», объясняющий происхождение вещей, природные начала, сущность материи и всеобщее движение. Объективно такая методология давала Л. возможность истолковывать природу, в сущности, материалистически.

Соз.: Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л., 1950–1953; Избр. философские произв. М., 1950.

Лит.: **424**, т. 10, с. 593; *Зеньковский В. В.* **154**. Т 1, с. 103–104; *Кедров Б. М., Иовтук М. Т., Трахтенберг О. В.* **187**, т. I, с. 485–510; *Стяжкин Н. И., Силаков В. Д.* **480**, с. 11–12; *Петров Л.* **530**, т. 3, с. 251–253; *Langevin L. Lomonossov, 1711–1765, sa vie, son oeuvre.* Paris, 1967; *Кедров Б. М., Уткина Н. Ф., Кузнецов И. В., Васецкий Г. С.* **186**, т. 1, с. 318–350; *Goerdt W.* **610**, S. 192–202; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* **87**, с. 91–107; *Абрамов А.* **414**, с. 316–317; *Маслин А. Н.* **415**, с. 268–270; *Артемьева Т. В.* **14**, с. 204–208; *Куратченко В. П.* **227**, с. 6–9; *Ильин В. В.* **172**, ч. 1, с. 27–28; *Ильин В. В., Солнцев Н. В., Чалов Н. М.* **173**, с. 30–32.

ЛОПАТИН ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ (1(13).6.1855–8(21).3.1920). Родился в Москве в дворянской семье; в 1879 г. окончил историко-филоло-

гический фак-т Московского ун-та; с 1885 г. — приват-доцент этого ун-та; в 1886 г. защитил магистерскую, в 1891 г. — докторскую диссертации; в 1892—1918 гг. — экстраординарный профессор; с 1899 г. — председатель Московского психологического общества.

С 80-х гг. XIX в. Л. оказался в идейной борьбе «на два фронта»: с одной стороны, — против антирелигиозных форм философии — сциентизма, позитивизма и материализма, с другой — против «врагов философии», отрицавших философию во имя христианского благочестия, а также против форм идеализма, особенно неокантианства и имманентной школы, выступавших против метафизики как рациональной науки. Л. настаивал на том, что умозрительная, или метафизическая, философия возможна и должна уяснять прежде всего онтологический вопрос о бытии вне сознания и независимо от него. И предлагалась спиритуалистическая философия, в которой мир состоит из «самостоятельных и активных существ», представляет «систему внутренне живых центров самоопределяющей силы», «систему живых центров бытия». При этом отдельные вещи и существа входят в целое мира, в котором все в существе своем духовно, а в основе этого мира лежит единый абсолютный дух, называемый людьми Богом. Как и В. Соловьев, Л. ставил перед философией ограниченные задачи: ей доступна только рациональная сторона действительности. Сохраняя сознание единства с иррациональной стороной существующего, она всегда останется при общем и отвлеченном знании сущего.

Соз.: Опытное знание и философия // Русская мысль. 1881. Кн. 5, 9; Вера и знание // Там же. 1883. Кн. 9; Положительные задачи философии. Ч. 1—2. М., 1881—1889 (ч. 1 — магистерская, ч. 2 — докторская дис.); Спиритуализм как психологическая гипотеза // ВФиП. 1897. Кн. 38; История древней философии. М., 1901; Психология. М., 1902; Философское мировоззрение Н. В. Бугаева // ВФиП. 1904. Кн. 72; Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское мировоззрение. М., 1906; Физик-идеалист (памяти Н. И. Шишкина). М., 1908; Научное мировоззрение и философия // ВФиП. 1903. Кн. 69—70; 1904. Кн. 71; Настоящее и будущее философии. М., 1910; Философские характеристики и речи. М., 1911 (есть изд. 1996 г.); Лекции по истории новой философии (до Канта). Ч. 1. М., 1914; Неотложные задачи современной мысли. М., 1917.

Лит.: Колубовский Я. 210, с. 573; Рубинштейн М. М. Очерк конкретного спиритуализма Л. М. Лопатина // Логос. 1911—1912. Кн. 2—3; Философский сборник Льву Михайловичу Лопати-

ну: к тридцатилетию научно-педагогической деятельности от Московского психологического общества. 1881—1911. М., 1912; *Огнев А. И.* Лев Михайлович Лопатин. Пг., 1922; *Яковенко Б.* **582**, с. 67—73; *Ueberweg F.* **639**, Bd 5, S. 340; *Зеньковский В. В.* **154**, т. 2, с. 187—199; *Лосский Н. О.* **253**, с. 216—217; *Goerdts W.* **610**, S. 556—560; *Новгородцев П.* Праздник русской философии. Юбилей Л. М. Лопатина // Русская мысль. 1912. Кн. II; *Коган Л. А.* **186**, т. 4, с. 69—79; *Гайденко П. П.* Диалектический процесс как отношение мысли к данности: «Учение динамического спиритуализма» (Л. М. Лопатин) // Идеалистическая диалектика в XX столетии. М., 1987; *Поляков А. П.* **532**, с. 323—324; *Алексеев А. П.* **6**, с. 467—468; *Ермишин О.* **414**, с. 317—319; *Авдеева Л. Р.* **415**, с. 270—271.

ЛОССКИЙ НИКОЛАЙ ОНУФРИЕВИЧ (24.11(6.12).1870—24.1.1965). Родился в м. Креславка Двинского у. Витебской губ. в семье обрусевших поляков; учился в Витебской гимназии, откуда был исключен в 1887 г. за «пропаганду социализма и атеизма»; продолжил образование в Цюрихе и Берне; возвратившись в Россию, окончил в 1891 г. Петербургскую гимназию, затем физико-математический фак-т Петербургского ун-та; в 1891 г. защитил дипломную работу «Рационализм Декарта, Спинозы и Лейбница» и был оставлен при кафедре философии для подготовки к профессорскому званию; с 1903 г. — приват-доцент Петербургского ун-та; в 1903 г. защитил в Геттингене магистерскую диссертацию «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма»; в 1907 г. защитил в Московском ун-те докторскую диссертацию «Обоснование мистического эмпиризма»; преподавал в Петербургском ун-те, на Женских педагогических курсах, на Бестужевских Высших женских курсах и др.; с 1916 г. — профессор Петроградского ун-та, откуда был уволен в 1921 г., а в 1922 г. выслан из Советской России; жил и работал в Праге и Братиславе, затем в США и Франции.

Л. известен в первую очередь как сторонник интуитивизма, т. е. одной из гносеологических концепций, между тем Л. не был гносеологистом, он всегда ратовал за метафизику как учение об «истинном бытии», данном в опыте. При этом он стремился не к идеализму (в смысле построения мира из психического), а к реализму и считал свою философию идеал-реалистической, преодолевающей и материализм и идеализм. Полагая, что в мире нет чисто механических процессов, что все они суть психо-механические, Л. называл свое мировоззрение органическим, которое фактически представляло собой разновидность витализма. В отличие от других адептов метафизики как «первой филосо-

фии», Л. важнейшей философской наукой считал гносеологию. Он намеревался в первую очередь вырваться «из тисков субъективного идеализма», а поэтому разрабатывал онтогносеологическую концепцию, т. е. гносеологию на онтологических предпосылках. Антисубъективизм, антиантропоцентризм, антиинтеллектуализм (интуитивизм) — характерные черты такой онтогносеологии. При этом понятие «интуитивизм» отождествлялось с понятием «мистицизм», но не в смысле религиозной мистики, а как понятие, аналогичное понятию «непосредственное восприятие». На этом основании Л. считал немецкий рационализм XIX в. (Фихте, Шеллинг, Гегель, частично Шопенгауэр) мистическим.

Соз.: Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма. СПб., 1903 (2-е изд. 1911); Обоснование интуитивизма, пропедевтическая теория знания. 2-е изд. СПб., 1908; Введение в философию. Ч. 1: Введение в теорию знания. Пг., 1911 (2-е изд. 1918); Новая форма философского критицизма // ВФиП. 1912. Кн. 111; Интуитивная философия Бергсона. М., 1914; Мир как органическое целое. М., 1917; Основные вопросы гносеологии. Пг., 1919; Конкретный и отвлеченный идеал-реализм // Мысль. 1922. № 1, 2.

Лит.: Поварнин С. И. Об «интуитивизме» И. О. Лосского. СПб., 1911; Яковенко Б. **582**, с. 99–104; *Ueberweg F.* **639**, Bd 5, S. 341; Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 199–216; Лосский Н. О. **253**, с. 320–339; Левицкий С. А. Патриарх русской философии (К 70-летию Н. О. Лосского // Грани. 1960. № 48; Чуева И. П. Критика «русского» интуитивизма. 1960 (дис.); Суворов М. П. **530**, т. 3, с. 255; **532**, с. 324; Ильин В. Н. Н. О. Лосский и его значение в русской и мировой философии // Возрождение. 1965. № 160; Коган Л. А. **186**, т. 4, с. 74–80; Goerdts W. **610**, S. 603–622; Старченко Н. Н. Мир, интуиция и человек в философии Н. О. Лосского. М., 1991; Емельянов Б. В. **131**, с. 63–75; Шалимов П. Б. Н. О. Лосский как историк русской философии. М., 1993; Ермигев А. А. **419**, с. 568–570; Он же. Шесть статей Н. О. Лосского // Философские науки. 1993. № 4–6; Антюфеева М. А. Лосский Н. О. Становление системы. Екатеринбург, 1994; Гайденок П. П. Послесловие // Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995; Гайденок П. П. Иерархический персонализм Н. О. Лосского // Там же. С. 348–349; Замалева А. Ф. **145**, с. 235–237; Алексеев А. П. **6**, с. 472–473; Куратченко В. П. **227**, с. 110–115; Мальцев С. **414**, с. 327–329; Скенлен Дж. П., Старченко Н. Н. **415**, с. 274–276; Никулин А. Г. Интуитивизм Н. О. Лосского и

русская философия. СПб., 1997 (дис.); Тихонов Г. М. Н. О. Лосский как религиозный философ // Вестник Удмуртского ун-та. 1997. № 15. С. 117–138; Ильин В. В., Солнцев Н. В., Чалов Н. М. **173**, с. 141–144; Блинников Л. В. **41**, с. 213–217; Дмитриев Т. А. и Никифоров О. **11**, с. 180–182, 219–225.

ЛУБКИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ (1770 или 1771–30.8(11.9). 1815). Родился в семье священнослужителя; окончил Костромскую семинарию и Петербургскую духовную академию (1792); преподавал в Костромской семинарии немецкий язык и математику, затем с 1797 г. — философию; с 1801 г. — ректор Петербургской армейской семинарии и преподаватель философии; в 1806 г. уволился из духовного ведомства, немного поработал в Петербургском педагогическом ин-те, с 1810 г. — ректором училищ Оренбургской губ. и в феврале 1812 г. назначен адъюнктом умозрительной и практической философии Казанского ун-та; с 1814 г. — экстраординарный, с июня 1815 г. — ординарный профессор.

Хотя Л. утверждал, что он не следовал чьей-либо системе, первоначально он был сторонником философии вольфианского типа, точнее, вольфианца Г.-Х. Федера. Но на провольфианских позициях Л. не остался: переводя вместе с П. Кондыревым «Начальный курс философии» кантианца Снеля (труд опубликован в 1813–1814 гг.), он поддался частичному влиянию философского критицизма великого немецкого философа, тем самым в определенной мере изменив свою прежнюю непримиримую по отношению к Канту позицию, отраженную в бытность его убежденным метафизиком вольфианского типа в «Письмах о критической философии» (1805).

Соз.: Письма о критической философии // Вестник Европы. 1805. № 8, 9; Начертание логики... СПб., 1807.

Лит.: **35**, ч. 1, с. 122–123; Загоскин Н. П. **142**, т. 1, с. 289–291; Булиг Н. Н. **56**, ч. 2, с. 595; **424**, т. 10, с. 709; Шпет Г. Г. **559**, с. 119; Кравец И. Н. «Письма о критической философии» А. С. Лубкина // Вопросы философии. 1952. № 6; Тузов Л. Л. Из истории философской мысли в Казанском университете (полемика Лубкина против Канта) // Ученые записки Казанского ун-та. 1956. Т. 116. Кн. 5. С. 268–272; Каменский З. А. **530**, т. 3, с. 256–257; Он же. Философские идеи русского просвещения. М., 1971; Щипанов И. Я. **186**, т. 2, с. 145–150; Рахманкулова Н. Ф. **6**, с. 474–475.

ЛУКЬЯНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (23.8(4.9).1855–2.9.1935). Родился в Москве, учился в Иркутской гимназии, в 1879 г. закончил Мос-

ковскую медико-хирургическую академию, стал ординатором терапевтической клиники профессора С. П. Боткина; с 1883 г. — доктор медицины, с 1885 г. — приват-доцент Петербургского ун-та; с 1886 г. — экстраординарный, с 1889 г. — ординарный профессор Варшавского ун-та; с 1894 г. — директор Петербургского ин-та экспериментальной медицины.

Осуждая мысль о том, что естествоиспытателю-биологу нет дела до философии, что внимание к задачам философского характера — это для биолога дурное предзнаменование, Л. доказывал, что без философии естествоиспытателю не обойтись, но ратовал не за «чистую философию», а за «всеобъемлющее сознание», осуждал «сознание раздробленное», отрицающее философию ради науки, религию ради философии и науки, искусство ради религии, философии и науки. Выдвигая принцип «я знаю в науке», «надеюсь в философии», «верю в религии», «люблю в искусстве», признавая определенное значение позитивистской философии, настаивал на ее ограниченности, поскольку она-де полагает в науке всю полноту знания и не признает за ненаучными типами познания никакого положительного значения.

Соч.: R. Virchow и его витализм. Варшава, 1891; Позитивная биология О. Конта и философия. М., 1898; Речи и очерки. СПб., 1899.

Лит.: Сборник, посвященный С. М. Лукьянову. СПб., 1905.

ЛУНИН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (1806 или 1807—14.10.1844). Родился в Дерпте в купеческой семье; в 1828 г. окончил Дерптский ун-т; в 1830 г. поступил в Профессорский ин-т при Дерптском ун-те, где защитил в 1833 г. докторскую диссертацию; после научной командировки за границу, где слушал лекции Риттера и Гегеля, назначен в 1835 г. преподавателем всеобщей истории в Харьковский ун-т; с 1837 г. — экстраординарный, с 1838 г. — ординарный профессор; читал он главным образом курсы по древней и средневековой истории.

Хотя научные труды Л. немногочисленны, они представляют интерес как одно из ранних отражений в отечественной мысли конца 30-х гг. XIX в. гегелевской философии истории. В работах Л. есть не только прямые ссылки на Гегеля, но и попытка в духе немецкого философа отыскать «идею каждой эпохи», выявить «высшие законы диалектики истории».

Соз.: Переход средней истории к новой и значение сей последней // ЖМНП. 1835. Июль; О влиянии Вальтера Скотта на новейшие изыскания по части средней истории // Речи, произне-

сенные в торжественном собрании имп. Харьковского ун-та 30 авг. 1836 г. Харьков, 1836; Взгляд на историографию древнейших народов Востока (1839) // Москвитянин. 1842. Ч. IV—V; Несколько слов о римской истории // Москвитянин. 1841. Ч. V.

Лит.: Бузескул В. П. Профессор М. М. Лунин, «Харьковский Грановский». СПб., 1905; **572**, т. 27, стб. 459—460.

ЛУЧИЦКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ (2(14).6.1845—22.8.1918). Родился в Каменец-Подольске в дворянской семье; учился в Каменец-Подольской, 1-й Киевской гимназии (1862) и на историко-филологическом фак-те Ун-та св. Владимира, который окончил в 1866 г.; был стипендиатом ун-та для подготовки к профессорскому званию; с 1870 г. — приват-доцент Ун-та св. Владимира по всеобщей истории; в 1871 г. получил в Казанском ун-те степень магистра; в 1877 г. удостоен в Петербургском ун-те степени доктора и стал экстраординарным профессором в Ун-те св. Владимира; с 1888 г. — ординарный профессор; с 1903 г. — заслуженный ординарный профессор; став депутатом 3-й Государственной Думы, переехал в Петербург, где преподавал на Высших женских курсах, в Психоневрологическом ин-те, на курсах Лесгафта и в ун-те; был в числе лекторов Русской высшей школы общественных наук в Париже.

Методологической основой трудов Л. по истории стал позитивизм контовской разновидности. Он учитывал также влияние экономических факторов в исторических процессах, не отрицая и самостоятельности политического элемента.

Соз.: Очерк развития скептической мысли во Франции в XVI в. 4 статьи // Знание. 1873; Обзор работ по философии истории // Там же; Отношение истории к науке об обществе // Знание. 1874; Джордано Бруно. Киев, 1885.

Лит.: **37**, с. 376—378; А. Дж. **572**, т. 27, стб. 467—469; Кареев Н. И. Иван Васильевич Лучицкий. Некролог. Пг., 1919.

ЛЮБАЧИНСКИЙ ИВАН. Один из молодых ученых, готовивших в 1812—1816 гг. в Харькове под руководством профессора Шада диссертации; к 1816 г. Л. — магистр философии, преподаватель словесности Екатеринославской гимназии; в 1816 г. защитил диссертацию под названием «Вступительное рассуждение об антиномиях чистого разума...»; в следующем году издал книгу по логике.

Как и у других диссертантов, работавших под руководством Шада, у Л. философская позиция оказалась неоднозначной: частично его рабо-

ты популяризировали идеи Канта, например, тезисы о том, что все антиномии могут быть созданы только разумом; естественное право есть теория всякого права; человеческая свобода сама по себе есть закон. Другие же были явно антикантианскими: так, в диссертации Л. защищались тезисы: метафизика есть наука о сущем в себе; логику можно трактовать как метафизику; понятие сущего в себе есть основание и предмет логики. Все эти тезисы шли вразрез с основной идеей Канта о невозможности метафизики как теоретической науки.

Соз.: Вступительное рассуждение об антиномиях чистого разума // Кантовский сборник. Калининград, 1981. Вып. 6; Логика, или Умоучение. Харьков, 1817.

Лит.: Каменский З. А. Комментарии к публикации перевода диссертации И. Любачинского с латинского на русский // Кантовский сборник. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 129–134.

ЛЮБИМОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (26.1(7.2).1830–6(18).5.1897). Родился в Москве; учился в 3-й Московской гимназии (1840–1847), на 2-м отделении философского фак-та Московского ун-та (1847–1851), по окончании которого стал учителем естественных наук в 4-й Московской гимназии; с 1854 г. — исправляющий должность адъюнкта Московского ун-та; с 1859 г. — экстраординарный профессор; в 1865 г. защитил докторскую диссертацию и стал ординарным профессором; в 1882 г. покинул ун-т и переселился в Петербург, где стал членом совета Министерства народного просвещения.

Основным философским авторитетом для Л. был Декарт. Из изучения трудов французского мыслителя Л. сделал вывод, что человеческая мысль находится еще в том периоде, начало которого ознаменовано великими размышлениями Декарта. Л. отдавал картезианскому направлению предпочтение перед ньютонианским, полагая, что современная ньютонианская по содержанию физика является картезианской в своих стремлениях; и идеализм, породивший претендовавшие на всеобъемлемость системы германских философов XIX в., и эмпиризм английских психологов, вышедший первоначально из борьбы с идеями Декарта, и критика познания, и материалистическое учение, развивающие одну сторону Декартовой системы, имеют, по Л., корни в философии Декарта. В трудах Л. по истории наук решались также проблемы логики научного исследования. Л. по своим политическим взглядам был крайним консерватором: он сотрудничал в реакционных изданиях Каткова.

Соз.: В чем дух естествоведения? // Московские университетские известия, 1866–1867. № 4; Жизнь и труды Ломоносова. Ч. 1. М., 1872; Философия Декарта. Пер. «Рассуждения о методе»,

с пояснениями. Изложение учений Декарта о мире и человеке. М., 1886; Изучение природы в древности и в новое время. СПб., 1890; История физики. Опыт изучения логики открытия в их истории. Т. 1—3. СПб., 1892—1896; Книга Галилея о системах мира и ее осуждение. СПб., 1895.

Лит.: Научные и литературные труды заслуженного профессора Н. А. Любимова в хронологическом порядке (1853—1895). СПб., 1896; Памяти Николая Алексеевича Любимова. СПб., 1897; Умов Н. Николай Алексеевич Любимов (1830—1897). СПб., 1897; Голицын Б. Б. Рец. на сочинение заслуженного профессора Московского ун-та. Н. А. Любимова «История физики. Опыт изучения логики открытий в их истории». СПб., 1898; *Зубов В.* 530, т. 3, с. 265.

ЛЮБИМОВ СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Родился в с. Куликово Дмитровского у. Московской губ. в семье священника; закончив Московскую духовную академию, поступил в Московский ун-т, где стал магистром и адъюнктом (1820) тогдашнего этико-политического фак-та; в числе прочих предметов преподавал нравственную философию по Рейнгарду, а также читал два года логику; в дальнейшем поменял профессию и дослужился до должности московского губернского прокурора и председателя Московского коммерческого суда.

Лит.: 36, ч. 1, с. 474—475.

ЛЮБОВСКИЙ ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ (ум. 1839). Окончил Харьковский ун-т (1808). Магистр философии (1812), учитель Слободско-Украинской гимназии в 10-х гг. XIX в.

Признавая, что в сочинении по «духословию», т. е. эмпирической психологии, он руководствовался системой профессора Шада, Л. вместе с тем настаивал, что «во многих местах» излагал собственные мысли. Исходил из тезиса о том, что эмпирическая психология в собственном смысле не является философией, в отличие от «умственной», трансцендентальной, рациональной психологии, которая составляет, по его мнению, часть метафизики. Опытная психология имеет дело только с явлениями. Тем не менее в книге Л. по «опытной психологии» имеются общие разделы о человеческой природе, а также гносеологические разделы: о познании вообще, о разуме и т. д. Аналогичные гносеологические фрагменты есть и в книге Л. по логике.

Соз.: О достоинствах человека, происходящие от дарования слова // Речи, говоренные в гимназиях и уездных училищах Харьковского ун-та. Харьков, 1812; Краткое руководство к

опытному душесловию. Харьков, 1815; Опыт логики. Харьков, 1818.

Лит.: Ананьев Б. Г. **10**, гл. 3, с. 64–74; Петровский А. В. Петр Любовский — передовой психолог начала XIX в. // Вопросы философии. 1952. № 3; Каменский З. А. **530**, т. 3, с. 265; Евдокименко В. Е., Денисенко М. С., Коваль П. Д. **186**, т. 2, с. 462–463.

ЛЮТОСЛАВСКИЙ ВИКЕНТИЙ ФРАНЦОВИЧ (6.6.1863–1954). Родился в Польше, в 1887 г. получил степень магистра философии в Дерптском ун-те; в июне 1889 г. назначен приват-доцентом кафедры философии Казанского ун-та; ряд лет провел в заграничных командировках, публиковался на немецком, французском и английском языках; с 1896 г. работал в Министерстве народного просвещения.

Исходя из тезиса о том, что история философии не только в России, но и за границей занимает первое место в университетском преподавании, Л. сосредоточился на проблеме истории философии как науки, оспаривая, в частности, утверждение гегельянца Эрдмана о том, что все возможные решения философских вопросов уже испытаны, что нужно только изучать историю этих вопросов, как будто уже нельзя содействовать их развитию. Л. доказывал, что появляются все новые построения в философии, что метафизика процветает не хуже, чем в начале XIX в., когда Конт предсказал ее упадок. История философии, по Л., не случайное дополнение к самой науке философии, а ее необходимая часть, посредством которой современный философ переживает внутренний опыт давно умерших мыслителей. Изучение истории философии — лучшее средство для подготовки к самостоятельности, оригинальному мышлению.

Соз.: Erhaltung und Untergang der Staatverfassung nach Plato, Aristoteles und Machiavelli. Dorpat, 1887 (дис.); О значении и задачах истории философии. М., 1890; Eine neue aufgefundene Logik aus dem XVI Jahrhundert. Berlin, 1890; Über die Arbeiten auf dem Gebiete der alten Philosophie in Russland im Jahre 1889. Berlin, 1890; Sur la logique de Platon // Bulletin de l'Acad. de sciences de Cracovie. 1890 и 1891; Jahresbericht über die russischen Arbeiten auf dem Gebiete der alten Philosophie im Jahre 1890 // Birsians Jahresbericht. Berlin, 1891; On the ethical consequences of the doctrine of immorality // Intern. Journal of Ethics, 1895; Über die Echtheit, die Reihenfolge und den logischen Inhalt der drei ersten Tetralogien von Platos Werken // Archiv für Gesch. der Philosophie. 1895.

Лит.: **35**, ч. 1, с. 125–126.

МАГНИЦКИЙ МИХАИЛ ЛЕОНТЬЕВИЧ (1778–21.10(1.11).1835). Окончив Московский ун-т, служил в Преображенском полку, затем в Вене и Париже по ведомству иностранных дел; в 1810–1811 гг. был сотрудником М. М. Сперанского, проводившего прогрессивные реформы; после отстранения Сперанского, одновременно с ним был сослан в Елогу, где радикально изменил свои взгляды, став приспешником реакционеров Аракчеева и кн. Голицына; при содействии Аракчеева стал воронежским вице-губернатором, затем симбирским губернатором; с 1819 г. по 1826 г. — член Главного правления училищ в Министерстве духовных дел и просвещения, попечитель Казанского учебного округа; «реформировал» Казанский ун-т по обскурантской программе; за развал ун-та и растрату казенных денег отстранен от должности; сослан сначала в Ревель (Таллин), затем в Одессу, где и скончался.

С именем М. связана одна из самых мрачных страниц в истории университетской философии в России. Он буквально ненавидел любую сколько-нибудь рациональную философию, признавал, что «трепещет» «пред всяким систематическим неверием философии». «Лжеименная философия» отравляет-де все науки и даже словесность и искусства своим «тлетворным ядом», «беснует умы на Бога и царей». Нужна-де «здравая, истинная, беззатейная философия», которая «прямит и изощряет умы», с которой счастливо жили наши отцы, верные Богу и царям. Повсюду М. усматривал «удаление» от христианского учения. Особенно пострадала от гонений М. теория естественного права — эта, по его словам, «метафизика всех прав», в которой он обнаружил воплощение кантовского чистого разума, вылившегося во Французскую революцию. Уже в ссылке в издававшемся в Ревеле журнале «Радуга» продолжал глумиться над западноевропейской философией, утверждая, что философия «холодно-богохульная» в Англии, «затейливо-ругательная» во Франции, «грубо-чувственная» в Испании, «теософо-иллюминатская» в Германии» всегда облекала ереси в новые формы. По поводу Гегеля провозглашал: «Да изгладятся со смертью его и следы философии его на земле!»

Соз.: Инструкция ректору Казанского университета // Казанский вестник. 1821. Март; Два мнения попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого в 1822 г. // Русский архив. 1864. № 1–6; Примечания на книгу И. И. Давыдова «Логика» (1833) // Там же. № 3; Взгляд на мироздание // Москвитянин. 1843. Кн. XI; Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М., 1835.

Лит.: Феоктистов Е. М. М. Л. Магницкий. СПб., 1865; Загоскин Н. П. Из времен Магницкого. Страничка из истории Казанского ун-та 20-х годов. Казань, 1894.

МАДАИ (von MADAI) КАРЛ ОТТО фон (17(29).5.1809–24.5(4.6).1850). Родился в Цшербене (около Галле); учился в Торнской и Потсдамской гимназиях, на богословском, затем на юридическом фак-тах Галльского ун-та; в 1830 г. перешел в Берлинский ун-т; в 1832 г. получил степень доктора прав; стал приват-доцентом, с 1835 г. — экстраординарным, с 1837 г. — ординарным профессором Дерптского ун-та; в 1842 г. уволился из ун-та. В числе лекций М. были лекции по философии права. В дальнейшем — приват-доцент в Берлинском ун-те и профессор Кильского ун-та.

Лит.: Пусторослев П. П. 39, т. 1, с. 521–524.

МАКОВЕЛЬСКИЙ АЛЕКСАНДР ОСИПОВИЧ (10(22).7.1884–16.12.1969). Родился в г. Гродно; окончил историко-филологический фак-т Казанского ун-та; был оставлен при кафедре философии; с 1912 г. — приват-доцент, с 1918 г. — профессор; в 1920 г. переехал в Баку, где в 1921 г. защитил докторскую диссертацию; до 1960 г. — профессор Бакинского ун-та; в 1945–1950 гг. — директор Ин-та философии и права АН АзССР, с 1946 г. — член-корреспондент АН СССР; с 1949 г. — член АН АзССР.

Как преподаватель Казанского ун-та в дооктябрьский период М. специализировался в двух областях — теории и истории философии. Приняв участие в полемике вокруг философии, противостоя нападкам на нее, доказывая ее всеобщность, универсальное содержание и общечеловеческую значимость, М. занял при этом онтогносеологическую позицию, согласно которой учение о познании (теория познания и логика) должно быть первой частью философии, а метафизика должна следовать за теорией познания, а не предварять ее, как это было в традиционных философских системах. Одновременно М. начал заниматься историей античной философии, став со временем одним из крупнейших специалистов в этой сфере.

Соз.: Введение в философию. Ч. 1—2. Казань, 1912—1916; Мораль Эпиктета. Казань, 1812; Понятие о душе в Древней Греции. Варшава, 1913; Психология вюрцбургской школы. Варшава, 1913; Досократики. Ч. 1—3. Казань, 1914—1919; Досократовская философия. Ч. 1. Обзор источников. Казань, 1918.

Лит.: Шакир-заде А. С. и Ахмедов Э. М. Научно-педагогическая и общественная деятельность профессора А. О. Маковельского // Известия АН АзССР. 1954. № 10; О научной деятельности и научных трудах А. О. Маковельского // Труды Азербайджанского государственного ун-та им. С. М. Кирова. Серия логики и психологии. 1954. Вып. 4; 530, т. 3, с. 282—283; Огурцов А. 414, с. 333—334.

МАКСИМОВИЧ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (псевд. КИЯНИН ДИМИТРИЙ) (03(15).09.1804—10(22).11.1873). Родился на Украине; рано лишился опеки отца, ушедшего из семьи; Михаил с 1811 г. воспитывался у дяди — доктора прав и философии, бывшего профессора русского законовещения Харьковского ун-та И. Ф. Тимковского, поселившегося недалеко от Глухова; с 1812 по 1819 г. М. учился в Новгородской гимназии, по окончании которой стал студентом словесного отделения Московского ун-та; в 1821 г. перешел на физико-математическое отделение; в 1823 г., получив степень кандидата, М. поступил на службу в тот же ун-т и постепенно сосредоточился на проблемах естествознания. В 1823 г. М. записался на медицинское отделение, где пополнял свои знания по естествознанию, но посещал также лекции проф. философии Давыдова, пользовавшегося тогда популярностью на словесном отделении; в 1825 г. М. начал преподавательскую деятельность и, в частности, он преподавал естественную историю в Университетском благородном пансионе и самом Московском ун-те; в 1827 г. М. утвержден в степени магистра физико-математических наук; в 1829 г. стал адъюнктом ун-та, а в 1833 г. — ординарным профессором, сменив на кафедре ботаники Двигубского; в мае 1834 г. М. назначают ординарным профессором русской словесности в недавно учрежденный (8 ноября 1833 г.) Ун-т св. Владимира в Киеве и деканом 1-го отделения философского фак-та, а вскоре он стал первым ректором ун-та.

Работы М. первого, «московского», периода его деятельности посвящены в основном зоологии и ботанике, но в них наличествует значительный пласт философских идей. Диссертация М. на тему «О системе растительного царства» вызвала упреки эмпирика профессора Двигубского и ректора ун-та Антонского-Прокоповича за «излишний философский элемент», тогда как натурфилософски ориентированный профессор М. Г. Павлов был доволен сочинением М.

В досоветской историографии философскую позицию М. чаще всего квалифицировали как шеллингианскую. В советской же историографии высказывалась точка зрения, согласно которой М. от шеллингианской философии эволюционировал в сторону стихийного материализма и диалектики. На самом деле настоящим шеллингианцем М. никогда не был: отмежевавшись от умозрительных принципов натурфилософии Шеллинга, он использовал ее прикладную сторону. Философия, по М., — это не некая отдельная наука, введение в науку или заключение к ней: вся наука должна быть философической от главных положений до частных исследований. Ботаника, зоология, физика, по М., также суть философия, как логика, эстетика, психология. В мировоззрении М. эмпирическое преобладает над рациональным: истинная теория, по М., может существовать только через опытность. Природа познается только в опыте. Умозрение есть продолжение опыта в уме. Учение о природе у М. пронизано теологической идеей о том, что природа есть храм, выражающий мысли «художника Всевышнего».

Соз.: О системе растительного царства // Новый магазин. 1823. Ч. 2; Главные основания зоологии, или Науки о животных. Кн. 1. М., 1824; О системах растительного царства. М., 1827; Основания ботаники, часть первая: Органология растений. М., 1828; Размышления о природе. М., 1833 (2-е изд. Киев, 1847); Рец. на кн. М. Павлова «Основание физики» // Северная пчела. 1833. № 192 и 207; Собр. соч. Т. 1–3. Киев, 1876–1880.

Лит.: 36, ч. 2, с. 1–22; 37, с. 379–397; Бобров Е. А. 43, вып. 4, с. 40–59; Шпет Г. Г. 559, с. 298–300; Зеньковский В. В. 154, т. 1, с. 134; Райков Б. Е. 399, т. 2, с. 496–506; Микулинский С. Р. М. А. Максимович как естествоиспытатель // Труды Ин-та по истории естествознания АН СССР. Т. 5. М., 1953; Шудрик С. П. Философские и естественнонаучные взгляды М. А. Максимова. Киев, 1955 (дис.); 533, с. 364–365.

МАЛЕВАНСКИЙ ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (10.1.1840–?). Окончил Киевскую духовную семинарию и в 1861 г. стал священником; с 1865 г. по 1868 г. учился в Киевской духовной академии, которую окончил со степенью магистра богословия и назначен сначала исправляющим должность доцента, затем доцентом по кафедре основного богословия; в 1878 г. вышел из духовного сословия и был учителем греческого языка в Глуховской прогимназии; в декабре 1883 г. назначен исправляющим должность экстраординарного профессора в Историко-филологическом ин-те кн. Безбородко.

Соз.: Догматическая система Оригена Александрийского // Труды Киевской духовной академии. 1870. № 1–9; Нравственные принципы и характеры древних греческих философов. Киев, 1897.

Лит.: 180, с. 46–47.

МАНАСЕИН ЕЛПИДИФОР ПЕТРОВИЧ (1795–22.1.1833). Родился в Казанской губ. в дворянской семье; учился в Казанской гимназии (с 1802 г.), затем с 1807 г. — в Казанском ун-те; с декабря 1814 г. — магистр правоучения с поручением преподавать, в частности, естественное право; в 1815–1816 гг. под руководством профессора И. Е. Неймана готовил свой курс естественного права, переводил на русский язык естественное право профессора Геттингенского ун-та Густава Гуго, автора сочинения «Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts, besonders des Privatrecht» (Berlin, 1799); с 1817 г. — адъюнкт правоучения; преподавал в 1818/19 учеб. г. философию, используя систему Канта; в связи с назначением директором училищ Кавказской губ. уволился из ун-та.

Лит.: 35, ч. 2, с. 43–44; Булиг Н. Н. 56, ч. 2, с. 93.

МАРИУПОЛЬСКИЙ ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ. Доктор философии Бернского ун-та; с ноября 1906 по 1910 г. — приват-доцент кафедры энциклопедии и истории философии права юридического фак-та Томского ун-та.

В центре внимания М. — социал-дарвинистская идея борьбы за существование, которую, по его мнению, человек беспрестанно ведет на любой ступени духовного, физического или социального развития: в физиологической жизни — это вечная борьба между жизнью и смертью. Духовная жизнь — это борьба самых противоположных чувств, ощущений, мыслей, идей и убеждений и т. д. В целом борьба за существование имеет конечной целью удовлетворение лишь личных потребностей человека с тем, чтобы привести окружающее в гармонию с процессами, происходящими в организме человека. Философия — это «стратегика», которая учит человека вести жизненную борьбу и является последней функцией человеческого усилия на пути к заманчивой цели — уничтожить борьбу за существование. Наука этот вопрос решить не может. Вопрос о борьбе за существование должен занять самое первенствующее место в философии. Философия при этом выступает как царица, или энциклопедия, всех наук.

Соз.: Zur Geschichte des Entwicklungsbegriff. Bern, 1897; Борьба за существование и эволюция в первых стадиях своего развития

в истории философии. СПб., 1898; Die philosophische Begründung der Evolutionstheorie Herbert Spencer's. Helsingfors, 1904.

Лит.: 217, с. 40.

МАРТЕНС ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ (Фридрих Фромгольд) (15(27).8.1845—7(20).6.1909). Родился в Пернове (Лифляндия); окончил Петербургский ун-т (1867); в 1869 г. защитил магистерскую, в 1873 г. — докторскую диссертации; профессор международного права Петербургского ун-та (1873—1905) и Александровского лицея.

Основная специальность М. — международное право и история дипломатии, но он занимался также и общей теорией права. Поскольку М. определял государственное право как учение о государстве, его правовая концепция непосредственно соприкасалась с социально-философскими учениями о государстве и он постоянно обсуждал правовые проблемы в соотношении со взглядами не только юристов, но и философов. М. видел причину возникновения государств в самой природе человека и ее потребностях, удовлетворение которых человек ищет в сношениях с людьми. Первый политический мыслитель Аристотель самым удачным образом выразил это положение, сказав, что человек — животное политическое. В самой природе человека лежит стремление к общению с людьми, и таким образом сначала возникает семья, потом род, затем племя и наконец государство. Оспаривая определение государства Кантом как юридического порядка, как юридического института, М. полагал, что при таком определении государство выступает исключительно карательным институтом, оставляющим без внимания естественные потребности своих подданных. Современное государство, по М., должно удовлетворять по мере возможности потребности народа в деле образования, в области путей сообщения и т. д. М. относился к числу сторонников возрождения теории естественного права.

Соз.: Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1—2. СПб., 1882—1883; (5 изданий); Государственное право. СПб., 1890.

Лит.: Никольский Д. П. Двадцатипятилетие профессорской деятельности Ф. Ф. Мартенса. СПб., 1896; Таубе М. А. Ф. Ф. Мартенс. СПб., 1909; Пустогаров В. В. «...С пальмовой ветвью мира»: Ф. Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. М., 1993.

МАРТИНИ ХРИСТИАН. Родился в 1699 г. в Бреслау; учился в Йенском и Лейпцигском ун-тах; изучал сочинения Вольфа, написал сочинение в его защиту против Буддея; по рекомендации Вольфа приехал

летом 1825 г. в Россию, обаявшись преподавать «по началам Вольфа» физику. Но у М. не сложились отношения с Бильфингером, который считал, что тот недостоин звания академика: Бильфингер получил кафедру физики, а М. — кафедру логики и метафизики, которую первоначально занимал Бильфингер.

В 1726 г. Академия объявила, что «профессор философии Христиан Мартини» «подаст логическое метафизическое учение, следуя философии Тумика» (ученика и истолкователя Вольфа Тюммига). Вместе с тем в своих лекциях М. использовал идеи Лейбница: известно о работе М. «De principis indiscernibilium Leibnitiani». Но в октябре 1727 г. Шумахер заявил, что в Академии нет надобности в «особенном профессоре метафизики и логики» и вынудил М. уволиться. В январе 1728 г. М. уволился и в начале мая 1729 г. уехал из Петербурга на родину. На родине он опубликовал одно сочинение о России: *Nachricht aus Russland*. Frankfurt; Leipzig, 1731.

Лит.: Пекарский П. 359, т. 1, с. 73—76; 268, т. 6, с. 78, 177, 283—284.

МАТТЕИ ХРИСТИАН ФРИДРИХ (4.3.1744—14.9.1811). Родился в г. Грест (недалеко от Мерзебурга, в Саксонии), учился в дрезденской школе при церкви, с 1763 г. — в Лейпцигском ун-те; в 1769 г. получил степень доктора философии и магистра словесных наук; с 1771 г. стал читать лекции в Лейпцигском ун-те; в 1772 г. приехал в Москву и получил должность ректора обеих московских гимназий (после Шадена); с 1776 г. М. — экстраординарный, в 1778 г. — ординарный профессор словесных наук в Московском ун-те; в 1784 г. уволился со службы, сохранив звание члена-корреспондента Московского ун-та и возвратился на родину; в Саксонии М. снова включился в тамошнюю университетскую жизнь: в частности, он был ординарным профессором Виттенбергского ун-та, деканом его философского фак-та и ректором ун-та; в 1803 г. — куратор Московского ун-та М. Н. Муравьев вновь пригласил М. в Россию; с 1804 г. и до конца жизни М. работал в Московском ун-те, возглавляя кафедру греческой и римской словесности.

Будучи европейски известным эллинистом и филологом, М. очень много сделал для описания, издания и комментирования греческих рукописей в московских библиотеках, в том числе религиозно-философских сочинений отцов восточной церкви Василия Великого, Григория Богослова (Назианзина), Иоанна Златоуста и др. Кроме того, М. издал сочинения ряда греческих философов, в частности Плутарха.

Лит.: Меншиков А. И. 36, ч. 2, с. 24—41.

МЕЙЕР АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (10(22).10.1875—19.7.1939). Родился в Одессе в немецкой лютеранской семье; учился на историко-филологическом фак-те Новороссийского ун-та в Одессе; участвовал в революционных кружках, за что был сослан в Среднюю Азию; по возвращении в Петербург работал на Высших курсах П. Ф. Лесгафта (читал лекции по введению в философию, логике и истории философии), занимался переводами Э. Маха, Ф. Йодля, П. Барта, Р. Штаммлера и др. и, считая себя православным, участвовал в собраниях Религиозно-философского общества. В 1918—1928 гг. — профессор и заведующий кафедрой эстетики на курсах Лесгафта; за участие в религиозно-философском обществе «Воскресение» арестован в 1928 г. и приговорен к расстрелу, который был заменен десятью годами заключения; после освобождения занимался переводческой деятельностью.

В дооктябрьский период философская позиция М. — разновидность богоискательства. Полагая, что нет еще настоящего религиозного движения, религиозного возрождения в России, М. доказывал, что речь должна идти не столько о рациональном построении новой религиозно-философской концепции, сколько об отыскании «истины», уже открывшейся человеку и утерянной им. При этом М. исходил из идеи опасности самоутверждения индивидуального «я» и необходимости преодоления на религиозной основе культуры как ложного пути утверждения личности. По убеждению М., существует глубокое родство коммунистических идеалов с идеалами мистического общения. Мистическое общение и вытекающее из него стремление к общности жизни — не коммунизм, это нечто большее, чем коммунизм. Коммунизм же — это несколько пониженный, приспособленный к условиям обычной жизни идеал общности. Отвергая коммунизм как чисто гуманистический идеал земного царства, М. пропагандировал «коммунистическое царство правды, братской любви» и «светлой радости», в котором преодолевается зло, заложенное-де природой в человеке.

Соз.: О смысле революции // Перевал. 1907. № 8—9; Бакунин и Маркс // Факелы. 1907. № 2; Выступление на докладе С. А. Аскольдова // Записки С.-Петербургского Религиозно-философского об-ва. СПб., 1908. Вып. 1; Религия и культура. По поводу современных религиозных исканий. СПб., 1909; Новое религиозное сознание // Биржевые ведомости. 1916. 28 октября; Философские сочинения. Париж, 1982.

Лит.: Гиренок Ф. И., Дмитриева И. А. 6, с. 511—512; Исупов К. Г. 415, с. 291—292; Хализев В. 414, с. 338—339.

МЕЛЬМАНН ИОАН ВИЛЬГЕЛЬМ ЛЮДВИГ. Родился ок. 1764 г. в Мекленбург-Шверине в семье деревенского пастора; три года учился в

гимназии в Любеке, два года изучал богословие в Киле, два года — древнюю классическую литературу в Геттингене в Филологической семинарии; получил степень доктора философии и в сентябре 1786 г. стал ректором латинского и греческого классов в гимназии при Московском ун-те, затем стал профессором греческого и латинского языков; в 1795 г. отстранен от должности и выслан из России, обвиненный в том, что будучи у московского митрополита Платона, а затем в присутствии профессоров ун-та «обнаружил» «оскорбительные» и «развратные» мысли против христианской религии: оспаривал-де подлинность «откровенного» характера и святость Писания, проявлял неверие в божество Христа и даже торжественно заявлял, что считает своим долгом сообщать другим эти взгляды; под обвинениями в адрес М. подписались не только официальные университетские деятели, но целый «профессорский интернационал» (М. Шаден, С. Зыбелин, Х. Чеботарев, М. Скиадан, Ф. Керестури, Ф. Баузе, П. Страхов, Д. Синьковский, И. Гейм, А. Брянцев, А. Антонский, М. Панкевич, П. Сохацкий и др.).

Из оправдательных записок М. видно, что обвинения в его адрес были основательными лишь частично: «развратными» религиозные мысли М. были лишь постольку, поскольку покоились не только на Библии, но и на философских послылках. Как признавал М., он занимался философией, особенно сочинениями «кенигсбергского профессора Канта», и «за точное убеждение в важнейших предметах» «обязан учению кантовых и ему подобных сочинений» (о философских трудах в Германии М. информировал проф. Буле). Кант, по М., — это «повторитель и внушитель слов Христа и писания Христова во имя и по повелению Божию». М. защищался от обвинений не только библейскими ссылками типа «Не судите, да не сами осуждены будете», но и призывал, чтобы «не уничижали человеческой природы и нашего века», чтобы все были «согласны с законом, т. е. согласны с разумом». Принимая концепцию труда Канта «Религия в пределах только разума», разделение «закона» на «естественный, или закон разума» и откровенный, М. принимал также агностический принцип Канта, согласно которому познания человека недостаточны, чтобы отвергать и утверждать возможность и существование сверхъестественного откровения.

«Казус» с М. — первая существенная, но печальная страница в истории университетской философии в ее начальных контактах с философией Канта: хотя М. не предъявлялись прямо обвинения в приверженности идеям немецкого философа, фактически преследование вылилось и в осуждение по крайней мере идей кантовской «философии религии».

Соз.: Перевод примечаний Мельманна на Дневную записку конференции Московского ун-та // Дело о профессоре Московского ун-та И.-В.-Л. Мельманне // ЧОИДР. 1863. Кн. 2. Отд. 5; Перевод показания профессора Мельманна // Там же.

Лит.: Меншиков А. И. **36**, ч. 2, с. 46–48; **551**, с. 86–120.

МЕНДЕЛЕЕВ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ (27.1(8.2).1834–20.1(2.2).1907). Родился в Тобольске в семье директора гимназии; учился в Тобольской гимназии, с 1849 по 1855 г. — в Главном педагогическом ин-те в Петербурге, где получил степень магистра; стал приват-доцентом; в 1859 г. был послан на два года за границу; по возвращении снова — приват-доцент в Петербургском ун-те, а с 1863 г. — профессор Петербургского технологического ин-та; в 1865 г. защитил докторскую диссертацию; в 1866 г. избирается профессором Петербургского ун-та; в 1890 г. М. прервал преподавание в знак протеста против ограничения университетских свобод; с 1876 г. — член-корреспондент Петербургской АН.

Химик по основной специальности, М. много занимался «философскими началами» науки. Стремясь стать посередине между идеализмом и материализмом, он называл свое мировоззрение «реализмом», который, по его мнению, отражал действительность с возможной для людей объективностью, по здравому смыслу. М. признавал только эволюционный путь развития природы. Венцом знания считал индуктивные, опытные науки, которые-де помирили «царственную метафизику и математику» с «покорным наблюдением и с просьбой ответа у природы».

Соз.: Два лондонских чтения. Попытка приложения к химии одного из начал естественной философии Ньютона и периодическая законность химических элементов. СПб., 1889; Соч.: В 25 т. М.; Л., 1937–1952 (т. 15 — Знания теоретические, т. 24 — Статьи и материалы по общим вопросам).

Лит.: Чельцов И. **38**, т. 2, с. 17–21; Троцкий Л. Д. Д. И. Менделеев и марксизм. М.; Л., 1925; Васецкий Г. С. Дмитрий Иванович Менделеев. Философские и общественно-политические взгляды. М., 1941; Забродский Г. А. Мировоззрение Д. И. Менделеева. К 50-летию со дня смерти (1907–1957). М., 1957; Кедров Б. М. **187**, т. 4, с. 130–138; **186**, т. 3, с. 434–446; Иониди П. П. Мировоззрение Д. И. Менделеева. М., 1959; Фигуровский Н. А. Д. И. Менделеев. 1834–1907. М., 1961; Карповиц Э., Макареня А. **530**, т. 3, с. 386–387; Зорина Е. В. **533**, с. 381; Моисеев В. **414**, с. 339–340; Козиков И. А. **415**, с. 293–294; Замалеев А. Ф. **145**, с. 180–181.

МЕНДЕЛЕЕВ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ (1883—1936). Сын Д. И. Менделеева, в советское время — профессор Всесоюзного научно-исследовательского ин-та метрологии им. Д. И. Менделеева.

В дооктябрьский период М. поставил перед собой амбициозную задачу «возвести новое здание на развалинах современной гносеологии»; вместе с тем он признавал, что по вопросам познания он примкнул к гносеологическим исследованиям Э. Маха и А. Пуанкаре, хотя пытался найти лишь «более твердые основания», «обобщить главные выходы» и исправить окончательные результаты исследований этих мыслителей-ученых. Результатом попыток М. стала так называемая этическая гносеология, в которой познание поставлено под контроль ценностных принципов познающего субъекта. В отличие от Маха М. считал, что метафизика как абсолютное знание о «вещах в себе» возможна. Согласно метафизической концепции М., существование объективного мира в пространстве и времени, существование физического мира — лишь вероятно, достоверно только существование мира психического.

В философии математики М. также пытался совместить познавательное и ценностное, доказывал, что идеал обращения математической теории в род логических следствий из логически оправданных определений неосуществим. В математике есть неустранимые сверхлогические элементы, а именно математическая интуиция, которая целиком сводится к индукции. Основание математической индукции лежит в нравственной оценочной способности человека.

Соз.: Мысли о познании. СПб., 1909; Оправдание истины. СПб., 1910; Метод математики. Логика и гносеология математических знаний. СПб., 1913; От критицизма к этической гносеологии. Опровержение критицизма профессора А. И. Введенского. Введение в этическую гносеологию. Клин, 1914.

Лит.: Огурцов А. 414, с. 340.

МЕНЗБИР МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (23.10(4.11).1855—10.10.1935). Родился в г. Тула; в 1878 г. окончил Московский ун-т; с 1886 г. — его профессор; с 1896 г. — член-корреспондент АН, с 1926 г. — почетный, с 1929 г. — действительный член АН; в 1911 г. покинул ун-т в знак протеста против политики Министерства народного просвещения; в 1911—1917 гг. — профессор московских Высших женских курсов; в 1917—1919 гг. — ректор Московского ун-та.

Поскольку разные науки, считал М., развивались под влиянием двух философских направлений — идеалистического и материалистического, — то это служит доказательством необходимости того и друго-

го для всестороннего развития человека. Основным направлением деятельности М. как философа науки стала пропаганда и защита дарвинизма. По его мнению, человек на любой ступени развития, будь то дикарь или наиболее развитый европеец, решает роковой вопрос: какое место занимает он в природе и что такое окружающая его природа. Под учением Дарвина скрываются сокровеннейшие тайны человеческого существования.

Соз.: Дарвинизм в биологии и близких к ней науках. М., 1886; Современные направления в биологии. М., 1894; Т.-Г. Гексли. М., 1895; Исторический очерк воззрений на природу. М., 1896.

Лит.: Памяти академика Михаила Александровича Мензбира. Сб. ст. М.; Л., 1937; *Уткина Н. Ф.* 186, т. 4, с. 163–166.

МЕНШУТКИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (12(24).10.1842–23.1(5.2).1907). Родился в Петербурге; среднее образование получил в реальном отделении Главного немецкого училища св. Петра; в 1862 г. окончил Петербургский ун-т; после защиты магистерской диссертации стал в 1866 г. приват-доцентом Петербургского ун-та; в 1869 г. защитил докторскую, в 1885 г. сменил А. М. Бутлерова на кафедре химии Петербургского ун-та; в 1902 г. перешел в Политехнический ин-т.

Соз.: Очерк развития химических воззрений. СПб., 1888.

Лит.: *Курилов В. В.* Три корифея русской химии (Ф. Ф. Бейльштейн, Д. И. Менделеев и Н. А. Меншуткин). Б. м., 1907; *Меншуткин Б. Н.* Жизнь и деятельность Н. А. Меншуткина. СПб., 1908; *Старосельский П. И., Соловьев Ю. Н.* Николай Александрович Меншуткин (1842–1907). М., 1969.

МЕНЩИКОВ (МЕНШИКОВ) АРСЕНИЙ ИВАНОВИЧ (27.10.1807–30.03.1884). Родился в Тамбовской губ. в семье священника; учился в Тамбовском духовном училище и семинарии; в 1829 г. поступил в Главный педагогический ин-т в Петербурге; в 1836 г. был командирован за границу для усовершенствования в древней филологии и проучился два с половиной года в Берлинском ун-те; по возвращении на родину стал адъюнктом в Главном педагогическом ин-те, а затем перешел в Московский ун-т; в 1842 г. получил степень доктора философии, защитив диссертацию, посвященную диалогам Платона; в 1848 г. утвержден в звании экстраординарного профессора, а в 1850 г. стал ординарным профессором.

В историю университетской философии в России М. входит как переводчик и комментатор диалогов Платона.

Соз.: In Platonis dialogum, qui inscribitur Cratylus commentation, 1842. Филеб, диалог Платонов // Пропилеи. Т. 4. 1854.

Лит.: 36, ч. 2, с. 48—52.

МЕРЗЛЯКОВ АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ (17(28).3.1778—26.7(7.8).1830). Родился в г. Далматово Пермской губ. в семье купца; учился в Пермском главном народном училище; в 1793 г. принят в гимназию при Московском ун-те, а в 1798 г. переведен в ун-т, где становится бакалавром; временами выполнял обязанности учителя в гимназии; с преобразованием Московского ун-та в 1804 г. М. переведен из бакалавров в кандидаты, в 1804 г. стал магистром и возглавил кафедру русского красноречия и поэзии; в 1805 г. получил степень доктора и звание адъюнкта; в 1807 г. утвержден в звании экстраординарного, а в 1810 г. — ординарного профессора поэзии и красноречия; М. назначался также директором Педагогического ин-та, ряд лет был деканом словесного отделения; в 1828 г. Виленский ун-т избрал его своим почетным членом.

М. придерживался мнения француза Баттё, полагая, что эстетическое подражание природе в полном смысле этого слова может быть принято за начало всех искусств. Вместе с тем М. много заимствовал у Эшенбурга. Фактически М. занял промежуточную позицию между классицистами и романтиками, критикуя и тех и других.

Соз.: Краткое начертание теории изящной словесности. Ч. 1—2. М., 1822.

Лит.: Шевырев С. 36, ч. 2, с. 52—100; Виноградов Ф. А. А. Ф. Мерзляков. СПб., 1908; Розанов И. Н. Мерзляков // Розанов И. Н. Русская лирика. М., 1914; Мордовченко Н. И. Мерзляков // Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX в. М.; Л., 1959; Каменский З. А. 530, т. 3, с. 395.

МЕТАЛЬНИКОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ (23.4(5.5).1870—17.9.1946). Родился в Симбирской губ.; воспитывался в богатой семье; окончил естественный фак-т Петербургского ун-та; стажировался в Гейдельбергском ун-те, Пастеровском ин-те в Париже; с 1907 г. — профессор зоологии Петербургского ун-та; с 1909 г. — руководитель биологической лаборатории (впоследствии Научный ин-т им. П. Лесгафта); в 1920 г. М. эмигрировал во Францию, где работал в Ин-те Пастера.

Для истории университетской философии в России дооктябрьского периода особый интерес представляют работы М., радикально отличающиеся своими философско-методологическими установками от «физиологического» направления Павлова—Сеченова. Концепция М. вы-

звала резкую критику со стороны К. Тимирязева. Суть тогдашней концепции М.: в природе не существует двух совершенно подобных организмов. Всякий живой организм представляет собой вечно изменяющийся и вечно творящий себя организм. Существовать — значит постоянно изменяться, изменяться, — значит бесконечно творить себя. Индивидуальное творчество, которое является причиной бесконечных вариаций, есть частичка того общего мирового творчества, которое называется эволюцией. Всякое проявление живого организма представляет не просто новый факт мировой жизни, он представляет, в сущности, творческий акт, так как связан с творением собственной индивидуальности. В контексте такой натурфилософии, связанной концептуально с идеями Бергсона, рефлекс — это не реакция на раздражение, а творческий акт.

Соз.: Рефлекс как творческий акт. Пг., 1915; Проблема бессмертия в современной биологии. Пг., 1917.

Лит.: *Nègre L. Metalnikov Serge (1870—1946) // Annales de l'Institut Pasteur. Paris. 1946. Vol. 72; Ульяновкина Т. И. 427, с. 408—410; Лосский Н. О. 253, с. 420—421.*

МЕТЛИНСКИЙ АМВРОСИЙ ЛУКЪЯНОВИЧ (1814—17.6.1870). Родился в мелкопоместной дворянской семье; учился в Гадячском уездном училище, Харьковской гимназии и на этико-политическом отделении Харьковского ун-та, который окончил в 1835 г.; начал трудовую деятельность помощником библиотекаря Харьковского ун-та; в 1839 г. утвержден магистром политических наук за диссертацию «О сущности цивилизации и значение ее элементов»; стал адъюнктом в ун-те; в апреле 1850 г. переведен в Ун-т св. Владимира в Киеве исправляющим должность экстраординарного профессора; в ноябре 1850 г. получил степень доктора за диссертацию «Взгляд на историческое развитие теории прозы и поэзии»; с ноября 1851 г. — ординарный профессор; в 1854 г. перешел обратно в Харьковский ун-т; в 1858 г. вышел в отставку; жил в уединении и в состоянии ипохондрии застрелился в Ялте.

Современники и первые биографы М. невысоко оценивали его общетеоретические взгляды, больше акцентируя его работы в сфере народной словесности и языка. В некоторых отношениях его прямым последователем стал А. А. Потебня. Для истории университетской философии имеют значение работы М., опирающиеся на солидные философские основания.

Философию М. определял как третью форму постижения безусловного духа. Это — высшая ступень знания, обозревающая все сферы истин, наука истины и наука наук. В магистерской диссертации М. ис-

пользовал идеи Гизо, Гердера, Шлоссера, Б. Констана, Монтескьё, Канта, Кузена, Гегеля. Соотношение поэзии с другими видами искусства М. излагал по Гегелю. Учившиеся у М. считали, что его взгляды на литературу не многим отличались от взглядов Белинского.

Соз.: Речь об истинном значении поэзии. Харьков, 1843; Взгляд на историческое развитие теории прозы и поэзии. Харьков, 1850; О сущности цивилизации и значении ее элементов. Харьков, 1839.

Лит.: Дашкевич Н. П. 37, с. 409—423.

МЕЧНИКОВ ИЛЬЯ ИЛЬИЧ (3(15).5.1845—2(15).7.1916). Родился в д. Ивановка Купянского у. Харьковской губ. в семье харьковского помещика, румына по происхождению Спадаренко (фамилия происходит от румынского слова *spada* — меч); младший брат Л. И. Мечникова; с 1856 по 1862 г. учился во 2-й Харьковской гимназии, с 1862 по 1864 г. — на естественноисторическом фак-те Харьковского ун-та; с 1864 по 1867 г. находился за границей в качестве стипендиата Министерства народного просвещения; в марте 1867 г. защитил магистерскую диссертацию; в 1868 г. получил степень доктора; преподавал в Петербургском ун-те и в 1870—1882 гг. — в Новороссийском (в Одессе); в 1882 г. М. вышел в отставку; в 1887 г. переехал в Париж, где работал в Ин-те Пастера; почетный член Петербургской АН (1902). Нобелевский лауреат 1908 г.

Труды М. — биолога и патолога по основной специализации покоятся на своеобразных философских и этических основаниях: он выработал цельную концепцию «рационального мировоззрения», антропологии и этики оптимизма. Рациональным М. называл мировоззрение, основанное на началах строгого позитивизма «и откровенного агностицизма», в отличие от течений, стремящихся-де проникнуть за пределы опытного познания, от мистического спиритизма, от чересчур грубо практичного прагматизма, метафизической интуитивистской философии космического чувства Бергсона. Преодолев пессимизм своих ранних антропологических исследований, М. пришел к этике оптимизма, осознанию возможности рациональной этики, несмотря на недостатки человеческой природы.

Соз.: Воспитание с антропологической точки зрения // Вестник Европы. 1871. № 4; Современное направление биологии // Там же; Очерк воззрений на человеческую природу // Там же. 1877. № 4; Закон жизни. По поводу некоторых произведений гр. Толстого // Там же. 1891. № 9; Этюды о природе

человека (1904). 5-е изд., испр. и доп. М., 1917; Этюды оптимизма. М., 1907; Сорок лет искания рационального мировоззрения (1913). 2-е изд., испр. и доп. М., 1914.

Лит.: Педашенко И. **38**, т. 2, с. 37—42; Анугин Д. Н. И. И. Мечников и его антропологические статьи. Б. м., б. г.; Толстой К. К. Корни беспросветного пессимизма, «Оптимистическая философия» проф. И. И. Мечникова. СПб., 1909; Оптимистические воззрения на жизнь (ortobioz) проф. Мечникова. Философская критика их. Харьков, 1913; Соловьев Н. М. «Научный атеизм». М., 1915; Мельник М. И. И. И. Мечников. Жизнь — труды — мировоззрение. Введение в изучение Мечникова. Харьков, 1924; Мегникова О. Н. Жизнь И. И. Мечникова. М.; Л., 1926; И. И. Мечников. Памяти великого ученого. Сб. ст. Харьков, 1947; Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 261—265; Остринин Л. Ф. Мировоззрение И. И. Мечникова. Харьков, 1948; Залкинд С. Я. И. И. Мечников. М., 1957; Каганов В. М. **187**, т. 4, с. 118—119; Гайсинович А. **530**, т. 3, с. 426; Иванов А. В. **6**, с. 519; Мазуркевич Т. Л. **415**, с. 296; Лыцов Г. **414**, с. 345; Замалеев А. Ф. **145**, с. 176.

МЕЧНИКОВ ЛЕВ ИЛЬИЧ (18(30).5.1838—18(30).6.1880). Родился в Петербурге в семье харьковского помещика; старший брат И. И. Мечникова; в 16 лет поступил на медицинский фак-т Харьковского ун-та; переехал в Петербург, слушал лекции в Петербургской медико-хирургической академии, на физико-математическом фак-те Петербургского ун-та и в Академии художеств; гражданская служба сложилась неудачно, и М. оказался в Италии под знаменами Гарибальди, став участником западноевропейского и русского революционного движения, сочетая эту деятельность с публицистической и научной работой; в 1873 г. М. был приглашен в японский ун-т; в 1883 г. Невшательская академия предложила М. занять кафедру сравнительной географии и статистики в Лозаннском ун-те, которую он занимал до конца жизни.

Основной труд М. посвящен исследованию географических условий развития цивилизации. В основу его легли университетские лекции М. Г. В. Плеханов справедливо считал, что книга М. затрагивает самые существенные вопросы философии истории, но критиковал М. за то, что, наряду с изучением географической подосновы всемирной истории, он не изучал внутреннюю логику общественных и прежде всего экономических отношений. Плеханов полагал, что эти два фактора дополняют друг друга и что под их соединенным напором откроются сокровенные тайны истории.

Соз.: La civilisation et les grands fleuves historiques. Paris, 1889 (рус. пер.: Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. СПб., 1898; более полный — 1924).

Лит.: Соловьев В. С. Из философии истории // Соч.: В 2 т. М., 1989; Плеханов Г. В. Л. И. Мечников (некролог) // Соч. М.; Л., 1925. Т. 7; Он же. О книге Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» // Там же; Поляков А. 530, т. 3, с. 426; Араб-Оглы Э. А. 532, с. 361; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. 87, с. 686—694; Толгамбаева Д. Т. Философско-историческая концепция Л. И. Мечникова. М., 1993; Константинов В. Н. Российский социолог Лев Мечников. Владимир, 1994; Jud P. Leon Metchnikoff. Zürich, 1995; Иванов А. В. 6, с. 519—520; Маслин М. А. 415, с. 297.

МИКЛАШЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (8(20).12.1864—1911). Приват-доцент Моск. ун-та, с 1896 г. — экстраординарный профессор политической экономии и статистики Юрьевского ун-та; работал также в Министерстве финансов.

М. — один из тех русских экономистов, которые придавали особое значение философским основаниям политической экономии; вопрос о реализме и идеализме в политической экономии, считал он, один из таких основных вопросов, от решения которого во многих отношениях зависит определение политэкономии как науки, ее содержания, сущности и своеобразие ее проблем. М. склонялся к мысли о том, что в политической экономии «равно законно» употребление всех методов (исторического, анализа, наблюдения и абстракции). Достигнуть монизма можно лишь при реальном изучении, т. е. при правильном сочетании в исследовании фактов и идей в их взаимоотношении. При этом важно не только изучение обобщенных фактов как причин и следствий, но и отношение мысли и познания, чувствований и стремлений к этим фактам. Иными словами, М. выступал за сочетание познавательного и ценностного в научном исследовании: наряду с изучением под углом зрения причинно-следственных отношений, идеи развития предлагалось рассмотрение явлений с телеологической, а следовательно идеалистической точки зрения.

Соз.: Жизнь и произведения Франсуа Кенэ // Кенэ Ф. Выбранные места. М., 1896; Реализм и идеализм в политической экономии. Юрьев, 1896; История политической экономии. Философское, историческое и теоретическое начала экономии XIX в. Юрьев, 1908.

Лит.: 44, т. 39, стб. 336; Незнанов В. И. 46, т. 16, с. 218.

МИЛЛЕР (МЮЛЛЕР) ГЕРАРД ФРИДРИХ (Федор Иванович) (18(29).10.1705–11(22).10.1783). Родился в Херфорде (Вестфалия) в семье ректора гимназии; учился в родном городе, затем в Ринтельне, а с 1724 г. – в Лейпцигском ун-те; ставший российским академиком И.-П. Коль пригласил М. в Петербург, и он был определен с ноября 1725 г. сначала студентом, затем адъюнктом Академии; в 1726–1727 гг. преподавал в Академической гимназии, затем работал в архиве и канцелярии Академии; с 1731 г. – профессор истории; официальный историограф Академии; в 1728–1730 гг. и 1754–1765 гг. – конференц-секретарь АН (секретарь Ученого Совета, по нынешней терминологии); дважды был ректором Академического ун-та; в 1749 г. за речь о «варяжском происхождении Руси» был разжалован, но затем восстановлен в правах.

М. – историк по преимуществу, причем историк, склонный к фактологическо-эмпирическому описанию; но он оказался одним из тех немногих историков XVIII в., кто частью осознанно, а частью неосознанно начал вырабатывать теоретико-методологические принципы исторического исследования. «История, – писал М., – это зеркало человеческих действий, по которому о всех приключениях нынешних и будущих времен, смотря на прошедшие, рассуждать можно». История должна быть обстоятельной, полной и достоверной. Труды по истории должны быть написаны «во славу Российской империи», «к бессмертной славе» всероссийской самодержицы и «всегдашней пользе» всех подданных. При такой явно идеологической ценностной установке М. оказался тем не менее первым в XVIII в., кто сформулировал принцип объективности в историческом исследовании. По М., «все заключается в трех словах: быть верным истине, беспристрастным и скромным». Обязанность историка трудно выполнить: «Он должен казаться без отечества, без веры, без государя. Я не требую, чтобы историк рассказывал все, что он знает, ни также все, что истинно; ...но все, что историк говорит, должно быть строго истинно и никогда не должен он давать повод к возбуждению в себе подозрения в лести...»

Несмотря на такие установки, а скорее именно поэтому, М. прослыл у ряда русских академических деятелей автором, который «старается только об унижении русского народа» или, как выразился М. В. Ломоносов, «больше всего высматривает пятна на одежде российского тела, проходя многие истинные ее украшения». Со стороны многих академиков, особенно со стороны Теплова, Ломоносова, Крашенинникова и др., в адрес М. выдвигалось обвинение в том, что в работе «Происхождение народа и имени российского» М. «ни одного случая не показал к славе российского народа». Правда, так считали не все: Шлёцер уверял, что

М. «был теплый патриот за честь России», а М. Щербатов сообщил, что именно М. «вложил» ему «охоту к познанию отечества» и побуждал к сочинению трудов по истории.

Столкновение становящегося методологического, познавательного принципа объективности, который сформулировал и проводил в исследованиях М., с аксиологическими и идеологическими установками его оппонентов, руководствовавшихся в первую очередь принципом патриотизма, — одна из первых страниц в истории формирования философско-методологических и ценностных принципов в исторических исследованиях в университетской науке.

Соз.: История Академии наук. СПб., 1890. Т. 6; Сочинения по истории России: Избранное (Проект создания Исторического департамента Академии наук). М., 1996.

Лит.: Соловьев С. М. Герард Фридрих Миллер (Федор Иванович Миллер) // Современник. 1854. Т. XLVII. Отд. 2. С. 115–150; Милюков П. Н. 274, с. 65–72; Тихомиров М. Н. 348, т. 1, с. 191–193; Белковец Л. П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.-Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. Томск, 1988; Каменский А. Б. Судьба и труды Герарда Фридриха Мюллера (1705–1783) // Мюллер Г.-Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996; Артемьева Т. В. 15, с. 17–20.

МИЛЮКОВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ (15(27).1.1859–31.3.1943). Родился в Москве; в 1877 г. окончил 1-ю Московскую гимназию и поступил на историко-филологический фак-т Московского ун-та, откуда исключался в 1881 г. на год за участие в студенческой сходке; в 1882 г. оставлен в ун-те для подготовки к профессорскому званию; с 1886 г. — приват-доцент ун-та; преподавал также в гимназии и земледельческом училище; в 1892 г. защитил магистерскую диссертацию; в 1895 г. уволен из ун-та и сослан в Рязань; с 1905 г. — один из лидеров либеральной конституционно-демократической партии («кадетов»); в феврале–апреле 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства; после Октябрьской революции — один из организаторов антибольшевистских сил; с начала 20-х гг. значительно изменил свое отношение к советской власти, усматривая в ее действиях как достижения, так и недостатки.

Выдающийся историк России и лидер русских либералов начала XX в., М. не считал себя философом, но, наоборот, всячески открешивался от философии. Тем не менее объективно М. сыграл в отечественной университетской философии очень заметную и специфическую

роль. Фактически у М. был значительный круг именно философских интересов, и по совокупности трудов его вполне можно отнести к числу тех выдающихся русских историков, которые внесли наибольший вклад в разработку философско-методологических проблем исторической науки, а также в разработку социологии.

В сфере философии и теоретической социологии основными источниками мысли М. были философия Конта и Спенсера и частично теория познания Канта, ориентировавшая, как и позитивизм, в направлении отрицания всякого «сверхопытного» познания. С позитивистских позиций М. нигилистически относился к философии как таковой, считая ее «паровым котлом», в котором «всевозможные иррациональные обрезки человеческого духа претворяются в однородную и бесцветную массу высшего синтеза, готовую принять в умелых руках какую угодно форму». Позитивизм М. проявился также в его сциентизме, апологии объективного научного знания, свободного, по его мнению, от всякого рода этических требований в историческом исследовании, в феноменализме и агностицизме. Собственную антиметафизическую установку М. довел до предела в своем отношении к «старой» философии истории, которая покоилась на идеалистической, спекулятивной идее «высшей цели», по его мнению, руководящей человечеством, и идее «общего плана», якобы осуществляющегося во всемирной истории. Такая философия истории, по убеждению М., потеряла право на существование. На смену философии истории, по М., приходит научная социология, или научное объяснение культурной истории, основой которой является принцип закономерности. Исторический процесс М. объяснял, опираясь на идею множественности, плюрализма факторов. Социология М. сознательно направлена против субъективного идеализма в истории, в частности, против русской этико-социологической, антропоцентрической школы. На этих основаниях М. в определенной мере ценил марксистский метод, толкуя его как «экономический материализм». Идеи американских социологов Л. Уорда и Ф. Гиддингса помогли М. внести в его социологическую концепцию элементы активизма и динамизма, противопоставить ее объективистской социологии Спенсера.

Выработанная в рамках университетской науки социологическая концепция М. является теоретическим основанием «нового либерализма», главным идеологом которого М. стал в начале XX в.

Соз.: Историософия г. Кареева [рец.] // Русская мысль. 1887. № 11; Разложение славянофильства. Данилевский. Леонтьев. Вл. Соловьев. М., 1893; Очерки по истории русской культуры. Ч. 1—3. СПб., 1903—1909; Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913.

- Лит.:* Соловьев В. С. Замечания на лекции П. Н. Милюкова // Соловьев В. С. Собр. соч. СПб., 1911—1914. Т. V. С. 458—462; *Бицилли П.* Философия русской истории в трудах П. Н. Милюкова // П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859—1929. Париж, 1930. С. 81—91; *Штелин К.* Методология П. Н. Милюкова // Там же. С. 92—95; *Вернадский Г. В.* П. Н. Милюков и месторазвитие русского народа // Новый журнал. 1964. Т. 77; *Поляков А.* 530, т. 3, с. 443—444; *Медушевский А. Н.* Милюков: ученый и политик // История СССР. 1991. № 4. С. 20—41; *Он же.* История русской социологии. М., 1993. С. 240—267; *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; *Думова Н. Г.* Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милюкова. М., 1993. Ч. 1; *Моцелков Е. Н.* 415, с. 297—299; *Огурицов А.* 414, с. 345—346; *Иванов А. В.* 6, с. 523—524; *Попова А. В.* Социально-философские взгляды П. Н. Милюкова. М., 1995 (дис.); *Stockdale M. K.* Paul Miliukov and the Guest for a liberal Russian, 1880—1918. Ithaca, London, 1996; *Митина И. Д.* Философско-культурологическая концепция П. Н. Милюкова. М., 1997 (дис.); *Пустарнаков В. Ф.* Социологическая концепция П. Н. Милюкова — антитеза метафизической философии истории // П. Н. Милюков: Историк, политик, дипломат, М., 1999.

МИЛЮТИН ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ (4(16).12.1826—5(17).8.1855). Родился в Петербурге в семье фабриканта; его брат Дмитрий — будущий крупный государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1898); заместитель военного министра и военный министр (с 1860 г.); брат Николай в 1858—1861 гг. — заместитель министра внутренних дел. В 1847 г. Владимир окончил Петербургский ун-т; с 1849 г. по 1852 г. — секретарь отделения статистики Русского географического общества; с 1850 г. — адъютант, с 1853 г. — профессор Петербургского ун-та, но в 1854 г. был вынужден по болезни оставить его, уехал лечиться за границу, где и умер в возрасте всего 28 лет.

Несмотря на короткую жизнь, М. сумел оставить заметный след одновременно в истории университетской и внеуниверситетской философии, совмещая свои университетские занятия с критико-публицистической работой в «Современнике». М. — первый русский мыслитель, начавший популяризацию позитивной философии О. Конта. Ни психология, ни метафизика, а только точные науки, основанные на наблю-

дениях и опыте, могут, по М., привести к открытию тех законов, по которым совершается или должно совершаться развитие человека и общества; «бесплодная метафизика уступит место истинной науке и отвлеченный, лишенный практического смысла взгляд на внешний и внутренний наш мир заменится глубоким, живым и светлым пониманием действительных законов бытия и настоящих отношений человека к природе». Происхождение положительной философии М. связывал с О. Контом. Принимая контовский закон трех стадий, он считал, что мифологическая и метафизическая философия противоположны положительной философии, которая является всегда и во всех отраслях знания последним звеном умственного развития и заслуживает названия науки. Как и Конт, М. сводил задачу позитивной философии к открытию законов взаимного соотношения явлений; признавал контовский тезис о невозможности для разума проникнуть в сущность бытия, достигнуть абсолютной истины.

М. считал также своим долгом выполнять поставленную Контом задачу положительной обработки общественных наук, которые должны заботиться об интересах большинства. Эти идеи связывали мировоззрение М. с антикапиталистической, объективно социалистической мыслью.

Сог.: Избр. произв. М., 1946.

Лит.: В. К. Позитивизм в русской литературе // Русское богатство. 1889. № 3, 4; Сакулин П. Русская литература и социализм. М., 1924. Ч. 1; Дубнов А. С. Экономические взгляды В. А. Милютина М., 1958; Володин А. И. 530, т. 3, с. 444.

МИНАЕВ ИВАН ПАВЛОВИЧ (9(21).10.1840—1(13).6.1890). Родился в Тамбове в семье чиновника; учился в Тамбовской (временно в 1-й Московской классической) гимназии, которую окончил в 1858 г.; с 1858 г. по 1862 г. учился на восточном факультете Петербургского ун-та; в 1863 г. по 1868 г. пребывал за границей, занимался в Берлине, Лондоне, Париже, сосредоточившись на проблемах истории буддизма; в 1869 г. была напечатана его магистерская диссертация, и он был избран штатным доцентом Петербургского ун-та; в 1872 г. защитил докторскую диссертацию и стал в 1873 г. экстраординарным профессором по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков.

М. оставил не очень много трудов, он рано умер от чахотки, но явился основателем русской индологической школы; в его фундаментальном труде по истории буддизма затронуты также проблемы буддийской философии.

Соз.: Буддизм. Исследования и материалы. СПб., 1887. Т. 1. Вып. 1 и 2.

Лит.: Булиг С. **38**, т. 2, с. 49—55; Иван Павлович Минаев. Сб. ст. М., 1967.

МИРОНОВ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ (1866—?). Профессор теории и истории искусства Казанского ун-та; читал также на Казанских высших женских курсах.

Труд М. по истории эстетики посвящен в основном античной эстетике, частично эстетике Нового времени, до Лессинга включительно. Но в работе сформулирована и общая эстетическая концепция М. Эстетика — это прежде всего наука о прекрасном, но прекрасном в его всеобъемлющей общности, о прекрасном в самой природе — этом источнике красоты, о прекрасном в искусстве, т. е. в мире красоты, воспроизведенной самим человечеством. При этом в область эстетики входит не только прекрасное, воспринимаемое высшими внешними чувствами, но и воспринимаемое сердцем и разумом. М. склонялся к объективной эстетике с положениями: не предметы природы и искусства делаются прекрасными оттого, что в них исполняются требования вкуса человека, а наоборот, вкус получает тон и окраску в прямой зависимости от тех объектов прекрасного, под влиянием которых человек эстетически развивается. Отвергая «догматическое изложение эстетики как системы», М. ратовал за историко-критическое рассмотрение разнообразных эстетических учений и формулирование на этом основании принципов эстетической теории.

Соз.: История эстетических учений. Казань, 1913.

МИХАЙЛОВСКИЙ ИОСИФ ВИКЕНТЬЕВИЧ (1867—1921). Родился в Могилеве в мещанской семье; учился на историко-филологическом и юридическом фак-тах Ун-та св. Владимира в Киеве; окончил ун-т по юридическому фак-ту в 1889 г.; работал судьей и готовился к научной работе, в частности, по философии и общим проблемам права под руководством Б. Н. Чичерина; в 1894 г. начал публиковаться в печати; в 1900 г. сдал в Киевском ун-те магистерский экзамен и после пробной лекции получил звание приват-доцента; с мая 1904 г. — приват-доцент Томского ун-та; в 1906 г. защитил магистерскую диссертацию и в том же году стал исправляющим должность экстраординарного профессора по кафедре полицейского права, а после смерти профессора В. Г. Камбурова перешел на кафедру энциклопедии и истории философии права; с июня 1907 г. — исправляющий должность ординарного профессора;

Октябрьскую революцию М. встретил негативно, в 1920 г. был арестован и осужден на 5 лет, но вскоре был освобожден по болезни.

Среди работ М. основными были труды по философии права. Разрабатывая концепцию философии права, М. попытался совместить религиозно-идеалистические методологические установки с некоторыми принципами права, сформулированными под влиянием позитивистской философии, и тем самым дать синтез разных направлений науки права. Но главный акцент он делал на идеалистической методологии: М. прямо связывал свою концепцию с поворотом к метафизике, которая наблюдалась в России на рубеже XIX—XX вв. Его методологические посылки явились своего рода комбинацией идей Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева.

С позиций либерального консерватизма М. осуждал философию пессимизма и проповедовал оптимистическую философию истории. Считал, что «современная Россия побила рекорд в смысле озверения»; отвергая не только пессимизм личный, но и «пессимизм философский, объективный» в духе Шопенгауэра, М. утверждал, что мировая основа не так уж бессмысленна, как утверждает пессимизм, что ближайшим и вместе с тем страшно отдаленным идеалом является всеобщее братство свободных, гармонически развитых индивидуумов, пользующихся всеми благами культуры, живущих высшею духовною жизнью, общежитие, где в плоть и кровь войдет уважение к личности и к праву, где единственной формой борьбы будет духовная борьба и не будет проявления дикости и насилия. Философия, изучая основу разумной эволюции, находит, что эта основа есть лишь часть общего мирового бесконечного и разумного порядка.

Соз.: Значение философии для науки права. 1896; Рец. на кн. Б. Н. Чичерина «Философия права» // Право. 1901; Воззрения Б. Н. Чичерина на право и государство (Доклад, читанный 28 февраля в заседании Томского юридического общества, посвященном памяти Б. Н. Чичерина) // Образование. 1904. № 7. Отд. 2; Предисловие к кн.: Камбуров В. Г. Идея государства у Гоббза. Киев, 1906; Университет и наука: Вступительная лекция в курс философии права. Томск, 1908; Начальная страница из истории русской интеллигенции: Отповедь авторам «Вех» // Санкт-Петербургская жизнь. 1909. 24, 25, 26 ноября; Культурная миссия юристов; Правовые прелюдии к грядущей культуре // Известия Томского ун-та. 1910. Кн. 38; Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914.

Лит.: Тарановский Ф. В. Новый опыт построения философии права в русской литературе (О кн.: Михайловский И. В. Очерки

философии права. Т. 1. Томск, 1914). Юрьев, 1915; 395, с. 165—167.

МИХЕЛЬСОН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (18(30).6.1860—27.2.1927). Родился в г. Тульчин (ныне Витебская обл.), окончил Московский ун-т (1883); в 1887—1889 гг. — в командировке в Берлине и Париже, где слушал, в частности, лекции Г. Гельмгольца; с 1894 г. — профессор Московского сельскохозяйственного ин-та.

Физик и метеоролог, М. был вместе с тем философом; полагал, что физик, не желающий оставаться на второстепенной роли научного чернорабочего, только собирающего факты, должен быть вместе с тем и философом, который, сознавая ограниченную способность человека, старается по возможности расширить границы доступной области и насколько возможно воспитать в человеке новые ветви этой способности. Великий физик, по М., всегда есть и философ: такими были Декарт, Паскаль и Ньютон. Соединение тончайшей и гениальнейшей наблюдательности в области физики и физиологии с глубоким и оригинальным философским мировоззрением представляет «незабвенный учитель» — Г.-Ф. Гельмгольц. Физик, по мнению М., ищет в природе простоту, гармонию и закономерности. Но чем больше «законов» и соотношений он открывает, чем больше ощущает эту гармонию, тем больше убеждается, что именно простоты в ней и нет. Наши «законы природы» суть лишь более или менее грубые приближения к истине, результаты нашего отвлечения. Сама же природа бесконечно сложна и разнообразна. Она и теперь полна глубоких тайн и скрытых сил.

Соз.: Физика перед судом прошедшего и перед запросами будущего. Варшава, 1900.

Лит.: Кузнецов И. В. Владимир Александрович Михельсон // Люди русской науки. М., 1961. Кн. 1. С. 223; Дорфман Я. Г. 186, т. 3, с. 419—420; Казютинский В. В. 186, т. 4, с. 149; Тепляков Г. М. Владимир Александрович Михельсон (1860—1927). М., 1971.

МИХНЕВИЧ ИОСИФ ГРИГОРЬЕВИЧ (1809—1885). Окончил магистром Киевскую духовную академию, был в ней в 1836—1839 гг. профессором, в дальнейшем — профессор философии в Ришельевском лицее (Одесса).

Философские взгляды М. квалифицировались по-разному: А. Никитенко усматривал у него отголоски идеализма Фихте. Я. Колубовский относил его к представителям шеллингианской традиции. Новейший исследователь В. В. Ванчугов акцентирует его противостояние западно-му «суетному мудрствованию». Все эти аспекты имеют место, но они —

аспекты более широкого видения М. философии: М. первым в России выступил как «гносеологист», сторонник сведения философии к теории знания, исключив из предмета философии бытие. Отталкиваясь от тезиса о том, что по идее Канта философия стала наукою ума, или «умоучением», Фихте сделал ее наукословием, а Гегель превратил в науку абсолютного саморазвития мысли и в науку сознания, М. сначала обозначил, чем, по его мнению, философия не является — ее предметом не является-де мир существ, сотворенных Богом (их познание составляет предмет других наук), — а собственным предметом философии является «мир человеческого ведения», мир, слагающийся из созданных и создаваемых человеческим умом знаний, искусств и наук. Это, мол, соответствует ее изначальному предназначению, которое получило название любомудрия, что равносильно названию любознание, так как мудрость и знание суть слова синонимические. Философия, по М., есть ведение о самом ведении, она есть как бы самосознание наук. Соответственно философия включает три главные науки: науку о душе, или психологию, науку о законах и формах мысли, чувства и воли, подразделяющуюся на логику, эстетику и этику, науку о главных идеях ума — идеологию, которая и есть собственно метафизика, включающая в себя теологию, соматологию (учение о существах телесных) и пневматологию (учение о существах духовных), и космологию.

Соз.: Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях // ЖМНП. 1839. Ч. 24. Отд. 2; О достоинстве философии, ее действительном бытии, содержании и частях // Там же. 1840. Ч. 25. № 2. Отд. 2; Задача философии // Там же. 1842. № 6. Июнь. Отд. 2; Опыт постепенного развития главных действий мышления как руководство для первоначального преподавания логики. Одесса, 1847; Опыт простого изложения системы Шеллинга, рассматриваемой в связи с системами других германских философов. Одесса, 1850; Руководство к начальному изучению логики. Одесса, 1874.

Лит.: 403, с. 8, 11; Ванзугов В. В. 415, с. 302—303; Алексеев П. В. 6, с. 533—534.

МИЩЕНКО ФЕДОР ГЕРАСИМОВИЧ (6(18).2.1848—28.10(10.11).1906). Родился в г. Прилуки Полтавской губ. в семье купца; учился в Прилуцком уездном училище, затем во 2-й Невской гимназии; с 1866 г. — на историко-филологическом фак-те Ун-та св. Владимира в Киеве, который окончил в 1870 г.; с 1872 г. — приват-доцент по кафедре греческой

словесности Ун-та св. Владимира; в 1874 г. получил степень магистра и избран доцентом; в 1881 г. удостоен степени доктора.

В числе сочинений М. по греческой литературе есть работы, посвященные истории рационализма в Древней Греции во времена историка V в. до н. э. Фукидида.

Соз.: Еллинская цивилизация // Университетские известия. 1879. № 6; Опыт по истории рационализма в Древней Греции. Ч. 1. Киев, 1881.

Лит.: 35, ч. 1, с. 132–134; Шестаков С. П. Мищенко (некролог) // ЖМНП. 1907. Июль; Шофман А. С. Федор Герасимович Мищенко. Казань, 1974.

МОДЕСТОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (24.1.(5.2).1839–13(26).2.1907). Родился в с. Кемцы Валдайского у. Новгородской губ. в семье настоятеля церковного прихода, учился в Старорусском духовном училище, Новгородской духовной семинарии, в Петербургском Главном педагогическом ин-те, а после его преобразования — в Петербургском ун-те; по окончании ун-та — учитель латинского языка в Олонецкой гимназии (1860); в феврале 1865 г. получил в Петербургском ун-те степень магистра; с мая 1865 г. — доцент Новороссийского ун-та (Одесса); с октября 1867 г. — доцент, затем экстраординарный (1868) и ординарный (1869) профессор Казанского ун-та; в июне 1869 г. переведен в Ун-т св. Владимира в Киев, в дальнейшем — профессор Петербургской духовной академии, приват-доцент Петербургского ун-та, профессор Новороссийского ун-та.

Будучи специалистом в сфере классической литературы, часть своих работ М. посвятил истории античной философии. Выступал он и по общим вопросам философии, в частности, философии истории и этики. Под его редакцией вышел русский перевод «Этики» Спинозы. Реагируя на упреки английского журнала «Атениум», утверждавшего, что в России много собирателей исторических материалов, но мало историков, М. с сожалением констатировал в 1881 г., что положение дел изменилось к худшему: сошли со сцены исторические писатели, в произведениях которых можно было видеть более или менее широкую историческую идею; замечается-де определенное бессилие создать цельный труд, освещающий эпоху, выясняющий ее значение в цепи предшествующих и последующих исторических периодов. В связи с книгой немецкого писателя Л. Бенлева «Законы истории» М. вновь поставил вопрос о необходимости трудов не только эмпирических, но и философско-исторических, чтобы «бросить свет на ход истории» и «водворить какой-

нибудь порядок в хаосе событий в ходе исторического существования человечества».

Соз.: Скептицизм в римской истории. Казань, 1869; Философ Сенека и его письма к Луцилию. Киев, 1872; Законы истории // Заграничный вестник. 1881. № 2; Борьба в философии // Наблюдатель. 1883. № 3, 4, 5; Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и пр. СПб., 1883; Эпикуреизм и современный интерес к нему // Русская мысль. 1890. Кн. III.

Лит.: 37, с. 447–452; 38, т. 2, с. 57–62; 35, ч. 1, с. 134–135; Садов А. И. Профессор Василий Иванович Модестов. Воронеж, 1911.

МОРГЕНШТЕРН (MORGENSTERN) КАРЛ (28.8.1770–3.9.1852). Родился в Магдебурге; там же окончил среднюю школу; в 1788 г. поступил в Галльский ун-т, где изучал философию у И.-А. Эберхарда; в 1794 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную Платону, и стал приват-доцентом в ун-те; в 1797 г. — экстраординарный профессор, с 1798 г. — профессор в Данциге; в 1802 г. назначен ординарным профессором эстетики, красноречия и древнеклассической филологии в открывшийся тогда Дерптский ун-т; преподавал М. в ун-те до 1836 г.

Историко-философский интерес имеет в первую очередь сочинение М. по эстетике. Он издавал специальный журнал «Dörptsche Beiträge für Freunde der Philosophie, Literatur und Kunst».

Соз.: Grundriss einer Einleitung zur Ästhetik. Dorpat, 1915.

Лит.: Шлютер. 39, т. 2, с. 453–458.

МОРДУХАЙ-БОЛТОВСКОЙ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ (1876–1952). В дооктябрьские годы работал в Варшавском ун-те, магистр чистой математики, секретарь физико-математического фак-та, заведующий математическим кабинетом; в советское время — профессор математики Ростовского ун-та, доктор математических наук.

В философии математики занимался проблемой подведения математических понятий под общую логическую идею.

Соз.: Математические и умозрительно-философские исследования основного психофизического закона. Варшава, 1907; Случай и бессознательное // ВФиП. 1912. Кн. 111; Второй Всероссийский съезд преподавателей математики. Философские, методические и дидактические очерки по поводу докладов съезда. Варшава, 1914; А. Пуанкаре. Варшава, 1913; Четыре лекции по философии математики. Варшава, 1913.

Лит.: Медведев Ф. А. О математической бесконечности в Древней Греции в толковании Д. Д. Мордухай-Болтовского. М., 1990.

МОРОХОВЕЦ ЛЕВ ЗАХАРОВИЧ (24.6.1848—1918). Окончил Медико-хирургическую академию, доктор медицины Гейдельбергского ун-та; с 1893 г. — профессор сельскохозяйственного ин-та, затем профессор Московского ун-та.

Медик по образованию и основным занятиям М. тесно увязывал историю и теорию медицинских знаний с философией. В его объемной монографии по истории медицинских знаний есть примечательный раздел под названием «Феноменология» с подразделами: «Греческие мудрецы», «Греческие философские школы», «Физиология греческих философов», «Физиология Аристотеля», «Натурфилософия и неоплатонизм», «Философия Декарта и Канта», «Витализм Биша», «Шеллинг», «Энциклопедизм, позитивизм, неовитализм» и др. Есть в книге также раздел о врачебной этике.

Соз.: История и соотношение медицинских знаний. М., 1903.

МОРОШКИН ФЕДОР ЛУКИЧ (1804—1857). Родился в с. Васино Калужинского у. Тверской губ. в семье священнослужителя; начал учиться в Кашинском училище, затем перешел в Тверскую семинарию; в 1823 г. поступил на этико-политический фак-т Московского ун-та; в 1833 г. сдал экзамены на степень магистра этико-политических наук, причем ему пришлось, в частности, отвечать на возражения «самого» С. С. Уварова; в 1835 г. М. возглавил кафедру гражданских законов общих, особенных и местных, тогда же он был утвержден в звании экстраординарного профессора, а в 1838 г. — в звании ординарного профессора.

М. — в числе тех русских правоведов, которые были убеждены в необходимости связи права с философией. На студента М. большое влияние оказало сочинение Монтескье «О духе законов». Он пришел к выводу, что без изучения истории философских систем невозможно возвести русское законодательство в степень науки. Московский эллинист В. И. Оболенский содействовал М. в изучении Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки и других древних философов. По Теннеману, Буле и Кузену он изучал философию Средних веков и Нового времени. Беседы с Павловым, Дядьковским и Надеждиным помогали понимать Канта, Шеллинга и Гегеля. По М., истинная форма права одна, но разбивается она в трех видах: пиитической, политической и философской. Римляне философского периода, доказывал М., представляли право вечно присущим человеческому разуму (*jus in intellectu consistit*). Право у них значило намерение, причину, мысль положительного права. Ссыл-

ки на Писание и Предание, на промысел Божий и т. д. М. перемежал философскими посылками, выдвигая, например, в качестве «коренного закона гражданского мира, служащего началом правоустройства», тезис в духе категорического императива Канта: «Сознавай в себе и в других нравственную личность существа» или «Не делай ни себе, ни другим зла, по любви к себе и ближним твоим».

Соз.: О постепенном образовании законодательства. М., 1832; Кафолический дух римского права. М., 1834.

Лит.: 36, ч. 2, с. 104–114.

МОЧУЛЬСКИЙ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ (1.1.1856—?). Родился в с. Ананьевка Ананьевского у. Херсонской губ.; учился в уездном училище, Одесской духовной семинарии и на историко-филологическом фак-те Новороссийского (Одесса) ун-та (1879); 9 лет преподавал в 3-й Одесской гимназии; с 1889 г. — приват-доцент Новороссийского ун-та и магистр русской словесности и языка.

М. — один из первых исследователей философом в славянской, в том числе древнерусской, мифологии: он исходил из тезиса о том, что все самые древние спекулятивные воззрения выводились из единого основного начала и только впоследствии из первоначального монотеизма развивается политеизм. Из анализа истории дуализма в натурмифологии М. сделал вывод о том, что и мифология славян первоначально была монотеистической, а не дуалистической. В религиозных мифах древних языческих славян господствовал-де догмат о едином верховном Боге — Перуне. Следы дуализма относятся к системе еретиков, появившихся сравнительно поздно и выработавших свое учение на основе гностико-христианских верований, и никакого непосредственного отношения к мифологии восточных славян не имеют.

Диссертация М. была посвящена анализу очень интересного памятника древнерусской апокрифической литературы — «Голубиной книге» и была отмечена премией АН.

Соз.: Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887; О мнимом дуализме в мифологии славян. Варшава, 1869; Н. Г. Чернышевский и Л. Н. Толстой об искусстве. Варшава, 1909; Эволюция критико-литературных взглядов В. Г. Белинского. Одесса, 1911.

Лит.: Маркевич А. И. 266, с. 228–229; 264, т. II, вып. 3, стб. 635.

МУЗЫЧЕНКО АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ (ум. после 1931 г.). Образование получил в Новороссийском ун-те (Одесса), учился, в частности, у

профессора Н. Н. Ланге, а затем в Вене у философа-профессора Р. Эйкена и у педагога В. Райна; с 1908 г. — в Историко-филологическом ин-те кн. Безбородко в Нежине.

М. совмещал в себе педагога и философа и убеждал своих слушателей — будущих учителей — в том, что им необходимо стройное, без противоречий мировоззрение с ответами на жгучие, вековечные вопросы, которые находят научно обоснованными в философской системе. Необходима лишь та система педагогики, которая затрагивает не только область дидактики и методики, но которая связана с философскими теориями, психологией, этикой, логикой и эстетикой, с учением о государственном управлении, юридическими науками и народным хозяйством.

Соз.: Отчет о специальных занятиях педагогикой в заграничной командировке. 1906—1908. Нежин, 1908; Философско-педагогическая мысль и школьная практика в современной Германии. Нежин, 1909; Иоганн Фридрих Герbart и его школа // Очерки по истории педагогических учений. М., 1911.

МУРОМЦЕВ СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ (23.9(5.10).1850—4(17).10.1910). Родился в Петербурге в дворянской семье; в 1871 г. окончил юридический фак-т Московского ун-та; с 1875 г. — доцент, с 1877 г. — профессор римского права Московского ун-та; с 1879—1892 гг. — редактор журнала «Юридический вестник»; в 1884 г. лишен кафедры за политическую неблагонадежность; в 1908—1910 гг. — лектор ун-та Шанявского в Москве; один из основателей и лидеров партии кадетов; в 1906 г. — председатель 1-й Государственной Думы.

М. первым в России предпринял попытку систематического построения правоведения на принципах позитивной философии, стремясь возвести правоведение в объективную науку, вскрывающую законы, которыми управляется юридическая жизнь общества. В теории собственно права он опирался на труды Р. Иеринга. М. отверг точку зрения, согласно которой наука должна отыскивать юридические нормы, годные везде и всегда, строить систему права, которая вытекала бы из вечных законов разума или неизменных принципов справедливости. На этом основании он стал противником теории естественного права.

Соз.: О консерватизме римской юриспруденции. Опыт по истории римского права. М., 1875; Определение и основные подразделения права. М., 1879; Что такое догма права? М., 1885; Статьи и речи. Вып. 1—5. М., 1910.

Лит.: Зверев Н. Положительное направление в разработке общего учения о праве (По поводу книги г. Муромцева «Определение

и основное разделение права». М., 1879). Б. м., 1881; Сергей Андреевич Муромцев. Сборник статей. М., 1911; *Милюков П. Н.* С. А. Муромцев. Биографический очерк. Пг., 1915; *Кизеветтер А. А.* С. А. Муромцев. М., 1918; *Пустарнаков В. Ф.* **186**, т. 4, с. 118—119; *Зорькин В. Д.* Муромцев. М., 1980.

НАДЕЖДИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (5(17).10.1804—11(23).1.1856). Родился в с. Нижний Белоомут Рязанской губ. в семье дьякона; с 1815 г. учился в Рязанской семинарии, с 1820 г. — в Московской духовной академии; получил степень магистра, стал в 1824 г. профессором словесности и немецкого языка Рязанской духовной семинарии; в 1826 г. уволился из семинарии и из духовного звания; в 1830 г. защитил на словесном отделении Московского ун-та диссертацию и был утвержден в степени доктора этико-филологических наук; с 1831 г. преподавал логику, российскую словесность и мифологию; в том же году был утвержден в звании ординарного профессора теории изящных искусств и археологии в Московском ун-те; в этом качестве читал лекции по теории и истории изящных искусств, а также логику; в мае 1835 г. уволился из ун-та; с 1831 по 1836 г. издавал журнал «Телескоп», который был закрыт за опубликование «Философического письма» Чаадаева; в дальнейшем Н. работал в Министерстве внутренних дел, заведовал редакцией журнала этого министерства.

Первоначально в сфере философии Н. — пропагандист Платона, противник просветительной философии, что стало основанием для позитивного восприятия им некоторых идей Шеллинга, в первую очередь его «философии изящного» с ее идеей тождества; у Шеллинга, а также его ученика Бахмана Н. обнаружил сочетание трансцендентализма и «опыта» без ущерба «идеальности». «Чистый» же «эстетический трансцендентализм» «плохих» учеников Шеллинга Н. решительно отверг, равно как «фантастический универсализм» умозрительной натурфилософии самого Шеллинга, а также его «гностицизм». Н. — поборник философии, которая состоит «не из одних метафизических тонкостей и диалектических сплетений ума, зашедшего за разум, но из светлых и плодотворных разысканий, собирающих раздробленные явления действительности в одно живое, живому духу доступное единство». Именно такое сочетание построений ума «на скрижалях опыта» Н. усматривал в «зиждательных умозрениях Окенов и Таннеров, Гегелей и Бахманов», подрабатывая тем самым под желаемую им философию компромисса трансцендентализма и эмпиризма немецкий идеализм.

Соз.: Платон. Философ оригинальный, систематический // Вестник Европы. 1830. № 5; Идеология по учению Платона // Там же. № 11; Метафизика Платонова // Там же. № 13–14; Современное направление просвещения // Телескоп. 1831. № 1; Всеобщее начертание теории изящных искусств Бахмана // Там же. 1832. № 8; Рец. на «Учебную книгу натуральной философии» Окена // Там же. 1832. № 8; Основания физики Михаила Павлова // Там же. 1833. № 9; Литературная критика. Эстетика. М., 1972.

Лит.: 36, ч. 2, с. 153–155; Колубовский Я. 210, с. 536; 424, т. 11, с. 19; Козмин Н. К. Н. И. Надеждин – профессор Московского университета // ЖМНП. 1907. Июнь, август; Он же. Н. М. Надеждин. Жизнь и научная деятельность, СПб., 1912; Шпет Г. Г. 559, с. 300; Коурé А. 621, р. 156–159; Манн Ю. 530, т. 3, с. 530–531; Ваганова Г. А. К оценке мировоззрения Н. И. Надеждина (1804–1856) // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. 1975. Вып. 2. С. 28–40; Она же. Философские и эстетические идеи в диссертации Н. И. Надеждина «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической» // Там же. 1977. Вып. 3. С. 16–34; Радгенко Е. К. Эстетические взгляды Н. И. Надеждина. М., 1985 (дис.); Галактионов А. А., Никандров П. Ф. 87, с. 196–206; Жиброва И. И. 533, с. 405; Балабанова И. 414, с. 356–357; Абрамов А. И., Ваганова Г. А. 415, с. 310–311; Пустарников В. Ф., Каменский З. А., Абрамов А. И. 528 (по указ. имен).

НЕВОЛИН КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ (1806–6(18).10.1855). Родился в г. Орлов Вятской губ. в семье священника; учился в Вятской духовной семинарии и Московской духовной академии, которую окончил в 1827 г.; в 1828 г. властями было решено специализировать ряд молодых людей в сфере права; с этой целью Н. в числе других стал учиться при 2-м отделении собственной его императорского величества канцелярии и в Петербургском ун-те; затем в Берлине слушал лекции Гегеля и работал также под руководством основателя исторической школы права Савиньи, который в письмах к Сперанскому очень лестно отзывался о Н.; с 1832 г. Н. работает в императорской канцелярии; в 1835 г. защитил докторскую диссертацию на тему «О философии законодательства у древних», причем в диспуте активно участвовал сам министр народного просвещения С. С. Уваров; в 1836 г. Н. утвержден в должности ординарного профессора; с 1837 г. трижды избирался ректором Ун-та св. Владимира в Киеве; в 1843 г. переведен в Петербургский ун-т; с 1853 г. – член-корреспондент АН.

Н. вошел в число выдающихся представителей отечественной юридической науки. Уже некоторые современники признавали, что его труд «Энциклопедия законоведения» (1839–1840) составил эпоху в русской юридической литературе. Этот труд Н. явился первым отечественным трудом, в котором изложена система философии права, причем автор опирался на философию Гегеля, но совмещал его идеи с учением исторической школы Савиньи. Историю древней философии законодательства Н. рассматривал, используя труды Теннемана, Риттера и Гегеля. Анализ взглядов древних философов на государство предварялся характеристиками их общей философской концепции.

Соз.: Рассуждение о философии законодательства у древних. СПб., 1835; Энциклопедия законоведения. Т. 1–2. Киев, 1838–1840; Полн. собр. соч. Т. 1–6. СПб., 1857–1859.

Лит.: Усов М. С. Очерк служебной и ученой деятельности профессора К. А. Неволлина. СПб., 1855; Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии // Университетские известия. 1868. № 7. С. 18–19; 37, с. 455–467.

НЕКРАСОВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ (1(13).2.1853–20.12.1924). Родился в Рязанской губ. Образование получил в Рязанской духовной семинарии и на физико-математическом фак-те Московского ун-та (1878); в 1883 г. защитил магистерскую, в 1886 – докторскую диссертацию, стал экстраординарным, затем ординарным профессором ун-та (1896); с 1893 г. – ректор Московского ун-та; с 1897 г. – попечитель Московского учебного округа; в 1905 г. переведен в Петербург, в Министерство народного просвещения.

Будучи учеником и последователем Н. В. Бугаева – лидера Московской философско-математической школы, Н. развивал свои взгляды как в сфере философии математики, разделяя теорию аритмологии, так и в сфере теоретической философии, где занял более самостоятельную, хотя и более эклектическую позицию. Свою философскую концепцию Н. считал научной, противопоставляя ее, однако, не только «чистой мистике», особенно Бердяева, но и позитивизму. Ратовал Н. за «старый Декартовско-Лейбницевский путь философского идеализма», на котором друг друга дополняют наука и нравственное учение религии. В теории познания Н. стремился синтезировать идеализм Декарта, монадологию Лейбница в переработке Бугаева, гносеологические идеи Канта и Вл. Соловьева, отразившиеся в работах киевского профессора физики Н. Н. Шиллера.

Соз.: Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности (Пересмотр оснований социальной фи-

зики Кетле). М., 1902; *Философские и логические основания социальной физики*. Тезисы. М., 1902; *Ответ на замечания и возражения относительно философских и логических оснований социальной физики* // ВФиП. 1903. Кн. 68; *Логика мудрых людей и мораль (ответ В. А. Гольцеву)* // Там же. Кн. 70; *Московская философско-математическая школа и ее основатели*. М., 1904; *Вера, знание, опыт. Основной метод общественных и естественных наук (гносеологический и номографический очерк)*. СПб., 1912; *Теоретико-познавательные построения в славянофильском духе*. Харьков, 1913.

Лит.: Полемика по поводу книги Некрасова «Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности» // ВФиП. 1903. № 68–70; *Гольцев В. А.* Возражение П. А. Некрасову // Там же. Кн. 69; *Урицкий С.* Проф. Павел Алексеевич Некрасов (некролог) // *Известия*. 1924. 24 декабря; *Половинкин С.* 414, с. 365–366 и 415, с. 314.

НЕЧАЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ (24.10.1870–6.9.1948). Профессор Александровского лицея и Педагогической академии, с 1906 г. – приват-доцент Петербургского ун-та.

Н. – сторонник научно обоснованного философского мировоззрения, допускающего, однако, «известную долю поэтического творчества и веры». Из частей философии на первое место Н. ставил гносеологию, решающую вопрос, что и как мы можем познавать; на второе – онтологию, посвященную рассуждениям о сущности мира; на третье – этику, изучающую вопросы о ценности разных видов деятельности. В сфере психологии (в ун-те Н. читал, в частности, курс «Педагогическая психология») был приверженцем экспериментальной школы. Его концепция вызвала резкую критику неокантианца А. И. Введенского.

Соз.: *Ответ проф. А. И. Введенскому*. СПб., 1902; *Очерк психологии для воспитателей и учителей*. Ч. 1–2. СПб., 1903–1908 (5-е изд. СПб., 1915); *Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения*. 2-е изд. Т. 1–2. СПб., 1909–1911; *История философии. Для начинающих изучать эту науку*. М., 1914.

Лит.: *Введенский Ал-др И.* Об экспериментальной дидактике А. П. Нечаева. СПб., 1902.

НИКИТЕНКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (12(24).3.1804–21.7(2.8).1877). Родился в д. Ударовка Воронежской губ.; сын крепостного крестьянина, получивший в 1824 г. вольную; в 1828 г. окончил философско-юриди-

ческий фак-т Петербургского ун-та; с 1830 г. начал преподавание: сначала политической экономии, затем теории словесности; с 1836 по 1864 г. — экстраординарный, затем ординарный профессор кафедры русской словесности; с 1855 г. — академик; заведовал редакциями ряда журналов, в том числе «Современника», «Журнала Министерства народного просвещения» и пр.; был членом Главного управления цензуры (1860—1865).

Н. — литературовед с солидной философской подготовкой и стремлением к философским методам изучения литературного процесса. По его убеждению, истинная наука есть соединение умозрения и опыта, философии с историей. Поэтому, отвергая чисто историческое, эмпирическое изучение словесности, Н. считал необходимым систематическую разработку «умозрительных», «всеобщих философских начал» литературы. Философская наука, философия искусства, должна объяснять общий характер изящного произведения, показывать, что органическая определенность формы есть необходимое условие изящного произведения, что в основном понятии о ней следует согласовываться с Природой, которая достигает целей жизни только приводя в движение силы по определенной идее, строгому размеру и соотношению.

Соз.: Речь о необходимости теоретического или философского исследования литературы. СПб., 1837; О творящей силе в поэзии, или О поэтическом гении. СПб., 1836 (докт. дис.); О начале изящного в науке. СПб., 1837; Александр Иванович Галич, бывший профессор в С.-Петербургском университете. СПб., 1869; Мысли о реализме в литературе. СПб., 1872; Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетелем в жизни был. СПб., 1904—1905.

Лит.: Штейн С. В. А. В. Никитенко. 1805—1877. СПб., 1902; **424**, т. 11, с. 296; История русской литературы XIX в. М., 1962; Габидулина Н. Г. **415**, с. 320—321.

НОВГОРОДЦЕВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ (28.2(12.3).1866—23.4.1924). Родился в Бахмуте Екатеринославской губ. в купеческой семье; по окончании в 1884 г. Екатеринославской гимназии учился на естественном отделении физико-математического фак-та, затем на юридическом фак-те Московского ун-та; в 1888 г. оставлен на кафедре истории философии права для подготовки к профессорскому званию; с 1896 г. — приват-доцент, в 1897 г. защитил магистерскую диссертацию «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба», в 1902 г. — докторскую «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве»; с 1903 г. — профессор Московского ун-та на кафедре энциклопедии права и исто-

рии философии права; совмещал преподавательскую деятельность с активным участием в общественно-политическом движении либералов (Н. состоял в партии кадетов и был членом ее ЦК). В 1911 г. в знак протеста против нарушения университетской автономии Н. ушел из ун-та, вернувшись туда только после Февральской революции 1917 г.; после Октябрьской революции — один из активных деятелей антибольшевистского движения; некоторое время преподавал в Таврическом ун-те в Симферополе в занятом белыми Крыму; в эмиграции занимался в основном преподавательской работой; возглавлял Русский юридический фак-т при Пражском ун-те.

Как философ права по преимуществу Н. активно разрабатывал проблемы философии на стыке с юридическими дисциплинами. Н. — один из основных в России начала XX в. защитников идеи естественного права. Вместе с тем он разрабатывал и общие проблемы теоретической философии. Считая не оправдавшимися надежды на науку, научную философию, особенно позитивизм, Н. приветствовал «очевидный поворот к учениям идеализма». Свою концепцию он называл «системой нравственного идеализма». В ее основе лежала идея «нравственно-должного», противостоящая идее закономерности и необходимости, и идея «абсолютного индивидуализма». Философские взгляды Н. синтетично-синкретичны. Развивая их главным образом на кантовской основе, он «дополнял» Кантовы идеи заимствованиями из Гегеля, Штаммлера, Чичерина, Вл. Соловьева. Н. — представитель не только университетской философии, он также представитель нетипичной формы русского либерализма начала XX в., в котором, в отличие от нового либерализма милюковского типа, ставившего во главу угла политико-правовые, особенно парламентарные, а также социальные идеи, господствовала формула «не учреждения, а люди, не политика, а мораль». Философия нравственного идеализма Н. была одной из теоретических основ формы либерализма, эволюционировавшего к либеральному консерватизму.

Соз.: История новой философии права (немецкие учения XIX века). М., 1898; Кант и Гегель в их учении о праве и государстве. М., 1901; Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М., 1901; Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902; Реставрационный идеализм Гегеля в изображении Гайма // Помощь. 2-е изд. СПб., 1903; Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903; Значение философии // Вступительные лекции профессоров Московского имп. университета. М., 1909; Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.,

1909; О праве на существование. Социально-философские этюды. Вып. 1. СПб., 1911; Праздник русской философии. Юбилей Л. М. Лопатина // Русская мысль, 1912, кн. II; Лекции по истории философии права. Учение нового времени XVI—XVIII вв. и XIX в. 2-е изд. М., 1912; Об общественном идеале. М., 1917.

Лит.: Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 362—364; Лосский Н. О. **253**, с. 424—425; Поляков А. **530**, т. 4, с. 81—82; Голосенко И. А. **462**, с. 265—269; Савельев В. А. Теория возрожденного естественного права в учении П. И. Новгородцева // Вопросы государства и права в общественной мысли России XVI—XIX вв. М., 1979; Goerdт W. **610**, S. 665—686; Поляков А. В. К критике методологических основ школы «Возрожденного естественного права» в России (П. И. Новгородцев) // Вестник Ленинградского ун-та. Серия 8. Вып. 2. 1986; Жуков В. Н. Социальная философия П. И. Новгородцева. М., 1993; **415**, с. 327—329; Walicki A. **640**, S. 304—355; Алексеев П. В., Иванов А. В. **6**, с. 566—568; Осипов И. **414**, с. 383—386; Колеров М. **427**, с. 462—463; Куратченко В. П. **227**, с. 78—82; Денильханова А. Х. Политическая философия Павла Ивановича Новгородцева. М., 1997 (дис.); Абубакирова М. И. «Система нравственного идеализма» П. И. Новгородцева. М., 1998 (дис.).

НОВИЦКИЙ ОРЕСТ МАРКОВИЧ (25.1(6.2).1806—4(16).6.1884). Родился в с. Пилипы Новоград-Волынского у. Волынской губ. в дворянской семье; учился в духовном училище в г. Острог, Волынской семинарии, затем с 1827 г. по 1831 г. в Киевской духовной академии, где лекции по философии на латинском языке читал И. М. Скворцов; по окончании академии Н. направлен профессором философии в Полтавскую семинарию, находившуюся в г. Переяславль; в 1834 г. Н. получил место бакалавра философии в Киевской духовной академии и тогда был приглашен читать курс философии в Ун-те св. Владимира; в 1835 г. Н. стал экстраординарным профессором и уволился из духовного звания; через год был утвержден ординарным профессором; несколько раз Н. был деканом 1-го отделения философского фак-та; в начале 1850 г. Н., как и все профессора философии российских ун-тов, кроме Дерптского, был уволен; логику и психологию стал читать протоиерей Скворцов; с 1850 по 1876 г. Н. работал цензором.

В ун-те Н. преподавал психологию, логику, нравственную философию, естественное право и историю философии. Логику читал по системам Круга, Бахмана, Трокслера и Фишера. Опытную психологию —

по руководствам Эшенмайера, Каруса, Гейнрота и особенно Фишера. Естественное право — по Бауэру и Шталю. Историю философских систем с древности до Декарта — по Кузену, Риттеру, Болену, Виндишману, Крейцеру, Рейнгольду. Особый интерес Н. проявил к работе Баршу де Пенхоена «История немецкой философии от Лейбница до Гегеля», которую его студенты перевели на русский язык. Собственные теоретические усилия Н. направил на противостояние «антифилософской партии» в России и создание самобытной русской философии. Он настаивал на том, что у православия должна быть своя философия. Немецких философов Н. упрекал за то, что они «покушались своим философским умозрением» на абсолютное ведение всех вещей, не опираясь на опыт. Философское умозрение, по Н., дает для знания только формы и законы, а содержание познания человек получает эмпирически, путем наблюдения. Философия занимается только общими законами и формами бытия. Я. Колубовский и В. Чуйко находили у Н. влияние Фихте, но на самом деле Н. доказывал обратное субъективно-активистской концепции Фихтева «я»: Н. отказывался признать, что наблюдаемые предметы суть одни чувственные представления, доказывал, что в наблюдаемых предметах воспринимается живая внешняя действительность.

«Философию национальную», «философию нашего отечества» Н. мыслил как самосознание, выражение духа народа, а это — «примерная религиозность», «глубокая преданность», «вера и любовь» к царю и отечеству. В познавательном же отношении эта философия должна была преодолеть «чистый идеализм германской философии» и «чистый сенсуализм французской», примирить идеальное и реальное, умозрение и опыт, знание и веру, завершив здание философии идеей Бога. Но философию «в истинном ее значении» Н. считал все же делом всего человечества, сознательным развитием «всеобщей идеи ведения». Как историк философии он соглашался с Гегелем в том, что если выступающие в истории основные системы философии очистить от всего, что относится к их форме и частным применениям, то многообразие фактов истории философии представится как последовательная и связанная система философии.

Сог.: Духоборцы. Их история и вероучение. Киев, 1832 (2-е изд., 1882); Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношении, их силе и важности. Киев, 1838; О разуме как высшей познавательной способности. Пг., 1840; Руководство к опытной психологии. Киев, 1840; Краткое руководство к логике с предварительным очерком психологии. Киев, 1844 (3-е изд. Киев, 1848); Очерк индийской философии.

фии // ЖМНП. 1844. № 3, 8; 1846. № 10; Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Ч. I—IV. Киев, 1860 (2-е изд., 1882).

Лит.: **37**, с. 489—528; Колубовский Я. **210**, с. 536—537; Шнет Г. Г. **559**, с. 197—208; Зверев В. **530**, т. 4, с. 83; Абрамов А. И. Чернышевский в борьбе с религиозно-идеалистической философией П. Д. Юркевича и П. Новицкого // Дискуссионные проблемы исследования наследия Н. Г. Чернышевского. М., 1984 и **415**, с. 330—331; Шохин В. **414**, с. 387—888; Иванов А. В., Алексеев П. В. **533**, с. 421—422.

НОВОМБЕРГСКИЙ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1871—1949). Профессор Томского ун-та, магистр полицейского права.

В сфере философии права Н. — позитивист. Критик концепции «возрожденного естественного права» и философско-идеалистического обоснования права, Н. отвергал «естественное право», в которое его сторонники включали право на жизнь, на честь, право не быть превращенным в вещь, право на имущество, требования свободы религиозных убеждений, свободы родного языка, неприкосновенности женской чести и т. д. Н. с полным основанием констатировал, что все эти требования составляют продукты позднейшего, почти современного правосознания и потому не являются «естественными». Примечательно, что полемизируя с религиозно-метафизическим обоснованием концепции права, профессор Томского ун-та И. В. Михайловский в то же время обозначил свое расхождение с Н. по политическим проблемам. Если И. В. Михайловский, считавший себя либералом, сближал социализм с полицейским государством, то Н. подчеркивал, что, поскольку полицейское государство исповедовало принцип «все для народа, ничего через народ», а социализм стремится опереться на формулу «все для народа, все при посредстве народа», социализм ближе к правовому государству, чем к полицейскому. Во взглядах Н. просматривается идеология нового социально ориентированного либерализма.

Соз.: По пути к вырождению. Социально-гигиенические очерки. СПб., 1913; Рец. на кн.: Михайловский И. В. О философии права // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 3.

О

ОБОЛЕНСКИЙ АНДРЕЙ ФИЛИППОВИЧ (1789—7.01.1871). Родился в семье священнослужителя, учился в семинарии, затем в Петербургском педагогическом ин-те; некоторое время был помощником Куницына; преподавал психологию (по учебнику Фриза), логику и нравственную философию (по учебнику Герлаха); стал профессором и вел правовые дисциплины; некоторые бывшие лицеисты утверждали, что преподавал О. «наискучнейшим образом», другие же, порицая его как человека, находили его умным и знающим, сообщали, что его лекции по психологии и нравственной философии слушались внимательно и охотно; печальную известность О. получил, став инспектором лицей: многие лицеисты его ненавидели за дисциплинарные гонения.

Лит.: Кобеко Д. 206, с. 149, 366.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (23.1(4.2). 1853—9.10.1920). Родился в имении Каховка Таврической губ. в семье профессора; учился в Симферопольской классической гимназии, в Петербургском (1871—1873) и Новороссийском (Одесса) (1873—1876) ун-тах; с 1883 г. начал читать лекции в качестве приват-доцента в Новороссийском ун-те; в 1885 г. защитил магистерскую диссертацию; в 1887 г. — получил степень доктора и был назначен экстраординарным профессором в Казанский ун-т; в 1888 г. переведен ординарным профессором в Харьковский ун-т; с 1907 г. — почетный академик АН.

О.-К. — литературовед и языковед с релятивистско-скептически акцентированными позитивистскими взглядами. Столбовой исторический путь развития науки и философии, по О.-К., сводится к открытию методов исследования, к установлению новых понятий, пригодных для процесса познания, к выработке новых способов и приемов мышления. «Истин нет, а есть лишь стремление к познанию, соответствующему данному уровню познавательных сил. Категорию “истины” пора заметить категорию “метода”, процесса познавания». Истина есть-де понятие догматическое, унаследованное из религиозных систем. Наступило

время не dogматического научного и философского мышления, необходимо либо урезать понятие «истина», либо совсем его отвергнуть как нефилософское и ненаучное. О.-К. предпочел последнее. Тем не менее он оперировал многими традиционными философскими категориями: мир явлений, а в искусстве — действительность, считал он, воспринимается и постигается в категориях бесконечности, пространства и времени, вечности материи и силы, непрерывности причины и следствия, вечности эволюции, как новой необходимой формы мышления в научно-философском развитии современной мысли. Реальное искусство есть познание действительности, достигаемое путем методов, аналогичных методам положительной науки.

В сфере языкознания О.-К. — сторонник психологической школы А. А. Потебни. Психологический метод является основным и в его литературоведческих работах. Нередко он соединял этот метод с дарвиновской теорией эволюции и учением И. Тэна о влиянии среды.

Соз.: Зачатки философского сознания в Древней Индии // Русское богатство. 1884. № 7; Очерки из истории мысли // ВФиП. 1890. Кн. 2, 5; А. А. Потебня как языковед-мыслитель. Киев, 1893; Язык и искусство. СПб., 1895; О значении научного языкознания для психологии мысли // Записки Харьковского ун-та. 1901. Кн. 2; Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1909—1911 (т. 6: Психология мысли и чувства. Художественное творчество. Основы веданизма); Лев Николаевич Толстой. Очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей. СПб., 1911.

Лит.: Маркевич А. И. 266, с. 278—279; 35, ч. 1, с. 142—143; 181, с. 229—231; Анненский И. Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский. Теория прозы и поэзии // ЖМНП. 1908. № 11; Райнов Т. «Психология творчества» Д. Н. Овсянико-Куликовского // Вопросы теории и психологии творчества. 1914. Т. 5.

ОГНЕВ А. ИВАНОВИЧ. Преподаватель философии в Московском ун-те (с конца 1915 г.), сын профессора медицины И. Ф. Огнева.

Позиция О. — молодого, начинающего философа — представляет тем не менее интерес как одно из демонстративных отражений идеологических последствий русско-германской войны, вызвавшей и в университетской философии попытки радикально пересмотреть историю немецкой философии. Обнаружив в философии Гегеля корни философского идеализма, почти слившегося с материализмом, моральным релятивизмом и «узким антропоцентризмом», переходящим в «нетерпимый национализм», О. противопоставил гегельянству позднего Шеллинга

как олицетворение «свободы романтического мировоззрения», «духа универсализма», как критика трансцендентального идеализма, поборника идеи интеллектуального созерцания, признающего иррациональность бытия, что роднит-де Шеллинга с А. Бергсоном, «глубокая интуиция» которого, по-видимому, подготавливает, как думал О., «новый период философского творчества». Из русских философов О. особенно ценил Л. М. Лопатина: в его глазах Лопатин — гениально одаренный, истинно великий философ. Его теоретическая философия — лучшее, что дала русская мысль в этой области. В своих научно-философских трудах Лопатин является-де никем не превзойденным классиком.

Соз.: Пантеизм и панлогизм // Философский сборник Льву Михайловичу Лопатину к тридцатилетию научно-педагогической деятельности от Московского психологического общества. 1881—1911. М., 1912; «Система трансцендентального идеализма» Шеллинга // ВФиП. 1915. Кн. 130; Лев Михайлович Лопатин. Пг., 1922.

ОГНЕВ ИВАН ФЛОРОВИЧ (1855—1928). В 1884 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины; приват-доцент, затем профессор Московского ун-та.

В отличие от последовательных виталистов, О. не отрицал категорически «механическое понимание природы», считая его только одним из возможных методов изучения природы, а не единственно возможным. Период анализа, совпавший с механическо-материалистическим пониманием природы, мало-помалу сменяется, по О., периодом синтеза. О. предполагал, что проблемам идеалистического мировоззрения, которое находит выражение в неовитализме, суждено развиваться в будущем в стройную синтетическую систему такого мировоззрения, но возможно, что они опять зачухнут «в бездне механических гипотез».

Соз.: Естественноисторические воззрения Биша. М., 1898; Речи Э. Дюбуа-Реймона и его научное мировоззрение. М., 1899; Витализм в современном естествознании. М., 1900.

Лит.: Огнев С. И. Заслуженный профессор Иван Флорович Огнев (1855—1928). Страницы из жизни медицинского фак-та Московского ун-та конца XIX и начала XX века. М., 1944.

ОЗЕ ЯКОВ ФРИДРИХОВИЧ (9(21).7.1860—1919). Родился в Курляндской губ., латыш по национальности; в 1877 г. окончил Гольдингенскую гимназию; в 1882 г. поступил на богословский фак-т Юрьевского (Дерптского) ун-та и получил степень кандидата богословия; затем слушал лекции на разных фак-тах и занимался философией под руко-

водством Тейхмюллера; в 1884—1888 гг. преподавал в Лифляндской дворянской гимназии в г. Феллин; в 1886 г. получил степень кандидата, в 1888 г. — степень магистра философии и утвержден в звании приват-доцента; с 1889 г. — экстраординарный профессор; в 1897 г. получил в Московском ун-те степень доктора философии и назначен ординарным профессором; ряд лет был деканом историко-филологического фак-та. Кафедру философии занимал до 1918 г.

Свою философскую концепцию О. называл «критическим персонализмом». Опиралась она на философию Платона, Лейбница, Лотце и Тейхмюллера. С позиции «критического персонализма» отвергаются не только материалистические, но и объективно-идеалистические концепции типа философии Гегеля, которая трактуется как «идеалистический проективизм», представляющий неправомерную «субстанциацию» интеллектуальных функций познающего субъекта. Концепция О. сводится к следующим основным положениям: существует мир транссубъективный, транссубъективная действительность, состоящая из существ, аналогичных с моим «я». Она лишена всех чувственных качеств форм, пространственных отношений и физического движения. Транссубъективно-трансцендентная действительность есть совокупность всех центров познания. Эта действительность познаваема, раз она мыслима в виде реальных центров сознания. Наряду с транссубъективной действительностью существует чувственный мир, мир явлений, действительность в собственном смысле слова. Только этот мир явлений может быть объектом наблюдения. Центры сознания вызывают в каждом субъекте известные феномены. Совокупность этих феноменов составляет феноменальный мир, мир явлений: это — тоже сторона сознания, это идейно-феноменальное бытие. Мысль есть функция субъекта, действительность, которая познается мыслью, есть содержание этого же субъекта. Реальным и действительным является только та реальность и действительность, которую мы находим в сознании. Все объекты суть содержание нашего сознания, без сознания не было бы и этого мира. Все во внешнем мире есть лишь комплекс наших ощущений. Субстрата мы нигде найти не можем.

Соз.: Zu Platons Charmides. Untersuchung der Kriterien der Echtheit der platonischen Dialoge im allgemeinen und des Charmides im besondern. Felling; Berlin, 1886; Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibnitz. Dorpat, 1888; Персонализм и проективизм в метафизике Лотце. Юрьев, 1896; Гносеология. Юрьев, 1908.

Лит.: Радлов Э. Л. Рец. на кн.: «Персонализм и проективизм в метафизике Лотце // ЖМНП. 1896. Ч. 307. Сентябрь; Валес-

калн П. И., Лайзан П. В., Штейнберг В. А. 186, т. 4, с. 663–664; Стродс А. Д. Немецкий персонализм. Рига, 1984; Вашестов А. 414, с. 395–396.

ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1750–28.2(12.3).1827). Родился в с. Озерецкое Дмитровского у. Московской губ. в семье священника; десять лет учился в семинарии Троице-Сергиевой лавры; в декабре 1767 г. как один из лучших учеников по классу философии направлен в Петербург в распоряжение Академии наук; в 1774 г. О. отправился в Лейденский, а затем в Страсбургский ун-т, где в 1778 г. получил степень доктора медицины; в 1774 г. стал адъюнктом по естественной истории; по воле самой Екатерины II был возведен в звание академика; О. был членом 14 ученых обществ и учреждений, в том числе Королевской Стокгольмской академии наук, Бернского экономического общества, Великобританского общества земледелия.

В естественнонаучных трудах О. не очень много собственно философского материала, тем не менее его труды представляют интерес как свидетельство специфических форм рецепции русской мыслью методологических и натурфилософских принципов тогдашней западноевропейской науки. О. воспринял общепризнанную в долиннеевский период систему французского ботаника Ж.-П. де Турнефора и одновременно систему самого К. Линнея. О. полагал, что и метод Турнефора и метод Линнея основаны на наблюдениях, на «созерцании величайшего числа с различных сторон наблюдаемых частей растений» и что «всеобщее начертание их плана откроет различающие их отличия». О. Линнее О. счел нужным заметить, что его «остроумная теория» – не результат воображения. Примечательно, однако, что О. ценил не только Турнефора и Линнея, которые не были еще эволюционистами: его участие в переводе выдающегося труда предтечи эволюционизма француза Ж. Бюффона свидетельствует о том, что, возможно, натурфилософская мысль О. развивалась в этом же направлении.

Соз.: Начальные основания естественной истории, содержащие царства животных, произрастений и ископаемых. Т. 1–3. СПб., 1791–1794.

Лит.: Ястребов Е. 424, т. 12, с. 181–184.

ОЛЬДЕНБУРГ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ (14(26).9.1863–28.2.1934). Родился в с. Бянкино Забайкальской обл.; семья О. ведет свое происхождение из старинного Мекленбургского рода, представитель которого переселился в Россию при Петре I; свое детство провел за границей: во Франции, Швейцарии, Германии; в 1881 г. он окончил 1-ю Харьков-

скую гимназию; в 1885 г. — санскритско-персидский разряд фак-та восточных языков Петербургского ун-та и был оставлен для подготовки к профессорскому званию; с того же времени начал преподавательскую деятельность, перемежая ее неоднократными поездками за границу; в 1897 г. был назначен исправляющим должность экстраординарного профессора, но в 1899 г. покинул Петербургский ун-т; в 1900 г. О. избран адъюнктом, в 1903 г. — экстраординарным, в 1908 г. — ординарным академиком; с 1904 г. по 1929 г. — неперемный секретарь Академии.

В духе гуманизма О. доказывал необходимость относиться с полным уважением к чужой вере, какой бы неправильной и страшной она ни казалась. Необходимо, полагал он, проникнуть в догмы и символы чужой веры, понять сущность чужого религиозного воззрения. Став крупным специалистом по буддизму и его разновидности ламаизму, О. считал своим долгом критиковать ложные представления об этих религиях. Одним из основных был для О. вопрос о философских основах буддизма и ламаизма. О. доказывал, что эти религии не знают единого, всемогущего Бога-Творца, что для них нет вопроса о конечной причине.

Соз.: Действительно ли буддизм проникнут пессимизмом? // Отчет о состоянии и деятельности имп. Петроградского университета за 1899 г. Пг., 1814—1916; Ренан как поборник свободы мысли // Проблемы идеализма. М., 1902; Обличение ламаизма. Рец. на кн.: Иеромонах Мефодий. «Буддийское мировоззрение, или Ламаизм и обличение его» // ВФиП. 1902. Кн. 65; Буддийское искусство // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1912. Т. 8.

Лит.: 267, ч. 2, с. 54—62; Академик С. Ф. Ольденбург. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Л., 1934; Сафронова Е. С. 6, с. 585.

ОРБИНСКИЙ РОБЕРТ ВАСИЛЬЕВИЧ (1834—1892). Родился в Финляндии; в 1851 г. окончил Главный педагогический ин-т в Петербурге и назначен исправляющим должность адъюнкта Ришельевского лицея; одновременно ряд лет был переводчиком при Новороссийском и Бессарабском генерал-губернаторе, инспектором лицейской гимназии и т. д.; после преобразования Ришельевского лицея в университет занял кафедру философии, читал курсы истории греческой философии, истории новой философии, истории христианской философии и психологии. О. собирался защищать диссертацию по английскому деизму, но по независящим от него обстоятельствам не закончил статьи на эту тему и

не защитился; в 1879 г. он покинул ун-т и в дальнейшем был крупным чиновником.

Соз.: Английские деисты XVII—XVIII вв. // Записки имп. Новороссийского ун-та. 1869. Кн. II.

Лит.: Маркевич А. И. 266, с. 305—311.

ОСИПОВСКИЙ ТИМОФЕЙ ФЕДОРОВИЧ (22.1(2.2).1765—12(24).6.1832). Родился в с. Осипово Ковровского у. Владимирской губ. в семье священника; окончил Петербургскую учительскую семинарию (1783—1786); преподавал в Московском главном народном училище (1786—1800) и Петербургской учительской семинарии (1800—1803); в 1813—1820 гг. — ректор Харьковского ун-та; доктор философии с 1807 г.

О. — поборник эмпиризма и математических методов доказательств. С этих позиций отвергал априористическую немецкую идеалистическую философию, симпатизируя мыслителям типа Бэкона и Декарта. Особенно настойчиво О. критиковал философию Канта (его идею врожденности категорий пространства и времени и «динамическую систему»); философию Шеллинга О. называл фантазией по преимуществу. Активно участвовал в преследовании проф. Шада, а мистики Дютюа и Эккартгаузена, по мнению О. — «суть люди сумасшедшие». В числе переводов О. «Логика» Кондильяка, что также свидетельствует о его приверженности к эмпиризму.

Соз.: О пространстве и времени // Речи, говоренные в торжественных собраниях Харьковского ун-та. Харьков, 1807; Рассуждение о динамической системе Канта. Харьков, 1813; Отзыв (на логику Шада) (1816) // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1.

Лит.: Багалея Д. И. 21, т. 1, с. 701—702; т. 2, с. 115; 424, т. 12, с. 384; Войтко В. И. Философские и логические взгляды Т. Ф. Осиповского. Киев, 1953 (дис.); Кравец И. П. Мироззрение Т. Ф. Осиповского и его значение в истории русской философии конца XVIII—начала XIX века. Харьков, 1961 (дис.); Он же. 530, т. 4, с. 170; 186, т. 2, с. 230—234; Мазуркевич Т. Л. 415, с. 358.

ОСТРОГРАДСКИЙ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (12(24).9.1801—20.12.1861(1.1.1862)). Родился в д. Пашенная Кобелянского у. Полтавской губ. в семье помещика; учился в Полтавской гимназии, но учился неважно и по желанию отца ушел из 3-го класса; в 1816 г. определился в

Харьковский ун-т, закончив его в 1818 г.; профессор офицерских классов Морского кадетского корпуса (с 1828 г.), Ин-та корпуса инженеров путей сообщения (с 1830 г.), Главного педагогического ин-та (с 1832 г.), Главного инженерного училища (с 1840 г.), Главного артиллерийского училища (с 1841 г.) в Петербурге; с 1830 г. — академик в Петербургской АН.

Выдающийся математик, О. был вместе с тем убежденным врагом философии, «софобом», что проявилось уже во время учебы в ун-те: тогда у ректора ун-та Т. Ф. Осиповского сложились плохие личные отношения с профессорами философии Шадам и Дудровичем, и пренебрежение Осиповского к философии отразилось на О. Поскольку О. не посещал лекций по философии и не сдал экзамен по философии, который был обязательным предметом для студентов физико-математического фак-та, Дудрович заблокировал в 1820 г. присвоение ему степени кандидата. О. пришлось сдавать экзамен по философии, но окончательно свое университетское образование он так и не оформил. Биограф О. В. Г. Алексеев убежден, что крайняя нетерпимость Осиповского к философии передалась и О., а это стало, в частности, причиной того, что он не понял глубины учения Н. И. Лобачевского и даже высказывал сомнение в нормальности умственных способностей этого великого математика.

Лит.: Алексеев В. Г. Михаил Васильевич Остроградский. Биография. Сопоставление с Н. И. Лобачевским. Юрьев, 1902; Гнеденко Б. В., Погребыский И. Б. Михаил Васильевич Остроградский. Научное и педагогическое наследие. 1801—1862. М., 1963; Юшкевич А. П. **186**, т. 2, с. 235.

П

ПАВЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ (14(26).9.1849—27.2.1936). Родился в Рязани в семье священника; учился в Рязанском духовном училище и Рязанской духовной семинарии; в 1870—1875 гг. — на юридическом и физико-математическом фак-тах Петербургского ун-та; затем в Медико-хирургической академии (до 1879 г.); в 1883 г. получил степень доктора, в 1884 г. — звание приват-доцента физиологии; весной 1890 г. назначен экстраординарным профессором в Томский ун-т, но летом того же года переведен в Военно-медицинскую академию; с 1901 г. — член-корреспондент, с 1907 г. — ординарный академик, в 1904 г. получил Нобелевскую премию.

П. сыграл очень специфическую роль в истории университетской философии в России: с одной стороны, он — противник всякой спекулятивной науки и к философии относился более чем сдержанно. Более того, в мировоззрении П. просматривались целые пласты религиозно-идеалистических идей. Но, с другой стороны, объективно естественно-научная деятельность П. сыграла огромную роль в упрочении эмпирико-материалистического направления в отечественной философии. В советское время учение П. рассматривалось как фундамент для материалистического подхода к изучению высшей нервной деятельности животных и человека.

Соз.: Экспериментальная психология и психопатология на животных. Речь, читанная на Международном медицинском конгрессе в Мадриде // Известия Имп. Военно-Медицинской Академии. 1903. Октябрь; Лекция о новых успехах науки, в связи с медициной и хирургией, читанная в честь Т. Гексли в Лондоне 1 октября 1906 г. // Там же. 1907; Главнейшие законы деятельности центральной нервной системы, как они выясняются при изучении условных рефлексов // Русский врач. 1912. № 38; Объективное изучение высшей нервной деятельности // Русские ведомости. 1913. № 71.

Лит.: 267, ч. 2, с. 52—65; 530, т. 4, с. 197—198; Зеньковский В. В. 154, т. 2, с. 265; Чикин О. Я. Философские взгляды И. П. Пав-

лова // Советская медицина. 1974. № 9. С. 129—133; Ильин А. Я. 186, 4, с. 173—182; Ярошевский М. Г. 532, с. 457—458; 415, с. 361—362; Умрихин В. 414, с. 397; Жиброва И. И. 533, с. 439—440.

ПАВЛОВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ (1793—3(15).4.1840). Родился в Воронеже; учился в Воронежской семинарии и по окончании курса и увольнения из духовного звания поступил в 1813 г. в Харьковский ун-т, но затем перешел на Московское отделение Медико-хирургической академии, а потом на математическое отделение Московского ун-та и одновременно стал проходить курс по медицинскому отделению; закончив ун-т, П. получил в 1818 г. степень доктора медицины; в том же году он был отправлен за границу, где специализировался по сельскому хозяйству; возвратившись на родину в 1820 г., П. стал читать лекции по сельскому хозяйству, физике, технологии, лесоводству в Московском ун-те в должности экстраординарного (с 1820 г.), затем ординарного (с 1824 г.) профессора.

Научное творчество П. не ограничивалось только предметами его основной специальности агронома: он сыграл значительную роль и в истории отечественной университетской философии, способствуя оживлению интереса к философии в Московском ун-те. Его философские взгляды квалифицируются чаще всего как шеллингианские. З. А. Каменский, много лет специально занимавшийся наследием П., считал его шеллингианцем-окенианцем. С такими квалификациями целиком согласиться невозможно: П. действительно испытал значительное влияние идей Шеллинга и Окена (он ассимилировал Шеллингову идею поллярности, что дало П. основание поставить Шеллинга выше всех других философов). Но общий строй философского мировоззрения П. далеко не совпадает с принципами философии даже раннего Шеллинга: по П., трансцендентальная философия и натурфилософия — это не системы философии, но способы решения одной и той же задачи. Эти способы появились не в Германии, а на начальной стадии самосознания человека, считал П. Если ранний Шеллинг — пантеист, то П. всегда был теистом, прямо и недвусмысленно признававшим креационизм в духе Библии. Законы природы, по П., — это начертание «Высочайшей Премудрости». Если у Шеллинга центральная, базовая гносеологическая идея — идея интеллектуальной интуиции (хотя Шеллинг в натурфилософии апеллировал и к опыту), то у П. «опытность» и «умозрение» не просто взаимно дополняют друг друга, но «опытность» признается основным методом. «Сведения умозрительные, составляющие философию, возможны только при опытных составляющих науки».

Соз.: О полярно-атомической теории химии // Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических. 1821. Ч. 2. № 3; О взаимном отношении сведений умозрительных и опытных // Атений. 1828. Ч. 1. № 1, 2; Философия трансцендентальная и натуральная (отрывки из словаря наук) // Там же. 1830. № 4; Достоинства идеализма в нравственном образовании человека, разговор между идеалистом и материалистом // Телескоп. 1832. № 1; Основания физики. Ч. 1—2. М., 1833—1836; Общий чертеж наук // Отечественные записки. 1839. № 11.

Лит.: Шуровский, Рулье, Калиновский, **36**, ч. 2, с. 183—199; Колубовский Я. **210**, с. 535—536; Бобров Е. **43**, вып. 2, с. 106; Бобынин В. В. **424**, т. 13, с. 92—97; Шпет Г. Г. **559**, с. 286—297; Коурé А. **621**, р. 126—136; Зеньковский В. В. **154**, т. 1, с. 131—132; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. **87**, с. 188—190; Каменский З. А. **530**, т. 4, с. 198—199; **528**, с. 241—255; **533**, с. 440; Приленский В. **415**, с. 362.

ПАВЛОВСКИЙ МИХАИЛ КАРПОВИЧ (1810—1898). Родился в Херсонской губ.; магистр Киевской духовной академии; с октября 1833 г. — законоучитель в Ришельевском лицее; с 1838 г. — профессор богословия; с упразднением в 1850 г. кафедры философии, помимо богословия, в течение 10 лет преподавал в Ришельевском лицее логику и психологию; лекции по этим предметам составлял по программам Святейшего Синода; в отставку вышел в 1873 г.

Соз.: Слова и речи. Одесса, 1851.

Лит.: Михневич И. Г. **283**, с. 70—71; Бобров Е. А. **43**, вып. 5, с. 67—73.

ПАЛИЕНКО НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1869—?). Приват-доцент, затем профессор Демидовского юридического лицея. Юрист по основной профессии П. — участник дискуссий конца XIX—начала XX в. по философии права. Наука государственного права, как и все юридические дисциплины, считал он, является, подобно логике, наукой нормативной. Она имеет дело не с категорией бытия, а с категорией долженствования, т. е. учит не тому, как существуют вещи, а тому, как они должны быть мыслимы для свободного от противоречий познания их. Право — это правила, нормы, выражающие идею не о связи явлений действительного мира, но лишь о должном порядке отношений общественной жизни. Вместе с тем П. не хотел, чтобы право было априорно и метафизично, как у Канта и неокантианцев, напротив, право черпает-де

свое содержание из фактических отношений жизни, и на этом основании он высоко ценил заслугу Иеринга и «так называемого», по его словам, позитивного направления в праве; иначе говоря, П. попытался соединить идеалистические и позитивистские концепции права. Причем поправки к идеалистическим концепциям шли так далеко, что П. не признавал теории «возрожденного естественного права».

Соз.: Нормативный характер права и его отличительные признаки. К вопросу о позитивизме в праве. Ярославль, 1902; Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908; Задачи и пределы юридического изучения государства // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 2—3.

ПАЛЬМИН МИХАИЛ АРХИПОВИЧ (1783—1852). Учился в Рязанской духовной семинарии (1797—1803 гг.) и Петербургском педагогическом ин-те; затем работал учителем в Петербургской губернской гимназии; в 1820 г. назначен экстраординарным профессором Казанского ун-та, в частности, по кафедре философии; был деканом нравственно-политического отделения; позорно вел себя в качестве приспешника М. Л. Магницкого во время погрома Казанского ун-та в 1821—1823 гг.; в 1823 г. уволен от преподавания философии, а затем и из ун-та; благодаря протекции Д. П. Рунича стал профессором теоретической и практической философии в Петербургском ун-те (1825—1827 гг.).

В Казани П. читал курс философии по одобренной Магницким книге Карпе. В Петербурге — курс нравственной философии читал по французскому учебнику Мангра. Историю философских систем — по Теннеману. Логику, метафизику и нравственную философию — по системе Вольфа («с надлежащими переменами») и Баумейстера. Некоторые мемуаристы очень критично оценивали лекции П.: В. В. Григорьев назвал их схоластическими, скучными, снотворными, кастрировавшими даже вольфианскую философию.

Лит.: Григорьев В. В. **111**, с. 53, 69; **35**, ч. 2, с. 63—64; **424**, т. 13, с. 162.

ПАНКЕВИЧ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (ок. 1757—14.8.1812). Родился в местечке недалеко от Нежина на Украине в семье священнослужителя; начал учиться в Киевской духовной академии, но затем перешел в 1780 г. в Московский ун-т; в 1782 г. переведен в педагогическую, или учительскую, семинарию при университетской гимназии; с 1787 г. начал преподавательскую деятельность, сначала в университетском благородном пансионе, затем в самом ун-те; в 1788 г. сдал экзамен на степень магистра философии и свободных наук, написал и издал диссертацию;

с 1791 г. возглавил кафедру математики, стал в том же году экстраординарным, в 1796 г. — ординарным профессором; трижды избирался деканом физико-математического отделения.

П. — один из первых русских ученых, которые начали разрабатывать философию математики. Математику П. трактовал как прикладную логику, науку, строго следующую предписаниям логики. Приобретение философских познаний о математических истинах рассматривал как главную из трех степеней успехов в математических науках. Из ученых особенно П. выделял «великого Ньютона»: попечитель ун-та М. Н. Муравьев поручил ему перевести «Principia mathematica philosophiae naturalis», но неизвестно, успел ли он сделать этот перевод.

Соз.: Слово о подлинной цели математических наук // Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного с кратким их жизнеописанием. Ч. 1—4. 1819—1823; Слово об отличительных свойствах, источниках и средствах просвещения (1800) // Там же.

Лит.: 400, ч. 2, с. 291—294; *Зернов.* 36, ч. 2, с. 202—208; *Бобынин В. В.* 424, т. 13, с. 249—252.

ПАРРОТ (von PARROT) ГЕОРГ ФРИДРИХ (24.6(5.7).1767—8.7.1852). Родился в Мэмпельгарде (Вюртембергское герцогство), там же окончил гимназию; с 1782 по 1786 г. учился в Высшей Карловской академии (ун-те) в Штутгарте, но, не закончив ее, занялся частным преподаванием и научными статьями; в 1795 г. приглашен в качестве частного преподавателя в Лифляндию, где в 1796 г. был избран секретарем одного из научных обществ; за научные статьи по физике, химии и метеорологии Кенигсбергский ун-т присудил П. степень доктора философии; в том же году П. переехал в Дерпт, стал работать в ун-те, был ректором ун-та; в апреле 1826 г. П. утвержден в звании ординарного академика Петербургской АН; выйдя в отставку, П. до 1840 г. работал в АН; был членом ряда зарубежных академий и научных обществ.

В историю университетской философии в России П. вошел как философствующий ученый-физик. П. — сторонник феноменологизма и агностицизма, примыкавший в этом качестве и к кантианству и к позитивизму. В физике, считал он, наблюдатель видит только явления, но не причины, которые мы, возможно, не узнаем никогда, но мы можем знать условия, при которых феномены имеют место. Постоянные отношения между феноменами мы называем законами. Эти законы — неизменны и вечны. На этом основании П. обличал «так называемых философов Природы» в Германии первых двух десятилетий XIX в.,

призывал не поддаваться капризам этих философов, идущих-де не от природы к человеческому духу, а наоборот — к природе от духа и видящих только себя в Универсуме. П. допускал, что этих философов можно назвать сумасшедшими.

Во время погромов университетской науки М. Л. Магницким при попустительстве верховной власти обращался лично к Александру I, стремясь доказать вред «инструкций» Магницкого для народного образования. Призывал не представлять «в презренном виде» «истины, не основанные на христианской религии и добродетели, внушаемые одним разумом».

Лит.: Левицкий. 39, т. 1, с. 406—411; 424, т. 13, с. 317; Шпет Г. Г. 559, с. 234.

ПАХМАН ВИКЕНТИЙ ФИЛИППОВИЧ. Адъюнкт Ришельевского лицея (Одесса) с 1828 по 1853 г.; преподавал латинский язык и словесность; с ноября 1842 г. по май 1844 г. сверх своих обязанностей читал философию права.

Лит.: Михневиг И. Г. 283, с. 90.

ПАЩЕНКО П. В 40-х гг. XIX в. автор учебного пособия по логике.

Хотя П. в заголовке своей книги отметил, что она составлена «по системе логики Бахмана», он написал ее с существенным отличием от книги немецкого логика. У Бахмана собственно логическая проблематика не связана с законами мышления, т. е. с теорией познания, русский же автор посчитал это недостатком и внес в свою книгу гносеологические проблемы («о силах познавательной способности», о «материи знания» и другие темы «науки мышления»). На вопрос о соотношении логики и философии П. отвечал: если под философией понимать науки только о началах, от которых зависит «материя знания», то логику нужно отделить от философии. Если же философию признать наукой о началах «материи знания» и о законах, посредством которых знания приобретаются, то к философии должно отнести и логику, так как она занимается исследованием сущности размышления; иными словами, у П. формальная логика была связана с философской (гносеологической) логикой.

Соз.: Руководство к изучению логики, составленное по системе логики Бахмана. М., 1840 (есть изд. 1849).

ПЕРЕВОЩИКОВ ВАСИЛИЙ МАТВЕЕВИЧ (1.4.1785—6.10.1851). Сын пензенского дворянина; во время обучения в Казанской гимназии был зачислен в феврале 1805 г. в только что открывшийся Казанский ун-т;

в сентябре 1806 г. назначен учителем философии и словесности в Пензенскую гимназию; в феврале 1809 г. утвержден в степени магистра и переведен в Казань; с 1811 г. — адъюнкт, с 1814 г. — экстраординарный, с 1820 г. — ординарный профессор; в том же году переведен в Дерптский ун-т.

В сфере философии П. интересовали прежде всего проблемы познания и эстетики. Гносеологическая позиция П. элементарна: истина для чувств, воображения и памяти состоит в соответствии ощущений и представлений с предметами. Истина для разума — в соответствии понятий с общими свойствами вещей. Познание физической и нравственной природы приводит к пониманию Бога и Творца мира. Истина заключена в Боге, человеку представлена возможность только изыскания. С этих позиций нигилистически критиковал идеализм немецких философов «со времен Канта», у которых «отвлеченными бреднями все смешано, все затемнено». П. утверждал, что, по Канту, познавательные способности якобы творят природу.

В глазах П., лучшие писатели, занимавшиеся эстетикой, — это Батё, Мармонтель, Юм, Блер, Бурке, Зульцер, Мейер, Эберхард, Эшенбург, Кант, Бутервек. П. соглашался с определениями Канта о том, что эстетика — это наука о чувственности вообще, тогда как логика есть наука об умственных способностях.

Соз.: Опыт о возбуждении и утолении страстей // Вестник Европы. 1816. № 12 и 13; Опыт об убеждении разума // Там же. № 17—18; Опыт. Дерпт, 1822.

Лит.: 35, ч. 1, с. 147—149; Загоскин Н. П. 142, т. 1, с. 37—39; Каменский З. А. 530, т. 4, с. 236.

ПЕТРАЖИЦКИЙ ЛЕВ ИОСИФОВИЧ (13(25).4.1867—15.5.1931). Родился в с. Коллонтаево Витебской губ.; окончил Витебскую гимназию и юридический фак-т Ун-та св. Владимира в Киеве; по окончании ун-та слушал лекции в Гейдельберге и Париже; по возвращении в Россию — приват-доцент на кафедре энциклопедии права и философии права Петербургского ун-та; в 1918 г. получил степень доктора права и вскоре стал ординарным профессором и заведующим кафедрой энциклопедии права и философии права Петербургского ун-та; в 1918 г. П. возглавил кафедру социологии Варшавского ун-та.

П. поставил перед собой цель пополнить юриспруденцию особой дисциплиной — «наукой политики права», или «законодательной политики», которую мыслил как восстановление прежнего дуалистического деления правоведения, когда наряду с позитивной правовой юриспруденцией существовало «естественное» (или «разумное», «иде-

альное», «философское») право. «Возрожденное естественное», «философское», право как учение о желательном праве он противопоставил «реалистической» школе Иеринга. С другой стороны, концепция П. противостоит идеалистическим теориям права. Если у Чичерина право выступает как одно из проявлений абсолютного духа, Е. Трубецкой основы права усматривал в этическом идеале, в «праве разума», то П. попытался доказать, что право есть явление психическое и его нужно изучать с точки зрения психологии. По П., право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически, возбуждая, или подавляя, или рационально направляя мотивы индивидуального или массового поведения, или совершенствуя человеческую психику. Идеал П. — достижение совершенного господства действительной любви к человечеству.

Поскольку основным методом изучения правовых явлений, фактов правовой жизни П. считал наблюдение, вся его методология явилась разновидностью позитивизма.

Соз.: Очерки философии права. Вып. 1. СПб., 1900; К вопросу о возрождении естественного права и нашей программе // Право. 1902. № 41; О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях. СПб., 1904; Университет и наука. Т. 1—2. СПб., 1907; Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб., 1905 (2-е изд. — 1907, 3-е — 1908); Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1—2. СПб., 1907 (2-е изд. — 1909—1910); «Новое учение о праве и нравственности» и критика проф. В. И. Сергеевича. СПб., 1910; К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. 2.

Лит.: Трубецкой Е. Н. Философия права профессора Л. И. Петражицкого // ВФиП. 1901. Кн. 57; Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908; Гинцберг В. Я. Учение Л. И. Петражицкого о праве и его предпосылки (Критический и методологический этюд). М., 1909; Дембский Д. Г. «Философия права и нравственности» проф. Л. И. Петражицкого. Харьков, 1909; Михайлов П. Е. «Психологическая теория права» перед судом русской юриспруденции. СПб., 1910; Сергеевич В. И. Мой ответ г. Петражицкому. СПб., 1910; Шульговский Н. Н. Кружок философии права профессора Л. И. Петражицкого при С.-Петербургском университете за десять лет существования. Исторический очерк в

связи с кратким изложением основных идей учения Петражицкого. СПб., 1910; *Алексеев Н. Н.* Основные философские предпосылки психологической теории права Л. И. Петражицкого. Б. м., б. г.; *Поппе В. М.* Критика методологических основ теории права и нравственности профессора Л. И. Петражицкого (Л. И. Петражицкий: Введение в изучение права и нравственности. Ч. 1). СПб., 1912; *Джорджихия Н. С.* Критика психологической теории права проф. Л. И. Петражицкого. Киев, 1915; *Резунов М. Д.* Марксизм и психологическая школа права. М., 1931; *Dabord G.* L'oeuvre juridique et philosophique de Léon Pétrażycki. Paris, 1962; *Vaum K.* Leon Petraczycki und seine Schüler. Berlin, 1967; *Sociology and Jurisprudence of Leon Petražycki.* Illinois, 1975; *Голосенко И. А.* **462**, с. 273–282; *Жуков В. Н.* **415**, с. 370–372; *Иванов А. В.* **533**, с. 450; *Кузнецов Э.* **427**, с. 493–494; *Walicki A.* **640**, S. 224–303.

ПЕТРУШЕВСКИЙ ДМИТРИЙ МОИСЕЕВИЧ (1(13).9.1863–12.12.1942). Родился в с. Кобриново Киевской губ.; окончил Ун-т св. Владимира в Киеве (1886); с 1906 по 1911 г. – профессор кафедры всеобщей истории Московского ун-та; преподавал также в Варшаве, Петербурге, Иванове; в 20-е гг. – директор Ин-та истории Российской ассоциации научно-исследовательских ин-тов общественных наук (РАНИОН).

П. приветствовал проникновение во все общественные науки эволюционного метода, вытеснение метафизической и схоластической точки зрения. Для современного ума, воспитанного на эволюционном мировоззрении, отвергающего всякую телеологию, считал он в дооктябрьский период, вопрос о смысле истории из сферы так называемой философии истории переходит на чисто научную почву и превращается в вопрос об основном, определяющем факторе исторического процесса. Исторический, или экономический, материализм в такой же мере представляет «философию истории», как и исторический идеализм. И тот и другой принадлежат к категории априорных доктрин. Но исторический материализм является шагом вперед сравнительно с историческим идеализмом. История должна ставить себе чисто социологические задачи, чисто научного изучения исторического процесса в его целом, во взаимодействии всех его сторон, в конкретной форме отдельных человеческих обществ, в их историческом развитии с целью выяснения законов развития человеческого общества. Для решения этих задач необходимо внести в анализ теоретико-познавательную точку зрения, опереться на работы немецких ученых, направленные на выработку основ теории исторического познания. Но при этом нельзя конструировать конкрет-

ный исторический материал с помощью одних философских средств, без детального изучения материала. Иначе мы получим если не гегелевскую, то кантианскую историческую диалектику, столь же далекую от исторической жизни, как и ее предшественники.

Соз.: К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пг., 1915.

Лит.: Бузескул В. П. Записка об ученых трудах профессора Д. М. Петрушевского. Л., б. г.; Данилов А. И. Эволюция идейно-методологических взглядов Д. М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков // Средние века. М., 1955. Вып. 6.

ПЕЧЕРИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (15(27).6.1807—17(29).4.1885). Родился в с. Дымерка Черкасской губ. в дворянской семье; в 1831 г. окончил Петербургский ун-т; в 1833—1835 гг. совершенствовал образование в Германии; как исправляющий должность экстраординарного профессора читал лекции по классической филологии; в 1836 г., несмотря на то, что ему было «заготовлено» место профессора, П. бросил все и уехал из России ради, как он выразился потом, «сохранения достоинства человека и независимости духа»; в 1841 г. принял католичество, вступил в монашеский орден редемтористов; в 1843 г. стал католическим священником; с 1861 г. — капеллан больницы в Дублине; жил в Англии и Ирландии; умер в Дублине.

В истории университетской философии, к которой П. имеет хотя и краткое по времени отношение, он сыграл специфическую роль: это одна из страниц «русской гегелианы». В Берлине П. слушал, в частности, «Энциклопедию философических наук» по системе Гегеля у проф. Геннинга. В своем отчете П. писал: «Точное, ясное и блестящее преподавание г. Геннинга познакомило меня с главными идеями философии Гегеля, которая стремится на пути строгой логической последовательности и утонченной Диалектики примирить противоречие между идеальным и реальным и восстановить совершенное единство обоих» (ЖМНП. 1834. Ч. 3. № IX. С. 461). Однако вскоре после своего отъезда из России П. стал утверждать, что даже в философии немцы — народ пошлый, что означало, в числе прочего, и его разочарование в Гегеле.

Соз.: Взгляд на трагедии Софокла: «Антигона и Аякс» // Сын Отечества и Северный архив. 1831. Т. 18; Замогильные записки (Apologia pro vita mea). Тверь, 1832; Из переписки В. С. Печерина с Герценом и Огаревым // Литературное наследие. М., 1955. Т. 62.

Лит.: Герцен А. И. Собр. соч. М., 1957. Т. 11; Огарев Н. П. Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX сто-

летия» // Огарев Н. П. Избр. социально-политические и философские произв. М., 1952. Т. 1; Гершензон М. О. Жизнь В. С. Печерина. М., 1910; Володин А. И. **530**, т. 4, с. 251–252; Сапов В. **414**, с. 400–401; **415**, с. 373–374.

ПЁШМАН (PÖSCHMAN) ГЕОРГ ФРИДРИХ (11.1.1768–17.3.1812). Родился в Наумбурге (Саксония) в бедной семье; учился в Наумбургской городской школе, затем в Лейпцигском ун-те, где в 1789 г. получил степень магистра философии; в 1798 г. поехал в Россию на заработки, случайно оказался в Риге, где получил в 1799 г. приглашение в Дерптский ун-т; стал профессором всеобщей истории, статистики и географии; несколько лет был деканом философского фак-та и одним из трех директоров Учительского ин-та при Дерптском ун-те.

Интерес представляет работа П. о влиянии на Россию западной культуры. Работа – первая в своем роде.

Соз.: Über den Einfluss der abendländischen Kultur auf Russland. Dorpat, 1802.

Лит.: Ясинский А. Н. **39**, т. 2, с. 371–374.

ПИЛЯНКЕВИЧ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (27.10.1819–28.4.1856). Родился в Чернигове в семье учителя; учился в 1-й Киевской гимназии, затем с 1834 по 1839 г. – в Ун-те св. Владимира; работал учителем в Киево-Подольском уездном училище и в 1-й Киевской гимназии; в 1841 г. назначен исправляющим должность профессора гражданских законов в Нежинском лицее; в 1842 г. П. получил трехгодичную научную командировку в Германию, Францию и Англию; с 1846 по 1856 г. П. – исправляющий должность адъюнкта по кафедре энциклопедии и законоведения; занимался главным образом философией права; подготовленный им труд (около 1849 г.) из-за тогдашних гонений на философию не был опубликован (издан в 1870 г.); отказ в публикации произвел на П. тягостное впечатление, ибо он потерял надежду на повышение по службе и улучшение своего материального положения. Скончался измученный болезнью в крайней бедности.

Хотя труд П. по истории философии права носит описательный по преимуществу характер, без сколько-нибудь значительных обобщений, он не заслуживал постигшей его судьбы. После труда К. Невוליной работа П. была второй, написанной русским автором по истории философии права. В истории «философских юридических систем» П. выделил три периода: 1) история собственно естественного права от Гуго Гроция до Канта; 2) теория права сенсуалистических философских школ Англии и Франции; 3) спекулятивное направление абстрактного естествен-

ного права немецких рационалистов со времен Канта. Поскольку в труде П. излагались идеи античных философов (довольно подробно Платона и Аристотеля), кратко — средневековых, более подробно Г. Гроция, Пуфендорфа, Томазия, Лейбница, Вольфа, Спинозы, Гоббса, Локка, очень кратко французских материалистов XVIII в., но весьма подробно (примерно на 7 а. л.) идеи Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, эта работа могла бы сыграть свою роль как солидный мыслительный материал еще в конце 40-х гг. Но не сыграла, оставшись одним из многочисленных свидетельств препятствий на пути развития университетской философии в России.

Сог.: История философии права. Киев, 1870.

Лит.: Ренненкампф Н. 37, с. 544—552.

ПИРОГОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (13(25).11.1810—23.11(5.12).1881). Родился в Москве в семье мелкого служащего Московского комиссариатского депо; учился в пансионе В. С. Кряжева, затем с 1824 по 1828 г. на медицинском фак-те Московского ун-та; в 1828 г. стал студентом Профессорского ин-та при Дерптском ун-те, где получил в 1832 г. степень доктора медицины; с 1836 г. — экстраординарный профессор Дерптского ун-та; с 1837 г. — ординарный профессор; с 1841 по 1856 г. — профессор Петербургской медико-хирургической академии; несколько лет был исправляющим должность попечителя Одесского, затем Киевского учебного округа.

Хотя, по воспоминаниям П., в студенческие годы он вместе с другими «бросался» на Гегеля и Шеллинга, тем не менее, несмотря на свой тогдашний идеализм, «сильно склонялся к материализму». В дальнейшем свой склад ума П. определял как склонный к эмпиризму. Но в своем дневнике (конец 1879—конец 1881) он решился на весьма широкие обобщения, заявляя, правда: «Я не претендую на звание философа и пишу для себя». Опубликованные в 1882 г. после смерти П. его «Вопросы жизни. Дневник старого врача» явились удивительным документом, проясняющим одну из интереснейших страниц философских умонастроений в среде русских естествоиспытателей конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в. В беспощадном самоанализе П. доходил до вопроса о том, насколько он материалист, но постоянно опасался, как бы не случавить перед Богом. Все его размышления поразительно двойственны: с одной стороны, перед нами убежденный теист, но через все религиозно-идеалистические высказывания П. проглядывает чуть ли не материалист. Одно из сквозных размышлений П. — проблема неразрывности жизни, силы, движения и мысли, связи сознания и мысли с мозгом. П. был убежден, что «нет сознания и мысли без мозга» и не опасался

материалистически звучащего выражения: «мыслящие и сознающие себя мозговые атомы». Не менее категорично П. провозглашал идеалистический тезис: «Наш ум по необходимости должен принять беспредельный и вечный разум, управляющий океаном жизни». Задавшись провокационным вопросом: «если мозговая мысль немыслима без мозга, то где орган мышления для мировой мысли?» — П. постулирует тезис о неорганичном и неограниченном мировом разуме. Но его дальнейшие рассуждения о мировом разуме оказываются по меньшей мере еретическими: мировое сознание сделалось-де «моим индивидуальным» посредством особенного механизма, заключающегося в нервных центрах. Человеческий организм — это прибор, составленный по определенному плану из сгруппированных известным образом атомов, для вещественного проявления мировой мысли. Сознание бытия собственной личности не является достоянием одной человеческой природы, оно обще нам со всеми животными: возможно, что Творцу было угодно произвести человека от обезьян и т. д.

Многие страницы дневника П. посвящены проблемам познания: то он обсуждает проблему «я», основанного или на опыте, или на логике, или веровании, то по-кантовски обсуждает вопрос о непознаваемости сущности вещей, ставит проблему соотношения сознательного и бес-сознательного, мысли и слова и т. д.

Натурфилософские идеи П. оказались увязанными с его педагогическими мыслями: в этой сфере его заботила в первую очередь связь школы с жизнью, которые, по его мнению, еще не помирились. Учителям он внушал, что не педагог управляет жизнью, а жизнь им.

Соз.: Вопросы жизни. Дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что, может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой // Соч. СПб., 1887. Т. 1.

Лит.: Франк С. Л. Мирозерцание Н. И. Пирогова // Путь. 1932. № 32; Зеньковский В. В. **154**, т. 1, с. 382—391; Геселевич А. М. Научное, литературное и эпистолярное наследие Пирогова. М., 1956; Н. И. Пирогов — врач, ученый, мыслитель. М., 1961; Огурцов А. **414**, с. 401; **533**, с. 458—459.

ПЛАТОНОВ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ (16(28).6.1860—10.1.1933). Родился в Чернигове; окончил историко-филологический фак-т Петербургского ун-та; с 1882 г. — магистр и заведующий кафедрой русской истории в Петербургском ун-те; читал лекции также в Александровской военно-юридической академии, на Высших женских курсах, в Николаевской академии Генерального штаба; член-корреспондент АН с

1909 г.; в советское время — академик (1920—1931), директор Пушкинского Дома и Библиотеки АН СССР.

В советское время П. квалифицировали как представителя официально-охранительного направления в дворянско-буржуазной историографии, взгляды которого мало изменились после 1917 г. Это — весьма неадекватная характеристика политической ориентации П. как историка и совсем негодная для определения его методологических принципов. Полагая, что «философская история», как ее представляли Боссуэ, Лоран, Вико и Гегель, брала руководящие идеи исторического изложения вне истории, систематизировала факты произвольно, превращаясь в прислужницу философии, что неправомерно также придавать истории задачи социологии, П. определял историю как науку, изучающую конкретные факты в условиях времени и места, а ее главной целью считал систематическое изображение развития жизни отдельных исторических обществ и всего человечества. Жизнь человечества развивается закономерно, подчинена вечным и неизменным отношениям и правилам. Исторический синтез имеет целью воссоздать общий ход мировой истории в ее целом, выявить законы последовательности развития, которые были бы оправданы не только в прошлом, но и в будущем человечества. Но русский историк не может непосредственно руководствоваться этим широким идеалом. Он строит систему местного исторического процесса. При этом нет нужды вносить в историографию предвзятые точки зрения. Русский историк должен оставаться в сфере строго научной, выделяя господствующие начала общественного быта, которые характеризовали различные стадии русской исторической жизни, раскрывая обществу главнейшие моменты его исторического бытия, и этим он достигнет своей цели. Он даст обществу разумное знание, а приложение этого знания зависит уже не от него.

Но при всем таком внешнем объективизме П. осуждал исторические концепции русских западников, которые «поверили тому, что германопротестантская цивилизация есть последнее слово мирового прогресса». П. не принимал также и славянофильские концепции русской истории, относя их гораздо более к философским, чем к научным. Первыми носителями строго научных концепций русской истории П. считал С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина. Что же касается состояния русской историографии начала XX в., то П. утверждал, используя выражение К. Аксакова, что у нас нет «истории», что у нас «теперь пора исторических исследований, не более», хотя до попыток исторического синтеза, может быть, и недалеко.

Соз.: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (12-го янв. 1897 г.). СПб., 1897; Ключевский. СПб., 1911; Карамзин. СПб., 1912;

Статьи по русской истории (1883—1912). 2-е изд. СПб., 1912; Лекции по русской истории. 10-е изд., пересм. и испр. Пг., 1917.

Лит.: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сб. ст. СПб., 1911.

ПОБЕДОНОСЦЕВ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ (22.9.1771—30.9.1843). Родился в Москве в семье священника; окончил Московскую Заиконоспаскую академию; уволившись из духовного звания, поступил в Московскую университетскую гимназию учителем; в 1797 г., получив степень магистра философии и словесных наук, стал преподавателем российской словесности в Александровском ин-те; с 1812 г. — адъюнкт при А. Ф. Мерзлякове; с 1814 г. преподает российскую словесность в Московском ун-те; с декабря 1826 г. — экстраординарный профессор.

Помимо сочинений, относящихся к основному предмету его занятий — русской литературе, — П. писал работы по этике, отличающиеся крайним мистицизмом и пессимизмом и соответственно критицизмом в адрес философов-рационалистов. В трудах П. есть главы под характерными названиями: «Рыдания осиротевшего сердца», «Размышления при гробе» и т. д. П. внушал читателю, что «мир сей не что иное есть, как гроб обширный и для всех отверстый». «Все то, что нас питает, — озаменовано черною печатюю смерти, усеяно семенами ее, упоено ядом ее». О философах же П. писал с упреком, противопоставляя им самопознание. «Пусть философы надываются от гордости! пусть проникают в таинства природы — рассматривают небесные планеты и объемлют очами ума своего целую громаду вселенной! Ты, дух мой! ищи и познай себя единого». Правда, некоторые философы заслужили его похвалу. Это те, кто при своей кончине отличились великодушным терпением и спокойствием (Томас Мор, Фонтенель, Анаксагор, Сократ). Свои сентенции о жизни, смерти и вечности П. подкреплял мыслями английского поэта-мистика Э. Юнга, а также Руссо.

Сог.: Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца. Ч. 1—2. М., 1796; Наставление ума и сердца к истине и добродетели. Ч. 1—3. М., 1830.

Лит.: *Muzatek N. 424*, т. 14, с. 141—143; **36**, ч. 2, с. 228—230.

ПОВАРНИН СЕРГЕЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ (11.9.1870—1952). Родился в г. Брест-Литовск Гродненской губ.; окончил историко-филологический фак-т Петербургского ун-та; с сентября 1900 г. — на службе в ведомстве Министерства народного просвещения; с 1904 г. — приват-доцент, затем исправляющий должность профессора Петербургского

ун-та; в 1916 г. защитил магистерскую диссертацию; в советское время работал в Ин-те усовершенствования врачей и на кафедре логики Ленинградского ун-та.

В ун-те читал лекции по философии религии и античной философии, но его основная теоретическая работа была посвящена логике.

Свои общефилософские принципы П. высказал в полемике с интуитивизмом Лосского, оспорив концепцию знания и познания последнего, а также в работе «У истоков живой религии» (1918). Логическая концепция П. противостоит концепциям гносеологической логики, в которых логика тесно увязывалась с гносеологией. В своей концепции теоретической логики П. акцентировал область умозаключений и доказательств, особенно проблему несиллогических умозаключений, полагая устаревшей аристотелевскую теорию силлогизмов. Основную идею теории несиллогических умозаключений резко критиковал И. И. Лапшин, представив ее как бунт против Платона, Аристотеля, Лейбница и Канта и сравнив его с Васьюкой Буслаевым, который вздумал «кость богатырскую» «ножкой попинывать».

Соз.: Об «интуитивизме» Н. О. Лосского. СПб., 1911; Разбор «ответа» Н. О. Лосского на мою критику интуитивизма. СПб., 1912; Логика. Пг., 1915. Ч. 1; Логика. Общее учение о доказательстве. Пг., 1916; Логика отношений. Ее сущность и значение. Пг., 1917; Спор. О теории и практике спора. Пг., 1918; У истоков живой религии. Пг., 1918; Введение в логику. Пг., 1921.

Лит.: Лосский Н. О. Ответ С. И. Поварнину на критику интуитивизма. СПб., 1911; Лапшин И. И. Гносеологические исследования. Вып. 1. Логика отношений и силлогизм (По поводу книг приват-доцента С. И. Поварнина «Логика. Общее учение о доказательстве» и «Логика отношений»). Пг., 1917; Стяжкин Н., Суханов К. **530**, т. 4, с. 280; Суханов К. **350**, с. 232—241; Стяжкин Н. И., Силаков В. Д. **480**, с. 37; Алексеев А. П. **6**, с. 627; Огурцов А. **414**, с. 410—412.

ПОГОДИН АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ (3(15).6.1872—16.5.1947). Родился в Витебске; в 1894 г. окончил Петербургский ун-т и начал работать в ведомстве Министерства народного просвещения; с 1901 г. — магистр, с 1904 г. — доктор славяноведения; профессор Варшавского (1902—1908) и Харьковского (1910—1919) ун-тов; в 1919—1941 гг. работал в Белградском ун-те.

С философией П. связан прежде всего через труды по языкознанию. Примыкал к учению А. А. Потебни, указавшего, по его мнению, путь

исследования отношений между мыслью и словом. Как и Потебня, П. понимал и толковал язык как творчество. С филологией, построенной на философских посылах, сопоставлял филологию, изучавшую историческое развитие языков.

Сог.: Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907; Язык как творчество (Психологические и социальные основы творчества речи). Происхождение языка. Харьков, 1913.

Лит.: Соловьев А. В. А. Л. Погодин // Краткое сообщение Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1958. Вып. 23.

ПОГОДИН МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (11(23).11.1800–8(20).12.1875). Родился в Москве в семье крепостного дворового графа И. Г. Салтыкова, отпущенного в 1806 г. на волю; первоначально воспитывался в частных домах; так, например, учился у будущего профессора философии Казанского ун-та В. Н. Воскресенского (архимандрита Гавриила); в 1814 г. поступил в Московскую гимназию; с 1818 г. три года учился на словесном отделении Московского ун-та; в 1821 г. начал преподавать в Московском Благородном пансионе; в 1825 г. защитил диссертацию на тему «О происхождении Руси» и получил степень магистра; с 1828 г. — адъюнкт в ун-те, а также в Академии наук, а в 1883 г. — ординарный профессор всеобщей истории Московского ун-та; в 1835 г. по ходатайству министра народного просвещения С. С. Уварова получил разрешение выехать за границу на лечение, но использовал поездку и для самообразования: в Берлине он слушал, в частности, лекции шеллингианца Стеффенса и посетил в Мюнхене самого Шеллинга; в 1844 г. получил отставку в ун-те и сосредоточился на работе в Академии наук, где в 1841 г. стал ординарным академиком; был почетным членом многих учебных заведений и научных обществ, в том числе Московского ун-та; Пражский ун-т присвоил ему звание доктора философии.

П. — яркий пример университетского профессора, который сочетал свою профессиональную деятельность с активной общественно-политической и публицистической деятельностью. В 1827–1830 гг. он вместе с С. Шевыревым, Д. Веневитиновым, В. Одоевским и другими издавал «Московский вестник», ставший одним из рупоров консервативного романтизма в России. В 1841 г. он начал издавать журнал «Москвитянин» тоже консервативно-романтического направления. Покинув Московский ун-т, П. стал деятелем уже неуниверситетской, «вольной», философии». Этатизм, апологетика самодержавия, личные отношения с гр. С. Уваровым связывали П. с официальной идеологией, но явным выразителем этой идеологии он не был. Консервативно-романтические

философские взгляды П. на будущее России и его панславизм предопределяли его место на правом фланге славянофильства.

Его биограф Д. Корсаков высказал мысль, что П. не являлся теоретическим мыслителем, а был историком России. Это верно только отчасти. П. действительно известен как собиратель древностей: он создал целое хранилище древних рукописей (более 50 шкафов), старопечатных книг, грамот, монет и т. д., которое посещали многие ученые и любители, и в том числе члены царской фамилии. В 1852 г. Николай I приобрел его коллекцию для Публичной библиотеки и других учреждений. Но чистым эмпириком-историком П., однако, не был. В молодости он испытывал сильную потребность в занятиях философией и не просто учился «под влиянием Шеллинговой философии», как он признавался в 1847 г., но, восприняв ряд идей Шеллинга, воплотил их в своих трудах. У Окена и Шеллинга П. собирался даже попросить «план воспитания для России». У Шеллинга П. обратил внимание на мысль о природе как «незрелом разуме», как цепи творений, причем в каждом творении повторяются все предыдущие и появится «новая степень». По сути дела, П. усмотрел идею развития, возможность «довершения творения» и попытался применить эти представления к истории человека и человечества. Влияние философии Шеллинга на П. как историка сказалось прежде всего в том, что центром тяжести в его исследованиях стали идеи органического роста русского народа и истории как истории народного самосознания. Прежнее прагматическое построение истории у П. было заменено философским.

Соз.: Исторические афоризмы. М., 1836; Историко-критические отрывки. М., 1846 (2-е изд. 1867); Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 1—7. М., 1846—1857; Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1874; О модных у нас философских толках. М., 1875.

Лит.: 36, ч. 2, с. 230—274; Пятидесятилетний юбилей Погодина. М., 1872; Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 1—22. СПб., 1888—1910; 424, т. 14, с. 154; Корсаков Д. 411, т. 14, с. 154—166; Коурге А. 621, р. 159—162; Предтеггенский А. В. 348, т. 1, с. 319—321; Пирумова Н. 530, т. 4, с. 282; Малинин В. А. 186, т. 2, с. 199—201; Новикова Л., Сиземская И. 414, с. 412—413; Воробей Ю. Д. 6, с. 628.

ПОКРОВСКИЙ ГЕРАСИМ ФЕДОРОВИЧ (1774—1833). Родился в Ново-Узенском у. Самарской губ. в семье священнослужителя; в 1798 г. окончил Астраханскую духовную семинарию и оставлен там преподавателем латинского языка; в 1802 г. поступил на юридический факт

Московского ун-та, по окончании которого назначен профессором естественного и народного права в Демидовском училище (Ярославль), где работал с 1809 по 1828 г., затем с 1830 по 1837 г. в разное время читал логику, психологию (по Битти), нравственную философию (по Риллю), историю философии (по Теннеману) и др.; был приверженцем теократической школы; согласно этой концепции, новые человеческие установления зависят от божественных; чисто человеческое познание не имеет значения без божественного познания. Двоякого рода познание взаимным содействием должно помогать друг другу. На этом должно быть построено образование. В этой связи отвергалась теория воспитания Руссо.

Соз.: Рассуждение о войне и свойствах воину нужных... М., 1810; Рассуждение о происхождении, постепенном ходе и некоторых чертах гражданских законов. М., 1817; О степенях образования людей и народов // Вестник Европы. 1817. № 17, 18; Рассуждение о воспитании древних народов... М., 1820; Рассуждение о связи божественного с человеческим, о необходимости учения вообще, о его методе и о частной и общественной пользе, от него происходящей. М., 1821; Рассуждение о главных и существенных причинах упадка и разрушения Римского государства. М., 1823; Рассуждение о некоторых чертах, определяющих степени благосостояния людей и народов. М., 1832.

Лит.: Головщиков К. Д. **109**, с. 83—84.

ПОКРОВСКИЙ ИОСИФ АЛЕКСЕЕВИЧ (1868—1920). Профессор римского права в Петербургском ун-те.

В сфере философии права выступал за синтез методологических принципов, но с приматом права естественного. Если, рассуждал он, до сих пор юриспруденция шла вперед, бросаясь из стороны в сторону, от исключительного культа положительного права к исключительному же культу права естественного, то теперь нужно выйти из постоянных колебаний между «тезой и антитезой» и произвести синтез. Позитивное право как продукт коллективной мысли и коллективной воли народа, позитивное право в его формальных источниках, т. е. главным образом в законодательстве, должно «принять в себя душу естественного права, должно проникнуться его высшими принципами».

Соз.: Естественно-правовые течения в истории гражданского права. СПб., 1909; О праве на существование. СПб., 1911; Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского

права. СПб., 1913; «Иррациональное» в области права. М., 1915; Этические предпосылки свободного строя. М., 1917; Государство и человечество. М., 1919.

ПОЛЕНОВ АЛЕКСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1(12).10.1738—10(22).7.1816). Родился в Москве в семье солдата; с 11-летнего возраста учился в Академической гимназии в Петербурге; с 1761 г. — переводчик в Юстиц-коллегии; с сентября 1762 г. по 1767 г. учился сначала в Страсбургском, затем в Геттингенском ун-те; по возвращении на родину — переводчик в Академии наук; в 1771 г. уволился из Академии и перешел на работу в Правительствующий Сенат, где дослужился до обер-секретаря; с 1796 по 1800 г. служил в Комиссии по составлению законов.

П. — переводчик сочинений крупных западноевропейских мыслителей (Пуфендорф, Монтескье и др.) и автор социально-философского трактата «О крепостном состоянии крестьян в России» (1766), в котором с гуманистических позиций критиковал крепостнический строй.

Соз.: О крепостном состоянии крестьян в России // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. II.

Лит.: Бак И. С. А. Я. Поленов // Исторические записки. 1949. № 28. С. 182—202; Щипанов И. Я. 186, т. 2, с. 36—37; Кулябко Е. С. 225, с. 139—146.

ПОЛИСАДОВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ (1815—2.8.1878). Окончил Костромскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, где был сначала в 1842 г. определен на кафедру истории философских систем новооткрытой Казанской духовной академии, но затем перемещен профессором богословских наук в Московскую духовную академию; более десяти лет работал священником в православных церквях в странах Западной Европы, где изучал западное богословие и философию, в частности, он посещал в Берлине лекции проф. Вуттке на тему «О влиянии Гегелевой философии на религию»; там же он слушал курсы логики и психологии, которые читали Тренделенбург, Альтгаупт и Жорж, курс «Истории философии» Мишле; в Сорбонне слушал Жюля Симона, в Коллеж де Франс — Франка; в 1858 г. П. вызвали на кафедру богословия Петербургского ун-та.

Наряду с Райковским и Янышевым, П. входит в число богословов, которые в 50-х гг. XIX в. читали в Петербургском ун-те логику и психологию.

Соз.: Борьба неоплатоновской философии с христианством, и победа Христианства над язычеством // ЖМНП. 1855. № 86; Хри-

стианство и неоплатонизм (усилие неоплатонической философии восстановить язычество; ее борьба с христианством и окончательная победа христианства над пересозданным философией язычеством). СПб., 1853.

Лит.: Григорьев В. В. **111**, с. 134–137, 139; Рождественский В. **38**, т. 2, с. 118–120.

ПОЛИТКОВСКИЙ ФЕДОР ГЕРАСИМОВИЧ (1756–13.6.1809). Родился на Украине в семье священнослужителя; учился в Черниговской семинарии (коллегии), откуда был переведен в 1774 г. в гимназию Московского ун-та; затем поступил на медицинский фак-т этого ун-та, по окончании которого был направлен в 1779 г. в Лейденский ун-т (Голландия), где получил в 1781 г. степень доктора; после Лейдена П. пробыл два года в Париже, где, кроме медицины, изучал естественные науки, в том числе «натуральную историю», выступавшую в те годы в качестве натурфилософского основания естествознания; по возвращении на родину П. был назначен преподавателем естественной истории; с 1785 г. – экстраординарный, с 1788 г. – ординарный профессор; в 1802 г. перешел на кафедру практической медицины и химии. Не прекращая принеся ему известность врачебную практику, оставался директором университетского музея натуральной истории и читал в 1803 г. публичные лекции по натуральной истории.

В силу натурфилософского статуса предмета «натуральная история» П. как преподаватель и автор работ на эту тему входит в число участников процесса развития в России натурфилософии. Особенностью его натурфилософской позиции является ориентация на систему «ботанической философии» Линнея. Систему «естественной истории» П. рассматривал как ариаднину нить, т. е. метод для постижения «хитроустроенного естества лабиринта», способ восхождения человека по «лестнице» естеств до познания «первобытной причины».

Соз.: Слово о происхождении и о пользе истории натуральной. М., 1785; Слово о связи истории натуральной с физикою, химиею и врачебным искусством. М., 1796.

Лит.: Щуровский. **36**, ч. 2, с. 280–287; Кульбин Н. **424**, т. 14, с. 367–369.

ПОПОВСКИЙ НИКОЛАЙ НИКИТИЧ (1726–13(24).2.1760). Родился в Москве в семье священника; учился в Славяно-греко-латинской академии, откуда В. К. Третьяковский отобрал его в студенты Петербургского Академического ун-та; в 1753 г. П. назначен конректором (старшим надзирателем) и преподавателем Академической гимназии; в

1754 г. утвержден магистром; в 1755 г. был переведен во вновь открывшийся Московский ун-т; в 1756 г. стал первым профессором элоквенции (красноречия) философского фак-та; служил также ректором гимназии при ун-те.

В историю университетской философии П. вошел как переводчик поэмы английского поэта А. Попа «Опыт о человеке» (1757), в которой содержалась, в частности, идея о множественности миров, труда английского философа Дж. Локка «Мысли о воспитании детей» (ч. 1—2, 1759—1760) и особенно речью о пользе философии и необходимости читать курс философии на русском языке, против чего выступали профессора-иностранцы (Дильтей, Фроманн, Керштенс и Шаден).

В рамках теистического мировоззрения при признании личного Бога, божественного промысла и непостижимости «высшего существа», П. отводил философии роль науки только об одной природе, включая в ее предмет «все, что ни есть под солнцем», но не вступая «в частные и подробные всех вещей рассуждения», обсуждая только «главные и самые общие правила», изучая «правильность познания и доказательность истины», «разделение правды от неправды» (т. е. гносеологические проблемы). Ратуя за «пользу, важность и величество Философии» и ее изучение на русском языке, П. первым в России Нового времени заслужил неофициальное звание «русской философ».

Соз.: Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском ун-те 26 апреля 1755 года // Ежемесячные сочинения. 1755. Т. II. Август; Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества // Живописец. 1772.

Лит.: Шевырев С. П. **36**, ч. 2, с. 305, Строев В. **424**, т. 14, с. 509—510; Шпет Г. Г. **559**, с. 54—56; Белявский М. Т. Николай Поповский // Вопросы философии. 1952. № 2; Светлов Л. **530**, т. 4, с. 319; Щипанов И. Я. **186**, т. 2, с. 39—40; Кулябко Е. С. **225**, с. 146—154; Абрамов А. И. **414**, с. 418—419 и **415**, с. 390—391.

ПОРЕЦКИЙ ПЛАТОН СЕРГЕЕВИЧ (3(15).10.1846—10(23).8.1907). Родился в Елизаветграде Херсонской губ.; в 1870 г. окончил Харьковский ун-т со степенью кандидата физико-математических наук; с 1871 по 1874 г. — профессорский стипендиат в Харьковском ун-те; с 1876 г. — астроном-наблюдатель в обсерватории Казанского ун-та; в 1886 г. получил степень доктора математики и астрономии, стал приват-доцентом; преподавал тригонометрию и математическую логику; уволен по болезни в 1889 г.

Работы П. в сфере алгебры логики являются продолжением и развитием концепций Дж. Буля, У.-С. Девонса и Э. Шрёдера. Французский ученый Л. Кутюра считал, что концепция П. была кульминационным моментом в развитии логики первых лет XX столетия. П. не отрицал целиком аристотелевской логики, но стремился лишь уточнить ее и развить.

Соз.: Об основаниях математической логики // Известия Казанского физико-математического общества. 1880. Т. 1; Изложение основных начал «Математической логики» в возможно более наглядной и общедоступной форме. Казань, 1881; О способах решения логических равенств и об обратном способе математической логики // Известия Казанского физико-математического общества. 1884. Т. 2; Решение общей задачи теории вероятностей при помощи математической логики // Там же. 1887. Т. 5; Из области математической логики. М., 1902.

Лит.: 35, ч. 1, с. 463–464; Дубяго Д. И. П. С. Порецкий (некролог) // Известия физико-математического общества при Казанском ун-те. Серия 2. 1908. № 1. С. 3–7; Слешинский И. В. Памяти П. С. Порецкого // Вестник опытной физики и элементарной математики. 1909. № 487; Стяжкин Н. И., Силаков В. Д. 480, с. 44–66; Стяжкин Н. И. 530, т. 4, с. 321 и 186, т. 3, с. 490–492; 532, с. 496; Моисеев В. 414, с. 419–420; Иванов А. В., Стяжкин Н. И. 415, с. 391–392.

ПОССЕЛЬТ (POSSELT) МОРИЦ КОНРАД (МОРИЦ ФЕДОРОВИЧ) (1805–1875). Родился в Ольденбурге, окончил Кильский ун-т; после защиты диссертации *pro venia legendi* в 1834 г. был допущен к преподаванию в Дерптском ун-те в качестве приват-доцента; читал курсы психологии, логики и истории философии; в 1845 г. П. уехал из Дерпта и работал учителем немецкого языка в Петербурге и Москве; с 1851 г. – библиотекарь Петербургской публичной библиотеки.

Соз.: Handbuch der Geschichte der Philosophie. Dorpat, 1839; Peter der Grosse und Leibnitz. Dorpat, 1843; Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte Peter's des Grossen, Bd 1–2. Frankfurt am Main, 1866.

Лит.: Озе Я. Ф. 39, т. 2, с. 408–409.

ПОТЕБНЯ АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ (10(22).9.1835–29.11(11.12).1891). Родился в с. Гавриловка Роменского у. Полтавской губ. в семье

мелкопоместного дворянина; учился в Родомской гимназии, затем на юридическом и историко-филологическом фак-те Харьковского ун-та; в 1861 г. защитил магистерскую диссертацию, стал доцентом; в 1866 г. защитил докторскую диссертацию и был избран экстраординарным профессором; с 1875 г. — ординарный профессор.

Украинец по национальности, П. считал нормальным интерес к национальному духу народов, но осуждал всякий мессианизм, манию народного величия, в частности, мессианизм Достоевского. Он с уважением относился к западноевропейской науке и культуре.

В истории университетской философии в России почетное место заняли труды П. по философии языка, особенно в отношении языка к логике и психологии. Вслед за Гербартом П. толковал логику как науку об условиях существования мысли. Логика есть наука формальная и гипотетическая, тогда как языкознание есть наука реальная и генетическая. Логика не спрашивает о том, верна ли данная мысль действительности, а о том, верна ли она сама по себе. Язык же самым тесным образом связан с действительностью. Развивая мысли Гумбольдта, П. доказывал, что язык развивается только в обществе. Значение языка для мысли основано у П. на предположении о том, что мысль развивается изнутри. Язык — не только средство выражения мысли уже готовой, образовавшейся помимо языка, как думали раньше. Языки только потому служат обозначением мысли, что они суть средства преобразования ее первоначальных, доязыковых элементов. В этом отношении они могут быть названы средствами создания мысли: язык есть творчество. При помощи языка создаются также общие разряды философской мысли. Поскольку языки представляют различные системы приемов мысли, предполагаемая в будущем замена различных языков общечеловеческим приведет, по П., к понижению уровня мысли.

Соз.: О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1860; Мысль и язык. Харьков, 1862; 3-е изд. — Харьков, 1913; Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.

Лит.: Памяти А. А. Потебни. Харьков, 1892; Овсянко-Куликовский Д. Н. А. А. Потебня как языковед-мыслитель. Киев, 1893; Белый А. Мысль и язык (Философия языка А. А. Потебни) // Логос. 1910. Кн. 2; Райнов Т. И. Александр Афанасьевич Потебня. Пг., 1924; Ярошевский М. Г. Учение Потебни о языке и сознании. М., 1945 (дис.); Колодная А. И. Мироззрение А. А. Потебни и некоторые философские вопросы его лингвистической концепции. Одесса, 1967 (дис.); Теняков Ю. П. Эстетическая концепция А. А. Потебни. Киев, 1976 (дис.); Крым-

ский С. 530, т. 4, с. 327; Евдокименко В. Е. 186, т. 3, с. 495—496; Мацейков М. А. Психологические воззрения А. А. Потебни. Киев, 1987 (дис.); Хлудов В. 414, с. 420—421; Иванов А. В. 6, с. 639 и 415, с. 393—394.

ПРЕЛЛЕР (PRELLER) ЛЮДВИГ (15.9.1809—21.6.1861). С 1828 г. учился в Лейпцигском ун-те, в Берлине, в Геттингене, где в 1832 г. получил степень доктора философии за диссертацию по филологии; с 1833 г. — приват-доцент в Киле; в 1838 г. приглашен в Дерптский ун-т ординарным профессором красноречия, древнеклассической филологии, эстетики и истории искусств, читал также курс по истории древней философии; в 1843 г. П. вышел в отставку, уехал в Германию и в Йене стал в 1844 г. приват-доцентом, а затем профессором; заслуги П. в классической филологии были высоко оценены научным сообществом: он был членом Академии и ученых обществ в Петербурге, Берлине, Мюнхене, Лейпциге, Геттингене, Эрфурте и Риме.

Соз.: *Historia philosophiae Graeco-Romanae ex fontium locis contexta.* Hamburgi, 1838 (в соавторстве с Г. Риттером); *Griechische Mythologie.* Bd 1—2. Leipzig, 1854 (4 Aufl. 1920—1923); *Römische Mythologie.* Berlin, 1858 (3 Aufl. 1881—1883); *Ausgewählte Aufsätze aus dem Gebiete der classischen Alterthumswissenschaft.* Berlin, 1864.

Лит.: *Мальмберг В. К.* 39, т. 1, с. 459—465.

ПРОДАН ИСИДОР САВВИЧ (27.4.1854—?). На службе в ведомстве народного просвещения с 1876 г., магистр философии Венского ун-та, приват-доцент Харьковского ун-та.

П. — один из наиболее активных противников «гносеологизма» и соответственно критик философии Канта, неокантианцев, в частности, профессора Петербургского ун-та А. И. Введенского, которого он, впрочем, обвинял также в том, что тот «заимствовал» у него без ссылок какие-то идеи. Основные мысли П.: классическими в гносеологии являются идеи не Канта, а Локка, Беркли, Юма и Рида. Кант значительно уступает англичанам и шотландцам, которым он обязан своим критицизмом. Отвергал П. также имманентную философию и эмпириокритицизм. Собственная философская позиция П. была разновидностью персонализма.

Соз.: Психология внутреннего опыта как основа философских наук (исторический очерк). Юрьев, 1904; Организация души. Отрывок из новой монадологии. Юрьев, 1905; Философская пропедевтика. Харьков, 1909. Ч. 2; История новейшей фило-

софии. Харьков, 1909. Ч. 2; «Новая логика». Критическое исследование (разъяснение новых и старых заблуждений и ошибок). Харьков, 1911; Ответ г. И. Лапшину на его рец. «Учебника логики» И. С. Продана. СПб., 1911; Познание и его объект (Оправдание здравого смысла). Ч. 1. Харьков, 1913; Правда о Канте (Тайна его успеха). Харьков, 1914; Философия и здравый смысл (Критический этюд). Харьков, 1914; Ответ на рец. В. Каринского о книге И. С. Продана «Познание и его объект, оправдание здравого смысла». Харьков, 1915.

ПРОТОПОПОВ МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (1794—19.10.1857). Родился в семье священнослужителя; в 1822 г. закончил сразу два фак-та: словесный и этико-политическое отделение юридического фак-та со степенью кандидата по обоим фак-там; с 1823 по 1827 г. — учитель истории и географии в Харьковском ин-те благородных девиц и одновременно преподаватель логики в Харьковском ун-те; по приглашению русского посланника в Лондоне побывал за границей, где перевел, в частности, «Эстетику» последователя Канта Бутервека (осталась неопубликованной); с 1834 г. — адъюнкт, с 1837 г. — экстраординарный, с 1839 г. — доктор философии, после защиты диссертации — ординарный профессор; после закрытия в 1850 г. в ун-тах кафедр философии П. переведен на кафедру политической экономии, которую занимал до своей смерти.

П. собирался составить собственный курс философии, соответствующий, как он выражался, «коренным началам русской жизни, началам православия, самодержавия и народности», и в соответствии с такой установкой пропагандировал в своих работах взгляд на мироздание в духе «царя древних философов» Платона: образы всех существ — это божии мысли, прототипы всего сущего, которые Платон называл идеями.

Соз.: Об истинном предмете философии и соответственном оному составе ее. Харьков, 1839; Какое собственно место принадлежит философии в системе движений человечества, определяющих полную сферу его умственного развития. Харьков, 1841.

Лит.: Зеленогорский Ф. А. **181**, с. 37—40; Бобров Е. А. **43**, вып. 4, с. 158—161.

ПЫПИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (25.3(6.4).1833—26.11(9.12).1904). Родился в Саратове; двоюродный брат Н. Г. Чернышевского; в 1853 г. окончил историко-филологический фак-т Петербургского ун-та

со степенью кандидата; в 1857 г. утвержден в степени магистра, получив за диссертацию «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок» не только степень, но и половинную Демидовскую премию Академии наук; с 1857 по 1860 г. готовился к профессорскому званию за границей; по возвращении был назначен исправляющим должность экстраординарного профессора на историко-филологический факультет Петербургского университета, но после его закрытия в 1861 г. П. вышел в отставку. Несостоявшийся вполне университетский профессор оказался тесно связанным с демократическим «Современником» (был его редактором в 1865—1866 г.), с либеральным «Вестником Европы», но в центре его внимания была все-таки литературная деятельность, которая в конце концов была высоко оценена в академических кругах: в 1891 г. П. был избран членом-корреспондентом, а в 1898 г. — ординарным академиком.

В огромном литературном наследии П. (более 1150 публикаций!) выделяются, по крайней мере, два важных направления, тесно связанных с историей университетской философии в России: 1) как литературовед и историк славянских литератур П. разрабатывал эстетическую проблематику; 2) он был также историком русской социально-философской мысли. Будучи либеральным демократом и западником по социально-политической ориентации, П. придерживался концепции ангажированного искусства, был противником теории «чистого» искусства. Перед писателем П. ставил не только художественные, но и общественные задачи, задачи служения лучшим интересам человеческой мысли, нравственности и гражданского достоинства, идеалам демократии, просвещения, справедливости. Поэт, по П., может быть не только мечтателем и живописцем, но и пророком. В сфере истории П. стремился сочетать познавательное и ценностное, ставя перед исторической наукой задачу не только беспристрастного объяснения связи событий, но и нравственного суда над правыми и неправыми, осуждения зла и проповеди высоких гуманных требований. Будучи знатоком славянских литератур, П. констатировал факт возрождения славянских национальностей с конца XVIII в. Но в отличие от панславистов, противопоставлявших славянство Западной Европе, П. считал, что славянское возрождение стало одним из сильных фактов общеевропейского прогресса. Славянство показало, мол, себя не новой ордой, стремящейся потопить европейскую цивилизацию, а европейским племенем, стремящимся войти в круг этой цивилизации с тем сознанием человеческого достоинства, какое прививается европейской образованностью.

Соз.: Несколько слов о «народных началах» и о «цивилизации» // Современник. 1866. Т. CVIII. Отд. II; Русское масонство в

XVIII веке (Новиков. Московские мартинисты. Исследование М. Н. Лончикова. М., 1867) // Вестник Европы. 1868. Т. 2—4; Русское масонство до Новикова. I: Первое распространение масонства. 1731—1780 // Там же. 1869. Июнь; II: Елагинская система // Там же. Июль; Умственное развитие русского народа (Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Соч. Афанасия Щапова. СПб., 1870) // Там же. 1871. Январь; Материалы для истории масонских лож... // Там же. 1873. Январь, февраль, июль; О сравнительно-историческом изучении русской литературы // Там же. 1876. Октябрь; Белинский. Его жизнь и переписка. Т. I—II. СПб., 1876; К вопросу о славянской идее // Вестник Европы. 1878. Ноябрь; Давность славянской идеи в русском обществе // Там же. 1879. Май; Панславизм в прошлом и настоящем // Там же. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь; Народничество // Там же. 1884. Январь, февраль; Московская старина // Там же. 1886. Январь, февраль, март; Россия и Европа... // Там же. 1889. Январь; Теория народничества. Попытки обоснования народничества, статья В. В. (Русское богатство. 1892. № 2, 3, 6) // Там же. 1893. Октябрь; Еще раз о теориях народничества // Там же. 1894. Февраль; Из истории панславизма // Там же. Сентябрь; Вопрос о западном влиянии в русской литературе (Алексей Веселовский. Западное влияние в новой русской литературе. Историко-сравнительные очерки. 2-е перераб. изд. М., 1896) // Там же. 1897. Октябрь; Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.

Лит.: Пятидесятилетие научно-литературной деятельности А. Н. Пыпина // Литературный вестник. 1903. № 3; *Веселовский А. Н.* А. Н. Пыпин. СПб., 1905; *Сакулин П.* А. Н. Пыпин. Его научные заслуги и общественные взгляды // Вестник воспитания. 1905. № 4; **267**, ч. 2, с. 72—121; *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений мысли. Брянск, 1996.

ПЯСКОВСКИЙ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1855—?). Доктор медицины, преподаватель Александровского военного училища.

Проявлял интерес к философским проблемам естествознания и медицины. Как медик нашел весьма оригинальный угол зрения на проблематику философии в России, в частности, считал, что философия Вл. Соловьева имеет «гигиеническое» значение. П. присоединился к мнению А. М. Лопатина, утверждавшего, что Вл. Соловьев сделал для самостоятельной русской философии то же, что Пушкин для русской

поэзии, что философия Соловьева стоит выше философии Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра. Но этим П. не ограничился. Дуализм Соловьева, признание им материи, независимой от духа, и наоборот, становится почти монизмом в доктрине одухотворения материи и воплощения Божества. Материя вообще, тело человека не презирается Соловьевым, как у буддистов, не считается темницей, как у Платона, а является носителем духа, орудием его бесконечных потенций. Система Соловьева, трактующая об истинной жизни, — это жизнерадостная философия. Его мистицизм светлее во сто раз материализма, позитивизма, пессимизма. Поэтому философия Соловьева, по П., должна иметь самое сильное влияние на область гигиены духа, а через нее — и на гигиену тела.

Соз.: Философские принципы в современной физиологии в отношении философии к естествознанию и медицине. М., 1894; Внешний и внутренний опыт в христианской религии. М., 1900 (2-е изд. — 1905); Как мыслил Владимир Соловьев о воскресении и значение его философии для гигиены духа. М., 1901; О взаимном оздоровлении интеллигенции и народа. М., 1907; Вопрос жизни на пути возрождения и оздоровления России. М., 1908.

РАДЛОВ ЭРНЕСТ ЛЕОПОЛЬДОВИЧ (20.11(2.12).1854—28.12.1928). Родился в Петербурге; окончил историко-филологический факультет Петербургского университета; учился в Берлине и Лейпциге; преподавал на Высших женских курсах, в Училище правоведения, в Александровском лицее; в 1890-х гг. — редактор «Журнала Министерства народного просвещения» и член ученого комитета Министерства просвещения; один из организаторов Философского общества при Петербургском университете; с 1901 г. — заместитель председателя этого общества; в 1917—1924 гг. — директор Публичной библиотеки в Петрограде (Ленинграде); в 1921—1922 гг. — председатель Философского общества при Петроградском университете; с 1920 г. — член-корреспондент АН.

Р. — философ разносторонний: он занимался и проблемами философской теории, и историей философии, особенно историей русской философии. Высказывается точка зрения, согласно которой Р. является последователем Вл. Соловьева. Это неадекватная трактовка. В отличие от философии Соловьева, философии Р. не свойствен мистицизм. Его философия рационалистична по преимуществу, тогда как в мировоззрении Соловьева религиозный компонент является доминирующим. По Р., философия — универсальное знание, решающее три основные задачи: объяснение явлений природы, объяснение человеческого познания и объяснение человеческой деятельности. В основе этих трех задач лежат три принципиальных понятия: бытия, истины и должностования. Универсальное (мир как целое, цель жизни) является идеей лишь ума, но не восприятия. Главным методом философии выступает умозрение. Критическое истолкование религиозного творчества — задача и источник философии. Философия определяет, что истинно в религии, а что должно быть отвергнуто. В результате складывается цельное мировоззрение, в котором значительную роль играют интуиция и фантазия, заполняющие пробелы знания. Наука определяет, что в философской картине мира принадлежит точному знанию, а что фантазии. Помимо основных философских дисциплин, решающих проблемы бытия, деятельности и познания, согласно Р., есть еще ряд частных фи-

лософских наук: логика, психология, социология, философия религии и философия истории.

Соз.: Этика Аристотеля. СПб., 1884; Отношение Вольтера к Руссо // ВФиП. 1890. Кн. 2, 4; Bericht über die Arbeiten auf dem Gebiete der Philosophie in Russland // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1890. Bd III; Об истолковании Аристотеля. СПб., 1891; Лекции по логике, читанные в 1892—1893 гг. СПб., 1893; Очерки по истории скептицизма. Иероним Гирнгайм // ВФиП. 1893. Кн. 18; Натуралистическая теория познания (По поводу статей профессора И. М. Сеченова) // Там же. 1894. Кн. 25; Ученая деятельность профессора М. М. Каринского. СПб., 1895; Очерк истории историографии философии. М., 1899; Несколько замечаний о философии Н. Н. Страхова. СПб., 1900; Философский словарь. СПб., 1904; (2-е изд. — СПб., 1913); Мистицизм В. С. Соловьева // Вестник Европы. 1905. № 11; Очерк истории греческой этики до Аристотеля // Аристотель. Этика. СПб., 1908; Князь Д. Н. Цертелев (Некролог и письма Э. Гартмана к Д. Н. Цертелеву) // ЖМНП. 1911. № 9—10; Очерк истории русской философии. СПб., 1912; Гносеология Вл. Соловьева. М., 1913; Мистицизм в современной философии // Новые идеи в философии. СПб., 1913. № 5; Самонаблюдение в психологии // Там же. № 9; Владимир Соловьев. Жизнь и учение. СПб., 1913; Гельвеций и его влияние в России. Пг., 1917; Введение в философию. Пг., 1919; Очерк истории русской философии. 2-е изд. Пг., 1920; Этика. Пг., 1921; Лавров в русской философии // П. Л. Лавров. Пг., 1922.

Лит.: Поляков А. **530**, т. 4, с. 451—452; Алексеев П. В. **6**, с. 651—652; Филатов Л. **414**, с. 435; Ванзугов В. В. **415**, с. 410—411.

РАЗУМОВСКИЙ КИРИЛЛ ГРИГОРЬЕВИЧ (18(29).3.1728—3(15).1.1803). Государственный деятель, граф; с 1750 по 1764 г. — последний гетман Украины; с 1764 г. — генерал-фельдмаршал; в 1768—1771 гг. — член Государственного совета.

С 1746 г. по 1765 г. — президент Петербургской АН. Хотя считается, что Р. не принимал активного участия в делах Академии, некоторые его действия повлияли на процесс становления университетской философии в России. При президентстве Р. имп. Елизавета утвердила 24 июля 1747 г. «Регламент императорской Академии наук и художеств» — первый писанный и действующий устав Академии наук. В 1748 г. Р. дал указание о возобновлении чтения лекций в Академическом ун-те. 10 августа 1750 г. Р. подписал устав Академического ун-та. В 1758 г. президент

возлагает на Ломоносова заведование ученой и учебной частями Академии. Началось обсуждение университетского регламента, составленного Ломоносовым. В ведении Ломоносова оказываются все дела Академического ун-та и гимназии при нем. В 1764 г. Р. поручил Ломоносову и Тауберту, вместе или врозь, составить новый регламент учебной части Академии, но с уходом Р. из Академии новый устав, разработанный Ломоносовым, не был принят. Поддержка Р. Ломоносова благоприятно сказалась на уровне преподавания философии в Академическом ун-те, поскольку именно Ломоносов был сторонником этого предмета, в отличие от деятелей вроде Шумахера.

РАЙКОВСКИЙ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (1802—29.10.1860). Учился в Нижегородской семинарии, в 1821 г. закончил Петербургскую духовную академию, с 1836 г. — на кафедре богословия Петербургского ун-та; с 1856 г. после ограничения преподавания философии логикой и психологией преподавал эти дисциплины в ун-те; в 1856 г. уволился из ун-та по собственному желанию.

По Р., логика — наука, излагающая общие формы, законы и правила мышления. Мышление же — это та деятельность человеческого духа, посредством которой человек стремится усвоить представления, понятия, суждения и умозаключения о предметах вещественного и духовного мира, о своей собственной природе и об отношении мира и человека к верховному началу всего сущего — Богу. Частично, считал Р., верно мнение (Платон, Аристотель), согласно которому логика — это орган или органическое начало как философии, так и всех других наук, поскольку всякая наука организует свои материалы по общим законам мышления. Но, с другой стороны, Кант и Фриз справедливо заметили, что логика не является орудием, при помощи которого можно было бы непосредственно отыскивать в реальном мире материалы для всех наук. Логика излагает только общие формы для обработки этих материалов. Она служит только пропедевтикой, формальным началом для всякой науки.

Изложению собственно логической проблематики у Р. предшествовало пространное психологически-гносеологическое введение, посвященное проблемам мышления вообще, предметом которого является «*Бог триединый* и все то, что Он благоволит явить нам в неизмеримо великой книге естественного, всеобщего откровения и в книге своего сверхъестественного Божественного откровения». Все это означает, что общая религиозная установка логического курса Р. оставляла, тем не менее, известные пределы для обсуждения некоторых реальных гносеологических и логических проблем по правилам «естественного разума».

Соз.: Логика. Ч. 1. СПб., 1857.

Лит.: Григорьев В. В. 111, с. 132—138; Бобров Е. А. 43, вып. 5, с. 46—56.

РАЙНОВ ТИМОФЕЙ ИВАНОВИЧ (12.8.1888—1958). Родился в с. Кольчевка Бессарабской губ., учился в Политехническом ин-те и ун-те в Петербурге; после 1917 г. преподавал на Украине, работал в библиотеке Комакадемии, ин-тах востоковедения, истории естествознания и техники, в МГУ.

В дооктябрьский период основным направлением научной деятельности Р. были проблемы эстетики и теории творчества в общем контексте истории науки. Отправляясь от кантовской эстетики, Р. выдвинул идею необходимости совместного изучения объектов художественных и объектов наук в рамках новой «величественной науки» — общего учения о предметности и главных классах предметов, различаемых по их категориальным структурам.

Соз.: Лирика научно-философского творчества. Харьков, 1911; Гносеология Лотце // Новые идеи в философии. СПб., 1913. № 7; Теория творчества. Харьков, 1914; Теория искусства Канта в связи с его теорией науки // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1915. Т. 6, вып. 1; К психологии личности в творчестве П. Л. Лаврова. Пг., 1922; Духовный путь Тютчева. Пг., 1923; Александр Афанасьевич Потебня. Пг., 1924.

Лит.: Алексеев П. В. 6, с. 656—657.

РЕДКИН ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ (4(16).10.1808—7(19).3.1891). Родился в г. Ромны Полтавской губ. в потомственной дворянской украинской семье; с 1816 г. учился в Роменском трехклассном уездном училище; в 1820 г. поступил в гимназию Высших наук кн. Безбородко в Нежине, девятилетний курс которой прошел за шесть лет; по окончании гимназии хотел поступить в Дерптский ун-т, но по желанию родителей поступил в 1826 г. на этико-политическое отделение Московского ун-та; в 1828 г. направлен в Профессорский ин-т в Дерпте, в 1830 г. был командирован за границу, где до 1834 г. слушал лекции в Берлинском ун-те, в частности, лекции по философии права и философии истории у профессора Ганса, а логику и историю философии у «самого» Гегеля; возвратившись в Петербург, Р. защитил тезисы по проблемам правоведения, получил звание доктора права и был направлен в Московский ун-т, где стал сначала экстраординарным (1835), затем ординарным

(1837) профессором; профессорскую деятельность Р. совмещал с должностью инспектора Московского Александринского сиротского ин-та, которую сохранил и после своей отставки в 1848 г. из Московского ун-та; в Александринском ин-те Р. преподавал также правовые дисциплины; с 1849 г. работал в Министерстве уделов; после 15-летнего перерыва вновь вернулся к преподаванию, став в 1863 г. ординарным профессором Петербургского ун-та по кафедре энциклопедии права; в 1873—1876 гг. был выборным ректором Петербургского ун-та; в 1878 г. Р. уволился из ун-та, стал председателем департамента уделов, а с 1862 г. — членом Государственного совета.

В историю университетской философии Р. входит как один из преподавателей предмета «Энциклопедия законовещения в связи с историей философии права и философии вообще». Кроме того, он являлся одним из первых популяризаторов гегелевских идей в России: по просьбе Погодина он опубликовал в «Москвитянине» незаконченную, правда, статью о гегелевской логике.

В 40-х гг. Р. прослыл «истым гегелистом», который якобы построил по началам Гегеля все свои лекции, в частности, опираясь на идею триадичности развития. Однако последовательным гегельянцем Р. не был, что и сказалось в его дальнейшей эволюции: во второй период своей профессорской деятельности он объявил себя сторонником О. Конта и приверженцем Дарвина, хотя последовательным позитивистом также не стал, поскольку признавал самостоятельность философии, опираясь на метафизические аргументы Э. Гартмана.

Соз.: Обзорение Гегелевой логики // Москвитянин. 1841. Ч. IV. № 8; История философии права. СПб., 1866; Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. 1—7. СПб., 1889—1891.

Лит.: Григорьев В. В. **111**, с. 330—332; **36**, ч. 2, с. 376—386; Коркунов Н. **38**, т. 2, с. 155—168; Шимановский М. В. П. Г. Редкин. Одесса, 1891; Модзалевский К. Памяти Редкина // Русская школа. 1891. № 4. С. 50—63; Е. О. Здоровый идеализм // Вестник Европы. 1889. № 6. С. 667—677; Колубовский Я. **210**, с. 546; Княжкин Вл. **424**, т. 15, с. 713—723; Коган Л. А. **187**, т. 4, с. 62—64; Малинин В. А. **530**, т. 4, с. 483 и **415**, с. 415; Курабцев В. **414**, с. 438—439; Экштут С. А. **6**, с. 661.

РЕЙН (REIN) КАРЛ ГАБРИЭЛЬ ТИОДОЛЬФ (28.2.1828—18.11.1919). Преподаватель философии с 1863 г., профессор истории (1869—1900), ректор ун-та в Гельсингфорсе (1887—1896); вице-канцлер (1896—1903) ун-та.

Сыграл большую роль в распространении философских знаний в Финляндии, ввел в систему преподавания ряд философских спецкурсов. В сфере теоретической философии был под влиянием Лотце, в сфере этики — под влиянием Спенсера.

Соз.: Grunddragen af den filosofiska imputationsläran. Helsinki, 1863; Om den filosofiska methoden i sitt förhållande till öfriga vetenskapliga metoder. Helsinki, 1868; Försök till en framställning af psykologin. Nid 1—2. Helsinki, 1876—1891; Lefnadsminnen. Helsinki, 1918.

Лит.: Отечественные записки. 1865. Т. 162, 163 (статья Д. Ш.); **187**, т. 5, с. 705; Похлебкин В. **530**, т. 4, с. 484.

РЕЙНГАРД ФИЛИПП ХРИСТИАН (ХРИСТИАН ЕГОРОВИЧ) (1764—1812). Родился в семье пастора в Вюртембергском королевстве; учился в Тюбингенском, Йенском и Марбургском ун-тах; в Кёльне был профессором истории; в 1803 г. по приглашению попечителя Московского ун-та М. Н. Муравьева приехал в Москву и занял должность ординарного профессора на кафедре практической философии, истории философии, естественного и народного права; выбирался деканом этико-политических наук.

Г. Шпет предположил, что Р. был «плохим партнером Буле», но такая характеристика не соответствует реальному положению вещей. Р. — образованный философ. Его деятельность отражает первые страхи российской кантианы.

В 1804 г. Р. прочел на французском языке два публичных курса на темы «Современное состояние философии» и «Философия вкуса». После несостоявшихся опытов Мельманна и Шварца Р. — первый в России, кто попытался публично доказать совместимость некоторых идей Канта с христианским учением; он соглашался с кантовскими мыслями: основанные на опыте понятия и доказательства не могут привести к познанию «нечувственных предметов»; благополучие и усовершенствование способностей — это цели людей; добродетель есть высшая цель человеческих дел; истинное совершенство заключается в соединении благополучия и совершенствовании способностей с добродетелью; разум должен управлять поступками человека, но он не должен стремиться к «истреблению» желания о благополучии, присущего человеческой природе. Р. пропагандировал также кантовские моральные доказательства бытия Бога.

Соз.: Abriss einer Geschichte der Entstehung und Ausbildung der religiösen Ideen. Jena, 1794; Versuch einer Theorie der Gesellschaft-

ten Menschen. Gera, 1797; Система практической философии / Пер. с фр. С. Кувачинского. М., 1807; Естественное право, содержащее в себе: 1) собственно так называемое естественное право чистое; 2) право прикладное, то есть: право частное, публичное и народное / Пер. с лат. И. Сычугова. Казань, 1816.

Лит.: Терновский, 36, ч. 2, с. 328–332; Мизакек Н. 424, т. 15, с. 549–555; Алексеев П. В. 6, с. 663.

РЕЙСНЕР МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ (7.3.1868–8.8.1928). Родился в Вилейке Виленской губ. в семье чиновника из балтийских дворян; окончил гимназию в Петербурге и юридический фак-т Варшавского ун-та (1892); с 1893 по 1896 г. — преподаватель правовых наук в Ново-Александровском ин-те сельского хозяйства и лесоводства (Люблинская губ.); после защиты в Ун-те св. Владимира в Киеве магистерской диссертации Р. направляется на два года в научную командировку в Гейдельберг; по возвращении был назначен в сентябре 1898 г. исправляющим должность экстраординарного профессора по кафедре политической экономии юридического фак-та Томского ун-та; с июля 1899 г. — экстраординарный профессор по кафедре государственного права; был также заведующим этой кафедры; за неоднократно высказанное «неуважение и вражду к установленному в России законному порядку вещей» (по словам попечителя Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьева) был уволен со службы и лишен права преподавания в России; уехав за границу, Р. сблизился с лидерами немецкой социал-демократии; возвратившись в Россию, вступил в 1905 г. в РСДРП и с тех пор совмещал партийную работу с научной; в 1907 г. был допущен к чтению лекций в Петербургском ун-те в звании приват-доцента; был избран профессором Высших женских курсов и юридического фак-та Психоневрологического ин-та; после Октябрьской революции Р. — видный государственный и партийный деятель и вместе с тем — научный работник-правовед.

Уже в начале преподавательской и научной деятельности Р. одной из ее сфер стала философия права. Опираясь на теорию Петражицкого, Р. утверждал, что ни марксисты, ни кантианцы не смогут доказать истинности своих положений, пока не установлены законы преломления бытия через психику в идеях и наоборот. Обоснование права обусловлено построением научной индивидуальной и коллективной психологии. Хотя теория Петражицкого остается-де только в области индивидуальной, тем не менее ее выводы имеют громадное теоретическое и практическое значение, также и для области, где психология встречается с хозяйственными явлениями и реагирует на них. Свою концепцию

права Р. сопоставлял с марксизмом, но при этом один из будущих основателей Коммунистической академии утверждал, что теория марксизма позволяет себе выводы, которые не рискнет сделать ни один школьный систематик и догматик, хотя иногда признавал, что что-то «Маркс и Энгельс прекрасно понимают».

Соз.: Христианское государство. Томск, 1899; Право, мораль и религия по действующему русскому закону: юридико-догматические очерки // Вестник права. 1900. № 3, 4, 5, 8; Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908.

Лит.: Памяти М. А. Рейснера // Правда. 1928. 9 августа; **395**, с. 204–207; *Клушин В.* **530**, т. 4, с. 485–486; *Сингенко Г. Ч.* **6**, с. 664.

РЕННЕНКАМПФ НИКОЛАЙ КАРЛОВИЧ (10.9.1832–1899). Родился в местечке Александровка Сосницкого у. Черниговской губ.; в 1849 г. окончил Черниговскую гимназию; затем начал учиться на юридическом фак-те лицея кн. Безбородко в Нежине, но перешел на историко-филологический фак-т Ун-та св. Владимира в Киеве; окончил его в 1855 г.; в 1856 г. стал учителем во 2-й Киевской гимназии и одновременно преподавателем в Ун-те св. Владимира; с 1859 г. — магистр и адъюнкт; с 1862 г. — исправляющий должность экстраординарного профессора; с 1863 г. — доктор права и ординарный профессор; ряд лет был ректором Ун-та св. Владимира.

Личная репутация Р. страдала существенными изъянами: его обвиняли в антисемитизме, а также в том, что он участвовал в изгнании из Киевского ун-та Зибера, Драгоманова и Мищенко. Но в сфере философии права он занимал разумную позицию. Исходя из тезиса о том, что правоведение, как и все другие науки, постоянно колебалось между идеальным и реальным направлениями, Р. стремился обосновать истинность реального направления в праве, в соответствии с которым необходимо, как он доказывал, отказаться от идеалистических произвольных общих принципов права, от понимания права как произведения человека, который устанавливает его по своему умозрению, изменяет в любое время по самовольным требованиям разума, и исследовать всю совокупность сил, действующих в человеке, обществе и природе и определяющих образование права. Соответственно Р. апеллировал в первую очередь к методу наблюдения.

Соз.: Очерки юридической энциклопедии. Киев, 1868 (2-е изд. — Киев, 1880); Замечания об обработке у нас общего учения о праве (по поводу Юридической догматики проф. Капустина и критических статей проф. Незабутовского). Киев, 1869; Пре-

дисловие // Пилянкевич Н. И. История философии права. Киев, 1870; Разбор курса по общей теории права приват-доцента С.-Петербургского университета Н. Коркунова. Ч. 1. СПб., 1887 (Киев, 1888); Юридическая энциклопедия. Киев, 1889 (4-е изд. — 1913).

Лит.: 37, с. 561—565.

РИЖСКИЙ ИВАН СТЕПАНОВИЧ (7(18).9.1759—15(27).3.1811). Родился в семье священнослужителя, фамилию получил по месту рождения в Риге; учился в Псковской и Троице-Сергиевой лавры семинариях; в 80—90-х гг. XVIII в. преподавал в Троицкой семинарии и в Горном училище (переименованном потом в Горнокадетский корпус); в числе преподаваемых Р. предметов была и логика; в 1802 г. Р. был избран в члены Российской Академии; с февраля 1803 г. — профессор российской словесности и красноречия Харьковского ун-та (за два года до открытия ун-та); в 1805—1807 гг. был ректором ун-та.

Г. Шпет в нескольких словах, но очень невысоко, необъективно, антиисторично оценил деятельность Р. как философа. Труд Р. по логике является знаковым для всей школьно-университетской философии в России конца XVIII в. (подробнее см. выше, с. 83—85).

Соз.: Умословие, или Умственная философия. СПб., 1790 (2-е изд. — 1792); О познании, свойственном воображению // Периодические сочинения о успехах Министерства просвещения. 1806. Т. XV; О изящных науках // Там же. 1806. Т. XVI.

Лит.: Сумцов Н. Ф. 181, с. 48—53; Смирнов Л. 530, т. 4, с. 508; Евдокименко В. Е., Денисенко М. С., Коваль П. Д. 186, т. 2, с. 460.

РОГОВИН СЕМЕН МИРОНОВИЧ (10(22).7.1885—3.5.1938). Профессор философии права Московского ун-та.

В основном занимался переводами: Кант И. Вечный мир (М., 1905); Юм Д. Диалоги о естественной религии (М., 1908); Еллинек Г. Адам в учении о государстве (М., 1909); Спиноза Б. Политический трактат (М., 1910); Марк Аврелий. Наедине с собой (М., 1914).

В книге «Деизм и Давид Юм. Анализ “Диалогов о естественной религии”» Р. рассматривал взгляд Юма на религию как своеобразную форму пантеизма.

Лит.: 530, т. 4, с. 515; Алексеев П. В. 6, с. 668.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ (1869—?). Приват-доцент Московского ун-та, лектор Высших женских юридических курсов, затем профессор Ярославского ун-та.

Р. — противник естественно-правовой школы и сторонник объективного положительного права, которое обосновывал аргументами позитивизма. Философия, по Р., — не наука. Это — особая дисциплина, которая лишь наукообразно разрабатывает мировоззрение. Это — область сверхчувственного, или трансцендентного, область метафизических построений. Философия занимается вопросами, что такое Бог и есть ли он, существует ли душа, и если существует, то бессмертна ли она или нет, как обосновать нравственный долг. Все это вопросы, которые не могут быть решены в пределах опыта, путем научных изысканий, поэтому философия не есть наука.

Философия права также имеет субъективный характер, поэтому одной философии права быть не может. А теория права по своей природе не может быть субъективной, это — научная философия права, тогда как философия права — это метафизическая философия права.

Соз.: Общая теория права. М., 1909; Общее учение о государстве. М., 1909; Основы общей теории права. М., 1912; Теория субъективных публичных прав. Критико-систематическое исследование. М., 1913; Основы общего учения о праве и государстве. Ярославль, 1917.

Лит.: Елистратов А. И. I. Понятие о публичном субъективном праве. II. «Теория субъективных публичных прав» А. А. Рождественского. М., 1913.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ (1802—1872). Из духовного звания; окончил Тульскую духовную семинарию; с 1817 по 1823 г. учился в Санкт-Петербургском ун-те (сначала Педагогический ин-т); в 1823 г. удостоен степени кандидата; преподавал логику, опытную психологию (по Вольфу), метафизику, историю философских систем (по Теннеману); в 1831 г. утвержден в должности адъюнкта по кафедре законов благоустройства и благочиния; по неизвестной причине отстранен от преподавания философии и переведен на преподавание права; 31 декабря 1838 г. защитил тезисы из одобренной фак-том диссертации для получения ученой степени доктора законовения; в 1853 г. уволен из ун-та.

В университетской философии Р. сыграл роль как автор учебника по логике: департамент Министерства народного просвещения рекомендовал его для гимназий. Учебник выдержал пять изданий. В. В. Григорьев сообщает, что Р. читал логику по Баумейстеру. Но в своем учебнике Р. заявляет, что руководствовался сочинением Г.-Э. Шульце «Grundsätze der allgemeinen Logik» (1822) и частично работой К.-Ф. Бахмана «System der Logik» (1828).

Не соглашаясь с философами, которые не признавали логику частью философии, а только «приуготовлением» к ней, Р. считал, что логика, объясняющая законы мышления, составляет часть теоретической философии, которая излагает законы мышления вообще и законы познания о сверхчувственных предметах в особенности (о Боге, бессмертии души и пр.). Практическая же философия объясняет законы воли человека. Соответственно логику Р. делит на части, первая из которых определяет «верховные, основные законы размышления», а последующие трактуют понятия, суждения, умозаключения, доказательства. В них, однако, помимо формально логической, есть и гносеологическая проблематика.

Соз.: Краткое руководство к Логике, с предварительным изложением кратких психологических сведений. СПб., 1826; Хронологическая таблица древней истории философии. СПб., 1830; Руководство к логике. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1836.

Лит.: Прибавления к «Журналу Министерства народного просвещения» на 1839 г. № 1. С. 7—8; Григорьев В. В. 111, с. 49—53.

РОЖКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (6(18).11.1868—2.2.1927). Родился в Верхотурье Пермской губ.; в 1890 г. окончил историко-филологический фак-т Московского ун-та; с 1898 г. — приват-доцент этого ун-та; в 1905 г. вступил в РСДРП, входил в ЦК партии большевиков, но затем примкнул к меньшевикам; в 1917 г. — товарищ (заместитель) министра почт и телеграфов Временного правительства; преподавал в вузах и научных учреждениях Ленинграда и Москвы.

В сфере философии Р. — сторонник позитивизма в его «энергетической» разновидности. Главной задачей философии, по Р., является установление теории познания как учения о том, какими способами человек приобретает знания, к чему приводят эти знания, какое они дают общее понятие о мире и жизни. Теория познания лучше всего связывает выводы отдельных наук, освещает их единым общим светом. Без философии, без теории познания нельзя сделаться вполне сознательным человеком. Познание является результатом не повседневного, а научно организованного опыта и наблюдения. Все качественные различия между предметами и явлениями зависят от устройства органов восприятия, и научно организованный опыт сводит их к количеству. Гельмгольц доказал, что все математически измеримое — пространство, время, число, величина, вес, протяжение — все это познается в объективном мире и к этому сводятся качества вещей. Такая научная теория познания резко расходится, по Р., с теориями вроде Авенариуса, Маха, Богданова и т. д. Естественнаучная картина мира, по Р., отказывает-

ся, вслед за Гельмгольцем, от старых понятий материи и силы и берет за основу понятие «энергия», понимаемую как соединение работы и массы. «Энергетический монизм» дает возможность объяснить всю жизнь природы, человека и обществ.

Соз.: Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 1–2. М., 1903–1905; Эволюция хозяйственных форм. СПб., 1905; Исторические и социологические очерки. Сб. ст. Ч. 1–2. М., 1906; Законы развития общественных явлений (краткий очерк социологии). М., 1907; Основы научной философии. СПб., 1911.

Лит.: Памяти Николая Александровича Рожкова. Сб. ст. М., 1927; Цвибак М. Рожков-историк. Ташкент, 1927; Сидоров А. Исторические взгляды Н. А. Рожкова // Историк-марксист. 1929. Т. 13; Волобуев О. Н. А. Рожков – методист-историк // Ученые записки Московского областного педагогического ин-та. 1965. Т. 121; Алексеев П. В. 6, с. 670.

РОЗАНОВ МАТВЕЙ НИКАНОРОВИЧ (26.11(8.12).1858–20.10.1936). Родился в Москве; в 1883 г. окончил Московский ун-т; в 1901 г. защитил магистерскую, в 1910 г. – докторскую диссертацию; в 1911–1929 гг. – профессор Московского ун-та; преподавал также на Московских Высших женских курсах; с 1921 г. – академик АН СССР.

Литературовед, представитель культурно-исторической школы, акцентировавшей связь искусства с течениями в сфере мысли и морали, Р. уделял большое внимание историко-философским аспектам культурно-исторического процесса, что особенно проявилось в его работах по истории французской литературы эпохи Просвещения. Р. глубоко проанализировал, в частности, философскую эволюцию Руссо, показав, что боровшийся против рационализма Руссо был тем не менее «рационалистом чистой воды», не отличавшимся в этом отношении от Вольтера, Гельвеция, Гольбаха. Но троякий культ – личности, чувства и природы – в мировоззрении Руссо превратил его со временем в пророка грядущего романтизма.

Соз.: Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. Т. 1. М., 1910; Эпоха возрождения. Ч. 1–2. М., 1913; Французская литература эпохи «Просвещения». Ч. 1. М., 1917; Руссо и Толстой. Л., 1928.

Лит.: Жирмунский В. М. Академик М. Н. Розанов (некролог) // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1937. № 4.

РОЗБЕРГ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (1804—1.11.1874). В 1825 г. окончил Московский ун-т со степенью кандидата философии; в 1829 г. служил в генерал-губернаторстве Бессарабии и Новороссии; в 1830 г. стал преподавателем русской литературы в Ришельевском лицее (Одесса); с 1835 г. — профессор русской литературы в Дерптском ун-те; в декабре 1838 г. защитил в этом ун-те докторскую диссертацию; с 1841 г. — адъюнкт Академии наук, с 1849 г. — экстраординарный академик.

Р. — один из популяризаторов философии Шеллинга. По воспоминаниям К. Полевого, Р. был близким товарищем ряда русских студентов, учившихся в Дерптском ун-те, которые изучали книги Шеллинга и его последователей. Часть рассуждения Р. «О содержании, форме и значении пластических изящных искусств» представляла собой сокращенный перевод речи Шеллинга «Об отношении изобразительных искусств к природе» (1812). Более самостоятельным Р. проявил себя в философии русской истории. Основной тезис Р. — Россия не Азия и не Европа, это самостоятельный, особый мир: государство, проявившее такую могучую внешнюю деятельность, не может существовать напрасно. Оно должно иметь цель, предопределенную Провидением, и достигает этой цели, проходя через свое вещественное, общественное и нравственное развитие. По всей вероятности, России суждено прекратить кровавые раздоры между Западом и Востоком, слить в своем лоне стихии обеих враждующих сторон. Философия истории не предсказывает будущего, не вникает в тайники Провидения. Она может только определить, как закон обнаруживается в этой борьбе и какому правилу подчинялись события, связанные с этой борьбой.

Соз.: О содержании, форме и значении пластических изящных искусств. Одесса, 1832; О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности. Дерпт, 1838 (2-е изд. — 1839); Об историческом значении России. Дерпт, 1838.

Лит.: Никитенко А. В. Обзор деятельности второго отделения имп. Академии наук за 1874 г. // ЖМНП. 1875. Апрель. С. 88—89; Петухов Е. В. 39, т. 2, с. 355—357.

РОЗЕНБЕРГ ЮЛИУС КАРЛ ОТТОН (ОТТОН ОТТОНОВИЧ) (7(19).7.1888—26.9.1919). Родился в Фридрихштадте (Курляндия); учился на восточном фак-те Петербургского ун-та; стажировался в Германии; по окончании ун-та работал на кафедре санскритской словесности восточного фак-та Петербургского ун-та; с 1912 по 1916 г. — на стажировке в Японии; по возвращении в Россию в 1916 г. преподавал в Петроградском ун-те; с 1917 г. — приват-доцент; в 1918 г. защитил магистерскую диссертацию.

В рамках своих занятий по буддизму Р. написал работу, специально посвященную философии буддизма. Отстаивал тезис о недостаточности чисто филологического и историко-культурного анализа и необходимости философского анализа буддийских текстов. Р. — критик «европоцентризма».

Соз.: Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Т. 2: Проблемы буддийской философии. Пг., 1918; О мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке. Пг., 1919; Труды по буддизму / Вступ. ст. А. Н. Игнатовича. М., 1991.

Лит.: Алексеев В. М. Возражения О. О. Розенбергу на его магистерском диспуте // Алексеев В. М. Наука о Востоке: статьи и документы. М., 1982; Кутасова И. 530, т. 4, с. 517; Михайлова Ю. Д. Выдающийся буддолог О. О. Розенберг. 1888—1919 // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 3; Трубнокова Н. 414, с. 452—453; Игнатович А. Н. 6, с. 672.

РОЙТМАН ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (15.10.1872—23.12.1911). Преподаватель математики и астрономии в гимназии и реальном училище К. Мая, Учительского ин-та и женского Педагогического ин-та в Петербурге; читал публичные лекции в Лиговском народном доме, на заводе Нобеля и в Народном отделе Санкт-Петербургской вольной высшей школы.

В сфере философии отдавал предпочтение немецкому философу, экономисту и математику Е. Дюрингу. Признавая непривлекательность некоторых личных черт Дюринга (его пристрастность в критике, антисемитизм и т. д.), Р., тем не менее, выступает пропагандистом его философской, эстетической и литературно-критической концепции, полагая, что немецкий философ построил стройное здание мировоззрения, которое способно действовать на чувство при исключительной строгости и надежности своих основных начал. Это мировоззрение укрепляет-де уверенность в том, что цели истины, справедливости и свободы достижимы. Оно избавляет мысль и чувство от суеверий и предубеждений, позволяет набросать гармоническую, удовлетворяющую нравственное чувство картину отношений между природой и человеком. Новое учение поддерживает и укрепляет веру в прогресс.

Соз.: Евгений Дюринг как литературный критик и его новый критический прием. СПб., 1899; Курс космографии. СПб., 1899; Евгений Дюринг, основатель жизнедеятельного руководства. Систематическое изложение всех его основных учений, исследований и открытий. К пятидесятилетию литературной

работы реформатора, мыслителя и исследователя (1861–1911). Пб., 1911.

Лит.: Памяти Дмитрия Васильевича Ройтмана (15 окт. 1872–23 дек. 1911). СПб., 1914.

РОМАНОВИЧ-СЛАВАТИНСКИЙ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1832–1910). Профессор Ун-та св. Владимира в Киеве. Р.-С. — противник теории естественного права, «рационалистического направления» в праве, которое выводило право из чистого разума, сторонник идеи прав, созданных историей. Но Р.-С. считал, что рационализм в истории развития права и государства имел «высокое значение», поскольку дал толчок мысли, отстаивал человеческую личность.

Соз.: Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев, 1886; История философии права (древней, средней и новой). Киев, 1898.

Лит.: Жилин А. А. Научная деятельность и труды проф. А. В. Романовича-Славатинского. Киев, 1911.

РОСЛАВСКИЙ-ПЕТРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ (9.4.1816–25.12.1872). Родился в с. Слабино Черниговской губ.; первоначально учился частным образом; в 1828 г. поступил сразу в 4-й класс гимназии Высших наук кн. Безбородко в Нежине; с 1834 г. по 1837 г. учился в Харьковском ун-те; там же в 1839 г. защитил магистерскую диссертацию и был назначен адъюнктом; с 1841 г. — исправляющий должность экстраординарного профессора; в 1845 г. получил степень доктора исторических наук, политической экономии и статистики; в 1846 г. становится экстраординарным, затем ординарным профессором, несколько раз избирался деканом фак-та и назначался ректором.

В многочисленных трудах Р.-П. есть несколько работ, насыщенных философско-исторической проблематикой. В них автор, опираясь на Герена, Лоренца, Гегеля, Ренана, других историков и философов, проводил мысль о необходимости благоразумного сочетания в исторических исследованиях философского элемента с живописным, о соединении закона необходимости с человеческой свободой, об обязанности историка вникать в идею, выражаемую тем или иным народом или государством, отстаивал тезис Гегеля о том, что всемирная история есть успех в сознании свободы и т. д.

Соз.: Решение вопроса: в чем состоит истинное значение прагматической истории и какова должна быть ее обработка? Харь-

ков, 1839; Введение в курс истории цивилизаций. Харьков, 1865; Введение в курс истории главных народов древнего мира и их цивилизаций. Харьков, 1870.

Лит.: Бузескул В. П. **181**, с. 268–276.

РУБИНШТЕЙН МОИСЕЙ МАТВЕЕВИЧ (15(27).6.1878–3.4.1953). Родился в Москве; в 1905 г. окончил философское отделение Фрейбургского ун-та; магистерская и докторская диссертации посвящены Гегелю; с 1912 г. — приват-доцент Московского ун-та; читал лекции по логике на Высших женских юридических курсах, на курсах В. А. Полторацкого, в ун-те Шанявского; с 1918 г. — профессор Московского ун-та, затем профессор Восточно-Сибирского ун-та в Иркутске; с 1923 г. преподавал в вузах Москвы; в 1943–1951 гг. — профессор кафедры психологии Московского педагогического ин-та им. В. И. Ленина.

Стартовал Р. с неокантианских позиций в духе Риккерта. К философии относил область абсолютных ценностей и критический метод, на которые положительные науки не могут-де заявлять претензии. Центральной проблемой для Р. стала проблема личности как основы мировоззрения. Критически относился к попыткам противопоставить самобытную русскую философию западной, прежде всего немецкой, что особенно проявилось в годы Первой мировой войны, когда Р. выступил против тотальной дискредитации Канта и попыток увязать всю немецкую культуру с агрессивными устремлениями германской военщины.

Coz.: Die logischen Grundlagen des hegelschen Systems und das Ende der Geschichte. Halle, 1906 (Diss.); Генрих Риккерт // ВФиП. 1907. Кн. 86; Философия и общественная жизнь в России. Набросок // Русская мысль. 1909. Кн. III; Идея личности как основа мировоззрения. М., 1909; Das Wertsystem Hegels und die entwertete Personlichkeit. Berlin, 1910; К вопросу о трансцендентной реальности // ВФиП. 1911. Кн. 106; Очерк конкретного спиритуализма Л. М. Лопатина // Логос. 1911–1912. № 2–3; Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. М., 1913; Виноват ли Кант? // Русские ведомости. 1915. 11 февраля; История педагогических идей в ее основных чертах. М., 1916; Проблема «я» как исходный пункт философии. Иркутск, 1923.

Лит.: Алексеев П. В. **6**, с. 678–679; Алешин А. **414**, с. 453; Вангузов В. В. **415**, с. 420.

РУДНЕВ ВАСИЛИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ. Преподаватель математики начала XX в., автор интересной работы по философии математики.

Свою концепцию «философии математики», или «естественной системы», Р. связал со «схемой двух перекрещивающихся противоположностей в общем цикле» Б. Н. Чичерина, являющегося, по его мнению, «продолжателем великого германского философа Гегеля, высказавшего ту замечательную мысль, что истина есть не только результат, но и самый процесс». Эту мысль Р. применил к арифметическому учению об умножении. На языке математики Р. стремился показать, что логический процесс развития истины есть необходимая принадлежность самой истины.

Соз.: Опыт философии арифметики. Обзор главнейших математических вопросов с точки зрения естественной системы. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1907.

РУЛЬЕ КАРЛ ФРАНЦЕВИЧ (8(20).4.1814—10(22).4.1858). Родился в Нижнем Новгороде; родители Р. — французы; окончил Московскую медико-хирургическую академию (1833), был адъюнктом в академии, затем профессором зоологии Московского ун-та (с 1840 г.).

Р. — яркий представитель эмпирического метода в науке, непримиримый противник априорной, спекулятивной философии. Буквально насмеялся над «мнимо-философской, натурально-философской, трансцендентальной, туманной школой германских эксцентриков». За приверженность к шеллингианству Р. критиковал в 1850 г. уже покойного Д. Велланского, считал, что «этот даровитый мыслитель» был последователем «ультратрансцендентального направления Шеллинга», т. е. «вращался вне всякого опыта в сфере так называемой натуральной философии»: «Многое в ней было высказано истинного, но смешанного до такой степени с произвольным, что одно сливалось с другим». Научный путь, по Р., — это опытное исследование предмета или явления в его последовательном развитии как необходимо связанного с другими явлениями. В своей концепции сущего Р. подчеркивал идею целостности, взаимосвязей частей целого и идею движения. Все действительно существующее есть стройное, замкнутое в себе целое, различные части которого существуют во внутренней, необходимой причинной органической связи. В природе нет покоя, нет застоя. В природе всеобщее непрерывное движение.

Соз.: Избр. биологические произв. М., 1954.

Лит.: Микулинский С. Р. Карл Францевич Рудье, 1814—1858: ученый, человек и учитель. М., 1989; 530, т. 4, с. 530.

РУМОВСКИЙ СТЕПАН ЯКОВЛЕВИЧ (29.10(9.11).1734—6(18).7.1812). Родился в с. Старый Погост Владимирской губ. в семье священника; учился в Александро-Невской семинарии, откуда был отобран в 1748 г. М. В. Ломоносовым и В. К. Тредиаковским в студенты Академического ун-та в Петербурге; в декабре 1753 г. за диссертацию по математике произведен в адъюнкты Академии; с августа 1756 г. — преподаватель математики и астрономии в Академическом ун-те; с начала 60-х гг. сосредоточился на сфере астрономии, став помощником академика Ф.-У.-Т. Эпинуса; с 1767 г. — ординарный академик астрономии; с 1766 г. по 1803 г. заведовал географическим департаментом Академии наук; в 1800—1808 гг. — вице-президент Академии; в 1803—1812 гг. — попечитель Казанского учебного округа; Р. был избран в члены Стокгольмской королевской академии наук.

В историю университетской философии Р. вошел главным образом как переводчик «Писем о разных физических и философических материях...» Л. Эйлера, издававшихся в XVIII в. четыре раза и соответственно, как и Эйлер, — сторонник антивольфианства. Р. участвовал также в переводе «Естественной истории» Ж.-Л.-Л. Бюффона — одного из предшественников эволюционной теории.

Соз.: Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе / Пер. с фр. Ч. 1—3. СПб., 1768—1774. (Переиздано в 1708 (ч. 1), в 1790—1791 (ч. 1—3), в 1796 (ч. 1—3)); Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона (ч. 1 переведена Р. вместе с И. И. Лепехиным).

Лит.: Кулябко Е. С. 225, с. 164—175.

РУНИЧ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ (19(30).12.1778—1(13).6.1860). Родился в семье сенатора П. С. Рунича, выходца из Венгрии; с 8 лет — на военной службе; работал в ведомствах иностранных дел, помощником московского почтового директора, директором Московской почты; с 1819 г. — член Главного правления училищ. В мае 1821 г. назначен исполняющим обязанности попечителя Петербургского ун-та и Учебного округа вместо ушедшего в отставку С. С. Уварова; в конце 1821 г. стал главным организатором суда над несколькими профессорами Петербургского ун-та, закончившегося их увольнением; в 1826 г. Р. отстраняется от должности и предается суду за упущения, связанные со строительством Петербургского ун-та.

В своих гонениях на университетскую профессию Р. проявил обскурантистские взгляды. «Философию немцев» он считал «человеконенавистнической». У петербургских профессоров он «обнаружил» учение,

«вредное против религии и правления», «материализм и частию атеизм», «опровержение достоверности св. Писания и систему творения мира без Бога». Труд Куницына «Право естественное» Р. представил как «пространный кодекс прав, присвояемых какому-то естественному человеку, и определений, совершенно противоположных учению св. Откровения», «сбор пагубных лжеумствований, которые Руссо ввел в моду и кои волнуют горячие головы поборников прав человека и гражданина». Галичу Р. заявил: «Вы явно предпочитаете язычество христианству, распутную философию — девственной невесте, Христовой церкви, безбожного Канта — самому Христу, а Шеллинга — «духу святому». До конца жизни Р. остался верным своим обскурантистским убеждениям, в том числе по отношению к философии, вспоминая, как профессора и студенты Петербургского ун-та углублялись в «неопределенность туманной философии немецких неологов», «чтобы потрясти истины откровения и дать место своим силлогизмам, опирая их на кантизм, на шеллингизм и другие бесконечные бредни, не имеющие окончания с тех пор, как человеческая философия хочет все привести к человеческому разуму» (Записки... с. 800).

Соз.: Отчет о книге А. П. Куницына «Право естественное» // *Феоктистов Е. М. М. Л. Магницкий*. СПб., 1865; Представление министру народного просвещения князю Голицыну о С.-Петербургском университете за 1821—1822 гг. // *Древняя и новая Россия*. 1880. Т. III; *Записки* // *Русская старина*. 1896. Кн. 11; 1901. Кн. 1—6; *Записки* // *Русское обозрение*. 1890. Кн. 8—10.

Лит.: *Корсакова В.* 424, т. 17, с. 592—601.

РУТКОВСКИЙ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ (15(27).1.1859—10.3.1920). Родился в Петербурге в дворянской семье; учился в Тверской губернской (1868—1872 гг.), 5-й Петербургской (1872—1876 гг.) гимназиях и на историко-филологическом фак-те Петербургского ун-та, который окончил в 1880 г.; из разных предложений выбрал подготовку к профессорскому званию по кафедре философии; в 1889 г. в Казанском ун-те защитил магистерскую диссертацию «Основные типы умозаключений»; работал преподавателем словесности, русского и латинского языков, логики, читал лекции по истории педагогики и дидактике в связи с логикой и психологией; некоторое время служил в Министерстве путей сообщения и в ведомстве Государственного контроля; с 1895 г. — приват-доцент Петербургского ун-та; служил чиновником по особым поручениям при Государственном контроле; после 1917 г. заведовал общим отделом Одесской РКИ.

Р. занял почетное место не только в истории формальной логики, но и в общей истории философии в России: он оказался в числе тех, кто отдал предпочтение английскому направлению в философии, согласившись с аргументами Д.-С. Милля, который доказывал, что через Спинозу с его духом геометрии и математика Лейбница в немецкой философии возобладал «геометрический дух», который «подвигался вперед от плохого к худшему», так что «у Шеллинга и Гегеля даже законы физической природы были выведены с помощью умозаключений из субъективных откровений духа». Р. отказывался приписывать одному Канту «честь основания критицизма».

Соз.: Элементарный учебник логики применительно к требованиям гимназического курса. СПб., 1884; Основные типы умозаключений. СПб., 1888; Общий характер английской философии // ЖМНП, 1894, январь; Критика методов индуктивного доказательства. СПб., 1899.

Лит.: **38**, т. 2, с. 154–155; *Поварнин С.* Логика отношений. Пг., 1917, гл. 14 и 15; *Кондаков Н. И.* Выдающиеся произведения русской логической науки XIX в. // Избр. труды русских логиков XIX в. М., 1956; *Степинский М. А.* Новые материалы о Л. В. Рутковском (1859–1920) // Философские науки. 1959. № 3; *Он же.* Творческий путь видного русского мыслителя Л. В. Рутковского // Ученые записки Курского педагогического ин-та. 1963. Вып. 18. С. 148–185; *Попов П. С.* **350**, с. 171–190; *Ветров А.* **530**, т. 4, с. 544; *Стяжкин Н. И.* **186**, т. 3, с. 488–490.

САВАЛЬСКИЙ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1873—1915). Магистр государственного права Московского ун-та; профессор Варшавского ун-та.

По представлениям С., большинство юридических теорий сложилось под влиянием англо-французского позитивизма (Конт, Милль, Спенсер), метафизического идеализма (особенно Гегеля) и критического идеализма Канта. Вариация позитивизма в лице Авенариуса, Маха и их последователей не оказала никакого влияния на юриспруденцию. Модификация мистицизма в лице приверженцев Вл. Соловьева, призыв которого к теократическим идеалам звучит-де странно для уха юриста, также, по-видимому, не имеет сторонников среди юристов. По С., направление критицизма, связанное с философией Канта и неокантианцев, способно в наибольшей степени возбудить надежды юриспруденции, поскольку именно Кант выдвинул сильнейшие аргументы против догматизма как в позитивизме, так и в метафизике. С. убежден, что достоинство, т. е. степень научной ценности всякой юридической теории, стоит в прямой зависимости от уровня научности той философии, в которой она имеет корни. На высшую степень научности по сравнению с позитивизмом и метафизикой заявляет притязание философия критицизма.

Соз.: Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1. М., 1908; Государственное право, общее и русское. Ч. 1—2. Варшава, 1912—1913.

Лит.: *Вышеславцев Б. П.* Василий Александрович Савальский. М., 1918.

САВОДНИК ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ (28.4(10.5).1874—13.4.1940). Родился в Ливнах Орловской губ. в семье врача; образование получил в Орловской гимназии и на филологическом фак-те Московского ун-та; автор учебника русской литературы, одобренного ученым комитетом Министерства народного просвещения для старших классов средних учебных заведений.

С. исходил из идеи о непреодолимой антропоцентричности человеческого мышления, которая менее заметна в научном мышлении, но имеет особое значение в художественном творчестве. Под этим углом зрения С. уделил большое внимание исследованиям «чувства природы» в русской художественной литературе и поэзии, особенно в поэзии Пушкина, Лермонтова, Тютчева, выясняя, в какой степени они вносят субъективный элемент в изображение природы, прибегают к антропоморфизации природы, «очеловечивают природу», представляют ее явления в образах, взятых из человеческого мира. При этом критерием выступала идея «вчувствования» в духе учения немецкого теоретика эстетики Ф.-Т. Фишера, согласно которой субъект вносит в предметы и явления объективного мира свои мысли и чувства. С. согласился, в частности, с трактовкой поэзии Тютчева Вл. Соловьевым, который истолковал Тютчева как поэта, который вскрыл «темный корень мирового бытия», прочувствовал и осознал таинственную основу всякой жизни, а именно хаоса как первоосновы жизни природы и человеческой души, основы всего мироздания. Поэзию самого Вл. Соловьева («философа с поэтическим темпераментом») С. считал прекрасным художественным комментарием к его философским взглядам.

Соз.: Поэзия Вл. С. Соловьева. М., 1901; Ницшеанец 40-х годов. Макс Штирнер и его философия эгоизма. М., 1902; Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911; Очерки по истории русской литературы XIX века. 11-е изд. М., 1917. Ч. 1.

Лит.: 572, т. 11, с. 695; Алексеев П. В., 6, с. 688–689.

САККЕТГИ ЛИВЕРИЙ АНТОНОВИЧ (18.8.1852–1916). Родился в д. Кензарь Тамбовского у. Тамбовской губ.; в 1868–1874 гг. — студент Санкт-Петербургской консерватории; с 1878 г. — преподаватель, с 1886 г. — ординарный профессор; преподавал, кроме чисто музыкальных дисциплин, эстетику в консерватории и в Академии художеств; в последние годы жизни был секретарем Петроградского философского общества.

Философско-эстетическая позиция С.: по мере развития религии и философии в человечестве возрастает интерес к красоте. Для философа красота — это загадка, которую нужно разрешить и определить отношение к истинному и доброму. Эстетика — это особая ветвь философии. Она является необходимым дополнением к философскому мирозерцанию, потому что человеческая природа не ограничивается познаванием истины и деланием добра, но стремится и к созерцанию красоты.

Соз.: Обзор главных основ эстетики: вкус, эстетическое чувство, новизна и старина, единство и разнообразие, форма, внешние чувства, экспрессия, прекрасное, истинное, доброе // Вестник изящных искусств. 1886. Т. IV. Вып. 4; 1887. Т. V. Вып. 2, 3, 4, 5; Из области эстетики и музыки. СПб., 1896; О содержании и форме в искусстве // Театр и искусство. 1897. № 14—17; О красоте физической и духовной в природе и искусстве // Там же. № 47—52; Возвышенное, его идея и культурное проявление // Научное обозрение. 1901. Апрель, май; Прелестное в искусстве // Архитектурный музей. 1902. Вып. 5, 6, 7, 9, 10; Эстетика. СПб., 1903; Трагическое // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. № 4; Эстетика в общедоступном изложении. Т. 1—2. Пг., 1905—1917.

Лит.: *Бернштейн Н. Д.* Краткий очерк жизни и деятельности профессора Ливерия Антоновича Саккетти по поводу 25-летнего педагогического юбилея при С.-Петербургской консерватории имп. Русского музыкального общества. СПб., 1903.

САКУЛИН ПАВЕЛ НИКИТИЧ (1(13).9.1868—7.9.1930). Родился в Самарской губ.; окончил историко-филологический фак-т Московского ун-та; в 1902—1911 гг. читал курс истории русского идеализма в Московском ун-те; за работу «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель» получил степень доктора русского языка и словесности; в 1914—1917 гг. — ординарный профессор в Женском педагогическом ин-те в Петербурге; с июня 1917 г. — ординарный профессор Московского ун-та; в 1928 г. — член-корреспондент Российской АН, с 1929 г. — академик.

Как литературовед, С. был убежден, что историю и теорию литературы нельзя начинать прямо с вопроса о природе поэта и поэзии, что для объяснения литературного процесса необходима определенная теория исторического процесса. Базовой же категорией этой теории он считал идею эволюции. «Эволюционный момент» является, по С., основой для анализа творческой личности писателя и всего литературного процесса. Изучение исторического процесса развития литературы должно проходить в двух плоскостях: в имманентном изучении предмета, в его статике и динамике, т. е. как эволюционный процесс, и в казуальном изучении предмета, в котором первенство принадлежит социологическому методу. Как теоретик социологического метода, основы которого С. разработал еще в дооктябрьский период, он связан с тогдашней университетской философией.

Соз.: Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1, ч. 1–2. М., 1913; Идеализм Н. В. Станкевича // Вестник Европы, 1915. № 2; В поисках научной методологии // Голос минувшего. 1919. № 1–4; Синтетическое построение истории литературы. М., 1925; Социологический метод в литературоведении. М., 1925.

Лит.: Памяти П. Н. Сакулина. Сборник статей. М., 1931; Николаев П. Павел Никитич Сакулин // Вопросы литературы. 1969. № 4; Кулакова Т. В. **533**, с. 516–517; Бабинина Т., Бейлин Б. **414**, с. 457–458.

САМСОНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (ум. 1921). Приват-доцент Московского ун-та; читал лекции по истории философии и эстетике на Московских Высших женских курсах.

Характерная черта философско-эстетической позиции С. — ее своеобразный панэстетизм. Эстетика как философская дисциплина — это путь философствования, объективно равный с другими, но субъективно, индивидуально он может, считал С., оказаться в данный момент наилучшим. В искусстве, в прекрасном человек обретает живую струю философствования, искренне и по внутреннему убеждению вводит в мышление ценности как исходную точку. Может случиться, что человек, который стал равнодушен к теории познания, сохраняет в душе эстетическую ценность, подобно тому как Гёте остался равнодушен к главному сочинению Канта, но был восхищен его эстетикой. С. — суровый критик русской просветительской эстетики 40–60-х гг. XIX в. Белинский во второй период своей жизни, утверждал он, склонился в сторону лжереализма в искусстве. Чернышевский облек лжереализм в философские формы и т. д.

Соз.: Введение в эстетику. М., 1910; История эстетических учений. Ч. 1–3. М., 1912–1913 (есть изд. 1915 г.); Психология воли. Сергиев Посад, 1922.

САРТОРИУС (SARTORIUS) ЭРНСТ ВИЛЬГЕЛЬМ ХРИСТИАН (10.5. 1797–13.6.1859). Родился в Дармштадте; в 1615 г. поступил в Геттингенский ун-т; в 1819 г. — репетитор в Геттингене; с 1821 г. — экстраординарный, с 1823 г. — ординарный профессор в Марбурге; с сентября 1824 г. — в штате Дерптского ун-та, несколько раз избирался деканом богословского фак-та; в числе его лекций в ун-те — лекция на тему «Социализм или рационализм в сравнении с ортодоксальной системой». Первоначально С. склонялся к рационализму, но полемизировал с Кантом; со временем эволюционировал к пиетизму.

Соз.: Die Religion ausserhalb der Grenzen der blossen Vernunft nach den Grundsätzen der Wahren Protestantismus und die eines falschen Rationalismus. Dorpat, 1822.

Лит.: *Грасс К. К.* 39, т. I, с. 69—71.

СБОЕВ ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ (1810—1855). Родился в семье священнослужителя; окончил Казанскую духовную семинарию (1829) и Петербургскую духовную академию; был учителем в Казанской, затем с 1840 г. в Симбирской духовной семинарии; в феврале 1841 г. получил в Казанском ун-те степень магистра российской и славянской словесности, уволился из духовно-учебного ведомства и назначен исправляющим должность адъюнкта по кафедре русской словесности Казанского ун-та; утвержден адъюнктом в 1843 г.; уволился из ун-та в ноябре 1850 г.

С. очень мало написал по философским проблемам, но это «малое» — один из показателей для характеристики университетской философии в России первых десятилетий XIX в., когда кадры для ун-тов формировались нередко из выпускников духовных академий, часть которых сохраняла мировоззренческую верность духовно-академическому стилю философствования. С., по сути дела, с ортодоксально-христианских агностических позиций осудил философию Шеллинга и Фихте за «гностицизм», т. е. за попытку познать Бога разумом. Он разделял тезис И.-Я. Вагнера: «Нет науки о бесконечном; оно должно быть предлагаемо верою. Идею о Божестве должно начинать всякое построение; но само Божество не должно быть предметом построения. Философия, а следовательно, и всякое умозрение, должно быть основано на религии».

Соз.: Гносис и гностики // Ученые записки Казанского ун-та. 1839. № I; О продолжительной реальности человеческих познаний // Там же. 1845. № IV.

Лит.: *Магницкий В. К.* К биографии Василия Афанасьевича Сбоева. Казань, 1901; 35, ч. 1, с. 159—160.

СВЕТЛОВ ПАВЕЛ ЯКОВЛЕВИЧ (1(13).12.1861—?). Родился в с. Святое озеро Рязанской губ. в семье священника; окончил Рязанскую духовную семинарию и Московскую духовную академию (1882—1886); в 1887 г. назначен преподавателем богословия в Тифлисскую духовную семинарию; с 1889 г. — законоучитель в Нежинском историко-филологическом ин-те кн. Безбородко; с 1897 г. — профессор Ун-та св. Владимира в Киеве; в 1907 г. читал курс «Философия и история религии в главнейших основаниях» на Киевских женских курсах.

В конце XIX—начале XX в. в университетской философии в России основные философские кадры поступали через университетскую систему образования. Но были исключения. К ним относится богослов по образованию С., ставший университетским профессором, но сохранивший духовно-академический стиль философствования.

Соз.: Учение Фейербаха о религии // Вера и разум. 1890. № 1; Источники ходячего мнения о вере как противоположности разума. СПб., 1896; О выработке мирозозерцания в учащейся молодежи по руководству проф. Н. И. Кареева. Казань, 1896; Мистицизм конца XIX в. в его отношении к христианской религии и философии. 2-е изд. СПб., 1897; Религия и наука. СПб., 1914.

Лит.: Алексеев П. В. 6, с. 702.

СВЯТЛОВСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ (6.1.1869—22.11.1927). Родился в Москве в семье служащего; в 1891—1892 гг. жил в Петербурге, участвовал в социал-демократической группе Бруснева; в 1892 г. эмигрировал, учился в Мюнхенском ун-те; в 1897 г. защитил докторскую диссертацию по экономике; в 1902—1924 гг. — приват-доцент Петербургского (Петроградского) ун-та, профессор Психоневрологического ин-та, преподаватель Военно-морской академии.

Наряду с работами, относящимися к конкретной экономике, С. написал ряд трудов по истории и теории политической экономии. При этом он исходил из убеждения, что теоретическая экономия органически соприкасается с философией, логикой и психологией. Наиболее общей теоретической основой политэкономической концепции С. стали упрощенно толкуемые принципы Марксова исторического материализма о соотношении базиса и надстройки и принципы философского материализма. Если не исключительным, то главнейшим фундаментом сложного здания культуры, по С., являются экономические отношения системы производства и распределения. Материальная культура, строй хозяйства лежит в основе большинства явлений общественной жизни. Значительная часть ее соотношений в области права, морали, политики и пр. играет роль «надстройки». Отсюда важная в социологическом и хозяйственном смысле формула: сознание определяется бытием. Однако производные явления нематериальной культуры в свою очередь влияют на материальную жизнь, и получается взаимодействие. Но таким «социологическим» уровнем С. не удовлетворяется и переходит на философский уровень анализа двух параллельно развивающихся «цепей» — физической и духовной природы, определяя их отношения как функциональную зависимость. Это, по его мнению, своего рода психо-

физический параллелизм. Идея параллелизма в философии гласит, что все психическое имеет физическое основание, тогда как обратное утверждение «панпсихизма»: все физическое имеет психическое основание — приводит к абсурду.

Соз.: Конспект лекций по политической экономии. СПб., 1910; Очерки по истории политической экономии. Вып. 1–2. СПб., 1910.

Лит.: Сергеев В. И. **454**, т. 12, стб. 612.

СЕВЕРЦОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (11(23).9.1866–19.12.1936). Родился в Москве в семье потомственного дворянина; учился в частной гимназии Л. И. Селиванова, с 1885 по 1889 г. — на физико-математическом фак-те Московского ун-та, где работал главным образом под руководством М. А. Мензбира; с 1894 г. — приват-доцент Московского ун-та; в 1895 г. защитил магистерскую, в 1898 г. — докторскую диссертации; с 1898 г. — приват-доцент Юрьевского ун-та; затем — сверхштатный экстраординарный, с 1902 г. — ординарный профессор Ун-та св. Владимира; в 1911–1930 гг. — профессор Московского ун-та; с 1920 г. — академик АН СССР, с 1925 г. — академик АН УССР; с 1930 г. работал в лаборатории (с 1935 г. — ин-т) эволюционной морфологии АН СССР.

В дооктябрьский период С. не решался категорически отвечать на вопрос, насколько прав Ламарк и неоламаркисты, Дарвин или де Фриз, но, отказавшись от гипотез Бэра, Негели о «внутренней эволюционной силе», он избрал предпосылкой для своих биологических исследований теорию эволюции. Отстаивая дарвинизм от критики неовиталистов, считал, что неовитализм — это не научная теория, а философское мировоззрение группы биологов, в такой же мере связанное с идеалистическим направлением метафизической мысли начала XX в., в какой натурфилософия Окена и Каруса была в свое время связана с философией Фихте и Шеллинга.

Соз.: Этюды по теории эволюции. Киев, 1912; Главные направления эволюционного процесса. М., 1925.

Лит.: **39**, т. 1, с. 289–290; Памяти акад. А. Н. Северцова. М.; Л., 1939. Т. 1; *Гайсинович А.* **530**, т. 4, с. 572; *Уткина Н. Ф.*, **186**, т. 4, с. 166–171; *Лук Н. И.*, *Грожин А. С.* **529**, с. 244–246.

СЕЗЕМАН ВАСИЛИЙ ЭМИЛЬЕВИЧ (30.5(11.6).1884–29.3.1963). Родился в Выборге в семье врача; отец по национальности финн, мать — русская; учился в немецкой гимназии св. Екатерины в Петербурге (1892–1902 гг.), затем в Военно-медицинской академии, откуда перешел на историко-филологический фак-т Петербургского ун-та; по оконча-

нии ун-та в 1909 г. оставлен при кафедре философии для получения профессорского звания; в 1909—1911 гг. — в научной командировке в Германии; в 1911—1917 гг. преподавал логику, педагогику, психологию в средних учебных заведениях; с 1913 г. — приват-доцент Петербургского ун-та; преподавал на Высших женских историко-филологических курсах; в 1914—1915 гг. был на фронте; затем снова — преподаватель ун-та и гимназии; после 1917 г. — на работе в разных учреждениях, но по большей части на преподавательской работе: в Педагогическом ин-те в Вятке, в Саратовском ун-те; в 1922 г. покидает Советскую Россию, живет в Гельсингфорсе, Берлине, Ковно, где становится профессором философии Ковенского ун-та; с 1940 г. — в Вильнюсском ун-те; в 1950 г. арестован и осужден; в 1958 г. — освобожден и реабилитирован; до конца жизни работал в Вильнюсском ун-те профессором логики.

Получив образование в Марбурге в духе Когена, Наторпа, Зиммеля, Дильса, Кассирера, С. не стал чистым неокантианцем, но проявил склонность к иррационализму в духе платонизма. Философия, рассуждал он, рациональна по своему существу. От требования рационального единства философия отказаться не может, иначе она утратила бы смысл существования, перестала бы быть философией, т. е. рациональным познанием. Истинное знание — сплошь рационально. Но наряду с рациональным есть иррациональное. Иррационально все то, что лежит за пределами действительного или возможного знания. Чертой современной истинно критической науки и философии является проблематичность: нет безусловных и самоочевидных истин. Проблематичность знания проявляется прежде всего в его эмпирической незаконченности и незавершенности. Поскольку завершенность недостижима, эмпирическое знание не осуществляет в себе высшей степени рациональности и даже содержит иррациональные элементы (нерешенные проблемы). Иррациональные элементы — не случайная примесь, а необходимый коррелят бесконечности и проблематичности объективного знания. Объективное знание носит рационально-иррациональный характер.

Соз.: Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. 1911. Кн. 1; Die Ethik Platons und das Problem des Bösen // Philosophische Abhandlungen: Herman Cohen zum 70. Geburtstag (4. Juli 1912). Berlin, 1912; Теоретическая философия Марбургской школы // Новые идеи в философии. СПб., 1913. № 5; Эстетическая оценка в истории искусства // Мысль. 1922. № 1.

Лит.: Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 460; Лосский Н. О. **253**, с. 411—412; Hartmann N. Kleine Schriften. Berlin, 1958; Вашестов А. **414**, с. 462—464.

СЕМЕНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ (1865—?). В 1885—1889 гг. учился на историко-филологическом фак-те Московского ун-та; с 1895 г. — приват-доцент Московского ун-та; с 1905 г. — исправляющий должность экстраординарного профессора по кафедре римской словесности в Историко-филологическом ин-те кн. Безбородко в Нежине; в 1906 г. — магистр и экстраординарный профессор, с 1907 г. — ординарный профессор.

С. — переводчик ряда произведений, в том числе «Философских трактатов о старости и о дружбе» Цицерона (М., 1893), «О природе вещей» Лукреция Кара (Нежин, 1909) и автор работ по истории культуры. История духовной культуры, по С., есть история перестройки общества на началах личности, началах самоопределения воли индивидов, на началах уважения жизненных целей каждого, на началах любви. История уничтожает различие между своим и чужим. Человек ничего не создает. Им руководят окружающие силы природы, которые он в свою очередь обращает на пользу себе. Взаимодействие сил природы и способностей человека составляет прогресс культуры.

Соз.: История культуры. М., 1897; Иудеи и греко-римский мир во втором веке христианской эры. М., 1905; Отличительные черты классического мировоззрения. Нежин, 1905.

Лит.: **180**, с. 54—55.

СЕМЕНОВСКИЙ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1799—1869). Родился в семье священнослужителя; начал учиться в Киевской духовной академии, но перешел на тогдашний философско-юридический фак-т Главного педагогического ин-та в Петербурге, преобразованного в 1819 г. в ун-т; окончил его в 1823 г. и был назначен учителем латинского языка в Петербургскую гимназию; с 1826 г. — профессор естественного и народного права в Демидовском училище (Ярославль).

Разные отрасли естественного права читал по руководствам Цейлера, Лодия, Клюбера и Мартенса. С позиций теократической школы критиковал договорную теорию в праве, считая ее только философским предположением и доказывая, что «не природа, не договоры и не война или насилие суть причины вступления людей в общество, но что соединила людей в общество, ввела и оградила их верховною властью рука Всевышнего». Это и есть главное начало происхождения гражданских обществ.

Соз.: Рассуждение о начале происхождения гражданских обществ. М., 1827.

Лит.: Головщиков К. Д. **109**, с. 84, 99.

СЕНКОВСКИЙ (псевд. БАРОН БРАМБЕУС) ОСИП (ЮЛИАН) ИВАНОВИЧ (19(31).3.1800—4(16).3.1858). Родился в старинной польской шляхетской семье; окончил Виленский ун-т (1819); в 1822—1847 гг. — профессор Петербургского ун-та; сотрудник, затем редактор журнала «Библиотека для чтения»; с 1828 г. — член-корреспондент АН.

Крупный ученый, один из основателей российского востоковедения С. занимал своеобразную философскую позицию: отвергая одну общую философию как независимую от наук систему, он ратовал за частные «философии наук» в духе концепции, которую в современной французской историографии называют «философией родительного падежа», т. е. выступал за такие дисциплины, как «философия химии», «философия геологии», «здравая философия врачебного искусства» и т. д. Немецкую идеалистическую философию Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля критиковал за то, что она подчинила-де опыт чистому умозрению, природу идее. Особенно яростно С. нападал на шеллингианство и окенизм, «иго» которых Германия уже, мол, сбросила, тогда как в России пытаются привить эту «бестолковщину».

Соз.: Германская философия // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. № 16. Отд. 3; Собр. соч. Т. 1—9. СПб., 1858—1859.

Лит.: Крачковский И. Ю. Сенковский и его ученики // Крачковский И. Ю. Избр. соч. М.; Л., 1958. Т. 5; Каверин В. А. Барон Брамбеус. М., 1966.

СЕРБСКИЙ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ (14(26).2.1858—5(18).4.1917). Родился в Богородске Московской губ.; окончил в 1880 г. физико-математический, а в 1883 г. — медицинский фак-т Московского ун-та; в 1892—1900 гг. как приват-доцент читал курс судебной медицины в Московском ун-те; в 1902—1911 гг. — профессор и директор психиатрической клиники Московского ун-та; имя С. носит знаменитый Центральный ин-т судебной психиатрии в Москве.

Философией С. специально не занимался, но его работы по психиатрии, естественно связанные с общей теорией психологии, покоятся на философских предпосылках. С. исходил из мысли о том, что все душевные способности — сфера интеллектуальная, сферы чувства, воли и сознания — неразрывно и тесно связаны между собой, представляют одно гармоническое целое. Простейшее, самое элементарное явление нашей умственной деятельности составляет ощущение. Связь между строением мозга и интеллектуальным процессом С. признавал и исключительно высоко оценивал учение профессора из Вены Т. Мейнерта, автора работ по психиатрии и анатомии мозга, но считал «непостижимой тайной», каким образом физиологическое возбуждение нервных

снарядов дает психическое явление-ощущение. Уже при рассмотрении этого простейшего психического феномена невозможно-де перекинуть мост между миром физическим и психическим; можно, мол, утверждать только одно: физиологические процессы и психические явления идут рядом, более или менее параллельно. Таким образом, С. примкнул к разновидности концепции психофизического параллелизма.

Генезис процесса мышления С. трактовал в духе сенсуализма. Способность образовать ощущения составляет, по его мнению, краеугольный камень всей умственной деятельности. Представления — это образы предметов внешнего мира, сложившиеся из суммы полученных ощущений, они являются уже чисто идейным процессом.

Соз.: Психиатрия. 2-е изд. М., 1912.

Лит.: Введенский И. Н. В. П. Сербский и его роль в общей и судебной психиатрии // Проблемы судебной психиатрии. М., 1957. Сб. 7; Фрумкин Я. П., Завилянский И. Я. В. П. Сербский // Врачебное дело. 1958. № 4.

СЕРГЕЕВ ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ (ум. 1868). Учился в Смоленском уездном училище, с 1806 г. — в Смоленской гимназии; с 1813 г. — в Петербургском ун-те; с 1821 г. — преподавал право и политическую экономию в Благородном пансионе Петербургского ун-та; в 1823 г. бывший директор Петербургского ун-та, масон и приверженец Магницкого и Рунича. Д. А. Кавелин (отец К. Д. Кавелина) рекомендовал С. Магницкому для определения в Казанский ун-т, поскольку тот был-де известен обличительными трудами против философии Шеллинга; С. без выборов был утвержден на совете профессором правоведения в Казанском ун-те; в том же году ему поручено преподавание философии; с 1824 г. стал ординарным профессором философии; с 1835 г. преподавал только право; уволен со службы в 1844 г.

С. читал в нравственно-политическом отделении логику и нравственную философию «по собственным записям», следовательно, в духе инструкций Магницкого. В лекциях по праву выступал против философского метода вообще, сравнительно-исторического в частности. Обличал «лживость и суемудрие умозрительных систем». Отвергал естественное право как «проявление строптивного духа гордости и противления».

Лит.: 35, ч. 2, с. 71–72; Загоскин Н. П. 142, т. 1, с. 419–422.

СЕРГЕЕВИЧ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (1832–26.11.1910). Родился в Орле; с 1868 г. — преподаватель государственного права, с 1871 г. — профессор Московского ун-та; с 1872 г. — профессор Петербургского

ун-та; в 1867 г. защитил магистерскую, в 1872 г. — докторскую диссертацию.

В сфере методологии права С. — представитель умеренного позитивизма. Он отвергал «чисто философский метод» в праве (Кант, Гегель), признавал явно недостаточными опыты соединения «философской методы» с наблюдением (Аренс, Шиллинг, Ф.-Ю. Шталь, Л. Штейн, Шмиттеннер, Р. Моль, Блюнчли), неполными попытки применить метод «чистого наблюдения» (Савиньи, Эшер). «Бессмертному» учению Конта принадлежит, по его мнению, великая заслуга прочного установления правильных основ научного наблюдения (ошибки Конта не зависят от его метода), продолжателем же метода Конта является «знаменитый английский философ» Д.-С. Милль. Проявлением борьбы С. против метафизики и приверженности «положительной методе» стали его выступления против широко распространенного в русской юриспруденции увязывания права с этикой.

Соз.: Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871.

Лит.: Дьяконов М. А. В. И. Сергеевич и его ученые труды. СПб., 1912.

СЕРГЕЕВСКИЙ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ (1849—1908). Родился в Псковской губ. в дворянской семье; в 1861—1868 гг. учился в Псковской гимназии; в 1868—1872 гг. — на юридическом фак-те Петербургского ун-та, по окончании которого оставлен для подготовки к профессорскому званию; в 1874 г. назначен исправляющим должность доцента в Демидовский юридический лицей в Ярославле; в 1880 г. защитил в Петербургском ун-те магистерскую диссертацию и стал экстраординарным профессором Демидовского лицея; с 1882 г. — адъюнкт-профессор Военно-юридической академии, преподаватель Александровского лицея и доцент Петербургского ун-та; с 1884 г. — экстраординарный, с 1888 г. — ординарный профессор, с 1906 г. — член Государственного совета.

С. — представитель «национально-исторического направления» в праве, сторонник методов устрашения и суровых репрессий.

Соз.: О значении причинной связи в уголовном праве. Т. I—II. 1880; Философские приемы и наука уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. I, январь—февраль; Антропологическое направление в исследованиях о преступлении и наказании // Юридический вестник. 1882; Русский дух. 2-е изд. СПб., 1907.

Лит.: 38, т. 2, с. 190—191; 572, т. 38, стб. 389—390; Боровитинов М. М. Николай Дмитриевич Сергеевский и его профессорская, научно-литературная и общественная деятельность. СПб., 1910.

СЕЧЕНОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (1(13).8.1829—2(15).11.1905). Родился в с. Теплый Стан Симбирской губ.; в 1843—1847 гг. учился в Главном инженерном училище; получил первый офицерский чин, был оставлен в нижнем офицерском классе, но, не кончив курса, ушел сначала в армию, а затем поступил вольнослушателем на медицинский фак-т Московского ун-та; с 1856 по 1860 г. учился за свой счет за границей, в том числе у Дюбуа-Реймона и Гельмгольца; в 1860 г. получил степень доктора медицины; стал адъюнкт-профессором в Петербургской медико-хирургической академии; с марта 1861 г. — экстраординарный, с 1864 г. — ординарный профессор; в марте 1871 г. переведен в Новороссийский (Одесса) ун-т; с 1876 г. по 1888 г. — в Петербургском ун-те; с 1889 г. — приват-доцент, с 1891 г. — профессор физиологии Московского ун-та; в 1901 г. вышел в отставку.

«Мы не философы», — писал С., но сыграл в истории отечественной философии огромную роль, прослав еще при жизни «философом нигилизма».

Книга С. «Рефлексы головного мозга» расценивалась Петербургским цензурным комитетом как направленная на развращение нравов, как изложение самых крайних материалистических теорий, и ее предлагалось запретить. Как правило, С. относили к материалистам в советской историографии. Но это — неадекватная квалификация.

С. считал научно несостоятельными как систему идеалистов, так и систему сенсуалистов, у которых главным определителем умственной жизни является внешний мир. Преодоление крайностей этих антагонистических школ, уравнивание кричащих начал, в силу которых все основные противоречия сгладились бы сами собой, С. связал с биологической наукой. Гипотезу Герберта Спенсера С. назвал первой серьезной попыткой объяснить психическую жизнь не только со стороны ее содержания, но и со стороны прогрессивного развития из общих начал органической эволюции. Учение Спенсера заканчивает-де вековой спор между сенсуалистами и идеалистами, примиряя коренное противоречие этих школ. Гипотеза Спенсера, по С., не нуждается ни в одухотворении начала прирожденной организации, как это делают идеалисты, ни в безусловной его материализации, как это делают исследователи материалистической школы. Наряду со Спенсером, С. особенно высоко ценил еще Гельмгольца, считая его «величайшим физиологом XIX в.».

Соз.: Рефлексы головного мозга. СПб., 1863; Физиология нервной системы. СПб., 1866; Замечания на книгу Кавелина «Задачи психологии» // Вестник Европы. 1872. Ноябрь; Кому и как разрабатывать психологию // Там же. 1873. Апрель; Элементы мысли // Там же. 1878. Март, апрель; Учение о несвободе воли с практической стороны // Там же. 1881. Январь.

Лит.: Колубовский Я. **210**, с. 565; Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 273–275; Лосский Н. О. **253**, с. 90; Рубинштейн С. Л. Физиология и психология в научной деятельности И. М. Сеченова // Физиологический журнал СССР им. И. М. Сеченова. 1946. Т. 32. № 1; Ананьев Б. Г. **10**, с. 114–125; Теплов Б. Философские и психологические взгляды И. М. Сеченова // Большевик. 1948. № 7; Каганов В. М. **187**, т. 2, с. 384–387; Ярошевский М. Г. Сеченовские идеи о мышечной чувствительности в свете теории отражения и кибернетики // Вопросы философии. 1963. № 10; Тюхтин В. С. **186**, т. 3, с. 463–484; Ярошевский М. Г. И. М. Сеченов. Л., 1968; **530**, т. 4, с. 589–590; **415**, с. 439–440; **532**, с. 580; Замалеев А. Ф. **145**, с. 174–176; Моисеев В. **414**, с. 466–467.

СИДОНСКИЙ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ (11(23).2.1805–6(18).12.1873). Родился в с. Архангельское Тверской губ.; выпускник Тверской семинарии и Петербургской духовной академии (1825–1829); по окончании академии был оставлен в ней бакалавром английского языка, а затем философии; в 1833 г. опубликовал свой очень солидный по тем временам труд «Введение в науку философии», за что получил от Академии наук Демидовскую премию; однако духовно-академические власти посчитали его книгу недостаточно выдержанной под углом зрения учения церкви, и С. был отстранен от преподавания философии, затем и совсем уволен из академии.

В 30–40-х гг. С. написал совсем мало: перевел книгу Шульце (Энезидема) «Психическая антропология» (СПб., 1834–1836), издал сочинение своего товарища Дроздова «Опыт системы нравственной философии» (СПб., 1835) и своего ученика Ф. Надежина «Очерк истории философии по Рейнгольду» (СПб., 1837), опубликовал несколько статей в «Христианском чтении», начал работу заведующим богословия и философским отделом в «Энциклопедическом словаре» Плюшара (но вскоре отказался от этой обязанности, сосредоточившись на занятиях богословием). В 1854 г. фортуна улыбнулась С.: он был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1856 г. — действительным членом АН. Как только вошел в действие новый университетский устав 1863 г.,

согласно которому восстанавливались кафедры философии и ун-ты получили право присваивать звание почетного доктора, Совет Петербургского ун-та присудил С. в январе 1864 г. звание почетного доктора философии. С. был приглашен читать в ун-те лекции и читал до 1873 г. логику, психологию и историю философии.

Исходным пунктом философии мышления С. считал доступный для всех опыт, который в силу своей недостаточности для достижения истины должен дополняться верой. С. участвовал в дискуссиях, развернувшихся вокруг книги позитивиста М. Троицкого. Весьма жестко С. критиковал английский эмпиризм, утверждая, что самое существо философии составляет для него чуждый предмет, так что имя философии является для него лишь «дискурсивным вниканием в данные опыта».

Соз.: Об отношении идеального к действительному и обратно // Сын отечества и Северный архив. 1832. Т. 26. № 11; Введение в науку философии. СПб., 1833; Рец. на кн. М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии» // ЖМНП. 1867. Ч. 134. Июнь; Генетическое введение в православное богословие // Христианское чтение. 1877. Ч. 1.

Лит.: Григорьев В. В. **111**, с. 365—367; Владиславлев М. И. Протоиерей Ф. Ф. Сидонский и его философские взгляды // ЖМНП, 1874. № 1; **38**, т. 2, с. 192—194; И. В. Протоиерей Ф. Ф. Сидонский и его философские взгляды // Вера и разум. 1906. Ч. 1. № 7; *Задорожник И. Е.* **415**, с. 440; *Шохин В.* **414**, с. 467—468; **533**, с. 535.

СИКОРСКИЙ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (1842/1843—1919). В 1869 г. закончил Ун-т св. Владимира в Киеве и оставлен там для усовершенствования; в 1873 г. переехал в Петербург; с 1885 г. — профессор душевных и нервных болезней в Киевском ун-те.

Успех психиатрии С. связывал с обновлением психологической науки, которая перестала, по его мнению, быть строго метафизической наукой, сблизившись, благодаря Герберту Спенсеру, с науками биологическими: метафизическая психология рассматривала душу как сумму отдельных функций или способностей, почти совсем не останавливалась на субстратах, в которых эти функции происходят, не изучала мозга, в котором совершаются душевные отправления.

Спенсер, утверждал С., сделал для психологии то же самое, что Дарвин для естествознания, и поэтому гипотезу Спенсера справедливо называют эволюционизмом или дарвинизмом в психологии. Спенсер дал естественнонаучное обоснование проблеме, которую раньше умозрительно решала не только школа метафизиков, но и школа материалистическая.

тов. В Ун-те св. Владимира С. стал антагонистом идеалистического направления в философии и психологии, которое представлял в первую очередь Г. И. Челпанов.

Соз.: Исторический очерк развития основ современной психиатрии и невропатологии. Киев, 1885; Душа и мозг великих людей: Гамбетты, Тургенева и Гельмгольца. Киев, 1900; Нравственное значение личности Владимира Соловьева. Киев, 1901; О книге В. Вересаева «Записки врача». Киев, 1902; Опыт объективного исследования состояния чувства (с кратким указанием на объективные признаки мысли и воли). Киев, 1903; Биологические вопросы в психологии и психиатрии. Киев, 1904; Н. И. Пирогов как мыслитель и человек. Киев, 1910; О психологических основах национализма. Киев, 1910; Основы теоретической и клинической психиатрии с кратким очерком судебной психологии. Киев, 1910; Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина. Киев, 1912; Идеализация и материализация жизни. Киев, 1912.

Лит.: Евдокименко В. Е., Роменец В. А. 186, т. 4, с. 649; Алексеев П. В. 6, с. 723–724.

СИНЬКОВСКИЙ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (ум. 1792). Родился в с. Синьково Дмитровского у. Московской губ.; окончил Переяславскую семинарию и в 1760 г. (или в 1762 г.) поступил в Московский ун-т; по окончании ун-та преподавал там же историю и географию, а затем латинский язык в Переяславской гимназии; с 1776 г. — учитель латинского и греческого языков в Москве; получил звание магистра; в 1786 г. стал экстраординарным профессором логики и нравственной философии, а в 1781 г. до 1792 г. — ординарный профессор философии Московского ун-та.

По болезни С. мало проработал в сфере философии. Ему принадлежит всего лишь один опубликованный труд. Авторитетами для С. были в основном древние греческие философы. Профессор отстаивал антропоцентрическую точку зрения: познание самого себя есть краткое «объятие» всей человеческой мудрости. Незнание самого себя — это источник и корень всех заблуждений, которые препятствуют обстоятельному рассмотрению и распознаванию внешних предметов. Постановка вопроса о путях познания нравов привела С. к примечательным результатам: нет ничего особенного в его утверждении, что трудность познания нравов зависит от несовершенства самого разума человека и от незнания самого себя; а вот ответ С. на вопрос, как познаются нравы, представляет существенный интерес. Познание нравов, считает С.,

осуществляется по природным «наружным знакам» (лицо, глаза и т. д.) и по нравственным знакам, которых два: 1) слова как знаки, посредством которых мысли передаются, и 2) человеческие действия, по которым можно судить о наклонностях. В зародыше в этих высказываниях С. содержится, по крайней мере терминологически, то, что в современной философии называют языковыми и неязыковыми знаками, знаками-признаками, знаками-символами и т. д. С. упоминает и о том, что «некоторые мысли наши называют источником слов, а слова именуют изъяснителями наших мыслей и склонностей». И здесь легко усмотреть будущую важную гносеологическую проблему о соотношении слова и мысли.

Соз.: Слово о вероятном познании нравов человеческих по некоторым знакам. М., 1789.

Лит.: Терновский. 36, ч. 2, с. 415—416.

СКАБИЧЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (1838—1910). Родился в Петербурге в семье чиновника, из украинских дворян; окончил Ларинскую гимназию и историко-филологический факультет Петербургского ун-та; преподавал русскую словесность в Смольном ин-те и Ларинской гимназии; с 1868 г. стал сотрудничать в «Отечественных записках»; в 1871 г. оставил преподавание, перейдя тем самым из сферы школьно-университетской науки в «вольную» литературную деятельность.

В работах начала 70-х гг. XIX в., совпавших с прусско-французской войной 1870—1871 гг., С. предпринял попытку увязать прусский национализм с немецкой философией, особенно с философией Фихте, Шеллинга и Гегеля. Вместе с тем С. весьма солидно проанализировал историю «русской шеллингианы» начала XIX в. В сфере литературоведения С. — сторонник исторического метода, согласно которому критика должна исследовать поэтические произведения на основании фактов жизни, проверять умозаключения поэта. С. — критик теории искусства для искусства, но в то же время — противник крайней «публицистической критики» типа писаревской.

Соз.: Наши грядущие Бисмарки. «Национальный вопрос в истории и литературе» А. Градовского. СПб., 1873; Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе. 1825—1860. Н. А. Полевой, В. Ф. Одоевский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов и их сподвижники. СПб., 1872; Граф Л. Н. Толстой как художник и мыслитель. Критические очерки и заметки. СПб., 1887.

Лит.: 572, т. 39, стб. 110–111; Венгеров С. 573, п/т. 59, с. 156–157.

СКВОРЦОВ НИКОЛАЙ ЕФРЕМОВИЧ (13.10.1836–1902). Родился в Москве, учился в Спасо-Андрониевском духовном училище (1846–1850), в Московской духовной семинарии (1850–1856), на историко-филологическом фак-те Московского ун-та (1856–1860); преподавал русский, греческий и латинский языки в ремесленном учебном заведении Московского воспитательного дома, в 1-м Московском кадетском корпусе, в Московском ун-те, 1-й московской гимназии; в 1868 г. получил степень магистра философии и определен доцентом по кафедре философии в Ун-т св. Владимира в Киеве; в 1871 г. защитил в Петербургском ун-те докторскую диссертацию и в следующем году назначен директором 2-й харьковской гимназии; с 1882 г. — директор Историко-филологического ин-та в Нежине; в 1892 г. вышел в отставку.

Работы С. отражали и выражали те печальные страницы в истории университетской философии в России конца 60–70-х гг. XIX в., когда преподавание философии в ун-тах в очередной раз было свернуто и свелось к изучению античной философии, главным образом Платона и Аристотеля.

Соз.: Политика Аристотеля. Перевод с примечаниями и исследованиями. М., 1865; 2-е изд. М., 1893; «Протагор», диалог Платона // ЖМНП. 1866. Сентябрь; Естествознание и философия // Там же, октябрь; «Менон». Диалог Платона. Греческий текст с примечаниями, предисловием и анализом. М., 1868; Анализ диалога. «Теэтет» с примечаниями и объяснениями. Платон о значении борьбы с сенсуализмом и рассудочным эмпиризмом. М., 1871; «Евтидем», диалог Платона. Греческий текст с примечаниями и объяснениями. М., 1878; Логика как пропедевтика философии в гимназиях // Русский вестник. 1875. № 1.

Лит.: 37, с. 610–612.

СКИАДАН (SKIADA) МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (40-е гг. XVIII в. — 5.9.1802). Родился в Кефалонии (Греция); учился в Италии и Голландии; в 1771 г. получил в Лейдене степень доктора философии и медицины; с 1776 г. — профессор Московского ун-та; кроме медицинской занимал кафедру естественного и народного права на юридическом фак-те.

Сочинения С. написаны на латинском языке. Некоторые из них переведены на русский язык. Как медик С. затронул антропологическую проблематику соотношения души и тела, отметив не только «великое различие» этих «двух совершенно различных» и даже противных меж-

ду собою «сущствъ», но и тесное соединение между ними. Все это, по С., должно показать, «что верховное благо не в другой какой-либо вещи, но в самом состоит Боге». С. «прославился» также своей вульгарной критикой Канта: философию Канта он называл «подогретые щи» — «*stambe biscostum*» (по воспоминаниям И. Ф. Тимковского).

Соз.: Рассуждение об истинном медике, начинающем там, где естествоиспытатель, особенно знаток человеческой природы, кончает. М., 1783; Слово о причинах и действиях страстей душевных, также о способах умерять и упрощать оные для благополучной и спокойной жизни. М., 1794.

Лит.: 36, ч. 2, с. 416—417; *Кульбин Н.* 424, т. 18, с. 557—558.

СМИРНОВ АПОЛЛОН ИВАНОВИЧ (13(25).10.1838—20.4(2.5).1902). Родился в г. Княгинин Нижегородской губ. в семье священника; в 1858 г. окончил Нижегородскую духовную семинарию, в 1870 г. — Казанский ун-т со степенью кандидата историко-филологических наук; стал учителем в Нижегородской гимназии; в декабре 1873 г. получил в Варшавском ун-те степень магистра философии и был избран доцентом Казанского ун-та по кафедре философии; в 1881 г. получил в Московском ун-те степень доктора и стал ординарным профессором; с 1897 г. — декан фак-та, с 1898 г. — заслуженный профессор.

Наиболее характерная черта философствования С. — предпочтение английскому эмпиризму, а не немецкой идеалистической философии. Из ряда философских дисциплин, которыми занимался С. (история философии, эстетика, этика, логика и др.), объективно в середине 90-х гг. XIX в. особенно выделилась новая тогда дисциплина — «философия науки».

«Философия науки», согласно С., это та часть логики, которая излагает учение о науке, или научном знании вообще и о науках в частности с наиболее общих точек зрения. Науки при этом рассматриваются как нечто единое, как части одной системы знания со стороны наиболее широких основных понятий и методов исследования. Обычно этот отдел логики, отмечал С., носит название научной методологии. Этому отделу, по мнению С., следовало бы придать больше широты и самостоятельности и по примеру «некоторых французских ученых» дать ему особое название «философия науки». Кроме изложения основных понятий и методов наук в философию наук должны войти главнейшие положения психологического учения об уме и о способах, какими приобретаются знания и организуется наука, т. е. проблемы теории познания. Что же касается содержательной стороны дела, то наиболее общей

установкой С. оказался тезис о том, что философия науки должна быть вместе с тем философией религии и нравственного долга, что философия и наука должны быть свободны от крайностей не только материализма, но и атеизма. Философии надлежит исследовать и оправдывать глубокие основания религии.

Соз.: Философия Беркли. Варшава, 1873; Отчет о занятиях философией за границу, в 1871 и 1872 гг. Казань, 1873; Hartmann: Das Ding an sich und seine Beschaffenheit. Казань, 1874; О сознании и бессознательных явлениях. Казань, 1875; Английские моралисты. Историко-критическое обозрение главнейших теорий нравственности в английской философии от Бэкона и Гоббса до наших дней. Казань, 1880; Механическое мировоззрение и психическая жизнь. Казань, 1877; Эстетика как наука о прекрасном в природе и искусстве. Физиологические и психологические основания и законы красоты и их приложение к эстетической теории музыки и живописи. Вып. 1—2. Казань, 1894—1900; Эстетическое значение формы в произведениях природы и искусства. Казань, 1894; Публичные лекции по философии наук. Казань, 1896; Физиологические и психологические основания современной эстетики // Неврологический вестник. 1893; Эстетическая теория живописи. Эстетическое значение формы в произведениях природы и искусства. Идеальные и эмоциональные элементы эстетических впечатлений // Там же. 1899. Вып. 2; О воспитании характера. Казань, 1902.

Лит.: 35, ч. 1, с. 161—162; Бажанов В. А. 6, с. 734.

СНЕГИРЕВ ВЕНИАМИН АЛЕКСЕЕВИЧ (1841—16.2.1889). Родился в Нижегородской губ.; в 1868 г. окончил Казанскую духовную академию и оставлен в ней преподавателем логики и психологии; с 1870 г. — магистр и доцент, с 1872 г. — экстраординарный профессор Казанской духовной академии; в 1871—1885 гг. читал логику и психологию в Казанском ун-те; с 1885 г. — приват-доцент ун-та.

Приверженец духовно-академической философии С. и в ун-те остался воинствующим поборником метафизики как первой, высшей и основной философии, в отличие от «философии второго порядка» — философии природы, философии духа, философии морали, философии истории, философии права, философии религии. Первая философия — метафизика — обнимает, по его мнению, сущее в его основах, вместе с основами частных явлений, исследуемых в философии второго поряд-

ка. Метафизика представляет собой высший момент, вершину человеческого знания. Она открывает уму область, теряющуюся в необъятности и недостижимой глубине бесконечного и абсолютного, область бытия, лежащего за пределами опыта и только отражающегося в явлениях, данных в опыте.

Соз.: Спиритизм как философско-религиозная доктрина // Православный собеседник. 1871. I, III; Наука о человеке // Там же. 1876. III; Психология и логика как философские науки // Там же. II; Метафизика и философия. Харьков, 1890; О природе человеческого знания и отношении его к бытию объективному. Харьков, 1891; Психология. Харьков, 1893; Логика. Харьков, 1901.

Лит.: 35, ч. 1, с. 164–165.

СНЕГИРЕВ МИХАИЛ МАТВЕЕВИЧ (1760–16.6.1820). Родился в Александровской слободе в семье священника; его крестной матерью была императрица Елизавета; с 1770 г. прошел в Троицкой лавре курс философии и богословия под руководством будущего митрополита Платона; в 1783 г. поступил в Московский ун-т, окончил его в 1786 г., став магистром философии и свободных наук; с 1796 г. — экстраординарный профессор философии, с 1810 г. — ординарный профессор церковной истории; с 1817 г. возглавлял кафедру естественного, политического и народного права; избирался деканом этико-политического отделения. В числе предметов преподавания С. были логика, нравственная философия, естественное право, антропология и история философии.

Философскую позицию С. можно определить как своеобразный панморализм. Каждому, рассуждал С., нужно избирать те науки, которые делают человека полезным себе и другим. Все познания нельзя назвать достаточными, если они не имеют предметом ни собственного, ни других благополучия. Быть полезным обществу заслугами или произведениями ума — это благородная цель всех познаний, без которых они мертвы. Должно возвысить силы разума, но больше всего необходимо «образовать сердце и нравы». На таком соединенном просвещении основывается «чистое, истинное нравоучение», которое предписывает все душевные способности «соображать» с «первоначальным нравственным законом человека», напоминающим главную цель его бытия. Так как разум считается вождем воли, необходимо, чтобы он был утвержден на истинных основаниях во всяком роде знаний. Пусть разум будет усовершенствован теоретическими знаниями, но исполнится ли душа благоговения к Зиждителю миров, если у сердца холодные чув-

ства? Лучше, кажется, стараться о том просвещении, которое доставляет нравouchение, нежели возноситься ученостью на идеальные высоты бесплодных умозрений. Самые древние, не только христианские, но и языческие философы уважали нравственное учение, поучал С.

Соз.: Мысли или положения философические на французском, немецком и российском языках. М., 1787; Слово о пользе нравственного просвещения. М., 1797.

Лит.: Давыдов И. 36, ч. 2, с. 420–422; И. М. Снегирев. Биографический очерк. СПб., 1871.

СНЕЛЬМАН (SNELLMANN) ЮХАН ВИЛЬХЕЛЬМ (12.5.1806–4.7.1881). Родился в Стокгольме в семье капитана; с 1832 г. — магистр; с 1833 г. — учитель в Гельсингфорском лицее; ректор школы в Куонио; после защиты диссертации в 1835 г. — приват-доцент, затем профессор (1856–1863) Гельсингфорского ун-та; с 40-х гг. совмещал преподавательскую работу с общественной: издавал ряд газет на финском и шведском языках; в 1863 г. стал сенатором в местном парламенте; в 1866 г. возведен в дворянское звание.

С. — один из выдающихся представителей финской философской и общественно-политической мысли, деятелей национального движения. С конца 20-х гг. увлекся философией, главным образом философией Гегеля. В духе гегельянства С. читал курсы философии в ун-те, углублял философские знания в Германии, где на одну из его работ была напечатана в «Berliner Jahrbücher» (1842) рецензия К.-Л. Мишле. В середине 40-х гг. в мировоззрении С. произошел радикальный сдвиг: он разочаровался в своем прежнем гегельянстве, в немецкой «тяжеловесной» умозрительной философии вообще, увлекся позитивизмом, полагая, что нужно отказаться от отвлеченного мышления и углубиться в факты. Более того, С. пришел к выводу, что каждый человек должен прежде всего жить для своего отечества и поэтому, если нужно, он должен отказаться от философии. В целом идейная эволюция С. очень похожа на эволюцию многих мыслителей Западной Европы и России 40–60-х гг. XIX в.

Соз.: Samlade arbeten. Bd. 1–10. Helsinki, 1892–1901; Die Persönlichkeit. Sankt Augustin, 1981.

Лит.: Рейн Т. Иоганн Вильгельм Снельман / Пер. со швед. СПб., 1903; 424, т. 19, с. 14; Карху Э. Об эстетических и историко-литературных взглядах И.-В. Снельмана в 40-е гг. 19 в. // Скандинавский сборник. 1957. Т. 2; Похлебкин В. 530, т. 5, с. 371.

СНЯДЕЦКИЙ (ŚNIADECKI) ЕНДЖЕЙ (30.11.1768—12.5.1838). Родился в г. Жнин (Польша). Брат Яна Снядецкого; учился в Кракове, Павии, Эдинбурге. Преподаватель химии в Виленском ун-те и Медико-хирургической академии, где проработал около 30 лет.

В 1804—1838 гг. издал в Вильно свой главный труд «Теория органических существ», в котором развивал эволюционные идеи. В духе естественнонаучного материализма трактовал жизнь как определенный способ существования вещества. В сфере познания С. был близок к влиятельному в Виленском ун-те сенсуализму Кондильяка. Книгу С. «Теория органических существ» перевел на русский язык и издал в 1847 г. Филомафитский.

Сог.: *Dzieła*. Т. 1—6. Warszawa, 1840; *Teorya estestw organicznych*. Wilno, 1861.

Лит.: *Капустинский А. Ф.* Андрей Снядецкий и виленская школа химиков // Труды ин-та естествознания и техники. 1956. Т. 12. С. 22—39; *Szyfman L.* Jędrzej Śniadecki, przyrodnik-filozof. Warszawa, 1960; *Дорошевич Э. К.* Философия эпохи Просвещения в Белоруссии. Минск, 1971 (см. именной указ.).

СНЯДЕЦКИЙ ЯН (29.8.1756—21.11.1830). Родился в Гнезеском воеводстве; учился в Познани, затем в Краковской академии, где начал преподавательскую деятельность; в 1778 г. предпринял поездку в Германию, Голландию и Францию; по возвращении на родину возглавил кафедру математики и астрономии в Краковской академии; в октябре 1806 г. Александр I утвердил представление А. Чарторийского о приглашении в Виленский ун-т «Ивана Снядецкого» на очень выгодных условиях, а в январе 1807 г. царь утвердил назначение С. ректором ун-та (оставался им до 1815 г.); с 1807 г. — член-корреспондент Петербургской АН.

По философским взглядам С. — эмпирик-сенсуалист, не боявшийся даже иногда именовать себя материалистом, поскольку считал, что в человеке нет ни одной мысли, которая не брала бы начало в чувствах. Признавая недостатки эмпиризма в прошлом, С. чаще всего называл себя все-таки эмпириком, ориентировался главным образом на авторитет Локка и Кондильяка. В немецкой трансцендентальной философии С. не находил никаких достоинств. «Науку Кантову почитал за платонизм, подшитый мыслью Пифагора, превращенный в догматизм и залитый всеми нечистотами схоластицизма». Шеллинга же обвинял в безбожии, обличая за его теогоническую идею, согласно которой Бог еще не существует, а только готовится к восприятию существования и

заклучается в Природе как бы в семени, из которого должен родиться. На страницах «Вестника Европы» русский публицист В. П. Андросов защищал Канта от критики С.

Соз.: Речь при открытии торжественного заседания Виленского университета 17 марта 1807 г. (на польском яз.) // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1807. № 18; O metafizyce. Warszawa, 1814; Нечто о разных толках германской философии // Вестник Европы. 1817. № 20; O filozofii // Dziennik wileński. 1819. VII (на русск. яз.: Вестник Европы. 1819. № 11); Przydatek do pisma o filozofii // Ibid. 1820. IV (на русск. яз.: Вестник Европы. 1822. № 23, 24); Filozofia umysłu ludzkiego cili rozważny wywód siioi działań umysłowych. Warszawa, 1822; Общие замечания по предмету науки об уме человеческом // Вестник Европы. 1823. № 2; Dzieła. T. 1–3. Warszawa, 1837–1839; Pisma filozoficzne. T. 1–2. Warszawa, 1958.

Лит.: *Paszkowski J.* Jan Śniadecki. Poglądy filozoficzne // Pielgrzym. 1841; *Skórski A.* Jan Śniadecki wobec współczesnej metafizyki niemieckiej i dzisiejszych dążeń filozoficznych. Lwów, 1890; *Straszewski M.* Jan Śniadecki. Jego stanowisko w dziejach oświaty i filozofii w Polsce. Kraków, 1875; *Struve H.* Historia logiki jako teorii poznania w Polsce. Warszawa, 1911; *Brzozowski S.* Jan Śniadecki. Warszawa, 1904; *Woronecki.* Zależność Śniadeckiego od J. M. Dežeranda // Przegląd filozoficzny. 1904. VII; *Chamcówna M.* Jan Śniadecki. Kraków, 1963; *Дорошевич Э. К.* Философия эпохи Просвещения в Белоруссии. Минск, 1971 (см. именной указ.); *Fryckowski E.* Poglądy społeczno-filozoficzne Jana Śniadeckiego. Bydgoszcz, 1985.

СОБОЛЕВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ (26.12.1856(7.1.1857)–24.5.1929). Родился в Москве в семье чиновника; в 1874 г. окончил 1-ю московскую гимназию, в 1878 г. — историко-филологический факт Московского ун-та; в 1882 г. получил магистерскую степень, и его избрали доцентом на историко-филологический факт Ун-та св. Владимира в Киеве; в 1884 г. С. защитил в Харьковском ун-те докторскую диссертацию и был избран сначала экстраординарным, затем ординарным профессором; с 1888 по 1908 г. заведовал кафедрой церковно-славянского и русского языков в Петербургском ун-те; с 1900 г. — ординарный академик.

Славист и филолог С. собрал в своих работах огромный фактический материал, необходимый для всякого, кто работает по истории

русской философии и особенно над историей философских идей в культуре Древней и средневековой Руси. Некоторые из его работ являются по сути историко-философскими.

Соз.: Образованность Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1892 (2-е изд. СПб., 1894); Западное влияние на литературу Московской Руси XV—XVII вв. // Вестник археологии и истории. 1899. Вып. 11; «Логика» жидовствующих и «Тайная тайных» // Памятники древней письменности и искусства. 1899. № 133; «Шестоднев» Кирилла Философа. СПб., 1901; Переводная литература Московской Руси XIV—XVIII веков. СПб., 1903; Иоанн Златоуст в русской письменности // Православная богословская энциклопедия. 1905. Т. VI; Иоанн, пресвитер. Экзарх болгарский // Там же. 1906. Т. VII.

Лит.: 267, ч. 2, с. 157—170.

СОЛНЦЕВ ГАВРИИЛ ИЛЬИЧ (22.3.1786—29.11.1866). Родился в с. Радогощ Дмитровского у. Орловской губ. в семье священника; учился в Орловском народном училище, Орловской духовной семинарии, был слушателем Московского ун-та; отказавшись от духовного звания, стал чиновником, в частности, в канцелярии Московского департамента Сената; во время пребывания Сената в Казани в связи с занятием Москвы Наполеоном С. решил пойти в науку: в декабре 1814 г. получил степень доктора прав; в 1815 г. стал экстраординарным профессором; был деканом отделения нравственно-политических наук, проректором и ректором Казанского ун-та; преподавание естественного права С. вызвало нападки на него Магницкого: в 1821—1823 гг. над С. состоялся «университетский суд», и он был уволен из ун-та; однако дальнейшая его судьба не была печальной: С. стал в 1824 г. Казанским губернским прокурором и служил в этой должности до 1844 г.

Казус с С. — одна из страниц истории гонений на преподавателей естественного права как «метафизики» всех других прав в 20-е гг. XIX в. С. брался «доказать фактическими данными, что учение естественного права и полезно, и необходимо» и что «только невежда может оспаривать это положение», что «как слепец о цветах, так и слабоумный о праве — судить не в состоянии». Магницкий же в лекциях С. нашел «дух вольнодумства и лжемудрия», «опровержение всех оснований общества и государства», «республиканские» и «революционные» начала. Профессор Городчанинов и другие критики обвиняли С. в том, что он выводит естественное право не из евангельских текстов, а из «какого-то практического разума».

Соз.: Российское уголовное право. Ярославль, 1907.

Лит.: Булиз Н. Университетский суд над проф. Солнцевым во время попечительства Магницкого // Ученые записки имп. Казанского ун-та. 1864. Вып. 1; 35, ч. 2, с. 74–76; Фельдштейн Г. С. Русский криминалист 20-х годов XIX века Гавриил Ильич Солнцев. СПб., 1906.

СОЛНЦЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ (1(13).10.1872–13.3.1936). Родился в с. Терешок Рославльского у. Смоленской губ. в семье священника, закончил гимназию в г. Вязьма; учился сначала на медицинском фак-те Московского ун-та, затем в 1900–1904 гг. – на юридическом фак-те Петербургского ун-та; был оставлен для приготовления к профессорскому званию; в 1907–1913 гг. – хранитель (заведующий) экономического кабинета Петербургского ун-та; преподавал политэкономии на Высших женских курсах; в 1912 г. защитил магистерскую диссертацию; с января 1913 г. – приват-доцент по кафедре политической экономии Петербургского ун-та, с ноября того же года – исправляющий должность ординарного профессора по кафедре финансового права Томского ун-та; с марта 1917 г. – исправляющий должность профессора Новороссийского (Одесса) ун-та, с марта 1920 г. – ректор этого ун-та; в 1921–1926 гг. – профессор Петроградского (с 1924 г. – Ленинградского) ун-та; с 1929 по 1936 г. жил в Москве; с 1929 г. – академик АН СССР.

Экономист по преимуществу С. плодотворно занимался философско-методологическими проблемами своей науки. В вопросах образования понятий и построения системы науки экономическая методология, писал С., неизбежно следует за общей теорией познания, приспособляется к ее научным завоеваниям, устраивая логические и методологические ревизии по всему фронту экономической науки. В вопросе об объекте науки следует различать объект исследования и объект познания. Последний представляет собой продукт логической обработки получаемого из жизни материала, но не совпадает с объектом непосредственного наблюдения. Политическая экономия есть наука номотетическая или номографическая, т. е. наука, имеющая дело с общими родовыми понятиями, повторяемостью, закономерностью, правильностями. Рядом с вопросом об объекте политической экономии как науки стоит вопрос о методе, т. е. о правилах, приемах и принципах как научного исследования, так и научного изложения. Учение о методе в науке, или методология, тесно связано с логикой и теорией познания (гносеология). Некоторыми сторонами методология соприкасается с социальной философией, или социологией. Выступая за выработку со-

циальной методологии как самостоятельной научной дисциплины, С. брал за исходную точку метод марксизма, исторического материализма, квалифицируя его как объективно-социальный (считая названия «диалектический», «историко-материалистический», «диалектико-исторический» менее правильными). Этот метод, по С., имеет отношение к теории познания и формальной логике, для него характерны социальная точка зрения, объективизм, идея диалектического развития, идея монизма, примат производственного момента.

Соз.: Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Томск, 1917; Введение в политическую экономию. Предмет и метод. Пг., 1922.

Лит.: Маслов П. П. Сергей Иванович Солнцев // Вестник АН СССР. 1936. № 8—9.

СОЛОВЬЕВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (16(28).1.1853—31.7(13.8).1900). Родился в с. Узкое (под Москвой); сын профессора С. М. Соловьева; в 1869 г. окончил гимназию; три года учился на естественном фак-те Московского ун-та, затем на историко-филологическом; окончил ун-т в 1873 г.; год учился в Московской духовной академии; в 1874 г. защитил магистерскую диссертацию «Кризис западной философии: против позитивистов». Эта защита оказалась важным событием в философской жизни страны. На защите позицию диссертанта поддержали М. И. Владиславлев, М. И. Каринский и И. Е. Срезневский; противниками выступили В. В. Лесевич и брат Е. Де-Роберти Сергей. В печати на стороне Соловьева оказались А. С. Суворин и Н. Н. Страхов. Критически отозвался К. Д. Кавелин; негативно высказались Н. К. Михайловский и В. В. Лесевич. 14 декабря 1874 г. С. был избран доцентом на кафедре философии на место умершего П. Юркевича и собирался читать лекции «в его духе», но преподавательская карьера продолжалась недолго: он вынужден был уйти из ун-та; летом 1875 г. уехал за границу, сначала в Лондон, затем в Египет; по возвращении в Россию вновь стал читать лекции в Московском ун-те; в 1878 г. был назначен членом учебного комитета Министерства просвещения и переехал в Петербург; в 1880 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Критика отвлеченных начал» в Петербургском ун-те и читал здесь в 1880—1882 гг. как приват-доцент лекции по метафизике и философии истории; одновременно на Высших женских курсах — по истории древней философии.

Выступления С. против казни народовольцев, убивших в марте 1881 г. Александра II, привели к тому, что он был вынужден уйти в от-

ставку из Министерства просвещения и прекратить преподавательскую деятельность в ун-те и на Высших женских курсах. «Университетский» период в жизни С. закончился.

С. не стал типичным университетским «профессором философии». Он — преимущественно представитель «вольной» философии. Но его краткая университетская карьера повлияла и на содержание, и на стиль его философствования: он — активный участник разгоревшегося в 70-х гг. XIX в. в российских ун-тах противостояния идеалистического и позитивистского направления в философии. Философские противники С. — не только позитивисты в Западной Европе, но и в самой России, в частности, те, кто вынудил его уйти в 1875 г. из Московского ун-та и избрали на его место позитивиста М. Троицкого. Если мировоззрение С. сложилось в более или менее цельную систему, то основы ее были заложены именно в университетский период его деятельности (см. также выше, с. 171–173).

Соз.: Кризис западной философии. Против позитивистов. М., 1874; Кризис западной философии. По поводу «Философии бессознательного» Гартмана. М., 1874; Критика отвлеченных начал. М., 1880; Чтения о богочеловечестве. М., 1881; Последняя лекция... в Санкт-Петербургском университете в 1882 г. СПб., 1882; Собрание соч. Т. 1–10. СПб., 1911–1914; Письма М. И. Владиславлеву // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. М., 1995. Вып. 16.

Лит.: **38**, т. 2, с. 207; *Кавелин К. Д.* Априорная философия или положительная наука. СПб., 1875; *Чигерин Б. Н.* Мистицизм в науке М., 1880; *Милюков П. Н.* Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. М., 1893; *Величко В. Л.* Владимир Соловьев. Жизнь и творения. 2-е изд. СПб., 1903; *Радлов Э. Л.* Владимир Соловьев. Жизнь и учение. СПб., 1913; *Трубецкой Е. Н.* Миросозерцание Вл. С. Соловьева. Т. 1–2. М., 1913; *Лукиянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 1–3. Пг., 1916–1921; *Лосев А. Ф.* Вл. Соловьев. 2-е изд., доп., М., 1994.

СОЛОВЬЕВ ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ (псевд. Андреевич, Скиба, Смирнов В. Д.) (6(18).8.1867–25.8(7.9).1905). Родился в с. Шувалово под Петербургом; в 1888 г. окончил историко-филологический фак-т Петербургского ун-та; преподавал словесность в Сибири; по общему мировоззрению близок к «легальному марксизму».

С. — автор ряда научно-популярных книг о жизни и деятельности западноевропейских и русских мыслителей (о Гегеле, Бокле, Ницше,

Достоевском, Толстом, Герцене). Вместе с тем ему принадлежит первая попытка обобщающего исследования философских мотивов в русской художественной литературе. Ссылаясь на распространение в Западной Европе термина «философия литературы» (в 1902 г. в русском переводе вышла книга французского профессора Ж. Кранца «Опыт философии литературы»), С. счел нужным воспользоваться этим термином, полагая, что тот, кто признает законность философии истории, не может не признавать законности философии литературы. Философия литературы, по С., означает рассмотрение ее господствующей идеи и воли (стремления), которые определяют особое лицо этой литературы, а также ее жизнь в ее развитии. Логика и необходимость литературной эволюции, утверждал С., выявляет диалектический метод. Господствующую идею русской литературы С. определил как идею освободительную (аболиционистскую): русская литература — это прежде всего борьба за освобождение личности и личного начала.

Соз.: Гегель, его жизнь и философская деятельность. СПб., 1891; Ф. Достоевский, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1891 (2-е изд. СПб., 1898; 3-е изд. СПб., 1912); Д. И. Писарев, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893 (2-е изд. СПб., 1894; 3-е изд. СПб., 1899); Л. Н. Толстой, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1894 (2-е изд. СПб., 1897; 3-е изд. СПб., 1902); Г.-Т. Бокль, его жизнь и научная деятельность. СПб., 1896; А. И. Герцен, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1898 (2-е изд. СПб., 1905); «Ницше» — П. Дейссен. Воспоминания Ницше. СПб., 1902; Опыт философии русской литературы. СПб., 1905 (2-е изд. СПб., 1909); Философские очерки. М., 1906.

Лит.: В. Л. Е. Соловьев (некролог) // Образование. 1905. № 9; Андреевская М. И. Соловьев-Андреевич Е. А. // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. Стб. 56—57.

СОЛОВЬЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (5(17).5.1820—4(16).10.1879). Родился в Москве в семье законоучителя; в 13-летнем возрасте поступил в 3-й класс 1-й московской гимназии; в 1839 г. стал студентом 1-го отделения философского (впоследствии историко-филологического) фак-та Московского ун-та, который закончил в 1842 г.; с 1842 по 1844 г. находился за границей; в 1844 г. защитил диссертацию на степень магистра и стал исполнять обязанности адъюнкта по кафедре русской истории; в 1847 г. защитил диссертацию на степень доктора исторических наук, политической экономии и статистики; получил в 1847 г. звание экстраординарного, а в 1850 г. — ординарного профессора.

В 60-х гг. несколько раз избирался деканом историко-филологического фак-та; некоторое время был ректором ун-та; в 1877 г. был вынужден оставить и ректорство и профессию.

В молодости С. на короткое время оказался под влиянием философии истории Гегеля, и в частности его мысли, что каждый народ должен иметь и свою философию и философию своей истории. В 1841 г. он пишет работу «Феософический взгляд на историю России». Но гегельянцем С. не стал, подведя постепенно под свои исследования позитивистскую по сути концепцию в духе географической школы. С другой стороны, философия русской истории С. — одна из форм обоснования умеренного западничества, поскольку С. считал, что Россия принадлежит христианскому, но восточноевропейскому миру, православному Востоку. В этом отношении концепция С. противостояла в первую очередь славянофильским версиям философии русской истории.

Соз.: История России с древнейших времен. Кн. 1—15. М., 1959—1966.

Лит.: *Безобразов Н. В.* С. М. Соловьев, его жизнь и учено-литературная деятельность, СПб., 1894; *Соловьев В. С.* С. М. Соловьев // Вестник Европы. 1896. № 1; **424**, т. 19, с. 82; *Рубинштейн Н. С.* Соловьев // Он же. Русская историография. М., 1941; *Пресняков А. Е.* С. М. Соловьев и его влияние на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Сб. ст. М.; Л., 1963; *Новикова Л., Сиземская И.* **414**, с. 480—482; *Пухир В. М.* **415**, с. 460.

СОРОКИН ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ (23.1(4.2).1889—10.2.1968). Родился в с. Турья Яренского у. Вологодской губ. в семье русского ремесленника и обрусевшей зырянки (коми); в 1901—1904 гг. учился в школе в с. Гам, затем в церковно-учительской школе в д. Хреново Костромской губ.; исключен из школы как агитатор и член партии эсеров; приехав в 1907 г. в Петербург, учился на вечерних курсах; в 1909 г. сдал экстерном экзамены в Велико-Устюжской гимназии и поступил в Петербургский психоневрологический ин-т, затем перешел на юридический фак-т Петербургского ун-та; по окончании ун-та в 1914 г. оставлен для подготовки к профессорскому званию; в 1917 г. примыкал к правым эсерам; некоторое время был секретарем А. Керенского; после Октябрьской революции — активный деятель антибольшевистского движения, побывал в тюрьме, приговаривался к расстрелу, но не без личного участия в его деле В. И. Ленина был освобожден и вернулся в Петроград, где восстановлен в числе преподавателей ун-та; был также профессором социологии в Сельскохозяйственной академии в Царском

Селе и в Ин-те народного хозяйства; 31 января 1920 г. был избран профессором по организованной им кафедре социологии, но уволен после того, как В. И. Ленин в своей статье (март 1920 г.) заявил, что С. «искажает правду в угоду реакции и буржуазии»; в апреле 1922 г. С. защитил в Петроградском ун-те магистерскую диссертацию, в сентябре того же года выехал за границу: сначала обосновался в Берлине, затем переехал в Прагу, а в октябре 1923 г. — в США, где с 1930 г. стал американским гражданином и видным американским социологом.

Как позитивист, принадлежавший к психологической школе, С. утверждал, что социология должна строиться по типу естественных наук, что из нее необходимо изгнать всякий нормативизм. Социологию С. рассматривал как объективную науку, но не в смысле отсутствия оценочных норм, а в смысле свободы от субъективизма. Поскольку социология хочет быть опытной и точной наукой, ей надлежит прекратить «философствование». С. считал, что значительная часть современных ему социологических курсов представляла скорее философско-умозрительные трактаты, специальные главы натурфилософии или «социальной философии», чем изложение данных опыта и наблюдения. В социологии, полагал С., не место философствованию в смысле умозрения. «Поменьше философствования и побольше наблюдения и тщательного анализа фактов — таков очередной лозунг социологии. Хорошо проверенная статистическая диаграмма стоит любого «социально-философского трактата». Разрыв с философствованием означает, по С., и разрыв с идеей «монизма» — «незаконным детищем незаконного брака социологии с философией».

Социологические концепции С. классифицировал по двум основаниям: 1) по критерию явлений, лежащих в основе социального процесса, и 2) по принципу фактора, считающегося главной причиной общественных явлений. По первому основанию выделены биологическая школа (Новиков, Лиленфельд и др.), психологическая школа (Тард, Уорд), автономно-социологическая (Дюркгейм, Леви-Брюль, Де-Роберти, Зиммель и др.). По второму основанию выделены «монисты», объясняющие действительность одним фактором или выделяющие главный и основной фактор развития, и «плюралисты», объясняющие общественные явления действием многих факторов. Среди «монистов» главными школами названы, в частности, географическая школа (Риттер, Ратцель, Л. Мечников и др.), антропологическо-расовая (Гобино, Гумплович и др.), школа экономического или исторического материализма (Маркс, Энгельс, Лориа), школа интеллектуалистов (Конт, Де-Роберти) и др. В число «плюралистов» (Дюркгейм, Леви-Брюль, Ковалевский, Кареев, Зиммель, Петражицкий и др.) С. включал и себя. Он

полагал, что споры различных школ в социологии теряют былую остроту потому, что от «философствования» социология переходит к изучению фактов, к точному наблюдению и кропотливому анализу. В этом и проявился антифилософский, сциентистский характер его социологии уже в «русский» период его деятельности.

Соз.: К вопросу об эволюции и прогрессе. СПб., 1911; Нормативна ли наука этики и может ли она ею быть? // Вестник психологии и криминальной антропологии. 1913. № 4; Л. Н. Толстой как философ. М., 1914; Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. СПб., 1914; Границы и предмет социологии // Там же. Сб. 1. СПб., 1916; Категория «должного» и ее применимость к изучению социальных явлений // Юридический вестник. 1917. Кн. 17(1); Общедоступный учебник социологии. Ярославль, 1920; Система социологии. Т. 1–2. Пг., 1920.

Лит.: *Голосенко И. А.* Философия истории П. А. Сорокина // Новая и новейшая история. 1966. № 4; *Тимашев Н. С.* Научное наследство П. А. Сорокина // Новый журнал. 1968. № 92; *Пустарнаков В. Ф.* 186, т. 4, с. 120; *Голосенко И. А.* Социология Питирима Сорокина. Русский период деятельности. Самара, 1992; *Иванов А. В., Алексеев П. В.* 6, с. 753–755; *Воробьева М.* 414, с. 482–485; *Сапов В. В.* 415, с. 462–464; *Куликова М.* 427, с. 588–591; *Воробьева М. З.* Логико-философский анализ концепции теоретической социологии П. А. Сорокина (Замысел, воплощение, судьба). М., 1997 (дис.).

СОТОНИН КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ (26.2.1893–1944). Родился в Казани; ученик логика из Казани Н. А. Васильева, профессорский стипендиат в 1919–1921 гг. в Казанском ун-те; уйдя из ун-та, работал в Ин-те научной организации труда; в 1929 г. был осужден на три года.

В дооктябрьский период С., отталкиваясь от кантовского разграничения трансцендентного («вещи в себе», Бог и его бытие, свобода воли, бессмертие души) и трансцендентального (формы, способы восприятия, пространство и время как способы созерцания и т. д.) и реагируя на дискуссии по проблемам «чужого я» (А. И. Введенский, И. И. Лапшин), довел принцип субъективности до солипсизма в сфере истории, особенно истории философии. Исходя из мысли о том, что всякая личность явлений «до моего рождения» есть предмет веры, но не знания, С. утверждал, что с устранением гипотезы о наличности явлений «до меня» история философии не только не страдает, но даже выигрывает, становясь наукой. История философии есть история «моей соб-

ственной души», «моего собственного мировоззрения». История философии есть-де не более как «мое собственное возрастающее осознание истинности». Последней системой в истории философии необходимо будет «моя система». История философии есть введение в систему «моей философии». В послеоктябрьский период С. радикально изменил сферу своих философских интересов, но и в новых областях развивал экстравагантные идеи, навеянные, в частности, фрейдизмом: философия — это-де дитя неудовлетворенного эротического стремления к благу и т. д.

Соз.: Словарь терминов Канта (К трем критикам). Казань, 1913; Таблицы по истории философии. Казань, 1914; За опытное и трансцендентное (история и метафизика). Казань, 1915; К вопросу об идеях Платона. Пг., 1915; Идея философской клиники (Введение в систему философии). Казань, 1922; НОТ как философия трудящихся масс. Казань, 1924.

Лит.: Бурдянский И. М. Чуждая, вредная философия К. Сотонина // Вестник Казанского института Научной организации труда. 1929. № 12. С. 1—5; Алексеев П. В. 6, с. 755—756.

СОХАЦКИЙ ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ (1765—18.3.1809). Родился в с. Светличное Прилуцкого у. Полтавской губ. в семье священника, начал учебу в Киевской академии и был направлен в 1782 г. в числе лучших учеников в учрежденную при Московском ун-те семинарию, где получил степень магистра философии и свободных наук; преподавательскую деятельность начал в гимназиях при ун-те; после удаления из ун-та профессора Мельманна С. стал его преемником, экстраординарным профессором и ректором в Академической гимназии; в 1801 г. получил звание ординарного профессора философии; занимался также журналистикой и переводами.

Выделяя три науки: «философию ума», «философию сердца, или нравственность», и «философию вкуса, или эстетику», С. отдавал явное предпочтение последней. Признавая, что в высших науках неограниченно владычествует «здравый разум и рассудок», С. тем не менее убеждал слушателей, что им должен сопутствовать «изящный вкус». Чрезмерные отвлеченности, несообразные и непостижимые умствования, сухие тонкости, отчужденные от всякого вкуса, во все времена порождали, мол, педантичных софистов и схоластиков, «помрачителей» всякой полезной истины и просвещения. Филиппика была направлена прежде всего против «вреднейших лжемудрований в философских, нравственных политических науках», «умоисступленных лжемудрований», которые в последние десятилетия XVIII в. рассеяны-де «ковар-

ными мечтателями, самовластно присвоившими титул Философов», этими «позорными развратителями неосторожного человечества». В качестве противоядия таким «лжемудрованиям» С. предложил именно «философию вкуса», или «эстетику». В 1803 г. ему поручили читать первый курс эстетики — новой тогда философской дисциплины. За основу были взяты идеи Бильфингера и Баумейстера. Но вместе с тем С. рекомендовал слушателям познакомиться с сочинениями об изящном Канта.

Соз.: Слово о главной цели воспитания. М., 1793; О предметах, свойствах и влиянии изящного вкуса на счастье жизни. М., 1801; Чертеж системы эстетики // Мейнерс. Начертание и история изящных наук. М., 1803.

Лит.: Буслаев Ф. И. 36, ч. 2, с. 435—440; Сиповский В. 424, т. 19, с. 172—173.

СПАСОВИЧ ВЛАДИМИР ДАНИЛОВИЧ (16.1.1829—26.10.1906). Родился в г. Речица (Белоруссия); с 1857 г. — профессор Петербургского ун-та.

С. — знаменитый юрист. Вместе с тем он — исследователь истории польской литературы.

По своим философским взглядам — полукантианец, полупозитивист. Единственным орудием знания, по С., является или внутренний, или внешний опыт. Материалом служат явления. Никакая наука не в состоянии дать окончательного обобщения всех знаний. Каждая наука выражает своими положениями, точно алгебраическими условными знаками, частицу целого. Эти знаки передают весьма мало известные и неопределенные понятия. Некоторые из этих понятий суть концентрированные наблюдения, а некоторые представляют формы нашего мышления, напр., сила, пространство, число, время и т. д. Ум способен сделать предметом исследования эти высшие отвлечения, подвергнуть их критике для точного определения их содержания (в теории познания, гносеологии) и построить мирозерцание, воспроизводящее в субъективном образе всю Вселенную, всю природу, всю мировую жизнь. В этом образе Вселенная окрашена в цвет личного темперамента созерцателя; она (С. ссылается на француза Фулье) есть имманентная метафизика в пределах настоящего бытия, в противоположность бывшей трансцендентальной метафизики. Преобразованная метафизика есть — де необходимое дополнение положительного знания, имеющее свои особые задачи. Участие метафизики в области морали незаменимо ничем, так как этика есть наука насквозь метафизическая. От этики у С. переброшен мостик к праву. Он осуждает Дарвина и Спенсера за то,

что они изобразили природу с роковыми и нещадными законами, мир как совокупность борющихся сил, как торжество сильнейшего и гибель слабейшего, как орудие прогресса. Отсюда-де выросли итальянские позитивисты в праве — Ломброзо и другие основатели уголовно-антропологической школы, согласно которой преступность — это врожденная склонность некоторых людей, последствие органического вырождения или атавизма. С., наоборот, — сторонник права, в котором господствует человечность и христианский дух, милость, нежные чувства к павшему человеку, а преступление рассматривается как «произведение свободной воли».

Соз.: О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб., 1861; Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1—2, СПб., 1863; Новые направления в науке уголовного права. М., 1898.

Лит.: *Ślawecka E. Włodzimierz Spasowicz jako krytyk literatury rosyjskiej.* Wrocław, 1969; *Kulczycka-Saloni J. Włodzimierz Spasowicz.* Wrocław, 1975.

СПЕКТОРСКИЙ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1875—3.3.1951). Родился в г. Острог Волынской губ. в семье судьи; мать — французская швейцарка; окончил Радомскую гимназию, затем с 1893 г. юридический фак-т Варшавского ун-та, по окончании которого получил в 1898 г. степень кандидата права и был оставлен для подготовки к профессорскому званию; в 1901—1903 гг. — в заграничной научной командировке; с 1903 г. — доцент кафедры энциклопедии и истории философии права Варшавского ун-та; в 1910 г. защитил в Юрьевском ун-те магистерскую диссертацию; с 1913 г. — профессор Ун-та св. Владимира в Киеве, в 1917 г. получил в Московском ун-те степень доктора государственного права; в 1918 г. избран деканом юридического фак-та, затем ректором Киевского ун-та; в 1920 г. эмигрировал; до 1945 г. был профессором Русского ун-та в Праге, профессором Белградского и Люблянского ун-тов; с 1947 г. — профессор св. Владимирской православной духовной академии в Нью-Йорке.

Первоначально С. увлекался неокантианством Марбургской школы, но затем отошел от нее. Сугубо критически относился к Платону, Аристотелю, Декарту, Спинозе, Канту, Конту, Фейербаху, Ницше, Лосскому. Гегеля же ценил за «чрезвычайно здоровое и крепкое ядро» его философии, несмотря на ее «уродливую оболочку». Особо значимыми в деятельности С. в дооктябрьский период стали его труды по довольно слабо разработанной в то время философии общественных наук. В полемике с Дильтеем С. акцентировал роль механистического мировоз-

зрения в совершившемся в XVII в. перевороте в науках об обществе, тогда как Дильтей во главу угла ставил проблемы гуманизма с возродившейся стоической философией и религиозные проблемы.

Соз.: К вопросу о систематизации в обществоведении. Варшава, 1903; Органическая теория общества. Варшава, 1904; Очерки по философии общественных наук. Вып. 1: Общественные науки и теоретическая философия. Варшава, 1907; Эрхард Вейгель, забытый рационалист XVII века. Варшава, 1909; Физичизм в общественной философии XVII века. Ярославль, 1909; Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 1—2. Киев, 1910—1917; К вопросу о системе «Духа законов» Монтескье и ее философских источников. Ярославль, 1912; Белинский и западничество. Варшава, 1912; К спору о философии права. М., 1914; Происхождение протестантского рационализма. Варшава, 1914; К столетию исторической школы в правоведении. М., 1914; Протестантство и рационализм в XVI и XVII столетиях. Варшава, 1914; Номинализм и реализм в общественных науках. М., 1915; Пособие к лекциям по истории философии права. Саратов, 1916;

Лит.: Грабарь В. Опыт реабилитации социальной философии XVII века. М., 1911; Зеньковский В. В. 154, т. 2, с. 458; Лосский Н. О. 253, с. 425—426; Алексеев П. В. и Филатов В. П. 6, с. 756—757; Филатов В. П. 414, с. 485—487 и 415, с. 476—477; Щеглов В. В., Щеглова Л. В. Философский портрет Е. В. Спекторского // Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия. 1997. № 4. С. 3—12.

СПЕРАНСКИЙ ВАЛЕНТИН НИКОЛАЕВИЧ. Приват-доцент, затем профессор Петербургского ун-та, Психоневрологического ин-та и Высших женских курсов (Петроградского женского ун-та); специализировался в сфере философии права и истории политической мысли.

В своих работах С. настаивал на положительной общественной роли философии, связывал внутреннюю эволюцию передовых политических идей с общим философским мирозерцанием преемственных эпох, считал философию высшей функцией собирательного сознания, снимающей с человека оковы духовного рабства и делающей человека вполне человеком. Философия имеет дело с постоянными духовными ценностями и отвечает на важнейшие запросы жизнеспособного самосознания. Вся жизнь деятельного сознания есть непрестанное общение с абсолютным. Все «опытное знание о мире бессознательно опирается в конечном счете на сверхопытное абсолютное». Авторитетами для С.

являются представители «критического идеализма», в первую очередь С. Н. Трубецкой с его тезисами: «Наш разум — прирожденный метафизик», «Метафизика — заветное святое святых философии, ее душа», «отнимите метафизику, философия распадется».

Соз.: Общественная роль философии. Введение в историю политических учений. Вып. 1. СПб., 1913; Новая философия государственного хозяйства. Религиозно-экономическое учение проф. С. Н. Булгакова. Критический этюд. Пг., 1915; Программа курса философии, читаемого на основном фак-те Психоневрологического института. Пг., 1917; Ламенне как политический мыслитель. (Пророк всемирной революции.) Пг., 1922.

СПЕРАНСКИЙ МИХАИЛ НЕСТЕРОВИЧ (1863—1938). Профессор Историко-филологического ин-та кн. Безбородко в Нежине, затем в Московском ун-те и на Московских Высших женских курсах.

С. обратил внимание на специфическую роль в развитии русской художественной литературы процесса распространения в России начала XIX в. философии Шеллинга и появление связанных с этой философией течений «любомудров», славянофильства и западничества. Не будь подобных философских течений, считал С., русская художественная литература приняла бы другой вид, поэтому «любомудры», славянофилы и западники являются не только представителями философской мысли, но и художественной литературы. В числе работ С. несколько публикаций, в которых затронуты проблемы древнерусской философской мысли.

Соз.: Разумения единострочные Григория Богослова и Разуми мудраго Менандра в русском переводе. СПб., 1898; Псалтырь жидовствующих в переводе Федора еврея. М., 1907; Из истории отреченных книг. IV. Аристотелевы врата, или Тайная тайных. СПб., 1908; История русской литературы XIX в. М., 1917.

Лит.: Михаил Нестерович Сперанский: Биобиблиографический указатель. Нежин, 1993.

СРЕДНИЙ-КАМАШЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ. Выпускник Московского ун-та, автор диссертации на степень магистра «О различных мнениях об изящном» (1829).

В сфере эстетики С.-К. — один из демонстративных примеров синтетическо-синкретической концепции. Обобщая историю эстетики, он

делал вывод, что все мнения по эстетике были всегда более или менее односторонними, а потому ни совершенно ложными, ни совершенно истинными. Примесь ошибки, по мнению С.-К., — удел всего человеческого. Сам он наиболее всеобъемлющими в теории изящного признал понятия Платона, а также Винкельмана и Лессинга, которые-де приближаются к Платонову воззрению. У Канта же С.-К. находил противоречия и многие «несообразности», объясняя это «односторонним воззрением Канта на предметы философии». «За Кантом непосредственно следует мыслитель Фихте со всею толпою последователей и преобразователей его учения. Но должно заметить здесь, что ни сам Фихте и никто из его последователей не составили, впрочем, полной теории изящного, хотя слишком несправедливо было бы сказать, что начала его не имели влияния на суждения относительно предметов эстетики».

Соз.: Взгляд на историю как науку // Вестник Европы. 1827. № 20, 21, 22; Рассуждение о различных мнениях об изящном // Записки, издаваемые Департаментом народного просвещения. 1829. Кн. 3.

Лит.: Шпет Г. Г. 559, с. 320–323.

СРЕЗНЕВСКИЙ ИВАН ВСЕЕВИЧ (20.2.1770—12.9.1819). Родился в с. Срезневка Сольского у. Рязанской губ. в семье священника; учился в Рязанской духовной семинарии, Университетской гимназии в Москве, в Московском ун-те; в 1797 г. принят бакалавром в Учительский ин-т при Московском ун-те; с 1798 г. — учитель университетской гимназии; в 1804 г. получил степень магистра философии и свободных наук и приглашен в Демидовское училище высших наук, где работал до 1812 г., когда был избран на вакантную кафедру русского языка и литературы Харьковского ун-та; в числе курсов, читанных С., была эстетика. Собственные труды С. — это в основном переводы Горация и Овидия, оды, гимны и несколько статей. Будучи представителем так называемой «русской партии» в Харьковском ун-те, С. лучшим своим сочинением считал речь «О любви к отечеству», в которой обличал «суемудрого космополита».

Соз.: Речь о любви к отечеству // Речи Университетского благородного пансиона. М., 1799; О происхождении и причинах различия дарований в людях. Харьков, 1812; Речь о любви к отечеству (1806) // Украинский вестник. 1816. III; Славянская мифология, или О богослужении русских в язычестве // Там же. 1817. IV.

Лит.: Сумцов Н. Ф. 181, с. 54–57; Срезневский В. И. Иван Евсеевич Срезневский. СПб., 1898.

СРЕЗНЕВСКИЙ ИОСИФ (ОСИП) ЕВСЕЕВИЧ (1780 – после 1828). Родился в семье священнослужителя; младший брат Ивана Срезневского; с 1791 г. учился в Рязанской духовной семинарии (1790–1799), затем в Московской духовной академии (1799–1803); в 1803–1807 гг. был учителем в Рязанской семинарии; в 1811 г. окончил Петербургский педагогический ин-т и был назначен в Казанский ун-т; получив в 1812 г. степень магистра философии, стал преподавателем логики и нравоучения в Казанской гимназии; в 1815 г. утвержден адъюнктом философии Казанского ун-та вместо умершего А. С. Лубкина; преподавал теоретическую и практическую философию, а также естественное право; стал профессором философии и естественного права; во время «чистки», устроенной Магницким, был уволен; хотел пойти преподавать в Харьковский ун-т, но аттестация Магницкого помешала; с 1820 по 1824 г. был преподавателем словесности в Петербургском артиллерийском училище, а затем ушел в монастырь.

Большинство сочинений С. осталось неопубликованными («Краткое изображение систем философических», «Рассуждение, изображающее содержание и способ обрабатывания философии», «Историческое Введение в философию», «Особенное Введение в философию, о понятии и о частях ее», «Метафизика, составленная по методу последователей Лейбнице-Вольфовской школы», «Рассуждение о врожденных понятиях», «История философских систем», «Изображение систем философических, основанное на понятии философии»). Перечень этих работ свидетельствует о том, что С. являлся профессиональным университетским философом, базовой для него была лейбнице-вольфовская школа. Вместе с тем С. стремился ассимилировать в определенной мере дух кантовского критицизма и особенно Кантов категорический императив. Поскольку, рассуждал он, разум является источником наших свободных действий, идея нравственного закона должна быть ему родственной, так что разум «соображается» с этим законом. Разум – это способность, дарованная Богом, значит, и нравственный закон есть выражение воли Божией. Если нравственный закон есть закон разума, то он должен быть один для всех разумных существ. Практическое правило, вытекающее из этого закона: «Поступай так, как бы ты желал, чтобы все нравственные существа поступали».

Соз.: Рассуждение о влиянии словесности на нравственное образование человека // Труды Казанского общества любителей

отечественной словесности. Казань, 1817; Рассуждение о разных системах нравоучения, сравненных по их началам // Вестник Европы. 1817. № 19.

Лит.: 35, ч. 1, с. 167–168; 424, т. 19, с. 298; Шпет Г. Г. 559, с. 119–120; Бажанов В. А., 6, с. 759.

СТАНИСЛАВСКИЙ АНТОН ГРИГОРЬЕВИЧ (1817–9.8.1883). С 1834 г. учился в Ун-те св. Владимира в Киеве; в 1839 г. вместе с тремя товарищами отправлен под особый надзор в Казанский ун-т; в 1840 г. утверждён в степени кандидата юридических наук; с 1842 г. – магистр; с 1851 г. – доктор юридических наук и экстраординарный профессор; в 1853 г. переведен в Харьковский ун-т, где получил звание ординарного профессора; в 1868 г. уволен со службы, но в следующем году был избран и утверждён ординарным профессором Казанского ун-та по кафедре энциклопедии и истории философии права; уволился в 1879 г., уехал на родину, в Киевскую губ., где и скончался.

С. – один из первых русских юристов, поставивших вопрос о соотношении естественного (философского) права и права положительного. Понятия естественного права, как права, составляющего принадлежность всего человеческого рода, и положительного права, как совокупности правил, имеющих обязательную силу у того или иного народа, С. определял, опираясь на труд немецкого юриста-профессора в Геттингене, Люттихе и Генте Л.-А. Варнкёнига «Юридическая энциклопедия» (1853) и на «Философию права» (1833) Гегеля. Напомнив о «разладе» между юристами-философами и юристами-практиками, упоминавшемся уже Бэконом, С. ополчился на юристов-философов, которые-де впадали в бездну неразрешенных вопросов, лежащих за пределами человеческого ума, пренебрегали положительными данными и опытом, улетали в сферу отвлеченностей, теряли из виду действительный мир, высказывали множество великолепных, но неприменимых идей. С. признавал, что юристы-философы справедливо упрекали практиков за то, что, зарываясь в мелочи действительной жизни, они упускали из виду великие, общечеловеческие начала права. С. допускал, что многие практики не ведают о самых важных понятиях, без которых нет права, – о понятиях Закон и Право, Справедливость и Правда. Хотя С. примыкал к исторической школе права, по сути дела, он предложил некий синтез философского и положительного права. Концепция права С. тем более не была концепцией целиком положительного права, что она не разграничивала полностью право и нравственность, но, наоборот, объявляла нравственный закон основой универсального элемента в праве.

Соз.: О происхождении положительного права. Харьков, 1856.

Лит.: 35, ч. 2, с. 77–78.

СТАСЮЛЕВИЧ МИХАИЛ МАТВЕЕВИЧ (28.8(9.9).1826–23.1(5.2).1911). Родился в Петербурге; в 1847 г. окончил Петербургский ун-т; в 1849 г. защитил диссертацию на степень магистра всеобщей истории; в 1851 г. получил степень доктора; в 1853 г. избран адъюнктом; в 1856–1858 гг. слушал лекции в Париже, Гейдельберге, Бонне и Берлине; по возвращении на родину избран экстраординарным профессором и преподавал до ухода из ун-та в конце 1861 г. историю Средних веков; в 1860–1861 гг. читал курс по истории философско-исторических систем под названием «Историоматия в ее связи с общим развитием цивилизации». С. — основатель и редактор главного органа русских либералов журнала «Вестник Европы» (с 1866 по 1908 г.).

Философско-историческая концепция С. в плане гносеологическом противостоит, с одной стороны, спекулятивно-идеалистическим концепциям типа гегелевской философии истории, а с другой — концепциям, основанным на сенсуализме, отцом которого С. считал Локка. В идеологическом же отношении концепция С. отражала его позицию политического либерала.

Заслугу философско-исторической системы Гегеля С. видел в том, что Гегель первым применил закон абстрактной логики к законам исторического развития человечества, первым заговорил о природе, общей всем народам. С. тем не менее отмежевался от Гегеля, поскольку тот всемирную историю представлял-де как истинную теодицею, оправдание Божества в истории. Но С. не согласился вполне с тезисом Гайма о том, что гегелевская философия не имеет никакой будущности. Философия истории Гегеля, по С., может рассматриваться как новый метод, новый прием, новое орудие мысли. С точки зрения С., идеальная философия истории, годная для всех времен и народов, невысказана. Каждое время имеет свою философию истории, свой способ объединить прошедшее с настоящим. С. был на стороне тех, кто определяет задачу философии истории, обращая главное внимание на человека, и, в отличие от Гегеля, делает из философии истории антроподицею.

Соз.: Опыт исторического обзора главных систем философии истории. СПб., 1866 (2-е изд.: под названием «Философия истории в главнейших системах». СПб., 1902).

Лит.: Кони А. Ф. «Вестник Европы» // Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 7; Плеханов Г. В. О книге «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке» // Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1927. Т. 24.

СТЕПУН (СТЕППУН) ФЕДОР АВГУСТОВИЧ (6(18).2.1884—23.2.1965). Родился в Москве в семье, в генезисе которой один из его биографов посчитал нужным отметить сочетание литовской и немецкой крови, примеси французской и шведско-финской; с 1894 по 1900 г. С. учился в Московском реальном училище св. Михаила; в 1902 г. выехал в Гейдельберг, где стал учеником одного из лидеров неокантианства В. Виндельбанда; после обучения в Гейдельбергском ун-те защитил докторскую диссертацию по историографии Вл. Соловьева; по возвращении в Россию С. активно участвует в издании международного ежегодника по философии культуры — журнала «Логос» (1910—1914); в годы Первой мировой войны служил в армии; после Октябрьской революции сотрудничал в оппозиционной большевикам печати, но некоторое время пребывал и в советской должности заведующего репертуаром в «Показательном театре революции», откуда был уволен за «явное непонимание сущности пролетарской культуры»; осенью 1922 г. выслан из Советской России; в годы эмиграции — не только общественный деятель, но и «университетский профессор»; с 1926 по 1937 г. работал на кафедре социологии Дрезденского высшего технического училища; с 1947 по 1960 г. возглавлял кафедру истории русской культуры Мюнхенского ун-та Людвиг Максимилиана.

Деятельность С. в дооктябрьский период проходила вне ун-тов. Но до того, как он в годы эмиграции перешел на религиозные позиции, в его философском творчестве была еще очень заметна академическая неокантианская «закваска» доктора Гейдельбергского ун-та, наряду с другими внеуниверситетскими влияниями (немецкий романтизм, символизм, философия Вл. Соловьева). Дух университетского профессионализма поддерживался у С. также тем, что в период его участия в издании международного ежегодника по философии культуры журнала «Логос» в этом журнале наиболее активно участвовали представители университетской науки.

Исходной точкой идейного развития С. в дооктябрьский период было университетское неокантианство. Согласно С., кантовский критицизм определил абсолютный предмет как имманентную познающему субъекту систему объективно-формальных трансцендентальных принципов, т. е. превратил трансцендентное в трансцендентальное. Это не отказ от узрения абсолютного, а только ограничение прежнего догматизма разглядеть абсолютное целиком. Поэтому задачу послекантовской философии С. видел в систематическом рассмотрении всех областей культуры с тем, чтобы отделить в них элемент абсолютный от случайного и преходящего начала материальности. Однако, считал С., на пути реализации этой задачи возникает опасность: такие представи-

тели современного трансцендентализма, как Зиммель и Дильтей, вместо того, чтобы выявлять абсолютное в виде формально-объективного момента при конкретной данности культурных благ и собирать эти моменты в целостный образ философской системы, просто стали исследовать великие художественные и религиозные создания человечества. Свое понимание задачи продолжения «великого дела Канта» С. увидел в том, чтобы поставить в центр своей «метафизической системы» мистическое учение о жизни, толкуемой как мистическое переживание (мистически понимаемая жизнь означает, в частности, «отвращение чувств человека, его души и познания от всех явлений внешнего мира»). Жизнь как мистическое переживание есть вместе с тем, по С., религиозное переживание Бога. Иными словами, жизнь и Бог тождественны. Возникает тогда вопрос, как возможно творчество в жизни. С. отвечает: истолкование Жизни как понятия, тождественного понятию Бог, не означает, что творчество является сферой греховной и проявлением богоборческого самоутверждения человека. Творчество не может быть отвергнуто как греховное и богоборческое самоутверждение человека. Творя, человек покорно свершает свое подлинно человеческое, т. е. указанное ему самим Богом дело.

Соз.: W. Solowjew. Leipzig, 1910; Трагедия творчества (Фр. Шлегель) // О мессии. Очерки по философии культуры. Лейпциг, 1910; Трагедия творчества (Фр. Шлегель) // Логос. 1910. Кн. 1; Немецкий романтизм и русское славянофильство // Русская мысль. 1910. Кн. 3; Рец. на кн. Н. Бердяева «Философия свободы» // Логос. 1911. Кн. 1; Рец. на кн. Н. Бердяева «А. С. Хомяков» // Там же. 1911–1912. Кн. 2–3; Трагедия мистического сознания // Там же; Рец. на кн. Ф. Шлейермахера «Речи о религии к образованным людям, ее презирующим. Монологи» // Там же; Жизнь и творчество // Там же. 1913. Кн. 3 и 4; Рец. на кн. Вл. Эрнэ «Русские мыслители. Г. С. Сковорода» // Там же.

Лит.: Яковенко Б. 582, с. 119–121; Зеньковский В. В. 154, т. 2, с. 244–245; Лосский Н. О. 253, с. 412; Штаммлер А. Ф. А. Степун // Новый журнал. 1966. № 28. С. 247–256; Он же. Ф. А. Степун // Русская религиозно-философская мысль XX века. Питсбург, 1975. С. 322–332; Хоружий С. 530, т. 5, с. 133–134; Алексеев П. В. 6, с. 764–765; Малахов В. 414, с. 490–492; Галахтин М. 427, с. 598–601; Ермигев А. А. 415, с. 484–485; Он же. 413, с. 573–576; Он же. Степун // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 1: Писате-

ли русского зарубежья. М., 1997; *Филонова Л. Г.* 422, вып. 2, с. 126–139.

СТОЙКОВИЧ АФАНАСИЙ ИВАНОВИЧ (1773–1832). Родился в г. Румы (Сербия), по национальности серб; учился в Эдинбургской, Сегадинской и Пресбургской академиях высших наук, в Геттингенском ун-те (1797–1799); в Тюбингенском ун-те получил степень доктора свободных наук и философии; в 1804 г. по приглашению попечителя Харьковского учебного округа С. О. Потоцкого приехал в Харьков и занял кафедру физики; избирался деканом и ректором; с 1809 г. — член-корреспондент Имп. Академии наук. По делу, как бы сейчас сказали, о коррупции получил в 1815 г. отставку.

С. — сторонник союза философии и физики, считавший, что философия — это наставница, а физика — просветительница человеческого разума. Обе науки в новейшее время приближались-де к своему совершенству, причем новейшая философия вроде бы уже достигла своего предназначения. Больше всего С. ценил «переворот, произведенный бессмертным Кенигсбергским мудрецом» (особенно С. выделял Кантову «динамическую систему»), тогда как его новейшие последователи «натурфилософы» (намек на шеллингизм) «сидят вместо физического познания производить игру слов». С. — противник как идеализма, так и материализма как спекулятивной философии, так и чистого эмпиризма, сторонник сочетания опыта и теории: «Одни только опыты без умозрения... есть детская игра, достойная одних только шарлатанов. Умозрение и тонкое рассматривание природы и ее сил без подтверждения опытами суть пустословия, приличествующие единственно новым Философам Натуры». Вслед за Кантом С. считал невозможным познание сущности материи и тел и утверждал, что разум человека сам по себе, независимо от объекта, может производить понятия.

Соз.: Начальные основания умозрительной и опытной физики. Ч. 1–2. Харьков, 1809; Система физики. Кн. 1–2. Харьков, 1813.

Лит.: *Модзалевский В.* 424, т. 19, с. 432–434; *Кравец И.* 530, т. 5, с. 138.

СТОЛЕТОВ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ (29.7(10.8).1839–15(27).5.1896). Родился во Владимире в семье купца; в 1860 г. окончил Московский ун-т, был оставлен для подготовки к профессорскому званию; в 1862–1866 гг. стажировался в Германии; с 1866 г. — преподаватель, с 1873 г. — профессор Московского ун-та.

Свое отношение к философии С. выразил мыслью о том, что он «изверился» даже в тех метафизических остатках, какими еще дорожил Кант, и готов еще идти дальше в деле критицизма. Мироззрение самого С. было разновидностью естественнонаучного, механистического, стихийно-материалистического мироззрения, сходного с мироззрением Гельмгольца. С. не смущали «механические рамки», в которые заключался образ объективированной природы. В полемике с Махом и Оствальдом С. оспаривал попытки заменить «механическое объяснение» объяснением энергетическим и соглашался с тезисами Гельмгольца и других ученых о том, что задача не только физики, но и всего естествознания свести явления природы к простым законам механики. Вслед за Гельмгольцем С. считал, что в известном смысле все знание имеет символический характер. Символы (пространства, времени, вещества или субстанции) были и остаются самыми простыми, общими и надежными. Только они являются последними элементами для построения ясного образа физической природы. В глазах С. безразлично, заложены ли в нас понятия «пространство» и «время» вполне готовыми ранее всякого опыта, как думал Кант, или они вырабатываются «при схватке» чувств с внешним миром, под взаимным контролем зрения, осязания и мышечного чувства, как учил Гельмголец. Понятия же субстанции и «одной материи» С. ставил под сомнение. В гносеологическом отношении очень плодотворной была мысль С. о значении моделей (аналогий или эмблем) как метода приближенного воспроизведения действительности.

С. в очень немногих словах выразил свое отношение к философии, но «слова» этого выдающегося ученого-физика — тоже свидетельство статуса университетской философии в общих рамках российской университетской науки.

Соз.: Гельмголец и современная физика. М., 1895; Общедоступные лекции и речи. М., 1897; Собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1939—1947.

Лит.: Дорфман Я. Г. 186, т. 3, с. 414—416.

СТРАХОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (16(28).10.1828—24.1(5.2).1896). Родился в Белгороде Курской губ. в семье профессора Белгородской семинарии; окончил Костромскую духовную семинарию; учился на физико-математическом отделении Петербургского ун-та, затем в Педагогическом ин-те; по окончании ин-та в 1851 г. преподавал до 1861 г. естественные науки в Одессе и Петербурге; в 1857 г. защитил диссертацию по зоологии; с 1861 г. сосредоточился на литературно-публици-

тической деятельности; с 1871 г. работал в Публичной библиотеке, затем в ученом комитете Министерства народного просвещения.

Посвятив многие годы преподавательской деятельности, диссертации, работе в системе Министерства просвещения, С. связал себя с университетской наукой, с университетской философией в том числе. Вместе с тем он — активный участник общественного движения «почвенничества» и соответственно имел прямое отношение к «вольной» философии. Философские взгляды С. синтетично-синкретичны, в них просматриваются разные напластования. Первым источником своих взглядов С. считал положительную науку, вторым — метод Гегеля. Но, как было замечено еще исследователями конца XIX в., С. нельзя назвать приверженцем системы Гегеля, хотя квалификация его как гегельянца встречалась еще в недавнее время. С., как и многие другие русские мыслители второй половины XIX в., — сторонник сочетания наблюдения и опыта в естественных науках с «метафизической примесью». В «науке чистого мышления» диалектик С. шел за Фихте, Шеллингом и Гегелем. С. считал, что на основе сформировавшегося в конкретной науке метода происходит разъяснение диалектического метода как совокупности априорных правил и приемов изучения природы, хотя, наряду с проблемой метода, С. разрабатывал идею мира как единого, связного, стройного, органического целого, представляющего иерархию существ и явлений. В его концепции философии центральными были не метафизические и натурфилософские проблемы, а проблема человека. Эта концепция была разновидностью антропоцентризма с главной мыслью о том, что человек есть вершина природы, узел бытия, главная сущность, главное явление, главный орган мира. Сочетание религиозного, метафизическо-идеалистического, естественнонаучного и антропологического элементов в философии С. явилось тем основанием, на котором произошло его сближение с идеологией «почвенничества» А. Григорьева, с теорией культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, с неортодоксальной религиозностью Л. Толстого.

Соз.: Значение гегелевской философии в настоящее время // Светоч. 1860. I; О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб., 1865; Мир как целое. СПб., 1872; Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1886; О книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». СПб., 1887; О вечных истинах: мой спор о спиритизме. СПб., 1887; Философские очерки. СПб., 1895; Борьба с Западом в русской литературе. Т. 1—3. СПб., 1897—1899.

Лит.: Колубовский Я. 210, с. 542—543; Он же. <Н. Н. Страхов> // ВФИП. 1891. Кн. 7; Никольский Б. В. Н. Н. Страхов. СПб., 1896;

Введенский Ал-й И. Общий смысл философии Н. Н. Страбова. М., 1897; *Ueberweg F.* 639, Bd 5, S. 337; *Лосский Н. О.* 253, с. 100; *Балакина И.* 530, т. 5, с. 139—140; *Сапов В.* 414, с. 493—494 и 415, с. 489—490; *Дембогурский М.,* 533, с. 571—572.

СТРАХОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ (22.6.1757—12.2.1813). Родился в Москве в семье псаломщика; в 1768 г. поступил в разночинную гимназию при Московском ун-те, которую закончил в 1774 г. и поступил на философский фак-т ун-та; в 1778 г. С. уволился из ун-та, некоторое время работал секретарем у М. М. Хераскова, делал переводы для Н. И. Новикова; в 1785—1786 гг. выезжал за границу для осмотра европейских ун-тов, гимназий и других учебных заведений; в день отъезда получил звание экстраординарного профессора; по возвращении на родину его назначили главным смотрителем Благородного университетского пансиона, а в 1787 г. — инспектором университетской гимназии; в 1789 г. в качестве ординарного профессора возглавил вновь созданную кафедру опытной физики и преподавал физику 22 года; в 1805—1807 гг. был ректором Московского ун-та; в 1803 г. был избран членом-корреспондентом Петербургской АН; в 1809 г. стал почетным членом Харьковского ун-та, членом ряда других научных учреждений.

Примечательным событием в деятельности С. стали его выступления против сочинения Ж.-Ж. Руссо «О вреде наук». Противники просвещения, рассуждал С., доказали только то, что человеческий разум ограничен и что развращенное человеческое сердце может лучшие вещи обращать во зло. Науки есть не что иное, как указатели пути к истине. Ничто в природе не происходит прерывно, все постепенно восходит к совершенству. И человеческий род ведется к тому же «невидимой десницею». Он не может еще похвалиться, что достиг «последней границы совершенства». Следовательно, если в науках встречаются некоторые сомнения и темноты, то из этого не следует делать вывод, что они основаны на тщетных и неизвестных основаниях. Сомнение есть первый шаг к разысканию истины. Нужно осуждать не науки, а людские злоупотребления и слабости.

Соз.: Слово о влиянии наук в общем и каждого человека благоденствии. М., 1788; Краткое начертание физики. М., 1810.

Лит.: 36, ч. 2, с. 442—466; *Е. К.* 424, т. 19, с. 456—458.

СТРУВЕ ГЕНРИХ (ГЕНРИХ ЮРЬЕВИЧ, ГЕНРИХ ЕГОРОВИЧ) (27.6.1840—16.3.1912). Родился в Познани; отец — немец, один из деятелей революции 1848 г. в Германии; мать — голландка; по окончании гимназии учился в Польше; в 1862 г. получил в Йене степень доктора

философии; стал адъюнктом, затем профессором Главной школы в Варшаве (с 1869 г. — Варшавский ун-т); в 1870 г. защитил в Московском ун-те докторскую диссертацию «Самостоятельное начало душевных явлений»; диссертация вызвала острую дискуссию на страницах русской печати; министр просвещения Д. Толстой предложил С. работу в Московском ун-те, но тот отказался; с 1871 по 1903 г. С. — профессор Варшавского ун-та; с 1903 г. жил в Англии.

В Главной школе (ун-те) С. читал энциклопедию философских наук, логику, метафизику, психологию, этику, эстетику, историю греческой философии, историю новой философии от Канта до Гегеля. С. начал свою деятельность в момент, когда философия в России не пользовалась, мягко говоря, «особенным сочувствием», когда некоторые утверждали даже, что она вредит умственному развитию человека. С. же — поборник философии как самостоятельной дисциплины. Выступая против «абсолютной», «безусловной» философии, которая независимо от других наук доводит до полного уразумения всего существующего (такую философию С. связывал со школой Гегеля), С. ратовал за критическую философию (гениальным основателем которой считал Канта), которая не может решить свои главные задачи без содействия специальных наук, не опираясь на результаты их исследования, но, в отличие от Канта, С. не отрицал философии как метафизики. По его мнению, философия — наука общая, всеобъемлющая, универсальная. Она стремится к образованию общего мировоззрения, к познанию всего сущего. Ее исследования не ограничиваются никаким специальным предметом. Первой отличительной чертой философии является самостоятельность философского мышления, проявляющаяся главным образом как критическое мышление, в отличие от якобы «догматического характера специальных наук». Так, естествоиспытатели утверждают-де, что в природе нет никаких противоречий, что везде во Вселенной действуют неизменные и необходимые законы природы, и многие естествоиспытатели, утверждал С., охотно вытеснили бы из человечества догмат о существовании Бога. Философия, по С., решает эти вопросы «критически», при этом она стремится не делать никаких «догматических предположений», а если это невозможно, ограничивается минимумом, принимая лишь то, что человеческий ум признает необходимым условием для правильного развития самого процесса познания.

Полемизируя со скептицизмом, новейшим эмпиризмом и позитивизмом, С. исходил из мысли о возможности познать сущность вещей. Заявляя о том, что время безусловного идеализма и материализма прошло, стремясь тем самым подняться над идеализмом и материализмом, соединяя их отдельные идеи (что дало основание относить философ-

скую концепцию С. к идеал-реализму, или к синтетизму), постоянно ссылаясь на критицизм Канта, на критическую теорию познания, С. тем не менее не вышел за пределы метафизики, в центре которой были идеи Бога, свободной воли и бессмертия души. Он пытался доказать, что путем «строгого научного исследования» можно якобы решить вопрос о существовании души и что разум как главный элемент научного исследования не ведет к результатам, противоречащим религиозному чувству и идее Высшей Силы.

С. принадлежит один из немногих появившихся в России труд «Введение в философию» — разбор «основных начал философии вообще» (1890), дисциплина «Введение в философию» соответствовала понятию «философия философии». Главным в ней был анализ специфики философии как феномена культуры и научной и учебной дисциплины. С. первым обратил внимание на тот факт, что логика в Польше развивалась прежде всего как теория познания, а не только как формальная логика. Это обобщение относится также и к России. С. — также первый историк польской философской мысли. Когда С. избирался в почетные члены Московского психологического общества, совет общества отметил, что он стоит «в первом ряду как русских, так и польских писателей по философии» и «украшает ученые литературы обоих родственных народов» (ВФиП. 1899. Кн. 46. 2-я паг. С. 77). С такой оценкой можно согласиться и сейчас: как никто другой, С. символизирует тесную связь философской мысли в высших учебных заведениях Царства Польского и в российских ун-тах.

Coz.: Zur Entstehung der Seele. Eine psychologische Untersuchung. Tübingen, 1862; Wywód pojęcia filozofii. Warszawa, 1863; Самостоятельное начало душевных явлений. Психологическое исследование. М., 1870; Historja logiki jako teorii poznania w Polsce. Warszawa, 1870 (2-e Wyd., 1911); Отличительные черты философии и их значение в сравнении с другими науками. Варшава, 1872; Элементарная логика. Варшава, 1874 (14-е изд., 1910); Psychologisch-metaphysische Analyse des Begriff der Notwendigkeit // Philosophische Monatsheften. 1874. Н. 8, 9; Искусство и позитивизм // Русский вестник. 1875. Май; Synteza dwóch światów. Szkic filozoficzny. Warszawa, 1876; Логика в Польше. Варшава, 1877; Значение и образование юношеского идеализма // ЖМНП. 1878. Июль; Энциклопедия философских наук и направлений в связи с введением в философию, или Философия философии. Ч. 1. Варшава, 1890; Die polnische Literatur zur Geschichte der Philosophie. Berlin, 1895; Wstęp krytyczny de filozofii czyli Rozbiór zasadniczych po-

jęć o filozofii. Warszawa, 1896; (3-e Wyd., 1903); Способности развития философствующего ума. М., 1897; Anarchizm ducha u obcych i u nas. Studium Krytyczny. Warszawa, 1899 (рус. пер.: Современная анархия духа и ее философ Фридрих Ницше. Харьков, 1900); Historja filozofii w Polsce. Na tle ogólnego rozwoju życia umysłowego. Warszawa, 1900; Materja, duch i energia jako czynniki by:u przedmiotowego. Rozbiór krytyczny tych pojęć. Warszawa, 1900 (пер.: Материя, дух и энергия как начала объективного бытия. Критический разбор этих понятий. Харьков, 1901); Ruch etyczny nowszych czasów. Jego dzieje i zasady. Warszawa, 1901; Znaczenie filozofii w życiu umysłowym narodu. Warszawa, 1902; Herbert Spencer i jego systemat filozofii syntetycznej. Warszawa, 1904; Immanuel Kant, oraz dziejowa doniosłość jego krytycyzmu. Warszawa, 1904; Epikureizm i altruizm. Rozprawa etyczna. Warszawa, 1907.

Лит.: Юркевич П. Д. Игра подспудных сил. По поводу диспута проф. Струве. М., 1870; Усов С. А. По поводу диссертации г. Генриха Струве. М., 1870; Он же. По поводу диссертации г. Генриха Струве и ответ П. Д. Юркевичу. М., 1870; Он же. Еще по поводу диссертации г. Струве. М., 1870; Аксаков Н. П. Подспудный материализм. По поводу диссертации — брошюры г-на Струве. М., 1870; Он же. Barbarus antibarbaro. Ответ Генриху Струве, д-ру философии Московского и Йенского ун-тов. Вып. 1—2. М., 1870—1871; Lutosławski W. H. Struve i jego wstęp do filozofii. Warszawa, 1896; Kaszewski K. Dr. Henryk Struve (Zarys 35-letniej działalności, jako profesora i pisarza). Warszawa, 1899; Twardowski K. Henryk Struve // Ruch filozoficzny. 1916. № 6; Borzym S. Poglądy filozoficzne Henryka Struvego. Wroclaw, 1974; Дембогурский М. Философский синтез в идеал-реализме Генриха Струве. М., 1994 (дис.); Он же. 6, с. 768—769.

СУХОМЛИНОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (3.3.1828—8.6.1901). Родился в Харькове в семье профессора ун-та; среднее образование получил в частном пансионе; с 1842 по 1848 г. учился на историко-филологическом фак-те Харьковского ун-та; в 1851 г. ему присвоена степень магистра; в 1852 г. избран адъюнктом на кафедру русской словесности Петербургского ун-та; в 1860 г. стал экстраординарным, в 1864 г. — ординарным профессором; в 1856 г. защитил докторскую диссертацию; с 1884 г. прекратил преподавательскую деятельность, занявшись только научным трудом; с 1855 г. — член-корреспондент АН, с 1872 г. — экстраординарный, с 1876 г. — ординарный академик.

Сухомлинов относился к тем ученым нефилософских специальностей, многие труды которых насыщены значительным эмпирическим материалом по истории философской культуры в России. В этом отношении особенно ценны его работы по истории русской науки и образования.

Соз.: О сочинениях Кирилла Туровского. СПб., 1858; Ломоносов, студент Марбургского университета // Русский вестник. 1861. Т. 31. № 1; Материалы для истории просвещения в царствование имп. Александра I. СПб., 1866; История Российской Академии. Вып. 1—8; СПб.: 1874—1888 (редактор).

Лит.: Сумцов Н. Ф. К сорокалетию юбилею служебной и учено-литературной деятельности М. И. Сухомлинова. Харьков, 1892; 267, ч. 2, с. 182—184.

СЫРЦОВ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ. Кандидат богословия, приват-доцент Пермского ун-та; в первые годы после организации Пермского ун-та вместе с Ал-дром И. Введенским — преподаватель философии и организатор «философского семинария»; после 1917 г. — профессор педагогического фак-та Пермского ун-та, занимался педологией.

Соз.: Из неизданных произведений Лейбница // ЖМНП. 1912. № 9—10; Характерологические методы изучения ребенка. Пермь, 1924.

Т

ТАЛЫЗИН МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ (7.11.1784—20.5.1855). Родился в семье сельского священника; учился в Тверской духовной семинарии, откуда переведен в Петербургский Главный педагогический ин-т (окончил его в 1808 г.); преподавал в Первом кадетском корпусе, Горном кадетском корпусе и Пажеском корпусе; с 1829 г. — профессор Главного педагогического ин-та.

Философия, по Т., охватывает мысль, чувство и волю и их «предметы» — истинное, изящное и доброе, следовательно, весь «вещественный и невещественный мир». Логика — это часть философии, наука об уме, умословие, «философия образа человеческих познаний». Логика основывается на способности размышления и, показывая самые общие ее формы (образы), предписывает законы для верного заключения при мышлении. Логика делится на эмпирическую (основанную на простом размышлении, свойственном уму и соединенном с опытом), трансцендентальную (основанную на разуме, познающую силой одного разума), чистую (объясняющую формы мышления), прикладную (отыскивающую истины и источники заблуждения). Своими «руководителями» Т. открыто признавал Канта и «некоторых его последователей».

Соз.: Начальные основания риторики и поэзии с предварительным объяснением необходимых логических правил. СПб., 1818; Логика. СПб., 1827; Замечание на письмо к NN // Сын Отечества. 1828. Ч. 117, 118.

Лит.: П. С. Письмо к NN // Сын Отечества. 1828. Ч. 117. С. 59—74 и 172—189; Каменский З. А. Философские идеи русского просвещения. М., 1971 (см. по указ. имен).

ТАРАНОВСКИЙ ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ (1875—?). Доктор права Юрьевского ун-та (1911); в сфере философии права — сторонник позитивизма, противник теории «обновленного естественного права» как права, по его мнению, основанного на метафизике.

Соз.: Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии. Варшава, 1904; Лейбниц и так называе-

мая внешняя история права. СПб., 1906; Догматика положительного государственного права во Франции при старом режиме. Юрьев, 1911 (дис.); Заметки о Монтескье. Ярославль, 1913; Новый опыт построения философии права в русской литературе (И. В. Михайловский. Очерки философии права. Т. 1, Томск, 1914; Юрьев, 1915).

Лит.: Ковалевский М. М. Отзыв о сочинении Ф. В. Тарановского «Догматика положительного государственного права во Франции при старом режиме». Юрьев, 1911; СПб., 1916.

ТАРЛЕ ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ (27.10(8.11).1875—5.1.1955). Родился в Киеве. Окончил историко-филологический фак-т Ун-та св. Владимира в Киеве (1896); в 1901 г. защитил магистерскую, в 1911 г. — докторскую диссертацию; в 1908—1913 гг. — приват-доцент Петербургского ун-та; в 1913—1918 гг. — профессор Юрьевского ун-та; после Октябрьской революции преподавал в Ленинградском и Московском ун-тах, в МГИМО.

К числу первых трудов, написанных Т. в дооктябрьский период, относится очерк развития философии истории, в котором автор сформулировал свои тогдашние оригинальные философско-методологические взгляды. Новейшая социология является производной влияний Маркса и Огюста Конта — основной тезис Т. Идеи Маркса, доказывал Т., влияют даже на тех лиц, которые не подпишутся под его идеями. Те историки, которые не согласны с Марксом, тоже много времени и сил употребляют на изучение экономического строя, на чем-де настаивал Маркс. Но такой посылкой Т. не удовлетворяется. Материальные вопросы, рассуждает он, играют первенствующую роль в идеологии политической, религиозной, философской и всякой иной. Но как возникают материальные факты? Почему после натурального хозяйства возник торговый обмен, а затем капитализм? Ответ: человек стремится удовлетворить свои потребности к существованию. Т. приходит таким образом к выводу о недостаточности теории Маркса. Маркс, продолжает рассуждать Т., не ответил и на некоторые «нелепые» вопросы, свойственные метафизической и религиозной эпохе: как ввести в историю факты страшных эпидемий? зачем какие-то бациллы были посланы к татарам и т. д. Конт же сказал, что мы никогда не выберемся из пустых рассуждений, если будем задавать такие нелепые вопросы. Маркс также не отвечает на подобные вопросы. Он стал поучать в истории, не зная еще ее конца, всех причин и следствий, и в этом-де была его главная заслуга: встретиться с доктриной О. Конта, Марксова доктрина и дала ответ в виде учения о роли экономического фактора.

Соз.: Всеобщая история (Очерк развития философии истории). СПб., 1908.

Лит.: Успенский Ф. Записка об ученых трудах проф. Е. В. Тарле. Л., 1929; Е. В. Тарле. М.; Л., 1949; Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977; Wiśniewski S. Eugeniusz Tarle. Warszawa, 1983.

ТАРХАНОВ (ТАРХНИШВИЛИ) ИВАН РОМАНОВИЧ (ТАРХАН-МОУРАВИ ИВАН РАМАЗОВИЧ) (3(15).6.1846—24.8.(6.9).1908). Родился в Тифлисе, в семье, происходящей из рода грузинских князей; в 1863 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского ун-та, но в 1864 г. перешел в Медико-хирургическую академию, где занимался физиологией, в частности, в лаборатории И. М. Сеченова; в 1876 г. защитил докторскую диссертацию; после командировки в Германию и Францию стал в 1875 г. приват-доцентом, затем экстраординарным и ординарным профессором Медико-хирургической академии; в 1895—1901 гг. — приват-доцент Петербургского ун-та.

Как и И. М. Сеченов, Т. — противник и идеалистических, и материалистических систем умозрения, не имевших в основе точных, строго установленных фактов. Первым из физиологов, обратившегося к наблюдению и опыту, он считал К. Галена (Claudius Galenus (129—201)). Именно Гален, по Т., вывел физиологию из области чистых умозрений. А на долю Альбрехта Галлера (Haller (1708—1777)) выпала задача, по Т., вновь выдвинуть физиологию на точную, экспериментальную дорогу; после Галлера физиология, порвав связи с умозрительными методами предшествующих философских систем, стала на почву наблюдения и опыта.

Соз.: Избр. соч. Тбилиси, 1961.

Лит.: Эристави К. Д., Семенская Е. М. И. Р. Тархнишвили. Жизнь, научная и общественная деятельность. Тбилиси, 1953; Авалиани С. Ш. Философские взгляды И. Р. Тархнишвили. Тбилиси, 1957; Он же. 530, т. 5, с. 183; Научное наследие И. Р. Тархнишвили. Сб. докладов научной сессии, посвящ. 50-летию со дня смерти И. Р. Тархнишвили. Тбилиси, 1962.

ТАУБЕРТ ИОГАНН КАСПАР (ИВАН АНДРЕЕВИЧ) (31.8.1717—9.5.1771). Родился в Петербурге в семье строителя; был одним из первых учеников, поступивших в гимназию при Академии наук; в 1732 г. — студент в Академии наук; с 1738 г. — адъюнкт в историческом классе; занимался переводами; с 1741 г. — унтер-библиотекарь Академии, т. е.

заместитель Шумахера — многие годы фактически главного администратора Академии; в 1750 г. женился на дочери Шумахера, в связи с чем М. В. Ломоносов высказал опасение «как бы академия не досталась Тауберту в приданое за дочерью Шумахеровой»; характерной чертой административной деятельности Т. в Академии было «предпочтение иностранцам перед природными русскими». Он активно мешал Ломоносову в его стремлении улучшить состояние Академического ун-та и гимназии при Академии. Особенно усилился конфликт Т. с Ломоносовым с 1758 г., когда президент Академии Разумовский возложил на Ломоносова руководство «в сей ученой и учебной частью Академии». Приняв участие в перевороте, приведшем на престол Екатерину II, Т. стал статским советником и библиотекарем ее имп. вел-ва, тогда как Ломоносов впал в немилость, что негативно сказалось на делах Академического ун-та. В 1767 г. Т. был отстранен от всех дел в Академии, скончался от паралича.

«Казус» Т. — один из примеров, характеризующих весьма сложные «организационные», как мы сейчас сказали бы, трудности, которые встречались нередко в истории университетской науки в России.

Лит.: 424, т. 20, с. 366.

ТАХТАРЕВ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ (псевд. — ТАР К. М.) (26.5 (7.6).1871—19.7.1925). Родился в Петербурге; учился в Военно-медицинской академии; в студенческие годы стал участвовать в социал-демократическом движении, был членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; уехав за границу, некоторое время продолжал революционную деятельность, но после занятий в Брюссельском ун-те постепенно включился в научную работу; читал лекции по генетической социологии в Русской высшей школе общественных наук в Париже; по возвращении в Россию преподавал на Петербургских высших курсах П. Ф. Лесгафта, в Психоневрологическом ин-те, в Петербургском ун-те; один из организаторов Социологического общества им. М. М. Ковалевского; с 1924 г. — хранитель в ин-те К. Маркса и Ф. Энгельса.

В сфере социологии Т. — сторонник методологии «научного реализма». Этот метод, по его мнению, имеет в основе внимательное и осторожное отношение к изучаемой действительности, в понимании которой не должно вноситься никаких «абсолютных истин», никаких безусловных догм. «Научный реализм» стремится понять действительность какова она есть. Сложность социальных явлений часто не дает возможности сделать общий вывод на основании отдельных случаев. Статистический метод, основанный на наблюдении большого числа случайных

фактов, дает возможность вывести тот или иной эмпирический закон, исходя из теории вероятностей, причем с математической точностью. За исходную точку в представлении о развитии в истории Т. берет теорию эволюции Спенсера, находя ее, однако, частично неверной (отождествление Спенсером эволюции с прогрессом), а частью неполной: если Спенсер считал эволюцию процессом постепенным, то Т. утверждал, что процесс эволюции, как и всякая другая форма движения, совершается ритмично, волнообразно: теория трансформизма Чернышевского, имеющая своим источником диалектический способ Гегеля, а также диалектическое общественное миросозерцание Маркса и Энгельса могут, по Т., служить необходимейшим дополнением эволюционной теории Спенсера.

Соз.: Первобытное общество. Этнолого-социологическое исследование. СПб., 1903 (вышло под псевд. Тар К. М.); Главнейшие направления в развитии социологии // Современный мир. 1910. № 8, 10, 12; Чем должна быть социология // Там же. 1911. № 9; Основные идеи социологов. Конт и Маркс // Там же. 1914. № 9; Социология как наука о закономерности общественной жизни. Пг., 1916; Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. Пг., 1918; Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношении и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг., 1919; Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Ч. 1—2. Л., 1924.

Лит.: Кареев Н. **572**, т. 41, ч. VII, стб. 107—109; Голосенко И. А. **462**, с. 358—362; Алексеев П. В. **6**, с. 788—789; Жуков В. Н. **415**, с. 500—501.

ТЕЙХМЮЛЛЕР (TEICHMÜLLER) ГУСТАВ (19.11.1832—10(22).5.1888). Родился в Брауншвейге в семье офицера; учился в гимназии Брауншвейга, затем в Берлинском и Тюбингском ун-тах; в Берлине его основным наставником был Тренделенбург; в 1856 г. получил в Галльском ун-те степень доктора философии; с 1860 г. — приват-доцент, с 1867 г. — экстраординарный профессор Геттингенского ун-та; в 1860 г. стал ординарным профессором Базельского ун-та; в декабре 1870 г. избран профессором философии теологического фак-та Дерптского ун-та, где проработал 17 лет; читал логику, психологию, историю философии, эстетику, философию религии, философию истории.

Философские взгляды Т. являются продолжением и развитием монадологии Лейбница, модернизированной заимствованиями из сочине-

ний Тренделенбурга, Лотце, Канта и Фихте. Философская концепция Т. — разновидность персонализма. Согласно этой концепции, универсум состоит из живых духовных субстанций. Организм человека представляет тоже совокупность субстанций, управляемых верховной субстанцией — бессмертной душой. Особую субстанцию представляет Бог, который не существует отдельно, но находится в каждой из бессмертных душ, однако не сливается с ними. О бытии вне нашего «я» можно судить по аналогии с нашим собственным «я». Познать же адекватно можно только самое «я». Все остальное познается символически. Материя, время, пространство — это априорные формы созерцания души, обладающей чувствами. Философия Т. оказала значительное влияние на Я. Озе, А. Козлова, Е. Боброва и других философов.

Coz.: Aristotelische Forschungen. Studien zur Geschichte der Begriffe. Frankfurt am Main, 1874; Die Platonische Frage. Eine Streitschrift gegen Zeller. Breslau, 1876; Neue Studien zur Geschichte der Begriffe. 3 Bd. Gotha, 1876—1879; Darwinismus und Philosophie. Dorpat, 1877; Religionsphilosophie. Breslau, 1889; Бессмертие души. Философское исследование. Дерпт, 1878; Дарвинизм и философия. Юрьев, 1894; Действительный и кажущийся мир. Новое основание метафизики. Казань, 1913.

Лит.: Козлов А. Густав Тейхмюллер // ВФиП. 1894. Кн. 24 и 25; Озе Я. Персонализм и проективизм в метафизике Лотце. 1896. С. 184—245, 461—467; Бобров Е. О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова. Казань, 1898. С. 6—46; Müller A. Die Metaphysik Teichmüllers // Archiv für systematische Philosophie. 1900. Bd VI. S. 1—27, 156—175, 341—373; Szyllkarski W. G. Teichmüller // Zeitschrift philosophische Forschung. 1954. Bd 8. H. 4; Саат И. М., Штейн О. М. 186, т. 3, с. 536—537; Макаров М. 530, т. 5, с. 191—192.

ТЕПЛОВ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (20.11(1.12).1717—30.3(10.4).1779). Начальное образование получил в Невской семинарии, затем учился в Германии; с 1736 г. — студент при Академии наук, потом переводчик; с 1742 г. — адъюнкт натуральной истории; с 1746 г. — советник при Академической канцелярии; способствовал восхождению на престол Екатерины II; с 1767 г. — тайный советник, с 1775 г. — сенатор.

В российской университетской истории Т. выступает в двух ипостасях: как администратор и как ученый. В 40-х гг. XVIII в. вместе с Шумахером Т. «командовал» всей Академией, так что Ломоносов просил избавить его «от Теплова ига». Но немало Т. сделал и полезного: составил «Регламент имп. Академии наук и художеств» (1747), в соответ-

ствии с которым Академия разделилась на собственно академию и университет, активно участвовал в наборе студентов для Академического ун-та, добился уравнивания в правах профессоров «исторического собрания и университета» с «профессорами академиками» и т. д. Т. — первый из русских, кто начал читать в АН лекции по философии. В 1742 г. было объявлено, что адъюнкт Теплов будет «публично трактовать практическую философию Вольфа “порядком Тиммиговым”» (т. е. по труду ученика Вольфа — Тюммига). В 1750 г. М. В. Ломоносов рецензировал и одобрил к печати рукопись книги Т. «Знания, касающиеся вообще до философии...», заявив, что «философские учения в ней предлагаются понятным образом для всякого и весьма полезны будут российским читателям...»

Приспосабливаясь к российским реалиям, Т. заявлял в своей книге, что «христианская богословия есть наилучшая философия», но собственно философию излагал в духе концепции Х. Вольфа (о разделении познания на историческое, философское и математическое; о предмете философии как науке о причинах, о том, что есть и что может быть; о разделении философии на теоретическую и практическую, о логике как ключе ко всей философии и т. д.). Оставаясь в целом в рамках рационализма (Т. хвалил Декарта за то, что тот освободил философию от ига Аристотеля), Т. вместе с тем обличал материализм, отнеся, например, атомизм Демокрита—Эпикура—Гассенди к «безумному суетумудрию».

Соз.: Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. СПб., 1751; Наставление сыну. СПб., 1760.

Лит.: Лонгинов М. Н. Г. Н. Теплов // Русская старина. 1870. Т. 2. Август; 269, с. 508, 556, 608; Пекарский П. 359, т. 2, с. XXIII, XXVII, XLIII, XLIV, 136, 464; Безобразова М. В. Исследования, лекции, мелочи. СПб., 1914; Штамбок А. 530, т. 5, с. 224; Шлейтере С. В. Философия Г. Н. Теплова. М., 1996 (дис.) и 415, с. 513.

ТЕРНОВСКИЙ ПЕТР МАТВЕЕВИЧ (24.5.1798—1.9.1874). Родился в Москве в семье священника, учился в Московской духовной академии; профессор богословия и церковной истории Московского ун-та; доктор богословия; после закрытия в 1850 г. кафедр философии в ун-тах и передачи преподавания психологии и логики в руки богословов, преподавал эти дисциплины в Московском ун-те.

Соз.: Богословие догматическое. М., 1838 (1839, 1844).

Лит.: Протоиерей П. М. Терновский (некролог) // Христианское чтение. 1874. Октябрь; Бобров Е. А. 43, вып. 5, с. 1–45, 206–207.

ТИМИРЯЗЕВ КЛИМЕНТ АРКАДЬЕВИЧ (22.5(3.6).1843–28.4.1920). Родился в Петербурге; в 1865 г. окончил вольнослушателем Петербургский ун-т; два года стажировался в научных лабораториях Германии и Франции; с 1869 г. работал в Земледельческой и лесной академии; в 1871 г. защитил магистерскую, в 1875 г. — докторскую диссертации. С 1877 по 1911 г. — профессор Московского ун-та; член-корреспондент Петербургской АН с 1890 г.

Со студенческих лет Т. — убежденный позитивист. На его рабочем месте лежали 6 томов сочинений О. Конта. Ссылаясь на мысли И. И. Мечникова из его книги «Сорок лет исканий рационального мировоззрения», Т. ратовал за положительную философию, «философию науки», противопоставляя разум инстинкту, спиритизму, оккультизму, мистике и метафизике. Его девизом стал завет Ньютона: «Физика, остерегайся метафизики». Если раньше, считал Т., стояла задача спасти от мрака светом науки, то теперь рядом появилась другая забота — спасти науку от «произвола» философов. В предисловии ко второму изданию книги «Насущные задачи современного естествознания» Т., отказываясь признавать главенство над наукой «сверхнаучной», «вне-научной» философии, выдвинул лозунг «Наука сама себе философия».

Одним из наиболее крупных авторитетов для Т. в сфере философии естествознания и индуктивных наук был венский физик Л. Больцман. За борьбу с виталистическим и натурфилософским направлением в физиологии Т. ценил И. Мюллера и «величайшего гения» Г. Гельмгольца. Витализм, по Т., — это «пережиток самой жалкой, самой постыдной эпохи в истории физиологии». Категорически не воспринимал Т. «философов-необерккланцев» — Маха, Оствальда, Петцольдта. Призыв «назад к Канту» считал реакционным.

Сог.: Публичные лекции и речи. М., 1888; Научные задачи современного естествознания. 3-е изд. М., 1908; Исторический метод в биологии. М., 1922 (Соч. М., 1939. Т. 8).

Лит.: Васецкий Г. С. Климент Аркадьевич Тимирязев. Общественные, политические и философские взгляды. М., 1940; Митин М. Б. Климент Аркадьевич Тимирязев. М., 1943; Колдажный В. И. Вопросы теории познания в трудах К. А. Тимирязева. Л., 1955; Он же. Вопросы методологии в трудах К. А. Тимирязева и проблемы современной биологии. Киев,

1965; Платонов Г. В. Климент Аркадьевич Тимирязев. М., 1955; Уткина Н. Ф. 186, т. 3, с. 447—462.

ТИХОМИРОВ ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (2.1.1868—?). Родился в с. Изволя Алексинского у. Тульской губ. в семье священника; окончил духовное училище и духовную семинарию в Туле, в 1893 г. — Московскую духовную академию; в 1894/95 учеб. г. слушал курсы по естественным наукам в Московском ун-те; в 1895 г. утвержден исправляющим должность доцента по кафедре еврейского языка и библейской археологии Московской духовной академии, а в 1897 г. переведен на кафедру истории философии, которую занимал до сентября 1906 г.; в 1903 г. утвержден магистром богословия и в ноябре избран доцентом, а в декабре — экстраординарным профессором; с осени 1905 г. является приват-доцентом Московского ун-та; в 1906 г. избран Советом Историко-филологического ин-та кн. Безбородко в Нежине экстраординарным профессором по кафедре философии; с 1907/08 учеб. г. — приват-доцент Ун-та св. Владимира в Киеве по кафедре философии, преподаватель философии, логики и психологии на женских курсах и в Киевском коммерческом ин-те.

Т. может служить примером того, как в начале XX в. воспитанник духовной академии и представитель духовно-академической философии мог еще оказаться на светской университетской кафедре. Для Т. такая возможность появилась потому, что его духовно-академическое философствование оказалось весьма модернизированным, приближенным к распространенному и терпимому в ун-тах стилю философствования.

В лекциях, читанных в Московском ун-те в 1906 г., Т. исходил из того, что в философии безусловно признаны права гносеологических изысканий. Признана-де рискованность метафизических экскурсий в духе «Фихте-Шеллинго-Гегелевской романтики понятий». Наиболее авторитетные представители философской мысли из школы неокантианцев, имманентной философии, эмпириокритицизма, говорил Т., сводят всю философию к гносеологии, и даже склонные к метафизике мыслители (Фехнер, Лотце, Гартман, Вундт) уделяют много места гносеологическому объяснению своих систем. Гносеология полностью поглотила философию. Она является контрольной инстанцией правомерности философской работы и пропедевтикой к выработке мировоззрения. На почве гносеологии философия должна вести борьбу за свое существование как наука. Здесь ей надлежит искать опору для своих положительных построений и указания на границы и методы своего исследования. Сторонники метафизики, по Т., видят в гносеологии пропедевтику к метафизическим исследованиям. Считая точку зрения, согласно кото-

рой задачей гносеологии является решение вопроса о возможности метафизики (в качестве примера был взят Г. И. Челпанов), Т. высказался за более полное понимание задач гносеологии как исследования факта и идеала познания в его последних основаниях, как союза логики с психологией для исследования этих последних оснований.

Историю философии Т. трактовал с объективной точки зрения как последовательную смену философских мировоззрений, процесс постепенной научной обработки общих вопросов миропознания и жизнепонимания, постепенного освобождения научного мировоззрения от односторонних и догматических примесей и приближения знания к идеалу абсолютной истины. Свою точку зрения Т. считал не противоречащей взглядам на историю философии Гегеля и Куно Фишера, которых он считал творцами научной истории философии, а также Виндельбанда, внесшего в их концепцию существенные поправки. Для объяснения каждой философской системы, по Т., необходимо вскрыть в ней действие трех факторов: логического, культурно-исторического и индивидуального.

Соз.: Возможна ли метафизика ума? М., 1893; Философия В. Д. Кудрявцева. М., 1894; Критические замечания на кн. Б. Н. Чичерина «Основания логики и метафизики» // Богословский вестник, 1894; Логика и теория знания. Сергиев Посад, 1896; Православная догматика и религиозно-философское умозрение. Харьков, 1897; Научное и философское значение эволюционной теории. Харьков, 1899; Проблема и метод Кантовой критики познания. Харьков, 1899; История философии как процесс постепенной выработки научно обоснованного и истинного мировоззрения. Сергиев Посад, 1899; Вечный мир в философском проекте Канта. Сергиев Посад, 1899; Типы гносеологических учений // Богословский вестник. 1900; Вл. С. Соловьев // Там же; Кн. С. Н. Трубецкой // Там же; Гносеология Рилья // ВФиП. 1901. Кн. 58; Математический проект реформы социологии на началах философского идеализма. Книга П. А. Некрасова «Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности» (Пересмотр оснований социальной физики Кетле). Сергиев Посад, 1903; Состояние философии к началу XX столетия // Богословский вестник. 1905; Куно Фишер. Киев, 1907; Научные задачи и методы истории философии. Сергиев Посад, 1907; Очерки по гносеологии. Сергиев Посад, 1908.

Лит.: Алексеев П. В. 6, с. 795.

ТИХОНРАВОВ НИКОЛАЙ САВВИЧ (3(15).10.1832—27.11(9.12).1893). Родился в с. Шеметово, Мещовского у. Калужской губ. в семье фельдшера; в 1849 г. окончил 3-ю Московскую реальную гимназию; в 1856 г. поступил в Главный педагогический ин-т, но затем перешел на историко-филологический фак-т Московского ун-та, который окончил в 1853 г.; работал учителем в московских гимназиях, других учебных заведениях, пока в 1857 г. не был назначен исправляющим должность адъюнкта Московского ун-та; в 1863 г. избран членом-корреспондентом Академии наук; в 1870 г. защитил докторскую диссертацию и стал экстраординарным, а в следующем году ординарным профессором; был деканом историко-филологического фак-та (1878—1877 гг.) и ректором ун-та (1877—1879; 1883—1889); в 1890 г. избран ординарным академиком.

Будучи историком русской литературы, науки и образованности Т. собрал огромный эмпирический материал по истории философской культуры и свободомыслия в России.

Соз.: Житие протопопы Аввакума, им самим написанное. СПб., 1862; Памятники отреченной русской литературы. Т. 1—2. СПб.; М., 1863—1864; Квирин Кульман // Русский вестник. 1867. Кн. 11 и 12; Московские вольнодумцы начала XVIII века и Стефан Яворский // Там же. 1870. Кн. 9; 1871. Кн. 2, 6; История издания «Опыта о человеке» соч. Попе в переводе Поповского // Русский архив. 1872. Кн. 7—8; О ереси стригольников // Труды II Археографического съезда в Санкт-Петербурге. 1878. Т. 2, протоколы; Апокрифические сказания. СПб., 1894.

Лит.: Памяти Николая Саввича Тихонравова. М., 1894; 267, ч. 2, с. 189—194.

ТОЛМАЧЕВ ЯКОВ ВАСИЛЬЕВИЧ (1780—1873). Окончил Харьковский коллегиум и Киевскую духовную академию; с 1803 г. преподавал пиитику, риторiku, математику, греческий и французский языки; с 1816 г. заведовал кафедрой российской словесности в Петербургском ун-те; в дальнейшем — ординарный профессор Петербургского ун-та.

После отстранения А. Галича от преподавания философии в период погромной кампании, устроенной Д. Руничем в ун-те, преподавание философии и истории философских систем было на некоторое время поручено Т., который читал теоретическую и практическую философию и историю философских систем. Перу Т. принадлежат переводы «Логики» (2-е изд., 1823) и «Метафизики» (1808) Баумейстера, а также «Рассуждения о духовном свойстве души человеческой» М. Мен-

дельсона (1806). Об идеологической «чистоте» трудов Т. свидетельствует тот факт, что его большой труд о «военном красноречии» издан на средства кабинета Николая I и посвящен императору.

Историк Петербургского ун-та В. В. Григорьев охарактеризовал Т. как «носителя» отсталых взглядов. Вероятно, он имел в виду, что тот придерживался еще философии школы Лейбница—Вольфа с поправками из Карпе в то время, когда в России стала пользоваться влиянием уже немецкая классическая философия. Примечательно, однако, что в годы гонений на философию философский элемент остался у Т. даже в его нефилософских трудах. В рамках риторики в качестве предварительных наук фигурировали логика и грамматика; правда, в отличие от учебников, в которых логика представлялась наукой «гносеологической», т. е. наукой не только о формах, но и о содержании мышления, Т. определял логику как науку, объясняющую правила, по которым должен действовать ум. Эти правила касаются понятий, суждений и умозаключений, т. е. правил формальной логики. Зато в грамматике у Т. выделена всеобщая или философская грамматика, как наука, относящаяся к языкам «всего рода человеческого».

Соз.: Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия. Ч. 1—4. СПб., 1815—1822; Военное красноречие, основанное на общих началах словесности... Ч. 1—3. СПб., 1825; Аналитическая филология о составе и образовании русского языка. СПб., 1859.

Лит.: Григорьев В. В. 111, с. 20.

ТОЛСТОЙ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ (1(13).3.1823—25.4(7.5).1889). Родился в Петербурге; получил образование в Царскосельском лицее (1843), служил в департаменте духовных дел Министерства внутренних дел, Морском министерстве, затем в Министерстве народного просвещения (1853—1864); стал доктором философии Лейпцигского ун-та за труд по истории католицизма в России; с 1865 г. — обер-прокурор Святейшего Синода, совмещал эту должность (с 1866 по 1880 г.) с должностью министра народного просвещения; с 1882 по 1889 г. — шеф жандармов, президент и почетный член Академии наук.

В либеральных и демократических кругах русского общества XIX в. Т. слыл стражем дворянской реакции. В советской историографии квалифицировался как один из столпов политической реакции 80-х гг. XIX в. Оснований для таких оценок больше чем достаточно. Однако в истории народного образования, в частности российских университетов, деятельность Т. нельзя оценивать как однозначно реакционную. Т. — апологет отсталого продворянского сословного принципа в систе-

ме образования, но он вместе с тем был сторонником «европеизма» в этой системе в большей степени, чем, скажем, знаменитый автор триединой формулы «православие, самодержавие, народность» С. С. Уваров. Хотя Т., как и Уваров, требовал перестать быть «обезьянами» Европы, «ее мишурными подражателями», с гордостью декларировал: «Прежде всего я Русский», он столь же открыто признавал, что именно желает «величия России в европейском смысле». Рассказывая о своих первых шагах «в борьбе за русское просвещение», когда стоял вопрос: «Идти ли России по широкому пути, проложенному европейской цивилизацией, в том направлении, которое произвело великих ученых и государственных людей, или же по тем неведомым, неиспытанным тропинкам, которые предлагали наши доморожденные утописты», Т. под «громкие, оглушительные одобрения и крики браво, долго не умолкавшие» (как сообщали издатели речей Т.) признал, что выбрал первый путь. Т. публично провозглашал тезисы: России «необходима система, господствующая во всем цивилизованном мире», «Петр Великий и Екатерина «создавая новые учреждения, не замыслили ни нового флота, ни новых государственных форм: они брали испытанное и верное из европейской практики»; «Примем же и мы всемирную цивилизацию всецело...». Такие идеологемы представителей правящей элиты не могли не оказывать сдерживающего влияния на распространение в российских университетах ура-патриотических, славянофильско-почвенных взглядов, а также не могли не способствовать сохранению и упрочению идейных связей с западноевропейской культурой, с философией в частности. В числе трудов Т. по истории России есть не потерявшие ценности труды по истории народного образования в России, например, по истории первого в России ун-та — Академического ун-та в Петербурге при тогдашней Академии наук.

Соз.: *Le catholicisme romain en Russie.* Paris, 1863 (на рус. яз.: Римский католицизм в России. Исторические исследования. Т. 1—2. СПб., 1876—1877); *Речи и статьи.* СПб., 1876; *Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г.* СПб., 1885; *Академический университет в XVIII столетии.* СПб., 1885.

Лит.: Граф Дмитрий Андреевич Толстой. СПб., 1889; **46**, т. 26, с. 50.

ТРАЧЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ (1838—1906). Родился в Ставропольской губ.; окончил Московский ун-т, в 1864 г. защитил магистерскую диссертацию по истории; с 1863 г. — преподаватель кандидатских классов Московского Николаевского ин-та; в 1877 г. защитил

докторскую диссертацию и был избран ординарным профессором Новороссийского ун-та в Одессе (1878—1890).

Специалист по всеобщей истории Т. неоднократно поднимал в своих статьях методологические проблемы этой науки. Он видел своего врага, с одной стороны, в грубом эгоизме и материалистических стремлениях, с другой — в метафизическом идеализме, в умозрительной философии первой половины XIX в., которая напоминала ему схоластику. Этот идеализм, как и всякая метафизика, был-де враждебен идее прогресса, он проповедовал застой. Это мировоззрение проникло в искусство под видом эстетической теории, в историю под именем философии истории, в естествознание под покровом натурфилософии. Но история, по Т., — прирожденный враг метафизики, и метафизика пала. Повсюду проник исторический метод: мифологию и теологию сменила история религии, эстетику — история литературы и искусства, догматическую философию — история философии. Идеалом для Т. является новая положительная философия. Под этим углом зрения Т. предостерегал от бесконтрольного влияния «германизма», поскольку-де немцы более, чем французы, англичане, итальянцы и американцы, склонны сбиваться к метафизике, которая, например у Э. Гартмана, выступает в новом, соблазнительном покрове реальных знаний. Т. убеждал, что «смелые умы» вроде Геккеля уже выработали новое мировоззрение на началах положительной науки. Эволюционная теория силится обнять все познаваемое и доставить умам философский монизм. Такому мировоззрению соответствует научный, или реальный, взгляд на историю; основанием его служит убеждение, что нравственный мир так же подчиняется законам, как и мир физический, и задача истории состоит в открытии этих законов путем научного сравнения. Реальный взгляд на историю начал подготавливаться с Бэкона. Известная доля влияния принадлежит позитивизму Конта и Милля. Классическое значение для выработки облика новой науки имеет социология Спенсера.

Сог.: О современных задачах исторической науки // Беседа. 1871. Кн. 11; Рец. на кн.: Rocholl. Philosophie der Geschichte, 1878 // Северный вестник. 1878. От 8 и 9 февраля; Современные задачи исторической науки. Одесса, 1879; Попытка применения эволюционной теории к археологии. Одесса, 1889; Всеобщая история. СПб., 1903.

Лит.: Маркевич А. И. 266, с. 202—203.

ТРЕДИАКОВСКИЙ ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ (22.2(5.3).1703—6(17).8.1768). Родился в Астрахани в семье священника; начальное образование получил у астраханских капуцинов аскетического ответвления

католического монашеского ордена францисканцев; против воли отца сбежал из дому, побывал в Голландии; в 1723 г. поступил в Московскую Славяно-греко-латинскую академию, которая тогда была известна как Законоспасское или Спасское Законное училище; по утверждению начальства, из училища бежал в 1725 г. в Голландию под покровительство посланника графа И. Г. Головкина и обучался французскому языку; в конце 1727 г. оказался в Париже, где его взял под опеку кн. А. Б. Куракин; в Сорбонне изучал математику, философию и богословие; по возвращении на родину занимался стихотворством и переводами. В 1732 г. получает приглашение Академии наук заняться переводами, а в 1733 г. окончательно поступает на службу в Академию с титулом секретаря Академии и с обязанностями заниматься русским языком, переводами и «давать лекции»; в 1743 г. стал профессором «латинской и российской элоквенции»; в качестве администратора участвовал в наборе кандидатов в студенты при АН; некоторое время читал лекции; в 1748 г. стал секретарем «исторического собрания», при котором была сосредоточена деятельность Академического ун-та, и участвовал в обсуждении устава ун-та; в марте 1759 г. был уволен из Академии по собственному желанию, обоснованному болезнью и оказался на старости лет без средств к существованию.

В справочный энциклопедический словарь под редакцией А. В. Старчевского попало очень обидное для Т. и не соответствующее действительности замечание: он-де «оставил по себе память трудолюбивой, но самой бестолковой бездарности». Многие в Академии относились к нему с неприязнью, что Т. объяснял тем, что протестовал против «предпочтения иноземцам перед природными русскими». Были, однако, к Т. претензии и теоретического характера (у Ломоносова, например). Но при всех своих недостатках Т. делал немало хорошего и для русской литературы, и для становления в России университетской науки и философии. Скромно оценивая свою переводческую деятельность, Т. признавал, что в нем самом преобладает способность жить чужим умом, нежели своим. Но для первой половины XVIII в. было исключительно важно для России познакомиться с достижениями «чужого ума» и освоить их. Некоторые переводы Т. оказались полезными. Т. перевел с французского очень популярный в XVIII в. трактат «Истинная политика знатных и благородных господ» (изд. 1737, 1745, 1765, 1787), написанный в духе «философии гражданской» (Т. первым ввел в русскую литературу это понятие). В качестве «профессора и члена Санкт-Петербургской Академии Наук» Т. фигурирует на титульном листе своего перевода «Жития канцлера Франциска Бэкона» (1760). Т. перевел одну из исторических работ Вольтера (правда, заменив его имя псевдонимом).

Все, что написал Т. о русском языке и русской истории, было пронизано патриотической идеей: он писал о «первенстве» славянского языка над «тевтонским», был поборником идеи славянского происхождения варягов на Руси, выступал противником сторонников норманизма Байера и Г.-Ф. Миллера, хотя признавал, что диссертация Г.-Ф. Миллера «вероятнее других систем» о начале имени Россиян. Не боясь жить «чужим умом», Т. и в сфере философии («Слово о мудрости, благоразумии и добродетели») высказался за «любомудрие эклектическое, за философскую концепцию, построенную на заимствованиях из Вольфа и Декарта, Аристотеля и Платона и т. д. (подробнее см. выше, с. 60–62).

Сог.: Сочинения, т. 1–3. СПб., 1849.

Лит.: Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума // Западный сборник. Т. 1. М.; Л., 1937; Серман И. В. Тредиаковский и просветительство (1730-е годы) // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5; Штамбок А. 530, т. 5, с. 255; Шохин В. 414, с. 511–512; Артемьева Т. В. 14, с. 268–272; 470, т. 10, 1848, с. 424.

ТРЕТЬЯКОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ (1735–1775). Родился в Твери в семье священнослужителя; окончил Тверскую семинарию и в 1761 г. поступил в Московский ун-т; вместе с Десницким был послан в ун-т г. Глазго (Шотландия), где получил степень доктора права; по возвращении на родину был утвержден в 1768 г. в звании экстраординарного профессора по кафедре римского права.

Проблемы философии Т. затрагивал в своих трудах мимоходом, опираясь на труды Гейнекия и Бруккера. В частности, Т. обращал внимание на «многообразие» предмета философии и решений, предлагавшихся древнегреческими философами (одни констатировали бессмертие души, другие — ее уничтожение вместе с телом; одни считали, что «свет сей» управляется Божиим провидением, другие доказывали его создание и управление случаем и механическим действием; а некоторые «такие дерзкие утверждения вводили в свою философию, по которым неприличные к помышлению дела достойными философа доказывали»). Примечательно, что Т. был сторонником аристотелевской логики, полагая, что труд тех, кто «поныне» принимается писать «свои Логики», бесполезен, ибо Аристотель предмет этой науки так истощил, что «нынешним» нечего к нему прибавить.

В сфере права Т. испытал влияние метода знаменитого английского юриста XVIII в. У. Блэкстона, а также идей Адама Смита, в частности, историософской по значимости его идеи о причинах и роли разделения

труда в истории, о разделении людей на хозяев и работников вследствие разделения труда. Поднимал Т. также вопрос о «системе понимания истории» по восходящей и нисходящей ступеням. Т. — первый русский автор, специально занимавшийся историей ун-тов в Западной Европе.

Соз.: Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях. М., 1768; Слово о Римском правлении и о разных онога переменах. М., 1769; Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов. М., 1772.

Лит.: Коркунов Н. М. История философии права. 4-е изд. СПб., 1908; Бак И. С. Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова // Вопросы истории. 1954. № 9; Щипанов И. Я. 186, т. 2, с. 44–46 и 530, т. 5, с. 256–257.

ТРОИЦКИЙ МАТВЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1(13).8.1835–22.3(3.4).1899). Родился в Боровском у. Калужской губ. в семье дьякона; окончил Киевскую духовную академию, где затем работал учителем философии (1857), стал магистром (1858) и бакалавром (1859); служил в министерствах государственных имуществ и народного просвещения; с июня 1862 г. по октябрь 1864 г. — в научной командировке за границей; 31 мая 1867 г. защитил в Петербургском ун-те докторскую диссертацию; в том же году фак-т Харьковского ун-та избрал Т. на должность профессора философии, но еще раньше он был избран Казанским ун-том и утвержден министерством и поэтому не мог приступить к работе в Харькове, но и в Казани работал недолго; с 1869 г. по несколько лет проработал в Ун-те св. Владимира в Киеве и Варшавском ун-те, а в 1875 г. стал профессором Московского ун-та, сменив ушедшего в отставку Вл. Соловьева. Т. — инициатор создания журнала «Вопросы философии и психологии», основатель Московского психологического общества.

Первоначально, особенно в труде о немецкой психологии (1867), Т. выступил как позитивист, обличитель немецкой идеалистической метафизики и психологии, которую оценивал как нечто уродливое, чуть ли не бред испуганных голов. Немецкой Т. противопоставил английскую эмпирическую философию. Т. утверждал, что со времен Канта немецкая философия не сделала ни одного приметного шага сравнительно со школой Вэкона и Локка, школой Декарта и Лейбница, что немецкая философия духа стоит по методу ниже не только школы Ларомигьера, Руайе-Коллара и Жуффруа во Франции, но даже школы Кондильяка. «Грандов» немецкой философии Т. не жаловал: филосо-

фия Шеллинга, это, по его словам, Геркулесовы столбы метафизической мечтательности, философия Гегеля и его школы не представляет по содержанию ничего значительно отличного от философии Фихте и Шеллинга, Кант заимствовал-де свои идеи у Томаса Рида и т. д. Но постепенно Т. стал смягчать свою позицию. Во втором издании работы о немецкой философии он снял многие наиболее резкие высказывания в адрес немецкой философии. К концу жизни он уже далеко ушел от позитивизма и даже допускал возможность метафизики как знания об абсолютном.

Соз.: Субъективные тона // Библиотека для чтения. 1862. Кн. VII; О лекциях Куно Фишера, Фортлаге и Тренделенбурга // ЖМНП. 1862. Ч. 17; 1863. Ч. 118 и 119; Очерк чтений по метафизике проф. Лотце // Там же. 1863. Ч. 120; Из чтений по психологии проф. Дробиша // Там же. 1864. Ч. 122; Немецкая психология в текущем столетии. Исторические и критические исследования с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка. М., 1867 (2-е изд., вновь обраб. Т. 1—2. М., 1883); Программа истории философии // Варшавские университетские известия. 1871. № 3; Рец. на кн. Ф. Зеленогорского «О методах исследования» // Критическое обозрение. 1879. № 1; Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа. Т. 1—2. М., 1882; К. Д. Кавелин — страница из истории философии в России // Русская мысль. 1885. № 11; Учебник логики. Ч. 1—3. М., 1885—1888; Элементы логики. М., 1887.

Лит.: Сидонский Ф. О немецкой психологии Троицкого // ЖМНП. 1867. Ч. 134; Владиславлев М. И. Зависимость немецкой психологии от английской // Там же. Ч. 135; Страхов Н. Н. Английская психология // Отечественные записки. 1867. Сентябрь и декабрь; Кавелин К. Д. Немецкая современная психология // Вестник Европы. 1868. № I; Арх. Никанор. Позитивная философия. СПб., 1876. Ч. 1; Козлов А. А. О последнем сочинении проф. Троицкого «Наука о духе» // Русская мысль. 1883. № 4; Каринский М. И. Учебники логики М. М. Троицкого // ЖМНП. 1889. Ч. 6; В. К. Позитивизм в русской литературе // Русское богатство. 1889. № 3 и 4; Розанов В. Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии // ВФиП. 1890. Кн. 3; Ивановский В. Некролог М. М. Троицкого // Там же. 1899. Кн. 47; Он же. К характеристике М. М. Троицкого //

Там же. 1900. Кн. 52; Соловьев В. С. Три характеристики. М. М. Троицкий, Н. Я. Грот, П. Д. Юркевич // Вестник Европы. 1900. № 1; Белкин А. Матвей Михайлович Троицкий. М., 1900; 35, ч. 1, с. 177; Ueberweg F. 639, Bd 5, S. 339; Кондаков Н. И. 187, т. 4, с. 92–94; Петровский А. 530, т. 5, с. 258; Walicki A. 641, S. 520; Задорожнюк И. Е. 415, с. 520; Дембогурский М. 533, с. 596–597; Огурцов А. 414, с. 512–513.

ТРУБЕЦКОЙ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (23.9(5.10).1863–23.1.1920). Родился в Москве в княжеской семье; образование получил в гимназии и на юридическом фак-те Московского ун-та (1881–1885); после защиты диссертации *pro venia legendi* получил звание приват-доцента и с 1886/87 учеб. г. стал работать в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, затем перешел в Ун-т св. Владимира в Киеве; с 1906 г. — в Московском ун-те; магистр с 1892 г., доктор философии с 1896 г.; после Октября 1917 г. — в рядах белогвардейской Добровольческой армии; скончался в Новороссийске незадолго до эвакуации белых с Кавказа.

Преодолев первоначальное увлечение позитивизмом, Т. под большим влиянием философии Вл. Соловьева выработал свою философскую концепцию, существенно отличающуюся тем не менее от соловьевской концепции. Единственный путь философии, по Т., — это древний диалектический путь Сократа и Платона: углубляясь в индивидуальное сознание, познавая самого себя, «я», доказывал Т., найду в основе своего представления и мысли вселенское и всеобъемлющее, всеединое сознание. Всеединое сознание есть то, что включает в себе абсолютную мысль обо всем; в основе мира лежит идея; абсолютная мысль — не только сущий смысл того, что есть, она вместе с тем — и Божий замысел о том, что должно быть. Весь мир во всеедином сознании существует через этот замысел. Проблема сводится к тому, как понимать божественную идею, или Софию: как субстанцию всего становящегося мира, посредницу между Богом и тварью, что имеет место у Вл. Соловьева и у Булгакова, или София — это неотделимая от Христа Божия мудрость и сила. В отличие от философов, оперировавших понятием «Абсолют», а не «Бог», Т. считал, что понятие абсолютного — это чисто априорная, умозрительная схема, тогда как представление Божества включает-де в себе богатое эмпирическое содержание.

В сфере гносеологии Т. делал акцент на недостаточность человеческого познания как рационального, так и эмпирического и на необходимость опереться на «мудрость религиозную». Полагая, что рационализм европейской мысли, достигший своего высшего развития в гегельянстве, дальше в своем развитии идти не может (Т. особенно полемизировал также с Кантом), он верил в скрытый для человека разум Все-

ленной и в его окончательную победу. Познание, по Т., — это откровение всеединого, безусловного, абсолютного сознания. Философия Т. в целом — это метафизика и гносеология Всеединого, или Безусловного.

В сфере философии истории, философии жизни и философии культуры Т. оказалась борьба, как бы мы сейчас сказали, «на два фронта» — против «крайностей космополитизма и национализма». Т. мечтал совместить пламенный патриотизм с дружеским отношением к другим народностям, с пониманием «чужого», уважения к нему и признанием его ценности. Будучи противником идей мессианства русского народа, «избранного» народа-богоносца, носителя «истинной культуры» при презрении к «гнилому Западу», Т. отстаивал идеал единства всемирной культуры в многообразных ее национальных выражениях. Жестко полемизируя со многими чуждыми ему течениями мысли, Т. старался оценить по достоинству все, что считал приближающимся к истине, даже в учении Маркса и Энгельса, по его мнению, есть «крупная доля истины» — признание удивительное, если учесть общий стиль философствования Т.

Соз.: Рабство в Древней Греции. Ярославль, 1885; Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Ч. 1—2. М., 1892—1897; Философия Ницше. Критический очерк. М., 1904; Лекции по истории философии права. М., 1907; Национализм и славянское единение // Московский еженедельник. 1910. № 27; Жизненная задача Соловьева и всемирный кризис непонимания // ВФиП. 1912. Кн. 114; Мирозерцание Вл. С. Соловьева. Т. 1—2. М., 1913; Война и мировая задача России. М., 1915; Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915; Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. М., 1917; Смысл жизни. М., 1918.

Лит.: Лопатин Л. Вл. С. Соловьев и кн. Е. Н. Трубецкой // ВФиП. 1913. Кн. 119, 120; 1914. Кн. 123; Бердяев Н. А. О земном и небесном утопизме // Русская мысль. 1913. Сентябрь; Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 343—350; Лосский Н. О. **253**, с. 196—205; Goerdт W. **610**, S. 553—556; Роднянская И., Хоружий С. **530**, т. 5, с. 260—261; Коган Л. А. **186**, т. 4, с. 68—69; Емельянов Б. В. **413**, с. 551—553; Иванов А. В., Алексеев П. В. **533**, с. 538—600; Хоружий С. **414**, с. 513—518; Фирсова Л. В. **415**, с. 522—523; Куратченко В. П. **227**, с. 73—77.

ТРУБЕЦКОЙ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (23.7(4.8).1862—29.9(12.10).1905). Родился в с. Ахтырка Московской губ. в княжеской семье; в

1874 г. поступил в 3-й класс Московской частной гимназии Ф. И. Креймана; в 1877 г. в связи с назначением отца калужским вице-губернатором перешел в Калужскую гимназию, которую окончил в 1881 г.; поступил на юридический, но вскоре перешел на историко-филологический фак-т Московского ун-та; по окончании ун-та в 1885 г. оставлен для подготовки к профессорскому званию; в 1886 г. сдал магистерский экзамен; с 1888 г. начал читать лекции в качестве приват-доцента; в 1890 г. защитил магистерскую диссертацию «Метафизика в Древней Греции»; в 1900 г. — докторскую «Учение о Логосе в его истории», получает звание экстраординарного, потом ординарного профессора; в 1900—1905 гг. — один из редакторов журнала «Вопросы философии и психологии»; в 1905 г. избран ректором Московского ун-та, но вскоре скончался.

Т. — сторонник философии прежде всего как метафизики, этой «святой святых философии», ее души. Это должна быть «новая», «критическая метафизика», коренным образом отличающаяся от метафизики «корифеев немецкого умозрения» Шеллинга и Гегеля, впавших в «оргию априорной фантастики». «Критическая метафизика» стремится понять мир как целое, объяснить универсальную связь вещей в ее отношении к разуму, к сознанию. При этом Т. стремился увязать метафизику с положительным научным знанием, полагая, что попытки отделить точное знание от умозрения, научную философию от метафизики, доказать несостоятельность метафизики не удалось. Шеллинга и Гегеля Т. упрекал за то, что они не различали-де достаточно конкретно «Абсолютное» и «его другое», что обусловило-де их отвлеченный идеализм. Им он противопоставлял слегка модернизированный теизм в виде учения о Боге как «живом Логосе», «всеедином Сущем». В сфере гносеологии Т. балансировал «между Сциллой рационализма и Харибдой антинаучного обскурантизма», сочетая понятийный аппарат рационалистической философии с постулатами мистического мировоззрения.

Гораздо более современной была методология историко-философского исследования Т. История философии представлялась ему как органическое целое, а философская истина как выражение множества разнообразных, даже противоположных систем — идеализма и реализма, материализма и спиритуализма, дуализма и монизма, эмпиризма и рационализма и т. д.

В сфере социальной философии, а также философии русской истории отчетливо просматриваются идеалы Т. как либерального консерватора, деятеля партии «мирнообновленцев». Протестуя против «мнимосамобытных начал» в духе «партии» кн. Мещерского или славянофилов, Т. защищал идеал универсальной, христианской, всечеловеческой куль-

туры, отвергая теократический идеал Вл. Соловьева, концепцию «Москва — Третий Рим», византизм и национальный мессианизм. При этом он исходил из примата задач в области культуры над задачами политическими. Последние мыслились лишь как средство осуществления задач культуры.

Соз.: О природе человеческого сознания // ВФиП. 1889. Кн. 1; 1890. Кн. 3; 1891. Кн. 6—7; Психологический детерминизм и нравственная свобода // Там же. 1894. Кн. 25; Этика и догматика // Там же. 1895. Кн. 29; Основания идеализма // Там же. 1896. Кн. 31—35; Вера в бессмертие // Там же. 1902. Кн. 63; 1903. Кн. 70; 1904. Кн. 71, 75; Метафизика в Древней Греции. М., 1891; Учение о Логосе в его истории. М., 1900; Собр. соч. Т. 1—6. М., 1906—1912.

Лит.: Колубовский Я. **210**, с. 573—574; Памяти кн. С. Н. Трубецкого // ВФиП. 1906. Кн. 81; Мелиоранский Б. М. Теоретическая философия С. Н. Трубецкого // Там же. Кн. 82; Сборник речей, посвященных памяти кн. Сергея Николаевича Трубецкого. М., 1909; Булгаков С. Н. Философия кн. С. Н. Трубецкого и духовная борьба современности // Два града. М., 1911. Т. 2; Лопатин Л. Современное значение философских идей кн. С. Н. Трубецкого // ВФиП. 1916. Кн. 131; Котляревский С. А. Мирозерцание кн. С. Н. Трубецкого // Там же; Рагинский Г. А. Религиозно-философские воззрения кн. С. Н. Трубецкого // Там же; Блонский П. П. Кн. С. Н. Трубецкой и философия. М., 1917; Яковенко Б. **582**, с. 73—77; Ueberweg F. **639**, Bd 5, S. 340; Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 331—343; Лосский Н. О. **253**, с. 196—205; Goerdт W. **610**, S. 550—553; Коган Л. А. **186**, т. 4, с. 64—68; Поляков А. **530**, т. 5, с. 261 и **532**, с. 666—667; Емельянов Б. В. **413**, с. 549—551; Алексеев П. В. **6**, с. 809—910; Гайденко П. **414**, с. 518—522 и **415**, с. 525—526; Филонова А. Г. **422**, вып. 2, с. 373—387; Куратченко В. П. **227**, с. 65—72; Дмитриев Т. А., Чубаров И. М. **11**, с. 59—75.

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (8.(20)1.1865—21.1.1919). Родился в Харьковской губ. в дворянской семье; окончил физико-математический факультет Харьковского университета и сдал экстерном экзамены на юридическом факультете; в 1894 г. защитил магистерскую диссертацию по политической экономии; с 1895 г. — приват-доцент Петербургского университета; в 1898 г. защитил докторскую диссертацию, но в следующем году уволен из университета за политическую неблагонадежность; в 1905 г. возвратился к преподавательской деятельности: читал лекции в

Петербургском ун-те, на Высших женских курсах, в Петербургском политехническом ин-те, Народном ун-те им. Шанявского в Москве; после Февральской революции 1917 г. некоторое время был министром финансов украинской Центральной рады, но вскоре отошел от политики, был профессором Киевского ун-та, деканом его юридического фак-та.

Экономист и социолог по преимуществу Т.-Б. занимал вместе с тем оригинальную позицию в сфере философии. Будучи «легальным марксистом» Т.-Б. существенно иначе, нежели другие «легальные марксисты» (Струве, Бердяев и Булгаков), представлял себе реформирование марксизма. Свою критику Маркса Т.-Б. считал направленной не против социальных идеалов Маркса. Он хотел содействовать их лучшему и более прочному обоснованию. Т.-Б. причислял Маркса к приверженцам гегельянства (по форме) и «самой слабой из философских систем» — материализма, «материалистической метафизики». Марксов исторический материализм понимал как разновидность философии истории, находил сходства между Марксом, с одной стороны, Фихте и Шопенгауэром — с другой.

Вся система общественной философии марксизма, по Т.-Б., проникнута принципиальным отрицанием этики. Классовая этика есть внутренняя невозможность. Аморализм марксизма — существенный элемент марксистской теории, поскольку признание морали несовместимо с материалистическим пониманием истории. Исходя из этого, Т.-Б. выступал за новое философское обоснование новой теории социализма. Т.-Б. соглашался с Форлендером, что вне этики нет социалиста и не может быть речи о социализме, но он не соглашался с немецким деятелем относительно возможности обогатить марксизм этической точкой зрения. Дополнить материалистическое понимание истории этикой Канта, считал Т.-Б., значит в корне разрушить стройность марксистской теории. Этическое обоснование социализма знаменует собой не дополнение марксизма, а его разрушение. Однако, разрушив марксизм, считал Т.-Б., необходимо использовать «драгоценный научный материал», который в нем содержится. Новую теорию социализма следует построить в огромной части из элементов марксизма, но общая связь их должна быть совершенно иной. Лозунгом современных социалистов должен-де быть: «Вперед, к созданию новой теории социализма!», а Кант и Маркс должны остаться позади, как пройденные этапы общественной мысли.

Соз.: Значение экономического фактора в истории // Мир божий. 1895. № 12; Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса // Научное обозрение. 1899. № 5; Теоретиче-

ские основы марксизма. СПб., 1905 (4-е изд. 1918); Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906; Основы политической экономии. СПб., 1909; 5-е изд., 1918; К лучшему будущему. Сб. ст. СПб., 1912; В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. СПб., 1913 (2-е изд. М., 1919); Социализм как положительное учение. Пг., 1918; Величайшая в мире коммунистическая организация (община духоборов). М., 1918; Нравственное миро-созерцание Достоевского. Одесса, 1920.

Лит.: Анциферов А. Н. Туган-Барановский. Харьков, 1919; Кондратьев Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923; Гольман М. Туган-Барановский. Л., 1928; Зверев В., Клушин В. 530, т. 5, с. 262—263; Татарникова С. Н. Туган-Барановский: В поисках новой соборности // Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия. 1990. № 1; Кувакин И. В. 415, с. 526—527; Иванов А. В. 6, с. 811; Филатов И. 414, с. 523—524.

ТУЛОВ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ (8.11.1814—1882). Родился в г. Гродно; с 1825 по 1832 г. учился в Житомирском уездном училище, затем в Волынской губернской гимназии; с 1834 по 1837 г. — на 1-м отделении философского фак-та Ун-та св. Владимира в Киеве; до окончания курса был послан учителем в Остёрское приходское училище; в 1839 г. получает степень кандидата философии за диссертацию на тему «Очерк исторического развития логики от Аристотеля до Гегеля» и направляется в Винницкую гимназию учителем русской словесности, но вскоре вызывается в Нежин для занятия кафедры словесности в Лицее кн. Безбородко; с октября 1844 г. — магистр, с декабря того же года — профессор; до 1853 г., когда Т. был назначен директором Немировской гимназии, а затем инспектором казенных училищ Киевского учебного округа, читал курсы теории поэзии и истории литературы.

Его биограф Н. Гербель утверждал, что «теоретическая система Т. есть несколько видоизмененная система Гегеля». Это очень неточная оценка. Из множества эстетик Т. выделял в первую очередь сочинение Вебера «Ästhetik in 20 Vorlesungen» (1835), «сочинение замечательное по верности и основательности взгляда на предметы искусства», книгу Жан Поля Рихтера «Vorschule der Ästhetik» (1804), «Эстетику» Вейсе (1830) и лишь затем «Эстетику» Гегеля, которая, по мнению Т., «заключает в себе очень много оригинальных, глубоких и верных идей об искусстве, но изложенных-де темно и неудобопонятно». Но на этом Т. не остановился. Со временем он стал ратовать за сближение психологии с физиологией, за изучение физиологических оснований психиче-

ских фактов в духе физиологии И. Мюллера и Лотце, считая при этом эстетику особой отраслью психологии. Научную отсталость эстетики стал объяснять тем, что физиология упорно отказывает ей в помощи. Но это не значит, что Т. развивался в направлении к объективной эстетике. Наоборот, в его взглядах возобладал субъективизм. Под влиянием Канта Т. считал обоснованными сомнения в реальности познания, в том, что познание — не призрак, не мечта нашей субъективной деятельности. Все наше знание, и в источнике своем — в ощущениях зрения, слуха, осязания, и в той форме, которую оно получает в мышлении, есть не более как игра наших субъективных сил, призрак, в реальности которого ничто нас не убеждает. И знание наше, и искусство, и понятие о долге и правде — «не более как игрушки, которыми мы забавляем себя среди невидимой нам и недоступной для нас действительности».

Соз.: О современном направлении изящной словесности на Западе Европы. Киев, 1850; Руководство к познанию родов, видов и форм поэзии. Киев, 1852; Об одном из современных направлений русской изящной словесности // ЖМНП. 1854. Ч. LXXXIII; О процессе поэтического творчества. Киев, 1881.

Лит.: Гербель Н. В. 91, с. 305—311.

ТХОРЖЕВСКИЙ КЛЕОТИЛЬД СТАНИСЛАВОВИЧ (4.6.1820—15.3.1854). Родился в старой аристократической польской семье в родовом имении Педынки Волынской губ.; учился в школе базилианцев в Любаре на Волыни, в старших классах Житомирской гимназии (до 1838 г.); Ун-те св. Владимира в Киеве; после закрытия ун-та на год в 1849 г. переведен в Казанский ун-т, который закончил со степенью кандидата; в 1844 г. защитил магистерскую, в 1844 г. — докторскую диссертацию.

Т. преподавал греческий язык и словесность короткое время и написал немного научных работ. Их особенностью является то, что почти все они связаны с философией Платона, что характеризует их автора как активного участника из университетской среды в проведении линии российских светских и духовных властей первой половины XIX в. на распространение и утверждение в России философии в духе платонизма.

Соз.: De Politia Timaeo Critia, ultimo Platonico ternione // Ученые записки Казанского ун-та. 1847. № 1; De Aristophanis Ecclesiastusis habita ratione republicae Platonis // Там же. 1855. № 3; Исследование о космической системе Платона // Там же.

Лит.: Шестаков С. П. 35, ч. 1, с. 178—179.

УВАРОВ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ (25.8(5.9).1786—4(16).9.1855). Родился в Москве. Службу начал в 1801 г. в Министерстве иностранных дел; в 1809 г. стал секретарем посольства в Париже, где увлекся востоковедением, особенно под влиянием так называемого «Наполеоновского ин-та в Париже». Написанный им «Проект Азиатской академии» сделал его известным, и он был назначен в 1811 г. попечителем Петербургского учебного округа; с 1818 г. до конца жизни — президент АН; с 1832 г. — заместитель (товарищ) министра народного просвещения, с 1833 г. — министр; ушел с этого поста, не соглашаясь с ретроградными мерами верховной власти по отношению к ун-там, предпринятыми в связи с революцией 1848 г. в Европе.

Деятельность У. в сфере образования была неоднозначной. При нем был открыт Ун-т св. Владимира в Киеве, вновь ученых стали посылать за границу, ослабили гонения в духе обскурантизма Магницкого; стали создаваться «реальные классы» для преподавания технических наук. У. говорил, что при нем русские ун-ты составляют нечто целое, соответствующее «требованию времени и видам правительства», переоценивая, правда, степень современности тогдашних российских ун-тов. Вместе с тем У. был преданным царю министром, проводившим в сфере образования продворянскую политику, осуществлял жесткий контроль над ун-тами и т. д. У. привел в 1833—1837 гг. в систему официальную идеологию в России, выдвинув триединую формулу «православия, самодержавия, народности» (правда, по утверждению М. С. Лунина, в конце 80-х гг. XVIII в. один профессор Московского ун-та поместил эту мысль «в учебной книжке для своих учеников». См.: *Лунин М. С. Сочинения и письма*. Пг., 1923, с. 42).

Уваровская «триединая формула» отнюдь не во всех элементах носила охранительный или реакционный характер. У. ставил официально-патриотическую цель: «исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространял в юных умах радушное уважение к отечественному». Но вместе с тем он не стоял на позициях крайнего антизападничества, ибо ставил еще и цель «приноровления» «общего всемирного просвещения к нашему народному быту». «Тройственное понятие православия, само-

державия и народности» противостояло всему, «что носило еще отпечаток либеральных или мистических идей», но оно предусматривало, что Россия является страной «возмужалою и достойною идти не *позади*, а по крайней мере *рядом* с прочими европейскими национальностями». «Народность не заставляет идти назад или останавливаться, она не требует *неподвижности* в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна».

Внутреннее расхождение установок уваровской идеологии приводила его к противоречивой политике в отношении к философии. Так, потворствуя гонениям на немецкую философию, У. приказал в 1834 г. вычеркнуть имя Шеллинга из статьи М. П. Погодина, готовившейся к публикации в «Журнале Министерства народного просвещения». Позднее же в этом журнале появлялись лестные для Шеллинга эпитеты, напр., «знаменитый корифей Германской философии». Бывший масон, У. негативно относился к современной идеалистическо-рационалистической, а тем более материалистической философии, но не был противником философии вообще, ориентируясь на христианский спиритуализм, заложенный «отцами церкви», получивший-де ряд видоизменений, став итальянской, испанской, французской, германской, славянской философией, но оставшейся прежде всего христианской. В духе так понимаемой философии У. писал и по проблемам «философии словесности».

Соз.: *Projet d'une académie asiatique.* St.-P., 1810; *Essai sur les mystères d'Elensis.* St.-P., 1812; О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813; О Гёте. М., 1833; *Etudes de philologie et de critique.* 2-me éd. Paris, 1843; Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. СПб., 1864; *Esquisses politiques et littéraires.* Paris, 1848; Общий взгляд на философию словесности. СПб., 1848; Совершенствуется ли достоверность историческая? Дерпт, 1852.

Лит.: *Погодин М. П.* Для биографии гр. С. С. Уварова // *Русский архив.* 1871. № 12; *Плетнев П. А.* Памяти гр. С. С. Уварова. СПб., 1855; *Панибратцев А. В.* 415, с. 529; *Cynthia H. Whittaker.* The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov. 1786—1855. De Kalb, III, 1984.

УЗНАДЗЕ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (20.12.1886(1.1.1887)—12.10.1950). Родился в с. Сакаша Кутаисской губ.; в 1896—1905 гг. учился в Кутаисской классической гимназии; окончил философский фак-т Лейп-

цигского ун-та, занимался, в частности, у В. Вундта и И. Фолькельта; в 1909 г. защитил докторскую диссертацию о мировоззрении Вл. Соловьева; в 1913 г. окончил экстерном историко-филологический факультет Харьковского ун-та; в советское время заведовал кафедрами психологии Тбилисского ун-та (1918—1950) и Кутаисского педагогического ин-та (1933—1942); был директором Ин-та психологии АН ГрузССР (1941—1960).

Соч.: Wladimir Solowiow. Seine Erkenntnistheorie und Metaphysik. Halle, 1909; Что такое теория познания // Народная газета. 1910. № 164; Индивидуальность и ее генезис // Там же. № 101, 102; Философские беседы // Колхида. 1911. № 4; Органическое мировоззрение // Прометей. 1918. № 3; Анри Бергсон. Тбилиси, 1920.

Лит.: Богоришвили А. 530, т. 5, с. 271—272. Алексеев П. В. 6, с. 817—818.

УЛЬРИХС ЮЛИЙ ПЕТРОВИЧ (ум. 1.1.1836). О его происхождении ничего неизвестно; в 1807 г. он был определен лектором немецкого языка в Московском ун-те; в 1811 г. стал адъюнктом, в 1817 г. — экстраординарным профессором по кафедре немецкого языка; в 1823 г. поменял профессию, став руководителем кафедры всеобщей истории и ординарным профессором всеобщей истории, статистики и географии; в 1832 г. уволился из ун-та и продолжил педагогическую деятельность в других московских учебных заведениях (Коммерческое училище и Московский воспитательный дом).

Для Имп. Воспитательного дома, готовившего воспитательниц, У. написал книгу под названием «Опыт энциклопедического обозрения словесных, исторических, естественных, математических и философских наук» как руководство для преподавания предмета «Энциклопедия». Философия в широком («пространном») смысле есть, по У., наука всех наук. В узком смысле — это умственная наука, основывающаяся на понятиях. Пределы философии — это пределы человеческого разума. Она занимается исследованием причин, связи и цели всего того, что может постигнуть ум. Философия в тесном смысле изучает предметы физического мира. Посредством философии человек познает самого себя, т. е. свою природу, свои силы и способности, цель и назначение своего существования. Она показывает его отношение к Творцу Вселенной, служит основанием для других наук, развивает разум. Изучение философии необходимо для истинного просвещения ума, для настоящего «ученого образования». Это — средство для утверждения в истинах веры и для усовершенствования нравственности. Философия

делится на теоретическую (умозрительную) и практическую (нравственную). К собственно философским наукам относятся: 1) пропедевтика теоретической философии, логика и метафизика, которые составляют теоретическую, или умозрительную, философию, 2) пропедевтика практической философии, нравоучение, естественное право и нравственное вероучение, относящиеся к практической, или нравственной, философии. Зная, что к теоретической философии причисляли антропологию, У. тем не менее отделил от философии «антропологические науки»: соматологию (учение о теле человека), психологию, эстетику, педагогику и политические науки.

Данное сочинение У. очень показательное для характеристики учебных книг по философии начала 20-х гг. XIX в., в нем видно стремление к синтезу самых разных философских идей. В многочисленной рекомендуемой литературе есть сочинения немецких философов: Фихте, Гердера, Круга, Канта, но вместе с тем и французская «Энциклопедия» Дидро, сочинения Кондильяка и Кондорсе. В числе литературы по логике также указаны разнохарактерные сочинения: француза Кондильяка, немцев Буле, Канта, Кизеветтера, Шульце, Якоба, Снеля и русского — Рижского; по практической философии указаны книги немцев Канта, Гарве, Шлейермахера, Эберхарда, Якоба, Фихте, Снеля, Рейнгарда, Реймаруса, Мендельсона, Гердера, англичанина Фергюссона, русского Цветаева. В списке авторитетов по антропологии рядом с Якобом фигурируют Бонне и Гельвеций. Но базовая установка у У. очень определена: «Только то достойно нашего познания, что согласно со священными истинами нашей веры».

Соз.: Опыт энциклопедического обозрения словесных, исторических, естественных, математических и философских наук. М., 1820; Лекции о сущности, образе представления и цели истории. М., 1823.

Лит.: Кудрявцев. 36, ч. 2, с. 509—511.

УМОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (4(16).2.1846—15(28).1.1915). Родился в Симбирске в семье военного врача, в 1867 г. окончил Московский ун-т и был оставлен для подготовки к профессорскому званию; с 1871 г. — приват-доцент, с 1875 г. — профессор Новороссийского ун-та в Одессе, с 1893 по 1911 г. — профессор Московского ун-та; основная профессия — физик, но вместе с тем его называли философом.

В XVII в., по У., определились два направления физического знания — ньютоновская и картезианская школы. Декарт поставил великую задачу — свести все естественные законы к законам механики.

XVIII в. вынес суровый приговор картезианскому учению. Оно оказалось бледным перед гениальными открытиями Ньютона и противоречащим новым научным фактам. Для ньютонианского направления характерно символическое мышление, тогда как для картезианского — рационалистическое. В современном естествознании У. усматривал соперничество двух направлений научной мысли, обнаружившееся в XVIII в., когда начался «отбой» по всей линии картезианского учения. Творения же Ньютона давали У. высочайшее удовлетворение своей ясностью и пластичностью. Отсюда — основная гносеологическая установка У.: основной гипотезой физического знания является предположение, что Вселенная рациональна, что законы природы «сообразованы» с законами мышления человека; но в познании, наряду с рациональной, одинаково законной является и символическая форма; наука, опирающаяся на факты, часто отвечает символами, не поддающимся рациональному объяснению; результаты познания зависят от устройства органов восприятия. Явления мира, прежде чем дойти до сознания человека, считал У., просеиваются как бы через сито, представляемое организмом, устройством органов человеческих чувств.

Соз.: Вопросы познания в области физических наук. М., 1894; Значение Декарта в истории физических наук. М., 1896; Предисловие к кн. Пуанкаре «Наука и гипотеза». СПб., 1904; Эволюция живого и задачи пролетариата мысли и воли. М., 1906; Что говорит человеку естественно-научная мысль: ее характерные черты и задачи. Б. м., 1910; Эволюция мировоззрения в связи с учением Дарвина // Карус Штерне. Эволюция мира. М., 1911. Т. 1; Характерные черты и задачи современной естественно-научной мысли. СПб., 1912; Собр. соч. Т. 3: Речи и статьи общего содержания. М., 1916.

Лит.: Багинский А. И. Очерки жизни и трудов Николая Алексеевича Умова. М., 1916; Дрентельн Н. Мировоззрение физика-философа // Русская мысль. 1917. № 7—8; Компанеец А. И. Борьба Н. А. Умова за материализм в физике. М., 1954; Гуло Д. Д. Н. А. Умов. М., 1971; Дорфман Я. Г. 186, т. 3, с. 417—419; Казютинский В. В. 186, т. 4, с. 151; Рыгина О. О. Концепция эволюции природы и человеческого общества Н. А. Умова // Русский космизм и современность. М., 1990; Алешин А. 414, с. 525—526; Казарян В. П. У истоков экологического мышления в России: экологическая философия Н. А. Умова // Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия. 1998. № 1. С. 77—89.

УСПЕНСКИЙ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ. Приват-доцент Московского ун-та, с основанием Пермского ун-та — на кафедре энциклопедии права и истории философии прав.

В сфере права У. — сторонник сочетания причинного и оценочно-нормативного метода. Оспаривал мнение П. Сорокина о том, что право следует рассматривать только с точки зрения причинной необходимости и поддерживал Б. А. Кистяковского, считавшего применимым в общественных науках и причинного, и оценочно-нормативного методов. Наука о праве, по У., имеет предметом юридические нормы. Занимался также общими проблемами этики: в Московском религиозно-философском обществе имени Вл. Соловьева прочел доклад «О компромиссах в морали». В Перми выступал на ту же тему, а также с докладом «Оправдание зла». У. — переводчик работы Фихте «О понятиях наукоучения».

Соз.: Идея прогресса в философии Бл. Августина // ВФиП. 1916. Кн. 132—133; Эмиль Ласк (некролог). М., 1915; О дружбе как добродетели политической (к вопросу о социалистической солидарности). М., 1916; Юридические нормы как предмет знания // Юридический вестник. 1917. Кн. 17 (1).

УСТРЯЛОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (псевд. П. СУРМИН) (март 1890—14.9.1937). С 1913 г. — приват-доцент Московского, затем Пермского ун-тов; деятель кадетской партии; после 1917 г. активно боролся с Советской властью; был министром в правительстве Колчака; с 1921 г. — в эмиграции, один из основных идеологов «сменовеховства»; в 1920—1934 гг. — профессор Харбинского ун-та; после возвращения в 1935 г. в Советский Союз — профессор Московского ун-та инженеров транспорта; в 1937 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и расстрелян.

Соз.: Политическая доктрина славянофильства. Харбин, 1925; Этика Шопенгауэра // Известия юридического фак-та. Т. IV. Харбин, 1927.

Лит.: Алексеев П. В. 6, с. 821; Кошарный В. П. 415, с. 612.

УСТРЯЛОВ НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧ (1805—1870). Профессор Петербургского ун-та; доктор философии с 1836 г., по основной специальности — историк.

У. не хотел размышлять о ходе истории вообще, о судьбе человечества. Историк России «без философских умозрений» достаточно-дела. «Для высших философских взглядов настанет свое время, впоследствии, когда узнаем свою историю». Но У. не отказался от формулировок общих идей об отечественной истории. Критикуя концепцию

Карамзина, усматривавшего в русской истории главным образом рост государственного могущества, У. доказывал, что история должна изображать постепенное развитие не государственной, а общественной жизни, переходы гражданственности из одного состояния в другие. При этом он верил в могущество личности в истории. В методологии истории у У. явно просматривается телеологизм, а в несколько завуалированной форме — ценностный подход. Прагматическим У. называл метод изучения истории с объяснениями, противопоставляя его чисто фактологическому, летописному изложению. Для достижения высокой цели истории нужно, по У., не только знание фактов. Факты должны быть приведены в стройную систему, где бы каждое явление было бы на своем месте как следствие предыдущего и причина последующего. Каждое событие вело бы к предполагаемой историей цели. Необходимо вникнуть в общий смысл истории, найти нить, связующую все явления. Разместить явления по мере важности, приравливая к общему историческому ходу. Перспектива необходима в истории, как и в живописи.

Соз.: О системе прагматической русской истории. СПб., 1836; Русская история. СПб., 1837—1841.

Лит.: Предтегеньский А. В. 348, т. 1, с. 321—323.

УШИНСКИЙ КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ (19.2(23).1824—22.12.1870(3.1.1871)). Родился в Туле в дворянской семье; учился в Новгород-Северской гимназии, с 1840 по 1844 г. — на юридическом фак-те Московского ун-та; в 1846 г. назначен исправляющим должность профессора Демидовского лицея (Ярославль) по кафедре энциклопедии законоведения; в 1850 г. У. перешел в Департамент духовных дел и иностранных исповеданий и в том же году возобновил педагогическую деятельность; с 1854 г. — преподаватель русской словесности и юридических предметов Гатчинского сиротского ин-та, инспектор его классов (1855—1859); в 1860 г. — редактор «Журнала Министерства народного просвещения»; в 1862—1867 гг. жил за границей.

У. — выдающийся теоретик педагогики в России, основанной на продуманных философских основаниях. У. не отвергал веры в «Творца природы и человеческой души», но был против узкого теологического воззрения, а вместе с тем против спекулятивного философского идеализма, а также философии позитивизма. Его философских противников олицетворяли Гегель, с одной стороны, Конт — с другой. В идеализме первого и в позитивизме второго проглядывал, по его мнению, «мертвящий глаз схоластики». Согласно У., философия должна быть посредницей между психологией и «науками природы». Такая филосо-

фия основывала бы постройку научного мирозерцания, с одной стороны, на фактах, добытых психическим самонаблюдением, и с другой — на фактах наблюдения над внешней природой. Иначе вышел бы или самый туманный и неопределенный идеализм, или столь же туманный и неопределенный материализм. Отправляясь от идеального воззрения Гегеля или от позитивной философии Конта, мыслитель одинаково удаляется-де от действительного знания. Отвергая монизм, У. признавал дуалистическое воззрение на человека единственно возможным и полезным для педагога. Монизм, как и вера в причинность, — основа науки. Дуализм, как и вера в личную свободу человека, — основа всякой практической деятельности, а следовательно, и воспитания. В антропологии У. признавал возможность существования души вне сознания и возможность узнать ее свойства лишь настолько, насколько они проявляются в сознании. Сознание есть свойство души, которое не может принадлежать ничему материальному, но которое начинает проявляться только при воздействии на душу внешнего мира. Сознание есть акт психофизический, не принадлежащий ни материи, ни душе, но вызываемый в душе впечатлениями внешнего мира. Что такое материя и душа сами по себе, мы не знаем, но всегда возможно во всяком акте сознания разделить влияние двух агентов — материю и душу.

Соз.: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. 12-е изд. Т. 1—2. СПб., 1911—1912.

Лит.: Головщиков К. Д. 109, с. 116—118; Сазонов В. М. Философские и социально-политические взгляды К. Д. Ушинского. М., 1949; Венгеренко Н. А. Философские и логические воззрения К. Д. Ушинского. Б. м., 1953; Сабун А. Я. Материалистический характер истолкования К. Д. Ушинским роли мышления в процессе познания. Б. м., 1953; Федгишин С. В. Ушинский о предмете и задачах логики. Львов, 1956; Он же. Ушинский о формах мышления. Львов, 1956; Днепров Э. Д. 46, т. 27, с. 166—167; Ярошевский М., 530, т. 5, с. 297.

ФЕДОТОВ ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ (1(13).10.1886—1.9.1951). Родился в Саратове в семье крупного чиновника; рано лишился отца; детство провел в Воронеже в бедности; в 1904 г. закончил 1-ю воронежскую гимназию и вместе с семьей возвратился в Саратов; в том же году поступил в Технологический ин-т Петербурга, но был оттуда исключен за участие в социал-демократическом движении; в Саратове состоял членом социал-демократической организации, вел активную революционно-пропагандистскую работу; был арестован и выслан летом 1906 г. за границу; до отъезда поступил на историко-филологический фак-т Петербургского ун-та; поскольку занятия в ун-те из-за революционных событий были прекращены, Ф. вернулся в Саратов; в Германии Ф. два года слушал лекции в ун-тах Берлина и Йены, участвуя одновременно в собраниях социал-демократов, за что был выслан из страны; в 1908 г. возвратился в Петербург и вновь приступил к занятиям в ун-те; по окончании ун-та был оставлен на кафедре средневековой истории; осенью 1912 г. получил звание приват-доцента, но преподавателем в ун-те стать не удалось, и Ф. поступил на работу в Публичную библиотеку; с 1913 г. преподавал историю в Коммерческом училище М. А. Шидловского; в 1914—1915 гг. собирал материал для магистерской диссертации; после революций 1917 г. Ф. продолжал работать в Публичной библиотеке, участвуя одновременно в кружке религиозной направленности; в 1920 г. Ф. перебрался в Саратов, где стал профессором ун-та; к этому времени в мировоззрении Ф. уже возобладало религиозное начало; в 1923 г. он возвратился в Петроград, а в 1925 г. уехал за границу, где стал преподавателем Богословского ин-та в Париже (1926—1940); участвовал в обновленческом Русском Христианском Студенческом движении; был близок к Н. А. Бердяеву; в 1941 г. Ф. покинул Францию, переехал в США, где работал в Свято-Владимирской академии (1943—1951).

Ф. очень мало связан с университетской философией в дооктябрьской России, но, учитывая его весьма специфическую идейно-философскую эволюцию после 1917 г., целесообразно зафиксировать тот факт,

что у него, как и у многих других будущих эмигрантов, дооктябрьское мировоззрение радикально отличалось от постоктябрьского. Участник социал-демократического движения с молодости Ф. до 1917 г. оставался политическим радикалом. В контексте эмигрантского периода с удивлением читаем его тексты, в которых говорится о социализме как одной из величайших сил, творящих историю, о «социалистической России», о росте империализма, обусловленном экономическим развитием и т. д. Собственно философией тогда Ф. занимался мало, но обозначил свою позицию как противник «крайнего, исключительного идеализма», который утверждает, что органы чувств не приносят нам никакого знания, что познание доступно только интеллекту, что тело — лишь послушное орудие души, а душа и тело не взаимодействуют. Приват-доцент Ф. дооктябрьского периода — одна из ярких иллюстраций для характеристики университетского образования в России начала XX в., в котором участвовали даже представители радикальных политических движений.

Соз.: Статьи 1911–1925 гг. // Собр. соч.: В 12 т. М., 1996. Т. 1 / Вступ. ст. С. Бычкова.

Лит.: Вольфович М., Ляликов Д. **530**, т. 5, с. 309–310; Кураев В. И. **415**, с. 533–534; Койшибаев Г. Т. **6**, с. 830; Довгий Т. П. Историософская концепция России в творчестве Г. П. Федотова. М., 1996 (дис.).

ФИЛЕВСКИЙ ИОАНН ИОАННОВИЧ (30.7.1865–?). Образование получил в земской народной начальной школе, Харьковском духовном училище, Харьковской духовной семинарии, Киевской духовной академии; был преподавателем в Киевском женском училище духовного ведомства, 3-й харьковской гимназии, Харьковском коммерческом училище, с 1904 г. — приват-доцент историко-филологического факультета Харьковского ун-та по кафедре истории церкви; участник религиозно-философских собраний, проходивших в Петербурге в 1901–1902 гг.

Деятельность Ф. — один из сравнительно немногих для университетского образования в России начала XX в. примеров привлечения к светскому образованию представителей духовно-академической среды.

Соз.: По поводу литературных толков о графе Л. Н. Толстом // Вера и разум. 1892. № 7; Философский аскетизм // Южный край. 1901. № 7103; Религиозно-философские воззрения Ф. И. Тютчева // Мирный труд. 1904. № 4; Культ науки и христианская религия // Вера и церковь. 1904. Т. 1 (разд. Библиография).

Лит.: 181, с. 303—306.

ФИЛИППОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (30.6(12.7).1858—12(25).6.1903). Родился в с. Окнино Звенигородского у. Киевской губ.; в 1878—1881 гг. учился на юридическом фак-те Петербургского ун-та, одновременно работал секретарем редакции народнического журнала «Русское богатство»; в дальнейшем — на физико-математическом фак-те Новороссийского ун-та в Одессе; в 1884 г. сдал экстерном экзамены за курс физико-математического фак-та Петербургского ун-та.

В молодые годы Ф. на некоторое время оказался под влиянием панславистской идеологии, редактировал журнал «Славянские известия». Отойдя от нее, стал приверженцем идеологии, близкой к легальному марксизму. Ф. — сторонник идеи целостного научно-философского мирозерцания. Исходил из мысли о том, что все философские системы, отделяющие себя от науки, отжили свой век. Эти метафизические учения являются тормозом, задерживающим развитие мысли, орудием регресса. Наиболее прославленные идеалистические системы XIX в. (Гегель, Шопенгауэр и др.) совершенно непримиримы с наукой. Отказавшись от мысли о философии как науки наук, Ф. ратовал за философию как специальную науку, как систему целостного научного мирозерцания, объединяющего важнейшие результаты научного знания. К этой цели стремилась-де положительная философия Конта, но ей был присущ излишний догматизм, она не исследовала границы познавательной деятельности. Иными словами, Ф. стремился соединить Конта с Кантом, с тем чтобы научное мировоззрение было не собранием догматов, а критической системой. Во многом не потеряли актуальности труды Ф. по истории философии, особенно русской.

Соз.: Борьба за существование и кооперация в органическом мире // Мысль. 1881. № 3; Социологические идеи Огюста Конта // Век. 1883. Кн. 1; Паскаль, его жизнь и научно-философская деятельность. СПб., 1891; Леонардо да Винчи как художник, ученый и философ. СПб., 1892; Лейбниц, его жизнь и деятельность: общественная, научная и философская. СПб., 1893; Эм. Кант. Его жизнь и философская деятельность. СПб., 1893; Философия действительности. Т. 1—2. СПб., 1895—1898; Наука и философия // Научное обозрение. 1895. № 1; Социологическое учение К. Маркса // Там же. 1898. № 1; О философии чистого опыта // Там же. № 5; 1: Конт и его метод. 2: Огюст Конт и Клотильда де Во. СПб., 1898; Популярные лекции по истории философии. СПб., 1901; Психология человека. СПб., 1902; Новый идеализм // Научное обозре-

ние. 1903. № 3, 4; История философии. СПб., 1903; Логика. СПб., 1903; Судьбы русской философии. Ч. 1 и 2. СПб., 1904.

Лит.: *Ueberweg F.* 639, Bd 5, S. 339; *Шкуринов П. С.* Позитивизм в России XIX в. М., 1980; *Филиппов Б. М.* Тернистый путь. Жизнь и деятельность русского ученого и литератора М. М. Филиппова. М., 1982; *Пухир В. М.* 415, с. 540–541.

ФИЛОМАФИТСКИЙ АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ (17(29).3.1807–22.1(3.2). 1849). Родился в с. Малахово Романовского у., ныне Ярославская обл. По окончании Харьковского ун-та (1828) был направлен в Профессорский ин-т при Дерптском ун-те в числе 20 студентов и кандидатов, собранных из всех русских ун-тов; в 1833 г. получил степень доктора медицины; стажировался в Берлине в лаборатории знаменитого немецкого естествоиспытателя Иоганнеса Мюллера; в дальнейшем – профессор физиологии и сравнительной анатомии Московского ун-та.

Отвергая умозрительный способ исследования «так называемых натурфилософов» (имелись в виду Шеллинг, Велланский и др.), Ф. высказывался за «путь опыта и наблюдения» как основной метод в естествознании.

Соз.: Первая лекция по физиологии // Избр. произв. русских естествоиспытателей первой половины XIX века. М., 1959; О проявлении жизни во всех царствах природы. М., 1844; Физиология. 2-е изд., М., 1844.

Лит.: 470, т. 2, с. 116; 424, т. 21, с. 128; *Коштоянц Х. С.* Очерки по истории физиологии в России. М.; Л., 1946; 530, т. 5, с. 331–332.

ФИНКЕ ИОАНН ХРИСТОФОР (ИВАН АРНОЛЬДОВИЧ) (1773–17.9. 1814). Родился в Геттингене; окончил там гимназию и ун-т, получил степень доктора права; ряд лет занимался юридической практикой; в 1809 г. назначен в Казанский ун-т профессором естественного, политического и народного права; был первым деканом нравственно-политического отделения.

«В главном начале» Ф. относил себя к последователям Канта; в силу стечения обстоятельств особую роль он сыграл как автор труда по естественному праву, выступавшему в качестве «метафизики» всех остальных отраслей права. В книге Ф. по естественному праву содержались обычные для таких трудов тезисы о том, что всякое общество основывается на «договоре соединения», которое происходит от соединения воли многих к достижению общей цели, что один человек не имеет

права ограничивать поступки других против их воли, исключая случаи, когда будут нарушены его права. Комментируя эти фрагменты книги, Магницкий заметил: «Совершенно революционные начала!» В той же книге Магницкий «выявил» «возмутительные мнения о власти царской» и другие «опасные» мысли.

Соз.: Естественное частное, публичное и народное право / Пер. с нем. Казань, 1816.

Лит.: Булиг Н. Н. **56**, ч. 1, с. 45—61; Загоскин Н. П. **142**, т. 1, с. 246—250; **424**, т. 21, с. 14.

ФИШЕР АДАМ АНДРЕЕВИЧ (1799—1861). В 1816 г. окончил Кременьстерский иезуитский лицей, в 1813 г. совершенствовал образование в Венском ун-те; после возобновления деятельности Петербургского Главного педагогического ин-та, на базе которого в 1819 г. был образован ун-т, Ф. стал профессором этого ин-та, а затем и ун-та; в 1843—1853 гг. — профессор Петербургской духовной академии.

В записке министра просвещения П. А. Ширинского-Шихматова Николаю I в связи с закрытием в 1850 г. кафедр философии в русских ун-тах и ограничением преподавания философии логикой и метафизикой, причем только профессорами богословия, Ф. был противопоставлен Фихте, Шеллингу и Гегелю как образец приемлемой для правительства философии. С тех пор Ф. приобрел репутацию «типичного представителя правительственной философии николаевской эпохи» (Колубовский). Философские взгляды Ф. дают возможность представить суть той философии, которую правительство терпело в ун-тах в 20—40-х гг. XIX в.

Ф. преподавал психическую антропологию, логику, метафизику и нравоучительную философию, «по собственным своим записям, следуя системе Платона и Канта», как говорилось в отчете, опубликованном в 1834 г. в официальном журнале Министерства народного просвещения. Более конкретно пособия у Ф. выглядели так: в психической антропологии Ф. пользовался сочинениями Каруса, Фриза, Шульце, Гейнрота, Т. Рида и Христиана Вейсе; в философии — работами Клейна, Шлейермахера, Шмита, Шефтсбери и Д. Стюарта, в эстетике — «теорией искусства» Бахмана, работами Жана Поля Рихтера, Гемстергинса, Бутервека и их последователей. Когда Ф. стал преподавать философские дисциплины в Духовной академии, то он опирался на Якоби, на принятый в Австрии учебник Эрлиха, на работы профессора Трирской епископской семинарии Биунде (в опытной психологии).

Такой синтетически-синкретический, эклектический подход приводил к тому, что взгляды Ф. представляли пеструю смесь рациональных

идей, более или менее соответствовавших тогдашнему уровню философской науки, и идей явно отсталых, ретроградных. Ф. — защитник права философии на существование и преподавание, критик представлений о философии как занятии пустом и бесплодном. Ф. признавал только ту философию, которая, по его мнению, служила «благотворным щитом», предохраняющим от гибельных следствий «лжеобразования» «дряхлающей Европы». Он публично высказывался о благотворном влиянии на науку «духа глубокого умозрения», со времен Канта оживившего немецкую философию, «всю область мышления». Ф. настойчиво критиковал «злоупотребления» в умозрениях, стремление к созданию априорных систем, неуважение ко всему «опытному». Допустима, по Ф., только философия, признающая авторитет божественного Откровения, философия, представленная в блеске Откровения. Основанием философии является не только уважение к религии, но также «непоколебимая верность Монарху и безусловное подчинение существующим законам». Правительство, доказывал Ф., имеет все основания «смотреть» «за публичным преподаванием философии с большею строгостью, чем другие», ибо философия судит об общественном порядке и религии, о законодательстве и политике, о правах и обязанностях человека, об основаниях всякой власти. Философия вместе с религией «готовит роду человеческому честных и добродетельных граждан, христианству — верующих просвещенных и чистых сердцем, Монарху и отечеству — граждан верных и преданных». Распространением «здравой философии», утверждал Ф., правительство надеется разоблачить «отвратительное чудовище» — псевдофилософию, прежде чем она успеет осквернить Россию. Исторический парадокс состоял в том, что даже такие рептильные взгляды не убедили правительство Николая I, и в 1850 г. университетская философия подверглась очередному погрому.

Сог.: Начертание логики. СПб., 1833; О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия // ЖМНП. 1835. № 1; О новейшем естественном праве // Там же. 1836. № 11; Введение в опытную психологию. СПб., 1839; Взгляды на психологическую теорию чувственного восприятия. СПб., 1840; О сущности философии и отношения ее к положительному авторитету. Из введения в теоретическую философию. СПб., 1845; Вступительная лекция теоретической философии // ЖМНП. 1843. Ч. 47.

Лит.: Григорьев В. В. 111, с. 88—90, 137—138; 424, т. 21, с. 150; Шпет Г. Г. 559, с. 138—144.

ФЛОРОВСКИЙ ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (28.8(9.9).1893—11.8.1979). Родился в Елизаветграде в семье священника; в 1911 г. окончил Одесскую гимназию, в 1916 г. — Новороссийский (Одесса) ун-т, с 1916 по 1919 г. преподавал историю и философские дисциплины в Одессе; в 1919 г. эмигрировал в Болгарию; в 1922—1926 гг. жил в Праге, где в 1923 г. защитил диссертацию на тему «Историческая философия Герцена»; стал приват-доцентом Русского юридического ин-та; с 1926 г. работал в Православном богословском ин-те в Париже; годы Второй мировой войны провел в Югославии; в 1948 г. переехал в США, где был профессором, затем деканом св. Владимирской Православной богословской академии, преподавал в Колумбийском, Гарвардском, Принстонском ун-тах.

В дооктябрьский период Ф. только начал свою творческую деятельность и был недолго и непрочно связан с университетской философией. Одна из его ранних публикаций заслуживает быть отмеченной, поскольку она касается историографии русской философии. Речь идет об обзоре Ф. книг, посвященных Владимиру Соловьеву. Молодой Ф. исходил из мысли о том, что в научной литературе начала XX в. пробудился интерес к «явлениям русской философской мысли как самобытному моменту в истории мировой культуры, как важному фактору культурного развития русского общества». Среди русских самобытных философов если не по времени, то по глубине философской проницательности, по мощи и цельности философских замыслов и концепций Ф. выделил Вл. Соловьева и несколько проблем, связанных с изучением взглядов Вл. Соловьева (к 1911 г. появилось уже около 300 публикаций, посвященных русскому философу). Ф. в первую очередь счел нужным заявить, что увлечение Соловьева католицизмом было им сильно пережито, что оно займет одно из видных мест в истории «унионизма» (движения за воссоединение церквей), но что это увлечение Соловьев изжил. Полемизируя с точкой зрения, согласно которой Соловьев — католик, Ф. доказывал, что он был православным, что дух его философии — дух исконного греко-восточного православия, а идеи его философии — идея Богочеловечества, идея церкви, идея «цельного знания», «свободного всеединства» — внушены святоотеческой мыслью, раскрытой в эпоху Вселенских соборов отцами восточной церкви, сохраненной в византийском монашестве, у афонских психастов, проникшей на Русь через югославянские земли и ставшей содержанием философии первого русского самобытного мыслителя Нила Сорского. От последнего Ф. протянул нить к Паисию Величковскому, к Оптиной пустыни, где скончался И. Киреевский, провел последние дни К. Леонтьев, отку-

да шло влияние на Гоголя, Толстого, славянофилов. В такой преемственности Ф. усмотрел «зерно философии» Вл. Соловьева.

Из большого перечня литературы о Соловьеве Ф. особенно акцентировал и осудил работу проф. А. И. Введенского, в которой тот утверждал, что всякий мистицизм находится в противоречии с христианским учением, что величайшим мистиком был антихрист, дьявол, который старается сделать «мистиками-мистицистами людей глубоко и искренне религиозных и высоко талантливых, напр. Вл. Соловьева». Общий вывод Ф.: сравнительное изучение доктрин ранних славянофилов и Соловьева, с одной стороны, и новейших течений западной философии, с другой — может сделать ясным, «насколько русские философы предварили западную мысль». Таким образом, молодой Ф. примкнул к историкам русской философии, которые настаивали не просто на идее самобытности русской философии, но и на ее превосходстве в каких-то отношениях над западной философией.

Соз.: Новые книги о Владимире Соловьеве. Одесса, 1912.

Лит.: Георгий Флоровский — священнослужитель, богослов, философ. М., 1995; Кырлежев А. И. 415, с. 588—590; Хоружий С. 414, с. 559—561; Койшибаев Г. Т. 6, с. 839.

ФЛЯКСБЕРГ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ. Приват-доцент Петербургского ун-та, магистр философии; с 1903 г. — приват-доцент, затем исправляющий должность профессора Варшавского ун-та.

Ф. — сторонник широкого понимания предмета философии, включающий в нее логику, психологию, теорию познания (гносеологию), метафизику, эстетику, философию религии, философию права, философию языка, философию истории, философию математики и философию естествознания. Предметы этих философских наук не совпадают-де с предметами других научных дисциплин. Соответственно Ф. возражал против преувеличения значения гносеологии, отождествления ее со всей философией, но был также против утверждений о том, что основная часть философии — это метафизика. Философия, по Ф., не должна строить свои положения на основах частных наук, но ни один из философов не может освободить себя от знания этих наук. Вопрос об отношении философии к религии Ф. решает в духе Канта, размежевывая область знания и веры. В рамках такого понимания философии Ф. преподавал логику, толкуя ее как науку, изучающую правильное мышление. В соответствии с таким расширительным пониманием предмета и задач логики Ф. включал в логику элементы онтологии и метафизики, гносеологические (вопрос о критериях истины) и методологические (учение о главных методах наук) проблемы.

Соз.: Учение Канта о математике. Варшава, 1901; Философия Канта. Варшава, 1904; Лекции по логике. Варшава, 1913; Лекции по психологии. Варшава, б. г.; Материалы к истории гносеологии. Очерк 1. Варшава, 1914.

ФОЙГТ КАРЛ ТЕОФИЛУС (КАРЛ АМВРОСИЕВИЧ) (1759 или 1760—13.6.1811). Родился в г. Лукау (Нижний Лаузиц, Саксония), учился в училищах на родине, затем в Лейпцигском ун-те; его служебная карьера оказалась сложной: он побывал адвокатом, чиновником в разных учреждениях; пять месяцев (1800—1801) был профессором на кафедре юриспруденции Дерптского ун-та, но по каким-то причинам оставил ее и получил в январе 1808 г. кафедру философии в Казанском ун-те, где в течение трех лет читал лекции по истории философии, логике, метафизике, нравоведению и психологии.

Ф. прослыл последователем философии Канта. Так, историю философии он читал, опираясь на труды Снеля. По мнению историков Казанского ун-та, деятельность Ф. оказалась бесследной. Примечателен биографический штрих: женат был Ф. на внучке знаменитого Л. Эйлера.

Лит.: Булиг Н. Н. 56, ч. 2, с. 34—35; Загоскин Н. П. 142, т. 1, с. 233—235; 35, ч. 1, с. 188—189.

ФОХТ БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ (10(23).3.1875—3.4.1946). В 1899 г. окончил естественное отделение физико-математического фак-та, в 1904 г. — историко-филологический фак-т Московского ун-та; в 1904—1908 гг. учился в Марбургском ун-те у неокантианцев Когена и Наторпа; с 1904 г. преподавал разные философские дисциплины на Московских Высших женских курсах, на женских педагогических курсах им. Д. И. Тихомирова; в советское время Ф. — известный философ, профессор с 1921 г.

О характере преподавательской деятельности Ф. свидетельствуют такие, например, данные: в 1913/14 учеб. г. Ф. на историко-философском фак-те Московских Высших женских курсов вел семинар на тему «Философия Платона» с акцентом на его логику и теорию познания (опираясь на труды Брандиса, Целлера, Боница, Кюнеманна, Гартмана, Альтенбурга, Наторпа) и семинар «Критика чистого разума» и «Прологомены» Канта (используя труды Куно Фишера, Кассирера, Когена, Борингера, Шульца). В 1914/15 учеб. г. вел семинар по истории этических учений, опираясь на работы Фалькенберга, Вундта, Челпанова, Йодля, С. Трубецкого, Хвостова и на 14-й сборник «Новые идеи в философии». В 1915/16 учеб. г. по теме семинара под руководством Ф. «Исто-

рия основных метафизических проблем в древней и новой философии — до Канта» использовались труды Таннери, С. Трубецкого, Виндельбанда, Лопатина.

Соз.: Памяти князя С. Н. Трубецкого. М., 1906; (О С. Н. Трубецком) // Сб. речей, посвященных памяти кн. С. Н. Трубецкого. М., 1909; Логика. Введение в философию. История древней философии. М., 1910; Предисловие к кн.: Наторп П. Философская пропедевтика (Общее введение в философию и основные начала логики, этики и психологии). М., 1911.

Лит.: Алексеев П. В. 6, с. 841; 530, т. 5, с. 397.

ФРАНК СЕМЕН ЛЮДВИГОВИЧ (16(28).1.1877–10.12.1950). Родился в Москве в еврейской семье врача. После переезда семьи в Нижний Новгород учился в местной гимназии, затем на юридическом фак-те Московского ун-та; участвовал в кружках народнического и «легально-марксистского» толка; в 1899 г. был арестован и выслан без права проживания в университетских городах; в том же году уехал за границу, где продолжил образование в ун-тах Гейдельберга и Мюнхена; после манифеста 1904 г. о свободе совести перешел в православие; в 1905–1906 гг. совместно со Струве редактировал журнал «Полярная звезда» либерально-кадетского направления; в 1912–1917 гг. — приват-доцент Петербургского ун-та; преподавал также на Высших женских курсах П. Ф. Лесгафта; в 1916 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Предмет знания»; подготовил докторскую диссертацию на тему «Душа человека», но в связи с революцией ее не защитил; в 1917–1921 гг. Ф. — профессор и декан историко-филологического фак-та Саратовского ун-та; в 1921 г. вернулся в Москву, где стал членом Института научной философии («Философского института»), созданного при фак-те общественных наук 1-го Московского государственного ун-та; в 1922 г. выслан из Советской России; жил в Германии, Франции, Англии, работал в Русском научном ин-те и Религиозно-философской академии; в 1931–1932 гг. читал лекции в Берлинском ун-те.

С ранних лет Ф. участвовал в общественно-политических движениях, но в дооктябрьский период он сложился как философ, преимущественно тяготевший к системному «университетскому» типу философствования. На фланге философского идеализма в России начала XX в. он занял своеобразную «центристскую» позицию. Хотя Ф. считал двусмысленным термин «онтология», предпочитая термины «первая философия», «единая теория знания и бытия», фактически он был сторонником идеи примата онтологии. Всякая философия, считал он, не

может быть ничем иным, как онтологией. Чтобы подняться над идеализмом и реализмом, имманентизмом и трансцендентализмом, он ввел понятие «металогическое единство» или «абсолютное бытие» и понятие «антиномичный монодуализм», предполагающий имманентность и трансцендентность Божества миру «совместно». Бытие, по Ф., — это конкретно-сверхвременное всеединство, единство всевременности и становления, или идеальности и реальности. Субъект не противостоит объекту, он знает объект в силу того, что слит с ним в своем бытии, где бытие и знание есть одно и то же.

Онтология Ф. — онтология виталистическая, противопоставляемая механическому миропониманию, дабы ограничить «притязания математически-логического анализа» в пользу «живого эстетического синтеза» и сблизить современную науку с античной.

Идея «всеединства» в толковании Ф. вызвала возражения: Лосский усматривал в ней пантеизм; Зеньковский впоследствии упрекал Ф. за то, что у него-де исчезла тема творения Богом «небывшего».

В соответствии с идеей примата «первой философии» (онтологии) Ф. отвергал стремление создать теорию познания как единственную общую философскую науку, заменяющую собой и онтологию, и натурфилософию, и философское учение о душе. Как и Бердяев, Ф. признавал только онтологическую гносеологию, но с тем отличием, что в дооктябрьский период он не подчинял гносеологию религии в той мере, в какой это делал Бердяев (а также Булгаков). В отличие от Бердяева, Ф. не мыслил себе философию как чисто спекулятивную, оторванную от конкретных наук дисциплину. Он упрекал Бердяева за то, что тот ослаблял принципиальную грань между верой и разумом, что приводило к поглощению религией всех остальных сфер духа и жизни. Ф. выступал за автономию этих сфер и их свободную иерархичность.

Идеалом для Ф. была философия, построенная на единстве философской традиции, соединявшей современную мысль с умозрениями Платона, Аристотеля, Плотина, Дионисия Ареопагита и Августина и платонизма эпохи Возрождения, главным представителем которого Ф. считал Николая Кузанского. Линию христианского платонизма Ф. тянул до Баадера и Вл. Соловьева, полагая, что вся линия платонизма, проходящая через всю европейскую философию, в принципе совпадает с умозрительной мистикой. Но Ф. отвергал чисто иррационалистические или интуитивистские модели философствования типа бергсоновского, а также философию славянофильского типа, отрицавшую западную философию и соединявшую философию с восточной мистикой.

Гносеологический «центризм» Ф. привел к тому, что интуитивист Лосский упрекал его за то, что Ф. не вполне избавился от дискурсивно-

го мышления, тогда как рационалист Лапшин критиковал его за то, что он занял промежуточную позицию между мистицизмом и рационализмом. Будучи сторонником цельного философского синтеза, Ф. понимал его как синтез бытия и ценности, природы и культуры, космического и человеческого.

Примечательной чертой философствования Ф. в дооктябрьский период была также его борьба против национализма в философии. По Ф., всякая культура и философия, вырастая на национальной почве, подспудно коренится «в слое общечеловеческой жизни духа и связана с развитием вселенского духа».

Соз.: Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд. СПб., 1900; Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» (Посвящается П. Б. С<труве>) // Проблемы идеализма. М., 1902; Культура и религия (по поводу статьи С. В. Лурье) // Русская мысль. 1909. Кн. 7; Новая книга Бердяева. Философская распря в марксизме (о кн. Бердяева «Духовный кризис интеллигенции») // Там же. 1910. Кн. 4; Прагматизм как философское учение // Там же. Кн. 5; О национализме в философии // Там же. Кн. 9; Еще о национализме в философии. Ответ на ответ В. Ф. Эрна // Там же. Кн. 11; Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910; Природа и культура // Логос. 1910. Кн. 2; Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. Пг., 1915; Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., 1917; Введение в философию в сжатом изложении. Пг., 1922; Очерк методологии общественных наук. М., 1922.

Лит.: Яковенко Б. **582**, с. 118–119; Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 391–412; Он же. Антропология С. Л. Франка // Из истории русской философской мысли XX века. Питсбург, 1968; Лосский Н. О. **253**, с. 339–372; Памяти С. Л. Франка. Мюнхен, 1954; Ильин И. А. Семен Людвигович Франк и его место в русской философии // Вестник РСХД. 1966. № 172; Барбанов Е. **530**, т. 5, с. 398–399; Редлих Р. Н. Социальная философия С. Л. Франка. Франкфурт-на-Майне, 1972; Коган Л. А. **186**, т. 4, с. 80–82; Некрасова Е. Н. С. Л. Франк (Метафизика человеческого бытия). М., 1983 (дис.); Она же. **414**, с. 561–565; Goerdt W. **610**, S. 560–564; 641–663; Гайденок П. П. Мистико-пантеистическая диалектика (С. Л. Франк) // Идеалистическая диалектика в XX столетии. М., 1987; Ермигев А. А. **413**, с. 565–568; Голубкова Т. В. Историософия С. Л. Франка. М., 1994 (дис.); Завольская Г. Н. Проблема личности в фило-

софии С. Л. Франка. М., 1993; *Замалеев А. Ф.* 145, с. 267—268; *Резвых Т. Н.* Проблема реальности в философии С. Л. Франка. М., 1995 (дис.); *Алексеев А. П., Алексеев П. В.* 6, с. 841—843; *Кураев В. И.* 415, с. 591—592; *Ермигев А. А.* С. Л. Франк — философ русского мировоззрения // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996; *Он же.* Франк // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. Т. 1. Писатели русского зарубежья. М., 1997; *Тимошенко С.* Религиозно-философская антропология С. Л. Франка. М., 1997 (дис.); *Куренной В. А.* 11, с. 174—178.

ФРИЧЕ ВЛАДИМИР МАКСИМОВИЧ (15(27).10.1870—4.9.1929). Родился в Москве; окончил в 1889 г. Петропавловскую немецкую гимназию; затем в 1894 г. — историко-филологический факультет Московского университета; был оставлен для приготовления к профессорскому званию; в 1904 г. сдал магистерский экзамен, получил звание приват-доцента, начал читать лекции в Московском университете; в 1905 г. сближается с большевиками, а в 1909 г. прервал университетское преподавание и уехал в Италию; в 1917 г. вступил в партию; в 1920 г. возобновил преподавание, став профессором 1-го МГУ; был также руководителем разных объединений и научных обществ, в том числе председателем Российской ассоциации научно-исследовательских институтов по общественным наукам (РАНИОН).

Ф. принадлежит первый в России и на Западе курс истории европейских литератур, в которых предпринята попытка применить марксистский метод. Но в его трудах отчетливо просматриваются элементы вульгарного социологизма, и вряд ли случайно, что его другом был В. М. Шулятинов, известный крайне вульгарным социологизмом. В частности, Ф. «поучаствовал» в кампании по неправомерному сближению мировоззрения Чернышевского с марксизмом. Отвергая тезис о том, что Чернышевский был одним из родоначальников народничества, Ф. утверждал, что с гораздо большим основанием главу русских шестидесятников можно считать одним из предшественников марксизма, при этом Ф. опирался на книгу Ю. М. Стеклова о Чернышевском, публициста, социал-демократа, тоже склонного к вульгарному социологизму.

Но некоторые историко-философские обобщения Ф. были весьма глубокими. Так, Ф. акцентировал тот факт, что для участников сборника «Вехи» — бывших «легальных марксистов» — философия была не средством искать истину, а средством освобождения от социализма. Согласно Бердяеву, раньше он и его единомышленники использовали неокантианство для реформирования марксизма и для нового обоснования

вания социализма, а потом неокантианский и неофихтеанский дух стал для них орудием освобождения от марксизма и позитивизма. Ф. обратил внимание и на высказывание Бердяева о русской философии, которая-де в своей основной тенденции продолжает великие философские традиции прошлого и в ней еще жив дух классического германского идеализма.

Соз.: Философия одной дворянской семьи (по поводу столетнего юбилея гр. Джакомо Леонарди 29 июня 1898 г.) // Русская мысль. 1898. Кн. 6; От марксизма к идеализму (Из истории немецкой интеллигенции XIX в.) // Правда. 1905. Август; Социально-психологические основы натуралистического импрессионизма // Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. СПб., 1904; (Методологическое введение) // Художественная литература и капитализм. Ч. 1. М., 1906; Предисловие к первому изд. «Очерков по истории западноевропейской литературы» (1908); От Чернышевского к «Вехам». М., 1910; Г. В. Плеханов и научная эстетика // Плеханов Г. В. Искусство. Сб. ст. М., 1922; Очерки социальной истории искусств. М., 1923.

Лит.: Сакунин П. Н. Академик В. М. Фриче. Некролог. Л., 1930; Марксистское искусствознание и В. М. Фриче. М., 1930; *Мача И.* 530, т. 5, с. 415—416.

ФРОМАНН ИОАНН ГЕНРИХ (1729—1795). Выходец из Германии (из Штутгарта); в 1755 г. приглашен в открытый в этом году Московский ун-т на кафедру логики, метафизики и нравственной философии; некоторое время занимал должность инспектора обеих университетских гимназий; в 1765 г. отстранен от преподавания и возвратился на родину, где стал профессором философии Тюбингенского ун-та, защитив диссертацию «Structurae de statu scintiarum et artium in imperio Russo».

Ф. — первый из штатных профессоров философии Московского ун-та и первый организатор студенческих философских диспутов: 17 декабря 1765 г. под его руководством состоялся диспут, в котором участвовали студенты Петр Дмитриев (уроженец Москвы) и Егор Булатницкий (из Киева), которые выдвигали тезисы, а опровергали их студенты Антон Любинский (из Киева), Аввакум Рудаков (из Переяславля), Илларион Садовский (из Нижнего Новгорода) и Иван Федоров (из Суздаля).

Лит.: Терновский. 36, ч. 2, с. 536—537.

ХАНЕНКО МИХАИЛ ОСИПОВИЧ (1779—1839). Родился в Черниговской губ. в дворянской семье; в 1796—1805 гг. учился в академии в Киеве, затем до 1808 г. — в Московском ун-те, который окончил со степенью кандидата физико-математических наук; с 1811 г. — магистр философии и свободных наук; работал старшим комнатным надзирателем и учителем логики, риторики, поэзии, латинского языка и древностей в Благородном пансионе при Московском ун-те; с 1812 по 1839 г. — профессор древней и новой словесности и свободных наук Демидовского училища (Ярославль).

Соз.: Рассуждение о духе первобытной поэзии и о влиянии ее на нравы и на благосостояние народов. М., 1813.

Лит.: Головщиков К. Д. **109**, с. 177.

ХВОЛЬСОН ДАНИИЛ АВРААМОВИЧ (21.11(3.12)1819—23.3(5.4). 1911). Родился в Вильнюсе в бедной еврейской семье, учился в начальной, затем высшей школе Виленского раввина Гинсбурга, самостоятельно изучил немецкий, французский и русский языки; в 1841—1844 гг. жил в Бреслау (Вроцлав) и готовился к поступлению в тамошний ин-т; учился там до 1848 г.; в 1850 г. Лейпцигский ун-т присудил ему степень доктора философии; возвратившись в Россию, Х. перешел в православие; в 1851 г. стал членом Комитета Министерства народного просвещения для рассмотрения еврейских учебных руководств; в 1855 г. приглашен на кафедру еврейско-сирийской и халдейской словесности Петербургского ун-та; в 1856 г. избран членом-корреспондентом Академии наук; занимал кафедру еврейского языка в Петербургских римско-католической и православной духовных академиях.

В 1856 г. Х. опубликовал на немецком языке двухтомный труд «Die Sabier und der Sabismus» («О сабейцах и сабеизме»), который был высоко оценен западноевропейскими востоковедами. В своих работах Х. объяснял, в частности, философские сочинения, написанные еврейскими авторами на еврейском и арабском языках.

Соз.: Самосознание. Быков, 1901.

Лит.: Григорьев В. В. **111**, с. 278—280; **38**, т. 2, с. 305—306.

ХВОЛЬСОН ОРЕСТ ДАНИЛОВИЧ (22.11(4.12).1852—11.5.1934). Родился в Петербурге; сын Д. А. Хвольсона; гимназический курс проходил в частном заведении; в 1873 г. окончил математическое отделение физико-математического фак-та Петербургского ун-та; в 1876 г. защитил магистерскую, в 1880 г. — докторскую диссертации; работал сначала приват-доцентом, затем экстраординарным и ординарным профессором Петербургского ун-та; преподавал также в Техническом училище (впоследствии Электротехнический ин-т), на Высших женских курсах, в средних учебных заведениях; член-корреспондент АН с 1895 г.; почетный член АН с 1920 г.

Физик Х. — один из тех, кто фактически с конца XIX в. ратовал за союз естествознания и философии. В XIX столетии, считал Х., философия и естественные науки представляли два враждебных лагеря. Теперь времена полнейшей обособленности двух лагерей прошли навсегда. Философы стали обращать внимание на вопросы, составляющие предмет естественных наук. Неудачные экскурсии философов в естествознание делаются реже, а на философской ниве стал созревать интересный плод — экспериментальная психология. В другом лагере совершилась важная и глубокая эволюция. Возникло стремление к философскому разбору, в особенности основных начал науки, выяснилось огромное значение теории познания. На капитальный вопрос, был ли Кант посредником между философией и естествознанием, Х. ответил: с точки зрения физики — нет; посредник между философией и физикой должен быть и философом и физиком; Кант не был физиком; этот мыслитель ополчился сначала против метафизики, а закончил мистицизмом, родным братом той же метафизики.

Антиметафизическая ориентация Х. проявилась в его сугубо критическом отношении к материализму, который он считал «печальным плодом научного недомыслия». Явно неумеренная критика Х. материализма Геккеля вызвала излишне резкую отповедь В. И. Ленина, который назвал брошюру Х. «подлой» и «черносотенной», но не без оснований критиковал Х.

Хотя Х. отрицательно относился к Канту, он в духе кантианского агностицизма решал вопрос о границах познания. «Возможно, — думал он, — что проблема вселенной лежит безусловно за пределами вечных границ человеческого разумения и что навсегда останется — *ignotabitur*». За пределами человеческого познания, по Х., находятся проблемы конечности и бесконечности, пространства и времени, вопрос о разнице между живым и мертвым, проблема сознания и проблема свободы воли.

Соз.: Популярные лекции об основных гипотезах физики. СПб., 1887; Учение о движении и силах. СПб., 1890 (2-е изд. СПб.,

1893); Позитивная философия и физика. (Речь, читанная в публичном заседании Философского общества в Петербурге 7 марта 1898 г.) // Основные вопросы физики (Статьи и речи). Вып. 1. Л., 1926; Можно ли прилагать законы физики ко вселенной. СПб., 1910; Гегель, Геккель, Коссут и Двенадцатая заповедь. Критический этюд. СПб., 1911; Принцип относительности. СПб., 1914; Знание и вера в физике. Пг., 1915; Теория относительности А. Эйнштейна и новое миропонимание. Пг., 1922; Популярные статьи и речи. Берлин, 1923.

Лит.: **38**, т. 2, с. 307–310; Краткие биографические сведения и список трудов. Л., 1926; *Казютинский В. В.* **186**, т. 4, с. 146–147.

ХВОСТОВ ВЕНИАМИН МИХАЙЛОВИЧ (29.2.1868–5.2.1920). Родился в Керчи; окончил Александровскую гимназию в Керчи и юридический фак-т Московского ун-та (1889); магистр, затем доктор права; с 1895 г. преподавал право, философию и методологию истории, историю этики в Московском ун-те (до 1911 г. и после 1917 г.), на Высших женских курсах, в Народном ун-те Шаняевского; покончил жизнь самоубийством.

Круг философских интересов Х. сосредоточивался в сфере философии истории, социологии, философии права и этики. Одним из самых серьезных современных авторитетов в сфере философии истории Х. считал проф. Грейфсвальдского ун-та Э. Бернгейма. Свою концепцию Х. противопоставлял в первую очередь концепции В. Вундта и Н. Кареева. Оспаривал Х. и взгляд П. Барта, рассматривавшего философию истории как социологию.

В отличие от Кареева, различавшего теорию исторического знания и теорию исторического процесса, Х. обе эти сферы объединял под названием «теории исторического процесса» в широком смысле этого выражения, или «философии истории». Основная задача теории исторического процесса состоит в том, чтобы дать историку философски обоснованное, критически проверенное мировоззрение. Критическая философия в духе Канта исследует предпосылки всякого знания и открывает общие принципы научного мировоззрения, но ее задача состоит не в том, чтобы путем отвлеченных умозаключений создавать спекулятивные построения о смысле мироздания, а в том, чтобы, отправляясь от факта научного познания и базируясь на данных научного исследования, выяснять первоосновы научного знания.

Специальной проблемой философии является проблема гносеологическая, т. е. вопрос о предмете познания, о его образовании и о границах эмпирического познания. Затем философия исследует общие прин-

ципы знания, сводит их в систему, предлагает гипотезы для восполнения пробелов, оставляемых наукой, и тем самым помогает науке уяснить самое себя.

В сфере социологии Х. пытался примирить психологизм с органицизмом. Признавая нечто общее между моралью и правом, Х. исходил из возможности конфликта между ними. Разделение между моралью и правом считал важным культурным приобретением. Предмет этики Х. связывал с исследованием общих принципов, лежащих в основе человеческого поведения. Главным этическим принципом называл принцип социальной справедливости, выдвинув формулу: «благосостояние общества, основанное на благосостоянии личности». Х. отвергал как крайний индивидуализм Ницше, так и объективистскую нравственность Гегеля, а также растворение личности в обществе у Вундта и Виндельбанда, формализм этики Канта, этику пессимистов и утилитаристов. Религиозная этика, по Х., — это преимущественно этика народных масс, а философская этика — это этика отдельных, особо развитых личностей.

Соз.: Единственный и его собственность. М., 1907; Основные проблемы этики. М., 1907; Общая теория права. Элементарный очерк. М., 1908; Этюды по современной этике... М., 1908; Историческое мировоззрение В. О. Ключевского. М., 1910; Нравственная личность и общество. Очерки по этике и социологии. М., 1911, Очерк истории этических учений. М., 1912; Этика человеческого достоинства. Критика пессимизма и оптимизма. М., 1912; Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. М., 1914; Социология. Ч. 1. М., 1917.

Лит.: Пустарнаков В. Ф. 186, т. 4, с. 120; Жуков В. Н. 415, с. 593—594.

ХЛАМОВ АНДРЕЙ ФИЛИМОНОВИЧ (1795—?). Родился в семье священнослужителя; окончил Рязанскую духовную семинарию и Московскую духовную академию (1816); в 1820 г. направлен инспектором и учителем философии в Оренбургскую семинарию; затем служил чиновником в разных губерниях; в феврале 1829 г. назначен адъюнктом философии в Казанский ун-т; с введением в 1837 г. нового устава ун-тов оставлен адъюнктом словесности; в 1839 г. уволился из ун-та.

Х. читал опытную психологию и логику, руководствуясь трудами Карпе и Кизеветтера; в лекциях по истории философии ориентировался главным образом на Теннемана и Аста.

Лит.: 35, ч. 1, с. 197.

ХЛЕБНИКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (5.10.1840—11.6.1880). Родился в Ветлужском у. Воронежской губ. в бедной мещанской семье; учился в сельской школе, Яранском и Пензенском уездных училищах; когда ревизор Пензенского училища придрался к толковому ученику, предложив оставить его на 2-й год, мальчик решил совсем бросить училище, и его устроили по торговой части; повстречав на своем пути «добротного гения» — учителя Пензенского дворянского ин-та В. Х. Хохлакова, юный Х. поступил прямо в 4-й класс Пензенской гимназии, закончил ее в 1860 г., а затем поступил на юридический фак-т Московского ун-та, где в числе его любимых профессоров был Б. Н. Чичерин; по окончании ун-та направлен в Могилевскую гимназию; в 1869 г. получил в Московском ун-те степень магистра, а за ней и кафедру государственного права в Варшавском ун-те; с 1877 г. работал в Ун-те св. Владимира в Киеве.

Ученого-юриста Х. отличал глубокий интерес к философским обобщениям. Его первый биограф даже посчитал, что в своих исторических трудах Х. был больше философ, чем историк. И действительно, в 60—70-х гг. XIX в. при огромном распространении в России сциентизма, позитивизма, материализма Х. отстаивал необходимость решать метафизически нравственные вопросы, противостоя в первую очередь позитивизму. При этом Х. полагал, что настоящим родоначальником позитивизма был Сен-Симон, у которого основатель позитивизма О. Конт взял самые существенные мысли.

Пытаясь философски осмыслить исторический процесс в России, Х. утверждал, что Россия еще не дожила до философского сознания. Между тем только философская система может дать общественным наукам указания цели их познаний, иначе они превращаются в произвольный набор фактов и подробностей, которые не могут служить выработке мировоззрения самого ученого и кажутся совершенно чуждыми массе образованных людей. Ни славянофилы, ни западники, по Х., не дали нравственного идеала. Западников и славянофилов сменили реалисты в двух формах позитивизма и социализма. Но консервативный реализм (или позитивизм) слишком скучен, холоден, мертвен и безнравствен. А прогрессивный реализм (или социализм) дает фантастический, нелепый, хотя и не безнравственный идеал. Третью партию — нигилизм — Х. тем более не принимал. Пытаясь подняться над всеми лагерями, Х. предвещал, что после «настоящего» тяжелого культурного момента наступит светлая пора идеализма и Россия даст миру светлые нравственные идеалы.

Соз.: О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869; Исследования и харак-

теристики: 1) Русское государство и развитие русской личности; 2) Сен-симонизм; 3) Логические противоречия реализма; 4) Цивилизация, формы происхождения, развития и причины ее падения; 5) О пессимистическом направлении в современной немецкой философии: Шопенгауэр; 6) Эволюционизм или теория естественного преобразования. Киев, 1870; Общество и государство в домонгольский период. СПб., 1872; Право и государство в их обоюдных отношениях. Исследование о происхождении, сущности, основных началах и способах развития цивилизации вообще. Варшава, 1875; Философия, религия, наука и искусство. По поводу сочинения Чичерина // Университетские известия. 1879. № 12; Новые явления нашей позитивистской и дарвинистической литературы. Евг. де-Роберти // Там же. 1880. № 3.

Лит.: Романовит-Славатинский А. В. 37, с. 682–688.

ЦВЕТАЕВ ЛЕВ АЛЕКСЕЕВИЧ (1777–7.2.1835). Родился в семье священника; начальное образование получил в Славяно-греко-латинской академии (с 1783 г.); в 1795 г. уволился из духовного звания и поступил в Московский ун-т; в 1798 г. стал бакалавром; по решению университетского Совета выехал в 1801 г. за границу, три года слушал лекции в ун-тах Германии и Франции и получил степень доктора философии в Геттингенском ун-те; в 1805 г. возвратился в Москву и был назначен экстраординарным профессором по кафедре теории законов; в течение 10 лет Ц. был деканом нравственно-политического отделения; три раза был проректором ун-та; с 1804 г. — член Французской академии моральных и политических наук.

Ц. — юрист, высоко ценивший философию. В 1805 г. он назвал Александра I «государем-философом» и повторил изречение Платона: «Блажен тот народ, над которым Философы царствуют или которого Цари философствуют». Правовые взгляды Ц. формировались под влиянием трудов Бернарди, Бентама, Монтескьё, Филанджиери, Беккариа и кодекса Наполеона. Особый интерес представляет работа Ц. по естественному праву, опубликованная незадолго до того, как на эту дисциплину начались политико-идеологические гонения официальных властей. Книга о естественном праве Ц. — это, по признанию автора, извлечение из сочинений Шмальца и Буле. По своему основному духу концепция естественного права Ц. — кантианская, поскольку автор считал, что эта наука почерпнута из разума. Естественное право, сообщал Ц., — это наука о внешних и совершенных должностях и правах человека и их изменениях. Вспомогательной наукой для естественного права является нравственная метафизика, которая определяет и объясняет, что такое право и должность, и исследует способности человека, по которым ему могут быть приписаны эти права и должности. В нравственной метафизике решаются проблемы свободы воли. Первое начало естественного права: не почитай никогда человечества за средство. Первое первобытное право человека есть право на самого себя, т. е. право на сохранение своего бытия. Второе первобытное право есть право на свои дела, т. е. право делать и не делать что угодно. Сюда

включаются понятия «естественная свобода», природное равенство прав (но не равенство состояний), право собственности. Генезис государства излагается в духе просветительской теории «договора». Но в итоге утверждается антипросветительский тезис, что воля государей и правителей законно заменяет волю народов.

Соз.: Слово о взаимном влиянии наук на законы и законов на науки. М., 1805; Краткая теория законов: В 3 ч. М., 1810 (2-е изд.: под названием «Начертание теории законов». М., 1816); Первые начала права естественного, извлеченные из сочинения Шмальца. М., 1816; Первые начала прав частного и общего с присовокуплением оснований народного права. М., 1823.

Лит.: Крылов, 36, ч. 2, с. 537–541; Водярский Вяз. 424, т. 21, с. 455–456; 533, с. 640.

ЦВЕТКОВ ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1807 – ок. 1856). Родился в Ярославской губ. в семье священнослужителя; в 1836 г. окончил Петербургский Главный педагогический ин-т; направлен в Ун-т св. Владимира в Киеве исправляющим должность адъюнкта по кафедре законов о государственных повинностях и финансах; в начале 40-х гг. сдал экзамены на степень магистра; написал несколько диссертаций, но ни одной не представил; в звании экстраординарного профессора ему было отказано; в 1856 г. вследствие умпомешательства был уволен из ун-та и вскоре скончался.

Можно предположить, что печальный финал жизни несостоявшегося профессора связан не только с его недостаточными преподавательскими способностями, как считают знавшие его современники, но и с его специфическим идейно-философским развитием. Среди увлечений Ц. были, в частности, «Позитивная философия» Конта и «Письма об изучении природы» А. И. Герцена. Последнее сочинение Ц. считал лучшим философским трактатом своего времени. Такое умонастроение вряд ли могло нравиться университетскому начальству, что, видимо, и сказалось на научной карьере Ц.

Лит.: 37, с. 721–722.

ЦИММЕРМАН АКИМ КОНСТАНТИНОВИЧ (2.9.1817–после 1881). В 1841 г. окончил Ун-т св. Владимира в Киеве со степенью кандидата и тогда же назначен преподавателем в Лицей кн. Безбородко в Нежине; получив степень магистра прав, Ц. стал в 1846 г. профессором по кафедре энциклопедии законовения и государственных законов; в

1859 г. Ц. переселился в Одессу, куда был назначен директором 2-й гимназии; в 1880 г. вышел в отставку. В преподавании энциклопедии законоведения Ц. руководствовался книгой выдающегося русского профессора права К. А. Неволлина. В своих лекциях Ц. опирался также на труды Канта, Спинозы, Шеллинга. Современник и биограф Ц. утверждает, что Ц. «по жизни был истинным философом, полным любви к Богу, человеку и природе», что он был «философ-юрист».

Лит.: Петров Н. 96, с. 313—315.

ЦИНГЕР ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ (30.1.1836—1907). Родился в Москве в семье домашнего учителя; окончил 1-ю Московскую гимназию и физико-математический фак-т Московского ун-та (1857); в 1862 г. защитил диссертацию на степень магистра; в 1867 г. получил степень доктора чистой математики; с 1862 г. — экстраординарный, с 1871 г. — ординарный, с 1888 г. — заслуженный профессор; был деканом фак-та, проректором, директором Александровского коммерческого училища, секретарем, вице-президентом и президентом Московского математического общества, в конце 1898 г. вышел в отставку.

По мнению Л. М. Лопатина, Ц. — «один из чрезвычайно оригинальных русских последователей философии Канта», «один из очень талантливых и оригинальных русских философов». Философию Ц. определял как дисциплину, ставящую задачу решать «высшие научные вопросы»: об основаниях, способах и пределах познания, о приведении всего познаваемого в единую систему. Философия, по мнению Ц., с древнейших времен заняла первое место между науками, признана наукой наук, но вследствие особой трудности своих исследований философия остается еще мало оконченной, и в ней, наряду с глубокими и несомненными истинами, содержится много случайного, спорного, фантастического. В близком отношении к философии находятся науки математические, ибо в их основе лежат и на них развиваются простейшие и наиболее общие понятия (о величине, о пространстве и времени, о материи и силе, о причине и действии). Математику и философию сближает умозрительный и вместе с тем строгий характер исследований: математика — это как бы одна из глав философии; математика и философия дополняют друг друга. Усвоив некоторые первоначальные понятия, математика становится самостоятельной и независимой от спорных и изменчивых начал философии. Но всякий раз, когда математику приходится возвращаться к смыслу и значению основных положений, он по необходимости становится философом. С другой стороны, для философа общее знакомство с основными понятиями и приемами точных наук следует считать еще более необходимым, даже обязательным.

Основоположниками современной философии и современной математики в равной степени и с одинаковым правом являются Декарт и Лейбниц. С середины XVIII в. до середины XIX в. — время, самое блестящее для философии и математики, хотя судьба их впоследствии оказалась разной. Плоды точных наук сохранили свою цену, философские учения сменяли друг друга, представляя мало прочного и окончательного. Немецкие философы развивали учение крайнего идеализма: торжество философии Гегеля закончилось решительным падением, наступил переходный период, в котором на особую роль претендует позитивизм О. Конта. Размеры «Курса позитивной философии» внушают некоторое уважение, но знакомство с его содержанием приводит к перемене этого мнения: на каждом шагу поражают ошибочные и еще чаще до крайности узкие воззрения. Видно недостаточное знание и понимание самых простых научных теорий. Так, обзор математики представляет у Конта явление в высшей степени странное. Ц. подметил, что Конт, признававший, что не читал ни одного из немецких философов, является беспощадным гонителем метафизики без знания существа дела. Не менее сурово Ц. критикует Д. Милля. Конту и другим позитивистам Ц. противопоставлял Дюринга. Стремясь подняться как над «чистым эмпиризмом», так и над «крайним» идеализмом, Ц. утверждал, что идеализация — это постоянная и необходимая деятельность разума при переносе любого содержания в область мысли. Область мысли и науки — это область идеалов. Богатство опытного знания подтверждает это. Позитивизм же отрицает идеальный характер науки, и поэтому позитивная философия — это философия отрицательная. Философия как наука подчиняется всем требованиям науки. Но философия — не только наука: она связывает все познания в одно целое, приводит все в одну стройную систему, она становится руководительницей умов. Применяя свои философские послышки к математике, Ц. доказывал, что основания геометрии имеют чисто идеальный, априорный характер и являются качествами способности человека к созерцанию или пространственному представлению.

Соз.: Точные науки и позитивизм. М., 1874, Недоразумения во взглядах на основания геометрии // ВФиП. 1894. Кн. 22.

Лит.: Колубовский, 210, с. 568; Андреев К. Василий Яковлевич Цингер. М., 1908; Лопатин Л. М. Философские характеристики и речи. М., 1911. С. 332, 337.

ЧАНОВ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ (1785—1862). Родился в семье поручика; учился в дворянской гимназии при Московском ун-те, затем с 1804 г. в Ярославском Демидовском училище высших наук; по окончании курса поступил в штат полиции Ярославля и служил квартальным надзирателем; в дальнейшем работал учителем математики, всеобщей истории, географии и словесности в пансионе при Демидовском училище, учителем латинского языка в ярославской гимназии, в других местах; в 1830 г. был назначен директором училищ Слободско-Украинской губ.; с 1831 по 1834 г. — ординарный профессор умозрительной и практической философии Харьковского ун-та, затем был переведен в Ришельевский лицей в Одессе инспектором лицея.

Есть сведения о том, что Ч. ориентировался в своих лекциях на «умозрения» Шада и «нравоучения» Дудровича. Историки Харьковского ун-та считают, что пребывание Ч. в должности ординарного профессора, не имевшего никаких трудов, к тому же бывшего квартально-надзирателем, представляет печальную страницу в истории кафедры философии Харьковского ун-та.

Лит.: Зеленогорский Ф. А. 181, с. 34—36; Бобров Е. А. 43, вып. 4, с. 154—157.

ЧЕБОТАРЕВ ХАРИТОН АНДРЕЕВИЧ (1746—26.7.1815). Родился в Вологде в семье сержанта; в 1755 г. поступил в Московскую университетскую гимназию, из которой перешел в 1761 г. в ун-т; окончил его в 1764 г. и начал работать переводчиком при ун-те; в 1767 г. стал учителем истории и географии в гимназии; в 1773 г. — преподаватель русской словесности; с 1775 г. — суббиблиотекарь в ун-те и издатель «Московских ведомостей»; в 1776 г. произведен в экстраординарные профессора по кафедре российской словесности, а в 1778 г. — в ординарные профессора истории, нравоучения и красноречия; с 1778 г. по 1783 г. — секретарь университетской конференции, инспектор университетских гимназий и учительской семинарии; после преобразования Московского ун-та в 1804 г. избран его ректором.

Ч. преподавал философию в университетской гимназии, опираясь на труды Гейнекия. Одна из тем трудов Ч. — полемика с Руссо: неадекватно представляя французского просветителя как якобы противника наук, Ч. доказывал, напр., что изобретение письма не повредило способностям человеческого ума. В «Слове о способах и путях, ведущих к просвещению» Ч. изложил свои гносеологические представления: первый источник человеческого познания — чувства и опыт, «чувственные понятия». Другой источник — «размышление», сначала простое, или врожденное, потом «предводимое правилами разума». Третий источник — божественное откровение. Просвещение, понимаемое как «совокупление всех частей человеческого познания о вещах в сем мире» служит, по Ч., прославлению «премудрого Творца вселенной» и «истинному нашему блаженству». Свет учения разгоняет-де тьму грубого невежества и озаряет разум яркими лучами истины, истребляет предубеждения, упрощает «развратные страсти», наставляет благочестию, мудрости, добродетели, честности и благоразумию, открывает путь как к временному, так и вечному блаженству.

В условиях распространенности в обществе аскетических идей рационально звучала идея Ч. о необходимости «хорошего природного сложения души и тела», чтобы в здоровом теле была здоровая душа.

Соз.: Слово о изобретении искусства письма, и о том, что не послужило ли оно во вред человеческому уму и благонравию. М., 1776; Слово о способах и путях, ведущих к просвещению. М., 1779; Величие, могущество и слава России. М., 1795.

Лит.: Некролог // Русский вестник. 1817. № 1; Соловьев С. 36, ч. 2, с. 543—551; Войнов В. 424, т. 22, с. 76—79.

ЧЕЛПАНОВ ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ (16(28).4.1862—13.2.1936). Родился в Мариуполе в мещанской семье; в 1887 г. окончил историко-филологический фак-т Новороссийского (Одесса) ун-та с золотой медалью за работу «Об отношении опыта и мышления в познавательной системе Платона и Аристотеля»; с 1890 г. — приват-доцент Московского ун-та; с конца 1892 г. — приват-доцент и магистрант кафедры философии Ун-та св. Владимира (Киев); с 1901 г. — исправляющий должность экстраординарного профессора; в психологической «семинарии» Ч. начал деятельность целый ряд будущих известных философов, в том числе Г. Г. Шпет, незрячий А. М. Щербина и др.; в 1907 г. Ч. переехал в Москву вместе со своими учениками и до 1923 г. возглавлял кафедру философии Московского ун-та; преподавал также на Высших женских курсах и в Педагогическом ин-те им. П. Г. Шеллапутина.

С первых шагов в философии, реагируя на «повальное», как он выражался, отрицание метафизики, Ч. выступил за сохранение метафизики как науки рационального миропонимания, отличающегося от спекулятивной метафизики типа Фихте, Шеллинга, Гегеля. Новый путь к метафизике, по Ч., открыл Гартман, а после него Вундт и Паульсен.

Ч. нередко и очень неадекватно квалифицировали как кантианца. Ч. ценил Канта как философа, указавшего на значение теории познания для построения метафизики, но самую кантовскую теорию познания Ч. считал несостоятельной. В противоположность Канту, для которого метафизика была лишь предметом веры, Ч. — сторонник метафизики как науки, связанной с индуктивными выводами конкретных наук. С другой стороны, метафизика Ч. отличалась от христианской метафизики и квазихристианской метафизики типа булгаковской или бердяевской тем, что его система метафизики начиналась с теории познания: свою гносеологию, в которой наличествовал значительный кантианский агностический элемент, Ч. считал тем не менее идеал-реалистической, имея в виду, что познаваемое является результатом взаимодействия реального бытия и познающего сознания. Общей философской концепции соответствовала психология Ч., в которой он, оспаривая принцип монизма, отстаивал дуализм, признающий материальный и особенный духовный принцип.

Соз.: Психология. Лекции. М., 1892; К вопросу об априорности и врожденности в современной философии. Киев, 1892; Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1: Представление пространства с точки зрения психологии. Киев, 1896; Ч. 2: Представление пространства с точки зрения гносеологии. Киев, 1904; Учебник логики. Киев, 1897 (10-е изд., 1946); Обзор литературы о трансцендентальной эстетике Канта (1870—1900) // Университетские известия (Киев). 1900. № 5. Отделение критики; Обзор новейшей литературы по теории познания (Учение об априорности числа, пространства, времени и причинности). Киев, 1900; Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. Киев, 1900; О современных философских направлениях. Киев, 1902; Введение в философию. Киев, 1905 (6-е изд., М.; Пг., 1916); Психология. М., 1909; Объективная психология в России и Америке. М., 1925; Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М., 1926; Спинозизм и материализм (итоги полемики о марксизме в психологии). М., 1927.

Лит.: Сборник статей Г. И. Челпанова по философии и психологии. М., 1916; *Зеньковский В. В.* **154**, т. 2, с. 235–237; *Будилова Е. А.* Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке. (Вторая пол. 19 – нач. 20 в.). М., 1960; *Евдокименко В. Е., Роменец В. А.* **186**, т. 4, с. 648–649; *Петровский А.* **530**, т. 5, с. 478; *Алексеев А. П.* **6**, с. 848; *Умрихин В.* **414**, с. 582–583; *Пухир В. М.* **415**, с. 605–606; *Чубаров И. М.* **11**, с. 136–139.

ЧИЖ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ (9(21).6.1855–1914). Родился в Смоленской губ. в дворянской семье; закончил Полоцкий кадетский корпус, затем в 1878 г. — Медико-хирургическую академию; ряд лет работал врачом; в 1883 г. получил степень доктора медицины; с 1885 г. — приват-доцент Петербургской военной медико-хирургической академии; с 1888 г. — приват-доцент Петербургского ун-та; с 1891 г. — ординарный профессор Дерптского ун-та.

Будучи невропатологом и психиатром, Ч. много внимания уделял смежным с этими дисциплинами философским проблемам и общим проблемам философии. Философское мышление, считал он, состоит в стремлении к единству, обобщению знаний, цельному пониманию мира и жизни, «целокупности миропонимания». Но ни одна философская система не может дать всем целостного, объединенного понимания мира и жизни. Сущность философского духа, философского отношения заключается в отличающемся от грубо эмпирического направления мышления центростремительном способе мышления и в стремлении определить ценность, значение, смысл отдельных явлений, определить их место, или, по выражению Ницше, — «меру и вес вещей» в общем миропонимании, сравнить действительность с идеалом.

О той большой роли, которую медик Ч. придавал философии, свидетельствует даже один чисто деловой документ: в своем отчете о проверке преподавания философской пропедевтики в пяти гимназиях Рижского учебного округа Ч., вслед за Зиглером, автором книги «Философия в школе», утверждал, что философская пропедевтика в школе не должна рассматриваться как один из предметов преподавания в ряду других, но объединять, обобщать отдельные разрозненные знания, составляющие курс гимназии.

Своеобразную позицию занимал Ч. в антропологии: все главные элементы личности, считал он, даны уже при рождении. Воспитание, среда имеют только второстепенное значение. Главный недостаток криминальной антропологии — это игнорирование метода индивидуального наблюдения.

Соз.: Достоевский как психопатолог. М., 1885; Научная психология в Германии. М., 1886; О развитии этических воззрений. Из лекций Вундта. М., 1886; О свободе воли // Вестник психиатрии. 1888; О нравственном помешательстве // Вестник судебной медицины. 1888; Элементы личности // Вестник психиатрии. 1889; Нравственность душевнобольных // ВФиП. 1891. Кн. 7; Криминальная антропология // Северный вестник. 1892. № 3; Второй Международный конгресс по экспериментальной психологии в Лондоне // ВФиП. 1892. Кн. 15; Третий Международный конгресс по криминальной антропологии в Брюсселе // Там же. 1893. Кн. 16; Методы научной психологии // Архив психиатрии. 1893; Биологическое обоснование пессимизма. Казань, 1895; Криминальная антропология. Одесса, 1895; Почему воззрения пространства и времени постоянны и непременны // ВФиП. 1896. Кн. 33; Тургенев как психопатолог // Там же. 1899. Кн. 49; Четвертый Международный психологический конгресс в Париже // Там же. 1900. Кн. 55; Пятый международный конгресс криминальной антропологии в Амстердаме // Там же. 1901. Кн. 59; Отчет... о преподавании философской пропедевтики в пяти гимназиях Рижского учебного округа // Чиж В. Ф. и Озе Я. Ф. К вопросу о преподавании философской пропедевтики в средней школе. Юрьев, 1911.

Лит.: 38, т. 2, с. 331–333.

ЧИЖОВ НИКОЛАЙ ЕФИМОВИЧ (7.10.1853–1910). Родился в Ярославской губ.; окончил юридический фак-т Варшавского ун-та; готовился с 1876 по 1878 г. к профессорскому званию по праву; в 1879 г. получил в Варшавском ун-те степень магистра государственного права; с 1881 г. — приват-доцент; с 1882 г. — штатный доцент Новороссийского (Одесса) ун-та; с 1885 г. — экстраординарный, затем ординарный профессор.

В сфере философии права Ч. — позитивист. На дискуссионный вопрос в XIX — начале XX в. о соотношении положительного и естественного права Ч. ответил тезисом: нет и не может быть вечных и прирожденных прав, следовательно, нет естественного права как априорной системы вечного и неизменного права. Права даются обществом или же приобретаются в обществе.

Соз.: Усвоение личностью права. М., 1877; Источник права. Варшава, 1878; Элементы понятия права. Варшава, 1880; Энциклопедия и философия права в германских и австрийских

университетах. Одесса, 1882; Право и его содержание по учению Лоренца фон Штейна. Одесса, 1890; Введение в изучение права. (Энциклопедия права). Одесса, 1908.

Лит.: Маркевич А. И. 266, с. 484–485; Ивановский И. А. Разбор сочинения проф. Н. Чицова «Право и его содержание по учению Лоренца фон Штейна». СПб., 1891; Димир В. Л. Важнейшие определения права, нравственности, государства в истории философии права по курсу профессора Чицова. Одесса, 1909.

ЧИЧЕРИН БОРИС НИКОЛАЕВИЧ (26.5(7.6).1828–3(16).2.1904). Родился в Тамбове в дворянской семье; в 1849 г. окончил юридический фак-т Московского ун-та; в 1853 г. защитил магистерскую диссертацию; с 1861 по 1868 г. — профессор кафедры русского права; в 1866 г. защитил докторскую диссертацию; уйдя в 1868 г. в отставку в знак протеста против нарушений университетского устава, сосредоточился на общественно-политической деятельности. Ч. — один из лидеров российского либерального консерватизма второй половины XIX в.

Основные философские труды Ч. написал в постуниверситетский период. Но его стиль философствования сформировался в ун-те. С. Н. Трубецкой, в сущности, прав, говоря, что «философия абсолютно систематизма» Ч. — «это единственная цельная и законченная система, созданная в России».

Ч. часто относят к гегельянцам. Между тем он опирался не только на Гегеля, но и на Канта. Кант, по его мнению, открыл новую эпоху в истории мысли. В идеях Канта Ч. усматривал истинные начала философии истории. В антропологии Кант, по Ч., выявил источник всякой нравственности. Гегель же из начал, положенных Кантом, стал вырабатывать цельное, объективное мировоззрение, основанное на сочетании противоположностей, которые у Канта не были сведены к единству. Свою метафизику Ч. считал продолжением развития всего немецкого идеализма, начатого Кантом и завершенного Гегелем. Противником своей философии в России Ч. считал философию Вл. Соловьева, усматривая в ней неприемлемые заимствования из теософии позднего Шеллинга, сочетающиеся с заимствованиями из логики Гегеля и философии Спинозы. Противником «слева» у Ч. были западные и российские позитивистские и материалистические учения, особенно «положительная философия», которая, по его словам, отвергнув метафизику, ничего не сумела поставить на ее место, кроме «бессмысленной смены периодов эволюции и диссолюции».

Ч. — один из немногих русских философов второй половины XIX в., сумевших оценить значимость диалектики Гегеля. Но гегелевскую диалектику Ч. воспринял «критически», добавив, в частности, к трем элементам гегелевской «триады» четвертый элемент: «совпадение конца с началом». Гегелевскую триадичность Ч. «исправил» также в философии права и философии. Если, скажем, Гегель рассматривал три «общественных союза» (семья, гражданское общество и государство), то Ч. включил в схему еще и церковь.

При всем стремлении Ч. отделиться от спекулятивной метафизики гегелевского типа в сторону научной метафизики, сам он до конца жизни остался в рамках метафизики. На Международный философский конгресс в Париже Ч. послал реферат на тему «Метафизика есть ли наука?», в котором доказывал, что метафизика — наука, но в то же время утверждал, что к высшим задачам метафизики принадлежит «приложение умственных категорий к абсолютному существу». Философия и религия — это-де «две великих области человеческого духа», которые призваны не враждовать друг с другом, а соединиться, чтобы возвести человечество к возвышенным вершинам.

Соз.: Несколько современных вопросов. М., 1862; История политических учений. Ч. 1—5. М., 1869—1902; Наука и религия. М., 1879; Мистицизм в науке. М., 1880; Положительная философия и единство науки. М., 1892; Основания логики и метафизики. М., 1894; Курс государственной науки. Ч. 1—3. М., 1894—1898; Философия права. М., 1900; Россия накануне двадцатого столетия. 4-е изд. Берлин, 1901; Вопросы философии. М., 1904; Вопросы политики. 2-е изд. М., 1905.

Лит.: Колубовский Я. **210**, с. 544—545; Яковенко Б. **582**, с. 80—82; *Ueberweg F.* **639**, Bd 5, S. 337—338; *Лосский Н. О.* **253**, с. 176—187; *Коган Л. А.* **187**, т. 4, с. 65—70; *Ляликов Д.* **530**, т. 5, с. 489—490; *Walicki A.* **641**, S. 223—225; 576—585; *Зорькин В. Д.* Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России 2-й половины XIX — начала XX в. (Б. Н. Чичерин). М., 1975; *Aileen Kelly.* What is real i rational: The Political Philosophy of V. N. Chicherin // *Cahier du Monde russe et soviétique.* XVIII. 1977. N 3. P. 195—222; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* **87**, с. 550—556; *Приленский В. И.* **414**, с. 586—588 и **415**, с. 609—611; *Ильин В. В., Солнцев Н. В., Чалов Н. М.* **173**, с. 124—125.

Ш

ШАД (SCHAD) ИОАНН БАПТИСТ (ИВАН ЕГОРОВИЧ) (30.11.1758—13.1.1834). Родился в д. Мюрсбах вблизи Бамберга и Кобурга в семье крестьянина-католика; с 14 лет учился в Бамберге в иезуитской семинарии; через два года поступил монахом в Бенедиктинский монастырь; опубликовал первые свои работы по религиозной тематике, занимался философским самообразованием, особенно изучал Канта; пробыв более 20 лет в монашестве, из опасения стать жертвой инквизиции, Ш. оставил монастырь и решил сосредоточиться на занятиях философией; в Йене он защитил диссертацию и по рекомендации Фихте начал преподавать философию в Йенском ун-те (1799—1804); в феврале 1804 г. Ш. получил приглашение занять должность профессора теоретической и практической философии во вновь открывшемся тогда Харьковском ун-те; под руководством Ш. как первого профессора философии в этом ун-те был защищен ряд философских диссертаций (Гесс де Кальве, Хлапонин, Бразоль, Гриневич, Ковалевский, Любачинский); в 1814 г. Ш. был утвержден деканом нравственно-политического отделения; но в 1816 г. в силу сочетания разных обстоятельств (начавшейся в стране реакции, повлекшей гонения на философию, особенно шеллингианскую, борьбы «немецкой» и «французской» партий» в связи с русско-французской войной 1812—1813 гг., склок в профессорской среде, усугублявшихся отрицательными чертами характера самого Ш.) он был выслан из страны, причем эта мера объяснялась тем, что якобы философия Ш. не получила одобрения в России.

Философские взгляды Ш. чаще всего связывали либо с шеллингианством, либо с фихтеанством, либо с кантианством, что не вполне соответствует действительности, хотя как историк философии и автор работ, специально посвященных немецкой философии, в том числе Канту и Фихте, несомненно, Ш. способствовал распространению в России знания о Кантовой, Фихтевой и Шеллинговой философии. Перекрестное влияние кантианства, фихтеанства и шеллингианства на Ш. очевидно, но ни кантианцем, ни фихтеанцем, ни шеллингианцем в полном смысле Ш. не стал. Нет никаких оснований не верить Ш., что он положил в основание своей «совершенно христианской философии» «луч-

шие мысли» Лейбница, которого считал «глубочайшим философом и христианином». Ш. признавал справедливыми и некоторые идеи Канта. Как и некоторые другие философы, Ш. не без оснований усматривал у Шеллинга пантеизм, и поэтому он, видимо, искренне утверждал, что не мог представить себе никакой философии без идеи «существа всесвятнейшего, сотворившего всю вселенную и управляющего ею сообразно нравственным целям».

Ш. представлял себе метафизику как извлеченное из созерцательно-го понятия о «Существо всесвятнейшем и всеобъемлющем» «умозрительное начертание всемирия, имеющее своим предметом соглашение и уничтожение всех разногласий, встречающихся в мире телесном и нравственном». В системе же Шеллинга, по Ш., предметом философского исследования была физика. Нет ничего удивительного, что выходец из католической семьи, воспитывавшийся иезуитами (правда, разошедшийся с ними по ряду вопросов) открыто признавал, что он не только не стыдится вносить Евангелие в философию, но и открыто исповедует, что крест Иисуса Христа есть единственная кафедра, с которой слышатся «глаголы истинной мудрости».

При всей теоретической ущербности такой философии сравнительно с классическими философскими системами, разграничивавшими философию и богословие, деятельность Ш. в Харьковском ун-те нельзя не признать во многом плодотворной в культурно-историческом плане. Ш. был поборником философии не только в момент, когда эту науку всячески поддерживало правительство Александра I «либерального» периода его царствования, но и в момент, когда в России уже обозначилось давление официальных властей на философию. В речи «О верховной цели человека» (1807) Ш. убеждал слушателей, что философия по сущности и своим свойствам имеет величайшее влияние на остальные науки и даже на нравы людей, ибо предлагает всеобщие начала, на которых утверждается поиск истины, а также поступки не только отдельных людей, но и целых народов. В 1812 г. Ш. произнес речь, суть которой видна из названия «О том, что в настоящее время основательное изучение философии весьма нужно».

Ш. и его судьба — один из наиболее демонстративных примеров, иллюстрирующих начало переломного момента в истории университетской философии в России первых десятилетий XIX в., когда исключительно высокий статус философии в первые годы этого столетия начал снижаться.

Coz.: Ob Kant's Metaphysik enthalte? // Philosophische Journal einer Gesellschaft Teutschner Gelehrten. 1798; Grundriss der Wissenschaftslehre. Jena, 1800; Geist der Philosophie unserer Zeit. Jena,

1800; *Dissertatio exhibens nexum intimum inter philosophiam theoreticam et practicam*. Jena, 1800; *Gemeinfasslich Darstellung des Fichteschen Systems und der daraus hervorgehende Religionstheorie*. Bd. 1–2. Erfurt, 1800; *Neuer Grundriss der transcendentalen Logik und der Metaphysik nach den Principen der Wissenschaftslehre*. Jena, 1801; *Absolute Harmonie des Fichteschen Systems mit der Religion*. Erfurt, 1802; *System der Naturphilosophie und Transzendentalphilosophie*. Bd 1–7. Landshut, 1803–1804; *De fine hominis supremo*. Charkov, 1807; *Institutiones philosophiae universae in usum auditorum suorurum*. Vol. 1. *Logica pura et applicata*. Charkov, 1812; *Dissertatio de existentia supremi numenis*. Charkov, 1812; *Institutiones juris naturae*. Charkov, 1814; *Dissertatio de libertate mentis humanae*. Charkov, 1815; *De immortalitate animorum*. Charkov, 1815; *О возвращении Европе свободы*. Харьков, 1815.

Лит.: *Лавровский И.* Эпизод из истории Харьковского университета // *ЧОИДР*. 1873. Кн. 2. Январь–март; *Erdmann J. E.* *Grundriß der Geschichte der Philosophie*. 3 Aufl. Berlin, 1878. Bd 2. S. 441; *Liepmann J. B. Schad* // *Allgemeine deutsche Biographie*. Leipzig, 1890. Bd 30. S. 493–494; *Зеленогорский Ф. А.* Влияние натурфилософии Шеллинга. Материалы для истории Харьковского университета // *Записки Харьковского ун-та*. 1893. Кн. 4; *Он же.* Ив. Шад. Логика и психология // *ВФиП*. 1895. Кн. 27; *Он же.* И. Е. Шад // *Записки имп. Харьковского ун-та*. 1896. Кн. 2; *Багaley Д. И.* Удаление профессора И. Е. Шада из Харьковского университета. Харьков, 1899; *Он же.* Опыт истории Харьковского университета // *Ученые записки Харьковского ун-та*. 1900. Кн. 1; *Зеленогорский Ф. А. И. Шад.* *Institutiones juris naturae*. Харьков, 1900; *Бобров Е.* 43, вып. 2, с. 38–54 и вып. 4, с. 99–126; *Шнет Г. Г.* 559, с. 110–118; *Kouyé A.* 621, р. 52–65; *Кравец И. Н.* Иоанн Шад – профессор философии Харьковского ун-та начала XIX в. // *Философские науки*. 1960. № 4. С. 124–129; *Он же.* 530, т. 5, с. 493; *Каменский З. А.* Комментарии к публикации перевода докторской диссертации Иоанна Любачинского // *Кантовский сборник*. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 129–133; *Он же.* Еще о школе Шада. Послесловие к публикации перевода докторских диссертаций Густава Адольфа Гесса де Кальве и А. Дудровича // *Там же*. Вып. 9. С. 130–134; *Кацитадзе К. О.* Место И. Б. Шада в истории философии первой половины XIX века. Тбилиси, 1985; *Неизвестные страницы биографии Иоанна*

Баптиста Шада (1758—1834) // *Философия Фихте в России*. Оренбург, 1996. С. 33—42; *Панибратцев А. В. И. Шад // Фихте и философия в России*. СПб., 1999.

ШАДЕН (SCHADEN) ИОАНН МАТИАС (31.5.1731—28.8.1797). Родился в Пресбурге (Венгрия); учился в Пресбургской гимназии, затем с 1752 г. в Тюбингенском ун-те; из университетских профессоров Ш. особенно многим был обязан профессору логики и метафизики Плуке; в Тюбингене Ш. получил степень доктора философии и в 1756 г. был вызван в Московский ун-т для занятия должности ректора дворянской и разночинной университетских гимназий; в Москву приехал вместе с Фроманном.

Шевырев утверждал, что Ш. как воспитанник Тюбингенского ун-та перенес в Россию господствующую там философию Вольфа, справедливо заметив, правда, что «воспитавшись на философии Вольфа, Ш. не остановился на ней и следил за ее развитием до Канта». Действительно, Ш. читал курс философии, опираясь на работы: «Логика», «Метафизика», «Новейшая философия» и «Определения философические» Баумейстера, на работу Гейнекия «Разумная и нравоучительная философия», а также на работы Винклера. Нравственную философию Ш. читал по вольфианцам Винклеру, Эрнести, Федеру, Геллерту и кантианствующему Якобу. Можно даже сказать, что Ш. был более всеядным: он считал, например, что даже Платон и Цицерон еще продолжают повсюду приносить пользу, что «просвещеннейшее потомство» будет еще из их чтения «плоды собирать». В списке авторов, мысли которых Ш. использовал в своих трудах, значатся также Вальх, Бильфингер, Мандевиль, Юм, Гоббс, Монтескьё, Дидро, Д'Аламбер, Руссо, Абихт, Зульцер, Шмит, Кант и др. Ссылаясь на учение Дидро и Д'Аламбера о всеобщей связи «вещей в природе», Ш. признавал, что все в природе сопряжено. В работе, относящейся к 1793 г., Ш. ссылается на основные работы Канта «Критику чистого разума», «Осноположение к метафизике нравов» и «Критика практического разума».

На 1796/97 учеб. г. Ш. объявил, что продолжит начатую им нравственную философию как «науку образования нравственности и совести» и как основание всех узаконений и наблюдения в этих сферах, сообразуясь с началами критической философии и обращаясь иногда к Якобу. Но Ш. не успел реализовать свое намерение, так как в августе 1797 г. скончался. Тем не менее можно сказать, что Ш. вместе с И. Мельманном открыл первые страницы российской кантианы. Хотя в сфере теоретической философии Ш. заимствовал некоторые идеи французских просветителей и входящего в немецкое Просвещение И. Канта, в

политической философии он был правее даже мыслителей допросветительского периода типа Гоббса. Буквально «с отвращением» Ш. «отбрасывал» мнение Гоббса о том, что сила есть душа гражданских законов, и доказывал, что, поскольку Бог является главной и первой истиной, составляющей душу всех истин, началом и концом всего, то чистейшая любовь к Богу есть душа всех законов. Этот тезис вполне отражает общую теистическую окраску философских взглядов Ш. Примечательно также, что он был противником масонства.

Современники и историки отмечают большое умственное и нравственное влияние Ш. на учащуюся молодежь. У него слушал логику Фонвизин. В Благородном пансионе учеником Ш. был Карамзин, которому Ш. посоветовал слушать лекции также и в ун-те.

Соз.: De anima legum (О душе законов). М., 1767; Oratio solemnis de eo, quod justum est in jure Principis, circa educationem civium, scientiarum artiumque studia. М., 1770 (О праве обладателя в рассуждении воспитания и просвещения науками и художествами подданных / Пер. И. Грачевского. М., 1771); Oratio de Monarchiis amori Patriae excitando et fovendo maxime aptis ac eodem praecipua in iis legum anima (О монархиях, способных возбуждать и питать любовь к отечеству, и о том, что любовь сия есть главная душа законов в монархиях). М., 1775; Quaestionem hanc ex principiis moralibus a politicis. М., 1793.

Лит.: [Запольский]. Памятник достопочтенному профессору Шаде-ну // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. XVI. С. 31–32; [Цветаев]. Чувствования при погребении проф. Шадена // Там же. С. 57–60; Бороздин А. 573, п/т. 77, с. 93–94; Купалов А. 424, т. 22, с. 475–479; Артемьева Т. В. 14, с. 111–112.

ШАРВИН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1870–1930). В конце XIX – начале XX в. – преподаватель, затем адъюнкт-профессор, после 1917 г. – профессор Московского технического училища.

Философская позиция Ш. предопределялась двумя основными установками: антиметафизической и антимеханистической. Решение проблемы Ш. нашел в философии Э. Маха. Мах, в глазах Ш., никогда не претендовал на звание философа, но он всегда хотел быть естествоиспытателем, который не замыкается в рамках специальности и философски смотрит на свой предмет. Общим эпиграфом к жизни и трудам Маха Ш. поставил его слова: «Все метафизическое должно быть устранено как праздное и потому вредное для экономии науки». Ш. согласен

с капитальным тезисом Маха о том, что не тела вызывают ощущения, а комплексы ощущений образуют тела. Тела суть только мысленные символы из комплексов наших ощущений. Ощущения — это элементы, а вещи, тела, материя — это только их комбинации. Сравнительно постоянным комплексом является и наше «я». Между физическим и психическим устраняется граница. Поэтому мы не можем уже более делить мир на материальный и нематериальный. Ш. верил вслед за Махом, что такая философия является научной, способной объединить отдельные отрасли знания в одно целое. Махизм, в представлении Ш., преодолевает механистическое мировоззрение, в котором мир принимает де странный, чуждый действительности, фантастический образ.

Соз.: Химия на службе человеку. М., 1904; Живой и мертвый капитал природы (энергия, ее сохранение и обесценение). М., 1906; Как создается наука (Воззрения Эрнста Маха). М., 1906; Введение в химию. М., 1914.

Лит.: Гаркавенко Р. В. 186, т. 4, с. 160—161.

ШАРПИО (SHARPIO) ИВАН ЕГОРОВИЧ (1775—4.1.1813). Родился в Монбельяре (Швейцария); образование получил в Тюбингенском ун-те; в Россию переселился при неизвестных обстоятельствах; в январе 1810 г. утвержден лектором французского языка в Казанском ун-те; стремясь получить более высокую ученую степень, представил труд «Некоторые замечания о философии истории с указанием методов ее изучения», но Ученый совет ун-та эту работу не одобрил. Возможно, что это была действительно слабая работа. Ретроспективно стоит, однако, обратить внимание на факт, что в России в это время работ, даже просто претендовавших на название философско-исторических, почти не было, так что даже намерение несостоявшегося философа Ш. написать специальную работу по философии истории в начале XIX в. стоит отметить.

Лит.: Пор А. И. 35, ч. 1, с. 254; Загоскин Н. П. 142, т. 1, с. 256.

ШАТУНОВСКИЙ САМУИЛ ОСИПОВИЧ (13(25).3.1859—27.3.1929). Родился в с. Великая Знаменка (в районе Херсона) в семье бедного ремесленника; окончил Херсонское реальное училище, учился в Петербургском технологическом ин-те, был вольнослушателем Петербургского ун-та; приглашен в Новороссийский ун-т в Одессе; получил звание приват-доцента; при советской власти — профессор Одесского ун-та.

Ш. — математик, выдвинувший оригинальные идеи в сфере философии математики и математической логики. Развивал идею о логиче-

ской недопустимости формальной экстраполяции закона исключенного третьего на бесконечные множества и процессы.

Соз.: Доказательство существования трансцендентных чисел (по Cantor'у). Одесса, 1896; Алгебра как учение о сравнениях по функциональным модулям. Одесса, 1917.

Лит.: Чеботарев Н. Г. С. О. Шатуновский (некролог) // Успехи математических наук. Вып. 7. М.; Л., 1940; Яновская С. А. Основания математики и математической логики // Математика в СССР за 30 лет. М., 1948; **46**, т. 29, с. 298; Стяжкин Н. И., Силаков В. Д. **480**, с. 75.

ШВАРЦ (SCHWARZ) ИОГАНН ГЕОРГ (ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ) (1751—17(28).1.1784). Родился в Трансильвании; предполагается, что, будучи в Германии, заинтересовался Россией и прибыл сюда в 1776 г.; здесь он установил связи с русскими масонами, был принят кн. Трубецким в Московскую ложу; при кураторе масоне М. М. Хераскове получил в 1779 г. место в Московском ун-те и был назначен инспектором университетской семинарии, созданию которой много способствовал; в 1780 г. был произведен в ординарные профессора философии; в марте 1781 г. Ш. учреждает «собрание университетских питомцев», которое ставило не только научную цель «упражняться» в сочинениях разного рода и «переводах», но и масонскую нравственную: «жить по правилам благочестия». Труды университетских питомцев стали публиковаться в журналах Н. И. Новикова. Ш. фактически стал главой московских масонов. Летом 1782 г. Ш. открывает при ун-те филологическую семинарию для переводов на русский язык «лучших авторов и нравоучительных сочинений». Для «семинаристов» Ш. читал на дому курс лекций по философии истории и продолжил чтение лекций по этой теме также после своей отставки в конце 1782 г.: до апреля 1783 г. была прочитана 21 лекция.

Философская позиция Ш. не поддается однозначной оценке. Масонство Ш., как и все русское масонство XVIII в., было синкретичным, во всяком случае, Ш. не был адептом «германского строгого наблюдения», отвергал розенкрейцерство. Ему близки были идеи Я. Бёме, а наиболее общей для Ш. была «Платонова идея», о которой Ш. говорил как о своей. Первым предметом философии Ш. считал христианскую нравственность, выступая в этой сфере крайним аскетом, ригористом, даже мизантропом. По природе, «до падения», человек — это-де своеобразный «микробог», «подобие Бога», а после «падения» «человек стал гнилым и вонючим сосудом, наполненным всякой мерзостью»; лишь

через самопознание и познание Бога достижимо «дочревное» совершенство человека».

Масонство Ш. придало специфическую окраску его взглядам на общие проблемы философии. Ш. придерживался концепции о тройственности познаний: познаний исторических (нравственные, физические и метафизические), которые обогащают разум; познаний технических или художественных, которые научают искусствам, поэзии, музыке, живописи и т. д., и «живых познаний», дарованных Богом (человеческие таланты).

Как филолог Ш. исходил из тройких оснований всех языков: грамматики, риторики и философии, причем философия, по его мнению, дает средства придать слогу как порядком, так и точно определенными и истинными мыслями силу и убедительную основательность. Логика же (умословие) учит нас мыслить, исследовать, заключать и убеждать.

В сфере гносеологии у Ш. превалирует религиозно-мистическое начало: никакое человеческое умствование и никакая мудрость «неудобны», по Ш., без истинного упования на Бога. Библия — это истинный источник всех человеческих познаний. Особую роль во взглядах Ш. занимает идея «внутренних», «невидимых» чувств, которые находятся в зачаточном состоянии у «падшего» человека, но должны получить развитие у будущего, «духовного» человека. Инстинкт есть отличающееся от разума и воли чувство, он является «единицей», сущностью того и другого, корнем к которому все стекается.

Соз.: О трех познаниях: любопытном, приятном и полезном // Друг юношества и всяких лет. 1813. Январь; Внешнее явление нравственного зла // Сионский вестник. 1818. Кн. 2; Курс философской истории // Рукописный отдел РГБ. Ф. 147. № 2018.

Лит.: Тихонравов Н. С. 36, ч. 2, с. 574—599; Лонгинов М. Н. Новиков и Шварц // Русский вестник. 1857. Т. II. Кн. 1. С. 539—585; Он же. Новиков и московские мартинисты. М., 1867; Ешевский С. В. Сочинения. М., 1870. Ч. III. С. 443—568; Миллюков П. Н. 276, ч. 3, с. 354—364; Фурсенко В. В. 424, т. 22, с. 620—629; Задорожнюк И. Е. 415, с. 612; Артемьева Т. В. 14, с. 120—121; 250—254.

ШЕВЫРЕВ СТЕПАН ПЕТРОВИЧ (18(30).10.1806—8(20).5.1864). Родился в Саратове в потомственной дворянской семье; в 1818 г. был принят в Московский университетский благородный пансион; по окончании курса с золотой медалью остался жить в пансионе и посещал лекции в ун-те; поскольку Ш. не было разрешено сдавать экзамены прямо на степень кандидата, он на время отказался от университетской

карьеры и поступил в 1823 г. на работу в Московский архив Государственной коллегии иностранных дел и сочетал службу с участием в кружках (С. Е. Раича, Любомудров), с переводческой, поэтической и литературно-критической деятельностью; с начала 1829 г. до середины 1832 г. Ш. пребывал за границей; по возвращении на родину тогдашний товарищ (заместитель) министра народного просвещения С. С. Уваров предложил Ш. поступить в Московский ун-т адъюнктом; в январе 1834 г. Ш. начал чтение лекций по истории всеобщей словесности; в январе 1837 г. он защитил тезисы своей диссертации на тему «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов»; был утвержден доктором философии и стал экстраординарным профессором; во время второй своей деловой поездки в Западную Европу Ш. познакомился с немецким религиозным философом Францем Баадером; по возвращению в Россию в 1840 г. был утвержден ординарным профессором; в октябре 1841 г. стал адъюнктом Академии наук по отделению русского языка и словесности; в 1847 г. Ш. стал преемником старшего профессора русской словесности И. И. Давыдова, вышедшего из ун-та; в том же году Ш. стал деканом 1-го отделения тогдашнего философского фак-та. Карьера декана складывалась у Ш. сложно: в 1851 г. он был забаллотирован, и деканом избрали Грановского; но министр не утвердил выборов, и Ш. остался в звании декана; с 1852 г. Ш. — ординарный академик; в 1857 г. университетская карьера Ш. закончилась: после ссоры и драки с графом Бобринским он был уволен с работы.

Уже в молодые годы в кружке Любомудров мировоззрение Ш. стало развиваться в духе консервативного романтизма; немецкая философия, особенно Шеллинга, сочинения немецких эстетиков и критиков романтической ориентации принадлежали к числу его любимых занятий. Увлекался Ш. и изучением русской истории, но и Библия была его настольной книгой. В середине 20-х гг. Ш. сближается со старшим по возрасту М. П. Погодиным, взгляды которого также развивались в рамках консервативного романтизма и повлияли в соответствующем духе на Ш. К моменту начала издания Погодиным журнала «Москвитянин» славянофильская составляющая мировоззрения Ш. вполне оформилась, и он оказался в числе тех университетских профессоров, которые не ограничивались своей академической деятельностью, но активно участвовали в общественных движениях.

Ш. — славянофил, расположившийся на крайнем правом фланге этого течения. Ш. был убежден, что проблема «Россия — Запад — Россия» — это не некая частная проблема, а формула, выражающая «драму» всей современной истории, сменившей «самые знаменитые единоборства всемирной истории» («Азия — Греция», «Греция — Рим», «Рим и мир

германский»), причем Ш. представлял Европу («Запад») не просто стареющей (как, напр., Погодин), но «гниющей» и «умирающей», «пахнущей трупом», от которого Россию нужно изолировать. Такая «философия истории» существенно отличала Ш. от идеологов официальной народности, которые не шли так далеко в антизападничестве.

В сфере теоретической философии Ш. — непримиримый критик «германской философии от Лейбница до Шеллинга и Гегеля», поскольку она жила-де в области чистого умозрения, как «дерзкий титан» хотела похитить у Бога тайну творения и построить мир человеческой мыслью. По мнению Ш., «новогерманская философия» своей сухостью умерщвляет душу в ее жизни и чувстве. Она вырыла бездну между знанием и верой, наукой и религией, философией и христианством. Истинно христианской Ш. признал философию Баадера, поскольку тот, выступая против теофобии и христофобии, ратовал за религиозную философию, коренная мысль которого — Бог-отец, от вечности рождающий сына и в сыне находящий совершенное воплощение любви своего Духа.

Ш. мечтал о том, чтобы русские создали самобытную философию, воплотив «скелет», приготовленный немцами, «в живое тело истории». Мысль о том, что знание только тогда будет полным, когда философия будет «поверяться» историей и наоборот, когда история «согласится» с философией», когда установится взаимная дружба истории и философии, — также оттеняет специфику философствования Ш.

В сфере эстетики Ш. значительно отступал от своего национал-изоляционизма, поскольку ценил Шеллингову теорию искусства как соответствующую характеру христианского искусства.

Соз.: Гимн религии. М., 1821; Речь о влиянии поэзии и красноречия на счастье гражданских обществ. М., 1822; История поэзии. Т. 1. М., 1835; О критике вообще и у нас в России // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Апрель. Кн. 1; Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов. М., 1836; Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 1–2; Христианская философия. Беседы Баадера // Там же. Ч. 3. № 6.

Лит.: 36, ч. 2, с. 603–621; Тихонравов Н. С. С. П. Шевырев // Соч. М., 1898. Т. 3. Ч. 2; Н. Ч. 424, т. 23, с. 19–29; Малинин В. А. 186, т. 2, с. 201–203; Манн Ю. 530, т. 5, с. 499; Абрамов А. И. 414, с. 589–590 и 415, с. 612–613; 533, с. 658.

ШЕРШЕНЕВИЧ ГАВРИИЛ (ГАБРИЭЛЬ) ФЕЛИКСОВИЧ (1.1.1863–31.8.1912). Родился в Херсонской губ. в польской дворянской семье;

окончил 2-ю казанскую гимназию (1873—1881) и юридический факт Казанского ун-та (1881—1885); в 1888 г. начал преподавательскую деятельность; тогда же защитил в Москве магистерскую диссертацию, а в 1892 г. в Казани — докторскую диссертацию; стал экстраординарным, затем ординарным профессором гражданского и торгового права Казанского ун-та; с 1906 по 1911 г. — преподавал в Московском ун-те, а также в Московском ун-те А. Л. Шанявского.

Философско-методологической основой концепции права Ш. является позитивизм. Метафизика, считал он, невозможна не потому, что ее вопросы не стали предметом научного исследования, а потому, что они никогда не станут достоянием науки. Мы никогда не постигнем мира в его пространственной и временной бесконечности; никогда не откроем, зачем человечеству нужно было появиться на земле. Философия не отличается от науки предметом познания, она изучает тот же мир явлений, как и науки, и никаких иных, кроме научных, методов нет. Вместе с тем философия — не простая сумма научных знаний: философия объединяет выводы наук в видах построения цельного научного мировоззрения. В этом смысле философия является основой всех наук. Науки начинают свою работу на фундаменте, воздвигнутом философией, а философия подводит все здание под крышу.

Частью философии является философия права. Последняя не отличается от целого ни по своим задачам, ни по методам. Отличие философии права от философии — не качественное, а количественное. Философия права решает те же задачи, что и отдельные юридические науки. Научная философия права ищет постоянного в сменяющемся, а не стремится обнаружить за правовыми идеями вечную идею права, раскрываемую разумом, но строит свои понятия только на положительном праве.

Соз.: Задачи и методы гражданского правопедения. Казань, 1898; История философии права. Вып. 1—4. Казань, 1904—1908; Социология. М., 1910; Философия права. Т. 1: Часть теоретическая. Общая теория права. М., 1910—1912. Вып. 1—4.

Лит.: 35, ч. 2, с. 86—87; Васильев А. В. Памяти Г. Ф. Шершеневича. Казань, 1912; Кистяковский Б. А. Г. Ф. Шершеневич. Общая теория права. М., 1913; Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978; Жуков В. Н. 415, с. 615—616.

ШИЛКАРСКИЙ ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ (15(27).1.1884—20.8.1960). Приват-доцент Юрьевского (бывшего Дерптского) ун-та; после 1917 г. — профессор Ковенского (Литва), затем Боннского (Германия) ун-тов.

В дооктябрьский период в центре внимания Ш. был так называемый типологический метод в истории философии, задачи которого: 1) установить типические точки зрения на действительность и обнаружить их источник в природе нашего «я»; 2) представить эти типические мировоззрения как последовательные ступени в самопознании нашего «я», 3) исторически оправдать духовное понимание действительности как завершения многообразных усилий разума постигнуть истину.

Соз.: О панлогизме у Спинозы // ВФиП. 1914. Кн. 123; Типологический метод в истории философии. Т. 1. Юрьев, 1916; Основные решения проблемы сущего. Юрьев, 1917; О панлогизме у Спинозы. Юрьев, 1917.

Лит.: Блонский П. Рец. на кн.: Ш. «Типологический метод в истории философии» // Мысль и слово. 1917. № 1; Лосский Н. О. 253, с. 488; Алешин А. 414, с. 598—599.

ШИЛЛЕР НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1(13).3.1848—10(23).11.1910). Родился в Москве. Окончил математическое отделение Московского ун-та в 1868 г. и назначен лаборантом в физическую лабораторию; в 1871 г. командирован за границу, где занимался под руководством Гельмгольца; в 1875 г. получил степень магистра и назначен приват-доцентом в Ун-т св. Владимира в Киеве; в 1876 г. защитил докторскую диссертацию, стал профессором; с 1903 г. — директор Технологического ин-та в Харькове.

В теории познания Ш. — кантианец: мир, считал Ш., нам представляется не таким, каков он есть в действительности. Наши познания условны. Познание человека ограничено чувствами, способностью разума координировать полученные впечатления и областью внутреннего самосознания. Учение об условности наших представлений является достоянием многих философских школ, но только теория Канта об априорности понятий пространства и времени дала-де этому учению надлежащий вид. Исходя из этих кантовских идей, Ш. отверг всю «материалистическую метафизику». В частности, он не признавал за материей ни роль субстанции, ни роль субстрата. Ратовал Ш. за создание «новых умозрительных дисциплин», за теорию познания, которая должна изыскивать новые пути в априорных, умозрительных построениях. Стоя на точке зрения априорной метафизики, теория познания должна-де дать оценку всей совокупности априорных построений и указать пути их развития, которые вели бы к усовершенствованию намеченного метафизикой мирозерцания. Исходной точкой для априорной теории познания является априорная же метафизика, согласно

которой психический мир охватывает со всех сторон наше бытие и играет доминирующую роль в процессах жизни. Концепция аритмологии и истолкование Ш. гносеологических взглядов Канта оказали влияние на философские взгляды представителя Московской философско-математической школы П. А. Некрасова.

Соз.: Элементы учения об электричестве. Киев, 1886; О некоторых новейших взглядах на методы решения вопросов физики. Киев, 1894; Значение понятия о «силе» и о «массе» в теории познания и в механике. Киев, 1898.

Лит.: 573, п/т. 78, с. 566–567; Косоогонов И. И. Николай Николаевич Шиллер. Его жизнь и научная деятельность (некролог). СПб., 1911; 46, т. 29, с. 401.

ШИМКОВ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ (1839–?). Родился в Полтавской губ.; в 1860 г. окончил Харьковский ун-т и оставлен для подготовки к профессорскому званию; с 1864 г. — магистр физики; в 1865 г. избран доцентом; с 1868 г. — доктор физики; с 1871 г. — ординарный профессор Харьковского ун-та; в 1901 г. вышел в отставку.

Физик по профессии Ш. считал нужным высказаться по фундаментальной гносеологической проблеме «относительности наших познаний и внешнем мире» в статье, опубликованной в журнале «Природа и охота». Идея полной познаваемости мира Ш. представлялась совершенно невозможной. Гегеля и его школу он упрекал за то, что они человеческий дух отождествляли с духом Творца Вселенной и полагали, что все совершающееся в природе есть плод мысли ее Творца и поэтому одно мышление способно открыть идеи, руководившиеся Творцом. Натурфилософия, построенная на этих началах, по Ш., оказалась *reductio ad absurdum*. Такому «гностицизму» Ш. противопоставил агностицизм в духе кантианства и позитивизма. Некоторую долю истины он готов был усмотреть даже в тезисе о том, что весь внешний мир есть фикция нашего ума. Признавая, что вне «я» и моего сознания существует внешний мир, Ш. доказывал, что этот мир доступен нам настолько, насколько он действует на органы чувств. Размер, объем, многосторонность познаний зависят от способностей воспринимать впечатления от окружающего. За пределами познаваемого лежит все то, что никаких действий на нас не производит и потому сокрыто мраком. Задачу естествоиспытателя Ш. видел в том, чтобы составить объективно-верное представление о природе, отрекаясь от своих непосредственных ощущений, понимая, что эти ощущения являются особыми процессами, оказывающимися движениями.

Соз.: Внешний мир и наши представления о нем // Природа и охота. 1878. Т. 4. № 10; Курс опытной физики. Т. 1. Харьков, 1878—1881.

Лит.: 264, т. II, вып. 4, стб. 2077.

ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ ПЛАТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ (18(29).11.1790—5(17).5.1853). Родился в д. Дерново Вяземского у. Смоленской губ.; окончил Морской кадетский корпус (1807); участвовал в войне с Францией 1812—1814 гг.; с 1820 г. — начальник 2-го отделения инженерного департамента Военного министерства; по знакомству с адмиралом А. С. Шишковым в 1824 г. назначен директором канцелярии Министерства народного просвещения; с 1842 г. — товарищ (заместитель) министра, с 1850 г. — министр народного просвещения.

Еще в XIX в. Ш.-Ш. прослыл в либеральных и демократических кругах реакционером, последователем ретрограда А. С. Шишкова. Особенно негативную роль Ш.-Ш. сыграл в 1850 г., когда, выполняя волю Николая I, «обосновал» «необходимость» почти полного запрета преподавания философии в ун-тах. Характеризуя в «записке» царю «германскую философию», Ш.-Ш. акцентирует мысль, что Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель «дерзновенно» мечтают познать «начало безусловное» с помощью только одного ума, хотя ограниченному и конечному человеческому уму не дано познание бесконечного и беспредельного. Эти философы снимают-де с человека обязанность, налагаемую на него верой и нравственностью, а предоставляя все «ослепленному страстями уму», подрывают основание всякого благоустроенного общества. Ш.-Ш. утверждал также, что вторжение в Россию германской философии и дальнейшее распространение ее «обольстительных мудрований» должно неизбежно усилить заметное охлаждение к вере у подрастающего поколения. Философии Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля Ш.-Ш. противопоставил философию профессора Петербургского ун-та, затем Петербургской духовной академии австрийца А. А. Фишера, как одного из самых благонадежных, «самого благонамеренного из преподавателей философии, который не щадит усилий к сближению философии с учением христианским», старается примирить философию с религией и стремится «к истинам божественным доходить путем философским».

Лит.: Елагин Н. В. Очерк жизни и трудов князя Платона Александровича Ширинского-Шихматова. СПб., 1855.

ШИРМА (SZYZMA) КРЫСТЫН ЛЯХ (1791—1866). Закончил гимназию в Крулевне и Виленский ун-т; сопровождал в поездке 1820—1821 гг. во Францию, Англию и Шотландию друга и советника Алек-

сандра I в период реформ начала XIX в. сенатора и будущего главы временного правительства Польши во время Польского восстания 1830 г. Адама Чарторыйского; в 1824 г. получил степень доктора за работу «Речь о философии», стал последним профессором (1825–1826) философии Александровского ун-та в Варшаве незадолго до его закрытия в 1831 г.; читал лекции по философии, антропологии, естественному праву и логике; в совете ун-та обсуждалась его работа «Введение в философию». Одним из наиболее известных студентов, учившихся у Ш., являлся поборник польской национальной философии Б. Трентовский, писавший впоследствии, что его учитель был философом в английском значении этого слова (т. е. эмпириком) и потому-де «не знал, что такое философия».

Coz.: Letters literary and political on Poland, comprising observations on Russia and other Sclavonian nations and tribes (Edinburgh, 1823).

Лит.: Chojnacki W., Dabrowski J. 603, S. 117–118; 573, п/т. 78, с. 592.

ШИХОВСКИЙ ИВАН ОСИПОВИЧ (1805–1854). В 1805 г. окончил Московский ун-т; в 1827 г. получил степень доктора медицины; в 1828 г. направлен в Профессорский ин-т при Дерптском ун-те, где получил степень доктора философии; стажировался в Вене; по возвращении в Россию назначен профессором ботаники сначала в Московский ун-т, затем в Московскую медицинскую академию; в 1840 г. переведен в Петербургский ун-т.

С методологической точки зрения, труды Ш. характерны осознанным агностицизмом, который гармонировал как с агностицизмом христианским, так и с кантианско-позитивистским. Человек, считал Ш., в состоянии исследовать только подверженное чувствам «строение вещественных тел» и силы, которые в них проявляются, а также их «вторичные цели». Сущность же вещества и его происхождение «не входят в область естествоиспытателя».

Coz.: О предмете и пользе ботаники // Ученые записки Московского ун-та. 1835. № 10; Примечания к кн.: Декандоль А. Введение к изучению ботаники. Т. 1–2. М., 1837–1838.

Лит.: Арц В. 573, п/т. 78, с. 604–605.

ШИШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (21.5.1840–8.12.1906). Родился в семье пензенского дворянина; курс гимназии прошел в Пензенском дворянском ин-те; в 1862 г. окончил естественное отделение физико-математического фак-та Петербургского ун-та; по окончании ун-та не-

которое время служил в армии; в 1864 г. был назначен учителем математики и физики в Тульскую гимназию; с 1866 г. преподавал в Москве — сначала в юнкерском училище, затем в частных гимназиях; одним из его учеников в гимназии Л. И. Поливанова был Л. М. Лопатин.

В круг научных интересов Ш. входили проблемы природы вещества, соотношения материи и силы, потенциальной и кинетической энергии, пределов механического объяснения физических явлений, детерминизма и математической закономерности феноменов природы, сущности пространства. Эти проблемы предопределяли интерес Ш. к философии. Он, в частности, интересовался трудами представителей рационалистической критики христианства (Д. Штраус, Ренан и др.), богословскими трудами (Феррар), патристикой (Ориген), религиозной философией Вл. Соловьева. Хотя Ш. опубликовал очень немного работ, они оказали влияние на Н. Я. Грота, Н. В. Бугаева и Л. М. Лопатина.

По мировоззрению Ш. был позитивистом, сторонником механического объяснения природы, полагая при этом, что вопросы о первом начале, сущности духа, о свободе воли, о бессмертии души не входят в границы этого метода познания. По проблеме пространства Ш. занял релятивистскую позицию, утверждая, что пространства Эвклида, Лобачевского и Римана, несмотря на весьма различные свойства, представляют три равноценные гипотезы. Впечатление произвел тезис Ш. об индетерминизме как математически необходимом, а следовательно, фактически наличном свойстве психической деятельности. Этот тезис нашел сторонников в Московском психологическом обществе.

Соз.: О психофизических явлениях с точки зрения механической теории // ВФиП. 1889. Кн. 1; 1890. Кн. 2, 3; О детерминизме в связи с математической психологией // Там же. 1891. Кн. 8, Пространство Лобачевского // Там же. 1894. Кн. 21.

Лит.: Лопатин Л. М. Физик-идеалист (памяти Н. И. Шишкина). М., 1908.

ШЛЁЦЕР (SCHLÖZER) АВГУСТ ЛЮДВИГ (5.7.1735—9.9.1809). Родился в Гагштадте; учился в Виттенбергском и Геттингенском ун-тах; в ноябре 1761 г. по приглашению Г.-Ф. Миллера приехал в Россию; стал адъюнктом Академии (1762); несмотря на сопротивление М. В. Ломоносова и Миллера, указом Екатерины II Ш. был назначен ординарным академиком по кафедре истории; в 1767 г. оставил Россию; с 1769 г. — почетный член Петербургской АН; в Германии стал профессором истории в Геттингенском ун-те.

М. П. Погодин, как бы это ни было странным для антизападнически ориентированного идеолога правого крыла славянофилов, считал, что

появление Ш. в России — «это настоящее событие в Русской истории, или, по крайней мере, в ее критике. Ш., как Цезарь, пришел, увидел, победил!». Такие дифирамбы не могут скрыть того факта, что в некоторых отношениях историк Ш. жил еще в средневековье: он всерьез писал, что мир существует около 6000 лет. В его хронологии есть периоды: «от сотворения до потопа», «от потопа до Рима» и т. д. Но, с другой стороны, Ш. — проводник новых методов в историческом исследовании. Свою историю человечества Ш. рассматривал как новый род истории, отличающийся от трудов, создававшихся раньше, как он говорил, философами. Если, писал Ш., басни, романы и Вольтеры показывают, каким мог быть мир, нравоведы, политики и естествоиспытатели определяют, каким он должен быть, то всеобщая история должна показать, каким образом этот мир в целом и по частям «учинился» тем, чем он был и ныне есть. Иными словами, Ш. стремился проводить принцип объективности на конкретном историческом материале. «Материю» всемирной истории, по Ш., составляют великие происшествия в мире, перемены человеческого рода и Вселенной. Всемирная история — это не просто сумма всех особенных историй, а некоторое целое, система, в которой мир и человечество есть единица, а из всей суммы частей некоторые части выделяются перед прочими. Идее «национальных» историй Ш. противопоставлял идею единства человечества, полагая, что «все люди суть творения одного рода и по Моисею, и по Бюффону». В момент, когда эволюционная идея еще не стала общепризнанной в науке, Ш. проводил идею изменчивости: «Мир сначала таков не был, каков есть ныне», «Род человеческий подвержен был переменам»; «Земля подвержена была переменам», иногда «от натур», чаще «от рук человеческих».

Соз.: Представление всеобщей истории. СПб., 1809 (1-е изд., 1791).

Лит.: Соловьев С. М. Шлёцер и антиисторическое направление // Русский вестник. 1857. Т. 8; Лятошинский Н. Л. Август Людвиг Шлёцер и его историческая критика. Киев, 1884; Иконников В. С. Август Людвиг Шлёцер (1809—1909 г.). Историко-биографический очерк. Киев, 1911; Lomonossov. Schlözer. Pallas. Berlin, 1962; Черепнин Л. В. А.-Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки // Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966; Артемьева Т. В. 15, с. 21—24.

ШМИДТ ИОГАНН ФРИДРИХ (ФРИДРИХ ИВАНОВИЧ, по другим данным Андреевич) (1766—1845). Родился в г. Элленбург (Саксония) в семье пастора; восемь лет учился в высшей гимназии св. Фомы в Лейп-

циге; затем учился в Лейпцигском ун-те, где слушал, в частности у Платнера, курс нравственной философии; в 1789 г. получил в ун-те степень магистра свободных наук и доктора философии; в 1792 г. приехал в Россию, где за свою книгу «О начале и успехах регулярного войска в России» и за перевод с русского на немецкий книги «Исторические изображения Грузии» удостоился наград сначала от Павла I, затем от Александра I; в мае 1804 г. назначен в Демидовское училище высших наук, где проработал более 25 лет в качестве профессора философии и греческого языка; слыл высокообразованным и глубоко преданным своему делу в отличие от некоторых других иностранцев, оказавшихся в училище; один из любимых в училище профессоров; дослужился до степени первого заслуженного профессора Демидовского училища; пять раз избирался проректором; с 1819 г. — подданный России, завещал училищу капитал в 2000 руб. ассигнациями с тем, чтобы на проценты с этой суммы награждали золотой медалью окончивших курс студентов.

Масонское прошлое Ш. предопределило его представление о философии: он внушал слушателям мысль о том, что в Древней Греции «философы украшали умы и сердца своих слушателей нравственными правилами мудрости и добродетели», что «Философия не в тонких словопрениях, но в действиях нравственности состоять должна».

Соз.: Слово о древнем воспитании греков. М., 1806; Речь о пользе, какую благонравие приносит народам и царствам. М., 1815.

Лит.: Головицкий К. Д. 109, с. 59—60; Покровский С. П. 375, с. 61, 79, 141; 363, 1806. № 16, с. 443.

ШМИТ ФЕДОР ИВАНОВИЧ (3.5.1877—1942). Учился в Харьковском ун-те в середине 90-х гг. XIX в.; по окончании ун-та подолгу путешествовал по Западной и Южной Европе, стал специалистом-византистом; магистр теории и истории искусств; с 1912 г. — исправляющий должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории и теории искусств Харьковского ун-та и на Высших женских курсах; после 1917 г. работал в Государственном ин-те истории искусств.

Когда Ш. приступил к разработке теории искусства, то его противниками оказались сторонники интуитивизма и теории «вчувствования» А. Фишера. Свою концепцию истории и теории искусства Ш. построил на положениях: эволюция каждого цикла начинается с искусства воли, за которым следует искусство мысли (символическое) и искусство чувства (патетическое, или эмоциональное). Искусство творится художником и является результатом индивидуально-психологического процесса. Чтобы понять искусство, необходимо дать себе отчет в особенностях

образного, ассоциативного, эмоционального мышления, не похожего на отвлеченное, логическое, бесстрастное научное мышление. Искусство творится художником, чтобы выразить некое переживание. Но индивидуально-психологический и чисто формальный анализы не исчерпывают искусствоведческой задачи. К произведениям искусства нужно подойти также с критерием коллективно-психологическим, социологическим, выяснить их общественную обусловленность.

Соз.: Законы истории. Введение к курсу всеобщей истории искусств. Вып. 1. Харьков, 1916; Искусство, его психология, его стилистика, его эволюция. Харьков, 1919; Искусство. Основные проблемы теории и истории. Л., 1925.

Лит.: Сумцов Н. Ф. Труды Ф. И. Шмита по истории искусства. Харьков, 1912.

ШНЕЙДЕР ЯКОВ ИВАНОВИЧ (ок. 1746—20.3.1848). В Россию Ш. приехал из г. Кольмар (Эльзас-Лотарингия), где был адвокатом; когда на масонском конгрессе в Вильгельмсбадене Россия была признана самостоятельной (восьмой) «провинцией», Ш. вошел в шестерку членов «директории» от России; в жизни Московского ун-та Ш. участвовал с 1782 по 1789 г., став профессором римского права; он вошел в созданное Шварцем «Дружеское ученое общество», объединявшее питомцев ун-та и ставившее как научные, так и нравственные цели; в 1782 г. Ш. взялся читать бесплатно для студентов на латинском, а для дворян на французском языке лекции о духе законов по Монтескьё; за это ун-т включил его в число почетных профессоров; с 1836 г. Ш. жил в Одессе, где скончался на 102-м году жизни.

Ш. — не только юрист, но и поборник философии. Явно с намеком он прославлял античные времена, когда правители не стыдились слушать учение философов и философия была в таком же уважении, как в «наш век». Из философско-исторических идей Монтескьё Ш. особенно подчеркивал роль географического фактора в истории. В духе идеологии «просвещенного абсолютизма» он проводил мысль о решающем значении «науки законодательства» для «мудрого правления». Профессор позволял себе дать совет — чтоб на престолах царей и в сердце каждого власть имущего были бы начертаны правила правления, сформулированные Монтескьё. Нельзя надеяться умножить свою силу через ниспровержение других престолов. Этого нужно ожидать от мудрости правления — вот какую истину доказал-де «славный Монтескьё».

Соз.: Рассуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов, или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Импера-

торском Московском университете. Рассуждение первое: о истории законодательства, М., 1782; О высоком назначении законовещения (*Oratio solemnis de praestantia jurisprudentiae*). М., 1785.

Лит.: Морозкин. 36, ч. 2, с. 630—632; Мизанек Н. 424, т. 23, с. 357.

ШПЕТ (ШПЕТТ) ГУСТАВ ГУСТАВОВИЧ (26.3(7.4).1879—16.11.1937). Родился в Киеве; учился на физико-математическом и историко-филологическом фак-тах Ун-та св. Владимира в Киеве; за участие в революционном движении исключен из ун-та; вновь был принят в ун-т в 1901 г.; в 1903—1904 гг. участвовал в «психологической семинарии» Г. И. Челпанова; по окончании ун-та преподавал в частных гимназиях; с 1907 г. — в Москве, на Высших женских курсах, в ун-те Шанявского; в 1910 г. получил звание приват-доцента; в 1916 г. защитил магистерскую диссертацию «История как проблема логики»; с 1916 г. — профессор Высших женских курсов и приват-доцент Московского ун-та; с 1918 по 1921 г. — профессор Московского ун-та; на короткое время стал первым директором Ин-та научной философии при фак-те общественных наук 1-го МГУ; в 1921 г. — действительный член Российской Академии художеств, в 1927—1929 гг. — вице-президент этой Академии; с 1932 г. — проректор Академии высшего актерского мастерства; в 1935 г. арестован и сослан в Сибирь; в октябре 1937 г. повторно арестован, приговорен к 10 годам «без права переписки» и был расстрелян.

В январе 1914 г. в полемике с Бергсоном, Булгаковым и фактически со всеми иррационалистически-мистическими течениями (в других работах Ш. критикует Лосского, Эрна, Флоренского) Ш. заявил, что период сомнения, декаданса, болезненного бессилия, апатии и квиетизма в философии закончился. Безнадежное время, когда провозглашалось банкротство науки, изжито, материалистическая эра в философии завершилась, что «мы» стоим на кануне великой эпохи, а уже в ней. В контексте такой рационалистическо-оптимистической установки Ш. разрабатывал свою философскую концепцию, отталкиваясь от феноменологической философии Э. Гуссерля, которая поддавалась интерпретации не только как объективно-идеалистическая теория, но и как субъективный идеализм. Ш. истолковал гуссерлианство в духе объективно-идеалистического онтологизма. По Ш., «положительной философии» от Платона до Лотце, Декарта и Лейбница, ставившей своей целью познание сущего во всех его формах, противостоит «негативная философия» от Протагора до Локка, Юма и Канта, хотя последняя — не сплошная ошибка. Ш. считал, что, согласно Гуссерлю, философия по своей сущности есть наука об истинных началах, об источниках, и от-

вергал теории познания, изучающие не бытие, а познающего субъекта. Ш. выдвигает одним из вопросов «первой» философии вопрос о бытии познающего субъекта и через этот вид бытия предлагает идти к другим видам и формам бытия. Этим путем, считал Ш., идет Гуссерль, и его феноменология должна быть «первой» философией, «основной наукой философии». Вместе с тем Ш. относился к феноменологии Гуссерля критически, считал, что это — не откровение, что в ней нет истины, данной на века, что многое в ней может быть исправлено, а кое-что и вовсе отвергнуто. Опираясь на свою интерпретацию философии Гуссерля, Ш. отстаивал рационалистическую, антиагностическую, антискептическую теорию познания, призывая не превращать теорию познания в теорию незнания, развивать бесконечные творческие силы разума. В этой связи Ш. противостоял «софистике» и «кичливому коперниканству» Канта, чьим именем, иронизировал он, «украшена наша господствующая философия». Новую эпоху в философии, по Ш., начинает не Кант, а философские движения от Фихте и романтизма, тесно связанные с неогуманизмом.

Уже в дооктябрьский период Ш. заявил о себе как весьма самобытный и глубокий историк философии. Так, он совершенно справедливо подверг критике точку зрения, согласно которой немецкое Просвещение начинается с Лейбница, а не с Лессинга. Очень верно Ш. писал, что о немецком Просвещении нужно говорить прежде всего как о течении, сложившемся под влиянием французского Просвещения, хотя и принявшем своеобразные формы. Дух последовательного рационализма и «гуссерлианской» логической строгости Ш. проявил в своих работах по истории русской философии, хотя частенько он впадал в излишний критицизм и даже нигилизм, заслужив немало справедливых (не всегда, правда) упреков в антиисторизме.

Соз.: Проблема причинности у Юма и Канта. Ответил ли Кант на сомнения Юма? Киев, 1907; Скептицизм и догматизм Юма // ВФиП. 1911. Кн. 106; Логика. Вып. 1. М., 1912; Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М., 1914; Философское наследие П. Д. Юркевича. М., 1915; История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. 1. Материалы. М., 1916; Сознание и его собственник. М., 1916; Очерк развития русской философии. Ч. 1. Пг., 1922; Антропологизм Лаврова в свете истории философии // П. Л. Лавров. Статьи. Воспоминания. Материалы. Пг., 1922.

Лит.: Зеньковский В. В. 154, т. 2, с. 369—372; Асмус В. Ф. 530, т. 5, с. 519—520; 532, с. 751—752; Свасьян К. Густав Густавович

Шпет // Литературная газета. 1990. № 7. С. 5; Шпетовские чтения в Томске. Томск, 1991; *Поливанов М. К.* Очерк биографии Г. Г. Шпета // Начала. 1992. № 1; *Калиниченко В. В.* Густав Шпет: от феноменологии к герменевтике // Логос. 1992. № 3; *Чубаров И. М.* Шпет в Геттингене // Там же; *Ермигев А. А.* **413**, с. 580—583; *Роди Ф.* Герменевтическая логика в феноменологической перспективе: Георг Миш, Ханс Липпс и Густав Шпет // Логос. 1995. № 7; *Моисеев В.* **414**, с. 603—608; *Кузнецов В. Г.* **533**, с. 670—671; *Ильин В. В., Солнцев Н. В., Чалов Н. М.* **173**, с. 147—149; Г. Г. Шпет / Comprehensio. Творческое наследие Г. Г. Шпета и современные философские проблемы. Томск, 1997; *Чубаров И. М.* **415**, с. 623—624 и **11**, с. 315—320.

ШТЕЛИН (STÄHLIN) ЯКОБ (ЯКОВ ЯКОВЛЕВИЧ) (10.5.1709—25.6.1785). Родился в Меммингене (Швабия): учился в лицее в родном городе, затем в гимназии Циттау; окончил Лейпцигский ун-т; в Петербург приехал 25 июня 1735 г.; удостоился звания адъюнкта Академии и первое время должен был заниматься придворными фейерверками; в сентябре 1737 г. получил кафедру красноречия и поэзии и стал одним из официальных придворных стихотворцев; в 1742 г. — воспитатель будущего Петра III, а с его восшествием на престол был предписан ко Двору; с 1745 г. — библиотекарь при Дворе; редактировал «Санкт-Петербургские ведомости», управлял основанным им отделением изящных искусств Академии наук; приватно учил «первым началам собранной философии Готшеда, сокращенной Вольфовой логике» (*Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. 1. С. 85).

В 1745 г. Ш. представил членам Академии присланный Вольтером труд «О философии Ньютона», и французский мыслитель был избран почетным членом Академии.

Соз.: О житии и учении первого так называемого философа Пифагора (1739) // Примечания к «Ведомостям»; <О Сократе> (1739) // Там же; Записки о Петре III, императоре Всероссийском // ЧОИДР. 1866. Кн. 4.

Лит.: Précis de la vie M. de Stehlin // Nova acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1778. III; *Майков П. П.* **424**, т. 23, с. 419—421.

ШТЁКГАРДТ РОМАН АНДРЕЕВИЧ (ум. 28.9.1848). Родился в Саксонском королевстве в г. Глаухау в семье пастора, получил хорошее воспитание: десяти лет от роду Ш. поступил в Бауценскую гимназию и блестяще с медалью ее окончил; в 1820—1823 гг. — студент юридического отделения Лейпцигского ун-та, где кроме права занимался философи-

ей, историей и филологией. В 1826 г. получил степень доктора философии и права; в 1831 г. был приглашен в Петербург на кафедру римского права в Главный педагогический ин-т, стал профессором в этом ин-те и в Училище правоведения.

Юрист по специальности, Ш. занимался также философией права. В 1833 г. по повелению Николая I он участвовал в составлении для российских ун-тов книги «Философическое право и энциклопедия права». Пространный труд Ш. «Юридическая пропедевтика», написанный на основе курса лекций, прочитанных в Училище правоведения, дает хорошее представление об официальной политике правительства Николая I в сфере философии права и, в частности, по отношению к естественному праву.

Ш. — противник «чисто скептического и практического» взгляда, отвергающего всякую теорию уголовного права как «пустую прихоть философии». Философское учение о праве, или философия права, естественное право, всеобщая наука права есть, по Ш., совокупность всех элементов права, которые присущи природе нашего разума, и поэтому признаны всеми образованными народами мира. Ш. исходил из идеи различения права от морали и от религии, «с ученой точки зрения», из тезиса о том, что право необходимее для человеческого бытия, чем мораль, вместе с тем он утверждал, что с «практическо-религиозной точки зрения» черты различия между правом, моралью и религией почти исчезают.

Ш. весьма определенно выразил свое отношение ко всем основным концепциям естественного права: он критикует «превратное мнение», будто под естественным правом следует понимать право, которое руководит человеком в грубом естественном состоянии, что это — право, которое руководит человеком вне государства, что естественное право — это чистая мораль или естественное учение о справедливости в применении к гражданской жизни (как считали Гроций и Пуфендорф). Отвергается трактовка естественного права как идеала разума, права разума (как считали ученики Канта, не понявшие, по выражению Ш., своего учителя, а также исследователи философского идеализма Фихте). Не принимал Ш. и взгляда на естественное право как чисто философское рассмотрение положительного права (Гуго). Не одобрял Ш. также попытки вводить в науку о праве «религиозно-догматические умозрения и мистические мечтания» вместо положительных определенных права (как это делала де мадам де Сталь). Путь к «истинному» понятию о праве Ш. усматривал в трудах Гербарта, Рейнгольда, Аренса и неизвестных «других». Единственно верным понятием естественного права Ш. считал высшую, установленную самим Богом необходимость

общечеловеческого права, которое, находясь в совершенном согласии с положительным, существующим в государстве правом, в то же время утверждается «на чисто философском основании», на философском рассмотрении основной сущности всех положительных прав. Общие принципы философии права Ш. применяет к отдельным сферам права. Так, по его определению, философское уголовное право — это общие положения о преступлениях и наказаниях, выведенные из психологии, логики и морали и применимые ко всякому положительному праву.

Концепция Ш., относящаяся к середине 30-х гг. XIX в., примечательна в нескольких отношениях: это антитеократическая, сугубо эгалитаристская, вульгарно-позитивистская концепция, лишь формально сохраняющая связь с той концепцией естественного права, которая была воплощена, скажем, в труде А. П. Куницына. В то же время такая официально поддерживаемая теория права оставляла некоторые возможности для рассмотрения права с философской точки зрения, т. е. для развития в России философии права как относительно самостоятельной дисциплины. Примечательно, что в работе Ш. есть заимствования из философии права даже Канта. Так, заимствованы положения Канта о безусловном принуждении к действиям, предписываемых законами; мысль о том, что каждый закон должен что-нибудь приказывать и запрещать, что нет чисто дозволяющих законов. Правда, в других случаях Ш. прямо говорит: «Кантово определение ложно». Примечательно также одно замечание Ш., касающееся общей проблемы философии: он использует понятие «всеобщая методология» как учение о методе мышления вообще, которое составляет, отмечает Ш., по мнению одних, часть логики, по мнению других, — часть метафизики. Это свидетельствует о процессе утверждения в отечественной философии новой философской дисциплины.

Сог.: Юридическая пропедевтика. СПб., 1843.

ШТРУБЕ ДЕ ПИРМОН ФРИДРИХ ГЕНРИХ (1704—около 1791). Родился в Ганновере; учился в Галле; свою деятельность начал в 1730 г. с дипломатической работы в Вене, Англии, Польше; начал публиковаться с 1732 г.; долгое время был секретарем герцога курляндского Бирона; в сентябре 1738 г. назначен профессором на кафедру юриспруденции и политики Петербургской АН; некоторое время был непременным секретарем Академии; в сентябре 1757 г. был уволен из Академии за отказ издавать при Академии газету на французском языке; в дальнейшем работал в коллегии по иностранным делам.

Основные сочинения Ш. посвящены естественному праву. Кроме того, в его работах поднимались проблемы морали и политики. Есть

сведения о том, что Ш. читал логику в гимназии при АН, написал сочинения по логике и эстетике.

Идеи естественного права стали проникать в Россию в начале XVIII в., но труды Ш. стали первыми работами (весьма большими по объему), в которых проблемы естественного права были изложены сравнительно систематично. Ш. ориентировался прежде всего на концепцию Христиана Томазия, находившегося под влиянием Гроция и Пуфендорфа. Ш. исходил из фундаментальной идеи естественного права: оно является источником всех гражданских прав и законов. У Ш. нет еще понятия «философия права», но автор так часто обращался к авторитету многих философов и правоведов от Цицерона, Эпикура, Августина и Фомы Аквинского до Боссюэ, Гоббса, Локка, Гассенди, Мальбранша, Декарта, Лейбница и Хр. Вольфа, не говоря уже о Гроции, Пуфендорфе и Томазии, что в сумме заимствования из этих мыслителей создавали первый в России некий абрис истории философии права.

Соч.: Recherche nouvelle de l'origine et des fondements du droit de la nature. S.-Petersbourg, 1740; Ebauche des loix naturelles et du droit primitif. S.-Petersbourg, 1745; Introduction à la jurisprudence naturelle. S.-Petersbourg, 1767; Catéchisme de la nature, ou l'on a taché de mettre dans un plus grand jour les fondements de la jurisprudence naturelle, de la morale strictement dite et de la politique privée. Nouvelle édition revue et accompagnée d'une lettre à M.L.C.G.V. sur les principes de la morale renouvelés en nos jours. S.-Petersbourg, 1774; Dissertation sur les Russes. S.-Petersbourg, 1785; Рассуждения о древних россиянах. СПб., 1791.

Лит.: Пекарский П. П. 359, т. 2, с. 172—174.

ШТРЮМПЕЛЬ (STRÜMPELL) ЛЮДВИГ ГЕНРИХ (11.6.1812—6.5.1899). Родился в Шеппенштадте около Брауншвейга; учился в Брауншвейгской гимназии, Коллегиуме «Каролиnum» в Брауншвейге, затем в Кенигсбергском ун-те, где занимался философией под руководством Гербарта; по окончании ун-та в 1833 г. еще два года слушал лекции в Лейпциге у гербартианца Дробиша; поработав некоторое время домашним учителем в Курляндии и получив в 1843 г. звание приват-доцента, начал в 1844 г. преподавание в Дерптском ун-те; хотя попечитель учебного округа ходатайствовал об избрании Ш. экстраординарным профессором, совет ун-та забаллотировал его; но в 1845 г. Ш. был все-таки назначен экстраординарным профессором по императорскому повелению; в 1849 г. стал ординарным профессором; ряд лет был деканом ис-

торико-филологического фак-та; после выхода в отставку в 1870 г. возвратился в Германию и еще 28 лет читал лекции в Лейпцигском ун-те.

Ш. читал в Дерпте разные философские курсы: логику и введение в философию по Гербарту, этику и философию права по своему учебнику, философию религии по Дробишу, метафизику по Гербарту и Гартенштейну, историю философии по Рейнгольду. Ш. — один из наиболее видных представителей философской школы Гербарта, но использовавший также идеи Лейбница и Канта.

Соз.: Erläuterungen zu Herbarts Philosophie mit Rücksicht auf die Berichte, Einwürfe und Missverständniss ihrer Gegner 1. Heft. Göttingen, 1834; Die Hauptpunkte der Herbartschen Metaphysik, Kritisch beleuchtet. Braunschweig, 1840; Die Pädagogik der Philosophen Kant, Fichte, Herbart. Ein Überblick; Braunschweig, 1843; Leitfaden der Logik. Mitau, 1846; Geschichte der Theoretischen Philosophie der Griechen. Leipzig, 1854; Die Einleitung in die Philosophie vom Standpunkt der Geschichte der Philosophie. Leipzig, 1886; Abhandlungen zur Geschichte der Metaphysik, Psychologie und Religionsphilosophie in Deutschland seit Leibnitz. Leipzig, 1896.

Лит.: Озе Я. Ф. 39, т. 2, с. 409—412.

ШУВАЛОВ ИВАН ИВАНОВИЧ (1(12).11.1727—14(25).11.1797). Родился в Москве; государственный деятель царствования Елизаветы Петровны, фаворит императрицы; с 1742 г. начал службу при Дворе; влиял на внешнюю и на внутреннюю политику, особенно в сфере науки; как сторонник «русской» «патриотической» партии Елизаветы являлся поборником развития русской науки и искусства; в этом качестве Ш. стал с 1750 г. покровителем М. В. Ломоносова; между ними установились тесные, дружеские отношения. Ш. принадлежит, по-видимому, идея создания в Москве ун-та, и эту идею он обсуждал с Ломоносовым, который активно подключился к проекту и высказал на сей счет много советов, которые были приняты. Ш. стал первым куратором Московского ун-та и президентом Академии художеств (до 1763 г.). После воцарения «западницы» Екатерины II Ш. (как и его протеже Ломоносов) оказался в опале.

Лит.: Бартенев П. И. Биография И. И. Шувалова. М., 1857; Трутнев И. А. Первый куратор Московского университета // Вестник Российской АН. 1996. Т. 66. № 1.

ШУМАХЕР ИОАНН ДАНИИЛ (5.9.1690—3.7.1761). Родился в г. Кольмар (Эльзас); с 1707 г. учился в Страсбургском ун-те; в 1711 г. защитил

магистерскую диссертацию на тему «De Deo, mundo et anima»; племянник знаменитого любимца Петра I Лефорта пригласил его в Россию, куда он прибыл в сентябре 1714 г. и стал секретарем по иностранной переписке и библиотекарем в ведомстве лейб-медика Петра I, шотландца Роберта Арескина (Эрскина), а затем его преемника Лаврентия Блюментроста. В силу этих связей Ш. сыграл заметную роль в кампании по организации в Петербурге Академии наук, идея которой не раз возникала еще с начала 10-х гг. XVIII в., но которая тогда не была создана. Первый успешный проект об учреждении Академии наук составлен около 1720 г. Л. Блюментростом сообща с Ш.; в феврале 1721 г. Петр I посылает Ш. за границу, в частности, по делу «сочинения социетета наук, подобно как Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах»; после утверждения в 1724 г. Петром проекта академии Ш. вел от имени Л. Блюментроста переписку, в том числе с Вольфом, о приглашении иностранных ученых в Академию. В 1728 г. после того, как Л. Блюментрост фактически отошел от руководства Академией, всеми академическими делами самовластно верховодил Ш., занимавший скромные вроде бы должности библиотекаря, советника академической канцелярии, «товарища» (заместителя) директора Академии (с 1737 г.); в 1757 г. отошел от дел Академии по старости.

С давних пор в отечественной историографии сложилось мнение, что управление Ш. служило большим тормозом в развитии Академии. Оснований для такого мнения больше чем достаточно. Ш. стал прежде всего идеологическим надсмотрщиком над профессорами Академии, поскольку некоторые лица из духовенства выдвигали обвинения, что некие профессора Академии излагают студентам «опасные принципы». Ш., исходя из того, что в Академии есть профессора, которые излагают логику, метафизику, мораль и естественное право, и есть профессора-историки, и эти профессора могут впасть в ошибку в трактовке души, моральных добродетелей и интересов государства, посчитал необходимым включить в регламент Академии пункт, который бы обязывал распространять «полезные понятия о Боге, свете и душе, а в практической философии здравые и непреткновенные наставления». Профессора философии обязывались бы предоставлять в канцелярию письменные тексты своих лекций, в которых излагалось бы «то, чему он учил и учить будет», и канцелярия, исследовав лекции, определяла бы, «согласны» ли лекции профессоров философии «с учением православной греко-российской веры и с состоянием здешнего государства».

В таком виде эти условия в Регламент не вошли, но тем не менее Регламент требовал, чтобы профессора «не учили ничему, что противно быть может православной греко-российской вере, форме правитель-

ства и добронравия». И Ш. старался воплотить это требование Регламента в жизнь. Он, в частности, активно участвовал в громком деле 40-х гг. профессора Миллера, когда того прорабатывали за якобы «непатриотическую» работу о происхождении русского народа. Сам Ш. занял не такую уж «патриотическую» позицию: «Происхождение народов, — полагал он, — весьма неизвестно; каждый производит их то от богов, то от героев, русская нация ведет свое происхождение от скандинавских народов; он всегда был народом храбрым, отличавшимся геройскими подвигами».

М. В. Ломоносов считал Ш. «ненавистником высоких наук и гонителем всех профессоров». Теперь, когда мы все факты можем оценить с далекой ретроспективы, такое мнение вряд ли является вполне адекватным. Действительно, у Ш. не сложились отношения как с частью академиков-немцев, так и русскими учеными. Из-за авторитаризма Ш. покинули Петербург некоторые академики-иностранцы, в том числе Бильфингер и Бернулли. Но Ш. был не так уж неправ, когда упрекал Ломоносова в том, что тот, вытеснив некоторых профессоров-немцев, «наше отечество лишил великой пользы». Стоит сказать и о том, что противники Ш. боролись с ним не всегда приличными средствами.

Очень неважными оказались личные отношения Ш. с М. В. Ломоносовым. Ш. назначил его 8 января 1742 г. адъюнктом Академии. В дальнейшем находил у него «настоящий академический дух», но в 1753 г. высказался более «диалектично». Признавая «у советника и профессора» (Ломоносова) «замечательный ум», «особое пред прочими дарование», «счастливое дарование к распространению истинного познания естествоведения», признавая, что такие умы весьма редки, ибо Ломоносов не ограничивается опытами, а «пускается в рассуждения», Ш. вместе с тем акцентировал неважные человеческие качества Ломоносова: мол, профессора и академики «не могут сносить его высокомерия и тщеславия». Ш. обвинял Ломоносова в невежливости, надменности, скупости и пьянстве и утверждал, что «великую ошибку совершил, допустив Ломоносова в профессора».

Если говорить о непосредственном влиянии Ш. на процесс становления в России университетской философии, то и в данном случае это влияние нельзя признать однозначным: с одной стороны, с именем Ш. связывают название Петербургской Академии как Академии наук и «художеств», что частью отвлекало это учреждение от собственно научных целей. Ш. изгнал из Академии одного из первых штатных профессоров философии Х. Мартини под тем предлогом, что в Академии нет надобности в отдельном профессоре метафизики и логики, прервав тем самым на ряд лет многообещающе начавшееся преподавание фило-

софии в России. С другой стороны, Ш. вместе с Блюментростом боролся за то, чтобы профессора Академии не отлынивали от преподавательской работы, т. е. чтобы Академия выполняла университетские функции. Он выступал за то, чтобы естественное право, которое рассматривалось как часть философии, как «философия права», излагал бы в своем философском курсе не только философ, но и чтобы юристы учили естественное право «юридическим образом». Не осознавая того, Ш. инициировал процесс, при котором «философия права» становилась одним из компенсирующих средств всякий раз, когда «первая философия» оказывалась в России «в опале».

Лит.: Пекарский П. П. 539, т. 2, с. 141; т. 1, с. 56, 139, 528.

ЩАПОВ АФАНАСИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ (5(17).10.1830—27.2(10.3).1876). Родился в с. Анга Верхнеленского у. Иркутской губ., отец его был пономарем; мать — крестьянка, бурятка; учился в духовном училище и семинарии (1838—1852) в Иркутске, затем в Казанской духовной академии, которую окончил в 1856 г. и остался в ней бакалавром русской истории; в Академии защитил магистерскую диссертацию по истории раскола; в сентябре 1860 г. Щ. был избран советом Казанского ун-та для временного преподавания русской истории; преподавал до середины апреля 1861 г., когда за речь в момент устроенной студентами ун-та и Духовной академии панихиде по крестьянам, убитым в с. Бездна Спасского у. Казанской губ. во время беспорядков в связи с Манифестом 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян, в 1862 г. уволен из ун-та и выслан из Казани; в 1864 г. выслан из Петербурга в Сибирь; в 1865 г. арестован по делу сибирских областников.

В историю философии в России Щ. вошел своими работами философско-исторического характера, которые представляют собой переплетение влияния первоначально духовно-академической, а затем светской университетской традиции и последующим преобладанием народнического компонента.

В зрелый период своего творчества Щ. — поборник «разумно-сознательного» «опытно-научного мировоззрения». На месте «религии природы», «суеверий супранатурализма» и «теолого-схоластической метафизики» он хотел видеть «всеозаряющую и всеживотворящую, как солнце», «истину природы», «разум натурализма», «рационализм опытного естествознания». В числе первых светил «разума природы», «провозвестников единой вечной и всеобъемлющей истины — естественной и космической» у Щ. значатся Коперник, Галилей, Кеплер, Ньютон, Линней, Бюффон, Гумбольдт, Лавуазье, Лаплас, Гершель, Пуассон, Араго, Лаверье, Риттер и «подобные умы». В других случаях Щ. говорил о более общей линии «от великого открытия Коперника и реально-эмпирической философии Бэкона». В толковании движущих сил в истории «экономическое начало» у Щ. было столь заметным, что его объявляли даже родоначальником материалистического понимания русской

истории, хотя на самом деле он не выходил за рамки позитивистски толкуемой теории факторов. Наряду с экономическим фактором Щ., вслед за Боклем и Риттером, выделял географический фактор. В своей философии истории он акцентировал также идею борьбы рас и антропологическую идею зависимости умственного развития людей главным образом от формы и вместимости черепа. Но главным фактором в истории человеческого развития Щ. считал разум.

В истории философии человечества Щ. полагал необходимым выделять «три обстоятельства»: воззрение гениальных людей, опережающих свой век, то, что за истину признает образованный класс общества; то, что постепенно вошло в массу необразованного народа. Общечеловеческое антрополого-социальное движение и прогресс, по Щ., возглавляют «великаны» этого движения — Христос, Руссо, Сен-Симон, Фурье, Оуэн, Конт, Лассаль, Прудон, Маркс, Милль, Мадзини и «сонм им подобных».

Социальным идеалом Щ. была «великая», «всемирная», «общечеловеческая федерация истинно антропологических братских человеческих общин, или ассоциаций», или «кооперативных общин».

Свою «антрополого-социологическую» методологию Щ. применил к философии русской истории, в которой особенно выделяются положения: об обусловленности развития умственного склада, или типа, русского народа, метисизацией, или смешением, «славяно-русского племени» с различными восточными, азиатскими племенами; о слабости внутренних интеллектуальных сил славяно-русского племени и преобладании в нем в ущерб интеллектуальным силам «восточных воинственных способностей», о вековом господстве чувства над разумом при распространении мистического мирозерцания, что привело к «сенсуально-галлюционным умонастроениям», препятствовавшим «здоровому, реалистическому умственному развитию народа»; о развитии, тем не менее, у «рабочего класса» в сфере его физического, реального «рабочего опыта и наблюдения» «здорового, реалистического сенсуализма»; о том, что вековое историческое преобладание «реально-познавательной деятельности чувств народа» является историко-физиологическим залогом «реального, естественнонаучного просвещения будущих поколений».

Свою философию русской истории Щ. противопоставлял как славянофильству, так и «европеизму» (западничеству), утверждая, что русская народность как народность «многосоставная» — «европейская в корне» с преобладанием славянского, но включающая также и «инородческий элемент» (финский, «турко-татарский», монгольский и западноевропейский, в частности немецкий), — существует не для самой

себя, но для всех европейских народов, для всего человечества, как для западного, так и восточного. Свой самобытный исторический гений, считал Щ., русский народ должен оживотворить, просветить мощной мыслью Запада, посвятить себя общеевропейской исторической идее, примкнуть к поиску естественной и общечеловеческой истины, к выработке начал общеевропейской, общечеловеческой цивилизации.

Г. В. Плеханов не без оснований считал, что труды Щ. если не легли в основу, то по крайней мере были весьма значительным вкладом в теорию народничества. Щ. действительно отстаивал мысль о необходимости учиться у сельского мира практическим социальным принципам мира, усваивать и развивать дух крестьянской общины. В конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. разновидностью протонароднической философии русской истории стала концепция Щ., отвергающая примат одной идеи централизации и постулирующая идею «народности и областничества». Но в дальнейшем Щ. стал отходить от этой теории в направлении «общечеловеческого федерализма».

Соз.: Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия (православного и старообрядческого). СПб., 1863. Ч. 1—2; Исторические условия интеллектуального развития в России. СПб., 1868; Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. СПб., 1870; Первобытное мирозерцание // Дело. 1871. Кн. 8 и 9; Мирозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества (в XVIII и XIX вв.) // Отечественные записки. 1873. Кн. 2, 3, 7; 1874. Кн. 5 и 6; Соч. СПб., 1906—1908. Т. 1 и 3.

Лит.: Аристов Н. Я. А. П. Шапов (Жизнь и сочинения). СПб., 1883; Корсаков Д. А. 35, ч. 1, с. 203—208; Корбут М. А. П. Шапов как родоначальник материалистического понимания русской истории. Казань, 1928; Илющенко Г. И. Общественно-политические и философские взгляды А. П. Шапова. Киев, 1954 (дис.); Wachendorf J. Regionalismus. Raskol und Volk als Hauptproblem der russischen Geschichte bei A. P. Ščapov. Köln, 1964; Вантугов В. 415, с. 625—626; Груздева И. Г. Проблема философии истории в трудах А. П. Шапова. М., 1997 (дис.).

ЩЕГЛОВ НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВИЧ (1793—26.6.1831). В 1814 г. окончил Петербургский педагогический ин-т со степенью магистра; стал профессором физики; по мнению историографа Петербургского ун-та В. В. Григорьева, в 20-х — начале 30-х гг. Щ. был самой блестящей личностью и превосходным лектором на физико-математическом фак-те.

Все науки, по Ш., относятся или к познанию Бога, или к познанию чувственного мира (природы, естества), или к познанию человека: это науки «богопознательные», «естествопознательные» и «человекопознательные». Рассмотрение общих свойств тел и качеств общих материальных начал составляет всеобщую естественную философию, а рассмотрение частных, или особенных, свойств тел образует частную естественную философию. Всеобщая естественная философия подразделяется на физику и химию. Опыт есть лучший способ для приобретения познаний о свойствах и действиях тел. Но опытность и наблюдения без исследований и умозаключений рассудка суть «занятия одного глаза и часто настоящие игрушки». Чтобы теория или суждения о свойствах тел могли заслужить это название по истине, они должны подчиняться правилам логики. В физике должно допускаться только то, что представляет сама природа, о чем разум получает понятия через чувства. Это правило служило первым основанием опытной физики, и именно им «Бакон Веруламский» отделил эту науку от «бредней схоластиков и учений чисто метафизических». Ш. высоко ценил Декарта за то, что он нанес «последний и решительный удар» схоластической философии, но полагал, что тот «философическою замысловатостью и тонкою оборотливостью суждений своих манил ученых снова в область метафизики». Ш. своим главным авторитетом признал «великого Ньютона», особо ценя «превосходный способ его умствования, в котором следовал он от опытности со всею строгостию знаменитейшего Философа-Математика». «Естествоиспытатель-Философ» не довольствуется изучением признаков тел, он старается открыть причины этих признаков. Он отыскивает причины явлений посредством «опытности» и «правильного умствования». Физику можно считать частью философии, но не метафизики; физика оставляет метафизикам определение сущности сил; законы действия этих сил метафизик выводит не из опытности, а «из беспредельности», «воображения». Исходя из таких общих положений и сопоставляя «чисто эмпирическое» учение о материи, идущее от Зенона, Левкиппа и Демокрита, и «метафизическое учение Канта», развитое дальше Шеллингом, Ш. предпочел атомистические учения древности.

Сог.: Основания общей физики. СПб., 1824; Руководство к физике. Ч. 1 и 2. Общая физика. СПб., 1829–1830.

Лит.: Григорьев В. В. 111, с. 70 и сл.; Каменский З. 530, т. 5, с. 527.

ЩЕРБАТСКОЙ ФЕДОР ИПОПОЛИТОВИЧ (19.9(1.10).1866–18.3. 1942). Родился в Кельце (Польша), где служил его отец; окончил Царскосельскую гимназию (1884), затем Петербургский ун-т (1899); стажировался

за границей, где, в частности, занимался философией (в Бонне у Якоби); с 1900 г. — приват-доцент Петербургского ун-та; ряд лет читал курс «Введение в индийскую философию»; в 1914 г. вместе с С. Ф. Ольденбургом основал серию «Памятники индийской философии»; с 1918 г. — действительный член АН.

Исходя из мысли о том, что центром высших достижений Индии в умственной области является философия, Щ. сосредоточил свои усилия на изучении буддийской и индийской философии. Он заложил основы сравнительных исследований индийской и европейской философии.

Соз.: Логика в Древней Индии. СПб., 1902; Буддийский философ о единобожии. СПб., 1904; Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1—2. СПб., 1903—1909; Учение о категорическом императиве у брахманов. Пг, 1918; Философское учение буддизма. Пг., 1919.

Лит.: Ольденбург С. **44**, т. 52, стб. 797—798; *Shastri D.-N.* Contribution of Th. Stcherbarsky to Indian philosophy // The Modern Review (Calcutta). 1953. Vol. 93. N 2; *Иванов В. В. Ф. И. Щербатской* // Народы Азии и Африки. 1966. № 6; *Трубникова Н. 414*, с. 610—611; *Иванов А. В., Алексеев П. В. 533*, с. 676—677; *Шохин В. К. Ф. И. Щербатской и его компаративистская философия.* М., 1998.

ЩЕРБИНА АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВИЧ (1.3.1874—7.1.1934). Родился в г. Прилуки Полтавской губ. в семье священника; в возрасте 2,5 года полностью потерял зрение; в 1893 г. добился разрешения на посещение Прилукской гимназии, которую закончил в 1898 г. с золотой медалью, в 1899 г. поступил на юридический фак-т Ун-та св. Владимира, но в 1901 г. перешел на историко-филологический фак-т, который окончил в 1905 г. Щ. — один из 8—10 незрячих, которые получили высшее образование в России; по окончании ун-та Щ. оставлен на кафедре философии для подготовки к профессорскому званию; в 1909 г. стал приват-доцентом при кафедре философии Московского ун-та; в 1918 г. стал профессором Московского ун-та — первым профессором из незрячих; в дальнейшем преподавал в Екатеринославле, Прилуках, Полтаве, Киеве тифлологию (наука о слепых).

По Щ., для всякого миропонимания необходимы троякого рода элементы: 1) непосредственно переживаемые элементы сознания; 2) деятельность мышления, сравнивающая эти непосредственно переживаемые элементы и 3) убеждения, критерии веры или практического разума, при помощи которых эти элементы оцениваются, признаются

истинными или ложными, соответствующими чему-то реально существующему и т. п. Задача мыслителя при сознательной выработке цельного мировоззрения сводится к достижению правильного сочетания этих элементов. Считая Канта величайшим мыслителем Нового времени («Ни одно творение новой философии никоим образом не может соперничать с «Критикою чистого разума»», утверждал он), Щ., тем не менее, лишь частично признавал феноменализм Канта и не принимал полностью его агностицизм. Называя себя монистом, Щ. утверждал, что человек как частица великого целого не может не отражать в своих представлениях, хотя бы самым несовершенным образом, создавшей его действительности. В отличие от Канта, Щ. допускает транссубъективность пространства и времени или чего-то им соответствующего. Выступая против крайностей идеалистической метафизики и ее «высокомерного» отношения к научному знанию, Щ. ратовал за новое «законченное миропонимание», которое соответствовало бы идеалам культурного человека, стояло бы на уровне современной науки, утверждая вместе с тем, что достигнуть законченности без метафизики невозможно.

Соз.: Учение Канта о вещи в себе. Т. 1. Вып. 2 и 3. Киев, 1904—1905; Возможна ли психология без самонаблюдения? // ВФиП. 1908. Кн. 94; Значение этики в системе высшего образования // Философский сборник. Льву Михайловичу Лопатину к тридцатипятилетию научно-педагогической деятельности. М., 1912; Указатель пособий по вопросам логики и методологии. М., 1914; Конспект лекций, читанных на одногодичных курсах Московского учебного округа. М., 1914; Методология этики. М., 1914; Предисловие к кн.: Кант И. «Логика». Пг., 1915.

Лит.: А. С. Слепой философ // Утро России. 1915. 26 ноября. С. 4; Слепой — профессор философии // Жизнь слепых. 1924. № 1. С. 23—24; Философ и тифлопедагог А. М. Щербина. М., 1994.

ЩУКАРЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (2(14).11.1864—25.4.1936). Родился в Москве; в 1889 г. закончил Московский ун-т; в 1891—1909 гг. — приват-доцент, профессор Московского ун-та; затем профессор Харьковского ун-та и Харьковского технологического ин-та, в советское время работал в Ленинграде и Харькове.

Щ. — один из первых в России, кто специально занялся проблемами «философии естествознания» в условиях, когда многие представители точных наук полагали, что эти вопросы сродни метафизике. Свою работу Щ. представлял как решение задачи теории познания, поставлен-

ной Кантом, который, однако, слишком-де сузил или упростил ее, предположив существование неизменных понятий и форм, которые являются предпосылкой деятельности ума. Щ. исходил из мысли о том, что основы и формы мыслительной деятельности должны быть найдены в самом процессе познания. В противовес Канту, Щ. призывал не ставить никаких границ ни действительности, ни сознанию и считать познание свободным процессом и вечно соревнующейся координацией ума и природы, ума, приближающегося к познанию неизменных законов природы. Своими предшественниками в теории познания Щ. первым назвал Платона, затем Спинозу, особо выделил Канта, который-де был весьма близок к его построению. Известную правильность Щ. нашел в воззрениях Маха, хотя в целом причислял его к лагерю самого крайнего субъективного идеализма. «К числу еще более близких предшественников и даже единомышленников» Щ. отнес К. Жакова. Обобщающая формула концепции познания Щ.: наш внешний мир и наше мышление если не вполне эквивалентные друг другу системы, то все же близкие к этой эквивалентности.

Щ. исходил из идеи «об универсальном характере понятия энергии, как средства описания всех явлений природы». Психические явления — это особый-де вид энергии. Наш мир, по Щ., есть система (многообразие, или множество), система неограниченная, непрерывная, двухразмерная, анизотропная (неравнонаправленная), консервативная и необратимая. Мир мысли, или мышление, тоже есть многообразие (система или множество) неограниченное, двухразмерное, анизотропное, консервативное, но дискретное и обратимое, т. е. дискретность и обратимость мышления противоположны непрерывности и необратимости физического мира. Отражение или проекция мира на наше мышление, писал Щ., есть не что иное, как отображение одного множества на другое.

Соз.: Проблема материи и теория познания // Сборник по философии естествознания. М., 1906; Законы Природы и законы общества // Там же; Введение в курс физики. Учение об энергии и энтропии в элементарном изложении. 2-е изд. М., 1912; Проблемы теории познания в их приложениях к вопросам естествознания и в разработке его методами. Одесса, 1913.

Лит.: Проф. Александр Николаевич Щукарев (некролог) // Журнал прикладной химии. 1936. Т. 9. Вып. 9; 46, т. 29, с. 543; Казютинский В. В. 186, т. 4, с. 148.

ЩУРОВСКИЙ ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ (30.1(11.2).1803—20.3(1.4).1884). Родился в Москве; в 1826 г. окончил медицинский фак-т Мос-

ковского ун-та; с 1835 г. — профессор минералогии и геологии в Московском ун-те; в 1863—1880 гг. — руководитель кафедры геогнозии и палеонтологии; был основателем и президентом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Щ. — один из сторонников эволюционизма, считавший, в частности, что закон постепенного развития животных есть коренной закон природы; осуждал «катастрофизм» Кювье и одобрял эволюционные идеи Э. Жоффруа Сент-Илера.

Соз.: Органология животных. М., 1834; Естественная история земной коры. СПб., 1858; Александр фон Гумбольдт по отношению к России. М., 1869.

Лит.: Райков Б. Е. Григорий Ефимович Щуровский. Ученый, натуралист, просветитель. М.; Л., 1965.

ЭЙЛЕР ЛЕОНАРД (4(15).4.1707–7(18).9.1783). Родился в Базеле (Швейцария) в семье пастора; учился в гимназии родного города, совершенствуясь в математике, с началами которой его познакомил отец — ученик знаменитого математика Якоба Бернулли; уже в 1720 г. юного Э. допустили к лекциям в ун-те, где он учился до 1724 г.; в 1723 г. он стал магистром; под влиянием братьев Бернулли Э. пожелал поехать в Россию и в мае 1727 г. прибыл в Петербург; в Академии наук он стал сначала адъюнктом высшей математики; после отъезда Бильфингера на родину в 1730 г. Э. занял его место на кафедре физики, а в 1733 г. Э. стал академиком по высшей математике после Даниила Бернулли; читал лекции студентам Академического ун-та; в мае 1741 г. уволился из Академии, как мы говорим, по собственному желанию, со званием почетного члена; уехав в Германию, он не прервал научных связей с Петербургской Академией; по восшествии на престол Екатерины II у Э. появилась мысль возвратиться в Россию, и в июле 1766 г. он был представлен императрице; к 14 годам пребывания в России в первый раз Э. добавил еще 17 лет работы в Петербурге.

Свои философские взгляды Э. наиболее полно изложил в написанных в 1760–1763 гг. письмах к маркграфине Софии Шарлотте Брандербургской. В 1768–1774 гг. С. Румовский издал свой перевод трех томов этого труда.

Э. — сторонник «здоровой философии», симпатизирующий тем, кто предпочитает «ясные» начала в философии «темным» и стремится «истребить из философии все сокровенные качества». Временами Э. иронизировал над философами, ссылаясь, в частности, на Цицерона, который заявлял, что нельзя выдумать ничего странного, чтобы философы не в состоянии были этого защищать. Не желая следовать такому мнению, Э. заявлял, что еще мало заслужил имя философа. Но он порицал ученых, которые признавали в естествознании только опыт и не обращались к «философским суждениям». Э. хвалил, например, М. В. Ломоносова за то, что тот сочетал «опытный» и «философский» подходы. Будучи реалистом в естественнонаучных вопросах, в сфере мировоззрения Э. оставался на позициях теизма. По Э., философия ни в коей мере

не ниспровергает веры. Он считал, что сила всемогущего Творца простирается по всему неизмеримому пространству, в котором все, что ни есть, находится в пределах его власти. Разграничивая чувственную и рациональную форму познания, Э. склонялся больше к сенсуализму, критикуя древних скептиков и агностиков-пирронистов, которые не доверяли чувствам.

Философская концепция Э. хорошо оттеняется его отношением к таким философам, как Декарт, Фонтенель, Лейбниц и Вольф, а также к материализму. В глазах Э., Декарт — великий философ, который старался больше ясности внести в философию, но признавал справедливыми насмешки над «Декартовым мнением», согласно которому все животные есть не что иное, как машины, подобные часам и лишённые чувств, т. е. не признавал универсальным принцип механицизма. В полемике с идеей множества миров Фонтенеля Э. отстаивал тезис об одном только мире, который заключает в себе все, что создано раньше, что создается и впредь будет создано. Э. фактически разделял введенный Бильфингером термин «лейбнице-вольфовская философия» (Вольф с этим термином не соглашался) и почти не разграничивал «лейбницев» и «вольфианцев». Э. очень сурово критиковал монадологию Лейбница и Вольфа, противопоставляя им отрицательный тезис о том, что «без сомнения тела не монадами созданы», что бытие им дал Бог, но как произошло творение неведомо. Против монадологии Э. выдвигал тезис о том, что любое число точек (а монаду Э. отождествил с точкой) не может дать ни линии, ни поверхности, ни тела, а также тезис о том, что невозможна бесконечная делимость тел, которую-де предполагала монадология. По сравнению с монадологией Э. считал совершенной концепцию сотворенных Богом тел и духов (в том числе душ), постулируя бесконечную разницу между душой и телом. «Сопряжение» души с телом, по Э., — это тайна Божия, которой постигнуть нельзя. Вольфианскому учению о движении Э. противопоставил свою, основанную на опыте, науку о равномерном и прямолинейном движении. Отстаивая христианскую версию свободы воли, Э. отвергает Лейбницеву теорию предустановленной гармонии, а также Декартов окказионализм.

В трудах Э. весьма пространно обсуждался вопрос о материалистах и спиритуалистах. Он отвергал мнение материалистов, которые утверждали, что души и все духи состоят из материи. По Э., нет ничего страннее, чем утверждение, что материя может мыслить. Мыслить, рассуждать, умствовать, чувствовать и жить — это качества несовместимые с «естеством». Вместе с тем Э. не признавал и спиритуализм, согласно которому существуют только духи.

Coz.: *Réflexion sur l'espace et le temps // Mémoires de l'académie royale des sciences de Berlin. 1748. Bd 4; Lettre à une princesse d'Allemagne sur différentes questions de physique et de philosophie. 3 vol. Paris, 1768—1772; Письма о разных физических и философических материях. Ч. 1—3. СПб., 1768—1774 (3-е изд. 1790—1791; 4-е изд., 1796); Opera omnia... Ser. III. Vol. 1—2. Lipsiae; Genevae, 1926—1942; Письма к ученым. Ч. 1—3, М.; Л., 1933.*

Лит.: *Пекарский П. 359, т. 1, с. 247—308; Speiser A. L. Euler und die deutsche Philosophie. Zürich, 1934; Кузнецов Б. Г. Физика Эйлера и учение Лейбница о монадах // Труды Ин-та истории естествознания. Т. 2. М.; Л., 1948; Л. Эйлер. Сб. ст. в честь 250-летия со дня рождения. М., 1958; Котек В. В. К вопросу о мировоззрении Л. Эйлера // Труды 3-го Всесоюзного математического съезда. М., 1959; Он же. 530, т. 5, с. 536—537.*

ЭЙХЕНВАЛЬД АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (23.12.1863(4.1.1864)—1944). Родился в Петербурге; в 1888 г. окончил Петербургский ин-т инженеров путей сообщения; работал инженером; окончив затем Страсбургский ун-т, работал в Московском инженерном училище; был его директором; преподавал также на Высших женских курсах (с 1901 г.) и в Московском ун-те (в 1910—1911 и 1917—1920); с 1920 г. жил за границей.

Обсуждая ставшую знаменитой речь Э. Дюбуа-Реймона о границах познания, в которой этот ученый назвал семь различных «Ignorabimus», Э. в принципе согласился, что такие границы существуют, но настаивал на том, что для различных периодов науки эти границы будут различными, что изменение этих границ будет происходить постоянно. Э. признавал неизбежность деления явлений природы на отдельные области. Э. ратовал, однако, за «объединяющие начала» в науке, за «полное описание явлений природы», за увязывание всех областей знания в одно целое, но не по методу «простого» и «экономного способа» Вирхова и Маха, а потому, что действительность дает возможность реализовать старую гипотезу о мировой гармонии, которая вызывает у ученых эстетическое наслаждение.

Coz.: *Курс электричества. Ч. 1. М., 1904; Материя и энергия. М., 1910; Электричество. М., 1911 (8-е изд., М.; Л., 1933); О научных работах Н. А. Умова по физике. М., 1916; Избр. работы. М., 1956.*

Лит.: *Казютинский В. В. 186, т. 4, с. 147.*

ЭКЕБЛАД ХРИСТИАН АДОЛЬФОВИЧ (11.5.1800—17.2.1877). Родился в Гельсингфорсе, окончил курс Медико-хирургической академии, где слушал лекции Д. М. Велланского. Профессор ветеринарии в Харьковском ун-те (с 1824), где читал курсы по физиологии и судебной медицине, затем — директор Нежинского лицея (с 1853 г.).

В предисловии к книге, выпущенной в 1872 г., сообщил, что «основная нить или канва» части его книги почерпнута из лекций Д. Велланского.

Соз.: Опыт обозрения и биолого-психологического исследования способностей человеческого духа. СПб., 1872.

Лит.: Шпет Г. Г. 559, с. 132; Зеньковский В. В. 154, т. 1, с. 134.

ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ (1889—?). Участник психологических семинаров Г. И. Челпанова в Ун-те св. Владимира в Киеве; преподавал педагогику в московских женских гимназиях и на учительских курсах в Москве, Калуге, Пензе и других городах; сотрудничал с Психологическим ин-том им. Л. Г. Шукиной при Московском ун-те; в советское время — профессор.

Для педагогики, считал Э., вспомогательными являются нормативные философские науки: этика, логика и эстетика, поскольку они указывают нормы или правила, которым подчиняются наши мысли или действия. Психологию Э. толковал как науку, устанавливающую связь между отдельными сторонами душевной жизни и законами ее развития, но в число философских ее не включал. О Боге, как создателе и правителе мира, Творце, обладающем высшей силой и мудростью, Э. упоминает, но религия не играет в его педагогической концепции сколько-нибудь значительной роли.

Соз.: Элементы педагогики. М., 1914; Материалы к вопросу о типах представления // Труды Психологического ин-та им. Л. Г. Шукиной при имп. Московском ун-те. Т. 1. Вып. 1—4. М., 1914; Материалы к вопросу о типах представления. Статья 2—3. М., 1919.

ЭНГЕЛЬ ЕВГЕНИЙ (ГЕНРИХ) АЛЕКСАНДРОВИЧ (5.5.1878 — год смерти предположительно 1932 или 1942). Родился в Пятигорске в немецкой семье; учился в Тифлисской гимназии; в 1905 г. окончил естественное отделение и юридический фак-т Петербургского ун-та; преподавал в частных учебных заведениях Москвы; в студенческие годы входил в социал-демократическую организацию, но позже отошел от революционной деятельности; после Октябрьской революции — профессор Петроградского ун-та и Петроградского сельскохозяйственного

ин-та; первый председатель Президиума общества марксистов (1920—1925); в начале 30-х гг. — профессор Ленинградского ин-та молочной промышленности; вероятно, репрессирован.

Правовед и социолог по основным занятиям Э. исходил в этих науках из весьма оригинальной методологии в духе «философии практики». К своей методологической концепции Э. применял термин «актуализм», полагая, что концепция актуализма противоположна и рационализму и эмпиризму и не утверждает ни материализма, ни идеализма. В ее основе лежит представление о соотношении мышления и практики, которое выражается формулой: «человек мыслит то, что делает, а не делает то, что мыслит». Рационализм, по мнению Э., представляет собой переоценку роли мышления, а грубый эмпиризм — ее недооценку. В противоположность этим «крайностям» Э. ратовал за метод, вытекающий из данных «систематизированного опыта», и за теорию как «логически обработанную систему понятий, созданных практикой». Исходя из таких представлений об определяющей роли практики, Э. рассматривал материальный мир (материю) как внешнее условие практики, а мышление (психику) как ее внутреннее условие; материя и мышление понимаются при этом как сферы своеобразных форм деятельности. Такую методологию Э. применил к социальным и юридическим наукам в своей теории общества и права, в которой основным понятием, выработанным, как считал Э., практикой, является понятие «поведение», с которым все остальные понятия («общественная группа», «общество», «общественная сила», «общественное развитие») находятся в логической связи.

Соч.: Очерк теории общества и права. СПб., 1910; Законоведение. Конспект лекций, читанных в 1911—1912 гг. Вып. 1. СПб., 1913; Право и власть. Введение в законоведение. Пг., 1915; Социология. Краткий курс средней школы. Пг., 1913; Очерки материалистической социологии. М.; Пг., 1923.

Лит.: Алексеев П. В. 6, с. 916—917.

ЭПИНУС (AEPINUS) ФРАНЦ УЛЬРИХ ТЕОДОР (2(13).12.1724—10(22).8.1802). Родился в Ростове; учился в Ростокском и Йенском ун-тах; приват-доцент Ростокского, с 1755 г. — профессор Берлинского ун-та; в 1757 г. приехал в Россию, принял русское подданство.

В споре о правах входивших в Петербургскую Академию наук ученых — «корпуса Академии наук» и «корпуса университетского», т. е. «членов Академических» («настоящих академиков» и «профессоров университетских»), Э. выступал за более «высшие чины» «членам Академическим» по сравнению с «профессорами университетскими»; от-

казывался читать лекции студентам Академического ун-та; тем не менее преподавал физику и математику наследнику престола — будущему имп. Павлу I, а с 1782 г. был членом комиссии по учреждению народных училищ и разработал проект, принятый за основу низшего и среднего образования в России.

Как физик сыграл специфическую роль в философских дискуссиях второй половины XVIII в. Полемизируя с английским поэтом-философом Александром Попом, автором получившей в России известность антропоцентрической поэмы «Опыт о человеке» (1732–1734, русский пер. — 1757), Э. противопоставлял ему «любимца естества» Ньютона. Э. признавал, что первым из вопросов является вопрос, который ведет человека к познанию самого себя, а вторым — ведущий к познанию естества. Он не соглашался с точкой зрения, согласно которой из обеих наук первая нужнее и полезнее человеку.

Истина естественной науки, доказывал Э., прямо ведет к познанию всемогущего, всещедрого, премудрого создателя мира. Выдающийся творец теории электричества и магнетизма оставался еще вполне в рамках теизма, полагая, что естество не действует слепым случаем, оно подвержено-де законам, данным ему Богом. Вполне рациональным ему казался и такой, скажем, вопрос: «С каким намерением Творец естества создал кометы?»

Сог.: Рассуждение о воздушных явлениях... СПб., 1763; Рассуждение о строении мира. СПб., 1870. 2-е изд., 1783; Теория электричества и магнетизма. М., 1951.

Лит.: *Note R. W. Aepinus, the tourmaline crystal, and the theory of electricity and magnetism // Isis. 1976. Vol. 67. N 236. P. 21–30; Лежнева О. А. 46, т. 30, с. 219.*

ЭРН ВЛАДИМИР ФРАНЦЕВИЧ (5(17).8.1882–29.4(12.5).1917). Родился в Тифлисе; в 1900–1904 гг. учился в Московском ун-те; был оставлен при кафедре всеобщей истории, стал приват-доцентом, а затем профессором ун-та; в 1914 г. защитил магистерскую диссертацию «Розмини и его теория знания. Исследования по истории итальянской философии XIX столетия»; в 1916 г. закончил докторскую диссертацию «Философия Джоберти».

Э. относится к университетским деятелям, совмещавшим свои академические занятия с активной общественной деятельностью и публицистикой. Он, в частности, участвовал в подпольном «христианском братстве борьбы», стоявшем на платформе христианского социализма. Сотрудничал с Религиозным философским обществом памяти Вл. Соловьева, публиковался во многих журналах.

Как профессиональный философ Э. относился к числу наиболее радикальных критиков западноевропейской и отечественной рационалистической философии и апологетов «русскости» в философии. Философская концепция Э. — это в первую очередь ее противостояние западноевропейской философии Нового времени, развивавшейся, по его мнению, от Декарта к Канту, от Канта к Гегелю и от Гегеля к трансцендентализму начала XX в. Не отрицая «полной учености», «трудолюбия» и «методического упорства» немецких философов начала XX в., Э. считал, что символом кризиса этой философии стало «безумие Ницше» и «безумие философии» Когена или Риккерта, которое не только коррелятивно «трагическому безумию» Ницше, но ничем существенным от него не отличается. Вся германская философия со второй половины XIX в. за немногими исключениями развивалась, по Э., под знаком имманентности, главные идеи которой находились в идеализме Беркли, но которая тесно примыкает также к Канту и в духе Фихте борется со скрытым онтологизмом Канта и с наименее трансцендентным моментом его философии — с понятием «вещи в себе». Единственным философом на Западе, делавшим «гениальные, героические попытки» преодолеть «отрицательный рационализм», был-де Шеллинг, находившийся под влиянием Баадера, который открыл ему средневековую мистику Европы, находившуюся в зависимости от христианской мистики Востока. Шеллинг же, по мнению Э., воспользовался скрытым онтологизмом Канта и попытался вывести философскую мысль Европы «из пустыни сухого и узкого рационализма в широкое поле объективной науки». Шопенгауэра же Э. ценил за то, что он хотя и непоследовательно, но «гениально» разрушает основы теории познания Канта и «рецепирует буддизм».

Параллельно с критикой западноевропейского рационализма Э. вел критику русских философов-рационалистов, в первую очередь из журнала «Логос», за которым, по его утверждению, стояла «почти вся современная немецкая философия», а из-под «греческой маски» журнала «красовалось-де знакомое: «Made in Germany».

Пиком кампании, проведенной Э. против германской философии, стало его выступление во время Первой мировой войны с центральной идеей: «От Канта к Круппу». Это была и кампания против всей европейской культуры, поскольку Э. признавал, что Германия — «кость от кости и плоть от плоти европейской».

Э. выделял два периода в истории влияния немецкой культуры на русскую: в первый период высокая духовная культура Германии XVIII — начала XIX в. естественно и свободно проникала в Россию, в дальнейшем же, параллельно с превращением России в экономическую

колонию Германии, шел усиленный процесс «германизации» всего умственного и духовного обихода среднего русского «просвещенного» человека, которая к началу войны достигла предела, но, оказывается, что этому процессу германизации пришел конец. «Под феноменологической оболочкой мнимых богатств современная германская культура, — утверждал Э., — таит великую духовную скудость и нищету», тогда как Россия начинает преобладать над Германией «в первоклассном, в гениальном, даже в области культуры»: в России наблюдается-де расцвет литературы и глубочайшей художественной мысли, достигшей всечеловеческих вершин в Достоевском и Толстом. Гениально расцветает русская музыка, скульптура, живопись, поэзия и философия.

Основными источниками собственной философской концепции Э. стали платонизм и неоплатонизм в истолковании восточных отцов церкви, идеи славянофилов и Вл. Соловьева. В противовес «меонизму» западной философии Э. отстаивает онтологизм. Специфической чертой его онтологии является органическое и динамическое понимание мира. Западному рационализму Э. противопоставляет учение о Божественном Логосе, который как метафизическое начало выступает в человеческом сознании в трех аспектах: космическом, дискурсивно-логическом и божественном. Ratio западноевропейской философии представляет собой отрыв дискурсивно-логического от цельного философского разума. В «истинном» же познании последнее обусловлено онтологическим статусом познающего субъекта. Не философ устанавливает истину, а Логос «устанавливает философа». Философ — не творец истины, он — ее свидетель и исповедник.

Соз.: Взыскующим града. М., 1906 (в соавт. с В. Свенцицким); Христианское отношение к собственности. М., 1906; Церковное возрождение. О приходе // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906; Социализм и общее мировоззрение. Сергиев Посад, 1907; Христианство (в соавт. с А. Ельчаниновым) // История религии. М., 1909; Нечто о логике, русской философии и научности (По поводу нового философского журнала «Логос»). Московский еженедельник. 1910. № 29—32; Культурное непонимание. Ответ С. Л. Франку // Русская мысль. 1910. Кн. XI; Гносеология В. С. Соловьева // Сборник первый. О Владимире Соловьеве. М., 1911; Борьба за Логос. Опыты философские и критические. М., 1911; Г. С. Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912; Критика кантовского понятия истины // Философский сборник. Л. М. Лопатину к 30-летию научно-педагогической деятельности. М., 1912; Толстой против Толстого. Сборник второй. О религии Льва Толстого. М., 1912; Приро-

да научной мысли. М., 1914; Розмини и его теория знания. М., 1914; Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия // Война и культура. М., 1915; Меч и крест. М., 1915; Философия Джоберти. М., 1916; Разбор послания Святейшего Синода об имени Божиим. М., 1917; Верховное постижение Платона // ВФиП. 1917. Кн. 137–138; Идея катастрофического прогресса // Литературная учеба. Кн. 2. 1991; Соч. М., 1991.

Лит.: Аскольдов С. Памяти В. Ф. Эрн // Русская мысль. 1917. Кн. 5–6. С. 131–134; Зеньковский В. В. **154**, т. 2, с. 459; Лосский Н. О. **253**, с. 415–418; Поляков А. **530**, т. 5, с. 569–570; Марченко О. **414**, с. 613–616; Он же. **415**, с. 634–636; Он же. В. Ф. Эрн как историк русской философии. М., 1998 (дис.).

ЭТТИНГЕН (von OETTINGEN) АЛЕКСАНДР фон (12.12.1827 — после 1900). Родился в семье ландрата; с 1845 г. по 1850 г. — учился в Дерптском ун-те, продолжал учебу в Берлине, Бонне, Эрлангере и Росток; в 1853 г. защитил диссертацию pro venia legendi; в 1854 г. — магистерскую; в 1856 г. получил степень доктора богословия и избран экстраординарным, затем ординарным профессором в Дерптском ун-те; кроме богословских дисциплин читал этику; в богословских семинарах давал, в частности, упражнения на темы «Этика» Спинозы, «Критика практического разума» и «Религия в пределах только разума» Канта. В основном им журнале «Dogmatisches Zeitschrift für Theologie und Kirche» полемизировал с Шопенгауэром и Кантом.

Лит.: Грасс К. К. **39**, т. 1, с. 75–77.

Ю

ЮРКЕВИЧ ПАМФИЛ ДАНИЛОВИЧ (16(28).2.1827—4(16).10.1874). Родился в с. Липлявое Полтавской губ. в семье украинского помещика; окончил Полтавскую семинарию и Киевскую духовную академию (1847); в 1851 г. назначен наставником по классу философских наук; в 1852 г. получил степень магистра с переименованием в бакалавра академии; с 1858 г. — экстраординарный профессор; в 1861 г. перешел на восстановленную кафедру философии Московского ун-та в качестве профессора; в 1869—1873 гг. — исправляющий должность декана историко-филологического фак-та этого ун-та.

В университетскую философию Ю. вошел уже вполне устоявшимся философом духовно-академической школы и очень несущественно изменил содержание своей философии в «университетский» период деятельности. Ю. был одним из тех звеньев, которые соединяли духовно-академическую и университетскую философию в 50—60-х гг. XIX в. Более того, он — один из представителей духовно-академической философии, которая подменила светскую университетскую философию в период ликвидации в 50-х гг. кафедр философии в ун-тах. И не случайно первые философские работы Ю. печатались не только в «Трудах Киевской духовной академии», но и в «Журнале Министерства народного просвещения».

В конце жизни Ю. вполне определенно сформулировал свои «итоговые» философские установки. В 1873 г. он убеждал начинающего Вл. Соловьева, что «здоровая философия была только до Канта, что последними из настоящих великих философов были Якоб Бёме, Лейбниц и Сведенборг. С Канта же философия начинает-де сходить с ума». Это сумасшествие принимает у Гегеля неизлечимую форму «мании величия». Некоторое возвращение к здравому смыслу проявилось-де у Шопенгауэра, но не в его метафизической системе, а в отдельных, преимущественно этических, указаниях на значение симпатии и особенно аскетизма... Особенно показательное отношение Ю. к шведскому теософу-мисту Э. Сведенборгу, утверждавшему, что Бог — это не отвлеченное начало, что он имеет форму человеческого тела, что истинно

существующим является только Богочеловек-Христос и его царство, тогда как материи как самостоятельного бытия не существует.

В онтологии Ю. выделял три сферы бытия: ноуменальное царство — царство идей (в духе Платона), «реальное» царство «разумных существ» и царство феноменов. Явления отличаются от «вещей в себе» не метафизически, а только гносеологически. В гносеологии, по Ю., «образцовым для всех времен» является метафизическое учение Платона о разуме и идеях, и поэтому Ю. особенно резко критиковал феноменализм, в первую очередь кантовский. В принципе Ю. не выходил за рамки библейской парадигмы, поскольку утверждал, что сердце — это источник духовной жизни, что мысли и слова — это не образы внешних вещей, а порождение сердечного настроения. Сердце предваряет разум в познании истины. Познание, по Ю., бывает опытное и «доопытное». Познание априорных законов осуществляется через опыт, наблюдение и интуицию. Поскольку между «вещами в себе» и явлениями разница только гносеологическая, а не метафизическая, познание по мере совершенствования становится познанием сущности. Но истина является не изобретенной, не сотворенной. Она вечна, а мышление стремится только познать ее.

Критикуя философию Шеллинга, Ю. четко проявил еще одну черту своего философствования: христианский по природе агностицизм, который он противопоставил Шеллингову «гностицизму», т. е. стремлению «подсмотреть» «внутренний механизм божественного существа», выявить, что должно назвать действительным Божиим и «что в Боге не есть он сам».

Соз.: Идея // ЖМНП. 1859. № 10–11; Материализм и задачи философии // Там же. 1860. № 10; Сердце и его значение в духовной жизни человека // Труды Киевской духовной академии. 1860. Кн. 1; Доказательства бытия Бога // Там же. 1861. Кн. 3–5; Из науки о человеческом духе // Русский вестник. 1861. № 4; Язык физиологов и психологов // Там же. 1862. № 4–8; Разум по учению Платона и опыт по учению Канта. М., 1866; Чтения о воспитании. М., 1865; Курс общей педагогики. М., 1869; Игра подспудных сил. СПб., 1870; Философские произведения. М., 1990.

Лит.: Колубовский Я. 210, с. 581–583; Соловьев В. С. О философских трудах П. Д. Юркевича // Юркевич П. Д. Философские произв. М., 1990; Греков В. 424, т. 24, с. 333; Ходзинский А. Профессор философии П. Д. Юркевич. Харьков, 1915; Яковенко Б. 582, с. 56–58; Шпет Г. Г. Философское наследие

П. Д. Юркевича // Юркевич П. Д. *Философские произв.* М., 1990; *Ueberweg F.* 639, Bd 5, S. 342; *Зеньковский В. В.* 154, т. 1, с. 318–321; *Лосский Н. О.* 253, с. 101–102; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* 87, с. 411–414; *Гальцева Р.* 530, т. 5, с. 602–603; *Абрамов А. И.* 415, с. 645–647; *Иванов А. В.* 6, с. 924–925; *Абрамов А. И.* *Философское творчество П. Д. Юркевича и его влияние на развитие русской философской мысли конца XIX–начала XX в.* // *Из истории религиозной философии в России конца XIX–начала XX в.* М., 1990; *Он же.* 414, с. 617–620; *Бухвалова Т. Б.* *Философские взгляды П. Д. Юркевича.* М., 1995 (дис.); *Ильин В. В.* 172, ч. 2, с. 28–29.

ЮРЬЕВИЧ ИВАН ИВАНОВИЧ (1788–?). Окончил Петербургскую армейскую семинарию – учебное заведение с обычным курсом для духовных семинарий, где обучались сыновья лиц военного духовенства; в 1813 г. назначен в ту же семинарию учителем; уволившись из духовного звания, служил в разных ведомствах, преподавал русскую словесность в военных учебных заведениях.

Э. Радлов считает, что Ю. в точности воспроизводил идеи Вольфа или какого-либо из его учеников, но вопреки этому мнению признает, что в ряде случаев Ю. отступает от вольфианства. И действительно, при всей «вольфообразности» философской концепции Ю. в ней вполне отчетливо просматриваются невольфианские пласты. Так, в труд Ю. включена проблематика кантовской философии. Русский философ критикует Кантово учение о пространстве и времени и излагает кантовскую систему двенадцати категорий. С другой стороны, пневматологию (учение о духах) Ю. рассматривает фактически в сугубо богословском ключе.

Метафизика, по Ю., – это часть умозрительной философии, исследующая сущее, или существо вообще, которое бывает телесным и нетелесным миром и Богом. В онтологии Ю. исследуются общие «принадлежности» бытия (пространство, время и пр.), принадлежности вещи вообще. Если в естественном богословии, по Ю., речь идет о собственно божественных свойствах Бога как Творца и беспредельного Владыки Вселенной, то в онтологии говорится о Боге как о духе бесконечном, совершеннейшем, свойствами которого являются: неизменяемость, необходимость, самобытность, вечность, беспредельность во всех свойствах и способностях; духовные свойства и способности Бога – это ум, воля и свобода, деятельность, «чувство самодовольствия». Совершеннейшему Духу следует приписать всеведение и всевидение. Но он не судит, не умствует. Он своим всеведением совершенно объемлет все

возможное во всех отношениях и со всевозможной ясностью, так что ему не свойственны никакие недостатки ума. Совершеннейший Дух имеет совершеннейшую, беспредельную, безусловную волю к добру и к отвращению зла. Совершеннейший Дух имеет совершенно полную свободу. Духу присуща святость и премудрость. Дух есть первоначальная и единая причина всего. Он — источник бытия и творец всех вещей. Все что делается, делается по определениям Его воли.

В отличие от современной Ю. немецкой философии, в которой разум ставился выше рассудка, Ю. исходил из того, что разум доставляет только общие понятия о вещах, а рассудок, сводя и сличая понятия, выводит из них новые. Так что рассудок перед разумом «имеет преимущество». При распространенной в России не только в научной среде, но даже в духовно-академической философии тенденции противопоставлять «чистому рационализму» немецкой философии идею сочетания «опытного» и рационального познания Ю. считал, что всякое наше познание по необходимости должно начинаться с опытных сведений.

Одной из составных частей метафизики, по Ю., является психология («душесловие»), предмет которой не подлежит непосредственно чувствам. В рамки опытной и умозрительной (трансцендентальной) психологии включена пневматология как умозрение о естестве и свойствах духов. Одной из частей пневматологии предпослан эпитаф прямо из Библии: «Творяй Ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный» (Пс. 103. [4]). В полном соответствии с христианским агностицизмом и вопреки «гностическим» тенденциям в немецком идеализме Ю. утверждал, что такие вопросы, как существа мыслящие, или души, будучи невещественными, существуют в пространстве, как они действуют друг на друга и на тела, не имея ничего вещественного и т. д., — не могут иметь никакого ответа, и в этом случае мы должны признать свое незнание.

В антропологии Ю. отвергает окказионализм Декарта, монадологию и систему предопределения Лейбница и Вольфа и признает истинной концепцию «физического союза», или взаимозависимости, души и тела.

Сог.: Краткое начертание метафизики. Ч. 1—2. СПб., 1824.

Лит.: Радлов Э. 573, п/т. 81, с. 434—435.

Я

ЯГОДИНСКИЙ ИВАН ИВАНОВИЧ (11(23).2.1869—?). Родился в Казани; окончил историко-филологический фак-т Казанского ун-та (1906); с 1906 г. — приват-доцент, с 1910 г. — исправляющий должность экстраординарного, в 1913—1917 гг. — исправляющий должность ординарного профессора, после 1917 г. занимался педологией.

В центре философских интересов Я. была философия Лейбница, в которой он особенно ценил идею всеобщей гармонии, преодолевающую фатализм и пантеизм в духе спинозизма. Я. акцентировал также интернациональность Лейбница. Поляк родом, он вырос в Германии, закончил образование во Франции и Англии, писал в основном по-латыни или по-французски. «Лейбниц — создание всей современной ему культуры, Лейбниц жил всеми и для всех» — этим Я. объяснял интерес к его литературному наследию в начале XX в.

В логике Я. придерживался генетического метода, считая логику наукой о формах, в которых выражается истина, и о приемах, которыми достигается истина. Тем самым он примыкал к тому направлению в отечественной логике, которое выводило ее за рамки формальной аристотелевской логики и включало в нее гносеологическую проблематику.

Соз.: Софист Протагор. Казань, 1906; Первый печатный очерк философской системы Лейбница и вызванные им полемика и разъяснения. Казань, 1907; Генетический метод в логике. Казань, 1909; Философия Лейбница // Ученые записки Казанского ун-та. 1912. Т. 79. Кн. 2, 3, 8; Сочинения Лейбница. Элементы сокровенной философии в совокупности вещей. Казань, 1913; Философия Лейбница. Процесс образования системы. Казань, 1914; Наше «я» и его свойства. Казань, 1914; Основные законы и общая задачи логики. Казань, 1915; Знание и его границы по отношению к внутреннему и внешнему миру. Казань, 1916.

Лит.: 34, с. 24—25; Воскресенский А. И. и Сретенский Н. Н. 77, с. 67; Бажанов В. А. 6, с. 928.

ЯКИМОВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1802—1853). Родился в семье священнослужителя; окончил Белгородскую семинарию (1823) и словесный фак-т Харьковского ун-та (1826); с 1827 г. — учитель словесности в Харьковском ин-те благородных девиц; с 1831 г. — преподаватель словесности в Харьковском ун-те; в 1832 г. получил в Петербургском ун-те степень магистра и утвержден адъюнктом русской словесности; в 1838 г. получил степень доктора и назначен исправляющим должность экстраординарного профессора философского ф-та 1-го отделения, с 1839 г. — ординарный профессор Харьковского ун-та; в 1852 г. по выслуге 25 лет был забаллотирован на Совете ун-та (12 — за, 13 — против).

В числе курсов, прочитанных Я., была эстетика. Его работы и переводы не встречали сочувствия, даже переводы Шекспира. Н. И. Костомаров называл Я. «бездарнейшим». По-видимому, такие оценки появились в силу архаичности философских взглядов Я.: он ратовал за философию, основанную на религии, причем, не на естественной, а на «откровенной» основе, высказывал «пожелание», чтобы законам Евангелия, проповедующего «эту Божественную философию», следовали и правительство, и каждый человек.

Соз.: Об отношении просвещения, нравственности и политики к истинам откровения // Украинский журнал. 1824. Кн. II; Рассмотрение книги под названием «Философия, основанная на религии» // Там же. Кн. III; О красноречии в России до Ломоносова. Харьков, 1838.

Лит.: Сумцов Н. Ф. 181, с. 73—76.

ЯКОБ (ЯКОВ) ЛЮДВИГ ГЕНРИХ КОНРАД (ЛЮДВИГ КОНДРАТЬЕВИЧ) (1759—22.7.1827). Выходец из Магдебургского герцогства; профессор (с 1787) и ректор (с 1794) ун-та в Галле; с 1807 г. — в России, сначала — профессор Харьковского ун-та по кафедре дипломатики и политической экономии (до 1809 г.), затем работал в Министерстве финансов по вызову Сперанского.

Я. вошел в историю университетской философии в Германии и в России как автор учебников. Его учебники были приняты во всех немецких ун-тах. В 1811—1817 гг. вышло 8 частей его «Курса философии для гимназий Российской империи»: ч. 1. Начертание всеобщей логики; ч. 2. Начертание всеобщей грамматики; ч. 3. Психология; ч. 4. Нравственная философия; ч. 5. Эстетика; ч. 6. Умозрение словесных наук; ч. 7. Естественное и народное право; ч. 8. Народное хозяйство. Этот гимназический учебник применялся также некоторыми профессорами ун-тов.

Г. Шпет отнес Я. к кантианцам, но философия Я. скорее разноосновна, эклектична, поскольку он опирался в своих трудах не только на Канта, но также на многих других философов, в том числе докантовской эпохи (Вольфа, Геллерта, Платнера и др.).

Хотя, согласно одному определению Я. «логика занимается только формальными законами мышления», фактически он трактовал логику расширительно, включая в нее гносеологическую проблематику. Логика разделяется на чистую и прикладную. Чистая логика как учение о первоосновах мышления и о понятии — это логическая аналитика. Учение о том, каким образом в познании можно добиться «высочайшего совершенства» — это логическая методология. В аналитику же включены проблемы формальной логики. К логическим методам отнесены не только чувственное и рациональное познание, но также «эстетическое качество познания». Объективная истина понимается как соотношение предмета и ума. В «примененной (прикладной) логике» у Я. также наличествует гносеологическая проблематика: «все предметы нашего познания, по Я., должны подлежать «опытности», наблюдениям и индукции. Специфическое место в своей системе Я. отводит психологии: опытная психология есть предварительная наука для глубокого изучения философских наук, без психологии нельзя понять метафизики; она необходима для разъяснения логики, педагогики, нравоучения, политики, эстетики, истории, медицины и т. д.; в психологию Я. включал ряд проблем физиологии (о теле и душе и т. д.).

В эстетике Я. — последователь Канта.

О радикальном характере естественного права в толковании Я. свидетельствует тот факт, что он признавал необходимость конституционной монархии и отмены в России крепостного права. В сфере нравственной философии наилучшими сочинениями Я. считал работы Вольфа, Базедова, Геллерта, Фергюссона, Платнера, Канта, Шмидта.

Соз.: Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten. Charkow, 1809; Курс философии. Ч. 1—8. СПб., 1811—1817; Ответ на задачу об определении, выгодно ли обрабатывать землю своими или наемными работниками // Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. СПб., 1814. Ч. 66.

Лит.: Ходнев А. И. История имп. Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. С. 418, 453—458; Сухоплинов М. И. 484, с. 102, 113, 137—138; Бобров Е. А. 43, вып. 4, с. 126—153; Багалея Д. И. 21, т. 1, с. 503; Радлов Э. Л. 397, 2-е изд., с. 16; Шпет Г. 559, с. 115—116; Каменский З. А. 530, т. 5, с. 612.

ЯКУБАНИС ГЕНРИХ (РОМАН) ИВАНОВИЧ (1879—?). Окончил Ун-т св. Владимира; на службе — с ноября 1908 г.; с этого же времени — приват-доцент Ун-та св. Владимира по предмету философии; преподавал эстетику и историю философии; из работ наиболее существенная относится к логике; в дальнейшем работал в Люблинском католическом ун-те.

Став участником процесса активизации логических исследований в Западной Европе и России, Я. обозначил три перспективных направления эволюции логической мысли: во-первых, возврат логики как учения о силлогизме к ее творцу — Аристотелю, во-вторых, возврат к метафизике (имея в виду взаимную зависимость метафизики от логики и логики от метафизики); в-третьих, возврат абстрактного логического мышления к изначальной психологической основе. Логика, по Я., базируется на психологии, а знание — на вере, в которой, наряду с интеллектуальными элементами, есть элементы чувства и воли. Глубокой истиной, по Я., является то, что даже в области отвлеченного логического мышления обнаруживаются ограниченность чистого знания и неизбежность веры, недостаточность ума и необходимость его поддержки со стороны чувства и воли. Новую эпоху в логике, по Я., составляет классический труд Х. Зигварта, в котором логические проблемы основаны на принципах телеологии.

Соз.: Отзвуки платонизма в лирике Шиллера. Киев, 1904; Эмпедокл — философ, врач и чародей. Данные для его понимания и оценки. Киев, 1906; Оценка силлогизма в главнейшие моменты ее истории. Киев, 1910.

Лит.: 476, с. 56.

ЯНЫШЕВ ИОАНН (ИВАН) ЛЕОНТЬЕВИЧ (14.4.1826—10.6.1910). Родился в Калужской губ.; окончил Калужскую семинарию и Петербургскую духовную академию (1849), по окончании которой преподавал в ней физико-математические науки; в 1851 г. назначен священником православной церкви в Висбадене; в Петербургском ун-те Я. стал преподавать логику и психологию после отставки Райковского (1856), с 1868 г. служил в церкви при русской миссии в Берлине; с 1864 г. — законоучитель датской принцессы Дагмары, будущей супруги Александра III; с 1866 г. — лектор и профессор Санкт-Петербургской духовной академии; с 1883 г. до конца жизни — протопресвитер придворного духовенства; с 1905 г. — член Святейшего Синода.

Историограф Петербургского ун-та В. В. Григорьев сообщает, что Я. сумел оживить философские лекции. Он стал читать их в актовом зале, который «едва вмещал всех стремившихся насладиться его увлекатель-

ною речью». В курсе логики Я. опирался на сочинение противника Гегеля Тренделенбурга «Logische Untersuchungen» и работу Халибеуса «Historische Entwicklung der speculativen Philosophie». В курсе психологии руководствовался переведенным им самим (но не изданным) трудом профессора из Йены Фортлаге «Психология в связи с философией».

О философских взглядах самого Я. хорошее представление дает его речь на похоронах профессора философии из Петербургской духовной академии В. Н. Карпова. Отталкиваясь от евангельских максим, Я. доказывал, что истина есть плод не только ума, но прежде всего сердца и воли, есть дело не науки, а жизни, есть самая жизнь, движимая любовью. Истина сокрыта не столько в холодных представлениях ее логичности, сколько в живом сочувствии ее красоте и в свободном обладании ее благами. По самой своей природе ум не способен к всестороннему усвоению истины жизни, живущего и непрестанно видоизменяющегося бытия. Ум имеет дело не с самим бытием, а лишь с понятиями о нем. Если одних понятий достаточно для формальной истины, состоящей лишь в их логической симметрии, то их недостаточно для жизни. Философы древности, за исключением Сократа и Платона, — это, по Я., «нравственно-мертвое большинство». Они заключали условия с ложью, «свою мнимую мудрость зарывали в пустой диалектике и софизме». Явление же Христа — это-де явление в мир Самой воплощенной Истины. Повествуя о «бесконечном богатстве христианства в историческом, социальном и философском отношении», Я. утверждал, что это богатство неисчерпаемо для понятий, и противился тому, чтобы со всех сторон «обозреть, измерить, разграничить» содержание христианства, «оценить» его формулами, заключениями, задушить новую жизнь в новой системе, заменить свободное влияние небесной благодати «доказательствами школы». «Расследованное, изученное, систематизированное немощною мыслию откровение Бога становится не делом Божиим, а будто нашим собственным произведением». Евангелие Сына Божия обращается в мнимое философское убеждение и т. д. Западная философия, полагал Я., ценила человека преимущественно по его «схоластически-развитой голове» и едва удостоивала внимания требования живого, любящего сердца, в духе человеческого видела почти один холодный, всезнающий ум. Эта философия, лишенная жизненной почвы, шла-де наперекор здоровым практическим требованиям жизни. Такой философии Я. противопоставил «философию жизни» проф. В. Н. Карпова.

На примере Я., оказавшегося самым солидным из представителей духовно-академической философии, преподававших логику и психологию после закрытия в 1850 г. университетских кафедр философии, видно, на каком архаическом уровне была философская мысль предста-

вителей духовно-академической философии. И вместе с тем этот же пример свидетельствует, что какой-то, иногда немалый, интерес к философии в ун-те духовно-университетские деятели в 1850-х гг. поддерживали.

Соз.: Несколько слов о современном религиозном состоянии протестантской Германии на основании свидетельств об этом самих протестантов // Христианское чтение. 1861. Январь; Слово пред отпеванием профессора философии Василия Николаевича Карпова. СПб., 1868; Слова и речи... Пг., 1916.

Лит.: Григорьев В. В. 111, с. 132–134; 138–139; Бронзов А. А. Протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев. СПб., 1911.

ЯРЕМСКИЙ ФИЛИПП ЯКИМОВИЧ (1729–?). Родился в д. Сабля Новгородской губ. в семье сельского священника; учился в Новгородской семинарии, откуда в 1748 г. был отобран В. К. Тредиаковским в студенты Академического ун-та в Петербурге; входил в состав первого выпуска воспитанников Академического ун-та; участвовал в публичном диспуте 5 сентября 1753 г., на котором выступил с речью «О философии Цицероновой»; в декабре 1753 г. утвержден в звании магистра философии. В 1752 г. М. В. Ломоносов сообщил руководству Академии, что он считает весьма полезным в его лекциях по химии перевод Я. на латинский язык «Слова о пользе химии». Но перевод Я. не был опубликован. В 1755 г. Я. откомандирован в Московский ун-т, где был преподавателем риторики и латинского языка в гимназии при ун-те; после 1757 г. судьба Я. неизвестна.

Лит.: Кулябко Е. С. 225, с. 200–203.

ЯРОЦКИЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (1866–1944). Доктор медицины, ординарный профессор Юрьевского ун-та и профессор Госпитальной клиники внутренних болезней, в советское время — профессор Клинического ин-та в Москве.

Врач Я. предпринял оригинальную попытку выявить взаимосвязь мировоззрения и физиологии человека. Идеалистическое мировоззрение (под идеализмом понимается не идеализм как противоположность материализму, а как «идеализм психологический», душевное настроение, проявляющееся в стремлении к идеалу), доказывал Я., благотворно влияет на темп и продолжительность физиологической жизни человека. Оно служит неисчерпаемым источником его духовных сил, а его крушение является роковым переломом в жизни. В свою очередь прочность мирозерцания обуславливается в значительной степени всесторонним развитием личности.

Соз.: Природа человека по Мечникову // Вестник Европы. 1905. Т. IV. Июль; Идеализм как физиологический фактор. Юрьев, 1908; Альтруистическая мораль и ее индивидуалистическое обоснование. Юрьев, 1914.

ЯЩЕНКО АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ (24.2.1877–10.6.1934). Родился в Ставрополе. В 1900 г. окончил юридический фак-т Московского ун-та. Оставлен при ун-те на кафедре международного права для подготовки к профессорскому званию. В 1905 г. командирован ун-том на 2 года за границу для завершения магистерской диссертации. С 1907 г. — приват-доцент Московского ун-та, с 1909 г. — приват-доцент и затем экстраординарный профессор Юрьевского ун-та по кафедре энциклопедии и философии права. С 1913 г. — профессор Петербургского ун-та.

В числе трудов Я. ряд работ посвящен философии права. В дискуссии конца XIX—начала XX в. по проблеме права, особенно по проблеме соотношения естественного и положительного права, Я. призывал стать на синтетическую точку зрения, отказаться от искусственного, хотя и удобного монизма и примириться с более соответствующим многообразной действительности плюрализмом, избежав при этом внешнего эклектизма, механического соединения различных принципов и элементов. Теории права Канта, Фихте, Савиньи, Чичерина, Е. Трубецкого Я. считал субъективно-идеалистическими, имея в виду приверженность этих мыслителей в той или иной степени естественному праву. Этой теории он противопоставлял как якобы объективную «социально-утилитарную» школу Иеринга, но призывал удержать в теории права идею «внешней свободы людей», т. е. идею, которая постулируется теорией естественного права.

На Всемирном конгрессе рас (Лондон, 26 июня 1911 г.) Я. выступил с докладом «Роль России в сближении Востока и Запада».

Соз.: Социализм и интернационализм. М., 1907; Новая теория государственного права. СПб., 1911; Роль России в сближении Востока и Запада. Казань, 1912; Синтетическая точка зрения в юридических теориях // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 1; Философия права Соловьева. СПб., 1912; Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912; Граф Л. А. Камаровский. Жизнь и научная работа. СПб., 1913; Русская библиография по истории Древней философии. Юрьев, 1915.

Лит.: Алексеев. П. В. 6, с. 937.

Часть III

**СЛОВАРЬ ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ
XVIII — НАЧАЛА XX в.**

АВЕНАРИУС * (Avenarius) Рихард (1843—1896). Швейцарский философ, профессор Цюрихского университета, один из основоположников эмпириокритицизма.

Сог. по-русски: Философия как мышление о мире сообразно принципа наименьшей меры сил... Prolegomena к критике чистого опыта / Пер. И. Федорова, под ред. М. Филиппова. СПб., 1899; Человеческое понятие о мире / Пер. И. Федорова, под ред. М. Филиппова. СПб., 1901 (есть изд. 1909); Критика чистого опыта / Пер. Ив. Федорова. Т. 1—2. СПб., 1907—1908; О предмете психологии. СПб., 1911; Философия как мышление о мире согласно принципа наименьшей меры силы. Прологемы к критике чистого опыта / Пер. Г. А. Котляра. СПб., 1913.

АМПЕР (Ampère) Андре Мари (1775—1836). Знаменитый французский математик и естествоиспытатель, с 1814 г. — член Академии наук, с 1824 г. — профессор экспериментальной физики в Коллеж де Франс.

Сог.: Essais sur la philosophie des sciences. 2 t. 1834—1843 (2-e éd. — 1857).

Сог. по-русски: Очерки Севера. СПб., 1835.

АРАГО (Arago) Доминик Франсуа (1786—1853). Знаменитый французский физик, профессор Политехнической школы.

Сог. по-русски: Общепонятная астрономия. Т. 1—4. СПб., 1861; Избранные статьи из записок о научных предметах: В 2 т. СПб., 1866; Биографии знаменитых астрономов, физиков и геометров. Т. 1—3 / Пер. Д. Перевощикова. СПб., 1859—1861.

АРЕНС (Ahrens) Генрих (1808—1874). Немецкий юрист-философ; по окончании университета в Геттингене примкнул к философской школе

* В словарь вошли зарубежные авторы, труды которых либо выходили в переводах или под редакцией преподавателей и профессоров философии, либо использовались в качестве пособий в системе университетского образования в России XVIII — начала XX в.

Краузе, читал лекции по философии права и психологии в Париже и Брюсселе, где занимал профессорскую кафедру; преподавал также в Граце и Лейпциге. В истории философии права считался самым выдающимся представителем учения о праве и государстве в духе органической школы.

Соз.: Cours de Psychologie. 2 t. Paris, 1837—1838; Cours de droit naturel. Paris, 1838 (7-е éd. Leipzig, 1875); Die Rechtsphilosophie oder das Naturrecht auf philos.-anthropol. Grundlage. 1851; Naturrecht oder Philosophie des Rechts und Staats, auf dem Grunde des ethischen Zusammenhangs von Recht und Kultur. 2 Bd. Wien, 1870—1871.

Соз. по-русски: Энциклопедия права. 1863.

АРИСТОТЕЛЬ (384—322 до н. э.). Древнегреческий ученый и философ.

Соз. по-русски: О гражданском учреждении. Книга 2 / Пер. Г. Полетики. СПб., 1757; О поэзии / Пер. Б. Ордынского. М., 1854; Категории Аристотеля на греческом и русском языках / Пер. и объяснения М. Н. Касторского. СПб., 1859; Политика / Пер. Н. Скворцова. М., 1865 (2-е изд. М., 1893); То же / Пер. С. А. Жебелева М., 1911; Афинское государственное устройство / Пер. Н. Шубина. СПб., 1891; Об истолковании / Пер. Э. Л. Радлова. СПб., 1891; Об искусстве поэзии / Пер. В. Апфельрота. М., 1893; Первая Аналитика / Пер. Н. Н. Ланге. СПб., 1894; Метафизика / Пер. и объяснения П. Первова и В. Розанова. СПб., 1895; История и обзор Афинского государственного устройства / Пер. А. Ловягина. СПб., 1895.

АРНД (Арндт) Иоганн (1555—1621). Немецкий ученый, профессор богословия, сторонник крайнего аскетизма и мистицизма. Его книга «Vog wahren Christentum» («Об истинном христианстве», 1605) выдержала много изданий и переведена почти на все европейские языки, в том числе на русский.

Соз. по-русски: О истинном христианстве шесть книг с присовокуплением Райского вертограда и других некоторых мелких сочинений сего писателя / Пер. с нем. И. П. Тургенева. Ч. 1—5. М., 1784 (есть изд. 1800—1801, 1875, 1833—1835, 1906, 1907); Книга природы. О том: каким образом великая всемирная книга природы, христиански объясняемая, свидетельствует о Боге и к Богу препровождает; также: каким образом все люди тварями побуждаются и в собственном сердце своем убеждены бывают к тому, чтобы любить Бога. М.: Унив. тип., 1830.

АРНИМ (Arnim) Ганс фон. Немецкий философ, стоик.

Соз. по-русски: История античной философии / Пер. и предисл. С. М. Поварнина. СПб., 1910.

АСТ (Ast) Георг Антон Фридрих (1778—1841). Немецкий филолог и философ; профессор филологии в Ландсгуте, затем в Мюнхене, член Баварской академии наук; писал в духе Шеллинга.

Соз.: System der Kunstlehre oder Ästhetik (1805); Grundlinien der Philosophie. 2 Aufl. 1809; Grundriss der Geschichte der Philosophie. 2 Aufl. 1825.

Б

БААДЕР (Baader) Франц Ксаверий фон (1765—1841). Немецкий естествоиспытатель и философ; с 1826 по 1838 г. заведовал кафедрой философии и богословия Мюнхенского ун-та; в философии стремился соединить мистику Я. Бёме и Сен-Мартена с натурфилософией Шеллинга.

Соз.: Samtliche Werke. Bd 1—16. Leipzig, 1851—1860.

БАЗЕДОВ (Basedow) ИОГАНН БЕРНХАРД (1724—1790). Немецкий педагог и теолог. Известность получил своей попыткой реформы образования и воспитания в духе идей Руссо, филантропизма и веротерпимости; его книга на эту тему «Elementarbuch der menschlichen Erkenntnise» (1768) произвела сенсацию и была переведена на многие языки. Неортодоксальные религиозные взгляды Б., изложенные в работах «Philaletie» (1763) и «Theoretisches System der gesunden Vernunft» (1765), вызвали протесты ортодоксального лютеранства.

Соз. по-русски: Начальное руководство к наставлению юношества, или Первые понятия о вещах всякого рода. Ч. 1—2. 2-е изд. М., 1815.

БАНЗЕН (Bahnsen) Юлий Фридрих Август (1830—1881). Немецкий эстетик, ученик Шопенгауэра, соединявший его концепцию волюнтаризма с диалектикой Гегеля.

Соз.: Der Widerspruch im Wissen und Wesen der Welt. Bd 1—2. Leipzig, 1882; Zur Philosophie der Geschichte. Berlin, 1872; Beiträge zur Charakterologie... Bd 1—2. Leipzig, 1867.

БАРДИЛИ (Bardili) Христофор Готфрид (1761—1808). Немецкий философ; профессор философии в Тюбингене. Противник философии Канта; развивал идеи тождества логики и онтологии, духа и природы, субъективного и объективного, т. е. идеи, похожие на будущую философию тождества Шеллинга и Гегеля.

Соз.: Allgemeine praktische Philosophie. Stuttgart, 1795; Briefe über den Ursprung der Metaphysik. Stuttgart, 1798; Grundriss der

ersten Logik, gereinigt von der irrthümern bisheriger Logiken überhaupt, der Kantschen insbesondere, keine Kritik, sondern eine medicina mentis; brauchbar hauptsächlich für Deutschlands Kritische Philosophen. Stuttgart, 1800; Philosophische Elementarlehre. Bd 1—2. München, 1802—1806.

БАРШУ ДЕ ПЕНХОЕН (Barchou de Penhoën) Август Теодор Хилер (1801—1855). Французский историк и публицист, один из первых редакторов французского журнала «Revue des Deux Mondes».

Соз.: La philosophie de Fichte (1832), Schelling. Philosophie de la nature (1833); Histoire de la philosophie allemande. 2 vol. (1836).

БАТТЁ (Batteux) Шарль (1713—1780). Французский эстетик, аббат, профессор риторики и гуманитарных наук при Королевском коллеже в Париже; с 1754 г. — член Академии надписей, с 1761 г. — член Французской академии. Считается основателем французской философии искусства, положившим в его основу принцип Аристотеля «подражай искусству».

Соз.: Cours des belles-lettres, ou Principes de la littérature. 5 vol. 1747—1750.

Соз. по-русски: О свободных науках / Пер. А. Степанова. СПб., 1803; Начальные правила словесности / Пер. Д. Облеухова. Т. 1—4. М., 1807; Правила поэзии / Пер. А. Буниной. СПб., 1808.

БАУМГАРТЕН (Baumgarten) Александр Готлиб (1714—1762). Немецкий философ, последователь Х. Вольфа, основатель эстетики (ввел этот термин) как науки о прекрасном; профессор ун-та во Франкфурте-на-Одере.

Соз.: Aesthetica... Pt. 1—2. Traieti cis Viadrum, 1750—1758; Metaphysica. Halle Magdeburgicae, 1739; Ethica philosophica, 1763; Initia philosophiae practicae, 1760; Acroasis Logica in Christianum L. V. de Wolff, 1761; Sciographia encyclopaediae philosophicae, 1769; Philosophia generalis, 1770.

БАУМЕЙСТЕР (Baumeister) Фридрих Христиан (1708—1785). Немецкий философ, последователь Хр. Вольфа.

Соз. по-русски: «Логика» (1760—1823) в двух переводах (А. Павлов и Я. Толмачев); «Метафизика» (1764—1808) в трех переводах (А. Павлов, Д. Синьковский и Я. Толмачев); «Нравоучительная философия» в трех переводах (И. Исаев, П. Лодий, Д. Синьковский); Физика, или Естественная философия. М., 1785 / Пер. И. Ушакова.

БАУР (Baug) Фердинанд Христиан (1792–1860). Знаменитый немецкий протестантский богослов, основатель Тюбингенской школы; с 1817 г. — профессор семинарии в Блаубейрене, с 1826 г. — ординарный профессор богословия в Тюбингене; сначала был последователем философии Шлейермахера, затем примкнул к школе Гегеля.

Соз.: Die christliche Gnosis oder die christliche Religionsphilosophie in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Tübingen, 1835.

БАУЭР (Bauer) Антон (1772–1843). Немецкий криминалист, с 1797 г. — профессор.

Соз.: Lehrbuch der Naturrechts. Marburg, 1808 (3 Aufl. — Göttingen, 1825); Grundzüge der philosophische Strafrechts. Göttingen, 1825.

БАХМАН (Bahman) Карл Фридрих (1785–1855). Немецкий философ; с 1812 г. — профессор политики и морали Йенского ун-та; первоначально поклонник Шеллинга и Гегеля, но затем выступил против идеи тождества бытия и сознания Гегеля с позиций философии Канта.

Соз.: Über Hegels System und die Notwendigkeit einer nochmaligen Umgestaltung der Philosophie. Leipzig, 1833; Anti-Hegel. Jena, 1835.

Соз. по-русски: Система логики. Ч. 1–3. М., 1831–1832 (2-е изд. СПб., 1833); То же. Ч. 1. М., 1840; Всеобщее начертание теории искусств / Пер. с нем. М. Чистякова. Ч. 1–2. М., 1832–1833.

БЕЙЛЬ (Bayle) Пьер (1643–1706). Французский философ-скептик. Его философские взгляды сформировались под влиянием Монтеня и Декарта; с 1675 г. работал на кафедре философии в Седанской академии, которую в 1681 г. закрыл Людовик XIV; затем на кафедре философии в Роттердаме: ее Б. лишился в 1693 г. как «враг протестантской веры». Воюя против схоластики, Б. вместе с тем выступал против философско-рационалистических подходов к религии, что ставило Б. в двойственное положение: в глазах одних он выступал еретиком, в глазах других — мракобесом.

Соз.: Pensées diverses sur la comète (t. 1–2, 1683); Critique générale de l'histoire du calvinisme par le P. Maimbourg; Nouvelles de la République des lettres (1684–1687); Commentaire philosophique sur ces paroles de l'Évangile: Contrains-les d'enter; Dictionnaire historique et critique (1696).

БЁМЕ (BEM) (Böhme) Якоб (1575–1624). Немецкий теософ-мистик; в Россию идеи Б. впервые проникли в конце XVII в.; проводником стал приезжий немец К. Кульман. В XVIII столетии идеи Б. получили боль-

шое распространение среди московских масонов; из университетских профессоров их пропагандистом был профессор И.-Г. Шварц.

Соз. по-русски: Christosophia, или Путь к Христу, в девяти книгах, творение Иакова Бема, прозванного тевтоническим философом. СПб., 1815; Аугога, или Утренняя заря в восхождении / Пер. А. Петровского. М., 1914.

БЕНТАМ (Bentham) Иеремиа (1748—1832). Английский социолог, юрист, основоположник философии и морали утилитаризма; в 1814—1815 гг. Б. переписывался с Александром I по вопросу о своем участии в разработке российского законодательства, но из этой затеи ничего не вышло.

Соз. по-русски: Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал законоположений и всеобщего начертания полной книги законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов / Пер. М. Михайлова. Т. 1—3. СПб., 1805—1811; Избр. соч. Т. 1. СПб., 1867; Тактика законодательных собраний / Пер. М. К. СПб., 1907.

БЕРГБОМ (Bergbohm) Карл Магнус (1849—?). Немецкий юрист, профессор.

Соз.: Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. Kritische Abhandlungen. Bd 1. Leipzig, 1892.

БЕРГСОН (Bergson) Анри Луи (1859—1941). Французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни; с 1900 г. — профессор в Коллеж де Франс; с 1914 г. — член Французской академии.

Соз. по-русски: Философская интуиция // Новые идеи в философии, 1912. Сб. 1; Собр. соч.: В 5 т. / Пер. М. Булгакова, Б. С. Бычковского, В. Базарова, В. Флёровой, И. Гольденберга. СПб., 1913—1914; Время и свобода воли / Пер. С. И. Гессена. М., 1911.

БЕРКЛИ (Berkeley) Джордж (1685—1753). Английский философ, представитель субъективного идеализма.

Соз. по-русски: Трактат о началах человеческого знания. СПб., 1905; Опыт новой теории зрения / Пер. А. О. Маковельского. Казань, 1913.

БЕРНГЕЙМ (Bernheim) Эрнст (1850—1942). Немецкий историк; в 1883—1921 гг. — профессор в Грейфсвальде

Coz.: Geschichtsforschung und Geschichtsphilosophie. Göttingen, 1880; Lehrbuch der historischen Methode. Leipzig, 1889.

Coz. по-русски: Введение в историческую науку / Пер. с нем. под ред. проф. С. Е. Сабинина. М., 1908; То же / Пер. с нем. В. А. Вейнштока, под ред. В. В. Битнера. СПб., 1908; Философия истории, ее история и задачи / Пер. с нем. приват-доцента Московского ун-та А. А. Рождественского. М., 1909.

БИНЕ (Binet) Альфред (1857—1911). Французский психолог, с 1895 г. возглавлял лабораторию физиологической психологии в Сорбонне; сторонник объективного экспериментального исследования психики.

Coz. по-русски: Психология умозаключений на основании экспериментальных исследований посредством гипнотизма. М., 1889; Животный магнетизм. СПб., 1890; Изменения личности / Пер. под ред. д-ра медицины Б. В. Томашевского. СПб., 1893; Механизм мышления. Одесса, 1894; Введение в экспериментальную психологию / Пер. с франц. Е. И. Максимовой, под ред. проф. А. И. Введенского. СПб., 1895; Бине, В. Анри, Куртье, Филипп. Введение в экспериментальную психологию. 2-е изд. СПб., 1903; Индивидуальная психология / Пер. с франц. Е. И. Максимовой и А. В. Савицкой, под ред. проф. А. И. Введенского. СПб., 1903; Бине А. Анри Виктор. Индивидуальная психология // Введенский А. И. Лекции психологии. СПб., 1908; Душа и тело / Пер. С. А. Лопашева. М., 1910.

БЛЭКСТОН (Blackstone) Уильям (1723—1780). Английский юрист, с 1758 г. — профессор Ин-та Винера; автор классического труда о государственном устройстве и судоустройстве в Англии.

Coz.: Commentaries on the laws of England. Vol. 1—4. 1765—1769.

Coz. по-русски: Истолкование аглинских законов / Пер. С. Е. Десницкого при участии А. М. Брянцева. Кн. 1—3. М., 1780—1782.

БЛЮНЧЛИ (Bluntschli) Иоганн Каспар (1808—1881). Швейцарский юрист, представитель органической школы права; с 1833 г. — экстраординарный, с 1836 г. — ординарный профессор в Цюрихе; примыкал к социологу и философу Ромеру, под влиянием которого им написана работа «Psychologische Studien über Staat und Kirche» (1844).

Coz. по-русски: Антропологические очерки учений о праве и государстве. Г. Гроций — Х. Томазий. СПб., 1867; Современное международное право цивилизованных народов / Пер. В. Ульяницкого и А. Лодыженского, под ред. и с предисл. Л. Камаровского. М., 1876.

БОЗАНКЕТ (Bosanquet) Бернард (1848—1923). Английский философ, представитель абсолютного идеализма.

Соз.: Knowledge and reality. London, 1892; Essentials of logic. London, 1895; Logic, or The morphology of Knowledge. Vol. 1—2. Oxford, 1911; The distinction between mind and its objects. Manchester, 1913.

Соз. по-русски: Основания логики. Популярные лекции / Пер. под ред. Г. Шпета. М., 1914.

БОКЛЬ (Buckle) Генри Томас (1821—1862). Английский историк культуры, социолог-позитивист.

Соз. по-русски: История цивилизации в Англии / Пер. А. Н. Буйницкого и Ф. Н. Ненарокова. Т. 1—2; 1857—1861; То же / Под ред. К. Бестужева-Рюмина и Н. Тиблена (1863—1864); Этюды / Пер. под ред. П. Н. Ткачева. СПб., 1867.

БОНИЦ (Bonitz) Герман (1814—1888). Немецкий филолог и педагог, профессор Венского ун-та. Известен как издатель и интерпретатор Платона и Аристотеля.

Соз.: Observationes criticae in Aristotelis libros metaphysicos (1842); Observationes criticae in Aristotelis quae feruntur Magna Moralia et Ethica Eudemia (1844); Über die Kategorien des Aristoteles (1853); Aristotelische Studien. 5 T., 1862—1867; Disputationes Platonicae duae (1837); Platonische Studien (1858—1860); Beiträge zur Erklärung des Thukydidés (1854); Beiträge zur Erklärung des Sophokles (1856—1857); Über den Ursprung der Homerischen Gedichte (1860; 6 Aufl., 1885); Zur Erinnerung an A. F. Trendelenburg // Abhandlungen der Berl. Akademie, 1872.

БОННЕ (Bonnet) Шарль (1720—1793). Швейцарский естествоиспытатель и философ. В теории познания близок к сенсуализму Локка и Кондильяка. В философии природы — сторонник преформизма.

Соз. по-русски: Созерцание природы / Пер. И. Виноградова. Кн. 1—4. СПб., 1792—1796; То же. Кн. 1—6. Смоленск, 1804; Философические начала о первой причине и действии / Пер. И. А. Вельяминова. СПб., 1805; Мысли о таинстве и истине / Пер. А. Д. СПб., 1811.

БОТЕН (Bautain) Луи Эжен Мари (1796—1867). Французский философ и теолог. С 1819 г. — профессор философии в Страсбургской академии до 1824 г., откуда был смещен за принадлежность к либеральной партии; перешел на сторону церкви, но вражда с клиром на ряд лет

усилилась; отношения с клиром улучшились лишь после того, как Б. согласился на отречение и посетил папу; с 1853 г. Б. — профессор теологического фак-та. Свои философские взгляды Б. вырабатывал, опираясь сначала на Фихте, затем, пытаясь соединить веру и знание, отталкивался от Откровения, тяготел к Кантовой философии.

Coz.: De l'enseignement de la Philosophie en France au XIX siècle (1833); Philosophie du christianisme, correspondance religieuse de Mr Louis B. (1855); Psychologie expérimentale. T. 1—2 (1839); Philosophie morale. T. 1—2 (1842); La morale de l'Évangile, comparée aux divers systèmes de morale (1855); Philosophie des lois au point de vue chrétien (1880).

Coz. по-русски: Превосходство нравственного учения евангельского перед учениями философов древних и новых / Пер. Софьи. М., 1855.

БРАНДИС (Brandis) Христиан Август (1790—1867). Немецкий филолог и философ, специалист по античной философии.

Coz.: Handbuch der Geschichte der griechisch-römischen Philosophie (3 Bd, 1862); Xenophanis, Parmenidis et Melissi doctrina (1813); Von dem Begriff der Geschichte der Philosophie (1815).

БРАШ (Brasch) Мориц (1843—1895). Немецкий историк, доктор философии.

Coz. по-русски: Развитие философской мысли. Философские учения от древнегреческого периода до наших дней. Избранные места из философских сочинений всех веков / Пер. с нем. Т. 1. СПб., 1885; Классики философии. От древнейших греческих мыслителей до настоящего времени. Общепонятное историческое изложение их мировоззрений с выдержками из подлинных сочинений / Пер. с нем. Б. Ерогина. Т. 1. СПб., 1907.

БРЕНТАНО (Brentano) Франц (1838—1917). Немецкий философ; развивался под влиянием Лотце и английской ассоциативной психологии; предшественник феноменологии Э. Гуссерля; с 1872 г. — профессор философии в Вюрцбурге, с 1874 г. — в Вене.

Coz.: Über die mannigfache Bedeutung des Seinden nach Aristoteles (1862); Psychologie des Aristoteles (1867); Psychologie vom empirischen Standpunkt. Leipzig, 1874; Vom Ursprung sittlicher Erkenntnis (1889).

Coz. по-русски: Древние и современные софисты / Пер. Я. Новицкого. СПб., 1886.

БРУККЕР (Brucker) Иоганн Яков (1696—1770). Немецкий историк философии, находившийся сначала под влиянием Франца Буддеуса, затем Хр. Вольфа.

Coz.: Kurze Fragen aus philisophische Historie. Tl. 1—7. Ulm, 1731—1736; Historia critica philosophiae a mundi incunabulis ad nostram usque actatem deducta (T. 1—5, 1742—1744); Institutiones historiae philosophicae (1747).

Coz. по-русски: Сокращенная история философии. М., 1785; Критическая история философии, служащая руководством к прямо-му познанию ученой истории / Пер. М. Г. Гаврилова. М., 1788.

БРЮККЕ (Brücke) Эрнст Вильгельм (1819—1895). Немецкий физиолог. С 1848 г. — профессор в Кенигсберге, затем в Вене.

Coz. по-русски: Учебник физиологии. Т. 1—2. СПб., 1876 / Пер. с нем. проф. Казанского ун-та Н. О. Ковалевского, Петербургского — акад. Ф. В. Овсянникова, Новороссийского — И. М. Сеченова и И. И. Мечникова, Московского — Ф. Шереметевского, Харьковского — И. П. Щелкова; Красота и недостатки человеческих форм / Пер. д-ра Аршевского. Киев; Харьков, 1894.

БУДДЕУС (Buddeus) Иоганн Франц (1667—1729). Немецкий философ, профессор философии в Галле и профессор богословия в Йене. Философско-правовые взгляды Б. тяготели к пиетизму, что предопределяло характер его полемики с рационалистической философией Вольфа.

Coz.: Historia juris naturae et synopsis juris naturae et gentium (1695); Introductio ad philosophiam Ebracorum (1702, 1720); Elementa philosophiae instrumentalis (1703 etc.).

БУИЛЬЕ (Bouillier) Франциск (1813—1899). Французский философ.

Coz.: Histoire de la philosophie cartésienne. T. 1—2. Paris, 1854 — 3 éd.; De l'unité de l'âme pensante et du principe vital. Paris, 1858; Du plaisir et de la douleur. Paris, 1865; Notions d'histoire de la philosophie a l'usage des candidats au baccalauréat es lettres. 2-me éd. Paris, 1867; De la conscience en psychologie et en morale. Paris, 1872; Morale et progrès. Paris, 1875; Etudes familières de psychologie et de morale. Paris, 1884.

БУЛЬ (Boole) Джордж (1815—1864). Английский математик и логик; с 1849 г. — профессор математики в Куинс-колледже в Корке (Ирландия).

Coz. по-русски: Математический анализ логики (1847); Логическое исчисление (1848); Исследование законов мышления (1854).

БУТЕРВЕК (Bouterwek) Фридрих (1766—1828). Немецкий философ и историк литературы, профессор философии в Геттингене. Первоначально был кантианцем, затем эволюционировал в духе философии Якоби.

Соз.: Ideen zur einer allgemeinen Apodiktik (2 Тл., 1799); Lehrbuch der philos. Wissenschaften (2 Тл., 1813); Religion der Vernunft (1824); Aesthetik (1824).

БУТРУ (Boutroux) Эмиль (1845—1921). Французский философ-спиритуалист; оказал влияние на становление мировоззрения Бергсона, Блонделя, Брюнсвика.

Соз.: De l'idée de la loi naturelle dans la science et dans la philosophie contemporaine. Paris, 1895; Science et religion dans la philosophie contemporaine. Paris, 1908.

Соз. по-русски: О случайности законов природы (1900); Наука и религия в современной философии / Пер. В. Базарова. СПб., 1910.

БЭЖОН (Bacon) Фрэнсис (1561—1626). Английский философ, выдающийся поборник опытной науки и антисхоластического рационализма.

Соз. по-русски: Сокращения философии канцлера Франциска Бакона. Т. 1 / Пер. с франц. В. Третьяковского. М., 1760; Новая Атлантида. М., 1821; Собрание соч. / Пер. П. А. Бибикина. Ч. 1—2. СПб., 1874.

БЭН (Bain) Александр (1818—1903). Английский философ, психолог и педагог, преподаватель философии и физики в Marishal College в Эбердине, зав. кафедрой физики в Глазго (с 1848), кафедрой логики в Эбердинском ун-те (с 1866). Основные труды — по психологии и логике. Б. — представитель ассоцианизма в опытной психологии. Б. оказал особенно большое влияние на проф. М. Троицкого.

Соз. по-русски: Об изучении характера / Пер. Цитовича (1866); Психофизические этюды / Пер. Ф. Резенера (1869); Воспитание как предмет науки / Пер. Ф. Резенера. СПб., 1879; Душа и тело (есть изд. 1880, 1881, 1884); Логика общественных наук. М., 1882; Наука о воспитании. СПб., 1881; Психология / Пер. А. М-в. М., 1881 (есть изд. 1887); То же / Пер. под ред. и с предисл. приват-доцента Моск. ун-та А. С. Белкина. 1902—1906.

БЮФФОН (Buffon) Жорж Луи Леклерк граф де (1707—1788). Французский естествоиспытатель. В отличие от шведа К. Линнея, отстаивавшего мысль о постоянстве видов растений и животных, выдвинул идею изменчивости видов.

Соз. по-русски: Всеобщая и частная естественная история. Ч. 1—10. СПб., 1789—1808 (в переводе и изложении участвовали И. Лепехин и С. Румовский, А. Протасов, П. Иноходцев, Н. Озерцовский, В. Зуев, С. Котельников, Н. Соколов).

БЮХНЕР (Büchner) Людвиг (1824—1899). Немецкий естествоиспытатель, философ-материалист; приват-доцент Тюбингенского университета.

Соз. по-русски: Сила и материя. СПб., 1907; Природа и наука. Киев, 1881; Психическая жизнь животных. СПб., 1902; Дарвинизм и социализм. Пг., 1923.

В

ВАГНЕР (Wagner) Иоганн Яков (1775–1834). Немецкий философ, профессор философии в Вюрцбурге. Некоторое время был последователем Шеллинга; в дальнейшем стал разрабатывать свою философско-математическую теорию.

Соз.: System der Idealphilosophie (1804); Mathematische Philosophie (1811); Organen des menschlichen Erkenntnis (1830).

ВАЙТЦ (Waitz) Теодор (1821–1864). Немецкий психолог и антрополог; критикуя системы Фихте, Шеллинга и Гегеля, стремился построить психологию на естественнонаучных и антропологических началах, опираясь, однако, и на идеи Канта.

Соз.: Grundlegung der Psychologie (1846); Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft (1849); Anthropologie der Naturvolker (4 Bd, 1859–1871).

Соз. по-русски: Антропология первобытных народов / Пер. А. П. Федченко. Т. 1. Вып. 1. М., 1868.

ВАЛЬХ (Walch) Иоганн Георг (1693–1775). Немецкий профессор философии, красноречия, поэтики и богословия в Йене.

Соз.: Philosophisches Lexicon (1726; 4 Aufl., 1775).

ВЕБЕР (Weber) Макс (1864–1920). Немецкий историк, социолог, экономист, юрист; профессор в Берлине, Фрейбурге, Гейдельберге, Мюнхене; философские взгляды развивались под влиянием позитивизма, неокантианства, философии жизни.

Соз.: Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus. Tübingen, 1906.

Соз. по-русски: Исторический очерк освободительного движения в России и положения буржуазной демократии. Киев, 1906.

ВЕЙСЕ (Weisse) Христиан Герман (1801–1866). Немецкий профессор философии в Лейпциге; противопоставлял философии Канта и Гегеля систему этического теизма.

Coz.: Über den gegenwärtigen Standpunkt der philos. Wissenschaft (1829); Das System der Ästhetik, als Wissenschaft von der Idee der Schönheit (1830); Die philos. Geheimlehre über die Unsterblichkeit des menschl. Individuums (1834); Grundzüge der Metaphysik (1835); In welchem Sinne sich die deutsche Philosophie wieder an Kant zu orientiren hat (1847); Philos. Dogmatik oder Philosophie des Christenthums (1855–1862).

ВЕНЦИГ (Wenzig) С. Немецкий профессор.

Coz.: Die Weltanschauungen der Gegenwart in Gegensatz und Ausgleich Einführung in die Grundproblem und Grundbegriffe der Philosophie. Leipzig, 1907.

ВЕРДЕР (Werder) Карл (1806–1893). Немецкий философ-гегельянец, профессор Берлинского ун-та; его лекции слушали, в частности, Станкевич и Бакунин.

Coz.: Logik: Als Commentar und Ergänzung zu Hegels Wiss. der Logik. Berlin, 1841.

ВИКО (Vico) Джамбаттиста (1668–1744). Итальянский мыслитель, творец философии истории Нового времени; предшественник Гердера и Гегеля; профессор риторики в Неаполе; на русском языке впервые его концепцию обстоятельно изложил М. Стасюлевич.

ВИНДЕЛЬБАНД (Windelband) Вильгельм (1848–1915). Немецкий философ, глава Баденской школы неокантианства. Профессор в Цюрихе, Фрейбурге, Гейдельберге.

Coz. по-русски: История древней философии / Пер. под ред. проф. А. И. Введенского. СПб., 1893; Прелюдии. Философские статьи и речи / Пер. и предисл. С. Франка. СПб., 1904; О свободе воли / Пер. М. М. Рубинштейна. М., 1905; История древней философии с приложением истории философии Средних веков и эпохи Возрождения / Пер. под ред. и с предисл. проф. А. И. Введенского. 4-е изд. СПб., 1908; Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия / Пер. М. М. Рубинштейна. М., 1910; История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / Пер. под ред. и с предисл. проф. А. И. Введенского. Т. 1–2. 3-е изд. СПб., 1913.

ВИНДИШМАН (Windischmann) Карл Иосиф Иероним (1775–1839). Немецкий философ, профессор философии в Бонне; последователь философии Шеллинга.

Coz.: Ideen zur Physik (1805); Über die Selbstvernichtung der Zeit (1807); Kritische Betrachtungen über die Schicksale der Philosophie in der neuern Zeit... (1825); Die Philosophie im Fortgange der Weltgeschichte (1827–1834).

ВИНКЕЛЬМАН (Winckelmann) Иоганн Иоахим (1717–1768). Немецкий историк классического искусства. Идеи В. легли в основу эстетики классицизма.

Coz. по-русски: История искусства древности. Ревель, 1890.

ВИНКЛЕР (Winckler) Иоганн Генрих.

Coz. по-русски: Физика, или Естественная философия. В сокращенной Баумейстеровой философии напечатана / Пер. диакона Иоанна Ушакова. М., 1785.

ВИРХОВ (Virchow) Рудольф (1821–1902). Немецкий ученый и политический деятель. С 1856 г. — профессор кафедры патологической анатомии, общей патологии и терапии Берлинского ун-та, директор Ин-та патологии. В конце жизни выступал против эволюционного учения Дарвина. Был одним из основателей и лидеров либерально-буржуазной Прогрессивистской партии, затем одним из руководителей Партии свободомыслящих.

Coz. по-русски: Гёте как естествоиспытатель и особенное отношение его к Шиллеру. СПб., 1812; Сборник статей по естествознанию и медицине. Харьков, 1866; Общий вывод положительного метода (Р. Вирхов, Клод-Бернар, Молешотт и др.) / Пер. под ред. П. Неклюдова. СПб., 1866; Жизнь и болезнь / Пер. и предисл. Ю. Гольдендаха. М., 1906.

ВОЛЬТЕР (Voltaire; наст. фам. — Аруэ (Arouet)) Франсуа Мари (1694–1778). Французский писатель, философ и историк.

Coz. по-русски: Кандид, или Оптимизм, то есть наилучший свет. СПб., 1769 (есть изд. 1779, 1789, 1900, 1909, 1911); Путь счастья человеческого / Пер. В. Юницкого. СПб., 1772; Новое расположение истории человеческого разума / Пер. И. А. Вельяшева-Волынцева. СПб., 1778; Микромегас. Философическая повесть / Пер. И. Г. Рахманинова. СПб., 1788; Философические речи о человеке / Пер. И. Г. Рахманинова. СПб., 1788; Философия истории / Пер. под ред. З. Зайцева. СПб., 1868; Философские романы / Пер. А. Соколовского. Т. 1–2. СПб., 1901; Мысли / Пер. М. Э. Гюнсбурга. СПб., 1904.

ВОЛЬФ (Wolff) Христиан (1679–1754). Немецкий профессор математики и философии в Галле (1706–1723 и с 1746) и Марбурге (1723–1740). Отталкиваясь от не приведенных в систему идей Лейбница, В. разработал всеобъемлющую систему философского знания, которая возобладала в немецких ун-тах и оказала огромное влияние на становление университетской философии в России.

Сог. по-русски: Вольфианская экспериментальная физика. С немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов. 2-е изд. СПб., 1760; Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправлении и их исправном употреблении в познании правды / Пер. М. Б. 1753; Начальные основания фортификации / Пер. артиллерии кап. Я. Козельского. СПб., 1765. Сокращение первых оснований мафиматики / Пер. С. К. Котельникова. Т. 1–2. СПб., 1770–1771.

ВУНДТ (Wundt) Вильгельм (1832–1920). Немецкий философ и психолог, один из основателей экспериментальной психологии; профессор физиологии в Гейдельберге, философии в Цюрихе и Лейпциге; сочетал идеи позитивизма Лейбница и Канта.

Сог. по-русски: Лекции о душе человека и животных. Т. 1–2. СПб., 1865–1866 (есть изд. 1894); Основания физиологической психологии. Т. 1–2. СПб., 1880–1881; Система философии. СПб., 1902; Введение в философию. СПб., 1903; Очерки психологии. М., 1912; Введение в психологию / Пер. Н. Самсонова. М., 1912; Естествознание и психология. СПб., 1914.

Г

ГАЙМ, ХАЙМ (Наум) Рудольф (1821–1901). Немецкий историк философии и литературы; приват-доцент, затем профессор ун-та в Галле; в философии придерживался позитивизма и с этих позиций критиковал немецкую идеалистическую философию.

Coz.: Feuerbach und die Philosophie, Halle, 1847; Arthur Schopenhauer Berlin, 1864.

Coz. по-русски: Гегель и его время. СПб., 1861; Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 1–2. М., 1888; Романтическая школа. М., 1891; Вильгельм фон Гумбольдт. М., 1898.

ГАЛИЛЕЙ (Galilei) Галилео (1564–1642). Итальянский ученый-естествоиспытатель, физик, астроном, механик. За признание коперниканской системы подвергся унижительному ритуалу отречения от ереси, но остался при своем убеждении.

ГАМИЛЬТОН (Hamilton) Уильям (1788–1856). Шотландский профессор истории, логики и метафизики в Эдинбурге, представитель шотландской школы философов, склонявшийся к системе «естественного реализма» с элементами агностицизма в духе Канта.

Coz.: Philosophy of the unconditioned in reference to Cousin's doctrine of the infinito-absolute // Discussions on philosophy and literature. 3 ed. Edinburgh; London, 1866; Lectures on Metaphysics and Logik. Vol. 1–4. 3 ed. Edinburgh; London, 1866–1870.

ГАРВЕ (Garve) Христиан (1742–1798). Немецкий философ, профессор в Лейпциге, представитель «популярной философии», т. е. немецкого Просвещения. Критик Канта.

Coz.: Über die Verbindung der Moral mit der Politik (1788); Über Gesellschaft und Einsamkeit (1797–1800); Versuche über verschiedene Gegenstände aus der Moral, Litteratur und dem gesellschaftlichen Leben (1792–1802); Schriften. Bd 1–26. Breslau, 1785–1804.

ГАРТМАН (Hartmann) Эдуард фон (1842–1906). Немецкий философ иррационалист и пессимист.

Соз. по-русски: Сущность мирового процесса, или Философия бес-
сознательного. Вып. 1–2. М., 1873–1875; Современная пси-
хология. М., 1902; Истина и заблуждение в дарвинизме. СПб.,
1909.

ГАССЕНДИ (Gassendi) Пьер (1592–1655). Французский философ, свя-
щенник, профессор теологии в Дине (с 1613 г.), математики в Королев-
ском коллеже в Париже, сторонник примирения атомистики и этики
Эпикура с католической доктриной, критик метафизики Декарта, сен-
суалист.

Соз.: Opera Omnia. Vol. 1–6. Lyon, 1658.

ГЕГЕЛЬ (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831). Немецкий
философ. В 1793–1801 гг. — домашний преподаватель в Берне и Фран-
кфурте-на-Майне; в 1801–1816 гг. — в Йене, Бамберге, Нюрнберге; с
1816 г. — профессор философии в ун-тах Гейдельберга и Берлина.

Соз. по-русски: Курс эстетики, или Наука изящного / Пер. В. Модес-
това. Ч. 1–3. СПб., 1847–1860 (2-е изд. М., 1869); Энцикло-
педия философских наук в кратком очерке / Пер. В. П. Чижо-
ва. Ч. 1–3. М., 1861–1868; Основы философии права. СПб.,
1904; Феноменология духа / Пер. Е. Аменицкой. Н. Аникие-
вой и др., под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1913; Наука логики /
Пер. Н. Г. Дебольского. Пг., 1916.

ГЕЙНЕКЦИЙ (Heineccius) Иоганн Готлиб (1681–1741). Немецкий фи-
лософ. С 1713 г. — профессор философии в Галле. Занимался пробле-
мами права и философии, опираясь на идеи Вольфа и Г. Гроция.

Соз. по-русски: Основания умственной и нравоучительной филосо-
фии обще с сокращенною историею философическою / Пер.
И. Федорова. М., 1766.

ГЕЙНРОТ (Heinroth) Иоганн Христиан Август (1773–1843). Немецкий
философ и психолог, занимал кафедру психологии в Лейпцигском ун-
те, представлял мистическое направление.

Соз.: Beiträge zur psychischen Krankheitslehre, Naturlehre des Men-
schen (1810); Geschichte und kritik der Mysticismus (1830).

Соз. по-русски: О истине / Пер. А. Накропина. Ч. 1–4. СПб., 1835.

ГЕЙНЦЕ (Heinze) Макс (1835–1909). Немецкий историк философии.
Профессор философии в Базеле, Кенигсберге и Лейпциге; начиная с
6-го тома редактировал и дополнял сочинение Ибервега «Очерк исто-
рии философии». Другие работы Г. посвящены древнегреческой фило-
софии.

ГЕККЕЛЬ (Haeckel) Эрнст (1834–1919). Немецкий биолог и философ; в 1862–1909 гг. — профессор Йенского ун-та; по своему мировоззрению — естественнонаучный материалист.

Соз. по-русски: Учение об органических формах, основанное на теории превращения видов / Под ред. И. Мечникова. СПб., 1869; Естественная история миротворения / Пер. А. Я. Герда. СПб., 1873 (есть переводы 1906–1909 и 1914 гг.); Трансформизм и дарвинизм / Пер. и предисл. В. Вихерского. СПб., 1900; Бог и мир. Монистические исследования о теизме и пантеизме. Очеловеченный монотеизм трех великих религий средиземной области. Божество внемировое и имманентное. М., 1902; Красота форм в природе. СПб., 1902; Чудеса жизни. Общедоступные этюды по философии биологии / Пер. В. Познера. СПб., 1905; То же / Пер. Н. А. Алексеева. СПб., 1908; Бог в природе / Пер. Б. Сониной, под ред. и с предисл. В. В. Битнера. СПб., 1906; Мировые загадки. Общедоступные очерки монистической философии / Пер. Ф. Капелюша. Лейпциг; СПб., 1906; То же / Пер. В. Минчиной, под ред. и с предисл. проф. В. М. Шимкевича. М., 1907; То же / Пер. Г. А. Котляра, под ред. М. М. Филиппова. М., 1902; То же / Пер. С. Г. Займовского. М., 1906; Борьба за идею развития / Пер. Б. Г. Брауна. М., 1907; Борьба за свободу мысли. Лекции о происхождении человека и его положении в природе / Пер. С. Кублицкой, под ред. В. В. Битнера. СПб., 1907; Мировоззрение Дарвина и Ламарка. СПб., 1909; Борьба за эволюционную идею. СПб., 1909; Лекции по естествознанию и философии / Пер. Р. Х. Макстыс. СПб., 1913; Естественная история миротворения. Т. 1–2. СПб., 1914.

ГЕКСЛИ (Huxley) Томас Генри (1825–1895). Английский биолог, соратник Дарвина; с 1854 г. занимал кафедру естественной истории в Королевской горной школе в Лондоне и кафедру физиологии в Королевском ин-те; с 1803 по 1869 г. — профессор анатомии в Медицинской коллегии.

Соз. по-русски: О положении человека в ряду органических существ / Пер. под ред. А. Бекетова. СПб., 1864; Место человека в царстве животном / Пер. Ю. Гольдендаха. М., 1864; О причинах явлений в органическом мире. СПб., 1864 (2-е изд. 1867; есть переводы 1897, 1911 гг.); Наши сведения о причинах явлений в органической природе / Предисл. Карла Фохта. СПб.; М., 1866; Введение в науку. Руководство к пониманию природы и ее явлений. СПб., 1880; Введение / Пер. М. А. Антоновича.

СПб., 1881; Основы физиологии / Пер. под ред. и с предисл. приват-доцента Московского ун-та В. Н. Львова совм. с И. Розенталем. М., 1899; Введение в науки / Пер. Д. Кашкарова, под ред. приват-доцента Московского ун-та Н. К. Кольцова. М., 1902.

ГЕЛЛЕРТ (Gellert) Христиан Фюрхтеготт (1715—1769). Немецкий поэт и моралист, с 1715 г. — экстраординарный профессор философии в Лейпциге, затем профессор нравоучения и свободных наук.

Сог. по-русски: Утешительные рассуждения против немощной и болезненной жизни / Пер. А. Шумлянского. М., 1773; Нравоучение / Пер. М. Протопопова. Т. 1—2. М., 1775—1777; О нравственном воспитании детей. Взято из нравственных наставлений... М., 1787; Чадолубец. СПб., 1787; Истинное и ложное счастье / Пер. П. В. Победоносцева. М., 1799; Наставление отца сыну своему при отправлении в университет / Пер. Ф. П. СПб., 1802; Статьи, избранные из нравоучения Добродушного Геллерта, посвящаются всем, любящим веру и добродетели христианские. СПб., 1820.

ГЕЛЬВЕЦИЙ (Helvétius) Клод Адриан (1715—1771). Французский философ, просветитель-материалист.

Сог. по-русски: Дух / Пер. Д. Б. Тамбов, 1788; Об уме / Пер. под ред. и с введ. Э. Л. Радлова. Пг., 1917.

ГЕЛЬМГОЛЬЦ (Helmholz) Герман Людвиг фон (1821—1894). Немецкий физик, математик, физиолог и психолог; профессор физиологии ун-тов в Кенигсберге, Бонне, Гейдельберге, с 1871 г. — профессор физики в Берлинском ун-те.

Сог. по-русски: Закон сохранения силы / Пер. Дм. Рындовского. Харьков, 1865; Популярныe научные статьи. Вып. 1. СПб., 1866; Мышление в медицине. СПб., 1877; Сочинения: В 5 т. СПб., 1895—1897; Популярныe речи. Ч. 1—2 / Под ред. О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина. СПб., 1896; Философское и научное исследование зрения. СПб., 1896; Взаимодействие сил природы / Пер. Л. А. Левенстерна. М., 1899 (есть переводы Я. Самойлова (1896), А. А. Крогиуса (1902), Е. Н. Гессен (1897)); Мышление в медицине / Пер. Ю. Гольдендаха. М., 1907.

ГЕНЦКЕН Ф. (1678—1757).

Сог. по-русски: История философическая, или О философии / Пер. К. Быстрицкого. СПб., 1781.

ГЕРБАРТ (Herbart) Иоганн Фридрих (1776–1841). Немецкий философ. С 1802 г. — профессор в Геттингене, потом в Кенигсберге, затем снова в Геттингене; будучи первоначально последователем Канта, в дальнейшем развивал реалистический элемент его философии, противостоя идеализму Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Сог.: Hauptpunkte der Metaphysik (1806) (в приложении — Hauptpunkte der Logik); Allgemeine praktische Philosophie (1808); Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie (1813); Lehrbuch zur Psychologie (1816); Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung Metaphysik und Mathematik (1824–1825); Allgemeine Metaphysik, nebst den Anfängen der philosophischen Naturlehre (Bd 1–2, 1828–1829).

Сог. по-русски: Психология / Пер. А. Нечаева, предисл. проф. А. И. Введенского. СПб., 1895; Главнейшие педагогические сочинения / Пер. А. В. Адольфа. М., 1906.

ГЕРДЕР (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803). Немецкий философ, писатель-просветитель; в 1764–1769 гг. — пастор в Риге, с 1771 г. — придворный проповедник в Бюккебурге, с 1776 г. — в Веймаре; выдающейся его работой стало сочинение «Идеи к философии истории человечества» (ч. 1–4, 1784–1791), переведенное на русский язык (в сокращении) в 1829 г.

Сог. по-русски: Мысли, относящиеся к философической истории человечества. СПб., 1829; Начало языка. Исследование о происхождении языка / Пер. М. Р. Гиршгорна. Рига, 1906.

ГЕРЕН (Heeren) Арнольд Герман Людвиг (1760–1842). Немецкий историк, профессор в Геттингене, автор выдающейся работы о роли торговли в древней истории «Ideen über Politik; den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt». У М. П. Погодина был курс «Лекции... по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира».

Сог. по-русски: Древняя история. М., 1836; Руководство к познанию древней политической истории / Пер. А. Кояндера. М., 1836.

ГЕРИНГ (Hering) Эвальд (1834–1918). Немецкий физиолог, философ-неокантианец; разделял идеи нативизма — учения о прирожденности пространственного видения.

Сог. по-русски: Пространственное чувство и движение глаза. СПб., 1887.

ГЕРЛАХ (Gerlach) Готлиб Вильгельм (1786—1864). Немецкий философ-моралист.

Соз. по-русски: Наука нравов, или Философическое наставление о добродетели / Пер. А. Галича. СПб., 1833.

ГЕРШЕЛЬ (Herschel) Джон (1792—1871). Английский физик и астроном, сын знаменитого астронома Вильгельма Гершеля.

Соз. по-русски: Изложение астрономии / Пер. П. Крузенштерна. Ч. 1—2. М., 1838; Очерки астрономии / Пер. А. Драцусова. Т. 1—2. М., 1861—1862; Философия естествознания. Об общем характере, пользе и принципах исследования природы. СПб., 1868.

ГЁРРЕС (Görres) Йозеф (1778—1848). Немецкий историк и философ, профессор истории в Мюнхене, был сторонником идей Французской революции конца XVIII в., участвовал в антинаполеоновском движении; в отличие от Шеллинга, Баадера и других мыслителей придерживался русофобской позиции, чем и был известен в России.

ГЁФЛЕР (Höffler) Алоиз (1853—1922). Немецкий философ и педагог, профессор, представитель феноменологической школы.

Соз. по-русски: Основные учения логики / Пер. И. Давыдова и С. Салитан, с предисл. приват-доцента И. И. Лапшина. СПб., 1910.

ГЕФФДИНГ, ХОФДИНГ (Höffding) Гаральд (Харальд) (1843—1931). Датский философ и психолог, профессор Копенгагенского ун-та; находился под влиянием Канта и Шопенгауэра.

Соз. по-русски: Очерки психологии, основанной на опыте / Пер. под ред. Я. Колубовского. 2-е изд. М., 1896 (7-е изд. 1923); Учение о принципах нравственности / Пер. В. К. М., 1897; О принципах этики. Одесса, 1898; Ж.-Ж. Руссо и его философия / Пер. Л. Давыдовой. СПб., 1898 (2-е изд. 1905); Этика, или Наука о нравственности / Пер. Л. Е. Оболенского. СПб., 1898; История новейшей философии. Очерк истории философии от Канта до наших дней. СПб., 1900; Философия религии / Пер. В. Базарова. СПб., 1903; (2-е изд. 1912); Философские проблемы / Пер. Ф. Капелюша. СПб., 1904; То же / Пер. Г. А. Котляра. М., 1904; То же / Пер. Р. Соловьева. М., 1905; Мировоззрения великих философов / Пер. под ред. и с предисл. В. В. Битнера в соавт. с Л. Буссе. СПб., 1906; Современная философия / Пер.

А. П. Поливановой, под ред. Д. В. Викторова. М., 1907; Современные философы / Пер. под ред. проф. А. Л. Погодина. СПб., 1907; Психологическая основа логических суждений / Пер. С. Лопашова. М., 1908; Понятие воли / Пер. под ред. Н. М. Соловьева. М., 1908; Учебник истории новой философии. Пособие для учащихся и самообразования / Пер. Б. Г. Столпнера. СПб., 1910.

ГИЗО (Guizot) Франсуа Пьер Гийом (1787—1874). Французский историк и политический деятель, профессор в Сорбонне, член Академии моральных и политических наук и Французской академии; идеи Г., особенно идея истории как истории борьбы классов, оказали большое влияние на философско-исторические теории XIX в.

Сог. по-русски: Размышления о сущности христианской веры / Пер. священника Н. Сергиевского. М., 1865; История цивилизации в Европе. СПб., 1855 (есть изд. 1860, 1864); То же / Пер. В. Вольфсона. СПб., 1892; То же. 1905; История цивилизации во Франции. Т. 1—4. М., 1877—1881.

ГОББС (Hobbes) Томас (1588—1679). Английский философ-материалист.

Сог. по-русски: Фомы Гоббесия начальные основания философические, о гражданине. СПб., 1776; [Левиафан] (перевод был конфискован и сожжен в 1868 г.); Философские основания учения о гражданине. М., 1914.

ГОЛЬБАХ (Holbach) Поль Анри (1723—1789). Французский философ-материалист.

Сог. по-русски: Ручная книжка человека и гражданина, или Рассуждение о должностях общежития (вольный перевод отдельных глав «Système social»).

ГОЛЬМАН (Hollman) Самуэль Христиан. Экстраординарный профессор в академии Виттенберга, примыкал к школе Вольфа.

Сог.: Institutionum philosophicatum. Т. 1—2. Bruhni, 1730; Philosophiae rationalis quae logica vulgo dicitur. Goettingae, 1767.

ГОМПЕРЦ (Gomperz) Теодор (1832—1912). Немецкий философ-позитивист, историк античной философии.

Сог. по-русски: Греческие мыслители / Пер. Е. Герцык и Д. Жуковского. Т. 1—2. СПб., 1911—1913; Жизнеописание греческих философов и идеал внутренней свободы / Пер. И. Давыдова и

С. Салитан. СПб., 1912; Учение о мировоззрении. Опыт историко-генетического изложения и объективной обработки главнейших проблем общей теоретической философии / Пер. В. Базарова и Б. Столпнера. Т. 1. СПб., 1912.

ГОТШЕД (Gottsched) Иоганн Кристоф (1700—1766). Немецкий писатель и критик, сторонник эстетики классицизма.

ГРАВЕЗАНД (Gravesande) Вильгельм Иаков (1588—1742). Голландский физик, профессор в Лейдене. пропагандист ньютоновства.

ГРОЦИЙ (Grotius) Гуго (1583—1645). Голландский социолог и государственный деятель, один из основателей теории естественного права.

Сог. по-русски: Рассуждение против атеистов и натуралистов / Пер. А. Зертис-Каменского. М., 1765 (2-е изд. М., 1781); Истинное благочестие христианское доказано против безбожников, язычников, жидов и махометан / Пер. П. Алексеева. М., 1768 (2-е изд. 1801); О праве войны и мира. СПб., 1902.

ГУМЕОЛЬДТ (Humboldt) Вильгельм фон (1767—1835). Немецкий ученый, писатель, государственный деятель, родоначальник философии языка.

Сог. по-русски: Введение о различии строя человеческих языков... СПб., 1859; О границах деятельности государств // Гайм Р. Вильгельм фон Гумбольдт... М., 1898.

ГУМПЛОВИЧ (Gumpłowicz) Людвиг (1838—1909). Австрийский социолог, профессор Грацского и Венского ун-тов, позитивист в социологии, сторонник социал-дарвинизма.

Сог. по-русски: Социология и политика / Пер. С. Н. Прокоповича. М., 1895; Основы социологии / Пер. под ред. приват-доцента В. М. Гессена. СПб., 1899; Очерк истории социологии / Пер. под ред. Е. Леонтьевой. СПб., 1899; Национализм и интернационализм в XIX веке / Пер. И. Я. СПб., 1906; Общие учения о государстве / Пер. со вступ. ст. И. Н. Неровецкого. СПб., 1910.

ГУРЛИТТ (Gurlitt) Людвиг (1855—1931). Немецкий педагог, профессор.

Сог. по-русски: О воспитании / Пер. с предисл. Л. Г. Оршанского. Кн. 1—2. СПб., 1911.

ГУССЕРЛЬ (Husserl) Эдмунд (1859—1938). Немецкий философ, родоначальник феноменологической школы.

Сог. по-русски: Логические исследования / Пер. под ред. и с предисл. С. Л. Франка. Ч. 1; Прологомены к чистой логике. СПб., 1909; Философия как строгая наука. М., 1911.

ГЮЙО (Guyau) Жан Мари (1854—1888). Французский философ-позитивист, профессор лицея Кондорсе в Париже.

Сог. по-русски: Современная эстетика. 1: Задачи современной эстетики. 2: Искусство с точки зрения социологической / Пер. А. Н. Чудинова. Ч. 1. СПб., 1890; Воспитание и наследственность / Пер. К. Толстой. СПб., 1891; Происхождение идеи времени. Психологический этюд / Пер. А. И. Е-ва. Смоленск, 1891; Искусство с точки зрения социологии / Пер. под ред. А. Н. Пыпина, предисл. А. Фулье. СПб., 1891; Принцип искусства и поэзии. СПб., 1895; Собр. соч.: В 5 т. / Пер. Н. Южина, И. К. Брусиловского, Н. Нахамкиса, Д. А. М., под ред. Г. Фальборка и В. Чернулусского. СПб., 1898—1901; История и критика современных английских учений о нравственности / Пер. Н. Южина, под ред. Г. Фальборка и В. Чернулусского. СПб., 1898; Происхождение идеи времени / Пер. И. К. Брусиловского, предисл. А. Фулье. Б. м., б. г.; Мораль Эпикура и ее связь с современными учениями. СПб., 1899; Задачи современной эстетики / Пер. Л. Чудинова (1899); Очерк морали / Пер. Н. Южина. СПб., 1899; Воспитание и наследственность / Пер. Н. Нахамкиса. СПб., 1900; Безверие будущего. Социологическое исследование / Пер. под ред. Я. Л. Сакера, предисл. проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. СПб., 1908; Иррелигиозность будущего / Пер. под ред. приват-доцента Московского ун-та В. М. Фриче. М., 1908.

Д'АЛАМБЕР (Аламбер) (D'Alembert) Жан Лерон (1717–1783). Французский математик и философ-просветитель.

Соз. по-русски: Разрешение разума законов // Монтескьё Ш. О разуме законов. СПб., 1775; Собрание разных рассуждений, касающихся до словесных наук, истории и философии / Пер. протоиерея И. Харламова. Т. 1. СПб., 1784; Сочинения г. Д'Аламбера, одного из славнейших и редких писателей. Ч. 1: Дух философии. М., 1790; (О вкусе) // Жерар А. О вкусе. М., 1803. Приложение; Очерк происхождения и развития наук // Родоначалники позитивизма. СПб., 1910–1913.

ДАРВИН (Darwin) Чарльз Роберт (1809–1882). Английский биолог.

Соз. по-русски: Происхождение видов. Т. 1–2 / Пер. В. Ковалевского, под ред. И. М. Сеченова и А. Герда, с согласия и при содействии автора. СПб., 1867–1868; Происхождение человека и подбор по отношению к полу. Т. 1–2 / Под ред. И. М. Сеченова. СПб., 1871–1872; Собр. соч.: В 4 т. (1898–1901); Собр. соч.: В 6 т. (1909–1913; в переводах и комментировании участвовали К. А. Тимирязев, М. А. Мензбир, И. М. Сеченов, В. Ковалевский, М. Филиппов и др.).

ДАРЬЕС Иоахим Георг (1714–1791). Немецкий философ, один из противников Вольфа.

Соз. по-русски: О познании человеческих нравов / Пер. И. Приклонского. М., 1760.

ДЕЖЕРАНДО (Gérando) Жозеф Мари (1772–1842). Французский философ.

Соз.: Histoire comparée des systèmes des philosophie, considérés relativement aux principes des connaissances humaines (1804); 2-me éd., rev., corr. et augm. Part 2. Histoire de la philosophie moderne. A partir de la renaissance des lettres jusqu'à la fin du dix-huitième siècle. Т. 1–4. Paris, 1847; De la bienfaisance publique. Т. 1–4,

Paris, 1839; Du perfectionnement moral, ou De l'éducation de soi-même. Т. 1–2. 5-me éd. Bruxelles, 1839; Histoire de la philosophie moderne... Т. 1–4. Paris, 1858; Des progrès de l'industrie, considérés dans leurs rapports avec la moralité de la classe ouvrière. Paris, 1841.

Сог. по-русски: Нормальный курс для первоначальных наставников, или Руководство к физическому, нравственному и умственно-му воспитанию в первоначальных школах / Пер. А. Худякова. СПб., 1838.

ДЕКАНДОЛЬ (De Candolle) Огюстэн Пирам (1778–1841). Швейцарский ботаник, профессор ун-тов в Париже, Монпелье и Женеве.

Сог.: Théorie élémentaire de la botanique. 3-me éd. Paris, 1844.

ДЕКАРТ (Descartes) Рене (по лат.: Картезий – Cartesius) (1596–1650). Французский ученый и философ.

Сог. по-русски: О методе для правильного развития разума и для изыскания истины в науках / Пер. М. М. Скиада с прилож. о Декарте и его сочинениях. Воронеж, 1873; Рассуждение о методе, дабы хорошо направлять свой разум и отыскивать научные истины / Пер. и пояснения проф. Н. А. Любимова. СПб., 1885; Метафизические размышления / Пер. В. М. Неужиной, под ред. и со ст. проф. А. И. Введенского; Декарт и рационализм. СПб., 1901; Размышления о первой философии, со ст. А. Пресс «Декарт». СПб., 1903; Сочинения / Пер. Н. Н. Сретенского, с предисл. проф. И. И. Ягодинского. Казань, 1914. Т. 1.

ДЕССАНДР Г.

Сог. по-русски: Зерцало древней учености, или Описание древних философов, их сект и различных упражнений. М., 1787.

ДЖЕВОНС (Jevons) Уильям Стэнли (1835–1882). Английский логик и экономист, профессор логики, философии и политической экономии в Манчестере, затем профессор политэкономии в Лондоне, тяготел к позитивизму.

Сог. по-русски: Основание логики / Пер. Е. Дебольской. СПб., 1878; Основы науки. Трактат о логике и научном методе / Пер. М. Антоновича. СПб., 1881; Элементарный учебник логики дедуктивной и индуктивной с вопросами и примерами / Пер. М. А. Антоновича. СПб., 1881.

ДЖЕМС, ДЖЕЙМС (James) Уильям (1842—1910). Американский философ и психолог, профессор психологии, затем философии Гарвардского ун-та, один из основоположников прагматизма.

Соз. по-русски: Психология / Пер., вступ. ст. И. И. Лапшина. СПб., 1896 (2-е изд., 1899; 3-е изд., 1901); О человеческом бессмертии / Пер. О. А. С. М., 1901; Психология в беседах с учителями / Пер. В. Н. Ивановского. М., 1902; Беседы с учителями о психологии / Пер. А. Громбаха. М., 1902 (2-е изд. 1904; 7-е изд. 1918); Научные основы психологии / Пер. под ред. Л. Е. Оболенского. СПб., 1902; Психология / Пер. И. И. Лапшина. Физиологический отдел отредактировал проф. М. Н. Римский-Корсаков. СПб., 1902 (4-е изд. с прилож. указ. соч. по психологии, педагогике, психиатрии, этике и эстетике, сост. проф. А. И. Введенским и приват-доцентом И. И. Лапшиным, при участии А. А. Крогиуса по отд. психиатрии и проф. Л. А. Саккетти по отд. эстетики; 7-е изд. 1916); Зависимость веры от воли и другие опыты популярной философии / Пер. С. И. Церетели. СПб., 1904; Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии / Пер. П. Юшкевича с прилож. ст. переводчика о прагматизме. СПб., 1910; Многообразие религиозного опыта / Пер. В. Г. Малахеевой-Мирович и М. В. Шик. М., 1910; Вселенная с плюралистической точки зрения. М., 1911; Существует ли сознание? // Новые идеи в философии. М., 1913. Вып. 4; Введение в философию / Пер. проф. И. И. Лапшина. Берлин, 1923.

ДЖОБЕРТИ (Gioberti) Винченцо (1801—1852). Итальянский философ и теолог, профессор теологии и философии в Турине. О философии Д. в России писал В. Эрн.

ДИДРО (Diderot) Дени (1713—1784). Французский философ-материалист.

Соз. по-русски: Всеобщая система познаний человеческих, обстоятельно изъясненная и при Энциклопедии изданная под именем Энциклопедического древа. СПб., 1800; Побочный сын, или Искушение добродетели. СПб., 1865, 1866, 1888; Романы и повести: В 2 т. / Пер. В. Зайцева. СПб., 1872 (издание уничтожено по постановлению комитета министров); О сценическом искусстве / Пер. О. Д. Гриднина. СПб., 1882; Дидро и Екатерина II, их беседы, напечатанные по собственноручным запискам Дидро / Пер. К. К. Толстого. СПб., 1902; Избр. фи-

лософские произв. / Пер. с предисл. В. Серезникова. СПб., 1913.

ДИЛЬС (Diels) Герман Александр (1848–1922). Немецкий филолог и историк философии, профессор Берлинского ун-та.

Сог. по-русски: Досократики / Пер. А. Маковельского. Ч. 1–3. Казань, 1913–1919.

ДИЛЬТЕЙ (Dilthey) Вильгельм (1833–1911). Немецкий философ, один из основоположников философии жизни; профессор философии в Базеле, Киле, Бреслау, Берлине.

Сог. по-русски: Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии. 1912. Вып. 1; Дильтей В., Риль А., Вундт В. и др. Философия в систематическом изложении. СПб., 1909.

ДРИШ (Driesch) Ганс (1867–1941). Немецкий биолог и философ, приват-доцент, затем профессор философии в Гейдельберге и Кельне, виталист.

Сог. по-русски: Витализм. Его история и система / Авториз. пер. проф. А. Г. Гурвича. М., 1915.

ДРОБИШ (Drobish) Мориц Вильгельм (1802–1896). Немецкий математик, психолог, логик, философ, профессор математики, затем философии в Лейпциге, последователь Гербарта.

Сог. по-русски: Нравственная статистика в связи с историей приложения чисел к наукам нравственным. СПб., 1867 (в соавторстве с А.-М. Генри).

ДЬЮИ (Dewey) Джон (1859–1952). Американский философ, психолог, педагог, главный представитель прагматизма, профессор Мичиганского, Чикагского и Колумбийского ун-тов, первый президент Американской ассоциации университетских профессоров.

Сог. по-русски: Школа и общество (1907).

ДЮБУА-РЕЙМОН (Du Bois-Reymond) Эмиль (1818–1896). Немецкий физиолог, профессор в Берлине. В философской среде стал знаменит своей агностической позицией.

Сог. по-русски: О пределах познания природы. Могилев, 1873; О пределах естествознания / Пер. Е. Милославской. М., 1878; Естествознание и искусство / Пер. О. Н. Хмелевой. СПб., 1894; Границы познания в области точных наук. СПб., 1894; Культурная история и естествознание / Пер. под ред. С. И. Ершова.

М., 1900 (2-е изд. 1901); Мысли Лейбница в новейшем естествознании / Пер. под ред. С. И. Ершова. М., 1900; Герман фон Гельмгольц. СПб., 1900; О границах познания природы. Семь мировых загадок / Пер. под ред. С. И. Ершова. М., 1900 (2-е изд. 1901).

ДЮ ПРЕЛЬ (Du Prel) Карл (1839—1899). Немецкий писатель. представитель спиритизма и оккультизма в Германии.

Сог. по-русски: Загадочность человеческого существования. Введение в изучение оккультных наук / Пер. М. С. Аксенова. М., 1898 (2-е изд. 1904); Спиритизм / Пер. М. С. Аксенова. М., 1904; Монистическое учение о душе. Пособие к решению загадки о человеке / Пер. М. С. Аксенова. М., 1908; Спиритизм. Полн. собр. соч. д-ра Карла Дю Преля / Под ред. приват-доцента А. Н. Грена; Тайна человека. Введение в изучение тайных наук. М., 1911; Философия мистики, или Двойственность человеческого существа / Пер. М. С. Аксенова. 2-е изд. Киев, 1911.

ДЮРИНГ (Dühring) Евгений (1833—1921). Немецкий философ, экономист, правовед; в 1863—1877 — приват-доцент Берлинского ун-та, в философии занимал промежуточную позицию между материализмом и позитивизмом.

Сог. по-русски: Ценность жизни / Пер. Ю. М. Антоновского. СПб., 1894; Великие люди в литературе. Критика современной литературы с новой точки зрения / Пер. Ю. М. Антоновского. СПб., 1897; Гигиена и этика / Пер. А. Д. Гатчина, 1913.

ДЮРКГЕЙМ (Durkheim) Эмиль (1858—1917). Французский социолог-позитивист, профессор социологии и педагогики в Бордо и Сорбонне.

Сог. по-русски: Метод социологии. Киев; Харьков, 1899; О разделении общественного труда. Этюд по организации высших обществ / Пер. П. Юшкевича. Одесса, 1900. Кто хотел войны? Пг., 1915 (в соавторстве с проф. Э. Дени); Германия выше всего. Идеология немцев и война / Пер. В. Ш. М., 1917 (изд-во преподавателей Московского ун-та).

ДЮТУА ЛЕ МАМБРИНА (Dutoit-Membrini) Марк Филипп (1721—1893). Французский философ-мистик.

Сог. по-русски: Присутствие Божие / Пер. Д. И. Дмитриевского. М., 1798; (3-е изд., СПб., 1817); Три первоначальные человеческие свойства, или Изображение холодного, горячего и тепло-

го / Пер. Ф. П. Лубяновского. М., 1800; Христианская философия, изложенная, объясненная, доказанная и утвержденная на неподвижном основании откровения, или Истинная религия, изъясненная и представленная в своей первоначальной чистоте, в беседах на разные тексты священного писания / Пер. А. Трескина. Ч. 1–5. М.: Унив. тип., 1815–1817; Божественная философия в отношении к непреложным истинам, открытым в тройственном зеркале: Вселенной, человека и священного Писания. Ч. 1–6. М.: Унив. тип., 1818–1819.

ДЮЭМ (Duhem) Пьер (1861–1916). Французский физик, философ, историк естествознания, профессор в ун-тах Лилля, Ренна, Бордо. В сфере философии развивал идеи, близкие к идеям Маха и А. Пуанкаре.

Сог. по-русски: Физическая теория. Ее цель и строение. СПб., 1910.

ЕЛЛИНЕК (Jellinek) Георг (1851–1911). Немецкий правовед, профессор Венского, Базельского, Гейдельбергского ун-тов; в сфере философии права – представитель юридического позитивизма.

Сог. по-русски: Право современного государства. Т. 1. СПб., 1903; Общее учение о государстве / Пер. испр. и доп. С. И. Гессена. 2-е изд. СПб., 1908; Борьба старого права с новым. М., 1908; Адам в учении о государстве (Библейское предание и политические теории) / Пер. С. М. Роговина. М., 1909.

Ж

ЖАНЕ (Janet) Поль (1823–1899). Французский философ, член Института Франции, профессор фак-та словесных наук в Сорбонне и ин-та в Страсбурге; ученик Кузена, испытал также влияние Мен де Бирана.

Соз. по-русски: Современный материализм. Критический разбор системы доктора Бюхнера. М., 1867 (есть изд. 1868, 1871); Мозг и мысль. СПб., 1868 (обе работы выходили в серии: Материализм, наука и христианство. Сб. соч. современных писателей); Нравственное единство человеческого рода // Попов В. Современное естествознательное учение о происхождении Вселенной. СПб., 1872; История государственной науки в связи с нравственной философией / Пер., проверенный А. Васильевым. Кн. 1. СПб., 1876 (2-е изд. 1878); Конечные причины, или Целесообразный порядок вещей в природе и его причина / Пер. под ред. проф. Д. В. Пospelова. Киев, 1878.

ЖАНЕ (Janet) Пьер (1859–1947). Французский психолог и психиатр; с 1902 г. — руководитель кафедры психологии Коллеж де Франс; в сфере методологии — позитивист.

Соз.: Philosophie, questions complémentaires. Paris, 1925.

Соз. по-русски: Неврозы и фиксированные идеи. Ч. 1. СПб., 1903; Психический автоматизм. М., 1913.

ЖОФФРУА СЕНТ-ИЛЕР (Geoffroy Saint-Hilaire) Изидор (1805–1861). Французский биолог, профессор зоологии Национального музея естественной истории и ун-та в Париже, член Института Франции.

Соз. по-русски: Общая биология / Пер. и предисл. А. Богданова. Т. 1–2. М., 1860–1862.

ЖОФФРУА СЕНТ-ИЛЕР (Geoffroy Saint-Hilaire) Этьен (1772–1844). Французский биолог, член Института Франции, руководитель кафедры зоопозвоночных при Национальном музее естественной истории в Париже, один из предшественников эволюционной теории Дарвина. Труд «Философия анатомии» (1818–1822) вызвал возражения Кювье, вы-

ступавшего с телеологических позиций. Идеи Ж. поддерживали К. Ф. Рудольф, Н. А. Северцов, К. А. Тимирязев и др.

Соз.: Principes de philosophie zoologiques. Paris, 1820—1842.

ЖУФФРУА (Jouffroy) Теодор Симон (1796—1842). Французский философ, профессор Сорбонны и Коллеж де Франс; философ-эклектик: находился под влиянием Кузена а также Канта, Мен де Бирана, шотландской школы; критик сенсуализма Кондильяка.

Соз.: Introduction // Reid D. Oeuvres complètes. Т. 1. Paris, 1829; Préface // Stewart D. Esquisses morales. 3-me éd. Paris, 1841; Cours de droit naturel. Т. 1—2. Paris, 1858—1866; Cours d'esthétique. 4-me éd. Paris, 1883.

З

ЗИБЕК (Siebeck) Герман (1842—?). Немецкий философ, профессор Гиссенского ун-та.

Сог. по-русски: Аристотель / Пер. В. Базарова. СПб., 1903; Прогресс как нравственная задача / Пер. под ред. С. Н. Булгакова. Киев, 1903.

ЗИГВАРТ (Sigwart) Христоф (1830—1904). Немецкий логик, профессор философии в Тюбингене, близок к Баденской школе неокантианства.

Сог. по-русски: Борьба против телеологии / Пер. И. А. Давыдова. СПб., 1907; Логика / Пер. И. А. Давыдова с биографическим введ. Г. Майера «Христоф Зигварт». Т. 1—2. СПб., 1908—1909.

ЗИММЕЛЬ (Simmel) Георг (1858—1918). Немецкий философ и социолог, профессор в Страсбурге; представитель философии жизни.

Сог. по-русски: Проблемы философии (Этюд по теории познания) / Пер. под ред. В. Н. Линда со ст. Бугле «Зиммель о науке морали». М., 1898; Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования / Пер. С. Г. Киев; Харьков, 1898; Фридрих Ницше. Этико-философский силуэт // Риль А., Зиммель Г. Фридрих Ницше как художник и мыслитель / Пер. Н. Южина. Одесса, 1898; Об отношении селекционного учения к теории познания // Дарвинизм и теория познания. СПб., 1899; Проблемы социологии // Научное обозрение. 1899. № 3; К методологии социальной науки // Там же. 1900. № 3; Философия труда / Пер. П. Б. Киев; Харьков, 1900; Социологический этюд / Пер. А. Э. Киев; СПб.; Харьков, 1903; Кант и современная эстетика / Пер. М. Сокольского. СПб., 1904; Модернизированная нравственность (Философия Фр. Ницше) / Пер. М. Е. Марковых. 2-е изд. СПб., 1907; То же / Авториз. пер. Н. Н. Вокач и И. А. Ильина, под ред. и с предисл. Б. А. Кистяковского. М., 1909; Метафизика лениости. Сатира на трагедию философии / Пер. Ф. О. Л. М., 1906; Пессимизм Шопенгауэра / Пер. К. Льдова. СПб., 1907; Религия. Социально-психологи-

ческий этюд / Пер. М. Бердоносова и О. Лямбек, под ред. С. А. Котляревского. М., 1909; Микель Анджело. К метафизике культуры. М., 1911.

ЗОЛЬГЕР (Solger) Карл Вильгельм Фердинанд (1780—1819). Немецкий философ и эстетик, профессор Франкфуртского и Берлинского ун-тов; от идеализма в духе Фихте эволюционировал к объективному идеализму.

Соз.: Philosophische Gespräche (1817).

ЗУЛЬЦЕР (Sulzer) Иоганн Георг (1720—1779). Швейцарский эстетик и моралист. Придерживался идей в духе барочного предромантизма.

Соз. по-русски: О полезном с юношеством чтении древних классических писателей мнение / Пер. Семенова. СПб., 1774 (2-е изд. 1787); Разговоры о красоте естества, с его же нравственными рассуждениями об особенных предметах естественной науки / Пер. М. Протопопова. СПб., 1777; Сокращение всех наук и других частей учености, в коем содержание, польза и совершенство каждые части сокращенно описываются / Пер. И. Морозова, М., 1781; Новая теория удовольствий / Пер. И. Левитского. СПб., 1813.

И

ИБЕРВЕГ (Ueberweg) Фридрих (1826—1871). Немецкий философ и историк философии; преподавал философию в Бонне, затем — профессор в Кенигсберге; примыкал к взглядам Бенеке и Тренделенбурга.

Соз. по-русски: История философии / Пер. и сост., доп. с примеч. Н. Ф. Фоккова. Т. 1. СПб., 1876; История новой философии в сжатом очерке / Пер. Я. Колубовского. Вып. 1—2. 2-е русское изд., доп. и перераб. СПб., 1898—1899; История новой философии в сжатом виде / Пер. Я. Колубовского. СПб., 1890.

ИЕРИНГ (Ihering) Рудольф фон (1818—1892). Немецкий юрист, профессор в ун-тах Базеля, Росток, Киля, Гиссена, Вены и Геттингена; в сфере философии права — представитель юридического позитивизма; оказал влияние на концепции С. А. Муромцева, Ю. С. Гамбарова, Н. М. Коркунова и других правоведов.

Соз. по-русски: Борьба за право / Пер. и предисл. П. П. Волкова. М., 1874; То же / Пер. С. Гинсбурга. Киев, 1893 (есть также пер. О. А. Верта, И. Юровского, Н. М. Губского, С. И. Ершова, В. И. Лойко); Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875; Историко-общественные основы этики / Пер. В. М. Гессена. СПб., 1896.

ИЕРУЗАЛЕМ, ЕРУСАЛЕМ (Jerusalem) Вильгельм (1854—1923). Австрийский философ и психолог; доцент, затем профессор Венского ун-та; представитель критического реализма, испытал влияние Спенсера, Джемса, Маха и Авенариуса.

Соз. по-русски: Введение в философию / Пер. П. Ф. Некрасова. СПб., 1902, 1903; То же / Пер. Н. М. Никольской, под ред. и с предис. Н. Д. Виноградова. М., 1914; Руководство психологии / Пер. Г. и С. Сониных под ред. В. В. Битнера. СПб., 1907; Учебник психологии / Пер. под ред. и с предисл. Д. В. Викторова. М., 1910. 2-е изд., 1914; Учебник психологии / Пер. под ред. и с предисл. проф. Н. Н. Ланге. М., 1911 (есть изд. 1915, 1917).

ЙОДЛЬ (Jodl) Фридрих (1849—1914). Австрийский философ, профессор философии Пражского и Венского ун-тов, сторонник антропологизма в духе Л. Фейербаха.

Соз. по-русски: Этика и политическая экономия / Пер. А. Острогорского. СПб., 1895 (2-е изд., 1898); История этики в новой философии / Пер. под ред. и с предисл. Вл. Соловьева. Т. 1—2. М., 1896—1898; Давид Юм, его жизнь и философия / Пер. А. А. Мейера. М., 1901; Л. Фейербах / Пер. Е. Максимовой. СПб., 1905.

К

КАНТ (Kant) Иммануил (1724—1804). Немецкий философ, основоположник немецкого классического идеализма.

Сог. по-русски: Основание для метафизики нравов / Пер. Я. Рубана. Николаев, 1803; Замечания о чувствах высокого и прекрасного. Лейпциг, 1862; Критика чистого разума / Пер. и предисл. доцента философии Петербургского ун-та М. Владиславлева. СПб., 1867; То же / Пер. Н. М. Соколова. СПб., 1896—1897 (2-е изд. 1902); То же / Пер. и предисл. Н. Лосского. СПб., 1907 (2-е изд. 1915); Критика практического разума и основоположение к метафизике нравов / Сост. Н. Смирнова. СПб., 1879; Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки / Пер. В. Соловьева, предисл. Н. Я. Грота. М., 1889 (2-е изд. 1893; 3-е изд. 1905); О педагогике / Пер. С. Любомудрова. М., 1896 (2-е изд. 1907); Антропология / Пер. Н. М. Соколова. СПб., 1900; Критика практического разума / Пер. и предисл. Н. М. Соколова. СПб., 1897 (2-е изд. 1908); Критика способности суждения / Пер. Н. М. Соколова. СПб., 1898; Метафизика нравов. Метафизические начала учения о праве. СПб., 1903; Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика / Пер. Б. П. Бурдес, под ред. и с предисл. А. Л. Волынского. СПб., 1904 (2-е изд. 1911); Вечный мир. Философский очерк / Пер. С. М. Роговина и Б. В. Чреднина, под ред. и с предисл. проф. Л. А. Камаровского. М., 1905; Физическая монадология / Пер. П. Флоренского. Сергиев Посад, 1905; Религия в пределах только разума / Пер. Н. М. Соколова. СПб., 1908; I. О форме и начале мира чувственного и умопостижимого. II. Успехи метафизики / Пер. и предисл. Н. Лосского. СПб., 1910; Основоположение к метафизике нравов / Пер. Л. Д. Б., под ред. В. М. Хвостова. М., 1912; Логика / Пер. и вступ. заметка И. К. Маркова, под ред. и с предисл. А. М. Щербины. Пг., 1915.

КАРЛЕЙЛЬ (Carlyle) Томас (1795—1881). Английский историк и философ, автор теории «героев и толпы».

Сог. по-русски: Исторические и критические опыты. М., 1878; Этика жизни. СПб., 1906.

КАРПЕ (Karpe) Франц Самуэль (1741—1808). Австрийский философ.

Сог.: Institutiones philosophiae dogmaticae perpetua Kantianae disciplinae ratione habita. Т. 1—3. Mosquae, 1815: Т. 1. Prolegomena ad philosophiam universam et psychologiam — empiricam complectens; Т. 2—3. Logicam complectens; Institutiones philosophiae moralis. P. 1—3. Mosquae, 1815: P. 1. Philosophia practica universalis; P. 2. Ethica philosophica, seu Doctrina virtutis; P. 3. Jurisprudentia universalis, seu Doctrina juris rationis.

КАРРЬЕР (Carrière) Мориц (1817—1895). Немецкий философ.

Сог.: Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit in ihren Beziehungen zur Gegenwart. Stuttgart; Tübingen, 1847; (2 Aufl. 1887); Aesthetik. Die Idee des Schönen und ihre Verwirklichung im Leben und in der Kunst. 3 Aufl. Bd 1—2. Leipzig, 1865; Materialismus und Aesthetik. München, 1891.

Сог. по-русски: Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества / Пер. Е. Корша. Т. 1—5. М., 1870—1875.

КАРУС (Carus) Карл Густав (1789—1869). Немецкий биолог и врач, доктор философии медицины и хирургии. Его работы оказали влияние на развитие антропологии.

Сог. по-русски: Основания краниоскопии / Пер. А. Кашина. СПб., 1844; Сравнительная психология, или История развития души на различных ступенях животного мира. М., 1867.

КАССИРЕР (Cassirer) Эрнст (1874—1945). Немецкий философ-неокантианец; приват-доцент в Берлине; после 1919 г. — профессор в Гамбурге, Оксфорде, Упсале, Гётеборге, в ун-тах США.

Сог. по-русски: Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции / Пер. Б. Столлнера и П. Юшкевича. СПб., 1912.

КЕЙРА (Quéyat) Фредерик. Французский психолог и философ, преподаватель, затем профессор философии в коллеже Мориака. Специализировался на проблемах психологии детей.

Сог. по-русски: Воображение и память / Пер. с франц. Е. Максимова. СПб., 1896 (2-е изд. 1898); Воспитание характера / Пер. В. Н. Линда. М., 1897.

КЕТЛЕ (Quételet) Ламбер Адольф (1796–1874). Бельгийский астроном, социолог и статистик. Был директором Брюссельской обсерватории, профессором математики в Генуе и астрономии в Брюсселе. К. предложил оригинальную антропологическую концепцию, опирающуюся на статистику.

Сог. по-русски: О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики. Т. 1. 1865; То же. Т. 1–2. 1911–1913.

КИДД (Kidd) Бенджамин (1858–1916). Английский социолог, социал-дарвинист.

Сог. по-русски: Социальная эволюция. СПб., 1897 (два перевода).

КИЗЕВЕТТЕР Иоганн Готфрид (1766–1819). Немецкий философ вольфианской школы.

Сог. по-русски: Логика для употребления в училищах / Пер. Я. Толмачева. СПб., 1829; То же, 1831.

КИРХМАН (Kirschmann) Юлий Герман фон (1802–1884). Немецкий философ, противопоставил себя как материализму, так и идеализму с позиций реализма.

Сог. по-русски: Философия в общедоступном изложении (Katechismus der Philosophie) / Пер. под ред. и с предисл. Л. Е. Оболенского. СПб., 1895.

КИРХНЕР (Kirchner) Фридрих (1848–?). Немецкий философ, профессор, президент Академии Гумбольдта. В России переводились труды К. по социологии и этике. Вместе с Карлом Михаэлисом он – автор «Философского словаря» (обработано и дополнено Э. З. Гурляндом и Б. Г. Столпнером). Вышел под ред. Э. Л. Радлова (вып. 1, 1913).

Сог. по-русски: История философии с древнейших времен до настоящего времени / Пер. и предисл. В. Д. Вольфсона, со статьей В. Чуйко «Русская философия». СПб., 1895 (2-е изд. 1902); Этика, наука о нравственности / Пер. под ред. и с предисл. Л. Е. Оболенского. СПб., 1900.

КЛАПАРЕД (Claparède) Эдуар (1873–1940). Швейцарский психолог, профессор Женевского ун-та, оказал значительное влияние на становление философско-психологических взглядов Ж. Пиаже.

Сог. по-русски: Психология ребенка и экспериментальная педагогика. СПб., 1911.

КЛАУБЕРГ (Clauberg) Иоганн (1622–1665). Немецкий философ-картезианец, профессор философии и теологии в Лейдене, Херборне, Дуй-

сбурге, ввел термин «онтология», или «онтософия», вместо понятия «метафизика». Этот термин заимствовал у него Х. Вольф.

КОГЕН (Cohen) Герман (1842—1918). Немецкий философ, доцент, а затем профессор в Марбурге, с 1912 г. — в Берлине; глава Марбургской школы неокантианства.

Соз.: Kants Begründung der Ethik. Berlin, 1877; Kants Theorie der Erfahrung. 2 Aufl. Berlin, 1885; System der Philosophie. Tl. 1. Logik der reinen Erkenntnis (1902); Tl. 2. Ethik der reinen Willen. 1904; Tl. 3. Bd 1—2. Ästhetik des reinen Gefühls. 2 Aufl. Berlin, 1923.

КОМПЕЙРЕ (Compaugé) Габриэль (1843—1913). Французский психолог и педагог.

Соз. по-русски: Основания элементарной психологии / Пер. под ред. приват-доцента Г. Челпанова. СПб., 1895; То же / Под ред. и с предисл. приват-доцента Г. Челпанова. СПб., 1896; Умственное и нравственное развитие ребенка / Пер. С. Исаевой и Л. Макухиной. СПб., 1896; То же / Пер. М. Ф. Владимирского. М., 1912; Элементарный курс психологии в ее применении к воспитанию. СПб., 1902; Герберт Спенсер и научное воспитание / Пер. Л. В. Степановой. СПб., 1903; Ж.-Ж. Руссо и воспитание естественное / Пер. преподавателя Лазаревского ин-та восточных языков П. Д. Первова. М., 1903; Песталоцци и элементарное воспитание / Пер. С. М. Виноградовой. СПб., 1904; Отрочество, его психология и педагогика / Пер. и предисл. С. Вознесенского. СПб., 1910.

КОНДИЛЬЯК, КОНДИЙЯК (Condillac) Этьенн Бонно де (1715—1780). Французский философ-просветитель, член Французской академии, а также академий в Берлине и Лионе.

Соз. по-русски: Логика / Пер. А. Гронского. СПб., 1812; То же, 1814; История ума человеческого от первых успехов просвещения до Эпикура. М., 1804; Логика, или Умственная наука, руководствующая к достижению истины / Пер. Г. О. М., 1805.

КОНДОРСЕ (Condorcet) Мари Жан Антуан Николя де (1743—1794). Французский математик, социолог и политический деятель, член Французской академии.

Соз. по-русски: Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Пер. со вступ. ст. М. Ковалевского. 1909.

КОНСТАН ДЕ РЕБЕК (Constant de Rebecque) Бенжамен Анри (1767—1830). Классик французского либерализма; в сфере философии против-

ник материализма и атеизма Гольбаха и Гельвеция, а также крайних форм идеализма.

КОНТ (Comte) Огюст (1798—1857). Французский философ, первый систематизатор философии и социологии позитивизма.

Сог. по-русски: Курс положительной философии / Пер. под ред. и с примеч. проф. О. Е. Савича, О. Д. Хвольсона, Д. И. Менделеева и др. Т. 1—2. СПб., 1899—1900; Социология Конта в изложении Риголажа, с прилож. 2 вступ. лекций Конта в «Курс положительной философии» / Пер. Н. Лосского. СПб., 1898; Положительная философия Огюста Конта в изложении д-ра Робине / Пер. Е. А. Предтеченского. СПб., 1898; Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / Пер. И. А. Шапиро, с предисл. проф. М. Ковалевского. СПб., 1910; Катехизис промышленников (третья тетрадь), или Система позитивной политики в соч.: Сен-Симон. Катехизис промышленников // Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. Вып. 2; Курс позитивной философии (2 лекции); Общий обзор позитивизма // Там же. СПб., 1912—1913. Вып. 4—5.

КОРНЕЛИУС (Cornelius) Ганс (1863—1947). Немецкий философ, профессор философии в Мюнхене и во Франкфурте-на-Майне; соединял махизм с имманентной философией и прагматизмом Джемса.

Сог. по-русски: Введение в философию «Panta diekosmeae noos» / Пер. Г. А. Котляра, под ред. и с предисл. проф. Н. Н. Ланге. М., 1905.

КОСТ (Coste) Адольф (1842—1901). Французский философ и социолог-позитивист.

Сог.: Dieu et l'âme, essai d'idéalisme expérimental. Paris, 1880, 2-e éd. Paris, 1903; Nouvel exposé d'économie politique et de physiologie social. Paris, 1889; Les principes d'une sociologie objective. Paris, 1899.

КРАУЗЕ (Krause) Карл Христиан Фридрих (1781—1832). Немецкий философ, адепт системы панентеизма (всё в Боге).

КРОНЕР (Kroner) Рихард (1884—1974). Немецкий философ, профессор во Фрейбурге (1912—1924), в дальнейшем в других ун-тах; один из наиболее видных представителей неогегельянства.

Сог. по-русски: К критике философского монизма // Логос. 1915. № 3—4.

КРОЧЕ (Croce) Бенедетто (1866—1952). Итальянский философ, неогегельянец; в 1902—1920 гг. — профессор в Неаполе.

Сог. по-русски: Исторический материализм и марксистская экономика (1902).

КРУЗИЙ, КРУЗИУС (Crusius) Христиан Август (1715—1775). Немецкий теолог и философ, профессор теологии в Лейпциге, критиковал философию Лейбница и Вольфа.

КУЗЕН (Cousin) Виктор (1792—1867). Французский философ, преподаватель философии, затем директор Эколь Нормаль, с 1828 г. — профессор философии в Сорбонне. Философские взгляды К. формировались под влиянием Руайе-Коллара, Мен де Бирана и немецкой философии, пропагандистом которой во Франции был К.

Сог. по-русски: Кузенова курса истории философии лекция первая // Московский телеграф. 1829. № 10. Май; О великих людях // Там же. № 3. Февраль; О главных родах систем философских // Атений. 1829. № 3. Февраль; О начале истории философии // Там же. № 23; О прекрасном и об искусстве // Библиотека для чтения. 1845. Т. 72. Отд. 3; Четыре исследования // Клеванов А. С. Обзорение философской деятельности Платона и Сократа. М., 1861.

КУТЮРА (Couturat) Луи (1868—1914). Французский философ, логик, математик. В философии находился под влиянием идей Канта, Декарта, Лейбница и Рассела.

Сог. по-русски: В защиту логики // Новые идеи в математике. 1915. № 10.

КЪЕРКЕГОР, КИРКЕГОР (Kierkegaard) Сёрен (1813—1855). Датский теолог и философ, предшественник экзистенциализма.

Сог. по-русски: Наслаждение и долг. СПб., 1894; Несчастнейший // Северный сборник. Кн. 4. СПб., 1908.

КЭРД (Caird) Эдуард (1835—1908). Британский философ-неогегельянец.

Сог. по-русски: Гегель / Под ред. и с предисл. С. Н. Трубецкого, со ст. В. С. Соловьева. М., 1898.

КЮВЬЕ (Cuvier) Жорж (1769—1832). Французский естествоиспытатель, сторонник идеи неизменности видов, противник эволюционизма, критик Ламарка и Э. Жоффруа Сент-Илера.

КЮЛЬПЕ (Külpe) Освальд (1862–1915). Немецкий философ и психолог, профессор в ун-тах Вюрцбурга, Бонна, Мюнхена.

Соз. по-русски: Введение в философию / Пер. С. Штейнберга и А. Водена, под ред. и с предисл. П. Б. Струве. СПб., 1901; То же / Под ред. и с предисл. С. Л. Франка. 1908; Современная философия в Германии / Пер. Н. Андреева. СПб., 1903; Современная философия в Германии. Характеристика ее главных направлений / Пер. М. Лемберка, под ред. и с предисл. проф. Н. Н. Ланге. М., 1903. Очерки современной германской философии. Дюринг—Геккель—Ницше—Фехнер—Лотце—Гартман—Вундт / Пер. С. Чулока. СПб., 1904; Современная философия. СПб., 1904 (в соавторстве с А. Рилем); Современная психология мышления // Новые идеи в философии. 1914. Вып. 16.

КЮНЕМАНН (Kühnemann) Эуген (1868–1946). Немецкий историк литературы и философии.

Соз.: Grundlagen der Philosophie; Studien über Vorsokratiker, Sokrates und Plato. Berlin, 1899; Kants und Schellings Begründung der Ästhetik. München, 1895.

Л

ЛААС (Laas) Эрнст (1837—1885). Немецкий философ и педагог, профессор в Страсбурге, сторонник эмпиризма английской школы.

Соз.: Idealismus und Positivismus (1879—1834).

ЛАБРИОЛА (Labriola) Антонио (1843—1904). Итальянский философ и деятель социал-демократического движения, доцент ун-та в Неаполе, профессор педагогики и морали в Римском ун-те.

Соз. по-русски: К вопросу о материалистическом взгляде на историю. СПб., 1898; Исторический материализм и философия (Письма к Сорелю). 1900; К «кризису марксизма». Киев, 1906.

ЛАБРЮЙЕР (La Bruyère) Жан (1645—1696). Французский писатель-моралист, член Французской академии.

Соз. по-русски: Характеры, или Свойства различного состояния людей нынешнего времени. 1812, 1889; Избр. мысли Л. с прибавлением избр. афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескьё / Предисл. Л. Н. Толстого. М., 1908.

ЛАВЕЛЬ (Lavelle) Луи (1883—1951). Французский философ-спиритуалист.

ЛАВЕРНЬ (Lavergne) Бернар (1884—?). Французский социолог и экономист.

ЛАВУАЗЬЕ (Lavoisier) Антуан Лоран (1743—1794). Знаменитый французский химик. В мае 1794 г. гильотинирован по решению революционного трибунала.

ЛАГАРП (La Harpe) Жан Франсуа (1740—1803). Французский историк литературы, друг Вольтера, теоретик эстетики классицизма.

ЛАКОМБ (Lacombe) Поль (1833—1919). Французский историк и социолог-позитивист, последователь Тарда.

Соз. по-русски: Социологические основы истории. СПб., 1895.

ЛАЛАНД (Lalande) Андре (1867–1963). Французский философ; с 1904 г. — профессор философии в Сорбонне. Философские взгляды развивались под влиянием Мейерсона, Изуле-Лубатьер и Бутру.

Соз. по-русски: Этюды по философии наук. 2-е изд. СПб., 1897.

ЛАЛО (Lalo) Шарль (1877–1953). Французский эстетик-позитивист.

Соз. по-русски: Введение в эстетику. Методы эстетики. Прекрасное в природе и искусстве. Импрессионизм и догматизм / Пер. С. Гельфгата, под ред. и с предисл. приват-доцента Н. В. Самонова. М., 1915.

ЛАМАРК (Lamarck) Жан Батист (1744–1829). Французский натуралист и мыслитель, адъюнкт, затем член Французской АН.

Соз. по-русски: Анализ сознательной деятельности человека / Пер. В. Половцева и В. Симановской, под ред. П. Лесгафта. СПб., 1899–1900; Философия зоологии / Пер. С. В. Сапожникова, ред. и вступ. слово приват-доцента Вл. Карпова. М., 1911.

ЛАМБЕРТ (Lambert) Иоганн Генрих (1728–1777). Немецкий философ, математик, физик, астроном и логик.

Соз. по-русски: Система мира / Пер. М. Розина. СПб., 1797.

ЛАМЕННЕ (Lamennais) Фелисите Робер де (1782–1854). Французский философ, один из родоначальников христианского социализма.

Соз. по-русски: Современное рабство. Нижний Новгород, 1905.

ЛАМЕТРИ (Lametrie) Жульен Офре (1709–1751). Французский философ-материалист.

Соз. по-русски: Человек-машина (1911).

ЛАМПРЕХТ (Lamprecht) Карл (1856–1915). Немецкий историк, профессор в Лейпциге, в методологии примыкал к позитивизму.

Соз. по-русски: История германского народа. Т. 1–3. 1894–1896.

ЛАНГЕ (Lange) Фридрих Альберт (1828–1875). Немецкий философ-неокантианец и экономист, профессор философии Цюрихского и Марбургского ун-тов.

Соз. по-русски: История материализма и критика его значения в настоящее время / Пер. Н. Н. Страхова. Т. 1–2. СПб., 1881–1883 (2-е изд., 1899); То же / Пер. под ред. и с предисл. Вл. Соловьева. Киев; Харьков, 1899–1900.

ЛАПЛАС (Laplace) Пьер Симон (1749–1827). Французский астроном, математик, физик, член Парижской АН.

Соз. по-русски: Изложение системы мира. Т. 1–2. СПб., 1861; Опыт философии теории вероятностей. М., 1908.

ЛАПУЖ (Larouge) Жорж Ваше де (1854–1936). Французский социолог, сторонник расовой концепции истории человечества.

ЛАРОМИГЬЕР (Laromiguière) Пьер (1756–1837). Французский философ-сенсуалист.

ЛАРОШФУКО (La Rochefoucauld) Франсуа (1613–1680). Французский писатель-моралист.

Соз. по-русски: Дух изящнейших мнений... М., 1788; Нравоучительные мысли... М., 1798; Нравственные рассуждения... / Пер. Д. Пименова. М., 1809; Мысли, извлеченные из высшего познания мира и людей / Пер. И. Барышникова. М., 1809; Мысли, изречения и поучения. СПб., 1901; Избр. мысли Лабрюйера с прибавлением избр. афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье / Предисл. Л. Н. Толстого. М., 1908.

ЛАСК (Lask) Эмиль (1875–1915). Немецкий философ, профессор Гейдельбергского ун-та. Сочетал неокантианство в духе Риккерта с феноменологией Гуссерля.

Соз.: Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre... Tübingen, 1911; Die Lehre vom Urteil. Tübingen, 1912; Fichtes Idealismus und Geschichte. Tübingen, 1914.

ЛАССАЛЬ (Lassalle) Фердинанд (1825–1864). Немецкий философ и деятель социал-демократического движения. В философии — гегельянец с заимствованиями из Фихте.

ЛАССВИЦ (Lasswitz) Курд (1848–1910) Немецкий философ.

ЛАССОН (Lasson) Адольф (1832–1917). Немецкий философ-гегельянец, профессор философии Берлинского ун-та.

ЛАССОН (Lasson) Георг (1862–1932). Немецкий теолог и философ-неогегельянец, издатель (с 1907 г.) лейпцигского издания сочинений Гегеля.

ЛАФАРГ (Lafargue) Поль (1842–1911). Французский марксист.

ЛАФАТЕР (Lavater) Иоганн Каспар (1741–1801). Швейцарский религиозный философ, пастор в Цюрихе.

Соз. по-русски: Физиогномика. 1817; Переписка Карамзина с Лафатером // Сборник отделения русского языка и слов АН. СПб., 1893. Т. 54. № 5.

ЛАФФИТ (Laffitte) Пьер (1823–1893). Французский философ, последователь контовской позитивной религии.

Соз.: Cours de la philosophie première; 1889; Les grands types de l'humanité. 2-me éd., 1895.

ЛАЦАРУС (Lazarus) Мориц (1824–1903). Немецкий философ, последователь Гербарта, профессор в Берне и Берлине.

ЛАШЕЛЬЕ (Lachelier) Жюль (1832–1918). Французский логик и философ, профессор Каннского лицея и Эколь Нормаль в Париже, член Академии моральных и политических наук. В философии соединял иррационализм с рационализмом.

ЛЕББОК (Lubbock) Джон (1834–1913). Английский археолог, этнограф, один из классиков эволюционистской антропологической школы.

ЛЕБОН (Le Bon) Гюстав (1841–1931). Французский философ, социолог; в натурфилософии развивал идеи, близкие к энергетизму.

Соз. по-русски: Психология народов и масс, 1896; Психологические законы эволюции народов, 1906; Психология социализма. СПб., 1908; Эволюция материи. 2-е изд. СПб., 1909; Психология воспитания. СПб., 1910; Зарождение и исчезновение материи. 2-е изд. СПб., 1910.

ЛЕВИ-БРЮЛЬ (Lévy-Bruhl) Люсьен (1857–1939). Французский философ и социолог-позитивист, историк французской и немецкой философии.

ЛЕЙБНИЦ (Leibniz, Leibnitz) Готфрид Вильгельм (1646–1716). Немецкий ученый и философ.

Соз. по-русски: Сборник писем и мемориалов, относящихся к России и Петру Великому / Вступ. ст. В. Герье. СПб., 1873; Теодицея / Пер. и предисл. К. Истомина. Харьков, 1887–1892; Избр. философские соч. / Под ред. и с предисл. В. П. Преображенского. М., 1890 (есть изд. 1908); Монадология // Вера и разум. 1892; О свободе. О необходимости и случайности // Куно Фишер. О свободе человека. СПб., 1899; Элементы сокровен-

ной философии о совокупности вещей. Казань, 1913; Сочинения. Т. 1. Казань, 1914; Исповедь философа. Казань, 1915 (издал проф. И. И. Ягодинский); Неизданные заметки Лейбница о душе. Казань, 1917 (издал проф. И. И. Ягодинский).

ЛЕМЕТР (Lemaître) Жюль (1853–1914). Французский критик, глава школы импрессионистов.

ЛЕ ПЛЕ (Le Play) Фредерик (1806–1882). Французский социолог, профессор Горной школы, глава школы географического детерминизма (А. де Турвиль, Э. Демолен, Р. Пино, П. де Рузье).

Соз. по-русски: Основная конституция человеческого рода. М., 1897.

ЛЕРУ (Leroux) Пьер (1797–1871). Французский философ и социалист. С полумистических позиций из смеси пантеизма и спиритуализма критиковал философию Кузена.

ЛЕССИНГ (Leasing) Готхольд Эфраим (1729–1781). Немецкий писатель-просветитель, критик и теоретик искусства.

Соз. по-русски: Лаокоон, или О границе живописи и поэзии / Пер. Е. Эдельсона. М., 1859; То же / Пер. М. Э. Чуковского и Л. Р. Бродского, ст. магистра М. И. Мандеса. Вып. 1–5. Одесса, 1898–1901; Гамбургская драматургия / Пер. и предисл. И. П. Рассадина. М., 1883; То же / Критич. очерк С. Смирнова. Воронеж, 1882–1883; Собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. СПб., 1904.

ЛЕТУРНО (Letourneau) Шарль (1831–1902). Французский философ-материалист, социолог, профессор истории цивилизации в Антропологической школе, президент и генеральный секретарь Парижского антропологического общества.

Соз. по-русски: Физиология страстей. СПб., 1896; Социология по данным антропологии. СПб., 1896; Эволюция воспитания у различных народов. СПб., 1896; Биология. СПб., 1903; Прогресс нравственности. 2-е изд. СПб., 1910.

ЛИАР (Liard) Луи (1846–1917). Французский философ.

Соз. по-русски: Английские реформаторы логики в XIX в. Гершель—Извелль—Милль—Спенсер—Бентам—Гамильтон—Де Морган—Буль—Джевоис / Пер. Н. Давыдова. СПб., 1897; Курс логики. Формальная логика. Методология наук / Пер. С. К., под ред. В. В. Битнера. СПб., 1907.

ЛИБМАН (Liebmann) Отто (1840–1912). Немецкий философ-неокантианец, доцент в Тюбингене, профессор в Страсбурге и Йене.

Соз. по-русски: Kant und die Epigonen. Eine Kritische Abhandlung. Stuttgart, 1865; Gedanken und Tatsachen. Philosophische Abhandlungen, Aphorismen und Studien. Bd 1–2. Strassburg, 1899–1901. Immanuel Kant. Strassburg, 1904; Zur Analysis der Wirklichkeit. Berlin, 1876; Eine Erörterung der Grundprobleme der Philosophie. 4 Aufl. Strassburg, 1911.

ЛИНДЕМАН (Lindemann) Генрих Симон (1807–1855). Немецкий философ, последователь Краузе.

ЛИННЕЙ (Linné, Linnaeus) Карл (1707–1778). Шведский естествоиспытатель; возглавлял кафедру в Упсальском ун-те.

Соз. по-русски: Система природы / Пер. и предисл. А. Севастьянова. Ч. 1–2. СПб., 1804–1805; Философия ботаники, изъясняющая первые оной основания / Пер. адъюнкт-проф. Т. Смеловского. СПб., 1805.

ЛИППС (Lipps) Теодор (1851–1914). Немецкий философ и психолог, приват-доцент и профессор в Бонне, профессор в Бреслау, в Мюнхене, член философско-филологического отделения Королевской Баварской академии.

Соз. по-русски: Психология, наука и жизнь / Пер. А. М. Водена. М., 1901; Основы логики / Пер. Н. О. Лосского. СПб., 1902; Основные вопросы этики / Пер. М. А. Лихарева, под ред. П. Струве и Н. О. Лосского. СПб., 1905; Руководство к психологии / Пер. М. А. Лихарева. СПб., 1907; Самосознание / Пер. и предисл. М. Лихарева. 2-е изд. СПб., 1910; Философия природы. М., 1914.

ЛИСТ (Liszt) Франц фон (1851–1919). Австрийский криминалист, профессор Берлинского ун-та, глава социологического направления в уголовном праве.

Соз. по-русски: Международное право в систематическом изложении / Пер. и предисл. проф. В. Э. Грабаря. 4-е изд. Юрьев, 1917.

ЛИТТРЕ (Littré) Эмиль (1801–1881). Французский философ-позитивист, последователь О. Конта, член Французской академии.

Соз. по-русски: Конт и Милль // Тэн И. Об уме и познании. СПб., 1872. Т. 2; Несколько слов по поводу положительной философии. Берлин, 1865.

ЛИХТЕНБЕРГ (Lichtenberg) Георг Кристоф (1742–1799). Немецкий физик, литературный критик-просветитель. В философии находился под влиянием идей Спинозы и Канта.

Соз. по-русски: Афоризмы. СПб., 1899; Избранные мысли // Избранные мысли Канта. М., 1906.

ЛОКК (Locke) Джон (1632–1704). Английский философ, основоположник сенсуализма.

Соз. по-русски: О воспитании детей / Пер. с франц. проф. Н. Поповского. Ч. 1–2. М., 1759, 1760, 1768; Первоначальные основания физики. СПб., 1774; Мысли о воспитании / Пер. и предисл. П. Вейнберга. СПб., 1890; То же / Пер. А. Басистова. М., 1896; 3-е изд., 1913; Опыт о человеческом разуме / Пер. и предисл. А. Н. Савина. М., 1898; О государстве. СПб., 1902; Мысли о воспитании и о воспитании разума / Пер. М. А. Энгельгардта, введение Эв. Даниэля. Вып. 1–3. СПб., 1913.

ЛОМБРОЗО (Lombroso) Чезаре (1836–1909). Итальянский психиатр и криминалист, основатель антропологического направления в криминалистике.

Соз. по-русски: Новейшие успехи науки о преступнике. СПб., 1892; Гениальность и помешательство. 3-е изд., СПб., 1895.

ЛОТЦЕ (Lotze) Рудольф Герман (1817–1881). Немецкий философ, естествоиспытатель, профессор философии в Лейпциге и Геттингене.

Соз. по-русски: Основания практической философии / Пер. Я. Огус. СПб., 1882; Основания психологии. СПб., 1884; Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии / Пер. Е. Корша. Ч. 1–3. М., 1866–1867.

ЛУКРЕЦИЙ (Lucretius). Тит Лукреций Кар (ок. 99/95–55 до н. э.). Древнеримский поэт и философ-эпикурец.

Соз. по-русски: О природе вещей / Пер. А. Клеванова. М., 1876; То же / Пер. и предисл. И. Рачинского. М., 1904 и 1913; О природе. Поэма / Пер. А. Горбатова. Ревель, 1895; Избр. отрывки из поэмы «De rerum natura». М., 1914.

ЛЬЮИС (Lewes) Джордж Генри (1817–1878). Английский литературный критик и философ-позитивист.

Соз. по-русски: О Конт и положительная философия. СПб., 1867 (в соавторстве с Д.-С. Миллем); Сердце и мозг. 2-е изд. СПб., 1875; Вопросы о жизни и духе. Т. 1–2. СПб., 1875–1876; Изучение психологии, ее предмет, область и метод. М., 1880.

М

МАГАФФИ (Mahaffy) Джон Пентланд (1839–1919). Английский историк античности, профессор Дублинского ун-та.

Соз. по-русски: Древнегреческая жизнь / Пер. М. Стратилатова. СПб., 1879; История классического периода греческой литературы / Пер. А. Веселовской. Т. 1–2. М., 1882–1883.

МАКИАВЕЛЛИ (Macchiavelli) Никколо ди Бернардо (1469–1527). Итальянский политический мыслитель.

Соз. по-русски: Государь / Пер. Н. Курочкина. СПб., 1869; Монарх / Пер. Ф. Затлера. СПб., 1869; Государь / Пер. С. М. Роговина. М., 1900.

МАЛЬБРАНШ (Malebranche) Никола (1638–1715). Французский философ, сочетавший христианство в версии августицианства с идеями Декарта.

Соз. по-русски: Разыскания истины / Пер. и вступ. ст. Е. Б. Смеловой, под ред. и с предисл. Э. Л. Радлова. Т. 1–2. СПб., 1903–1906; Беседа христианского философа с философом китайским о бытии и природе божества / Пер. М. Н. Ершова. Казань, 1914.

МАРБЕ (Marbe) Карл (1869–1953). Немецкий философ и психолог, профессор.

Соз. по-русски: Научное и практическое значение психологии. СПб., 1913.

МАУДСЛИ (Maudsley) Генри (р. 1835). Английский психиатр, профессор судебной медицины в Лондонском ун-те.

Соз. по-русски: Об отношении между телом и духом и между умственными и другими расстройствами нервной системы / Пер. Е. А. Безобразовой. Казань, 1871; Физиология и патология души / Пер. И. Исаина. СПб., 1871.

МАХ (Mach) Эрнст (1838—1916). Австрийский философ и физик, приват-доцент Венского ун-та, профессор в Граце и Праге, профессор истории и теории индуктивных наук Венского ун-та.

Соз. по-русски: Современные взгляды на энергию // Из области новых физических теорий. СПб., 1898; Научно-популярные очерки / Пер. А. А. Мейера, под ред. и с введ. П. К. Энгельмейера, с предисл. Э. Маха. Вып. 1—2. М., 1901; Анализ ощущений и отношение физического к психическому / Пер. М. М. Филиппова. СПб., 1904; То же / Пер. Г. Котляра, с предисл. автора и вступ. ст. А. Богданова. М., 1907; Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Пер. Г. Котляра, под ред. проф. Н. Ланге. М., 1909; Популярно-научные очерки / Пер. Г. А. Котляра, с предисл. автора. СПб., 1909; Принцип сохранения работы. История и корень его / Пер. Г. А. Котляра, под ред. проф. Н. А. Гезехуса, с предисл. автора. СПб., 1909; Принцип сохранения энергии / Пер. И. Я. Яковлевского. М., 1909.

МЕЙЕРСОН (Meyersson) Эмиль (1859—1933). Французский философ.

Соз. по-русски: Тожественность и действительность. СПб., 1912.

МЕЙМАН (Meumann) Эрнст (1862—1915). Немецкий педагог и эстетик, профессор.

Соз. по-русски: Введение в современную эстетику / Пер. И. и В. Слоним, под ред. и с предисл. С. И. Айхенвальда. М., 1909; Интеллигентность и воля. Учение об одаренности и характере на психологической основе / Пер. под ред. и с предисл. Н. Е. Румянцева. М., 1917; Эстетика. Ч. 1—3. М., 1919—1920.

МЕЙНЕРТ (Meunert) Теодор (1833—1892). Немецкий психиатр, профессор в Вене.

Соз. по-русски: Механика душевной деятельности / Пер. В. Кандинского. М., 1880; Психиатрия. Клиника заболеваний переднего мозга, основанная на его строении, отправлениях и питании / Пер. М. Е. Лиона, под ред. П. И. Ковалевского. Т. 1. Харьков, 1885.

МЕЙНОНГ (Meinong) Алексиус (1853—1920). Австрийский философ, профессор ун-та в Граце; опираясь на идеи Ф. Brentano, разрабатывал концепцию неореализма.

Соз.: Psychologisch-ethische Untersuchungen zur Werttheorie. Graz, 1894; Untersuchungen zur Gegenstandstheorie und Psychologie.

Leipzig, 1904; Über die Erfahrungsgrundlagen unseres Wissens. Frankfurt am Main, 1906; Über die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaften. Leipzig, 1907; Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit. Leipzig, 1915.

МЕН ДЕ БИРАН (Maine de Biran) Мари Франсуа Пьер Гонтье (1766—1824). Французский философ-волюнтарист.

МЕНДЕЛЬСОН (Mendelssohn) Моисей (1729—1786). Немецкий философ, последователь Лейбница и Вольфа, критик Спинозы, друг Лессинга.

Соз. по-русски: Рассуждение о духовном свойстве души человеческой. М., 1806; Федон, или О бессмертии души: В 3 разговорах. Ч. 1—2. М., 1811; То же / Пер. В. Мызникова. СПб., 1837.

МЕРКЕЛЬ (Merkel) Адольф (1836—1896). Немецкий юрист-криминалист.

Соз.: Juristische Enzyklopädie. 2 Aufl., 1900.

МЕРСЬЕ (Mercier) Луи Себастьян (1740—1814). Французский писатель и философ. Первоначально — последователь просветительского деизма, в дальнейшем стал во Франции пропагандистом немецкого идеализма, особенно кантовского.

Соз. по-русски: Философических снов часть 1, содержащая в себе шесть сновидений / Пер. И. Долгорукова. Ч. 1—2. М., 1780—1781; Основания нравственности и политической экономии. М., 1860.

МЕСТР (Maistre) Жозеф де (1753—1821). Французский политический деятель и философ. В 1802—1817 гг. — посланник Сардинии в России. В философии — под влиянием Декарта, Мальбранша, Канта, критик сенсуализма и материализма.

МИЛЛЬ (Mill) Джон Стюарт (1806—1873). Английский философ-позитивист, логик и экономист.

Соз. по-русски: Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии / Пер. Н. Чернышевского, с доп. замечаниями переводчика. Т. 1. СПб., 1860; То же. Т. 1—2. СПб., 1865 (1-е полное изд.; 2-е изд. 1873); То же / Пер. А. Миклашевского. М., 1895; То же / Пер. Е. И. Остроградской, под ред. приват-доцента О. И. Остроградского. Киев; Харьков, 1896—1898; О свободе. Лейпциг, 1861; То же / Пер. М. И. Ловцовой. СПб., 1901; То же. М., 1906; Цивилизация.

СПб., 1864; Рассуждения и исследования политические, философские и исторические / Пер. А. Лонгинова. Вып. 1. СПб., 1864; То же: В 3 ч. / Пер. под ред. А. Соколова. СПб., 1864—1865; Система логики / Пер. под ред. и с примеч. П. Л. Лаврова, Ф. Резенера. Т. 1—2. СПб., 1865—1867; О. Конт и позитивизм // Льюис Д.-Г., Милль Д.-С. Огюст Конт и положительная философия / Пер. под ред. и с предисл. Н. Неклюдова и Н. Тиблена. СПб., 1867. То же / Огюст Конт и позитивизм. М., 1897; Огюст Конт и позитивизм / Пер. И. И. Спиридонова. СПб., 1906; Утилитарианизм. — О свободе / Пер. А. Н. Неведомского. СПб., 1866—1869; То же / Ст. Е. Конради. 2-е изд. СПб., 1882 (3-е изд. 1900); Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона и главнейших вопросов, обсужденных в его творениях / Пер. Н. Хмелевского. СПб., 1869; Автобиография / Пер. под ред. Г. Е. Благосветлова. СПб., 1874; То же. М., 1896; Положительная логика, ее основные начала и научная постановка. Общедоступная библиотека / Под ред. и с предисл. А. П. Федорова. СПб., 1897; Система логики силлогической и индуктивной. Изложение принципов доказательств в связи с методами научного исследования / Пер. С. И. Ершова и В. Н. Ивановского, под ред. и с предисл. В. Н. Ивановского. М., 1899, 1900 (2-е изд. вновь обраб. 1914).

МИНКОВСКИЙ (Minkowski) Герман (1864—1909). Немецкий математик и физик, профессор ун-тов Бонна, Кенигсберга, Цюриха, Геттингена; один из разработчиков теории относительности.

Сог. по-русски: Пространство и время / Пер. проф. А. В. Васильева. Казань, 1911; Пространство и время, с биогр. очерком Д. Гильберта и Г. Вейля и статьями В. Вина и П. Наторпа о принципе относительности / Пер. И. В. Яшунского. СПб., 1911 (2-е изд. Пг., 1915).

МИНТО (Minto) Вильям (1845—1893). Английский ученый.

Сог. по-русски: Дедуктивная и индуктивная логика / Пер. С. А. Котляревского под ред. В. Н. Ивановского. М., 1896 (6-е изд. 1909); Индуктивная и дедуктивная логика / Пер. М. С. Моделя. СПб., 1902.

МИШЛЕ (Michelet) Жюль (1798—1874). Французский историк романтического направления, член Академии моральных и политических наук, профессор Эколь Нормаль и Коллеж де Франс. В философии истории сочетал идеи Дж. Вико и Гегеля.

Сог. по-русски: Обозрение новейшей истории. СПб., 1838; Очерк современной истории / Пер. А. Лызлова. М., 1912.

МОЛЕШОТТ (Moleschott) Якоб (1822–1893). Немецкий физиолог и философ, один из представителей естественнонаучного материализма; преследовался за свои труды, переехал из Германии в Швейцарию, где преподавал в Политехнической школе в Цюрихе (с 1856); в 1861 г. занял кафедру философии в Турине.

Сог. по-русски: Естествознание и медицина. СПб., 1865; Единство жизни. СПб., 1866; Границы человека. СПб., 1866; Круговорот жизни Я. Моляшотта. Физиологические ответы на «Письма о химии» Юстуса Либиха. Харьков, 1866; Причины и действия в учении о жизни. М., 1868; Учение о пище. 2-е изд. СПб., 1868.

МОЛЬ (Mohl) Роберт (1799–1875). Немецкий юрист и политический деятель; впервые ввел разделение понятий «государство» и «общество».

Сог. по-русски: Энциклопедия государственных наук / Пер. А. Попова. СПб.; М., 1868; Об идеальных воззрениях на общество и государство. Извлечения из «Истории и литературы политических наук» Роберта Моля / Пер. А. Стоянова. Б. г.

МОНТЕНЬ (Montaigne) Мишель Эйкем де (1533–1592). Французский философ-скептик.

Сог. по-русски: Опыты / Частичный пер. С. Волчкова. СПб., 1762; То же / Частичный пер. В. П. Глебовой // Пантеон литературы. 1891. Март, июнь; 1892. Июнь, сентябрь; Взгляды на воспитание детей // Женское образование. 1891. № 6–7, 9; Мысли о воспитании детей. Избр. места из «Опытов» / Пер. Б. Смирнова; Рабле Ф. и Монтень М. Мысли о воспитании и образовании. М., 1896.

МОНТЕСКЬЁ (Montesquieu) Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де Монтескьё (1689–1755). Французский философ, историк и правовед, идеолог Просвещения.

Сог. по-русски: Размышления о причинах величества римского народа и его упадка / Пер. А. Поленова. СПб., 1769; О разуме законов / Пер. В. Крамаренкова со статьей Д'Аламбера «Разрешение разума законов». СПб., 1775 (2-е изд. 1801); (О вкусе) // Жерар. О вкусе. М., 1803; Опыт о вкусе в произведениях природы и художеств, или Рассуждение о причинах удовольствий, которые возбуждают в нас произведения разума и

изящных художеств / Пер. А. Воейковой. СПб., 1805; О сущности законов / Пер. Д. Языкова. Ч. 1—4. М., 1809—1814; Дух законов: В 3 ч. / Пер. и предисл. Е. Карнеева. СПб., 1839; Рассуждения о причинах возвышения и упадка римлян / Пер. В. И. Безобразова-Монигетти. СПб., 1893; О духе законов... / Пер. под ред. А. Г. Горнфельда, со вступ. ст. М. М. Ковалевского. СПб., 1900; То же / Пер. А. Пресса. СПб., 1901.

МОР (More) Томас (1478—1535). Английский гуманист, родоначальник утопического социализма.

Сог. по-русски: Картина всевозможно лучшего правления, или Утопия. СПб., 1789 (переведена с английского на французский Руссо, а с французского на русский); То же / Пер. Е. В. Тарле. СПб., 1901; Философа Рафаила Гитлоде странствие в Новом Свете и описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбивого острова Утопии. СПб., 1790; Утопия / Пер. и предисл. А. Г. Генкеля при участии Н. А. Макшеевой. СПб., 1903 (2-е изд. испр. и доп. 1905).

МОРГАН (Morgan) Конвей Ллойд (1852—1936). Английский зоолог и психолог.

Сог. по-русски: Привычка и инстинкт / Пер. М. Чепинской. СПб., 1899.

МОРГАН (Morgan) Льюис Генри (1818—1881). Американский этнограф и историк первобытного общества; ввел имеющую философско-историческое значение периодизацию: дикость, варварство, цивилизация.

Сог. по-русски: Первобытное общество. СПб., 1900.

МУШЕНБРУК (Musschenbrök) Питер ван (1692—1761). Голландский физик.

Сог. по-русски: Сокращение опытной физики, изданное в пользу всего обучающегося юношества, а особливо тех, кои любят сию науку / Пер. В. И. Созоновича. М., 1791.

МЮЛЛЕР (Müller) Иоганнес (1801—1858). Немецкий естествоиспытатель-кантианец, приверженец «физиологического идеализма»; с концепцией М. в России полемизировали А. Иовский и И. Сеченов.

Н

НАТОРП (Natorp) Пауль (1854—1924). Немецкий философ неокантианец, последователь Г. Когена, профессор Марбургского ун-та.

Соз. по-русски: Логика. Обоснование и логическое построение математики и математическое естествознание (сжатое пособие к лекциям) / Пер. В. А. Радзиевского, с предисл. И. И. Лапшина. СПб., 1909; Философия как основа педагогики / Пер. с предисл. Г. Г. Шпета. М., 1910; Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности / Пер. А. А. Громбаха. СПб., 1911; Философская пропедевтика (общее введение в философию и основные начала логики, этики и психологии) / Пер. под ред. и с предисл. Б. А. Фохта. М., 1911; Культура народа и культура личности / Пер. М. М. Рубинштейна. СПб., 1912; Развитие народа и развитие личности / Пер. А. Пальчика. СПб., 1912; Кант и Марбургская школа // Новые идеи в философии. СПб., 1913. Сб. 5. Теория познания. Вып. 2; Философия и психология // Логос. 1914. Т. 1. Вып. 2.

НЕЛЬСОН (Nelson) Леонард (1882—1927). Немецкий философ и психолог, последователь Фриза, глава психологического направления в неокантианстве, профессор в Геттингене.

Соз. по-русски: Невозможность теории познания // Новые идеи в философии. СПб., 1913. Вып. 5.

НЕТТЕЛЬБЛАДТ (Nettelblatt) Даниэль (1719—1791). Немецкий юрист, профессор в Галле.

Соз. по-русски: Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, приуроченное к употреблению оснований положительной юриспруденции... М., 1770.

НИБУР (Niebuhr) Бартольд Георг (1776—1831). Немецкий историк, сын датского востоковеда Карстена Нибура; преподавал в Берлинском и Боннском ун-тах; идеи Н. оказали влияние на русскую историографию (Т. Н. Грановский, И. Н. Кудрявцев и др.).

НИКОЛЬ (Nicole) Пьер (1625–1695). Французский философ и теолог, профессор Пор-Рояля, один из теоретиков янсенизма, последователь рационализма Декарта; испытал влияние скептицизма Монтеня и Паскаля.

Coz.: Essai de morale (1671–1678).

НИЦШЕ (Nietzsche) Фридрих (1844–1900). Немецкий философ, представитель аристократической разновидности антропоцентризма. В 1869–1879 гг. — профессор классической философии Базельского ун-та.

Coz. по-русски: Так говорил Заратустра... / Пер. Ю. М. Антоновского. СПб., 1898; То же. М., 1899; То же / В пер. и с предисл. С. П. Нани. СПб., 1899 (есть изд. 1900, 1903 гг., а также пер. А. В. Перельгиной, А. Н. Ачкасова, В. Изразцова, Г. П. Эрastoва); О предрассудках философов // Дарвинизм и теория познания. СПб., 1899; Происхождение трагедии (Метафизика искусства) / Пер. и предисл. Н. Н. Полилова. СПб., 1899 (2-е изд. 1903); Собр. соч. Т. 1–8, 10. М., 1900 (переводчики: Д. Борзанова, И. И. С., Д. П. Никифов, А. Николаев, Ю. М. Антоновский, редакторы: А. Введенский, Арс. Введенский, М. М. Алексеев); Человеческое, слишком человеческое / Пер. Л. И. Соколовой. М., 1900; По ту сторону добра и зла / Пер. под ред. А. Н. Е-ва. М., 1900 (есть изд. 1901, 1903); По ту сторону добра и зла. Прелюдии к философии будущего / Пер. под ред. Н. Полилова. СПб., 1905; То же / Пер. М. Н. Т. и Е. Соколовой, под ред. В. В. Битнера, СПб., 1907; Ценность европейской культуры. Посмертные афоризмы (из времен «Заратустры»). Происхождение морали. О пользе и вреде истории для жизни / Пер. Фрюлина и Ринского. М., 1901; Веселая наука (La gaia scienza). М., 1901; Утренняя заря. Размышления о нравственных понятиях. М., 1901; Избранные афоризмы и мысли / Пер. М. С. Моделя, введ., биогр. и примеч. проф. Г. Лихтенбергера. СПб., 1902; Происхождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм / Пер. Ю. М. Антоновского. М., 1902; Сумерки кумиров (Помрачение кумиров) / Пер. Е. К. Герцык. 2-е изд., М., 1902; Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / Пер. Н. Полилова. СПб., 1907; Антихрист / Пер. Н. Н. Полилова. СПб., 1907; Антихристианин. Опыт критики христианства / Пер. В. А. Флёровой, под ред. А. Я. Ефименко. СПб., 1907; Генеалогия морали / Пер. В. А. Вейнштока, под ред. В. В. Битнера. СПб., 1908; Полн. собр. соч. / Под ред.

Ф. Зелинского, С. Франка, Г. Рачинского, Я. Бермана. Т. 1–3, 9. М., 1909–1912 (переводчики: Л. Соколова, А. А. Заблочная и др.); Автобиография / Пер. под ред. и с предисл. Ю. М. Антоновского. СПб., 1911.

НЬЮТОН (Newton) Исаак (1643–1727). Английский физик, астроном и математик, занимал физико-математическую кафедру Кембриджского ун-та.

Соз. по-русски: Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна: В 2 ч. Пг., 1915; Математические начала натуральной философии / Пер. и предисл. профессора Николаевской морской академии А. Н. Крылова. Кн. 1–3. Пг., 1915–1916.

ОКЕН (Ocken) (наст. фамилия Оккенфус) Лоренц (1779–1851). Немецкий естествоиспытатель и натурфилософ, последователь Шеллинга, профессор в Йене, Мюнхене и Цюрихе.

Соз. по-русски: Обзорение главных содержаний философического естествознания. СПб., 1815; О свете и тепле как известных состояниях всемирного элемента / Пер. и предисл. Д. Велланского. СПб., 1816; Всеобщая естественная история для всех состояний. СПб., 1836. Т. 5.

ОЛЛЕ-ЛАПРЮН (Ollé-Laprune) Леон (1839–1898). Французский философ, профессор Эколь Нормаль в Париже.

Соз.: La philosophie de Malebranche. Т. 1, 2. Paris, 1870; Essais sur la morale d'Aristote. Paris, 1881; La vitalité chrétienne. Paris, 1901.

Соз. по-русски: Задача настоящего и ближайшего будущего. Из книги «Ценность жизни». Харьков, 1898; Ценность жизни / Пер. под ред. проф. философии Московской духовной академии А. И. Введенского. Харьков, 1898.

ОРЕО (Hauréau) Бартелеми (1812–1896). Французский историк и философ.

Соз.: De la philosophie scolastique. Т. 1–2, Paris, 1850; Histoire de la philosophie scolastique. Paris, 1872–1880.

ОРИГЕН (185–253). Античный философ и теолог-неоплатоник.

Соз. по-русски: Творения. Вып. 1: О началах. Казань, 1899; Против Цельса. Ч. 1. Казань, 1912.

ОСТВАЛЬД (Ostwald) Вильгельм Фридрих (1853–1932). Немецкий химик и философ. Родился в Риге, преподавал в Рижском политехникуме, затем занял кафедру физической химии в Лейпцигском ун-те, член-корреспондент Петербургской АН, лауреат Нобелевской премии (1909).

Соз. по-русски: Энергия и ее превращения / Пер. Н. С. Дрентельна. СПб., 1890; Несостоятельность научного материализма / Пер.

А. Эдельмана и А. Подпалого, под ред. и с предисл. проф. Рижского политехнического училища П. И. Вальдена. Рим, 1895, 1896; То же / Пер. Н. С. Дрентельна. СПб., 1896; Победа над научным материализмом / Пер. В. Г. Одесса, 1896; Натурфилософия / Пер. Г. А. Котляра, под ред. М. М. Филиппова. М., 1902; То же / Пер. А. В. Травкина, под ред. и с предисл. В. В. Битнера. СПб., 1910; Философия природы / Пер. О. А. Давыдовой, под ред. и с предисл. Э. Л. Радлова. СПб., 1903; Очерк натурфилософии / Пер. Г. А. Котляра. СПб., 1909; Насущная потребность. Вып. 1. Наука и философия / Пер. С. Алексеева, под ред. А. В. Сапожникова. М., 1912; Колесо жизни. Физико-химические основы процессов жизни / Пер. под ред. В. С. Елпатьевского. М., 1912; Энергетический императив / Пер. В. М. Познера со вступ. ст. В. Вернера. СПб., 1913.

ОУЭН (Owen) Роберт (1771—1858). Английский социалист-утопист.

Сог. по-русски: Образование человеческого характера. СПб., 1865; Об образовании человеческого характера (Новый взгляд на общество). СПб., 1881 (есть изд.: М., 1883); То же / Пер. О. К. под ред. и с предисл. В. В. Битнера. СПб., 1909.

П

ПАРАЦЕЛЬС (Paracelsus) (наст. имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493–1541)). Медик и алхимик, швейцарец по происхождению.

Соз. по-русски: Химическая псалтырь. М., 1784; Химическая псалтырь, или Философские правила о камне мудрых. СПб., 1912.

ПАСКАЛЬ (Pascal) Блез (1623–1662). Французский математик и физик, религиозный философ.

Соз. по-русски: Мысли / Пер. и ст. И. Бутовского. СПб., 1843; Мысли / Пер. П. Д. Первова, предисл. Прево-Парадоля. СПб., 1888 (2-е изд. 1899; 3-е изд. 1905); Мысли о религии / Пер. С. Долгова. М., 1892 (2-е изд. 1902); Письма к провинциалу, или Письма Людовика Монтальга к другу в провинцию и к отцам иезуитам о морали и политике иезуитов / Пер. под ред. и с введ. А. И. Попова. СПб., 1898.

ПАСТЕР (Pasteur) Луи (1822–1895). Французский микробиолог и химик, член Парижской АН, Французской медицинской академии, Французской академии, член-корреспондент (1684) и почетный член (1893) Петербургской АН, профессор ун-тов в Страсбурге и Лилле.

Соз. по-русски: Об организованных телах, существующих в атмосфере. Опровержение учения о самопроизвольном зарождении. СПб., 1864; Винная кислота и ее значение для учения о строении материи (об асимметрии органических соединений). СПб., 1894.

ПАУЛЬСЕН (Paulsen) Фридрих (1846–1908). Немецкий философ, профессор Берлинского ун-та.

Соз. по-русски: Введение в философию / Пер. Н. Титовского, под ред. В. Преображенского. М., 1894 (есть изд. 1899, 1904, 1914); Гамлет как трагедия пессимизма. Одесса, 1894; Шопенгауэр, Гамлет, Мефистофель. Три очерка из истории пессимизма / Пер. С. Н. Зелинской. Киев, 1902; Германские университеты /

Пер. Г. Гроссмана. СПб., 1904; Иммануил Кант, его жизнь и учение / Пер. Н. Лосского. СПб., 1899 (2-е изд., испр., 1905); Основы этики / Пер. Л. А. Гурлидий-Васильевой и Н. С. Васильева, под ред. приват-доцента Казанского ун-та В. Н. Ивановского. М., 1906; Философия протестантизма (Кант и протестантство). СПб., 1907; Шопенгауэр как человек, философ и учитель / Пер. Т. Богданович. Киев, 1909; Педагогика / Пер. под ред. лектора Московских женских педагогических курсов Г. К. Вебера. М., 1913 (есть изд.: СПб., 1913); То же / Пер. С. А. Алексеева, под ред. и с предисл. директора С.-Петербургской гимназии и реального училища К. Мая А. Л. Липовского. Вып. 1. СПб., 1913).

ПЕТЦОЛЬДТ (Petzoldt) Йозеф (1862–1929). Немецкий философ-эмпириокритик.

Соз. по-русски: Проблема мира с точки зрения позитивизма. СПб., 1909; Введение в философию чистого опыта. Т. 1. СПб., 1910.

ПИРС (Peirce) Чарлз Сандерс (1839–1914). Американский философ, логик, математик, естествоиспытатель, читал лекции в Гарварде, Балтиморе, Бостоне.

ПИРСОН (Pearson) Карл (Чарлз) (1857–1936). Английский философ-позитивист, математик и биолог, профессор Лондонского ун-та.

ПЛАТНЕР (Platner) Эрнст (1744–1818). Немецкий философ, профессор медицины в Лейпциге.

ПЛАТОН АФИНСКИЙ (428/7–348/7 до н. э.). Древнегреческий философ.

Соз. по-русски: Творения / Пер. Иоанна Сидоровского и М. Пахомова. Т. 1–3. СПб., 1780–1785; Платоновы разговоры о законах / Пер. В. Оболенского. М., 1827; Соч. Ч. 1–2. СПб., 1841–1842 / Пер. проф. В. Н. Карпова (2-е изд., испр. и доп. Ч. 1–6. СПб., 1863–1879); «Тимей», диалог II. О «природе вещей» / Пер. Г. В. Малеванского. Киев, 1882; Избр. соч. Вып. 1–2. Киев, 1880–1884; Сочинения / Введ., пер. и примеч. преподавателя А. М. Якимаха. Т. 1–3. СПб., 1892–1894; Творения / Пер. В. С. Соловьева, М. С. Соловьева и С. Н. Трубецкого, пред. Вл. Соловьева и С. Н. Трубецкого. Т. 1–2. М., 1899–1903.

ПЛОТИН (203/4 или 204/5–269/70). Античный философ, основатель неоплатонизма.

Соз. по-русски: Избр. трактаты / Пер. Г. В. Малеванского // Вера и разум. 1898. № 8, 9, 11, 13, 14, 17, 19; 1899. № 2, 6, 11—15; 1900. № 18—21; Эннеады II 3—61, III 7, 9, V 8 // Браш М. Классики философии. СПб., 1913. Т. 1.

ПОП (Pope) Александр (1688—1744). Английский поэт, автор философских поэм о гармонии сущего.

Соз. по-русски: Опыт о человеке / Пер. Н. Поповского. М., 1754 (есть изд. 1757, 1762, 1787, 1791 гг.); То же / Пер. Ф. Загорского. М., 1801 (есть изд. 1802); Опыт о критике / Пер. С. Шахматова. СПб., 1806.

ПРАНТЛЬ (Prantl) Карл (1820—1888). Немецкий философ, профессор философии в Мюнхене.

ПРУДОН (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865). Французский социалист, теоретик анархизма.

Соз. по-русски: Война и мир. Т. 1—2. М., 1864; Искусство, его основания и общественное значение / Пер. под ред. и с предисл. Н. Курочкина. СПб., 1865; То же / Вступ. ст. А. П. Федорова. СПб., 1895; Французская демократия / Пер. под ред. Н. Михайловского. СПб., 1867; Бедность как экономический принцип. М., 1908; Что такое собственность? / Пер. Е. и И. Леонтьевых. 2-е изд., М., 1919.

ПУАНКАРЕ (Poincaré) Анри (1854—1912). Французский математик, физик и философ, профессор Парижского ун-та, член Парижской АН.

Соз. по-русски: Гипотеза и наука. М., 1903; Наука и гипотеза / Пер. А. И. Бачинского, Н. М. Соловьева и Р. М. Соловьева, с предисл. проф. Н. А. Умова. М., 1904; То же / Пер. А. В. Чернявского, под ред. и с предисл. А. Г. Генкеля. СПб., 1906; То же / Пер. И. К. Брусиловского, под ред. приват-доцента В. Ф. Кагана. Одесса, 1910; Ценность науки / Пер. под ред. А. Бачинского и Н. Соловьева. М., 1906; Математическое творчество. Психологический этюд / Пер. Е. Г. Руниной, под ред. ассистента Юрьевского ун-та М. Г. Ребиндера. Юрьев, 1909; Наука и метод / Пер. Б. Кореня, под ред. проф. Н. А. Гесехуса. СПб., 1910.

ПУФЕНДОРФ (Pufendorf) Самюэль (1632—1694). Немецкий юрист, представитель школы естественного права.

Соз. по-русски: Введение в историю европейскую / Пер. Гавриила Бужинского. СПб., 1718 (есть изд. 1723 г.); О должности чело-

века и гражданина по закону естественному / Пер. И. Кречетовского, испр. Гавриилом Бужинским. СПб., 1726; Введение в историю знатнейших европейских государств, с примечаниями и политическими рассуждениями / Пер. Б. Волкова и др. Ч. 1—2. СПб., 1767—1777; Политические рассуждения о согласии политики истинной с религиею христианскою. СПб., 1815.

ПУХТА (Puchta) Георг Фридрих (1798—1846). Немецкий юрист, профессор римского права в Берлине, один из основателей исторической школы права.

Соз. по-русски: История римского права / Пер. В. Лицкой. М., 1863; Энциклопедия права / Пер. студента Демидовского юридического лицея Ливденбрата, под ред. П. Карасевича. Ярославль, 1872.

РАВЕССОН-МОЛЬЕН (Ravaisson-Mollien) (наст. фам. Лаше (Lacher)) Жан Гаспар Феликс (1813—1900). Французский философ-метафизик, критик позитивизма Конта и эклектики Кузена.

Соз. по-русски: Essai sur la métaphysique d'Aristote. Т. 1—2. Paris, 1837—1846; La philosophie en France au XIX siècle. Paris, 1868; Métaphysique et morale // Revue de métaphysique et de morale. 1893. N 1.

РАНКЕ (Ranke) Леопольд (1795—1886). Немецкий историк, профессор в Берлине.

Соз. по-русски: Римские папы, их церковь и государство в XVI—XVII вв. Т. 1—2. 1869.

РАНКЕ (Ranke) Иоганн (1836—1916). Немецкий физиолог и антрополог, профессор в Мюнхене.

Соз. по-русски: Человек / Пер. под ред. Д. А. Коропчевского. Т. 1—2. СПб., 1900—1901; Доисторическая жизнь человечества / Пер. под ред. Н. Н. Харузина. М., 1901; Физические различия человеческих рас / Пер. Д. Красова. СПб., 1902 (есть изд. 1911 г.).

РАССЕЛ (Russell) Бертран (1872—1970). Английский философ, логик, математик и социолог.

Соз. по-русски: Германская социал-демократия. СПб., 1906; Проблемы философии. СПб., 1914.

РАТЦЕЛЬ (Ratzel) Фридрих (1844—1904). Немецкий географ, социолог, один из основателей антропогеографии.

Соз. по-русски: Народоведение / Пер. и предисл. Д. А. Коропчевского. Т. 1—2. СПб., 1900—1901 (3-е изд. 1903); Человечество как жизненное явление на земле / Пер. под ред. Н. Н. Харузина. М., 1901.

РАУМЕР (Raumer) Карл Георг (1783—1865). Немецкий историк, профессор в Бреслау и Берлине.

Сог. по-русски: История воспитания и учения от возрождения классицизма до нашего времени / Пер. под ред. Н. Х. Весселя. Ч. 1—2. СПб., 1875—1878.

РЕЙМАРУС (Reimarus) Герман Самуэль (1694—1768). Немецкий богослов, философ-деист.

РЕЙНГОЛЬД (Reinhold) Карл Леонард (1758—1823). Немецкий философ, профессор философии в Йене и Киле, популяризатор философии Канта.

РЕЙНГОЛЬД Христиан Эрнст (1793—1855), сын К.-Л. Рейнгольда. Немецкий ученый, профессор логики и метафизики в Йене, последователь Канта. Ф. С. Надёжин ориентировался на труд Р. по истории философии.

Сог.: Geschichte der Philosophie. 4 Aufl., 1854; Lehrbuch der Philosophie. 3 Aufl., 1849.

РЕКЛЮ (Reclus) Жан Жак Элизе (1830—1905). Французский географ, социолог, теоретик анархизма; в 1892—1905 гг. — профессор географии Нового ун-та в Брюсселе.

Сог. по-русски: Земля и люди. Всемирная география. Т. 1—10. СПб., 1898—1901; Эволюция, революция и идеал анархизма. М., 1906.

РЕМКЕ (Rehmke) Йоханнес (1848—1930). Немецкий философ, представитель имманентной философии, профессор философии в Грейфсвальде.

Сог. по-русски: Душа человека. СПб., 1906; О достоверности внешнего мира для нас // Новые идеи в философии. СПб., 1913. Сб. 6.

РЕНАН (Renan) Жозеф Эрнест (1823—1892). Французский философ, историк религии, член Французской академии.

Сог. по-русски: История происхождения христианства. Т. 1—7. СПб., 1864—1907; Собр. соч.: В 12 т. Киев, 1902—1903.

РЕНУВЬЕ (Renouvier) Шарль (1815—1903). Французский философ, глава неокритицизма в духе Канта.

Сог.: Manuel de philosophie moderne. Paris, 1842; Manuel de philosophie ancienne. Vol. 1—2. Paris, 1844; Essais de critique générale. Vol. 1—4. Paris, 1854—1864; Science de la morale. Vol. 1—2. Paris, 1869; Esquisse d'une classification systématique des doctrines phi-

losophiques. Vol. 1—2. Paris, 1885—1886; La nouvelle monadologie. Paris, 1899; Le personnalisme. Paris, 1903.

РИБО (Ribot) Теодюль Арман (1839—1916). Французский психолог и философ, профессор философии в лицеях Везуля и Лавалья, профессор общей и экспериментальной психологии в Сорбонне и Коллеж де Франс.

Соз. по-русски: Современная английская психология (Опытная школа) / Ред. пер. и критический этюд П. Д. Боборыкина. М., 1881; То же / Пер. Л. Ройзмана. СПб., 1895; Наследственность душевных свойств (Психологическая наследственность) / Пер. И. Ф. Ф., под ред. А. Черемшанского. СПб., 1884; Болезни воли / Пер. под ред. Б. В. Томашевского. СПб., 1884 (есть изд. 1906 г.); Болезни личности. СПб., 1886; То же / Под ред. П. П. Викторова. М., 1887; Философия Шопенгауэра / Пер. под ред. В. В. Чуйко. СПб., 1889 (изд. уничтожено по постановл. Ком. министров); То же / Пер. М. Суперанского. СПб., 1898; То же / Пер. Э. К. Ватсона. СПб., 1899; Психология внимания / Пер. А. Цомакион. СПб., 1890 (есть изд. 1892, 1897 гг.); Память в ее нормальном и болезненном состояниях / Пер. под ред. В. Оболенского. СПб., 1894 (4-е изд. 1916); О чувственной памяти / Пер. Г. Н. Вырубова и Е. Николаевой, под ред. и с предисл. профессора В. М. Бехтерева. Казань, 1895; Психология чувств. Ч. 1—2. Киев; Харьков, 1897; То же / Пер. М. Гольдсмит. СПб., 1898 (есть изд. в другом переводе — Киев, 1912); Эволюция общих идей / Пер. М. Гольдсмит. СПб., 1898; То же / Пер. и предисл. Н. Н. Спиридонова. М., 1898 (есть изд.: Киев; Харьков, 1898); Творческое воображение / Пер. В. Предтеченского и В. Ранцева. СПб., 1901; Опыт исследования творческого воображения. СПб., 1901; Логика чувств. СПб., 1905; О страстях. Психологический этюд / Пер. В. Северак. Одесса, 1912.

РИД (Reid) Томас (1710—1796). Английский философ, основатель Шотландской школы, профессор Абердинского ун-та и ун-та в Глазго.

РИККЕРТ (Rickert) Генрих (1863—1936). Немецкий философ-неокантианец, один из основателей Баденской школы, профессор Фрейбургского (в Бадене) и Гейдельбергского ун-тов.

Соз. по-русски: Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в историческую науку / Пер. и предисл. А. Водена. СПб., 1903; Естествоведение и культуроведение /

Пер. М. Я. Фитермана. СПб., 1903; Введение в трансцендентальную философию / Пер. Г. Шпета. Киев, 1904; Философия истории / Пер. и предисл. С. Гессена, с предисл. автора к русскому изд. СПб., 1908; О понятии философии // Логос. 1910. Кн. 1; Науки о природе и науки о культуре / Пер. под ред. и со вступ. ст. С. И. Гессена. СПб., 1911; Ценности жизни и культурные ценности. М., 1913; Психофизическая причинность и психофизический параллелизм // Новые идеи в философии. Сб. 8: Душа и тело. СПб., 1913; Два пути теории познания // Новые идеи в философии. Сб. 7: Теория познания. Вып. 3. СПб., 1913.

РИЛЬ (Riehl) Алоиз (1844–1924). Немецкий философ, представитель критического реализма в неокантианстве, профессор ун-та в Граце (Австрия) и в германских ун-тах.

Соз. по-русски: Теория науки и метафизика с точки зрения философского критицизма / Пер. и предисл. Е. Корша. М., 1887; Фридрих Нитцше как художник и мыслитель / Пер. З. Венгеровой. СПб., 1898 (2-е изд. 1901); То же / Пер. И. В. Постмана со вступ. ст. Г. Я. Полонского. СПб., 1909; Дарвинизм и трансцендентальная философия // Дарвинизм и теория познания. СПб., 1899; Научная и ненаучная философия / Пер. С. Кричевского, под ред. М. М. Филиппова. СПб., 1901; Введение в современную философию. Восемь лекций / Пер. с нем. Г. А. Котляра. М., 1903; Введение в современную философию. 1. Обзор истории теоретической философии. Лекции 1–5 / Пер. Л. И. Креера и Н. И. Секерина, под ред. и с предисл. В. В. Битнера. СПб., 1904; То же. Лекции 6–8 // Риль А. и Кюльпе О. Современная философия. Введение и характеристика главнейших течений / Пер. М. Г. и Н. Секерина, под ред. и с предисл. В. В. Битнера. СПб., 1904; Введение в современную философию / Пер. С. Штейнберга. СПб., 1904; Иммануил Кант. Речи А. Рила и В. Виндельбанда / Пер. Б. В. Яковенко. М., 1905; Джордано Бруно. СПб., 1908; Философия в систематическом изложении... СПб., 1909.

РИТТЕР (Ritter) Генрих (1791–1869). Немецкий историк философии, ученик Шлейермахера, профессор в Берлине, Киле, Геттингене.

Соз. по-русски: Краткая история пифагорейской философии (по Риттеру). СПб., 1832; История философии древних времен. Ч. 1. СПб., 1839.

РИШЕ (Richet) Шарль Роберт (1850–1935). Французский физиолог, профессор медицинского фак-та в Париже. Нобелевский лауреат 1913 г.

Соз. по-русски: К вопросу о сомнамбулизме / Пер. из «Revue philosophique» П. А. Калачинского. Киев, 1886; Умственные яды / Пер. С. А. Бобровского. Нижний Новгород, 1886; Сомнамбулизм, демонизм и яды интеллекта. СПб., 1885; Опыт общей психологии / Предисл. П. Е. Астафьева. М., 1889; То же / Пер. Н. Федоровой. СПб., 1895 (2-е изд. 1903); Через сто лет / Пер. под ред. и с предисл. Е. Гаршина. СПб., 1893; Любовь. Психологический этюд / Пер. В. В. СПб., 1898; Яды, действующие на сознание (Алкоголь, хлороформ, гашиш, опиум и кофе). Кременчуг, 1900; Человек / Пер. В. К. Панченко, под ред. академика И. Р. Тарханова. СПб., 1906.

РУАЙЕ (РОЙЕ)-КОЛЛАР (Royer-Collard) Пьер Поль (1763—1845). Французский политический деятель и философ; противник сенсуализма Кондильяка, пропагандист идей Мен де Бирана и психологии Рида.

Соз.: Les fragments philosophiques... Paris, 1913.

РУССО (Rousseau) Жан Жак (1712—1778). Французский философ-просветитель, теоретик педагогики и искусства.

Соз. по-русски: Рассуждение, удостоенное награждения от Академии Дижонской в 1750, на вопрос, предложенный сею Академией: что восстановление наук и художеств способствовало ли ко исправлению нравов? / Пер. П. Потемкина. М., 1768 (2-е изд. 1787); Размышление о величестве Божии, о его промысле и о человеке / Пер. С. Башилова. СПб., 1770; Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми / Пер. и предисл. П. Потемкина. М., 1770; Статьи о политической экономии или государственном благоучреждении / Пер. А. И. Лужкова из «Энциклопедии». СПб., 1777; Гражданин, или Рассуждение о политической экономии / Пер. В. Медведева. СПб., 1787; Речь Ж.-Ж. Руссо, удостоенная в 1750 году от Дижонской академии награждения... / Пер. М. Юдина. СПб., 1798; Исповедание / Пер. Д. Болтина. Ч. 1—2. М., 1797; Бытие Бога и бессмертие души. СПб., 1801; Мысли Жана Жака Руссо, женеvского философа / Пер. М. Прокоповича. М., 1804; То же / Пер. П. Андреева (1800—1801); Философические уединенные прогулки, или Последняя его исповедь... / Пер. И. Мартынова. Ч. 1—2. СПб., 1802 (3-е изд. М., 1822); Дух, или Избранные мысли / Пер. И. Мартынова. СПб., 1801 (2-е изд. М., 1822); Эмиль, или О воспитании / Пер. Е. Дельсаль. Ч. 1—4. М., 1807; Исповедь (есть изд. в пер. Ф. Н. Устрялова (1865, 1898); С. С. Трубачева

(1901); Н. П. Маклецовою (1914)); Собр. соч. / Пер. А. Н. Энгельгардта, О. В. Мильчевского, Е. Е. Пыпиной, Е. Н. Хлебниковой, В. М. Флоринского. Т. 1. СПб., 1866; Эмиль, или О воспитании / Пер. и ст. П. Первова. М., 1896 (2-е изд. 1911); То же / Пер. М. А. Энгельгардта. СПб., 1912 (есть изд. 1913 г.); О естественном состоянии. СПб., 1904; Сочинения / Пер. NN-ского, под ред. Н. А. Бердяева. Т. 1–2. Киев, 1904; Исповедь / Под ред. Н. А. Бердяева. Киев, 1905; Общественный договор, или Принципы государственного права / Пер. С. Нестеровой, под ред. и с предисл. П. Когана. М., 1906; Общественный договор / Пер. В. Ютанова. М., 1906; Об общественном договоре, или Начала политического права / Пер. Френкеля, под ред. и с предисл. А. К. Дживелегова. М., 1906; То же / Пер. Л. Неманова, под ред. и с предисл. Д. Е. Жуковского. СПб., 1907; О причинах неравенства / Пер. Н. С. Южакова. СПб., 1907; О влиянии наук на нравы / Пер. Б. Б. Княжицкого, с предисл. профессора Н. И. Кареева. СПб., 1908; О Боге / Пер. Л. Н. СПб., 1908; Человек, будь человекен. Слова Жан Жака Руссо. 1712–1912. Выбрал из произведений великого воспитателя Ф. Гансберг / Пер. М. А. Энгельгардта. СПб., 1912.

САВИНЬИ (Savigny) Фридрих Карл (1779–1861). Немецкий юрист, глава исторической школы.

Сог. по-русски: О римском праве в Средние века / Пер. Е. Бутовича-Бутовского. СПб., 1838.

СВЕДЕНБОРГ (Swedenborg) Эмануэль (1688–1772). Шведский теософ, с 1729 г. — член научного общества в Упсале, с 1734 г. — почетный член Петербургской АН.

Сог. по-русски: О небесах, о мире духов и об аде. Как слышал и видел Э. Сведенборг. Лейпциг, 1863; Избр. соч. Вып. 1. Истинно-христианская религия. Лондон, 1872; О новом Иерусалиме и его небесном учении. Из слышанного с неба, которому предпосылается нечто о новом небе и иной земле. Лондон, 1904; О божественной любви и о божественной мудрости. СПб., 1904; Апокалипсис по смыслу духовному; О Последнем (Страшном) суде; Толкование гл. XXV Матфея. Посмертное творение. СПб., 1906; Пояснение первых четырех глав Книги Бытия. СПб., 1908; О сообщении души и тела. СПб., 1910.

СЁЛЛИ Джемс (1843–1923). Английский психолог, профессор Лондонского ун-та.

Сог. по-русски: Основные начала психологии и ее применения к воспитанию / Пер. В. И. Водовозовой. СПб., 1887 (4-е изд. 1908); Пессимизм. История и критика / Пер. под ред. и с предисл. Вал. Яковенко. СПб., 1893; Гениальность и помешательство / Пер. под ред. Л. Е. Оболенского. СПб., 1895; Очерки по психологии детства / Пер. А. Громбаха. М., 1901 (3-е изд. 1909); Педагогическая психология / Пер. под ред. А. А. Громбаха. М., 1912 (2-е изд. 1916).

СЕНЕКА (Seneca) Луций Анней (ок. 4— ум. 65). Римский философ-стоик.

Сог. по-русски: Избр. письма к Люцилию. СПб., 1893; О благодарениях // Вера и разум. 1889–1897; О провидении. Керчь, 1901;

Утешения Марции // Браш М. Классики философии / Пер. с нем. Т. 1. СПб., 1907; Псевдоапофеоз императора Клавдия // Филологическое обозрение. 1899. Т. 16. Приложение.

СЕН-СИМОН (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа (1760—1825). Французский мыслитель, социолог, социалист.

Сог. по-русски: Письма женеvского обитателя к современникам. Всеобщее тяготение. Парабола // Собр. соч. / Под ред. и с предисл. профессора В. В. Святловского. СПб., 1912. Т. 1.

СМАЙЛС (Smiles) Самюэль (1812—1904). Английский моралист.

Сог. по-русски: Самодеятельность. СПб., 1866; Характер. СПб., 1872; Расчетливость. СПб., 1876; Долг. СПб., 1882; Ум и энергия. СПб., 1890, Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1903.

СМИТ (Smith) Адам (1723—1790). Английский философ и экономист. Преподавал нравственную философию в ун-те Глазго.

Сог. по-русски: Исследование свойств и причин богатства народов. Т. 1—4. СПб., 1802—1805; Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. П. А. Бибикова. Т. 1—3. СПб., 1866; Теория нравственных чувств, или Опыт исследования о законах, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами, сначала о поступках прочих людей, а затем о наших собственных. С письмом Кондорсе к Кабанису «О симпатии» / Пер. П. А. Бибикова. СПб., 1868; То же, 1895; Исследования о богатстве народов / Пер. М. Щепкина. М., 1895; То же / Сокр. пер. М. П. Щепкина и А. А. Кауфмана (2-е изд. СПб., 1908).

СНЕЛЬ (Snell) Фридрих Вильгельм Даниель (1761—1827). Немецкий философ-кантианец.

Сог. по-русски: Начальный курс философии / Пер. с примеч. и прибавлениями адъюнкта умозрительной и практической философии А. Лубкина и адъюнкта политической экономии и исторических наук П. Кондырева. Ч. 1—5. Казань, 1813—1814.

СОРЕЛЬ (Sorel) Жорж (1847—1922). Французский социолог и философ, теоретик анархо-синдикализма.

Сог. по-русски: Размышления о насилии. М., 1907; Социальные очерки современной экономики. М., 1908; Введение в изучение современного хозяйства. М., 1908; Э. Ренан. Критический этюд. СПб., б. г.; Эволюция социализма // Социальное движение в современной Франции. М., 1908.

СОХЕР И. фон. Немецкий историк философии. На сочинения С. опирался А. И. Галич.

Соз. по-русски: Очерк истории философских систем (1802).

СПЕНСЕР (Spenser) Герберт (1820—1903). Английский философ-позитивист и социолог, идеолог либерализма.

Соз. по-русски: Классификация наук. Со статьей: О причинах разногласия с философией Конта / Пер. и предисл. Н. Л. Тиблена. СПб., 1866; Научные, политические и философские опыты / Под ред. Н. Л. Тиблена. Т. 1—3. СПб., 1866; Собр. соч. Т. 1—3, 5, 6. СПб., 1866—1869; Основания биологии / Пер. под ред. А. Герда. Т. 1—2. СПб., 1870; Воспитание умственное, нравственное и физическое (есть изд. 1871, 1880, 1881, 1883, 1889, 1894 гг. в пер. Е. Сысоевой, Н. Федоровой, М. А. Лазаревой, М. Гловацкой); Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. СПб., 1872; То же, 1906; Изучение социологии / Пер. И. А. Гольдсмита. Т. 1—2. СПб., 1874—1875; Основания психологии. Т. 1—4. СПб., 1876; Основания социологии. Т. 1—2. СПб., 1876—1877; Основания науки о нравственности. СПб., 1880; Данные науки о нравственности, СПб., 1880; Основные начала / Пер. Л. Алексеева. Киев, 1886; То же. СПб., 1897; Недостаточность естественного подбора. СПб., 1894; Философия. В сокращенном изложении Говарда Коллинза, с предисл. Г. Спенсера / Пер. П. Мокиевского. СПб., 1892 (2-е изд. 1897); Социология как предмет изучения. СПб., 1896; Научные основания нравственности / Пер. А. Федорова. СПб., 1896; О причинах моего разногласия с О. Контом // Милль Д.-С., Спенсер Г., Уорд Л. Огюст Конт и позитивизм. М., 1897; Классификация наук / Пер. Н. Н. Спиридонова. 3-е изд., М., 1897; Введение в философию / В изложении и с предисл. И. М. Любомудрова. Самара, 1897; То же. Ковров, 1904 (3-е изд. Ковров, 1905); Соч. / Под ред. Н. А. Рубакина. Т. 1—7. СПб., 1897—1904; Таинственный мир. Сверхъестественные деятели. Мир теней. Духи. Привидения. Заклинания и колдовство / Пер. и предисл. И. П. Рапгоф. СПб., 1899 (2-е изд. 1906); Мысли и афоризмы / Пер. М. С. Образцова. СПб., 1904.

СПИНОЗА (Spinoza, d'Espinoza) Бенедикт (Барух) (1632—1677). Нидерландский философ-пантеист.

Соз. по-русски: Этика... / Пер. под ред. и с предисл. В. И. Модестова. СПб., 1885 (4-е изд. 1904); Переписка / Пер. Л. Я. Гуревич, под

ред. А. Л. Волынского. СПб., 1891; Этика... / Пер. Н. А. Иванцова, под ред. В. П. Преображенского. М., 1892 (2-е изд. 1911); Трактат об усовершенствовании разума / Пер. Г. Полинковского. Одесса, 1893; Богословско-политический трактат / Пер. и предисл. Мих. Лопаткина. Казань, 1906; Политический трактат / Пер. студента А. Б. Ставского, под ред. и с предисл. Е. В. Спекторского. Варшава, 1910; То же / Пер. С. М. Роговина и Б. В. Гредина, предисл. проф. С. А. Котляревского. М., 1910; Трактат об очищении интеллекта и о пути, наилучшим образом ведущим к истинному познанию вещей / Пер. и введ. д-ра философии Боннского ун-та В. Н. Половцовой. М., 1914.

СТЕФФЕНС (Steffens) Хенрик (Генрих) (1773–1845). Естествоиспытатель и философ-шеллингианец. Родился в Норвегии, преподавал с 1797 г. в германских ун-тах.

Соз. по-русски: О постепенном развитии природы / Пер. Н. Курляндцева. Одесса, 1834.

СТЮАРТ (Stewart) Дюгальд, Дэгальд (1753–1828). Шотландский философ, профессор в Эдинбурге, сторонник философии «здорового смысла», ученик Рида.

Соз.: Elements of the Philosophy of the Human Mind (1792–1827); Outlines of moral philosophy (1795); Philosophical Essays (1810).

ТАЙЛОР (Tylor) Эдуард Бернетт (1832—1917). Английский этнолог, антрополог, религиовед-позитивист, профессор в Оксфорде.

Соз. по-русски: Первобытная культура. Т. 1—2. СПб., 1872—1873; Антропология. СПб., 1882.

ТАРД (Tarde) Габриэль (1843—1904). Французский социолог и криминалист, с 1900 г. — профессор новой философии в Коллеж де Франс, член Международного ин-та социологии.

Соз. по-русски: Законы подражания. СПб., 1892; Преступления толпы / Пер. И. Ф. Иорданского, под ред. профессора А. И. Смирнова. Казань, 1893; Сущность искусства (*L'art et la logique*) / Пер. под ред. и с предисл. Л. Е. Оболенского. СПб., 1895; Происхождение семьи и собственности / С очерком Л. Е. Оболенского. СПб., 1897; Социальные законы. Личное творчество среди законов природы и общества / Пер. А. Ф., под ред. и с предисл. Л. Е. Оболенского. СПб., 1900 (2-е изд. 1906); Социальные законы / Пер. Ф. Шипулинского. СПб., 1901; Социальная логика / Пер. М. Цейтлин. СПб., 1901; Социальные этюды / Пер. И. Гольденберга. СПб., 1902; Общественное мнение и толпа / Пер. под ред. П. С. Когана. М., 1902; Личность и толпа. Очерки по социальной психологии / Пер. Е. А. Предтеченского. СПб., 1903; Отрывки из будущей истории / Пер. Н. Н. Полянского. М., 1906; То же / Пер. К. И. Дебу. СПб., 1907.

ТЕННЕМАН (Tennemann) Вильгельм Готтлиб (1761—1819). Немецкий историк философии, последователь Канта.

Соз.: Grundriss der Geschichte der Philosophie für den akademischen Unterricht. 4-te verm. und verb. Aufl. oder 2-te Bearb. von Amadeus Wendt. Leipzig, 1825; A manuel of the history of philosophy / Transl. of the Germ. by Arthur Johnson. Revised, enlarged and continued by J. R. Morell. London, 1852; Manuel de l'histoire de la philosophie / Traduit de l'allemand par V. Cousin. Vol. 1—2. Louvain, 1930.

ТИТЧЕНЕР (Titchener) Эдуард Бредфорд (1867–1927). Американский психолог, профессор Корнеллского ун-та (США).

Соз. по-русски: Очерки психологии / Пер. П. Чепинской. СПб., 1898; Учебник психологии. Университетский курс / Пер. и предисл. приват-доцента А. П. Болтунова. Ч. 1–2. М., 1914.

ТОКВИЛЬ (Tocqueville) Шарль Алексис Клерель де (1805–1859). Французский социолог, историк и политический деятель, член Академии моральных и политических наук, член Французской академии.

Соз. по-русски: Старый порядок и революция. СПб., 1860; То же / Пер. под ред. Н. Кондырева. СПб., 1861; То же / Под ред. и с предисл. проф. Московского ун-та П. Г. Виноградова. М., 1896 (2-е изд. 1898; 3-е изд. 1903; 5-е изд. 1911); То же / Пер. В. К. Панченко, под ред. проф. Э. Д. Гримма. СПб., 1906; Демократия в Америке / Пер. А. Якубович. Т. 1–4. Киев, 1860; О демократии в Америке / Пер. и предисл. В. Н. Линд. М., 1897.

ТОМАЗИЙ (Thomasius) Христиан (1655–1728). Немецкий философ и юрист, читал лекции в Лейпцигском ун-те, профессор, затем ректор ун-та в Галле.

ТРЕНДЕЛЕНБУРГ (Trendelenburg) Фридрих Адольф (1802–1872). Немецкий философ-эклектик.

Соз. по-русски: Логические исследования / Пер. Е. Корша. Ч. 1–2. М., 1868.

ТУРНЕФОР (Tournefort) Жозеф Питтон де (1656–1708). Французский ботаник и врач, член Французской академии, профессор в Коллеж де Франс, автор искусственной системы растений, предшественницы системы К. Линнея.

ТЬЕРРИ (Thierry) Огюстен (1795–1856). Французский историк, эволюционировавший от симпатий к социализму Сен-Симона (был его секретарем) к либерализму. Основоположник идеи классовой борьбы и материалистического понимания истории во французской историографии.

Соз. по-русски: История завоевания Англии норманнами. Т. 1. СПб., 1858; То же. Киев, 1904; История происхождения и успехов третьего сословия / Со вступ. ст. Р. Ю. Виппера. М., 1899; То же. Киев, 1900; О преобразовании европейского общества // Родоначальники позитивизма. СПб., 1911. Вып. 3,

ТЭН (Taine) Ипполит (1828—1893). Французский философ, историк-позитивист.

Соз. по-русски: Английский позитивизм. Этюд о Стюарте Милле // Стюарт Милль и Тэн. Наведение как метод исследования. СПб., 1866; Лекции об искусстве, читанные в Парижской школе изящных искусств в 1865 году / Пер. и предисл. В. Чуйко. СПб., 1866; Философия искусства и об идеале в искусстве. С приложением статьи Д.-С. Милля / Пер. и предисл. А. Н. Чудинова. Воронеж, 1869; Лекции об искусстве. Философия искусства / Пер. и предисл. А. Н. Чудинова. Вып. 1—3. Воронеж, 1869—1874; Критические опыты / Под ред. и с предисл. В. Чуйко. СПб., 1869; Об уме и познании / Пер. под ред. и с предисл. Н. Н. Страхова. Т. 1—2. СПб., 1872; Чтения об искусстве / Пер. А. Н. Чудинова. М., 1874 (6-е изд. 1912); О методе критики и об истории литературы. СПб., 1896; Французская философия первой половины XIX века / Пер. Ю. В., под ред. и с предисл. Е. Васьковского. СПб., 1896; Лекции об искусстве (Философия искусства) / Пер. Н. Соболевского. Ч. 1—5. М., 1912 (2-е изд. 1913—1914; 4-е изд. 1916).

ТЮММИГ (Thümmig) Людвиг Филипп (1690—1728). Немецкий философ, читал лекции по философии и математике в Касселе, был секретарем Вольфа в Галле; пропагандист вольфианства.

Соз.: De immortalitate animae ex intima eius natura. Halle, 1721; Institutiones philosophiae Wolfianae Frankfurt in usus academicos odornae opera. Halle, 1725—1726.

Соз. по-русски: Вольфианская экспериментальная физика / Пер. М. Ломоносова. СПб., 1746; Вольфианская теоретическая физика / Пер. Б. Волкова (пер. части труда Тюммига, который в свою очередь есть сокращение соч. Вольфа).

ТЮРГО (Turgot) Анн Робер Жак (1727—1781). Французский философ, экономист и государственный деятель.

У

УАЙТХЕД (Whitehead) Алфред Норт (1861—1947). Английский математик, логик и философ, профессор математики в Кембридже и Лондоне, профессор философии в Гарвардском ун-те; совместно с Расселом — основатель логистической школы в философии математики.

Сог. по-русски: Введение в математику. СПб., 1915.

УЛЬРИЦИ (Ulgici) Герман (1806—1884). Немецкий философ, профессор в Галле.

Сог. по-русски: Бог и природа / Пер. под ред. проф. М. М-ского. Т. 1—2. Казань, 1867—1868; Материализм и точная наука. М., 1868; Тело и душа. Основания психологии человека. СПб., 1869; Нравственная природа человека / Пер. В. Голубинского. Казань, 1878.

УОРД (Ward) Лестер Фрэнк (1841—1913). Американский социолог, профессор социологии в ун-те Брауна, один из основоположников психологизма в социологии.

Сог. по-русски: Психические факторы цивилизации. М., 1897; Очерки социологии. М., 1901.

ФАЛЬКЕНБЕРГ (Falckenberg) Рихард Фридрих (1851–1920). Немецкий философ, ординарный профессор философии Эрлангенского ун-та.

Соз. по-русски: История новой философии от Николая Кузанского (XV в.) до настоящего времени / Пер. студентов Петербургского ун-та, под ред. и с предисл. проф. А. И. Введенского. СПб., 1894; То же / Пер. под ред. и с предисл. приват-доцента Московского ун-та Д. В. Викторова. М., 1910; История новой философии / Пер. И. Иноземцева. СПб., 1898; Краткий обзор истории философии от Канта до Ницше / Под ред. А. В. Кубицкого. М., 1911.

ФЕЙЕРБАХ (Feuerbach) Людвиг Андреас (1804–1872). Немецкий философ-материалист, приват-доцент Эрлангенского ун-та.

Соз. по-русски: Сущность христианства. Лондон, 1861; То же / Пер. В.-Д. Ульриха. Лейпциг; СПб., 1906; То же / Под ред. А. В. Швырова. СПб., 1907; То же / Пер. под ред. Ю. М. Антоновского. СПб., 1907, 1908; Лекции о сущности религии. М., 1861 (написано от руки. Литогр.); Сущность религии / Пер. Федоровского. Гейдельберг, 1862; О дуализме и бессмертии / Пер. Н. А. Алексеева. СПб., 1908.

ФЕЙЕРБАХ (Feuerbach) Ансельм (1775–1833). Немецкий криминалист. Отец Людвиг Фейербаха.

Соз. по-русски: Уголовное право / Пер. П. Лодия, П. А. Полонского и Р. Цебрикова. Кн. 1–3. СПб., 1810–1827 (кн. 1: Философическая, или Всеобщая часть уголовного права); Философически-юридическое исследование государственной измены и преступления против величества... / Пер. Д. И. Языкова. СПб., 1812.

ФЕРГЮСОН (Ferguson) Адам (1723–1816). Шотландский философ, профессор нравственной философии Эдинбургского ун-та.

Соз. по-русски: Наставления нравственной философии / Пер. В. Созоновича. СПб., 1804; Начальные основания нравственной

философии / Пер. А. Брянцева. М., 1804; Опыт истории гражданского общества / Пер. И. Тимковского. Ч. 1–3. СПб., 1817–1818.

ФЕРРИ (Ferri) Энрико (1856–1929). Итальянский правовед и социолог. Вместе с Ломброзо – основатель позитивистской школы в криминалистике.

Сог. по-русски: Коллективизм и позитивная наука. Дарвин–Спенсер–Маркс. СПб., 1905; Социализм и позитивная наука / Пер. Л. Истомина. СПб., 1906; Эволюция экономическая и эволюция социальная / Пер. с франц. И. Гольденберга. СПб., 1906. Уголовная социология / Пер. с франц. О. В. Познышевой и др., под ред. и с предисл. проф. С. В. Познышева и предисл. Э. Ферри. М., 1908; То же / Пер. с итал. Ч. 1–2. СПб., 1910–1912.

ФЕХНЕР (Fechner) Густав Теодор (1801–1887). Немецкий физик, психолог и философ, профессор физики в Лейпцигском ун-те.

Сог.: Elemente der Psychophysik. Bd 1–2. Leipzig, 1860; In Sachen der Psychophysik. Leipzig, 1877; Revision der Hauptpunkte der Psychophysik. Leipzig, 1882; Vorschule der Ästhetik. 2 Aufl. Bd 1–2. Leipzig, 1897–1898.

ФИХТЕ (Fichte) Иоганн Готлиб (1762–1814). Немецкий философ и общественный деятель, профессор Йенского (1794–1799) и Берлинского (с 1810 г.) ун-тов.

Сог. по-русски: Яснейшее изложение, в чем состоит существенная сила новейшей философии. Опыт принудить читателя к разумению. Харьков, 1813; О назначении человека // Московский вестник, 1830; О назначении ученого / Пер. М. А. Бакунина // Телескоп. 1835. Ч. XXIX; О назначении человека / Пер. И. Панаева // Панаев И. Пути к рациональному мировоззрению. СПб., 1880. Ч. 1; Замкнутое государство. СПб., 1883; Основные черты современной эпохи / Пер. Л. М., под ред. Н. О. Лосского. СПб., 1906; Назначение человека / Пер. Л. М., под ред. Н. О. Лосского. СПб., 1905; То же / Пер. Т. В. Поссе и В. М. Брадиса, с вступ. ст. проф. И. И. Лапшина. СПб., 1913; I. Факты сознания. II. Наукословие, изложенное в общих чертах / Пер. О. Давыдовой, под ред. и с предисл. Э. Л. Радлова. СПб., 1914; Первое введение в наукословие / Пер. С. И. Гессена // Новые идеи в философии. СПб., 1914; Наукословие в его общих чертах // Там же; Избр. соч. / Пер. под ред. и с предисл. Е. Трубецкого, ст. Б. В. Яковенко. Т. I. М., 1916.

ФИШЕР (Fischer) Куно (1824—1907). Немецкий историк философии, гегельянец; приват-доцент в Гейдельберге, лектор в Йенском ун-те, профессор ун-та в Гейдельберге.

Соз. по-русски: История новой философии / Пер. Н. Страхова. Т. 1—4. СПб., 1862—1865; Бэкон Веруламский / В излож. проф. Киевской духовной академии Ф. Терновского. Киев, 1866; Франциск Бэкон Веруламский. Реальная философия и ее век / Пер. Н. Страхова. СПб., 1867 (2-е изд. 1870); Критика Кантовской философии / Пер. Н. А. Иванцова. М., 1889; Артур Шопенгауэр / Пер. С. Н. Грум-Гржимайло, под ред. В. П. Преображенского. Кн. 1. М., 1894; То же / Пер. С. Н. Грум-Гржимайло, Д. И. Городецкого, Ю. И. Айхенвальда, под ред. и с предисл. В. П. Преображенского. М., 1896; Философ пессимизма (Характеристика Шопенгауэра). Одесса, 1897; О свободе человека. С прилож. 1. Трактата Лейбница о «Свободе». 2. Письма его же к Косту, «О необходимости и случайности» / Пер. Сем. Грузенберга, под ред. проф. М. И. Свешникова. СПб., 1900; Введение в историю новой философии / Пер. В. А. Попова. Вып. 1—2. М., 1900—1901; История новой философии. Т. 1—8. СПб., 1901—1909 (т. 1. Декарт / Под ред. Н. Н. Полилова; т. 2. Спиноза / Пер. С. Л. Франка; т. 3. Лейбниц / Пер. Н. Н. Полилова; т. 4. Кант / Пер. Н. Н. Полилова, Н. О. Лосского, Д. Е. Жуковского; т. 5. Кант / Пер. Д. Е. Жуковского и О. А. Аносовой, предисл. Д. Е. Жуковского; т. 6. Фихте / Пер. П. Б. Струве, Н. Н. Полилова, Д. Е. Жуковского; т. 7. Шеллинг / Пер. Н. О. Лосского; т. 8. Гегель / Пер. Н. О. Лосского); Воля и рассудок / Пер. Семена Грузенберга, с прилож. очерка С. О. Грузенберга. СПб., 1909.

ФОЛЬКЕЛЬТ (Volkelt) Йоханнес (Иммануил) (1848—1930). Немецкий философ, психолог и эстетик. Профессор в Йене, Базеле, Вюрцбурге и Лейпциге.

ФОЛЬКМАН (Volkman) Пауль Оскар Эдуард (1856—?). Немецкий философ.

Соз. по-русски: Теория познания естественных наук. Связь их с духовной жизнью нашего времени / Пер. Г. А. Котляра и П. С. Юшкевича. СПб., 1911.

ФОНСЕГРИВ (Fonsegrive Lespinasse) Жорж Пьер (1852—1917). Французский философ, профессор философии в лицее Бюффона в Париже.

Соз. по-русски: Опыт о свободе воли / Пер. Г. В. Малеванского. Ч. 1. Киев, 1899; Элементы психологии / Пер. А. Николаева и В. Суворова. М., 1900; То же / Пер. студентов Московской духовной академии, под ред. П. П. Соколова. Сергиев Посад, 1900 (3-е изд. 1906).

ФОНТЕНЕЛЬ (Fontenelle) Бернар Ле Бовье де (1657–1757). Французский писатель и философ, член Французской академии.

Соз. по-русски: Разговоры о множестве миров. СПб., 1740; Разговоры в царстве мертвых древних и новейших лиц. СПб., 1821.

ФРЕЙД (Freud) Зигмунд (1856–1939). Австрийский врач, психолог, основоположник психоанализа.

Соз. по-русски: Психопатология обыденной жизни. М., 1910; Три статьи о теории полового влечения. М., 1911; Бред и сны в «Градиве» Иенсена. М., 1912; Абрам К. «Сон и миф». М., 1912; Толкование сновидений. М., 1913.

ФРИЗ (Fries) Якоб Фридрих (1773–1843). Немецкий философ, испытал влияние Канта и Шлейермахера.

ФРИЗО Луиджи. Итальянский философ, профессор.

Соз. по-русски: История нравственной философии / Пер. с итал. Н. Лейнеберг. СПб., 1902.

ФУЛЬЕ, ФУЙЕ (Fouillée) Альфред (1838–1912). Французский философ-эклектик, соединявший позитивизм с волюнтаризмом.

Соз. по-русски: Изложение и критика современных систем морали (Мораль эволюционистов и дарвинистов. Мораль позитивистов. Независимая мораль). СПб., 1886; История философии / Пер. и предисл. П. Николаева. М., 1893 (2-е изд. 1898); То же / Пер. М. С. Модестова. СПб., 1901; Декарт / Пер. А. П. Татариновой, под ред. проф. Н. Я. Грота. М., 1894; Критика новейших систем морали / Пер. Е. Максимовой и О. Конради. СПб., 1898; Кант и Кант / Пер. и предисл. Л. Барона. СПб., 1899; Будущее морали. СПб., 1899; Свобода и необходимость. М., 1900.

ФУРЬЕ (Fourier) Франсуа Мари Шарль (1772–1837). Французский социалист, противник Просвещения.

ХРИСТИАНСЕН Бродер (Christiansen Broder).

Соз. по-русски: Психология и теория познания / Пер. Е. И. Боричевского, под ред. Б. А. Фохта. М., 1907; Теория познания и психология познавания. Теория познания, ее задачи, метод и отличие от психологии / Пер. Б. И. Элькина. Киев, 1908; Философия искусства / Пер. Г. П. Федотова, под ред. Е. В. Аничкова. СПб., 1911.

Ц

ЦЕЙЛЕР Франц фон (1751–1828). Австрийский юрист, профессор права Венского ун-та.

Сог. по-русски: Естественное частное право / Пер. с нем. СПб., 1809.

ЦЕЛЛЕР (Zeller) Эдуард (1814–1908). Немецкий историк античной философии, приват-доцент теологии в Тюбингене, профессор в Берне, Марбурге, Гейдельберге, Берлине.

Сог. по-русски: Обзорение философской деятельности Платона и Сократа / Изложение А. Клеванова, с приложением в русском пер. четырех исследований В. Кузена. М., 1861; Очерки религии и философии римлян. По Целлеру, Деллингеру и др. / Сост. Н. Д. Киев, 1881; Очерк истории греческой философии / Пер. М. Некрасова, под ред. и с предисл. М. Каринского. СПб., 1886; То же / Пер. С. Л. Франка. М., 1912; То же / Пер. под ред. приват-доцента Н. В. Самсонова. М., 1913.

ЦИЦЕРОН (Cicero) Марк Туллий (106–43 до н. э.). Римский государственный деятель, теоретик риторики и философ.

Сог. по-русски: О утешении / Пер. Ф. П. Моисеенкова. СПб., 1775; О естестве богов. Три книги / Пер. Г. Комова. СПб., 1779; Беседы о естестве богов / Пер. и послесл. И. Гриневича. Т. 1. Харьков, 1817; Рассуждение о добродетели / Пер. Н. Н. Антонского. М., 1820; Беседа о старости / Пер. и предисл. А. Зиновьева. М., 1866; Беседа о дружбе / Пер. П. Виноградова. Кострома, 1882; Опровержение эпикуреизма / Пер. и предисл. П. Гвоздева. Казань, 1889; О природе богов / Пер. С. Б. Ревель, 1892; Философские трактаты о старости и о дружбе / Пер. И. Семенова. М., 1893.

Ч

ЧИРНХАУЗ, ЧИРНГАУЗЕН (Tschirnhaus, Tschirnhausen) Эренфрид Вальтер фон (1651–1708). Немецкий математик, физик, медик и философ. Находился под влиянием Декарта и Лейбница.

Ш

ШАНТЕПИ ДЕ ЛЯ СОСЕЙ (Chantepie de la Saussaye) Пьер Даниэль (1848–1920). Голландский теолог, ординарный профессор теологии в Амстердаме.

Соз. по-русски: Иллюстрированная история религий, составленная в сотрудничестве д-ра Э. Буклей в Чикаго, библиотекаря Г.-О. Ланге в Копенгагене и др. / Пер. под ред. В. Н. Линд. Библиограф. указ. русской литературы по истории религий, просмотренные С. Н. Трубецким. Т. 1–2. М., 1899.

ШАСЛЕР (Schasler) Макс Александр Фридрих (р. 1819). Немецкий писатель.

Соз.: Ästhetik. Grundzüge der Wissenschaft des Schönen und der Kunst. Bd 1–2. Leipzig, 1886; Ästhetik als Philosophie des Schönen und der Kunst. Tl. 1. Berlin, 1872; Über materialistische und idealistische Weltanschauung. Berlin, 1879.

ШВЕГЛЕР (Schwegler) Альберт (1819–1857). Немецкий историк философии, профессор в Тюбингене, гегельянец.

Соз. по-русски: История философии / Пер. под ред. проф. Московского ун-та П. Д. Юркевича. Вып. 1–2. М., 1864.

ШЕЛЛИНГ (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854). Немецкий философ.

Соз. по-русски: Введение в умозрительную физику / Пер. Н. Курляндцева. Одесса, 1833; Суждение о философии Кузена / Пер. В. Межовича // Телескоп. 1835. № 1. Ч. 25; Первая лекция в Берлине 15 ноября 1841 г. // Отечественные записки. 1842. Т. 22; Философские исследования о сущности человеческой свободы / Пер. Л. Мееровича; Бруно, или О божественном и естественном начале вещей. Разговор 1802 г. / Пер. О. Давыдовой, под ред. Э. Л. Радлова, предисл. П. Новгородцова. СПб., 1908. Иммануил Кант / Пер. С. И. Гессена // Новые идеи в философии. СПб., 1914. Сб. 12; Философические письма о догматизме и критицизме // Там же.

ШЕФТСБЕРИ (Shaftesbury) Энтони Эшли Купер (1671—1713). Английский философ-деист, эстетик, моралист.

ШЕФФЛЕ (Schäffle) Альберт Эберхард (1831—1903). Немецкий экономист и социолог, профессор политэкономии в ун-тах Тюбингена, Вены, Штутгарта; катедер-социалист, представитель органической школы в социологии.

Соз. по-русски: Капитализм и социализм. Ч. 1. СПб., 1871; Квинтэссенция социализма. СПб., 1906; Сущность социализма. Пг., 1917.

ШЛЕГЕЛЬ (Schlegel) Фридрих (1772—1829). Немецкий писатель, критик, философ-романтик.

Соз.: Philosophie der Geschichte. Bd 1—2. Wien, 1829.

ШЛЕЙЕРМАХЕР (Schleiermacher) Фридрих Даниель Эрнст (1768—1834). Немецкий философ и богослов, близок к романтизму.

Соз. по-русски: Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. Монологи / Пер. и вступ. ст. С. Л. Франка. М., 1911.

ШОПЕНГАУЭР (Schopenhauer) Артур (1788—1860). Немецкий философ-волюнтарист и пессимист.

Соз. по-русски: Мир как воля и представление / Пер. А. Фета. СПб., 1881 (2-е изд. 1888; 4-е изд. 1898); Инстинкт и художественная склонность и др. СПб., 1884 (2-е изд. 1886); Свобода воли и основы морали. Две основные проблемы этики / Пер. Ф. В. Черниговца. СПб., 1886 (3-е изд. 1896); 1. О четверояком корне закона достаточного основания. 2. О воле в природе / Пер. А. Фета. М., 1886 (2-е изд. 1892); О воле в природе. Исследование подтверждений со стороны эмпирических наук, полученных философией автора со времени своего появления / Пер. А. Фета. М., 1886 (2-е изд. 1892); Лучи света его философии / Пер. Н. Н. Маракуева. М., 1886 (2-е изд. 1896); Афоризмы и максимы / Пер. и предисл. Ф. В. Черниговца. Т. 1—3. СПб., 1886 (5-е изд. 1900); Статьи эстетические, философские и афоризмы / Пер. Р. Кресина. 3-е изд. Харьков, 1888; Мир как воля и представление. Дальнейшие доказательства основных положений пессимистической доктрины / Пер. Н. М. Соколова. М., 1893; То же / Пер. Ю. И. Айхенвальда. Т. 1—2. М., 1900—1901; Критика Кантовской философии / Пер. и предисл. Ф. Черниговца. СПб., 1897; О четверояком корне закона достаточного основания. Философское рассужде-

ние / Пер. Ю. И. Айхенвальда. М., 1900 (есть изд. 1902 г.); Полн. собр. соч. / Пер. Н. В. Самсонова, С. И. Ершова, Ю. И. Айхенвальда под ред. Ю. И. Айхенвальда. Т. 1–4. М., 1900–1910; Афоризмы о житейской мудрости / Пер. проф. Z. и Е. Левицкой-Роголя, под ред. Н. Зинченко. СПб., 1902; Афоризмы житейской мудрости / Пер. Н. М. Губского. СПб., 1910 (есть изд. 1914 г.).

ШРЁДЕР (Schröder) Эрнст (1841–1902). Немецкий математик и логик, профессор политехникума в Дармштадте и Высшей технической школы в Карлсруэ.

Сог. по-русски: Герман Гроссмани. Его жизнь и учено-литературная деятельность. М., 1866 (совм. с Р. Штурмом и Л. Зонке); Об алгоритмах и исчислениях // Физико-математические науки в их настоящем и прошедшем. 1888. Т. 7. № 1–4.

ШТАММЛЕР (Stammler) Рудольф (1856–1938). Немецкий теоретик права, катедер-социалист, неокантианец.

Сог. по-русски: Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Социально-философское исследование. СПб., 1899; Анархизм. Теория и критика / Пер. нем. кружка студентов, под ред. В. В. Святловского. СПб., 1906; Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории / Пер. М. К. Покровского, А. А. Мейера, О. А. Давыдовой под ред. и с вступит. ст. И. И. Давыдова. Т. 1–2. СПб., 1907; Сущность и задачи права и правоведения / Пер. и предисл. В. А. Краснокутского. М., 1908.

ШТЁКЛЬ (Stöckl) Альберт (1823–1895). Немецкий историк философии.

Сог. по-русски: История средневековой философии / Пер. Н. Стрелкова и И. Э. под ред. и с предисл. проф. И. В. Попова. М., 1912.

ШТЕРН (Stern) Вильям (1871–1938). Немецкий психолог и философ, преподавал в ун-тах Бреслау и Берлина.

Сог. по-русски: Монографии о душевном развитии ребенка. СПб., 1911 (в соавт. с Кл. Штерн); Психологические методы испытания умственной одаренности в их применении к детям школьного возраста / Автор. пер. приват-доцента Московского ун-та А. П. Болтунова. Пг., 1915; Психология раннего возраста, до шестилетнего возраста / Пер. М. А. Энгельгардта. Вып. 1–4. Пг., 1915.

ШТИРНЕР (Stirner) (псевд., наст. фам. — Schmidt) Макс (Шмидт Каспар) (1806—1856). Немецкий философ-эгоцентрист.

Соз. по-русски: Единственный и его достояние / Пер. Л. И. Г. Вып. 1. М., 1906; То же / Пер. Н. Г-ой. М., 1907; То же / Под ред. И. А. СПб., 1910; Единственный и его собственность / Пер. В. Ульриха. Лейпциг; СПб., 1906; То же / Пер. Б. В. Гиммельфарба и М. А. Гохшиллера. Ч. 1—2. СПб., 1907—1909; То же / Пер. Г. Федерера. СПб., 1909.

ШТУР (Štúr) Людовит (1815—1856). Словацкий историк-панславист.

Соз. по-русски: Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная / Пер. с примеч. В. Ламанского. М., 1867; То же / Под ред. К. Я. Грота и Т. Д. Флоринского. СПб., 1909.

ШУБЕРТ-ЗОЛЬДЕРН (Schubert-Soldern) Рихард фон (1852—?). Немецкий философ, представитель имманентной философии.

ШУЛЬЦЕ (Schulze) Готлоб Эрнст (Энезидем, Aenesidemus) (1761—1833). Немецкий философ, профессор в Виттенберге, Хельмштадте, Геттингене; критик Канта.

Соз. по-русски: Психическая антропология, или Опытное учение о жизни человека по духовной ее стороне / Пер. и предисл. Ф. Сидонского. Вып. 1—2. СПб., 1834—1835.

ШУППЕ (Schuppe) Вильгельм (1836—1913). Немецкий философ, представитель имманентной философии, профессор в Грейфсвальде.

Соз.: Erkenntnistheoretische Logik. Bonn, 1878; Grundriss der Erkenntnistheorie und Logik. Berlin, 1894.

Э

ЭББИНГАУЗ, ЭББИНГХАУС (Ebbinghaus) Герман (1850—1909). Немецкий психолог, профессор ун-тов в Бреслау и Галле.

Соз. по-русски: Основы психологии / Пер. Г. А. Котляра, под ред. проф. В. С. Серебрянникова и Э. Л. Радлова. Т. 1. Вып. 1—2. СПб., 1911 (2-е изд. СПб., 1912); Очерк психологии / Пер. с предисл. приват-доцента С. И. Поварнина. СПб., 1911.

ЭБЕРХАРД (Eberhard) Иоганн Август (1739—1809). Немецкий философ-лейбницеанец, теолог и писатель. Преподавал теологию в Галле.

Соз.: Neue Apologie des Socrates (2 Bd, 1772—1778); Handbuch des Ästhetik (4 Bd, 1803—1805).

ЭЙКЕН (Eucken) Рудольф (1846—1926). Немецкий философ, профессор Базельского и Йенского ун-тов, фихтеанец.

Соз. по-русски: Основные проблемы современной философии религии / Пер. с предисл. приват-доцента С. И. Поварнина. СПб., 1909 (есть изд. 1910 г.); Смысл и ценность жизни. Харьков, 1911.

ЭККАРТСГАУЗЕН (Eckartshausen) Карл (1752—1803). Немецкий религиозный философ-моралист.

Соз. по-русски: Благоразумие, соединенное с добродетелью, или Политика мудрого / Пер. Д. И. Дмитриевского. М., 1795 (2-е изд. 1805); Верное лекарство от предубеждения умов для тех, до коего сие принадлежит / Пер. М. И. Антоновского. СПб., 1798 (авторство сомнительно); Важнейшие иероглифы для человеческого сердца. Ч. 1—2. СПб., 1803 (2-е изд. СПб., 1816); Наставление мудрого испытанному другу / Пер. А. Ф. Лабзина. СПб., 1803 (2-е изд. 1817); Ночи, или Беседы мудрого с другом / Пер. А. Ф. Лабзина. М., 1804; Облако над святилищем, или Нечто такое, о чем гордая философия и грезить не смеет / Пер. А. Ф. Лабзина. СПб., 1804; Ключ к таинствам природы / Пер. А. Ф. Лабзина. Ч. 1—4. СПб., 1804; Дух Эккартсгаузена, или Сущность учения сего знаменитого писателя / Пер.

М. Бранкевича. Кн. 1—2. М., 1809—1810 (2-е изд. 1816); Мысли о положительном начале жизни и отрицательном начале смерти / Пер. И. Шамшина. М., 1810; Взгляд на будущее, или Сказание о девятнадцатом столетии / Пер. И. Шамшина. СПб., 1813; Наука чисел. Ч. 1—2, СПб., 1815; Нравственные письма к Лиде и любви душ благородных / Пер. И. Кобранова. Ч. 1—2. М., 1816; Бог есть любовь чистейшая / Пер. Я. Уткина. СПб., 1817; Кодекс, или Законоположение человеческого разума / Пер. И. Шамшина. СПб., 1817; Соч. Ч. 2. Религия, рассматриваемая как основание всякой истины и премудрости. М., 1818; Бог во плоти, или Христос между людьми. Ч. 1—2. СПб., 1818; Омаровы наставления, книга для света, каков он есть, а не каким быть должен / Пер. М. Сахарова. Ч. 1—2. М., 1819.

ЭМЕРСОН (Emerson) Ральф Уолдо (1803—1882). Американский поэт и философ-пантеист.

Сог. по-русски: Нравственная философия / Пер. Ладыженской. Ч. 1—2. СПб., 1868; О бессмертии души. М., 1887; Высшая душа. М., 1902; Соч. Т. 1—2. СПб., 1902—1903; О доверии к себе. 2-е изд. М., 1904; Избранники человечества. М., 1912.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ, Дезидерий (Erasmus Roterodamus, Desiderius) (псевд. Герхарда Герхардса) (1469—1536). Нидерландский ученый, христианский гуманист.

Сог. по-русски: Похвала глупости. М., 1840.

ЭРДМАН (Erdmann) Бенно (1851—1921). Немецкий психолог и философ-неокантианец, профессор в Киле, Бреслау, Галле, Бонне и Берлине. Издатель сочинений Канта.

Сог. по-русски: Научные гипотезы о душе и теле / Пер. с предисл. д-ра философии, ассистента философского семинара Берлинского ун-та В. Н. Половцевой. М., 1910; То же / Пер. Н. Н. Вокча и приват-доцента И. А. Ильина. М., 1911.

ЭРНЕСТИ (Ernesti) Иоганн Август (1707—1781). Немецкий писатель, профессор классической филологии и теологии в Лейпцигском ун-те.

Сог. по-русски: Начальные философические статьи, касающиеся до существа и свойств души человеческой, сочиненные во вкусе древних писателей и расположенные по образу, математическим наукам свойственному, иначе составляющие науку, психологией называемую / Пер. Л. Родионова. СПб., 1791; Дар

любителям наук. М., 1793; Начала риторики / Пер. С. Ивашковского, М., 1828.

ЭШЕНБУРГ (Eschenburg) Иоганн Иоахим (1743–1820). Немецкий историк литературы. Профессор в Брауншвейге.

Сог. по-русски: Ручная книга древней классической словесности... Умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. Т. 1–2. СПб., 1816–1817; Краткое руководство к эстетике. М., 1829.

ЮМ (Hume) Дэвид (1711–1776). Шотландский философ, историк, экономист, родоначальник агностицизма.

Соз. по-русски: Наука к познанию роскоши / Пер. с фр. студента Ф. Левченкова. СПб., 1776; О населенности древних народов / Пер. Н. Муравьева. СПб., 1806; Опыты / Пер. М. О. Гершензона. М., 1896; Исследование о человеческом разумении / Пер. С. И. Церетели. СПб., 1902; Исследование о человеческом разуме. Моя жизнь. СПб., 1904; Трактат о человеческой природе / Пер. и предисл. С. Церетели. Кн. 1. Юрьев, 1906; Диалоги о естественной религии. С прилож. статей о самоубийстве и о бессмертии души / Пер. и предисл. С. М. Роговина. М., 1908; Естественная история религии. Диалоги о естественной религии. О бессмертии души. О самоубийстве / Пер. и введ. С. Церетели. Юрьев, 1909; Исследование о человеческом уме - / Пер. и предисл. С. И. Церетели. 2-е изд., Пг., 1916.

ЮСТИ (Justi) Иоганн Генрих Готлиб (1702–1771). Немецкий экономист, читал лекции по политэкономии в Геттингене.

Соз. по-русски: Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов / Пер. с нем. А. Волкова. М., 1770; Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния / Пер. с нем. И. Багаевского. Ч. 1–4. СПб., 1772–1778.

Я

ЯКОБИ (Jacobi) Фридрих Генрих (1743—1819). Немецкий философ, представитель «философии чувства и веры».

Сог. по-русски: О трансцендентальном идеализме // Новые идеи в философии. СПб., 1914. Сб. 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов А. И.* Кантианство в русской университетской философии // Вопросы философии. 1998. № 1.
2. Акт в Имп. Харьковском университете. Харьков, 1806–1864.
3. *Айвазов И. Г.* Религиозное обновление наших дней («Новопутейцы», «Ве-хи»). 3-е изд. М., 1910.
4. *Александренко В. Н.* Из истории Варшавского университета. СПб., 1908.
5. *Алексеев Н.* Русская империя в ее исторических истоках. Женева, 1958.
6. *Алексеев П. В.* Философы в России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999.
7. *Алексеев С. А.* Мысль и действительность. М., 1914.
8. *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XIII–первая четверть XVIII в.). М., 1976.
9. Альманах в память двухсотлетнего юбилея Александровского универси-тета. Гельсингфорс, 1842.
10. *Ананьев Б. Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX вв. Л., 1947.
11. Антология феноменологической философии в России. М., 1998. Т. 1.
12. *А. П.* Воспоминания о службе и трудах проф. Казанского университета Н. И. Лобачевского. Казань, 1857.
13. *Артемьев А. И.* Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Казан-ского университета. СПб., 1882.
14. *Артемьева Т. В.* История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996.
15. *Артемьева Т. В.* Русская историософия XVIII века. СПб., 1996.
16. *Архангельский А. С.* Труды акад. Пыпина в области истории русской ли-тературы. Пг., 1923.
17. *Асмус В. Ф.* Борьба философских течений в Московском университете в 70-х гг. XIX в. // Вопросы истории. 1946. № 1.
18. *Асмус В. Ф.* Философия в Московском университете во второй половине XIX в. // Учен. зап. филос. фак-та МГУ. 1958.
19. *Ашевский С.* Из истории Московского университета // Мир Божий. 1905. № 2, 3.
20. *Багалеи Д. И.* Краткий очерк истории Харьковского университета за пер-вые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1906.
21. *Багалеи Д. И.* Опыт истории Харьковского университета. Т. 1–2. Харь-ков, 1894–1904.
22. *Багалеи Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П.* Краткий очерк истории Харь-ковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1906.

23. *Бажанов В. А.* Прерванный полет. История «университетской» философии и логики в России. М., 1995.
24. *Бакулина Е. Г.* Михаил Иванович Владиславлев (к генезису «университетской философии» в России). М., 1995 (дис.).
25. *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836–1847.
26. *Бартенева П.* Биография И. И. Шувалова. М., 1857.
27. *Белозеров С. Е.* Очерки истории Ростовского университета. Ростов н/Д., 1959.
28. *Бердяев Н. А.* Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии. СПб., 1910.
29. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1918.
30. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
31. *Берендтс Э.* Императорский Александровский университет в Финляндии. Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб., 1902.
32. *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй: В 2 т. Берлин, 1900. Т. 1.
33. *Бильярский П.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.
34. Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. Казань, 1986.
35. Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета за сто лет (1804–1904). Ч. 1–2. Казань, 1904.
36. Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Московского университета за истекшее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея. Ч. 1–2. М., 1855.
37. Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Университета Св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884.
38. Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть его существования. 1869–1894. Т. 1–2. СПб., 1896–1898.
39. Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902). Т. 1–2. Юрьев, 1902–1903.
40. Биобиблиографический указатель научных работ сотрудников ПГУ. 1916–1965. Пермь, 1966.
41. *Блинников Л. В.* Великие философы. Словарь-справочник. 2-е изд. М., 1998.
42. *Бобров Е. А.* О преподавании философии в университетах // Сб. Учено-литературного общества при Имп. Юрьевском университете. Т. 1–22. Юрьев, 1898–1916.
43. *Бобров Е. А.* Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Вып. 1–6. Казань, 1899–1903.
44. Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. 1–66. М., 1925–1947.
45. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 1–51. М., 1950–1958.
46. Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 1–30. М., 1959–1978.
47. Большая Энциклопедия. Т. 1–20. СПб., 1895–1905.

48. *Бороздин А. К.* Академический университет в XVIII в. // Исторический вестник. 1886. Т. XXIV.
49. *Бороздин И. Н.* Университеты в России в первой половине XIX в. История России в XIX в. Ч. 1–2. 1907–1908.
50. *Будилович А. С.* Юрьевский университет. (Несколько документальных справок по содержанию «Ответа бывшего ректора Дерптского университета ректору Юрьевского университета»). Рига, 1897.
51. *Бузескул В.* Всеобщая история в ее представителях в России в XIX и начале XX века: В 2 ч. Л., 1929. Ч. 1.
52. *Бузескул В. П.* История Харьковского университета при действии устава 1884 (с 1884 по 1905). Харьков, 1905.
53. *Булгаков С. Н.* Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип. Киев, 1901.
54. *Булгаков С. Н.* От марксизма к идеализму. Сб. статей. М., 1903.
55. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 1912.
56. *Булиг Н. Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Ч. 1–2. Казань, 1900.
57. *Бурачек С. А.* Библиотека избранных сочинений. Статья I: Содержание философии; статья II: История философии. Статья III: Книги религиозные и нравственно-философские // Маяк. 1840. Ч. 4.
58. Варшавский университет. Обзор. Варшава, 1958.
59. Варшавский университет и бывшая Варшавская Главная Школа. СПб., 1908.
60. Варшавские университетские известия. 1870–1917.
61. *Вагнер Вл.* Старые идеалы университетской науки и новые запросы просвещения // Школа и жизнь. 1908. № 15, 16.
62. *Васецкий Г. С.* Основатель Московского университета М. В. Ломоносов и его роль в развитии философской и общественно-политической мысли в России // Московский университет и развитие философской и общественно-политической жизни в России. М., 1957.
63. *Васильев А.* Университет и национальное воспитание. Казань, 1901.
64. *Васильев Н. А.* Логика и металогика // Логос. 1912–1913. Кн. 1–2.
65. *Введенский А-р.* Логика как часть теории познания. СПб., 1909.
66. *Введенский А. И.* Судьбы философии в России. М., 1898.
67. В воспоминание 12 января 1755 г. Учено-литературные статьи профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855.
68. *Вейнберг П. И.* Харьковский университет в пятидесятых годах // Русское богатство. 1905. № 2.
69. *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 1–6. СПб. 1889–1904.
70. *Вержбловиг М.* Обзор главнейших направлений русской психологии // Вера и разум. 1895. № 3, 4.
71. Вестник права. 1900, № 4.
72. *Владимирский-Буданов М. Ф.* История Имп. Университета Св. Владимира. Киев, 1884.

73. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Пятидесятилетие Имп. Университета Св. Владимира. 1834—1884. Киев, 1887.
74. *Владиславлев М. И., Помяловский И. В.* Проект учебного плана для историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. СПб., 1890.
75. *Вомперский В. П.* Словари XVIII века. М., 1986.
76. Вопросы философии и психологии (ВФиП). Кн. 1—142. 1889—1918.
77. *Воскресенский А. И., Сретенский Н. Н.* Научные работники и научные учреждения Северо-Кавказского края. Сб. Ростов н/Д., 1927.
78. Во славу России. Евреи в русской культуре. М., 1995.
79. Временник. 1872—1914. Демидовский юридический лицей. Ярославль.
80. Вступительные лекции профессоров Московского университета. М., 1909.
81. Высшие женские (Бестужевские) курсы, библиографический указатель. М., 1906.
82. Высшие женские курсы в Казани. Историко-филологический факультет. Обзор преподавания в 1913—1914 учеб. году. Казань, 1913.
83. Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1875—1908. СПб., 1908.
84. *Гавриил*, арх. (Воскресенский В. Н.) История философии. Ч. 1—6. Казань, 1837—1840.
85. *Гагарин А. П.* Первая философская диссертация, защищенная в Московском университете // Вестник МГУ. 1952. Ч. 6.
86. *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* История русской философии. М., 1961.
87. *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Русская философия XI—XIX вв. Л., 1970 (2-е изд., испр. и доп., подготовлено А. А. Галактионовым. Л., 1989).
88. *Гапонов П. М.* Воронежский государственный университет. Краткий исторический очерк. Воронеж, 1968.
89. *Гейм И.* О состоянии наук в России под покровительством Павла Первого. М., 1799.
90. *Геннади Григорий.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1—2. Берлин, 1876—1880.
91. *Гербель Н. В.* Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1873.
92. *Герье В. И.* Университетский вопрос // Вестник Европы. 1873. Апрель.
93. *Гессен С. И., Метнер Э. К., Степун Ф. А.* От редакции // Логос. 1910. № 1.
94. *Гиляров А. Н.* Платонизм как основа современного мировоззрения в связи с вопросом о задачах и судьбах философии. М., 1887.
95. *Гиляров-Платонов Н. П.* Университетский вопрос. СПб., 1903.
96. Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881.
97. *Гине Н.* Отчет о состоянии Казанского университета за 1859/1860 учеб. год. Казань, 1860.
98. *Глаголев С. С.* Религиозная философия Канта. Харьков, 1904.

99. *Гладков Н. А.* Обзорение 50-летнего существования Демидовского лицея. Ярославль, 1853.
100. *Глубоковский Н.* По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об учебном комитете при Св. Синоде. СПб., 1907.
101. *Гогоцкий С.* Философский лексикон. Киев, 1857–1873.
102. Годичный акт Имп. Варшавского университета. Варшава, 1870–1904.
103. Годичный акт. Отчет о состоянии и деятельности Имп. С.-Петербургского университета. СПб., 1841–1900.
104. *Голиков С. А.* Академическая свобода как условие развития университетской философии // Знание, культура, власть: проблемы философского осмысления. Тезисы докладов философского симпозиума студентов, аспирантов, молодых преподавателей. Харьков, 1993.
105. *Голиков С. А.* Университетская философия как форма институциональной философии // Сборник научных работ аспирантов Харьковского гос. университета. Гуманитарные науки. Харьков, 1992.
106. [*Голицын Н. С.*]. Благородный пансион Имп. Царскосельского лицея. 1814–1829. СПб., 1869.
107. *Головин Н.* Мысли об основах реформы высшей школы. М., 1906.
108. *Головщиков К. Д.* Биобиблиографический очерк ярославцев. Вып. 1. Ярославль, 1893.
109. *Головщиков К. Д.* П. Г. Демидов и история основанного им училища. Ярославль, 1887.
110. *Головщиков К. Д.* Очерк жизни и трудов бывших питомцев Ярославской духовной семинарии. Ярославль, 1893.
111. *Григорьев В. В.* Имп. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
112. *Гройс Б.* Поиск русской национальной идентичности // Россия и Германия: опыт философского диалога. М., 1993.
113. *Грузенберг С. О.* Очерки современной русской философии. Опыт характеристики современных тенденций русской философии. СПб., 1911.
114. *Гуевский И. А.* К истории Имп. Николаевского университета. Саратов, 1910.
115. *Гурова (Головазева) Р. Г.* Психологическая мысль в Московском университете в XVIII в. М., 1951 (дис.).
116. *Давыдов И. И.* Возможна ли у нас германская философия? // Москвитянин. 1841. Ч. 2.
117. *Давыдов И. И.* О содействии Московского университета успехам отечественной словесности. М., 1836.
118. [*Давыдов И. И.*] О назначении русских университетов // Современник. 1849. Март.
119. XX лет Ростовского-на-Дону гос. университета // Ученые записки. Ростов н/Д., 1955.
120. Дело о С.-Петербургском университете в 1821 г. М., 1866.
121. *Демиз В. Ф.* Столетие Дерптского университета (1802–1902) // Мир Божий. 1903. № 2. 2-е изд.

122. *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983.
123. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. СПб., 1864.
124. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1–3. М., 1960–1963.
125. Древняя и новая Россия (журнал). СПб., 1875–1881.
126. Древняя российская вивлиофика, или Собрание древностей российских до российской истории, географии и генеалогии касающихся. СПб., 1773–1775, 1891–1898.
127. *Дюринг Е.* Ценность жизни. Исследование о смысле героического жизнепонимания. 2-е изд. СПб., 1896.
128. *Евгений (Е. А. Волховитинов).* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845.
129. Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755–1764.
130. *Емельянов Б. В., Новиков А. И.* Русская философия серебряного века. Екатеринбург, 1995.
131. *Емельянов Б. В.* Очерки русской философии начала XX в. Екатеринбург, 1992.
132. *Ермигев А. А., Емельянов Б. В.* Русская философия. Конец XIX – начало XX в. Антология. СПб., 1993.
133. *Ертов И. Д.* Картина просвещения россиян пред началом девятнадцатого века. СПб., 1799.
134. *Ершов М. Н.* Пути развития философии в России. Владивосток, 1922.
135. *Еситов В. В.* Материалы к истории Имп. Варшавского университета. Биографические очерки. Варшава, 1913.
136. *Жане П.* Университетская философия // Жане П. Современная философия. СПб., 1879.
137. *Житловский Х. И.* (псевд. – Н. Г.). Материализм и диалектическая логика // Русское богатство. 1898. № 6, 7 (отд. изд. – 1907).
138. Журнал Департамента народного просвещения. 1821–1824.
139. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1834–1917.
140. *Забулис Г. К.* Вильнюсский университет в истории Литвы. Вильнюс, 1979.
141. *Загоскин Н. П.* Деятели Имп. Казанского университета. 1805–1900. Казань, 1901.
142. *Загоскин Н. П.* История Имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1–4. Казань. 1902–1904.
143. *Зайтгенко П. А.* Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960.
144. *Залесский В. Ф.* История преподавания философии права в Казанском университете. Казань, 1903.
145. *Замалеев А. Ф.* Лекции по истории русской философии. СПб., 1995.
146. I. Записка Комиссии [по пересмотру устава Варшавского университета]. II. Записки факультетов. Варшава, 1901.

147. Записка о необходимости преобразования лицеев Демидовского и кн. Безбородко. СПб., 1803.
148. Записка о современном положении Имп. Варшавского университета. Варшава, 1906.
149. Записка о состоянии Казанского университета. Казань, 1870.
150. Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. СПб., 1825–1829.
151. Записки императорской Академии наук. Т. 1–75. СПб., 1862–1895.
152. *Зарипов М. М.* Философская и социологическая мысль в Казанском университете, 10–60-е гг. XIX в. (дис.). М., 1991.
153. *Захаров И. В., Ляховиц Е. С.* Миссия университета в европейской культуре. М., 1994.
154. *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1–2. Париж, 1948–1950.
155. *Зубаров Н.* Торжество открытия Саратовского университета. Саратов, 1910.
156. *Зырянов Н. А.* Мирозозрение Д. С. Аничкова. М., 1962 (дис.)
157. *Зябловский Е.* Историческая повесть об учительской семинарии и Педагогическом институте. СПб., 1833.
158. *Иванов А. Т.* Ученые степени в Российской Империи. XVIII в.–1917. М., 1994.
159. *Ивановский В. Н.* Движение к распространению университетского образования в России // Вестник воспитания. 1900. № 3–4.
160. *Ивановский В. Н.* Методологическое введение в науку и философию. Т. 1. Минск, 1923.
161. *Ивановский В. Н.* Предметная система в русских университетах // Дневник Казани. 1906. № 33–36, 38–40.
162. *Ивановский В. Н.* Разбор медального сочинения студентки Л. К. Хомяковой на тему «Обзор историй русских университетов» // Дневник Казани. 1911. Ноябрь.
163. *Ивановский В. Н.* Разбор медального сочинения студента С. А. Шумова на тему «История преподавания философских наук в Казанском университете» // Ученые записки Казанского университета. 1910, ноябрь.
164. Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX в. М., 1959.
165. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. I–II. М., 1952.
166. Извлечение из всеподданнейшего отчета МНП. СПб., 1833–1903. (36 т.).
167. Извлечения из отчетов лиц, приготавливающих к профессорскому званию за границей и в России за счет МНП. Ч. 1–7. СПб., 1863–1866.
168. Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Харьковского университета. Харьков, 1819–1884.
169. Извещение о преподавании наук в Казанском университете с 13.VIII.1814 по 10.VII.1815 г. Казань, 1814.
170. Извещение о публичных преподаваниях, имеющих быть в Имп. Харьковском университете в течение 1805 г. М., 1805.

171. *Иконников В. С.* Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. Кн. 9, 10, 11.
172. *Ильин В. В.* История русской философии. Ч. 1–2. М., 1997–1998.
173. *Ильин В. В., Солнцев Н. В., Чалов Н. М.* Русская философия в лицах. М., 1997.
174. Императорский Александровской университет в Финляндии. СПб., 1902. Приложения.
175. Инструкция инспектору студентов Имп. Казанского университета. Казань, 1835.
176. *Иоанн Восторгов.* Полн. собр. соч. М., 1916.
177. *Иоанн Кронштадтский.* Христианская философия. М., 1992.
178. Историко-статистические записки об ученых и учебно-вспомогательных учреждениях. Казань, 1884.
179. Историческая записка и отчет о Киевских высших женских курсах за первое четырехлетие (1878–1882). Киев, 1884.
180. Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900.
181. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Ч. I–II. Ч. II. Биографический словарь профессоров и преподавателей. Харьков, 1908.
182. Историческая записка Казанского университета за 4-й acad. год от возобновления 1-го июля 1823-го по 1-е июля 1824. Казань, 1825.
183. История Вильнюсского университета (1579–1979). Вильнюс, 1979.
184. История естествознания в России / Под ред. Н. А. Фигуровского. Т. 1–3. М., 1957–1962.
185. История Тартуского университета. 1632–1982. Таллин, 1983.
186. История философии в СССР. Т. 1–5. М., 1969–1988.
187. История философии. Т. 1–6. М., 1957–1965.
188. История философской мысли в Московском университете. М., 1982.
189. *Каблиц-Юзов И.* Основы народничества. Ч. I–II. СПб., 1892. Ч. II.
190. *Кавелин К. Д.* Собр. соч. Т. 1–4. СПб., 1897–1900.
191. *Казанский П. Е.* Сопещение профессоров в декабре 1910. Одесса, 1911.
192. Казанский университет. 1804–1979. Очерки истории. Казань, 1979.
193. Казанские высшие женские курсы. Историко-филологический факультет. Обзор преподавания. Т. 1–4. Казань, 1913–1916.
194. *Каменский З. А.* Философские идеи русского просвещения. М., 1971.
195. *Кареев Н. И.* Основные вопросы философии истории. Т. 1–3. М., 1883–1890.
196. *Карху Э.* История литературы Финляндии. Л., 1979.
197. *Карху Э. Г.* Очерки финской литературы начала XX в. Л., 1972.
198. *Картман Л. Е., Васильева Н. Е., Шустов С. Г.* Первый на Урале Пермский государственный университет. 1916–1986. Пермь, 1989.
199. *Кауфман И. М.* Русские биографические и библиографические словари. М., 1955.
200. Киевский университет. Документы и материалы. 1834–1984. Киев, 1984.

201. Киевский университет Св. Владимира при Имп. Николае I. 1825–1855. Киев, 1896.
202. *Кизеветтер А. А.* Л. Шанявский и университет его имени // Русская мысль. 1915. Кн. 2.
203. *Кизеветтер А. А.* Из истории борьбы с просвещением // Исторические записки. М., 1912.
204. *Киреевский И. В.* Сочинения. Т. 1–2. М., 1861.
205. *Клоссовский А.* Материалы к вопросу о постановке университетского дела в России. Одесса, 1903.
206. *Кобеко Д.* Имп. Царскосельский лицей. Наставники и питомцы (1811–1843). СПб., 1911.
207. *Ковалевский М. М.* Московский университет в конце 70-х и начале 80-х гг. прошлого века (Личные воспоминания). СПб., 1910.
208. *Ковалевский М. М.* Необходимость общеобразовательных высших курсов. СПб., 1911.
209. *Козлов А. А.* Философские этюды. Киев, 1876.
210. *Колубовский Я.* Философия у русских // Иберверг Ф., Гейнце М. История философии в сжатом виде. СПб., 1890.
211. *Корбут М. К.* Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет. 1804–1805 – 1929–1930. Т. 1–11. Казань, 1930.
212. *Кошелева О. Е., Морозов Б. Н.* Неизвестные русские учебные курсы философии // Историко-философский ежегодник-91. М., 1991.
213. *Краснобаев Б. И.* Начальный этап деятельности Московского университета // История СССР. 1980. № 3.
214. Краткая заметка о состоянии Казанского университета. Казань, 1871.
215. Краткая историческая записка по Казанскому университету и его учебному округу за академический год с 5.VII. 1821 по 5.VII. 1822. Казань, 1822.
216. Краткая история Московского университета. М., 1814–1824.
217. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1917.
218. Краткий отчет Имп. Юрьевского университета. Юрьев, 1907–1916.
219. Краткий отчет о состоянии и деятельности Имп. Варшавского университета. Т. 1–5. Варшава. 1905–1912.
220. Краткий обзор истории и современного состояния Высших курсов в г. Киеве. Саратов, 1915.
221. *Крегетов М.* Столетие Дерптско-Юрьевского университета // Русская мысль. 1903. Кн. 3.
222. *Кудряцев П. С.* История физики: В 2 т. М., 1956. Т. 1.
223. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1–2. СПб., 1998.
224. К университетскому вопросу // С.-Петербургские ведомости. 1863. № 47.
225. *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.
226. *Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук.* М.; Л., 1962.

227. Куратгенко В. П. Русские философы. Новосибирск, 1996.
228. Лавровский Н. А. Замечания о первоначальной истории Харьковского университета. Харьков, 1869.
229. Ланге Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время. Т. 1–2. СПб., 1881–1883.
230. Ланге Н. История нравственных идей XIX в. Критические очерки философских, социальных и религиозных теорий нравственности. Ч. I. Немецкие учения. СПб., 1888.
231. Лапшин И. Гносеологические исследования. Вып. 1. Логика отношений и силлогизм. (По поводу книг приват-доцента С. И. Поварнина «Логика. Общее учение о доказательствах» и «Логика отношений»). Пг., 1917.
232. Ласкеев П. М. Два проекта православно-христианской философии («Введение в философию» В. Н. Карпова и «О необходимости и возможности новых начал для философии» И. В. Киреевского) // Христианское чтение. Ч. II. 1898. С. 732–756.
233. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. Франкфурт-на-Майне, 1968.
234. Лейкфельд П. Различные направления в логике и основные задачи этой науки. Харьков, 1890.
235. Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики. СПб., 1904.
236. Лесгафт П. Что творится в Казанском университете? // С.-Петербургские ведомости. 1871. № 262.
237. Лесевич В. В. Собр. соч. Т. 3. М., 1917.
238. Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1979.
239. Линицкий П. Обзор философских учений. Киев, 1874.
240. Литература по истории Московского университета. 1917–1967. М., 1969.
241. Литературный сборник к 100-летию Казанского университета. Былое из университетской жизни. Казань, 1904.
242. Лихачев Н. П. Григорий Николаевич Городчанинов и его сочинения. Казань, 1886.
243. Лицей. СПб., 1806. Ч. 1–4.
244. Личный состав Имп. Юрьевского университета. Юрьев, 1892–1916.
245. Личный состав Казанского университета в 1889 г. Казань, 1889.
246. Личный состав С.-Петербургского университета. СПб., 1901–1912.
247. Личный состав Университета Св. Владимира. Т. 1–4. Киев, 1891–1910.
248. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л., 1950–1959.
249. Лопатин Л. М. Настоящее и будущее философии. М., 1910.
250. Лопатин Л. М. Положительные задачи философии. Ч. 1–2. М., 1881–1889.
251. Лосев А. Русская философия // Век XX и мир. 1988. № 2.
252. Лосский Н. О. Введение в философию. СПб., 1911.
253. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.
254. Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма. СПб., 1906.
255. Лосский Н. О. Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма. СПб., 1903.

256. Лузанов П. Сухопутный Шляхетский кадетский корпус (ныне 1-й кадетский корпус) при графе Минихе (с 1732 по 1741). Исторический очерк. СПб., 1907.
257. Любарский А. Свет русской науки. Очерки [о Тартуском университете]. Таллин, 1952.
258. Любитель словесности. 1806. Ч. 1—4, № 1—12.
259. Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Биология, медицина, с.-х. науки. М., 1962.
260. Мавродин В. В., Сладкевич Н. Г., Шимов А. С. Ленинградский университет. 2-е изд. Л., 1964.
261. Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903.
262. Максимович М. А. Об участии Московского университета в просвещении России. М., 1830.
263. Маковельский А. Введение в философию. Ч. 1—2. Казань, 1912—1916.
264. Малый энциклопедический словарь. Изд-во Брокгауз и Ефрон. 2-е изд. Т. 1—2. Вып. 1—4. СПб., 1906—1909.
265. Маяковский И. Л. С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819—1919. М., 1919.
266. Маркевич А. И. Двадцатипятилетие Имп. Новороссийского университета. Одесса, 1890.
267. Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. Академии наук. Ч. 1—2. Пг., 1915—1917.
268. Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 1—10. СПб., 1885—1900.
269. Материалы для истории Имп. Академии наук (История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжением Шриттера). 1725—1743. СПб., 1890.
270. Мах Э. Познание и заблуждение. М., 1909.
271. Межов В. И. Русская историческая библиография (1800—1854). СПб., 1893.
272. Мельникова Н. Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета XVIII в. М., 1966.
273. Менделеев Д. И. Соч. Т. 1—25. М.; Л., 1934—1954.
274. Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913.
275. Миллюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вопросы философии. 1991. № 1.
276. Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1—3. СПб., 1896—1903.
277. Миллюков П. Распространение университетского образования в Англии, Америке и России // Русское богатство. 1896. № 3.
278. Минерва. 1806—1807.
279. Минский Н. Религия будущего (Философские разговоры). СПб., 1905.
280. Михайловский А. И. Преподаватели, учащиеся и служившие в Имп. Казанском университете. 1804—1904 гг. Т. I—II. Казань, 1901—1902.
281. Михайловский А. И. К столетней годовщине Казанского университета. Преподаватели, учащиеся и служившие в Казанском университете. Материалы для истории университета. Ч. 1. Вып. 1—3. Казань, 1901—1908.

282. Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. 2-е изд. СПб., 1905. Т. 1.
283. Михневич И. Г. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея, с 1817 по 1857 г. Одесса, 1857.
284. Мищенко Ф. Указатель статей, напечатанных в «Ученых записках» Казанского университета за время 1834—1899 гг. включительно. Казань, 1900.
285. Мороховец Л. З. Соображения об общих задачах и функциях университета. М., 1901.
286. Московский курьер. № 1—26. М.: [Львов], 1805.
287. Московский университет за 225 лет. Указатель литературы. М., 1983.
288. Московский университет и развитие общественно-политической и философской мысли в России. М., 1955.
289. Московский университетский Благородный пансион. М., 1787, 1790, 1792, 1795, 1798, 1799, 1802—1830, 1848, 1858.
290. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний Ф. Г. Толя: В 3 т. СПб., 1863—1864.
291. Настольный энциклопедический словарь Граната. Т. 1—8. М., 1890—1895.
292. Наука и научные работники СССР. Ч. 1—6. Л., 1926—1934.
293. Наука в России. Вып. 1—4. Пг.; М., 1920—1925.
294. Нежинский историко-филологический институт. Преподаватели и воспитанники. 1901—1912.
295. Некоторые особенности устройства Юрьевского (бывшего Дерптского) университета. (К вопросу об университетской реформе). Рига, 1904.
296. Ніжин: Бібліогр. показник. Склад: Г. П. Висильківський и др. Чернігів, 1983.
297. Никитенко А. В. Записки и дневники. Т. 1—3. СПб., 1896.
298. Никольский А. Русская духовно-академическая философия как предшественница славянофильства и университетской философии в России // Вера и разум. 1907. № 2—5, 9, 20.
299. Никольский А. Несколько слов по вопросу о существовании русской философии // Вера и разум. 1901.
300. Никольцева Г. Д. Книга в России. 1850-е и 1917. Ч. 1—2. Л., 1986—1994.
301. Новиков Н. И. Опыт исторического словаря русских писателей. СПб., 1772.
302. Новицкий О. Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношении, их силе и важности. Киев, 1838.
303. Новости русской литературы. 1802—1805.
304. Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 1—29. СПб.; Пг., 1911—1916.
305. Обзор деятельности ведомства Министерства Народного Просвещения (1881—1894). СПб., 1901.
306. Обзор деятельности Имп. Дерптского университета. На память о 1802—1865 годах. Дерпт, 1866.
307. Обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1865.
308. Обозрение лекций в Юрьевском университете. Юрьев, 1855—1917.

309. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Киевских высших женских курсов. Киев, 1907–1916.
310. Обзорение преподавания наук в Имп. Московском университете. М., 1828–1896.
311. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Московского университета. М., 1890–1915.
312. Обзорение преподавания наук в Московском университете. М., 1829–1892.
313. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Московских женских курсов. Т. 1–3. М., 1913–1915.
314. Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Имп. Петроградского университета. Т. 1–3. Пг., 1900–1916.
315. Обзорение преподавания на юридическом факультете Петроградского университета. Т. 1–4. СПб., 1900–1916.
316. Обзорение преподавания наук в Ришельевском лицее. Одесса, 1843, 1844, 1846, 1856.
317. Обзорение преподавания на физико-математическом факультете Юрьевского университета. Т. 1–12. Юрьев, 1901–1917.
318. Обзорение преподавания предметов в Имп. Варшавском университете. Т. 1–13. Варшава, 1891–1913.
319. Обзорение преподавания в Имп. Новороссийском университете. Историко-филологический факультет. Одесса, 1896–1915.
320. Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету на 1913–1914 акад. год. Харьков, 1913.
321. Обзорение преподавания предметов и распределение лекций и практических занятий в Имп. Харьковском университете. Харьков, 1837–1898.
322. Обзорение хода народного просвещения в России за истекшее пятилетие. СПб., 1839.
323. Обзорение чтений в Варшавской Главной школе. Варшава. 1867–1869.
324. Образование и устав Ришельевского лицея в Одессе. СПб., 1818.
325. Общий штат Имп. российских университетов. Проект. СПб., б. г.
326. Объявление о Благородном пансионе. М., 1812.
327. Объявление о воспитании, учении и содержании в Благородном пансионе. М., 1804.
328. Объявление о публичных лекциях, преподаваемых в Имп. Московском университете. М., 1757.
329. Объявление о публичных лекциях, преподаваемых в Имп. Московском университете. М., 1775–1799.
330. Объявление публичного преподавания наук в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1824–1911.
331. Объяснительная записка к проекту Устава Имп. российских университетов. Пг., 1915.
332. Одесский университет. 1865–1990. Киев, 1991.
333. *Ойссар Э.* Диссертации, защищенные в Тартуском университете. 1802–1918. Тарту, 1973.

334. О лицах, оставляемых при университетах. Харьков, 1893.
335. О преобразовании Имп. Московского университета на началах русской государственности и русской народности. М., 1907.
336. *Осипов Б. С.* Борьба материализма с идеализмом в Московском университете в XVIII в. М., 1955 (дис.).
337. *Осипов В. И.* Петербургская Академия наук и русско-немецкие связи в последней трети XVIII в. СПб., 1995.
338. Отчет Министерства народного просвещения за 1834–1849; 1853; 1862–1864.
339. Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского университета и деятельности его в 1916–1917 учеб. г. (по 1-е июля 1917 г.). Пермь, 1918.
340. Отчет о деятельности Харьковских высших женских курсов, учрежденных Обществом Взаимопомощи Трудящихся Женщин (за 1913, 1915 гг.). Харьков.
341. Отчет о состоянии и деятельности Имп. Николаевского университета... Т. 1–3. Саратов, 1910–1916.
342. Отчет о состоянии и деятельности Имп. Петроградского университета. Пг., 1841–1916.
343. Отчет о состоянии и деятельности Имп. Университета Св. Владимира (за 1834–1913 гг.). Киев, 1914.
344. Отчет о состоянии и деятельности Имп. Харьковского университета. Харьков, 1843–1892.
345. Отчет о состоянии Имп. Томского университета. Томск, 1914.
346. Отчет о состоянии Педагогического института имени Павла Григорьевича Шелапутина в г. Москве. Т. 1–2. М., 1913–1914.
347. Отчет 1-го Московского государственного университета. М., 1835–1927.
348. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1–4. М., 1955–1966.
349. Очерки по истории Ленинградского университета: В 2 т. Л., 1962. Т. 1.
350. Очерки по истории логики в России. М., 1962.
351. Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Л., 1950–1965.
352. Очерки по истории русской психологии. М., 1957.
353. Очерки по истории философской и общественно-политической жизни в России: В 2 т. М., 1955–1957.
354. *Павлов А. Т.* Философия в Московском университете (институциональные и кадровые аспекты до 1917 г.) // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1996. № 4.
355. Памятная книжка Имп. С.-Петербургского историко-филологического института за 1902–1912 гг. СПб., 1912.
356. *Паульсен Ф.* Германские университеты. СПб., 1904.
357. *Пекарский П.* Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862.
358. *Пекарский П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова. Приложение к VIII-му тому записок Имп. Академии наук. № 7. СПб., 1865.

359. *Пекарский П.* История Академии наук в Петербурге. Т. 1–2. СПб., 1870–1873.
360. *Пекарский П.* Наука и литература при Петре I. Т. 1–2. СПб., 1862.
361. *Перевоицков Д.* Черты из истории Имп. Московского университета // Московский городской листок. 1841. № 14, 15.
362. *Передовая мысль в истории университетов страны.* Материалы Вильнюсского университета. Вильнюс, 1983.
363. *Периодическое сочинение об успехах народного просвещения.* 1803–1817. № 1–44.
364. *Пермский государственный университет имени А. М. Горького.* Исторический очерк. 1916–1966. Пермь, 1966.
365. *Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет (1878–1903).* СПб., 1903; 4-е изд. СПб., 1908.
366. *Петражицкий Л.* Университет и наука. Т. 1–2. СПб., 1907.
367. *Петровский А. В.* Атеистическая диссертация в XVIII в. Г. С. Аничков. «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания» // Вопросы философии. 1950. № 1.
368. *Петухов Е. В.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. 1820–1832 (к 75-летию со дня основания). Исторический очерк. СПб., 1895.
369. *Петухов Е. В.* Имп. Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802–1902). Юрьев, 1902.
370. *Петухов Е. В.* Статистические таблицы и личные списки по Имп. Юрьевскому, бывшему Дерптскому университету (1802–1901). Юрьев, 1902.
371. *Пирогов Н. И.* Вопросы жизни // Морской сборник. 1856.
372. *Писарев Д. И.* Наша университетская наука // Русское слово. 1863. № 7, 8.
373. *Писатели современной эпохи.* Библиографический словарь русских писателей XX в. М., 1928. Т. 1.
374. *Плетнев П.* Первое двадцатилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1844.
375. *Покровский С. П.* Демидовский лицей г. Ярославля в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914.
376. *Политический журнал.* М., 1790–1801.
377. *Положение о Высших женских курсах в Москве.* М., 1872.
378. *Попкова Н. А.* Десятый русский университет: к 80-летию Саратовского университета. Саратов, 1990.
379. *Попов М. Ф.* Краткий исторический очерк Имп. Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913.
380. *Постановление о Лицее.* СПб., 1810.
381. *Правила для студентов и посторонних слушателей Российских университетов.* Казань, 1889.
382. *Правила для студентов и посторонних слушателей Имп. Варшавского университета.* Варшава, 1887.
383. *Правила для студентов и посторонних слушателей Имп. Дерптского университета.* Юрьев, 1893.
384. *Правила Имп. Московского университета.* М., 1868, 1870.

385. Правила, требования и программы в комиссии юридической. Казань, 1894.
386. Правила, требования и программы испытаний в комиссии историко-филологической. Казань, 1893.
387. Православная Богословская энциклопедия. Т. 1–10. СПб., 1900–1908.
388. Православное обозрение. М., 1806–1891.
389. Примечания к «Ведомостям». СПб., 1738.
390. Проблемы идеализма. М., 1902.
391. Программы из высших классов. М., 1823.
392. Программа испытаний для желающих поступить в число студентов университета. Казань, 1858.
393. *Продан И. С.* Правда о Канте (Тайна его успеха). Харьков, 1914.
394. Проекты Устава и штата Имп. Дерптского университета. СПб., 1864.
395. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917. Томск, 1996.
396. Пятьдесят третья годовщина Казанского университета // Русский вестник. 1857. Т. 12.
397. *Радлов Э. Л.* Очерк истории русской философии. СПб., 1912. 2-е изд. Пг., 1920.
398. Развитие науки в Ростовском государственном университете. 1915–1965. Сб. статей. Ростов н/Д., 1965.
399. *Райков Б. Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Т. 1–4. М.; Л., 1947–1959.
400. Речи, произнесенные в торжественных собраниях Имп. Московского университета русскими профессорами оного с кратким их жизнеописанием. Ч. 1–4. М., 1819–1823.
401. Речи, произнесенные в торжественном собрании Ришельевского лицея. Одесса, 1833, 1838, 1840, 1842, 1844.
402. *Рижский И. С.* Умословие, или Умственная философия, написанная в С.-Петербургском Горном училище в пользу обучающегося в нем юношества. СПб., 1790.
403. Ришельевский лицей. Одесса, 1898.
404. *Рождественский В. С.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.
405. *Рождественский В. С.* Очерки по истории народного просвещения в России в 18–19 веках. СПб., 1892.
406. *Розенфельд У. Д.* Философская мысль в Петербургском университете (20–50-е гг. XIX в.). Л., 1965 (дис.).
407. *Рославский-Петровский А. П.* Об ученой деятельности Харьковского университета в первое десятилетие его существования. СПб., 1855.
408. Ростовский государственный университет (1915–1985). Очерки. Ростов н/Д., 1985.
409. Ростовский государственный университет. 1915–1965. Статьи, воспоминания, документы. Ростов н/Д., 1965.
410. *Рубец А. А.* Столетний юбилей Александровского, бывшего Царскосельского лицея. Октябрь 1911 – январь 1912. СПб., 1912.

411. Русская историческая библиотека. Т. 1–39. 1872–1927.
412. Русская старина. Т. 1–176. 1870–1917.
413. Русская философия. Конец XIX – начало XX в. Антология. СПб., 1993.
414. Русская философия. Малый энциклопедический словарь, М., 1995.
415. Русская философия. Словарь. М., 1995.
416. Русская философия: философия как специальность в России. Вып. 1–2. М., 1992.
417. Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. М., 1950.
418. Русские люди, жизнеописание соотечественников. Т. I–II. СПб.; М., 1866.
419. Русские писатели. Т. 1–2. М., 1990.
420. Русские писатели. 1807–1917. Биографический словарь. Т. 1–4. М., 1989–1999.
421. Русские писатели XIX в. Т. 1–2. М., 1996.
422. Русские философы, конец XIX – середина XX в. Биографические очерки. Библиография. Антология. Вып. 1–3. М., 1993.
423. Русский архив. М., 1863–1917.
424. Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцева. Т. 1–25. СПб., 1896–1918.
425. Русский энциклопедический словарь / Под ред. И. Н. Березина. Т. 1–16. 1873–1879.
426. Русские энциклопедии и энциклопедические справочники. М., 1994.
427. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.
428. Русское обозрение. М., 1890–1901, 1903.
429. Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. Т. 1. М., 1908.
430. Саводник В. Очерки по истории русской литературы XIX в. Ч. 1–2. 3-е изд. М., 1907.
431. Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Пг., 1919.
432. Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959.
433. Саратовский университет им. Н. Г. Чернышевского. Труды научных работников (1909–1958). Саратов, 1959.
434. Сборник материалов для истории Имп. Академии наук в XVIII в. СПб., 1865.
435. Сборник материалов по истории <Саратовского>ГУ и его кафедр. Саратов, 1935.
436. Сватиков С. Г. Русские университеты и их историческая библиография. Пг., 1915.
437. Сведения об объеме требований, предъявляемых к экзаменуемым в историко-филологической комиссии. М., 1913.
438. Сводный каталог русской книги XVIII в. 1725–1800. М., 1966.
439. Северный вестник. СПб., 1804–1805.
440. Северный Меркурий. СПб., 1805, 1809–1811.

441. *Селезнев И.* Исторический очерк Имп. бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его 50-летие. С 1811 по 1861 г. СПб., 1861.
442. *Семковский С.* Из истории университетской философии // Фронт науки и техники. 1936. № 3.
443. *Сент-Илер К. К.* К истории Воронежского университета. История последних дней русского Юрьевского университета. Воронеж, 1911.
444. *Сидонский Ф. Ф.* Введение в науку философии. СПб., 1833.
445. Сионский вестник, 1806. Июнь.
446. Систематический и алфавитный указатель статей... Ч. 1—2. 1872—1875.
447. Систематический указатель к «Ученым запискам Московского университета» (1833—1961). М., 1961.
448. *Скабигевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700—1863). СПб., 1892.
449. Словарь русских писателей XVIII века. М., 1985.
450. Словарь русских светских писателей соотечественных и иностранных, писавших в России. Т. 1—2. М., 1845.
451. Словарь членов Общества любителей российской словесности. М., 1911.
452. *Снегирев В. А.* Логика. Систематический курс чтений по логике. Харьков, 1901.
453. *Снегирев И. М.* Действия Московского университета в первом периоде его существования (с 1755 по 1762) // Ученые записки Московского университета. 1834. Ч. 4.
454. Советская историческая энциклопедия. Т. 1—16. М., 1961—1976.
455. *Соколовский Н.* Студенческие воспоминания // Русское слово. 1863. Май.
456. *Соколов П.* Философский скиталец. Памяти Грота // Оттиск из «Богословского вестника». 1899.
457. *Соколов П.* Философские взгляды и научная деятельность Н. Я. Грота // Грот Н. Я. Философия и ее общие задачи. СПб., 1904.
458. *Соловьев В. С.* Собрание сочинений. Т. 1—10. 2-е изд. СПб., 1911—1914.
459. *Соловьев И. М.* Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. СПб., 1914.
460. *Соловьев Н.* Университетский вопрос в 60-х гг. // Вестник воспитания. 1913. № 9; 1914. № 6.
461. *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. Лондон, 1962.
462. Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX—начала XX в. Л., 1978.
463. *Спасовит В. Д.* Пятидесятилетие Петербургского университета // Вестник Европы. 1870. Апрель, май.
464. *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961.
465. *Сперанский М. Н.* Московский университет XVIII столетия и Ломоносов. М., 1912.
466. *Сперанский Н. В.* Возникновение Городского народного университета имени А. Л. Шанявского. Историческая справка. М., 1913.
467. Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения за 1880—1916. СПб.; Пг., 1888—1916.

468. Список изданий Московского государственного университета за 1875–1936 г. М., 1936.
469. Список лицам, служащим по Имп. Харьковскому университету. Харьков, 1913.
470. Справочный энциклопедический словарь К. Крайя / Под ред. А. В. Старчевского. Т. 1–12. СПб., 1847–1855.
471. *Станкевич Н.* Переписка 1830–1840. М., 1914.
472. *Степанов Я.* По поводу пересмотра устава университета. Казань, 1878.
473. *Степун Ф.* Рецензия на книгу Н. А. Бердяева о Хомякове // Логос. 1911–1912. № 2–3.
474. *Степун Ф.* Рецензия на книгу Н. А. Бердяева «Философия свободы» // Логос. 1911. Кн. 1.
475. 185 лет Московского государственного университета. М., 1941.
476. Столетие Киевского университета Св. Владимира. Белград, 1935.
477. *Страхов Н. Н.* О задачах истории философии. СПб., 1893.
478. *Страхов Н. Н.* Философские очерки. СПб., 1895.
479. *Струве П. Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910). СПб., 1911.
480. *Стяжкин Н. И., Силаков В. Д.* Краткий очерк истории общей и математической логики в России. М., 1962.
481. *Суворов Н.* Средневековые университеты. М., 1898.
482. *Сумцов Н. Ф.* Материалы для истории Харьковского университета. Харьков, 1894.
483. *Сумцов Н. Ф.* Столетие Юрьевского, бывшего Дерптского университета. Харьков, 1903.
484. *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской истории и просвещению. Т. 1. СПб., 1889.
485. *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории просвещения в царствование императора Александра I. СПб., 1866.
486. *Сушков Н. В.* Воспоминания. М., 1848.
487. *Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион. М., 1858.
488. Съезд профессоров в Санкт-Петербурге. 5–27 января 1906 г. Казань, 1906.
489. *Такала И. Р.* Россия и общественная мысль Финляндии. Л., 1984 (дис.).
490. *Тамул В. Е.* Профессорский институт и международные научные связи Тартуского университета в первой половине XIX в. (дис.). Тарту, 1986.
491. *Танклер Х. Л., Князев Е. А.* Университеты России в первой половине XIX века // Вестник высшей школы. 1988. № 8.
492. *Тареев М. М.* Христианская философия. Ч. I. М., 1917.
493. *Тимирязев К. А.* Насущные задачи современного естествознания. 3-е изд. М., 1908.
494. *Тимирязев К. А.* Сочинения: В 10 т. М., 1937–1940.
495. *Тихонравов Н. С.* <Квирин Кульман> // Русский вестник. 1867. № 11 и 12.
496. *Толстой Д. А.* Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. СПб., 1885.

497. Томский университет (1880–1980). Томск, 1980.
498. Торжественные речи в полувековой юбилей. М., 1805 (Московский университет).
499. *Трагевский А. С.* Высшие женские курсы в Одессе. Одесса, 1879.
500. *Тредиаковский В. К.* Сочинения. Т. 1–3. СПб., 1849.
501. *Троицкий М. М.* Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка. М., 1867.
502. *Трубецкой Е. Н.* Национализм и славянское единение // Московский еженедельник. 1910. № 27.
503. *Трубецкой Е.* Новый проект университетского устава // Московский еженедельник. 1909. № 40.
504. *Трубецкой С. Н.* Метафизика в Древней Греции. М., 1890.
505. *Трубецкой С. Н.* Основания идеализма. М., 1896.
506. *Трубецкой С. Н.* Собрание сочинений. Т. 1–6. М., 1906–1912.
507. Университет для России: взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997.
508. Указатель к Варшавским университетским известиям. 1870–1894. Варшава, 1900.
509. Уморительные исследования Имп. С.-Петербургской Академии наук. Т. 1–5. СПб., 1805–1819.
510. Утвердительная грамота Имп. Московского университета. М., 1813.
511. Устав Александровского университета в Великом княжестве Финляндском, данный в Гельсингфорсе 1 октября 1852. Гельсингфорс, 1852.
512. Устав Дерптского университета 1865 года. Штат Дерптского университета. СПб., 1865.
513. Устав Имп. Харьковского университета. СПб., 1804.
514. Устав Казанского университета. СПб., 1804.
515. Устав Казанского университета. СПб., 1861.
516. Устав Московского университета (утв. 5 ноября 1804 г.). СПб., 1804.
517. *Уткина-Бородавина Н. Ф.* Борьба против идеализма за материализм в биологии профессоров Московского университета 2-й четверти XIX столетия (М. Г. Павлов, М. А. Максимович, И. Е. Дядковский и К. Ф. Рулье). М., 1954 (дис.).
518. Ученые ведомости. 1804.
519. Ученые записки Казанского университета (1834–1861). Первоначально: «Казанский вестник» (1821–1833); с 1862 по 1864 г.: «Ученые записки Имп. Казанского университета по отд. историко-филологич. и политико-юридич. наук»; с 1865 по 1883 г.: «Известия и Ученые зап. Имп. Казанского университета»; с 1884 по 1902 г.: «Ученые записки».
520. Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета (1805–1905). Харьков, 1911.
521. *Федоров Н. Ф.* Сочинения. М., 1982.
522. *Феоктистов Е. М.* М. Л. Магницкий. СПб., 1865.
523. *Ферлюбин П.* Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Саратов, 1894.

524. *Филарет (В. М. Дроздов)*. Собрание мнений и отзывов. Т. 1–7. 1885–1888.
525. *Филиппов М.* Реформа гимназий и университета. СПб., 1901.
526. *Филиппов М. М.* Судьбы русской философии // Русское богатство. 1894. Август.
527. *Филиппов М. М.* Судьбы русской философии. Ч. 1–2. СПб., 1904.
528. *Философия Шеллинга в России*. СПб., 1998.
529. *Философская мысль в Киеве*. Киев, 1982.
530. *Философская энциклопедия*. Т. 1–5. М., 1960–1970.
531. *Философский сборник Л. М. Лопатину: к 30-летию научно-педагогической деятельности*. От Московского психологического общества. 1881–1911. М., 1912.
532. *Философский энциклопедический словарь*. 2-е изд. М., 1989.
533. *Философы России XIX–XX столетий*. Биографии, идеи, труды. 2-е изд. М., 1995.
534. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. Т. 1. Ч. 1–2. М., 1990.
535. *Фойгт К. К.* Историко-статистические записки о Харьковском университете. Харьков, 1854.
536. *Фортунатов Ф. Н.* Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы. По поводу пятидесятилетнего его юбилея. М., 1869.
537. *Франк С. Л.* Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Пг., 1917.
538. *Франк С. Л.* Философские отклики. О национализме в философии // Русская мысль. 1910. Кн. IX.
539. *Франк С. Л.* Еще о национализме в философии. Ответ на ответ Эрна // Русская мысль. 1910. Кн. XI.
540. *Франк С. Л.* Русская книга о Фихте // Русская мысль. 1915. Кн. V.
541. *Франк С. Л.* Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910.
542. *Фриге В. М.* Высшая школа в конце века // История России в XIX в. Т. 9. Ч. 4. СПб., 1910–1911.
543. *Храповицкий Антоний*. Полное собрание сочинений. Т. 1–3. Казань, 1909.
544. *Христианское чтение*. СПб., 1821–1898.
545. *Цветник*. СПб., 1809–1810, ч. 1–8, № 1–12.
546. *Челпанов Г. И.* Введение в философию. Киев, 1905.
547. *Челпанов Г. И.* К вопросу об априорности и врожденности в современной философии. Киев, 1892.
548. *Чиж В. Ф.* Материалы к истории Юрьевского университета. Юрьев, 1909.
549. *Чистовиг И.* Руководящие деятели духовного просвещения. СПб., 1894.
550. *Чигерин Б. Н.* История политических учений. Т. 1–5. М., 1869–1902.
551. *Чтения в обществе истории и древностей российских (ЧОИДР)*. Кн. 1–23. 1846–1848; Кн. 24–264. 1858–1918.
552. *Чуйко В.* Русская философия // Кирхнер Ф. История философии с древнейшего до настоящего времени. СПб., 1895.
553. *Шебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.

554. *Шевырев С. П.* История Имп. Московского университета (1755–1855). М., 1855.
555. *Шидловский К. И.* К 150-летней годовщине Московского университета. М., 1905.
556. *Шильдер Н. К.* Имп. Александр I. Т. 1–4. 1897–1898.
557. *Шкуринов П. С.* Философские концепции преподавателей и выпускников Московского университета // Шкуринов П. С. Философия России XVIII века. М., 1992.
558. *Шопенгауэр А.* Полное собрание сочинений. Т. 1–10 / В пер. и под ред. Ю. И. Айхенвальда. М., 1903.
559. *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. Ч. 1. М., 1922.
560. *Шпет Г. Г.* Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М., 1914.
561. *Шпилевский С. М.* Столетие Училища имени Демидова. Демидовское училище высших наук. Демидовский лицей. Демидовский юридический лицей. 1803–1903. Ярославль, 1903.
562. *Шульгин В. Я.* История университета Св. Владимира. СПб., 1860.
563. *Шульгин И. П.* О начале и постепенном возрастании Имп. Санкт-Петербургского университета. СПб., 1838.
564. *Щетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976.
565. *Щипанов И. Я.* Общественно-политические и философские воззрения русских просветителей второй половины XVIII в. // Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР: Т. 1–2. М., 1955. Т. 1.
566. *Щипанов И. Я.* Роль Московского университета в развитии философской и общественно-политической мысли в России XVIII века // Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России. М., 1957.
567. *Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985.
568. Экзаменационные требования, коим должны удовлетворять испытуемые в комиссиях: медицинской, физико-математической, юридической, историко-филологической. Казань, 1888.
569. Энциклопедический лексикон А. А. Плюшара / Под ред. Н. И. Греча и О. И. Сенковского. Т. 1–17. СПб., 1835–1841.
570. Энциклопедический словарь Ф. Ф. Павленкова (1899).
571. Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и писателями. 1864–1866. (6 т.).
572. Энциклопедический словарь т-ва «Братья А. и И. Гранат и К°». Т. 1–58. 7-е изд. М., 1910–1948.
573. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. 82 полутома. 1890–1907.
574. *Эрн В.* Нечто о логике, русской философии и научности (По поводу нового философского журнала «Логос») // Московский еженедельник. 1910. № 29–32.

575. Эрн В. Культурное непонимание. Ответ С. Л. Франку // Русская мысль. 1910. Кн. XI.
576. Эрн В. Г. С. Скворода. Жизнь и учение. М., 1912.
577. Юбилей Имп. Харьковского университета. Одесса, 1857.
578. Ягодинский И. И. Генетический метод в логике. Казань, 1909.
579. Яковенко Б. О Логосе // Логос. 1911. Кн. 1.
580. Яковенко Б. Рецензия на кн. Л. М. Лопатина «Положительные задачи философии» // Логос. 1911—1912. Кн. 2—3.
581. Яковенко Б. О положении и задачах философии в России // Северные записки. 1915. Январь.
582. Яковенко Б. Очерки русской философии. Берлин, 1922.
583. Яковенко Б. Об имманентном трансцендентизме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще // Логос. 1912—1913. Кн. 1—2.
584. Яковенко Б. Что такое философия? Введение в трансцендентализм // Логос. 1911—1912. Кн. 2—3.
585. Ясинский А. Н. Доклад по вопросу об устройстве педагогического института имени Павла Григорьевича Шелапутина в г. Москве. М., 1914.
586. Яхонтов А. Н. Исторический очерк Имп. Александровского (б. Царско-сельского) лицея. 1811—1936. Париж, 1936.
587. Aall A. Philosophien i Norden. København, 1919.
588. Aigrain B. Histoire des universités. Paris, 1949.
589. Aigrain R. Les universités catholiques. Paris, 1935.
590. Allgemeine Enzyklopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber. Bd 1—167. 1818—1890.
591. Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften, nebst ihrer Literatur und Geschichte. Bd 1—5. Leipzig, 1827—1829 (Krug's enzyklopädisch-philosophisches Lexikon).
592. Askenazy S. Uniwersytet warszawski. Warszawa, 1905.
593. Beauvois D. Lumières et société en Europe de l'Est. Lille, 1977.
594. Berlin J. Russian Thinkers. New York, 1978.
595. Bibliographie der deutschen Universitäten. Systematisch geordnetes Verzeichniss der bis Ende 1899 gedruckten Bücher und Aufsätze über das deutsche Universitätswesen. Im Auftrage des Preussischen Unterrichtsministerium bearbeitet von W. Erman und Ewald Hörn. Bd I—II. Leipzig; Berlin, 1904.
596. Bieliński J. Królewski uniwersytet Warszawski (1816—1831). T. 1—2, Warszawa, 1907—1911.
597. Bieliński J. Uniwersytet Wileński (1579—1831). T. I—III. Kraków, 1899.
598. Brusiin O. Über die finnische Rechtsphilosophie. Bruxelles, 1980.
599. Blakey R. History of the Philosophie of mind embracing the opinions off all writers of mental science from earliest period to the present time. London, 1850. Vol. IV.
600. Brasch M. Leipziger Philosophen. Porträt und Studien aus dem wissenschaftlichen Leben der Gegenwart. Mit einer historischen Einleitung: Die Philosophie an der Leipziger Universität vom 15—19. Jahrhundert. Leipzig, 1894.
601. Dahm H. Grundzüge Russischen Denkens. Persönlichkeiten und Zeugnisse des 19. und 20. Jahrhunderts. München, 1979.

602. Die deutschen Universität Dorpat im Lichte der Geschichte und der Gegenwart. 3 Aufl. Leipzig, 1882.
603. Dzieje Uniwersytetu warszawskiego. 1807—1917. Warszawa, 1981.
604. *Du Moulin-Eckart*. Geschichte der deutschen Universitäten. 1931.
605. *Eisler R.* Wörterbuch der philosophischen Begriffe. Bd 1—3. 3 Aufl. 1910.
606. Encyklopedia powszechna. T. 1—3. Warszawa, 1868.
607. *Eigeabrodt W.* Die Philosophie in Finnland // Archiv für systematische Philosophie. Berlin, 1910. № 16.
608. *Furtmair M.* Philosophisches Real-Lexicon. T. I—IV. 1853—1855.
609. *Gernet A. von.* Die im Jahre 1802 eröffnete Universität Dorpat und die Wandlungen in ihrer Verfassung. Ein Gedenkblatt zur 21 April 1902. Revel, 1902.
610. *Goerdts W.* Russische Philosophie. Zugänge und Durchblicke. Freiburg; München, 1984.
611. *Hecker J.* Russian Sociology. New York; London, 1915.
612. *Holm S.* Philosophien in Norden for 1900: København, 1957.
613. *Holm S.* Philosophien in Norden after 1900. København, 1957.
614. *Jakowenko B.* Dejiny ruske filosofie. Praha, 1939.
615. *Janowski L.* Historiografia Uniwersytetu Wileńskiego. Wilno, 1921.
616. *Janet P.* La Philosophie française contemporaine. Paris, 1879.
617. *Irsay S.* Histoire des universités françaises et étrangères des origines à nos jours. T. 1—2. Paris, 1933—1935.
618. *Kaila E.* Die Finnische staatsuniversität durch dreihundert Jahre. Ottawa, 1940.
619. Die Kaiserliche Universität Dorpat während her ersten fünfzig Jahre ihres Bestehens und Wirkens. Dorpat, 1852.
620. *Kaufmann.* Die Geschichte der deutschen Universitäten. Stuttgart, 1888.
621. *Koyré A.* La philosophie et le problème national en Russie au début du XIX siècle. Paris, 1929.
622. *Lexis W.* Die deutschen Universitäten. Berlin, 1893.
623. *Liewehr F.* Festschrift zur 500-Jahrfeier der Universität Greifswald. Bd II. 1956.
624. *Lossius J. Ch.* Neues philosophisches allgemeines Real-lexikon. Erfurt, 1803—1806. 4 Vol.
625. *Masaryk Th.* Zur Russischen Geschichtes und Religions Philosophie. Soziologische Skizzen. 2 Bd. Jena, 1913.
626. *Neander T.* Die Deutsche Universität Dorpat an Lichte der Geschichte und der Gegenwart. Eine historische Studie auf Gebiete östlicher Kulturkämpfe. Leipzig, 1882.
627. *Paulsen F.* Die deutschen Universitäten. Berlin, 1902.
628. Philosophie-geschichtliche Lexikon. Historisch-biographisches Handwörterbuch zur Geschichte der Philosophie. Bearbeiter von Dr. Ludwig Noack. Leipzig, 1879.
629. Personal der Keiserlichen Universität zu Dorpat. Dorpat, 1883.
630. *Posselt M.* Peter der Grosse und Leibnitz. Dorpat, 1843.

631. *Radlow E.* Bericht über Arbeiten auf dem Gebiete der Philosophie in Russland // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1890. T. III.
632. *Renwall R.* Finnlands Universitet. 1828–1890. Helsingfors, 1891.
633. *Rohland W.* Festrede zur Jahresfeier der Stiftung der Dorpat... Dorpat, 1885.
634. *Salomaa Y. E.* Die Anfänge des Hegelianismus in Finnland // Kantstudien, 1934.
635. *Schmid G.* Das Professoren-Institut in Dorpat. 1827–1838. Sankt-Petersburgh, 1881.
636. Soziologie und Sozialpolitik. Fh. 1–2. Berlin, 1987–1988.
637. *Tabis J.* Polacy na Uniwersytecie Kijowskim. 1834–1863. Kraków, 1970.
638. *Tür L.* Uniwersytet Wileński i jego znaczenie. Lwów, 1903.
639. *Ueberweg F.* Grundriss der Geschichte der Philosophie. T. 3. Berlin, 1924; T. 5. Berlin, 1928.
640. *Walicki A.* Filozofia prawa rosyjskiego liberalizmu. Warszawa, 1995.
641. *Walicki A.* Rosyjska filozofia i myśl społeczna od Oświecenia do marksizmu. Warszawa, 1973.
642. Wielka encyklopedia powszechna. T. 1–13. Warszawa, 1962–1970.
643. *Wjazemskij T. Y.* Hauptmomente aus der Geschichte der Kais. Moskauer Universität seit ihrer Gründung. Moskau, 1912.
644. *Wundt M.* Die Philosophie an der Universität Jena. Jena, 1932.
645. *Vucinich A.* Social Thought in Tsarist Russian. Chicago, 1976.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абихт И.-Г. 129, **283**, 383, 400, 691
Абрамов А. И. 49, 515, 735
Авалиани С. Ш. 626
Аввакум, протопоп 634
Августин, бл. 131, 291, 292, 356, 654, 667, 712
Авенариус (Avenarius) Р. 211, 214, 220, 230, 232, 258, 296, 340, 341, 363, 455, 563, 747, 784
Аврамов Фед. 168
Аврелий Марк 561
Авсеенко В. Г. **283–284**
Авсенев П. С. 135, **284**
Автократов С. П. **284–285**
Адодуров В. Е. 41, 56, **285**
Адольф А. В. 768
Адриан, патриарх 53
Айвазов И. Г. 203
Айналов Д. В. 328
Айхенвальд С. И. 801
Айхенвальд Ю. И. **285–286**, 371, 831, 837, 838
Аксаков К. С. 439, 537
Аксаков Н. П. 622
Аксельрод (Ортодокс) Л. И. 210, 228
Аксенов М. С. 253, 254, **286**, 777
Аландский П. И. **286–287**
Александр I, российск. император 79, 99, 100, 102, 103, 105, 106, 116, 294, 365, 529, 595, 623, 677, 689, 705, 753
Александр II, российск. император 160, 162, 599
Александр III, российск. император 162, 194, 741
Алексеев (Аскольдов) С. А. 195, 217, 228, 237, 243, 244, 246, 254, **289**, 345, 482, 733, 810, 812
Алексеев А. С. 436
Алексеев В. Г. 253, 258, **287–288**, 322, 523
Алексеев В. М. 566
Алексеев Иван 96
Алексеев Л. А. 823
Алексеев М. М. 807
Алексеев Н. А. 766, 829
Алексеев Н. Н. 220, 256, 274, **288**, 349, 532
Алексеев П. П. 158, **289–290**, 771
Алексеев П., прот. 34
Альтгаупт 543
Альтенбург 665
Амвросий (Зертис-Каменский), архиеп. 34, 291
Аменицкая Е. Д. **290**, 765
Ампер А.-М. 141, 142, 747
Анаксагор 538
Анаксимен 250

* Указатель охватывает весь корпус книги за исключением Списка литературы, а также ссылок на него по тексту издания. Полужирным курсивом в нем отмечены страницы, содержащие биографические сведения о персоналиях школьно-университетской философии России; светлым курсивом – страницы, содержащие сведения об иностранных авторах.

- Ананьин С. А. 224, **290**
 Андреев К. 680
 Андреев Н. 792, 819
 Андреевская М. И. 601
 Андросов В. П. 596
 Аникеева Н. П. 290, 765
 Аничков Д. С. 15–19, 21, 23, 25, 27, 28, 34–37, 39–49, 81, 86, 91, 92, 94, **290–292**
 Аничков Е. В. **292–293**, 833
 Анна Иоанновна, российская императрица 99, 437
 Анненский И. Ф. 517
 Аносов И. И. **293–294**
 Аносова О. А. 831
 Анри В. 218, 754
 Ансельм Кентерберийский, св. 131
 Антоний (Храповицкий А. П.), митр. 199, 233, 263, 269
 Антонович М. А. 766, 774
 Антоновский М. И. 840
 Антоновский Н. Н. 834
 Антоновский Ю. М. 777, 807, 808, 829
 Антонский (Прокопович) А. А. 41, 42, 85, **294–295**, 477, 483
 Анучин Д. Н. **295–296**, 490
 Анфимов Я. А. **296**
 Анциферов А. Н. 647
 Аппельрот В. 748
 Араго Д.-Ф. 717, 747
 Аракчеев А. А. 475
 Ардашев П. Н. **296–297**
 Аренс Г. 584, 710, 747
 Арескин (Эрескин) Р. 714
 Аристов А. П. 133, 135, 148, 297
 Аристов Н. Я. 719
 Аристотель 19, 32, 65, 67, 70, 105, 145, 150, 162, 164–167, 197, 215, 217–219, 222, 227, 232, 249, 250, 256, 290, 291, 325, 333, 355, 369, 396, 414, 420, 447, 458, 459, 464, 480, 503, 535, 539, 554, 555, 590, 630, 639, 647, 667, 682, 741, 748, 751, 755, 782
 Арнд (Арндт) И. 82, 748
 Арним Г.-Ф. 225, 749
 Арсеньев (Кременецкий) Н. С. **297–298**
 Архангельский С. И. 389
 Аршевский 757
 Аршеневский В. К. 41, 42
 Асмус В. Ф. 42, 191, 192
 Аст Г.-А.-Ф. 146, 148, 352, 674, 749
 Астафьев П. Е. 164, 166, **298–299**, 345, 819
 Аствацатуров С. 220
 Афонин М. И. 41, 47, 48, **299**
 Ах Н. 436
 Ахмедова М. Г. 381
 Ачкасов А. Н. 807
 Баадер Ф.-К. фон 144, 169, 667, 696, 697, 731, 750, 769
 Бабинцев С. М. 410
 Бабст И. К. **300**
 Багаевский И. 843
 Багалей Д. И. 185, 690
 Бажанов В. А. 49–51, 333
 Базаров В. 195, 211, 753, 771, 782
 Базедов И.-Б. 740, 750
 Базен Ю.-Ф.-А. 360, 750
 Базинер О. Ф. **300–301**
 Байер Г.-З. 72, **301–302**, 639
 Байрон Дж. Г. Н. 442
 Бак И. С. 543, 640
 Баккер П. 300
 Бакулина Е. Г. 49, 50, 344
 Бакунин М. А. 118, 130, 482, 761, 830
 Балк Д.-Г. **302**
 Балькин Д. А. 551
 Банзен Ю. 258, 360
 Банщиков В. М. 437
 Барановская В. М. 395
 Бардили Х.-Г. 129, 750
 Барон Л. 832
 Барсов А. А. 15, 18, 39, 41, 42, 46, 47, 72, 86, 291, **302–303**
 Барсова Л. Г. 457

- Барсуков Н. П. 541
 Барт П. 482, 673
 Бартнев П. И. 713
 Баршу де Пенхолен А.-Т.-Х. 148, 751
 Барышников И. 795
 Басистов А. 799
 Батё Ш. 146, 446, 487, 530
 Батулин П. С. 35
 Батюшков К. Н. 440
 Баузе Ф.-Г. 16, 95, **303**, 483
 Баумгартен А.-Г. 146, 352, 446, 751
 Баумейстер Ф.-Х. 15, 19, 23, 27, 83,
 84, 86, 90, 95, 127, 133, 135, 142,
 291, 320, 433, 458, 527, 562, 606,
 634, 691, 751
 Баур Ф.-Х. 752
 Бауэр А. 136, 309, 288, 514, 752
 Бахман К.-Ф. 133, 146, 297, 507, 513,
 529, 562, 661, 752
 Бачинский А. И. 252, **303–304**, 653,
 813
 Башилов С. 819
 Безак Г.-Х. **304**
 Безбородко А. А. 103, 163
 Безбородко И. А. 103
 Безобразов В. П. 304
 Безобразов Н. В. 602
 Безобразова Е. А. 800
 Безобразова М. В. **304–305**, 630
 Безобразова-Монигетти В. И. 805
 Бейль (Bayle) П. 191, 318, 752
 Бейльштейн Ф. Ф. 450, 486
 Бекетов А. Н. **305**, 766
 Бекетов Н. Н. **306**
 Беккариа Ч. 677
 Белинский В. Г. 21, 130, 147, 489,
 504, 551, 576, 589, 608
 Белкин А. С. 164, 219, **306–307**,
 642, 758
 Белковец Л. П. 493
 Белоусов Н. Г. **307**
 Белый А. 255, 321
 Белявский М. Т. 545
 Беляев М. 316
 Бёме Я. 93, 171, 204, 208, 694, 734,
 750, 752
 Бенлев Л. 501
 Бентам И. 301, 677, 753, 797
 Бер К. Г. 63
 Берви В. Ф. **307**
 Бергбом К.-М. 753
 Бергсон А. 197, 217, 238, 240, 308,
 314, 468, 488, 489, 518, 707, 753,
 758
 Бердоносков М. 783
 Бердяев Н. А. 31, 153, 195, 201, 204,
 210, 225, 230, 231, 232, 234–236,
 240, 242, 244, 253, 254, 260, 261,
 269–272, 409, 427, 459, 509, 615,
 643, 646, 657, 667–670, 820
 Бережков Ф. Ф. 220, **308**
 Беркли Дж. 126, 215, 222, 250, 252,
 258, 260, 314, 548, 592, 731, 753
 Берман Я. 808
 Бернар К. 762
 Бернарди 677
 Бернгейм Э. 222, 257, 673, 753
 Бернулли Д. 37, 57, 58, 70, **308–309**,
 715
 Бернулли Я. 725
 Бернштейн А. Н. 437
 Бернштейн Н. Д. 575
 Бертран 458
 Берх В. Н. 449
 Бершадский С. А. **309**
 Бестужев-Рюмин К. Н. 181, **309–**
310, 389, 408, 537, 755
 Бехтерев В. М. 249, **310–311**, 451,
 817
 Бибииков П. А. 758, 822
 Бильфингер Г.-Б. 57, 58, 62, 70, 91,
 95, 285, 291, **311–312**, 320, 369,
 481, 606, 691, 715, 725, 726
 Бине А. 167, 218, 754
 Бирон Э.-И. 711
 Бирюков Б. В. 335
 Битнер В. В. 754, 766, 769, 784, 797,
 807, 810

- Битти Дж. 542
 Биунде Ф.-К. 661
 Бицилли П. М. **312–313**, 495
 Биш 503, 518
 Благовестов Г. Е. 803
 Блер Г. 530
 Блок А. А. 255
 Блондель Ж. 758
 Блонский П. П. 220, 258, **313–314**,
 645, 699
 Блуменбах И.-Ф. 386
 Блэкстон (Блакстон) У. 105, 639, 754
 Блюментрост Л. А. 314
 Блюментрост Л. Л. 54, 58, 59, 311,
314–315, 369, 379, 714, 716
 Блюнчли И.-К. 584, 754
 Боборькин П. Д. 817
 Бобринский А. П. 696
 Бобров Е. А. 25, 158, 211, 227, 228,
 244, 247, 249, 259, 261, 262, **315–**
316, 629
 Бобровский С. А. 819
 Бобынин Б. Н. 220
 Бобынин В. В. 249, **316–317**
 Богданов А. А. 195, 211, 563, 780, 801
 Богданов М. Н. 426
 Богданов П. И. 133, **317**
 Богданович Т. 812
 Богородский С. 121
 Богословский П. 169
 Боден Ж. 143
 Бодуэн де Куртене И. А. 182
 Бозанкет (Bosanquet) Б. 214, 223, 755
 Бокль Г.-Т. 183, 258, 284, 340, 600,
 601, 718, 755
 Болдырев Н. В. 456
 Болен П. 148, 514
 Болин В. 191, **317–318**
 Болтин Д. 819
 Болтунов А. П. 220, 826, 838
 Больцман Л. 237, 252, 631
 Бонгард Г. П. (Г.-Г.) 141
 Бониц (Bonitz) Г. 221, 665, 755
 Бонне Ш. 91, 652, 755
 Борзанов Д. 807
 Борингер 665
 Боричевский Е. И. 833
 Боровитинов М. М. 585
 Боровой А. А. 226, **318**
 Бородин А. П. 399
 Боссюэ (Босюет) Ж.-Б. 112, 537, 712
 Ботен Л.-Э.-М. 131, 755
 Боткин С. П. 470
 Брадис В. М. 830
 Бразоль П. 120, 131Ю 688
 Брандис (Brandis) Х.-А. 665, 756
 Бранкевич М. 841
 Браун Б. Г. 766
 Браун И.-А. 50, 64, 65, 68, 72, 73, 97,
318–319
 Браш М. 165, 756, 813, 822
 Брентано Ф. 308, 756, 801
 Брикнер А. Г. **319–320**, 408
 Бродский Л. Р. 797
 Брок П. 463
 Броун Т. 165, 167
 Бруккер И.-Я. 88, 91, 147, 639, 757
 Бруно Дж. 471, 818
 Брусиловский И. К. 772, 813
 Бруснев М. И. 578
 Брюкке Э.-В. 252, 757
 Брюнsvик Л. 758
 Брянцев А. М. 15–17, 19, 22, 25, 27,
 34, 36, 37, 39–43, 46–49, 82, 91,
320–321, 483, 754, 830
 Бугаев Н. В. 253, 258, 287, 288, **321–**
322, 466, 509, 703
 Бугле С. 782
 Буддей И.-Ф. 480
 Будеус И.-Ф. 64, 757
 Будилова Е. А. 684
 Будилович А. С. 181, **322–323**
 Бужинский Г. 813, 814
 Бузескул В. П. 356, 357, 533
 Буилье Ф. 757
 Буйницкий А. Н. 755
 Булатницкий Егор 78, 670
 Булацель П. Ф. 200

- Булгаков М. 753
 Булгаков С. Н. 195, 197, 201, 203, 204, 210, 225, 231–236, 240–242, 244, 260, 261, 269, 270, 272, **323–325**, 409, 459, 609, 642, 645, 646, 667, 707, 782
 Булгарин Ф. В. 404
 Буле И. Ф. 16, 18, 22, 28, 29, 128, 148, 149, **325–326**, 352, 376, 377, 384, 415, 483, 503, 558, 652, 677
 Булей Э. 836
 Булич Н. Н. 158, **326–327**
 Буль Дж. 249, 317, 546, 757, 797
 Бундинг 293
 Буницкий Е. Л. 249
 Бурачек С. А. 152
 Бурдах К.-Ф. 130
 Бурдес Б. П. 786
 Бурдянский И. М. 605
 Бурке 530
 Бурлюк Д. Д. 255
 Буслаев Ф. И. 182, **327–328**, 341
 Буссе Л. 769
 Бутервек Ф. 22, 146, 351, 384, 530, 549, 661, 758
 Бутлеров А. М. **328–329**, 331, 399, 486
 Бутович-Бутовский Е. 821
 Бутру Э. 223, 758, 794
 Бухвалова Т. Б. 736
 Быков Г. В. 329
 Быстрицкий К. 767
 Бычков С. 658
 Бычковский Б. С. 753
 Бэкон Ф. 22, 46, 92, 120, 126, 129, 134, 177, 184, 259, 290, 291, 294, 296, 312, 376, 396, 443, 454, 522, 592, 612, 637, 638, 640, 641, 717, 758, 831
 Бэн (Bain) А. 164–167, 178, 258, 290, 296, 301, 344, 758
 Бэр К. М. 140, **329–330**, 366
 Бюргер М. 58
 Бюффон Ж.-Л.-Л. 69–71, 93, 296, 520, 570, 704, 717, 758
 Бюхнер Л. 250, 758, 780
 Бюшинг А. Ф. 493
 Ваганова Г. А. 508
 Вагнер И.-Я. 760
 Вагнер Н. П. **331**, 577
 Вайнштейн А. Э. 258
 Вайтц Т. 311, 760
 Валамов В. Ф. 330
 Валентинов Н. 211
 Валицкий А. 359
 Вальден П. И. 810
 Вальтер Ю. 130
 Вальх И.-Г. 91, 320, 691, 760
 Вандалковская М. Г. 427, 495
 Ванчугов В. В. 499
 Варнкёниг Л.-А. 612
 Васацкий Г. С. 37–38, 484, 631
 Василий Великий, св. 465, 481
 Васильев А. В. **331–332**, 333, 698, 780, 803
 Васильев В. П. 185, 331, **332–333**
 Васильев Н. А. 224, 247, 249, **333–334**, 604, 812
 Васьяковский Е. 827
 Вате 133
 Ватсон Э. К. 817
 Введенский Александр И. 23–25, 31, 42, 78, 81, 141, 168, 177, 187, 196, 213–215, 218, 224, 225, 230, 231, 236, 245, 248, 289, **334–335**, 344, 345, 461, 485, 510, 604, 623, 664, 754, 761, 768, 774, 775, 807, 809, 829
 Введенский Алексей И. 207, 216, 264, 265, 618
 Введенский Арсений 807
 Вебер А. 309, 647
 Вебер Г. К. 812
 Вебер М. 225, 230, 250, 760
 Вейберг П. 799
 Вейгелий Э. 355, 608

- Вейдлер 15
 Вейль Г. 803
 Вейншток В. А. 754
 Вейсе Х.-Г. 135, 297, 647, 661, 760
 Величко В. Л. 600
 Велланский (Кавунник) Д. М. 123, 129, 139, 143, 335, 363, 569, 660, 728, 809
 Вельяминов И. А. 755
 Венгеров С. А. 255, 336–337
 Венгерова З. 818
 Веневитинов Д. В. 315, 540
 Вениаминов П. Д. 41, 42, 47, 48, 291
 Венсович И. Ф. 94, 142, 337
 Венциг (Wenzig) С. 761
 Вердер К. 367, 761
 Вересаев В. 588
 Вернадский В. И. 230, 252, 330, 337–339
 Вернадский Г. В. 339, 495
 Вернер В. 810
 Верт О. А. 784
 Верховский С. О. 398
 Веселовская А. 800
 Веселовский А. Н. 183, 257, 293, 339–340, 443, 551
 Веселовский К. 336
 Веспасиан 115
 Вессель Н. Х. 816
 Вико Дж. 537, 761, 803
 Викторов Д. В. 219–221, 258, 340–341, 371, 770, 784, 829
 Викторов П. П. 817
 Вильде И. Д. 136
 Виндельбанд (Windelband) В. 164, 165, 167, 184, 213–215, 218, 219, 221–225, 230–232, 427, 614, 633, 666, 674, 761, 803, 818
 Виндишман К.-И.-И. 148, 514, 761
 Винкельман И.-И. 146, 446, 610, 762
 Винклер И.-Г. 19, 23, 27, 291, 382, 691, 762
 Виноградов И. 755
 Виноградов Н. Д. 221, 258, 341, 784
 Виноградов П. Г. 180, 341–342, 826, 834
 Виноградова С. М. 789
 Винцгейм Х.-Н. 71
 Виппер Р. Ю. 256, 257, 298, 342–343, 826
 Вирхов (Virchow) Р. 252, 470, 727, 762
 Витте С. Ю. 200
 Вихерский В. 766
 Владимирский А. П. 158, 343
 Владимирский-Буданов М. Ф. 159, 789
 Владиславлев М. И. 31, 50, 165–168, 174, 178, 184, 187, 189, 215, 224, 334, 343–344, 369, 443, 587, 599, 600, 641, 786
 Вовенарг К. де 793
 Водел А. М. 792, 798, 817
 Водзинский Е. И. 335
 Водовозова В. И. 821
 Воейков А. 805
 Вознесенский П. И. 215, 216, 344–345, 789
 Войтко В. И. 522
 Вокач Н. Н. 782, 841
 Волков Б. А. 69, 814, 827, 843
 Волков М. С. 345–346
 Волков П. П. 784
 Володин А. И. 44
 Володихина Д. М. 343
 Волчков С. 804
 Вольнский А. Л. 824
 Вольтер Ф.-М. 74, 81, 82, 86, 141, 143, 258, 296, 307, 380, 449, 554, 564, 638, 704, 762, 793
 Вольф К.-Ф. 71, 346–347, 562
 Вольф (Wolff) Хр. 12, 15, 17, 19, 21–23, 25, 27, 40, 44, 45, 54, 57, 62, 63, 67–70, 81, 83, 87–90, 128, 133, 135, 136, 147, 208, 250, 291, 311, 315, 319, 320, 346, 355, 445, 449, 454, 463, 464, 480, 481, 527, 535, 630, 635, 639, 691, 712, 714, 726,

- 736, 737, 740, 751, 757, 763, 765,
789, 791, 802, 827
- Вольфсон В. 770
- Воробьева М. З. 604
- Воскресенский А. 120
- Востоков А. Х. 182
- Восторгов И. 199, 263, 269
- Врангель Е. В. **347**
- Вундт (Wundt) В. 164–167, 216–219,
221, 222, 224, 225, 232, 235, 243,
250, 253, 262, 284, 296, 311, 434,
435–437, 453, 632, 651, 665, 673,
674, 683, 685, 763, 776, 792
- Вуттке 543
- Вырубов Г. Н. **347**, 817
- Вышенский И. 150
- Вышеславцев Б. П. 220, 221, 228,
253, 254, 258, 274, **348–349**, 421
- Габрилович Л. Е. 215, **350**
- Гавриил (Воскресенский В. Н.), архи-
мандр. 26, 35, 118, 148, 154, 158,
350–351, 540
- Гаврилов М. Г. 95, 145, 757
- Гагарин А. П. 41, 292
- Гагедорн Ф. 353
- Гайденко П. П. 467, 468, 668
- Гайм (Хайм) Р. 512, 613, 764, 771
- Гайсинович А. Е. 347
- Галактионов А. А. 44, 45
- Галахов А. Д. **351**
- Галилей Г. 717, 764
- Галич (Говоров) А. И. 26, 30, 93, 129,
131, 133, 142, 146, 147, 185, **351–**
353, 445, 446, 511, 571, 634, 769,
823
- Галлей Х.-Э. 355, 379, 473
- Гамбаров Ю. С. **353**, 784
- Гамбетта Л.-М. 588
- Гамильтон У. 214, 296, 311, 764, 797,
803
- Ганзен Г. А. 130
- Ганс Э. 556
- Гарве Х. 124, 652, 764
- Гарибальди Дж. 490
- Гарнак Т. 345
- Гартенштейн Г. 713
- Гартман (Hartmann) Э. фон 174, 175,
188–190, 214, 222, 234, 251, 258,
296, 308, 345, 371, 396, 413, 433,
453, 554, 557, 592, 600, 632, 637,
665, 683, 764, 792
- Гаршин Е. 819
- Гассенди П. 126, 630, 712, 765
- Гатчин А. Д. 777
- Гаусс К.-Ф. 321
- Гвоздев П. 834
- Гевелий И. (Я.) 355
- Гевлич А. П. 146, **353–354**
- Гегель (Hegel) Г.-В.-Ф. 12–14, 18, 26,
127, 128, 130, 134, 137, 140, 144,
145, 147, 148, 150, 154, 156, 169,
171–175, 177, 182, 184, 186–191,
195, 208, 209, 214, 215, 221, 222,
228, 231, 233–235, 242, 243, 249,
256–258, 260–262, 264, 267, 268,
271, 274, 290, 297, 320, 324, 340,
346, 348, 356, 362, 366, 367, 388,
399, 409, 413, 415, 421, 422, 428,
433, 441, 444, 446, 447, 453, 468,
470, 475, 489, 500, 503, 507–509,
511, 512, 514, 519, 533, 535, 537,
552, 556, 557, 567, 569, 572, 573,
582, 584, 589, 592, 600–602, 607,
612, 613, 618, 620, 628, 632, 633,
641, 644, 647, 655, 656, 659, 661,
673, 674, 680, 683, 686, 697, 700,
701, 731, 734, 742, 750, 752, 760,
764, 765, 768, 791, 794, 803
- Гезехус Н. А. 801
- Гейлинкс А. 259
- Гейм И. А. 16, 85, **354**, 483
- Гейнекций И.-Г. 63, 90, 136, 382, 639,
691, 765
- Гейнзиус Г. **354–355**
- Гейнрот И.-Х.-А. 135, 514, 661, 765
- Гейнце М. 19, 167, 183, 185, 218, 225,
435, 765

- Геккель Э. 637, 672, 673, 766, 792
 Гексли Т.-Г. 329, 406, 486, 524, 766
 Геллерт Х.-Ф. 64, 68, **355**, 691, 740, 767
 Гельвещий К.-А. 81, 83, 86, 258, 433, 554, 564, 652, 767, 790
 Гельмгольц Г.-Л. 252, 563, 564, 585, 588, 617, 631, 699, 767, 777
 Гельфгат С. 794
 Гемстергинс 661
 Генкель А. Г. 805, 813
 Геннинг И.-И. 376, 533
 Генри А.-М. 776
 Генцкен Ф. 767
 Георгиевский П. Е. **355**
 Гераклит 208, 250
 Герасимов Семен 96
 Гербарт (Herbart) И.-Ф. 158, 214, 251, 258, 262, 288, 296, 311, 505, 547, 710, 712, 713, 768
 Гербель Н. 647
 Герд А. Я. 766, 773, 823
 Гердер И.-Г. 143, 181, 257, 356, 438, 443, 489, 652, 761, 768
 Герен А.-Г.-Л. 144, 567, 768
 Геринг (Georing) Э. 210, 215, 768
 Герланд Г. 295
 Герлах Г.-В. 133, 135, 516, 769
 Герман М.-Г. 57, 58, **355–356**
 Гёррес Й. 769
 Герцен А. И. 32, 130, 132, 258, 533, 589, 601, 663, 678
 Герцык Е. К. 770, 807
 Гершель В. (Ф.-В.) 769, 797
 Гершель Дж. 290, 717, 769
 Гершензон М. О. 195
 Герье В. И. 256, 257, 341, **356–357**, 367, 796
 Геселевич А. М. 536
 Гесс де Кальве Г.-А. (Г. Г.) 120, **357**, 386, 688, 690
 Гессен В. М. **357**, 784
 Гессен Е. Н. 767
 Гессен И. В. 358
 Гессен С. И. 197, 217, 228, 230, 245, 257, 333, 753, 779, 818, 830, 836
 Гёте И.-В. 238, 296, 576, 650, 762
 Гёфлер А. 224, 769
 Гёффдинг (Хоффдинг) Г. 164, 167, 213–215, 219, 220, 223–225, 296, 345, 769
 Гиддингс Ф. 494
 Гизетти А. А. 258, **360**
 Гизо Ф.-П.-Г. 144, 489, 770
 Гильберт Д. 803
 Гиляров А. Н. 31, 164, 166, 171, 224, 225, 261, **360–361**
 Гиляров-Платонов Н. П. 360
 Гиммельфарб Б. В. 839
 Гинсбург С. 784
 Гинцберг В. Я. 531
 Гир де ла 355
 Гиршгорн М. Р. 768
 Глаголев С. С. 208, 223
 Глебов В. П. 386, 804
 Гловацкая М. 823
 Глубоковский Н. 207
 Глядиш 259
 Гнеденко Б. В. 523
 Гнучева В. 380
 Гоббс Т. 126, 259, 296, 301, 417, 458, 498, 535, 592, 691, 692, 712, 770
 Гобино Ж.-А. де 603
 Гоголь Н. В. 664
 Гогоцкий С. С. 31, 127, 158, 184, 187, **361–362**
 Годунов Борис, русск. царь 53
 Голицын А. Н. 31, 109, 110, 362, 475, 571
 Голицын Б. Б. 473
 Головкин И. Г. 638
 Голосенко И. А. 428, 604
 Голощеков Архип 57
 Голубинский В. 828
 Голубинский Ф. А. 216
 Голубкова Т. В. 668
 Голубцов С. А. 429

- Голуховский Ю. 130, 134, 143–144, 336, **362–363**, 383
 Гольбах П.-А. 81, 86, 564, 770, 790
 Гольдгаммер Д. А. **363**
 Гольденберг И. 753, 825, 830
 Гольдендах Ю. 762
 Гольдсмит И. А. 817, 823
 Гольдштейн М. Ю. **364**
 Гольман М. 647
 Гольман С.-Х. 90, 770
 Гольмстен А. Х. **364**
 Гольцев В. А. 414, 510
 Гомперц Т. 219, 225, 340, 770
 Гораций 610
 Горбатов А. 799
 Горбачев Н. А. 339
 Горвиц (Horwitz) 164
 Горнфельд А. Г. 805
 Городенский Н. Г. 220
 Городецкий Д. И. 831
 Городчанинов Г. Н. 111, 136, **364–365**, 597
 Горянинов П. Ф. 139, **365–366**
 Готшед И.-К. 83, 86, 433, 771
 Гофбайер 384
 Гохшиллер М. А. 839
 Грабарь В. Э. 608, 798
 Гравезанд В.-И. 62, 70, 407, 771
 Градовский А. Д. 184, 187, **366**, 435, 589
 Грановский Т. Н. 144, 145, 180, 356, **367–368**, 389, 446, 447, 471, 696, 806
 Грасман Р. 317
 Грацианский П. С. 381
 Гращенков Н. И. 311
 Гребенкин 214–215
 Гредескул Н. А. **368**
 Гредин Б. В. 824
 Грен А. Н. 777
 Греч И. Э. 63
 Греч Н. Н. 63
 Грибоедов А. С. 182
 Григорий Нисский, св. 291, 292
 Григорьев А. А. 618
 Григорьев В. В. 122, 159, 527, 562, 635, 719, 741
 Григорян А. Т. 309
 Григорян М. М. 367
 Гриднин О. Д. 775
 Гримм Э. Д. 826
 Грингмут В. А. 199
 Гриневич И. Ф. 120, **368–369**, 688, 834
 Гройс Б. 274
 Громбах А. А. 775, 806, 821
 Гронский А. 789
 Гросс Х.-Ф. 57, 62, 63, 71, 136, **369**
 Гроссман Г. 812, 838
 Грот Н. Я. 31, 164–166, 168, 175, 184, 186, 218, 258, 286, 296, 341, **369–371**, 405, 453, 642, 703, 786, 832
 Грот Я. К. 124, 369, 839
 Гроций Г. 105, 535, 710, 712, 754, 765, 771
 Грубер В. Л. 228
 Груздева И. Г. 719
 Грузенберг (С. Людин) С. О. 232, 258, 262, **371**, 831
 Грум-Гржимайло С. Н. 831
 Группе О.-Ф. 259
 Грушевский М. С. **372–373**
 Губский Н. М. 784, 838
 Гуго А. 107, 351, 479
 Гуло Д. Д. 653
 Гуляев А. Д. 225, **373–374**, 406
 Гумбольдт В. фон 182, 717, 724, 764, 771
 Гумилев Н. С. 255
 Гумплович Л. 603, 771
 Гундлинт 64
 Гурбан Й.-М. 323
 Гурвич А. Г. 237, **374–375**, 776
 Гуревич Л. Я. 823
 Гурлидий-Васильева Л. А. 812
 Гурлитт Л. 148, 352, 771

- Гурлянд Э. З. 788
 Гурова-Головачева Р. Г. 38
 Гус Я. 424
 Гусев А. Ф. 331
 Гуссерль Э. 26, 214, 220, 223, 225,
 230, 233, 235, 236, 241, 243, 246,
 308, 454, 455, 707, 708, 756, 771,
 794
 Гутчесон (Гетчесон) Ф. 353
 Гуфеланд К.-В. 386
 Гюйо Ж.-М. 207, 224, 772
 Гюнсбург М. Э. 762

 Д'Аламбер Ж.-Л. 93, 691, 773, 804
 Давыдов И. И. 21–24, 26, 29, 30, 42,
 116, 120, 123, 126, 133, 146, 154,
 159, 294, **376–377**, 476, 477, 696,
 769, 770, 782, 797, 838
 Давыдова О. А. 810, 830, 836, 838
 Данилевский А. И. 337, 494
 Данилевский В. Я. **378**
 Данилевский Н. Я. 181, 310, 600, 618
 Данилов А. И. 533
 Данилова Л. А. 218
 Данте А. 340
 Дарвин Ч.-Ф. 19, 296, 329, 346, 365,
 486, 557, 579, 587, 606, 653, 762,
 766, 773, 780, 830
 Дарьес И.-Г. 773
 Дашкова Е. Р. 55
 Двигубский И. А. 134, 139, **378–**
379, 477
 Дебольская Е. 774
 Дебольский Н. Г. 31, 169, 196, 765
 Деборин А. А. М. 210
 Дебу К. И. 825
 Дегуров А. А. 108
 Дежерандо (Жерандо) Ж.-М. 29, 105,
 148, 377, 773
 Дейсен П. 601
 Декандоль О.-П. 141, 702, 774
 Декарт Р. 12, 46, 67, 68, 70, 82, 91,
 92, 121, 126, 168, 177, 214, 216,
 218, 222, 227, 235, 250, 251, 253,
 258, 260, 268, 291, 292, 309, 320,
 354, 355, 396, 447, 464, 467, 472,
 473, 503, 514, 522, 607, 630, 639,
 640, 652, 653, 680, 707, 712, 720,
 726, 731, 737, 752, 774, 791, 802,
 807, 831, 832, 835
 Делиль Ж.-Н. 57, 71, 354, **379–380**
 Дельсаль Е. 819
 Дембогурский М. 622
 Дембский Д. Г. 531
 Демидов П. Г. 102, 103
 Демичев В. А. 44
 Демокрит 250, 630, 720
 Демолен Э. 797
 Дени Э. 777
 Денисов А. П. 449
 Державин Г. Р. 462, 463
 Де-Роберти Е. В. 258, **380–381**, 430,
 599, 603, 676
 Десницкий С. Е. 34, 35, 37, 41, 42,
 46–49, 86, 96, 97, 291, **381**, 639
 Дессандр Г. 774
 Джевонс У.-С. 165, 167, 213, 249,
 546, 774, 797
 Джеймс (Джеймс, James) У. 166, 167,
 213, 214, 219, 221, 223, 224, 345,
 437, 775, 784, 790
 Дживелегов А. К. 820
 Джоберти В. 730, 733, 775
 Джорджихия Н. С. 532
 Дидро Д. 81, 86, 93, 353, 691, 775
 Дильс (Diels) Г.-А. 215, 219, 225, 580,
 776
 Дильтей В. 34, 38, 41, 42, 95, 96, 243,
 291, 607, 608, 615, 776
 Дильтей Ф.-Г. 16–18, **381–382**, 545
 Дионисий Ареопagit 667
 Диц М. 223, 311
 Дмитриев Петр 78, 670
 Дмитриевский Д. И. 778, 840
 Добровский Й. 323
 Добролюбов Н. А. 307, 589
 Добротворский В. И. 158, 159, **382–**
383

- Довгий Т. П. 658
 Довгирд А. С. **383**
 Додашвили С. И. **383–384**
 Долгов С. 811
 Долгоруков И. 802
 Домициан 115
 Дорошевич Э. К. 383, 595
 Достоевский Ф. М. 216, 256, 269,
 270, 327, 547, 601, 647, 685, 732
 Драгоманов М. П. **384–385**, 560
 Дрентельн Н. С. 653, 809
 Дриш Г. 237, 374, 776
 Дробиш М.-В. 224, 396, 640, 712,
 713, 776
 Дроздов 586
 Дронов Н. 169
 Дубнов А. С. 496
 Дубяго Д. И. 546
 Дудрович А. И. 108, 120, 130, 357,
385–386, 523, 681, 690
 Думова Н. Г. 495
 Дьюи Дж. 776
 Дьяконов М. А. 436, 584
 Дюбуа-Реймон Э. 252, 518, 585, 727,
 776
 Дюги Л. 391
 Дю-Марсе 407
 Дюпрель (Дю Прель) К. 286, 777
 Дюринг Е. 14, 18, 19, 175, 188, 258,
 262, 309, 434, 566, 680, 777, 792
 Дюркгейм Э. 603, 777
 Дютуале Мамбрина М.-Ф. 110, 522,
 777
 Дюзем П. 778
 Дядьковский И. Е. 134, 140, **386–**
387, 503

 Евклид см.: *Эвклид*
 Екатерина I, рос. имп. 315
 Екатерина II, рос. имп. 61, 77, 81, 99,
 102, 103, 285, 339, 381, 432, 520,
 627, 629, 636, 703, 713, 725, 776
 Елизавета Петровна, рос. имп. 57, 59,
 75, 76, 101, 319, 445, 464, 554, 593,
 713

 Елисеев Матвей 96
 Елистратов А. И. 562
 Еллинек Г. 391, 427, 428, 561, 779
 Елпатьевский В. К. **388**, 810
 Ельчанинов А. 732
 Емельянов Б. В. 49, 50
 Ерисов Д. П. 410
 Ермичев А. А. 335, 615, 669
 Ерогин Б. 756
 Ершов М. Н. 30, 31, 192, 800
 Ершов С. И. 777, 784, 803, 838
 Есаков В. А. 295
 Ефименко А. Я. 807
 Ефимовская З. А. 290
 Еше Г.-В. 128, 133, 135, 149, **388–**
389
 Ешевский С. В. 180, **389**

 Жаков К. Ф. **390**, 723
 Жане (Janet) Поль 14, 165, 167, 221,
 224, 309, 780
 Жане Пьер 780
 Жебелев С. А. 748
 Жегалкин И. И. 249
 Железнов Н. И. 120
 Жерар А. 773, 804
 Живаго С. И. **391**
 Жилин А. А. **391**
 Жирмунский В. М. 255, 564
 Житловский Х. И. 195
 Жоффруа Сент-Илер И. 780
 Жоффруа Сент-Илер Э. 141, 724,
 780, 791
 Жуковский В. А. 169, 423, 440
 Жуковский Д. Е. 195, 770, 820, 831
 Жуковский Ю. 191, 398
 Журавлева Л. А. 351
 Жуффруа Т.-С. 178, 640, 781

 Заблоцкая А. А. 808
 Забродский Г. А. 484
 Завадовский П. В. 102
 Завадская Е. В. 333
 Завольская Г. Н. 668

- Загорский П. А. 93, 142, **392**
 Загорский Ф. 813
 Загоскин Н. П. 476
 Загребин М. В. 410
 Займовский С. Г. 766
 Зайцев А. Ф. 448
 Зайцев В. 762, 775
 Залесский В. Ф. **392–393**
 Залкинд С. Я. 490
 Замотин И. И. 258, **393–394**
 Замятина М. М. 218
 Занд К.-Л. 109
 Запольский И. И. 134, **394**, 692
 Заславский Д. И. 385
 Затлер Ф. 800
 Зверев В. М. 464, 647
 Зверев Н. А. **394–395**, 505
 Зедергольм К. 118
 Зеленецкий К. П. **395**
 Зеленогорский Ф. А. 174, 185, **395–396**, 641, 690
 Зелинская С. Н. 811
 Зелинский Ф. Ф. 807
 Зенон Элейский 720
 Зеньковский В. В. 36–37, 42–44, 78, 82, 237, 349, **396–398**, 457, 667
 Зибек Г. 165, 782
 Зибер Н. И. 175, 191, **398–399**, 560
 Зигварт (Sigwart) X. 178, 215, 219, 224, 225, 741, 782
 Зимин А. А. 429
 Зиммель (Zimmel) Г. 216, 230, 404, 580, 603, 615, 782
 Зинглер 684
 Зинин Н. Н. 140, **399**
 Зиновьев И. В. 325, 834
 Зинченко Н. 838
 Знанецкий Ф. В. **399–400**
 Зноско Я. 134, **400**
 Золина М. Б. 410
 Золотницкий Вл. 47, 48, 93
 Зольберх 63
 Зольгер К.-В.-Ф. 146, 352, 783
 Зонке Л. 838
 Зорькин В. Д. 506, 698
 Зубелевич А. И. **400**, 460
 Зуев В. Ф. 69, 759
 Зульцер И.-Г. 145, 446, 530, 691, 783
 Зыбелин С. Г. 28, 41, 42, 47, 48, 94, 291, **401**, 483
 Зырянов Н. А. 45, 292
 Иберверг Ф. 19, 165–167, 183, 185, 218, 219, 224, 225, 309, 435, 784
 Ибн-Рушда (Аверроэс) 11
 Иванов В. В. 721
 Иванов Вяч. И. 255, **402**
 Иванов И. И. 185, 258, **403**
 Иванов Н. А. 158, **403–404**
 Ивановский В. Н. 31, 32, 50, 219, 223, 225, 228, 258, 276, 333, 371, **404–406**, 641, 775, 803, 812
 Ивановский И. А. 366
 Иванцов А. И. 824
 Иванцов Н. А. **406**, 831
 Ивашковский С. М. 133, **407**, 841
 Игнатович А. Н. 566
 Игнатъев П. Н. 212
 Иеринг Р. фон 358, 368, 393, 436, 505, 527, 744, 784
 Иероним Гирнгайм 554
 Иерусалем В. 221, 224, 225, 784
 Изгоев А. С. 195
 Изразцов В. 807
 Изуле-Лубатьер 794
 Иисус Христос, *библ.* 88, 110, 113, 229, 263, 266, 269, 689, 718, 735, 742
 Иконников В. С. 320, **407–408**, 423, 704
 Илиодор (С. М. Труфанов), иеромон. 199
 Иловайский Д. И. **408**
 Ильин В. Н. 468
 Ильин И. А. 220, 228, 253, 258, 261, **408–410**, 668, 782, 841
 Ильинский Л. К. 337
 Илющенко Г. И. 719

- Иннокентий (Борисов И. А.), архиеп.
 438
 Иноземцев И. 214, 829
 Иноходцев П. 69, 759
 Иоанн Златоуст 481
 Иоанн Кронштадтский (И. И. Сергеев) 262–263, 269
 Иовский А. А. 126, 140, **411**, 805
 Иовчук М. Т. 37, 38, 44
 Иолшина Е. П. 218
 Иониди П. П. 484
 Иорданский И. Ф. 825
 Исаев А. А. 257, **411–412**
 Исаев И. 751
 Исаева С. 789
 Исаин И. 800
 Истомин К. 796
 Извель 797

 Йодль (Jodl) Ф. 191, 214, 215, 220–
 222, 224, 257, 317, 482, 665, 785

 Кабанис П.-Ж.-Ж. 250, 822
 Каблиц-Юзов И. 18
 Кавелин Д. А. 413, 583
 Кавелин К. Д. 31, 165, 178, 179, 184,
 187, 190, 198, 296, 351, **413–414**,
 537, 583, 599, 600, 641
 Каган В. Ф. 462, 813
 Кадлубовский А. П. 394
 Казаков А. П. 430
 Казанский А. П. 164, 166, 220, **414**
 Казарян В. П. 653
 Кайданов Я. К. 139, **415**
 Кайзерлинг Г. 437
 Какаров Д. 767
 Калачинский П. А. 819
 Калининченко М. К. 709
 Калмыков П. Д. **415**
 Калугин В. И. 415
 Калькер 293
 Камаровский Л. А. **416**, 744, 754, 786
 Камбуров В. Г. 256, **416–417**, 497,
 498
 Каменский А. Б. 493
 Каменский З. А. 138, 317, 353, 357,
 367, 462, 472, 525, 624, 690
 Кампанела Т. 424
 Кандинский В. 801
 Канев С. Н. 390
 Кант И. 12–14, 16, 18, 20, 26, 28, 29,
 82, 92, 95, 105, 107, 108, 110,
 125–136, 146–148, 156, 164, 165,
 168, 169, 171, 173, 174, 177, 178,
 180, 181, 186, 187, 207–209, 213–
 215, 217, 218, 221, 222, 228, 231–
 233, 235, 238–241, 245, 249, 250,
 252, 253, 256–258, 260–262, 264,
 267, 268, 283, 289, 290, 296, 297,
 307, 313, 316, 327, 338, 346, 351,
 353, 356, 357, 359, 362, 369, 383–
 386, 393, 396, 405, 413, 417, 420,
 434, 441, 446, 447, 453, 457, 460,
 463, 466, 469, 472, 479, 480, 483,
 494, 500, 503, 504, 511, 512, 522,
 526, 530, 535, 548, 549, 555, 558,
 561, 571, 572, 576, 582, 584, 591,
 595, 605–607, 610, 611, 615–617,
 620–622, 624, 629, 631, 633, 640–
 643, 646, 648, 652, 659–666, 672–
 674, 679, 683, 686, 688–691, 699–
 701, 707, 708, 713, 720, 722, 723,
 731, 733–736, 740, 744, 750, 752,
 756, 760, 763, 764, 768, 769, 781,
 782, 786, 791, 799, 802, 812, 816,
 818, 825, 829, 831, 832, 836, 839,
 841
 Кантемир А. Д. 369
 Кантор Г. 208
 Капелюш Ф. 766, 769
 Каптерев П. Ф. 220
 Капустин М. Н. 96, 358, **417–418**,
 560
 Капустинский А. Ф. 595
 Карагодин А. И. 429
 Карамзин Н. М. 110, 145, 351, 377,
 537, 655, 692, 796
 Карасевич П. 814

- Кареев Н. И. 180, 209, 256, 257, 261, 320, 323, 357, 367, **418–419**, 471, 494, 578, 603, 673, 820
- Каринский В. М. 214, 215, 258, 345, **419**, 549, 834
- Каринский М. И. 167–169, 196, 258, 554, 589, 641
- Карлблом А. **420**
- Карлейль Т. 786
- Карнеев Е. 805
- Карпе Ф.-С. 131, 527, 635, 674, 787
- Карпов В. Н. 221, 742, 743, 812
- Карпов В. П. **420**, 794
- Карпов Г. В. 296
- Каррьер (Carrière) М. 216, 218, 224, 787
- Карсавин Л. П. 217, 313, **420–421**
- Карус К.-Г. 135, 297, 514, 579, 661, 787
- Карху Э. 594
- Кассини Дж.-Д. 355
- Кассирер (Cassirer) Э. 214, 222, 223, 289, 359, 580, 665, 787
- Касторский М. Н. 120, 748
- Катков М. Н. 158, 200, **421–423**, 472
- Катрфаж Б.-Ж.-Л.-А. 296
- Кауфман А. А. 822
- Каченовский М. Т. 126, **423–424**
- Кашин А. 787
- Каэлас А. А. **424**
- Квачала И. И. **424–425**
- Кейра Ф. 218, 787
- Кеплер И. 296, 717
- Керенский А. Ф. 602
- Керестури Ф. Ф. 92, **425**, 483
- Керштенс И.-Х. 18, 34, 41, 48, 291, 545
- Кесслер К. Ф. 120, 179, **425–426**
- Кетле Л.-А. 510, 633, 788
- Кечекьян С. Ф. 220, 258, **426**
- Кидд Б. 788
- Кизеветтер А. А. **426–427**, 495, 652
- Кизеветтер И.-Г. 22, 29, 92, 133, 377, 460, 674, 788
- Кийков 121
- Киреева Р. А. 310
- Киреевский И. 145, 152–154, 342, 430, 663
- Кирил Туровский 623
- Кирпичников А. 418
- Кирсанов Е. С. 357
- Кирхман Ю.-Г. фон 788
- Кирхнер Ф. 23, 224, 788
- Кистяковский Б. А. 195, 230, 245, 257, **427–428**, 460, 654, 698, 782
- Клапаред Э. 788
- Клауберг И. 788
- Клеванов А. С. 791, 834
- Клейборт Л. М. 399
- Клейн Г.-М. 127, 352, 661
- Клемент Александрийский 207
- Клюбер 136, 581
- Ключевский В. О. 181, 256, 427, **428–429**, 456, 537, 674
- Княжицкий Б. Б. 820
- Княжнин Я. Б. 63
- Кобеко Д. Ф. 124
- Кобранов И. 841
- Ковалев Б. Д. 309
- Ковалевский В. 773
- Ковалевский М. М. 209, 257, 258, 380, **429–431**, 603, 625, 789, 790, 805
- Ковалевский Н. О. 757
- Ковалевский О. М. 149, **431**, 688
- Ковалевский П. И. 120, 249, 339, **431–432**, 801
- Коган Л. А. 411, 820
- Коган П. С. 825
- Коган Ю. Я. 433
- Коген (Cohen) Г. 208, 214, 222, 230–232, 239, 243, 245, 246, 271, 289, 455, 573, 580, 665, 665, 731, 789, 806
- Козельский Я. П. 24, 35, 45, 83, 86–87, 91–92, **432–433**

- Козиков И. А. 339
 Козицкий Григорий 65
 Козлов А. А. 31, 168, 170, 174, 186, 270, 287, 289, 299, 316, 370, **433–434**, 629, 641
 Козмин Н. К. 508
 Козо-Полянский Б. 365
 Койре Л. 36
 Колбасин Н. Я. 449
 Коллар Я. 323
 Колодяжный В. И. 631
 Колубовский Я. Н. 19, 20, 22, 24, 81, 185, 320, **434–435**, 499, 514, 661, 769, 784
 Коль И.-П. 57, 492
 Кольман Э. 462
 Кольцов Н. К. 767
 Коменский Я. 424
 Комов Г. 834
 Компанеец А. И. 653
 Компейре Г. 218, 789
 Кондаков Н. И. 572
 Кондильяк (Кондийяк) Э.-Б. де 22, 126, 129, 134, 178, 250, 383, 400, 522, 595, 652, 781, 789, 819
 Кондорсе М.-Ж.-А.-Н. де 789, 822
 Кондратьев Н. Д. 647
 Кондырев П. 128, 469, 822, 826
 Кони А. Ф. 613
 Конради О. П. 218, 803, 832
 Констан де Ребек Б.-А. 489, 789
 Константинов В. Н. 41, 491
 Конт О. 19, 175, 183, 190, 229, 250, 257, 262, 296, 346, 380, 403, 429, 434, 456, 470, 474, 494, 495, 573, 584, 603, 607, 625, 628, 631, 637, 655, 656, 659, 672, 675, 678, 680, 718, 790, 798, 799, 803, 815, 823, 832
 Коперник Н. 71, 359, 463, 717
 Корбут М. К. 719
 Корелин М. С. 216
 Корень Б. 813
 Коритарь Г. Г. 120, 139, **435**
 Коркунов Н. М. 256, 261, 381, **435–436**, 561, 640, 784
 Корнеев З. Я. 110
 Корнелиус (Cornelius) Г. 219, 221, 790
 Корнилов К. Н. 220, **436–437**
 Коропчевский Д. А. 815
 Корсаков Д. А. 327, 405, 414, 541, 719
 Корсаков С. С. 249, **437**
 Корф И.-А. **437–438**
 Корш Е. 787, 799, 818, 826
 Коскинен (Ирье-Коскинен Г. З.) И. 182, **438**
 Косогионов И. И. 700
 Коссут 673
 Кост А. 790, 831
 Костомаров Н. И. **438–439**, 739
 Костырь Н. Т. **440**
 Костычев С. П. **440**
 Котельников П. И. 130, **441**, 461
 Котельников С. К. 56, 69, 71, 759, 763
 Котляр Г. А. 747, 766, 769, 790, 801, 810, 831, 840
 Котляревский А. А. **441–442**
 Котляревский Н. А. **442–443**
 Котляревский С. А. **443–444**, 645, 783, 803, 824
 Котцаурек Антоний 96
 Коцебу А. 109
 Кочетов И. С. 158
 Кошанский Н. 842
 Козлас А. А. 220
 Кояндер А. 768
 Кравец И. Н. 469, 522
 Краевский А. А. 131
 Крамаренков В. И. 69
 Кранц Ж. 601
 Красильников А. Д. 71
 Красновский А. А. 406
 Краснокутский В. А. 838
 Красносельцев Н. 418
 Красов Д. 815

- Краузе И. В. 129
 Краузе К.-Х.-Ф. 748, 790, 798
 Крафт Г.-В. 70
 Крашениников С. П. 72, **445**, 492
 Креер Л. И. 818
 Крейцер 148, 514
 Крепелин Э. 249
 Кресин Р. 831, 837
 Кречетовский И. 814
 Крогиус А. А. 217, 451, 767, 775
 Кроненберг И.-Х. (И. Я.) 146, **445–446**
 Кронер Р. 790
 Кропоткин П. А. 210, 318, 425
 Кроче Б. 791
 Круг В. 133, 148, 151, 152, 182, 384, 400, 652
 Крузенштерн И. Ф. 117
 Крузий (Крузиус) Х.-А. 463, 791
 Крылов А. Н. 182, 808
 Крюков Д. Л. 144, **446–447**
 Кубицкий А. В. 222, **447**, 829
 Кублицкая С. 766
 Кувачинский С. 559
 Кудрявцев В. Д. 169, 180, 216, 389, **447–448**, 633, 806
 Кузен В. 20, 148, 167, 489, 503, 514, 780, 781, 791, 815, 834, 836
 Кузнецов Б. Г. 727
 Кукава Т. Г. 384
 Кульман К. 752
 Куницын А. П. 110, 124, 136, 137, 347, **448**, 516, 571, 711
 Куракин А. Б. 638
 Курганов Н. Г. 88–89, **449**
 Курилов В. В. **449–450**, 486
 Курляндцев Н. Д. **450**, 824, 836
 Курочкин Н. 800, 813
 Курсанов Г. А. 462
 Куртье 218, 754
 Куторга М. 120
 Кутюра Л. 460, 791
 Кьеркегор (Киркегор) С. 286, 791
 Кэрд Э. 214, 791
 Кювье Ж. 724, 780, 791
 Кюльпе О. 219, 223, 225, 233, 232, 345, 436, 792, 818
 Кюнemann (Künemann) Э. 221, 665, 792
 Лаас Э. 210, 793
 Лабзин А. Ф. 840
 Лабриола А. 793
 Лабрюйер Ж. 793, 794
 Лавель И. С. 116, 793
 Лавернь (Лаверье; Lavergne) Б. 717, 793
 Лаврентьев А. 327
 Лаврентьев Л. И. 559
 Лавров А. Г. 410, 554
 Лавров П. Л. 32, 83, 94, 210, 326, 330, 360, 419, 431, 434, 708, 803
 Лаврова Е. В. 218
 Лавровский Н. А. 369
 Лавуазье А.-Л. 306, 449, 717, 793
 Лавченков Ф. 843
 Лагарп Ж.-Ф. 793
 Лазарева М. А. 823
 Лазурский А. Ф. 249, **451**
 Лазурский В. Ф. 451
 Лакомб П. 793
 Лакорден А. 149–150
 Лаланд А. 794
 Лало Ш. 223, 794
 Ламанский В. И. 181, **451–453**, 839
 Ламарк Ж.-Б. 141, 579, 766, 791, 794
 Ламберт И.-Г. 794
 Ламенне Ф.-Р. де 149, 150, 609, 794
 Ламетри Ж.-О. 250, 794
 Лампрехт К. 794
 Ланге Г.-О. 836
 Ланге Н. Н. 167, 173, 174, 178, 179, 184, 187, 189, 249, **453–454**, 505, 748, 784, 790, 792, 801
 Ланге Ф.-А. 183, 188, 214, 215, 396, 437, 794
 Лангер К.-Г. 18, 34, 41, 42, 48, 95, 291, **454**

- Ланц Г. Э. 258, 260, **454–455**
- Лаплас П.-С. 717, 795
- Лаппо-Данилевский А. С. 195, 216, 222, 230, 256, 257, 429, **455–456**
- Лапуж Ж.-В. де 795
- Лапшин И. И. 31, 213–214, 217, 218, 223, 226, 228, 229, 236, 237, 245, 248, 255, 261, 289, **456–457**, 539, 549, 604, 668, 775, 806, 830
- Ларомигьер П. 178, 795
- Ларошфуко Ф. 793, 795
- Ласк Э. 230, 232, 233, 243, 289, 454, 654, 795
- Ласкеев П. М. 206
- Лассаль Ф. 324, 718, 795
- Лассвиц К. 795
- Лассон А. 795
- Лассон Г. 795
- Лафарг П. 795
- Лафатер И.-К. 796
- Лаффит П. 796
- Лахтин Л. К. 322
- Лацарус М. 796
- Лацис Н. А. 462
- Лашелье Ж. 796
- Лашенков Н. 168
- Ле Пле Ф. 797
- Леббок Дж. 796
- Лебедев П. И. 158, 221, **458**
- Лебон Г. 796
- Левенстерн Л. А. 767
- Леви-Брюль Л. 603, 796
- Левитский И. 783
- Левицкая-Роголь Е. 838
- Левицкий Л. С. 133, **458**
- Левицкий С. А. 349, 468
- Левкипп 720
- Левшин Д. М. 367
- Лейбниц Г.-В. 12, 20, 35, 46, 53, 54, 68–70, 81, 83, 90, 91, 94, 123, 126, 128, 131, 147, 148, 168, 171, 177, 174, 191, 208, 214, 215, 222, 227, 232, 234, 235, 250, 251, 253, 256, 258, 260, 274, 285, 291, 292, 296, 299, 300, 311, 313, 314, 316, 317, 320, 321, 346, 354, 356, 396, 419, 420, 433, 463, 464, 467, 481, 514, 519, 535, 539, 572, 623, 624, 628, 635, 640, 659, 680, 689, 697, 707, 708, 712, 713, 726, 734, 737, 738, 763, 777, 791, 796, 802, 831, 835
- Лейкфельд П. Э. 169, 248, **458–459**
- Лейнеберг Н. 832
- Леман А. К. 218
- Лемберк М. 792
- Леметр Ж. 797
- Ленин (Ульянов) В. И. 210, 211, 261, 602, 603, 672
- Ленц Ф. Д. 129,
- Ленц Э.-Х. 140
- Леонарди Дж. 670
- Леонардо да Винчи 659
- Леонтович А. В. **459–460**
- Леонтьев К. Н. 31, 181, 494, 600, 663
- Леонтьева Е. 771
- Лепехин И. И. 570, 759
- Лермонтов М. Ю. 574
- Леру П. 797
- Лесгафт П. Ф. 794
- Лесевич В. В. 18, 599
- Лессинг Г.-Э. 146, 181, 446, 497, 610, 708, 797, 802
- Летурно Ш. 797
- Лжедмитрий I (вероятно, Г. Отрепьев), русск. царь 53
- Лиар Л. 797
- Либих Ю. 804
- Либман (Liebmann) О. 214, 215, 798
- Ливен К. А. 117
- Лилиенфельд П. Ф. 603
- Линд В. Н. 787, 826, 836
- Линдгрэн И. Г. 130, 441, **460–461**
- Линде С.-Б. **460**
- Линде Ф. Ф. **460**
- Линдемэн Г.-С. 798
- Линней К. 93, 299, 520, 544, 717, 758, 798, 826
- Лион М. Е. 801

- Липкина Е. И. 218
 Липовский А. Л. 812
 Липпс (Lipps) Т. 166, 167, 224, 230, 232, 243, 345, 709, 798
 Лисица Ю. Т. 410
 Лист Ф. фон 293, 798
 Литтре Э. 348, 798
 Лихарев М. А. 798
 Лихтенберг Г.-К. 799, 807
 Лихуды (братья) 80, 277
 Лицкой В. 814
 Лобачевский Н. И. 140, 141, 441, **461–462**, 523, 703
 Ловецкий А. Л. **462–463**
 Ловцов М. И. 802
 Ловягин А. 748
 Лодий П. Д. 26, 109, 116, 126, 133, 136, 388, **463–464**, 581, 751, 829
 Лодыженский А. 754, 841
 Лойко В. И. 784
 Локк Дж. 19, 21, 22, 29, 82, 126, 129, 164, 165, 177, 184, 222, 236, 250, 260, 285, 294, 377, 405, 443, 449, 464, 535, 545, 548, 595, 613, 640, 641, 707, 712, 799
 Ломброзо Ч. 607, 799, 830
 Ломоносов М. В. 16, 17, 35, 38, 39, 41, 46, 55, 56, 58–61, 64, 65, 68, 70, 72, 73, 75–78, 85, 182, 318, 322, 323, 327, 354, 427, 438, 450, **464–465**, 472, 492, 555, 623, 627, 629, 630, 638, 703, 713, 715, 725, 739, 743, 763, 827
 Лонгинов А. 803
 Лонгинов М. Н. 630, 695
 Лончиков М. Н. 551
 Лопатин Л. М. 31, 164, 165, 170, 173, 178, 187, 192, 195, 196, 218–220, 222, 234, 258, 261, 270, 322, 371, 374, 405, 406, **465–467**, 513, 518, 551, 568, 570, 643, 645, 666, 679, 680, 703, 732
 Лопаткин М. 824
 Лопашев С. А. 754, 770
 Лопухин А. А. 354
 Лоран 537
 Лоренц Ф. К. 144, 567, 686
 Лория 603
 Лосев А. Ф. 600
 Лосский Н. О. 31, 36, 37, 196, 214, 220, 222, 225, 230, 234–235, 238, 241–244, 253, 258, 261, 270, 274, 335, 345, 405, 421, 457, 460, **467–469**, 539, 607, 667, 707, 790, 798, 812, 830, 831
 Лотце Р.-Г. 166, 167, 174, 214, 234, 235, 258, 262, 284, 289, 308, 344, 433, 519, 556, 558, 629, 632, 648, 707, 756, 792, 799
 Лубкин А. С. 26, 109, 127–128, 134, **469**, 611, 822
 Лубянский 778
 Лужков А. И. 819
 Лукреций (Тит Лукреций Кар) 35, 166, 168, 799
 Лукьянов С. М. **469–470**, 600
 Луллий Р. 305
 Луначарский А. В. 211
 Лунин М. М. 144, **470–471**, 649
 Лурье С. В. 668
 Лучицкий М. В. **471**
 Лызлов А. 804
 Львов В. Н. 767
 Льдов К. 782
 Льюис Дж.-Г. 164, 183, 309, 799
 Любачинский И. 121, 137, **471–472**, 688, 690
 Любимов Н. А. 319, 422, **472–473**, 774
 Любимов С. И. 135, 216, **473**
 Любинский Антон 78, 670
 Любовский П. М. 93, 133, 135, **473–474**
 Любомудров И. М. 823
 Людовик XIV, франц. король 752
 Лютер М. 114
 Лютославский В. Ф. **474**

- Лямбек О. 783
 Лятошинский Н. Л. 704
- Магаффи Дж.-П. 214, 800
 Магницкий В. К. 577
 Магницкий М. Л. 30, 31, 106, 109–111, 113, 114, 116, 117, 122, 131, 135, 136, 147, 327, 347, 356, 365, 413, 448, **475–476**, 527, 529, 571, 583, 597, 611, 649, 661
- Магомед 229
 Мадаи К.-О. **476**
 Мадзини Дж. 718
 Майер Ф.-Х. 63
 Майков Л. Н. 351
 Макарий (Булгаков М. П.), митр. 328
 Макиавелли Н. 416, 800
 Маккензи (Mackenzie) Дж. 216, 224
 Маклецова Н. П. 820
 Маковельский А. О. 225, 244, 258, **476–477**, 753, 776
 Максим Грек 407
 Максимова Е. И. 218, 754, 785, 787, 832
 Максимович-Амбодик Н. М. 93
 Максимович М. А. 15–16, 139–140, 142, 440, **477–478**
 Макстыс Р. Х. 766
 Макшеева Н. А. 805
 Малахиева-Мирович В. Г. 775
 Малеванский Г. В. **478–479**, 812, 813, 832
 Малиновский В. Ф. 47, 124
 Малиновский Н. 207
 Малиновский С. 96
 Мальбранш Н. 222, 259, 345, 447, 712, 800, 802
 Манасеин Е. П. **479**
 Мангр 136, 527
 Мандевиль Б. 691
 Мандельштам О. Э. 255
 Мандес М. И. 797
 Маракуев Н. Н. 837
 Марат Ж.-П. 111
- Марбе К. 436, 800
 Мариупольский Л. М. **479–480**
 Мария Федоровна, жена Павла I 151
 Марков И. К. 786
 Марков Н. В. 462
 Марковых М. Е. 782
 Маркс К. 19, 175, 191, 195, 211, 324, 398, 482, 560, 578, 603, 628, 643, 646, 659, 668, 718, 830
 Мармонтель Ж.-Ф. 530
 Мартенс Ф. Ф. 136, 358, **480**, 581
 Мартини Х. 57, 62, 65, 68, 312, 369, **480–481**, 715
 Мартынов И. 819
 Масарик Т. Г. 241
 Маслов Г. 402
 Маслов П. П. 599
 Маттеи Х.-Ф. 16, **481**
 Маудсли Г. 296, 800
 Мах (Mach) Э. 211, 220, 230, 232, 240, 252, 257, 363, 461, 482, 485, 563, 617, 631, 692, 693, 723, 727, 777, 784, 801
 Маяковский В. В. 255
 Медведев В. 819
 Медведев Ф. А. 503
 Медушевский А. Н. 495
 Меерович Л. 836
 Межович В. 836
 Мейер А. А. **482**, 785, 801, 838
 Мейер Ф. Ф. 393, 530
 Мейерсон Э. 794, 801
 Мейман Э. 223, 224, 801
 Мейнерт Т. 582, 606, 801
 Мейнонг А. 308, 801–802
 Мелиоранский Б. М. 645
 Мельманн И.-В.-Л. 16, 18, 28, 82, **482–484**, 558, 605, 691
 Мельник М. И. 490
 Мен де Биран М.-Ф.-П.-Г. 262, 780, 781, 802, 819
 Менделеев Д. И. 237, 306, 449, 450, **484**, 485, 486, 790
 Менделеев И. Д. 335, **485**

- Мендельсон М. 91, 142, 208, 291,
320, 446, 634, 652, 802
- Мензбир М. А. 252, **485–486**, 773
- Меншуткин Б. Н. 399, 486
- Меншуткин Н. А. 450, **486**
- Меньшиков М. О. 200
- Меньшиков А. И. **486–487**
- Мережковский Д. С. 209, 216, 231,
255
- Мерзляков А. Ф. 146, 376, **487**, 538
- Меркель А. 358, 802
- Мерсье Л.-С. 248, 802
- Местр Ж. де 802
- Метальников С. И. **487–488**
- Метлинский А. Л. 144, 147, **488–
489**
- Метнер Э. К. 197, 230, 359
- Мечников И. И. **489–490**, 631, 757,
766
- Мечников Л. И. 180, 443, 489, **490–
491**, 603, 743
- Мечникова О. Н. 490
- Миддендорф А. Ф. 339
- Миклашевский А. Н. 257, **491**, 802
- Микулинский С. Р. 387, 569
- Миллер Г.-Ф. 41, 72, 73, 285, **492–
493**, 639, 703, 715
- Миль (Mill) Д.-С. 165–167, 178,
213, 214, 219, 223–225, 253, 258,
290, 296, 301, 344, 345, 572, 573,
584, 637, 680, 797–799, 802–803,
823, 827
- Милорадович К. Н. 290
- Милославский Е. 776
- Милославский П. А. 169
- Мильчевский О. В. 820
- Милоков П. Н. 29, 181, 185, 195,
201, 209, 216, 256, 427, **493–495**,
506, 600
- Милютин В. А. **495–496**
- Минаев И. П. 185, **496–497**
- Минин А. П. 322
- Минковский Г. 363, 803
- Минский (Виленкин) Н. М. 195
- Минто В. 213, 219, 803
- Минчина В. 766
- Миронов А. М. **497**
- Митин М. Б. 631
- Михайлов И. 93
- Михайлов М. 753
- Михайлов П. Е. 531
- Михайловский И. В. **497–499**, 515,
625
- Михайловский Н. К. 18, 30, 198, 210,
261, 256, 360, 430, 431, 599, 813
- Михаэлис К. 788
- Михельсон В. А. **499**
- Михневич И. Г. 130, **499–500**
- Миш Г. 709
- Мишле Ж. 284, 543, 594, 803
- Мищенко Ф. Г. **500–501**, 560
- Модель М. С. 803, 807
- Модестов В. И. 185, 765, 823
- Модестов М. С. 832
- Модзалевский К. 557
- Моисеенков Ф. П. 834
- Моисей, *библ.* 111, 229
- Мойер И.-Х. 130
- Мокиевский П. 823
- Молешотт Я. 250, 762, 804
- Моль Р. 584, 804
- Монк 214
- Монтень М.-Э. де 752, 804
- Монтескье Ш.-Л. де С. 69, 83, 86,
105, 258, 307, 433, 443, 489, 503,
543, 608, 625, 677, 691, 706, 773,
793, 794, 804–805
- Мор Т. 284, 538, 805
- Морган К.-Л. 218, 797, 805
- Морган Л.-Г. 805
- Моргенштерн К. 129, **502**
- Мордовченко Н. И. 487
- Мордухай-Болтовской Д. Д. **502–
503**
- Морозов И. 783
- Морозова М. К. 195
- Мороховец Л. З. **503**
- Морошкин Ф. Л. **503–504**

- Муравьев М. Н. 325, 376, 481, 528, 558
 Муретова (Кулаковская) Н. П. 290
 Муромцев С. А. 209, 364, 394, 436, 784
 Мухин Е. О. 93
 Мушенбрук П. ван 70, 805
 Мызников В. 802
 Мюллер И. 252, 302, 411, 436, 631, 648, 660, 805
- Надеждин Н. И.** 20, 21, 23, 134, 139, 146, 503, **507–508**
 Надёжин Ф. С. 586, 816
 Накропин А. 765
 Наполеон I Бонапарт, франц. имп. 105, 325, 677
 Нарбут В. М. 217
 Наторп (Natorp) П. 214, 215, 230–232, 246, 573, 580, 665, 666, 803, 806
 Наумов Д. Б. 399
 Нахамкис Н. 772
 Неведенский С. 422
 Неведомский А. Н. 803
 Невежина В. М. 218, 774
 Неволин К. А. 121, 137, 148, 159, **508–509**, 679
 Незабутовский 560
 Незеленов А. И. 216
 Нейман И. Е. 479
 Неклюдов П. 762, 803
 Некрасов М. 834
 Некрасов П. А. 253, 287, 322, **509–510**, 633, 700, 784
 Некрасова Е. Н. 668
 Нельсон Л. 806
 Неманов Л. 820
 Ненароков Ф. Н. 755
 Неровецкий И. Н. 771
 Нерон 115
 Несмелов В. Н. 169, 233, 270
 Нестерова С. 820
 Неттельбладт 136, 382, 454
 Нечаев А. П. 217, 249, **510**
 Нечкина М. В. 429
 Нибур Б.-Г. 367, 806
- Нижников С. А. 335
 Никандров П. Ф. 44, 45
 Никанор, архиеп. 370, 641
 Никитенко А. В. 121, 157, 159, 185, 353, 499, **510–511**, 565
 Никифоров Д. П. 807
 Никкельс Е. 169
 Николаев А. 807, 832
 Николаева Е. 817
 Николай I, рос. имп. 15–17, 100, 117, 118, 137, 156, 157, 162, 541, 635, 661, 662, 701, 710
 Николай II, рос. имп. 194, 200, 212, 226
 Николай Кузанский 197, 208, 420, 667, 829
 Николь Д.-Ш. 104
 Николь П. 807
 Никольский А. 265, 269
 Никольский Б. В. 618
 Никольский Д. П. 480
 Никольский Н. М. 784
 Никон, еп. 202
 Никулин А. Г. 468
 Нил Сорский, преп. 663
 Нише Ф. 196, 237, 254, 258, 286, 600, 601, 607, 622, 643, 668, 674, 684, 731, 782, 792, 807–808, 818, 829
 Новак И. П. 462
 Новалис 255
 Новгородцев П. И. 195, 210, 220, 221, 223, 228, 245, 256, 261, 358, **511–513**, 836
 Новиков А. И. 49, 50, 603
 Новиков Н. И. 34, 41, 42, 47, 93, 169, 216, 551, 619, 694, 695
 Новицкий Я. 756
 Новицкий О. М. 26, 117, 133, 135, 148, 154, 158, 361, **513–515**
 Новицкий П. 515
 Новомбергский Н. Я. **515**
 Новосильцев Н. Н. 106, 362
 Поллет 70

- Норов А. С. 159, 160, 163
 Нуцубидзе Ш. 384
 Ньютон И. 46, 62, 70, 82, 215, 290,
 296, 308, 346, 355, 379, 380, 449,
 484, 631, 653, 717, 730, 808
- Оболенский А. Ф.** 133, 135, **516**
 Оболенский В. И. 503, 812, 817
 Оболенский Л. Е. 261, 769, 775, 788,
 825
 Образцов М. С. 823
 Овидий 610
 Овсянико-Куликовский Д. Н. 257,
516–517, 547
 Овсянников Ф. В. 757
 Огарев Н. П. 533
 Огнев А. И. 220, 258, 467, **517–518**
 Огнев И. Ф. 517, **518–522**
 Огнев С. И. 518
 Огус Я. 799
 Одоевский В. Ф. 23, 30, 258, 540, 575,
 589
 Озе Я. Ф. **518–520**, 629, 685
 Озерецковский Н. Я. 69, **520, 759**
 Окен (Оккенфус) Л. 126, 139, 336,
 365, 507, 503, 525, 541, 579, 809
 Олле-Лапрюн Л. 809
 Ольденбург С. Ф. 195, 333, **520–521**
 Орбинский Р. В. **521–522**
 Ордынский Б. 748
 Орео Б. 809
 Ориген 479, 703, 809
 Оршанский Л. Г. 771
 Осерман Ф. 99
 Осипов Б. С. 40– 42
 Осиповский Т. Ф. 126, **522, 523**
 Оствальд В.-Ф. 237, 334, 617, 631,
 809–810
 Остерман А. И. 301, 369
 Острогорский А. 785
 Остроградский Е. И. 802
 Остроградский М. В. **522**
 Остроградский О. И. 802
 Остроумов 166
- Острянин Л. Ф. 490
 Оуэн Р. 301, 718, 810
- Павел I**, рос. имп. 85, 99, 354, 705,
 730
 Павел, *апостол* 113, 138, 207
 Павлов А. Т. 49, 751
 Павлов И. П. 238, 253, 487, **524–**
525
 Павлов М. Г. 21–23, 42, 134, 139,
 294, 351, 421, 477, 478, 503, 508,
525–526
 Павловский Е. Н. 366
 Павловский М. К. 158, 159, **526**
 Паисий Величковский, св. 663
 Палацкий 323
 Палиенко Н. И. **526–527**
 Паллас П. С. 299
 Пальмин М. А. 111, 122, 131, 133,
 135, **527**
 Пальчик А. 806
 Панаев И. 830
 Панкевич 40, 483, **527–528**
 Пантин И. К. 44
 Панченко В. К. 819, 826
 Парацельс (Филипп А.-Т.-Б. фон Г.)
 811
 Парменид 447
 Паррот Г.-Ф. 100, 116, 122, 129, 388,
528–529
 Парфетьев Н. Н. 249
 Паскаль Б. 223, 374, 659, 811
 Пастер Л. 252, 811
 Паульсен Ф. 219–221, 224, 225,
 233–235, 257, 345, 397, 404, 416,
 683, 717, 811–812
 Пахомов М. 812
 Пашенко П. **529**
 Пекарский П. П. 369
 Пеликан Вацлав 100
 Первов П. Д. 748, 789, 810, 820
 Перевошиков В. М. 111, 134, 376,
529–530
 Перевошиков Д. 747

- Перельгина А. В. 807
 Перовский А. А. 117, 125
 Петр I, рос. имп. 40, 53, 54, 56, 59, 99, 151, 200, 314, 315, 379, 437, 520, 636, 714, 796
 Петр II, рос. имп. 285, 312
 Петражицкий Л. И. 217, 256, 257, 288, 358, **530–532**, 559, 560, 603
 Петровский А. В. 41, 292, 474
 Петрушевский Д. М. 249, 342, **532–533**
 Петцольдт Й. 211, 631, 812
 Печерин В. С. **533–534**
 Пешель О. 443
 Пёшман Г.-Ф. **534**
 Пиаже Ж. 788
 Пилянкевич Н. И. **534**, 561
 Пино Р. 797
 Пинчук Ю. 439
 Пирогов Н. И. **535–536**, 588
 Пирс Ч.-С. 812
 Пирсон К. 812
 Писарев Д. И. 601
 Пифагор 250, 595
 Плантер Э. 460, 705, 740, 812
 Платон (Platon; Plato) 32, 67, 88, 112, 126, 132, 145, 149, 152, 162, 164–167, 169, 171, 197, 208, 209, 214, 217–219, 221, 222, 227, 232, 235, 249, 250, 272, 274, 291, 369, 395, 396, 420, 433, 434, 458, 464, 482, 486, 487, 503, 507, 508, 519, 535, 539, 549, 552, 555, 590, 605, 610, 639, 642, 648, 661, 665, 667, 677, 682, 691, 694, 707, 723, 733, 735, 742, 755, 791, 812
 Платонов Г. В. 632
 Платонов С. Ф. 427, **536–538**
 Платонова Н. Н. 218
 Плетнев П. А. 127, 650
 Плеханов Г. В. 41, 210, 211, 261, 490, 491, 613, 670, 719
 Плимак Е. Г. 44
 Плиний 355
 Плотин 185, 197, 217, 314, 344, 447, 667, **812–813**
 Плуке 691
 Плутарх 91, 481
 Победоносцев П. В. **538**, 767
 Поварин С. М. 749
 Поварнин С. И. 215, 248, 457, 468, **538–539**, 572, 840
 Погодин А. Л. **539–540**, 770
 Погодин М. П. 30, 144, 145, 150, 152, 351, 439, **540–541**, 650, 696, 697, 703, 768
 Погребынский И. Б. 523
 Подпальный А. 810
 Познер В. М. 766, 810
 Познышева О. В. 830
 Покровский Г. В. 133, **541–542**, 838
 Покровский И. А. **542–543**
 Полевой Н. А. 145, 565, 589
 Поленов А. Я. 69, **543**, 804
 Полетика Михаил 151
 Поливанова А. П. 770
 Полилов Н. Н. 807, 831
 Полинковский Г. 824
 Полисадов В. П. 158, 159, **543–544**
 Политковский Ф. Г. 47, 93, **544**
 Половцев В. 794
 Половцев М. П. 220
 Половцова В. Н. 824, 841
 Полонский Г. Я. 818, 829
 Полторацкий Н. П. 410
 Польшина Н. И. 218
 Поляков А. В. 513
 Поляков А. С. 337
 Полянский Н. Н. 825
 Поп А. 545, 634, 730, **813**
 Попов А. И. 811
 Попов И. В. 220, 838
 Попов В. А. 780, 831
 Попова А. В. 495
 Попова И. Я. 292
 Поповский Н. Н. 15–17, 34, 37, 41, 43, 46, 47, 69, 72, 73, 88, 92, 150, **544–545**, 634, 813

- Поппе В. М. 532
 Порецкий П. С. 178, С. 249, **545–546**
 Порошин В. 120
 Посников К. Р. 410
 Поспелов Д. В. 780
 Поссельт М.-К. **546**, 830
 Пост А.-Г. 436
 Постман И. В. 818
 Потебня А. А. 182, 257, 488, 517, 539,
 540, **546–548**, 556
 Потемкин Г. А. 77, 299
 Потемкин П. 819
 Потоцкий С. О. 616
 Прантль К. 165, **813**
 Прегер 166
 Предтеченский Е. А. 790, 817, 825
 Преллер Л. 130, 149, **548**
 Преображенский В. П. 796, 811, 824,
 831
 Пресняков А. Е. 456, 602
 Пресс А. 774, 805
 Приклонский И. 773
 Продан И. С. 260, **548–549**
 Прокопович М. 819
 Прокопович С. Н. 771
 Прокопович Ф. 301, 369
 Протагор 235, 707, 738
 Протасов А. 759
 Протопопов М. Н. 132, 133, 158,
549, 767, 783
 Прудон П.-Ж. 718, **813**
 Пуанкаре А. 363, 461, 485, 502, 653,
 777, **813**
 Пумпянский Л. В. 639
 Пургин С. П. 402
 Пуришкевич В. М. 200
 Пустогаров В. В. 480
 Путятин Н. А. 151
 Пуфендорф С. 12, 69, 71, 105, 136,
 382, 535, 543, 710, 712, **813–814**
 Пухта Г.-Ф. 368, **814**
 Пушкин А. С. 124, 551, 574, 588
 Пчельников М. 120
 Пшечитаньский П. 383
 Пыпин А. Н. 183, 185, 216, 255, 328,
 442, **549–551**, 772
 Пыпина Е. Е. 820
 Пясковский Н. Я. **551–552**
 Равессон-Мольен (Лаше) Ж.-Г.-Ф.
 815
 Радзиевский В. А. 806
 Радищев Н. А. 39, 86, 278, 286, 433
 Радлов Э. Л. 25, 26, 35, 37, 167, 168,
 185, 218, 222, 225, 241, 258, 274,
 290, 330, 406, 519, **553–554**, 600,
 736, 765, 767, 788, 800, 810, 830,
 836
 Радченко Е. К. 508
 Разумовский А. К. 102, 108, 380, 423
 Разумовский К. Г. 60, 61, 64, 65, 318,
554–555, 627
 Раич С. Е. 696
 Райков Б. Е. 330, 346, 367, 723
 Райковский А. И. 158, 159, 543,
555–556, 741
 Райн В. 505
 Райнов Т. И. 258, 309, 456, 517, 547,
556
 Ранке И. 815
 Ранке Л. 342, 815
 Ранцев В. 817
 Рапгоф И. П. 823
 Распутин Г. Е. 194
 Рассадин И. П. 797
 Рассел Б. 791, 815, 828
 Ратцель Ф. 443, 815
 Раумер К.-Г. 309, 815–816
 Рахманинов И. Г. 762
 Рачинский Г. А. 645, 808
 Рачинский И. 799
 Ребиндер М. Г. 813
 Ревель С. Б. 834
 Редкин П. Г. 134, 137, 190, 221, **556–**
557
 Редлих Р. Н. 668
 Резанов В. И. 394
 Резвых Т. Н. 669

- Резенер Ф. 758, 803
 Резунов М. Д. 532
 Реймарус Г.-С. 652, 816
 Реймер 399
 Рейн К.-Г.-Т. **557–558**
 Рейн Т. 594
 Рейналь Г. 364
 Рейнгад Ф.-Х. 29, 46, 128–129, 135, 473, **558–559**, 652
 Рейнгольд К.-Л. 107, 148, 283, 384, 514, 586, 710, 816
 Рейснер М. А. 217, 531, **559–560**
 Рейхель И.-Г. 16, 18, 34, 38, 41, 42, 48, 291
 Реклю Ж.-Ж.-Э. 318, 816
 Ремке Й. 816
 Ренан Ж.-Э. 144, 521, 567, 703, 816, 822
 Ренненкамф Н. К. 418, **560–561**
 Ренувье Ш. 214, 816–817
 Реньш М. А. 410
 Репнин Н. В. 100
 Рёт 259
 Рибо Т.-А. 164, 165, 167, 213, 218, 437, 817
 Рид Т. 126, 260, 548, 641, 661, 817, 819, 824
 Рижский И. С. 89–88, 133, 458, **561**, 652
 Ризин М. 794
 Риккерт Г. 214, 223, 230–232, 239, 243, 271, 289, 359, 397, 454, 731, 794, 817–818
 Риль (Riehl) А. 210, 215, 220, 239, 542, 776, 782, 792
 Риман Б. 703
 Римский-Корсаков М. Н. 775
 Ринский 807
 Риттер (Ritter) Х. 148, 215, 216, 218, 225, 297, 443, 470, 509, 514, 603, 717, 718
 Рихман Г.-В. 37, 60, 73
 Рихтер Ж.-П.-Ф. 146, 647, 661
 Рихтер Р. 225
 Рише Ш. 164
 Ришелье А.-Э. 104
 Ровинский Д. А. 328
 Роговин С. М. 220, **561**, 779, 786, 800, 824, 843
 Род Э. 259
 Роджерс А. К. 220
 Родионов Л. 841
 Рождественский А. А. 220, **561–562**, 754
 Рождественский Е. 205
 Рождественский Н. Ф. 133, **562–563**
 Рожков Н. А. 226, **563–564**
 Розанов В. В. 200, 209, 263, 641, 748
 Розанов И. Н. 487
 Розанов М. Н. **564**
 Розберг М. П. 146, **565**
 Розебом Б. 450
 Розенберг Ю.-О. **565–566**
 Розенталь И. 767
 Розенфельд У. Д. 45
 Розмини 730, 733
 Ройзман Л. 817
 Ройтман Д. В. 258, **566–567**
 Романова И. И. 448
 Романович-Славатинский А. В. **567**
 Романченко И. 385
 Ромер 754
 Рославский-Петровский А. П. 144, **567–568**
 Рост 18, 34, 38, 41, 291
 Рот В. К. 437
 Руайе-Коллар П.-П. 178, 284, 640, 791
 Рубакин Н. А. 823
 Рубан Я. 786
 Рубинштейн Н. Л. 302, 423, 602, 806
 Рубинштейн М. М. 220, 258, 466, **568**, 761
 Рубинштейн С. Л. 586
 Рудаков Аввакум 78, 670
 Руднев В. Л. **569**
 Рузье П. де 797
 Рулье К. Ф. 140, **569**, 781

- Румовский С. Я. 69, 73, **570**, 725, 759
 Румянцев Н. Е. 801
 Рунина Е. Г. 813
 Рунич Д. П. 30, 31, 109, 111, 122,
 147, 352, 413, 448, 527, **570–571**,
 583, 634
 Рунич П. С. 570
 Руссо Ж.-Ж. 14, 81, 83, 86, 136, 218,
 258, 294, 307, 433, 442, 542, 554,
 564, 571, 619, 682, 691, 718, 750,
 769, 789, 805
 Рутковский Л. В. 169, 175, **571–572**
 Рыбкин Г. Ф. 462
 Рыгина О. О. 653
 Рындовский Дм. 767
 Рядлов Э. Л. 748
- Сабинин С. Е. 754**
 Савальский В. А. 220, 245, **573**
 Савельев В. А. 513
 Савин А. Н. 799
 Савиньи Ф.-К. 137, 368, 415, 508,
 509, 584, 744, 821
 Савицкая А. В. 754
 Савич О. Е. 790
 Саводник В. Ф. **573–574**
 Садов А. И. 502
 Садовский Илларион 78, 670
 Саккетти Л. 255, **574–575**, 775
 Сакулин П. Н. 29, 258, 496, 551,
575–576
 Салитан С. 771
 Салтыков И. Г. 540
 Самко А. К. 322
 Самойлов Я. 767
 Самойлович 121
 Самохина А. А. 410
 Самсонов Н. В. 220, 223, 255, **576**,
 763, 794, 834, 838
 Сапожников А. В. 810
 Сапожников С. В. 794
 Сарториус Э.-В.-Х. **576–577**
 Сафронов Б. Г. 343, 430
 Сахаров М. 841
- Сбоев В. А. **577**
 Свасьян К. 708
 Сведенборг Э. 171, 734, 821
 Свенцицкий В. П. 732
 Светлов П. Я. **577–578**
 Светоний 115
 Свешников М. И. 831
 Святловский В. В. 217, **578–579**,
 838
 Севастьянов А. 798
 Северак В. 817
 Северцов А. Н. **579**, 781
 Сегеевич В. И. 436, 531, **583–584**
 Сеземан В. Э. 217, 245, 258, **579–**
580
 Сей Ж.-Б. 124
 Секерин Н. И. 818
 Секст Эмпирик 326
 Сёлли Дж. 164, 165, 219, 821
 Семенов И. И. 258, **581**, 783, 834
 Семеновский Д. М. 136, **581**
 Семенов-Тянь-Шанский В. П. 453
 Семеновская Е. М. 626
 Сементковский Р. И. 422
 Сенека 355, 502, 503, 821–822
 Сенковский О. И. 126, 142, **582**
 Сен-Мартен Л.-К. де 750
 Сен-Симон К. А. де Р. 258, 403, 675,
 718, 790, 822, 826
 Серапион (Машкин), архимад. 263,
 264
 Сербский В. П. **582–583**
 Сергеев П. С. 135, 136, **583**
 Сергеевич В. И. **583–584**
 Сергеевский Н. Д. 293, **584–585**, 770
 Серебрянников В. С. 840
 Серезников В. 776
 Сержи 164
 Серман И. В. 639
 Сеченов И. М. 178–179, 258, 487,
 554, **585–586**, 757, 773, 805
 Сидонский Ф. Ф. 154, 343, **586–**
587, 641, 839
 Сидоровский И. 812

- Сикорский И. А. 249, 460, **587–588**
 Симановская В. 794
 Симон Ж. 543
 Симони П. К. 340
 Синьковский Д. Н. 15, 16, 27, 43, 95, 483, **588–589**, 751
 Сисмонди 124
 Скабичевский А. М. **589–590**
 Скворцов И. М. 158, 159, 164, 216, 513
 Скворцов Н. Е. **590**, 748
 Скиадан М. И. 28, 40, 46, 82, 94, 483, **590–591**, 774
 Скворода Г. С. 31, 305, 357, 396, 615, 732
 Скоропадский П. П. 397
 Скотт В. 470
 Слешинский И. В. 249, 546
 Словцов П. А. 35
 Смайлс С. 822
 Смелова Е. Б. 800
 Смеловский Т. 798
 Смельский Е. Н. 140
 Смирнов А. И. 374, **591–592**, 825
 Смирнов Б. 804
 Смирнов В. А. 333
 Смирнов В. Е. 220
 Смирнов В. И. 309
 Смирнов Н. 786
 Смирнов С. В. 328, 797
 Смирнов Ф. Н. 448
 Смит А. 124, 300, 381, 458, 639, 822
 Снегирев В. А. **592–593**
 Снегирев М. М. 16, 17, 95, 248, 450, **593–594**
 Снель Ф.-В.-Д. 128, 142, 320, 469, 652, 665, 822
 Снельман Ю.-В. 130, 182, 438, **594**
 Снядецкий Е. **595**
 Снядецкий Я. 129, 134, 283, **595–596**
 Соболевский А. И. 258, 357, **596–597**
 Созонович В. И. 805, 829
 Соколов А. 803
 Соколов Н. М. 69, 759, 786, 837
 Соколов П. П. 371
 Соколова Л. И. 807, 808
 Соколовский А. 762
 Сокольский М. 782
 Сократ 72, 112, 171, 209, 217, 269, 301, 396, 407, 464, 538, 642, 742, 791
 Солнцев Г. И. 111, 135, 136, 327, **597–598**
 Солнцев С. И. 256, **598–599**
 Соловьев А. 168
 Соловьев В. А. 513
 Соловьев Вл. С. 31, 167, 168, 171, 172, 176–179, 186, 189, 190, 192, 194, 196, 204, 216, 220, 221, 223, 224, 228, 230, 231, 234, 241, 244, 253, 256, 258, 263, 267, 269–272, 286, 297, 323, 333, 344, 345, 360, 371, 413, 424, 434, 459, 466, 491, 494, 495, 509, 512, 551–554, 573, 574, 588, **599–600**, 614, 633, 640, 642, 643, 645, 663, 664, 667, 686, 703, 732, 734, 735, 744, 785, 786, 791, 794, 812
 Соловьев Е. А. 255, 258, **600–601**, 602
 Соловьев Н. М. 490, 770, 813
 Соловьев Р. М. 813
 Соловьев С. М. 145, 181, 310, 341, 356, 446, 493, 537, 599, **601–602**, 704
 Соловьев Ю. И. 399, 411, 486
 Соломон, библ. 26
 Солярский П. Ф. 158
 Сонин Б. 766
 Соничева Н. 339
 Сорель Ж. 793, 822
 Сори 458
 Сорокин А. Н. 158
 Сорокин П. А. **602–604**, 654
 Сосеротт 463
 Сотонин К. И. 225, **604–605**

- Софокл 287, 533
 Сохацкий П. А. 85, 95, 483, **605–606**
 Сохер И. фон 148, 352, 823
 Спасович В. Д. 606
 Спекторский Е. В. 257, 258, **607–608**, 824
 Спенсер Г. 164, 167, 169, 183, 258, 262, 301, 311, 340, 345, 366, 494, 558, 573, 585, 587, 606, 628, 637, 784, 789, 797, 823, 830
 Сперанский В. Н. 324, **608–609**
 Сперанский М. М. 105, 347, 475, 508, 739
 Сперанский М. Н. **609**
 Спиноза Б. 14, 20, 191, 214, 216, 222, 251, 256, 258, 259, 264, 317, 371, 396, 447, 467, 501, 535, 561, 572, 607, 679, 686, 699, 723, 733, 823–824
 Спиридонов И. И. 803, 817, 823
 Средний-Камашев И. Н. 143, **609–610**
 Срезневский В. И. 611
 Срезневский Иван Е. 128, 135, 136, 182, 599, **610–611**
 Срезневский Иосиф Е. **611–612**
 Сретенский Н. Н. 258, 774
 Ставский А. Б. 824
 Сталин (Джугашвили) И. В. 38, 41
 Станиславский А. Г. **612–613**
 Станкевич Н. В. 130, 145, 258, 761
 Старосельский П. И. 486
 Старченко Н. Н. 468
 Стасюлевич М. М. **613**, 761
 Стеклов Ю. М. 669
 Степанов В. В. 217
 Степинский М. А. 572
 Степун (Степлун) Ф. А. 197, 228, 230–232, 286, 359, **614–616**
 Стеффенс Х. 330, 335, 399, 824
 Стойкович А. И. 129, **616**
 Столетов А. Г. **616–617**
 Столпнер Б. Г. 770, 771, 787, 788
 Столыпин П. А. 200
 Стоянов А. 804
 Стратилатов М. 800
 Страхов Н. Н. 20, 31, 175, 186, 554, 599, **617–619**, 641, 794, 831
 Страхов П. И. 47, 483, **619**
 Стрелков Н. 838
 Строганов С. Г. 327, 367, 376, 421
 Стродс А. Д. 520
 Стройновский 106
 Струве Г. Е. 165, 168, 189, 218, **619–622**, 666
 Струве П. Б. 195, 201, 210, 646, 668, 792, 798, 831
 Стюарт Д. 127, 661, 824
 Суворин А. С. 599
 Суворов С. 195, 832
 Суворов Ф. М. 441
 Сумароков А. П. 63
 Сумцов Н. Ф. 706
 Суперанский М. 817
 Суханов С. А. 217
 Сухомлинов М. И. 159, 328, **622–623**
 Сырейщиков 27, 43
 Сырцов А. И. **623**
 Сысоева Е. 823
 Сычугов И. 559
 Тайлор Э. Б. 825
 Талызин М. И. 133, **624**
 Тамбов Д. Б. 767
 Таннери (Tannery) Дж. 148, 215, 218, 222, 352, 507, 665
 Тарановский Ф. В. 498, **624–625**
 Тард Г. 430, 793, 825
 Тареев М. М. 265–267, 269
 Тарле Е. В. 257, **625–626**, 805
 Тарханов (Тархнишвили) И. Р. **626**, 819
 Татарникова С. Н. 647
 Татищев В. Н. 58
 Таубе М. А. 480
 Тауберт И.-К. 61, 65, 555, **626–627**

- Тахтарев К. М. 257, **627–628**
 Тацит 446
 Тейхмюллер Г. 174, 262, 287, 289,
 316, 433, 434, 519, **628–629**
 Теннеман В.-Г. 124, 148, 297, 352,
 415, 503, 509, 527, 542, 562, 674,
 825
 Теплов Б. М. 437, 453, 586
 Теплов Г. Н. 59, 64, 68, 72, 73, 492,
629–630
 Терешин С. Я. 767
 Терновский П. М. 17, 22, 158, **630–**
631
 Терновский Ф. 831
 Тиблен Н. Л. 755, 823
 Тикотин М. А. 392
 Тимашев Н. С. 604
 Тимирязев К. А. 175, 237, 238, 252,
 348, 488, **631–632**, 773, 781
 Тимковский И. Ф. 477, 591, 830
 Тимофеев К. А. 143
 Тимошенко С. 669
 Титовский Н. 811
 Титченер Э.-Б. 218, 221, 826
 Тихомиров М. Н. 302
 Тихомиров П. В. **632–633**
 Тихонов Г. М. 469
 Тихонравов Н. С. 18, 182, **634**, 697
 Ткачев П. Н. 755
 Тоболова М. П. 303
 Токарский А. А. 249
 Токвиль Ш.-А.-К. де 284, 826
 Толгамбаева Д. Т. 491
 Толмачев Я. В. 131, **634–635**, 751,
 788
 Толстой Д. А. 55, 57, 183, 620, **635–**
636
 Толстой К. К. 490, 772, 776
 Толстой Л. Н. 216, 228, 255, 269, 293,
 333, 395, 403, 412, 489, 504, 564,
 601, 604, 618, 658, 664, 732, 793,
 794
 Томазий Хр. 12, 72, 535, 712, 754,
 826
 Томашевский Б. В. 754, 817
 Травкин А. В. 810
 Трачевский А. С. 389, **636–637**
 Трелиаковский В. К. 60, 66–69, 72,
 74, 83, 89, 90, 182, 544, 570, **637–**
638, 743, 758
 Тренделенбург (Trendelenbourg) Ф.-А.
 158, 165, 188, 189, 317, 453, 543,
 628, 629, 641, 742, 826
 Трентовский Б. 702
 Трескин А. 778
 Третьяков И. А. 34, 41, 42, 46–49, 96,
 97, 291, **639–640**
 Троицкий М. М. 31, 164–168, 175,
 177, 178, 184, 186, 187, 218, 219,
 224, 258, 362, 395, 396, 405, 414,
 587, 600, **640–642**, 758
 Трокслер И. 133, 513
 Троцкий Л. Д. 484
 Трошин Г. Я. 217
 Трубачев С. С. 819
 Трубецкой Н. Н. 694
 Трубецкой Е. Н. 195, 198, 200, 220,
 226, 245, 253, 256, 258, 261, 263,
 416, 459, 531, 600, **642–643**, 744,
 830
 Трубецкой С. Н. 31, 164, 166, 172,
 177, 185–187, 192, 195, 196, 218,
 219, 222, 225, 226, 234, 253, 258,
 263, 270, 290, 314, 338, 345, 444,
 459, 466, 609, 633, **643–645**, 665,
 666, 686, 791, 812, 836
 Трубицын Н. 340
 Трутнев И. А. 713
 Туган-Барановский М. И. 257, **645–**
647
 Тузов Л. Л. 469
 Тулов М. А. **647–648**
 Тур Е. 448
 Турвиль А. де 797
 Тургенев И. П. 748
 Тургенев И. С. 269, 403, 588, 685
 Турнефор Ж.-П. де 520, 826
 Тхоржевский К. С. 149, **648**

- Тхоржевский С. И. 429
 Тынянов Ю. Н. 255
 Тьерри А. 438
 Тьерри О. 438, 826
 Тэн И. 165, 224, 257, 340, 517, 798, 827
 Тюммиг Л.-Ф. 50, 64, 65, 68, 69, 81, 83, 84, 319, 355, 481, 630, 827
 Тюрго А.-Р.-Ж. 827
 Тютчев Ф. И. 556, 574, 658
- Уайтхед А.-Н. 828
 Уатсон Дж. Н. 214
 Уваров С. С. 15, 109, 117, 131, 438, 503, 508, 540, 570, 636, 649–650, 696
 Узнадзе Д. Н. 228, 650–651
 Ульрих В. 829, 839
 Ульрихс Ю. П. 651–652
 Ульрици Г. 127, 188, 311, 362, 828
 Ульяницкий В. 754
 Умов Н. А. 652–653, 727, 813
 Ундольский В. М. 328
 Уоллес А. Р. 296
 Уорд Л.-Ф. 494, 823, 828
 Урицкий С. 510
 Усов И. 120
 Усов С. А. 622
 Успенский Л. В. 654
 Успенский Ф. 626
 Устрялов Н. В. 121, 220, 654
 Устрялов Н. Г. 654–655
 Уткин Н. Ф. 137–138
 Уткин Я. 841
 Ушаков И. 751, 762
 Ушакова Н. Н. 411
 Ушинский К. Д. 286, 655–656
 Уэвель В. 214, 290
- Фалес 149, 183
 Филон Иудейский 167
 Фальборк Г. 772
 Фалькенберг (Falckenberg) Р.-Ф. 167, 214, 218–222, 224, 225, 665, 829
- Фаминцын А. С. 253
 Фатеев А. Н. 428
 Федер Г.-Х. 469, 691, 839
 Федор Иванович, русск. царь 53
 Федоров А. П. 803, 813
 Федоров И. 78, 670, 765
 Федоров М. 747
 Федорова Н. Ф. 261, 819, 823
 Федоровский 829
 Федотов Г. П. 657–658, 833
 Федченко А. П. 760
 Фейербах А. 829
 Фейербах Л.-А. 12, 149, 179, 191, 250, 317, 324, 578, 607, 785, 829
 Феоктистов Е. М. 476
 Фергюссон А. 652, 740, 829–830
 Феррар 703
 Ферри Э. 293, 830
 Феррьер Д. 134
 Фет А. А. 837
 Фехнер (Fechner) Г.-Т. 214, 250, 284, 296, 308, 632, 792, 830
 Фигуровский Н. А. 399, 484
 Фик Г. 54
 Филанджери Г. 677
 Филарет (В. М. Дроздов), митр. 199, 328
 Филарет (Гумилевский), еп. 458
 Филевский И. И. 658–659
 Филипп Ш.-Л. 218, 754
 Филиппов Б. М. 660
 Филиппов М. М. 21–24, 29, 84, 185, 659–660, 747, 766, 773, 810, 818
 Филомафитский А. М. 140, 660
 Филон Александрийский 215
 Финке И.-Х. 136, 660–661
 Финкельштейн Е. А. 378
 Фирстенберг К. фон 325
 Фитерман М. Я. 817
 Фихте (Fichte) И.-Г. 12, 14, 18, 29, 105, 108, 125, 129, 131, 134, 138, 144, 147, 148, 156, 174, 186, 187, 208, 209, 214, 221, 222, 228, 233, 235, 242, 243, 254, 258, 260, 286,

- 290, 297, 311, 324, 346, 348, 349, 366, 385, 393, 409, 410, 433, 446, 447, 453–455, 468, 499, 500, 535, 577, 579, 582, 610, 618, 632, 646, 652, 661, 683, 688, 701, 708, 731, 744, 756, 760, 768, 783, 794, 830, 831
- Фишер А. А. 26, 73, 126, 133, 135, 146, 156, 158, 513, 514, 574, 589, 629, **661–662**, 705
- Фишер Карл 149
- Фишер Куно 164, 165, 167, 183, 213–215, 219, 221, 222, 225, 258, 633, 641, 665, 796, 831
- Флёрова В. А. 753, 807
- Флоренский П. А. 204, 208, 225, 255, 263, 264, 266, 267, 269, 288, 322, 707, 786
- Флоринский В. М. 820
- Флоринский Т. Д. 839
- Флоровский Г. В. **663–664**
- Фляксберг В. А. 215, **664–665**
- Фойгт К.-Т. 129, **665**
- Фойхт 216
- Фокков Н. Ф. 784
- Фолькельт И. 289, 651, 831
- Фолькман П.-О.-Э. 831
- Фома Аквинский 712
- Фома Кемпийский 82
- Фонвизин Д. И. 16, 34, 41, 42
- Фонсегрив Ж.-П. 219, 831–832
- Фонтенель Б. ле Б. де 538, 726, 832
- Форлендер К. 214, 646
- Фортлаге 311, 641, 742
- Фортунатов Ф. Ф. 182
- Фохт (Фог) К. 250, 766
- Фохт Б. А. 221, 222, **665–666**, 806, 833
- Фрайман Х. П. 462
- Франк Ф. 543
- Франк С. Л. 195, 197, 210, 216, 226, 235, 238, 241, 242, 244, 261, 272, 421, 536, **666–669**, 732, 761, 772, 792, 808, 831, 834, 837
- Франкфурт Ю. М. 311
- Фрейд З. 832
- Френкель 820
- Фридрих II, прусск. король 82
- Фриз Я.-Ф. 128, 133, 135, 388, 516, 555, 579, 661, 806, 832
- Фризо Л. 224, 832
- Фриче В. М. **669–670**
- Фроманн И.-Г. 16, 17, 27, 46, 78, 545, **670**, 691
- Фрюлин 807
- Фукидид 501
- Фукс К.-Ф. 101
- Фулье (Фуйе; Fouillée) А. 164–167, 184, 216, 218, 224, 225, 309, 606, 772, 832
- Фуркруа 93
- Фурье Ф.-М.-Ш. 718, 832
- Фусс Н. И. 283
- Халибеус 158, 363, 742
- Ханенко М. О. **671**
- Харитонов А. А. 124
- Харламов И. 773
- Харузин Н. Н. 815
- Хвольсон Д. А. **671**, 672, 790
- Хвольсон О. Д. 252, 261, **672–673**, 767
- Хвостов В. М. 222, 254, 256, 257, 428, 429, 665, **673–674**, 786
- Херасков М. М. 35, 63, 291, 619, 694
- Херсонский Н. 335
- Хламов А. Ф. **674**
- Хлапонин Г. 120, 688
- Хлебников Н. И. 255, **675–676**
- Хлебникова Е. Н. 820
- Хлопников А. М. 326
- Хмелевская О. Н. 776
- Ходзинский А. 735, 803
- Ходнев А. И. 740
- Холодковский Н. А. 330
- Хомяков А. С. 153, 154, 216, 231, 270, 271, 615
- Хохряков В. Х. 675

- Христиансен Б. 223, 833
Худяков А. 774
- Цветаев Д. В. 408
Цветаев Л. А. 652, **677–678**, 692
Цветков Г. А. 132, **678**
Цебриков Р. 829
Цейлер Ф. фон 297, 581, 834
Цейтлин М. 825
Целлер (Zeller) Э. 164, 165–167, 176, 213, 215, 218, 219, 221, 284, 296, 396, 629, 665, 834
Церетели Г. Ф. 218
Церетели С. И. 218, 775, 843
Цертелев Д. Н. 554
Циммерман А. К. **678–679**
Цинглер В. Я. 237, 287, **679–680**
Цитович П. П. 758
Цицерон 72, 91, 169, 292, 368, 454, 503, 581, 691, 712, 725, 743, 834
Цицилина Н. И. 339
Цомакион А. 817
- Чаадаев П. Я. 145, 270, 430, 507
Чанов Ф. Ф. **681**
Чарторыйский А. 106, 595, 702
Чеботарев Н. Г. 694
Чеботарев Х. А. 483, **681–682**
Челпанов Г. И. 31, 164, 166, 170, 220–223, 225, 235, 244, 249, 258, 261, 313, 397, 416, 424, 436, 459, 588, 633, 665, 707, 728, 789
Челяковский 323
Чепинская М. В. 218, 805
Чепкевич Е. И. 626
Черемшанский А. 817
Черепнин Л. В. 704
Черниговец Ф. В. 837
Чернолуцкий В. 772
Чернышевский Н. Г. 32, 94, 159, 183, 191, 293, 443, 504, 515, 549, 576, 628, 669, 670, 802
Чернявский А. В. 813
Чехов А. П. 269
- Чиж В. Ф. 249, **684–685**
Чижов Н. Ф. 120, **685–686**, 765
Чирнгаузен (Чинхаузен) Э.-В. фон 68, 126, 835
Чистяков М. 752
Чичерин Б. Н. 170, 173, 177, 179, 180, 184, 187–189, 192, 196, 210, 221, 223, 256, 270, 309, 310, 367, 398, 497, 498, 569, 600, 633, 675, 676, **686–687**, 744
Чредин Б. В. 382, 786
Чубаров И. М. 709
Чудинов А. Н. 772, 827
Чуева И. П. 468
Чуйко В. В. 23, 24, 514, 817, 827
Чуковский М. Э. 797
Чулков Г. И. 402
Чулук С. 792
Чупров А. И. 300
Чучупая Ю. Я. 339
- Шад И. Е. 26, 30, 108, 131, 185, 357, 368, 385, 386, 396, 471, 473, 522, 523, **688–691**
Шаден И.-М. 16, 27, 34, 38, 41, 42, 48, 82, 93, 95, 481, 483, 545, **691–692**
Шалимов П. Б. 468
Шамшин И. 841
Шантепи де ла Соссей П.-Д. 223, 836
Шапиро И. А. 790
Шапиро Л. 453
Шапошников В. А. 288, 322
Шарапов С. Ф. 199
Шарвин В. В. **692–693**
Шарко Ж.-М. 253
Шарпио И. Е. **693**
Шаслер М.-А.-Ф. 836
Шатуновский С. О. **693–694**
Шафарин 323
Шахматов А. А. 182, 452, 813
Шванн Т. 252
Шварц И. Ф. 294, 558

- Шварц И.-Г. 34, 41–43, 47, 48, 78, 82, 93, 95, 97, **694–695**, 706, 753
- Швеглер (Schwegler) А. 165–167, 183, 218, 836
- Швыров А. В. 829
- Шевцов А. 168
- Шевченко Т. Г. 439
- Шевырев С. П. 17, 18, 27, 29, 144, 146, 540, 691, **695–697**
- Шеллинг Ф.-В.-Й. 14, 18, 20, 22–24, 29, 105, 108, 116, 123, 126–130, 134, 138–140, 143, 144, 146–148, 150, 153, 154, 156, 172, 174, 175, 185–188, 204, 208, 209, 214, 221, 222, 233–235, 242, 243, 258, 260, 264, 268, 274, 283, 297, 302, 324, 326, 330, 335, 336, 348, 352, 362, 365, 376, 377, 385–387, 388, 393, 396, 399, 411, 421, 422, 430, 433, 435, 446, 447, 450, 468, 478, 500, 503, 507, 518, 522, 525, 535, 540, 541, 552, 565, 569, 571, 572, 577, 579, 582, 583, 584, 589, 595, 609, 618, 632, 641, 644, 650, 660, 661, 679, 683, 689, 690, 696, 697, 701, 720, 731, 735, 749, 750, 752, 760, 761, 768, 769, 809, 836
- Шереметевский Ф. 757
- Шершеневич Г. Ф. 220, 256, **697–698**
- Шестаков С. П. 501
- Шефтсбери Э.-Э.-К. 127, 661, 837
- Шеффле А.-Э. 837
- Шик М. В. 775
- Шилинис Ю. А. 387
- Шилкарский В. С. 261, **698–699**
- Шиллер И.-Ф. 446, 741, 762
- Шиллер Н. Н. 253, 509, **699–700**
- Шимкевич В. М. 766
- Шимков А. П. **700–701**
- Шипулинский Ф. 825
- Ширинский-Шихматов П. А. 156–158, 661, **701**
- Ширма К. Л. **701–702**
- Шиховский И. О. **702**
- Шишкин Н. И. 252, 466, **702–703**
- Шишков А. С. 110, 151, 182, 701
- Шкловский В. Б. 255
- Шкуринов П. С. 47–49
- Шлегель (братья) 146
- Шлегель Ф. 150, 615, 837
- Шлейермахер Ф.-Д.-Э. 127, 174, 221, 258, 297, 410, 433, 615, 652, 661, 832, 837
- Шлейтере С. В. 630
- Шлёцер А.-Л. **703–704**
- Шлоссер Ф.-К. 489
- Шмальц 677, 678
- Шмидт И.-Ф. **704–705**, 740
- Шмит Ф. И. 127, 661, 691, **705–706**
- Шмиттеннер 584
- Шмурло Е. Ф. 310
- Шнейдер Я. И. 96, **706–707**
- Шнейнберг С. 792, 818
- Шопенгауэр (Schopenhauer) А. 12–14, 18–20, 165, 169, 171, 174, 175, 188, 190, 213, 214, 233, 237, 258, 260, 286, 370, 371, 396, 413, 433, 453, 468, 552, 646, 654, 659, 676, 731, 733, 734, 750, 769, 782, 811, 812, 817, 831, 837–838
- Шофман А. С. 501
- Шохин В. К. 721
- Шпет (Шпетт) Г. Г. 25–30, 35–37, 42, 43, 79–81, 90, 98, 135, 146, 197, 220, 223, 235, 236, 242, 246, 258, 277, 325, 352, 558, 561, 682, **707–709**, 735, 740, 755, 806, 818
- Шрёдер Э. 249, 259, 317, 546, 838
- Штадлер 214
- Шталь Ф. Ю. 136, 309, 514, 584
- Штаммлер (Stammler) Р. 216, 218, 256, 482, 512, 573, 838
- Штаммлер А. Ф. 615
- Штейн Л. 584
- Штейн С. В. 511
- Штейнталь 311
- Штёкгардт Р. А. **709–711**

- Штёкль (Stöckl) А. 166, 216, 218, 223, 838
- Штелин К. 495
- Штелин Я. Я. 379, **709**
- Штерн В. 238, 838
- Штерне К. 653
- Штирнер (Шмидт К.) М. 258, 318, 409, 574, 839
- Шторх 124
- Штраус Д. 703
- Штрубе де Пирмон Ф.-Г. 64, 71, 73, **711–712**
- Штрюмпель Л.-Г. 158, 288, **712–713**
- Штумф 308
- Штур Л. 323, 839
- Штурм Р. 838
- Шуберт-Зольдерн (Schubert-Soldern) Р. фон 220, 221, 258, 450, 839
- Шувалов И. И. 75–77, 302, 315, 464, **713**
- Шувалов П. И. 75
- Шульговский Н. Н. 531
- Шульц 297
- Шульц В. 222, 259, 665
- Шульце (Энезидем) Г.-Э. 107, 126, 130, 133, 135, 351, 384, 388, 463, 562, 586, 652, 661, 838
- Шумахер И.-Д. 41, 58–62, 65, 301, 312, 314, 315, 318, 355, 379, 555, 627, 629, **713–717**
- Шумлянский А. 767
- Шуппе (Schuppe) В. 210, 219, 221, 230, 232, 239, 243, 258, 455, 839
- Шуранов Б. М. 335
- Щапов А. П. 717–719**
- Щебацкий Г. 294
- Щеглов Н. П. **719–720**
- Щелков И. П. 757
- Щепкин М. 822
- Щербакова А. А. 305
- Щербатов М. 493
- Щербатской Ф. И. 217, 259, **720–721**
- Щербина А. М. 220, 254, 258, 682, **721–722, 786**
- Щечков Г. 200
- Щипанов И. Я. 33–36, 38, 40, 44, 46, 47, 320
- Щукарев А. Н. **722–723**
- Щуровский Г. Е. **723–724**
- Эббингауз (Эббингхаус) Г. 167, 221, 840
- Эберхардт И.-А. 147, 148, 352, 388, 502, 530, 652, 840
- Эвклид (Евклид) 461, 703
- Эдельман А. 810
- Эдельсон Е. 797
- Эджель 221
- Эйкен Р. 505, 840
- Эйлер Л. 37, 68–70, 90, 224, 235, 285, 570, 665, **725–727**
- Эйнштейн А. 253, 286, 363, 673
- Эйхенбаум Б. М. 255
- Эйхенвальд А. А. **727**
- Экеблад Х. А. **728**
- Экземплярский В. М. 220, **728**
- Эккартгаузен К. 522, 840–841
- Элькин Д. И. 453, 833
- Эмерсон Р.-У. 841
- Эмпедокл 741
- Энгель Е. А. 124, **728–729**
- Энгельгард Б. М. 340
- Энгельгардт М. А. 799, 820, 838
- Энгельмейер П. К. 801
- Энгельс Ф. 39, 40, 83, 175, 186, 191, 195, 211, 398, 560, 603, 628, 643
- Энезидем см.: Шульце
- Эпиктет 477
- Эпикур 224, 301, 630, 712, 789
- Эпинус Ф.-У.-Т. 570, **729–730**
- Эразм Роттердамский 82, 841
- Эрастов Г. П. 807
- Эрдман И.-Э. 214, 221, 309, 388, 474
- Эрдманн Б. 841
- Эристави К. Д. 626
- Эриугена (Иоанн Скот Эриугена) 420

- Эрлих 127, 661
Эрн В. Ф. 204, 267–269, 272, 615,
668, 707, **730–733**, 775
Эрнести И.-А. 148, 352, 691, 841
Эттинген А. фон 287, **733**
Эшенбург И.-И. 146, 487, 530, 841
Эшенмайер К.-А. 135, 514
Эшер 584
- Ю**
Юдин М. 819
Южаков Н. С. 820
Южин Н. 772, 782
Юм Д. 126, 165, 213, 215, 218, 222,
236, 241, 250, 258, 260, 296, 341,
381, 530, 548, 561, 691, 707, 708,
785, 843
Юницкий В. 762
Юркевич П. Д. 31, 171, 176, 183, 187,
191, 196, 211, 515, 599, 622, 642,
708, **734–736**, 836
Юровский И. 784
Юрьевич И. И. **736–737**
Юсти И.-Г.-Г. 843
Ютанов В. 820
Юшкевич П. С. 775, 777, 787, 831
- Я**
Яворский Стефан 312, 369, 634
Ягодинский И. И. 248, 258, **738**, 774,
797
Языков Д. И. 805, 829
Якимах А. М. 812
Якимов В. А. **739**
Якоб Л.-Г.-К. 20, 126, 128, 135, 136,
142, 384, 460, 463, 652, 691, **739–**
740
Якоби Ф.-Г. 127, 128, 147, 169, 177,
388, 661, 721, 758, 844
Якобсон Р. 255
Яковенко Б. В. 25, 26, 80, 84, 192,
196, 204, 205, 230, 231, 236, 239,
245, 246, 277, 818, 821, 830
Яковлевский И. Я. 801
Якубанис Г. И. 224, **741**
Якубович А. 826
Ямпольский Петр 96
Яновская С. А. 462, 694
Янышев И. Л. 158, 543, **741–743**
Яремский Ф. Я. 41, 72, 73, **743**
Яроцкая М. И. 218
Яроцкий А. И. **743–744**
Ярошевский М. Г. 547, 586
Яшунский И. В. 803
Ященко А. С. 416, **744**

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ В. Ф. ПУСТАРНАКОВА

1. Вопросы культурного строительства в Польской Народной республике // 15 лет Народной Польши. Сб. М., 1959. С. 206–226.
2. Журнал «Аргументы о фактах» (о проблемах атеистической работы в ПНР) // Наука и религия. 1962. № 9. С. 49–51.
3. Философские и социологические взгляды А. А. Слепцова // Вопросы философии. 1963. № 10. С. 130–135.
4. Палоши Хорват. Мао Цзе-дун, властитель муравьев. Париж, 1963 [Рецензия] // Новые книги за рубежом. 1963. № 23. С. 26–27.
5. О. Дюмейкс. Что такое мирное сосуществование? Париж, 1963. [Рецензия] // Новые книги за рубежом. 1963. № 2. С. 17–19.
6. Мао Цзе-дун / Пер., вступ. ст. и коммент. Стюарта Шрама (Париж, 1963). [Рецензия] // Новые книги за рубежом. 1964. № 4. С. 15–16. В соавт. с В. Г. Буровым.
7. В. Гинзбург. Китайская Народная Республика. Т. II (Париж). [Рецензия] // Новые книги за рубежом. 1964. № 11. С. 23. В соавт. с В. Г. Буровым.
8. Философские и социологические взгляды А. А. Слепцова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1964. – 16 с.
9. О работе секции «Истории философии народов СССР» в обзоре трудов Всесоюзного симпозиума по истории философии // Философские науки. 1967. № 4. С. 47–48.
10. Andrej Walicki. W kręgu konserwatywnej utopii. Structure i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa, 1964. 494 str. (Андрей Валицкий. В кругу консервативной утопии. Структура и видоизменения русского славянофильства). [Рецензия] // Вопросы философии. 1968. № 7. С. 167–171. В соавт. с Е. В. Осиповой.
11. Исторические предпосылки и особенности развития философской и социологической мысли народов СССР в период становления и развития феодализма // История философии в СССР: В 5 т. М., 1968–1988. Т. 1. 1968. Гл. I. С. 25–44. В соавт. с В. Е. Евграфовым.
12. О русско-южнославянских философских связях XI–XIII вв. // Там же. Гл. XX. § 1. С. 494–498.
13. О русско-польских философских связях XI–XVIII вв. // Там же. Гл. XX. § 4. С. 504–508.
14. Русь (XIV–XVI вв.). [Заключение] // Там же. Гл. VII. С. 226. В соавт. с З. В. Смирновой.

15. Заключение // Там же. С. 535–541. В соавт. с В. Е. Евграфовым и З. В. Смирновой.
16. М. А. Бакунин // История философии в СССР: В 5 т. М., 1968–1988. Т. 2. 1968. Гл. XIV. § 3. С. 287–296.
17. О философских и социологических взглядах деятелей «Земли и Воли» 60-х гг. и русской секции I Интернационала (Н. А. Серно-Соловьевич, А. А. Серно-Соловьевич, А. А. Слепцов и Н. И. Утин) // История философии в СССР: В 5 т. М., 1968–1988. Т. 3. 1968. Гл. V. § 3. С. 192–206.
18. О философских и социологических взглядах деятелей «Земли и Воли» 70-х гг. и «Народной Воли» (Д. А. Клеменц, С. М. Кравчинский, О. В. Аптекман, М. А. Натансон, Н. И. Кибальчич, Н. С. Русанов-Кудрин, А. И. Ульянов) // Там же. Гл. VI. С. 270–276.
19. О философских и социологических взглядах легальных народников (П. П. Червинский, С. Н. Южиков, С. Н. Кривенко, И. И. Каблиц-Юзов, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон) // Там же. Гл. VI. С. 284–295.
20. Заключение // Там же. С. 615–624. В соавт. с М. Т. Иовчуком, В. Е. Евграфовым, Л. А. Коган, З. В. Смирновой.
21. [Россия] // «Капитал» Маркса, философия и современность. М., 1968. Ч. IV. С. 526–567. В соавт. с В. Е. Евграфовым.
22. *Пиаже Жан*. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка / Пер. с фр., предисл. В. А. Лекторского, В. Ф. Пустарнакова и др. М., 1969. – 660 с.
23. Исторические предпосылки и особенности развития философской и социологической мысли в России в эпоху империализма // История философии в СССР: В 5 т. М., 1968–1988. Т. 4. 1971. Гл. I. С. 7–48. В соавт. с В. Е. Евграфовым.
24. О буржуазной социологии в России конца XIX – начала XX в. (Лилиенфельд, Новиков, Коркунов, Милюков, Де-Роберти, Кареев и др.) // Там же. Гл. IV. С. 114–128. В соавт. с А. В. Щегловым и Л. А. Коган.
25. Отражение махизма и других позитивистских течений в российской социал-демократической литературе (Богданов, Базаров, Луначарский, Валентинов, Юшкевич и др.) // Там же. Гл. VII. С. 192–206.
26. Проблемы диалектического материализма (1895–1903): О трудах Г. В. Плеханова // Там же. Гл. VIII. § 1. С. 209–238.
27. Проблемы этики: О трудах В. И. Ленина дооктябрьского периода // Там же. Гл. XIII. § 2. С. 581–592.
28. Проблемы философии и социологии марксизма в трудах деятелей большевистской партии, соратников В. И. Ленина (Воровский, Ольминский, Горин-Галкин, Сталин, Свердлов, Шаумян, Гусев и др.) // Там же. Гл. XIV. С. 599–636. В соавт. с В. Е. Евграфовым.
29. История философской мысли народов Востока: Конф. Ташкент, 1972 // Вестник АН СССР. 1972. № 9. С. 118–120. В соавт. с В. Г. Буровым.
30. «Капитал» Маркса и философская мысль в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1974. – 383 с.

31. Г. В. Плеханов и диалектика Гегеля // Гегель и философия в России. М., 1974. С. 208–226.
32. П. Н. Ткачев. Сочинения: В 2 т. / Состав., вступ. ст. и коммент. М., 1975–1976.
33. П. Н. Ткачев – мыслитель, революционер, публицист // П. Н. Ткачев. Сочинения: В 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 5–90. В соавт. с Б. М. Шахматовым.
34. Новейшие исследования польских ученых по истории русской общественной и философской мысли // Философия за рубежом. 1975. № 11. С. 137–144.
35. Роберти // БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 22. С. 147.
36. Философия (русская) * // Там же. С. 253–256.
37. Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: В 3 т. М., 1973–1974 [Рецензия] // Философские науки. 1975. № 6. С. 165–169.
38. А. И. Володин. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль в России XIX века. [Рецензия] // Вопросы философии. 1979. № 7. С. 174–177.
39. Философия (народов СССР) ** // БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 24. С. 363–365.
40. К юбилею Института философии АН СССР [Рецензия] // Вопросы философии. 1979. № 5. С. 21–32. В соавт. с П. Ф. Казиным.
41. К. Маркс и Ф. Энгельс и философская мысль в России 40-х – начала 80-х годов // Марксистская философия в XIX веке: В 2 кн. М., 1979. Кн. II. Гл. 17. С. 280–308. В соавт. с А. И. Володиным.
42. Философия народов СССР // СССР. Энциклопедический словарь. М., 1979. С. 367–368. То же // Там же. 3-е изд. М., 1982. С. 388.
43. «Капитал» К. Маркса и домарксистская философская мысль в России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук М., 1982. – 35 с.
44. Б. М. Шахматов. П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. [Рецензия] // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 166–168.
45. Преемственность общественной мысли. [Рецензия на кн.: Пушкарев Л. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII в. Очерки истории] // Книжное обозрение. 1983. 1 апр. № 13 (879).
46. Концепция «культурно-исторических типов» («локальных цивилизаций») Н. Я. Данилевского // Цивилизация и исторический процесс: XVII Всесоюзная философская конф.: Сб. статей. М., 1983. С. 117–128.
47. Добролюбов Н. А. // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 172–173. То же // Там же. 2-е изд. М., 1989. С. 178–179.
48. Кавелин К. Д. // Там же. С. 238–239***. То же // Там же. 2-е изд. М., 1989. С. 242.

* Раздел внутри статьи «РСФСР».

** Раздел внутри статьи «СССР».

*** Без подписи.

49. Петрашевцы // Там же. С. 491–492. То же // Там же. 2-е изд. М., 1989. С. 474–475.
50. А. В. Луначарский и Н. Г. Чернышевский // Дискуссионные проблемы исследования наследия Н. Г. Чернышевского. Сб. статей. М., 1984. С. 122–162.
51. Проблема познания в философской мысли Киевской Руси // Становление философской мысли в Киевской Руси. Сборник. М., 1984. С. 12–27.
52. Общественно-политические и философские идеи Н. Г. Чернышевского в дореволюционной историографии русской мысли // Н. Г. Чернышевский в общественной мысли народов СССР / Отв. редактор. М., 1984.
53. Идеино-философское наследие Н. Г. Чернышевского в советской историографии русской мысли // Там же. С. 75–116.
54. Заключение // Там же. С. 380–382.
55. Становление марксистского направления в общественной мысли России и критика буржуазных интерпретаций этого процесса // Проблемы философии. Республиканский межведомственный сборник. Киев, 1984. Вып. 63. С. 3–9.
56. Исторические предпосылки распространения марксизма в России и начало ленинского этапа развития марксизма // Вопросы философии. 1985. № 2. С. 13–28.
57. Отношение к философии на христианском Востоке и Западе в период крещения Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987. Гл. VIII. С. 162–187.
58. Идеиные источники древнерусской философской мысли // Там же. Гл. IX. С. 188–203.
59. Философские идеи в религиозной форме общественного сознания Киевской Руси // Там же. Гл. X. С. 204–262.
60. О серии «Философское наследие изд-ва “Мысль”» // Коммунист. 1987. № 12. С. 11.
61. В. И. Ленин об основных эпохах русской истории и этапах развития общественной и философской мысли в России XIX века // Актуальные проблемы истории русской философии XIX века. Сб. статей. М., 1987. С. 160–172.
62. Бакунин. М. А. Избранные философские сочинения и письма / Вступ. ст., сост., подготовка текста, примеч. М., 1987. – 574 с.
63. М. А. Бакунин как философ // М. А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 5–25.
64. Бакунин М. А. Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке / Пер. с фр. // Там же. С. 344–445.
65. Марксистская философия в Советском Союзе (1945–1985) // Марксистско-ленинская философия в Советском Союзе: В 2 т. Братислава, 1987. Т. 1. С. 446–590.

66. И. К. Пантин, Е. Г. Плимак, В. Г. Хорос. Революционная традиция в России. 1783-1983: [Рецензия] // Вопросы философии. 1987. № 7. С. 166–170. В соавт. с Л. В. Поляковым.
67. В поисках новой парадигмы: Материалы круглого стола «Проблемы изучения русской философской мысли и культуры» // Вопросы философии. 1988. № 9. С. 99–103.
68. Зарождение и развитие философской мысли в пределах религиозной формы общественного сознания эпохи Киевской Руси // Отечественная философская мысль эпохи Средневековья. Сб. статей. Киев, 1988. С. 33–41.
69. О советской историографии русской философии с 1917 до начала 50-х гг. // История философии в СССР: В 5 т. М., 1988. Т. 5. Кн. 2. Гл. XXIV. С. 198–242.
70. Роль общественных научных и философских учреждений в развитии социалистической философской культуры народов СССР // Там же. Гл. XXV. С. 282–310.
71. Идеология Просвещения в культуре народов СССР // Методологические проблемы изучения истории общественной мысли (на материале народов РСФСР). Сборник. Казань, 1988. С. 11–20.
72. Особенности развития философской мысли народов СССР // Введение в философию: В 2 ч. Учебник для вузов. М., 1989. Ч. I. Гл. II. С. 192–194, 208–220.
73. Бакунин. М. А. Философия, социология, политика / Сост., вступ. ст., подготовка текста и примеч. М., 1989. 622 с.
74. Древняя Русь как активный субъект русско-болгарских культурных взаимоотношений // Русско-болгарские философские связи IX–XVII вв. Депонирован в ИНИОН. № 40630 от 28.12.1989.
75. Что и как писали о философских взглядах М. А. Бакунина: К 175-летию со дня рождения мыслителя // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Сб. статей. М., 1989. Вып. I. С. 35–48.
76. Адоратский В. В. // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 15*.
77. Аксельрод Л. И. // Там же. С. 17*.
78. Антонович М. А. // Там же. С. 32–33*.
79. Луначарский А. В. // Там же. С. 326*.
80. Философская мысль в Советской России в первые годы после Октября (конец 1917 – середина 1921 г.) // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Сборник. М., 1990. Вып. III: Послеоктябрьский период. С. 4–55.
81. К вопросу о типологии русской философско-исторической и социологической мысли второй половины XVIII – первой трети XIX в. // Отече-

* Без подписи.

- ственная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Сб. статей. М., 1990. Вып. V: От Николая Новикова до Николая Данилевского. С. 3–24.
82. Ленинская трактовка теоретических проблем марксизма в работах 90-х гг. XIX – начала XX в. // Из истории марксистской мысли. М., 1990. С. 7–74.
 83. Русско-немецкие философские связи в социокультурном контексте // СССР – ФРГ навстречу друг другу. Духовные предпосылки и проблемы сотрудничества. Эрлаген, 1990. С. 93–106.
 84. Wechselwirkungen im kulturellen Bereich // Zur gegenseitigen Kenntnisnahme: Bausteine für den deutsch-sowjetischen Dialog. Erlagen; Bonn; Wien; Straube, 1990. S. 134–150.
 85. «Круглый стол» научного совета по историографии и источниковедению Института истории по книге И. К. Пантина, Е. Г. Плимака, В. Г. Хороса «Революционная традиция в России»: Выступление // История и историки. М., 1990. С. 115–118.
 86. А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров. Русская философия IX–XIX вв. Л., 1989: [Рецензия] // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 167–169.
 87. Необходимые предварительные условия для серьезного обсуждения проблем истории отечественной философии // Традиции отечественной философии. Межвузовская научная конф. Гродно, 15–17 мая 1991 г. Ч. 1. Гродно, 1991. С. 18–29.
 88. Об исторической значимости тезиса Исмаила Гаспринского: «Мусульмане не чувствуют себя чужими на Руси и не чуждаются общения и сближения с русскими людьми» // Наука [Казань], 1991. 12 апреля.
 89. Международные идейно-философские связи Руси (XI–XVII вв.). Сб. статей. М., 1991. С. 4–11.
 90. Международные связи Руси и древнерусской религиозно-философской мысли с середины XII до конца XIII в. // Там же. М., 1991. С. 31–60.
 91. Идейно-философские контакты с Грецией в контексте международных политических и культурных связей Руси в период с середины XII до конца XIII в. // Отечественная философская мысль XI–XVII вв. и греческая культура. Сб. статей. Киев, 1991. С. 130–137.
 92. Неосуществленный проект «Философской энциклопедии» (1928) // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 10: XX век: Неизвестное, забытое. М., 1992. С. 165–187.
 93. Патристическая литература в контексте закономерностей перехода от восточнославянских древностей к русскому, украинскому и белорусскому Средневековью (конец XII – конец XIV в.) // Переводные памятники философской мысли древней Руси. Сборник. М., 1992. С. 3–19.
 94. Познавательное и ценностное в мировоззрении молодого Петра Кропоткина // Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. М., 1992. Вып. 1. С. 47–68.

95. Европейская идея в философско-историческом наследии А. И. Герцена // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 11: Александр Герцен. М., 1993. С. 45–53.
96. Михаил Бакунин против Иммануила Канта // Кант и философия в России. М., 1994. С. 5–25.
97. Этнонациональная проблематика Российской империи в исследованиях П. Л. Лаврова // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 15: Петр Лавров. М., 1995. С. 5–20.
98. Печальная одиссея пятого тома «Истории философии в СССР» // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 17: Между историей и современностью. Середина XX века. Философские мемуары. М., 1995. С. 51–93.
99. Снова примат религиозной идеологии? // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 63–64.
100. Анненков // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 26*.
101. Антонович // Там же. С. 28–30*.
102. Астафьев // Там же. С. 35–36*.
103. Бабст // Там же. С. 37*.
104. Бакунин // Там же. С. 38–40*.
105. Барсов // Там же. С. 40–41*.
106. Болотов // Там же. С. 69–70*.
107. Боткин // Там же. С. 70–71*.
108. Бухарев // Там же. С. 78–79*.
109. Валентинов // Там же. С. 82*.
110. Воронцов // Там же. С. 102*.
111. Вырубов // Там же. С. 112–113*.
112. Голицын // Там же. С. 136–137*.
113. Де-Роберти // Там же. С. 161*.
114. Десницкий // Там же. С. 161–162*.
115. Добролюбов // Там же. С. 165–167*.
116. Дружинин // Там же. С. 169–170*.
117. Михайловский // Там же. С. 346–348*.
118. Нигилизм в России // Там же. С. 372–373*.
119. Писарев // Там же. С. 401–403*.
120. Плеханов // Там же. С. 407–409*.
121. Институт философии Российской Академии Наук // Там же. С. 221–223. В соавт. с А. Огурцовым.
122. Адоратский // Русская философия. Словарь. М., 1995. С. 6*.
123. Аксельрод // Там же. С. 8–9*.
124. Анненков // Там же. С. 16*.
125. Астафьев // Там же. С. 28*.

* Без подписи.

126. Бабст // Там же. С. 30*.
127. Базаров // Там же. С. 30–31*.
128. Бакунин // Там же. С. 32–33*.
129. Берман // Там же. С. 45*.
130. Болотов // Там же. С. 62–63*.
131. Валентинов // Там же. С. 77–78*.
132. Вырубов // Там же. С. 104–105*.
133. Голицын // Там же. С. 118*.
134. Де-Роберти // Там же. С. 137–138*.
135. Десницкий // Там же. С. 138–139*.
136. Дружинин // Там же. С. 145*.
137. Институт философии РАН // Там же. С. 185–187*.
138. Михайловский // Там же. С. 301–302*.
139. Никанор // Там же. С. 319–320*.
140. Писарев // Там же. С. 374–376*.
141. Плеханов // Там же. С. 381–382*.
142. Сталин // Там же. С. 479–481*.
143. Троцкий // Там же. С. 520–522*.
144. Философская мысль в России советского и постсоветского периода // Там же. С. 561–568. В соавт. с А. Г. Мысливченко и М. В. Романенко.
145. Замысел книги // Либерализм в России. М., 1996. С. 3–7.
146. Историографическая ситуация с русским либерализмом // Там же. С. 14–21.
147. Три источника и три составных части либерализма // Там же. С. 59–76.
148. Применительно к екатерининской эпохе можно говорить лишь о протолиберализме // Там же. С. 92–95.
149. Глубина «либерализма» эпохи Александра I // Там же. С. 117–124.
150. О протолиберализме, начальной стадии истории либерализма в России // Там же. С. 142–162.
151. Оформившийся в эпоху Александра II либерализм // Там же. С. 221–273.
152. Типичные и нетипичные, адекватные и неадекватные (превращенные) формы русского либерализма и паралиберализма сравнительно с западноевропейскими формами // Там же. С. 360–370.
153. Предисловие // «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского. V слово. Сб. статей. М., 1996. С. 3–7.
154. Николай Иванович Новиков (1744–1818) // Исторический лексикон. XVIII век. Энциклопедический справочник: В 12 т.** М., 1996. Т. 8. С. 485–489.
155. Масоны // Там же.** С. 489–493.

* Без подписи.

** Также вышел на лазерном диске «XVIII век», серия: Всемирная история в лицах. НТЦ «Прогресс»; Знание.

156. Проблемы этнографии и этнологии в геосоциологической концепции П. А. Кропоткина // Труды Международной научной конф., посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. М., 1997. С. 110–126.
157. Рецепция идей Фихте в русской университетской и духовно-академической философии первой половины XIX в. // Социальная теория и современность. М., 1997. Вып. 27: Иоганн Готлиб Фихте. Философия свободы. С. 135–166.
158. Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 3: Политическая мысль в России X – первая половина XIX в. / Сост., отв. редактор.
159. Предисловие // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 3. Политическая мысль в России X – первая половина XIX в. С. 5–20. В соавт. с В. Н. Шевченко.
160. Салтыков / Вводная заметка и комментарий // Там же. Часть II: Российская политическая мысль XVIII в. С. 367–375.
161. Сумароков / Вводная заметка и комментарий // Там же. С. 431–442.
162. Золотницкий / Вводная заметка и комментарий // Там же. С. 443–457.
163. Голицын / Вводная заметка и комментарий // Там же. С. 458–464.
164. Третьяковский / Вводная заметка и комментарий // Там же. С. 479–483.
165. Десницкий / Вводная заметка и комментарий // Там же. С. 501–509.
166. Шнейдер / Вводная заметка и комментарий // Там же. С. 515–518.
167. Новиков / Вводная заметка и комментарий // Там же. С. 528–535.
168. Крылов / Вводная заметка и комментарий // Там же. С. 549–557.
169. Словцов / Вводная заметка и комментарий // Там же. С. 571–575.
170. Муравьев / Вводная заметка и комментарий // Там же. С. 583–592.
171. Державин / Вводная заметка и комментарий // Там же. Ч. III: Политические идеи в России. Первая половина XIX в. С. 624–630.
172. О пропорциях света и тени (в советской философии) // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 20: Мысль и власть в эпоху моноидеологизма (материалы дискуссии). М., 1997. С. 28–42.
173. Выступление на «круглом столе»: «Свет и тени истории советской философии» // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 8–12.
174. Булгаков // Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 91–95.
175. Кареев // Там же. С. 295–298.
176. Лапшин // Там же. С. 384–386.
177. Луначарский // Там же. С. 424–426.
178. Современный российский центризм в исторической ретроспективе // Вестник фонда развития политического центризма. 1998. № 6 (10). С. 3–5.
179. Просветительство Марджани в контексте классического Просвещения // Марджани: наследие и современность. Казань, 1998. С. 145–151.

180. О замысле книги, ходе работы над ней и некоторых итогах исследования // *Философия Шеллинга в России XIX века*. СПб., 1999. С. 3–12.
181. Основные вехи истории и особенности развития российского шеллинговедения и историографии «русского шеллингианства» в XIX столетии // *Там же*. С. 14–208.
182. Была ли у русского либерализма своя философия? // *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы*. Материалы международной научной конф. Москва, 27–29 мая 1998 г. М., 1999. С. 57–73.
183. Базаров В. А. // *Политическая энциклопедия: В 2 т.* М., 1999. Т. 1. С. 89–90.
184. Вассиан Косой // *Там же*. С. 177–178.
185. Вассиан Рыло // *Там же*. С. 178.
186. Годунов Б. Ф. // *Там же*. С. 265–266.
187. Голицын Д. А. // *Там же*. С. 266.
188. Даниил Заточник // *Там же*. С. 311–312.
189. Державин Г. Р. // *Там же*. С. 340.
190. Золотницкий В. Т. // *Там же*. С. 409–410.
191. Иларион // *Там же*. С. 425–426.
192. Иосиф Волоцкий // *Там же*. С. 465.
193. Кирилл Туровский // *Там же*. С. 507–508.
194. Козельский Я. П. // *Там же*. С. 520–521.
195. Крижанич Ю. // *Там же*. С. 589–590.
196. Крылов И. А. // *Там же*. С. 596.
197. «Легальный марксизм» // *Там же*. С. 615–616.
198. Максим Грек // *Там же*. С. 652.
199. Мономах В. В. // *Там же*. С. 734.
200. Муравьев М. Н. // *Там же*. С. 745–746.
201. Нестор // *Политическая энциклопедия: В 2 т.* М., 1999. Т. 2. С. 46.
202. Никон // *Там же*. С. 50–51.
203. Пересветов И. С. // *Там же*. С. 133–134.
204. Плеханов Г. В. // *Там же*. С. 141–142.
205. Повесть временных лет // *Там же*. С. 146–147.
206. Позитивизм в России // *Там же*. С. 148–149.
207. Салтыков Ф. С. // *Там же*. С. 383.
208. Семен (Симеон св.) // *Там же*. С. 395–396.
209. Словцов П. А. // *Там же*. С. 412.
210. Слово о полку Игореве // *Там же*. С. 411–412.
211. Сумароков А. П. // *Там же*. С. 479.
212. Тимофеев И. С. // *Там же*. С. 498.
213. Третьяковский В. К. // *Там же*. С. 510.
214. Филофей // *Там же*. С. 556–557.
215. Хворостинин // *Там же*. С. 579–580.
216. Шаховской С. И. // *Там же*. С. 614.
217. Шнейдер Я. И. // *Там же*. С. 617–618.

218. Шуйский В. И. // Там же. С. 621.
219. Парадоксы в истории марксизма в России // Карл Маркс и современная философия. Сборник. М., 1999. С. 311–328.
220. И. И. Лапшин как философ, исследователь научного и художественного творчества / Послесловие и общая редакция // И. И. Лапшин. Философия изобретения и изобретение в философии. Введение в историю философии. М., 1999. С. 378–399.
221. Был ли когда-нибудь Фридрих Ницше «самым русским» из западных философов? // Фридрих Ницше и философия в России. Сб. статей. СПб., 1999. С. 86–108.
222. Еще раз о сущности философии Просвещения 1860-х гг. и впервые о его кризисе // История философии. 1999. № 4. С. 67–68.
223. Институт философии в субъективном восприятии // Вопросы философии 1999. № 10. С. 31–34.
224. «Спасительный принцип федерализма» Михаила Бакунина и Марксова концепция политической, государственной «централизации» // Памяти М. А. Бакунина. Сб. статей. М., 2000. С. 26–37.
225. К оценке философской позиции Я. М. Букшпана в статье «Неопределенный рационализм» сб. «Освальд Шпенглер и закат Европы» // История философии. 2000. № 6. С. 180–197.
226. Философия Фихте в России / Отв. редактор и составитель. СПб., 2000. — 368 с.
227. Методологические и социокультурные предпосылки исследования темы «Фихте и философия в России» // Философия Фихте в России. СПб., 2000. С. 3–20.
228. Русско-немецкие философские связи в контексте политико-идеологической и философской ситуации в эпоху Александра I и Николая I // Там же. С. 21–46.
229. Фихте и университетская философия // Там же. С. 91–104.
230. Идеи Фихте в неакадемической философии // Там же. С. 104–134.
231. Благоприятные и неблагоприятные факторы развития русско-немецких философских связей во второй половине 50-х — первой половине 90-х годов XIX века // Там же. С. 135–145.
232. Университетская философия // Там же. С. 158–180.
233. Идеологическая и социально-психологическая атмосфера эпохи. Новое в русско-немецких связях // Там же. С. 181–211.
234. Социологическая концепция П. Н. Милюкова — антитеза метафизической философии истории // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конф. М., 2000. С. 11–32.
235. Еще раз о сущности философии русского Просвещения 1800-х гг. и впервые о его кризисе // Огюст Конт: взгляд из России. Сб. статей. М., 2000. С. 151–181.
236. Фридрих Шеллинг: pro et contra / Сост., вступ. статья В. Ф. Пустарнакова. СПб., 2001. — 685 с.

237. Философия Вольфа и «русская вольфиана» в отечественной историографии // Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. С. 124–188.
238. Либеральный консерватизм и либерализм в России в XIX – начале XX века: различие и сходства // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конф. Ростов-на-Дону, 2001.
239. Анания Ширакаци // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 1. С. 106.
240. Анненков П. В. // Там же. С. 111.
241. Антонович М. А. // Там же. С. 131.
242. Астафьев П. Е. // Там же. С. 192.
243. Ахундов М. Ф. // Там же. С. 208.
244. Базаров В. А. // Там же. С. 213.
245. Бакрадзе К. С. // Там же. С. 213.
246. Берман Я. А. // Там же. С. 244.
247. Боткин В. П. // Там же. С. 302.
248. Валентинов Н. // Там же. С. 359–360.
249. Вырубов Г. Н. // Там же. С. 469.
250. Давид Анахт // Там же. С. 577.
251. Де Роберти // Там же. С. 626–627.
252. Десницкий С. Е. // Там же. С. 629–630.
253. Дружинин А. В. // Там же. С. 700–701.
254. «Легальный марксизм» // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 381–382.
255. Михайловский Н. К. // Там же. С. 583–84.
256. Налбандян М. // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 12.
257. Нигилизм в России // Там же. С. 85–86. В соавт. с В. П. Визигиным и Э. Ю. Соловьевым.
258. Нуцубидзе Ш. И. // Там же. С. 111–112.
259. Писарев Д. И. // Там же. С. 235.
260. Плеханов Г. В. // Там же. С. 246–247.
261. Позитивизм в России // Там же. С. 258–259.
262. Просвещение в России // Там же. С. 368–369.
263. Узнадзе Д. Н. // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 130.
264. Философия в СССР и постсоветской России // Там же. С. 201–202. В соавт. с А. Г. Мысливченко.
265. Юшкевич П. С. // Там же. С. 496.
266. Философские взгляды Н. А. Добролюбова // История русской философии. Учебник для вузов. М., 2001. С. 200–207.
267. Философско-публицистическое творчество М. А. Антоновича // Там же. С. 214–218.
268. Философия народничества // Там же. С. 234–260.

269. Философия Г. В. Плеханова // Там же. С. 537--548.
270. Становление советской философии // Там же. С. 572--587.
271. Советская философская мысль 30-х – начала 50-х гг. // Там же. С. 587–598.
272. Либерализм в России. Казань, 2002. – 196 с.
273. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002. – 341 с.
274. Философия в мировоззренческой системе В. С. Соловьева // Владимир Соловьев: взгляд сквозь столетие. М., 2002. С. 20–43.
275. Французско-русские философские связи // Ежегодник историко-философский. М., 2002. С. 328–341.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

В. Ф. Пустарнаков

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ

Идеи. Персоналии. Основные центры

Часть I. Университетская философия как специфический феномен, отрасль философской культуры и направление в философской мысли России XVIII – начала XX в.	9
1. Историография проблемы. Цели и задачи исследования	11
2. Первый российский университет (Петербургский Академический университет XVIII в.)	53
3. Философия в Московском университете второй половины XVIII – начала XIX в. (1755–1803)	75
4. От «массового» преподавания философии в школах и университетах к ее почти полному запрету	99
5. Бесславное десятилетие (1850–1860)	156
6. Университетская философия в пореформенной России	162
7. Пик развития университетской философии в эпоху трех российских революций	194
Часть II. Персоналии университетской философии в России XVIII – начала XX в.	281
Часть III. Словарь зарубежных источников университетской философии в России XVIII – начала XX в.	745
Список литературы	845
Указатель имен	870
Библиография научных работ В. Ф. Пустарнакова	905

Научное издание

В. Ф. Пустарнаков

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ.
Идеи. Персоналии. Основные центры**

Редактор: *В. Н. Немнонова*

Корректоры: *В. О. Кондратьева, В. Н. Ширко*

Верстка: *С. В. Степанов*

Лицензия № 00944

от 09.02.2000 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «НВК». Заказ 136. Тираж 2000 экз.

193230, Санкт-Петербург, Искровский пр., 35/38. Тел.: 556-18-98.

По вопросам оптовых закупок обращаться по адресам:
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15, Издательство Русского
Христианского гуманитарного института. Факс: (812) 311-30-75;
e-mail: rector@rchgi.spb.ru.
URL: <http://www.rchgi.spb.ru>